

ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТОНИЮ

БОРИС ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ В СЕТОМАА (1937–1938)

Научные редакторы: Татьяна **Бенфугаль**, Хейки **Валк**, Ольга **Фишман** ■

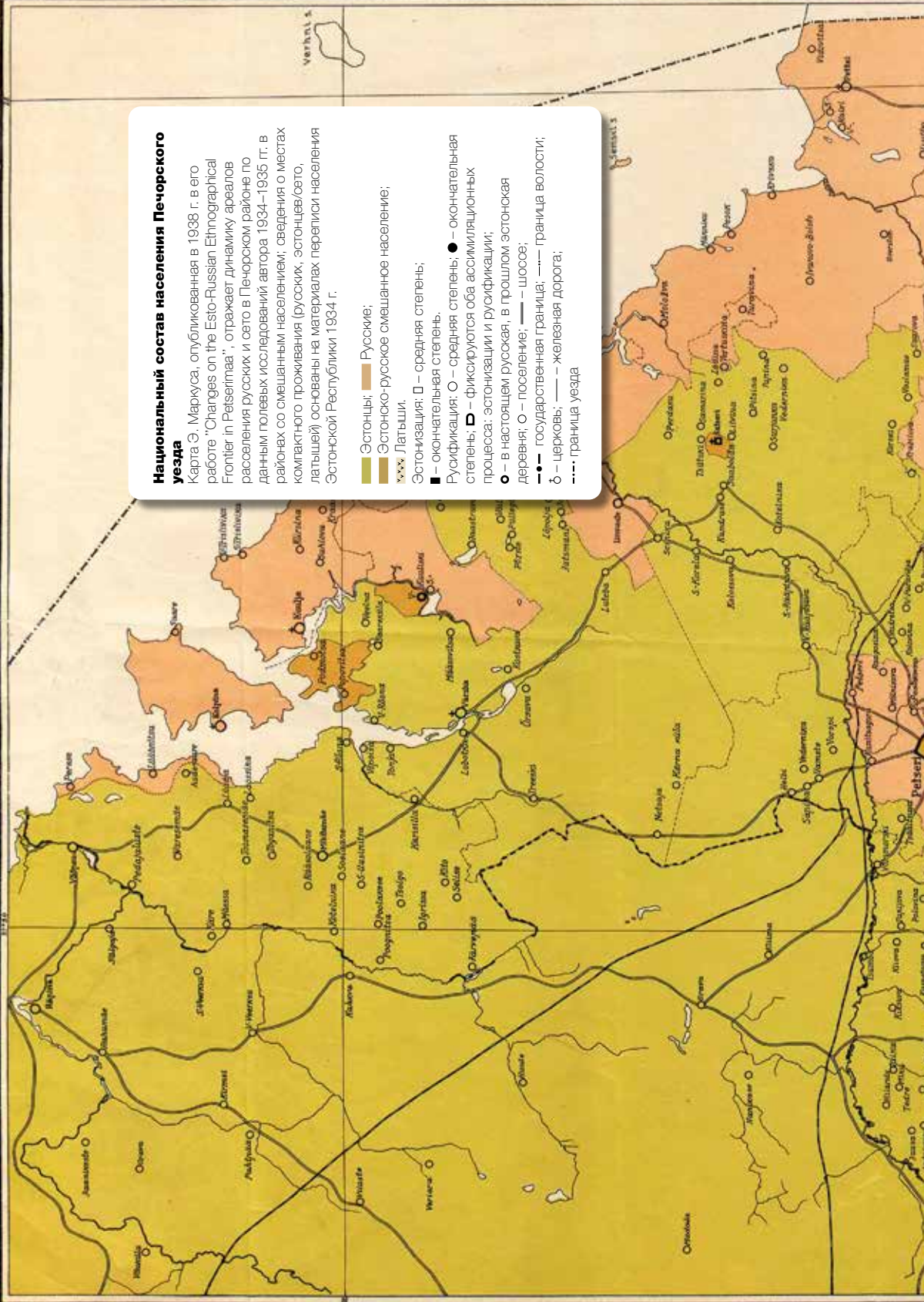

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

Национальный состав населения Петдорского уезда

Карта Г. Маркуса, опубликованная в 1938 г. в его работе "Changes on the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Pitsiermaa", отражает динамику ареалов расселения русских и сето в Петдорском районе по данным полевых исследований автора 1934—1935 гг. в районах со смешанным населением; сведения о местах компактного проживания (русских, эстонцев/сето, латышей) основаны на материалах переписи населения Эстонской Республики 1934 г.

- Эстонцы; ■ Русские;
- Эстонско-русское смешанное население;
- xxx Латыши.
- — окончательная степень;
- — фиксированная степень; ● — окончательная степень; D — фиксируются оба ассимиляционных процесса: эстонизации и русификации;
- — в настоящем русская, в прошлом эстонская деревня; ○ — поселение; — — шоссе;
- — государственная граница; — — граница волости;
- — церкви; — — железная дорога;
- граница уезда

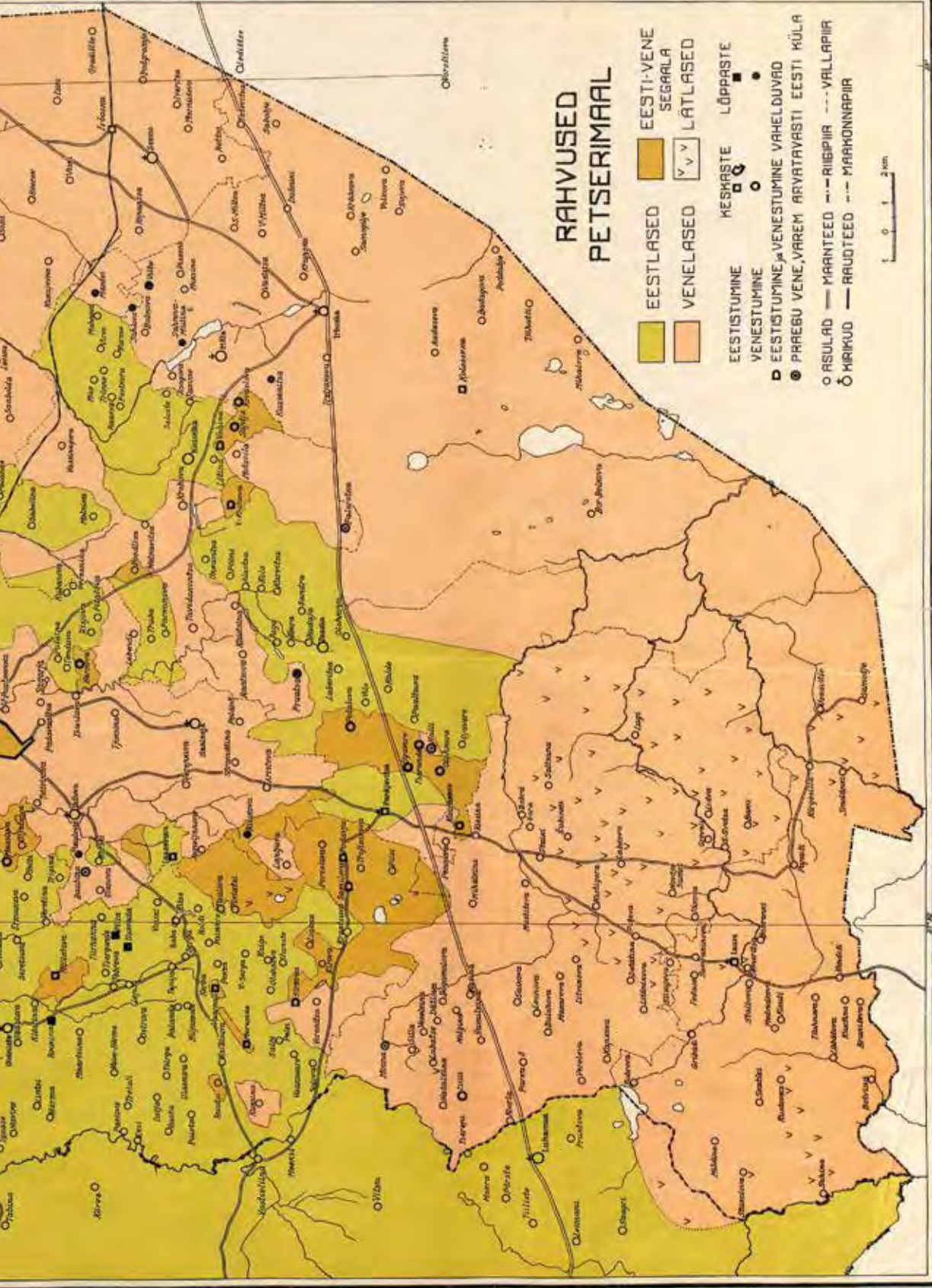

RAHVUSED PETSERIMAAL

- EESTLASED
- EESTI-VENE SEGALA
- VENELASED
- v v LÄTLASED

- KESKASTE LÖPPASTE
- EESTISTUMINE
- VENESTUMINE

- EESTISTUMINE, VENESTUMINE VAHELDUVAD
- PRAEGRU VENE, VAREM ARVATAVASTI EESTI KÜLA
- ASULAD
- MAANTEED
- RIBPIIR
- VALLAPIIR
- MARIKUD
- RAUDTEED
- MARKONNAPIIR

Национальный музей естественной истории, Франция
Российский этнографический музей, Россия
Тартуский университет, Эстония
Институт сето, Эстония

Экспедиции Музея человека в Эстонию

Борис Вильде
и Леонид Зуров
в Сетомаа
(1937—1938)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00130, не подлежит продаже

Научные редакторы:

Татьяна **Бенфугаль**, Хейки **Валк**, Ольга **Фишман**

Редактор-координатор:

Филипп **Меннесье**

Научный редактор издания на русском языке:

Ольга **Фишман**

Редколлегия:

Маре **Аун**
Сергей **Белецкий**
Марина **Засецкая**
Арвис **Киристая**
Сергей **Мызников**
Алексей **Новожилов**
Маре **Пихо**
Ахто **Раудоя**

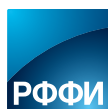
Переводчики с французского языка на русский:

Алла **Беляк**, Анастасия **Калюта**, Жанна **Чистякова**

Переводчики с эстонского языка на русский:

Алла **Лашманова**, Вероника **Махтина**

Опубликовано при содействии

Эта книга предлагает погрузиться в историю двух экспедиций, совершенных в 1937 и 1938 гг. Борисом Вильде и Леонидом Зуровым по заданию Музея человека (Париж) в район Сетомаа, находящийся на границе современной России и Эстонии. Цель издания — первая публикация уникальных письменных материалов, фотодокументов и музейных экспонатов, собранных в этой этноконтактной зоне, населенной двумя этнически различными православными общностями: сето — прибалтийско-финского происхождения, и русскими — восточными славянами. Читатель предпримет это историческое путешествие с двух точек зрения: истории создания Музея человека в контексте его интенсивной экспедиционной деятельности, а также истории Печорского края / Сетомаа и его культурных феноменов. Для этого Татьяна Бенфугаль, Ольга Фишман и Хейки Валк объединили усилия французских, российских и эстонских исследователей, взгляды которых, подчас различные, но во многом взаимодополняющие, позволяют оценить результаты полевых работ Бориса Вильде и Леонида Зурова в широком современном научном контексте.

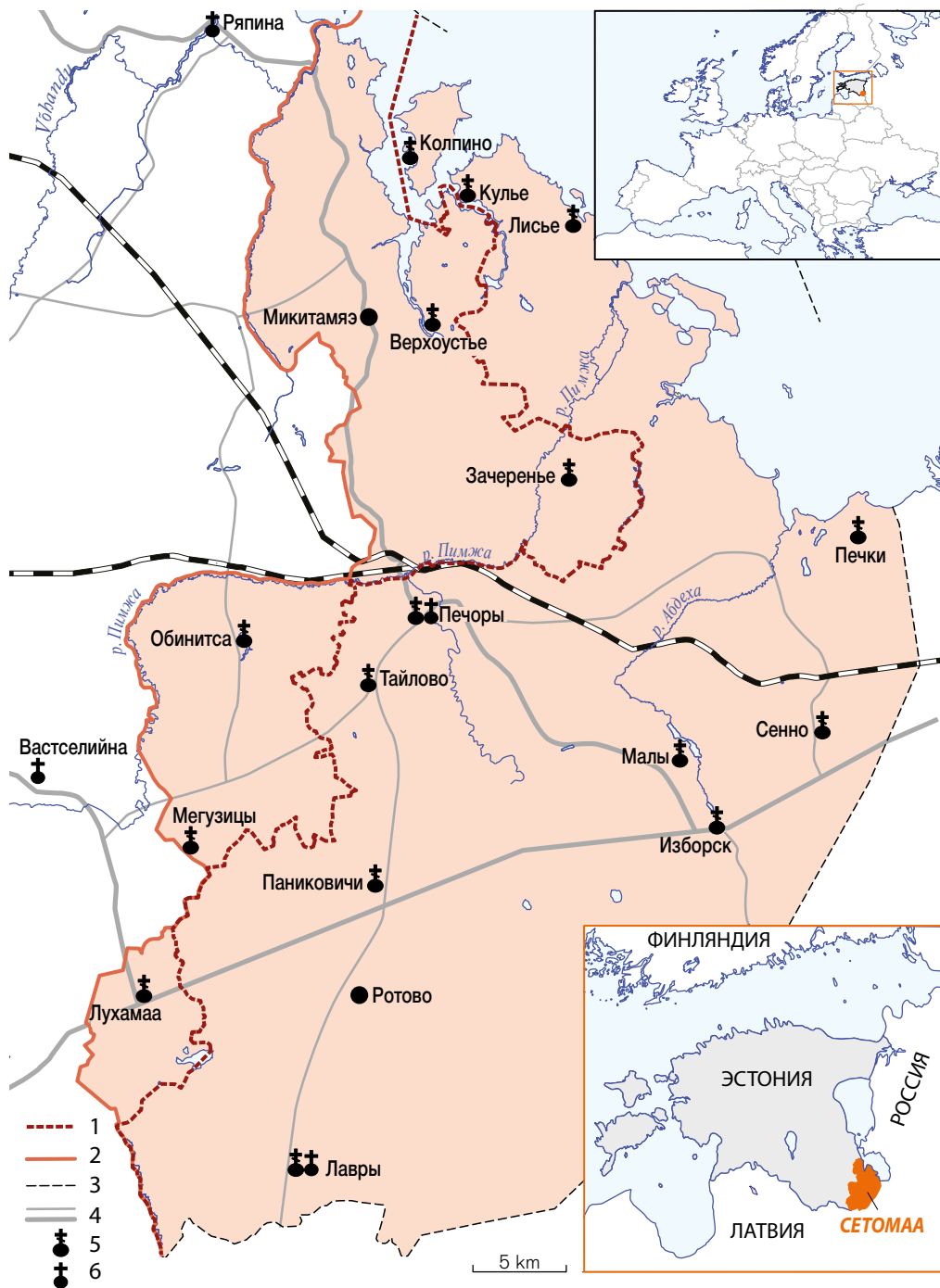
This book invites a reader to absorb in history of two expeditions to the area of Setomaa located on the border between the modern Russia and Estonia realized in 1937 and 1938 by Boris Vilde and Leonid Zurov commissioned by the Museum of Man (Paris) The objective of edition is the first publication of unique written materials, photographic documents and museum exhibits gathered in the ethnocontact zone populated by two ethnically distinct Orthodox peoples: Seto of the Baltic Finn's origin and Russian — the East Slavic. The reader undertakes this historical journey from two perspectives: the history of establishment of the Museum of Man in context of its intense expedition work and the history of the Pechordky Krai –Setomaa and its cultural phenomena. For this purpose Tatjana Benfugal, Olga Fishman and Heiki Valk joined efforts of French, Russian and Estonian researchers, whose opinions sometimes different, but in many respect mutually supplement help to evaluate results of Boris Vilde and Leonid Zurov fieldwork in broader contemporaneous research context.

- © Национальный музей естественной истории, Париж, 2017
- © Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2021
- © Тартуский университет, Тарту, 2017
- © Институт сето, Вярска, 2017
- © Издательский дом «Инкери», Санкт-Петербург, 2021

ISBN 978-5-6045353-2-5

■ Оглавление

	Предисловия	■	9
	Введения	■	15
Часть I.	Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа	■	25
Часть II.	Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории	■	173
Часть III.	История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова	■	339
<hr/>			
	Благодарности	■	768
	Список сокращений	■	770
	Именной указатель	■	776
	Топонимический указатель	■	785
	Общая библиография	■	809
	Список авторов	■	871

Сетомаа и ее географическое положение в Европе в 2017 г.

- 1. Современная граница между Эстонской Республикой и Российской Федерацией;
- 2. Западная граница Сетомаа; 3. Граница между Эстонской Республикой и СССР в 1920–1930 гг.;
- 4. Дорога; 5. Православная церковь; 6. Лютеранская церковь.

Составители: А. Киристая и Х. Валк. Оформление: Я. Ратас

■ Предисловие

Брюно **Давид** ■
президент Национального музея естественной истории, Париж
Перевод с французского языка Жанны Чистяковой

В 2018 г. Музей человека отмечает свое восьмидесятилетие. В 1938 г., создавая музей в самом сердце Парижа, напротив Эйфелевой башни, Поль Риве видел его флагманом новой научной дисциплины — этнологии — и одновременно музеем-лабораторией, где зарождается научная мысль, а также народным музеем, имеющим образовательную миссию. Сегодня Музей человека, измененный и обновленный после семи лет реконструкции и вновь открытый для публики в октябре 2015 г., возвращается к принципам своего основателя. Но теперь на первое место выходят исследования и научные споры о Человеке во всех его проявлениях — биологическом, социальном и культурном. Чтобы быть в авангарде исследований в области многочисленных дисциплин, таких как биологическая и культурная антропология, этнобиология, первобытная история, палеонтология, экология, одновременно находясь в тесной связи с другими научными центрами Национального музея естественной истории, специалисты музея опираются на труды известных исследователей, а также обращаются к национальной сокровищнице — коллекциям и архивам, которые еще не раскрыли все свои секреты. Главная наша задача — исследование с помощью новейших технологий еще не до конца изученных материалов, их переосмысление и предоставление в распоряжение научного сообщества и общественности. Благодаря тщательной работе по учету, консервации и каталогизации коллекций, исследователи заново обращаются к этим коллекциям как к свидетельствам прошлого с целью получить от них все возможные преимущества для науки. Разработано множество международных программ, поскольку исследования являются общей потребностью. Перед Второй мировой войной музей получил материалы Бориса Вильде и Леонида Зурова — двух исследователей, которые в 1937 и 1938 гг. были командированы в расположенную на юге Эстонии область Сетомаа для изучения «контактной культуры» финно-угорского народа сето и русских. Этот фонд, состоящий из архива и коллекций предметов и фотографий, никогда не исследовался во всей своей полноте, и труд, который мы сейчас представляем, является первым опытом его изучения. Это результат плодотворного сотрудничества ученых трех стран — Франции, Эстонии и России. Мы с радостью представляем эту публикацию, которая знаменует 80-летие Музея человека, и надеемся, что она позволит самой широкой публике обогатить свои знания о народах мира.

■ Предисловие

Владимир **Грусман** ■
экс-директор Российского этнографического музея,
Санкт-Петербург

Издание «Экспедиции Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)», над созданием которого в течение более четырех лет трудился большой международный коллектив специалистов из Франции, Эстонии и России, дает возможность заинтересованной аудитории ознакомиться с неизвестными и разрозненными архивными материалами их полевых исследований 1937 и 1938 гг., хранящимися в основном в Национальном музее естественной истории и ряде других учреждений Парижа.

Этот фундаментальный и репрезентативный с научной точки зрения новый корпус источников, включающий рукописные и машинописные материалы, авторские фотографии и карты, масштабную и единственную в своем роде коллекцию русских вещественных памятников, стал итогом археолого-этнографических экспедиций, осуществленных перед Второй мировой войной в Эстонию, в зону древнего славяно-финского пограничья. Безусловная источниковедческая ценность архива заключается в широком спектре оригинальной полевой информации по археологии, этнологии, церковной истории, топонимике, народному православию, культовым памятникам, почитанию священных мест, обрядовым практикам православных сето/сету и русских. Междисциплинарный состав исполнителей проекта позволил, используя современные методы историографии и источниковедения, осуществить адекватную оценку и критический анализ нового источника в современном научном и социокультурном дискурсе.

Для русского читателя важно, что впервые деятельность А. Зурова и Б. Вильде получит всестороннюю профессиональную оценку — как представителей первой волны русской эмиграции, так и специалистов по изучению истории и традиционной культуры, собиранию и сохранению российского историко-культурного наследия.

Международный проект предоставляет уникальную возможность для русских, эстонских и французских исследователей сопоставить и скоординировать различные теоретические подходы и методические приемы в оценке историографии и анализе публикуемого источника, пересмотреть сложившиеся стереотипы восприятия региональной культуры Печорского края / Сетомаа.

Именно поэтому публикацию следует рассматривать как современный опыт и форму международной координации и сотрудничества в области

гуманитарных наук, содействия изучению, сохранению и восстановлению европейского историко-культурного наследия между различными типами учреждений культуры, высшего образования, исследовательских институтов и общественных организаций.

Успешному завершению проекта способствовала хорошо скоординированная научно-исследовательская работа, своевременное и безвозмездное предоставление российским и эстонским специалистам всех архивных материалов, уважительные профессиональные отношения. Надеемся, что этот проект придаст новый импульс международному сотрудничеству в области истории научных и культурных отношений стран-участников.

■ Предисловие

Волли Калм ■

ректор Тартуского университета

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

Тартуский университет, имея статус национального университета Эстонской Республики, занимается развитием научных дисциплин, связанных с изучением эстонского языка, истории, культуры и природы страны и гарантирует возможность получения высшего образования на эстонском языке. Являясь основным центром указанной профильной научно-исследовательской работы, Тартуский университет был с самого начала заинтересован в участии в международном проекте Музея человека по публикации материалов, собранных во время экспедиций в Сетомаа в 1937 и 1938 гг.

Эстония — страна весьма многоликой культуры. В ней живет более миллиона человек, для которых эстонский язык является родным, но носителей культуры и языка сето — всего несколько тысяч. Идентичность этого малочисленного народа зависит от сохранения его чрезвычайно самобытной культуры, представляющей собой совокупность прибалтийско-финских компонентов и православных традиций.

Данная публикация предоставляет прекрасную возможность для ознакомления с наследием населения Сетомаа — как сетоского, так и русского.

Исследования двух русских эмигрантов, Леонида Зурова и Бориса Вильде, проведенные в 1930-е гг. в Сетомаа, являются важным этапом в фиксации этнографического и археологического наследия края. Оба исследователя были связаны с городом Тарту и Тартуским университетом. Вильде после обучения в русской гимназии Тарту в конце 1920-х гг. поступил в университет по специальности «химия». При подготовке своих экспедиций Зуров установил контакты с археологами нашего университета, а по завершении этих экспедиций передавал в университетскую археологическую коллекцию находки, собранные им в Сетомаа, а также копии значительной части полевых материалов.

В настоящем международном сборнике русские, французские и эстонские ученые анализируют контекст проведенных экспедиций и комментируют собранные материалы. Я выражаю благодарность и уважение как нашим партнерам — Музею человека, Российскому этнографическому музею и Институту сето, так и многочисленному коллективу авторов за впечатляющую и продуктивную работу. Надеюсь, что эта книга даст читателям прекрасную возможность познакомиться с миром традиций Сетомаа, а также станет основой плодотворного сотрудничества в будущем.

■ Предисловие

Ахто **Раудя** ■
исполнительный директор Института сето, Вярска
Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

С того момента, когда в 1928 г. Леонид Зуров открыл для себя Сетомаа, он был потрясен богатством культурного достояния этого региона и сохранностью его этнографического наследия, его песен и его духовной культуры. Это открытие стало причиной экспедиций Музея человека в 1937 и 1938 гг. В ходе полевых работ Леонид Зуров и Борис Вильде фиксировали археологические памятники и записывали устные предания, они собрали единственную в своем роде этнографическую коллекцию, осуществили массовую фотофиксацию. По этой причине в настоящее время Музей человека и другие музеи Парижа располагают значительным объемом материалов о традиционной культуре русских и сето Печорского края.

С точки зрения исследователей Сетомаа по-прежнему остается привлекательным регионом, хотя современная ситуация в нем во многом отличается от того, что было в 1930-х гг. Поэтому материалы, собранные в те годы Зуровым и Вильде, приобретают особую важность для истории сето.

Если изучением Сетомаа ранее, еще с середины XIX в., занимались исследователи из Тарту, Санкт-Петербурга и Хельсинки, то, начиная с 1970–1980-х гг., в этом процессе участвуют и сетоские специалисты.

Представленная вниманию публики книга займет достойное место среди научных публикаций о сето. Благодаря этому проекту недавно созданный Институт сето получил первый опыт в сфере международных научных проектов. Надеемся, что подобное сотрудничество по сетоской тематике успешно продолжится и в будущем.

■ Введение

Татьяна **Бенфугаль**, Хейки **Валк** и Ольга **Фишман** ■
Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

Эта книга является результатом совместной работы французских, эстонских и российских исследователей, которая была начата в 2012 г. по инициативе Национального музея естественной истории в Париже¹. Ее цель — публикация различных материалов, фотодокументов и музейных экспонатов, собранных в результате двух экспедиций, совершенных в 1937 и 1938 гг. по поручению Музея человека Борисом Вильде и Леонидом Зуровым в район Сетомаа²/Печорский край (часть бывш. Псковского уезда Псковской губ. Российской империи; в 1920–1940 гг. — уезда Петсеримаа Эстонской Республики).

Сетомаа («Земля сето») — весьма интересный и сложный с точки зрения этнокультурной, конфессиональной и политической истории регион. Находясь сегодня на границе современных России и Эстонии, он и в далеком прошлом играл немалую роль в длительной и неспокойной истории религиозных и политических противостояний различных пограничных государств. Кроме того, его население представлено двумя этнически различными православными общностями: сето — прибалтийско-финского происхождения и русскими — восточными славянами. Важная роль в истории и культуре местного населения как в прошлом, так и в настоящем принадлежит Свято-Успенскому Псково-Печерскому мужскому монастырю. В силу сказанного здесь сформировалась особая этноконфессиональная зона, в которой развивалась культура, справедливо названная в свое время Л. Зуровым и Б. Вильде «контактной». Подтверждают это и уникальные сведения, полученные Л. Зуровым и Б. Вильде перед началом Второй мировой войны и свидетельствующие о высокой степени сохранности местного традиционного историко-культурного ландшафта, памятников культурного

1. Национальный музей естественной истории находится в ведении Министерства национального образования и Министерства экологии и развития Франции. Он состоит из 13 учреждений, 9 из которых расположены в провинции (в основном морские, археологические и ботанические научные организации) и 4 — в Париже (Ботанический сад, Институт человеческой палеонтологии, Парижский зоопарк и Музей человека).
2. Термин «Сетомаа» для обозначения территории проживания народа сето, который повторяет их автоэтноним, широко используется в Эстонии с начала 2000-х гг. В научной литературе на русском языке продолжают использовать старое написание «сету/Сетумаа». В этой книге, стремясь к соблюдению единообразия, мы решили использовать написание «сето/Сетомаа» во всех статьях. Тем не менее, мы сохраняем старый вариант написания в оригинальных текстах Б. Вильде и Л. Зурова, а также в библиографических ссылках.

наследия и исторической памяти населения. При этом степень изученности русского и сетоского населения Печорского края / Сетомаа ко времени проведения экспедиции Музея человека существенно различалась. Так, сетоская этнография, фольклористика и лингвистика уже представляли собой определенное направление в комплексном финно-угроведении, начало которому было положено еще в конце XVIII — первой половине XIX в. Изучение же русского населения, как справедливо отмечал А. Зуров, прежде никогда не оказывалось в поле зрения ученых, которые, в основном, интересовались только историей Псково-Печерского монастыря и культурой Псковской земли.

Как в недавнем прошлом, так и сегодня территория Сетомаа, разделенная государственной границей между Эстонской Республикой и Российской Федерацией, переживает по сравнению с 1930-ми гг. неравнозначные этносоциальные и демографические процессы. Продолжается депопуляция сельского населения: его численность сократилось с 56 000 до 13 000 чел. Ускорились начавшаяся уже в 1950-е гг. массовая миграция сето в Эстонию, а русских — в ближайшие города Российской Федерации. Эти процессы ведут к существенным потерям историко-культурного наследия, к стремительному исчезновению традиций. В связи с этим обширные материалы Зурова и Вильде являются важным документальным свидетельством социокультурной реальности, находящейся на грани исчезновения, и ценным первоисточником для этнологов, археологов, лингвистов и историков.

Национальный музей естественной истории, исторически являясь обладателем фонда Вильде — Зурова, выразил намерение познакомить международную научную общественность, а также широкую публику с историей и народной культурой этого богатого с точки зрения культурного наследия региона и тем самым способствовать его дальнейшему изучению. Кроме того, публикация материалов фонда призвана пролить свет на научную деятельность Национального музея — подлинной колыбели современной этнологии во Франции и инициатора многочислен-

ных экспедиций во все части мира в 1930-е гг. — в частности, Музея человека, на базе которого он был сформирован.

Из материалов инициированной Музеем человека экспедиции А. Зурова и Б. Вильде до начала подготовки этой публикации в научном обороте находились только археологические данные, переданные Зуровым Тартускому университету сразу после завершения полевых работ. Начиная с 1970-х гг. эти данные неоднократно использовались для археологических полевых обследований и локализации памятников. Остальные материалы экспедиции, состоящие из рукописных и машинописных документов, 365 полевых фотографий и 379 собранных экспонатов, хранились во Франции; они практически не были востребованы и не издавались. Это невольное забвение было вызвано тем, что почти сразу же после двух экспедиций разразилась Вторая мировая война и продолжение экспедиционной работы стало невозможным.

В 1940 г. Борис Вильде вступил в ряды Сопротивления и был расстрелян нацистами в 1942 г. Леонид Зуров, также член Сопротивления, после войны вернулся к литературной деятельности и не продолжал начатые этнологические изыскания. Более того, в 1940–1990 гг. в Музее человека не было не только исследователей, специализирующихся на изучении прибалтийско-финских народов и русских этого региона, но и сотрудников, владеющих русским языком и способных прочесть написанные в основном на русском языке заметки Леонида Зурова.

По мере поступления в Музей человека в 1937–1949 гг. различных материалов фонда, экспонаты и архивные документы размещались в отделе Европы, а фотографии — в фототеке. Некоторые документы, в частности оригиналы приказов по экспедиции и административная переписка, были перенаправлены в Центральную библиотеку музея. В 2002–2005 гг., в связи с реструктуризацией парижских этнографических музеев, фонд был разделен между тремя учреждениями: архив документов остался в Музее человека (в 2008 г., в связи с закрытием на реконструкцию, они были переданы в Центральную

библиотеку Национального музея естественной истории), предметные коллекции поступили на хранение в недавно открытый Музей европейской и средиземноморской цивилизаций, а фотографии вместе со всей фототекой были переданы в новый этнографический музей на набережной Бранли.

Книга, которую мы сегодня предлагаем читателям, не могла бы состояться без участия Музея европейской и средиземноморской цивилизаций и Музея на набережной Бранли, которым мы выражаем нашу искреннюю благодарность.

Относительно архива, хранящегося в Музее человека, следует уточнить, что определенная его часть представляет собой документы об административной деятельности, то есть приказы и деловую переписку, что позволяет воссоздать исторический контекст двух экспедиций. Другая часть состоит в основном из полевых отчетов, из которых самые важные — два отчета Леонида Зурова, насчитывающие соответственно 50 и 78 машинописных страниц. Если главным владельцем административных документов является Музей человека, то этого нельзя сказать, к примеру, об отчетах Л. Зурова. Мы знаем, что в конце 1940-х гг. Зуров отправил их копию археологам в Москву (хранятся в фонде Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына наряду с другими полевыми материалами). Кроме того, его полевые заметки со всем литературным архивом в настоящее время находятся в университете г. Лидса (Великобритания) и до сих пор не изданы.

Во Франции к изучению фонда Вильде — Зурова приступили только в начале 2000-х гг.: увидели свет статьи сотрудницы Комиссии по публикации французских дипломатических документов А. Огенюис (2009) и сотрудницы Музея человека этнолога Т. Бенфугаль (2010), посвященные жизни Бориса Вильде.

В ходе подготовки этих работ появился интерес к публикации всего фонда не только во Франции, но и в Эстонии, и в России. Одновременно стало ясно, что по прошествии многих лет со времени экспедиций Вильде и Зурова, публикация фонда не имела бы большого смысла без научно-го комментария современных исследователей, изучающих

Печорский край / Сетомаа в России и в Эстонии. Речь идет об ученых университета г. Тарту, Института сето в г. Вярска (Эстония) и Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Это стало еще более очевидным после того, как в 2007 г. Т. Бенфугаль вместе с коллегой из Российского этнографического музея О. Калининой посетила те деревни, в которых работали Вильде и Зуров. Последовавшая в 2011 г. вторая командировка Т. Бенфугаль в тот же район позволила установить контакты с российскими и эстонскими учеными, а в июне 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялось первое рабочее совещание, на котором обсудили содержание работы и ее график по проекту.

Международное соглашение, подготовленное в том же году, придало проекту официальный статус. Соглашение, в частности, предусматривало публикацию общего труда на трех языках — французском, эстонском и русском. Научная конференция и рабочее совещание в Вярска, в центре эстонской части Сетомаа, собрали в октябре 2013 г. большинство участников проекта. В 2014 г. собрание организационного комитета в Санкт-Петербурге позволило уточнить позиции, касающиеся содержания, структуры работы и формы публикации. Интенсивная работа по подготовке издания и переводов продолжалась до лета 2016 г.

Предложение по подготовке совместного издания получило благоприятный отклик у российских и эстонских специалистов в частности и потому, что оно совпало с периодом интенсивных исследований района Сетомаа и самого народа сето, а также признанием в связи с этим высокой значимости документов фонда Вильде — Зурова. Эта активизация исследовательской работы объясняется, прежде всего, историческими причинами, подробно описанными в статье М. Засецкой и А. Раудойи «История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа» как результат современного (с 1990-х гг.) переосмысления истории и культуры малого народа сето учеными Эстонии и России.

Культурное наследие Сетомаа столь многообразно, что о нем невозможно рассказать в одной книге — подобная цель и не преследовалась участниками проекта.

Мы хотели сконцентрировать наше внимание на темах, которые были затронуты Вильде и Зуровым в ходе их экспедиций. Чтобы выполнить эту задачу, мы разделили нашу книгу на три части. Первая из них, «Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа», посвящена этим двум исследователям, истории их экспедиций и архивов. Вторая часть, «Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории», является публикацией большей части документальных материалов фонда, хранившегося в музее: экспедиционные отчеты, карты. Все собрание фонда, а также фотографии представлены на CD, приложенном к книге.

Третья часть книги, которую мы назвали «История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова», посвящена анализу тем, которые в большей или меньшей степени изучались Вильде и Зуровым во время их полевых работ. Мы указали эти темы в оглавлении этой части: лингвистика, топонимика, археология, церковная архитектура, дохристианские верования и народное христианство, семейная обрядность и материальная культура. Каждая из семи тем рассмотрена в нескольких статьях. Для адекватной оценки и критического анализа материала с позиции современных направлений в гуманитарных дисциплинах были привлечены ведущие специалисты России и Эстонии — этнологи, археологи, фольклористы и лингвисты. Приняв решение опубликовать материалы экспедиций 1930-х гг., мы руководствовались разными намерениями и точками зрения. Французские исследователи больше всего акцентировали внимание на роли Музея человека во французской и европейской этнологии, истории его коллекций, а также на вкладе Бориса Вильде и Леонида Зурова как помощников музея. Для русских ученых важнее всего были личности Зурова и Вильде как представителей русской эмиграции, но в равной степени интересовала и собранная ими объемная информация о культуре русских на территории Печорского края. Для эстонских специалистов наибольшее значение имела культура сето, особенно в контексте культурного

единства Печорской земли, равно как и приведенные новые сведения о культе почитания камней, источников и деревьев. В результате это разнообразие подходов и специализаций позволило нам изучить наследие Зурова и Вильде в чрезвычайно обширном научном контексте. Учитывая сказанное, данную публикацию и ее подготовку следует рассматривать и как опыт информационно-культурного обмена, и как форму международной координации и сотрудничества в области гуманитарных наук, содействия изучению и сохранению историко-культурного наследия на примере небольшой пограничной территории.

Подготовка издания потребовала серьезных обсуждений некоторых спорных вопросов, вызвала ряд научных дискуссий. Редакторская работа была особенно сложной по причине принадлежности авторов к разным культурным и языковым традициям. Примером тому является использование в Эстонии и России различных календарных систем (грегорианской и юлианской) или же топонимов Сетомаа / Печорского края, отличающихся в эстонском и русском языках. Общие принципы оперирования топонимическими данными представлены во введении к топонимическому указателю в конце книги. Проект координировался четырьмя научными учреждениями: Национальным музеем естественной истории (Франция), Российским этнографическим музеем (Россия), Тартуским университетом (Эстония) и Институтом сето (Эстония). Вместе с тем к подготовке издания были привлечены известные специалисты и из других учреждений Российской Федерации (Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт истории Санкт-Петербургского университета; Москва: Московский городской педагогический университет; Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), Эстонской Республики (Таллин: Археологический центр) и Франции (Париж: Комиссия по публикации французских дипломатических документов при Министерстве иностранных дел).

■ Введение к российскому изданию

Ольга **Фишман** ■

Читатель настоящего издания, владеющий французским, русским и эстонским языками, заметит некоторые различия в каждой из трех языковых версий книги. Отчасти они объяснены в общем введении (Т. Бенфугаль, Х. Валк и О. Фишман), в котором указаны объективные приоритеты публикации неизвестных материалов и коллекций Л. Зурова и Б. Вильде для каждой из стран-участников.

Прежде всего обращаем внимание на меньший по объему текст статьи Т. Бенфугаль «Экспедиции Л. Зурова и Б. Вильде в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.» в русской и эстонской версиях. Сокращение было выполнено автором по предложению русской и эстонской сторон с целью акцентирования внимания на подготовке, истории и результатах их экспедиций в Сетомаа в 1937–1938 гг., в то время как во французской статье значительное место отведено истории французской этнологии первой трети XX в. Несмотря на уменьшение текста статьи, ее содержание дает возможность сопоставления весьма сходных концепций французской и русской этнологических школ в 1920-е гг.

В ходе подготовки русской версии книги мы старались во всем следовать структуре и дизайну книги, подготовленной нашими французскими коллегами, но некоторые отличия оказались неизбежны по целому ряду объективных причин.

Так, машинописные отчеты Л. Зурова из собрания Национального музея естественной истории на русском языке опубликованы согласно правилам издания архивных документов с указанием листов. В связи с необходимостью перевода с французского на русский язык четырех кратких отчетов Л. Зурова — «Меекси», «Ткачество», «Свадебные полотенца» и «Свадебные пояса» эти научно-исследовательские заметки размещены в самом конце второй части, как было запланировано на начальных этапах обсуждения структуры издания. Во французском издании факсимиле этих отчетов

приведены в качестве иллюстраций непосредственно в текстах первого и второго отчетов Зурова 1946 г.

Все опубликованные в статьях карточки описания экспонатов, письма, документы, отчеты из архива Вильде — Зурова, написанные на французском языке, переведены на русский.

Для ускорения поиска необходимой литературы российская и эстонская редколлегия договорились о том, что структура общей библиографии соответствует структуре издания сообразно частям и тематическим главам книги. Оформление постраничных сносок и литературы выполнено согласно правилам российского ГОСТа. Некоторые различия в характере и содержании примечаний связаны со степенью информированности наших адресатов в каждой стране об историко-культурных реалиях России и Эстонии, терминологических и лингвистических особенностях языка публикации. Российская редколлегия сочла возможным исключение нескольких дублирующих иллюстраций из двух статей: указанной выше статьи Т. Бенфугаль, коллективной статьи Т. Бенфугаль и Ф. Меннесье «Фонд Вильде — Зурова: историческая справка и классификация», а также публикацию нескольких новых фотографий из фонда Российского этнографического музея.

Выражаем признательность эстонской стороне за предоставленные электронные карты издания.

Часть I

И Борис Вильде
Леонид Зуров –

исследователи
Печорского края /
Сетомаа

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

27 Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

■ Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

Татьяна **Бенфугаль** ■

Перевод с французского языка Аллы Беляк
Перевод документов Анастасии Калюты

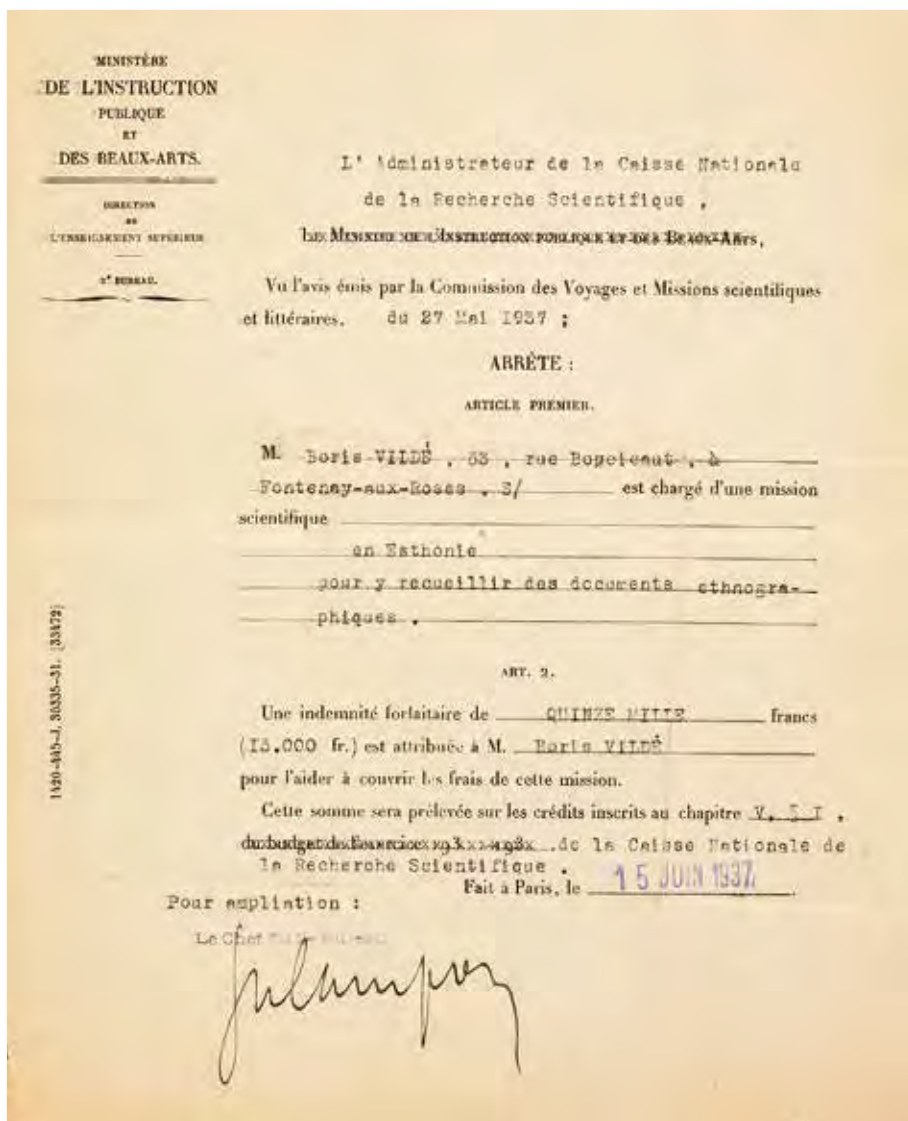
«[Месяц] Борис Вильде, 63, улица Бусико, в Фонтене-о-Роз, направляется в научную командировку в Эстонию с целью сбора этнографических документов».

С этой лаконичной фразы приказа Министерства народного образования и изящных искусств, подписанного 15 июня 1937 г., начинается история двух этнографических экспедиций Бориса Вильде и Леонида Зурова в Сетомаа, входившую тогда в состав независимой Эстонской Республики. Первая поездка состоялась летом 1937, вторая — летом 1938 г. (см. карту на нахзаце книги).

Б. Вильде — руководитель экспедиции 1937 г. Л. Зуров участвует в ней в качестве ассистента, и его работа оплачивается из командировочных Вильде. Зуров прибывает в город Печоры¹ 21 или 22 июня. 23-го он уже в Мегузицах (Меекси), селении, расположенном в 16 км к юго-западу от Печор, где наблюдает обряды, связанные с Ивановым днем. Б. Вильде, задержавшийся в Париже для урегулирования последних финансовых проблем, выедет на место в начале июля. Тем временем он пишет Зурову два письма — 29 июня и 5 июля. В первом он досадует на необходимость бегать по министерствам, а во втором информирует Зурова о том, что все еще не получил суточные². Он назначает Зурову встречу у своей матери в Юрьеве (Гарту) 12 июля в 10.00. На следующий день они вдвоем отправляются в Печоры. Благодаря контактам Зурова они работают совместно с другими исследователями, приехавшими в этот период в регион: Н. Андреевым (из Института археологии им. Н. П. Кондакова в Праге), И. Окуневой (из университета в Карловых Варах), которые приехали исследовать историческое и культурное насле-

1. В этом тексте названия мест даны так, как они указаны Зуровым и Вильде в их отчетах. См. топонимический указатель в конце настоящего издания.
2. Эти письма упоминаются Зуровым в его Отчете № 1 (НМБИ, Зуров I. А. 28,29).

дне церкви и специалисткой по русскому устному творчеству Э. Малер (из Базельского университета в Швейцарии). Три группы делят общие зоны исследования, а также кров в Печорах, фотолабораторию и помещение для хранения материалов экспедиций. Зуров пробудет в Сетомаа до 11 сентября. Вильде же уедет оттуда только 5 октября, вероятно, проехав через Юрьев.

Приказ Министерства народного образования и изящных искусств

о направлении Б. Вильде в командировку в Эстонию. 27 мая 1937 г.
MNHN-2AM1M1F. I НМБН, Центральная библиотека

M. Zuroff, chargé de mission du Ministère de l'Education Nationale, se rend en Esthonie, Lithuanie et Lettonie pour y procéder à des recherches ethnologiques et archéologiques.

Le Musée de l'Homme (Laboratoire d'Ethnologie du Muséum National d'Histoire Naturelle) s'intéresse à ses travaux et sera reconnaissant aux autorités de ces pays des facilités qu'elles pourront accorder à M. Zuroff pour l'accomplissement de sa mission.

Paris, le 7 juin 1938

(Dr. Paul Rivet)

J.S./G.D.

**Рекомендательное
письмо для Л. Зурова,**

написанное П. Риве 7 июня 1938 г.

MNHN-2AM1M1F.

■ НМЕИ, Центральная библиотека

**Л. Зуров и Б. Вильде
на дорогах Сетомаа**

во время экспедиции 1937 г.

MNHN-MN ETHNO EUR 205 (7).

■ НМЕИ, Центральная библиотека

Летом 1938 г. Леонид Зуров самостоятельно проведет вторую экспедицию и будет ее руководителем от Музея человека. Он выедет из Парижа 13 июня, и его экспедиция продлится с 21 июня по 20 сентября. В то же время Борис Вильде отправился в командировку в Финляндию, он присоединился к Зурову в Сетомаа только на несколько дней в сентябре. Леонид Зуров имеет при себе командировочное предписание от французского Министерства Национального образования и рекомендательное письмо Поля Риве местным властям³. Это письмо аттестует его так:

«Направлен в командировку Министерством Национального образования с целью проведения этнологических и археологических исследований в Эстонии, Литве и Латвии» (MNHN-2AM1M1F).

Возвращение Зурова во Францию приходится ускорить. Он записывает:

«Тревожное положение в Европе заставило меня прервать работу и спешно выехать в Таллин. Французский консул посоветовал мне поторопиться с отъездом. Чужеземные пароходы спешно покидали таллинский порт. <...> Из Эстонии я отплыл с последним пароходом. Время было тревожное. Из Гамбургского порта бежали все иностранные пароходы. Гитлер произнес мюнхенскую речь. В Европе шли мобилизации» (НМЕИ, Зуров I. Л. 48).

Исследования, которые он собирался провести в Литве и в Латвии дополнительно к эстонским, так и не состоятся.

Обе экспедиции финансировались Национальной кассой научных исследований Министерства общественного образования и искусств (ставшего в 1938 г. Министерством национального образования) благодаря ходатайству П. Риве, директора Музея человека. Письмо Б. Вильде из министерства от 20 июля 1937 г. информирует его о выделении 15 000 франков. Институт этнологии выдает ему денежный аванс, позволяющий отправиться на место экспедиции в июне 1937 г. На экспедицию 1938 г. Зуров получает 12 000 франков.

К сожалению, эти деньги Зуров получит уже после возвращения в Париж и, как он напишет позже, «если бы проф. П. Н. Милоков, заинтересованный моей работой, собравший для ее продолжения 4500 франков, не пришел мне на помощь, то я бы не смог выехать весной в Эстонию» (НМЕИ,

3. Это рекомендательное письмо и письмо от 17 мая 1938 г., направленное Зуровым Полю Риве, содержат упоминание еще об одном человеке, который готовился отправиться в экспедицию вместе с ним. Речь идет о Ксении де Персин, библиотекаре-стажере Национальной библиотеки, которую Поль Риве снабжает, так же, как и Зурова, рекомендательным письмом, аттестующим ее как официально командированную в Эстонию, Латвию и Литву. Поль Риве также указывает, что она должна проводить исследования в монастырских библиотеках. Однако ни в одном из отчетов Зурова Ксения де Персин не упоминается.

MINISTÈRE
DE L'INSTRUCTION
PUBLIQUE
ET
DES BEAUX-ARTS.

Paris, le

20 JUIL 1937

DIRECTION
DE
L'ENSEIGNEMENT SUPÉRIEUR.

Monsieur,

6e BUREAU.

OBJET :

Avis de mission.

J'ai l'honneur de vous annoncer que, par un arrêté dont vous trouverez ci-joint ampliation, je vous ai chargé d'une mission scientifique en Esthonie ,

Je vous ai attribué, pour les frais de cette mission, une indemnité à forfait de - 15.000 Frs - , dont l'ordonnancement vous sera notifié ultérieurement.

Vous voudrez bien, votre mission terminée, me signaler votre rentrée en France et m'adresser un rapport sur les résultats de vos recherches. Un état sommaire indiquant l'emploi de la subvention qui vous a été allouée devra être joint à votre rapport.

Je demande à M. le Ministre des Affaires Etrangères , de vouloir bien vous faciliter l'accomplissement de votre mission en vous recommandant au bon accueil de nos représentants .

Dès que sa réponse me sera parvenue, je m'empresserai de vous la transmettre.

Agitez, Monsieur, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

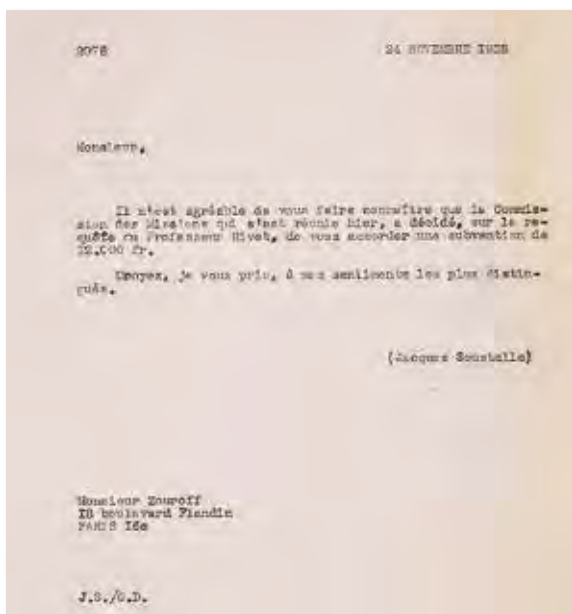
Pour le Ministre et par délégation :
Le Directeur de l'Enseignement supérieur,
L'Administrateur de la Collège Nationale
de la Recherche Scientifique

A Monsieur Boris VILDE
53, rue Pouchéant ,
à Fontenay-aux-Roses
3/

1409-418-1-20505-31-187000

Письмо Министерства народного образования и изящных искусств о назначении Б. Вильде командировочных. 20 июля 1937 г. MNHN-MN ETHNO EUR 205 (2).

ИМЕИ, Центральная библиотека

Письмо Ж. Сустеля о субсидии на покрытие экспедиционных расходов Л. Зурова, на основании решения Экспедиционной комиссии. 24 ноября 1938 г. MNHN-2AM1M1F. ■ НМЕИ, Центральная библиотека

Зуров I. A. 33). Эстонские власти оказывают поддержку обеим экспедициям. Зуров уточняет, что речь идет о Министерстве просвещения Республики Эстония, кабинете археологии Тартуского университета и Службе охраны исторических памятников, которые, в частности, выдали им необходимые разрешения⁴. Они также пользовались поддержкой французского консула в Таллине.

■ МУЗЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Чтобы понять планы экспедиций Б. Вильде и Л. Зурова и встреченный ими благоприятный прием со стороны П. Риве, надо вернуться в исторический контекст Музея человека 1928–1938 гг., в десятилетие, отмеченное во Франции одновременно учреждением Музея человека и зарождением этнологии.

Музей человека, официально открытый в 1938 г., — наследник Этнографического музея Трокадеро, созданного в 1878 г. Он теснейшим образом связан с ним — и унаследованными коллекциями, и обновленным зданием, которое он занимает, а также и определенной этнографической традицией.

4. НМЕИ, Зуров I. A. 33а.

Музей человека, 1938 г. MQB PP0001599. | ИМБ

Этнографический музей Трокадеро во время реставрационных работ, 1936 г.

■ НМЕИ, Этнологическая коллекция

Музей Трокадеро был первым во Франции музеем, посвященным мировым цивилизациям. Он объединил этнографические коллекции, прежде находившиеся в различных французских учреждениях, всего около 10 000 предметов⁵. К середине 1920-х гг. коллекции музея Трокадеро разрастаются, количество предметов достигает 150 000. Но администрирование музея не соответствует высокому уровню его коллекций, в частности, из-за нехватки материальных и человеческих ресурсов способы экспонирования все больше отстают от успехов науки и изменения исторического контекста Франции.

Для модернизации Этнографического музея Трокадеро в 1928 г. принимается решение о присоединении его к Национальному музею естественной истории, а именно к кафедре антропологии, тогда как раньше он подчинялся непосредственно Министерству общественного образования и искусств. П. Риве, назначенный в 1928 г. штатным профессором кафедры антропологии, автоматически стал директором Этнографического музея Трокадеро и приступил к его глубокому преобразованию.

20 июня 1938 г., после полной научной реорганизации музея Трокадеро и реставрации здания, выполненной по случаю Всемирной выставки 1937 г.,

5. Эти коллекции поступали из Национальной библиотеки, музея Лувр, библиотеки св. Женевьевы, Музея национальных древностей, Службы командировок Министерства общественного образования и искусств и Национального музея естественной истории.

открывается Музей человека. И хотя официальное название «Музей человека» возникает именно с этой даты, П. Риве и весь его коллектив, поддерживаемый также музейной и научной фактологией, воспринимают существование Музея человека, начиная с 1928 г.

Десятилетие, которое предшествует открытию Музея человека, часто считают самым увлекательным и значимым временем в истории этнологии Франции. Многочисленные исследователи, тогда только начинавшие специализироваться на этнологии Африки, Америки, Океании, Азии или Европы, сегодня являются авторитетами в своих областях знаний. Как и они, Борис Вильде и Леонид Зуров способствовали становлению музея и развитию этнологических штудий во Франции.

■ Исторический контекст: этнология колониальная и европейская

В XIX — начале XX в. Франция с ее владениями в Африке и в Индокитае — большая колониальная держава. Этнографический музей Трокадеро, парижские Всемирные выставки (1855, 1867, 1878, 1889, 1900 и 1937 гг.) и Колониальная выставка 1931 г. были призваны ознакомить широкую публику с культурой народов, проживающих во владениях Франции, и проиллюстрировать ее «цивилизационную миссию».

В 1920-е гг. желание показать французской публике культуру других цивилизаций становится всеобъемлющим, и это оправдывает присутствие в Музее человека коллекций народов, которые не входят в колониальную империю, а именно — коллекций народов Европы, Америки и Японии. Отчеты того времени подчеркивают, что Этнографический музей Трокадеро включает коллекции, собранные на пяти континентах. В этом контексте Музей человека уделяет большое место европейской этнографии. Это расширение опирается на прочную традицию Национального музея естественной истории (создан в 1793 г.), сотканную из научных контактов с европейскими учеными и сбора предметов в различных странах Европы. Уже в 1870-х гг. его антропологическая экспозиция включала два зала, посвященных Европе, с этнографическими предметами, полученными в результате научных экспедиций (Dias 1991). В преддверии открытия Этнографического музея Трокадеро в 1880 г. Э. Т. Ами совершил несколько поездок в Англию, Швецию, Данию и Норвегию — страны, в которых уже существовали этнографические музеи, чтобы вдохновиться их опытом (Нату 1887). В 1879 г. он побывал в Москве, где принял участие в Антропологическом конгрессе. Из этой поездки он вернулся с коллекцией этнографических экспонатов, которую передал Этнографическому музею Трокадеро (кол. № 1879.4).

В 1884 г. открывает двери зал, посвященный народам Европы. Кроме Франции, там представлены Германия, Испания, Греция, Италия, Нидерланды, Португалия, Польша, Россия и скандинавские страны (Dias 1991; Benfoughal 1999). В 1920–1930-х гг. интерес к Европе нарастает. П. Риве видит в углубленном исследовании истории и культуры европейских народов средство действенного противостояния псевдонаучным теориям фашизма о расовом неравенстве.

Возрастающее значение французских коллекций, вызванное развитием исследований национального народного творчества во Франции, приводит к их автономизации и к созданию в 1937 г. Музея народных искусств и традиций. В недрах отдела Европы Музея человека продолжают обогащаться нефранцузские европейские коллекции⁶. Те, что поступают из России, в 1930-е гг. насчитывают более тысячи предметов (Benfoughal 1999). Среди самых значительных — дары русского педиатра и этнографа Е. А. Покровского и французского археолога барона де Бай. Так, в коллекции Покровского, передавшего в 1890 г. в Этнографический музей Трокадеро около 400 предметов, имеющих отношение к этнографии детства, была также серия финно-угорских предметов из Среднего Поволжья и Урала. Среди 950 предметов коллекции барона де Бай, совершившего несколько поездок в Российскую империю на рубеже XX в., можно найти предметы из Северной России. Его очерки «По некоторым историческим городам России. Рассказы об одной экспедиции» (Baue 1901), показывают, что он интересовался финно-угорскими народами Поволжского региона, такими, как мордва, черемисы (совр. марийцы), вотяки (совр. удмурты) и др. Кроме того, за сорок лет до экспедиции Вильде и Зурова он посетил город Печоры и его монастырь, расположенные в Псковской губернии, которая тогда была частью Российской империи.

Эти коллекции наверняка должны были привлечь внимание Бориса Вильде во время подготовки проекта экспедиции в Эстонию. Также большой интерес в Музее человека вызывают скандинавская и балтийская этнография. К 1930-м гг. его коллекции уже содержат предметы из Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании и Литвы. Поскольку прибалтийские страны стремятся сблизиться с Западной Европой и познакомить ее со своими культурами, Музей человека организует в 1935 г. выставку под названием «Прибалтийское народное искусство: Латвия — Эстония — Литва», на которой демонстрировались экспонаты из музеев Тарту, Риги, Каунаса, Шяуляя и Тельшия. На выставке экспонировалось и несколько сетоских предметов. Среди фотографий каталога выставки первым стоит снимок

6. Количество предметов, поступивших из всех европейских стран, в начале 2000 г. достигло 35 000.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Съ подробнѣйшимъ показаніемъ и съобщихъ прилежащихъ дорогъ, станцій и разстояній между нимими городами
Составленъ
по шведскимъ и датскимъ картамъ
и С^т. Петербургѣ
въ 1820 году

CARTE GÉNÉRALE DU GOUVERNEMENT DE PSKOW

avec l'indication des chemins de poste et autres grands chemins praticables, des stations et des distances entre elles en versts
Composée
d'après les plus nouveaux et authentiques renseignements
à St. Pétersbourg
en 1820

Генеральная карта Псковской губернии, 1820 г.
 Географический атлас Российской империи. Л. 10. Автор-составитель и гравер карт: полковник Пядышев В. П. Санкт-Петербург: Изд-во Академии наук, Военно-топографическое депо, 1827 г.
 РНБ, Санкт-Петербург

Афиша выставки
«Прибалтийское народное искусство:
Латвия — Эстония — Литва»
 в Этнографическом музее Трокадеро.
 1935 г. | НМЭИ, Центральная библиотека

«Женщины из Сетомаа». В рамках этой выставки правительство Литвы и музей Каунаса передают в дар Музею человека в 1934 и 1935 гг. соответственно 59 и 33 предмета.

■ МУЗЕЙ-ЛАБОРАТОРИЯ

Самой яркой характеристикой Музея человека того периода было воплощение концепции, глубоко новаторской в то время. Это концепция «музея-лаборатории», места соединения «производства» знаний и популярного музея, призванного образовывать и воспитывать.

Первая миссия Музея человека — научно-исследовательская — должна была опираться на три столпа: новаторские научные идеи, соответствующую организацию и многочисленный коллектив. В плане концепции ей соответствовала теория диффузионизма, продвигаемая во Франции начиная с 1920-х гг. Л. Леви-Брюлем, М. Моссом и П. Риве, которая составила ее эпистемологический маркер (Laurière 2008. Pp. 243–247)⁷. Согласно Полю

7. Теория диффузионизма возникла в 1910-е гг. в Германии благодаря работам Лео Фробенюса, затем, благодаря Францу Боасу, — в Соединенных Штатах Америки.

Риве, процессы диффузии предполагают взаимодействие между различными культурами, отсюда важность «влияний» и «заимствований» в развитии каждого общества.

Опираясь на теорию диффузионизма, П. Риве разрабатывает новую научную парадигму, основанную на концепции, получившей название «этнология», которая будет собственно французской и наложит печать на научно-исследовательскую деятельность Музея человека в ближайшие десятилетия. Исходная идея Риве состоит в том, что для изучения человеческих групп необходим глобальный и междисциплинарный подход. Все аспекты функционирования обществ — политические, экономические, технические, социальные, культурные, психологические и др. — должны рассматриваться вместе и в их взаимосвязи. Вследствие этого различные дисциплины, такие как лингвистика, археология, первобытная история, физическая антропология и этнография (специфически посвященная описанию материальных памятников), должны вместе способствовать изучению народов и их культур. П. Риве предписывает объединять все эти дисциплины под лозунгом единой синтетической науки — этнологии, которая становится унифицированной наукой о человеке, главным храмом и основным инструментом которой может стать Музей человека (L'Estoile 2010. P. 161). Из этого глобального и междисциплинарного подхода вытекает предложение П. Риве присоединить к этнографическим коллекциям музея коллекции физической антропологии и первобытной истории из Национального музея естественной истории. Риве реализует этот междисциплинарный подход к человеку и в преподавании в Институте этнологии, генеральным секретарем которого он является⁸. Лекции читают крупные специалисты того времени — сам П. Риве, М. Мосс, А. Леви-Брюль, М. Коэн, Ж. Мийо, А. Брей, А. Лабуре, и др. Они были призваны дать студентам теоретические основы этнологии в различных ее составляющих и обучить их методике полевых исследований. Второй столп, на который должен был опираться научный проект П. Риве, — амбициозная организационная структура Музея человека. Начиная с 1928 г. Риве один за другим создает десять научных отделов сообразно дисциплинам, общим темам и геокультурным зонам: «Антропология», «Первобытная история», «Черная Африка» (с секцией «Мадагаскар»), «Белая Африка и Левант», «Европа», «Азия/СССР/Арктика», «Америка» (с секцией «Эскимось»), «Океания», «Сравнительная технология» и «Музыкальная этнология».

8. Единственное в то время во Франции учебное заведение, готовящее этнологов, — Институт этнологии — с момента своего создания в 1925 г. включен в систему Парижского университета, при этом часть занятий, начиная с 1928 г., проводится в помещениях Музея человека. Трехгодичный учебный план заканчивается получением свободного диплома лиценциата этнологии.

Отдел Европы создан в 1933 г. В то время за ним закрепляются все народы Европы, за исключением Кавказа, Турции и Карелии, которыми занимается отделение Азии (Fontanès 1983). Руководство отделом Европы было поручено М.-А. Коше. Борис Вильде назначается в отдел в 1935 г. в качестве волонтера для того, чтобы среди прочего заниматься народами прибалтийского региона.

Что касается третьего столпа проекта, а именно — значительного коллектива ученых и технического персонала, то П. Риве не располагал, к сожалению, необходимыми человеческими ресурсами. Хотя бюджет Этнографического музея Трокадеро после присоединения его в 1928 г. к Национальному музею естественной истории значительно увеличился, численность персонала музея оставалась ограниченной. Так, в отчете за 1931 г. Риве перечисляет 19 человек, из которых 12 оплачиваются Национальным музеем, а оставшиеся семь — за счет частных средств⁹.

Для осуществления своего проекта Поль Риве вынужден рассчитывать на добровольных сотрудников, «просвещенных любителей», набираемых иногда из зажиточных слоев парижского общества и богемы, постоянных посетителей вернисажей музея Трокадеро. Таким образом в поле зрения Риве оказываются несколько эмигрантов из России, таких как А. Федоровский, А. Левицкий и Б. Вильде. Некоторым волонтерам удастся получить вожеленный статус штатного сотрудника, как, например, Б. Вильде в марте 1940 г.

■ ПОЛИТИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С введением в научный оборот новой этнологической парадигмы непосредственные наблюдения и полевые исследования становятся приоритетной базой исследований, что приводит к разрыву с «кабинетной антропологией», которая до этого опиралась на опосредованную информацию. Даже если в 1920-е гг. преподавательские программы Института этнологии и различные «Инструкции» музея отражают еще старый принцип разделения задач в области антропологии между «наблюдателем», который является собирателем фактов, часто неопитом, и этнографом-любителем (путешественником, управляющим, военным или колонистом, проживающим в стране, откуда он посылает данные и коллекции) — с одной стороны, и с другой — «ученым», который систематизирует информацию и вырабатывает теорию, четкое разделение между ними постепенно сокращается.

9. Штатный персонал Национального музея естественной истории включал директора, заместителя директора, инспектора, старшего охранника и шести охранников, ассистента и двух уборщиц (Bulletin du Musée d'ethnographie du Trocadéro. № 1. 1931).

Этому стиранию границ между двумя областями компетенции способствуют этнографические экспедиции, организованные Музеем человека. В 1930-е гг. снаряжается несколько десятков экспедиций в Африку, Океанию, Азию, Гренландию и Европу.

Все экспедиции имеют одинаковую задачу: собрать как можно больше предметов и связанной с ними информации. Хотя стремление обогащать свои коллекции естественно для любого музея, рост коллекций Музея человека в 1930-е гг. поражает воображение. Позднее историки будут говорить о настоящей собирательской «лихорадке». Приведем несколько цифр: 3608 предметов передано в Музей экспедицией Джибути — Дакар (1931–1932); более 2000 предметов поступило из экспедиции «Ля Кариган» («La Korrigan») в Океанию (1934–1936); 857 предметов — с гор алжирского Ореса (1935–1937) и т. д. Б. Вильде и Л. Зуров привезут из Сетомаа 379 предметов.

Это ускоренное обогащение коллекций объясняется рядом причин. Прежде всего, речь идет о национальном проекте — обеспечить первый во Франции этнографический музей коллекциями, сравнимыми с теми, что уже существовали в других европейских музеях, и которые к тому же были бы собраны в колониях, чья историческая и культурная роль была, наконец, всеми признана. Вторая причина имеет более универсальный характер и связана с опасением быстрого исчезновения в XX в. локальных культур, отмеченных глобальной экспансией западной культуры. Наконец, третья причина определена ролью «свидетеля», которая отводится предмету. Концепция «вещи-свидетельства», применяемая к любому предмету, порожденному культурой или цивилизацией, была выдвинута в 1920-е гг. П. Риве, Ж.-А. Ривьером и М. Моссом. Будучи порождением конкретной культуры и как бы ее выражением, предметы имплицитно представляют все сферы деятельности общества: экономическую, техническую, социальную, религиозную и эстетическую. Таким образом они помогают пониманию образа жизни и способов мышления того или иного сообщества.

В свете нового международного политического контекста 1930-х гг., который требует приоритета европейских исследований, в новой научной политике Музея человека главную роль отдают полевым экспедициям, особенно если речь идет о зонах обменов и влияний. В связи с этим становится понятней, почему П. Риве так благосклонно отнесся к проекту Вильде и Зурова. Они как раз и предлагали отправиться в регион, отмеченный феноменами контакта и угрозой исчезновения традиционной культуры, с целью собрать историческую и этнографическую информацию, зафиксировать устные обряды и традиции, провести фотосъемку и сбор предметов.

■ БОРИС ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ — РАЗРАБОТЧИКИ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ПРОЕКТА

Можно сказать, что именно судьбы Б. Вильде и Л. Зурова, русских по происхождению и хорошо знавших Эстонию и Северо-Запад России, привели этих молодых людей к мысли об экспедиции в Сетомаа. Так, Борис Вильде, родившийся недалеко от Санкт-Петербурга, с 1919 по 1930 г. жил в эстонском университетском городе Тарту. Когда в 1934 г. А. Жид представлял директору Музея человека П. Риве Б. Вильде, у него в кармане было удостоверение о том, что Вильде проучился два года на химическом факультете в университете Тарту, располагает немалым литературным опытом, свободно говорит на четырех языках (русском, немецком, финском и эстонском) и хорошо знаком с культурой прибалтийско-финских народов. Директор музея угадывает в молодом человеке недюжинные интеллектуальные способности, а также энтузиазм и открытость новациям, необходимые для работы в его коллективе. Тот факт, что Вильде родом из России, играет свою роль в благорасположенности к нему Риве, поскольку его интересует Европа и СССР. С одной стороны, того требует политическая обстановка, а с другой — контакт с выходцем с севера Европы может оказаться плодотворным с научной точки зрения. Тем не менее, Вильде необходимо усовершенствовать свое знание французского языка и получить необходимые дипломы для того, чтобы войти в состав музейного коллектива. Следуя советам Риве, Б. Вильде в 1934 г. поступает в Сорбоннский университет и в Институт этнологии. Параллельно с подготовкой к защите дипломов Вильде работает на безвозмездной основе в Музее человека. В 1938 г. он получает стипендию Института этнологии, которую использует, в частности, на экспедиционную поездку в Финляндию. Тот факт, что Музей человека распахивает свои двери для Б. Вильде, еще не объясняет его присутствия в этих стенах. Дело в том, что он сам во что бы то ни стало хочет туда попасть. В этом музее ему импонирует все: честолюбивые замыслы устроителей, гуманистическая прогрессивная идеологическая платформа, увлеченный и сплоченный коллектив и атмосфера, одновременно серьезная и праздничная. Вызывает его восхищение и директор, П. Риве — масштабная личность, крупный ученый, антрополог и американист, известный своей антифашистской и антирасистской деятельностью¹⁰. Вильде, вхожий в русские литературные круги Парижа и

10. Поль Риве в то время возглавлял Комитет бдительности интеллектуалов-антифашистов, созданный в Париже в марте 1934 г. Он — член Лиги по борьбе с колониальным угнетением и империализмом, избран депутатом от социалистов во время деятельности Народного фронта в муниципалитете Парижа в мае 1936 г., сооснователь журнала «Расы и расизм» («Races et racisme»), выходит в 1937–1939 гг.), в котором Вильде опубликует свою статью.

Борис Вильде (первый справа) со своими коллегами перед Этнографическим музеем Трокадеро во время реставрационных работ. 1936 г. ■ ИМЭИ, Этнологическая коллекция

богему Монпарнаса, также высоко ценит открытость Музея человека к течениям художественного авангарда. Б. Вильде станет свидетелем и участником поразительно кипучей интеллектуальной деятельности, которая отличала Музей человека в те годы. Он внесет свой вклад в подготовку выставки, посвященной народам Прибалтики (1935) и в обмен коллекциями между Музеем человека и этнографическими музеями Эстонии и Финляндии¹¹. После экспедиций в Сетомаа (1937) и затем в Финляндию (1938) он примет участие в создании постоянной Галереи Европы, которая раскроет двери в 1938 г., и где он займется устройством витрин, демонстрирующих предметы сето и финнов. 20 июня 1938 г. он вместе с П. Риве и его ближайшими сотрудниками примет участие в официальной церемонии открытия Музея человека Президентом Французской Республики А. Лебреном.

11. Благодаря ему в 1938 г. Музей человека получил по обмену финскую этнографическую коллекцию, состоящую из 60 предметов (кол. № 1938.171), а в 1939 — эстонскую коллекцию из 37 предметов, которая была принята на учет в следующем году (кол. № 1940.13).

При подготовке экспедиции в Печорский уезд Борис Вильде вдохновляется полученными в Институте этнологии знаниями и тесными связями, которые он поддерживает с такими преподавателями, как М. Коэн, Л. Леви-Брюль, М. Мосс. С последним складываются особые отношения, что тот и подтверждает: «Господин Вильде прекрасно мне известен, поскольку он со мной работал» (MNHN-2AP4 2C 2b: Рапорт по запросу [на получение стипендии. — Т. Б.] господина Вильде, 22 июня 1939 г.). Вильде пользуется также советами П. Риве, Ж.-А. Ривьера и, позднее, Ж. Сустеля, заместителя директора музея с 1937 г., который также поддерживает его научные проекты. Вильде обогащает свои знания благодаря научным контактам с такими сотрудниками музея, как М. Гриоль, М. Лейрис, Д. Лифшиц и Д. Польм из отдела Черной Африки. Ему помогают также его друг Анатолий Левицкий, руководитель отдела сравнительной технологии, специалист по сибирскому шаманизму, Т. Ривьер, Ж. Тийон и Ж. Фобле из отдела Белой Африки. Именно рядом с Ж. Фобле и другими сотрудниками музея Б. Вильде сфотографируется перед музеем в 1936 г.

Не остался в стороне также и А. Леруа-Гуран из секции «Эскимось», который увлекался русским языком и культурой. Вильде часто поднимается на пятый этаж в библиотеку музея, где ее заведующая И. Оддон выдает книги научным сотрудникам. В марте 1940 г. Борис Вильде, наконец, получает штатную должность сотрудника Музея человека — «технического помощника в рамках научного исследования»¹². Но для развития его научной деятельности уже слишком поздно: через несколько месяцев он принимается за совсем другую работу, организовав в музее вместе со своими друзьями А. Левицким и И. Оддон одну из первых во Франции ячеек Сопротивления. В дальнейшем за это высокое предназначение он заплатит жизнью.

Л. Зуров родился в Острове, небольшом городе в Псковской губернии. С 1922 г. он живет в Праге, получает образование в Высшей технической школе по отделению архитектуры, где учится два года. Параллельно он посещает занятия на факультете археологии Карлова университета и научные семинары в Институте археологии им. Н. П. Кондакова. В 1928 г. по заказу Рижского университета он проводит перепись памятников Печерского монастыря, который тогда находился на территории Эстонской Республики. С момента прибытия в 1929 г. во Францию Зуров, хотя и уделяет значительное время литературным занятиям, продолжает интересоваться археологией и историей окрестностей Печор. В 1935 г. он возвращается в монастырь с поручением от Службы охраны памятников Министерства народного просвещения Эстонии, чтобы провести реставрацию средневе-

12. Протокол Ассамблеи профессоров Национального музея естественной истории от 21 марта 1940 г.

Леонид Зуров (в центре) возле надвратной церкви свт. Николая Чудотворца

Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря во время реставрационных работ. 1935 г.
MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7). | ИМЭИ, Центральная библиотека

ковой надворотной башни; одновременно он выполняет археологическое и этнографическое исследование местности.

Во время подготовки двух экспедиций в Сетомаа Зуров сотрудничает с некоторыми службами Музея человека: административной службой, библиотекой, фототекой и некоторыми научными отделами (Европы, музыковедения, первобытной истории и Азии).

Хотя мы и не располагаем на этот счет письменными свидетельствами, но, вероятно, Л. Зуров пользуется статусом «официального» добровольного сотрудника (волонтера). Это было принято в отношении отправляемых вместе с экспедициями ученых, которые не входили в число штатных оплачиваемых сотрудников Музея человека, но на добровольных началах систематизировали документы, полученные в ходе экспедиций или каталогизировали привезенные коллекции. Зуров выполняет эту работу в отделе Европы в 1937 и в 1938 гг. Он вернется туда в послевоенные годы, чтобы

составить отчеты о своих командировках и закончить составление паспортов предметов.

Б. Вильде и Л. Зуров встречаются в Париже, скорее всего, в 1933 г. в русских литературных кругах, но только в 1936 г. их сводит вместе единый этнологический проект. Зуров рассказывает об этом так:

«В 1936, на квартире нашего общего друга, поэта Ю. Мандельштама, я заинтересовал Вильде работой в Печерском краю, и он загорелся, чрезвычайно горячо взялся за дело, решив начать обследование древнего края. Он поступил студентом в Этнологический институт, познакомил с нашим проектом доктора Риве, составил рапорт о необходимости этнографического и археологического обследования края и начал энергичные хлопоты для получения официальной миссии в Прибалтику» (НМЕИ, Зуров I. Л. 28).

Экспедиция в Сетомаа носит тем более срочный характер, что, по мнению Зурова, археологическое и этнографическое достояния этого региона находятся под угрозой, как он сам смог убедиться в 1928 и 1935 гг.¹³

Вильде и Зуров понимают, что они прекрасно дополняют друг друга и могут довести этот проект до реализации. Зуров хорошо знает район Печор и имеет обширный опыт археолого-исторических исследований в этом районе. Вильде привносит свое знание эстонского языка. Перед отъездом оба с головой уходят в ускоренное изучение научной литературы по культуре финно-угров и русских. Зуров пополняет свои знания в библиотеке Славянского института в Париже. Вильде штудирует русские, эстонские, финские и немецкие публикации. Библиографические ссылки в отчетах Зурова и выписки Вильде из литературы показывают, что они располагают хорошими теоретическими знаниями по данной теме.

Путь, пройденный каждым из них, различные роли, которые они играют в Музее человека, а также характеры определяют природу их личных отношений. Первое, что бросается в глаза при чтении архивных документов, — это взаимоуважение корреспондентов. Но эти двое мужчин кажутся очень разными. Вильде — человек увлеченный, честолюбивый, стремящийся преуспеть и умеющий расположить к себе. Зуров скромнее в карьерных амбициях, но более постоянен и прилежен в полевой работе. Не случайно

13. Он несколько раз говорит об этом в своем Отчете № 1: «Меня поразило обилие незарегистрированных и не взятых под охрану памятников материальной культуры» (Л. 4); «Ценнейшие находки расходились по рукам любителей, частных коллекционеров и пропадали бесследно для науки» (Л. 6); «В 1928 г. Печерский край, берега Псковского озера, Изборск в этнографическом отношении были совершенно не обследованы» (Л. 17); «Местная интеллигенция не сделала ничего» (Л. 23) и т. д. См.: Архив MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11).

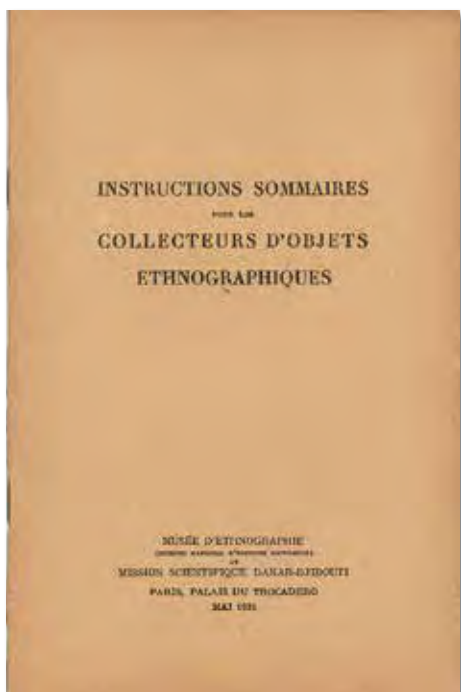
после их первой совместной экспедиции Б. Вильде несколько отходит от полевых исследований и решает на следующий год отправиться в Финляндию, чтобы продолжить научное образование и, главное, установить связи и организовать обмен между Музеем Хельсинки и Музеем человека. В своих тюремных записках в 1941 г. он даже скажет, что этнографические штудии были для него, «прирожденного искателя приключений», чем-то вроде «приключений духовных», наряду с философией и путешествиями (Vildé 1997. P. 62). Зуров же упрямо продолжает работу, начатую в 1937 г., и возвращается в Сетомаа в 1938-м. И хотя Вильде моложе Зурова (в 1937-м ему 28, а Зурову 34 года), именно он со своим «лидерским» характером и бóльшей «укорененностью» в Музее человека выступает как ведущий проекта в глазах П. Риве. Назначенный руководителем первой экспедиции, Вильде фактически является начальником Зурова.

■ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ МУЗЕЕМ ЧЕЛОВЕКА

Прежде всего надо вспомнить, что даже если Зуров и Вильде изучали документы по истории и традициям Сетомаа, и даже если Зуров уже имел некоторый опыт этнографических наблюдений, полученный в ходе посещения этого района в 1928 и 1935 гг., они начинают свою деятельность этнографами-новичками, как, впрочем, и многие другие участники экспедиций Музея человека того времени. В своей работе они смогут опереться только на лекции, прослушанные Вильде в Институте этнологии и на различные опубликованные инструкции, с которыми Леонид Зуров также должен был ознакомиться. Речь, в частности, идет об общих лекциях М. Мосса, названных «Инструкции по описательной этнографии»¹⁴, и о лекциях М. Гриоля и Ж.-А. Ривьера «Практические работы». Среди публикаций, предоставляемых в распоряжение студентов, можно упомянуть «Ведение лингвистического обследования» М. Коэна (1928), в основных чертах повторяющее содержание его лекций; «Общие инструкции для собирателей этнографических предметов» (1931), составленные М. Лейрисом на основании методик, разработанных в музее Трокадеро начиная с конца 1920-х гг.; «Введение в методологию», опубликованное М. Гриолем в журнале «Минотавр» («Minotaure») в 1933 г.

Напутствия будущим участникам экспедиции отвечают на два основополагающих вопроса: что и как исследовать. Вопрос «как?» мы рассмотрим позднее,

14. Этот курс читался с 1926 г. по 1939 г., опубликован в 1947 г., затем переиздан в 1971 г. под названием «Учебник этнографии» и стал основополагающим трудом для многих поколений французских этнологов.

**Общие инструкции для
собрателей этнографических
предметов**, изданные Музеем

этнографии (НМЕИ) и научной экспедицией
Дакар — Джибути. Париж, май 1931 г.

■ НМЕИ, Этнологическая коллекция

когда речь пойдет о методах исследования. Что касается первого вопроса, то основу ответа дает М. Мосс в лапидарной формулировке: «Описывать все, что описывается» (Mauss 1971. P. 10). Кроме одобрения любой формы наблюдения, эта формула Мосса отсылает нас к основам той новой науки, какой была этнология — к ее всеобъемлющему характеру. Исторически этот принцип вытекает из прежнего принципа функционирования антропологии с разделением задач между «ученым» и «собрателем», которую мы уже затрагивали, и которая была правилом во Франции вплоть до начала XX в. Для обоснования своих теоретических воззрений ученый должен был опираться на максимально полные данные. На этом основывается, например, разработка научными обществами того времени различных руководств и протоколов по ведению исследований. Служебные записки и инструкции Музея человека 1930-х гг., подробные и строгие, продолжают этот способ функционирования, призывая колонистов, путешественников и миссионеров проводить по мере возможности монографические описания обществ и культур. Эти инструкции адресуются также студентам Института этнологии, которые готовятся к этнографической карьере и которым придется по возвращении из экспедиции самостоятельно проводить систематизацию данных.

Множественность дисциплинарных подходов, которую предписывает в изучении общества такая синтетическая наука, как этнология П. Риве, сегодня затрудняет точную квалификацию исследований, проводимых в экспедициях посланцами Музея человека. Шла ли речь об исследованиях этнографических, лингвистических, исторических или археологических? И сами исследователи — считали они себя этнографами, лингвистами, историками или археологами? Сегодня, лучше ориентируясь с высоты прошедших лет в институционном и научном контексте полевых экспедиций 1930-х гг., можно сказать, что сотрудники Музея человека, даже если у каждого из них было свое специфическое основное образование, отправлялись в экспедиции с намерением изучать выбранное общество во всей его совокупности и должны были, таким образом, обладать минимумом компетенций во всех областях науки о человеке, — что и преподавалось им на занятиях в Институте этнологии. Б. Вильде и Л. Зуров, по мнению П. Риве, в силу их тематической разноплановости, полностью соответствовали этому синтетическому представлению об этнологии, хотя прилагательные «этнографический», «исторический» или «лингвистический» очень часто встречаются в их отчетах и в административной переписке. Так, командировочное предписание 1937 г. гласит, что Борису Вильде поручается проведение научной экспедиции в Эстонии «с целью сбора там этнографических документов» (MNHN-2AM1M1F). В рекомендательном письме для Зурова, написанном Полем Риве, читаем, что он командирован в страны Прибалтики «для осуществления этнологических и археологических изысканий» (MNHN-2AM1M1F). В отчетах Зуров пишет о своих «археологических» раскопках и об «исторических» и «этнографических» изысканиях, Вильде, — об изысканиях «лингвистических» и «этнографических».

С учетом многочисленности тем, затронутых Вильде и Зуровым в ходе их первой поездки, можно отметить, что они, как и предписывалось, стремились к всесторонности, и что их проект носил монографический характер. И только во время второй командировки Зуров, оказавшись на месте исследования в одиночестве и осознав масштабность задач, сужает зону исследований и концентрируется на археологии, а также на изучении ритуалов поклонения камням, деревьям и святым источникам.

В любом случае за четыре месяца изысканий Вильде и Зуров не смогли бы охватить все темы, предписываемые в инструкциях Института этнологии и Музея человека. Вне поля их зрения остались многие пласты культуры Сетомы, — такие, как политические и юридические вопросы, система родства, отношения внутри рода, экономическая система и т. д. Вследствие этого мы будем здесь рассматривать то, как Вильде и Зуров следовали предписаниям Музея человека только по темам, которые они охватили. В третьей части данной книги авторы статей более подробно рассмотрят в свете современных научных исследований каждую из тем, затронутых Вильде и Зуровым.

■ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ

Инструкции Музея человека настоятельно рекомендовали исторический подход при изучении народа. По мнению М. Мосса, «движения популяции должны изучаться внутри истории: истории миграций, часто широкомасштабных <...>. Детально изучать процессы эмиграции и иммиграции, это просачивание одного общества в другое» (Mauss 1971. P. 27). Кроме того он подчеркивает значение археологии в этнологическом исследовании: «Только критерий археологического факта, вписанного в слои почвы, придаст ценность культурным, лингвистическим и т. д. критериям» (Ibid. P. 8). А тема, которая интересует в первую очередь обоих исследователей, — это как раз история Сетомаа/Петсеримаа. Вильде и Зуров хотят понять причину устойчивости дохристианских верований, которую они наблюдают, а также механизмы взаимных влияний сето и славян. С этой целью они должны вернуться к истокам контактов между двумя этими сообществами, начавшихся приблизительно в X в., когда славянские племена начали завоевывать территории, прежде занимаемые прибалтийско-финскими народами. Им также нужно вписать эти контакты в более позднюю историю региона, отмеченную, начиная с XIII в., военными противостояниями между католическими государствами и православной Русью в борьбе за раздел территорий к югу от Финского залива. Зуров хотел бы изучить археологические следы восточных славян для того, чтобы хронологически обозначить их прибытие на южную часть Псковского озера. Поскольку ему не хватает археологических данных для выбора предположительных мест раскопок, нет соответствующей экипировки и не заключено никакого предварительного соглашения на этот счет с эстонскими властями, он просто проводит археологическую разведку. Во время первой экспедиции он осматривает 30 захоронений, 182 кургана, 6 городищ и 10 «скоплений жилых строений»; во время второй поездки — 44 кургана и 3 «скопления жилых строений». Эти данные в сопоставлении с работами русских историков того времени позволят ему сформулировать ряд предположений о хронологии и географических границах территориального присутствия славянских племен в Печорском крае.

■ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

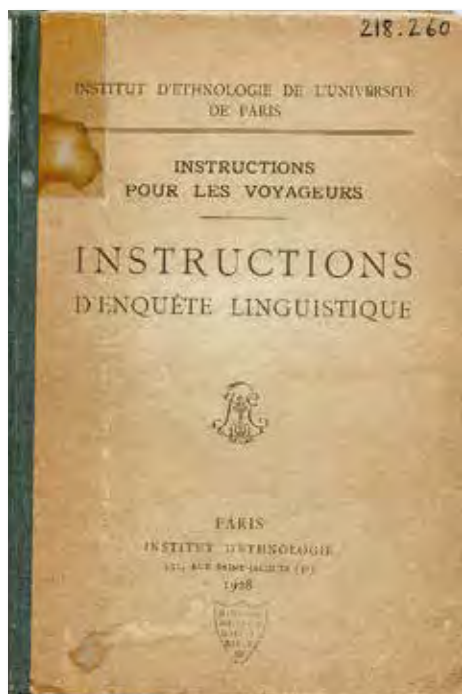
Вторая запланированная Вильде и Зуровым тема исследования — язык и фольклор. Если русский язык далек от исчезновения в Сетомаа¹⁵, то срочная

15. Изучение русского языка и устных традиций тем же летом 1937 г. ведет Э. Малер из университета Базеля.

М. Коэн. Инструкции для лингвистического анкетирования.

Институт этнологии. Париж, 1928 г.

■ НМЭИ, Центральная библиотека

необходимость изучения языка сето, которым как родным пользовалось в Сетомаа лишь около 13 500 человек, — это наверняка один из сильных аргументов, которым Борис Вильде подкрепляет проект экспедиции в глазах П. Риве. Вильде, владеющий эстонским и финским языками и уже располагающий обширными познаниями в лингвистике, вызывается провести исследования языка сето, следуя инструкциям Института этнологии, которые настоятельно рекомендуют участникам экспедиций проводить лингвистические опросы.

В этой области П. Риве и его коллеги из Института этнологии опираются на лингвистическую науку, получившую во Франции существенное развитие, в частности в рамках «Парижского общества лингвистики», созданного в 1866 г. Лингвистическое исследование, располагающее точным методологическим инструментарием, считается в Музее человека основным методом проникновения в жизнь общества, понимания ее механизмов и постижения правил функционирования. Изучение языка дает доступ к репрезентациям материальной жизни внутри той или иной группы, к ее способам осмысливать и отображать мир. Оно позволяет также отмечать факты культурных контактов и взаимопроникновения.

Язык — отражение жизни общества, и в силу этого он должен рассматриваться как «социальный факт». Эта идея развивается М. Коэном во время преподавания лингвистики в Институте этнологии:

«Язык — это социальный факт <...> он не может, будучи знаком мысли, изучаться без учета функционирования мысли. Наконец, рассматриваемый в пространстве, во времени, среди миграций народов, язык связывает лингвистику с этнографией, историей, географией, картографией» (Cohen 1928. P. 5).

Со своей стороны П. Риве считает, что лингвистика — самая продвинутая и надежная из социальных наук: «Хороший словарь — самый полный и надежный из этнографических документов» (Rivet 1930. P. 58).

Исчезновение языка лишает нас эффективного средства понять общество, которое его использовало. Отсюда срочная необходимость лингвистических исследований:

«Необходимо срочно собирать языки, которые находятся под угрозой исчезновения и которые позже будет невозможно эксгумировать. <...> Надо особенно стараться спасти от забвения языки, которые используются в разговоре только несколькими индивидуумами. <...> Малые группы не только подвержены риску утратить собственный язык, но им грозит опасность самим исчезнуть, не оставив следа. Наблюдение за этими людьми представляет особую срочность» (Cohen 1928. Pp. 4, 14).

На месте, столкнувшись с богатством и своеобразием этого языка, который он постепенно осваивает, Вильде довольно быстро задумывает масштабный и амбициозный проект: собрать глоссарии, провести анализ языка сето, определить его место в финно-угорских языках и, наконец, составить языковой словарь. Несмотря на то, что во время экспедиции 1937 г. эта работа только началась, он уже смог представить по возвращении в Париж полученные результаты:

«Лингвистический анализ языка сето позволил выявить наличие трех (как минимум) диалектических кругов, два из которых я изучил (один в Обинице и другой в Вярска — около 800 слов и около 1500 строк текста)» (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3). Рапорт Вильде, лето 1937 г.)¹⁶.

Эти несколько строчек рапорта — ответ на предписание М. Коэна «фиксировать границы различных языков в стране, не исследованной с лингвистической точки зрения» (Cohen 1928. P. 112).

К сожалению, из этих исследований Вильде до нас дошло немного: несколько карточек со словами сето, переведенными на французский; несколько слов, отмеченных в его полевых заметках и на паспортах предметов. Во

16. Полный текст отчета Б. Вильде см. в настоящем издании на с. 177–179.

время командировки 1938 г. Зуров попробует зафиксировать несколько слов на сето, в частности, относящихся к пространственным указаниям и материальной культуре.

Над русским языком и особенно устным фольклором Вильде и Зуров работают периодически, в основном над той его частью, которая связана с темами их исследований: свадебными и погребальными обрядами или обрядами поклонения деревьям, камням и святым источникам. Впрочем, Леонид Зуров оставляет за собой особую область лингвистических исследований — топонимию, которая позволяет ему углубить археологический поиск. В частности, он фиксирует 600 древних топонимов, как русских, так и сето.

■ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ

В предписаниях Музея человека верования и обряды рассматриваются вместе с языком как одно из лучших средств понять глубочайшие движущие силы жизни, и потому они должны непременно быть предметом полевых исследований. Все этнографические экспедиции, организованные Музеем человека, включают их в свою программу.

Ученым тем более легко проводить полевые исследования обрядов и верований, что большинство из исследователей хорошо подкованы теоретически, преподаватели Института этнологии в этой области — признанные авторитеты. Среди них М. Мосс и Л. Леви-Брюль, авторы многочисленных публикаций. Кроме того, в распоряжение студентов в то время было предоставлено огромное количество литературы, она включает среди прочих публикации Дж. Фрезера, Ф. Боаса, Э. Дюркгейма, В. Богораза, А. ван Геннепа и нескольких десятков других авторов.

Что касается религиозных явлений, можно предположить, что Вильде и Зуров следовали предписаниям Музея человека и проводили полевые наблюдения в свете дефиниций и классификаций, которым их обучали в Институте этнологии. В частности, М. Мосс призывает студентов заниматься изучением таких культурных объектов и мест, как камни, деревья, реки (Mauss 1971. Рр. 211, 227, 239). После кратких этнографических исследований 1935 г. Л. Зуров уже имел представление о культах деревьев, камней и священных источников, практикуемых в данной местности, но по-настоящему их важность открывается ему лишь в 1937 г., во время работы с Вильде. Эти «языческие» практики увлекают его настолько, что он понемногу превращает их в основную тему своего исследования. Он составляет перечень из трех десятков камней, десяти деревьев, двадцати одного источника, озер и рек, которые местное население считает священными. Он наблюдает связанные с ними ритуалы и проводит устные опросы. Он пытается уловить смысл и, тем не менее,

Леонид Зуров возле камня Анны (Аппеківі) в деревне Пелси (Курпичево)
во время экспедиции 1938 г. MQB PF 016894. | МнБ

быстро осознает, что невозможно понять значение обрядов, если не рассматривать их в свете древних и сложных связей между смешанными формами языческих верований местного славянского и прибалтийско-финского населения с одной стороны, а с другой — с православием. Относительно первых очень полезны археологические исследования; по вопросам православия он обращается к историческим данным, касающимся основания Успенского Псково-Печерского монастыря, а также к грамотам митрополита Макария, с 1535 г. — архиепископа Новгородского и Псковского, и лично записывает свидетельства некоторых монахов об их восприятии языческих обрядов. Л. Зуров посвятит поклонению камням, деревьям и святым источникам специальный рапорт на 78 страницах. Этой теме посвящен его единственный этнографический текст о Сетомаа (Zouroff 1940).

Вильде и Зуров интересуются еще одной составляющей обрядов и верований сето — фигурой бога Пеко. Изучение этой темы связано с устной речевой традицией и требует знания языка, следовательно, за дело принимается в основном Борис Вильде. И тогда он открывает одну из главных тем для понимания системы верований сето. Эта тема кажется ему интересной в этнологическом плане, и он выбирает ее в качестве темы докторской диссертации в Высшей научной школе, куда он записывается осенью 1937 г. Чтобы обнаружить следы этих верований, Вильде ведет наблюдения, проводит устные опросы и просматривает все записи того времени на данную тему. Об этом свидетельствуют несколько строк его отчета 1937 г. и выписки из литературы. Вильде ищет также дополнительные сведения в научных работах, посвященных другим финно-угорским народам, чтобы найти место поклонению богу Пеко в общей системе верований, некогда широко распространенных в отдельных регионах Европы и Азии. К сожалению, Б. Вильде не успел закончить эту работу, и Л. Зуров будет ссылаться на исследования по этой теме от лица обоих исследователей.

Среди обрядов, связанных с ритмом жизни, Вильде и Зуров уделяют особое внимание наблюдению за свадебными и похоронными обрядами. Действительно, эти обряды, возможно, лучше всего сохранились в Печорском крае, но также они и наиболее заметны для внешнего наблюдателя, в отличие от более интимных семейных обычаев, таких, как, например, обряды, связанные с рождением ребенка. Свадебные и погребальные обряды являются частью тех проявлений, которые А. ван Геннеп назвал «обрядами перехода» и описал в одноименной книге (Genper 1909), которую рекомендовал студентам М. Мосс. К сожалению, Вильде и Зуров не исследуют, как советовали ван Геннеп и Мосс, юридические аспекты брака, брачные правила, гендерные или какие-либо другие отношения соционормативного характера. Они останавливаются только на порядке церемонии. Получить представление об их исследованиях можно в основном по фотографиям

свадьбы сето, сделанным Зуровым в 1938 г. в деревне Поталово, а также по русским свадебным песням, записанным в 1934 г. в деревне Большой Круш и переданных Борису Вильде¹⁷ (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5)). Что касается обрядов погребальных, которые Мосс характеризует как «глубокие отметины, которые соответствуют слоям цивилизации и зонам цивилизации» (Mauss 1971. P. 233), то об интересе к ним свидетельствуют опять же фотографии Вильде и Зурова. Первая серия фотографий сделана Зуровым во время церемонии погребения русского усопшего в деревне Будовищи. Вторая серия снимков Вильде и Зурова касается обрядов почитания мертвых на кладбищах в Печорах, Зачеренье и Малах, которые свержали представители народности сето в пятницу Ильина дня и в воскресенье в день св. Онуфрия Мальского. Сцены, запечатленные Зуровым на фотографиях похорон, отсылают нас к рекомендациям М. Мосса:

«Следует обязательно отмечать положение умирающего, оплакивание.
<...> Убранство покойника, бдение, омовение, и т. д., [как] тело переносится на кладбище» (Mauss 1971. Pp. 231, 232).

■ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Для Поля Риве практика этнологии должна опираться на изучение материальной культуры. Технические приемы, умения и навыки, а также предметы, полученные в результате их применения, — это свидетели одновременно и технологических систем человеческих групп, их социальных структур и систем мышления. Для него, посвятившего несколько научных трудов исследованию доколумбовой металлургии, виды технической деятельности человека позволяют лучше понять единство человеческого разума, провести сравнительный анализ и отметить факты заимствований при условии, что есть возможность вести наблюдения за всеми компонентами ремесленной деятельности: от сырья и инструментов до процесса изготовления. Отсюда следует, что этнологи должны наблюдать и регистрировать все технические факты, свойственные данному обществу: его способы использования природных ресурсов, техники изготовления, жилище, одежду, музыкальные инструменты и т. д.

Вильде и Зуров отмечают на месте те виды технических действий, которые они считают наиболее характерными для Печорского края / Сетомаа. Среди основных занятий жителей — сельское хозяйство, скотоводство, рыбная ловля, пчеловодство, деревообрабатывающий и текстильный промыслы, при-

17. См. статью А. Новожилова «Семейная обрядность русских Печорского края», с. 679 в настоящем издании.

чем последний привлекает их внимание более всего. Сюжеты фотографий и выбор собираемых предметов демонстрируют не только важность кустарной деятельности для местного населения, но также и то, что оба исследователя действовали согласно методическим рекомендациям Музея человека. М. Мосс в своих очень четких инструкциях по изучению различных технических видов деятельности на нескольких страницах излагает, в частности, пункты, которые надо соблюдать при изучении ткачества, начиная с сырья и техник плетения нитей и заканчивая техническими особенностями ткацких станков и типов ткачества (Mauss 1971. Pp. 71–73).

Два десятка фотографий, сделанных Зуровым, иллюстрируют операции прядения нити, наматывания и так называемого тканья поясов «на ниту» и на дощечках. В своем рапорте он упоминает о проведенном исследовании красильных технологий. Он занимается также изучением русских поясов и обрядовых полотенец, рассматривая их не столько как результат технической деятельности, сколько как предмет — носитель смысла, «ценность которого не только техническая, но также религиозная и магическая» (Mauss 1971. P. 17). Вильде же интересуется одеждой сепо. Он изучает крой, цвета, манеру ношения, о чем свидетельствуют некоторые составленные им паспорта-описания к предметам, поступившим в Музей человека.

Рыбная ловля для населения, живущего на берегах рек и крупных озер, представляет собой очень важное и древнее занятие. Вильде и Зуров фиксируют с помощью рыбаков старинные техники изготовления инструментов этого промысла от лодок до сетей, а также собственно технические приемы рыболовства. Внимание, уделяемое деталям, отраженное, в частности, в фотографиях, выполненных Зуровым, отсылает нас к рекомендациям М. Мосса, который уточняет, что

«по каждой сети надо отмечать изготовление (нить, способ плетения, размеры ячейки, способ использования челнока), ее применение, установку. <...> Когда рыбная ловля ведется с лодки, а не с берега, изучение рыболовства естественно подразумевает изучение рыболовецкого судна».

Мосс рекомендует также проводить классификацию сетей: «сеть может быть неподвижной, ручной, с грузилами, с поплавками; образовывать невод, четырехугольную сеть, накидную сеть, тройную сеть и т. д.» (Mauss 1971. P. 60).

Зуров много фотографирует рыбаков в русских селах Городище, Будовищи, Лисья, Киленец, а также на берегу Боровенского озера. Его коллекция 1938 г. включает 50 предметов, связанных с рыболовством.

Другие серии фотографий и предметов демонстрируют интерес Вильде и Зурова к жилищу, игрушкам, музыкальным инструментам, домашней утвари и т. д.

■ СБОР ПРЕДМЕТОВ

«Общие инструкции собирателям этнографических предметов» (1931) советуют избегать двух распространенных «предрассудков» — чистоты стиля и редкости, так как часто «самые распространенные предметы позволяют нам больше всего узнать о конкретной цивилизации» (*Instructions sommaires 1931. P. 8*).

«Инструкции» предлагают собирать предметы по следующим темам:

1. Техноморфология (уменьшенные модели природных ландшафтов, деревень, домов, ферм, колодцев и т. д., которые отражают адаптацию народности к земле).
2. Собственно технология (орудия, служащие для добывания огня, механические инструменты, гончарные изделия, корзиноплетение, ткачество, предметы потребления, защиты и создания удобства; предметы, относящиеся к уходу за телом и т. д.).
3. Эстетика (игры, изобразительное искусство, музыкальное искусство, поэзия и проза).
4. Памятники социальной активности (религиозные и гражданско-правовые объекты, объекты и способы торгово-экономических отношений, в том числе их письменные и лингвистические свидетельства).
5. Демография (таблицы, диаграммы, статистические данные, и т. д.).»

Обе коллекции Вильде и Зурова прекрасно соответствуют этой типологической структуре широтой тематического охвата. Так, коллекция из 18 предметов сето, собранная в экспедиции 1937 г. (№ 37.48), состоит в основном из одежды и аксессуаров: женские и мужские рубашки, мужские брюки и чулки, обувь, рукавицы, пояса и т. д. Коллекция, привезенная из экспедиции 1938 г. (№ 38.170), насчитывает 361 предмет, в основном по культуре русских; среди них 29 обрядовых полотенец, 21 пояс, 159 образцов ткани, 16 фрагментов предметов, украшенных кружевом, 50 предметов, связанных с рыболовством, а также многочисленные деревянные предметы, инструмент для обработки льна, детские игрушки. В своем письме-отчете, направленном П. Риве в декабре 1938 г., Зуров отмечает:

«В том, что касается приобретенных мной коллекций, то я отсылаю в Музей человека список, включающий самые характерные предметы местности. Я хотел бы особо обратить внимание на коллекцию старинных полотенец, собранных мной в результате двухмесячных поисков в самых заброшенных углах Сетомаа. По дороге мне встретились конкуренты из Скандинавии; по счастливому стечению обстоятельств мне удалось сделаться единственным обладателем коллекции» (MNHN-2AM1M1F)¹⁸.

18. Полный текст письма-отчета см. в настоящем издании, с. 183–185.

Для Леонида Зурова особый интерес к русским полотенцам из региона Сетомаа заключен в их еще живой ритуальной функции и в сохранившемся декоративном орнаменте.

В соответствии с представлением об идеальном всеобъемлющем исследовании, чтобы изучить типологии и стилистические нормы в индивидуальном, деревенском, региональном и национальном планах, в Музее человека предписывают собирать предметы по сериям:

«Собиратель должен стараться составлять логические серии, собирая по возможности все образцы одного и того же предмета по размерам, формам и т. д., не опасаясь дубликатов и тройных экземпляров» (Mauss 1971. P. 16).

Кроме того, серии позволяют изучать один и тот же тип предметов с разных точек зрения:

«Присутствие двойных экземпляров необходимо, поскольку, например, одна и та же ткань должна изучаться с точки зрения ткачества, прядения, вышивок, украшений и т. д.» (Mauss 1971. P. 30).

159 образцов тканей, собранных Зуровым, составляют хорошую основу для изучения ткачества русского населения Сетомаа.

После доставки многие предметы из коллекций Вильде и Зурова обретут свое место в витринах Галереи Европы, открытой для посетителей с момента торжественного открытия Музея человека в июне 1938 г. Эти предметы будут выставлены в нескольких тематических витринах, посвященных финно-угорским народам. Культурная контекстуализация предметов одежды, орудий труда, музыкальных инструментов и др. была организована с помощью табличек и географических карт.

■ МЕТОДЫ ОПРОСА, СБОРА И ИНВЕНТАРИЗАЦИИ

Методы опроса, сбора и инвентаризации вытекают из двух основных требований, предъявляемых к любой полевой этнографической работе: всесторонний охват и точность. Чтобы их добиться, этнографы должны использовать

«этнографический и лингвистический опрос информаторов, исследования, проводимые силами местных жителей под контролем исследователя, непосредственное наблюдение фактов, при которых этнограф присутствует в качестве зрителя или действующего участника, исследование местности, сбор предметов, фотографирование и киносъемка, аудиозаписи, зарисовки, топография» (Griaule 1933. P. 9).

Как и другие исследователи, Борис Вильде и Леонид Зуров будут применять на практике методы работы, рекомендуемые Музеем человека и Институтом

Витрина в Музее человека, посвященная культуре сето, во время открытия Галереи Европы в 1951 г.

Представляет собой реконструкцию экспозиции, созданной Б. Вильде в 1938 г. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (6).

■ НМЭИ, Центральная библиотека

этнологии. Они будут выполнять зарисовки и схемы, делать снимки, проводить устное анкетирование и составлять сотни карточек.

■ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Рекомендации по организации экспедиций касаются выбора мест для изучения, желательного количества участников экспедиции, разделения работ, типа отношений с собеседниками из местных жителей и других практических вопросов. Они призваны помочь полевым исследователям заранее подготовиться и принять правильные стратегические и логистические решения.

Гриоль, Риве и Мосс задаются вопросом, сколько мест и групп надо изучить в зависимости от метода исследования, который используется в полевой работе. Метод может быть экстенсивный и интенсивный, причем первый «заключается в том, чтобы изучать данные вопросы в максимальном количестве обществ», а второй — «напротив, в углубленном исследовании одного общества» (Griaule 1933. P. 7). Каждый метод имеет свои плюсы и минусы, и только их сочетание может дать удовлетворительные результаты. Так, экстенсивный метод, как бы поверхностен он ни был, «позволяет в большом количестве случаев вычленить место, где можно впоследствии осуществить более интенсивную работу» (Mauss 1971. P. 13). Он позволяет также применять в научном анализе компаративный метод, необходимый инструмент в изучении социокультурных явлений как лингвистического, юридического, религиозного, так и технического порядка: «Отвергать экстенсивный метод — означает сделать невозможным систематическое изучение огромных институций, которые под различными названиями охватывают целые нации» (Griaule 1933. P. 7). Экстенсивный метод особенно необходим при сборе коллекций, поскольку «музейная этнография требует наличия исчерпывающе полных серий, элементы которых должны собираться в обширных зонах» (Ibid.). Интенсивный же метод позволяет максимально контекстуализировать изучаемый феномен, поместив его в корпус наблюдаемых фактов экономического, социального, идеологического, технического характеров и т. д. Таким образом интенсивный метод становится орудием «профессионального этнографа», тогда как экстенсивный метод может использовать и неспециалист.

Борис Вильде и Леонид Зуров, работая в территориальных границах Сетомая, стараются охватить разведкой максимальное количество мест и деревень (все-го они посетили более 150 деревень); они проведут углубленное исследование некоторых мест, таких, как, например, Меекси во время праздника Иванова дня или Малы и Зачеренье, изучая погребальные обряды. Компаративный метод был также принят ими на вооружение, поскольку в регионе, где сосуществуют две народности — русские и сето — и где неизбежно встает вопрос об изуче-

нии взаимных заимствований и влияний, этот метод оказывается единственно эффективным. Вильде и Зуров ведут параллельный опрос представителей обеих народностей, что доказывает, что они постоянно стремятся сопоставить их традиции. Этот компаративный подход тем более оправдан при исследовании свадебных и погребальных обрядов, в которых элементы сетоских традиций, и шире — прибалтийско-финских, смешиваются с таковыми у русских Северо-Запада, образуя специфические локальные варианты. Необходимость сочетать друг с другом интенсивный и экстенсивный методы приводит к другому методическому предписанию — работать в команде. Многие экспедиции Музея человека будут организованы по этому принципу. Марсель Гриоль так обосновывает необходимость групповой работы:

«Я вижу ее прежде всего в множественности субъектов изучения, а также во множественности методов наблюдения. Этнограф на все руки — это устаревшая концепция. <...> Часто бывает трудно одному и тому же наблюдателю делать заметки, фотографировать, снимать кино, зарисовывать, и во всяком случае ему невозможно находиться одновременно в разных точках. <...> Либо каждый из членов специализируется в определенной области, либо некоторые из них берут на себя несколько функций» (Griaule 1933. Pp. 8, 9).

Тем не менее, полевые условия и отведенное участникам экспедиции время требуют большой гибкости в методах коллективной работы: либо участники разделяются во время проведения опросов и каждый ведет собственные, либо они, напротив, работают вместе.

Готовясь к экспедиции 1937 г., Борис Вильде и Леонид Зуров планируют поделить темы исследований. Первый должен был взять на себя исследования этнографические, а второй — археологические, что подтверждают оба в своих отчетах. Но это разделение функций скорее теоретическое. В реальности они проведут почти всю эту экспедицию вместе. Вильде часто сопровождает Зурова во время археологических изысканий; Зуров со своей стороны, так же как Вильде, интересуется исследованиями этнографическими, и они часто осуществляют их вместе. Однако они в разной степени владеют языками. Зуров, не говорящий ни по-эстонски, ни по-сетоски, будет вести опрос в основном среди русского населения. Вильде же, напротив, уделит внимание общению с сето. В 1938 г., когда Зуров отправится в Сетумаа один, он прибегнет к помощи двуязычных местных жителей.

Поскольку участники экспедиции должны максимально опираться на помощь местных учреждений и на сеть местных сотрудников, Зуров и Вильде устанавливают контакты с представителями русской интеллигенции, в частности, в городе Печоры: с учителями, врачами, фотографами, членами обществ краеведения, которые помогают им не только наладить отношения с сельским населением, но и организовать логистику. Так, Вильде и Зурова

Борис Вильде (стоит слева) и студент Тартуского университета Е. Розов (стоит справа)
в гостях у семьи местных жителей во время экспедиции 1937 г.
Печорский уезд. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7). ■ НМЕИ, Центральная библиотека

принимают в семье врача А. Е. Розова, дом которого станет для них опорной точкой в Печорах, там же они устроят небольшую фотолабораторию. Один из городских фотографов Печор подарит им ряд «этнографических» снимков, которые они отправят в Музей человека. Зуров упоминает о помощи двух печорских студентов — Василия Титова и Евгения Розова, а также других молодых людей, например А. Андропова (НМЕИ, Зуров II. Л. 28), которые часто сопровождают его в походах и помогают в исследованиях. Они также налаживают контакты с эстонскими научными учреждениями для получения различных сведений, проведения обмена коллекциями, временного хранения археологического материала и т. д. Так, Зуров тесно общается с Археологическим кабинетом Тартуского университета. Он отправит туда археологические находки, собранные в полевых условиях. Кроме того, выступит посредником по поводу обмена археологическими коллекциями между директором департамента первобытной истории в Музее человека Харпером Келли с одной стороны и Харри Моора и Мартой Шмидехельм — с другой (MNHN-2AM1M1E. Зуров, письмо-отчет, направленное Полю Риве в декабре 1938 г., см. в настоящем издании, с. 183–185). У Зурова складываются рабочие отношения с сотрудниками музея в Печорах, хотя он и считает, что этот музей не выполняет своей роли в сохранении местного исторического наследия¹⁹.

19. Зуров называет этот музей «жалким» музеем, где есть только «несколько медных монет, женский головной вышитый золотом убор, бердыш и ученическая тетрадка с зарисовками наличников» (НМЕИ, Зуров I. Л. 23).

В 1950-е гг. он будет переписываться с директором Печорского музея, созданного в 1949 г. Михаилом Семеновичем Вильницем, обещая тому, в частности, прислать свои отчеты по командировкам (ПЧМ. 8652. Письмо Л. Зурова от 19 апреля 1958 г.)²⁰. Вильде же сближается с Эстонским национальным музеем в Тарту, который располагает коллекциями сето, и директор которого, Фердинанд Линнус, интересуется не только работой Вильде о сето, но и этнографическими коллекциями Музея человека²¹. Вильде будет поддерживать контакт с Ф. Линнусом до лета 1939 г., когда он, в частности, попросит прислать ему фотографии вырезанной из дерева фигуры бога Пеко, которая хранится в музее Тарту. Он получит две фотографии и один рисунок и 15 июня 1939 г. пошлет Линнусу благодарственное письмо (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)).

■ МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ УСТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Устные опросы на месте должны охватывать все виды человеческой деятельности: технические, духовные, религиозные, социальные и экономические. Эффективность этих исследований основана на правильном выборе собеседников, на правилах, которые нужно соблюдать во время бесед и на действенных методах записи свидетельств.

В том, что касается выбора собеседников, Мосс советует обращаться к информантам, «хорошо помнящим события; они могут встречаться среди юридических лиц или религиозных служащих, священников, знахарей, глашатаев» (Mauss 1971. P. 9).

Лингвист М. Коэн отмечает, что

«не надо, чтобы он (источник информации. — Т. Б.) говорил на языке для иностранцев, некоем “суржике” <...>, полезно заинтересовать информатора исследованием; неприемлемо, когда его самолюбие стремится представить собственный язык в том свете, который ему кажется выгодным» (Cohen 1928. Pp. 79, 80).

20. Копии их переписки хранятся в архиве ДРЗ. См. статью О. Фишман «Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)», с. 139 в настоящем издании.
21. 13 июля 1939 г. Музей человека отправит в Тарту несколько десятков предметов из Африки и Океании (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8), письмо от 13 июля 1938 г. Бориса Вильде Ф. Линнусу), 26 июля 1939 г. Музей Тарту отправит в Париж 37 эстонских предметов (Там же. Письма директора Эстонского государственного музея от 1 августа 1939 и 20 февраля 1940 г.). Несколько месяцев спустя Музей человека получил эстонскую коллекцию, состоящую из 37 предметов, в числе которых — три предмета сето (кол. № 1940.13). К несчастью, Европа как раз вступила в войну, и коллекция из Музея человека так и не дошла до Тартуского музея.

13-JUILLET 1939

Monsieur le Directeur,

J'ai l'honneur de vous informer que nous venons de vous envoyer les objets en musée de l'Homme dont la liste et les photos vous avaient été déjà communiquées. L'envoi a été effectué par l'intermédiaire d'une agence d'expédition, et tous les frais couverts par le Musée de l'Homme.

Nous sommes entièrement d'accord avec vous sur les changements que vous avez apportés à la composition de votre collection. Quant au mode et à la date de l'envoi, nous nous remettons entièrement à votre choix. Je ne pense pas qu'il y ait lieu de faire intervenir le Ministre de France à Tallinn.

Veuillez agréer, Monsieur le Directeur, l'assurance de ma meilleure considération

Monsieur F. Linna
Directeur du Eesti Rahva Muuseum
Tartu
Estonie

B.Y./B.V.

Письмо Б. Вильде
Ф. Линнусу, директору
Эстонского национального
музея. 13 июля 1939 г.
MNHN-MN ETHNO
EUR 205 (8). ■ НМЭИ,
Центральная библиотека

Господин директор,

я имею честь сообщить Вам, что мы только что отправили Вам экспонаты из Музея человека, список и фотографии которых были Вам уже представлены. Отправка была осуществлена посредством транспортного агентства и все расходы оплачены Музеем человека.

Мы полностью согласны с Вами относительно изменений, которые Вы внесли в состав Вашей коллекции. Что касается способа и даты отправления, мы полностью полагаемся на Ваше усмотрение. Я не думаю, что в этом случае вмешательство посла Франции в Таллине является необходимым.

Примите, господин директор, заверение в моем глубочайшем уважении.

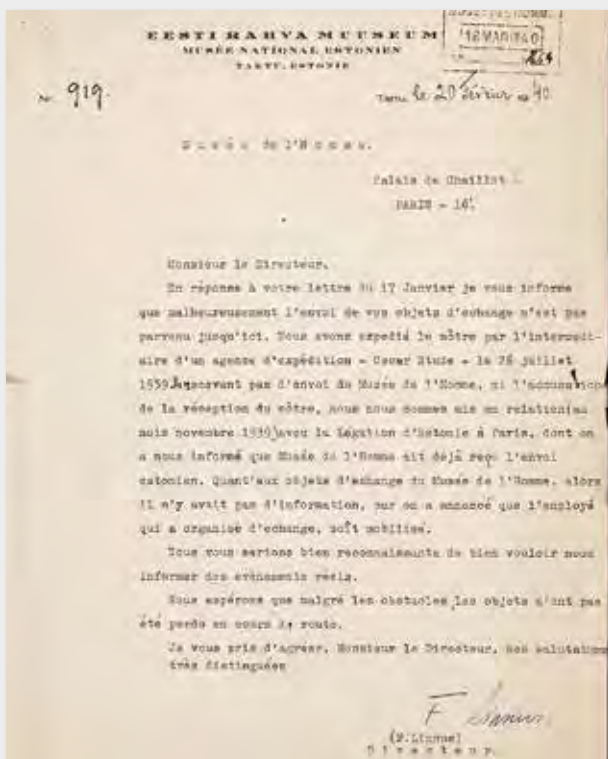
Г-ну Ф. Линнусу

Директору Эстонского национального музея

(подпись Вильде)

Тарту

Эстония

Письмо

Ф. Линнуса П. Риве.

20 февраля 1940 г.

МННН-МН ЭТНО EUR 205 (8).

ИМЭИ, Центральная библиотека

Господин директор.

В ответ на Ваше письмо от 17 января сообщаю Вам, что, к сожалению, Ваша посылка с экспонатами для обмена до сих пор не пришла. Мы отправили свою посылку посредством транспортногo агентства «Оскар Штуде» 26 июля 1939 г. Не получив ни посылки из Музея человека, ни подтверждения получения нашей посылки, в ноябре 1939 г. мы связались с Посольством Эстонии в Париже, где нам сообщили, что Музей человека уже получил эстонскую посылку. Что касается экспонатов для обмена из Музея человека, никакой информации не поступало, поскольку было объявлено, что служащий, который организовал обмен, призван в армию. Мы были бы весьма признательны Вам, если бы Вы сообразовали сообщить нам о реальных событиях.

Мы надеемся, что, несмотря на препятствия, предметы не потерялись по пути.

Я прошу принять Вас, господин директор, мои самые почтительные приветствия.

Ф. Линнус

Директор

Страничка отрывного календаря, на которой Б. Вильде написал, что он вскрывает сегодня, в день, когда ему исполняется 32 года, ящики с предметами, прибывшими из Эстонии (кол. 40–13). MNHN-MH ETHNO EUR 205(4).

■ НМЕИ, Центральная библиотека

Среди собеседников Вильде и Зурова есть крестьяне, учителя, монахи Печерского монастыря, приходские священники. Их много, и Зуров всегда указывает в отчетах имя человека, который предоставил ему информацию: старик Павел Дубровин из деревни Кувшиново; Мария Карловна Званер из Печор; рыбак Терентий Иванович Дедов из деревни Киленец и др. Чаще всего это пожилые люди, хранители местной памяти. В старом Изборске, чтобы расспросить стариков, он даже идет в богадельню (НМЕИ, Зуров II. Л. 62).

Что касается правил, которые надо соблюдать во время устных опросов, способов регистрации и методов транскрипции, лекции Марселя Коэна предлагают систему фонетической записи в виде латинского алфавита с добавлением специфических значков, а также систему транслитерации. Очень подробно (на десяти страницах) правила транскрипции приводятся в учебном пособии, озаглавленном «Инструкции по лингвистическому опросу» (Cohen 1928).

Исследование Бориса Вильде о языке сето было осуществлено через десять лет после публикации «Инструкций» Коэна, в то время, когда в Музее человека разграничения между описывающим «этнографом» и изучающим «этнологом» в

значительной степени сокращаются. По примеру многочисленных этнологов, которые выезжают в экспедиции в 1930-е гг., чтобы самим проводить этнографические исследования в полевых условиях, Борис Вильде намерен справиться с двумя этапами научной работы: записать язык на месте и затем изучить его. Для реализации второго этапа он уже располагает, благодаря курсу обучения в Сорбонне, достаточным багажом знаний; в полевых же исследованиях он будет опираться на «Инструкции». По крайней мере, такой вывод мы можем сделать на основании дошедших до нас редких документов.

Борис Вильде выполняет сбор лексики по темам и типам деятельности, рекомендованным в «Инструкциях»:

«Словарь необходим, чтобы полностью знать язык. Значит, в любом случае нужно стараться собрать как можно больше слов. <...> Рекомендуется делать опросы по темам: таким образом постараться собрать все названия частей тела, все названия одежды, все юридические термины».

Надо добавить к этому темы «домашние и дикие животные», «инструменты, предметы мебели, еда» и много других категорий (Cohen 1928. Рр. 104, 105). Так, на ряде карточек он отмечает названия составных частей костюма или ткацкого станка. На одну из карточек другого рода Борис Вильде выписал клички коров, которые даются в соответствии с тем днем недели, когда они родились. При составлении сетоского словаря он обращает внимание на лексику, имеющую отношение к этим домашним животным, главным образом потому, что она особенно богато представлена в Сетомаа. Это также обусловлено положениями «Инструкций», которые подчеркивают важность фиксации словарных материалов о наиболее развитых видах деятельности, что выражается в богатстве используемых терминов:

«Тщательно налаженное разведение верблюдов приводит к различению животных на различных этапах роста и [получаемой от них — Т. Б.] выгоды. В этом случае важно знать, имеет ли язык только конкретные очень точные термины или располагает общим термином, абстрагированным от подробностей обстоятельств: “верблюдом вообще”» (Cohen 1928. Рр. 106, 107).

Вильде также будет прилежным учеником в том, что касается рекомендаций «Инструкций» Коэна по методу записи терминов: «Записывать только то, что произносится»; «использовать только одну нотацию по каждому звуку»; «давать единственный смысл каждому знаку» и т. д. Вильде записывает все слова на языке сето в виде фонетической транскрипции, тщательно указывая ударение, длительность гласных и т. д. Зуров же, испытывающий большие трудности, чем Вильде, будет стараться во время своей второй экспедиции записывать слова сето, относящиеся в основном к географическому пространству, рельефу, названиям мест, координатам и проч.

Сбор словарных групп направлен на создание словаря, поскольку

«только полный словарь предоставляет средство для изучения: с одной стороны словарный запас местных жителей, с другой стороны — различные вклады иностранных языков (заимствования) и архаические пережитки или заимствования из литературного или религиозного языка того же происхождения, что и наблюдаемый язык» (Cohen 1928. P. 105).

Борис Вильде убежден, что словарь сето представляет интерес, и как укажет в своем отчете Зуров, он планирует его составить. Но его жизнь окажется слишком короткой, чтобы довести дело до конца.

«Инструкции» Коэна дают также советы, как организовывать беседы и как их записывать: «В идеале нужно записывать на лету непринужденную беседу» (Ibid. P. 82). Кроме того, запись бесед и свидетельств должна происходить «пословно, французское слово — под словом местным, <...> никаких приукрашиваний в вашем переводе: как можно более непосредственная абракадабра. <...> полное отчуждение» (Mauss 1971. P. 20).

Транскрипция, которую делает Леонид Зуров по собранным свидетельствам, показывает, что он точно следует этим предписаниям. Так, например, обстоит дело с «неприукрашенным» свидетельством лесника Григория Гучкова из деревни Ботвино:

«В середине дуба было дупло, огонь забрался туда, и он сгорел. Как пойдете в Столбово — будет по правую сторону яма, откуда берут песок, лесок налево, курган стоит около этой горки, а возле кургана он и рос. Не знаю, будут ли видны его корни. Латыш ехал, говорит, “вог дураки русские”» (НМЕИ, Зуров П. Л. 73).

Для того, чтобы записывать язык, «Инструкции» рекомендуют кроме письменной фиксации использовать технические средства звукозаписи, такие как фонограф или цилиндрический валик. Не располагая своим оборудованием, Борис Вильде будет делать записи языка сето с помощью фонографа, одолженного у швейцарской экспедиции (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3), отчет Вильде, 20 ноября 1937 г.). К сожалению, эти звукозаписи не дошли до Музея человека.

При рассмотрении сбора фольклорных текстов преподаватели Института этнологии настаивали на том, что «полезно собирать выражения, пословицы, песни, сказания, басни, сказки, легенды, приговоры и т. д.» (Cohen 1928. P. 100). Марсель Мосс настаивает на необходимости «найти сборники коренных народов, и информаторов, способных передать постоянную традицию» (Mauss 1971. P. 20). Именно песни сето записывает Вильде на швейцарский фонограф. Он привезет также две тетрадки с 46 куплетами русских свадебных песен, записанных в 1934 г. для Петра Амосова в деревне Большой Круш (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5)).

■ МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ ФОТОГРАФИРОВАНИЯ

Фотография рассматривается в Музее человека как необходимый инструмент полевых исследований. Она играет центральную роль в стратегии контекстуализации и «инсценировки» этнографических предметов в Музее.

В том, что касается методики съемки, Музей человека в 1930-е гг. следует общему течению развития документальной фотографии во Франции и Европе в целом, учитывая ее успехи — как технические, так и художественные. Так, появление в продаже маленьких фотоаппаратов, легких и удобных в обращении, таких как «Leica» или «Rolleiflex», позволяет делать быстрые и серийные снимки, что порождает практику фоторепортажа. Этот метод, позволяющий сделать серию фотографий на одну и ту же тему, запечатлевая одного или нескольких персонажей в движении, найдет применение и в этнографической фотографии того времени.

В 1930-е гг., во время экспедиций, организованных Музеем человека, съемкой занимаются чаще всего сами этнологи, и качество фотографий зависит от опыта и способностей каждого из них. Однако для получения хороших документальных фотофиксаций Музей иногда обращается к профессионалам. Фотография в то время была в моде и находилась под влиянием модернистских течений в искусстве, поэтому в «Общих инструкциях собирателям этнографических предметов» сформулированы некоторые правила «этнографической» съемки: «Делать как можно меньше постановочной подготовки, не стремиться к получению художественного эффекта, давать как можно точнее представление о реальности». Если речь идет о собираемом предмете, нужно «фотографировать его всегда в его исходной обстановке». Затем излагаются четыре правила технического порядка: 1) помечать условия и дату снимка; 2) указывать дистанцию от объекта до аппарата; 3) по возможности проявлять пленки незамедлительно; 4) нумеровать каждый снимок и вписывать его номер в журнал. Некоторые факты биографий Бориса Вильде и Леонида Зурова позволяют утверждать, что к моменту их отъезда в экспедицию они уже имели определенную практику фотографирования. Например, известно, что Зуров во время командировки в Печоры в 1935 г. делал фотографии, некоторые из которых поступили затем в фототеку Музея человека (датированы 1935-м г.). Борис Вильде, вращавшийся в журналистских кругах и сотрудничавший в нескольких литературных газетах и журналах во время своего пребывания в Германии в 1930–1932 гг. (Hogenhuis 2009), наверняка был знаком с крупными немецкими иллюстрированными изданиями. Благодаря запросу на получение фотооборудования, который был направлен Полю Риве 17 мая 1938 г., мы знаем, что Зуров выезжает в экспедицию в 1938 г. с аппаратом «Rolleiflex 6x6» (№ 627921), имеющим объектив «Tessar 35» (№ 2154848), с несколькими

десятками пленок и дополнительным оборудованием²². Вероятно, это тот же фотоаппарат, который использовался во время экспедиции 1937 г. По возвращении ученых лаборатория Музея человека отпечатает снимки на бумаге и передаст их на хранение в фототеку. Как и тысячи других фотографий, поступающих в Музей человека, снимки Вильде и Зурова наклеиваются по одному на лист серого картона и снабжаются короткой подписью с указанием автора снимка и инвентарного номера; затем они распределяются по темам и помещаются в соответствующие ящики в большие шкафы.

Борис Вильде и Леонид Зуров выезжают на место не только с фотооборудованием; они имеют при себе «Инструкции по фотографированию». В соответствии с изложенными в них рекомендациями они будут фотографировать, охватывая как можно более широкую сферу деятельности жителей Сетомаа: рыболовство, пчеловодство, ремесленные промыслы, торговлю, семейные праздники, обряды... Количество фотографий, сделанных по каждой теме, отражает больший или меньший интерес, проявленный к ней. Самые значительные подборки касаются обрядов Иванова дня, паломничества к священным камням, а также брачных и погребальных церемоний. Что касается принципа «как можно точнее отражать реальность», Вильде и Зуров соблюдают его, можно сказать, по умолчанию. Действительно, поскольку большинство их снимков относится к обрядам, то всякая постановочность в принципе трудна, хотя и не исключена²³. Кроме того, учитывая характер их командировок, когда все делалось буквально на бегу, при переходе из деревни в деревню, не имея реальной возможности задержаться и дать местному населению привыкнуть и принять присутствие ученых, фотографии могли быть только репортажными, можно сказать, даже «подловленными», сделанными украдкой, как у фоторепортеров. Зуров, впрочем, и не скрывает этого (НМЕИ, Зуров П. Л. 32, 41, 42).

По-другому обстоит дело с фотографиями, которые можно назвать «этнографическими портретами», на которых можно заметить «остановленный» жест пряжи, ткачихи или столяра, а пальцы зафиксированы в «технически выгодном» ракурсе, наиболее характерном для производимого вида работы; наверняка такая поза была принята по просьбе фотографа. Этот «уговор» объясняется заботой о верной фиксации на пленке технического жеста в точный момент той или иной операционной цепочки. Он свидетельствует также о доверительном отношении, сложившемся между фотографом и его

22. Точный список оборудования, использованного во время той командировки, был составлен Б. Вильде 7 сентября 1938 г., в тот же день, когда Зуров передал ему свой список (рукописная отметка внизу письма Ж. Суслеля, адресованного Л. Зурову и датированного 12 августа 1938 г. (MNHN-2AM1M1F)).

23. См. статью П. Хагу «Материалы Бориса Вильде и Леонида Зурова о праздничных датах народного календаря сето», с. 601 в настоящем издании.

MUSEUM NATIONAL D'HISTOIRE NATURELLE
LABORATOIRE D'ETHNOLOGIE
MUSÉE DE L'HOMME.

PALAIS DE CHAILLOT - PARIS-16.
TÉLÉPHONE : PASSY 74.46.

RÉFÉRENCE À RAPPELER : I293

12 AOUT 1938

Cher Monsieur,

Comme vous le savez, Vilde part prochainement pour les pays baltes. Il sera en Estonie en Septembre. Je me permets de vous rappeler que vous devez, comme il avait été convenu, lui laisser l'appareil photographique qui a été prêté par le Musée. Veuillez avoir l'obligeance de le laisser chez le Dr. Rosov.

Vous pouvez écrire à Vilde à la Légation de France à Helsinki.

J'espère que votre travail et celui de Mme de Persinne vous donnent satisfaction. Recevez, je vous prie, l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Jacques Soustelle
(Jacques Soustelle)

Monsieur Zuroff
Tartu t. IG
PETSERI
(Estonie)

J.S./S.D.

Objets de Monsieur Juroff

*l'appareil Photo Rolleiflex 6x6 n° 627321
Obj.: Tessar 43,5 n° 2054840*

1 assiette P. actus junior

1 pied portatif, plat à étaler

1 troussée céram. Saag 2 montures

1 lame silex

1 " bronze

1 " cuivre

1 " v.v.

1 sac Kodak

Per. Vilde, le 7 septembre 1938

Письмо Ж. Сустеля Л. Зурову, в котором перечисляются фотографические принадлежности. 12 августа 1938 г. MNHN-2AM1M1F. ИМЭИ, Центральная библиотека

Святые врата и надвратная церковь свт. Николая Чудотворца

Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Фотография Л. Зурова на картонном паспорту.

MQB PP0083341. ■ МНБ

«моделью», обращенной лицом к объективу, о чем можно судить по тому, улыбается она или «позирует» во время семейной церемонии.

Л. Зуров и Б. Вильде скрупулезно следуют техническим рекомендациям, например, касающимся необходимости «указывать условия и дату съемки». Соблюдалась и рекомендация «проявлять пленки по возможности сразу же». Как уже упоминалось, в Печорах, в доме доктора Розова, была устроена небольшая фотолаборатория (НМЭИ, Зуров I. Л. 4, 5, 28); возможно, проявкой занимался фотограф Дедич, технический сотрудник чешской экспедиции, с которым Зуров и Вильде делили лабораторию (Там же. Л. 27). Впрочем, при передаче пленок в фототеку Музея человека формулировалось только требование предоставить фотоотпечатки на бумаге, что предполагает, что пленки были уже предварительно проявлены.

Прядение на прялке. Д. Горицице.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016900. МНБ

Девушка с коромыслом. Деревня неизвестна.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 008038. ■ МНБ

■ КАРТОГРАФИЯ И ЗАРИСОВКИ

Поль Риве утверждает в Музее человека мысль о том, что полевые карты — необходимая часть этнологических исследований. Для него, сторонника теории диффузионизма, составление карты распределения фактов — хороший способ проанализировать феномены диффузии и наглядно продемонстрировать культурные комплексы (Laurière 2008. Pp. 266, 267). Это позволяет вычленить сходство между группами людей, подчеркнуть влияния, актуализировать миграционные потоки и установить очаги распространения тех или иных форм культуры.

Картам как средству обозначения контекста экспонируемых предметов также отдается предпочтение. Риве и Ривьер с самого начала модернизации старого Этнографического музея Трокадеро с особой гордостью объявляют, что «коллекции там будут размещены в соответствии с правилами современного музееведения, с тщательно выполненными табличками, географическими картами, указывающими размещение племен, с картами распространения наиболее характерных предметов» (Rivet et Rivière 1931. P. 7). Витрины Галереи Европы, посвященные финно-угорским народам и установленные в 1938 г. Борисом Вильде, также будут включать географические карты.

В ходе экспедиций в Сетомаа Вильде и Зуров используют карты. Борис Вильде в приложении к «Общему отчету об использовании дотации Национальной кассы научных исследований», датированному 20 ноября 1937 г., указывает, что в ходе экспедиции было израсходовано 480 франков: «...выплачено господину Розову, сотруднику, ответственному за составление карт» (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)). Весьма вероятно, что речь идет конкретно о трех небольших картах, которые хранятся в Музее человека и показывают географическое положение Сетомаа и несколько маршрутов. В 1938 г. карты рисует сам Леонид Зуров. Одна из них включает указания на местонахождение камней и святых источников (на фоне, окрашенном в разные цвета в зависимости от зон проживания русского населения, сето или смешанных зон) и, возможно, является рабочей картой, поскольку она не озаглавлена и некоторые места обозначены кириллицей. Вторая карта — «официальная», с надписями латиницей и с экспликацией на французском языке, была выполнена для Музея человека после экспедиции. Она озаглавлена «Маршрут археологических и этнографических исследований летом 1938» и, видимо, предназначалась для того, чтобы сопровождать отчет Зурова. Обе эти карты имеют картографические указания, предписываемые нормами того времени: масштаб, широту и долготу; месторасположение водных потоков, городов и сел; государственные и региональные границы; железнодорожные линии; пешеходные маршруты; условные графемы для обозначения обнаруженных объектов (курганов, могильников, камней и святых источников). В картах использованы различные цвета для планиметрических указаний, та-

блицы условных знаков. Все это делает карты понятными и удобочитаемыми. Наряду с картами предписывается также использование рисунка: «Без колебаний использовать рисунок, даже неловкий и самый общий, для пояснения текста» (Cohen 1928. P. 103). Марсель Мосс призывает своих студентов прибегать к зарисовкам во время составления паспортов-описаний предметов:

«Рисунок присовокупляется каждый раз, когда нужно показать манипуляции с предметом <...>; ткацкий станок не понятен без документов, показывающих его функционирование» (Mauss 1971. P. 17).

Вильде — возможно, более талантливый рисовальщик, чем Зуров — иллюстрирует паспорта-описания набросками предметов, приобретенных для Музея человека в 1937 г. Зуров же делает в полевых заметках топографические зарисовки и схемы.

■ МЕТОДЫ И ПРАКТИКА СБОРА

Выше мы затронули рекомендации Музея человека по критериям отбора вещей для коллекционирования. Как же обстоит дело с методами приобретения? Единственное указание, данное на этот счет в курсе обучения в Институте этнологии и в «Общих инструкциях собирателям этнографических предметов», касается необходимости сопровождать сбор предметов устными опросами:

«Этнограф не довольствуется сухим сбором предметов; его исследование простирается на роль, которую эти предметы играют в социальной и индивидуальной жизни, на связанные с ним обычаи, на верования, к которым они отсылают» (Instructions sommaires 1931. P. 5).

Борис Вильде и Леонид Зуров будут стремиться проводить на месте максимально широкие исследования в связи с собираемыми предметами; паспорта-описания, которые они будут составлять, станут отражением их заботы о том, чтобы эти предметы «заговорили».

Удивляет, что «Общие инструкции собирателям этнографических предметов» игнорируют важный вопрос о способах их приобретения: целые страницы посвящены методам инвентаризации, составления этикеток к предметам и их упаковки, но нет ни слова про то, как их приобретать. Это происходит, вероятно, потому, что в противоположность нормам документирования, которые могут разрабатываться в самом музее, в конце 1920-х гг. еще не хватало опыта сбора предметов в рамках экспедиций, который позволил бы составить определенные правила. Поэтому авторы инструкции предпочитают оставлять на усмотрение собирателей выбор способов приобретения в зависимости от полевых условий и обстоятельств. Однако этот вопрос стоит затронуть, так как некоторые способы сбора того времени ка-

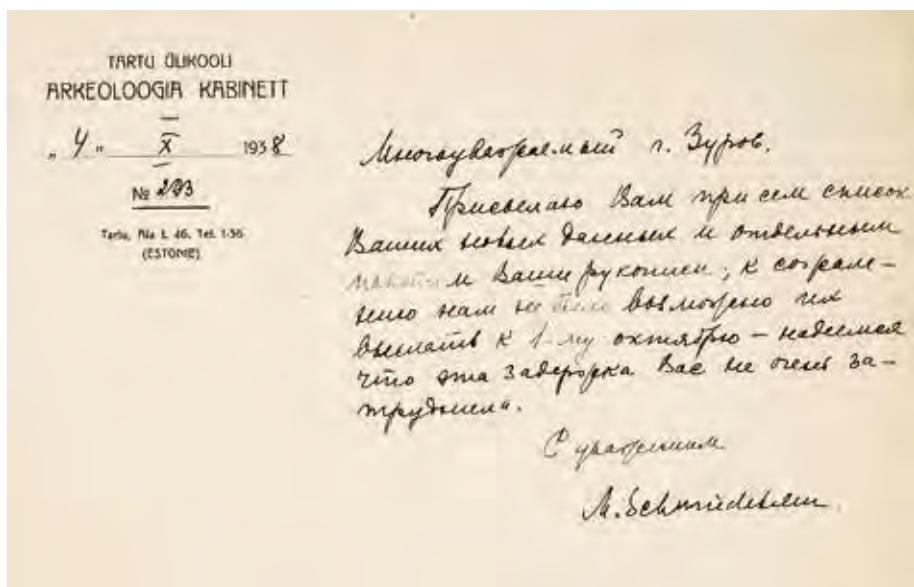
жутся нам сегодня неприемлемыми. В частности, во французских колониях члены экспедиций опирались на логистические возможности колониальной администрации и военного гарнизона, а сбор вещей часто носил характер реквизиции или насильственного изъятия. В иных местах приобретение предметов могло уподобляться краже или «захвату» (L'Estoile 2010. Рр. 192, 193). Что касается Бориса Вильде и Леонида Зурова, то для них вопрос об этике сбора вещей не встает — уважение к людям и к их имуществу не подлежит сомнению. Предметы либо отдадут им (в частности, образцы тканей и кружева, снятые со старой одежды), либо они их приобретают. Борис Вильде в своем «Общем отчете об использовании субсидии Национальной кассы научных исследований» указывает сумму, затраченную на покупку предметов — 750 из 15 000 франков экспедиционного бюджета (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)). Его экспедиционные записи иногда включают указания о покупке — например, двух женских рубаш у Анны Цанк и Ефимии Легри (инв. №№ 37.48.1, 37.48.2). Леонид Зуров, со своей стороны, в докладной записке о расходах экспедиции 1938 г., приложенной к отчету директору Музея в декабре того же года, уточняет, что он израсходовал 5000 франков (из общей суммы в 11 300 франков экспедиционного бюджета) на «покупку предметов, транспортные расходы, подарки». Для вывоза предметов из Эстонии Зуров запрашивает необходимые официальные разрешения. Он пишет:

«Ящик с коллекциями для Музея человека я оставил в Таллине. Разрешение на вывоз собранных на территории Сетумаа коллекций мною было получено от Эстонского министерства народного просвещения 21-го сентября. Ввиду тревожного положения я не мог захватить с собою коллекции на пароход, кроме того, у меня не было и средств для доставки их в Париж, т. к. ассигновка еще не была мною получена. Коллекции я доверил Французскому консульству (все потом благополучно прибыло в Музей человека)» (НМЕИ, Зуров I. A. 48).

Что касается обнаруженных археологических предметов, то Зуров отправит их в Археологический кабинет Тартуского университета, как и свои заметки, которые он оставит там на некоторое время для перевода (см. илл. на с. 79)²⁴. В материалах Зурова упоминаются два документа, которые были выданы ему в Археологическом кабинете: благодарственное письмо за проведенные им археологические исследования и копия официального акта о передаче археологических материалов²⁵.

24. См. статью А. Кирристан и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии», с. 113 в настоящем издании.

25. Зуров пишет об этих двух документах в приложении к своему письму, адресованному П. Риве, от 17 мая 1938 г. (MNHN-2AM1K99c).

Записка М. Шмидехельм, адресованная Л. Зурову от 4 октября 1938 г., с сообщением о высылке ему его рукописей. MNHN-2AM1M1F. I NMEI, Центральная библиотека

■ МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ

Методы инвентаризации, как и опроса и сбора предметов, основаны на двух правилах, которые были твердо предписаны правилами Музея человека: всесторонность и точность. Эти правила были тем более необходимы, что они позволяли зафиксировать максимум сведений о предмете и сделать его «предметом-свидетельством». Чтобы обеспечить точность описания, позволяющее поместить предмет в контекст, Поль Риве и Жорж-Анри Ривьер разрабатывают систему инвентаризации для полевых исследователей и для технического персонала музея. В этой работе они опираются на опыт других музеев, например, они берут на вооружение систему инвентаризации, принятую в музее Гётеборга и в ряде музеев Соединенных Штатов Америки²⁶. Ядром этой системы является «паспорт-описание» (см. илл. на с. 81), который его разработчики характеризуют как «основополагающую новацию» (Rivet et Rivière 1931. № 5. P. 30). Речь идет о вопроснике, стандартизированном как по форме, так и по содержанию.

Первым внутренним документом, который вводит в музей принцип «паспорта-описания», является «Служебный приказ» № 6 от 29 июня 1929 г., озагла-

26. Упоминается в «Служебной записке» № 26 от 1929 г.

ленный «Составление номерного паспорта-описания». В нем перечисляется десять разделов, которые собиратель предметов должен заполнить:

1. Место происхождения.
2. Обозначение и название.
3. Описание.
4. Дополнительные пометки (изготовление, использование, типология, морфология, идеология, эстетика).
5. Этнография (народ, племя, подплемя, род, клан, индивид).
6. Кем и когда был получен предмет.
7. Условия поступления в музей.
8. Фотографические ссылки.
9. Разное (выставки, временная передача, и т. д.).
10. Библиография.

Кроме того оговаривается, что в каждой из пяти первых рубрик надо указывать «название по-французски, название на местном европейском языке и алфавите, фонетическую транскрипцию, название на языке и в алфавите местных жителей, в фонетической транскрипции».

Регламент предусматривает два этапа составления паспорта. Первый заключается в составлении его от руки на месте, в момент приобретения вещей. Второй этап — перепечатывание полностью составленного паспорта на пишущей машинке по возвращении исследователя в музей. Чтобы как можно большее количество сотрудников Музея человека и студентов Института этнологии смогли ознакомиться с рубриками паспорта-описания, эти рубрики в 1931 г. были опубликованы в «Общих инструкциях собирателям этнографических предметов»²⁷.

В инвентарной описи коллекции из Сетомаа Борис Вильде и Леонид Зуров следуют рекомендациям Музея человека буквально. Поскольку первое обязательное условие — это составление паспортов на месте, Вильде пишет свои паспорта во время экспедиции 1937 г. от руки. 17 его паспортов включают, когда это необходимо, рисунки и местные названия различных частей предметов, что придает им ценность полевых заметок. Машинописная версия этих паспортов, где установленные регламентом десять пунктов тщательно заполнены, выполнена в Музее человека по возвращении обоих участников экспедиции в Париж. Леонид Зуров поступает так же, о чем свидетельствует единственный сохранившийся у нас в архивах паспорт, написанный его рукой. В силу того, что его коллекция очень значительна и работа была

27. Несколько поколений этнологов и хранителей коллекций Музея человека будут использовать этот образец паспорта, в обиходе называемый «Паспорт из 10 пунктов». Эти же рубрикации сохраняются и в 1980-х гг., когда паспорта, отпечатанные на пишущей машинке, заменит компьютерная система данных.

№ 170.348.

- 1) Эстония. Сетумаа. Лисье.
- 2) Лодка сделана из одного куска дерева. Длина 30 см, ширина 10 см. Прямой парус из белого холста 20 см шириной и 14 см высотой. В верхней части парус удерживается с помощью деревянной перекладины, каждый из концов которой привязан к парусу бечевкой, и с помощью еще одной бечевки, проходящей сквозь отверстие, просверленное на верхушке мачты, и обвитой вокруг гвоздя на корме лодки. Еще одна деревянная перекладина поддерживает верхнюю часть паруса, который привязан бечевкой к ее двум концам. Вертикальная мачта имеет высоту 21 см, она вбита в дно лодки и пересекает планку, представляющую скамейку.
- 4) Лодка изготовлена старым подочником. Парус старинной формы сделан точно. Эти формы парусов вышли из употребления в районе Псковского озера десять лет назад.
- 5) [не заполнено]
- 6) Приобретена г-м Зуровым в 1938 г.
- 7) Экспедиция Зурова 1938 г.
- 8) Эр.: Е.42.1024.306.
- 9) [не заполнено]
- 10) Ж. Р. Бенезеш / Зуров. 1947.

Описательная карточка

предмета № 38.170.348,
составленная Ж. Р. Бенезеш
и Л. Зуровым. Состоит из 10 пунктов
и дополнена рисунком лодки-игрушки.
■ НМЭИ, Этнологическая коллекция

- 1) Эстония. Сетумаа. Лисье.
- 2) Парусная лодка. Детская игрушка.
- 3) Лодка сделана топором из одного куска дерева. Длина 30 см, ширина 10 см. Прямой парус из белого холста 20 см шириной и 14 см высотой. В верхней части парус удерживается с помощью деревянной перекладины, каждый из концов которой привязан к парусу бечевкой, и с помощью еще одной бечевки, проходящей сквозь отверстие, просверленное на верхушке мачты, и обвитой вокруг гвоздя на корме лодки. Еще одна деревянная перекладина поддерживает верхнюю часть паруса, который привязан бечевкой к ее двум концам. Вертикальная мачта имеет высоту 21 см, она вбита в дно лодки и пересекает планку, представляющую скамейку.
- 4) Лодка изготовлена старым подочником. Парус старинной формы сделан точно. Эти формы парусов вышли из употребления в районе Псковского озера десять лет назад.
- 5) [не заполнено]
- 6) Приобретена г-м Зуровым в 1938 г.
- 7) Экспедиция Зурова 1938 г.
- 8) Эр.: Е.42.1024.306.
- 9) [не заполнено]
- 10) Ж. Р. Бенезеш / Зуров. 1947.

Список предметов коллекции сето

№ 37.48, собранной в ходе экспедиции
1937 г., исправленный
Б. Вильде. MNHN-MN ETHNO EUR 177.

■ НМЭИ, Центральная библиотека

Экспедиция Бориса Вильде. 37.48.17. Эстония. Сетумаа. Коллекция, собранная Вильде (экспедиция в Эстонию, июнь – сентябрь 1937)

37.48.1 Женская рубаша *naiste särk'*. Сету. Калугина. НА ЭКСПОЗИЦИИ.

2. Женская рубаша с длинными рукавами *piki käustega hamä'*. Сету. Хелби.

3. Вышивка рукавов *käusekirä*. Сету. Вярска.

4. Женский головной убор *linik* линник. Сету. Туплева. 1) полотенце – полотнище с 2 вышитыми концами 2) *riavöö* (головная повязка) – лента.

5. Пояс *viiü*. Сету. На экспозиции. Вяйке Рысна.

6. Пояс *vöö*. Сету. Хелби.

7. Мужская рубаша *poissa hamä'*. На экспозиции. Вяйке Рысна.

8. Мужские штаны *miiste püksi*. На экспозиции. Вяйке Рысна.

9. Мужские чулки *miiste suka*. Вяйке Рысна. На экспозиции.

10. Два конца головного убора *liniki otsa*. Сету. Петсеримаа. Калугина.

11. Корзина из корней сосны *solavak'*. Вяйке Рысна.

12. Солонка из корней сосны *vak'*. Там же.

13. Станок для тканья поясов *kudimize värk «gabaiağa»*. Сету. Обиница.

14. Станок для тканья поясов *kudimize värk «lavakustuga»*. Обиница.

15. Башмаки *tsuvva*. Сету. НА ЭКСПОЗИЦИИ. Обиница.

16. Инструмент плотника *tsärt* («черта») Сету. Лядина. НА ЭКСПОЗИЦИИ.

17. Рукавица *kinda*. Сету. НА ЭКСПОЗИЦИИ. Туплева.

18. Пояс «Vöö». Сету. Туплева.

прервана войной, составление машинописных паспортов растянулось на несколько лет — с 1939 по 1947 г. Топографические и методические паспорта двух коллекций, составленные исходя из описательных паспортов, будут выполнены в 1950-х гг. сотрудниками отделения Европы Музея человека. Каждый из описательных паспортов имеет инвентарный номер. И в этом тоже соблюдается регламент. Первая коллекция имеет инвентарный номер 37.48.1–18, что означает, что коллекция поступила в музей в 1937 г., что она 48-я, полученная музеем в тот год, и что она включает 18 предметов. В соответствии с тем же принципом вторая коллекция Зурова получает инвентарный номер 38.170.1–361.

Списки предметов и описательные паспорта, составленные Борисом Вильде и Леонидом Зуровым, включают богатые сведения о материальной культуре и обычаях жителей Сетомаа и свидетельствуют о масштабе проведенных ими полевых исследований. И хотя можно только сожалеть об отсутствии в Музее человека большей части их полевых заметок, нужно, по крайней мере, радоваться наличию этих паспортов, запечатлевших техники, обычаи и эстетические нормы, распространенные в Сетомаа в 1930-е гг.

■ ПОСЛЕ ЭКСПЕДИЦИЙ

Научные исследования на территории Сетомаа / Печорского края после экспедиций Вильде и Зурова будут освещены в статьях российских и эстонских авторов. Здесь же мы остановимся только на нескольких фактах из жизни Вильде и Зурова, а также на послевоенной истории Музея человека.

После экспедиции 1937 г. Борис Вильде поступает в Практическую школу высшего образования, чтобы готовить там докторскую диссертацию, посвященную культу бога Пеко, но одновременно он вынашивает и более честолюбивые проекты по изучению финно-угров во Франции. По возвращении из Финляндии он пишет статью «Финская цивилизация» — единственную, которую он успел опубликовать по прибалтийско-финской тематике, и содержащую описание финской материальной культуры (Vildé 1940). Он составляет также «Заметки к проекту создания в Париже финно-угорского института или другого подобного учреждения» — короткий текст из шести рукописных страниц, свидетельствующий как о его познаниях в области финно-угорских изысканий, так и о его устремлениях предпринимателя в области науки (MNHN-MN ETHNO EUR 205 (4)). В 1938 г., вступив в противоборство с нацистскими теориями, Борис Вильде пишет статью по расовому вопросу, которая будет опубликована в журнале «Races et Racismes» / «Расы и расизм» (Vildé 1939), где он оспаривает понятие «арийской расы» задолго до его собратьев-расологов (Meуran 1999). Начиная с 1938 г. Вильде сближается с

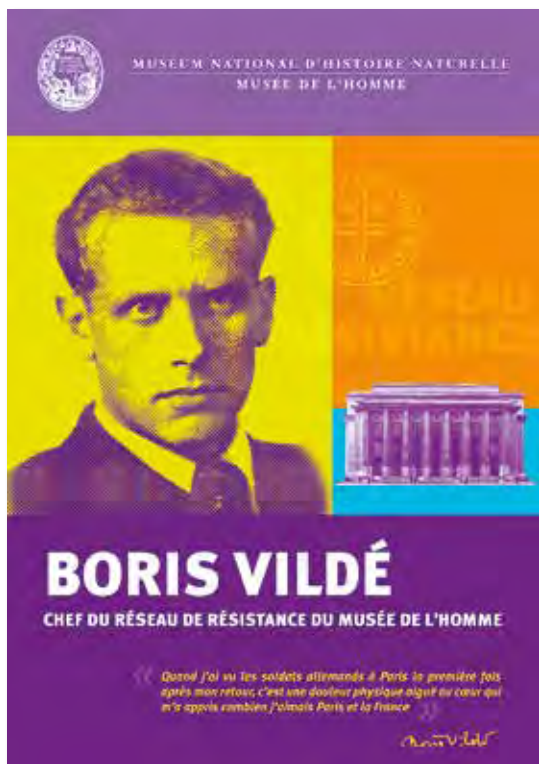
Приказ генерала де Голля о присвоении Б. Вильде медали французского Сопротивления. MNHN-MN ETHNO EUR 205 (9). ИМЭИ, Центральная библиотека

коллегами из отдела Арктики, поскольку планирует распространить свои исследования до севера Скандинавии, включая Норвегию, скооперировавшись для проведения экспедиций с Полем-Эмилем Виктором (MNHN, 2AP4 2C 2b. Рапорт Марселя Мосса от 22 июня 1939 г.). Летом 1939 г. он направит запрос о финансировании второй своей экспедиции в Финляндию и Скандинавию, высказывая желание о «длительном пребывании» (Ibid.). К несчастью, политическая ситуация в Европе больше этому не благоприятствует, и Риве не удовлетворит этот запрос. В 1940 г. Борис Вильде внезапно останавливает все проекты. Отныне для него нет ничего важнее борьбы с фашизмом. Вместе с Анатолием Левицким и Ивонной Оддон он основывает в августе 1940 г. первую ячейку Сопротивления во Франции. В марте 1941 он был арестован гестапо и 23 февраля 1942 г. расстрелян в старом форте на холме Мон-Валерьен. Леонид Зуров после экспедиции 1938 г. планирует вернуться в Сетомаа в 1939 г., чтобы продолжить начатые исследования. 5 апреля 1939 г. он направляет Полю Риве письмо с просьбой разрешить эту третью экспедицию (MNHN-2AM1M1F). Эта экспедиция не состоится по тем же причинам, что и у Бориса

**Каталог выставки,
посвященной 100-летию
со дня рождения Б. Вильде.**

Музей человека, июль 2008 г.

■ НМЕИ, Этнологическая коллекция

Вильде. В 1940 г. Леонид Зуров публикует в шведском журнале «Folk-Liv» статью о поклонении камням, деревьям и святым источникам, посвященную в основном празднованию Иванова дня в Меекси/Мегузицы (Zoureff 1940). В послевоенные годы, после написания отчетов и окончания составления паспортов-описаний, он возвращается к своим литературным занятиям и отдаляется от Музея человека. Больше он никогда туда не вернется.

Документы, сданные Вильде и Зуровым в отдел Европы Музея человека, были сложены в два отдельных досье (экспедиции 1937 и 1938 гг.), помещенных в ящик «Эстония» шкафа для так называемых «технических» досье, классифицированных по странам. Позже к ним добавились другие документы, связанные с этими исследователями и их деятельностью, в частности, посмертные документы. Среди них — приказ генерала де Голя от 3 ноября 1943 г. о присуждении Борису Вильде медали французского Сопротивления; приглашительные билеты на различные памятные мероприятия; программа балета «Мон-Валерьян», поставленного в 1971 г. в Городском театре Тарту, в Эстонии и т. п.

Вплоть до 2007 г. никаких других командировок от Музея человека не будет совершено ни в Эстонии, ни в Печорский край, вошедший в 1940 г. вместе с Эстонской Республикой в состав Советского Союза.

Тем временем работа Музея человека продолжалась с переменным успехом. Она целиком зависела от превратностей истории и изменения научного контекста. Так, в годы войны, хотя Музей и не закрывал дверей, его деятельность в значительной степени замедлилась. Самые ценные коллекции, в частности некоторые предметы из коллекции первобытной истории, были отправлены в укромное место в Дордони. Некоторые сотрудники, добровольные и штатные, покинули Париж. Поль Риве в 1941 г. из-за угроз нацистов был вынужден уехать в Колумбию.

Выставочные залы, однако же, оставались открытыми для публики. Закрыта была только Галерея Европы. Она была демонтирована в 1940 г., поскольку организация витрин по странам в их границах до фашистской оккупации уже не соответствовала геополитической картине. Понадобится десять лет, чтобы в 1951 г. восстановить постоянную экспозицию, посвященную Европе (Roubin, Roussel de Fontanès 1973). Витрина, посвященная народу сето, вернется на свое место в открытой для посетителей галерее с тем же расположением предметов, которое было утверждено в 1938 г. Борисом Вильде. Отличие состояло лишь в том, что сето там были представлены уже как граждане Эстонской Советской Социалистической Республики в составе Советского Союза. В 1995 г., после распада СССР в 1991, постоянная экспозиция зала Европы была снова демонтирована, на этот раз окончательно.

В эпистемологическом плане на протяжении всей второй половины XX в. Музей человека продолжает опираться на постулаты 1930-х гг. с теми же целями: составить энциклопедический перечень культур мира и представить публике «репрезентативные» предметы. Ориентируясь на это, этнологи музея продолжают выезжать в экспедиции и пополнять коллекции. Тем не менее, с окончанием французской колониальной эпохи и появлением нового подхода к культурам «других», становится все труднее поддерживать этот эпистемологический курс. Так, в середине 1970-х гг. начинает утверждаться эстетизирующее представление об «этнографических» объектах, согласно которому предметы или, по крайней мере, некоторые из них обладают художественной ценностью универсального характера и могут быть по достоинству оценены европейской публикой, независимо от их социальных функций в исходных обществах. Открытие в музее Лувр в 2000 г. залов, посвященных искусству Африки, Азии, обеих Америк и Океании, и создание затем Музея на набережной Бранли окончательно узаконила эту новую тенденцию (L'Estoile 2010. P. 575).

К сожалению, реализация проектов музея Лувр и Музея на набережной Бранли происходила за счет передачи коллекций из Музея человека и Музея искусств Африки и Океании. Министерским декретом (2000) все неевропейские этнографические коллекции Музея человека были перевезены в Музей на набережной Бранли, а европейские — переданы на хранение в Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья. Это дробление по сей день вызывает разнообразные реакции со стороны этнологов, сохранивших верность Музею человека.

Прежде всего, в институциональном плане существует оппозиция отправке этнографических коллекций Музея человека, осложненной многочисленными административными нарушениями, как подчеркивает в своей книге «Скандал первозданных искусств: истинная история Музея на набережной Бранли» Б. Дюпэнэ (Dupaigne 2006). Необходимо отметить, что в плане эпистемологии — с разделением между коллекциями «экзотических» и европейских народов — у ученых возникает впечатление, что совершается предательство по отношению к изначальной идее как Этнографического музея Трокадеро, так и Музея человека, идее единства культур в их многообразии. Многие считают, что они наблюдают закат этнологии в том смысле, который придавал ей П. Риве.

Поскольку никакой аргумент не смог нарушить такое разделение, нужно было переосмыслить тематику нового Музея человека. После нескольких лет размышлений и дискуссий проект замкнулся на проблематике, свойственной Национальному музею естественной истории, а именно — эволюции человеческого вида и его отношениях с природной средой (Moher 2004). Приобретение этнографических коллекций возобновляется, на этот раз преимущественно в связи с темой человека как субъекта управления биоразнообразием. Так Музей человека возвращается к одному из своих изначальных принципов: вписывать изучение человека и человеческих сообществ в общую систему естественных наук.

Новый музей предпочел опереться на свою историю. Красная нить их деятельности, проходящая сквозь все постоянные тематические экспозиции, связывает достижения гуманитарных и естественных наук с их первопроходцами и историческими руководителями как в плане биологической антропологии, так и первобытной истории, и этнологии. Освещается их деятельность, известная и неизвестная.

В связи с этим публикация фонда Вильде — Зурова чрезвычайно своевременна и тем более необходима сегодня, так как в результате административных решений этот фонд, который находился на хранении в Музее человека, в 2002–2005 гг. был разделен между тремя заведениями: коллекции предметов были переданы в фонд Музея цивилизаций Европы и Средиземноморья, фотографии переместились в Музей на

набережной Бранли, а рукописные архивы остались в Национальном музее естественной истории. Данная книга вновь соединяет материалы фонда воедино.

Архивные документы и литература

- ГАРИ 1827** ■ Географический атлас Российской империи. Автор-составитель и гравер карт: Полковник Пядышев Василий Петрович. Изво: Санкт Петербург, Академия Наук Военно топографическое Дено.
- НМЕИ, Зуров I** ■ Первый отчет Л. Ф. Зурова «Результаты этнографического и археологического обследования Сетума — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.» (MNHN-MN ETHNO EUR 205 (11))
- НМЕИ, Зуров II** ■ Второй отчет Л. Ф. Зурова: «О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в балтийские страны, организованная французским Министерством народного просвещения в 1937 и 1938 гг.» (MNHN-MN ETHNO EUR 205 (11))
-
- Baye 1901** ■ Baye A.-A.-L.-J. Bertholet (baron de). A travers quelques villes historiques de la Russie. Souvenir d'une mission. Paris: Librairie Nilsson, 1901.
- Benfoughal 1999** ■ Benfoughal T. La constitution des collections ethnographiques russes au Musée de l'Homme: histoires croisées // Cahiers slaves, civilisation russe. № 2. UFR d'études slaves. Université de Paris-Sorbonne (Paris IV), 1999. Pp. 234–275.
- Bulletin du Musée d'ethnographie** ■ Bulletin du Musée d'ethnographie du Trocadéro. Imprimerie Hérisssey. Évreux, № 1, janvier 1931; № 2, juillet 1931; № 3, janvier 1932; № 4, juillet 1932; № 5, janvier 1933; № 6, juillet 1933; № 7, janvier 1934; № 8, juillet 1934 — décembre 1935.
- Bulletin** ■ Bulletin mensuel d'information du Musée de l'Homme. № 7. Janvier–février 1940.
- Cohen 1928** ■ Cohen M. Instruction d'enquête linguistique / Série «Instructions pour les voyageurs». Paris: Institut d'Ethnologie, 1928.
- Dias 1991** ■ Dias N. Le Musée d'Ethnographie du Trocadéro (1878–1908) / Anthropologie et muséologie en France. Paris: CNRS Éditions, 1991.
- Dupaigne 2006** ■ Dupaigne B. Le scandale des arts premiers. La véritable histoire du Musée du quai Branly. Paris: Mille et une nuits, 2006.
- Fontanès 1983** ■ Fontanès M. (de) Histoire de l'ethnologie européenne au Musée de l'Homme. ..., texte dactylographié de 13 pages / Archives du service «Collections d'ethnologie». Paris, Musée de l'Homme, 1983.
- Gennep 1909** ■ Gennep A., van. Les rites de passage. Paris, 1909
- Griaule 1933** ■ Griaule M. Instruction méthodologique. // Minotaure. N 2, 1933. Pp. 7–12.
- Hamy 1887** ■ Hamy E.-T. Résumé des travaux scientifiques de M. E.-T. Hamy. Paris: Typographie A. Hennuyer, 1887.

- Hogenhuis 2009** ■ Hogenhuis A. Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme. Paris: CNRS Éditions, 2009.
- Instructions sommaires** pour les collecteurs d'objets ethnographiques 1931 Instructions sommaires pour les collecteurs d'objets ethnographiques. Musée d'Ethnographie (Muséum national d'histoire naturelle) et Mission scientifique Dakar — Djibouti. Paris: Palais du Trocadéro, 1931.
- Laurière. 2008** ■ Laurière Ch. Paul Rivet, le savant et le politique. Paris: Publications du MNHN, 2008.
- L'Estoile 2010** ■ L'Estoile B. (de) Le goût des autres. De l'Exposition coloniale aux Arts premiers. Paris: Flammarion, 2010.
- Mauss 1971** ■ Mauss M. Manuel d'ethnographie, Petite bibliothèque Payot: Paris, 1971.
- Meyran 1999** ■ Meyran R. Ecrits, pratiques et faits. L'ethnologie sous le régime de Vichy // L'Homme. 1999. T. 39. № 150. Pp. 203–212.
- Mohen 2004** ■ Mohen J.-P. (dir.) Le Nouveau Musée de l'Homme. Paris: Odile Jacob, 2004.
- Rivet 1930** ■ Rivet P. Les Données de l'anthropologie // Dumas (Georges) (sous la dir.), Nouveau traité de psychologie. T. 1: Notions préliminaires, introduction, méthodologie. Paris: Éditions Alcan, 1930.
- Rivet 1948** ■ Rivet P. Contribution des civilisations dites inférieures à la civilisation européenne // Les lettres françaises. № 191. 15 janvier 1948.
- Rivet et Rivière 1931** ■ Rivet P. et Rivière G.-H. La réorganisation du Musée d'ethnographie du Trocadéro // Bulletin du musée d'ethnographie du Trocadéro. 1931. № 1, janvier. Imprimerie Hérissé, Évreux. Pp. 3–11.
- Roubin et Roussel de Fontanès 1973** ■ Roubin L. A. et Roussel de Fontanès M. La nouvelle galerie publique de l'Europe. Remarques méthodologiques // Objets et mondes. 1973. T. XIII, fasc. 3. Pp. 179–190.
- Vildé 1939** ■ Vildé B. Les races de l'Europe // Races et racisme. Bulletin du Groupement d'Étude et d'Information. Num. spécial «La science des races au Musée de l'Homme». Paris, 1939. Pp. 8–10.
- Vildé 1940** ■ Vildé B. Civilisation finnoise // Finlande. Paris: Horizons de France. 1940. Pp. 147–154.
- Vildé 1997** ■ Vildé B. Journal et lettres de prison. 1941/1942. Paris: Allia, 1997.
- Zouroff 1940** ■ Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukezer och Ryssar i Petsari-Oumradet // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. Vol. 4. S. 62–77.

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27** Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

■ Фонд Вильде — Зурова: историческая справка и классификация

Татьяна **Бенфугаль** и Филипп **Менесье** ■
Перевод с французского языка Аллы Беляк
Перевод документов Анастасии Калюты

Фонд Вильде — Зурова состоит из трех частей: вещевые коллекции, фотографии и документальные архивы. Напомним, что этот фонд, который в 1937–1938-х гг. почти целиком хранился в Музее человека (который является составной частью Национального музея естественной истории), в 2002 г. был поделен между тремя учреждениями: коллекции предметов были переданы на хранение в Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья, архивы остались в Музее человека (в 2008 г. они были перевезены в Центральную библиотеку Национального музея естественной истории), а фотографии были перемещены в Музей на набережной Бранли.

■ КОЛЛЕКЦИИ И ИХ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Борис Вильде и Леонид Зуров доставили в Музей человека две коллекции. Коллекция 1937 г., зарегистрированная на имя Вильде (инв. № 37.48), включает 18 предметов по народной культуре сето и состоит в основном из предметов одежды. Коллекция 1938 г. (инв. № 38.170) насчитывает 361 предмет, в большинстве — по этнографии русских. По прибытии в Музей человека обе коллекции были помещены в зал хранилища отдела Европы, за исключением десятка предметов, в том числе сетоских, которые выставлялись в публичных галереях с 1938 по 1940 и затем — с 1951 по 1995 гг.

Сетоские экспонаты из коллекции Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г.
 Кол. MNHN 37.48. (1, 3, 4 (1), 4 (2), 5, 7, 8, 9, 10, 13, 16 и 17, передана в МЦЕИС).
 Фотографии МЦЕИС. ■ МЦЕИС

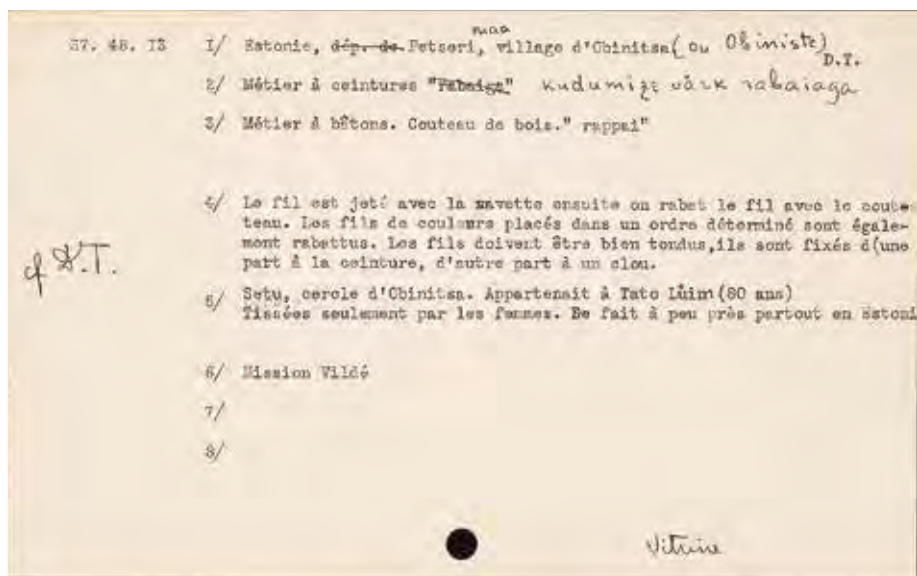
Русские и сетские экспонаты из коллекции Л. Зурова. 1938 г.

Кол. МННН 38.140. (3, 26, 39, 60, 65, 70, 244, 256, 266, 278, 331 и 337, передана в МЦЕИС).

Фотографии МЦЕИС. ■ МЦЕИС

■ ПАСПОРТА-ОПИСАНИЯ ПРЕДМЕТОВ

Для коллекций 1937 г. описательные карточки из десяти пунктов для Музея человека составлял по-французски Борис Вильде. Были сохранены 17 его рукописных версий и соответствующие им машинописные карточки по 18 привезенным предметам. Предметы, собранные во время экспедиции 1938 г., представлены в виде 361 машинописной карточки, подготовленной Зуровым при помощи добровольных помощников из отдела Европы Музея человека. Первая часть карточек — 70 штук — составлены в 1939, остальные — в 1946–1947 гг. К сожалению, в архивах осталась только одна подготовительная рукописная карточка Леонида Зурова (см. илл. на с. 96).

Описательная карточка «ножа» — орудия для тканья поясов

из коллекции Б. Вильде 1937 г. (кол. MNHN 37.48.13), исправленная его рукой. Нож для прибивания нитей утка («gappa») был приобретен в деревне Обинитса у 80-летней владелицы — Тато Лыйм. ■ ИМЕИ, Этнологическая коллекция

38.170.244.

- 1) Estonie. Setu
- 2) seau rituel
- 3) entièrement
en bois et d
couvercle fe
bois. Il est
et mortelner
diamètre à
Le fond est
- 4) Ce seau a
presque tou
paysans tra
terrement d
aliments co
mélanger de
«koutia».
terre, les
cent dans
conséquan
au cinetiè
te est par

Описательная карточка бадьи (кол. MNHN 38.170.244).

На обороте — рисунок бадьи.

■ НМЭИ, Этнологическая коллекция

38.170.244

1) Эстония. Сетуама. Деревня Веселкино.

2) Ритуальная бадья, на русском языке называется «кутейное ведро».

3) Изготовлено полностью из березовых дощечек, скрепленных с помощью деревянных обручей и бечевы. Имеется ручка в виде изогнутой палки, сделанная из одного куска дерева. Она прикреплена к бадье с помощью двух небольших кусков дерева (щитков и пазов). Высота изогнутой ручки 10 см, диаметр бадьи у основания 40 см и 35 см x 9 см сверху. Дно сделано из одного куска дерева.

4) Эта бадья [изготовленная] 150 лет назад, все еще используется в наши дни, несмотря на то, что почти все изделия подобного типа вышли из употребления. Ранее каждая семья имела одну бадью. Крестьяне переносили в ней ритуальные кушанья во время похорон одного из членов семьи в церковь и на кладбище. Эти кушанья состояли из вареного риса или вареных пшеничных зерен, смешанных с изюмом, это блюдо называлось «кутья». В церкви во время погребальной церемонии в кутью ставили одну свечу. На кладбище, как только новую могилу засыпали землей, родственники и друзья усопшего брали ложку и втыкали ее в землю погребения, затем съедали немного кутьи в память об усопшем. В день поминовения усопших семья приносили бадью кутьи на кладбище, часть съедал священник, а остальное разделяли между родственниками и друзьями.

Бадья сделана дедом М. Вихновского.

5) Максим Вихновский живет на хуторе (отдельной ферме) рядом с д. Веселкино.

6) Приобретено Зуровым в 1938 г. у старика Вихновского.

7) Экспедиция Зурова 1938 г.

8) Поминальная трапеза на могилах усопших: Е.42.961.306. Е.43.954.306. Е.43.955.306. Е.37.594.367. Е.37.396.306. Е.37.598.306.

9)

10) Ж. Р. Бенезеш / Зуров 1947 г.

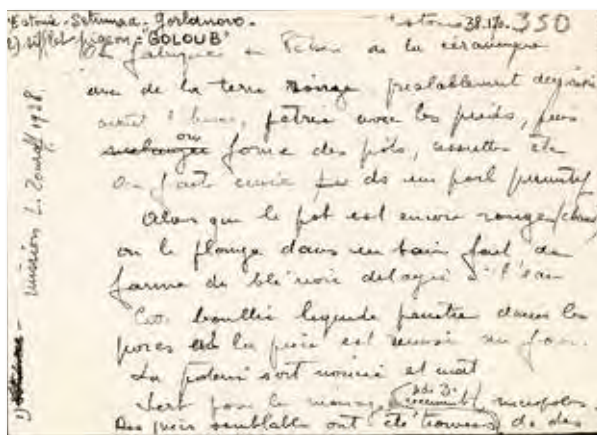
**Рукописная описательная
карточка свистульки-**

«голубь» Л. Зурова

(кол. MNHN 38.170.350).

MNHN-MH ETHNO EUR 177.

■ НМЭИ, Центральная
библиотека

1) Эстония. Сетомаа. Горланово. Эстония 38.170.350.

2) Свистулька «Голубь». Экспедиция Зурова. 1938 г.

В Петсери делают керамику из красной глины, предварительно обезжиренной до начала зимы, замешанной ногами, затем лепят горшки, тарелки и т. д. Обжигают в примитивной печи. Когда горшок еще красный (горячий), его окунают в раствор из гречишной муки и воды. Этот жидкий раствор проникает в поры, предмет ставится потом опять в печь. Керамика выходит почерневшей и матовой. Ипользуется в хозяйстве. Похожие предметы были недавно найдены Зуровым в некрополях.

■ СПИСКИ ПРЕДМЕТОВ

Архивы включают списки предметов, сделанные Вильде и Зуровым: два списка коллекции № 37.48 и два списка коллекции № 38.170. К этому можно добавить рукописный список по типам предметов коллекций № 38.170 и № 38.171, переданных в Музей человека Эстонским национальным музеем в Тарту, а также рукописные заметки без подписи, касающиеся коллекций, привезенных Зуровым, выполненные неким М. Залкиндо, очевидно, стажером. Тематическая классификация предметов была выполнена самим Зуровым в форме списка, приложенного к письму-отчету, направленному Полю Риве в декабре 1938 г.; он распределяет их по шести категориям предметов: «Текстиль» (234 предмета), «Деревня, промыслы» (21 предмет), «Лен» (15 предметов), «Рыбная ловля» (42 предмета), «Целители» (2 предмета) и «Дитя» (20 предметов). Наконец, пять списков свидетельствуют об обмене предметами между Музеем человека и Эстонским национальным музеем в Тарту.

1937
1-11

Liste des objets d'origine extra de l'Ethnographisch Museum et
de l'Ethnographisch Museum

N°	Objet	Matériau	Forme	Usage	Provenance
1	1. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
2	2. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
3	3. 1998-4	bois	statue	deux	provenance inconnue
4	4. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
5	5. 1998-177	bois	statue	deux	provenance inconnue
6	6. 1998-177	bois	statue	deux	provenance inconnue
7	7. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
8	8. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
9	9. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
10	10. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
11	11. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
12	12. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
13	13. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
14	14. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
15	15. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
16	16. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
17	17. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
18	18. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
19	19. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
20	20. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
21	21. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
22	22. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
23	23. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
24	24. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
25	25. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
26	26. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
27	27. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
28	28. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
29	29. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
30	30. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue
31	31. 1998	bois	statue	deux	provenance inconnue

Список из 37 предметов, переданных Музею человека из Эстонского национального музея (кол. 40.13). MNHN-MN ETHNO EUR 205 (8). ИМЭИ, Центральная библиотека

■ ФОТОГРАФИИ

В 1930-е гг. фотографические материалы всегда регистрировались сразу после их поступления в фототеку. Так, снимки, привезенные Б. Вильде и Л. Зуровым, были зарегистрированы сразу после их возвращения осенью 1937 и осенью 1938 г. на имя сдавших их исследователей: на имя Б. Вильде по окончании экспедиции 1937 г. и на имя Л. Зурова после экспедиции 1938 г.

Из материалов второй экспедиции ясно, что автор снимков — Леонид Зуров, поскольку он выезжал на местность без Бориса Вильде, однако по поводу авторства фотографий во время первой экспедиции существует сомнение. Ответ можно найти в отчете, который Л. Зуров направляет П. Риве 17 мая 1938 г.: «В октябре 1937 я передал в Музей человека при посредничестве г-на Вильде 200 сделанных мной фотографических снимков». Следовательно, автором снимков 1937 г., зарегистрированных в фототеке под фамилией Вильде, который сдал их туда как руководитель экспедиции, скорее всего, является Леонид Зуров. Одновременно представляется маловероятным, что

Женщина-сето, ткущая пояс.

Фотография Б. Вильде. 1937 г. MQB PP0100778. ■ МнБ

Борис Вильде не сделал ни одного снимка при том, что он вел исследования вместе с Зуровым.

Фотографии экспедиции 1937 г. были сданы в фототеку Борисом Вильде в том же году. 7 декабря 1944 г. фототека составляет договор на имя его вдовы Ирен Вильде, и фонд становится «дарением на определенных условиях»¹. Коллекция была зарегистрирована под № 367 и дополнена, в зависимости от составляющих ее серий, номерами Е 37, Е 38 и Е 47. К сожалению, к этому договору, который продлевается дважды — 9 сентября 1968 и 12 мая 1973 г., не прилагалось никакого списка фотографий. Выполненная в 1968 г. сверка указывает на наличие 23 негативов и 139 отпечатков.

Что касается фотографий экспедиции 1938 г., то с Зуровым был составлен договор 5 декабря того же года. Список приложенных к договору фотографий также отсутствует, есть только «квитанция на фотографические работы», составленная Зуровым 17 марта 1939 г., где он упоминает о 19 пленках 6 × 6, содержащих

1. В частности, фотограф сохраняет свои авторские права и музей не может публиковать фотографии без его разрешения или разрешения его правонаследников.

243 негатива. Коллекция была зарегистрирована под номером 306 и дополнена номером Е 42. В марте 1971 г. для актуализации договора фототека пересчитывает фонды: не хватает 51 негатива, что сводит количество имеющихся негативов до 192. В 2003 г. все фотографии Бориса Вильде и Леонида Зурова, хранившиеся в фототеке Музея человека, были переданы в Музей на набережной Бранли. Выполненная по этому случаю сверка фонда показывает, что мы располагаем 365 отличными друг от друга снимками, из которых 206 негативов (из имевшихся изначально 243) и 187 отпечатков, которые частично соответствуют друг другу. 39 фотографий, которые хранились в 2003 г. в отделе Европы, остались в Музее человека.

■ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

Большая часть архивов, имеющих отношение к экспедициям Вильде и Зурова, хранится в Центральной библиотеке Национального музея естественной истории. Имеется только два исключения. Речь идет о переписке Марселя Мосса и Бориса Вильде, которая хранится в Коллеж де Франс (фонд Марселя Мосса), и о документах, хранящихся в Национальном архиве Франции (Фонд Министерства общественного образования, рубрика «Командировки»), где можно ознакомиться с оригиналами командировочных предписаний и приказами о финансировании². До 2002 г. письменные архивы были распределены между двумя учреждениями Национального музея естественной истории: Центральной библиотекой (официальная административная корреспонденция) и Музеем человека (документы экспедиции и фотографии). В 2008 г., при закрытии Музея человека на реновацию, все документальные архивы были окончательно сгруппированы в Центральной библиотеке.

Состав архивов Вильде — Зурова отражает исторические обстоятельства, связанные с войной, превратности жизни двух ученых, а также нормы классификации, принятые в то время в Музее человека.

В Музее человека тогда действовало правило, согласно которому каждый исследователь по окончании командировки представлял список собранных предметов, рукописный паспорт по каждому предмету, а также карты и фотографии. Так же обстояло дело со всей административной документацией. Кроме того, участник экспедиции должен был по возвращении представить отчет о командировке, составить и отпечатать на машинке паспорт предметов. Но все экспедиционные записи и всю

2. Мы не комментируем архивы, касающиеся экспедиции Бориса Вильде 1938 г. в Финляндию (десять писем, хранящиеся в Центральной библиотеке НМЕИ) и архивы, которые относятся к деятельности Бориса Вильде в движении Сопротивления, которые хранятся в Национальной библиотеке Франции (НБФ) и в Министерстве обороны.

Coronovo, Tenepo Murme küla

Saharimälalune - kor
(<Захар?)

Tõrshnova mägi - võrok.

Treba mägi - sever.

Künakasorg - võrok, rannune linn

Saarna lohke - sever, "vinnitü poveritü".

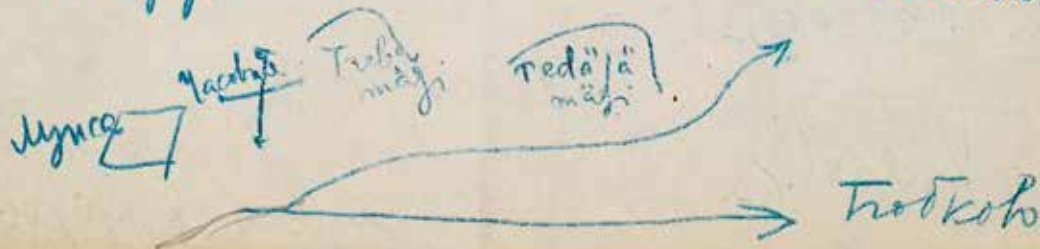
Kedoso org - zana, noj Turmovo.

Pedäjä mägi - võrok.

Часовня Иван пророк на Крамъ и
добръ празник. Иванъ изобразитъ
крестъ, из земли вырван, копан.

Снесу крестъ в часовню, поставю, онар
авуче на чел месо, так до 1-х раз.

Поставим часовню загом в северную и
ру-лошаги дам дохну, как забедим
в деревню, так и спомет. Точно выемие:
"поставим" как обыкновенно в солдату
"всеху".

документацию, связанные с личными научными исследованиями, он мог оставить себе.

Вильде и Зуров имели, таким образом, полную возможность сохранить экспедиционные записи. Леонид Зуров, например, указывает:

«На руках у меня имеются карты и кроки археологической разведки 1937–38 гг.; записи многочисленных и еще не разработанных свидетельств, полученных от крестьян, материалы по истории Псково-Печерского монастыря и древних погостов Сетумаа и Нарвы; материалы по топонимике, регистрация священных источников и отметных камней, каменных крестов, поставленных над могилами псковичей и новгородцев, павших в боях с немецкими рыцарями» (НМЕИ, Зуров I. Л. 49).

Во время войны его личные документы поменяли место расположения:

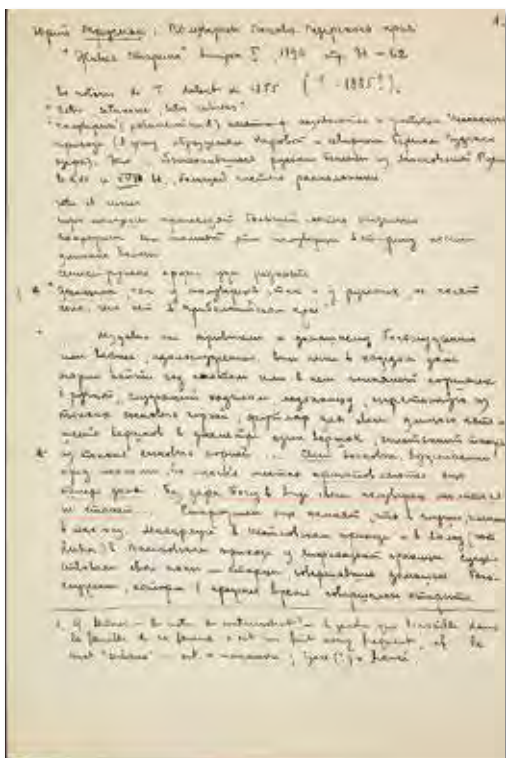
«Кроки, полевые дневники, дорожные записные книжки были мною отправлены к друзьям за Париж и спрятаны на чердаке деревенского дома, принадлежавшего дочери С. В. Рахманинова, — Т. С. Коннос. <...> Теперь, приехав с юга Франции в Париж, я получил рукописные материалы и начинаю приводить их в порядок» (НМЕИ, Зуров I. Л. 48).

После войны и вплоть до своей смерти в 1971 г. он хранит эти записи у себя — сначала в Буживале, затем в Париже. Все его документы по экспедиции в Сетумаа были завещаны библиотеке Университета города Лидса. Что касается Бориса Вильде, то, вероятно, он также хранил записи у себя, в доме родителей жены под Парижем, в Фонтене-о-Роз, где он жил с женой Ирен в начале войны, но, как пишет в 1949 г. Зуров, «мало что уцелело и из архива Бориса Вильде» (НМЕИ, Зуров I. Л. 5).

Письменные архивы, хранящиеся в Национальном музее естественной истории, включают в себя отчеты об экспедициях, экспедиционные заметки и карты, административные документы и письма, выписки из литературы, списки предметов, паспорта-описания.

■ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЗАПИСИ

Сохранилась тетрадка Зурова из 16-ти страниц рукописных пометок по-русски. Из экспедиционных записей Вильде — всего лишь 6 карточек по языку сето. Добавим к этому две школьные тетрадки, переданные Борису Вильде и содержащие свадебные песни по-русски, которые были записаны в 1934 г. Петром Амосовым в деревне Зачеренье.

Конспект Б. Вильде
статьи Ю. Трусмана «Полуверцы
Псково-Печерского края» (1890).
MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2).

■ НМЭИ, Центральная библиотека

■ КАРТЫ

Архивы Национального музея естественной истории содержат шесть карт. Три карты нарисованы Зуровым на кальке и представляют собой документы чрезвычайной ценности, потому что они содержат информацию о маршрутах, которые он проделал, а также о священных местах, которые он смог обнаружить и переписать до начала Второй мировой войны. Зуров также разместил Печорский уезд и пройденные маршруты на двух схематических планах Эстонии. Наконец, аннотации были перенесены на старинную штабную карту Печорского уезда.

■ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА

Национальный музей хранит 29 писем и документов официального характера, которые можно разбить на три категории. Первая состоит из девяти

Лист с выписками
Б. Вильде из трудов
 М. Буха и Я. Хурта
 «Песни сету...»
 (Hurt J. Setukeste laulud...)
 MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2).
 ■ ИМЕИ, Центральная
 библиотека

On des Bouches: l'île du Tonni - cultes und andere d'effen gebrauch
 der Setelan
 Journal de la S. F. O. XV Helsinki 1934.
 Très intéressant à élire
 Tout est fait identique aux usages des Setes de Kuusaja - et
 Kallaa.
 * Kuu Pell - pelon?
 Peut-être par d'indications - propos de sang.

Jacob Hurt: Setukeste laulud
 1-3 1904 - Op. Helsinki

1. Introduction - voir à propos de division des Setes
 d'après les "miles" de nombre et les noms des
 villages (cf. à Tuusimaa).

laulud 96-100 SVV sur l'île du Tonni n. 18
 p. 144.

2. Lieder der allgemeinen u. gemeinsamen Sete
 p. 101 - 102 in Setufohen:
Setufohen laul 2 p. 146.

3. SVV etc - à propos de la situation de la femme.

документов, которые касаются подготовки экспедиций Вильде и Зурова: командировочные предписания, министерские указы, рекомендательные письма, краткая автобиография Вильде и т. д. Вторая включает девять писем, которыми обменялись Вильде, Зуров и руководство Музея человека (переписка с П. Риве, Ж. Сустелем и М. Коше). Третья включает десять писем, которыми обменялись Музей человека и музей Тарту, и одно письмо, адресованное Зурову Археологическим кабинетом Тартуского университета.

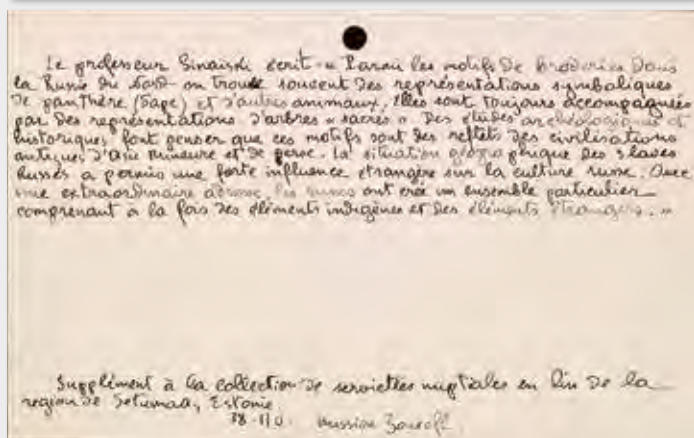
■ КОНСПЕКТЫ

Все выписки из научной литературы, оставленные Вильде и Зуровым, представляют собой рукописные листки или карточки. Большинство выписок из литературы, составленные рукой Вильде, касаются публикаций на русском, финском, немецком и эстонском языках; они показывают, что он искал элементы для сравнения, чтобы работать с культурой сето. Так, относительно культа бога Пеко (финск. Pekko), он аннотирует статью Густава Рянка

(Ränk 1934), выписывает отдельные места из финской энциклопедии «Tietosanakirja» (1909–1922) и из «Mythologia Fennica» Кристфрида Ганандера (Ganander 1789), а также пассаж из статьи «Ingrier» (Ингры) в энциклопедическом издании Йоганна Готтлиба Георга (1770–1774). Он переписывает по-эстонски два пассажа о боге Пеко из труда Матиаса Йоганна Эйзена (Eisen 1906, 1926), отмечая общие черты его почитания у сето и у эстонцев из окрестностей Красногородска. Он собирает также этимологические и библиографические данные о Пеко в статьях Кая Доннера (Donner 1937) и Уно Нильса Оскара Холмберга (Харва) (Holmberg 1909). Вильде изучает и другие работы о язычестве. Его перу принадлежат восемь рукописных страниц (по-русски, с некоторыми заметками по-французски) о «полуверцах» региона Псков-Печоры, составленные по работе Юрия Трусмана (1890); из выписок ясно, что Вильде особенно интересуется словарем сето. Он просматривает статьи о языческих обрядах у эстов (совр. эстонцы) (Buch 1900), мордвы (Евсевьев 1914), черемисов (совр. марийцы) (Андреев 1893; Емельянов 1920–1921; Васильев 1920), вогулов (совр. манси) (Глушков 1900), о празднике медведя на Сахалине (Пилсудский 1915), о празднике свечей (Добровольский 1900), о поклонении огню у чукчей и эстонцев (Харузина 1906). Он также выписывает отрывки из статьи о крови в энциклопедии Эдуарда Хофманна-Крайера (Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. 10 Bd. Berlin, 1927–1942). Он также интересуется данными, которые приводят об эстонцах и сето Оскар Каллас (1894, 1904) и Якоб Хурт (1904). У Зигфрида Свенссона (Svensson 1935) он ищет сравнительные элементы по костюму, в частности воспроизводя рисунки костюмов провинции Сконе (Швеция). Что касается Зурова, то его интересовали мотивы, представленные на свадебных полотенцах, которые он собрал во время своей последней экспедиции. В архивах мы находим 14 пронумерованных карточек (нумерация от 1 до 17, номера 7, 15 и 16 отсутствуют), на которых Зуров воспроизвел и откомментировал мотивы орнамента, скопированные из статьи Василия Синайского (1929).

■ РАЗЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Кроме прочего в архивах находятся три документа, которые относятся к жизни и деятельности Бориса Вильде: «Записи по проекту создания в Париже финно-угорского института», листок отрывного календаря за 8 июля 1940 г. и приказ, которым генерал де Голль посмертно награждает его медалью Сопротивления.

Карточка, составленная Л. Зуровым, с описанием вышивки свадебного полотенца Вологодской губернии из статьи В. И. Синайского (см. журнал «Слово в иллюстрациях», № 45, Рига, 1928).
 MNHN-MH ETHNO EUR 205 (15). ■ НМЭИ, Этнологические коллекции

Край свадебного полотенца из Вологодской области (север СССР). Эта фотография взята из иллюстрированного журнала «Слово в иллюстрациях», изданного в Риге (Латвия) № 45, 1928 г. Фотография иллюстрирует одну из статей профессора Синайского (профессора Университета Латвии).

Профессор Синайский пишет: «Среди орнаментов вышивок в Северной России часто встречаются символические изображения пантеры (барса) и других животных. Им всегда сопутствуют изображения «священных» деревьев. Археологические и исторические исследования наводят на мысль, что эти мотивы являются отражениями древних цивилизаций Малой Азии и Персии. Географическое положение руссов-славян благоприятствовало сильному иноземному влиянию на русскую культуру. С необычайной приспособляемостью русские создали особый набор мотивов, включающих одновременно местные элементы и иноземные.

■ ОТЧЕТЫ

Отчеты по экспедиции представлены либо в форме рапорта на нескольких страницах, написанных сразу по возвращении из поездки, либо в форме подробного отчета. Существуют четыре отчета Вильде, практически идентичных и составленных на французском языке, по командировке 1937 г. и один отчет по командировке в Финляндию 1938–1939 гг.

Леонид Зуров также составил два кратких отчета: один по-русски по возвращении из экспедиции 1937 г. и другой по-французски после экспедиции 1938 г., в котором, в частности, указан проделанный маршрут и дан список выполненных снимков. К нему добавляются три отчета по-французски по предметам, собранным в 1938 г. (образцы ткани, полотенца и свадебные пояса), и краткое изложение его заметок о праздновании Иванова дня в деревне Меекси. В 1946 г. он передал в Музей человека подробный отчет, написанный по-русски и разделенный на две части: первая (50 страниц) касается археологических и этнографических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.; вторая (78 страниц) — командировок от Музея человека 1937 и 1938 гг., и особенно верований, связанных с камнями, деревьями и святыми источниками.

Литература

Андреев 1893 ■ Андреев Д. Черемисская секта «Кугу Сорга» // Православный благовестник. Вып. 18. М., 1893.

Васильев 1920 ■ Васильев В. М. Верования и обряды мари // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Вып. 1, Казань, 1920. С. 49–70.

Глушков 1900 ■ Глушков И. Н. Чердынские вогулы // ЭО. 1900. Вып. 15. С. 2.

Добровольский 1900 ■ Добровольский В. Н. Значение народного праздника «свечи» // ЭО. 1900. Вып. 4.

Евсеев 1914 ■ Евсеев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // ЖС. 1915. Кн. 23. Вып. 1–2. С. 1–44.

Емельянов 1920–1921 ■ Емельянов А. И. Языческое моление черемис в д. Нурум-

бал Себе-Усадской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии 26–27 сентября (9–10 октября) 1919 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1920–1921. Т. 31. Вып. 4. С. 7–39.

Пиласудский 1915 ■ Пиласудский Б. О. На медвежьем празднике айнов о-ва Сахалина // ЖС. 1915. Вып. 1–2, 1915, С. 67–162.

Синайский 1929 ■ Синайский В. И. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Ритп», 1929.

Трусман 1890 ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.

- Харузина 1906** ■ Харузина В. Н. К вопросу о почитании огня // ЭО. 1906. Вып. 3–4.
-
- Buch 1897** ■ Buch M. Über den Tönnis-Kultus und andere Opfergebräuche der Esthen. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirjen // Journal de la Société finno-ougrienne. XV. Helsinki, 1897.
- Donner 1937** ■ Donner K. Verzeichnis der etymologisch behandelten finnischen Wörter. Helsinki, 1937.
- Eisen 1906** ■ Eisen M. J. Über den Peko-kultus bei den Setukesen // Finnisch-ugrische Forschungen, 1906. Bd. VI. S. 104–111.
- Eisen 1926** ■ Eisen M. J. Eesti vana usk. Tartu: EKS, 1926.
- Ganander 1789** ■ Ganander C. Mythologia Fennica. Åbo, 1789.
- Georgi 1776–1780** ■ Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und uebrigen Merkwuerdigkeiten. St. Petersburg, 1776–1780.
- HDA** ■ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Herausgegeben unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1927—1942.
- Holmberg-Harva 1909** ■ Holmberg-Harva U. Agricolan mainitsemat maanviljelyksen jumalat. Aika, 1909.
- Hurt 1904–1907** ■ Hurt J. Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I–III. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS: 1904, 1905, 1907.
- Jürgens, Buch 1900** ■ Jürgens E., Buch M. Ein weiterer Beitrag zum Tönnis-cultus der esten // Journal de la Société Finno-ougrienne. Vol. XVIII:3. Helsinki, 1900. Pp. 1–9.
- Kallas 1894** ■ Kallas O. Lutsi Maarahvas. Helsinki: SKS, 1894.
- Kallas 1904** ■ Kallas O. Die Krasnyjer Esten: Volkskundliche Beschreibung. Jurjew (Dorpat), 1904.
- Ränk 1934** ■ Ränk G. Materiaalne Peko // ERM Ar. IX–X. 1934. Pp. 176–203.
- Svensson 1935** ■ Svensson S. Skånes folkdräkter: en dräkthistorisk undersökning 1500–1900. T. 1. Stockholm: Nordiska museet, 1935.
- Tietosanakirja 1909–1922** ■ Tietosanakirja. Helsinki: Tietosanakirja-Osakeyhtiö, 1909–1922.

■ Список документов архива Национального музея естественной истории / Музея человека (Франция)

Категория	Название документа	Код
Описательные карточки предметов	Рукописные описательные карточки Б. Вильде, коллекция № 37.48: 17 карточек, пронумерованных от 37.48-01 до 37.48-17	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Рукописные описательные карточки Б. Вильде (подготовительные), коллекция № 37.48 (4 карточки, пронумерованные 37.48-3, 10, 11, 12)	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Машинописные описательные карточки, коллекция № 37.48 (17 карточек, пронумерованных от 37.48-01 до 37.48-17)	MNHN-Collections d'ethnologie
	Рукописная описательная карточка Л. Зурова, коллекция № 38.170.350	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Машинописные описательные карточки, коллекция № 38.170 (от 1 до 361)	MNHN-Collections d'ethnologie
Списки предметов	Список 18 предметов коллекции № 37.48	MNHN-Collections d'ethnologie
	Список 18 предметов коллекции № 37.48 (с обозначением предметов, представленных на экспозиции)	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Список 361 предметов коллекции № 38.170 под названием 38.170 (1–361) Estonie. Setuma. Collection rapportée par Zouroff (mission Zouroff, juillet-septembre 38)	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Список 361 предметов коллекции № 38.170 под названием 38.170 Mission Zouroff	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Запись о коллекции Л. Зурова № 38.170 (сделанная Залкиндом)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (16)
	Список коллекций № 38.170 (Эстония) и 38.171 (Финляндия) с предметами, сгруппированными по категориям, сделанный Б. Вильде	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (9)
	Список 37 предметов коллекции № 40.13 под названием Échange avec Eesti Rahva Muuseum de Tartu (Estonie)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Список 37 предметов Эстонского национального музея под названием Liste des objets d'échange entre le Musée National Estonien et le Musée de l'Homme	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Список 37 предметов Эстонского национального музея с обозначением предметов, представленных на экспозиции, под названием Estonie. Échange avec Eesti Rahva Muuseum de Tartu/Collection entrée en septembre 1939, retrouvée en juillet 1940	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Список 37 предметов Эстонского национального музея (обмен предметов с Эстонским национальным музеем, коллекция № 40.13), под названием Liste des objets du Eesti Rahva Muuseum demandés en échange	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Список предметов, предложенных Музеем человека Эстонскому национальному музею (обмен предметов с музеем Тарту), под названием Liste des objets proposés pour échange au Eesti Rahva Muuseum à Tartu	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
Фотографии Национального музея естественной истории / Музея человека	Б. Вильде, школьная фотография, Тарту (1 фотография)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (10)
	Изображение фигуры Пеко/Реко, посланное Б. Вильде Эстонским национальным музеем (3 фотографии)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Б. Вильде в семье Розовых (?) (1 фотография)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Фотографии, сделанные В. Сяэги (4 фотографии)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Фотографии, сделанные Б. Вильде, 1937 (5 фотографий)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Фотографии, сделанные Л. Зуровым, 1935 (5 фотографий)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Фотография, сделанная Л. Зуровым, 1938 (1 фотография)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Портрет Б. Вильде (1 фотография)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Б. Вильде и Л. Зуров в экспедиции (1 фотография)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)

Категория	Название документа	Код
Фотографии Национального музея естественной истории / Музея человека	Снимки, сделанные Б. Вильде, 1937 (5 негативов, № 37.591.367; 37.598.367; 37.606.367; 47.250.367; 47.252.367)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7)
	Витрины в выставочных залах: 2 картонных листа с приклеенной фотографией на каждом (фототека Музея человека) и 2 отдельных фотографии	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (6)
	Витрины в выставочных залах: 3 фотографии с описанием экспонатов (№ 37.48.1 и 40.13.1; 37.48.2; 37.48.7, 8, 9, 15)	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Фотографии предметов с описанием экспонатов, 2 фотографии (№ 38.170.245, 351 и 352)	MNHN-MH ETHNO EUR 177
	Фотографии предметов Эстонского национального музея с описанием экспонатов, 6 фотографий (№ 40.13.5, 7, 21, 23, 24, 28, 32, 33)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Фотографии 1936 г.: 1 фотография Музея человека во время реставрационных работ и 1 фотография с Борисом Вильде и другими сотрудниками Музея человека	MNHN-Collections d'ethnologie
Документация, связанная с фотографиями	Список фотографий под названием Eesti Rahva Mu[u]useum, Tartu / Liste des photographies (dont quelques-unes des objets de la collection 40-13)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Комментарии Л. Зурова к фотографиям	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (16)
Полевые записи Б. Вильде	Свадебные песни (на русском), тетради 1 и 2	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5)
	Лингвистические карточки языка сето	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5)
	Стихотворение поэта-любителя Плоомину, 8-08-1937	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5)
Полевые записи Л. Зурова	Тетрадка с 13 рукописными страницами	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (14)
Карты	Карта Л. Зурова на кальке с обозначением святых камней и источников под названием Setumaa / Печерский уезд	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (13)
	Карта Л. Зурова на кальке с обозначением маршрута 1938 г. под названием Setumaa / (Petserimaa) / Печерский уезд	MNHN-2AM1M1F
	Карта Л. Зурова на кальке с обозначением маршрута Печоры — Мекси, № 2	MNHN-2AM1M1F
	Напечатанная карта Petseri/Maakonna Kaart	MNHN-2AM1M1F
	Напечатанная карта Сетумаа, № 1	MNHN-2AM1M1F
	Напечатанная карта Сетумаа с обозначением маршрута до Печор, № 1	MNHN-2AM1M1F
Административные документы	Curriculum vitae Б. Вильде	MNHN-Bibliothèque centrale
	Командировочное удостоверение Б. Вильде в Эстонию, 15-06-1937	MNHN-2AM1M1F
	Свидетельство о выдаче командировочных Б. Вильде в Эстонию, 20-07-1937	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2)
	П. Риве: Командировочное удостоверение Персиной, 7-06-1938	MNHN-2AM1M1F
	П. Риве: Командировочное удостоверение Л. Зурова, 7-06-1938	MNHN-2AM1M1F
	П. Риве: Командировочное удостоверение Л. Зурова и Персиной, 7-06-1938	MNHN-2AM1M1F
	Удостоверение о выдаче докторской стипендии Б. Вильде, 28-11-1938	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2)
Письма	Письмо Министерства образования для Марселя Мосса, 13-06-39 (по поводу командировочных для Вильде)	MNHN-2AP4 2C 2b
	М. Мосс: Rapport sur la demande de Monsieur Vilde, 22-06-39	MNHN-2AP4 2C 2b
	Письмо Б. Вильде, адресованное П. Риве, 5-08-1937 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-2AP1C VILD
	Письмо М. Коше, адресованное Б. Вильде, 13-08-1937 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо М. Коше, адресованное Ф. Линнусу, 23-11-1937 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)

Категория	Название документа	Код
Письма	Письмо М. Коше, адресованное Ф. Линнусу, 11-01-1938 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо М. Коше, адресованное Эстонскому национальному музею, 25-03-1938 (обмен предметов)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо Персиной и Зурова, адресованное П. Риве, 7-06-1938 (просьба о предоставлении фотоаппарата, пленок и т. д.)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Л. Зурова, адресованное П. Риве, 21-06-1938 (о его прибытии в Эстонию)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Л. Зурова, адресованное П. Риве, 25-06-38 (о его прибытии в Мексик)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Ж. Сустеля, адресованное Л. Зурову, 12-08-38 (о передаче фотоаппарата Вильде)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо из Таллина, адресованное в Музей человека, 20-09-38 (на эстонском)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо от Археологического кабинета университета Тарту, адресованное Л. Зурову, 4-10-38 (на русском)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Ж. Сустеля, адресованное Б. Вильде, 19-10-1938 (выплата стипендии)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Ж. Сустеля, адресованное Л. Зурову, 24-11-1938 (согласие на финансирование экспедиции)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Л. Зурова, адресованное П. Риве, 5-04-1939 (просьба об экспедиции 1939 г.)	MNHN-2AM1M1F
	Письмо Б. Вильде, адресованное Ф. Линнусу, 15-06-1939 (обмен предметов с музеем Тарту)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо Ф. Линнуса, адресованное П. Риве, 29-06-1939 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо Б. Вильде, адресованное Ф. Линнусу, 13-07-1939 (обмен предметов с музеем Тарту)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо от музея Тарту, адресованное П. Риве, 1-08-1939 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Письмо Крестон, адресованное Ф. Линнусу, 17-01-1940 (обмен предметов с Эстонским национальным музеем)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
Письмо Б. Вильде, адресованное [П. Риве], 20-01-1940 (просьба о помощи в вступлении в военно-воздушные силы)	MNHN-2AP1C VILD	
Письмо Ф. Линнуса, адресованное П. Риве, 20-02-1940	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)	
Конспекты Б. Вильде	Конспекты книг и статей русских авторов	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2)
	Конспекты книг и статей финских и эстонских авторов	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2)
	G. Ränk: Materialne Peko (брошюра) с отметками Вильде	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2)
Конспекты Л. Зурова	Карточки на ритуальные полотенца (14 карточек)	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (15)
Разное	Адреса международных транспортных предприятий	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8)
	Страница отрывного календаря от 8 июля 1940 г.	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (4)
	Визитная карточка с просьбой о консультации коллекции Зурова, 16-09-1959	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (16)
	Решение (<i>Décision</i>) генерала де Голя о присвоении Б. Вильде медали героя Сопротивления, 3-11-1943	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (9)
	Б. Вильде: <i>Notes relatives au projet de création à Paris d'un institut finno-ougrien ou d'un établissement analogue</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (4)
Отчеты Б. Вильде	<i>Mission scientifique en Estonie (été 1937) — Rapport de Boris Vildé, 20-11-1937</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)

Категория	Название документа	Код
Отчеты Б. Вильде	<i>Rapport sur ma mission ethnographique en Estonie 5 juillet-5 octobre 1937</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)
	<i>Mission scientifique en Estonie (été 1937) — Rapport de Boris Vildé</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)
	<i>Le rapport sur la mission scientifique en Estonie, mission 37</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)
	<i>Rapport sur la mission scientifique en Estonie et en Finlande (août 1938 — janvier 1939)</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)
Отчеты Л. Зурова	Отчет экспедиции 1937 г. (на русском) под названием «Результаты полевой работы в Сетумаа — археологических и этнографических разведок, произведенных летом 1937 г. Л. Ф. Зуровым с 23-го июня по 11-е сентября»	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11)
	Отчет 1946, тетрадь № 1 (на русском языке) под названием «Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.»	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11)
	Отчет 1946, тетрадь № 2 (на русском языке) под названием «О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в балтийские страны, полученная от Французского Министерства Народного Просвещения в 1937 и 1938 гг.»	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11)
	<i>Ceintures nuptiales</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (12)
	<i>Serviettes nuptiales. Collection Zouroff 38.170</i>	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (12)
	Échantillons de tissus. Collection Zouroff 38.170	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (12)
	<i>Meeksi</i> , резюме записок Л. Зурова о Меекси, написанное по-французски Борисом Вильде	MNHN-MH ETHNO EUR 205 (3)
	Письмо Л. Зурова, адресованное [П. Риве], 17-05-1938 (отчет экспедиции, список фотографий)	MNHN-2AM1K99c
	Письмо-отчет, адресованное П. Риве с обозначением маршрутов, списком фотографий и списком расходов, декабрь 1938 г.	MNHN-2AM1M1F
	<i>Liste des données archéologiques présentées en été 1938 au Cabinet d'Archéologie à Tartu par monsieur L. Zouroff</i>	MNHN-2AM1M1F

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27 Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91 Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113 Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129 Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139 Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149 Борис Вильде (1908–1942)
- 161 Леонид Зуров (1902–1971)

■ Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии

Арвис **Киристая** и Хейки **Валк** ■
Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

Леонид Зуров зафиксировал во время своих четырех экспедиций в Печорском уезде более 350 археологических объектов: в 1928 г. — 23, в 1935 — 35, в 1937 — 237 и в 1938 как минимум 72 памятников (см. карту «Исследование памятников археологии...» на с. 470, 471). В действительности их общее количество намного больше, так как в его отчетах отсутствуют данные о некоторых селищах, а в отчете 1938 г. все курганные насыпи не учитываются отдельно (как в отчете 1937 г.), и лишь перечисляются курганные группы¹. Всего в археологические коллекции Эстонии от него поступило не менее 41 номера коллекции. В связи с тем, что Зуров не осуществлял раскопки, а ограничивался только сбором находок на поверхности и от местных жителей, то эти артефакты составляют в фондах сравнительно небольшую часть (см. таблицу на с. 114–115). Основную же часть результатов экспедиций Зурова представляют выполненные им, и отчасти Б. Вильде, описания археологических древностей, обнаруженные во время научных разведок и экспедиций. Большая часть результатов археологических экспедиционных работ Зурова поступила в кабинет археологии Тартуского университета в 1937–1938-х гг. После того, как в ходе кампании по борьбе с «буржуазным национализмом» в 1950 г. в Тарту была закрыта кафедра археологии, археологический архив Тартуского университета и коллекция были переданы в Институт истории Академии наук и переведены в начале 1950-х гг. вместе с институтом в Таллин. В настоящее время, после объединения Института истории²

1. Количественные данные невозможно считать окончательными также потому, что материалы Зурова разобщены, а архивные данные в Лидсе пока не обработаны. Представление точных данных затрудняет и условность понятия «памятник» (см. статью Х. Валка «Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии», с. 477 в настоящем издании).
2. С 1 декабря 2015 г. Институт истории был ликвидирован и включен в состав Института гуманитарных наук Таллинского университета.

Находки, связанные с экспедициями Леонида Зурова,

хранящиеся в Научной археологической коллекции Таллинского университета

Номер	Место находки	Тип памятника (по Зурову)	Способ обнаружения	Находка	Год*	Количество	Волость	
A/3360	S**	Маноково	случайная находка	инспекция	каменный топор	1927–28 (1935)	1	Сенская
A/3361	Z	Халахальня	случайная находка	инспекция	каменный топор	1934 (1935)	1	Сенская
A/3362	S/Z?	Курково	случайная находка	случайная находка	железный серп	1935	1	Изборская
A/3363: 1–2	Z	Изборск	городище	инспекция	глиняный уполотнитель, керамика	1935	2	Изборская
A/3364	S/Z?	Залесье	могильник	инспекция	керамика	(1928?) 1935	8	Печорская
A/3365: 1–2	S	Вербеково	захоронение	инспекция	серебряное кольцо, серебряные деньги	1929 (1935)	2	Печорская
A/3366	S	Колпино	селище	инспекция	керамика	1935		Кулейская
A/3367	S	Любницы и Башкирово	селище	инспекция	керамика	1933 (1935)	4	Мяская
A/3368: 1–6	Z	Константиново (Серга)	могильник	инспекция	нож, керамика	1935	6	Меремьяэ-ская
A/3369: 1–4	Z	Луки	случайная находка	инспекция	топор, острога, наконечник копья	1931–32	4	Сенская
A/3370: 1–16	Z	Луки	могильник	инспекция	украшения, серебряные деньги, керамика, железный гвоздь	1935	16	Сенская
A/3371: 1–3[a]	S	Малая Гверстонь	случайная находка	инспекция	керамика, топор, железный предмет	1935	3	Сенская
A/3372	Z	Большие Калки	могильник	инспекция	керамика	1935	2	Сенская
A/3373	S	Рачева	могильник	инспекция	керамика	1935	18	Вилловская
A/3374: 1–14	Z	Митквицы	городище	инспекция	керамика, плитфоваальный камень, шлак, кость, бусина, железный предмет	1935 –	13	Вилловская
A/3392		Иваново Болото	случайная находка	случайная находка	каменный топор	1926–27 (1936)	1	Сенская
A/3591		Кривск	случайная находка	случайная находка	каменный топор	1937	1	Изборская
A/3672: 1–3		Анохово	селище	инспекция	керамика, кремь, кости	1937 (1938)	3	Изборская
A/3673: 1–2		Калки	селище	инспекция	керамика, кости	1937 (1938)	2	Изборская
A/3674: 1–14		Печки	селище	инспекция	керамика, шлак, грузила для сети	1937 (1938)	14	Изборская
A/3675		Гора Милаша	селище	инспекция	керамика, кость	1937 (1938)		Печерская
A/3676: 1–4		Лезги	селище, захоронение	инспекция	керамика, обгоревшие кости	1937 (1938)	4	Изборская
A/3677		Абдеха/Обдеха	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	4	Изборская
A/3678: 1–3		Соха	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	3	Изборская
A/3679		Соха	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	2	Изборская
A/3681		Кривск	курганное захоронение	инспекция	керамика	1937 (1938)		Печорская

Номер	Место находки	Тип памятника (по Зурову)	Способ обнаружения	Находка	Год*	Количество	Волость
A/3682	Кривск, «Часовня»	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)		Печорская
A/3683: 1-2	Кривск	случайная находка	инспекция	грузила для сети	1937 (1938)	2	Печорская
A/3684	Кривск, городище и озеро	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	5	Печорская
A/3685	Кривск, городище	городище	инспекция	керамика	1937 (1938)	5	Печорская
A/3686: 1-10	Кривск, озеро	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	10	Печорская
A/3687	Кривск, гора Лутовицы	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)		Печорская
A/3688	Кривск и Литовичи	селище	инспекция	керамика, уголь	1937 (1938)		Печорская
A/3689: 1-4	Литовичи, Городец	городище	инспекция	керамика	1937 (1938)	4	Печорская
A/3690	могильник Гверстонь	могильник	инспекция	керамика	1937 (1938)	3	Печорская
A/3691: 1-5	Зимний Борок	селище	инспекция	керамика, кости, кремь	1937 (1938)	5	Печорская
A/3692	остров Семск	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	3	Печорская
A/3693	хутор Кулина	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	2	Печорская
A/3694	Косыгино, озеро Любенец	курганное захоронение	инспекция	обгоревшие кости; уголь	1937 (1938)		Изборская
A/3695	Петровское	курганное захоронение	инспекция	керамика, обгоревшие кости	1937 (1938)		Изборская
A/3696	Косыгино	курганное захоронение	инспекция	обгоревшие кости	1937 (1938)		Изборская
A/3697	хутор Борок	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	3	Изборская
A/3698	Косыгина гора, Пятунованива	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)		Изборская
A/3699	Велье	курганное захоронение	инспекция	обгоревшие кости, керамика	1937 (1938)	2	Изборская
A/3700	Михалево	курганное захоронение	инспекция	обгоревшие кости	1937 (1938)	2	Изборская
A/3701	Гверстонь	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	2	Печерская
A/3702	Башкирово и Авдеево	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	5	Слободская
A/3703	Косыгино	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)	4	Изборская
A/3704	Молочково и Кривск	селище	инспекция	керамика	1937 (1938)		Печерская
A/3705	Лютковский лес	курганное захоронение	инспекция	обгоревшие кости, уголь	1937 (1938)		Слободская
A/3706	Лезги	случайная находка	инспекция	крестообразная подвеска	1937 (1938)		Печерская
AI 3707	Печорская область	случайная находка	инспекция	обрывок застежки от пояса	1937 (1938)		?

* Из двух дат первая обозначает год обнаружения предметов, вторая — год их передачи в коллекцию.

** В первом столбце среди находок 1935 г. буквой «S» обозначены находки О. Сааре (чьё обследование памятников было выполнено с целью проверки данных Зурова), «Z» — находки Зурова. Авторство некоторых находок остается, из-за отсутствия данных, неизвестным.

с Таллинским университетом (2005), материалы Зурова находятся в Научной археологической коллекции в археологическом архиве (АІ 22-1) и фондохранилище Таллиннского университета. В восстановленном в 1993 г. кабинете археологии Тартуского университета имеются светокопии отчетов Зурова и копии нескольких отчетов, сделанные во время Второй мировой войны. Первая научная экспедиция Леонида Зурова в 1928 г. ограничилась в основном задачей более близкого знакомства с церквями региона, а соприкосновение с археологическими древностями было случайным (НМЕИ, Зуров І. А. 4–6). Но в 1935 г. Зуров осмотрел уже значительное количество памятников в разных местах Печорского уезда, открыв также городище в Митковицах (Там же. А. 24–26). Систематическое исследование археологических объектов началось в 1937 г. (см. НМЕИ, Зуров І. А. 27 и далее) и большинство результатов его поездок отражено в построенных по региональному принципу обзорах, которые находятся в археологическом архиве Таллиннского университета. В начале лета 1937 г. Зуров осуществил научную экспедицию в Мегузицы/*Miikse*, в середине июля посетил Псковское Обозерье в районе деревни Печки, позднее лето провел, обследуя археологические памятники вдоль реки Обдех/*Opjok*, в первой половине августа был в южной части Изборской волости (Zurov 1937 b), в конце месяца — в северной части уезда, бывшей Слободской волости (Zurov 1937 a). В сентябре Зуров предпринял, вначале вместе с Вильде, повторную экспедицию в восточную часть Печорской волости, добравшись теперь до Псковского озера (Zurov 1937 b). В 1938 г. Зуров был вновь в окрестностях Мегузиц (Zurov 1938 b), обследовал археологические памятники района нижнего течения и дельты р. Пиузы (Zurov 1938 e), рыбацкие деревни на побережье Псковского озера (Zurov 1938 c) и острова Каменка (Zurov 1938 d), а также в волостях Ротово и Лавры (Zurov 1938 f).

■ НАХОДКИ В ФОНДОХРАНИЛИЩЕ ТАЛЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Археологические находки из коллекций Зурова, хранящиеся в фондохранилище Таллиннского университета, происходят из разных частей Печорского уезда. Лучше всего представлена керамика, собранная в основном на территории селищ около Псковского озера — преимущественно из окрестностей деревни Кривск. Многочисленны также предметы и из южной части Изборской волости (в основном из захоронений) и Лавровской волости. Меньше находок из северной и западной частей Сетомаа. Кроме керамики имеются обгоревшие и не обгоревшие кости из курганных захоронений. Украшений относительно мало — в основном они происходят из могильника Луки.

Отдельную группу находок составляют каменные топоры (Кривск, Ха-лахальня, Иваново Болото). Большинство находок (керамика и кости) собраны самим Зуровым, но некоторые, бóльшие по размерам, каменные топоры и украшения подарены местными жителями. Самыми значительными следует признать собрания находок из городища Митковицы и могильника Луки.

Хотя данные о большинстве предметов Зурова отражены в отчетах об экспедиционных работах, но есть и пробелы. Например, несмотря на то, что Зуров осмотрел в 1928 г. не менее 23 памятников, данных о находках этого года не имеется. Сведения о вещах, переданных в 1935 г. (см. таблицу на с. 114–115), ограничены краткими заметками в главной описи археологической коллекции. Информация о них не обнаружена и в последующем подробном обзоре экспедиционных работ³. После того, как Зуров сообщил о своих экспедиционных работах 1935 г. магистру географического кабинета Тартуского университета Эриху Пийпенбергу, его 18 августа того же года посетил в Печорах молодой археолог Освальд Саадре, которому исследователь и передал свои находки (Saadre 1935. Лк. 1)⁴. По крайней мере о шести предметах из доставленных Саадре в Тартуский университет (АИ 3360–3374) можно сказать, что они переданы Зуровым, однако их количество может быть и бóльшим.

Результатом экспедиции 1937 г. стали 52 «пакета» находок (НМЕИ, Зуров I. Л. 33; АИ 3591, 3672–3679, 3681–3707). В отчетах того года иногда отсутствуют отдельные записи о некоторых местах обнаружения находок, например, относительно найденных на хуторах Кулина и Борок (АИ 3693, 3697), не упоминаются и случайные вещи из деревень Косыгино (керамика; АИ 3703) и Лезги/*Leeska* (крест-подвеска; АИ 3706). Место обнаружения не указано у обрывка застежки от пояса (АИ 3707), которая якобы была среди доставленных в 1937 г. находок Зурова. Может быть, данные о них имеются в записях экспедиционных дневников в фондах университета в Лидсе.

Судьба собранных в 1938 г. предметов неизвестна. Хотя Зуров пишет: «В 1938 г. мною эстонским археологам был сдан и приобретенный под д. Кривск каменный молоток и 17 пакетов с подъемным материалом» (НМЕИ, Зуров I. Л. 48), в археологическом архиве и коллекциях Тартуского университета нет никаких данных о находках того года. О времени передачи каменного топора из д. Кривск Зуров ошибается: предмет (АИ 3591) поступил в археологические коллекции годом раньше — 25 сентября 1937 г.

3. ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Результаты археологической и этнографической разведки в Сетумаа в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. (1946).

4. Факт передачи находок в 1935 г. Л. Зуров и позже подтверждал в своих отчетах (см. Белобровцева 2010. С. 301, прим. 66).

Археологические предметы, собранные Л. Зуровым:

а — Печки/Городец (AI 3674);

б — Лезги, курганы и селище (AI 3676);

в — Соха, селище (AI 3678), и Лезги, у мельницы Мишина (AI 3677).

Фотографии Х. Валка. 2016–2017 гг. ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

■ ОТЧЕТЫ

В археологическом архиве Таллинского университета хранятся отчеты полевых работ Зурова за 1937 и 1938 гг., первоначально их было восемь единиц хранения⁵. Позже некоторые из них были реструктурированы в соответствии с географическим (волостным) принципом — соответственно две (Zurov 1937 a, b) и шесть (Zurov 1938 a–f) единиц хранения.

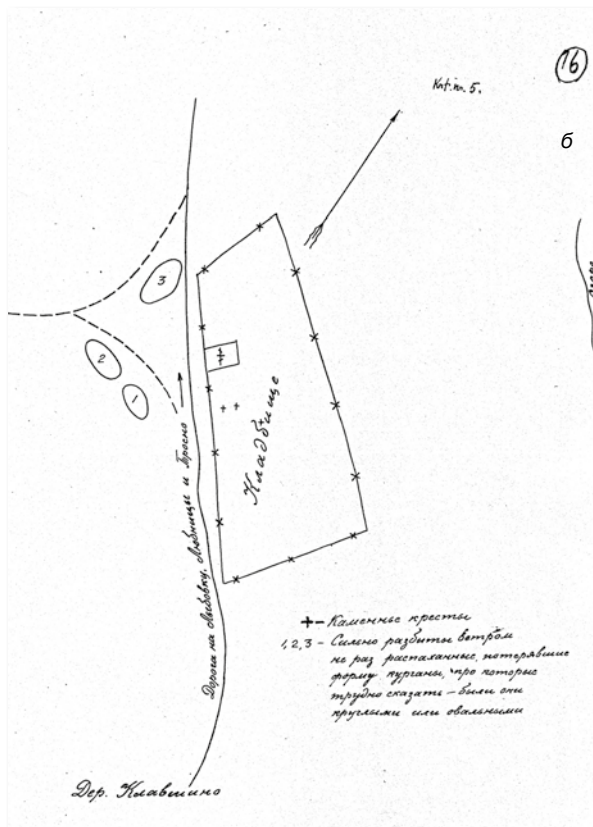
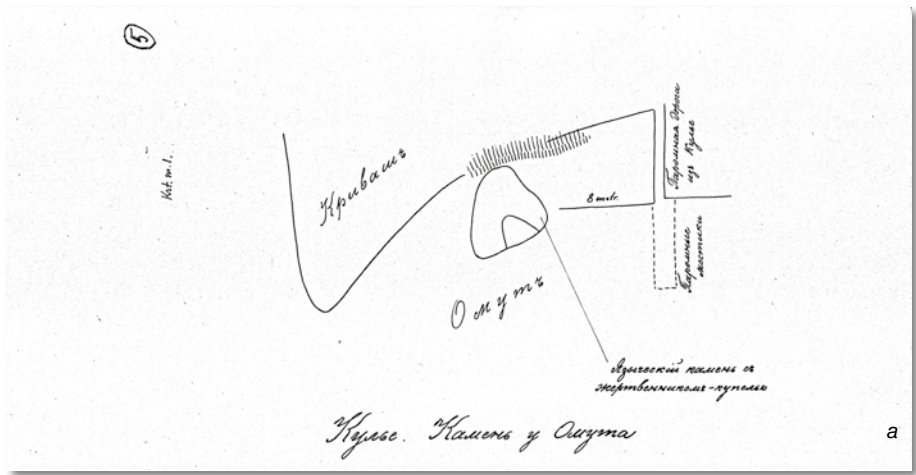
Отчеты (написаны на отдельных пронумерованных листах) являются сжатыми, во многом конспективными, их содержание ограничивается описанием археологических древностей и указанием на их местонахождение. Тексты написаны в основном на эстонском языке, переведены и переписаны в кабинете археологии Тартуского университета с русскоязычных источников — либо уже оформленных оригиналов, либо полевых заметок. Переводчик, судя по текстам, достаточно хорошо владел русским языком, но допустил и ошибки. Некоторые русскоязычные страницы в отчетах, вероятно, являются собственноручными записями Зурова, часть, исходя из особенностей почерка, может быть написана Борисом Вильде. Большая часть отчетов написана хорошим почерком, иногда с поправками, видимо из-за необходимости исправить перевод; к ним приложены и основательные (частично оригинальные, т. е. русскоязычные) схемы и карты. В то же время часть отчетов представляет собой только схемы и сопровождающие их короткие заметки. Скорописью и наспех сделаны наброски отчетных листов об археологических памятниках окрестностей г. Печоры и юго-западной части Сетомаа, острова Каменка, Кулейской волости; среди них имеются варианты как на русском, так и на эстонском языках.

В отчеты 1937 г. позднее были добавлены схемы расположения некоторых памятников с надписями на русском языке, очевидно, выполненные самим Зуровым. На них имеются надписи на эстонском языке: «Получены через профессора Тальгрена 15. IV 1938»⁶.

В Таллине отсутствуют отчеты об экспедиционных работах 1928 и 1935 гг. Об этих исследовательских поездках мы можем получить представление только на основании материалов, которые находятся в архивах Парижа, Лидса⁷ и Москвы⁸ (см. Benfoughal 2010; Heywood 2000; Зуров 2014).

Хотя Зуров в своем отчете пишет, что вся археологическая информация, собранная в 1937 и 1938 гг., была передана археологическому кабинету

5. Реструктурирование материалов отражено в фондовых номерах архивных единиц хранения, см. список архивных источников.
6. А. М. Тальгрэн в 1920–1923 гг. был профессором археологии в Тартуском университете.
7. LRA. MS. 1068. Фонд А. Зурова.
8. ДРЗ. Ф. 3. См. также статьи Т. Бенфугаль и П. Меннесье «Фонд Вильде — Зурова: историческая справка и классификация» и О. Фишман «Архив А. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)», с. 91 и 139 в настоящем издании.

Листы из полевых отчетов по археологии Л. Зурова за 1937 и 1938 гг.,

переоформленных в Тартуском университете:

а — омут-камень у деревни Кулье (Л. 5);

б — курганная группа рядом с кладбищем у деревни Клавшино (Лаоссина) (Л. 16). (Zurov 1937a. Pp. 5, 16).

ТЛУ, Археологическая коллекция

Страница из отчета о работах в 1938 г. на эстонском языке:

данные о памятниках юго-западной части Печорского уезда (Zurov 1938f. 6).

■ ТЛУ, Археологическая коллекция

(НМЕИ, Зуров I. Л. 40, 58), это не соответствует действительности. Многие данные, хранящиеся в Москве (напр. Зуров 2014. С. 17, 24, 26–28, 38–41, 43–47, 50–52), отсутствуют в архивах Эстонии. Несостоятельность данных, представленных в отчете, подтверждает в 1958 г. и сам Зуров:

«... не только в б[ывшем] Археологическом кабинете есть материалы, но и у меня на руках есть дополнительные данные о длинных и удлиненных курганах, не попавшие в отчет (и в приложения)» (Зуров 2014. С. 75).

■ КОНТЕКСТ ПОСТУПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В археологическом архиве и фондохранилище Таллинского университета представлены материалы, касающиеся только археологии. Львиную долю данных экспедиционных работ Зурова в Сетомаа составляют записи по топонимике, этнографии, местным преданиям и истории региона (см. ДРЗ. Ф. 3), но этих материалов в Эстонии нет.

До сегодняшнего дня не ясно, когда и как материалы Зурова поступили в кабинет археологии Тартуского университета. Исследователь сам неоднократно подтверждает передачу всех материалов 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в кабинет археологии Тартуского университета (см. напр.: Зуров 1998, Зуров 2014. С. 32, 33, 36, 42; НМЕИ, Зуров I. Л. 26, 35, 53). Однако в соответствии с главной описью находок Института истории сам Зуров передал кабинету

только вышеупомянутый каменный топор из Кривска. Относительно других артефактов там же имеется отметка:

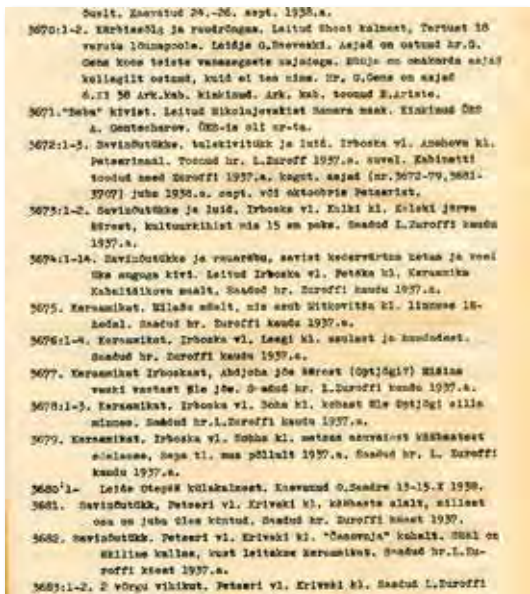
«Находки АІ 3672–3679, 3681–3707. Доставленные в кабинет археологии в сентябре-октябре 1938 г. из Печор вещи, собранные Зуровым в 1937 г.»⁹.

Таким образом возможно, что, как утверждает книга описи археологического кабинета, находки 1937 г. поступили в Тарту годом позже, и что их передал не сам Зуров, а кто-то другой из Печор. Предметы внесены в книгу описи между 23 октября 1938 и концом февраля 1939 г.¹⁰, но, скорее всего, не ранее ноября. Не раньше чем в апреле 1939 г. в книгу, где собраны данные о поступлениях в коллекции (официальных актов приема не было), вклеили вырезки из бумажных пакетиков для упаковки находок с данными о местонахождении и новыми номерами коллекции (приблизительно около половины находок). Довоенная документация и переписка археологического кабинета сохранились лишь отчасти¹¹ и других данных о передаче вещей не существует.

Можно предположить, что и находки 1938 г. Зуров оставил в Печорах у кого-то из доверенных лиц, обещавших передать их в Тарту (скорей всего, у другого человека, нежели чем в 1937 г.); замена доверенного лица могла быть вызвана тем, что находки предыдущего года не были переданы по назначению. Но и в этом случае остается без ответа вопрос: почему Зуров не создал в конце лета 1938 г. один комплект из находок двух лет для передачи?

Если более ранние находки поступили в Тарту с опозданием на год, то находки 1938 г., как было упомянуто выше, до Тарту вообще не дошли. Вероятно, они остались в Печорах и погибли там при большом пожаре 24 мая 1939 г., когда сгорело более 200 домов (Reissaar 1996. Lk. 161–163; Tint, Sooväli 2009). Скорее всего, Зуров не знал о судьбе своего собрания.

9. Здесь следует отметить и то обстоятельство, что в отчете за 1937 г. Зуров упоминает личную передачу только рукописей, передача же находок упомянута в безличной форме (НМЕИ, Зуров I. Л. 48).
10. Предметы внесены в главную опись коллекции археологического кабинета не в хронологической последовательности, но, видимо, определенными группами. Время внесения отметок в книгу, как правило, не отражается. Время записи коллекции Зурова в книгу описи помогают датировать другие отметки: начало возможного промежутка времени — отметка о передаче находок инспекции, состоявшейся 23 октября 1938 г. (АІ 3667), а возможную верхнюю временную границу — заметка от 07.02.1939, которая отличается от записей находок Зурова.
11. Возможно, что большая часть переписки археологического кабинета, в первую очередь, с «не рекомендуемыми» лицами, была уничтожена в послевоенное время из-за опасения репрессий. В то время Харри Моора был повторно вызван органами государственной безопасности.

Лист из главной инвентарной книги археологического кабинета

Тартуского университета, свидетельствующий о приеме на хранение в фонд кабинета

в 1938 г. памятников, собранных Л. Зуровым в 1937 г., и его машинописная копия (см. № 3672: 1–3; АИ ф.8. ТУ arheologia kabineti pearaamat). ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

Вероятность того, что находки 1938 г. прибыли в Тарту, но не были поставлены на учет и могли потеряться, ничтожно мала — тартуские археологические коллекции и архив остались почти полностью нетронутыми во время войны. В 1941 г. эвакуация не состоялась, а эвакуация коллекций 1944 г. нанесла лишь минимальный ущерб.

Неясен и характер передачи описей памятников в Тарту. Вероятно, Зуров предоставил свои археологические записки во временное пользование для перевода и копирования в археологическом кабинете. Это следует из неподписанного листка, находящегося в папке переписи кабинета:

«Настоящим я отмечаю [прием] пока неизвестных археологическому кабинету сведений о находках и описаний недвижимых памятников, которые г-н Зуров собирал в лето 1937 г. в Сетумаа и передал археологическому кабинету для использования вместе с планами».

Там же имеется и список обнаруженных в 1937 г. памятников: 25 из Печорской, 23 из Изборской и 22 из Слободской волости. Об акте передачи археологических материалов 27 сентября 1937 г. упоминает и документ, составленный в Тарту с этой датой и приложенный к письму от Зурова Полю

Вырезки из бумажных пакетиков, в которых хранились находки Л. Зурова, с указанием места обнаружения предметов. АИФ 8, ТУ. ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

Риве 17 мая 1938 г. (MNHN-2AM1K99c)¹². То же письмо свидетельствует, что этнографические фотографии были отправлены во Францию. Однако передача полевых археологических заметок в Тарту не была единовременной. Последнее подтверждает то обстоятельство, что часть их осталась не переданной еще и осенью 1938 года. Вместе с тем чистовые варианты некоторых общих планов и наиболее сложные схемы расположения памятников весной 1938 г. предоставил Тартускому археологическому кабинету профессор Тальгрэн. Так как описания памятников, переведенные на эстонский язык, оригинальные схемы памятников и данные об их месторасположении, а также материалы, полученные от Тальгрэна, выполнены на одинаковой бумаге одного и того

12. Следует отметить, что этот лист, как и вышеупомянутый, содержит помету «отмечаю» (скорее всего свидетельствующую о приеме рукописных материалов на временное хранение); сведения о находках и список памятников, обнаруженных в 1937 г., имеют одинаковую отметку (№ 243). Вероятно, этот номер обозначает номер акта передачи в документации археологического кабинета. Акт в Тарту не сохранился, нет его и в Париже.

**Лист с записью о временной передаче
Л. Зуровым археологическому
кабинету полевых материалов 1937 г.:**

описаний, планов, памятников и данных
о случайных находках АИ Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 3.
Л. 75. ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

же формата, можно предположить, что бумагу для оформления результатов полевых работ Зуров получил из археологического кабинета¹³.

При отъезде из Эстонии Зуров оставил в Тарту также и описания памятников, обнаруженных в 1938 г.: рукописи были посланы почтой в Париж 4 октября (MNHN-2AM1M1F) с извинением за опоздание (было оговорено отправить их 1 октября). Создается впечатление, что с оформлением материалов этого года торопились и поэтому отчеты за названный год оформлены небрежно и поверхностно.

В связи с передачей материалов остаются открытыми и некоторые другие вопросы. Если Зуров передал в Тартуский университет для копирования полевые записи 1937 г., почему же находки того года были оставлены им в Печорах? Можно ли предположить, что они были забыты? Вместе с тем напомним, что самую ценную из них — каменный топор из Кривска — Зуров передал в Тарту лично. Знал ли Зуров, что находки 1937 г. не были переданы в Тарту или же он узнал об этом только после приезда в Эстонию в 1938-м? Если находки 1937 г. передали в сентябре или октябре 1938 г., почему не передали вместе с ними и коллекцию 1938 г.?

В эстонских архивах, помимо археологических описаний обследованного региона и дубликатов отдельных фотографий, нет никаких других данных об экспедиционных работах Л. Зурова. Единственными дополнительными источниками информации являются газетные статьи об открытии некоторых археологических древностей (см. Белобровцева 2010; Грушина 2011).

13. О том, что Зуров взял для оформления своих работ бумагу из Тарту, свидетельствует тот факт, что на такой же (хотя другого формата) бумаге написано и письмо Зурова к Риве от 17 мая 1939 г., и документ, удостоверяющий существование акта передачи, оформленный в Тарту 27 сентября 1937 г.

Архивные документы

- Saadre 1935** ■ Saadre O. Petserimaa (Irboska, Lobotka, Petseri) muinajäänuste inspektsiooni aruanne. 1935. (AI-1-111-6)
- Zurov 1937 a** ■ Zurov L. Lobodka valla muinajäänuste kirjeldus. Teateid kinnismuististest. Tehtud L. Zurov'i poolt suvel 1937. a. [Arheoloogiline luure 26.–31.VIII 1937. a.; Zourovi andmed saad. prof. Tallgreni kaudu 25. IV 38]. 1937 a. (AI-1-110-4[4–6])
- Zurov 1937 b** ■ Zurov L. Teateid kinnismuististest. Irboska. [Arheoloogiline luure 6.–13. augustil 1937]. 1937. b. (AI-1-112-13[15–16])
- Zurov 1938 a** ■ Zurov L. Teateid muististest (Petseri vald). [Arh. insp. septembris 1937. a. Saadud prof. Tallgreni kaudu 25. IV 1938. a.]. 1938. a. (AI-1-111-5[7–8] > [AI 22-1-112-17])
- Zurov 1938 b** ■ Zurov, L. Petseri vald. L. Zuroffi andmed 1938. a. Kontrollimata. [24.–25.08.38]. 1938 b. (AI-1-111-7)
- Zurov 1938 c** ■ Zurov L. Senno vald. L. Zuroffi andm. 1938. a. Kontrollimata (Seni pole registreeritud). Irboska vallarühm. [Petseri vald]. 1938 c. (AI-1-112-6[111-8/11])
- Zurov 1938 d** ■ Zurov L. Kulje vald. Kamenka saar. L. Zuroffi and. 1938. a. Kontrollimata. [Petseri vald]. 1938 d. (AI-1-110-5[111-11])
- Zurov 1938 e** ■ Zurov L. Kalda vl. Kontrollimata. Senini registreerimata. Lobotka vallarühm. [Petseri, osaliselt Lobodka v.]. 1938 e. (AI-1-110-5[111-11])
- Zurov 1938 f** ■ Zurov L. Teateid kinnismuististest. 1938. a. L. Zurov. [Pankjavitva v (Vilo, Rootova ja Laura vald)]. 1938 f. (AI-1-110-5[109-4])

Литература

- Белобровцева 2010** ■ Белобровцева И. З. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта, 2010. С. 289–310.
- Грушина 2011** ■ Грушина А. Е. Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краеведения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отд. союза краеведов России, Фонд «Краеведъ», 2011. С. 142–153.
- Зуров 1998** ■ Зуров Л. Ф. Окрест Печер: Выписки из уцелевших записных книжек и полевых дневников (1928–1935) // Выпго-род. Вып. 4. Таллинн, 1998. С. 179–185.
- Зуров 2014** ■ Зуров Л. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Benfoughal 2010** ■ Benfoughal T. Nouveaux terrains ethnographiques du Musée de l'Homme, années 1930 : Retour sur les missions de Boris Vildé et Léonid Zurov au Setu-maa (Russie–Estonie) // Guerreiro A. (comp.). Retour sur le terrain: Nouveaux regards, nouvelles pratiques (Eurasie, 20). Paris: L'Harmattan, 2010. Pp. 93–143.
- Heywood 2000** ■ Heywood A. J. Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Ed. by R. D. Davis with the assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. Pp. 291–351.
- Tint, Sooväli 2009** ■ Tint S., Sooväli H. Tulekahju geograafiline kujutamise Petseri näitel // Akadeemia, 2009. T. 3. Lk. 498–522.

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27** Глава 1. Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова
в Русском архиве университета г. Лидса
(Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

■ Обзор материалов археологических и этнографических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета г. Лидса (Великобритания)

Ирина Белобровцева ■

Фонд Леонида Федоровича Зурова в Русском архиве университета г. Лидса (РАЛ) формировался с 1985 по 1941 г., по мере того как наследница Л. Ф. Зурова, доцент Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин¹, передавала в архив материалы, связанные с жизнью и творчеством И. А. Бунина, В. Н. Буниной и Л. Ф. Зурова. Архивные шифры учитывают название архива: кириллицей — это РАЛ (Русский архив Лидского университета), латиницей — LRA, затем идут аббревиатура MS (manuscript — «рукопись», т. е. дело), порядковый номер фонда (у фонда Зурова — 1068) и единица хранения. Ориентироваться в архивном фонде 1068 помогает составленный Э. Хейвудом сводный каталог фондов И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова и Е. М. Лопатиной² (Heuwood 2000). Следует отметить, что в него были включены все материалы, обработанные к 2000 г., тогда как небольшая, еще не введенная в оборот в период составления каталога, часть и новые поступления хранятся в настоящее время под шифром LRA. MS. 1068A.

В фонде Зурова в РАЛ хранятся, прежде всего, материалы, связанные с его литературной деятельностью. Большую часть фонда составляют дневники и записные книжки, в которых наиболее ранние записи относятся к 1919 г., а самые поздние — к году смерти Зурова — 1971-му. В разделе «Переписка»

1. Грин Милица Эдуардовна (урожд. Гартъе; 1912–1998) — юрист, филолог-русист, литературовед. В 1921 г. вместе с семьей уехала из России в Латвию. С конца 1940-х гг. жила в Шотландии, работала на кафедре русистики Эдинбургского университета.
2. Лопатина Екатерина Михайловна (1865–1935) — писательница, мемуаристка. Подруга В. Н. Буниной с середины 1890-х гг.

содержатся письма к Зурову (и копии некоторых его писем) от более чем 250-ти корреспондентов. Некоторые письма разбиты на два корпуса: часть корреспонденции хранится в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына в Москве (ДРЗ), куда письма попали, по всей видимости, в результате не критического отбора М. Э. Грин для отсылки А. И. Солженицыну собранных Зуровым материалов о деятельности Северо-Западной армии³. Кроме того в состав Лидского фонда входят различные документы и значительное количество фотографий Зурова (LRA. MS. 1068/4083-4608), статьи, книги и ноты с инскриптами ученых, писателей, композиторов.

■ МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ЗУРОВА

Классификации

О составе (но не об объеме) блока экспедиционных материалов до момента разделения его на две части (лидскую и московскую) дает представление перечень, озаглавленный «Экспедиционные материалы»⁴, составленный М. Э. Грин, очевидно, после смерти Зурова при разборке его архива.

Этот перечень содержит 26 пунктов⁵:

1. Напечатанные отчеты с черновиками Изборск, Малы...;
2. Черновики отчетов;
3. Переписка, отн[осящаяся] к иссл[едованиям] статьи и т. д.;
4. Печоры (материалы, переписка, напечатанные очерки, газетные вырезки);
5. Арх[еологическая] разведка 1937 г.

Протоколы;

6. Копии докладов, писем, кроки;
7. Рукопись разл[ичных] материалов;
8. Письма Милюкову относит[ельно] сбора на поездку и др. переписка (изъяты письма Б. Вильде);
9. Печоры 37, рукописные мат[ериалы];
10. Записи об обслед[овании] древностей...;
11. Коллекция свадебных полотенец и др. мат[ериалы] (рукописи);
12. Черновые записи;

3. См. историю отсылки материалов архива А. Ф. Зурова А. И. Солженицыну: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 139 — Переписка А. И. и Н. Д. Солженицыных с М. Грин (по поводу архива А. Ф. Зурова, 1978–1979), а также статью О. Фишман «Архив А. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)» в настоящем издании.

4. Экспедиционные материалы — LRA. MS. 1068/5262.

5. Сохранены пунктуация и графический облик оригинала. В квадратных скобках расшифрованы сокращения.

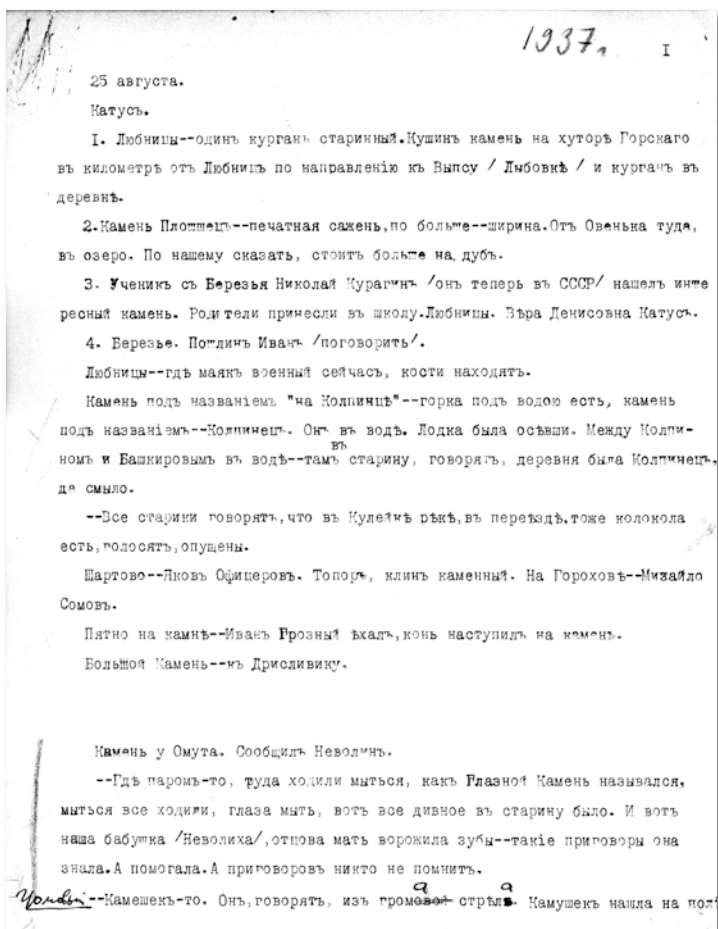
13. Пер[епечатанная] на машинке рукопись О дохрист[ианских] пережитках в религ[иозных] верованиях сетских и русских крестьян Печорск[ого] уезда, 92 стр.;
14. Книга и брошюры;
15. Карты;
16. Библиотека Печерск[ого] Монаст[ыря] Синодики, зарисовки 1928 г. (для Отчины);
17. Разведка 1938 г., докл[адная] записка, записи;
18. Зарисовки, записи;
19. Вырезки, записи;
18. Копии писем и записок;
19. Напечат[анные] на маш[инке] отчеты (см. п. I);
20. Вырезки из газет и т. д.;
21. Подготовит[ельные] материалы;
22. Записные книжки с выписками из книг и т. д. (пакет);
23. Фотографии: Изборск, Печоры;
24. Говор (Обозерье)»

■ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ОТЧЕТ

При этом если некоторые из названных в отдельных пунктах данные легко узнаваемы (например, письма П. Н. Милюкову в ответ на призыв финансировать поездку Зурова в Печорский край в 1935 г. хранятся в ДРЗ, так же как и письма Б. В. Вильде), то упомянутые в 12-м пункте черновые записи могут относиться к большому комплексу дневников, полевых записей, образцов местных русских говоров и т. п.

■ НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

К ним относится, прежде всего, статья Зурова «Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och russar i Petseri-området» (1940; 1068/745–746). Л. Ф. Зуров был первым исследователем, ознакомившим с этнографией и археологией Печорского края шведские научные круги. Фольклорист Кнут Кнутссон предложил ему опубликовать материалы археологических разведок и издал объемную статью Зурова «Поклонение камням, источникам и деревьям среди сетукезов и русских Печорской области» на шведском языке в научном журнале «Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europea» за 1940 г. Два оттиска этой статьи хранятся в РАЛ.

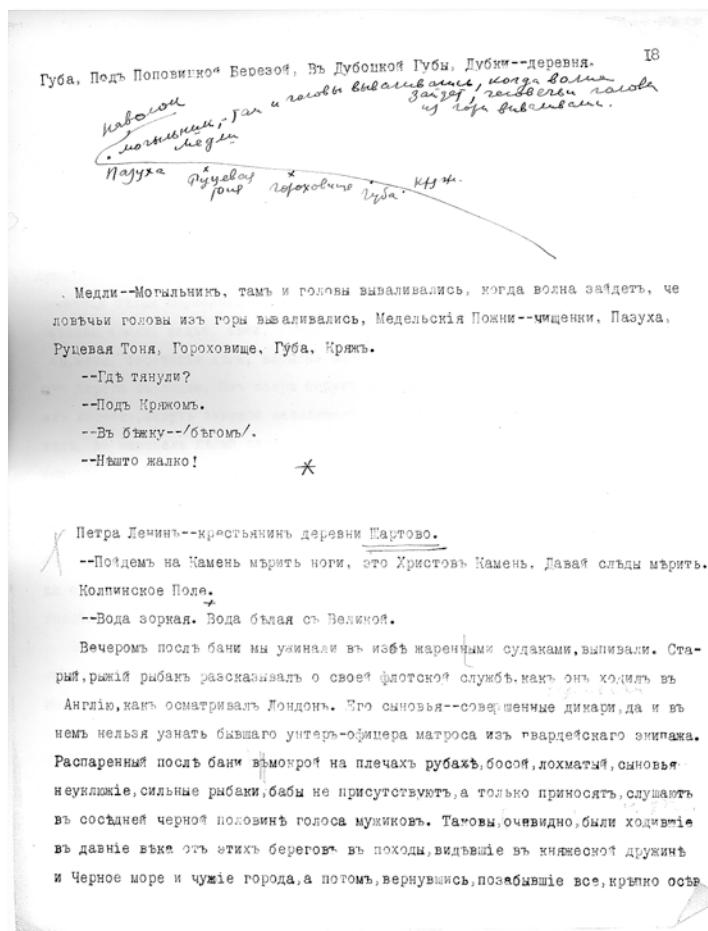

**Машинописная
страница
полевых записей
Л. Зурова.**

25 августа 1937 г.
Л. 1. LRA. MS
1068A. Л. 18

Далее следуют:

- 1068/747. «Изборск — Малы. Материалы археологической и этнографической разведки 1935 г.» (фрагменты из записок Л. Ф. Зурова об Изборске — Малах; 3 стр.) — эти материалы были посланы вместе с экспедиционным отчетом 1928–35–37–38 гг. в Академию наук СССР;
- 1068/748–750. Органическое вещество, обнаруженное Севрской мануфактурой в пате финистерской керамики, древний обычай гончаров Псковской области (1948 г. и без даты, 3 машинописных текста; 22 стр.);
- 1068/751–753. Записка о произведенном Зуровым обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и

**Машинописная
страница полевых
заметок Л. Зурова.**

25 августа 1937 г.
LRA. MS 1068A.
Л. 18

1938 гг. (1946 г. и без даты, машинопись и фрагменты, правленая машинопись; 118 стр.).

■ МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЭКСПЕДИЦИЯМИ

К этой группе архивных материалов относятся также те, в которых отчасти изложена предыстория экспедиции: рассказ о знакомстве Л. Ф. Зурова с Б. В. Вильде, о замысле и подготовке их общей экспедиции в Печорский край в 1937 г. Здесь же хранится подробное описание нескольких сотен негативов фотографий, переданных Зуровым в Музей человека в качестве отчета об экспедиции. Особого внимания заслуживают записные книжки

31 августа 1937 г.
 1937 г. программа исследования д.
 Мобильности, д. Зурова, д. Зурова,
 исследования поместных и поле
 мест.
 За д. Мобильности,
 перед переделки поля Берелон
 от д. Зурова и В. Пурско. Выходы
 керамики д. Зурова и Берелон
 мест д. Замкнучовны - д. Зурова,
 Чибельчовны и д. Авдево, первая
 д. Зурова. Обнаружены курганы
 в Морвском лесу, по следам от
 дороги на Ванс, д. Зурова
 курганы на Клевиче.
 обнаружены курганы д. Зурова
 в лесу (д. Зурова) на дороге с д.
 Клевича на д. В. Пурско,
 на участке примерно мест д.
 Клевича по Николэву.
 обнаружены курганы д. Зурова и
 д. Зурова в лесу д. Зурова в
 300 мет. от Берела от д. Зурова. Не
 далеко от д. Зурова в лесу
 д. Зурова д. Зурова на д. Зурова
 и д. Зурова. Поле от д. Зурова
 переделан в д. Зурова и
 д. Зурова. Выходы в Верхней
 д. Зурова. Выходы в д. Зурова
 почвенные материалы, с д. Зурова
 с д. Зурова на д. Зурова. На
 д. Зурова, с д. Зурова.

**Лист полевых
 записей
 Л. Зурова.**

31 августа 1937 г.
 LRA. MS 1068A

Зурова, которые впоследствии были переведены в машинопись. Основываясь на помете на внутренней стороне обложки, например, записной книжки под шифром LRA MS.1968/856, можно утверждать, что это было сделано в 1947 г., когда Л. Ф. Зуров и В. С. Варшавский работали сторожами в гараже⁶. За время экспедиций 1937 и 1938 гг. у Зурова собралось 48 записных книжек⁷, причем в машинопись⁸ переведены лишь некоторые из них. В работе с осталь-

6. Ср.: Notebooks 1937 — «Переписано в 1947 г. Гараж. Л. З.» (LRA MS.1068/856).
7. См. в упомянутом каталоге Э. Хейвуда: Notebooks (1937–1938; LRA MS. 1068/851–860); Notebooks (1937; LRA MS. 1068/861–865); Notebooks (1938; LRA MS. 1068/866–875); Notebooks (1938; LRA MS. 1068/876–899), что вместе с отдельными заметками составляет более двух тысяч листов.
8. Так, на верхнем крае обложки тетради, отмеченной в каталоге как «Записная книжка» (LRA MS.1068/846) и содержащей перебеленный текст поденных записей экспедиции 1935 г., рукой Л. Ф. Зурова написано: «1935 г.», а затем — «1948 г. май Пасха»; по-видимому, именно тогда и был перебелен черновик.

ными исследователи столкнутся с серьезными затруднениями ввиду специфического почерка Зурова, почти нечитаемого в тех случаях, когда он писал «для себя», и вполне четкого, когда рассчитывал на прочтение другими. Отчасти это действительно поденные записи с датами (экспедиционеры называют их «полевые»), в которых указана последовательность осмотра тех или иных памятников, зафиксированы топонимические данные, местная лексика, народные суеверия. Отдельные записи представляют собой описание различных археологических памятников и артефактов, быта печорян, устные предания об истории края (например, об основании монастыря Пресвятой Богородицы).

■ ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЭКСПЕДИЦИЯМИ

К истории экспедиций 1937 и 1938 гг. имеет отношение ряд документов.

1. Рекомендательное письмо Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии от 3 июля 1937 г. с просьбой оказать всемерное содействие Леониду Федоровичу Зурову, члену прибывшей из Парижа археологической и этнографической экспедиции, при его исследовательских работах. Письмо подписано секретарем правления Союза А. А. Булатовым (LRA MS. 1068/1629).

2. Рекомендательное письмо (на эстонском языке) посольства Эстонии в Париже от 9 июня 1938 г. На основании представленных документов оно удостоверяет, что Леонид Зуров по поручению Министерства образования Франции командирован в район Сетумаа, Чудского озера и реки Наровы для проведения там этнографических исследований, и просит соответствующие власти и учреждения идти ему навстречу при выполнении им данного поручения. Особая просьба посольства — разрешить Зурову провоз экспедиционного оборудования: фотоаппарата, пленок и т. п. — относится к таможенной службе (LRA MS.1068/1632).

3. Рекомендательное письмо Лаборатории этнологии парижского Музея человека от 7 июня 1938 г., удостоверяющее, что Зуров облечен миссией Министерства национального образования провести в Эстонии, Латвии и Литве этнологические и археологические исследования. В письме сообщалось, что Музей человека (Лаборатория этнологии Национального музея естественной истории) заинтересован в этой поездке и был бы благодарен властям, которые могли бы облегчить мсье Зурову выполнение его миссии. Письмо подписано директором Лаборатории Полем Риве (LRA MS. 1068/1631).

Аналогичные письма, касающиеся экспедиций 1937 и 1938 гг., были выданы Зурову также Министерством народного образования и изящных искусств Франции (1938; LRA MS. 1068/3642–3643), журналом «Современные записки» (1937–1938; LRA MS. 1068/1627), Русским центральным учительским союзом [в Эстонии] (1937; LRA MS. 1068/1628).

■ ПЕРЕПИСКА ЗУРОВА

Значительный объем сведений об экспедициях содержится в переписке Зурова. Следует выделить несколько групп его корреспондентов. Прежде всего это известные советские историки, археологи, специалисты по древнерусской архитектуре и письменности, с которыми он переписывался после Второй мировой войны: археологи В. В. Косточкин (1958; LRA MS. 1068/3333), Т. Н. Михельсон (1959; LRA MS. 1068/3636); П. А. Раппопорт (1956–1961; LRA MS. 1068/3759), В. В. Седов (1961; LRA MS. 1068/3780), археограф В. И. Малышев (LRA MS. 1068/3601–3607). Отдельную группу составляют те, с кем Л. Ф. Зуров сотрудничал во время экспедиций и впоследствии продолжал переписку: Н. Е. Андреев (LRA MS. 1068/1906–1913); Э. Э. Малер (переписка 1937–56; LRA MS. 1068/3590–3599); И. Осипова (1935–1940; LRA MS. 1068/3706–3713); К. Персин [в каталоге ошибочно Pereina] (1938; LRA MS. 1068/3730); А. Е. Розов (1935–1938; LRA MS. 1068/3767–3770); Е. А. Розов (1937; LRA MS. 1068/3771–3772); Г. В. Свидзинский (1936; LRA MS. 1068/3846–3847) и др. Еще одна группа — близкие Зурову люди, находившиеся в курсе его поездок в Печорский край: рижские родственники И. У. и Е. Ф. Левковичи (1930–40; LRA MS. 1068/3425); Г. П. Олейников (1935–1936; LRA MS. 1068/397–3705); А. С. Толстой (1929–1939; LRA MS. 1068/3866–3902); С. М. Пауль (1928–1937; LRA MS. 1068/3718–3729). Самым подробным образом Зуров сообщал об экспедиционной работе В. Н. Буниной.

Некоторые данные об экспедициях нашли отражение в письмах официальных лиц и инстанций: это газета «Сегодня» (Рига; 1931–1940; LRA MS. 1068/3781–3784); главный редактор газеты «Сегодня» М. С. Мнльруд (1931–1938; LRA MS. 1068/3637–3641); Жак Сустель (с 1938 г. заместитель директора Музея человека; 1938; LRA MS. 1068/3839); Министерство образования и социальных дел Эстонской Республики (1935; LRA MS. 1068/3218–3219).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фонд Леонида Федоровича Зурова в архиве Лидского университета содержит множество ценных материалов, которые лишь частично совпадают с материалами, хранящимися в ДРЗ и в архивах Эстонии (см., например, сообщение А. Пономарева об одном из архивных материалов: «Возможно, что именно для Михельсон он и готовил выписку, вариант которой хранится в Лидском архиве, но вот послал он ей более сокращенный вариант — выписку из выписки» (из письма А. Пономарева от 11.01.2014 г.). По утверждению

А. Пономарева, хорошо знающего фонды ДРЗ и Исторического архива, некоторые машинописные полевые записи из РАЛ не повторяются в других собраниях. Представляется в высшей степени разумным предложение этого исследователя о необходимости сведения воедино, хотя бы на уровне копий, всех экспедиционных материалов А. Ф. Зурова⁹. Только тогда можно будет сделать основательные и доказательные заключения обо всех трех корпусах архивных материалов.

Архивные документы и литература

LRA.MS. 1068

LRA.MS. 1068A

Heywood 2000 ■ Heywood A. J. Catalogue of the I. A. Bunin, V.N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Ed.

R. D. Davies, with the Assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. Pp. 291–351.

9. Экспедиционные отчеты и часть переписки А. Ф. Зурова с советскими учеными, хранящиеся в ДРЗ, в настоящее время опубликованы. См. Зуров А. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014. 401 с.

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27** Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

■ Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)

Ольга **Фишман** ■

Известно, что Л. Ф. Зуров завещал свой архив (включая и унаследованный им архив И. А. Бунина) профессору Эдинбургского университета Милице Эдуардовне Грин. С конца 1970-х гг. после предварительной его систематизации она постепенно передавала материалы Лидскому университету в Великобритании¹ и А. И. Солженицыну. Об этом свидетельствует переписка Грин с А. И. и Н. Д. Солженицыными, хранящаяся в Доме русского зарубежья (ДРЗ)². Так, в письме от 15 мая 1978 г. к «высокочтимому Александру Исаевичу» Грин предлагает два «чемодана» архивов писателя Леонида Зурова: наряду с «военным архивом», — «этнографические материалы, собранные Зуровым во время исследовательской работы в Прибалтике» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1).

Уже в июне М. Грин получает благодарственное письмо А. И. Солженицына с предложением выслать эти материалы на адрес: Solzhenitsyn, Cavendish, Vermont, подчеркивая, что они «исключительно интересны<...> Так же интересны и этнографические материалы» (Там же. Л. 2). Все материалы были получены Солженицыными в период с июля 1978 по январь 1979 г.

В 1996 г. вермонтский архив был передан Александром Исаевичем и Натальей Дмитриевной Солженицыными в Москву, в архив-музей Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (ныне переименованной в Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына). К слову сказать, именно эти материалы составили основу библиотеки-фонда. В 2005 г. часть фонда Л. Ф. Зурова была выделена в объединенный архивный фонд 39 «Северо-Западная

1. См. статью И. Белобровцевой «Обзор материалов археологических и этнографических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета г. Лидса (Великобритания)», с. 129 в настоящем издании.
2. URL: http://www.bfrz.ru/?fond_id=4&mod=arhiv.

РМБ

Dr. A. GREENE
37 LAUDER ROAD
EDINBURGH EH9 1UE
Scotland.

15 мая 1978.

Высокопочтенный Александр Иосифович,
в 1974 году, когда мы только что приехали на запад, написала Вам через Вашего адвоката
и предложила передать Вам воспоминания архива умершего в Париже эмигрантского писателя Леонида
Зурова, который годями собирал материал для романа "Эвоний Дворец", так и не напечатанного.
Ответа я не получила. Вероятно, мое письмо затерялось⁴⁶ в потоке писем.

Теперь слышала, что Вами создана Евросоветская Межуниверситетская Библиотека и Русское Хранилище.
Аочу предложить переслать Вам некоторые из хранившихся у меня материалов.

В первую очередь это касается военного архива Зурова, в котором находится дневники,
записки и воспоминания участников войны и Кровавого восстания. К Зурову, а затем ко мне,
перешла и часть архива Св. Им. Ливена и некоторые документы из архива III армии ген. Бригады
— приказы, официальная переписка (есть и письма Савиных, гр. Цылева и др.).

Это один чемодан. Второй — этнографические материалы, собранные Зуровым за время
исследовательской работы в Прибалтике (Печеры, Ляборск итд.) Незадолго до войны он был
участником экспедиции, посланной парижским Кузнецом Человечка в те края.

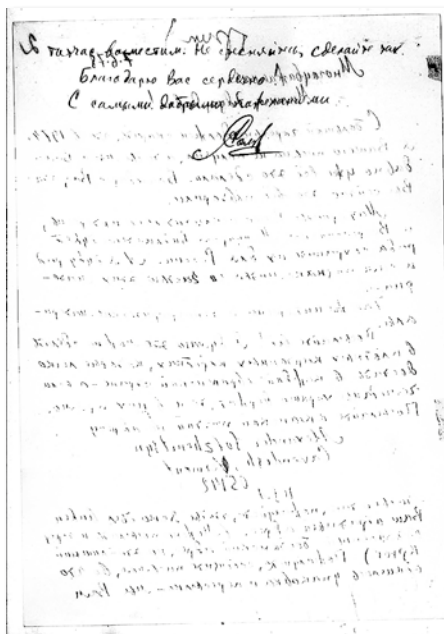
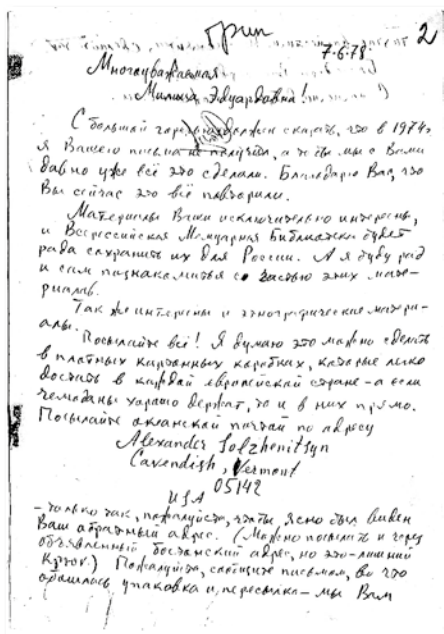
Перед тем, как переслать эти, на мой взгляд, ценные материалы, хотелось бы иметь
подтверждение, что они на хранение будут приняты. Поэтому была бы Вам весьма благодарна за
ответ, а также, если это возможно, за совет, каким образом лучше всего послать эти чемоданы.

От всей души желаю Вам здоровья и доброй работы. Аминь Вас Господь и Матерь Божия.

С глубоким уважением

Мелица Грин
(Мелана Эдуардовна Грин)

Письмо М. Э. Грин А. И. Солженицыну от 15 мая 1978 г.
■ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1

Ответное письмо А. И. Солженицына М. Э. Грин от 7 июня 1978 г.
ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 2, 2 об.

армия (Северная Армия, Северо-Западная Армия, Русские вооруженные силы на территории Польши, III Русская армия)». Остальные рукописные и машинописные материалы, рисунки, карты, переписка Л. Ф. Зурова составляют в настоящее время единый фонд (ДРЗ. Ф. 3.), который содержит 140 единиц хранения. Документы относятся к 1927–1979 гг.

■ РУКОПИСИ

Среди рукописей за 1928–1939 гг. (всего 17 дел) — материалы археолого-этнографических и топонимических экспедиций (Латвия, Псковская обл., Печоры). Среди них: «Город Печеры и его окрестности. СССР. Материалы археологической и этнографической разведки 1928, 1935 гг. (Выписки из уцелевших записных книжек и полевых дневников)» (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1. 42 л.), «Материалы по топонимике. Выписки из переписных книг Псково-Печерской обители. Перечень деревень и дворов Печерской обители» (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 4. 45 л.), в которых наряду с объемными данными по русской микротопонимике имеются карты-схемы, информация о Митковицком

Городачке, курганах у Мишиной/Важиной мельницы. Значительный интерес для историков, этнографов и лингвистов представляют авторские записки «Печерский край (материалы по этнографии). 1938 г.», «Пещеры — Мыльниково — Малая Пачковка — Пальцово — Рагозино. Топонимика», «Лезги — Новая Деревня — Кривск — Обозерский берег Псковского озера — Остров Семск — Городище. Топонимика», «Материалы для археологической карты Псковской губернии. Объяснение условных знаков».

В деле 10 хранятся две тетради Л. Ф. Зурова. Первая из них содержит полевые записи русских говоров, а вторая (80 листов), озаглавленная «Zouhoff Mission dans les Etats Baltes. Le collections» («Экспедиция Зурова в страны Балтии. Коллекции»), представляет собой подробнейшее описание коллекции предметов, приобретенных Л. Ф. Зуровым во время экспедиции у русских и сето, а также обстоятельств их сбора.

■ МАШИНОПИСНЫЕ КОПИИ ДОКУМЕНТОВ

Значительную часть фонда составляют машинописные копии документов, которые имеются и в других архивах (в Национальном музее естественной истории и Лидском университете), однако предстоит серьезная источниковедческая работа по их сравнению, т. к. многие из них были переименованы Л. Ф. Зуровым, а позднее и М. Грин, содержат авторские пометы, исправления и т. п. Назову наиболее объемные копийные отчеты и тексты, объединенные в деле 5 (75 л.): 1) Л. Зуров. Изборск — Малы. Материалы археологической и этнографической разведки 1935 г. (Машинопись. 26 л. с рукописными добавлениями и примечаниями автора); 2) Л. Зуров. Малы. Топонимика. (Машинопись. Л. 27–28. Примечания чернилами); 3) Л. Зуров. Изборск [добавление] 1937 г. (Машинопись. Л. 23–35. Примечания автора чернилами); 4) Изборск и его окрестности. Материалы по топонимике. Запись студентки Жемчужиной с добавлениями Зурова (Машинопись Л. 36–45, с примечаниями); 5) Л. Зуров. Изборск. Приложение к археологической разведке и материалы по топонимике. 1938 г. (Машинопись. Л. 46–65, с добавлением и правкой). В них приведены предания местных русских и сето о ключах, дубах, кладбищах; о часовне «Ликанды» — Никандровой пустыне; о скудельнике, полях, горах, каменных крестах. «Из первых уст» записан рассказ Ивана Андреевича Лукашева, проживавшего в Изборске, в том числе «о цуцких (о чудских) могильниках», о курганах, литовской дороге, каменных крестах. Дословная запись об изборских ключах, о живой и мертвой воде и др. была выполнена Л. Ф. Зуровым со слов стариков и старух, проживающих в Изборской богадельне и в семье изборян Хрустневых.

■ КОПИИ ДОКЛАДОВ О РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ

В числе других материалов в архиве ДРЗ имеются копии докладов о результатах археологических и этнографических работ, осуществленных Л. Зуровым летом и осенью 1937 и в 1938 гг. в Сетумаа, в Печорском уезде Эстонии, об археологической экспедиции в Сетумаа, а также проекте Центрального союза просветительных обществ, предусматривающего проведение работ по сохранению исторического наследия славян на территории Эстонии (Ед. хр. 16. Л. 41–46), «Записка Л. Ф. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведок в 1935, 1937 и 1938 гг.», перевод на эстонский язык статьи Зурова, помещенной в газете «Räewaleht» от 17 сентября 1935 г., рисунки, схемы, планы местности, карты Псковской области, Эстонии и Печорского края за 1935–1938 гг.

■ БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Третью группу документов составляют биографические материалы: автобиография Л. Ф. Зурова, его членский билет Союза русских писателей, удостоверение делегата Зарубежного съезда, выданное Л. Ф. Зурову Комитетом русских студентов-эмигрантов в Латвии, грамота Зурова от 23 декабря 1935 г. (на эстонском языке; ед. хр. 16. Л. 54), медицинское заключение о его здоровье, квитанции о перечислении средств на подготовку экспедиции Л. Ф. Зурова: всего два дела за 1926–1959 гг.

■ ПЕРЕПИСКА Л. Ф. ЗУРОВА

Значительной частью архива является переписка Л. Ф. Зурова с весьма обширным кругом корреспондентов (1928–1971; 123 дела). Среди них — известные деятели русского зарубежья: писатели, поэты, мемуаристы и литературные критики Г. В. Адамович, М. А. Алданов (М. Ландау), А. К. Бабореко, В. Н. Бунина, Л. Г. Варшавский, А. И. Гершун-Колин, А. А. Гефтер, А. С. Головина, Р. Б. Гуль, Б. К. Зайцев, Г. Н. Кузнецова, Б. Н. Лосский, В. И. Лихоносков, Л. В. Никулин, М. А. Осоргин, В. Д. Пришвина, Л. И. Раковский, Г. П. Струве, А. П. Струве, Тэффи (Н. Лохвицкая), С. Г. Шерман; церковные и общественные деятели: о. Иоанн (Шаховской), архимандрит Евфимий (Г. А. Вендт), протоиереи Николай (Смирнов), Иоанн (Сотников),

керамики обнаружен у пачковской часовни, на дороге, ведущей к больнице и даже у ограды лютеранского кладбища. Древнее поселение находилось и в Таилове на реке Белке, а также и в Красном Вору, где обнаружены длинные курганы. Все это -- до истории Печерского край. Все это надо нанести на карту и начать детальное обследование, которое, надеюсь, даст много нового. Но в работе должны принимать участие вместе с археологами этнографы и филологи. Надо опросить всех старых крестьян. Молодежь, суку по своему опыту, мало что знает, а старики помнят все, что слышали от дедов и отцов. Безграмотная старая сетка под Им Нейгаузенем мне указала где стояли цушки Грозного, где русские ратные вышивали хлеб, где побитых похоронили. Она мне говорила, что в лесу даже сохранилась древняя засека, которую устроили когда-то в болоте. Будьте внимательны к старикам.

Сообщая Вам, что монастырские инвентарные списки хранились во владичьих покоях. Там же я видел и акты о реставрациях древних икон. Их, кажется, если память мне не изменяет, реставрировал Чириков. Очень хорошо, что Вы приглашаете Н.Н. Померанцева. В Успенском соборе много древних икон, но за века они потемнели. В храме Сорокомучеников находится старинная икона Страшного Суда. Среди грешников нарисованы ляхи и немцы. Радуюсь, что кониская корушь удалась. Нашли ли Вы большую икону с архитектурным рисунком обители. Фотокопии Вы можете заказать. В подписанном мною условии при сдаче негативов фототеке Музея Человека оговорено, что фотографии может получить любой музей и любое научное учреждение. Можно будет сделать снимки и с "громовых стрел" Печерского край. Необходимо сфотографировать свадебные полотенца и большой богояк Печерского край. Если будет нужно, то я отберу для Вашего музея негативы, с которых надо будет сделать увеличение. Кив ли Е.А. Розов, /в 38 году он был студентом и жил в Печерах/, который сопровождал меня во время обследования край. Проживавший в Печерах Георгий Владимирович Свиданский. "Отчину-

Машинописная копия страницы письма Л. Ф. Зурова М. С. Вильницу.

■ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 91 об.

Евлампий (Крутяков), монахиня Феодосия (В. А. Орлова), поэтесса и издательница Р. С. Чеквер (литературный псевдоним — Ирина Яссен) и ее супруг Л. И. Чеквер, издательница журнала «Новоселье», поэтесса и переводчица С. Ю. Прегель-Брейнер, дочь писателя Б. К. Зайцева Н. Б. Соллогуб, художник Э. Д. Прен и его супруга И. Э. Прен, философ Ф. А. Степун и его сестра, оперная певица М. Степун, балерина и хореограф И. Гржебина, дочь С. В. Рахманинова и автор воспоминаний о нем Т. С. Конюс (Рахманинова). Среди ученых, с которыми Л. Ф. Зуров состоял в переписке, наряду с зарубежными историками и философами Г. В. Вернадским, П. Н. Милюковым, П. Е. Ковалевским, Н. И. Ласкаржевским, Н. А. Струве, И. И. Фондаминским, Э. Э. Малер, Б. В. Вильде были и советские исследователи: В. П. Семенов-Тянь-Шанский, археограф В. И. Малышев, археологи В. В. Косточкин, М. Г. Рабинович, П. А. Раппопорт, В. В. Седов (Ед. хр. 102. Л. 62–70), Т. Н. Михельсон³.

Часть переписки связана с организацией экспедиций в Печорский край не только «писателя Л. Зурова» и «студента этнографического института Б. Вильде», но и пражской и базельской групп, включая научного сотрудника, специалиста по иконописи и народному искусству И. Окуневу, доктора философии, автора работ по истории культуры XV–XVII вв. Н. Е. Андреева, доцента кафедры этнографии Лозаннского университета Э. Малер, главной целью которых было изучение памятников русской архитектуры и устного творчества⁴. Интерес представляет и более поздняя переписка Л. Ф. Зурова с известными советскими археологами, в которой он сетует на то, что, осуществляя свою археологическую практику, они не ознакомились с его отчетами, высланными в Академию наук СССР. В одном из своих писем В. В. Седову Зуров пишет:

«С горечью скажу: почти ничего не было сделано и для сравнительного изучения говоров в районе Псковского озера и Принаровья. В 38 г. после опроса рыбаков я составил небольшую карту говоров, копию которой (вместе с записями) передал проф. П. Н. Милюкову (он меня об этом просил). Проф. Милюков сказал, что я нашел на Псковском озере границу говоров новгородцев и псковичей» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 69–70).

Из писем к директору Печорского музея Михаилу Семеновичу Вильницу (1958) очевидно неравнодушное и заинтересованное отношение Л. Ф. Зурова к состоянию памятников местной старины.

3. Часть переписки, прежде всего с советскими учеными, опубликована. См. Л. Ф. Зуров. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014. 401 с.
4. См. статью А. Громовой «Леонид Зуров (1902–1971)», с. 161 в настоящем издании.

«Сообщаю Вам, что монастырские инвентарные списки хранились во владычных покоях. Там же я видел и акты о реставрации древних икон. Их, кажется, если память мне не изменяет, реставрировал Чириков. <...> В храме Сорокомучеников находится старинная икона Страшного суда. Среди грешников нарисованы ляхи и немцы. Радуюсь, что воинская хоругвь уцелела. Нашли ли Вы большую икону с архитектурным рисунком обители. Фотокопии Вы можете заказать [в Музее человека]» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 91).

В завершение краткого обзора фонда Зурова в ДРЗ следует упомянуть и о машинописных копиях писем и отрывков из писем И. А. Бунина к Л. Ф. Зурову за 1928–1929 гг. с оценками литературных работ Л. Ф. Зурова, а также писем к Л. Ф. Зурову и И. А. Бунину от М. И. Цветаевой, Н. Ульянова, П. Федорова, Л. Я. Флоринской и др. за 1927–1962 гг. Кроме того, в фонде представлены письма-отзывы на литературные произведения Л. Ф. Зурова и других литераторов.

В целом состав зуровского архива ДРЗ дает представление о цели и результатах экспедиционной деятельности среди русского населения и сето в предвоенный период и в некоторой степени дополняет публикуемые в настоящем издании материалы Национального музея естественной истории. Наибольший интерес представляют оригинальные лингвистические данные по русской топонимике и лексике. Архивные документы не раз использовались российскими литературоведами для воссоздания, прежде всего, творческой биографии Л. Ф. Зурова (см. литературу в статье А. Громовой, с. 171)⁵, а также историками и краеведами, изучающими историю и культуру Печорского края (Зуров 1997. С. 183–184; 2012. С. 127–131; Пономарев 2012. С. 124–126; 2013. С. 67–89; Вересова 2002. С. 189; 2007. С. 366–370; Громова 2007. С. 540–547; 2009. С. 46–49).

5. Литература русского зарубежья. Антология в 6-ти т. Т. 2. 1926–1930 / Авт. вступ. ст. и науч. ред. А. Л. Афанасьев; сост. и имен. указ. В. В. Лаврова. М.: Книга, 1990. 559 с.

Архивные документы и литература

- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1.** ■ Выписки из уцелевших записных книжек и полевых дневников
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 4.** ■ Материалы по топонимике. Выписки из переписных книг Псково-Печерской обители. Перечень деревень и дворов Печерской обители
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 5.** ■ Изборск. Приложение к археологической разведке и материалы по топонимике. 1938 г.
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 10.** ■ Тетрадь 1. Вышивка (полотенец). Говоры. Подъемный материал. Тетрадь 2. Названия местностей. Zoureff Mission dans les Etats Baltes. Le collections Zoureff
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 16.** ■ Центральный союз просветительских обществ. Грамота Л. Зурова, 23 дек. 1935 г.
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39.** ■ Переписка (1930–1971 гг.)
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 102.** ■ Переписка (1936–1971)
- ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 139.** ■ Переписка А.И. и Н.Д. Солженицыных с М. Грин
-
- Вересова 2002** ■ Вересова Т. В. Зуров Леонид Федорович (1902, Остров Псковской губ. 10.09.1971, Париж) // Псковский биографический словарь / Под общ. ред. В. Н. Лещикова. Пскова: ПГПИ, 2002. С. 189.
- Вересова 2007** ■ Вересова Т. В. Скиталец: [Зуров Леонид Федорович (1902–1971)] // Псковская земля. История в лицах. «Сии бо люди крылати...» / Ред.-сост. Т. В. Вересова. М.: Северный паломник. 2007. С. 366–370.
- Громова 2007** ■ Громова А. В. Верования сетульского и русского населения Прибалтики в описании Л. Ф. Зурова (1930-е гг.) // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 540–547.
- Громова 2009** ■ Громова А. В. Этнографическое наследие Л. Ф. Зурова // ЖС. 2009. № 1. С. 46–49.
- Дранов 1997** ■ Дранов А. В. Зуров Леонид Федорович (1902, Остров Псковской губ. 10.09.1971, Париж) // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940 гг. Писатели Русского Зарубежья / Ред. А. Н. Николоклин. Т. 1, М.: РосспЭН, 1997. С. 183, 184.
- Зуров 2012** ■ Зуров Л. Изборская земля // Псковский летописец: Краевед. альм. / Ред. и сост. Т. В. Вересова. Псков–М.: Маросейка, 2012. № 2 (7). С. 127–131
- Зуров 2014** ■ Зуров Л. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014. 401 с.
- Литература русского зарубежья 1990** ■ Литература русского зарубежья. Антология в 6-ти томах. Т. 2. 1926–1930 / Авт. вступ. ст. и науч. ред. А. А. Афанасьев; Сост. и имен. указ. В. В. Лаврова. М.: Книга, 1990. 559 с.
- Пономарев 2012** ■ Пономарев А. Леонид Федорович Зуров // Псковский летописец: Краевед. альм. / Ред. и сост. Т. В. Вересова. М., 2012. № 2 (7). С. 124–126.
- Пономарев 2013** ■ Пономарев А. О священных камнях Печерского края, работе Леонида Зурова и судьбе его наследия // Третьи Псковские регион. краевед. чтения, Псков, 10–12 октября 2012 г. Псков; М.: Союз краеведов России, Псков. рег. отд.-ние; Псковский филиал Рос. междунар. акад. туризма. 2013. С. 67–89.

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27** Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

1.2. Биографические очерки

■ Борис Вильде (1908–1942)

Анн **Огениюс** ■

Перевод с французского языка Аллы Беляк

Борис Вильде был расстрелян фашистами у форта на холме Мон-Валерьен 23 февраля 1942 г. Ему было 33 года. Он создал первую группу организованного сопротивления, которая потом войдет в историю как «сеть Музея человека»; именно эта группа начала издавать газету под названием «Сопротивление», — в дальнейшем это слово ждала всем известная славная судьба. И если до появления этой газеты о людях, не смирившихся с иностранной оккупацией, говорили как о подпольщиках, о группах оппозиционеров, то несколько месяцев спустя стали употреблять только слово «Сопротивление». Прежде, чем стать участником Сопротивления, Вильде был не только этнологом: если прокрутить ленту его жизни с начала, то он был и поэтом, и искателем приключений, а еще раньше — молодым русским, изгнанным из страны революцией 1917 г.

Когда я говорю о Вильде в прошедшем времени, я подчиняюсь правилам историографии, но они не соответствуют желанию самого Вильде. Незадолго до смерти в прощальном письме к жене он завещал ей: «Думайте обо мне, как о живом» (Vildé 1997). Это потому, что вся мощь его оригинальной личности, бесстрашной и откликающейся на требования современности, идет от его исключительной жизненной силы, он любит жизнь и все прекрасное, что в ней есть. Его жизнь была коротка, но полна событий, хотя на этом пути и имеются белые пятна, тайну которых хранит время (Hogenhuis 2009). Борис Владимирович Вильде родился на станции Славянка под Санкт-Петербургом в 1908 г. в образованной русской православной семье. Высказывают предположение о прибалтийских корнях со стороны отца, упоминают, правда, не очень определенно, Литву, говорят о родстве — по-видимому, вымышленном, с эстонским романистом Эдвардом Вильде. Отец Бориса, Владимир Иосифович, умирает молодым. Мать, Мария Васильевна, с маленькой дочерью и пятилетним сыном поселяется в скромном сельском доме в деревне Ястребино (имение ее родителей в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии), к западу от столицы. Там их и застаёт Первая мировая война, за которой последуют революция и Гражданская война. Ребенком Вильде играет в окопах, где бывшие офицеры и кадеты в разномастных мундирах в ходе ожесточенных боев пытаются отбить Петроград у Красной

Борис Вильде
в 1938 г. Частный архив

Армии. Так возникает первое ощущения себя в истории — отсылка к героизму, еще более славному в силу своей обреченности.

Спасаясь от революции, ее зверств и голода, госпожа Вильде с детьми укрывается в Тарту, в ставшей независимой Эстонии, где в ожидании возвращения на родину возникает довольно значительное общество эмигрантов. Небольшой город находится поблизости от знаменитого Чудского озера, на котором произошло Ледовое побоище. Как показано в фильме Эйзенштейна, Александр Невский оттеснил вглубь озера тевтонских рыцарей, которые в своих тяжелых доспехах провалились под лед. Так возникает вторая отсылка — борьба против иноземных завоевателей. В Тарту Борис учится в русской гимназии; на выпускном снимке в последнем ряду — юноша, которого трудная жизнь сделала мечтательным и не очень дисциплинированным. Он плохо успевает в классе и предпочитает играть на улице с соседскими детьми, у которых учится эстонскому языку. Однако учебу он заканчивает хорошо. Несмотря на полное отсутствие средств, он поступает в местный университет — учебное заведение очень высокого уровня, где преподавание естественных наук традиционно ведется на русском и немецком языках. Мать и сестра отказывают себе во всем, чтобы оплачивать его учебу. После двух лет обучения Б. Вильде получает диплом химика.

Здесь уместны два замечания. Химия должна была позволить Вильде зарабатывать на жизнь, и действительно, он участвует в разработках

Дом-музей Б. Вильде в деревне Ястребино

(совр. Волосовский р-н Ленинградской области). Коллекция К. Дуайеннеля. 2007 г.

битуминозных сланцев на севере страны. Но интересует его только поэзия. Он заявляет сестре, что если не уедет из Эстонии, то покончит с собой. Он сознает, что будущее уготовано ему в другом месте, и это будущее он представляет себе только литературным. Отъезд необходим, ведь Эстония предоставляет мало перспектив для молодого человека с такими амбициями.

Впрочем, он не ограничивается пустыми мечтаниями. В одном из стихотворений того времени юноша говорит о заключении (Rachmuss 1988. Рр. 212, 213). Текст может показаться пророческим. Но Вильде действительно находился в тюремном заключении в 1927 г. На каком основании? Сам он об этом не упоминает. В досье о предоставлении ему французского гражданства нет отметок в графе о судимости в Эстонии. Из записей, сделанных им в 1941 г. во Френской тюрьме, можно понять, что он, рискуя жизнью, переплыл в бурную ночь озеро Пейпус (Чудское) и оказался на советской территории. Поступок отважный. Но какова была его цель? Хотел навеки попрощаться с Родиной?

Еще одна загадка. Три года спустя он оказывается в Берлине без визы, потому что у него нет документов. Первая попытка неудачна. Он предпочел бы отправиться в Париж, но проект реализовать невозможно, так как нет ни паспорта, ни визы, ни денег... А Берлин ближе, многие русские уже поселились там — писатели, кинематографисты, поэты и, главное, издатели... Идет 1930 г.

Памятная фотография выпускников и педагогов Русской гимназии.

Борис Вильде — первый слева в последнем ряду. Г. Тарту. 1926 г.
MNHN-MH ETHNO EUR 205 (10). ■ НМЭИ, Центральная библиотека

Веймарская республика на грани распада: экономический кризис, безработица, и уже угадываются признаки политического кризиса, который приведет Гитлера к власти. Обстановка гнетущая.

До этого источники о Вильде сводятся к более или менее отретушированным свидетельствам, написанным после его героической смерти и часто напоминающим жития святых. Зато, начиная с берлинского периода, мы знаем много деталей благодаря письмам, которые он посылал матери в Тарту, и которые она сохранила и передала в последние годы жизни одной российской журналистке, писавшей книгу о Борисе Вильде (Райт-Ковалева 1982). Из этого документированного материала можно выделить два момента.

Сначала Вильде сталкивается с трудностями. Ему приходится выживать, он страдает от голода, тяжело переживает разлуку с семьей — иногда ему не на что купить марки для писем. Он перебивается мелкими заработками и небольшими суммами, которые посылает мать, периодически сотрудничает в одном из крупных русских журналов, читает под чужим именем лекции в Йенском университете, уделяя большое внимание живости советской культуры. Пытается вернуться к наброску романа и пробует писать киносценарий, но литературный успех не приходит. Зато он хорошо осваивает немецкий язык. Он принимает участие в нескольких стычках на стороне красных рабочих против штурмовиков в коричневых рубашках, но не слишком глубоко погружается в борьбу и политику: видимо, чувствует, что он здесь ненадолго. Он знает, что вскоре придется жить «по-настоящему», но он как бы хочет дать себе несколько лет передышки, чтобы, философствуя, побродить по свету.

Когда национал-социалистическая партия в Берлине побеждает на выборах и приходит к власти, начинается отъезд интеллектуалов в эмиграцию. Вильде уже планировал отправиться в Париж, где его соотечественники-эмигранты многочисленны и культурно активны. Но для безродного эмигранта препятствия кажутся непреодолимыми. Однако появляется возможность поступить в Иностраннный легион, он даже получает визу, но пропускает сроки. Тем временем благодаря легкости, с которой он заводит друзей, он опять находит кого-то, кто открывает для него двери, приглашает и помогает. Это следствие его обаяния, которое отмечают все окружающие.

Среди таких встреч решающее значение безусловно принадлежит знакомству с Андре Жидом. Неизвестно ни место этого события, ни точная дата, но оно произошло, по-видимому, в 1932 г. Жид принимает участие в действиях, имевших целью примирение немецкой и французской интеллектуальных элит, но констатирует провал — нацизм на подъеме. При случае он помогает интеллектуалам эмигрировать. Поскольку Вильде делится с ним своим желанием уехать в Париж, тот предлагает ему поселиться в комнате для прислуги, расположенной над его квартирой на улице Ванно. Хороший адрес. Тайна, которой окружена дата — 1932 или 1933 г., объясняется тем, что молодому человеку,

прибывшему во Францию без визы, придется выехать из страны, чтобы узаконить свое положение. Затем одна за другой следуют новые судьбоносные встречи. Жид отдает Борису несколько приличных костюмов и знакомит его с директором Музея человека.

Поль Риве — крупная фигура, в частности, в силу своих связей в политических кругах, вскоре он станет одним из первых депутатов Народного фронта (Laurière 2008). Он не в состоянии сразу помочь молодому человеку, не имеющему французского диплома о высшем образовании, однако он советует ему возобновить учебу и делает себе заметку на будущее, запоминая амбициозного русского. Тем временем Вильде перебивается благодаря помощи русской колонии и питается в студенческой столовой, которую организует монахиня мать Мария. Он проводит много времени в монпарнасских кафе в компании себе подобных — представителей потерянного поколения художников и интеллектуалов-эмигрантов, которые за чашкой кофе спорят о том, как заново обустроить мир... Поскольку ему надо зарабатывать на жизнь, Вильде находит небольшие подработки: то он уличный рекламщик — «человек-сэндвич», то грузчик на рынке Ле Аль. Он также размещает объявление о том, что дает уроки русского языка в обмен на уроки французского. И опять судьбоносная встреча: одна девушка узнает адрес Жида и приходит на занятия.

Ирен Лот — дочь известного медиевиста, профессора Сорбонны Фердинанда Лота, и русской эмигрантки Мирры Лот-Бородиной, специалистки по теологии и средневековой культуре. У молодых людей возникает взаимная симпатия. Лоты принимают Вильде как родного. Свадьба состоялась в июле 1934 г. Так он попадает в семью представителей просвещенной буржуазии, которая помогает ему пройти бюрократические лабиринты и получить в 1936 г. французское гражданство, а также руководит его университетским образованием, помогая записаться на курс с зачетом эстонских дипломов. Теперь он работает бухгалтером в Лаборатории этнографии в Музее человека (волонтером), одновременно получает степень лиценциата в Сорбонне и заканчивает обучение в Школе восточных языков. Вильде, один из немногих студентов, владеющих языками финно-угорской группы, в 1939 г. получает диплом о владении японским языком¹.

Хотя с богемной жизнью покончено, Вильде продолжает посещать эмигрантские кружки, и это не нравится его супруге. Именно через Анатолия Левицкого, такого же эмигранта, как он сам, Вильде вновь завязывает контакты с Музеем человека. Левицкий занят подготовкой большой выставки, посвященной прибалтийским странам, открытие которой намечено на 1935 год. Вильде помогает ему, однако в составе официальной рабочей группы он не указан². Выставка

1. Свидетельство Марианны Ман-Лот. См.: Mahn-Lot M. Le réseau du musée de l'Homme // *Historiens et Géographes*. N° 02.200. № 369.

2. Архив Музея человека. Фонд Левицкого (ежедневник за 1934 г.) и Фонд выставок.

проходит на фоне сближения со странами Прибалтики; Франция стремится упрочить свои международные позиции и включить бывшие российские губернии в свою политику коллективной безопасности, придав, таким образом, действенный характер пакту, который только что подписан с СССР. Эта тематика позволяет Вильде продемонстрировать свои знания эстонского языка и культуры. До этого он пробовал себя только в переводе сказок, но этот опыт остался почти незамеченным.

Перед ним открывается новая наука — этнология. Наконец появляется дело по душе. Смешение взглядов и культур, характерное для его юности, воспитало в нем характер, открытый миру, и он использует все это для практического воплощения в дисциплине, соединяющий разнообразные тенденции его жизненного пути.

В ходе подготовки выставок в 1937 и 1938 гг. он получает два задания и отправляется в командировки: сначала в Эстонию, где он может повидать мать и зафиксировать еще живые следы традиционной народной культуры, а затем — в Финляндию, где его принимают в качестве специалиста по финно-угорским языкам. В Хельсинки он раскрывается как талантливый организатор: выступает с импровизированной лекцией о Музее человека, закладывает основы создания финно-угорского института в Париже и финно-угорской секции в Музее человека. Он выдвигает инициативу обмена артефактами между французскими и финскими музеями, которая была встречена с большим интересом, даже получает поддержку от посольства Франции и использует для переписки дипломатическую почту. Он берет на себя определенные функции, которые по возвращении закрепляются официально. Наконец Борис Вильде становится полноправным членом коллектива музея, и его официально принимают на работу 21 марта 1940 г.

В сентябре начинается война. Вильде мобилизован на фронт. В чине сержанта он храбро сражается в Венсене, потом в Лотарингии. Попав в плен, он бежит из него весьма причудливым способом. Опять-таки благодаря своему обаянию он вступает в беседу с немецким офицером; беседа продолжается, пока оба не выйдут за порог, и Вильде убегает, несмотря на рану в ногу. Два месяца он скрывается, переходя с места на место, и только в июле 1940 г. добирается до занятого немцами Парижа. Он возвращается на работу в Музей человека, где опять встречается с Левицким и его подругой, библиотекарем Ивонной Оддон, и чуть позднее — с Жерменой Тийон. Как и Вильде, они не могут смириться с оккупацией и принимают спонтанное решение: надо «что-то делать». Вокруг Вильде формируется ядро, которое становится отправной точкой первого очага движения Сопротивления в оккупированной Франции.

В занятой Борисом Вильде политической позиции нет ни рассудочности, ни выгоды. Это порыв сердца, действие, которое чаще всего опирается на давно сложившиеся личностные качества, не говоря уже о развитом чувстве справедливости и — в чем тоже нет сомнения — жажде приключений. Вильде не упоминает о

какой-либо политической идее. Другие пытаются определить и объяснить свой выбор, как, например, Левицкий, который станет его помощником. Вильде по обыкновению ничего не объясняет. Пусть говорят другие. Вокруг него складывается легенда. Будут говорить о коммунистических взглядах или о комсомольском прошлом, основываясь на предположениях Жермены Тийон или Аньес Юмбер, которые делали далеко идущие выводы на основании скудной информации, которой они располагали, потому что в подпольной работе обязательно соблюдение тайны. Более аккуратная в высказываниях Доминик Десанти называет его антисталинистом (Desanti 2007). Зато относительно деятельности группы можно понять принцип ее функционирования, сопоставляя рассказы участников, каждого — в своем секторе работы (Humbert 1946; Tillion 2001; Desanti 2007).

Две задачи встанут перед этими первыми участниками Сопротивления. Во-первых, задача гуманитарная: помогать демобилизованным или убежавшим из плена военнопленным сделать документы и при необходимости перебраться в Испанию, а также помогать англичанам, полякам, евреям или молодым людям, которые хотят примкнуть к силам Свободной Франции. Во-вторых, задача интеллектуальная: надо помочь французам не отчаиваться и выработать политическую позицию путем распространения сведений о ходе войны, о политике Рузвельта, по темам, которые замалчивались германской цензурой. Они распространяют информацию о коллаборационизме правительства Виши, о пораженческой позиции маршала Петена, в то время еще пользовавшегося большой популярностью, но не призывают к восстанию, время которого еще не настало, в соответствии с указаниями, данными генералом де Голлем из Лондона. Сначала это будут листовки, потом — газета. К этой работе добавляется разведка: переданные англичанам планы базы подводных лодок в Сен-Назере позволили ее разбомбить.

Эти направления активной деятельности не пересекаются, и руководство координируется только на самом верху, в лице бесспорного лидера, которым был Вильде, лидера, признанного всеми. Снова мы видим его обаяние и решительность, которые позволяют собрать команду высококлассных интеллектуалов. Редакционная коллегия газеты «Сопротивление» включает хранителя Музея современного искусства Жана Кассу, директора журнала «La Nouvelle Revue française» Жана Полана, директора кабинета министра народного образования Жан Зэя, Марселя Абраама и других известных ученых.

Первый номер газеты «Сопротивление» выходит в свет 15 декабря 1940 г. Всего их будет пять. Газета печатается в подвале музея на имеющемся там оборудовании, хотя несколько экземпляров было подпольно отпечатано в Обервиле. Сохранилось 500 или 600 экземпляров. Газета имеет небольшой формат, она распространяется по почтовым ящикам или тайком засовывается в карманы прохожих, в стопки других газет. Последний номер выйдет усилиями Пьера Броссолетта и Жана Полана уже после арестов.

Вильде нацелен на национальный масштаб. Уже давно ему приходит мысль объединить группы участников Сопротивления, прежде всего — из оккупированной зоны, в Бретани и на севере Франции. В январе 1941 г. он отправляется в южную зону для того, чтобы вступить в контакт с интеллектуалами, бежавшим на юг, в район Тулузы. В Провансе он проводит ночь в Кабри у Андре Жида, потом отправляется к Андре Мальро — ни тот, ни другой не предлагают ничего конкретного. В Грасе он встречается с Зуровым, который примкнет к Сопротивлению позже (Gide 1948; 2001).

Для оплаты работы ячейки Вильде сначала использует средства, полученные в 1939 г. за командировку в Финляндию. Потом находят спонсоры. Вильде не отрицает версию английского финансирования, видимо, английской разведки, и отсутствие такового от Свободной Франции. Усилия членов ячейки по установлению связи с генералом де Голлем успехом не увенчались, а вскоре аресты прервали их деятельность. Известно только, что группа, работавшая в Музее человека, организовывала переброску в Англию некоторых членов Сопротивления и английских летчиков со сбитых немцами самолетов, что подтверждают добравшиеся до Лондона англичане.

Этому раннему этапу движения Сопротивления не хватает опыта и в соблюдении мер предосторожности, которая ограничивается разделением на группы и анонимностью участников. Но в Музее человека слишком многие могут обнаружить шум от работы ротатора, и ни у кого нет фальшивых документов на случай проверки. «Нас всех расстреляют», — говорит Вильде Жермене Тийон. Близится завершающий этап их борьбы. В феврале 1941 г. Левицкий и Ивонна Оддон выданы сослуживцем. Потом наступает период новых арестов, причем виновников их найти так и не удается. Вильде введен в курс происходящего,

но не может поверить, что кто-то из членов ячейки — агент гестапо. По характеру он склонен доверять людям. 26 марта его самого арестовывают на площади Пигаль по доносу предателя. Ячейка разгромлена. Жермена Тийон объединит ее оставшихся членов, но сама будет арестована летом следующего года (Blumenson 1976; Lelong 1987).

Борис Вильде отправлен в тюрьму, но кажется, не подвергнут насилью. В камере, претерпев холод, голод и изоляцию, он приходит к философскому осмыслению бытия. Вильде записывает свои мысли о справедливости,

Борис Вильде, мобилизованный в сентябре 1939 г. в артиллерийскую часть.

■ Архив Министерства обороны Франции

свободе, любви, смерти на обрывках бумаги, которые называет «френскими листами» (игра слов — омофоны «яшень» и Френская тюрьма — Прим. перев.). Эти поразительные тексты были опубликованы и много раз переиздавались. По окончании процесса, потрясшего интеллектуальный мир, немецкий военный трибунал приговаривает Вильде и шестерых его товарищей из Музея человека к смерти. Казнь состоялась в 5 часов вечера 23 февраля у форта на холме Мон-Валерьен. И снова Вильде демонстрирует мужество и самоотречение: они с Левицким добровольно вызываются быть казненными во вторую очередь — не хватает столбов, к которым ставят осужденных. В прощальном письме в форме четверостишия, сочиненном за несколько недель до казни, он предвидит свою героическую смерть и принимает ее как свободный человек:

*Как всегда невозмутим
II с (бесплезным) мужеством
Я стану мишенью
Для дюжины немецких ружей.*

Перед ним открывалась блестящая карьера, но он избрал иную судьбу: науке о человеке он предпочел любовь к человечеству, и отдал за это свою жизнь.

Литература

- Райт-Ковалева 1982** ■ Райт-Ковалева Р. Человек из Музея человека. М.: Советский писатель, 1982.
-
- Blumenson 1979** ■ Blumenson M. Le réseau du Musée de l'Homme, les débuts de la Résistance en France. Paris: Le Seuil, 1979.
- Desanti 2007** ■ Desanti D. La sainte et l'incroyante. Rencontres avec mère Marie. Paris: Bayard, 2007.
- Gide 1948** ■ Gide A. Journal. 1889–1939. (Bibliothèque de la Pleiade ; 54). Paris : Gallimard, 1948, 1372 p.
- Gide 2001** ■ Gide A. Ainsi soit-il. Paris: Gallimard, 2001.
- Hogenhuis 2009** ■ Hogenhuis A. Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme. Paris: CNRS Éditions, 2009.
- Humbert 1946** ■ Humbert A. Notre guerre. Paris: Émile-Paul Frères, 1946.
- Lauriere 2008** ■ Lauriere Ch. Paul Rivet (1876–1958), le savant et le politique // Thèse d'anthropologie sociale et politique. Paris: Publications scientifiques du Muséum national d'histoire naturelle. 2008.
- Lelong 1987** ■ Lelong Y. L'heure très sévère de Boris Vildé // La Liberté de l'esprit. № 16. Visages de la Résistance, automne 1987. Pp. 329–342.
- Mahn-Lot 2000** ■ Mahn-Lot M. Le réseau du Musée de l'Homme // Historiens et géographes. № 369, février. 2000. Pp. 197–202
- Pachmuss 1988** ■ Pachmuss T. Russian Literature in the Baltic States Between the World Wars. Columbia (Ohio): Slavica Publishers. 1988. Pp. 212, 213.
- Tillion 2001** ■ Tillion G. À la recherche du vrai et du juste: À propos rompus avec le siècle. Paris: Le Seuil, 2001.
- Vildé 1997** ■ Vildé B. Journal et Lettres de prison, 1941–1942 / Préface de D. Veillon, postface de F. Bédarida, Paris: Allia, 1997.

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

- 27** Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова
в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- 91** Фонд Вильде — Зурова: историческая справка
и классификация
- 113** Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии
- 129** Обзор материалов археологических и этнографических
экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета
г. Лидса (Великобритания)
- 139** Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья
им. А. И. Солженицына (Москва)

1.2. Биографические очерки

- 149** Борис Вильде (1908–1942)
- 161** Леонид Зуров (1902–1971)

■ Леонид Зуров (1902–1971)

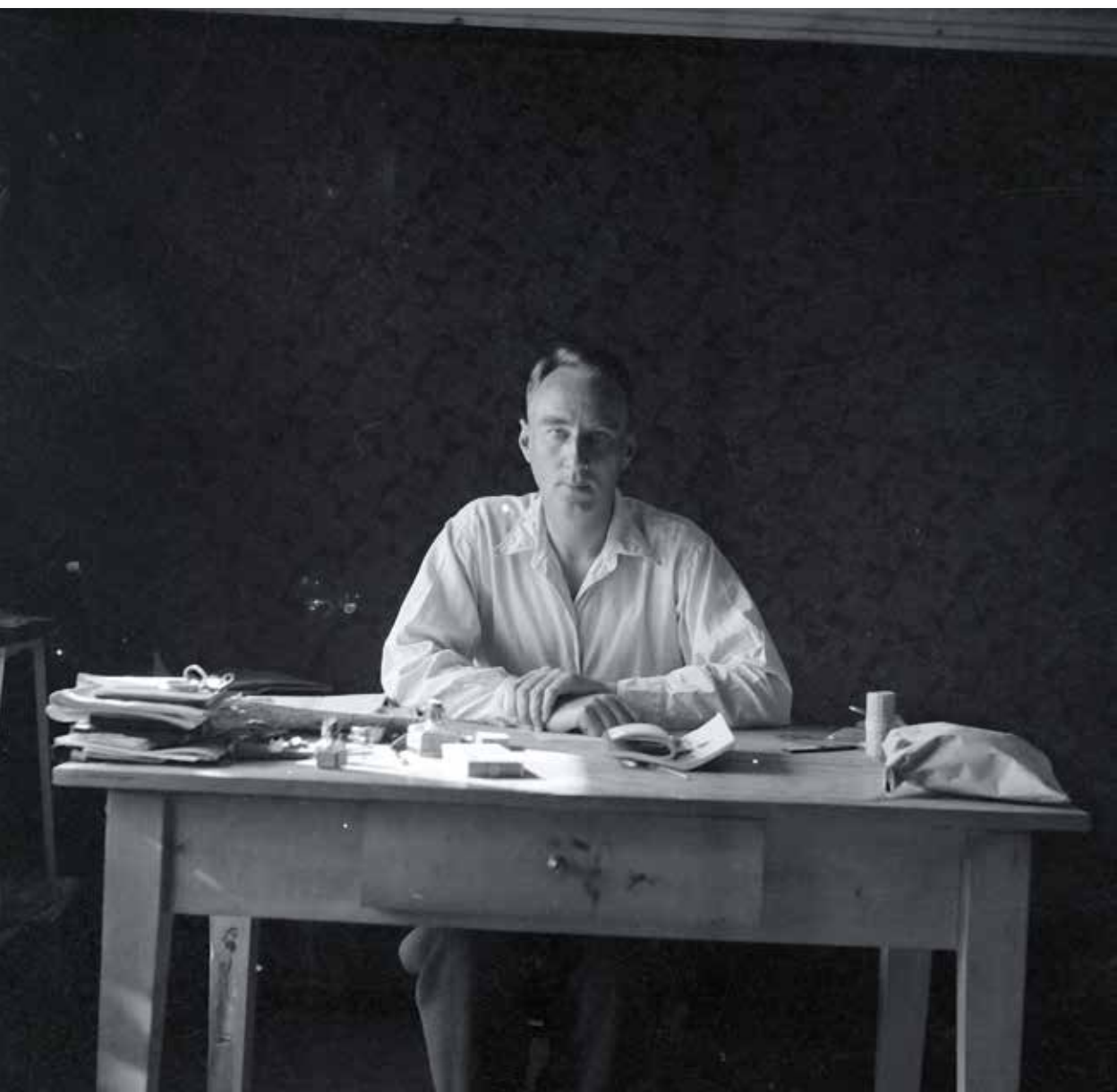
Алла Громова ■

Леонид Федорович Зуров — писатель первой волны русской эмиграции, который интересовался также историей, археологией и этнографией. Он родился 5 (18) апреля 1902 г. в г. Остров Псковской губернии; рано потерял мать и воспитывался бабушкой со стороны отца. Учился в Островском реальном училище, но не окончил его: помешали Октябрьская революция 1917 г. и разразившаяся в стране Гражданская война.

В ноябре 1918 г. Зуров вместе с отцом записался вольноопределяющимся в формирующийся в г. Острове 2-й стрелковый полк Северной армии, в отряд А. П. Ливена (позже вошедший в состав Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича). Был пулеметчиком, участвовал в наступлении на Петроград, был контужен и дважды ранен. В 1919 г. армия Юденича отступила в Эстонию, была интернирована эстонским правительством и в январе 1920 г. расформирована. Зуров поступил санитаром в русский военный госпиталь Нарвы, где во время эпидемии тифа потерял отца и сам дважды переболел тифом (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 140).

Летом 1920 г. Зуров перебрался в Ригу. В 1922 г. он окончил Рижскую городскую русскую среднюю школу (бывшую Ломоносовскую гимназию) по реальному отделению и поступил в Пражскую высшую техническую школу на отделение архитектуры. В Праге он активно участвовал в студенческой жизни. Как представитель Общества русского студенчества Латвии был делегатом на Втором съезде студентов-эмигрантов в ноябре 1922 г. и на конференции Объединения русских эмигрантских студенческих организаций в апреле 1924 г. Позже, в марте 1926 г., представлял эмигрантское студенчество на Российском зарубежном съезде в Париже (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 140).

Проучившись в Праге менее двух лет, Зуров был вынужден оставить учебу по состоянию здоровья. Вернувшись весной 1924 г. в Ригу, будущий писатель перебивался случайными заработками (был маляром, чернорабочим, такелажником). В этот период Зуров проявлял повышенный интерес к недавним историческим событиям и судьбе воинов, погибших во время Первой мировой войны. Так, он выступил на собрании Общества русского студенчества в Латвии с докладом о необходимости захоронения

Леонид Зуров за рабочим столом в Печорах.

Экспедиция 1938 г. MQB PF 008046. I МнБ

павших бойцов в братской могиле, опубликовал в рижской газете «Слово» составленный им перечень забытых воинских могил.

В те годы укрепился не покидавший Зурова на протяжении всей жизни интерес к истории Северо-Западной добровольческой армии. В 1925 г. он стал секретарем редакционной коллегии сборника «Белое дело», а в 1927 в этом альманахе был опубликован его документальный очерк «Даниловы». Впоследствии на протяжении многих лет Зуров занимался сбором материалов по истории Северо-Западной армии: официальных документов, личных дневников, писем, устных воспоминаний солдат и офицеров (Мажара 2013). Эти материалы после смерти писателя перешли в составе его архива к профессору Эдинбургского университета М. Э. Грин, которая передала их А. И. Солженицыну, а тот, в свою очередь, Библиотеке-фонду «Русское Зарубежье» (ныне — Дом русского зарубежья, ДРЗ). В настоящее время эти документы составляют обширный объединенный архивный фонд (ДРЗ. Ф. 39. «Северо-Западная армия»). В Риге начались сотрудничество Зурова с русскоязычной эмигрантской периодикой и его собственная литературная деятельность. С 1926 г. он был секретарем редакции журнала «Перезвоны». В этом журнале, а также в газете «Слово», издававшихся издательством «Саламандра», Зуров поместил свои первые произведения. С 1925 по 1929 г. в рижской периодике им было опубликовано около сорока очерков и рассказов, в которых обозначились основные темы его творчества: история Гражданской войны и Добровольческого движения, жизнь русских крестьян старообрядческих деревень Латгалии, история Псково-Печерского монастыря. Итогом раннего периода творчества Зурова стали вышедшие в 1928 г. в издательстве «Саламандра» две книги художественной прозы: «Кадет» (сборник, включивший одноименную повесть о гражданской войне и ряд рассказов) и «Отчина» («Сказание о древнем Пскове»). Эти произведения принесли начинающему писателю известность в литературных кругах русской эмиграции.

Тема русской старины возникла в творчестве Зурова не случайно. С ранних лет он интересовался историей, культурой, зодчеством Древней Руси. Обучаясь в Праге, он посещал лекции на археологическом факультете Карлова университета и научные семинары в Археологическом институте им. Н. П. Кондакова. В 1928 г. Зуров принял участие в организованной Рижским университетом командировке в Псково-Печерский монастырь, находившийся тогда на территории Эстонии, где работал над составлением описи древностей для монографии проф. В. И. Синайского «Псково-Печерский монастырь: Общий культурно-исторический очерк» (Синайский 1929). «Отчина» Зурова была творческим итогом этой поездки. Повесть представляет собой художественное изложение истории

монастыря времен Иоанна Грозного. Книга вышла в художественном оформлении автора, использовавшего для украшения киноарные буквы XVI в., рисунки филиграней из бумаги и тиснений переплетов, а также собственные зарисовки монастырских построек.

После выхода книг, наряду с положительными отзывами ведущих эмигрантских критиков, Зуров получил письмо от известного писателя, будущего нобелевского лауреата И. А. Бунина. Знаменитый писатель предложил ему переехать во Францию и оказал помощь в оформлении въездной визы. В ноябре 1929 г. Зуров приехал во Францию и поселился на вилле Бунина в Грассе (Белобровцева, Дэвис 2004).

В литературных кругах русской диаспоры во Франции Зуров был достаточно заметной фигурой. В 1937–1940 гг. он был председателем Объединения молодых русских писателей и поэтов в Париже, принимал активное участие в литературной жизни эмиграции, печатался в крупных парижских русскоязычных изданиях «Современные записки», «Последние новости», «Иллюстрированная Россия», продолжая сотрудничество в прибалтийской периодике (в частности, крупнейшей рижской газете «Сегодня»).

В 1930-е гг. Зуров интенсивно работал над художественной прозой и создал ряд рассказов и очерков, а также два романа, действие которых разворачивается в годы Первой мировой и Гражданской войн: «Древний путь» (1934) и «Поле» (1938) (Громова, Захарова 2012). Художественные произведения Зурова были положительно встречены эмигрантской критикой. Зуров также имел отношение к масонскому движению. В 1939 г. по рекомендации В. А. Андреева, М. А. Осоргина и А. Позняка он был посвящен в масонство и вошел в парижскую ложу «Северная звезда», однако вскоре перестал участвовать в ее работе (Серков 2001. С. 351, 1189). Важнейшей стороной деятельности Зурова были его археологические и этнографические изыскания, отмеченные еще его современниками (Ковалевский 1971). Зуров не имел исторического образования, но постоянно интересовался научной литературой по истории, археологии, этнографии и самостоятельно проводил сбор этнографических и археологических материалов. Так, в 1920-е гг., еще проживая в Латвии, он неоднократно совершал поездки в Латгалию, в частности, гостил в латгальском имении Л. Н. Нольде «Жоготы» (Кудрявцев 1983). Там Зуров обследовал русские старообрядческие деревни, общался с крестьянами, делал фольклорные и этнографические записи. Во время командировки 1928 г. в Печоры Зуров посетил также Изборск и обследовал древние могильники в окрестностях. Тогда же в Псково-Печерском монастыре Зуровым была обнаружена икона XVI в. с изображением первоначального вида обители. Он предложил провести реставрацию надвратной церкви

свт. Николая и восстановить ее первоначальный облик в соответствии с изображением на иконе. Реставрационные работы были проведены летом 1935 г. по поручению Министерства народного просвещения Эстонской Республики, и Зуров принимал в них активное участие. Тогда же исследователь посетил Нарву, обследовал Печорский уезд, обнаружил древнее славянское (по его мнению) городище — Митковицкий Городачек, сделал ряд археологических находок каменного века, о которых сообщил в Министерство просвещения Эстонии. Благодаря энтузиазму Зурова древности были официально зарегистрированы, а Митковицкий Городачек взят под охрану. Желая придать своим экспедициям официальный статус и получить финансовую поддержку, Зуров обратился в учреждения, которые могли заинтересоваться результатами его исследований: в парижский Музей человека (бывший Музей Трокадеро), Археологический институт им. Н. П. Кондакова в Праге, Базельский университет. Переговоры с Музеем человека велись через студента Этнологического института Б. В. Вильде, благодаря которому удалось получить субсидию на поездку (Белобровцева 2010)¹. Летом 1937 г. состоялась первая экспедиция в Печорский край под эгидой парижского Музея человека и Министерства национального образования Франции. Вильде проводил этнографическую, а Зуров — археологическую разведку, знакомство с бытом рыбаков на Псковском озере, фотосъемку празднования Иванова дня в Мегузицах и др.

Одновременно в Печорах работали еще две исследовательские группы — чешская и швейцарская. Доктор пражского Археологического института им. Н. П. Кондакова Н. Е. Андреев занимался исследованием церковных древностей, студентка Карлова университета И. Н. Окунева собирала материалы по топонимике, профессор Базельского университета Э. Э. Малер делала фонографические записи народных песен (Андреев 2008. С. 346–349).

Миссия 1937 г. была успешно выполнена. В результате проведенной работы был взят под охрану ряд археологических памятников, для Музея Трокадеро собрана коллекция народной одежды сето из 18 предметов (кол. № 37.48), составлены планы местности и карты Изборского края, собран богатый материал по топонимике, сделано около 200 уникальных фотографий (Громова 2009)².

1. См. статью Т. Бенфугаль «Экспедиции Л. Зурова и Б. Вильде в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.», с. 27 в настоящем издании.
2. См. статьи Т. Бенфугаль и Ф. Меннесье «Фонд Вильде — Зурова: историческая справка и классификация», К. Паюсау «Язык сето», М. Пихо «Народная одежда, серебряные украшения и текстиль сето в XIX–XX вв.» и Н. Лаанету «Рыболовство в Псковском Обозерье», с. 91, 417, 713 и 751 в настоящем издании.

Леонид Зуров (в центре) с рыбаком Терентием Дедовым (слева) и студентом Евгением Розовым (справа) на Псковском озере.

Д. Килинец. Экспедиция 1937 г. MQB PF 020572. ■ МНБ

Леонид Зуров в Печорском крае / Сетома.
Экспедиция 1938 г. MQB PF0051125. ■ МНБ

На следующий год Зуров вновь обратился в Музей человека, чтобы получить командировку для изучения районов проживания русского населения (районов Сетомаа, Чудского озера и реки Нарва). После изменения политической ситуации в Европе, при отсутствии какого-либо гражданства (Зуров был «нансенист», то есть имел паспорт, который выдавался Лигой Наций для беженцев без гражданства), исследователь столкнулся с рядом трудностей, однако продолжал работать. В связи с тем, что выплата командировочных была задержана, 13 июня 1938 г. он отправился в Эстонию на добровольные пожертвования, собранные при содействии проф. П. Н. Милюкова. Зуров обследовал Изборск, Малы и Печорский уезд. Им была закуплена обширная коллекция предметов материальной культуры русских (свадебных полотенец, поясов, утвари, игрушек и т. п.), состоящая из 361 предмета (кол. № 38.170)³. Командировочные были выплачены Музеем человека уже по окончании экспедиции, в ноябре 1938 г. (письмо Жака Сустеля от 24 ноября 1938 г.; MNHN-2AM1M1F).

В 1939 г. все экспедиционные деньги Музея Трокадеро пошли на военные нужды, а с 1940 г., когда Эстония была присоединена к СССР, доступ на ее землю для эмигранта Зурова оказался закрыт.

Результаты своих этнографических наблюдений он изложил в отчете «О дохристианских пережитках в религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печорского уезда» (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11), на основе которого была написана статья о поклонении камням и источникам, напечатанная в 1940 г. в шведском научном журнале «Folk-Liv» при содействии шведского слависта К. Кнутссона (Zouroff 1940). Подробное описание своей экспедиционной деятельности Зуров впоследствии включил в обширный обобщающий отчет, который существует в нескольких вариантах. Один из них под названием «Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.» был передан парижскому Музею человека (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11). Другой вариант (вероятно, предназначавшийся для передачи в Советский Союз) озаглавлен «Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая «Ратного» в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг.», его экземпляры в настоящее время хранятся в Москве (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 9) и в Русском архиве Лидского университета.

В начале Второй мировой войны Зуров вступил добровольцем во французскую армию, но весной 1940 г. был освобожден от службы (сказался

3. См. статьи А. Новожилова «Семейная обрядность русских Печорского края» и И. Шангиной «Изделия из текстиля и костюм русского населения Печорского края», с. 679 и 735 в настоящем издании.

проявившийся еще в 1932 г. туберкулез) и направлен в санаторий Красного Креста в Овернь. Оттуда в сентябре 1940 г. он вернулся в Грасс к Буниным.

В конце войны у Зурова, как и у многих патриотично настроенных русских эмигрантов, появилось доверие к советскому правительству. Зуров принимал участие в деятельности Союза друзей Советской Родины, сотрудничал в газете «Русский патриот». Он также выразил желание передать в Советский Союз результаты своих экспедиционных изысканий, для чего письменно обратился к представителю СССР во Франции с просьбой передать статью о его исследованиях Печорского края советским научным учреждениям. Письмо Зурову вернули, поскольку он не собирался принимать советского гражданства и возвращаться в Россию (копию письма см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–5).

После войны Зуров некоторое время проживал в Буживале, где служил сторожем (Величковская 1971), затем переселился в Париж и вновь активно включился в литературную жизнь. Он помещал публикации в парижских альманахах «Встреча», «Русский сборник», с 1945 г. печатался в русскоязычных изданиях США «Новоселье» и «Новый журнал».

В 1952 г. во время тяжелой болезни Бунина Зуров ухаживал за писателем, а после смерти последнего помогал вдове разбирать архив. После кончины В. Н. Буниной Зуров унаследовал архив семьи писателя. Вероятно, этот факт обусловил распространившееся в советском литературоведении мнение о том, что Зуров был «литературным секретарем» Бунина, что не соответствовало действительности.

С 1953 г. у Зурова начали проявляться признаки душевной болезни, вызванной переутомлением и нервным напряжением, вследствие чего он несколько раз находился на лечении в клинике. Тем не менее, Зуров не прекращал творческой деятельности: работал над историческим романом «Зимний дворец», начатым еще в довоенный период, с середины 1950-х гг. — над повестью «Иван-да-Марья», но оба произведения не были завершены (в печати появились лишь небольшие отрывки из «Зимнего дворца»). В 1958 г. вышла последняя книга Зурова «Марьянка» — сборник рассказов, ранее публиковавшихся в периодике.

В 1950–1960-е гг., когда пал «железный занавес», завязалась переписка Зурова с советскими литературоведами А. К. Бабореко, С. А. Макашиным, Н. П. Смирновым, Л. Н. Афониним, которых интересовала, главным образом, судьба бунинского архива. Одновременно Зуров переписывался с историками, археологами и искусствоведами В. В. Косточкиным, В. И. Малышевым, М. Г. Рабиновичем, П. А. Раппопортом, В. В. Седовым, Т. Н. Михельсон, готовил новый обзор своих исследований по истории Псковского края для АН СССР. Благодаря

этой переписке советским ученым стало известно об археологических открытиях Зурова.

Его интерес к истории не угасал, приобретая разнообразные формы: Зуров несколько раз выезжал в Бретань и собирал материалы по древней истории этого края, неоднократно гостил у Милицы Эдуардовны Грин в Шотландии, где собирал сведения по генеалогии рода Лермонтовых. Результаты его изысканий были опубликованы в нью-йоркском «Новом журнале» в 1961 и 1965 гг.

Скончался писатель в сентябре 1971 г., похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Свой архив (как и унаследованный им архив семьи Буниных) Зуров завещал своей давней знакомой, профессору Эдинбургского университета М. Э. Грин. В 1980 — начале 1990-х гг. она частями передавала архивы Лидскому университету в Великобритании (Heywood 2000. P. XXVIII) и, как указывалось выше, А. И. Солженицыну, который уже в 1990-е гг. перенаправил их в Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье» (ныне — Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, ДРЗ).

Архивные документы и литература

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 140 ■ (Разрозненные документы). Л. Ф. Зуров. Биография (автобиография). Л. 5.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 16. ■ Л. Зуров. Копия письма представителю СССР во Франции. Л. 3.

Андреев 2008 ■ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Н. Е. Андреева (1908–1982) / Под ред. Е. Н. и Д. Г. Андреевых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 346–349.

Белобровцева 2010 ■ Белобровцева И. З. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.

Величковская 1981 ■ Величковская Т. О Л. Ф. Зурове // Новый журнал. 1981. № 142. С. 149–160.

Громова 2009 ■ Громова А. В. Этнографическое наследие Л. Ф. Зурова // ЖС. 2009. № 1. С. 46–49.

Громова, Захарова 2012 ■ Громова А. В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество Леонида Федоровича Зурова. М.: МГПУ, 2012.

Ковалевский 1971 ■ Ковалевский П. Л. Зуров — этнограф // Русская мысль. Париж, 1971. 23 сентября. С. 9.

Кудрявцев 1983 ■ Кудрявцев В. Дома и в лодке с Леонидом Зуровым // Новый журнал. Нью-Йорк, 1983. № 152. С. 118–130.

Мажара 2013 ■ Мажара П. Ю. Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о белом движении на Северо-Западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–238.

«Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Буннина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) / Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса; вступ. ст. И. Белобровцевой // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 232–284.

Серков 2001 ■ Серков А. И. Зуров Л. Ф. // Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 351, 1189.

Синайский В. И. ■ Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Рити», 1929.

Heywood 2000 ■ Heywood A. J. Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Ed. by R. D. Davis with the assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. Pp. 291–351.

Zouroff 1940 ■ Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. № 4. Stockholm. S. 62–77.

F. X/DEPOTS
MANIP

1934

1938/1940

878 A 99
900 A 29

1935

1941

1930 A 1932

1936

1941 A
1949

1933

1937

1950/59

1934

36.170
1934

1938

1960/63

Часть II

Архив
Бориса Вильде
И Леонида Зурова
в Национальном музее
естественной истории

■ Введение

Татьяна **Бенфугаль** ■

Во второй части мы публикуем отчеты Бориса Вильде и Леонида Зурова — основной источник информации о работе, проделанной ими во время их экспедиций, наряду с их фотографиями, вещевыми коллекциями и географическими картами. Три печатные карты были использованы Вильде и Зуровым, вероятно, во время экспедиции 1937 г., две другие, на кальке, были сделаны Зуровым после его возвращения из экспедиции 1938 г.

Отчеты Вильде и Зурова представлены в трех разных формах. Первая — это краткие деловые записки, составленные сразу по возвращении из экспедиций, и адресованные дирекции Музея человека. Вторая — подробные отчеты Леонида Зурова (MNHN, Зуров I и Зуров II), представленные им в 1946 г. Третья — четыре кратких тематических отчета, также составленные Зуровым, из которых три посвящены предметам (тканям, полотенцам, салфеткам и поясам) и один — описанию деревни Меекси. Этот единственный отчет, написанный на русском языке, был переведен на французский язык и дополнен Вильде.

Принцип бережного отношения к авторским текстам, используемый при публикации архивных источников, обусловил сохранение разного рода авторских ошибок не только в топонимике, но и в хронологии и фактологии. Читатель сможет познакомиться с оригинальными, подчас научно необоснованными и предвзятыми суждениями автора в области истории и культуры, оценить своеобразное романтическое и в то же время субъективное восприятие Л. Зуровым тех культурных феноменов, которые ему удалось

зафиксировать во время экспедиций. Современная научная оценка значения результатов экспедиций, а также устаревших интерпретаций исторических фактов в отчетах Зурова представлена в статьях российских и эстонских исследователей в третьей части издания.

Так как архивные документы были написаны либо на русском, либо на французском языках, каждая из трех языковых версий нашей книги представляется по-разному. Во французской и эстонской версиях два больших отчета Зурова печатаются соответственно в их французском и эстонском переводах (оригинальная версия находится на CD-диске), тогда как в русской версии они приведены на языке оригинала. Краткие тематические и административные отчеты, написанные их авторами на французском языке, печатаются во французской версии книги в форме факсимиле, а в русской и эстонской версиях они переведены с французского.

Примечания редакторов приведены в квадратных скобках.

На CD-диске представлены:

- полный архив Национального музея естественной истории;
- полевые фотографии Б. Вильде и Л. Зурова, хранящиеся сегодня в Музее на набережной Бранли;
- фотографии предметов, собранных Б. Вильде и Л. Зуровым и переданные недавно для хранения в Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья.

Часть II. Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории

- 177** Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)
- 183** Л. Зуров. Письмо–отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)
- 193** Отчет Зурова № 1.
Результаты этнографического и археологического
обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
- 255** Отчет Зурова № 2.
О дохристианских пережитках и религиозных
верованиях сетских и русских крестьян Печерского
уезда. О почитании камней, источников и деревьев.
Результаты этнографической работы, выполненной
для парижского Музея человека. Миссия в балтийские
страны, полученная от французского Министерства
народного просвещения в 1937 и 1938 гг.
- 327** Научно-исследовательские заметки Л. Зурова
Меекси
Образцы тканей
Свадебные полотенца
Свадебные пояса

■ Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)

Борис **Вильде** ■

Перевод с французского языка Анастасии Калюты

Я отправился в Эстонию 5 июля и вернулся в Париж 5 октября. Приехав в Эстонию, я осознал, во-первых, необходимость осуществить археологическое исследование страны, во-вторых, невозможность делать траншеи-раскопы, как я предполагал, в силу двух причин: девальвации французских денег и трудности обсуждения этого вопроса с эстонскими властями. Не обладая достаточным археологическим знанием страны, было невозможно выбрать место для работы. Поэтому я включил в состав моей экспедиции господина Леонида Зурова, писателя и археолога, который обладал тем достоинством, что хорошо знал область сету и в 1935 г. уже проводил там первые археологические изыскания. Г-н Зуров согласился принять участие в моей экспедиции без какого-либо иного вознаграждения кроме оплаты его расходов. После того, как я провел вместе с ним и с его согласия десятидневное археологическое исследование, чтобы быть уверенным в его методах работы, я поручил ему археологическую часть экспедиции, что дало мне возможность посвятить себя этнографическому интервьюированию в собственном смысле слова. С другой стороны, я обнаружил на месте исследований две другие этнографические экспедиции: экспедицию пражского семинара Кондакова, которая изучала древнерусское религиозное искусство, и экспедицию Базельского университета, которая собирала русские песни и сказки. Мы постоянно находились в контакте с этими двумя экспедициями и обменивались результатами; аналогично отношения поддерживались с немецкой экспедицией Юрьё фон Грэнхагена, которая работала на востоке Финляндии.

Вот результаты моей экспедиции:

Археологические результаты

Археологическое исследование восточного и юго-восточного районов области Петсери (вдоль русской границы и западного берега Псковского

MISSION SCIENTIFIQUE EN ESTONIE

(été 1937)

Rapport de Boris VILDE

Je suis parti pour l'Estonie le 5 juillet et je suis revenu à Paris le 5 octobre. Arrivé en Estonie je me suis rendu compte 1° de la nécessité de faire une exploration archéologique du pays; 2° de l'impossibilité de faire des fouilles comme je me l'étais proposé, cela pour deux raisons : la dévaluation de l'argent français, et la difficulté de s'entendre à ce sujet avec les autorités estoniennes. En outre, ne possédant pas de renseignements archéologiques du pays, il était impossible de fixer le choix de l'endroit. C'est pourquoi j'ai adjoint à ma mission M. Léonide ZOUROFF, écrivain et archéologue, qui avait l'avantage de connaître le pays et d'y avoir fait, déjà en 1935, de premières reconnaissances archéologiques. M. Zouroff a consenti à prendre part à mon travail sans autre rémunération que le remboursement de ses frais.

Après avoir fait ensemble une excursion archéologique de dix jours pour m'assurer de ses méthodes de travail, je l'ai chargé de la partie archéologique du travail, ce qui me donnait la possibilité de me consacrer à l'enquête ethnographique à proprement parler. D'autre part j'ai rencontré sur place une mission du séminaire Kondakoff de Prague, chargée d'étudier le vieil art religieux russe, et une mission de l'Université de Bâle, qui recueillait des chansons et des contes russes. Avec ces deux missions nous avons été constamment en contact et nous avons échangé nos résultats, de même avec la

озера), которое позволило обнаружить 6 древних укрепленных поселений, 10 поселений, 182 погребения, большая часть из которых славянские. Их расположение дает ясную картину проникновения славян в эту местность вдоль долин рек Моложва, Пиуза, Обдех, Белка в эпоху кремации умерших. Было собрано много керамики и среди прочего — 3 каменных топора, доказывающих существование неолитического периода в области Петсери. Кроме того, было собрано большое количество топонимов. Этой археологической работой мы, прежде всего, обязаны г-ну Зурову. Весь археологический материал был передан в распоряжение Археологического кабинета Тарту (который выдал нам акт [о приемке]). Что касается планов, фотографий и топонимических исследований, то они поступили в распоряжение г-на Андре Мазона, директора Института славянских исследований в Париже.

Этнографическая работа

Лингвистическое исследование языка сету, которое выявило существование, по крайней мере, трех групп диалектов, два из них я изучал (диалект Обиницы и диалект Вярски — почти 800 слов и 1500 строк текста).

Изучение нравов, в первую очередь обычаев, связанных с погребением и поминованием усопших, поклонением священным камням и деревьям, а также с другими остатками язычества (всего 30 деревень, 9+21): исследование культа бога Пеко. Среди изученных техник — два *suitsutare* (жилище без дымохода).

В целом это общее исследование населения сету позволило установить точное различие цивилизаций сету, русских и эстонцев, выявив ее особенности, что могло бы пригодиться в будущем для проведения углубленного интервьюирования по определенным темам. Я собрал предметы, характеризующие цивилизацию сету, и почти 350 фотографий — материал, который я передал в распоряжение Музея человека.

Я получил еще ряд экспонатов согласно договору с Эстонским музеем Тарту об обмене экспонатами (250–300) с Музеем человека.

Я использовал фонограф швейцарской экспедиции для записи песен сету. Заканчивая свой отчет, я хочу добавить, что я смог осуществить свою работу, с одной стороны, благодаря содействию г-на Зурова и, с другой стороны, благодаря бесценной помощи интеллектуалов сету, у которых я нашел очень теплый прием.

Мне мешали девальвация франка (я не мог поменять французские деньги в банке Петсери) и болезнь (ящур), которым я заболел в середине сентября.

Борис Вильде

Mission Vildé, 5 juillet-5 octobre 1937

Etat sommaire de l'emploi de la subvention
de la Caisse Nationale des Recherches Scientifiques

1) Voyage et visas (Paris-Fesleri-Paris, pour Vildé et Zouroff)	3500
2) Logement et nourriture (Pour 3 mois, 2 personnes)	6200
3) Circulation dans le pays	1200
4) Photographies (pellicules, développement, tirages)	1600
5) Payé à M. Rozoff, collaborateur, chargé de faire les cartes	400
6) Achats d'objets	700
7) Divers (liures, cartes, cadeaux aux payens, etc....)	600
	<hr/>
	14.830
Reste (destiné à couvrir les frais de galvanisation et d'envoi des 5 cylindres pour la phonographe)	170
	<hr/>
	15.000
	<hr/>
Subvention reçue	15.000

Benoit Vildé

à Châlons-sur-Marne le 20 novembre 1937
25 R.A.D.A.
5: Batterie

Экспедиция Вильде, 5 июля – 5 октября 1937 г.

Итоговый отчет об использовании субсидии
из Национальной кассы научных исследований

1) Путешествие и визы (маршрут Париж – Петсери – Париж, участники Вильде и Зуров).....	3800
2) Гостиница и питание (за три дня, два человека).....	6200
3) Перемещение по стране.....	1200
4) Фотографии (пленка, проявление, печать).....	1600
5) Господину Розову за изготовление карт уплачено	480
6) Приобретение экспонатов	750
7) Различные расходы на покупку книг, карточки, подарки и т. д.	800
	<hr/>
	14830

Осталось (предназначено для оплаты расходов на гальванизирование и отправку 5 цилиндров для фонографа).....	170
	<hr/>
	15000

Полученная субсидия	<hr/>	15000
---------------------	-------	-------

Шалон-на-Марне, 20 ноября 1937 г.

25 R.A.D.A.

5: Batterie

(подпись Б. Вильде)

Часть II. Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории

- 177 Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)
- 183 Л. Зуров. Письмо-отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)
- 193 Отчет Зурова № 1.
Результаты этнографического и археологического
обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
- 255 Отчет Зурова № 2.
О дохристианских пережитках и религиозных
верованиях сетских и русских крестьян Печерского
уезда. О почитании камней, источников и деревьев.
Результаты этнографической работы, выполненной
для парижского Музея человека. Миссия в балтийские
страны, полученная от французского Министерства
народного просвещения в 1937 и 1938 гг.
- 327 Научно-исследовательские заметки Л. Зурова
Меекси
Образцы тканей
Свадебные полотенца
Свадебные пояса

■ Письмо-отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)

Леонид **Зуров** ■

Перевод с французского языка Анастасии Калюты

Музей человека
Площадь Трокадеро

Господин директор,
13 июня 1938 г. я уехал из Парижа в Эстонию, где я занимался этнографическими и археологическими исследованиями с 21 июня по 20 сентября. Сложившаяся в Европе ситуация вынудила меня прекратить мою работу и срочно вернуться во Францию.

Благодаря моральной поддержке Музея человека, Французского консульства в Таллине, Министерства общественного образования Эстонской Республики, Археологического кабинета Университета г. Тарту и Отдела министерства по защите исторических памятников, летом 1938 г. я осуществил этнографические и археологические изыскания в области Сетумаа.

С момента моего прибытия в Эстонию я выполнил поручение, которое возложил на меня господин Келли, заведующий отделом первобытной истории, передав меня затем в распоряжение заведующего Археологическим кабинетом профессора Моора, которому я сообщил о желании, выраженном господином Келли осуществить взаимный обмен экспонируемыми вещами и предметами из коллекций.

Господин Моор попросил меня сообщить в Музей человека о горячем желании, которое испытывает Археологический кабинет Эстонии — завязать контакт с господином Келли ввиду обмена коллекциями, муляжами, фотографиями и научными трудами. Господин Моор хотел узнать, какое место могло бы быть закреплено за эстонской археологией Музеем человека. Он занялся составлением карт, касающихся археологических работ в Эстонии, фотографированием различных раскопов. В особенности он был бы заинтересован в том, чтобы получить для Археологического кабинета классические коллекции типичных артефактов раннего неолита, а также типы каменных топоров, представляющие интерес для коллекции артефактов Европы, и которые могли бы быть использованы для обучения студентов. Затем профессор Моор занялся посылкой образцов почв.

MUSEE DE L'HOMME

PLACE DU TROCADERO

Monsieur le Directeur,

Le 13 juin 1938, j'ai quitté Paris en destination de l'Esthonie où j'ai mené des explorations ethnographiques et archéologiques depuis le 21 juin jusqu'au 20 septembre. La situation tendue en Europe m'a obligé d'interrompre mes travaux et de regagner la France en toute hâte.

Grâce à l'appui moral du Musée de l'homme, du Consulat de France à Tallinn, du Ministère de l'Instruction Publique de la République Esthonienne, du Cabinet Archéologique de l'Université de Tartu, de la Section ministérielle pour la protection des monuments historiques, j'ai effectué en l'été de 1938 des prospections ethnographiques et archéologiques dans la région de Setumaa.

Dès mon arrivée en Esthonie, je m'acquittai d'une commission dont m'avait chargé Monsieur KELLEY, directeur de la section de Préhistoire, en me rendant auprès du Directeur du cabinet archéologique, le professeur MOOR, à qui je fis part du désir exprimé par M.Kelley de procéder à un échange réciproque d'objets exposés et de collections.

M.Moor m'a prié d'informer le Musée de l'homme de l'ardent désir qu'a le Cabinet archéologique d'Esthonie d'entrer en rapport avec M.Kelley en vue d'un échange de collections, moulages, photographies, ouvrages scientifiques. M.Moor désirerait connaître quelle

Факсимиле первого листа отчета Л. Зурова П. Риве (декабрь 1938 г.).

MNHN-2AM1M1F. ИМБЕИ, Центральная библиотека

Летом 1938 г. я исследовал области, указанные на карте 2 (Предположительно, Л. Зуров имеет ввиду одну из карт, сделанных в 1938 г., см. с. 197 и 256 в настоящем издании. — Прим. ред.).

Было зарегистрировано большое количество орудий, очевидно связанных с хозяйственной деятельностью: рабочие инструменты, орудия для обработки льна и пчеловодства, керамика.

Для азиатского отдела были опрошены ремесленники; для отдела музыки я опросил старых людей, мужчин и женщин, которые помнили свадебные песни. Для европейского отдела я собрал сведения о натуральных красителях (почвенных, травяных, цветочных, а также красителях из листьев, коры и мха). Было осуществлено топонимическое исследование: собрано около 600 старинных названий.

Что касается результатов археологических исследований, то получены следующие результаты: две группы очень древних могильных насыпей, содержащих человеческий пепел (Лезги — 12 могильных насыпей, Заходы — 8, Тиглицкое озеро — 3 группы, состоящие в общей сложности из 22 могильных насыпей близ деревень Красный Бор, Тайлово, Пачковка, Моложва, Рожитец, Каменка). Я раскопал три древних комплекса с богатым инвентарем керамики.

Были зарегистрированы 55 надгробных стелл; обнаружены три монолита для жертвоприношений, найден один каменный молот. Часть сведений, касающихся находки одеяний былых времен, я сообщил Археологическому эстонскому кабинету, который выдал мне сертификаты. Я передал в Археологический кабинет каменный молот и 17 пакетов с археологическими находками, найденными на поверхности. К последним я приложил 2 карты с указанием маршрутов и сделанных открытий, список фотографий, сделанных мною в Сетумаа, и записку с подробным описанием расходов на перевозку находок. Что касается приобретенных мной коллекций, я представил в Музей человека список, который включает в себя наиболее характерные предметы для данной местности. Я особенно хотел бы привлечь внимание к коллекции старинных полотенец, собранных мной в течение 2-х месяцев исследований в самых затерянных уголках Сетумаа. В пути я столкнулся с конкурентами из Скандинавии; благодаря счастливому стечению обстоятельств я смог стать единственным владельцем коллекции.

Ящик, содержащий коллекции, находится на хранении в Таллине, разрешение на вывоз предметов из Эстонии мне было выдано Министерством общественного образования 21 сентября. Ввиду тревожного состояния, в котором находилась Европа, я не мог вывезти с собой коллекции, кроме того, мне не хватило средств, необходимых для их перевозки в Париж.

Господин директор, соблаговолите принять выражение моего глубокого почтения,

Леонид Зуров
18, 13 (ул.) Фландрин, Париж 16

Itinéraires des explorations archéologiques et
ethnographiques durant l'été de 1938

- 1) - Belako - Mexi - Kouvchinovo.
- 2) Vereskovo - Krasnyi bor
- 3) Lезги
- 4) Zalesie-satchevo - Oz Borovenskoie- Potalovo - Panikovici-
Soulpi- Voronkino-Laptivo-Veselkino-Diatlovo-Ragozino-Goroncharovo-
Bogomolovo.
- 5) Zatchernie.
- 6) Zatrubié- Davydov Konets.
- 7) Staryi Izorsk
- 8) Gorodisteha- Zakhody-Krup-Isad-Kilenets-Kamenka-Medovo-Seltsy-
Budovoji-Lissia-Krasnaia Gora-Martushovo-Kirshovo-Zamoshie-Kulye.
- 9) Lavry-Stolbovo-Kikuty-Liubiatovo-Botvino-Skachki-Borisovo-Mildino-
Kakharovo-Gorushka-Lamanova-Litvinovo-Bukhalovo- Kachyno.
- 10) Pachkovka-Mylnikovo - Oz[ero] Ragozino.

Отчет Л. Зурова
П. Риве (декабрь 1938 г.).
Л. 4. МНН-2АМ1М1Е.
ИМЭИ, Центральная
библиотека

Маршрут археологических и этнографических исследований в течение лета 1938 г.

- 1) Бельско – Меекси – Кувшиново.
- 2) Верепково [Вербеково] – Красный Бор.
- 3) Лезги.
- 4) Залесье – Рачево – Оз. Боровенское – Поталово – Паниковичи – Сульпи – Воронкино – Лаптево – Веселкино – Дятлово – Рагозино – Горончарово – Богомолово.
- 5) Зачернье [Зачеренье].
- 6) Затрубье – Давыдов Конец.
- 7) Старый Изборск.
- 8) Городище – Заходы – Круп – Иссад [Исад] – Киленец – Каменка – Медово – Сельцы – Будовожи – Лисья – Красная Гора – Мартышово – Киршово [Киршино] – Замошье – Кулье.
- 9) Лавры – Столбово – Кикуты – Любятово – Ботвино – Скачки – Борисово – Мильдино – Захарово – Горушка – Ламанова – Литвиново – Бухалово – Качино.
- 10) Пачковка – Мыльниково – Оз[еро] Рагозино.

Collection de photographies pour l'année 1938

<u>RITES</u>	Nombre de photos -----
1) Fête du 24 juin- la St.Jean au village de messi:Hommage à la roche sacrée, grands et petits viennent à la roche pour se soigner, purification dans le ruisseau sacré. Danses érotiques des femmes sètes dans la soirée du 24 juin. Une veille dirige la fête, symbolisant la fécondité des mendiants. Une joueur de " gusli".....	88
2) Danses érotiques féminines le 25 juin au village de Kouvchinovo...	13
3) Noces sètes dans la région du v. de Patalovo.Le train nuptial.Un forgeron rituel. Choeur de femmes.....	14
4) Commémoration des parents sur les filles tombes du v. de Zatchernié. Repas commémoratif .Danses.....	26
5) Monolithe sacrificatoire païen(découvert par moi) au v. de Sulpi.Offrande des victimes le 25 juin.....	5
6) Magie.Traitement d'un enfant par l'intermédiaire d'une pierre magique au v. de Lesgui.....	1
7) Enterrement d'un pêcheur.Fleurauses. mise du corps dans une nacelle.....	7
 <u>LE VILLAGE</u>	
1) Une isba.Village de Potalovo..... (non munie d'un échappement de fumée)	5
2) Apiculture primitive (v.de Ratchevo,Krasnyi Bor,Lesgui)..	7
3) Travail artisanal sur bois (Jouets-v. de Kachino).....	5
4) Sculpture sur bois.Ancienne ornementation des isbas.....	3
5) Jouets primitifs des paysans.....;	3
6)Sanfection d'une trompe de pâtre.....	5
7)Palanche.....	1
8)Mortier (pour le broyage des grains).....	8
9)Un van.....	1
10) Vaiselle en bois.Artisans	2
II) Marché.....	2

Факсимиле первого листа списка фотографий экспедиции.

Приложение к отчету Л. Зурова П. Риве (декабрь 1938 г.).

МННН-2АМ1М1Ф. ■ НМЕМ, Центральная библиотека

Коллекция фотографий 1938 г.

ОБРЯДЫ

Количество фотографий

1) Праздник 24 июня – день св. Иоанна в деревне Меекси: поклонение священной скале, взрослые и дети приходят к скале лечиться, очищение в священном источнике. Эротические танцы женщин сету вечером на празднике 24 июня. Старуха руководит праздником, символизирующим плодородие, нищие. Игра на гусях	88
2) Женские эротические танцы 25 июня в деревне Кувшиново	13
3) Свадьба сету в районе деревни Поталово. Свадебный поезд. Обрядовый кузнец. Хор женщин	14
4) Поминование родителей на старых могилах деревни Зачернье [Зачеренье]. Поминальная трапеза. Танцы	26
5) Языческий камень для жертвоприношений (найденный мной) около деревни Сульпи. Жертвоприношения 25 июня	5
6) Магия. Лечение ребенка посредством волшебного камня в окрестностях деревни Лезги	1
7) Похороны рыбака. Плакальщицы. Положение тела в челнок	7

ДЕРЕВНЯ

1) Изба. Деревня Поталово (не имеет дымохода)	5
2) Примитивное пчеловодство (д. Рачево, Красный Бор, Лезги)	7
3) Ремесленная работа по дереву (игрушки, д. Качино)	5
4) Деревянная скульптура. Старинное украшение изб	3
5) Примитивные игрушки крестьян	3
6) Изготовление охотничьего рожка	5
7) Коромысло	1
8) Ступка (для растирания зерен)	8
9) Решето	1
10) Деревянная посуда. Ремесленники	8
11) Рынок	2

Фотографии (подробнее)

Количество фотографий

Лен

1) Прялка для прядения (Городище – Паниковичи).....	3
2) Примитивные ткацкие станки.....	10
3) Ременная работа	5
4) Канаты.....	1
5) Изготовление куклы (солома и тряпки).....	2
6) Полотенца старые.....	1

Рыбалка

1) Лодки, выдолбленные из ствола дерева (Боровенское озеро) з	
2) Рыбаки, мужчины и женщины (Городище, Будовище, Лисье).....	20
3) Плетение сети (деревни Киленец и Лисье)	2
3) Старая лодка, которая разваливается (деревня Круп).....	1

Примечание

Я передал Б. Вильде фотоаппарат, выданный мне Музеем человека, вместе с прочими инструментами.

Коллекции Сетумаа

Количество предметов каждой коллекции

1) Была собрана уникальная в Западной Европе коллекция льняных свадебных полотенец, которые случай сохранил в затерянных уголках Сетумаа, вышитых древними орнаментами (молящийся всадник, руки, воздетые к небу, идолы, дубы, птицы, иероглифы), орнаменты с магическим значением, которое традиция передавала из поколения в поколение. Эта коллекция имеет наибольший научный интерес. Я собрал почти все, что сохранилось в данной области	29
2) Коллекция свадебных поясов (вязаных, плетеных, тканых), вышитых традиционными узорами: свастика («бегущий крест»), конские головы, свиной глаз, змеи.....	22
3) Коллекция вышивок сету: рукава, головные уборы	16
4) Большая коллекция всех образцов сельских домотканых тканей, сотканых вручную; как старинных, так и современных. Некоторым из них более 100 лет.....	159
5) Шерстяные нарукавники и носки с узорами	4 пары
6) Свадебные пояса, работа над которыми с помощью примитивного инструмента не была завершена	3
7) Тканая сумка с узорами.....	1

Деревня. Ремесленная продукция.

1) Маленькая ритуальная бадья для поминовения умерших (ритуальные кормления – 150 лет).....	1
---	---

2) Старые подсвечники (один сплетен из коры, другой вырезан из куска дерева) 120 лет	2
3) Деревянные ложки, ручная работа	4
4) Деревянная посуда (контейнер для мяса, чашка).....	2
5) Примитивная маслобойка	1
6) Ручные сумки, соломенные корзины, корзины из коры, берестяные корзины, корзины из корней деревьев	11
7) Резное веретено.....	7

Лен

1) Образцы льняных тканей.....	3
2) Сосуд из дерева для семян льна	1
3) Примитивные инструменты для обработки льна	3
4) Деревянные гребни для чесания льна. Ручная работа.....	5
5) Сандалия, сплетенная из льняной костры	1
6) Сандалия в процессе изготовления на деревянной колодке.....	1
7) Веретено для скручивания нити.....	1

Коллекции Сетумаа (продолжение)

Рыбалка

Количество предметов каждой коллекции

1) Примитивные деревянные инструменты для плетения сетей (полный набор).....	18
2) Образцы сетей в стадии изготовления.....	5
3) Образцы пеньки (использовалась для изготовления сетей)	5
4) Деревянные поправки.....	6
5) Крючки из глины и камня.....	7
6) Модель прямого паруса	1

Средства народной медицины

1) Два магических камня. Стрелы Тоннере (Пезги, Березье).....	2
---	---

Дети

1) Духовые рожки из коры.....	2
2) Дудки из коры.....	4
3) Примитивные куклы из соломы (куклы-танцоры).....	2
4) Тряпичная кукла (Пезги)	1
5) Глиняные игрушки.....	2
6) Деревянные игрушки. Ручная работа.....	1
7) Детская сандалия (кожа).....	1
8) Крестьянские раскрашенные печенья.....	4

**Перечень
экспедиционных
расходов.**

Приложение к отчету
Л. Зурова П. Риве
(декабрь 1938 г.).
MNHN-2AM1M1F.

■ ИМЕИ, Центральная
библиотека

Декабрь 1938 г.

Перечень расходов

Поездка (на 1 человека): Париж – Таллин – Петсери [Печеры] –
Тарту – Таллин – Роттердам – Париж 2700 франков
Стоимость суточного содержания (на 1 человека в течение 3 месяцев,
включая оборудование)..... 3000 франков
Приобретение предметов, расходы на поездки, подарки 5000 франков
Фотографии (материал и проявка)..... 600 франков

11 200 франков

Л. Зуров

№1

Часть II. Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова
в Национальном музее естественной истории

Археологический и
этнографический
Папка в
Setumaа (Э.С.С.Р.)
1928, 35, 37 и 38 г.г.

Estonie. Setu

Missions Leonide ZOUROFF

177 Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)

183 Л. Зуров. Письмо-отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)

193 Отчет Зурова № 1.

Результаты этнографического и археологического
обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.

255 Отчет Зурова № 2.

О дохристианских пережитках и религиозных
верованиях сетских и русских крестьян Печерского
уезда. О почитании камней, источников и деревьев.
Результаты этнографической работы, выполненной
для парижского Музея человека. Миссия в балтийские
страны, полученная от французского Министерства
народного просвещения в 1937 и 1938 гг.

327 Научно-исследовательские заметки Л. Зурова

Меекси

Образцы тканей

Свадебные полотенца

Свадебные пояса

■ Отчет Зурова № 1. Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.

Леонид Зуров ■

л. 02

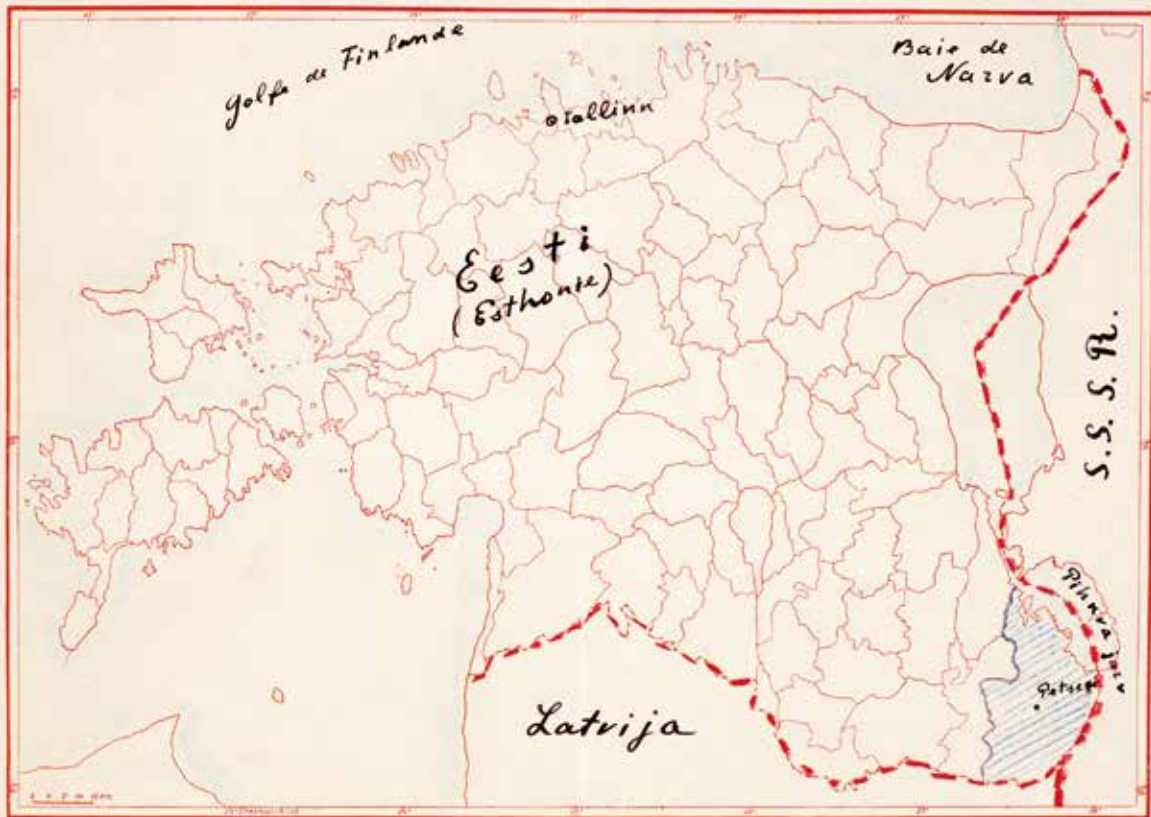
Краткий отчет о результатах экспедиционной работы в Прибалтике посвящаю памяти всех научных работников, погибших во время войны и немецкой оккупации.

л. 03

Из работавшей в Прибалтике в 1937–[19]38 гг. экспедиционной группы уцелело лишь два человека. Научную же работу в Эстонии вели три экспедиции: французская, посланная Министерством народного просвещения в составе студента Этнологического института Бориса Вильде и Леонида Зурова; швейцарская — профессор Базельского университета доктор Эльза Малер; чешская в составе доктора Карлова университета Ирины Окуневой и доктора Н. Андреева [из] Археологического института им. Кондакова. В Эстонии мы работали по принципу научного сотрудничества: имели в Печерах общий центр, склад, общую фотографическую лабораторию. Война сорвала начатую нами работу.

Борис Владимирович Вильде начал движение Сопротивления в Париже и погиб геройской смертью на Мон-Валериан. Доктор Карлова университета Ирина Окунева (дочь знаменитого византолога профессора Окунева) во время войны, спасая архив Пражского института, бежала из Чехословакии с мужем, археологом Росовским, в Белград — там они и погибли во время немецкой бомбардировки. Доктор Кондаковского института Николай Андреев пропал во время пражских боев. О его судьбе ничего не известно. Доктор медицины А. Е. Розов, у которого мы на квартире основали...

Примечание редактора: Первые четыре страницы данного отчета А. Зурова не имеют авторской нумерации. На первом листе — заголовок отчета. Машинописный отчет содержит множество правок, внесенных от руки.

„Postimehe“ trükk, Tartus

AKADEEMILISE EMAKEELE SELTSI KIRJASTUS, 1933

N. 1

Контурная карта Эстонской Республики с границами церковных приходов.

Опубликована Академическим обществом родного языка (Тарту, 1933), штриховкой Л. Зуров обозначил территорию Сетумаа (Setumaa) / Печорского уезда и указал г. Печоры (Petseri). MNHN-2AM1M1F. ■ НМЭИ, Центральная библиотека

П. 04

...экспедиционный центр, был мобилизован в Советскую Армию и погиб в ее рядах во время отступления на восток, при переходе под обстрелом через реку. Помогавший мне во время археологической разведки печерский гимназист Василий Титов, сын крестьянина (в 1939 г. учитель сельской школы) принял участие в партизанском движении, как лейтенант Красной Армии он дрался против немцев на местах, где когда-то работали мы, тяжело раненым в бою был взят немцами в плен и был ими расстрелян в Печерах. Во время войны, работая в Резистанс [Сопротивлении. — Прим. ред.] в районе Грасса (в департаменте Альп Маритим [Приморские Альпы. — Прим. ред.]), войдя в нелегальную связь с партией только что пригнанных немцами из-под

Ленинграда советских военнопленных (они все потом задолго до высадки союзников бежали в горы к французским партизанам), я от них, замученных пленом, еще недавно дравшихся на побережье Псковского озера, узнал о страшной судьбе, постигшей место нашей экспедиционной работы — о том, как немцами был выжжен и разорен древний край, как умирали от голода старики и старухи, а среди них и те, среди которых работали мы, получая от них ценнейшие сведения.

К счастью, часть собранных в Печерском краю экспедиционных материалов уцелела, хотя загородный дом дочери С. В. Рахманинова — Т. С. Конюс, на чердаке которого хранились в чемоданах они, во время отступления французской армии, был занят немецкими солдатами — чемоданы штыками были взломаны, замки сорваны, полевые дневники и карты выброшены. К сожалению, архив пражской группы погиб в Белграде. Мало что уцелело и из архива Бориса Вильде.

Записка Л. Ф. Зурова о произведенном обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг.

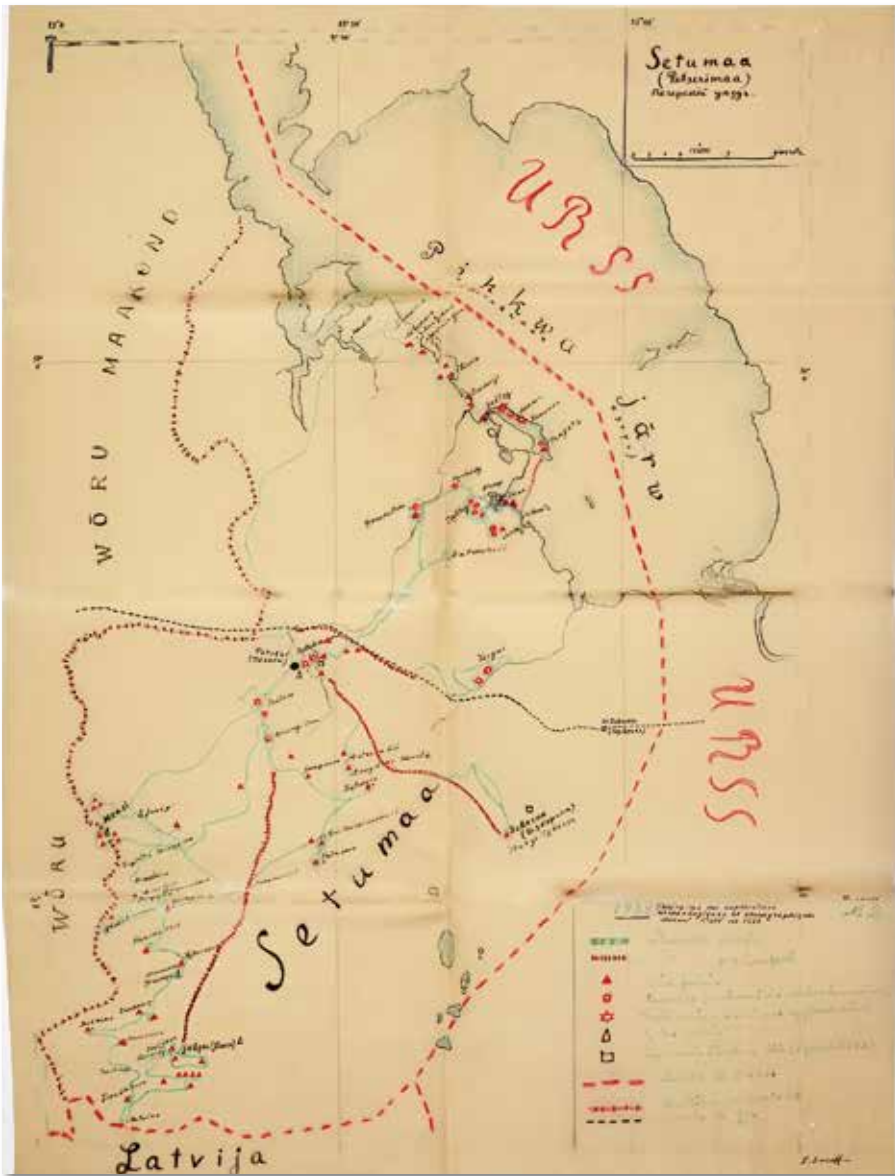
П. 1

В 1928 году я был послан из Риги в Печерский край комиссией по изданию монографии о Псково-Печерском монастыре¹ (проф. Латвийского университета В. Синайским и акад. Виноградовым) для предварительного обследования памятников зодчества и регистрации древностей. За весну и лето мною были обследованы памятники церковного и крепостного зодчества, богатейшая ризница монастыря, находящаяся над ней библиотека, монастырские чердаки и погреба, крепостные стены и башни, подземный Некрополь с керамидами 16, 17, 18 вв., избы посада, часовни и погосты Изборска и Обозерья. Тогда в монастыре мне удалось обнаружить на одном из чердаков заброшенную, покрытую голубиным пометом большую икону времен царя Алексея Михайловича с прекрасно сохранившимся архитектурным рисунком обители — стен, башен и церковей (обезображенных впоследствии пристройками и надстройками) — ценную для истории древнего русского зодчества²; а также отыскать рисунок монастыря, выгравированный на медной доске в начале 19-го века, — интересный для изучения произведенных монахами переделок и перестроек — и монастырское ветхое шелковое знамя с живописным изображением обители масляными крас-...

П. 2

...ками, конца 19 в. Среди неразобранных рукописей и книг, сваленных во владычных покоях, я нашел служебник вечевых времен, с превосходными, художественно исполненными заглавными буквами, подобных которым я не встречал в специальных монографиях, с надписью чернилами на внутренней стороне переплета: «книга Мисюрева», т. е. книга строителя Печерского монастыря, государева дьяка при Псковском наместнике Ивана III, образованнейшего человека своей эпохи, дипломата Михаила Григорьевича Мисюря Мунехина, которому старец Филофей из Псковского

1. Псково-Печерский монастырь. Рига, 1929 г.
2. См. ту же монографию: Псково-Печерский монастырь. С. 27, деталь иконы, рис. 8: Успенский собор, большая звонница и Благовещенская церковь с трапезой и кельями. С. 32, рис. 12: деталь иконы — острог, церковь Николы Ратного; Зуров Л. Старинная икона с рисунком П. Печерской обители // Газета «Слово». Рига. № 1007. 1928 г.

- Пешеходный маршрут
- Маршрут транспорта
- ▲ Курганы
- Погребения в курганах с трупосожжением
- ★ Древние поселения
- △ Сакральные камни
- Древние городища
- - - Граница СССР
- - - Границы районов (провинций)
- Железные дороги

Карта Печорского уезда (Сетомаа),
составленная Л. Зуровым для Музея человека
после экспедиции 1938 г. MNHN-2AM1M1F.

■ НМЭИ, Центральная библиотека

Елизариева монастыря написал знаменитое послание о Третьем Риме³. Тогда же я обследовал изуродованную монахами в 18 в. звонницу стрелецкой церкви Николы Ратного, о которой в «Истории русского искусства» писал академик И. Э. Грабарь. При осмотре окрестностей Печер, в деревянной часовне на Б. Пачковке я обнаружил поясной, отлично сохранившийся иконостас прекрасных писем 17 в., сданный сюда за ненадобностью из одной из малых упраздненных монастырских церквей; старинный, к сожалению, с осыпающейся краской, образ псковских князей Всеволода Гавриила и Довмонта Тимофея в княжеских одеждах и три резных окрашенных старинных подсвечника работы местных кустарей⁴. В то же время в окрестностях я обнаружил ряд древних могильников, незарегистрированных и не взятых еще М[инистерством] н[ародного] п[росвещения] под охрану — на Б. Пачковке; в погосте Залесье, где стоят вырубленные из цельной плиты кресты, сняты[е]...

П. 3

...с находящегося неподалеку могильника: могильник с языческими и христианскими погребениями в Рачевской роще; каменные кресты на могильниках около деревень Давыдово Загорье, Давыдов Конец и д. Шляхово; кресты на Тайловском погосте, увезенные крестьянами с большого, разоренного и наполовину раскопанного могильника, что на Свинской Горе; могильник с каменными крестами на Куничной Горе и великолепный каменный крест в рост человека, вделанный в стену часовни на могильном, боевом поле у имения Холохальни. Тогда же я осмотрел изуродованную неумелыми ремонтами и постройкой четырехгранной колокольни (сложенной из камней разломанной причтом древней звонницы) церковь на острове Колпино; обезображенную постройкой притвора Сеннскую церковь с голосниками и чудным каменным кружевным узорочьем на барабане купола, и в ней обнаружил старинную люстру со звериной головой⁵, а в церковном захабе — деревянный ларь с художественной оковкой. Я осмотрел погост и Малы

3. Заглавные буквы из книги Мисюровой пересняты мною в 1928 г. на кальку. Помещены в виде иллюстрации в книге «Отчина» Л. Зурова (Рига: Саламандра, 1929 г.).
4. Псково-Печерский монастырь. Рига, 1929. Рис. часовни и столобка на Б. Пачковке, с. 47. Деревянные резные подсвечники — с. 51, фот. 21. Иконостас, икона князей и разные подсвечники взяты вместе с часовней под охрану Отделом по охране памятников старины при М[инистерстве] н[ародного] п[росвещения] в 1935 г. В 1937 г. иконостас описала и сфотографировала экспедиция Арх[итектурного] института имени акад. Кондакова (Прага, Чехословакия).
5. В церкви д. Печки я зарегистрировал такую же люстру с звериной голов[ой]. Церковь в Печках построена на месте разоренной в 19 в. древней звонни[цы] и церкви. Люстры были взяты по моему указанию Министерством народного просвещения Эстонской Республики под охрану.

с двумя церквями. Первое письменное упоминание о Мальском м[онасты]ре встречается в 1480 г. Он был razорен Литвой и с тех пор один из его храмов с нижней трапезной церковью, под которой находятся под спудом мощи его основателя Святителя Онуфрия, лежит в развалинах, другой же, поставленный на священном ключе, восстановлен в 1730 г. В нем я зарегистрировал деревянную крестьянскую бойницу прекрасной резьбы. При осмотре церкви мне удалось установить, что на барабанах и на алтарной абсиде существует каменный кружевной узор, замазанный известковым раствором во время ремонта.

Тогда же я осмотрел памятники крепостного и церковного зодчества в Изборске — церковь упраздненного монастыря на Труворовом городище с вклад-...

П. 4.

...ными в стены крестами; на кладбище погоста Зачеренье обнаружил пять каменных крестов, привезенных крестьянами с разрушенных могильников, а на церковном чердаке нашел старинный липовый иконостас, а в пыли среди вынесенного за ненадобностью архива синодик 17 в., с прекрасно исполненной золотом, прозеленью и киноварью заставкой, с перечислением строителей Зареченской [Зачеренской. — Прим. ред.] церкви и Печерского монастыря и списками побитых Грозным опальных людей.

В это лето меня поразило обилие незарегистрированных и не взятых под охрану памятников материальной культуры и народного искусства, открыто производившаяся крестьянами заплата курганов, недостаточность произведенной студентами Гартуского университета, во главе с проф. Тальгреном, археологической разведки, небрежение к древностям, ценным не только для истории края, но и для истории народного искусства. Курганы запахивались на глазах, с большого Верепковского, уже зарегистрированного и взятого под охрану, крестьяне увозили каменные кресты, брали валуны на постройку. Процветало кладонискательство. Большие поля могил под Изборском на Славенецком поле изборяне продолжали запахивать, предметы, найденные в земле Труворова городища и Изборской крепости, расходились по рукам. У изборян я видел ценнейшие вещи — гривны, лунницы, арабские дирхемы, оружие, художественные, в виде уточек и голубков, подвески из женских погребений, фибулы, запястья и перстни-змеевики. Учитель Изборской школы А. И. Макаровский, любитель местной старины, даже составил из крестьянских находок хорошую собственную коллекцию, в которой было оружие, наконечники стрел, украшения из погребений, раковины каури и даже найденная кем-то в земле Труворова городища, выбитая в 1330 г. вечевым Псковом печать на построение Изборских башен. На глазах у всех древний Изборск медленно разрушался. Его громадные могильники,

когда-то занимавшие все Славен[е]цкое поле, целое столетие безнаказанно распахивалось... «В отдаленности, на пашенных полях сохами отрывали много могил с остовами, — писал о Славенецком поле в начале 19-го столетия митрополит...

П. 5

...Евгений, — коих головные черепа, увенчанные кольцеобразными медными змеями, на шеях же медные ожерелья, цепочки и бляхи, а на руках кольчатые и широкие медные запястья... Таких украшений, снятых в Изборске с откопанных остовов, несколько доставлено канцлеру графу Румянцеву⁶. Изборская крепость была в полном небрежении. Внутри ее запахивали, как и Труворово городище. Юрьевские археологи мало занимались Сетумаа, производя главным образом обследование в центре Эстонии. Из русских археологов Изборск в давние времена посещали любители и кладоискатели. Труворову могилу раскапывал кто-то в середине 19-го в. Результаты нам неизвестны. В 1878 г. ее раскапывал проф. Шляпкин и убедился, что погребение под так наз. Труворовым крестом — христианское. В 1924 г. на Труворовом городище экспедиция студентов Юрьевского университета (С 1918 г. Тартуский университет. — Прим. ред.) устроила пробное археологическое изыскание, желая узнать, какой народности принадлежит городище. Культурный пласт оказался толст. Он содержал в большом количестве славянскую керамику с волнистыми линиями, кости, и в их числе заостренные, — такие, какие встречается в вендских городах в Германии. Благодаря этим находкам эстонские археологи относят Труворово городище к позднему периоду железного века и считают, что хотя Изборск и указан, как Городище Трувора, но до сих пор на этом городище русского типа не найдено ни одной скандинавской вещи. В окрестностях Изборска от железного века сохранилось большое количество могильников, но только часть их была зарегистрирована и взята под охрану. Археологическая разведка Тартуского университета в 1920 г. во главе с проф. Гальгреном дала минимальные результаты — или крестьяне после гражданской войны боялись эстонского обследования, или же студенты не умели разведку производить, но край был лишь формально обследован, разведка произведена невнимательно, и громадное количество курганов, могильников и древних посе...

П. 6

...лений ускользнуло от глаз, производивших обследование. Крестьяне из года в год продолжали запахиывать курганы, находящиеся на земле, отведенной им под хутора. Ценнейшие находки расходились по рукам любителей,

6. Евгений, митр. Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска. СПб.: Типография Смирдина, 1825.

частных коллекционеров и пропадали бесследно для науки. Как и до войны 1914 г., все оставало[сь] в небрежении⁷. А это было место, отмеченное во всех учебниках русской истории; место древнейшего славянского города, который по праву мог оспаривать первенство у Новгорода, города, властвовавшего когда-то над летописной Чудью; место многовековой обороны русской земли, обильное курганами, кладами, боевыми полями, насыщенное золой древних очагов; место изумительных образцов крепостного и церковного зодчества — стен, с вкладными крестами, кружевной кладкой мастеров, оставивших на башнях каменные узоры, словно свою подпись; место самобытного зодчества, где в окрестных деревнях (как мне это удалось обнаружить) сохраняется переходящее по наследству каменное мастерство, где местные мурники по древнему кладут крестьянские ворота с круглыми псковскими столбами, по старине строят каменные, сложенные из изборской плиты амбары и клетки. Это был забытый учеными и археологами Изборск, который принимал когда-то на себя все идущие с запада удары, по которому бил из пушек магистр Ливонского Ордена Ф. фон дер Борг: город, оставшийся в полном небрежении. На запаханном Труворовом городище росла рожь. Черную от золы землю Изборской крепости пахали каждой весной. Никто не интересовался историей края. Богатый древними поселениями и погребениями край напрасно ожидал исследователей. Песенные богатства Обозерья⁸ погибали — со стариками навсегда уходило живое предание. Ничего не было сделано ни для сбора топонимики, ни для серьезного изучения древней-...

П. 7

...шего коллектива — псковской Ловецкой дружины. Никому не было известно о древнейшей связи рыбацких посадок Псковского озера с Ладогой, водами Балтики, в водах которой, как оказалось, прапрадеды Обозерских рыбаков ловили морскими сетями.

Не было произведено серьезных раскопок ни на Труворовом городище, ни на ископанном кладоискательскими ямами Городаче, что против Роговой горы, который коренное население считает первым местом Изборска. Не было произведено раскопок на территории Изборской крепости, культурный слой которой исключительно богат находками, по которым можно изучать ремесла вечаевого Пскова. По высокому берегу Псковского озера, как оказалось, сплошной цепью идут древние поселения. Погребения типа изборских и обозерских — группы длинных, овальных и круглых курганов, совершенно не

7. Ю. В. Готье в своей книге «Железный век Восточной Европы» (М., 1930) говорит, что он не имеет сведений об археологии запад[ного] берега Псковского озера и Изборска.

8. Обозерье — берег Псковского озера с рыболовецкими деревнями.

встречаются в центральной Эстонии и являются характерными могильниками кривичей, которые, медленно оттесняя литовские и финские племена, раздвигая их, когда-то, в невыясненные для нас времена, захватив течение Великой, вышли озерами и Наровой к морю, по водному пути, по Великой реке (Великой народ называл в древности всю водную систему: Великая, Псковское озеро, Теплое озеро, Чудское, Нарова), т. е. по одному из малых янтарных путей. Здесь и в долетописные времена шла оживленная торговля, проходя недалеко от Изборска. В его районе и в Обозерье в большом количестве находили серебряные диргемы. Согласно летописному преданию Изборск существовал и до призвания князей, а в 9-м в. на короткое время сделался стоянкой княжеской дружины, сторожевым городом, господствующим над Чудью, охранявшим сухопутную дорогу. В его районе сету⁹ (эсты) раньше исторических времен подпали под культурную и политическую зависимость кривичей. Записан...

П. 8

... ные в конце 19 в. песни граничащих с сету верховских эстов говорят, как в древности они заодно с русскими (венелану) совершали на конях отдаленнейшие походы на южную Русь, в Болгары и на Константинополь, когда по обычаю требовалось, чтобы с каждого двора шел один воин, а братья отправлялись на войну по очереди. В песнях крестьянские девушки жалуются об уводе парней на Русь (в Изборске население говорит: «У нас на Руси»), и рассказывают о том, как после похода парень возвращался уже в русском вооружении, и сестра узнавала его только по сшитой дома одежде. Владимир Святой посылает своих данников собирать дань с чуди, Ярослав Мудрый ходил против чуди, жившей на западной стороне Пейпуса, т. е. Псковского озера, покорил ее и в 1130 г. построил город Юрьев при Амове на языческом месте [Первые письменные свидетельства об Юрьеве относятся к 1030 г. — Прим. ред.]. Племя сету, жившее под Изборском в лесах, приняло православие от изборян и псковичей, под страхом уплаты пени за ослушание: для новокрещеных в каждой деревне, на месте языческого служения, ставилась деревянная часовня, а в ней — каменный крест. Но сету только по имени были христианами, а на деле долго оставались язычниками. После покорения Прибалтики немцами сету примкнули к псковичам и изборянам. Остатки этого племени, крещеные сету, которых изборяне за приверженность к языческим обрядам зовут «полуверцами», живут и теперь в районе Изборска и под Нейгаузенем (новый городок Ливонский русских летописей.) Этот малый, вымирающий народ нуждается в специальном изучении. Вообще же изучение древних обычаев кривичей может быть

9. Сету — эстонское племя, что живет под Изборском и у Обозерья — летописная Чудь, «сетукезы», как их называют русские крестьяне.

полностью проведено только при тщательном изучении соседящих с ними, давно принявших православие сету, которые, как это ни покажется странным, сохранили древние славянские обряды лучше русских. Для историка и этнографа особенно интересно и то, что в то время как родственные сету эсты под немецким владычеством, в рабстве, почти совершенно утеряли свои обычаи, обряды и песни, сету, примкнув к славянам, очутившись по эту сторону р. Пимжи (пограничная река Псковского княжества, которая служила ливонской границей), несмотря на принятое ими от изборян православие, прекрасно сохра...

л. 9

...нили не только свои одежды и песни, но в их среде до 1939 г. доживали и древнейшие языческие обряды. Эта этнографическая граница особенно интересна для нас перекрещивающимися с глубокой древностью влияниями. Фольклор Печерского края особенно интересен в связи с параллельным изучением фольклора сету. Возможно даже, что сетские женщины сохранили древнюю одежду славянок, переняв ее еще в долетописные, языческие времена, вместе с русскими ожерельями, головными повязками-апостольниками, так же как они до настоящих дней лучше русских сохраняли намогильную трапезу (тризну), кормление нищих при поминках; земной поклон они бьют по древнему, не становясь на колени. Белые женские кафтаны, нарукавные вышивки и головной убор заставляют вспомнить балканских славянок и белорусских женщин. Нужно отметить, что и свадебные песни они поют на два хора, а женская пляска в кругу напоминает сербское коло. Конечно, это предположение нуждается в тщательной научной проверке. Вообще же быстро вымирающее племя сету (после японской войны кто-то приучил их пить эфир, по-сетски «ликву») необходимо всесторонне изучить возможно скорее. Доживающие в их среде языческие понятия и обряды, а именно: поклонение камням, источникам и деревьям, особенно должны заинтересовать советских ученых. Когда-то в Псковской губ., в Красногородской области жили сету. 300 с лишним лет назад часть сетского населения из-под Печер — православных эстов, сетукезов переселилась в Опочецкий уезд Красногородской волости. В 1901 г. Оскар Каллас, обследовав эти места, написал, что произошло полное обрусение: сету смешались с русскими, часть эстонцев выселилась в другие деревни — мужчины в качестве примачков, а женщины при выходе замуж¹⁰. При обследовании в 1925 г. и в 1931 г. оказалось, что в Псковском уезде Ленинградской области и в Опочецком районе (Поддубновский...

10. Kallas O. Kraasna marahas. Helsingfors, 1903. Работа о православных эстах сетукезах Красногородской волости Опочецкого уезда, изученных в 1901 г. Оскаром Калласом.

**Пожилая сето в традиционном костюме
и девочка-подросток в современной одежде.**

Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7).

■ НМЭИ, Центральная библиотека

...совет), где предполагалось наличие эстов полуверцев — последних не имеется¹¹.

Удивительно еще, как это племя уцелело, живя при большой дороге ливонских походов. Только густые леса, овраги и каменные стены Печерского монастыря и Изборска позволили ему уцелеть от мечей орденских рыцарей. В течение веков Сетумаа была местом упорных боев, и Изборск нес службу передового поста Псковского княжества, а потом Московского царства. Деревянный Изборск с 9 в. выступал, как пригород Новгорода. Неся трудную сторожевую службу, он воевал с Чудью, Литвой, Шведами и Немцами. Столкновения стали особенно частыми в начале 13 в. с появлением в Прибалтике врага славян — немецкого ордена меченосцев. Захватнические планы немцев после покорения ими славянского Поморья, направленные против эстов, латышей и литовцев, включали в себя и Псково-Новгородские земли. Столкновения ордена с новгородцами неизменно затрагивали и Изборск, как новгородский пригород, так как, опираясь на него, новгородцы вторгались в земли Ордена и Литвы, то Орден и Литва сталкивались с Изборском в своих походах на Псков и Новгород. В 1330 г., увеличивая свою обороноспособность, Псков построил вместо деревянного каменный Изборск, и он с тех пор стал сильным форпостом во Псковщине.

Печерский край богат необследованными памятниками зодчества времен вечевого Пскова и Московской Руси. Крепостное зодчество представлено двумя великолепными памятниками — Изборской крепостью, построенной посадником Селогою в 1330 г. и каменным городом Псково-Печерского монастыря, воздвигнутым во время Ливонской войны с 1558 по 1565 г. — крепостью, сменившей Изборск, выдвинутой еще ближе к ливонской границе. Печерский монастырь вел среди сетского населения миссионерскую работу и для охраны...

...обитатели от ливонского разорения, для сохранения жизни крестьян и монахов игумен Корнилий построил на рубеже против Нейгаузена сильные башни и стены. Они выдержали осаду войск Стефана Батория. О них не раз разбивались волны идущих с запада вражеских нашествий.

Чрезвычайно интересны церкви монастыря — соборная, ископанная в горе в 1470 г. Ее древняя архитектура заслуживает исключительного внимания,

11. Янчин В. О красногородских эстонцах // Сб. Псковского общества краеведения. «Познай свой край». Вып. 2. 1925 г.; Он же. Живут ли в пределах Ленинградской области эсты «полуверцы» // Советская этнография. Вып. 4–5, 1931 г. С. 214–215.

так как она по своей самобытности является единственной в истории русского зодчества. Церковь ископана в горе. В старину зодчие, среди зелени и деревьев, возвели над ней два золотых шатра, составленных из уменьшающихся по мере сведения вверх, к шейке купола, золотых кокошников, в которых были написаны образа. Длинные золотые шейки барабанов переходили в золотые главы, образа хлебных колосьев или же золотых, нераскрывшихся цветочных почек. Построенные на земле среди кустарников и деревьев, они являлись как бы завершением прорезавшегося из земли золотого храма, крышей которого была зелень дубов и трава. В соборный храм и братскую усыпальницу вели вырезанные в слежавшемся песке входы, украшенные витыми столбами, переходящие тоже в кокошники. Этот собор в горе, крышей которого являлась зеленеющая, а зимой покрытая снегом земля, на которой растут древние дубы, является единственным и чудесным рядом с белокаменной, широкой при основании, но легчающей по мере вознесения вверх, белокаменной, двурусной, сведенной стрелой, изумительного каменного дела звонницей, несущей легко многочисленные колокола и заключающей в себе, в своих палатах, малый, упраздненный в 19 в. храм¹².

Интересна Благовещенская церковь 1541 г., сохранившая восьмискатное покрытие, а сохранила она его, как оказалось после обследования, только потому...

Л. 12

...что в барабане купола в древности помещалась малая, интересная по пропорциям и деталям, церковь Бориса и Глеба, замурованный вход в которую я обнаружил, осматривая чердаки. Одной из любопытнейших церквей Печерского края нужно считать церковь Николы Ратного. Воздвигнутая на крепостных воротах в 1565 г. воеводой Павлом Петровичем Заболоцким, она возвышается над главным входом, вмещая в своих подклетьях две каменные палаты. В одной из них, под крыльцом, в старину хранилось стрелецкое оружие, нарубленный свинец в корытах, а в другой, под алтарем, замурованной ныне — монастырский пороховой запас. Таким образом церковь Николы вслед за острогом была главным крепостным местом, на ее звоннице, связанной с городской стеной, был укреплен деревянный мост, колокольные ниши служили стрелецкими бойницами. Церковь была связана с Никольской башней, а через ту можно было опуститься в острог. Заложенная теперь камнями, замурованная башенная дверь была устроена высоко для того, чтобы при захвате врагами острога деревянную лестницу можно было легко втянуть в башню. Тогда Никольская башня из внутренней острожной становилась

12. Большая звонница построена в 1562 г.

боевой, как и звонница Никольской церкви, и стрельцы поражали врага не только из башенных боев и звонничных ниш, но и из прорезанных в церковной подклети бойниц, из которых можно было обстреливать не только острожный двор, но и пространства под воротным сводом.

При осмотре звонницы я убедился, что реставрация ее вполне возможна. При обследовании находящегося в храме деревянного резного образа Николы Ратного¹³ стоящего в коробце, мною были обнаружены...

П. 13

...почерневшие клейма — иконы древнего Николина жития весьма плохой сохранности. Среди них единственный древний образ убиенного царем Грозным строителя Печерской обители игумена Корнилия, о котором пишет князь Курбский. Святительские облачения резного образа были выкрашены белой краской. Под нею в одном месте я увидел старинную роспись яичными красками.

Из звонниц Печерского края, помимо Б. Успенской¹⁴ (обезображенной в 19 в. железными перилами, пристройками), в неприкосновенности сохранилась только изумительная по силе суровая звонница 15 в. в погосте Сенно с обветшавшей деревянной лестницей, которая нуждается в реставрации. Интересны малые звоннички Изборска — над входом в бывший монастырский Николин храм, что на Труворовом Городище и в б[ывш]. Девичьем монастыре, что на Изборском посаде. Звонничка Изборской крепостной стены в 19 в. рухнула. Прекрасная звонница, родственная Сеннской, что когда-то стояла на остр. Колпино, разрушена в 19 в. причтом, который, разобрав ее, из ее же камней построил над притвором древней Колпинской церкви бездарную колокольню. Разрушена и звонница в погосте Печки.

Из церквей, ожидающих обмеров и частичной реставрации, нужно отметить Никольский собор в Изборской крепости, построенный, очевидно, вместе с крепостными стенами в 1330 г.; Никольскую церковь упраздненного Городищенского монастыря с вложенными в ее стены обетными каменными крестами; Рождественскую б[ывш]. Девичьего монастыря на посаде, построенную на священном ключе с вмурованными в стену надмогильными крестами; Рождественскую церковь б[ывш]. Мальского монастыря 15 в., под церковью которой был священный ключ; изуродованную церковь 15 в. в Сенно, у которой когда-то было крыльцо, похожее на крыльцо Никольской церкви с круглыми столбами (в конце 19 в. ...

13. Статуя Николы Ратного и иконы коробца обследованы экспедицией Археологического института им. акад. Кондакова в 1937 г.

14. Успенская звонница, покрытая теперь под одну крышу, в древности была [з]акрыта по острым фронтонам, на кот. сохранился каменный узор. Ее легко реставрировать.

...священник, расширяя притвор, приказал его сломать).

Из древностей края также нужно отметить большие каменные кресты XII–XIV вв. со славянской насечкой, дело местных изборских мастеров. Вырубленные из цельной плиты, достигающие иногда человеческого роста, они врублены в большие надгробные плиты. Они, как и зарегистрированные мною вкладные кресты старинных церквей и часовен, требуют специальной монографии.

В связи с древним каменным делом интересны обнаруженные мною плитоломни, откуда древние изборские мастера брали плиту на эти кресты. Отмечу еще, что у местных крестьян сохранилась традиция каменной кладки, которая со времен старины передается из рода в род. В деревнях я видел чудесно сложенные из плиты каменные ворота крестьянских дворов с характерными для псковского зодчества круглыми столбами, надворные пристройки, сложенные из плиты. Зайдя в иной, поросший травой, окруженный каменными службами крестьянский двор, вы легко себе можете представить гражданскую архитектуру Псковской улицы вечевых времен.

Касаясь изделий местных мастеров, нельзя не отметить давно ожидающий исследователей подземный, расходящийся на семь улиц монастырский Некрополь¹⁵, который является не только местом упокоения иноков и побитых на государевой службе у ливонского рубежа людей, но и настоящим музеем древнего керамического искусства. В пещерах, над каждым гробом (а гробы — долбленные колоды, захоронены в ископанные в пещерной стене малые длинные пещеры) в твердую из слежавшегося песка стену, закрывая собой могилу, вделана надгробная, мастерски исполненная с выпуклым барельефом, славянской вязью керамида. Иногда среди них попадаются тронутые золотом, киноварью, раскрашенные барельефным тра[в]ным узором, плетениями и главками храмов. Все они облиты зеленой глазурью цвета речных водорослей. Эти надгробные плиты являются замечательными образцами народного искусства — русской художественной керамики. Несомненно, что мастерская находилась поблизости от монас-...

...тыря. В усыпальнице находятся погребения, начиная с 15 в. Здесь и первые иноки строители, новгородские, псковские, московские и иных городов дворяне, убитые на царской службе от Литвы, побитые в приход Батория, павшие во время войны со шведами и привезенные сюда издалека. При обследовании я нашел имена Пушкиных и Мусорских¹⁶. В длинной Братской

15. Псково-Печерского монастыря.

16. Мусорские тогда писали свою фамилию «Мусорской».

пятой улице лежит Иона Пушкин, инок, умерший 22 декабря 1642 года; Петр Степанов Пушкин, убитый от безбожных немцев под Ельманом 17 апреля 1575 г.; Симон Васильев Пушкин, инок, умерший 24 января 1555 г.; княгиня Мария Петрова Козловская, дочь [Петра] Ивановича Мусорского ([ум. 1645]); Мария Петровна, жена Мусорского ([ум.] 1648); Иван Петров Мусорский, московский дворянин ([ум.] 1656).

Из монастырских икон нужно отметить медную позолоченную чеканную воинскую хоругвь, когда-то стоявшую в стрелецком храме Николы Ратного. В 1581 г. она была принесена во Псков на осаду и стояла на крепостной стене у Покровской башни, отмечая ставку командовавшего ратными людьми, московскими стрельцами и псковским ополчением князя Шуйского и являлась боевым стягом отбивающего вражескую осаду Пскова. Вместе с нею на осаду, во Псков, по просьбе народа, были отправлены еще две монастырские иконы: — Успения, написанная псковским иконописцем Алексеем Малым, принесенная в монастырь в 1521 г., обложенная золотом по повелению Грозного, и икона Умиления, списанная с Владимирской изографом священноиноком Арсением Хитрошем. Во время осады Пскова икона Успения стояла в Троицком соборе, перед нею непрерывно служил молебны осажденный народ, а во время страшного боя, когда поляки и немцы ворвались в пролом, икону всем народом понесли к месту сечи. «Умиление» была выставлена во время боя на крепостной стене. В память избавления от осады 1585 г. при царе Феодоре Ивановиче она была украшена жемчугом и драгоценными камнями. Кроме этих, связанных с историческими событиями, икон необходимо отметить образ Успения Старорусский, взятый венграми в Старой Руссе в 1581 г. и отбитый у них печерским крестьянским отрядом. В городской Варваринской церкви в притворе висит большая...

л. 16

...икона Страшного Суда, где в шестивии во ад грешных участвуют ляхи, немцы, Литва и ордынцы. Икона записана, но сквозь запись виден прекрасно исполненный рисунок древних одежд.

В богатейшей монастырской ризнице в 1938 г. хранились неразобранные и плохо размещенные, по настоящему необследованные драгоценные вклады. Уже в 1928 г. во время обследования я не нашел в ризнице отмеченных в описях двух цепей червонного золота, пожалованных монастырю Грозным и сыном его Иваном — на одной из них, на золотой пластине (отцовской) была выгравирована надпись: «ливонского походу 7086» [7086 г. соответствует 1577 по юлианскому календарю. — Прим. ред.], а на серебряной пластине: «сие золото к Пречистой приложил царевич князь Иван Иванович из своего Ливонского походу». Также отсутствовали отмеченные в описи 11 древних икон. В ризнице хранились вещи и вклады, начиная с 15 в., золотые кресты

тонкой работы, евангелия, обложенные золотом и серебром; потиры и ковши из чистого золота, а среди них захваченные очевидно у Ливонского ордена, с готическими надписями: кадельница червонного золота замечательной чеканной работы: азиатская серебряная курильница с арабской надписью и татарским клеймом на дне; кубок и три братины царя Феодора Иоанновича; вклады Бутурлина и стольника Лихорева; ценнейшая, расшитая парчой по бархату плащаница Анастасии Романовны, первой жены Грозного — исключительное явление в истории русского искусства; Годуновская плащаница; митры, унизанные жемчугом и осыпанные камнями; облачения из царской парчи с травами разных шелков; серебряный жбан с надписью, подаренный шведским королем Густавом II Адольфом; серебряный большой ковш с изображением драконов, пожалованный Грозным, и его личные вещи, оставленные в монастыре — вилка и ложка в серебряной оправе, денежный кошель, шитый по бархату серебром; серебряная пороховница и походная труба¹⁷. В библиотеке я не нашел Кормовой книги, заведенной еще Корнилием в 1558 г., писанной полууставом. Ее кто-то взял до войны 1914 г. для на...

Л. 17

...учных работ и не вернул в монастырь. Здесь находились синодики и с именами побитых во время многочисленных войн и казненных Грозным в Новгороде, Пскове и Малютой в Москве; рукописный сборник, относящийся к 16–17 вв., заключающий в себе вариант сказания «О погибели Русской земли»; переписанные монастырские книги, относящиеся к 17 в., написанные скорописью; богатейший, неразобранный монастырский архив 18 и 19 вв. с перепиской, судебными делами; два тома императорских указов 18 и 19 вв.; две библии острожской печати 1581 г., монастырские богослужебные книги в старинных кожаных переплетах, прекрасных тиснений, работы русской и иноземной, среди которых, я думаю, должны быть и переплеты, привезенные в дар монастырю ратными [людьми] из покоренной Ливонии в тот год, когда в Печерский монастырь привезли от Курбского из Феллина пленный колокол. (Необходимо отметить, что Курбский не раз гостил в монастыре до бегства, а после бегства вел со старцем Васьяном Муромцовым переписку.) В 1938 г. в библиотеке находился в двух ящиках и архив покойного учителя Ю. Трусмана, который последние годы своей жизни работал в монастыре над словарем сетского языка. В 1928 г. Печерский край, берега Псковского озера, Изборск в этнографическом отношении были совершенно не обследованы. А край был богат свадебными обрядами, причитаниями, заговорами. В рыбацких деревнях сохранился язык, отдельные слова которого восходили к псковской летописи. Рядом с русскими

17. Все это в начале войны не успели вывезти из Печер вглубь России. Ризница досталась немцам.

деревнями, в сетских деревнях доживали свой век языческие обряды. Сету и в середине 19 в. молились в языческих рощах, а в глухих деревнях у них жили волхвы-старики, которые исполняли обязанности народных жрецов. Тогда же я узнал, что они еще почитают лежащий у древнего ливонского рубежа, у деревни Мегузицы, Иванов камень и в Иванов день он еще служит местом паломничества: женщины к нему привозят больных и детей, обмазывают камень творогом и маслом, ставят на камень свечи, молятся ему и купаются в протекающем около камня священном мегузицком ручье, желая очиститься от болезней.

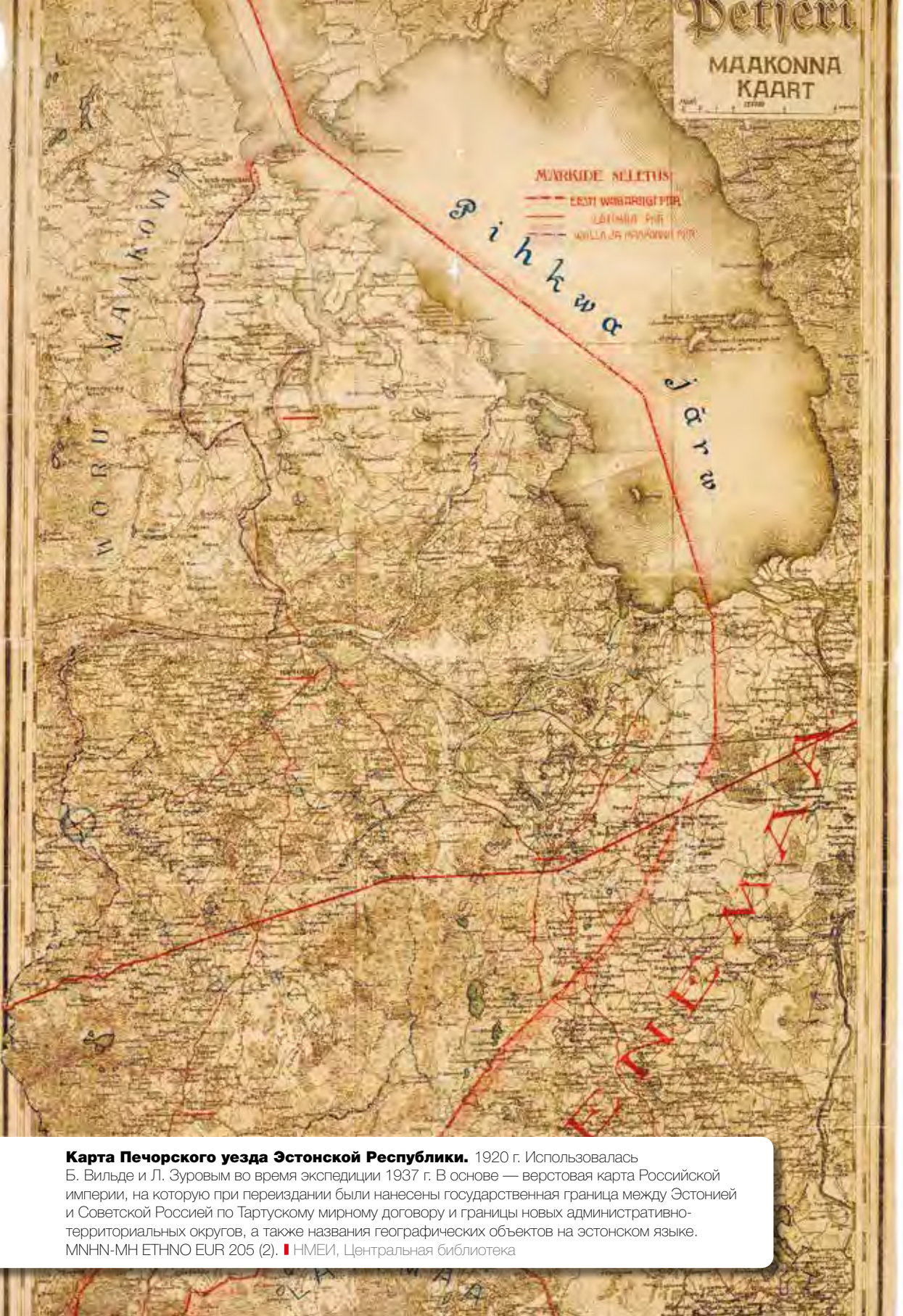
л. 18

Вернувшись в Ригу, я попытался заинтересовать древностями Печерского края, его фольклорными богатствами русские круги, поставив себе целью организовать работу по регистрации и спасению древностей не только Печерского края, но и Латгалии (Латвия, б[ывш]. Островский уезд Псковской губ. с вечевым пригородом Вышгородком). Я знал, что в просветительной комиссии Латвийского сейма как раз разрабатывается законопроект о собирании латышского фольклора. Мне казалось, что это дает основание центральному Союзу русских просветительных обществ в Латвии, со своей стороны, тоже поднять вопрос о собирании русского фольклора, сначала хотя бы в Латгалии, чтобы потом, расширив деятельность, перенести работу и в Печерский край. Я знал, что под древним Вышгородком разбросаны незарегистрированные курганы, в деревнях живут бахари¹⁸ и сказатели, песенное богатство края велико, русская Латгалия совершенно не обследована и вся работа в этом направлении ведется только учителем Пыталовской школы Фридрихом, записывающим частушки и сказки. Я неоднократно беседовал по этому поводу с членом сейма, профес. Юпатовым. Мы подали тогда в культурную комиссию докладную записку, но в виду все более определяющегося национализма правительственных кругов, наладить необходимую работу по спасению русского народного творчества и памятников древности не удалось.

В конце 1929 г. я уехал во Францию, где занимался литературным трудом и изучал историю русской археологии и древнего русского искусства. Мысль о необходимости продолжения начатой в Печерском краю работы не покидала меня. Ранней весной 1935 г. я получил возможность поехать в Эстонию. Главной моей задачей была реставрация звонницы церкви Николы Ратного в Печерском монастыре.

В 1935 г. монастырь послал мои чертежи в отдел по охране памятников старины при Министерстве народ[ного] просвещ[ения], и я получил от Министерства разрешение на реставрацию.

18. Бахарь — сказочник.

Карта Печорского уезда Эстонской Республики. 1920 г. Использовалась Б. Вильде и Л. Зуровым во время экспедиции 1937 г. В основе — верстовая карта Российской империи, на которую при переиздании были нанесены государственная граница между Эстонией и Советской Россией по Тартускому мирному договору и границы новых административно-территориальных округов, а также названия географических объектов на эстонском языке. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (2). ■ НМЭИ, Центральная библиотека

Церковь Николая Ратного, о которой я уже упоминал, представляет собой тип маленьких псковских церквей, перекрытых без посредства столбов, оригинальной системой перпендикулярных арок, восходящих вверх в виде ступеней и поддерживающих купол. Внутри она напоминает изумительную по изяществу Гдовскую Успенскую церковь¹⁹. Построенная на главных крепостных воротах воеводой Заболоцким (он взял во время Ливонской войны Нарву и потом принял постриг в монастыре под именем Пафнутия) она стала стрелецкой церковью с пороховым погребом и оружейной палатой в подклети. В ней в старину хранилась медная воинская хоругвь, которая во время осады Стефана Батория была перенесена из Печер во Псков и во время боев была выставлена, как стяг осажденного Пскова, на городской стене у угловой Покровской башни. На каменной Никольской звоннице висят колокола, отбитые в 1581 г. от войск Батория. В Кобылинской волости в погосте Напольном поляки сняли их с звонницы церкви св. Николая, а Печерский крестьянский отряд отбил их у врага. В 1581 г. земля около звонницы была обильно полита человеческой кровью. Тогда на Никольскую башню ненадолго ворвались враги. В 1592 г. шведы вломились в монастырь, и Никольская церковь была ограблена. В 1611 г. пан Лисовский взял монастырский острог, и русские бились с ним у Никольской звонницы; в неделю Цветную [Праздник Входа Господня во Иерусалим. — Прим. ред.], 17-го марта пан Хоткевич бил пушками по острогу и вел подкоп под Никольские ворота. В 1688 г. монастырь погорел, и огнем была повреждена церковь. Академик И. Грабарь с сожалением писал о Малой, испорченной деревянным тамбуром и фальшивой уродливой главкой, звоннице²⁰. Очевидно, после одного из пожаров иноки, которым было холодно звонить по старине с земли, решили превратить очаровательную звонницу в четырехугольную колокольню. Они обломали мешавшие им острые верхи...

...с каменным узором, установили балки прямо на своды крыльца и, укрепляя их, выбили для упора часть кирпичей из кладки свода; приделали к звоннице с восточной, южной и западной сторон деревянные стенки, покрыли колокольню четырехскатной крышей, увенчали фальшивой главкой, установили лестницы для звонаря. Колокольные ниши для удобства были заложены наполовину и целиком был заложен участок между третьим звонничным столбом и церковной стеной. Они изуродовали крыльцо, зашили

19. Взорвана немцами при отступлении во время этой войны.

20. История русского искусства. Т. 1: Малая звонница — фотография Рериха, с. 261; крыльцо Никольской церкви, с. 279.

его досками, подняли пол, настлав высокий деревянный, но так как после этого людям стало трудно в церковь входить, им мешала одна из железных связей (соединявшая крыльцо со звонницей), то монахи, не задумываясь, обрубили ее. Каменные ступени, ведущие во храм, они сломали и приставили ко входу деревянное крыльцо с колонками, похожее на крыльцо загородной дачи. Внизу, в помещении оружейной палаты, они устроили жилую келью, поставили печь и ввели в угол крыльца кирпичную трубу. От излишней нагрузки (на Пасху на колокольню забирались трезвонить десятки людей), свод крыльца дал опасную трещину; единственная железная связь, соединявшая звонницу с крыльцом, лопнула, угол крыльца, нарушенный введенной в него кирпичной трубой, сильно осел и древнее крыльцо грозило обвалом. Под моим наблюдением работала артель каменщиков с посада Черного²¹. Реставрация была проведена в течение лета 1935 г. по чертежам, скопированным мною с древней иконы. После того, как были сняты со звонницы все позднейшие деревянные пристройки, наконец-то открылась обломанная, но все же чудесная звонница, с варварски уничтоженным на три четверти каменным узором, и предстал перед глазами связанный с нею храм. Открылось обломанное крыльцо. Нагой свод дал опасные трещины в тех местах, где были разбиты и раздавлены тяжестью опирающихся на них бревен кирпичи. Глубокая трещина пересекала его. При осмотре оказалось, что последняя железная связь, заложенная одним концом в камень звонницы, проржавев, лопнула, кирпичный фундамент крыльца сильно осел, кирпичи от сырости и неравномерной топки распались, и все крыльцо готово обрушиться.

П. 21

При реставрации были доложены обломанные острые фронтоны звонницы, восстановлен каменный узор, концы которого, к счастью, сохранились. Я его восстановил, имея перед глазами прекрасно сохранившийся, видно, исполненный теми же мастерами, образец — тут же в монастыре, на большой Успенской звоннице, этот каменный узор повторен над каждой колокольной нишей. Треснувший свод крыльца был перебран, процемментирован; была вновь скреплена лопнувшая кованая железная связь, открыты заложенные звонничные ниши²²; замурованные бойницы, из которых когда-то стреляли по ворвавшемуся в острог врагу, как и заложенные плитняком окна, был реставрирован вход в каменную подклеть. Каменщики перебрали сильно

21. Посад, расположенный на берегу Чудского озера.

22. Зуров Л. Из истории церкви Николая Ратного в Печерском монастыре. Новь. Таллин. 1936. Там же помещена фотография звонницы после реставрации. Печерский монастырь. Зарисовка акад. Виноградова. Никольский храм со входа, с. 15 и фот. 13 на с. 25 — Малая звонница. Негативы реставрационных работ находятся у меня.

обветшавший, осевший угол крыльца и под него подвели новый хорошо процементированный фундамент, звонница была покрыта по древнему образцу, по рисунку, сохранившемуся на старинной иконе. Сломанные каменные ступени были восстановлены. Во время реставрации я распорядился спилить несколько посаженных близ крыльца и звонницы деревьев, что корнями разрушали фундамент, способствовали сырости и закрывали листвою архитектуру древнего памятника²³.

При реставрационных работах мной был произведен анализ древней, местами сохранившейся на звоннице штукатурки. Снежно-белая при разломе, но слегка розоватая, словно от примеси краски, она была необыкновенно чиста. Как оказалось, в нее была примешана розовая или красная глина, привезенная с реки Великой (выход ее наблюдается во многих местах. В юности я наблюдал выход шедших когда-то на краски и древние фрески — на «настенное письмо» — глины на берегу Великой под городом Островом на Коневьей Яме, где они выплывают вместе с выбивающимися из-под плиты подземными ключами, — это глины всех цветов, окраски изумительной — пурпуровые, красные, розовые, белые, зеленые, синие, серые и голубые). При исследовании оказалось, что исключительная по...

П. 22

...крепости и связанности с плитняковой стеной штукатурка приготовлена совершенно без примеси песка, в ней встречаются лишь крупинки розовой глины, похожей на толченый кирпич. Она связана рубленным льном. Известь была исключительно хорошо просеяна перед закладкой в ямы, хорошо промешана, очищена и сбита с нарубленным льном, из которого была выбита и высеяна кострика. Это был сухой, свернутый в веревки, ровно нарезанный лен. Штукатурка напоминала древний левкас для настенного письма (нужно отметить, что Никольская церковь была когда-то покрыта настенным письмом). Такой левкас давал стене прекрасную гладь [и] исключительно хорошо принимал побелку. Об этом я пишу потому, что считаю эти сведения важными для реставрационных работ. Сила, крепость такой штукатурки и связь ее со строительным материалом изумительна. При отсутствии песка, связанная льном, оштукатуренная стена реставрируемого памятника получает древнюю гладь и при неровности стен дает изумительные теневые тона, в то время как примешанный к извести цемент, хотя и хорошо связывает, но придает стене мертвый свинцовый тон, мертвит древний памятник, плохо принимает побелку, легко вбирает сырость и плитняк под цементом плохо дышит, под ним каменная стена начинает отпотевать.

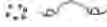
23. Через год монахи опять посадили деревья у самой звонницы.

Летом 1935 г. я продолжал археологическую разведку, сообщая М[инистерству] н[ародного] п[росвещения], отделу по охране памятников старины о сделанных открытиях. Тогда же были взяты под государственную охрану могильники, обнаруженные мною в 1928 г., и часовня на Б. Пачковке с древним иконостасом. Разрушения, происшедшие за годы отсутствия, меня поразили. Громадный могильник у деревни Верепково крестьяне на три четверти запахали, валуны с него были взяты рабочими на постройку дороги; по пути на Нейгаузен большие могильники под дер. Константиново, д[ер.] Серьга были распаханы, и все поле было покрыто выходом керамики, человеческими костями, углями. В монастырских подвалах я уже не нашел кованых фонарей 18 в. художественной работы местных кузнецов, ни громадных кружек и ларей для сбора меди во время крестных ходов, которые когда то возили на телегах. Исчезла и хранившаяся в библиотечных ящиках снятая с ветхих икон...

Л. 23

...старинная басма, лунообразные по[д]вески. Пропала книга Мисюрева с замечател[ь]ными киноварными буквами. Я видел, что эстонские ученые не обращают достаточного внимания на древности края, русская общественность погружена в свои дела и, если не приложить усилий, то в этом сонном омуте все медленно разрушится и погибнет. Отношение к древностям края было обычное. Местная интеллигенция не сделала ничего. В Печерах существовал жалкий музей, в нем с [19]28 г. лежало несколько медных монет; женский головной убор, вышитый золотом; бердыш и ученическая тетрадь с зарисовками наличников.

За это время мною был зарегистрирован ряд могильников и два больших каменных креста, поставленных у входа в часовню в д. Б. Мальцы, снятые с сильно покопанного могильника; каменный крест в часовне в М. Мильцах; крест в д. Гнилакино; крест в часовне, носящей название Ильи Сухой, что на Старой Псковской дороге. Я осмотрел распаханый могильник под д. Луки на хуторе Галино Поле, где владелец крестьянин Мурышки[н] во время пахоты на горке (где когда-то, по его словам, на могилах были целые скаты камней²⁴), зацепили плугом топор, браслет, гривну и трезубец — вещи из богатого воинского погребения. Тогда же мне удалось зарегистрировать находки каменного века неолитического периода — отшлифованные просверленные топоры — один из них был выкопан крестьянином Селезевым на поле близ имения Холохальня, другие были найдены около д. Зимний Борок в земле пустоши Манюково. Эти находки интересны в связи с тем, что в изданном в 1928 г. силами

24. Курганы Печерского края часто окружены кругом полевых валунов.

Тартусского университета сборнике «Сетумаа» говорится, что в Сетумаа находок каменного века сделано не было.

Я посетил Нарву, осмотрел малую церковь-однодневку, выстроенную, по преданию, в течение суток в одно время с крепостью в 1498 г.; Ивангородский крепостной собор, его утварь, иконы и колокола; Преображенский собор в городе, по[д] которым погребены убитые под Псковом немецкие рыцари; поле нарвского боя с братскими могилами Петровской гвардии я, отправившись...

П. 24

...вверх по Нарове, посетил деревню Омут, зарегистрировал там каменные кресты, получил сведения, что в Князь Селе три года тому назад крестьянами были найдены на Гриве два каменных топора; осмотрел могильники в Кондушах, в Скорятиной горе; изуродованную ремонтами церковь древнего погоста Ольгин Крест, ее иконы, колокола, заложенный в стену маленький каменный крест, по народному преданию оставленный княгиней Ольгой; осмотрел Сыронец, развалины крепости, поставленной в 1500 г. магистром Плетенбергом и узнал от рыбаков, что неподалеку от берега на дне озера лежит занесенная песком ладья, груженная каменными ядрами. Ее можно увидеть с лодки в тихие дни.

Летом, собирая материалы по топонимике в Печерском краю, я узнал, что в районе д. Митковиц[ы] в речной долине находится гора, которую крестьяне называют Городачек. 18 июня я осмотрел в Митковицах часовню. Оказалось, что она стоит на древнем христианском могильнике, от которого еще сохранилась плита с высеченным отверстием для каменного креста. В окрестностях я обнаружил еще три могильника; один за деревней — Могильницкие сосны, он же Рассадник, и два других при выезде из деревни, справа и слева от дороги — на земле Герасима Коновалова и на земле Михаила Сорокина. Я попросил крестьян указать мне Городачек²⁵. Они вывели меня за деревню и с проселочной дороги указали на него. Хорошо была видна срезанная с вершины, облаженная пахотой гора, занимающая прекрасное стратегическое положение в древней долине реки Митковки, что вытекает из Утицкого озера и течет долиной, впадающей в долину реки Пимжи. Это была естественная гора, которую человек легко мог превратить в укрепление. Я уже был знаком с тремя городищами; с Труворовым в Старом Изборске; с Городачем, что против Роговой горы, в двух километрах севернее деревни Сахново, по крестьянским преданиям самым древним...

25. Зуров А. Как был открыт древний город, носящий название Городачек. Новь. Таллин, 1936; эстонская таллинская газета «Раевaleht». № 257. 1935 г.

... местом Изборска, и с вспаханным Городищем с полуснесенным земляным валом в д. Городище на р. Пимже. Теперь Городачек! Не Городач — сторожевое укрепленное место, выгодное для набегов и сбора дани, а более теплое гнездо, место жизни людей, ушедших от больших путей в древнюю, покрытую лесами долину.

От стариков я узнал, что при их отцах и дедах в Городачке рос старый лес, на Городачек гоняли скот — поросшая лесом вершина была весьма неровна, покрыта ямами и бороздами, а посередине находилась впадина с глинистым дном, что хорошо держала воду и служила для скота водоемом; что распахали Городачек незадолго до войны [19]14 г., раньше его пахали только с подошвы. Но сохранилось ли предание, что на Городачке жили люди? Этого не сохранила народная память. Нет, всегда рос лес, обильно росший и по склонам долины.

Городачек входил в хутор новопоселенца Некрасова. С хозяином я отправился осматривать гору. Подъем был крут. Уже на половине подъема начала попадаться керамика — черепки черных горшков, носящих следы огня, глина которых была перемешана с крупной гверстою [Крупный песок. — Прим. ред.]. Часть земли с вершины Городачек была снесена бороною на склон. Это был культурный слой. Он был насыщен пеплом, углями, остатками перегоревших в огне камн[е]й. Около вершины я подобрал несколько костей, раздробленных рукой человека, и костяной наконечник стрелы. Когда я поднялся наверх, перед глазами открылась ровная площадь. Городище господствовало над всей древней долиной. Я поднял в одном месте дерн, чтобы посмотреть культурный слой. Он был глубок, насыщен углем, керамикой, раздробленными костями. Попалась и крупная рыба чешуя. Некрасов мне рассказал, что когда начали пахать Городачек, то находили в ямах уголь и конопляное семя, черепки разбитых горшков. Пахать было трудно из-за встречающихся камней. Все, что он нашел на поверхности Городачека, а именно — камни, осколки, черепки, он собрал и свез вниз — несколько возов, когда строил хлев. Все собранное он положил в фундамент новой постройки. Он добавил, что внизу, у подошвы, находится ключ хорошей питьевой воды, около которой он часто находит сплав, похожий на сгар, который валяется око-...

... до деревенских кузниц. Он показал мне также на мокрое место, находящееся у подошвы, по-видимому, заболоченное озеро, в котором он вырыл мочилы для льна. В этом месте вода не усыхает в самые знойные дни.

О своем открытии я написал директору отдела по охране памятников старины г. Неню, которому я сообщил о ходе реставрационных работ и о заре-

гистрированных мною древностях. Я еще раз посетил Городачек в июле. Он был вспахан. Сын Некрасова собрал большое количество керамики и костей, причем некоторые из них носили следы обработки. Он передал мне большое глиняное пряслице с интересным орнаментом и железный обломок долота. Вспаханная земля показала идущий по краю Городищенской площадки пояс очагов. Вот из них Некрасов и брал камни для постройки. Около одного из очагов я нашел каменное точило и сломанную кость, оттраненную рукой человека. По середине Городачека находилось сырое место — мокрая глина.

Весь подъемный материал я отправил в Археологический кабинет. Перед отъездом, в Таллине я узнал из газеты «Раевaleht» [«Räevaleht»]. — Прим. ред.], [№] 257, 1935 г., что в уезде был командирован магистр О. [Эрик. — Прим. ред.] Лайд, который заявил, что в центре Печерского края найден город с большими и весьма интересными постройками, город древнее Изборска, который в свое время был общи[r]ным и пышным. Возможно, сказал он, что вновь открытый город путем раскопок прольет свет на давний спорный вопрос: был ли Печерский край в железный век населен эстами или славянскими племенами. Обстоятельства не позволили мне заехать в Тарту. Самое удивительное было то, что хотя Городачек и был взят под охрану, раскопок сделано не было. Очевидно, подъемный материал убедил молодых националистически настроенных ученых, что Городачек был населен славянами. Во всяком случае, хотя Городачек и зарегистрировали, но, словно не замечая, позволяли Некрасову его распахивать. Я видел, как тот запахивал древний город и боронил его в 1937 г., уничтожая очаги, снося перемешанный боровой культурный слой на склоны. По определению д-ра Розова, раздробленные кости, найденные в очагах, принадлежали медведям, лосям и крупным глухарям.

П. 27

Все сведения об открытых мной древностях, как и все найденные на территории уезда вещи из погребений — шейную гривну с бубенцами, браслет, бусы, два арабских диргема, перстень, два железных боевых топора, наконечник копья и скованный в виде бутона розы трезубец, очевидно, служивший магическим завершением знамени или бунчука, я сдал Археологическому кабинету. Вернувшись во Францию, я начал поход во имя спасения культурных ценностей Печерского и Изборского края. Это было трудное дело. Мало кто понимал необходимость работы. Я связался с Археологическим институтом им. Кондакова (Прага), послал туда подробную опись древностей Печерского края и вещей, хранящихся в ризнице монастыря, описание храмов, библиотеки, архива, как и перечень интересных для исследования древностей Нарвы, Принаровья и Обозерья и предложил совместно работать в

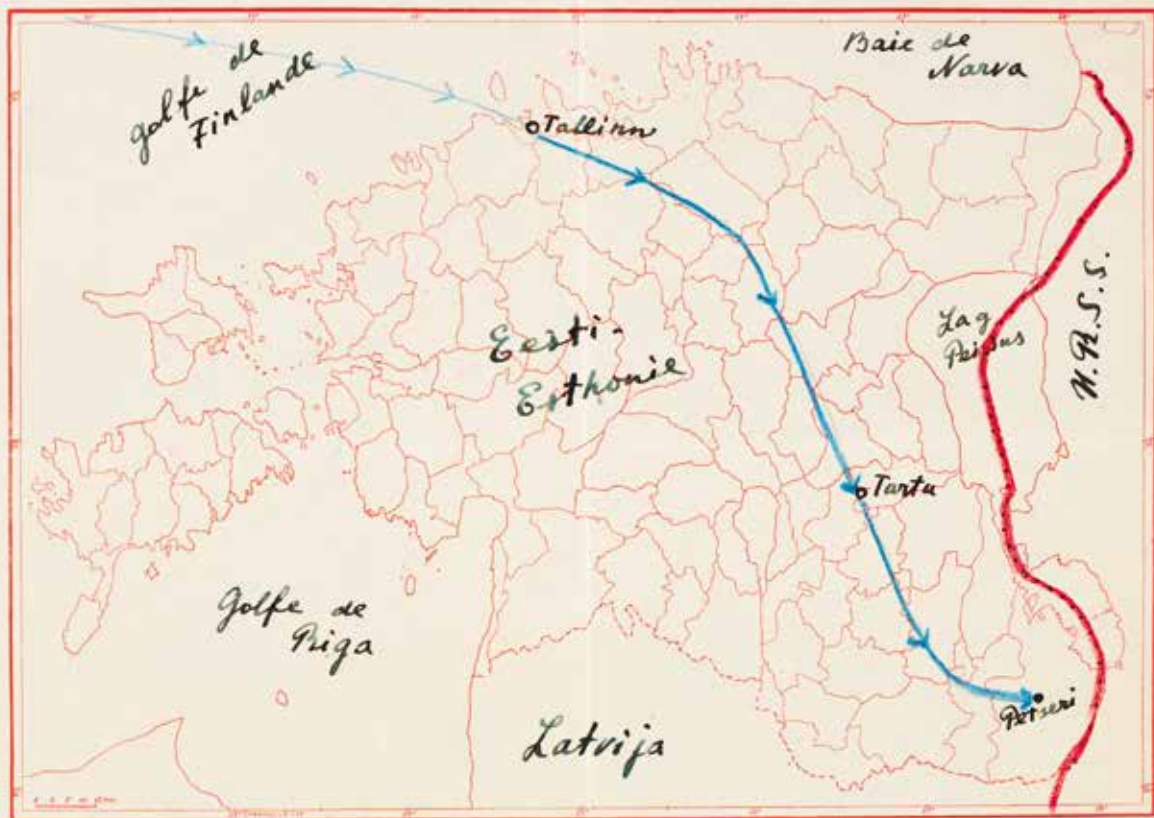
Эстонии. Я связался с доцентом Базельского университета — д-ром Э. Маалер (ученицей проф. Ростовцева), читавшей этнографию в Лозанском университете, и сообщил ей о песенных богатствах Печерского края. Мне пришлось употребить много усилий, преодолеть большие затруднения, 1936 г. был потерян, но все же в 1937 г. в Сетумаа была проведена экспедиционная работа. В ней приняли участие три группы, имевшие каждая свое самостоятельное задание. Пражская группа Археологического института им. акад. Кондакова в составе д-ра Н. Андреева, доктора Карлова университета (Прага), И. Н. Окуневой, специалист[а] по технике, иконописи и народному искусству и технического сотрудника-фотографа Дедича, была послана для обследования церковных древностей. Доцент Базельского университета Э. Э. Маалер (ныне проф. у[ниверсите]та) вела полевою работу произв-...

П. 28

...одя фонографическую запись народных песен. Парижская группа, посланная Министерством народного просвещения (Mission du Ministère de l'Éducation Nationale en Esthonie 1937) в составе студента Этнологического института Бориса Вильде и Леонида Зурова, вела работу по этнографии и археологии.

Я давно был знаком с Борисом Владимировичем Вильде. Он состоял членом Объединения русских писателей и поэтов во Франции. В 1937–[19]39 гг. я был председателем этой организации. В 1936 г. на квартире у нашего общего друга, поэта Ю. Мандельштама²⁶, я заинтересовал Вильде работой в Печерском краю, — и он загорелся, чрезвычайно горячо взялся за дело, решив начать обследование древнего края. Он поступил студентом в Этнологический институт, познакомил с нашим проектом доктора Риве, составил рапорт о необходимости этнографического и археологического обследования края и начал энергичные хлопоты для получения официальной миссии в Прибалтику. Вместе мы слушали лекции по археологии, занимались по советским учебникам археологической и этнографической разведкой. Я вел подготовительную работу в библиотеке Славянского института, знакомясь с опубликованными археологич[ескими] и этнографическими работами, относящимися к северу, северо-западу СССР — знакомился с древнейшей историей Псковской, Новгородской и Олонецкой земель, с историей Прибалтики — финнов, латышей и эстов. Вместе с Вильде мы штудировали научные работы, опубликованные Тартуским университетом на эстонском языке. Эстонский язык Вильде знал отлично. Наша миссия была одобрена доктором Риве и утверждена, но трудно было получить деньги от Мини-

26. Поэт и литературный критик Ю. Мандельштам. Арестован гестапо. Погиб в немецком лагере [в Явожно, филиале концлагеря Освенцима, в 1943 г. — Прим. ред.].

„Postimehe“ trükk, Tartus

AKADEMILISE EMAKEELE SELTSI KIRJASTUS, 1933

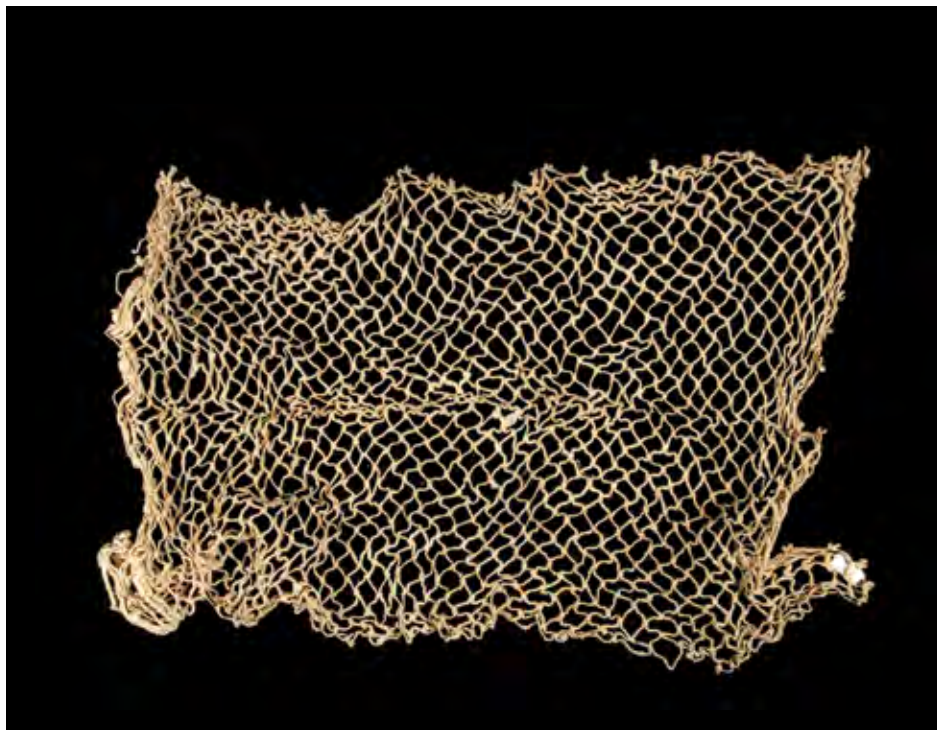
№1.

Контурная карта Эстонской Республики, опубликованная Академическим обществом родного языка (Тарту, 1933). Синяя линия обозначает маршрут из города Таллина (Tallinn) в город Печоры (Petseri). 1937 г. MNHN-2AM1M1F. ■ НМЭИ, Центральная библиотека

стер[ства] народ[ного] п[росвещения]. Заняв небольшую сумму денег у знакомых, я спешно выехал вперед в Эстонию, чтобы поспеть к Иванову дню, а также для того, чтобы встретить в Печерах научных работников из Швейцарии и Чехословакии. Вильде остался хлопотать в Париже. «Здесь, конечно, все еще приходится ждать, — писал он мне 29.6.37...

л. 29

...— мне так осточертела вся эта беготня по министерствам. Надеюсь, что смогу все же поехать дней через десять, но вряд ли раньше. Сообщите, как подвигается Ваша работа». А работы было много. Мне пришлось встретить пражских и базельских экспедиционных работников, устроить их на жительство в Печерах, познакомить с местными условиями, окрестностями, ввести их в работу, наладить на квартире моего друга доктора Розова фотографическую лабораторию. Надо было снимать сетские праздники. А денег было

Игла для плетения сети и образец сети из русской рыбацкой деревни Будовищи.

Экспедиции Л. Зурова. 1938 г. Кол. MNHN 1938-170-291, 288
(передана в МЦЕиС). Фотографии МЦЕиС. ■ МЦЕиС

мало. Приходилось экономить во всем. 5-го июля Вильде из Парижа писал: «Дорогой Леонид Федорович, я еще не получил денег из Министерства, но Институт (Этнологический) выдал мне аванс и я выезжаю в Эстонию. Назначаю Вам свидание в Юрьеве в понедельник 12 июля в 10 часов утра у моей матушки».

Приехав, он отправился со мной на разведку: Кошеляха [Кошелки. — Прим. ред.] — Лезги — берег Псковск[ого] озера. Его интересовало рыболовство, зимний лов подо льдом сетями, рыбацья артель. Он делал этнографические заметки в пути. После наших разговоров со старым рыбаком Терентием из деревни Киленец Вильде решил сюда приехать зимой для изучения рыболовного дела. Он мечтал поработать у Терентия, вместе с ним походить на зимнюю ловлю, чтобы потом написать книгу о псковских рыбаках. Вместе с Вильде мы обнаружили и священный дуб в сетской деревне Горущка. Вместе

с ним осмотрели и священный камень «с ангельским следком» на острове Семск. Потом Вильде повел работу в сетских деревнях под Печерами и в сетских районах Верхоустья. Я знаю, что он начал составлять сетский словарь, записывал сетский фольклор от старух и говорил, мне, что записал сетскую свадьбу и погребальный обряд. В это время я вел работу под Изборском и у берегов Псковского озера. 23-го июня, еще до приезда Вильде, я произвел этнографическое обследование в Иванов день в рай-...

Л. 29 а

...оне д. Макси [Меекси. — Прим. ред.], в 22-х километрах от Печер, где происходило паломничество местного населения к Иванову камню, записал ночное игрище сетов в Иванову ночь — гуляние у костров, а утром 24-го заснял поклонение Иванову камню, омовение в Священном ключе, приношение камню жертв; в июне заснял Печерский базар — приехавших на торг с кустарными и гончарными изделиями сетов, собрал сведения о находящемся неподалеку от монастыря Титовом камне, поклонения которому сравнительно недавно прекратились; 16 июля в Ильинскую пятницу фотографировал тризны в погосте Зачернье [Зачеренье. — Прим. ред.]. Мною была произведена археологическая разведка: Сенно — Коломна — Виски — Летний Борок — Лесицк — Калки — Печки — Анохова губа. Было зарегистрировано два могильника в д. Сенно; могильник в Коломне; распаханые курганы в Висках; могильник в Б. Калках; было выяснено, что деревня Большие Видовичи наполовину стоит на древнем могильнике, от которого сохранились каменные кресты; был зарегистрирован каменный крест на Калоцком могильнике в огороде; крест на берегу Калоцкого озера; могильник близ д. Усадище, у дороги Видовичи — Варапаново; два креста близ Малов на Соколовом Поле; могильник за деревней Гнилкино; выход культурного слоя в обресе дороги у д. Калки; поселение на песчаной приозерной террасе около д. Анодово [Анохово. — Прим. ред.]; могильник в Печках...

Л. 29 б

...на котором поставлена школа; два городка в д. Печки (Б. Городец и М. Городец); священный ключ в д. Печках, водой которого когда-то лечились женщины от глазных болезней; древнее поселение на первой надлужной террасе ручья Обчина; могильник на хуторе Григория Крайнего в Печках; распаханый могильник на хуторе Ивана Кабатчиково и там же, неподалеку от распаханного кургана, на земле крестьянина Веткина, древнее поселение, где найдено много керамики и каменных просверленных грузил от рыбачьих сетей, где Веткин выпахивал бревна срубов. По рассказам Веткина, на этом месте был найден серебряный клад (Печки Большие. При пахании найдено один фунт целых и разломанных арабских диргемов. См.: Труды Псков. арх. о-ва. 1913–1914 гг. Вып. 109. С. 245).

Была произведена разведка и запись топонимики в районе Митковицы — Вашина Гора — Рогова Гора — Малы. Обнаружен выход керамики на склоне Милаши Горы, что напротив Митковицкого Городачека. Обнаружен выход железного шлака — место древней кузницы у подошвы Городачека. В сосновом лесу у мельничного моста близ реки Обдехи была обнаружена группа круглых и овальных, сильно покопанных курганов.

Произведена разведка — Кошеляхи — Лезги — Соха — М. и Б. Гверстонь — Новая Деревня — Молочково — Кривск (берег Псковского озера) — Литовижи — Пески — Зимний борок — Слудицы — Киленец — Моложва. Разведка велась по р. Обдехе²⁷. Не доходя до д. Лезги на левой наддуговой террасе, на песчаном открытом ветру плато мною было обнаружено большое древнее поселение. По краю плато и по его склонам отчетливо видны были угольные пятна, зольные кучи, выход культурного слоя с большим содержанием рассыпающейся керамики, обожженных костей и распадающихся в гверсту очажных камней. Керамика, рассеянная по всей террасе, видна была и на дороге, ведущей берегом в д. Лезги. На одном уровне с древним поселением шли группы круглых, насыпанных из песка курганов, дерновый слой, с которых был снесен при вспашке. На склонах курганов видны были пережженные кости, угли и толстые черепки горшков. Рядом в молодом сосновом лесу была обнаружена группа курганов, круглых и длинных, из кот-...

Л. 30

...орых три были перекопаны кладоискателями, а на заброшенном пахотном поле за лесом третья группа, запаханных, близких к полному уничтожению. Четвертую группу я обнаружил в лесу, принадлежавшему крестьянину Дубровскому. Здесь среди древних насыпей встречались и христианские погребения с разбитыми крестами. Несомненно, в древности эти курганы были связаны с приречным поселением и находящимся недалеко Городищем.

Во время разведки в д. Горушка на Сетском хуторе мы с Б. Вильде зарегистрировали священный дуб, почитаемый полуверцами, в дупло которого они ставят заболевших овец. По берегу р. Обдехи в нескольких местах у дороги, ведущей на Мишину мельницу, я обнаружил выход тяжелой и крупной черной керамики, носящей следы смолы (здесь, очевидно, в старину работали смолокуры); сильно испорченные кладоискателями курганы в Сеннском Бору у д. Соха; выход керамики у хутора Паса; сильно перекопанные могильники меж деревнями Б. и М. Гверстонь. В районе д. Кривска я вышел на берег Псковского озера и повел разведку берегом, опрашивая

27. Борис Вильде сопровождал меня во время этой археологической разведки.

рыбаков, собирая сведения по топонимике. Я зарегистрировал могильник в д. Кривск, который наполовину уже отмыт озером. Был найден культурный слой на горе Лутовице, погребение меж Кривском и Литовижами, а в Кривском берегу обнаружен толстый культурный слой — из него выпался горелый хлеб, житный колос, обломки керамики и просверленные каменные грузила. Были зарегистрированы два Городца — Кривский и Литовижский; приобретен найденный на Кривском поле крестьянином Бобровым каменный топор; обнаружено два могильника в Слудицах (один на береговом обрыве частью обрушился в озеро); испорченный кладонскателями могильник в Моложве; в местности Бродневка в песках обнаружен обильный выход керамики и пережженных костей. Были найдены длинные, испорченные кладонскателями курганы по дороге с Заречья на Зимний Борок на земле Хохлачева. На острове Семск я с Б. Вильде осмотрел священный камень псковских рыбаков с выбитым на нем «ангельским следком» — следком пятилетнего ребенка и получил сведения от рыбака Дедова²⁸, что на острове Семске в старину из берега выпадали каменные молотки.

Л. 31

Была произведена разведка: Кильск — Колосовка — Велье — озеро Любенец — Косыгина гора — Петровское — Чихачи — озеро Лиховидо — Котья Гора — озеро Луковое — озеро Могильно — Ползохново — Бор-Бельково — Завиденский Мох. В районе Кильск — Колосовка обнаружено семь могильников (Пыжовский, Осипов, Козловский, Кузьмина, Колосовский и два Масловских). Был зарегистрирован перекопанный могильник в д. Велье, два распаханых могильника на хуторе Паса; группа круглых и удлиненных курганов, тронутых кладонскателями, у озера Любенец справа и слева по дороге, ведущей к д. Косыгино; шесть длинных курганов с выходом сожженных костей, раскопанных кладонскателями на Косыгиной горе; перекопанные курганы в Петровском; могильники меж Косыгиным и Петровским; древнее поселение под Косыгиным с обильным выходом керамики, под названием «Петунова Нива»; группа круглых курганов за рекой против хутора Ямища; большой одиночный курган в лесу у озера Любенец; была зарегистрирована старинная осиновая долбленая дубица, поднятая владельцем хутора Котья Гора со дна озера Лиховидо; запаханный курган на Котьей Горе; четыре раскопанных кургана, с выходом сожжения в лесу под Михалевым; камень с жертвенником (маленьким углублением) под названием «Божий следок», которому пастухи приносят жертвы ягодами и цветами; курган на Луковой горе; пять курганов на берегу реки Кудепь. Получены сведения,

28. Проживал в д. Киленец.

что озеро Могильно народ в старину считал священным. Зарегистрировано два древних поселения под дер. Ползохново; обследованы могильники в Бор-Бельково, сильно подкопанные. В Завиденских Мхах были обследованы Никандровы Горки.

Была произведена разведка: Верхоустье — Кулье — Шартово — Медли — Колпино — Лютовский лес и дорога, ведущая на Большую Тросну. В Верхоустинской церкви я осмотрел колокола, архив и зарегистрировал в лесу сетский могильник с поставленными стоймя камнями, большим деревянным срубом и посаженными внутри его деревьями. Была обнаружена группа курганов на освобожденном от леса поле по дороге к д. Подмогилицы и вторая группа на земле Карусаара; зарегистрированы каменные кресты на кладбище д. Подмогилицы; в селе Кулье у пере-...

П. 32

...воза на берегу озера обнаружен священный камень «Большой», с вырубленной купелью, в корытце которой женщины в старину мыли больных детей; открыт Кулейский Городец. На острове Колпино была собрана топонимика, обнаружен курган на возвышенности Печище, могильник в д. Медли, могильник в д. Шартово, на котором стоит часовня. На ладье мы²⁹ переплыли через Колпинскую реку и повели разведку, начиная от д. Клавшино. Там был обнаружен очень большой, но на три четверти уже разбитый могильник, на котором построены хутора. Он состоит из длинных и круглых курганов. Большая группа длинных и овальных курганов мною была найдена в Лютовском лесу справа и слева от дороги, ведущей из Клавшина на Лыбовку. Была обнаружена вторая, значительная, прекрасно сохранившаяся группа курганов, длинных, овальных и круглых, в том же Лютовском лесу, неподалеку от хутора лесника Экса, среди них найдены круглые курганы, связанные перемычкой и длинные с утолщением в центральной своей части. Потом я обнаружил прекрасно сохранившуюся третью большую группу длинных и овальных курганов в лесу справа и слева от дороги, ведущей от хутора лесника на Лыбовку. В Любницах найден распаханный могильник на земле Шорохова, большой курган под названием Могилы, у подножья которого в старину происходили гулянья молодежи. Обнаружен Любницкий Городец и обильный выход керамики по берегу озера меж дд. Башкирово и Авдеево. Найдена четвертая группа курганов по дороге, ведущей на Б. Тросну в том же Лютовском лесу — длинных, круглых и овальных с сильно выраженными рвами, но до такой степени заросших молодым сосновым лесом, что обмерить их было очень трудно. Был найден справа от дороги на Б. Тросну одиночный курган, перерезан-

29. Меня сопровождал студент-математик Юрьевского университета С. [Е.] Розов.

ный дорогой, а дальше по дороге на Тросну, на боровом поселке — пятая большая курганная группа, весьма замечательная по своей значительности и сохранности. Один из длинных курганов этой группы простирается в длину на 95 метров.

В этом году я собирал сведения, относящиеся к почитанию священных камней, деревьев, ключей.

Л. 33

Летом мне удалось отстоять Изборскую часовню Флора и Лавра, которую дорожный департамент приказал жителям Изборска разрушить. Как выяснилось при обследовании, она была поставлена в Изборске на могильнике в 1480 г. в память безуспешной осады крепости магистром Ливонского ордена фон дер Борхом. В память избавления от страшного врага изборяне построили на том месте, где стояли немецкие пушки, часовню в честь Флора и Лавра, в день памяти которых 18-го августа 1480 г. Изборск обложило немецкое войско. Часовня стояла около дороги второго класса, и уездная управа попросила ее срыть. Я связался с отделом по охране памятников старины, и так как мною было доказано, что часовня находится на древнем могильнике, поставлена на громадных каменных, могильных плитах, а внутри ее стоят четыре каменных креста (на одном из них сохранилась надпись: «поставлен на рабе Божьем Степане»), часовня, к радости изборян, была взята под охрану.

Все сведения об открытых поселениях, городцах, камнях, курганах, были мною переданы археологическому кабинету Тартуского университета. Туда же был сдан и весь подъемный материал — 52 пакета и каменный топор из Кривска.

Пражская группа Археологического института имени академика Кондакова в 1937 г. обследовала церковные древности — храмы и ризницу Печерского монастыря (плащаницы, вклады Грозного, облачения, митры, иконы), рукописную библиотеку, монастырский архив, древности изборских погостов и часовен, иконы 16 в., хранящиеся в Нарве и в старообрядческом посаде Черном. Профессор Базельского университета Э. Э. Малер записала 300 песенных текстов, не считая свадебных. Ею были произведены интересные лингвистические записи. Кроме того, она заполнила свыше 90 валиков фонографической записью русских песен.

Экспедиционная работа 1937 г. не прошла даром. Дело было начато. Весной 1938 г. на восточных окраинах Эстонии продолжалось обследование. Проф. Э. Э. Малер — результаты ее работ, песенное обилие Печерского края, ряд прочитанных лекций, серьезно заинтересовали университетские круги Швейцарии — продолжала фонографическую запись песен, изучение обрядов. Д-р Андреев вел работу в монастырском архиве. Я же, получив

миссию от французского Министерства народного просвещения, с бумагами, полученными от Музея человека (Трокадеро) и от Эстонского посольства, выехал для продолжения этнологической разведки³⁰. К сожалению, ассигновка, как и в 1937 г., не была получена вовремя и, если бы проф. П. Н. Милуков, заинтересованный моей работой, собравший для ее продолжения 4500 франков, не пришел мне на помощь, то я бы не смог выехать весною в Эстонию.

Л. 33 а

13-го июня 1938 г. я выехал из Парижа. Благодаря моральному содействию Музея человека, французского Консула в Таллине (Эстония), Министерства народного просвещения Эстонской Республики, Археологического кабинета Тартусского университета и Отдела по охране памятников старины (при Мин[истерстве] народ[ного] просв[ещения] Эстонск[ой] Республики) я произвел этнографическое и археологическое обследование в Сетума³¹ (с 21 июня по 20 сентября 1938 г.).

По приезде в Эстонию, выполняя поручение, данное мне директором Преистории [Первобытной истории. — Прим. ред.] господином Келлей [Келли. — Прим. ред.], я посетил директора Археологического кабинета Тартуского университета профессора Моора и передал ему желание господина Келлей относительно обмена экспонатами и коллекциями. Профессор Моор просил меня сообщить Музею человека, что Археологическому кабинету в Эстонии крайне желательно вступить в переписку с господином Келлеем для обмена коллекциями, муляжами, фотографиями и литературой. Профессор Моор просил сообщить ему, какое место может отвести Музей человека для эстонской археологии. Он обещал выслать Музею человека карты археологических находок в Эстонии, фотографии раскопок. Он заявил, что и Археологическому кабинету было бы крайне интересно получить от Музея человека типичные классические коллекции позднего неолита и кельтские типы, имеющие общий интерес, которые могли бы служить для преподавания. Также профес. Моор обещал впоследствии выслать Музею человека пробы земли.

В Печерский край я попал вовремя, успел придти...

30. [Ссылка отсутствует. Крест, отмечающий ссылку в тексте, поставлен на с. 33, но на ней самой ссылки нет; есть крест в ссылочном подстрочнике на с. 33а, но за ним нет текста. То же со ссылкой, которой отмечено слово «вовремя» в последнем предложении на л. 33а. — Прим. ред.].

31. В 1938 г. Борис Вильде отбывал воинскую повинность. Летом он получил миссию [Направление в экспедицию. — Прим. ред.] от Министерства народного просвещения в Финляндию для связи с научными институтами и закупки коллекций для Музея человека. Осенью он заехал ко мне в Печеры.

...в д. Мекси 24 июня в Иванов день и заснять поклонение священному камню, лечение взрослых и детей, омовение в священном ключе. Я произвел многочисленные записи, сфотографировал женские эротические пляски и старуху, руководительницу женского праздника, символизирующую плодородие, гусяров, эротические пляски русских женщин 25-го в дер. Кувшиново; в районе Яноя, Николакуус и Кувшинова обнаружил большой курган, типа новгородских сопок, которых совершенно не встречал под Изборском и в Обозерье; около дер. Пельси зарегистрировал древний жертвенный камень, на котором сто лет тому назад сету резали баранов.

Я заснял сетскую свадьбу в районе д. Поталово — свадебный поезд, женский хор, свадебного кузнеца и принесение жертв шерстью камню Аннакиви в д. Сульми. Я производил регистрацию священных камней, источников...

...и деревьев, собирая коллекцию свадебных полотенец и домотканины для Музея Трокадеро, регистрировал стариков, знающих песни, собирал сведения о растительных красках. Крестьянская молодежь и старики мне помогали. Среди них я чувствовал себя родным. Предчувствие собирающейся грозы заставляло меня торопиться. За весну и лето я сделал 600 километров пешком и произвел этнографическое и археологическое обследование в следующих районах:

Бельско — Мекси — Кувшиново. Верепково — Красный Бор. Залесье — Рачево — озеро Боровенское — Поталово — Паниковичи — Сульми — Воронкино — Лаптево — Веселкино — Дятлево — Рагозино — Гончарово — Горланово — Богомолово.

Городище — Заходы. Круп — Исад — Киленец — Рожитец — Каменка — Мудово — Сельцы — Будовижи — Лисья — Красная Гора — Мартышово — Киршино — Замошье — Кулье. Лавры — Щемерицы — Столбово — Кикуты — Никольское — Любятово — Ботвино — Скачки — Борисово — Мильдино — Захарово — Горушка — Ломаново — Литвиново — Бухалово — Капино. Деревня Выморск при впадении реки Белки в реку Пимжу.

Были зарегистрированы запаханые могильники в д. Мегузицы против Иванова камня и за часовней; курганы по дороге из Мегузиц на Кувшиново; могильники в Кувшинове; в д. Пельси; могильники в Лавровском краю — большей частью разоренные: в Лаврах, в д. Федосы, в д. Бобренки; три могильника в д. Никольское и четыре могильника на земле В. Кольцова; распаханый Кушеловский могильник на хуторе Осиных; запаханый могильник на хуторе Антона Кольцова; сильно покопанный

Русский старик-крестьянин. Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF 008043. ■ МНБ

Старик-крестьянин сето. Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF 016886. ■ МНБ

под названием «Мертвячья гора» в д. Любятово; сильно покопанные в д. Борисовка; запаханный в д. Мильдино; запаханный под названием «Солдатская горка» в д. Горушки; покопанный в д. Скачки Полевые; на холме Теракалы; в д. Литвине; запаханный в д. Бухалове и запаханный в д. Кашино.

Обнаружены были длинные курганы в Красном Бору; могильник в д. Кробсково на Савкиной Пустоши в хуторе Поверенных; в д. Бельско; в д. Рагозино и у Пальцовской часовни, что у Долгого моста.

л. 36

Могильники на хуторе Марково: в д. Наталкино; в д. Заболотье, в д. Черемново, д. Дятлово, д. Русский Бор; могильники у Боровенского озера; в д. Лаптева; у озера Кучино; в д. Кушиново; в д. Тивиково, в д. Б. Пачковка; М. Пачковка; Давыдов Конец; Затрубье.

Была открыта курганная группа вблизи гор. Печер на реке Пачковке, носящая название «Литовские могилы», — длинные и круглые курганы, испорченные кладоискателями и два древних поселения; одно из них по берегу Пачковки между купальней и лесом с обильным выходом керамики, а другое у лютеранского кладбища.

Были обнаружены разбитые ветром длинные и круглые курганы в д. Городище; длинные и круглые курганы в д. Заходы; три группы курганов у озера Тиглицы (на возвышенности в сосновом лесу группа круглых и удлиненных курганов, вторая — у дороги, ведущей в Моложву, и третья распаханная группа в ржаном поле); могильники в д. Моложве, три могильника в д. Исад (один из них почти целиком обрушился в озеро), два могильника в д. Рожитец; длинные, распаханые курганы у д. Рожитец на поле, называемом «Ратовье»; обширное древнее поселение между д. Каменкой и д. Мудово по берегу Псковского озера в разметанных ветром песках; группа длинных курганов между д. Каменкой и д. Мудово на высоком берегу; могильник в д. М. Сельцы; два могильника в д. Будовиж; «Чудские могильники» и «Могильское поле» в д. Лисья и могильник на Мартышевой горе.

Две группы круглых и удлиненных курганов в д. Выморск при впадении р. Белки в р. Пижму [Пимжу. — Прим. ред.].

Для Музея Трокандеро было собрано несколько коллекций. Из них я отмечу исключительно интересную, единственную в З[ападной] Европе, коллекцию старинных льняных свадебных полотенец, вышитых большим узором, имевшим магическое значение, передававшимся по традиции из поколения в поколение. Среди них имеются исключительно ценные экземпляры свадебных и образных, наследственных, вышитых, как говорят крестьянки: «...со знаками, по старинному, по прежнему, по толстому точиву, русскими кумачевыми

нитками, узором, который брали с других старинных вышитых полотенец, не меняя ничего». Среди них: «Дуб» и «Боговик» — «образник»,...

П. 37

...на Бога вышит, которым покрывали глаза, когда человек умрет» и полотенце с «Бабами», с «Конями», «с узорами, снятыми с такого же рисунка, только со старого, которые вешали только по большим праздникам на божницу и во время свадьбы, когда молодые сядут за стол, их сажали под ними — там Боги иконные. Раньше в старину их раздавали при поминках нищим или по обету вешали на иконы, когда они ходили по деревням, после смерти стариков отдавали батюшкам, а теперь при церквях старухи жертвуют такие старые полотенца на Бога».

Интересно, что полотенце с такими узорами я не встречал у соседящих с русскими женщин племени сету. У них они уже покрыты новыми геометрическими и растительными узорами, растительным же модным узором вышиты рукава сетских белых рубах и головные повязки. Я расспрашивал старых сеток, показывая им русские полотенца. Они отвечали, что узор этот русский, а у них, у сеток, со старины есть свой узор.

Главная вышивка на печерских полотенцах — это «Баба», как называют ее старухи — женская фигура с воздетыми к небу руками. На печерских полотенцах «Бабу» сопровождают конные всадники с поднятыми руками.

На печерских полотенцах женская фигура держит руки, поднятые вверх в жесте адорации, причем в руках держит птиц или расцветающие ветви. Иногда ее руки опущены в жесте покровы или благословения, иногда богиня превращается в расцветающее дерево, ветви которого становятся головами коньков. Академик Ростовцев писал, что изображение женского божества с конными всадниками по сторонам было божеством придунайских славян.

П. 37 а

Я считаю, что коллекция эта представляет не только высокую художественную ценность, как образец русского народного искусства, но и является исключительно ценной для европейских и американских ученых, так как на этих свадебных и образных полотенцах до нас дошли традиционно передававшиеся из рода в род магические и охранительные знаки глубочайшей древности, которые уходят в общее для народов Европы индоевропейское религиозное прошлое. Эти полотенца были связаны в крестьянском быту с религиозным культом. Они играли громадную роль при проходах, при благословениях, на свадьбах и на похоронах (это на них несли гроб). Это на них подносили хлеб-соль. В старину их жертвовали, как мне удалось точно установить, на священные колодцы, одаривали ими дубы. В христианское время их вешали на иконы, но возможно, высказываю я предположение,

в глубочайшей древности это они были крестьянской иконой, языческими образами с вышитыми на них изображениями божеств. (Вспомним византийскую икону Нерукотворного Спаса, запечатленную на полотенце). Малым, покрытым священными знаками полотенцем крестьянин утирал лицо. На малых полотенцах несли дорожную заплечную торбу. Это полотенце подавали гостю, когда он садился за стол. Большие Боговики висели в красном углу — Большое Богово, — как это я видел в рыбац[ьей] избе, покрывает божницу, а два других Боговика, в общем составляя Троицу, висят по сторонам. Вспомним, что и языческая славянская божница в Штеттине была покрыта (ее стены) изображениями птиц, людей и деревьев. Старинная русская изба в древности была тоже покрыта резьбой — и не просто резьбой, а, как я это видел в Островском уезде (в древнем Вышгороде), теми же знаками, что мы видим и на полотенцах. От конька крыши спускалось деревянное резное «полотенце». Наличники на окнах были охранными знаками. В связи с этим особенный интерес для нас представляют наружные украшения, что сохранились на Дмитриевском соборе во Владимире. Я считаю, что и они имеют общее с северным русским полотенцем родословие, а возможно, они родственны резьбе и рисункам, когда-то начертанным на стенах языческого штеттинского...

П. 37 б

...храма. В 1937–[19]38 гг. мне посчастливилось зарегистрировать в Печерском краю дохристианские пережитки, сохранившиеся в религиозных верованиях сетских и русских крестьян печерского уезда; мне не только удалось собрать тогда большой материал о почитании камней, источников и деревьев, но и лично присутствовать при поклонении Камню в Иванов день, при омовениях в священном ключе. Я видел, как дарят пояса печерскому священному дубу. Из новгородской летописи мы знаем, что крестьяне псковской области (как и древнее население Галлии) обожествляли воды, камни, дубы. Изумительно, что остатки древнейшего культа сохранились в Европе до наших дней. Собранная коллекция имеет прямое отношение к древнему культу. В печерском краю, по показаниям стариков, такие же полотенца оставляли на кустах у священных ключей после омовения, дарили нищим и вешали на дубы. Как и в древней Галлии, культ дуба был распространен среди славян. В коллекции, которую я собрал, регистрируя места бывших языческих поклонений, имеется одно и со священным дубом — великим деревом жизни. Особенную же ценность для ученых всего мира представляет вышитое на полотенцах изображение Великой Богини Матери с поднятыми в жесте адорации руками. Известный московский археолог профес. Городцев, сопоставляя мотивы вышивок на свадебных полотенцах, с изображениями, найденными в скифских погребениях, видит в этих вышивках важный материал

для изучения происхождения восточных славян. Отыскивая аналогии, он справедливо отождествляет женскую фигуру со скифским женским божеством Анагитой³² — Великой Матерью, изображение которой мы встречаем в глубочайшей древности. Академик Ростовцев, подробно выяснивший значение у скифов культа великого женского божества, отождествляет Анагиту с Афродитой, Уранией, Астартой. Таким образом, считаем мы, раскрывается родство «Бабы», вышитой на печерских полотенцах, с Великой Матерью — богиней Иштар — великим божеством Сумерии. И та предстоит в тиаре с воздетыми к небу руками. Действительно, спросим мы, не является ли «Баба» печерских свадебных полотенцев древнейшим божеством, которому поклонялись когда-то и предки псковских и...

л. 38

...новгородских кривичей, не является ли она многоликим божеством, родственным не только малоазиатской Анагите, но чтимой скифами и черноморскими греками грозной Артемиде Скифской или Таврической, древней праславянской богиней, чей вышитый на белом льне красными нитями двухсторонний образ сохранился до наших дней на божничных полотенцах. Не она ли была сестрою Иштар, богини плодородия древней Сумерии, облаченной божественными покровами, лучами светлого месяца. Ведь и та держит в руках процветающие царские скипетры. «Иштар в великой тиаре, с ожерельями на шее, с поясом на чреслах, с камнями плодородия» (отмечу, что «на бабьем празднике» в Мегузинах [Мегузицах], у старухи, руко[во]дительницы праздника, за пояс были заткнуты ржаные колосья, а к поясу привязан мешок с камнями и сухарями — камни она раздавала празднующим женщинам, а сухари передавала им изо рта в рот). Небесная владычица Иштар была облечена в священные убрания: золотые щиты украшали ее грудь. (Отмечу, что сетские девушки печерского края до 1938 г. носили на груди большие серебряные щиты.) О Иштар сказано: «Восходя к небу, она воздела руки к высокому солнцу». Такова и «Баба», с руками, поднятыми в жесте адорации, в тиаре с расцветающими жезлами в руках, вышитая на печерских полотенцах. (Не плач ли Богини Иштар отразился в плаче Ярославны? — спросим мы. — «Иштар поднялась на стену Урука града, на зубчатую стену забралась и стала вопить об умершем супруге Тамузе»).

Мы ничего не знаем о религии праславян, не вскрыты их религиозные корни. Для нас исполнено тайной свадебное и праздничное печерское полотенце, богато украшенное магическими священными знаками, которые передавались (как мне о том старухи везде говорили) из рода в род, от бабки

32. Дако-сарматские религиозные мотивы в русском творчестве // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 1. Разряд археологический. М., 1926 [С. 7–36].

к внучке, которое вышивали девушки, имея перед глазами ветхое полотенце, переводя на новый льняной холст древний узор. Его с глубочайшей древности вышивали на двух сторонах (лицевой и обратной) только одним цветом: алым по белоснежному — цветом жертвенной крови. Это не случайный узор. Я видел в 1938 г. богато покрытые вышивками «боговики» на резных крестьянских божницах. Ими прикрывали глаза умирающих. Под ними сажали молодых. Сваты...

л. 39

...ими препоясывались. Это их в древности вешали на ветви дубов, принося в дар божеству, как в 1938 г. привязывали к чудотворной иконе Богородицы. В [19]38 г. я видел старинную скатерть, которую за неимением средств не мог приобрести (в деревне Рагозина Гора у Анны Игнатьевны Вишневой): с конными всадниками «на большой праздник», как мне сказала она, — «на свадьбу». «Стол покрывали при проводах, или сани, сиденье покрывали, когда молодые ехали венчаться», которая служила и как скатерть намогильная при тризне, которой покрывали могилу при поминках, когда вся семья садилась вокруг могилы, как за стол — она вышита по краю всадниками, с поднятыми вверх в жесте адорации руками. Эти всадники — образ объезжающего небо языческого Георгия, изображение которого встречается и на Балканах, где, как и в России, языческий его образ смешался с образом Святого Егория. Это один из тех конных всадников, вышитых на печерских полотенцах с поднятыми вверх в жесте адорации руками, что справа и слева охраняет «Бабу», предстоящую в тиаре с воздетыми к небу руками. Да, на одном из полотенец она рождается из древа, прорастая конскими головами, становится дубом, священным деревом древности.

Мы задаем важный вопрос: не являлась ли вышитая на пе[ч]ерских полотенцах фигура небесной покровительницей праславян, не ее ли образ донесли до нас вышитые по древнему свадебные полотенца? После принятия христианства не слился ли ее образ для народа с образом Богородицы Покрова и с древним образом Богородицы с воздетыми к небу руками, не слился ли ее образ у новгородских славян с образом Святой Софии Премудрости Божией? В Печерском краю я собрал коллекции свадебных поясов (вязаных, плетеных, тканых с вытканными на них магическими знаками; старинных сетских нарукавных вышивок); старинной крестьянской домотканины. Из вещей, приобретенных мною, особенно интересны два магических лечебных камня — «Громовая стрела» из деревни Кулье и «Стрелица» из деревни Березье, которыми пользовались в старину местные колдуны — «волхвы», как их называет народ. В Печерском уезде знахари поддерживали веру в то, что громовая стрела упала с неба, найдена во время грозы после того, как она расщепила березу — ...

**Русское обрядовое полотенце,
украшенное вышитой композицией.**

Д. Рагозино. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г.

Кол. MNHN 1938-170-3 (передана
в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

л. 40

...лечили ею детей, ее клали в севалку, когда сеяли хлеб, ею тискали вымя, когда корова заболит, из нее высекали огонь для окуривания хлеба и пчелиного улья. Старухи называют этот камень «Стрелица». Женщины-«волхвы» ворожили зубы этим камнем, давали с него пить наговорную воду и с этого камешка опрыскивали заболевших детей. В Иванов день люди берут осколки от большого (разбитого теперь) Иванова камня и, набирая священную в этот день воду ручья, льют ее в склянки так, чтобы она стекала в них с каменных осколков. Через год (как мне рассказали) эти камушки возвращаются Иванову камню в Иванов же день. Культ камней, поклонение деревьям, источникам в Печерском краю надо признать весьма древним — это остатки язычества псковских, новгородских кривичей и чуди, с которыми во времена новгородского владыки Макария боролись псковские и новгородские монастыри. Мы знаем, что и на острове Рюгене (Руяне) славяне-рыбаки почитали Буж Кам (Божий камень), который являлся священным для всего населения острова и Балтийского поморья³³, они же почитали священные

33. О почитании камней у балтийских славян см.: Касторский [М. И.] Начертания славянской мифологии. СПб., 1841.

Тканые украшения рукавов сетоских женских рубах.

Д. Саурово. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г. Кол. МННН 1938-170-62, 64 (передана в МЦЕиС).
Фотографии МЦЕиС. ■ МЦЕиС

**Рукав сетоской женской рубахи, украшенный тканым орнаментом
и образец сетоского художественного ткачества.**

Д. Сорокино. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г.
Кол. MNHN 1938-170-70, 60 (передана в МЦЕиС).
Фотографии МЦЕиС. ■ МЦЕиС

рощи, как и те славяне на Днепре, на острове Хортице, о которых писал византийский император Константин Багрянородный, что при переходе днепровских порогов украшали ветви священного дуба полотенцами. У Иванова камня находилась в старину священная роща³⁴. И теперь еще печерские крестьянки вешают полотенца на дубы, растущие на Святой Горе в Печерском монастыре. Во время обследования мне удалось выяснить, что большинство церквей и часовен Печерского края поставлены на древнейших языческих почитаемых местах. Печерский монастырь был ископан в Свято[й] Горе, на которой росли священные дубы, один из которых, древнейший, и до 1939 г. почитало сетское и русское население. Я сам видел, как крестьянки обвязывали его поясами. Раньше, по рассказам монахов, на нем оставляли полотен-

П. 41

... ца. Рядом с монастырем на ручье Каменце я обнаружил священный Титов камень (в настоящее время засыпанный песком), около которого в старину лечилось население и приносило ему жертвы маслом и творогом, как оно приносило их на моих глазах Иванову камню. В 1938 г. я зарегистрировал десятки камней и священных ключей и собрал от стариков многочисленные свидетельства. И Мальской монастырь поставлен на священном ключе, воду которого до сих пор считает святой все окрестное население. Из-под второго, разоренного Литвой Мальского храма, вытекает священный ключ. Девичий монастырь в Изборске поставлен тоже на священном ключе. Славенецкие ключи старого Изборска, как мне удалось выяснить, народ в старину считал священными, чудодейственными и к ним издалека привозили больных. Изборск в древности считали святым местом. В Печерском краю были места общего паломничества и святыни местные. К Иванову камню в дер. Мегузицы, что на древней Ливонской границе, в старину приходили люди не только с побережья Псковского озера, но и из под города Острова, и из Новгородской губернии. В 1938 г. у камня перебивало более 2000 людей³⁵. В 1938 г., собирая материалы для будущей работы, я регистрировал резьбу, особенности деревянного и каменного зодчества. Ограниченные средства не позволили мне делать много фотографических снимков. Ни времени, ни сил не хватало, чтобы обойти намеченные места, поговорить со стариками, фамилии которых были у меня записаны. Деньги были на исходе (экспедиционные я получил только по возвращении в Па-

34. Зарегистрированные мною священные камни являлись предметом преклонения как сету, так и русских.

35. См. мою работу «Dyrkan av stenar[, källor] och träd bland Setukezer och ryssar i Petseri-område». 1940. Журнал «Folk-Liv», Швеция.

риж). Обилие археологических и этнографических данных показывало, что работа только начата и впереди, по мере продвижения на запад, находится много интересного и неожиданного. Впереди были берега Теплого озера, Чудского, богатейшие курганами и кладами Принаровье и Нарва — место одного из древнейших поселений. В 1939 г. ...

П. 42

...я предлагал тщательно обследовать речную долину и берега реки Пимжи, где, по имеющимся у меня сведениям, возможно обнаружение больших курганных групп, осмотреть районы Линдора, Лейс, фольфарка Бракман, Сосина, Марга, Лоуска, Кле[...], Колодонец, Пека; обследовать Березье, Дубовку, берега впадающей в Теплое озеро реки Во и окрестности деревень Подсосонье, Пипина Гора; осмотреть леса справа и слева от дороги, ведущей на Б. Тросну; провести археологическую разведку и тщательно собрать топонимику между Колпинской рекой и рекой Во, где теперь живет сетское население; произвести археологическую разведку за рекой Во, в районе Парма, Кукс, Ней[-]Раппин (Ряпино), Дооброц — Ресно — Орова [Орава. — Прим. ред.]; обследовать леса и возвышенные места, простирающиеся на запад от реки Во; тщательно осмотреть возвышенные места у дер. Сельги, Яникюля, Нульгакюля и внимательно обследовать село Раппин. Интересен Лютовский лес (Литов лес). Курганы в нем сохранились, поросли сосновым лесом. Эти давно утерянные славянами места, с сетским теперь населением, наименее пострадали от кладонискателей. Район Лютовского леса, обильный курганами, необходимо тщательно еще раз обследовать, ибо это места больших древнейших береговых поселений. Интересен не только лес, но и берег, уходящий на Б. Тросну (Тросту). Здесь, мне кажется, можно сделать немало открытий на местах, когда-то крепко освоенных, лесистых, богатых зверем и птицей, на местах прибрежных, богатых рыбой и водяной птицей, брошенных, очевидно, в результате катастрофы. Колпинская река и берег Лютовского (Лютова) леса с деревнями Березьем, Любницами, Авдеевым, Башкирцевым (древнее название — Гребельцово), Клавшином, в древности являлись ладейной пристанью. И теперь, возвращаясь с ловли с Псковского озера, живущие на острове Колпино рыбаки первым делом заходят с ловом в Любницы, там продают рыбу, гуляют, пьют, закупают подарки для домашних и уже навеселе возвращаются домой. Необычное обилие длинных курганов в Лютовом лесу, выход керамики по всему берегу, в заросших ивняковым кустарником песках меж Авдеевым и...

П. 43

...Бельцовым доказывают, что когда-то здесь в древнейшие времена находилось большое поселение. На юго-запад от Лютова леса идут деревни, населенные сетами, но сохраняющие свои древние славянские названия —

Образец домовой резьбы — «полотенце» — старинное украшение причелин
крыши русской избы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016950. МНБ

Резной наличник крестьянской избы.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016951. | МНБ

Яма, Летиклюли (Лютикюли), Дооброц, Ваннакюли, Камница, Дубовка, Подсосонье, Воронова, Дегатница, Задорье, Черный Лес, Кошельник, Малая Узиница, Большая Узица [Узиница. — Прим. ред.], Большая Тросна (конечно, Троста — см. по карте, на ней есть деревня Тростянка³⁶), Выползово, Бубницы, Ческино, Игрище, Какшино, Бабино Каменице, Журова Кахова, озеро Черно, озеро Валге. При сборе топонимики под Клавшиным и Любницами у меня создалось впечатление, что хотя главные названия здесь весьма древние, но малые названия все утеряны, потому что древнейшее славянское население этих мест, оставившее нам курганы, названия холмов, лесов и озер, в неизвестные для нас времена [было] сметено военной грозой. Пустые места потом были заселены сетами и те сохраняли кое-что из древних славянских названий, а когда через века русские здесь снова отстроились, то главные названия они приняли у сетов. Поэтому необходимо тщательное изучение этих мест. Группа длинных, овальных и удлинённых курганов, согласно полученным мною от крестьян сведениям, уходят далеко вглубь Юрьевского уезда.

Проф. Спицын в своей работе: «Удлиненные и длинные русские курганы»³⁷ писал, что они являются древнейшими, доселе неизвестными памятниками кривичской старины, что происхождение их неясно и неизвестно, свой ли это обряд погребения или же он откуда-нибудь заимствован. Он отмечает, что длинные курганы никогда не встречаются отдельно, а всегда в одних группах с круглыми курганами, что не может быть никаких сомнений, что длинные псковские курганы принадлежат к той же народности, к тому же времени, как и древнейшие местные курганы, обычной круглой формы — т. е. западным кривичам; если...

П. 44

...вне области кривичей длинных курганов [в] вовсе не найдено, то очевидно, писал он, в этих курганах мы имеем лучшее пособие для решения вопроса о древнейшем расселении кривичей и колонизаторских движениях. Поэтому-то они и требуют прилежного к себе внимания.

Длинные курганы до октябрьской революции были зарегистрированы в небольшом количестве в верховьях Днепра, на левом берегу Западной Двины, на правом берегу Западной Двины, в Себежском уезде, на реке Великой, по реке Ловати, в верховьях Двины и Волги, в четырех местах по реке Волге, в Старой Ладоге, на реке Мсте, на берегу Чудского озера. Только в Смолен-

36. Троста по-псковски — заросли камышей.

37. Спицын А. А. Записки Отдела русской и славянской археологии Археологического общества. Т. 5 [Спицын А. А. Удлиненные и длинные русские курганы // Записки ОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. С. 196–202. См. статью Е. Михайловой «Археологические работы А. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.» с. 493 в настоящем издании. — Прим. ред.]

ской губ., служившей местом долгой стоянки кривичей, их было найдено много³⁸. В. И. Сизов писал, что в десяти курганных группах Смоленской губ. ему известно до ста длинных насыпей.

Я считаю, что обнаружение мною длинных и удлиненных курганов в большом количестве на западном берегу Псковского озера при переходе его в Теплое (мне неизвестно, были ли найдены длинные курганы на восточном берегу озера) в районе Лютова леса, где курганы не только сохранили свои формы, но где даже видны заросшие кустарником песчаные ямы, откуда люди брали песок (и древние тропы) доказывают существование здесь в глубочайшей древности славянских поселений. Курганы Лютовского леса³⁹, как и те, о которых писали Спицын и Сизов, окружены ярко выраженными рвами, не высоки (1 метр 25 [см.]), бока их закруглены. Длинные курганы, как это считал и Глазов⁴⁰, никогда не встречаются отдельно, а в группах с удлиненными и круглыми, некоторые из длинных представляют характерное сочетание с круглыми в одной и той же насыпи. Длинные курганные насыпи иногда достигают большой длины. По-моему, ...

л. 45

...они похожи на перевернутую ладью. Я высказываю предположение, что древнее кривичское сожжение было в ладье, в которой покойного рыбака и приносили к месту погребения⁴¹.

Мне известно, что и дальше на запад под Ней-Раппиным, в районе Кукса, Сел[ь]ги находится большое количество необследованных курганных групп

38. Длинные курганы Смоленской губернии // Труды II-го Киевского съезда. Т. 2. С. 81.
39. Курганы этого типа я находил не раз во время разведки. Наиболее интересная группа, связанная с древним поселением и Городищем, была обнаружена в Лезгах на р. Облехе; а вторая — в бору около озера Любинец; я их зарегистрировал и в Сенинском бору у д. Соха; по дороге с Зачернья на Зимний Борок; в Косыгиной горе; в Петровском; в Красном Бору; на р. Пачковке под Печерами, Заходы; у озера Тиглицы; меж дд. Каменка и Мудово; при впадении р. Белки.
40. Глазов. Записки Императорского русского археологического общества. Т. 2. Вып. 1. С. 22 [Неизвестно о какой именно работе В. Н. Глазова упоминает Л. Зуров. Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде // Записки ОРСА. Т. V. СПб., 1903; Он же. Курганная группа при д. Лопатово Псковского уезда Псковской губернии // Записки ОРСА. VI / Под ред. управ. отд. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. Об археологической деятельности В. Н. Глазова см. статью Е. Михайловой «Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.» на с. 493 в настоящем издании. — Прим. ред.]
41. В ладьях русы сжигали своих покойников, как это видел араб Ибн-Фадлан. В ладьях княгиня Ольга сожгла древлянских послов. Убитого и выброшенного князя Глеба народ прикрыл тоже ладьей, что соответствует как бы исполненному древнему погребению. Длинные курганы рыбаки называют «богатырями», богатырскими могилами, «богатырьками». По старинному, как сказал мне один из стариков, «богатырь — это хозяин».

этого типа, как и южнее Оррова, Реска, фольварка Гренцгаль, Доброц. Группы славянских курганов уходят далеко в Юрьевский лес и простираются по Нарове. Юрьевские археологи встречались с ними и кое-где производили раскопки, чтобы узнать, чьи это погребения. В Юрьевском уезде оказались погребения славян. Ни детального обследования, ни дальнейших раскопок произведено не было.

Я высказываю предположение, что в давние, долетописные времена, кривичи проникли глубоко по ведущим к морю путям, что славянскими поселками были отмечены обильные курганами берега Наровы, а возможно и Невы, Западной Двины, что выход в море и тогда для славян был открыт и псковским славянам было хорошо знакомо Балтийское море.

Должен заметить, что по собранным мною в 1938 г. у старых рыбаков сведениям, существовало и существует древнее различие между жителями восточного и западного берега Псковского озера. Псков, район Елизаветинского монастыря, Талабские острова и западный берег Псковского озера издревле были населены псковскими акающими кривичами, а восточный берег Псковского озера, Теплового озера и берег Наровы новгородскими акающими славянами. Рыбаки точно указали мне границу говоров и места смешения наречий. Таким образом можно предположить, что движение Псковской ветви кривичей, достигнув Пскова, Изборска, освоив...

П. 46

...эти земли, пошло западным берегом Псковского озера, а движение Новгородской ветви шло другим путями. Но каким путями? Не связаны ли они с глубокой древности с Балтийским поморьем?

По свидетельским показаниям старых рыбаков мне удалось установить, что их прадеды и прапрадеды в древние времена ловили не только в озерах (в Псковском-Чудском), но и, спускаясь вниз по Нарове, шли волоком, перевозя ладьи на колесах, обходя Нарвский водопад, выходили в море, ловили в Перновской губе, ходили Невою в Ладогу, где и зимовали в селе Морье; ходили в Ильмень; были среди стариков, что в Морье и родились, так как ловецкая дружина выезжала вместе с женщинами, — что еще на памяти стариков в рыбацких исадах не только западного берега Псковского озера, но и восточного — хранились морские сети. Ввиду всего этого я позволяю себе сделать предположение, что, возможно, Обозерье и в глубокой древности, до завоевания Прибалтики немцами, было связано с Балтикой, что для Псковской ловецкой дружины путь к морю и тогда был знаком, как и Нева, Ладога, Ильмень; что и в долетописные времена, возможно, ловецкие дружины бежали торговать на Готланд (Готский берег), где встречались не только со скандинавами, но

Молодой мастер с резным киотом.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016952. ■ МНБ

и с рыбачьими дружинами Балтийского поморья; что и призвание князей, если верить об этом летописному сообщению, могло произойти только потому, что кривичи и чудь знали, что существует Заморская Русь и есть князья на Руси, способные править — свободные князья, бродячие, со своими дружинами. Их и призвали, как знакомых, как потом псковское вече, за неимением собственного войска, призывало бродивших с дружинами литовских князей⁴². Естественно, что для того, чтобы призвать князей, надо было послать послов к ним, а ведь это, конечно, было возможным лишь потому, что связь с заморской Русью, очевидно, до того существовала, да и призванный с Руси князь с дружиною не мог не знать

42. Смотри историю св. князя Довмонта Псковского.

языка народа, который его призывал и который он явился объединять, которым он должен был править. Возможно, что и дружина его, если она не была чисто славянской, была смешанной, связанной боевым братством и состояла не только из скандинаво[в] но и из поморских славян, которые уже издавна знали изборских и новг[ород]ских кривичей не только по морской ловле, меновым — торговым делам, но и...

П. 47

...возможно и сами заходили к кривичам в гости, являясь с моря, входя в Нарову, Неву, Западную Двину. Конечно, это предположение, но мне кажется, что для проверки таких предположений теперь пришло время, теперь, когда большие археологические изыскания возможны не только на побережьях Псковского, Теплового и Чудского озер, в лесах, подходящих к Юрьеву, в Принаровье, Нарве, в устье Наровы, по течению Невы, по Двине, на местах сожженных немцами городов Гересика [Ерсика. — Прим. ред.] и Кукенойса; в Старой Ладоге, на Волхове и на Ильмене в Новгороде, в Пскове, но и в Балтийском Поморье с тщательными раскопками древних поселений, курганов и городищ, которые могут пролить свет не только на жизнь обитавших при озерах и текущих в Балтику реках, кривичей, на далекое, долетописное прошлое славян, но и разрешить вопрос — были ли в доисторические времена псковские, новгородские кривичи и полочане связаны с Балтийским поморьем, общались ли они с балтийскими славянами в древнейшие времена до захвата немцами поморья и острова Рюгена. Изучение археологических находок, сделанных в Померании, раскопки на ост[рове] Рюгене, в Штеттине и в вендских городах, изучение погребений, древней религии кривичей и поморян, у которых было общее поклонение водам, камням, дубам, изучение вендского фольклора и топонимики прольют свет на теряющуюся во тьме жизнь загубленных немцами вендских племен, славян Поморья и острова Руяны (вечевая история которых еще, к сожалению, русскими учеными не написана) и, возможно, по новому осветит долетописную историю кривичей, поднявшихся с юга по рекам, по древнему птичьему пути. (Имевших долгую стоянку у Смоленска. Интересно, что названия Изборск, Сенно, Велье встречаются и в Поднепровье) оставивших везде группы длинных и удлиненных курганов с сожжением. Изыскания могут ответить на важные вопросы: существовала ли у полочан и кривичей водная связь с Балтийским поморьем; не отразилась ли жизнь поморских городов на быте вечевых городов — Новгорода, Пскова, и, наконец: не являются ли новгородские ушкуйники наследниками поморских боевых ловецких дружин, перед которыми были открыты все моря, реки; не является ли сохранившаяся до наших дней ловецкая дружина псковского Обо-...

...зерья сколком с древнейшего коллектива Поморских славян?

Все сведения об обнаруженных мною памятниках древности были мною переданы Археологическому кабинету Тартуского университета вместе с кроками. По моему указанию памятники древности были взяты М[инистерством] н[ародного] п[росвещения] под охрану. В 1938 г. мною эстонским археологам был сдан и приобретенный под д. Кривск каменный молоток и 17 пакетов с подъемным материалом.

Тревожное положение в Европе заставило меня прервать работу и спешно выехать в Таллин. Французский консул посоветовал мне поторопиться с отъездом. Чужеземные пароходы спешно покидали таллинский порт. Ящик с коллекциями для Музея человека я оставил в Таллине. Разрешение на вывоз собранных на территории Сетума коллекций мною было получено от эстонского Министерства народного просвещения 21-го сентября. Ввиду тревожного положения я не мог захватить с собою коллекции на пароход, кроме того, у меня не было и средств для доставки их в Париж, т. к. ассигновка еще не была мною получена. Коллекции я доверил Французскому Консульству (все потом благополучно прибыло в Музей человека).

Из Эстонии я отплыл с последним пароходом. Время было тревожное. Из Гамбургского порта бежали все иностранные пароходы. Гитлер произнес Мюнхенскую речь. В Европе шли мобилизации.

В 1939 г. моя миссия в Эстонию, Латвию и Литву не состоялась. Ассигновки пошли на оборону. Политические события прервали научную работу. В 1939 г. из всей экспедиции выехала на место работы только профессор Базельского университета Э. Э. Малер. Она торопилась записать возможно больше песен Печерского края. Но песенные богатства были огромные, и записать все ей не удалось. Громадный материал оказался неиспользованным. Большое количество зарегистрированных мною для Э. Э. Малер стариков, помнящих свадебные и долневые песни, напрасно ожидали приезда к ним научных работников. Надвигающиеся события сорвали налаженное с таким трудом дело. Громадные площади, предназначенные мною для этнографической и археологической разведки 1939 г., остались необследованными. К счастью, коллекции, сданные мною в Музей Трокадеро, уцелели. Во время войны они были приведены в порядок, снабжены паспортами, сложены в ящики и спрятаны от немцев в погребца. Кроки, полевые дневники, дорожные записные книжки были мною отправлены к друзьям за Париж и спрятаны на чердаке деревенского дома, принадлежавшего дочери С. В. Рахманинова — Т. С. Конюс. Во время отступления французской армии, после бегства хозяев усадьбы, дом был разграблен солдатами, чемоданы на чердаке взломаны, рукописи выкинуты. К счастью, большинство полевых дневников и кроков уцелело, и было собрано вернувшимися хозяевами. Теперь, прие-

Похороны рыбака Кирекеткина. Д. Будовищи. Отплытие лодки с участниками похорон и гробом усопшего для отпевания в церкви и погребения на кладбище. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 020674. ■ ИМБ

хав с юга Франции в Париж, я получил рукописные материалы и начинаю приводить их в порядок.

В фототеке Музея человека находится несколько сот негативов 1935, 1937, 1938 гг. Среди них находятся снимки сгоревших ныне деревянных Печер, снимки, произведенные в дер. Мегузицы в 1937–[19]38 гг.: омовение в священном ручье, жертвы Иванову камню, лечение у камня женщин и детей; исключительно важные для этнографов сетские женские эротические пляски в дер. Мекси, заснятые мною 24 июня 1938 г.; сетские ворожеи 1937 г.; жертвы камню Аннакиви (25 июля 1938 г.); поминальные трапезы на могилах в Печерах...

л. 49

...и в погосте Тайлово и в погосте Зачернье (1937–[19]38 гг.); лечение ребенка громовой стрелой знахарем Дубровским в д. Лезги (1938 г.); курная изба в д. Поталово; сетская свадьба в д. Поталово (свадебный поезд, обрядный кузнец, женский хор); погребение рыбака в д. Лисья и отправление его тела в ладье; дубицы; каменные кресты, пчеловодство; работа кустарей... Негативы находятся в фототеке Музея человека в Париже. Из сданных мною в 1938 г. в Музей человека коллекций, я считаю важной для изучения коллекцию свадебных полотенец и поясов Печерского края. На руках у меня имеются карты и кроки археологической разведки 1937–[19]38 гг.; записи многочисленных и еще не разработанных свидетельств, полученных от крестьян, материалы по истории Печерского монастыря и древних погостов Сетумаа и Нарвы; материалы по топонимике, регистрация священных источников и отметных камней, каменных крестов, поставленных над могилами псковичей и новгородцев, павших в боях с немецкими рыцарями. Мне неизвестно, что стало с Археологическим кабинетом Тартусского университета — уцелел ли его архив, сохранились ли кроки археолог[ической] разведки 1937–[19]38 гг. Уцелела ли картотека памятников, взятых по моей просьбе Министерством народного просвещения Эстонской Республики (отделом по охране памятников старины) под охрану. Она помещалась в Таллине в Министерстве народного просвещения. Таллин во время войны был сильно разрушен и погорел.

Районы, в которых я вел работу, жестоко пострадали во время войны и немецкой оккупации — деревни на берегу Псковского озера сметены огнем. Фронт проходил там два раза. Население бежало в Центральную Россию от немцев, а оставшееся немцами было депортировано. Потери велики: старики, которые давали мне драгоценные указания, старухи, помнившие древние свадебные песни, перемерли от голода. Таким образом, необследованная еще до конца, исключительно важная для русской истории, этнографии и археолог[ии] область по...

...страдала смертельно. Со стариками в могилу ушли все незарегистрированные и незаписанные устные предания, древние названия урочищ и мест. Опасаюсь, что при вспашке береговых полей тракторами многие могильники будут снесены. Заявляю, что археологическая и этнографическая работа в Печерском краю была только начата. С осмотром мест ввиду недостатка времени приходилось спешить.

Записанные профес. Э. Малер песни, свадьбы — Городищенская и Обозерская, — валики фонографа и весь фольклорный материал, к счастью, уцелел и находится у участницы нашей экспедиционной работы, у профессора Базельского у[ниверсите]та доктора Э. Э. Малер.

Фотографии и материалы по исследованию церковных древностей Печер. монастыря и древних погостов находились в Археолог[ическом] институте им. Кондакова в Праге. Но большую часть архива взяла с собой при бегстве от немцев докт. Ирина Окунева и увезла в Белград. Там она была убита вместе с мужем археологом Росовским разрывом немецкой бомбы. Тогда погиб и архив.

Леонид Зуров
Париж
1946 г.

Из работавшей в Прибалтике в 1937-38 гг.
экспедиционной группы учелю лишь два
человека. Научное же обследование в Эстонии
вели три миссии: французская, посланная
Минист. Народ. Просвещения в составе
студента Этнологического Института Бориса
Вильде и Леонида Зурова; швейцарская
в лице профессора базельского У-та
дра Эльзы Маллер; германская в составе

Этнографические материалы
1937 и 1938 г.

О почитании камней, источников
и деревьев

Culte des pierres

Setuma.

ЭССР.

№ 2

Estonie Setu-

Missions Leonide ZOURDFF

**Часть II. Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова
в Национальном музее естественной истории**

177 Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)

183 Л. Зуров. Письмо-отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)

193 Отчет Зурова № 1.

Результаты этнографического и археологического
обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.

255 Отчет Зурова № 2.

О дохристианских пережитках и религиозных
верованиях сетских и русских крестьян Печерского
уезда. О почитании камней, источников и деревьев.

Результаты этнографической работы,
выполненной для парижского Музея человека.

Миссия в балтийские страны, полученная от
французского Министерства народного просвещения
в 1937 и 1938 гг.

327 Научно-исследовательские заметки Л. Зурова

Меекси

Образцы тканей

Свадебные полотенца

Свадебные пояса

■ Отчет Зурова № 2. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда

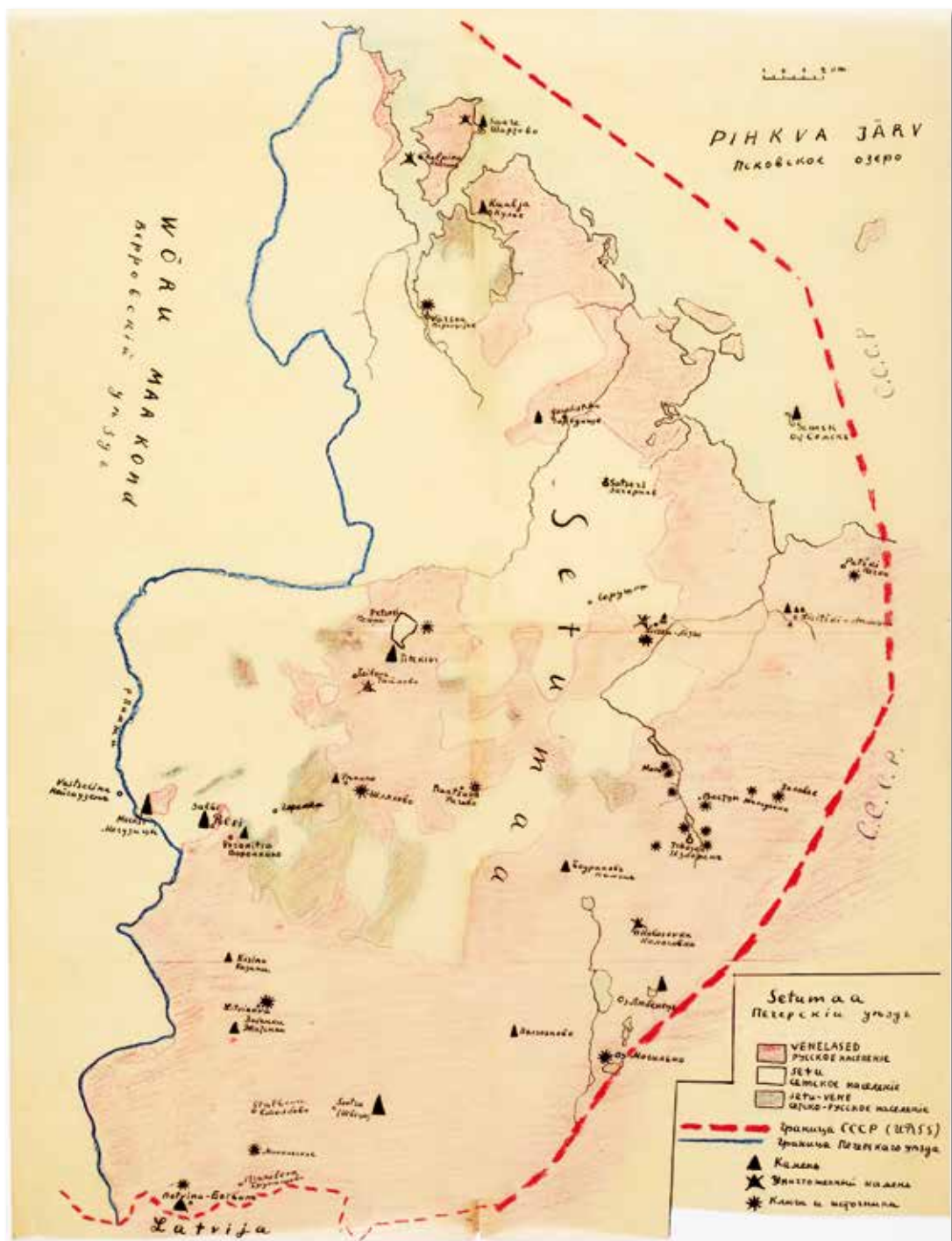
О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в балтийские страны, полученная от французского Министерства народного просвещения в 1937 и 1938 гг.

Леонид **Зуров** ■

Местность, где я производил в 1935, 1937 и 1938 гг. археологическую и этнографическую разведку, — Печорский уезд в *Petserima* [*Petserimaa*. — Прим. ред.] или *Setuma* [*Setumaa*. — Прим. ред.] — находится на восточной окраине ЭССР (до Октябрьской революции он входил в состав Псковской губернии, в 1920 г. по Юрьевскому мирному договору отошел к Эстонской Республике). Теперь он присоединен к СССР. В географическом отношении он является продолжением великой русской равнины. Площадь Печерского уезда — 1891,1 кв. км. Число жителей — 70 000. Местонахождение уездного самоуправления — г. Печоры. Место древнейшего города — старое Изборское Городище. Преобладающая часть населения — русские крестьяне (потомки славянского племени кривичей) — 65, и сету (восточная ветвь верро, эстонского племени) — 25¹.

Археологических материалов по доистории [Первобытной истории. — Прим. ред.] края мы почти не имеем. От каменного века до 1928 г. была известна лишь одна случайная находка². Могильников и предметов бронзового века обнаружено не было.

1. С этнографическим распределением населения можно познакомиться на этнографической карте: E. Markus. Tartu, 1937. Сету называют русских — *venelane*. Россия по-сетски — *Vennemaa*. Русские называют сетов — *сетукезы*.
2. «*Setumaa*», изданный силами Тартуского университета сборник 1928 г. Летом 1935–37–38 гг. я обнаружил выпаханные крестьянами шлифованные топоры и молотки в селе Холохальня, на пустоши Манюково под Ивановым Болотом, в деревне Соха, под деревней Кривск и около местечка Лавры.

Карта культурных природных объектов (камней, источников)

на территории Печорского уезда (Сетума), составленная Л. Зуровым в 1938 г.

MNHN-MH ETHNO EUR 205-13. | НМЭИ, Центральная библиотека

Историческое прошлое Печерского края таково — до прихода славянского племени верхнее течение реки Великой было населено литовцами; дальше к северу жили финские племена. Продвигаясь к северу, оттесняя финские и литовские племена, раздвигая их к западу и востоку, славяне заселили пологкие, новгородские и псковские земли и захватили все течение Великой и ее западные притоки. Во время этого движения кривичи явились авангардом и основным элементом в образовании великорусского племени.

Область, в которой расселилась псково-изборская ветвь кривичей, — река Великая с ее притоками. О дохристианском периоде истории кривичей почти не сохранилось известий. Сведений о времени основания Изборска нет. Во всяком случае, он является одним из древнейших русских городов. Археологические находки доказывают, что торговля проходила через озерную область за пределами летописной истории³.

Русская археология почти не занималась западными притоками реки Великой⁴. В окрестностях Изборска и по берегу Псковского озера курганные группы, как и древние поселения, крестьяне запахивали из года в год. Выпавшие из курганов вещи — перстни, гривны, фибулы, подвес...

...ки, оружие, арабские, византийские и англо-саксонские монеты расходились по рукам и бесследно пропадали. Большое количество могильников в районе Изборска исчезло с лица земли, и о былом существовании курганов можно судить только по цвету вспаханной земли да по рассказам стариков. Юрьевские исследователи мало интересовались Печорским краем. Этнографическая работа⁵ в этом краю почти не велась. Материалов по топонимике нет⁶. Археологическую разведку, произведенную Юрьевским университетом под руководством проф. Тальгрена в 1920 г., надо считать недостаточной.

3. Самая древняя монета — Сассанидский диргем Хосроя II (390–626), отпечатанный в 617 г., был найден в могильной сопке недалеко от Пскова в Струтах Малых. Арабские монеты с берегов Каспия, Аму и Сыр Дарьи и городов халифата находили на берегах Наровы, Чудского, Псковского озер, реки Великой. См. П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика 1846 г. Профессор И. М. Кулишер. История русской торговли. С.-Петербург, 1923 г.
4. В Трудах Псковского Археологического Общества. 1913–[19]14 г. Вып. 10. Материал для археолог. карты Пск. губ. Печорский край очень слабо представлен.
5. Из выпущенных сборников мы знаем: М. Шпис. Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище, Петсерского уезда (бывш. Псковская губ.) в Эстонии. Запись М. Шпис, 1936. В 1937 и 1938 гг. запись фольклора Печерского края производила проф. Базельского у-та Э. Э. Маалер.
6. В последние годы проф. Юрьевского у-та Арумаа давал студентам-филологам, проводящим лето в Печорском краю, задание по сбору топонимики.

Древнейшими доселе известными памятниками кривической культуры принято считать группы длинных, удлинённых и круглых курганов, заключающих в себе трупосожжение⁷. Они были обнаружены на путях кривичей. Их найдено в России сравнительно немного. Точно такие же погребения обнаружены мною в Печорском уезде. Судя по найденным мною в 1937 г. за дер. Клавшино, у дер. Большое Тросно и в Лютовском лесу курганным группам⁸ вышеупомянутого типа, а также находящимся за рекой Пижмой (которая в 12 в. явилась границей Псковского княжества и Ливонского...

П. 4

...Ордена) и уходящим в Юрьевский уезд, за нынешнюю этнографическую границу, можно предположить, что колонизация кривичей в невыясненные еще археологией времена проникла за нынешнюю этнографическую границу, то есть за реку Пижму [Пижму. — Прим. ред.], что кривичи обосновались было там, но в результате неизвестной катастрофы принуждены были отступить за реки Меду и Пижму [Пижму. — Прим. ред.], удержав за собой лишь дерев. Любницы и Березье, к которым теперь вплотную подходит эстонское население. Кривичи оставили в лесах Юрьевского уезда и Верровского, а также в Лютовском лесу за Клавшиным большое количество курганов с трупосожжением. Эти курганы встречаются обычно большими группами и имеют различные формы: длинную (тип перевернутой ладьи), овальную и круглую, окружены рвами и занимают возвышенные места. По утверждению эстонских археологов, погребения этого типа совершенно не встречаются в центральной Эстонии. Древние поселения, обнаруженные по берегу Псковского озера, как и невысокие обозерские городцы, расположенные на местах, возвышающихся над половодьем, обычно связаны с курганными группами и носят древние славянские наименования.

От позднейших исторических времен в Печорском краю осталось много могильников. В большинстве это невысокие возвышения, обложенные кругом полевых камней валунов. Несмотря на то, что сотни их запаханы за века, их сохранилось еще весьма много.

Из городищ известны — Труворово (по летописному преданию, место стоянки варяжского князя); Городач против Роговой Горы, находящейся недалеко

7. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы. Записи отд. Рус. и Слав. археолог. Общ. том 5 [см. статью Е. Михайловой «Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.» на с. 493 в настоящем издании. — Прим. ред.].
8. Длинные и удлинённые курганы обнаружены мною в следующих местах: д. Петровское — Чихачи, Лезги (две больших кург. группы), Вишняково, Клавшино, Лютовский лес (семь больших кург. групп), Красный Бор, Моложва, Круп, Городаче (разрушены), Рожитец, Каменка. Группы круглых курганов в след. местах: Михалево, Косыгино, озеро Любинец, Полдохново, Соха, Гверстонь, Заходы, озеро Тиглицы, Выморск, река Пачковка.

от реки Абдехи (Блеха), который, по народному преданию, служил местом древнего Изборска; Митковицкий Городачек⁹, самое большое городище в Пе...

П. 5

...чорском краю; Городок в Лезгах; Городок при д. Городище, что на Пижме [Пижме. — Прим. ред.]; Лисейское Городище и маленькие городцы по берегу Псковского озера. Из мест древних поселений особенно интересны и не обследованы богатые керамикой и культурным слоем след. поселения: при дер. Лезги на песчаной террасе реки Абдехи, связанное с большой группой удлиненных курганов; у д. Печки¹⁰, на дюнных песках у устья реки Абдехи; у д. Каменка — Мудово на высоком берегу Псковского озера и богатое керамикой поселение на берегу реки Пачковки под Печерами.

В 7–8 вв. у славян расцвела торговля с арабским востоком, германским севером и Византией. Одна из северных артерий Великого водного пути проходила недалеко из Изборска по водам Псковского озера¹¹ (Балтийское море — Нарова — Псковское озеро — Великая — Череха — волоком к реке Узе — и по Шелони — в Ильменское озеро, с вод которого открывался путь к Днепру, служивший для торговых сношений скандинавов с Византией и греческими колониями).

Согласно летописным данным, в призвании варяжских князей участвовал славянский Изборск с чудью, обитавшей в его пределах. В 9 в. он был стоянкой варяжского князя, сторожевым городом, господствующим над чудью. Он стоял в стороне от Великого водного пути, но владел сухопутной дорогой и властвовал над всей лесной, богатой пушным зверем и пасаками изборской землей, над кривичами, местом власти и общего...

П. 6

...торга кривичей и чудин. В его районе сету раньше исторических времен подпали под культурную политическую зависимость славянского племени. Мы знаем, что впоследствии Владимир Святой посылал людей собирать дань с чуди. Ярослав Мудрый ходил против чуди, жившей на западе за

9. Митковицкий Городачек открыт мною летом 1935 г. На его площади был обнаружен пояс прекрасно сохранившихся очагов богатых костями и керамикой. Арх. кабинет взял Городачек под охрану, но, к сожалению, его продолжали запахивать и в 1938 г.

10. Печки Большие. Найдено фунт целых и разломанных арабских диргемов. Музей Псков. археол. общества. Труды Псковск. Арх. о-ва 1913–14 гг. Вып. 10.

11. Обеспечивая себе свободную дорогу в Грецию, скандинавы, пользуясь великим водным путем, проникали в Днепр не только через Неву и Западную Двину, но и через рр. Нарову и Пернову. С Ильменя открывался путь к Волге, которая связывала Каспийское море с Балтийским и была главной дорогой, по которой европейские народы при посредничестве арабов сообщались с Востоком.

Изборском, покорил ее и в 1130 г. построил город Юрьев при реке Амовже на чудском языческом месте [Первое упоминание Юрьева ок. 1030 г. — Прим. ред.]. Покоренная чудь участвовала в княжеских походах вместе с русской дружиной. Сету, обитавшие под Изборском под русским владычеством, приняли православие из Изборска и Пскова только в 12 в. под страхом уплаты пени за ослушание. Для новокрещенных в каждой деревне на месте языческого служения псковские миссионеры ставили деревянные часовни или кресты, к ним иногда приезжали священники совершать богослужение, исполнять требы, но сету только по имени были христианами. В 12 в. медленно проникавшие на запад вглубь болотных, заселенных финскими племенами на западе земель, выходившие Невою, Наровою и Двиною в Балтийское море славяне столкнулись с колонизаторами, рыцарским орденом, который повел энергичное наступление на балтийские земли, завоевал на Двине города Герасик и Кукенойс, а в 1224 г. уже захватил город Юрьев — славянский форпост и начал силою крестить захваченных им живущих в язычестве эстов. Католический священник Генрих Латышский, оставивший нам свою хронику, прошел с проповедью только до реки Пимжи, ставшей пограничной, за которой, уже на русской земле, жили крещенные в православие псковскими миссионерами сету.

Необходимо отметить, что сету, проживая у рубежа, который постоянно подвергался опустошениям и набегам, прячась в лесах, не могли иметь постоянных церквей и жили предоставленные самим себе с языческими арбурами и знахарями. Несмотря на соседство с русскими, общую с ними религию, об...

П. 7

...щий торг, поклонные места, они прекрасно сохранили до наших дней древние особенности своего быта и языка, являя собой редкий в Западной Европе пример сохранившейся народной первобытности и обособленности. Сету (Setukesea) отделяла от древних родичей — верровских эстов (принявших орденское католичество, а потом обращенных и в лютеранство) не только пограничная река, но и принятая православная вера. В то время как в покоренной немцами и крещенной ими Эстонии погибли почти все древние обычаи, жившие на русской земле сету прекрасно все сохранили. Ю. Трусман считает, что сету, судя по их чудскому происхождению, — аборигены, ветвь финского племени, некогда, до прихода славян занимавшего большую часть псковской губернии. Он высказывает интересное предположение — не являются ли языческие пережитки сетов остатками усвоенного ими в древнейшие времена язычества славян. Возможно, говорит он, что когда-то весь Изборск и Псков верил так, как теперь еще верят они. Трусман отмечает, что черты язычества сетов, несмотря на их преданность православ-

ному обряду, очень заметны¹². Издавна, писал он в 1891 г., они привыкли к избяному, домашнему богослужению, старики в 19 в. еще помнили, что в глуши, в Мокролугах, в Тайловском приходе, и в Лому у Лифляндской границы у них существовали свои волхвы — попы-старцы, совершавшие домашнее богослужение, которое в древности совершалось открыто. Потом под воздействием церковной власти они стали служить тайно. По преданию, у них были общие места богослужения в заповедных рощах. В Мокролуге только в конце 19 в. стало выводиться языческое служение — там накануне Троицы они...

п. 8

...варили пиво, служили богу Пеко, зажигая перед ним черные свечи, принося жертву. В этих местах сету вырастали и умирали в суевории и язычестве, руководимые своими колдунами, к которым они обращались за помощью во всех бедах и недугах...

Из истории Псково-Печерского монастыря мы знаем, что в 16 в. преподобному игумену Корнилию¹³ пришлось проповедовать православие у реки Пижмы в приходе Нейгаузена среди сетов, предки которых, возможно, уже были крещены в 12 в. Нам известно, что суевория времен языческих — двоеверие народа, язычество, принесенное бессознательно в христианство, сохранялось в глухих местах Псковской и Новгородской земель особенно упорно. Для язычника (сета или славянина) были мыслимы одинаково все веры. Для него была немислима перемена веры, но возможно было только присоединение новой веры к старой. Можно предположить, что сетский народ в древности принял языческих славянских богов и обрядность, не переставая, конечно, почитать своих старых богов, так же, как потом, в исторические времена, от крещеных славян сетский народ принял обряд православия и, присоединив его к своему старому язычеству, стал двоеверным (сберегая, однако, древний православный обряд даже лучше соседящих с ним славян, не теряя при этом, за время многовекового сожительства с русскими, ни песен своих, ни костюмов, ни языка. Но возможно, что и славяне многое приняли от финских племен, населявших когда-то великую русскую равнину). Профессор Голубинский, историк православной церкви, писал, что вначале большинство русского народа приняло христианство

12. По церковной статистике 1891 г. в приходах Печорского края православных сетов числилось 12 289 душ. Ю. Трусман. Полуверцы Псково-Печерского края. Живая старина. I. 1891 г.; Ю. Трусман. О происхождении Псково-Печерских полуверцев. Живая старина. Выпуск I. Год седьмой [Ж. С. 1897. Вып. 7. Отд. 1. С. 37–47].
13. Преподобный Корнилий, с 1529 г. известный своими заботами об устройении храмов и ограды монастыря, а также распространением православия среди чуди, жившей у Нейгаузена.

только внешним и формальным образом, без всякой перемены внутренней, так как народ долгое время был безграмотен и без Книжен.

П. 9

Из отеческих поучений мы знаем, что крещенные славяне продолжали молиться в рощах, у вод, почитали дубы и камни. Что касается обожествления камней, кладезей и деревьев, то для язычника славянина наряду с поклонением великим божествам и главенствующему над ними Единому Богу существовали божества, воплощающиеся в водах, камнях и деревьях. Киевские русы при переходе через пороги поклонялись огромному дубу на острове Хортице¹⁴. На Балтийском поморье, в Штеттине (Щетин), по сказанию биографов, Святого Оттона, рос огромный ветвистый дуб, под ним находился источник, и народ поклонялся дубу с великим усердием, почитая его священным по жилищу в нем божества. Константин Порфирородный записал, что славяне молились в роще, поклонялись дуплистым деревьям, обвешивали их ветви полотенцами. По принесению жертвы часть ее раздавалась нищим, остальное оставалось перед идолом. Жертвоприношения кончались игрищами, пением, плясками.

В рощах и лесах, на возвышенных местах, славяне любили хоронить мертвых. Они верили, что на берегах вод, в присутствии божества должны совершаться богослужебные обряды, приносили жертвы кладезям, озерам, болотам; в Иванов день рано утром купались в реках; на закате приносили к воде идола, пели песни, освящались водой, молились над нею, приносили ей жертву, и из воды получали знамение о будущем. У них было много священных ручьев, обтекающих деревья и камни, посвященные божествам — святые, особенные места у берегов озера, рек и ключей, куда народ собирался на богомолье.

Некоторые холмы и камни они считали обиталищами божеств. «Не нарицайте себе Бога ни в камени...» говорил Кирилл Просветитель славян, обращаясь к некрепким в вере. Балтийские славяне почитали камни. Они...

П. 10

...клялись у мыса Горенского, близ Руяна (острова Рюгена) — у огромного утеса, названного рыбаками Божьим Камнем (Буж-Кам, Buskahm)¹⁵. Мы знаем, что и хорваты оставляли на камнях жертвы — ленты, плоды. В древности иноки называли людей, притекавших к языческим святыням, молившихся там, ставивших трапезу камням и деревьям, идоломольцами. Житие преподобного Иринарха Затворника (17-й век) повествует, что в городе

14. И. Забелин. История русской жизни. Ч. II. Москва, 1879.

15. И. Срезневский. О языческом богослужении древних славян. 1848 г.

Переяславль Залесском за церковью лежал великий камень, привлекавший к себе мужей, жен и детей в день праздника языческому солнцестоянию. По благословению Иринарха дьякон Онуфрий свалил этот камень в яму, засыпал его землею, за что на него восстал весь город, обвиняя в кощунстве. В работе М. В. Довнар-Запольского и Д. Шендрика о быте и культуре белорусского населения¹⁶ сказано, что в воззрениях современных белорусов (в 1905 г.) нетрудно найти следы древнейших языческих верований, что вода для них составляет предмет почитания, в особенности ключевая, а некоторые источники пользуются особенным поклонением, и крестьяне верят, что вода некоторых источников излечивает те или иные болезни и такие места привлекают к себе многих поклонников, и каждый...

л. п

...из них оставляет на ключе свое приношение — полотенце, прядь льна; девушки кладут ленточки или обвязывают ими сруб, бросают в воду деньги. В таких местах потом появлялся крест, ставили иконы, часовенку, и все приношения, делаемые ключу, поступали в пользу причта ближайшей церкви. И камни в Белоруссии составляли предмет почитания. Они отличались или величиной, или какими-нибудь особенностями, в которых крестьяне распознавали или человеческую фигуру, или след человеческой ноги. Народ верил, что такие камни обладают сверхъестественными свойствами. Они привлекали к себе многих поклонников. В Игуменском уезде, близ села Пережира находились два камня на расстоянии друг от друга около ста саженей, один из них назывался Демьян, а другой — Марья. На поклонение к этим камням стекался люд из отдаленных местностей, и ходили слухи о многих исцелениях...

Из Новгородской летописи мы знаем, что в 1533 г. архиепископ Великого Новгорода и Пскова владыка Макарий послал великому князю Василию Ивановичу грамоту, в которой сообщал, что он слышал в своей архиепископии предель кумирскую (языческую) около окрестных градов Великого Новгорода и Пскова, в Воцкой пятине (земли около Финского залива, начиная от теперешн. Ленинграда и до Усть Наровы. В древности на этих землях жило родственное печерским сетам финское племя Водь. Остатки этого племени до 1939 г. проживали в Сойкинской волости и в районе Красной Горки. Немцы во время оккупации насильственно отправляли крестьян Сойкинской волости в Финляндию — эвакуировали их вместе с семьями и скотом), в Чуди и в Ъжере (Летописная Чудь, жившая и у Изборска и

16. Д. З. Шендрик и М. В. Довнар-Запольский. «Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура». Сборник «Россия». Полное географическое описание под редакцией В. П. Семенова. СПб, 1905 г. Том IX.

около Чудского озера, которое потому и было псковичами и изборянами названо Чудским. Ижорская земля находилась под властью новгородского княжес.) и около Ивана Града (Ивангород — пригород Нарвы), Ямы Града (Ямбурга), Корелы града (ныне Колельская [Карельская. — Прим. ред.] республика), Копорья града (ныне деревня Копорье Ленинградской области), Ладоги града (Старая Ладога), Орешка града (Шлиссельбург) и по всему Поморью Варяжского моря в Новгородской земле (т. е. по всему побережью нын. Финского залива), и до Коневых вод (часть Ладожского озера с островом Коневцом) и за Нево озеро Великое (озеро Нево — Ладога), и до Каяньских немец рубежа, и около Перенского озера, и до Лески реки, до Лопи до дикой (фин. племя Лопь) и около великого озера Нева (Ладога) — в тех местах, в длину больше тысячи верст, — дьявол прельщает людей, и те люди, что живут на тех местах и называют себя христианами, обычая держатся от древних прародителей — еще их прародители такими же, как и они, идолопоклонниками были, как и все люди тогда по всей земле Русской до крещения, которое мы приняли от святого благоверного великого князя Владимира. И тогда (при Владимире) по всей русской земле скверные молбища разорены были, а вот теперь, в Чюде, и в Ижере, и в Кореле, и во многих градах, в Русских местах, о которых сообщено выше, скверные мольбища идольские удержались и до царства великого князя Василия Ивановича и сына его вел. ...

Л. 12

...княз. Ивана Васильевича всяя Руси самодержцев, и до владычества архиеписк. Великого Новгорода и Пскова владыки Макария. Суть же те скверные мольбища — лес, и каменья, и реки, и блата, и источники, и горы, и солнце, и месяц, и звезды, и озера и, просто сказать, все, — и поклоняется народ (и русские и финны) этому яко Богу, и чтят, и жертву приносят кровную бесам, волов, и овец, и разный скот, и птицу. Слышали мы, — пишет дальше владыка, — что некоторые и детей своих закалывая приносили в жертву и иконы святых предавали огню (т. е. отрекаясь от православия, возвращались опять к язычеству) и кудеса различные творили и людей у себя держат и почитают их как священников и их называют арбуями и эти арбуи жертвоприношения делают и детям нарицают имена.

И Великий князь Василий Иванович и сын его... слышавши сие послали ко владыке Макарию приказание прелесть языческую на перечисленных местах разорить и искоренить, а народ просветить божественным учением. И владыка, в новгородском соборе устроив молебен и освящение воды, послал в дикие места своего миссионера инока Илью для разорения кумирской прелести. Он же, инок Илья, нашел те места и начал искоренять прелесть кумирскую и скверные мольбища — леса (священные) рубить и огню преда-

вать, камни священные жечь и в воду метать, некрещеных людей просвещать, а среди некрещеных были и состарившиеся уже в язычестве люди. И на следующий год посылал Макарий священника Илию, в те же места, где он и прежде шествовал: проповедовать и утверждать людей в вере. И на новые места ехал Илья, где еще он и не был, и там разорял чудские обычаи¹⁷.

Л. 13-14

О дальнейшей работе Ильи нам больше ничего не известно, но, очевидно, приказание о разрушении языческих мест было отдано всем монастырям Псковской земли, священникам и властям¹⁸. Но, как оказывается теперь, очевидно, люди, исполнявшие в 16-м в. приказание владыки Макария, не знали о всех языческих камнях, которые находились в его епархии.

В Печорском краю, который входил в древности в состав псковского княжества, духовно подчиненного владыке Макарию, в удаленных от городов глухих местах священные камни, как оказалось, уцелели и поклонение некоторым из них совершается даже и в наши дни в определенные сроки.

Л. 15

Но не только камни, но и священные ключи и деревья почитают русские крестьяне Печерского края и сету.

Во время обследования Печерского края в 1937 и [19]38 гг. мне посчастливилось обнаружить ряд мест, пользующихся до сих пор или же пользовавшихся еще на памяти стариков широкой славой, как места целебные, издревле святые и почитаемые. Когда я записывал рассказы старых крестьян и рыбаков, когда я осматривал урочища, источники и камни, мне становилось ясно, что печерская земля задолго до построения местного монастыря и сельских церквей и часовен была обильна языческими святыми местами (память о них, конечно, утеряна за века, особенно на местах, не раз разоренных, где население было уничтожено во время страшных войн, опустошавших в древности край), что деревенские святыни делились на местные и общемирские, прославленные своими чудотворениями, куда привозили больных, не исцелившихся у малых святынь.

17. Полное собрание русских летописей, издаваемых археологической комиссией Академии Наук СССР; т. 4-й, Новгородская четвертая летопись, выпуск 3-й. 1929 г. Ленинград.

18. Не только инок Илья просвещал народ в этих местах, разоряя языческие священные рожи, разбивая священные камни, но и преподобный Никандр, чья обитель была в земле Псковской, в порховских болотах, побывал с христианской проповедью в этих местах, и о нем до наших дней сохранили предания крестьяне: как его тогда люди гнали, не позволяли заходить ночевать, как его пастухи на болоте избили и на камне осталась его кровь. Потом миссионерским делом занимался здесь строитель Псково-Печерского монастыря преподобный игумен Корнилий.

В Мегузицах обряд поклонения Иванову камню, который я наблюдал два раза, достигает размеров настоящего паломничества — около него собираются все окрестные нищие, знахари и знахарки, которых после жертвы и поклонению камню паломники щедро, по языческому обряду, одевают. К Мегузицкому камню в довоенное время (до 1914 г.) народ приходил даже из Новгородской области. Очень интересен жертвенный камень в дер. Пельси, который я обнаружил в 1938 г. и наблюдал, как старухи приносили ему жертвы белой и черной шерстью. Паломничество к Титову камню, лежащему в ручье Каменце, недалеко от Печер, совсем прекратилось. Водой с Глазного камня, находящегося в д. Кудье, на берегу Псковского озера, старухи еще недавно лечили детей.

Л. 16

Интересен камень с «ангельским следком» — отпечатком детской ступни на острове Семске, камень «со следком» у озера Любенец — на него до сих пор пастухи приносят ягоды, хлеб; болотный Бодраков Камень, которому женщины, отправляясь осенью по ягоды, приносят жертвы, и пользующийся славой большой камень с купелью в Соколовом бору около дер. Житенки. Во время экспедиционной работы я узнал от крестьян, что Словенские — Славянецкие ключи, бьющие недалеко от Труворова Городища в Старом Изборске, в древности были местом славянского и чудского паломничества и богомолья — к ним привозили издалика расслабленных и больных, ставили их под падающую с горы воду многочисленных ключей, из которых особенно славой чудотворной живой воды пользовался Шумильник. Лечение у Изборских Славянецких ключей теперь прекратилось.

Места бывших священных деревьев в Печерском краю немногочисленны. Народ, главным образом женщины, еще почитает святой дуб Печерского монастыря, оставшийся от росшей в древности на Святой горе священной рощи. Надо отметить, что этнографическое обследование Печерского края из-за начавшейся войны мною не было закончено. В 1938 г. с работой пришлось торопиться. Часто я не мог остаться подольше на месте, подробнее расспросить крестьян. Население, зная меня по работе, относилось к вопросам благожелательно, что было особенно ценно, т. к. крестьяне не любят сообщать пришлым о сохранившихся в их среде, передающихся из поколения в поколение священных обрядах. Правда, многие из крестьян считали уже народное суеверие большой глупостью и стеснялись его. Конечно, в Мегузицах, как и в Изборске, монахи приурочили народные празднества к церковным¹⁹. В Мегузицах в день Ивана [...].

19. [Это предложение и следующее, незаконченное, вместились в подстрочник как ссылка, однако в самом тексте на л. 16, пометки, обозначающей ссылку, нет. — Прим. ред.]

Паломничество крестьян, русских и сето, к Иванову камню

в день празднования Рождества св. Иоанна Предтечи.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016981. ■ МНБ

Предметы утвари, бытовавшие у русских и сето (экспедиция Л. Зурова, 1938 г.):

а — корзина, плетеная из щепы, д. Лезги;

б — сосуд для хранения свечей, плетенный из корней сосны, деревня неизвестна;

в — поварешка деревянная, д. Веселкино;

г — кадка для хранения творога бондарной работы, д. Веселкино.

Кол. МНН 1938-170-256, 245, 247, 244/1,2 (передана в МЦЕиС).

Фотографии МЦЕиС. ■ МЦЕиС

В 1928 г., производя обследование древностей Печерского края по поручению профессора Латвийского университета В. Синайского и академика Виноградова (для монографии о Псково-Печерском монастыре) и от тайловского священника, отца Элия Верхоустинского, в ведении которого находился тогда Тайловский приход, узнал, что близ дер. Мегузицы, на берегу малой реченьки находится священный Иванов камень, который издревле почитает не только окрестное сетское, но и русское население. По словам о. Верхоустинского и по сведениям, которые я получил и от местных стариков, в старину, в Иванов день, около Иванова камня собиралось до 5000 народу. Отец Верхоустинский бывал в Мегузицах несколько раз и видел, как к Камню люди приносят жертвы — творог, покрытый сверху маслом, лепешки и яйца. Женщины обычно подходят к камню со свечой и с ведерком, наполненным маслом и творогом. Свеча сжигается на камне, а из ведерка обязательно берут ложкой творог или масло и бросают на камень, потом ставят на камень ведерко, чтобы его освятить, совершают камню несколько поклонов с крестным знаменем и целуют камень. Потом освященным творогом по очереди одевают сидящих за камнем нищих. Женщины кладут на камень и хлеб, полотно, новые лапти и, после того как эти дары полежали на камне или коснулись его, раздают все нищим. К камню же, надеясь получить исцеление, прикладываются животом, головой и другими местами, камень обмазывают творогом, маслом, приносят к нему детей, прикладывают к нему узелки с шерстью, желая ее освятить, как древнюю языческую жертву. Народное предание говорит, что на камне когда-то был след Иоанна Крестителя²⁰. По рассказам крестьян, соседний немец-помещик когда-то...

...попытался бороться с народом, и так как праздник ему не нравился, взорвал Камень, осколки привез к себе во двор и положил их в фундаменте строящегося хлева, но после этого у него начал падать скот, и он, испугавшись, отвез куски камня на старое место. Обычно в Иванов день священники служат в деревенской часовне литургию, а женщины после нее идут прикладывать к камню детей. В 1935 г. летом я осматривал древние места Печерского края, регистрировал старину, находящуюся в церквях и часовнях. От благочинного печерского уезда о. Раака [Раага. — Прим. ред.] я получил сведения, что и в 1935 г.

20. Я считаю, что предание об Иоанне Крестителе проникло в народ через иноков Псково-Печерского монастыря, которые, ведя миссионерскую работу, заменяли языческие празднества праздниками православного календаря. [Внесено в подстрочник как ссылка, указания на ссылку на л. 18 нет. — Прим. ред.].

на Иванов день народ собирался к Мегузицкому Камню. Дополняя рассказ о Верхоустинского, он мне сообщил, что за деревней Мекси, на берегу ручья правда лежит не цельный Камень, а вернее кусок камня, так как его давно взорвал владелец имения Нейгаузена. Сбор народа начинается 23 июня вечером, но обряд продолжается и 24. Люди несут сюда свою жертву: освящают шерсть, масло, творог. В этот день в часовни приезжает духовенство, которое население оделяет по обычаю. Служат теперь монахи и около часовни, недавно построенной монастырем около самого Камня. Нищие возвращаются из...

Л. 19

...Мегузиц с кадками, наполненными творогом и маслом; с мешками, полными хлебом. В этот день богомольцы оделяют просящих очень щедро. Люди съезжаются к камню со всего Печорского края. Они прикладываются к Камню больными местами и, видимо, вера помогает. В этой маленькой слабой речке они купаются, ожидая исцеления; моют одежду больных, глаза и детей.

В 1935 г. от крестьян, приходивших в Печорский монастырь, я узнал, что около Камня в древности росло почитаемое дерево, под которым, по преданию, отдыхал Иван-Креститель, а потом на Камне поправлял свою обувь, оставив свой след, а в речке умывался. Старуха Ульянова (сноха Алексея Ульянова), живущая за деревней Тайлово, мне сообщила: «К камню народ идет по завету-обещанию, там нищим всегда подают и исцеление получают. Многие приходят и от берегов Псковского озера. наших русских от Обозерья²¹ много всегда приходило. Придут, на Камень сходят, покупаются, нищих наделят и назад к себе ночью идут; кто в Печоры, кто в Обозерье. Всегда, говорят, там исцеление получают. Попы, которые служат там, в этот день, творог отсюда привозят кадками[»].

Весною 1935 г. я отправился пешком в Мегузицы по дороге древних походов Ливонского Ордена, осмотрел по пути курганы в Тайловском бору, могильники на Свинской горе и у селения Серга и Константиново, а также развалины орденского замка Нейгаузена²². В деревню Мегузицы, расположенную на берегу реченки, населенную занимающимися хлебопашеством сетами, я прибыл под вечер. В ней было две часовни. Около одной росли старые деревья. Я узнал от жителей, что Мегузицы, как и другие...

21. Обозерье — берег Псковского озера; оно начинается от устья реки Великой и идет до острова Кошкина.

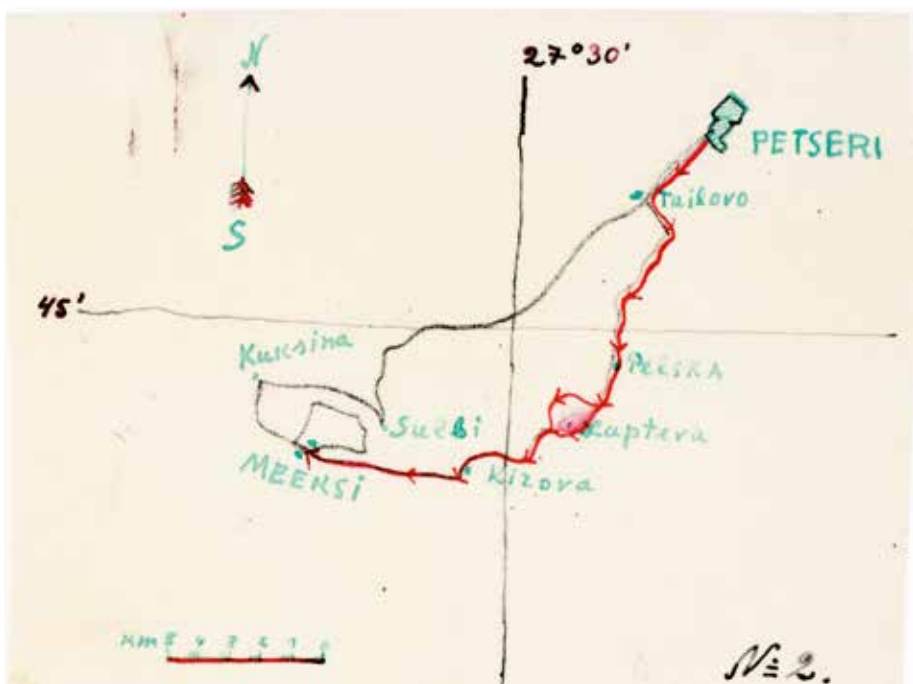
22. Орденские рыцари на построение каменного Изборска (1330 г.) ответили сооружением в 1341 г. замка Нейгаузена — Нового Городка Ливонского, на реке Пижме [Пимже. — Прим. ред.], на Ливонской границе [Согласно письменным источникам замок был основан в 1342 г. и известен в эстонской историографии как Вастселийна. — Прим. ред.]

...расположенные поблизости деревни, с глубокой старины, в Иванов день сдавали помещения за плату паломникам. Их теперь собираются сотни, а раньше из России приходили тысячи. В Иванов день все сеновалы, клетки заняты постояльцами, во дворах ночуют обозы. Возможно, что и деревня-то Мегузицы возникла когда-то у священного Камня, так же, как когда-то и около Печорского монастыря возник посад, впоследствии разросшийся в пригород. Иванов Камень Jaapikivi находится за деревней, на левой стороне вытекающей из болот маленькой речки, бывшей когда-то древней границей. Если бы не выстроенная около Камня несколько лет тому назад маленькая, сбитая из теса часовня, то мимо этого места можно пройти или проехать, не обратив на Камень никакого внимания. Он лежит у самой воды на земле, принадлежащей мегузицкому торговцу Japioja [Яниойя. — Прим. ред.], под невысоким песчаным обрывом, который весеннее течение размывает. Возможно, когда-то Мегузицкий камень лежал на кургане²³, но во время половодья сполз вниз вместе с подмытой частью песчаного берега. Он еще велик, поврежденная взрывом сторона, на которой люди, как я узнал об этом после, оставляют дары, обращена к воде. Весною было сильное половодье, берег смыло, и я увидел под Камнем и под часовней черный от золы и углей культурный слой, из которого торчали берцовые кости погребенного когда-то человека. Поднявшись на курган, я осмотрел лежащее за Камнем поле, переходящее в горку, и на свежей запашке обнаружил места погребений — выход костей и керамики. Могильник продолжался и за полевой дорогой — проселком, проходящей сразу же за курганом. (Рассказы крестьян подтвердили мои наблюдения. Оказывается, из года в год весенняя вода вымывает у Камня человеческие кости.)

Так как я не знал сетского языка, то муж местной учительницы, г. Хагеман, любезно согласился быть моим переводчиком. Мы прошли в деревню и опросили крестьян, которым принадлежала земля, находящаяся за Камнем. Старуха сетка сообщила мне, что действительно вокруг Камня, по рас-

... сказам стариков, находился раньше древний могильник, что при распашке полей у реки не только на ливонской стороне, но и на русской крестьяне

23. В грамоте царя Ивана Васильевича Грозного, выданной Псково-Печерскому монастырю в 1561 г., упомянут этот камень и назван: «Теплый Камень, на кургане, при ручье» — он служил тогда одним из пограничных знаков. Из акта Грозного известно, что Теплый Мегузицкий Камень находился на кургане. По народному преданию, холм, при подопшве которого лежит камень Püha Jaapimägi, служил в древности кладбищем, которое существовало еще до постройки Тайловской церкви и было покрыто рощей, в которой хоронили мертвых.

Карта, нарисованная Л. Зуровым в 1937 г. Красной линией обозначен маршрут из города Печоры (Petseri) в деревню Мегузицы (Meeksi). MNHN-2AM1M1F.

■ НМЭИ, Центральная библиотека

находили много черепов, костей, разбитых горшков, а иногда и железные вещи. По рассказам старых людей известно, что в Мегузицах стоял обоз царя Грозного, и хлеб тут пекли для ратных. В старину тут шли бои, и много русских у реки было побито²⁴, и на их могилы потом, в давнюю старину, из России приходил народ, много русских. У камня народ лечился всегда, много всегда к нему русских от берегов озера приходило и народа из Печор и из Пскова. И нищие со всего края приходили сюда, потому что тут много дают. Живущая неподалеку от Мегузиц на хуторе учительница воронкинской школы Зинаида Николаевна Хагеман рассказала, что 24 июня совершается интересное поклонение Камню. Правда, раньше сюда приходило много людей из Пскова, но это было в мирное время. Теперь, когда установлена граница с Советской Россией, Камню поклоняются только люди, жив[у]щие

24. В 1341 г. 2 августа псковичи и немцы столкнулись «на Мекужитцком поли у Мекужице речке». В бою был убит князь Юрий и 60 псковичей. I-ая Псков. летопись. Нейгаузен был взят и разрушен при Иване Грозном.

в Эстонии. Накануне Ивана женщины жгут костры, пляшут, прыгают через огонь. Нищие приходят со всего округа. После того как кашка с творогом постояла на Камне, богомольцы одевают этим творогом нищих. Больные купаются в ручье. Поклонение продолжается всю ночь. Больные трутся о Камень, прикладывают к телу осколки камня. Женщина придет больная глазами — рукой дотронется до Камня, а потом до глаз. Камень мажут маслом. После праздника, вечером 24-го начинается в деревне гулянье: женщины пьют домашнее пиво, ходят партиями, пляшут, поют неприличные песни, которые нельзя перевести. Мужчины в их гулянье участия не принимают — пьют и поют в стороне.

л. 22

Иногда женский разгул становится разнузданным. В 1937 г., сразу же по приезде из Парижа, я попал в мегузицкий праздник. Прибыв в Печоры 23 июня, я отправился пешком в путь и вечером в наступающих сумерках, подходя к деревне Кувшиново, увидел с горы многочисленные огни костров, услышал песни сетов. Пели в разных краях, уже скрытых сумерками и поднимающимся туманом, за лесами, болотами, в диких местах, на отдельных хуторах. Были слышны мужские хоры и женские. Женщины пели Лелу. «Лелокали», как говорят про них русские крестьяне. Уже было совершенно темно, когда я пришел в Мегузицы, встречая по дороге семьи съезжающих на праздник полуверцев. Деревня была переполнена. Во дворах стояли кони, телеги. Съезжались все родственники. Сараи, клетки были заняты богомольцами и нищими, располагающимися на ночлег. Деревня гуляла. В каждом дворе женщины сетки в нарядных платьях уже пели, плясали, стоя кругами. Одна запевала, импровизируя, а другие подхватывали и, взмахивая руками, подпрыгивали. Все они были уже во хмелю. На одном дворе, куда я зашел, где хозяйка обносила гостей, угощая их во время пения эротических песен и пляски домашним пьяным черным пивом, которое она предлагала с поклонами церемонившимся женщинам, я увидел выпешшего из избы монаха, который растерянно слушал разгул, развернувшийся на деревенских дворах. К нему подходили мужики и, смеясь, его тоже угощали. Было странно, все напоминало языческую древность — и пляски женщин, пьяных, веселых, распущенных, и их песни о своей и чужой тайной жизни. Я обходил дворы. Каждый из них гулял, наполненный гостями. Бабы пели, притоптывая, плясали с кружками, полными пива, с кувшинами, дико топтались, остро выкликали, взмахивая руками. Мужчины были брошены, их оставили пить в избах, да они уже почти что все были пьяны. Они не существовали для веселящихся женщин. Маленькие, некрасивые, коренастые, лохматые в городских пиджаках, крестьяне пели свое в освещенной избе, обнимаясь, сидя за залитым пивом столом.

Сетоская праздничная мужская рубаша. Д. Вяйко Рысна (Малая Тросна).
Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. Кол. MNHN 193-48-7 (передана в МЦЕиС).
Фотография МЦЕиС. МЦЕиС

На дворе молодая, красивая, статная хозяйка в ожерельях, серебряных нагрудных цепочках, изумительно нарядная в своем древнем вышитом сетском костюме, угощала поющих и без того пьяных женщин. Старухи и молодые замужние женщины с детьми (которые хватали матерей за подолы во время пляски) стояли, образуя круг, притоптывая, обнимаясь, целуясь, нашептывая что-то друг другу, взмахивая руками. Ребята окружали пляшущих, поющих эротические песни матерей и бабок, которые по очереди импровизировали стихи о половой жизни; вся деревня была охвачена древним праздником — и так с пляской, песнями, забрав с собой ведра и кувшины с пивом, в сопровождении нарядных старух и детей, женщины пошли со двора по дороге к старинному месту костров, куда уже днем был натаскан хворост. По дороге они часто останавливались для разнузданной пляски и пьянства. По горизонту было видно зарево костров — на всех хуторах уже гуляли и пели, окрестность с темнотой странно оживала. Уже загорелся костер за деревней, старухи на дороге плясали, и песню их подхватывали все женщины, увивающиеся в пляске вокруг старух, и пляска захватывала их всех, все уже были в диком возбужденном экстатическом состоянии, а у костра огонь освещал лица пришедших с дальних хуторов пляшущих баб. Они окружали костер, пели и под пение прыгали через огонь с криками то поодиночке, то парой, взявшись за руки, но не через огонь, что меня удивило, а прямо в огонь так, чтобы разбить его ногами, разбросать в стороны головешки, а потом сразу же выпрыгнуть из костра в песчаное, засеянное овсом, уже истоптанное поле. А во время их прыжков пели, обнимаясь, целуясь, держа на руках грудных детей, пьяные бабы. Костер не потух сам, женщины потушили его своими прыжками, а потом, когда он превратился в груду раскиданных по песчаной дороге к полю головешек, углей, они вернулись в пьяную деревню, где уже орали хорами не своими голосами, образуя круг, мужики жгли смолье, поднятое на высоких шестах. Не...

...которые мужья вышли женщинам навстречу, один из них, пьяный, споткнувшись, упал на дорогу, и бабы смеялись, пели, плясали над ним, становились над его распростертым телом, расставив ноги. Как потом я узнал, в священном ручье этой ночью купались девушки и около воды ворожили старухи. Всю ночь деревня гуляла, справляя праздник Ивана-Купала, который превратился в вакханалию.

Утром я пришел к Камню до того, как началась служба в часовне. Народ уже поклонялся камню и приносил ему жертвы. На Камне догорали прилепленные к нему свечи, нищие, собравшись во множестве, сидели рядом со знахарками и убогими; к Камню подходили все новые и новые паломники

русские и сеты — лечились, прикладываясь к Камню то спиной, то плечом, то лбом, целовали Камень, становились на него, садились. Русских было много. От стариков я узнал, что когда-то к Камню приходили даже из новгородской земли, что раньше на Камне был следок — пятка и все пять пальчиков, но эта часть камня разбита.

У ручья я видел, как больные священной водой мыли свои язвы; видел, как две старухи долго обивали камень камнем, поднятым со дна ручья (придавая ему заостренную форму). Потом одна старуха левой рукой держала бутылку, а правой — над бутылкой камень, обитый как первобытный топор, острием книзу к горлышку бутылки, а вторая, пришепывая, лила из кружки на хвост камня зачерпнутую из ручья воду, лила ее на камень так, чтобы она стекала с острого конца камня в бутылку. В часовне шла служба. Часовня была переполнена, но рядом с нею целовали камень, приносили ему жертвы (и по выходе из часовни). За Камнем неподалеку от нищих сидело несколько сетских старух-ворожей. Я сфотографировал женщину, которая стояла на коленях около сетской колдуньи, прикрыв свой рот платком. Родня молодой женщины, для которой старуха ворожила, сидела рядом, ожидая. Колдунья нашептывала на воду, прикрыв склянку с водой и свое лицо...

П. 25

...черным платком. Другая ворожейка нашептывала в это время, согнувшись. Сделав несколько фотографических снимков²⁵, я, к сожалению, должен был покинуть Мегузицы и отправился пешком обратно в Печоры.

Вот сведения, полученные в 1937 г. от иеромонаха Печерского монастыря отца Анатолия, который служил в Мег[у]зицкой часовне в Иванов день: — «Всю ночь они пели с 23-го на 24-ое, свое пели, по полуверски, всю ночь напролет ходили и пели. С вечера огни жгли. Всюду видны костры на горах. А Мег[у]-зицы, вся деревня поет, артелями ходит и угощает друг друга пивом. 23-го, каждый год, с четырех часов, народ собирается к Камню. И молебны служат. Помилуйте, два пуда с лишком масла в этом году набрал. Хорошо жертвуют. Обливают камушек, пьют воду, и многие, принимая с верою, исцеляются. До революции и с Юрьева приходили, с Латвии, с Псковской губернии. Свечи ставят, обливают камень, а воду берут домой.купаются, детей моют, а рубашки детей, которые больные, кидают нищим, рубашки недужных.купаются в ручье. К камню подойдут — один коленкой жметесь, другой животом, а кто и на камне стоит, ноги лечит, другой лбом прикладывается к Камню — все недужные, все больные; если бы не было исцеления, не ходили бы. И многие полуверцы мне говорили: — “Батюшка, помогает нам Бог”. А то откальвают

25. В 1937 г. я сдал в Музей человека 30 негативов: поклонение Камню. Лечение около него. Ворожба старух.

**Русские и сето возле часовни
в день празднования Рождества св. Иоанна Предтечи.**
Д. Мегузицы (Меекси). Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 017010. ■ МНБ

кусок камня, несут к себе в деревню и там в воду его опустят и с камня эту воду пьют. Камень и маслом мажут, а то шерсть принесут, до него его дотрагиваются. И в часовне есть камень — головой об него постукает, а то дотронется до него и больными ногами. Уважаемый камень, уважаемый[»].

Инок Печерского монастыря отец Дорофей мне сказал: «В Мегузицах это я поставил у камня часовню. Это для того, чтобы не поклонялись...

Л. 26

...Камню, а иконе, я устроил там домик, иконостасик. Там в Мегузицах уже есть молитвенный домик и старая часовня. А я еще и на камне устроил. Это хорошее место. Священник там всегда сытно жил, там народ хороший. А часовня это, знаете, как сторож православия. В Иванов день всегда рядом со старой часовней бывает гулянье; страшно, знаете, раньше буйно гуляли — пляски, крики, песни всю ночь. Церковь многое, знаете, прекращает. Утром все же собираются в церковь. Ну на Камень и раньше приходили, ставили свечи. Там не только свечи ставили, а его и творогом обмазывали; больные приходят, снимают рубахи. Много говорят: «С Мегузиц пришел и чувствую себя здоровым». Некоторые нищие туда так и ходят, чтобы одеться и продуктов на месяц набрать. А камни оттуда разносят. Народ эти маленькие камни с собою уносит. Где болит — прикладывают. На другой год приносят их обратно, и видишь — отобьет камушек и туда, где болит, привязывает. Ну, конечно, — поверье»²⁶.

В д. Кувшиново старик Павел Дубровин мне сообщил: — «Камень вечно был, и вечно на этот Камень ходили исцеляться по завету. Приезжали верст за сорок, брали воду с реки — эта вода считалась как священная, на камень ставили свечи, иной раз и маслом мазали камень — не знаю почему, наверно, по завету». В д. Пельси Алексей Аннемае сказал: «Старики говорили, что Ликандра молился в Мекси, в Иванов день молился». В д. Воронино Ермакова сказала: — «В Мегузицы приносили шерсть, клали на камень. А то молоко и свечи ставили». А в д. Кашино старуха Сотникова добавила: «Когда скотина заболевает, тогда и завещают, что надо на Камень сходить. От накожной болезни моются и платье нищим отдают».

Л. 27

22 июня 1938 г. сразу же по приезде из Франции я вышел утром из Печор по дороге на д.д. Тайлово, Бельково, чтобы попасть в Мегузицы к началу праздника. Я знал, что паломники собираются к Камню с трех часов дня 23 июня.

26. Отец Дорофей мне сообщил, что по народному преданию в Мегузицах проповедовал Преподобный Никандр, но его изгнали; он пошел в д. Сыромятино, и та деревня прогнала его, он тогда уже — в д. Замогилье к Изборску. Но те тоже не приняли. Тогда он ушел в Порховские болота и построил там монастырь.

По дороге я встретил полуверца, живущего под Тайловым, который мне рассказал о Мегузицком Камне следующее: — «Это с поста бабы туда масло, творог везут (то есть масло и творог, собранные сетскими женщинами во время поста перед Ивановым днем), да теперь народ перестает это делать. Сам я там в Мегузицах не был, и моя баба туда не ходит. Теперь таких дураков нет, чтобы устраивать пост: сам не ест, а туда носит». Тайловский лавочник, русский, у которого я покупал продукты, насмешливо сказал, узнав, что я иду к Камню: — «Идете смотреть, как бабы по камню масло размазывают». Производя археологическую и этнографическую разведку, я в этот вечер получил следующие сведения на Комаровском хуторе от владельца и его жены: — «Старухи говорили, что когда-то Иван Предтечи проходил мимо Мегузиц, и след там на камне его есть. Этот Камень разбит. Каждый год старухи ездили туда на Ивана и сметаной его мазали, чтобы скот велся. В реке купались больные, а потом платье оставляли нищим. Праздник Ивана не был единственным у стариков. Около деревни Дяглово (Дятлово. — Прим. ред.) находилась священная береза, которую тут почитали, но ее громом разбило. Они (сету) туда богов раньше возили. Молиться в Троицкий день они собирались, гуляли, божка в гумно приносили и праздновали ему, а потом по жребню его передавали тому, у кого первого кровь покажется. Поднимут возню; и у кого во время драки покажется кровь, тому и бога отдавали и считали так — у кого он будет храниться в этом году, у того будет во всех делах успех и урожай, скот в хорошем состоянии. Один год божок был у одного, а на другой год переходил к другому. Старики рассказывали, что к этой березе они собирались праздновать. Там был у них свой поп, похоронили его потом в Тайлове. Когда его хоронили, то народ говорил, что этот...

П. 28

...поп полуверский, попу хоронили как святого. По рассказам, голова у деревянного божка была в шипах, как у розы. В рожь и в засеки его прятали. И эти старики, что праздновали у дягловской березы, ходили и на Иванов Камень[»].

Поздно вечером, собрав сведения о растительных красках, мы (меня сопровождал молодой печерянин А. Андронов) пришли в полночь в деревню Бельско и переночевали там в школе. В 6 ч. 30 м. утра мы бегло осмотрели деревню и вышли на Мегузицы, так как торопились к началу праздника. По пути, в деревне Лаптево, мы зашли к местному старожилу и охотнику, старику Спиридону Ивановичу. Об Иванове Камне он сообщил следующее: — «Раньше съезжались в эту местность отовсюду: изю Пскова, с Острова. Теперь граница прошла, нельзя ездить. От барина Камень был нарушен. Говорят, правда, — никак во хлев нельзя было скот завести, и тогда он Камень выломал и отвез на старое место. Говорят, будто на этом

Сетоская праздничная женская рубаха. Приобретено Б. Вильде у Анны Цанк. Д. Калугино. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. Кол. MNHN 1937-48-1 (передана в МЦЕИС). Фотография МЦЕИС. МЦЕИС

Камне купался Иоанн Креститель, сидел и отдыхал. Ходят люди на Камень и теперь, и это глупо делают. Молочное к Камню приносят — творог, масло, в реке купаются, белье отдают нищим, надевают новое, лечатся от болезней. Говорят, что выздоравливают. Выходит — правда, народ лезет к Камню, липнет. И привозили просто убогих людей, к реке возили, смывали, белье отдавали нищим. С Обозерья народ тоже приходил, издалека народ приезжал; много народу, большими тысячами скапливались. На второй день Ивана начинается гулянье. Сегодня часов с трех священники явятся молебны служить — одна партия отслужит, другая явится. Раньше служили только в деревне, а теперь маленькую часовню у Камня поставили. Вот уже люди помаленьку и пошли в Мегузицы», — закончил он, показывая нам на дорогу, по которой шли босиком старухи с узелками.

Мы шли на деревню Воронкино через болото, лес и после тяжелого пути оказались на дороге, по которой шли и ехали к Камню богомольцы. С ними, конечно, можно было говорить, но не особенно любопытствуя и неспра...

Женские кожаные постолы — традиционная обувь сето.

Д. Обинитса. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. Кол. MNHN 1937-48-15 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

...шивая фамилий. Одна из попавшихся нам по пути старух, нехотя на мой вопрос, как лечились раньше около Камня, ответила: «Раньше лечились около него так же, как и сейчас».

В три часа мы были в Мегузицах. Погода портилась, небо закрыто облаками, предвещавшими дождь, что было неприятно, так как я приготовился фотографировать. Поклонение Камню уже началось до нашего прихода. Народ не ожидал, когда приедут священники Печорского монастыря, и я представил себе, что бы было, если бы священники и вообще не приехали к построенным ими в разное время часовням. Несомненно, обряд поклонения и лечение у Камня велся бы и без них, как кланялись Камню и до построения часовен. Руководителями праздника стали бы старики, старухи и те тайные сетские и русские ворожеи и колдуны, которые теперь сидели среди нищих и были среди паломников (особенно много знахарей и колдунов живет в русских деревнях Лавровского края и в Новоселье. Всем рыбакам известна волхва Обозерская, происходящая из рода озерных колдунов, которых рыбаки всегда боялись. К сожалению, о сетских колдунах я мало знаю, хотя, по слухам их очень много). В Мегузицах я зашел в часовню, поставленную монахом для того, чтобы освятить место языческого паломничества, отвлечь народ от языческого обряда. В ней была икона Иоанна Крестителя, очень плохо написанная, и в землю был врыт фальшивый колодезный сруб, и в нем стояло ведро с водой и в нее были опущены принесенные от Ивана осколки камней²⁷. А за часовней нищие уже сидели на обычных местах, народ приносил Камню жертву. Я фотографировал. Небо темнело с каждой минутой. Шло омовение в священном ручье. Во время поклонения и очищения в деревню Мегузицы приехало духовенство. Началась служба в двух больших деревенских часовнях. Но еще задолго до их приезда нищие получали от женщин полежавшую на Камне шерсть, творог, паломники в водах ручья лечили ноги, мылись изпод Камушка, и среди...

...них было очень много русских. Я наблюдал, как женщины мыли в ручьях лица, уши. Одна из них сняла платок, помочила обеими руками свои волосы, шею, напилась, зачерпнув воду руками, а после омовения подарила нищим платок. Другие жертвовали нищим рубашки, чулки и бросали деньги в воду. Я видел, как русская женщина положила тарелку с творогом (покрытым маслом) на Камень, а потом пальцем взяла масло, размазала его по Камню, перекрестилась и, захватив творог с собой, пошла оделять им нищих.

27. По преданию, нейгаузинский помещик их привез обратно к камню из своей усадьбы.

Русские богомолки умываются водой Мегузицкого ручья,
приобретающей целительные свойства в Иванов день.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016992. ■ ИЧБ

На Камне лежали принесенные кем-то маленькие камушки-кругляшки. Больные мыли ими сухие руки, мыли руки камнями. Подошла старая полуверка в полном наряде, потерлась о Камень боками, животом, грудью, приложилась к нему головой, бровями, потом разобрала конец своего пояса, выбрала красную шерстяную нитку, вырвала ее, положила на Камень, перекрестилась и пошла прочь. Русский старик привез девочку и поставил ее на Камень. В маленькой часовне у Камня, куда я опять зашел, люди мылись водой с каменных осколков. Там еще не было священника, но всем заведовали старые бабы и нищенки. Одна-то из них и принесла утром в часовню ведро с водой, зачерпнутой из священного ручья. На дне ведра лежали осколки священного Камня. Зачерпывая из ведра воду кружкой, на дне которой также лежали камешки, она давала народу пить эту воду, лила ее на руки просящим, — те мылись этой водой, пили воду и одаряли старуху деньгами.

Сильно затучило, но все же я успел сделать 36 снимков при облачном небе и накрапывающем дожде. Хлынувший ливень заставил меня вместе с народом бежать в деревню и укрыться под строениями. Погода надолго испортилась. Только после заката посветлело и очистилось небо. В сетских домах все было готово к празднику — повторялась картина прошлого года, женщины...

П. 31

...пели, угощали гостей пивом, за деревней на песчаной возвышенности был заготовлен хворост, но он отсырел, и все теперь со дворов к месту огня несли с собою сухие вязанки. Костры зажгли ребята. В этом году я уже не наблюдал такого оживления, как в 1937 г.; правда, наряженные женщины с пением пришли из деревни и с окрестных хуторов; тут же были и гости, приехавшие из Паникович. Русские богомольцы, как и в прошлом году, не принимали участия в сетском гулянье. Большинство русских, полечившись у Камня, оделив нищих, выслушав молебен в часовне, помывшись в ручье, в тот же вечер отправились по домам. Оставшиеся, утомленные долгой дорогой, спали. Разместившись по клетям и сеновалам у знакомых сетов или в русских деревнях, находящихся поблизости, в Воронкине и Кувшинове. Я узнал, что в эту же ночь в русских деревнях крестьянская молодежь зажигает свои костры и гуляет всю ночь с песнями, не смешиваясь с праздничными сетскими деревнями.

Возвращаясь от костра, сетские женщины пели. Я попросил моего спутника перевести. Песни были эротического содержания — импровизация о половой жизни, о подругах и их мужьях. Возвращались сетки с разгульной пляской, обнимаясь. Целуясь, часто останавливаясь по пути, чтобы выпить. Дикие мужские хоры доносились из деревни. Там снова на шестах парни жгли просмоленную солому и пели, не принимая участия в женских плясках, но как бы хором женщинам отвечая. С темнотой женские игры становились

все откровеннее, уже и молодые мужья принимали в них участие. Начинался разгул.

В древности ивановские празднества достигали наибольшей силы в эту ночь.

л. 32

Нам известно, что праздник весны, — ее высшего расцвета, подъема и силы — был Иванов день — Ивана Купалы. Он являлся кульминационным торжеством двух солнечных божеств (мужского и женского) — 23 июня Аграфены Купальницы и 24 июня Ивана Купалы. Потом, после принятия христианства, поклонение солнцу, очищаясь от языческих воззрений, сосредоточилось на празднике св. Иоанну Предтече, и Иван Купала слился, отождествился с Иоанном Крестителем: свойства солнечного бога перешли на личность христианского святого, и праздник Ивана смешался с древним праздником Яриле. В белорусских песнях Ян (Иван) является неистовым охотником до красных девиц, желающим оплодотворить не только животных, но и весь растительный мир. Купальские торжества были известны не только славянским народам, но и эстам, литовцам и латышам. В этот вечер, на 24 июня, в древности всюду (как и в древней Галлии, как и ныне в Провансе) загорались костры — огни солнечного бога. Славяне праздновали и славили достигший в этот вечер особенных сил расцвет природы. В таинственную, наполненную любовной магией Иванову ночь все особенно колдовски вокруг них оживало, особенными становились не только звери и птицы, но и деревья, травы, цветы. Все вокруг становилось чудесным. Оживали камни, особенной магией были насыщены воды, чудодейственной лекарственной силой обладали травы. Люди праздновали солнце и в песнях величали солнечное, достигшее особенных сил божество. В эту ночь колдуны копали корни, люди искали клады. Жизнь всюду раскрывалась, вспыхивала и цвела с особенной силой, и люди славили зажженными кострами небесный огонь — земное плодородие. Они прыгали парами через огонь на очищение, радость, красоту, силу и здоровье. Цветы приобретали в эту ночь таинственные свойства, папоротник в лесу расцветал необыкновенным огнем, оживали деревья — во всем жило очарование и волшебство любви, избыток сил, огонь жизни. И люди, празднуя священное солнце, на холмах и у вод жгли огни, в венках из цветов и трав водили хороводы, справляя в лесах и полях вакхический праздник плодородия, а после ярой ночи и очищения огнем, на заре, при выпадении росы, второй раз очищались — купались в реках и озерах.

л. 32а

Этот праздник сохранялся в древности особенно сильно в Псковском княжестве, на земле которого находилась в то время и деревня Мегузицы.

В 1505 г. игумен одного из псковских монастырей Памфил писал наместнику псковскому: «...Когда приходит этот великий праздник, день Рождества Предтечева, и в ту святую ночь мало не весь город (Псков) возметется и взбесится... Встучит (застучит) город сей и возгремят в нем люди... Стучат бубны, голосят сопелы, гудут струны; женам и девам плескание (удары в ладоши), ... устам их клнч и вопль, все скверные песни, хребтом их виляние и ногам их скакание и топтание; тут мужам и отрокам великое прельщение и падение; женам замужним беззаконное осквернение, девам растление... Те же псковичи, в тот святой день выходят... мужчины и женщины, чаровницы (знахарки), по лугам и по болотам, в пути и в дубравы, ищут... копают корни на потворение и на безумие мужам; все это творят с приговорами сатанинскими... [»]

Утром 24 июня в восемь часов я начал фотографировать у Камня. Служба уже шла во всех часовнях. У Камня толпились паломники, берега ручья были наполнены людом. В это утро в поклонении Камню участвовало особенно много русских крестьянок. Я пропустил мимо себя более двухсот и видел, как они, соблюдая древний обряд, лечились на Камне, оделяли нищих; мылись сами и мыли детей в священном ручье. Многие пришли за десятки верст: с острова Колпино, из деревни Медово, д. Каменки, от Изборска, с Гверстони, от Моложвы, с Лесицка. Были паломники от Лавров, из Печор; то есть со всего Печорского края. Я видел, как у Камня лечилась молодая русская пара. Одна из русских девушек подошла к ручью, расстегнула кофточку и, зачерпнув рукой воду, помочила ею себе по очереди груди, потом помыла...

П. 33

...лицо, глаза и выпила воды. Я видел десяток русских старух, пришедших с внуками и внучками, которых они раздевали на берегу ручья и обмывали священной в этот день водой. Вообще день 24 можно назвать семейным детским днем, так много приносили детей к ручью и Камню.

Временами перепадала дождь. В этот день я фотографировал. Позиция была неудобна [для] снимков. С одной стороны Камень закрывала часовня, с другой стороны — спины нищих. Противоположный берег был крут, Камень лежал недалеко от воды и около него все время толпились, заслоня друг друга, больные и приносящие жертву. Нужно отметить, что мой маленький фотографический аппарат пугал богомольцев: многие, заметив, что я снимаю, закрывались и, не окончив лечения, уходили от Камня.

Я видел, как на Камень приходили целые семьи и, принеся жертву, положив ее на Камень, молча молились. Женщина принесла своего ребенка, села сама, раскрыла его и поставила босыми ногами на Камень. Большинство пожилых женщин кланялись Камню, прижимаясь к нему лбом. Другие лечились, кладя на него руки, многие терлись о Камень спиною. Я сфотографи-

ровал сетскую женщину, которая взойшла на Камень, принесла на него свою жертву — чашку с творогом, обмазанным маслом, которое было покрыто кленовыми свежими листьями, — опустилась перед жертвою на колени, молитвенно сжала руки, склонила голову и, молясь, надолго замерла. Потом она встала и торжественно начала оделять творогом нищих. Приносили холсты, рубашки, клали их на Камень; приносили узелки с шерстью. Я видел, как на него положили детские кожаные поршеньки (сандалии). Другие ограничивались тем, что, перекрестившись, оставляли на Камне деньги, но их нищие не имели права брать сразу. Они должны были полежать. Я слышал, как богомолка одернула жадную нищую старуху, про...

л. 34

...фессиональную печорскую нищую (они бывают в этот день у Камня каждый год). Деревенские нищие, соблюдая древнюю традицию, сидели за Камнем под кустами, оставляя свободный путь для прохода совершивших обряд женщин, которые по очереди бедных оделяли — делили между ними масло; сыпали творог в открытые мешки; вырывали из узелков клоки шерсти (узелок перед этим должен был полежать на Камне, и на Камне был тоже оставлен клочок шерсти) и равно шерстью просящих оделяли. Около одной из сидящих на Камне старух лежало несколько мелких камней. К ней привели больного ногами мальчика, посадили рядом с нею, стянули с него сапоги, оставив его в шерстяных чулках, а рядом положили костыли и попросили о чем-то старуху. Она начала, шепча, гладить — массировать его ногу маленькими камнями. Многие брали потом от нее эти камешки — она их охотно подавала — их прикладывали к щеке, глазам, брали их под платье, где прижимали к больным местам, а потом, вернув камни, оставляли рядом с ними монету.

В это утро большие партии женщин умывались в священном ручье. Весь берег на расстоянии четверти километра, особенно там, где разрослись кусты, был заполнен богомольцами. Женщины купались за кустами, ожидавшие своей очереди заслоняли своими телами ту, что раздевалась, чтобы окунуться. Старухи сидели на берегу, опустив в воду больные ноги. Другие же, стоя на берегу, поднимая платье и опустив чулки, почерпнутой водой мочили больные колени. Многие мыли глаза. Омывание происходило степенно. Полуверки медленно снимали свои сложные головные уборы. Снял и бросив на траву старый платок, подойдя к ручью, женщина мочила лоб, глаза, волосы, пила воду, а потом вынимала из узелка принесенный с собой новый платок, медленно его повязывала. Иные за кустами окунались по пояс, поднимая рубашки. Нищие бабы подбирали оставленные для них на луку платки и полотенца. Больных детей омывали старухи и матери. Голые ребята плакали. Мать подвела девочку к воде, сняла с нее платок, кинула его...

...на траву, а потом, горстями зачерпнув воду, любовно окропила его голову ребенка, приглаживая ладонями причесанные на пробор волосы смирно и послушно стоящей девочки.

Я видел, как мыли глаза грудному ребенку, осколки Камня прикладывали к его голове. Женщины очень часто, умыв руки, лицо, смочив свою голову, рукой, смоченной в воде ручья, расстегнув кофточку, трогали свои груди. Голенького ребенка, которого держали мать и бабка, две старухи поливали из кружек водой. В кружках, из которых они его поливали, лежали камни. Большинство умывшихся бросали в ручей монеты. Нищие посылали за ними ребят, которые поднимали их со дна. «Мы помоемся, — сказала женщина нищей, — так ты деньги уберешь с реки».

— «Погоди, будем еще утираться,» — сказала ей та же женщина и после утирания отдала ей полотенце.

Мне рассказали, что ночью в ручье купали народ, что обычно в эту-то ночь и вороват главным образом пришедшие из дальних деревень волхвы-старухи. В это время из погоста Зачеренье на большом грузовике прибыла большая партия сетских женщин. Они привезли с собою узлы с подаянием и, сойдя с грузовика, отправились по часовням и на поклонение Камню. Одни становились на Камень, другие садились. Одна из них принесла голого, завернутого в одеяло ребенка и несколько раз поставила его босыми ножками на Камень и посадила его на него голеньким задом. Одни из женщин становились на Камень, другие садились. Прежде чем оделить нищих, они брали пальцем масло и размазывали его по Камню. Одна из них долго терла о Камень платком, а потом провела им по своему лицу и подарила его нищей.

— «Kivile», — сказала другая, вырвав из узелка клочок шерсти, положила его на Камень, а потом разделила остальную шерсть между нищими. Некоторые женщины...

...прикладывали к мегузицкому Камню²⁸ привезенные с собою камушки.

— Поправляйся, детушка, с моей легкой руки, — сказала сидящая на Камне старуха русской девушке, которая, хромая, подошла к Камню, — Какое место у тебя болит? Нога? Ты повихнулась, проступилась. А да, да, да, — массируя ее обнаженную ногу сверху вниз, говорила она. Пальцами правой руки она поглаживала ее ногу, левой рукой держала ее пятку. — Ну завтра пойдешь плясать.

28. Относительно лечения магическими камнями, которые народ считает чародейными камушками — громовыми (перуновыми) стрелами, упавшими в лес или на пашню, мне удалось собрать в 1938 г. небольшой материал. Две громовых стрелы я привез в парижский музей Трокадеро.

Поправишься, будешь спасибо давать мне. Поправишься, ничего, деточка. Я поворожила, сходи еще туда, — и она передала ее сидящей под кустом старухе. Я видел, как другая женщина, взяв у нее камушек, терла им лоб, голову, а потом спиной терлась у большого Камня. Прикладывая к Камню шерсть или полотенце, старухи что-то шептали. Нищих оделяли только женщины. Я не видел мужчин, приносящих жертву. Они подходили лечиться: русские старики выполняли это серьезно, мужская молодежь заметно стеснялась, но все же молодые парни, понуждаемые женщинами, хоть боком, как бы опираясь, останавливались на мгновение у Камня. Я видел, как одна женщина приложилась к Камню щекой.

— Это она от зубной боли, — сказал мне русский крестьянин.

— А вы откуда?

— Я от Лавров, — ответил он. — А это шерсть на Камень бросают, чтобы овцы водились. Раньше бывало весь Камень в свечах сиял, воском окапан, а воск этот с камня брали те, у кого зубы болели.

Во время беседы к нам подошло несколько русских крестьян. Это были люди из деревень Дятлово, Веселкина [Веселкино. — Прим. ред.], Русского Бора и Лаптева [Лаптево. — Прим. ред.].

П. 37

— Раньше съезжались к этому Камню отовсюду, — сказал мне один из них, — Камень взорвал барин лет шестьдесят примерно назад, который не хотел, чтобы народ ходил по полям и топтал посевы. Так же и тогда мылись у Камня, больными местами терлись; нищие в реке дрались из-за денег, а потом гулянка начиналась, огонь раскладывали, около огня плясали; пьянство было там, праздник.

К полудню погода начала порпиться, народу у Камня стало меньше, большинство отправилось на ярмарку, раскинувшую свои палатки у деревенской дороги. Редкие больные еще приходили и садились на Камень, приносили детей, разували и ставили их на Камень босыми ножками. Кто лечил руку, кто голову, кто больную грудь. Приносили холсты, освящали прикосновением к Камню, дарили нищим, привозили с собою белье больных, которые остались дома, вытирали им Камень, чтобы потом отвезти рубашку домой больному на выздоровление. После двух часов священники разъехались, деревня была предоставлена самой себе. Началось увеселение, гулянка и пьянство. Сетская мужская молодежь каталась на конях с песнями и криками. Во дворах плясали сетские женщины. Танцы постепенно переходили в имитацию животного соития, причем женщины плясали с ребятами на руках. Их окружали матери, старухи и бабки. Стоя рядом, они хлопали в ладоши и подпевали. Мужья смотрели издали. Я видел, как одна из баб, завернув на спину подол белого кафтана, шла, раскинув руки рогачом, касаясь руками земли, шла быком в раскачку на других женщин. Я видел и заснял, как женщины плясали втроем медвежий

танец спиной друг к другу, сопя, сталкиваясь задками, свив из юбок и кафтанов фалусы. Потом я сфотографировал, как они качались: одна из них продела голову меж ног другой, а та, зажав ее голову ногами, нагнувшись, крепко захватив первую за лодыжки, начала качаться. В этих танцах, казалось, оживали древние магические пляски — ...

л. 38

...магия размножения. Потом праздник вышел из дворов на улицу и превратился в общий женский. Подвезли старуху. У нее за головную повязку были заткнуты ветки яблонь, лопух и желтые ромашки, а за пояс заткнута прядь зеленой, вырванной с корнями ржи. К ее поясу был привязан холщевый мешок, наполненный мелкими камнями и хлебом. Ее возили, посадив на повозку впереди всех, ее поили пивом женщины, обнимали, а она, очутившись потом в их толпе, оделяла их камнями из своего мешка (взамен ей в мешок бросали деньги), а потом кормила женщин хлебом или пряником, вынутым из того же мешка. Взяв пряник в рот, она ртом подавала его другому женскому рту. Темнело, я попытался снять ее во время беготни и резких движений. Это удалось, но тут подошли пьяные крестьяне и потребовали, чтобы я больше не снимал пляску их баб и эту старуху. Осмотрев окрестности, открыв под д. Мегузицы три древних кургана, я отправился в русскую деревню Кувшиново, находящуюся в двух километрах от Мегузиц. На утро 25-го я присутствовал в Кувшиново при плясках русских крестьянок с ряжеными и эротическими шутками.

*

ANNEKIVI

(д. Пельси — *Pelsi kûla*)

25 июня 1938 года, возвращаясь из д. Кувшиново в Печоры, я осмотрел сетскую деревню Пельси *Pelsi kûla*, в которой, по полученным мною у Мегузицкого Камня от русских крестьян сведениям, находился когда-то Камень, на котором раньше приносили жертвы. Камень, носящий название *Annekivi*, я обнаружил за деревней у разветвления двух дорог, одна из которых идет на деревню Моона (дорога третьего класса), а другая на д. Кислово-Воронкино. Камень лежит на пригорке, с которого открывается прекрасный...

л. 39

...вид недалеко у забора хутора Аннамяги, выстроенного на горе, носящей то же название (Аппе по эстонски, как мне сообщили, — жертва, дарить). Камень плоский, грушевидной формы. От земли он в одном месте возвышается на 0,34 м, в другом месте только на 0,15. Длина его — 1,43, в самом широком месте — 96. Мы обошли несколько деревенских дворов. Большинство сетов еще праздновали Ивана. В одном доме мы нашли крестьянина, который был болен

после попойки. Он сообщил следующее: — «Раньше этот камень старики считали священным и праздновали его, как и Мегузицкий Камень. 25 июня приносили к нему шерсть, мясо, масло, бараньи головы и ноги. Потом о празднике стали забывать, дорого стало праздновать два больших праздника почти сразу — Ивана 24 июня и Анну 25 июля²⁹, и одно время молодежь хотела совсем перестать праздновать у себя, но старый народ не согласился и, хотя молодежь в этом празднике теперь не участвует, но старики все же еще приходят, а некоторые до сих пор приносят Камню шерсть, одевают нищих. По обету идут те, кто хочет выздороветь. Если корова заболевает, то несут к Камню масло, творог, шерсть. Последнее время не знали, как праздновать — Ивану ли всей деревней или своей Анне, а тут решили праздновать и так, и так; нельзя отказаться, сколько веков наши старики праздновали.

24 июля 1938 г., прервав археологическую разведку, я явился в село Паниковичи, откуда 25-го выехал в деревню Пельси и прибыл туда в 10 часов утра. Священник в деревню еще не явился, но население ожидало его в часовне за деревней. Я зашел к владельцу земли, на которой лежал священный камень, Алексею Аннетмае, 56 лет. У него в доме был накрыт стол. Он угощал пришедшего к нему в гости Jakob Tubbi. Я записал рассказ Алексея. Часть он рассказал по-русски, часть по-эстонски (переводил сопровождавший меня студент Юрьевского у[ниверсите]та Е. Розов). — «В старину на праздник народу сюда много приходило. Ни...

П. 40

...щие сидели около этого камня, их кормили, мясо им давали и шерсть, головы бараньи давали. Анны тут не было, она на теплых местах жила, а это так всегда было: свадьба едет — пояса бросают. Если свадьба идет мимо этого камня, так matka клала на этот камень пояс, или жених — деньги. По праздникам старцы нищие собирались, их одежали. Другой ходил сюда по болезни, как на Иванов Камень. Мой папашка говорил, что на этот день всегда резал каждый хозяин овцу. Привозили сюда и резали барана на камне. Ноги, головы отдавали нищим, клали на этот камень. Но резали-то на другом камне, повыше. Теперь это прошло, старинный народ делал так».

— «На сегодняшний день несут шерсть — сказал тогда Tubbi, — ее бедные потом возьмут. Кто приходит сюда по болезни: я пойду, говорит, мол пойду на такой-то день сюда. В общем это, так сказать, польза для болезни. Молодые теперь об этом ни беса не знают, только старые знают. От отца и матери я слышал, если есть какая болезнь, то обещают — если выздоровею, то сюда приду, — вот и несет шерсть, кладет. Правда, большего частью в старину на этот праздник резал овцу каждый хозяин».

29. 25 июля (8 августа по нов. ст.) село и русские праздновали Успение св. прав. Анны, матери Девы Марии. — Прим. ред.

— И мой отец говорил — сказал Алексей Анпетâе, — сын, если не будет овцы, то купи ее у кого-нибудь, сходи и зарежь. А я не режу и живу, слава Богу. Сюда приезжали и овец носили и резали³⁰. В старину была тут на камне поставлена маленькая часовня — но сто лет назад сгорела эта часовня, и из нее вылетело два голубя. В старину приезжали сюда из Обозерья и привозили сюда баранов, чтобы зарезать; здесь на камне и резали.

П. 41

Но не на плоском камне (да и он-то в другом месте лежал, за дорогой, это его потом сюда перенесли), а на другом, красном, который виден повыше. Такой был закон, резали не дома, а на камне — привозили издалека. И всегда являлись нищие, вокруг плоского камня сядут и просят милостыню, и им приносили бараньи ноги и головы. Овцу резали там, а ноги и головы приносили сюда на плоский камень, и нищим отдавали. А только теперь эта мода кончилась. Там, повыше, виден тот правильный камень. Это на нем была поставлена часовня. А этот, который через дорогу перенесен, — неправедный камень. Но жертву приносили и там и тут, из Обозерья привозили и резали баранов. Потом, когда бросили здесь резать, стали колоть дома, а ноги и головы сюда привозить. А потом стали головы и ноги носить в новую часовню, которую построили за деревней, а потом забыли все. А камень плоский стоял на другой стороне дороги, а его повертели сюда. Это вокруг него сидели нищие.

А камень теперь хотели разбить парни. Который парень неверующий. Это умные парни, крепкие. Кого он это разбил — самого себя.

— Лет двадцать-тридцать тому назад народ сюда издалека ходил, с Обозерья верст за пятьдесят. А я по своей совести не могу этот камень признавать, пользы от него нет никакой. Теперь и остальные так думают, теперь люди большею частью грамотные. А раньше люди говорили: Бог это Гром.

Народу пришло на праздник очень мало. Около часовни ожидали священника десятка два женщин с ребятами. Из соседней деревни подходили старухи. Я занял около камня позицию наблюдения и видел, как старухи сетки перед тем, как войти в деревню, останавливались у плоского...

30. Полковник А. П. Андреев, ведавший гидрографическими работами на Ладожском озере, в 1858 г. записал языческий обряд, который еще соблюдался православным населением острова Манчин Сари [Мантсинсаари (фин. Mantsinsaari) — остров у северо-восточного побережья Ладожского озера. — Прим. ред.]: В первое воскресенье после Ильина дня, около часовни Ильи Пророка, на горе собирается народ, приводит быка, рано утром его убивают на горе, мясо варят в котлах. По изготовлении варева, после молитв в часовне, народ бросается на мясо, рвет его по частям. Мясо тут же едят. Все это делается в угоду Ильи, чтобы он берег скот от болезней. Прежде приносили в жертву лося или оленя. (Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875).

...камня, клали на него узелок шерсти, чтобы ее освятить, а потом, вытянув клочок шерсти, бросали его на камень. Так сделали три старухи. Нужно отметить, что белую шерсть они бросали на плоский камень, а черную — повыше, туда, где находится на горке уже совершенно ушедший в землю распадавшийся от времени или от огня красный камень, на котором, судя по рассказам, было главное жертвенное место закляний, на котором потом стояла часовня. Мне удалось сделать несколько снимков. Сильно мешали собравшиеся мальчишки. Они обращали на меня внимание старух. Мне не повезло. Народу прошло мимо камня очень мало, а потом приехал священник, и в часовне началась служба. Я у камня ожидал ее конца, надеясь, что народ придет на камень лечиться, но священник сказал проповедь, в которой упомянул о камне; весть о моем прибытии распространилась в народе, многие из старух видели, как 23 и 24-го я снимал в Мегузицах, любопытные мальчишки стояли рядом; после службы старухи опасливо обходили камень, и только одна нищая подошла к нему и подобрала набросанную шерсть, которую сдувал ветер.

*

Китов — Титов камень — Titukivi

Недалеко от Печерской обители, в долине ручья Каменца находится полузасыпанный сползшими с обрыва песками священный камень (в длину он, по свидетельствам стариков, был в две сажени, а в ширину — сажень, над землею же возвышался на аршин), которому недавно еще поклонялись сету и русские. Его называют Китов или Титов камень, сету же сохранили, очевидно, наиболее древнее название Titukivi. В 1928 г. на Радунице (после Пасхи, во вторник) я наблюдал, как вокруг него гулял печерский народ, преимущественно женщины — русские мещанки из Печер. Они разжигали костры, пили, плясали и пели. Я видел, как некоторые из них подходили к камню и, уже стесняясь, оглядываясь, думая, что за ними не наблюдают, ложились на него животом. Народное поверье говорит, что он помогает от женских болезней, а девушкам нужно к нему ходить, чтобы скорее выйти замуж и иметь хороших детей. В старину Титов камень весьма почитали. Около него праздновали всегда на Радуницу. Недалеко от него, к западу в высоком берегу находится пещера в которой, по народному преданию, в незапамятные еще времена, жил отшельник Тит и ходил молиться на камень. Печерский архимандрит Анатолий, проживавший в монастыре с 1835 по 1844 г., решил кончить с языческими праздниками. Он приехал однажды на место народного праздника с городским головой пригорода Печер и посохом разогнал всех приносящих жертву, опрокинул и разбил чашки и ведерки с творогом и с маслом, что стояли на камне.

Титов камень — это один из святых камней древности. Он был местом поминовения языческих славян, таким же священным местом, как и Мегузицы. Таким образом, мы считаем, что вблизи Печерского монастыря, еще до его основания, имелось уже священное место, куда стекался народ, где приносились жертвы и устраивались моления. Да, очевидно, и Святая гора Печерского монастыря была покрыта тогда священной языческой дубовой рощей. Иеромонах Печерского монастыря Анатолий мне сообщил: — «Китов Камень? К нему, знаете, ходили, да и теперь еще на Пасхе женщины ходят — то живот трут, то что-то другое делают. Это место почитают. Какой-то святой жил. Туда много ходило полуверов». (1937 г.) Инок же Дорофей мне рассказал: «Ничего такого значительного там нет. Там, говорят, в пещере жил какой-то Тит. Знаете, в старину в пещерах жили, выкапывали их в древнее время, прятались. А гулянье собиралось в Радуницу, пос-...

П. 44

...ле Пасхи во вторник. Гуляли, особенно женщины туда ходили. При мне на Титов Камень ничего не носили. Мегузицкие, вы знаете, свой Камень вторгом обкладывали: кушайте, а получаешь исцеление. Тут у нас в Пещерах такая насмешка была: на Титов Камень сходить, брюхо потерять. А местность, откуда вытекает Каменец, — топкое место, скот туда ходит. Болванец — так зовут то место» (1937 г.).

Инок Печерского монастыря, заведующий в монастыре слесарной мастерской, рассказал: — «Радуница назывался этот день, тогда собирались. Я никогда на Титовом камне не был. Тридцать лет живу и никогда не был. Ну, это насмешки такие есть — около того камня (Китова) погуляет девушка и делается женщиной сразу». (1937 г.).

Печерская жительница Мария Карловна Званер сообщила: — «На Титов Камень народ клал масло, а городские ребята играли около и масло подбিরали» (1938 г.).

Деревня Пачковка. Рассказ встреченного по дороге старика: — «Он три сажени длины, он теперь запыл песком очень. Будто бы когда-то раньше монастыря в пещере рядом жили старцы — Тит и Парамон и будто бы на этот камень ходили отдыхать, беседовали и кушали. А каждый год в Радуницу, после Пасхи, во вторник люди ходили туда, как бы лечиться. Он большой. Собирались туда на камень. И костры жгли и плясали. Теперь тоже ходят лечиться, только тайком — у кого живот болит. Тот животом ложится, говорят — легче. Старики считали его как бы священным камнем». (1937 г.). Мария Вторушина, неграмотная старуха, живущая в печерской богадельне, рассказала: — «Около Титова Камня, какой-то Тит, Бог знает, жил, и весь народ его Титовым Камнем называет. Собираются там женщины, лечатся на камне сидя, выпива-...

... ют по кустам, костры раскладывают, песни поют». (1938 г.).

От печерского мещанина получил следующие сведения: — «Особенных преданий о нем не слышал, Камень называется Титов, он в отдалении от монастыря, по-простому теперь называют его Китом, а правильно, по старинному — Титов, от имени человека. Он огромной величины, как кит-рыба, лежит как раз в самом течении ручья. Знаю, что старики считали этот камень святым. В Радуницу на Семиной неделе, во вторник прогулку делали к нему. В Иванову ночь по ручью жгли костры. Вот полуверцы, они до сих пор что-то знают или веруют относительно этого Камня. В мирное время ходил я на службу к священнику. После Рождества была вьюга, снегу намело, с трудом по дороге можно было пройти, а чтобы пролезть в ручей, об этом нельзя было и думать. Встретил я двух полуверцев, — “Где тут Титов Камень?” — спрашивают. А нельзя им показать — ни ручьем, ни полем нельзя пройти, пронеслась такая снежная буря. Все замечено. — “Здесь ручьем не пройдете”, — говорю я, — “а вот туда идите, полем, там вам покажут, направо камень”. А, видно, нужно им было его найти, шли к нему по своему полуверскому обещанию. Весной пришлось мне видеть женщин на этом Камне, и это так в восемь часов утра. Ходил я как-то за травой по ручью, собирал для коров. Мальчиком был, траву собирал и увидел двух женщин голых, стояли на камне утренней порой. Я маленький был, испугался. Две женщины, раздевшись, голые на камне. Что оне там проделывали, не стал им мешать, удалился. В мае это было, трава уже была везде. А вот в эту Радуницу, там ничего не было, ни костра не жгли, ни бабы не плясали». (1937 г.)

*

Омутский Камень — Большой Камень — Глазной Камень — Дохтор — находится на земле крестьянина деревни Кулье Булатова. Он лежит в восьми метрах от дороги, ведущей к парому, к воде, недалеко от берега, который называется...

...Криваш. Старики считали его целительным древним камнем. Деревенские женщины к нему еще недавно носили лечить детей после вечерней зари. Водю с этого камня больные мыли глаза. В части, обращенной к открытой воде, камень имел высеченное углубление в форме корытца, в котором скоплялась дождевая вода или воды крушной волны. 26 августа 1937 г., когда мною был зарегистрирован и обследован этот камень, край корытца был уже уничтожен. Крестьяне сказали, что его отбили ребята несколько лет тому назад. В деревне Кулье, у рыбака Неволлина, я приобрел ворожейный камушек, принадлежавший бабке Марфе Неволлихе, которая была ворожеей, лечила деревню, окрестных жителей. От Неволлина я узнал об Омутском Камне следующее:

— «Где теперь паром», — сказал он, — «туда раньше ходили мыться. Глазной Камень назывался. И мыться ходили и глаза мыть — все дивное в старину было. И наша бабушка, Неволиха, отцова мать, ходила к нему ворожить. Она всем тут в деревне зубы ворожила — такие приговоры знала, и помогала. Приговоров ее никто не помнит. Вот остался только камешек этот из громовой стрелы. Рассказывала она, что нашла его на поле. Все ходили к ней и ребят носили. Старуха девяносто два года жила. И она ходила на Омутский Камень. Теперь он частью разбит, а была раньше вырубка на Камне — корытце, теперь его ребята разбили. Было высечено корытце, как корзинка, а в нем вода держалась. Приходили туда женщины после дождя, как заря настанет, солнце за лес закатится, подводили ребят к Камушку и там мыли. В лодке народ из других деревень приезжал на этот Камень, и люди с него мылись. Об этом все старики на деревне знают. Любого спроси. Летом и весной мылись дождевой водой, а иной раз после волнения на озере мылись той водой, которую забрасывало в вырубленное корытце волною. Все верили у нас в деревне, все мылись там: “Пойди там помойся. Снимает болезнь”. Ребят носили. Как глаза заболят, так старухи и скажут: “Снесите на Камень, помойте и поправится”. От лишаев там лечили. Тут много у нас было ворожбы. С этого камня воду и домой брали.

П. 47

— Почему же теперь разбили его? — спросил я.

— Потому, наверное, не нашли пользы с этого Камня.

В 1938 г. я имел об Омутском Камне разговор в деревне Кулье с группой рыбаков и рыбачек. Среди последних были живущие в деревне Кулье женщины — Карасева, Кушенова, Варвара Макеева.

— «Возьмешь в горсть воды с камня, помоешь глаза, перекрестишься и пойдешь», — сказала Карасева. Рыбак, смеясь, добавил: «Приезжали к нему и в лодках от острова Колпина, от деревни Медли, останавливались у камня и что-то делали. Приедут бабы на лодке, обступят этот камень — что похвалят, то и добро. Все больше на лодках подъезжали туда».

— «Правда, — сказала Кушенова, — звали его Дохтур, там бабы лечили глаза, после дождя ворожили. Там на камне есть такая желобинка, после дождя — постоянно вода. Идите на Большой Камень, идите, помойтесь».

— Мыли, мыли, только теперь стало из моды выходить, — сказал рыбак.

— «На Камне помоешься и будешь здоров», — добавила одна из женщин. «Он был раньше в воде. На этой яме и мылись, а в деревне и ребят носили мыть. И я носила, братец, здоровее будут. У нас заливало его в водный год. Только из воды голова была видна. Горстью наберешь из вырубленного корытца воды и моешься. Я тоже больных ребят к нему носила. “У, тю”, — старухи скажут, — “дура, сходи на Камень, помой его, все, Бог даст, поправится”. Покупаешь ребенка в холодной воде, в ту ночь спит.

Покупаешь, он и заснет». — «Теперь на этот камень не ложатся» — сказал рыбак. — «Спать не будет ребенок, вот и пойдешь ворожить» — ответила ему женщина, — «С нами ребят мы мыли. За камень его в воду поставишь по самую грудь — так ребенок спит, словно вернулся с бани. С Камушка горстью возьмешь воды и поливаешь. С Камня брали еще в рот воду. К вечеру, бывало, идешь на Камень. Все к вечеру выходили ворожить». В 1938 г., возвращаясь с археологической разведки, я зашел в деревню Колпино и узнал от рыбака Кушанова, что Омутский Камень осенью разбили...

П. 48

...молотом — расколол его на три части владелец участка крестьянин Булатов. — «Целебный Камень у Омута Булатов разбил», — сказал мне Кушанов. — «Он говорил, что ему фундамент нужен, хлев ставить. Да и он-то (камень) никому не требовался. Он разбит не весь, а молотом расколот. Целебная-то чашечка вся сбита».

Я ходил на Омут. Камень был расколот осенью 1937 г. после того, как в газетах появились заметки об обнаружении в д. Колпино священного Камня. Я беседовал с разбившим его крестьянином Булатовым и по его ответам понял, что это была с его стороны хулиганская выходка. Я пожалел, что археологический Кабинет Юрьевского у-та сразу же не взял камень под охрану. Сведения о нем я сдал археологическому Кабинету в 1937 г. после возвращения из деревни Колпино.

*

Камень «со следком» у озера Любенец

Во время археологической разведки 1937 года я ночевал с сопровождающим меня студентом Розовым на Котьей Горе, на хуторе Смороднюк, на берегу озера Лиховидо. От дочери владельца хутора и пастухов мы получили сведения, что около озера Любенец находился камень «с божьим следком»³¹. — «Около Любинец, есть камень, только следок на нем очень маленький — сказала мне дочь хуторянина. — Камень находится на горочке, в кустах, за курганами. Другой раз посмотришь — цветы на нем лежат. Такой узенький след. Только цветы и хлеб туда носят. Говорят, что это “божий следок”. Это старики давно говорили: “Около Любенеца есть боженький следок”. Из пальцев там ничего не видать, как обувшись кто был. То веноч цветов — круглым обложено. А я и хлеб видела. С дюйм пятка та. Мимо этого камешка тропинка идет в деревню Косыгино». Утром рано Розов с трудом нашел за курганами, в лесу, на краю болота, у тропинки, ведущей от озера к Косыгиной горе, с правой стороны, прикры-

31. Первоначально названия «Божий/Боженький следок» были напечатаны с прописной буквы, позднее исправлены карандашом на строчные. — Прим. ред.

тый кустами, сильно обросший мхом небольшой камень. Его углубление было наполнено вялыми ягодами черники и ежевики.

П. 49

*

Камень на Ликандровой горке в Завиденских мхах

В той же деревне Котья Гора от дочери владельца хутора Смороднюк я получил следующие сведения:

— «В Завиденском мху около одной из горок находится камень, я слышала это от женщин. На камне след — говорят, как сидел Ликандр, захотел встать, оперся о камень ладошкой, так она на камне и есть. Женщины, которые собирают в болоте ягоды, там на ключе моются, туда же ходят глаза лечить». В деревне Велье потом жена старика Гричманова подтвердила: «В Завиденских мхах есть Ликандрова горка, кругом болотная топь, а на горке есть колодец. Недалеко от него находится камень, а на нем выбит человеческий след, и пальцы, и пятки, и все как на песке остается след, так и там на камне. Камень плоский. Клюкву ходят собирать туда женщины. Говоря, теперь след мохом зарастает». В 1937 г. я со студентом Розовым осмотрел горки, находящиеся в опасном, полном окон болоте, и обнаружил на одной из них заросший мхом древний ключ, в глубине которого нащупал остатки деревянного сруба. Горка сильно заросла ягодным кустарником, приближался вечер. Камня мы не нашли. Когда я вернулся в Старый Изборск, старые женщины мне сказали, что я не там искал; камень лежит не на горке, а рядом с нею во мху приблизительно в двадцати шагах. Он сильно зарос кустарниками, его трудно обнаружить.

*

Камень с «ангельским следком» на острове Семск

На острове Семск³², на берегу, обращенном в сторону Советской России, лежит камень с пятном — «ангельским следком», как называют его рыбаки. Это небольшой камень-валун, сильно обкатанный волнами и льдом,...

П. 50

...с легким отпечатком стопы ребенка. Длиною след 14,5 сант[иметров], глубина пятки достигает двух сантиметров.

В деревне Киленец от старого рыбака, Терентия Ивановича Дедова, мною были получены следующие сведения: — «Всегда замечали, будто следок такой, следок на камне, старики говорили — “ангел стоял”. Этот камень и большие воды не уносят. В старину была часовенька Онуфрию, и этот

32. Остров Семск находится на Псковском озере. В старину он принадлежал Никандровой обители. 260 десятин там было, — сказали нам рыбаки, — а теперь только пять осталось: отмыто все.

камень под нею лежал, а потом берег размыло, часовня обрушилась в озеро. Под нею много черепов было закопано, все из берега вывалились. Недалеко от камня дерево росло, дуб. Мы, бывало, часто, как рыбу осенью ловили, так говорили: «Куда править» — «А на Камень»». (1937 г.)

Учитель Быстров, проживавший в д. Зимний Борок, подтвердил: — «Я часто слышал от старых рыбаков, что на острове Семске лежит камень с отпечатком ноги Иисуса Христа. Христос ступил. Камень небольших размеров, плосковатый. Лежит на восточном берегу. Я его видел. Как бы след стопы младенца. Конечно, это дело рук человеческих — кто-то выбил такой следок и оставил». (1937 г.)

В 1937 г. с разрешения начальника пограничного кордона, расположенного в деревне Зимний Борок, любезно доставившего нас с Борисом Вильде на казенной моторной лодке на остров Семск, мы осмотрели камень со следком. Очевидно, он не раз менял свое местонахождение. Камень небольшой, серый, валунного происхождения; следок, который я зарисовал, отчетливо виден, хотя и заглажен весенними льдами. Очевидно, в древности на острове Семск, на отмытой теперь в озере части находилось священное место с почитаемым камнем и кладбищем вокруг него. Впоследствии миссионеры над камнем поставили часовню, от которой ныне ничего не осталось.

*

Камень «с пятном» на острове Колпине

В 1937 г. в д. Колпино, расположенной на острове того же имени, старуха Порошина мне сообщила: — «Был здесь у нас исцелительный камень под названием «На Колпинце». На нем было пятно (пятно — по древнему, след),

л. 51

старики рассказывали, что царь Грозный ехал, конем наступил, пятно осталось. Он лежал на Свалу, на Колпинце, там в старину было сухо, протекал ручей — царь-то переехал через ручей, пятном попал на камень. Теперь все это под водой, и горка под водой, и камень, все закрылось. Там, где теперь вода, рассказывают, деревня была в старину — Колпинце».

*

Камень «со следком» в д. Шартово на ост. Колпино

В д. Шартово, расположенной на острове Колпино, от богатого рыбака Якова Офицера я узнал, что в деревне на набережной находился камень под названием «Христов»: — «Следок на нем был», — сказал Офицеров, — «это верно. Синий камень, он не особенно большой, теперь его на прежнем месте уже нет, очевидно, его взяли тогда, когда камни носили для укрепления набережной, которую размывало водой. Он лежал в Подгорье. В детстве

старики рассказывали, что царь Грозный ѣхалъ, конемъ наступилъ, плито
осталось. Онъ лежалъ на Свалу, на Колпиннѣ, тамъ въ старину было сухо,
протекалъ ручей--царь-то переѣхалъ черезъ ручей, плитомъ попалъ на
камень. Теперь все это подъ водой, и горка подъ водой, и камень, все за-
крылось. Тамъ, гдѣ теперь вода, рассказываютъ, деревня была въ старину--
Колпинецъ.

Камень „со слѣдкомъ“ в д. Шартово на о-вѣ Колпино.

Въ д. Шартово, расположенной на островѣ Колпино, отъ богатаго рыбака
Якова Офицера я узналъ, что въ деревнѣ на набережной находился ка-
мень подъ названіемъ "Христовъ":--"Слѣдокъ на немъ былъ"--сказалъ
Офицеромъ, --"это вѣрно. Синій камень, онъ неособенно большой, теперь его
на прежнемъ мѣстѣ уже нѣтъ, очевидно (възяли тогда, когда камни носили для
укрѣпленія набережной, которую размывало водой. Онъ лежалъ въ Подгорьѣ
Въ дѣтствѣ, помню, какъ говорили: "Пойдемте на Божій Слѣдокъ". Яма на кам-
нѣ была большая, все (вода) ^{в ней} стояла послѣ дождя." Въ старину на этомъ кам-
нѣ лечили дѣтей, а если же помогало, то отвозили ребенка въ Мегузицы
на Ивановъ Камень и ставили тамъ на слѣдокъ. Подобный же отмѣтный ка-
мень съ однимъ слѣдкомъ находился за деревней Шартово, на полѣ въ Кли-
цахъ, недалеко отъ дороги, ведущей въ деревню Медли. Слѣдъ на немъ
былъ, обращенный пальцами въ гору. Бывало, его телѣжными колесами захва-
тывали, онъ у дороги лежалъ на печѣткинѣмъ хуторѣ. Я. спросилъ глубокихъ
стариковъ, проживающихъ въ деревнѣ Шартово. Старикъ Сомовъ подтвердилъ
рассказъ Офицера:--"Правда, въ Подгорьѣ былъ камень--Божій слѣдокъ,
только на немъ не одинъ былъ слѣдъ, а нѣсколько. Около набережной онъ
лежалъ, гдѣ лодки приставали. Одинъ слѣдокъ былъ побольше, а другіе по-
меньше. На одномъ камнѣ было нѣсколько слѣдковъ. Бывало, послѣ купанья
станешь на камень и примѣрнешь, это когда мы маленькіе были. Всегда
вода держалась въ слѣдкахъ."

Х см. стр. 52 (списку)

помню, как говорили: «Пойдемте на Божий Следок». Яма на камне была большая, все в ней вода стояла после дождя». В старину на этом камне лечили детей, а если не помогало, то отвозили ребенка в Мегузицы на Иванов Камень и ставили там на следок. Подобный же отметный камень с одним следком находился за деревней Шартово, на поле в Клинцах, недалеко от дороги, ведущей в деревню Медли. След на нем был, обращенный пальцами в гору. Бывало, его тележными колесами захватывали, он у дороги лежал на Печаткином хуторе³³. «Я опросил глубоких стариков, проживающих в деревне Шартово. Сомов подтвердил рассказ Офицера: — «Правда, в Подгорье был камень — Божий следок, только на нем не один был след, а несколько. Около набережной он лежал, где лодки приставали. Один следок был побольше, а другие поменьше. На одном камне было несколько следов. Бывало, после купанья станешь на камень и примеряешь, это когда мы маленькие были. Всегда вода держалась в следках».

л. 52

Петр Ленин, рыбак из деревни Шартово, добавил: — «Ребятами мы говорили: «Пойдем на камень мерить ноги, это Христов Камень. Давай следы мерить». Ноги мерили после купанья».

По обследованию 29 августа 1937 года оказалось, что камня со следами у берега нет. Его в числе других взяли для укрепления берега и не помнят, куда положили.

*

Колосовский камень

В деревне Велье старик Гричманов в 1937 г. сообщил мне, что на колосовской горе, близ имения Колосовка, принадлежащей помещику Де...

л. 53

...рюгину, находится камень, а на нем выбит человеческий след, в котором постоянно стояла вода, и он сам с того камня мылся, потому что по преданию, если помыться с этого камня, то от укусов пчел лицо на пухнет. Камень был плоский, четырехгранный. Это был женский следок выколочен, небольшой аккуратненький, — пальцы и все. И его взорвал покойный колосовский барин, а ему народ говорил, что не надо этот камень рвать. Он лежал на юг. Рассказывали, что когда-то была знатная женщина, она встала на этот камень, и ее след остался на нем.

33. После осмотра поля в Клинцах, недалеко от дороги, ведущей в деревню Медли, камня с следком обнаружить не удалось. Его разбили и увезли на стройку.

*

Камень около д. Кизино

В 1938 г. во время полевой разведки, в д. Леоново от Кольцовой Евдокии, 63 лет, проживающей в д. Туровины, бывшей в гостях у старухи Персоновой, я получил сведения, что около Кизино, в ручье находился камень. Старики все вспоминали — «Бог шел, и след остался». Кольцова девчонкой в поле ходила и видела этот след. Этот камень — около ручья на поле, и на нем, как есть человеческий след, как есть пальчики. Бог шел, ступил. Как едешь через Зайково, там ручей, около того ручья горка, на ней камень со следом».

*

Камень в Соколовом бору

Благочинный Печорского уезда о. Рак [Рагг. — Прим. ред.] сообщил мне в 1937 г.: «Соколов бор осмотрите. Каждый, кто мимо этого бора идет — несет жертву: волос бросит, кусок нитки, гриб положит, ягоду бросит, а то и тряпочку оставит, все словно шутя».

В д. Леоново от старухи Персоновой 70 лет мною были получены следующие сведения: «В Соколове-Житенках, в лесу находится камень. Если поваляться на этом камне, то и исцелишься от него. Этот лес теперь принадлежит латышу Вейдену, камень виден с дороги. Он ростом с человека. Все, бывало, зайдешь, глаза помоешь. Ходили люди на него мыться, брали воду; мыли руки, если есть бородавки. На камне есть трещины, и в них опускают деньги. И яма есть на камне, купель, негладкая, щербатая, может быть, когда-нибудь была выдолблена — воды в нее два [ведра] воды идет. Моя мать вспоминала, что туда ходили на камень мыть то, что болит». Старуха Евдокия Кольцова из деревни Туровино добавила: «Крестный ход когда-то на камень ходил,...

л. 54

...иконы были на камне оставлены, я сама видела. Называют его Соколовский камень. Сама видела — иконка Ликандры лежала на камне. Я с мамой в лес за грибами ходила. «Тде бородавочки какие, мой», — говорила мать. Латыш теперь запретил на камень ходить, он в его роще. А то ребят носили и купали их там — пополощут, помогут. К камню врассыпную народ ходил, как на Литвиновский ключ³⁴».

В дер. Зайково крестьянин Семен Лавр о Соколовском камне мне сообщил: «Великий камень. Я маленький был, глаза болели, и я мылся. Бросали на этот камень иконы — по таким местам их и оставляют. В виде корытца яма на камне, — ведро-то воды войдет. И теперь моются на нем — и не высыхала вода в прежние годы, долго на нем стояла. Лес назывался Соколовым, потому что д. Соколово вблизи. Мужики этот лес продали латышу, и камень попал в его хутор.

34. Смотри: Литвиновский ключ. [Сноска находится на л. 52, в тексте это указано. — Прим. ред.]

*

Камень во мху за д. Швецами

В д. Бобренки в 1938 г. старуха Веселова сообщила: — «Есть камень во мху, далеко, за Швецами — мы туда за ягодами ходим. Камень большой, как изба. Есть ямка в камне, как корытце. И вода в ней стоит всегда. Когда ходили за ягодами, мылись с этого камня. В Швецах все его знают. На здоровье мылись».

*

Камень Пастух

Сведения о камне Пастухе я получил осенью [19]37 г. в имении Холохальня от работавших у молотилки крестьян. Они мне сказали, что там в лесу за деревней Лесицк находится большой камень Пастух. Старики говорили, что когда-то там пастух пасся и превратился в камень, а вокруг него и теперь ско...

П. 55

...тина каменная. В старину молились ему, крестились, когда шли мимо. Самый большой камень это Пастух, а неподалеку есть камень Подпастырь, а те камни, что лежат вокруг них — раскинутое стадо. Желая разузнать подробнее о камне, я с деревенскими мальчуганами отправился через д. Лесицк, за курганы, носящие название Крестов, за сосновый лес, где на склоне оврага, спускающегося к Глубокому Ручью, недалеко от дороги, ведущей в Новую Деревню, лежит много камней. Это место издавна служит выгоном. Дети указали мне камень, находящийся справа от дороги в редком сосновом бору. На нем действительно есть следок, маленький, очень легкий, похожий на отпечаток овечьего копыта. — «Как у ягненка следок» — сказал мне один из мальчиков, — а камень называют Пастух, или Пастырь, а есть в лесу еще два Подпастыря, один из них плоский, а другой — распался. А кругом — это овцы. Самый большой — Пастух, а стадо так и раскладено вокруг него. В д. Лесицке об этом камне знают все крестьяне. Одна из старух мне сказала: «Мимо него была дорожка, и кто ни шел, бросал на этот камень палочку. А только теперь, лет тридцать, как об этом забыли. Дорожка мимо него уже не идет. А то все хворостинку, пруток, палочку — все это, по обычаю, надо было бросить. Будто бы был Пастух там в старину, стада охранял».

*

Сафонов Камень

В д. Лесицке я получил сведения, что вблизи деревни существовал в старину Сафонов Камень. Около этого камня собирались старики в Иванов день. Он был огромный, но его раскололи и увезли в Псков, когда строили мост. (1937 г.).

*

Камень «Коровий след»

В д. Бобренки Агафья Федоровна Веселова, взятая замуж из д. Репино, сообщила мне, что в Репине был большой камень «Коровий след». На...

л. 56

...всем камне — один след. Когда дождь шел, когда в поле выгоняли стадо крестьяне, пастуху приказывали с этого камня мыться. Он лежит в поле, к болоту, к Шляхову, на поле Михаила Шалухина.

*

Камень с уткой и утятами

В д. Лезги неграмотный крестьянин Дубровский, пчеловод и знахарь, сообщил мне, что в дни его молодости, в Никольском логу лежал большой дикий камень, около которого всегда отдыхали пастухи. На нем была выбита большая утка с восьмью утятами. «Пузатая утка, что челн». Утята и утка были выбиты на плоском месте камня. Недалеко от утиного хвоста была выбита ямка, в которой всегда держалась вода. Дубровский начертил палкой на пашне рисунок утки и утят, а потом провел меня в Никольский лог и показал там место уничтоженного, взятого на строящийся мост камня. — «Мы считали, — сказал он, — восемь утеночков было. Утка выбита дырка, куда все пастухи, прости Бог, отправляли свои маленькие дела. Этот камень увезли на железную дорогу каменотесы, как Николаевскую дорогу проводили. Я в поле тогда ходил». (1937 г.)

*

Камень в Яслях

Тот же старик Дубровский мне сообщил, что около дер. Лезги, в Яслях, у дороги, ведущей логом, находился камень с лосиным следом. Все молва идет: мимо нас бежал. След большой, как лапоть. Вокруг него мужики копали клад. Я осмотрел этот камень — след оказался естественного происхождения, но интересна выбитая на камне стрелка. (1937 г.)

*

Камень у д. Ползохново

В д. Ползохново учительница борбельковской [Бор-Бельковской. — Прим. ред.] школы госпожа Мюрк сообщила, что около д. Ползохново, близ Сидорова Ручья есть камень, на который народ кладет цветы и сыплет зерно. Она слышала также, что где-то поблизости есть камень, вокруг которого пастухи водят белого барана чтобы...

...скорее наступила зима и пошел снег.

*

Камень со следком на Задробском поле

В 1938 г. за погостом Тайлово, на хуторе Комарово, от крестьянина Гаврилкина я узнал, что неподалеку от его хутора, на Задробском поле, находится в лесу плоский камень со следком правой ноги. Около этого камня крестьяне ищут клад. Сын Гаврилкина провел нас к владельцу камня крестьянину Александру Финагину. Тот подтвердил, что действительно на камне был след человеческий, пять пальцев; около этого камня рыли клады, но в прошлом [19]37 г. он этот камень взорвал. Перед этим он посылал ребят к местной учительнице Флоре Карловне, чтобы она пришла и посмотрела на след. Она обещала, но так и не собралась. Тогда он камень взорвал и отвез под постройку. Финагин провел нас к месту, когда-то занятому лесом, а теперь засеянному рожью, и, раздвинув рожь, указал мне место взорванного камня и оставшиеся на поле куски.

*

Водраков камень — Батрак — Бадрак

В д. Велье старик Николай Гричманов сообщил мне, что в Болоте около Изборского шоссе находится Водраков Камень. Женщины, которые идут собирать клюкву, кладут на него старые головные повязки, шерстинки. Тесемочек, шерстинок на него много за осень нанесут бабы. Этот камень бодрит, исцеляет от каких-то болезней.

В Изборске я расспросил Петра Минина и его жену Анну Минину. Они подтвердили, что Батрак Камень, или Бадрак, находится в шести верстах за Изборском, если идти по Рижскому шоссе, за лесопильным заводом и Долгой Горой. «Надо пройти за завод, свернуть по дороге налево и по ней идти версты четыре. Приметы там: яма, растут молодые сосны. [Расск]азывают, что Ликандра на этом камне спал, а его пастухи про[гнали], и на камне осталась кровь³⁵. На Бадраков Камень женщины кладут...

35. Большинство мест древних языческих поклонений Печерского края связано с именем преподобного Никандра, основавшего обитель в псковских болотах. Народная память приписывает ему посещение всех священных мест — то он посидел на камне, то пытался ночевать, а его прогнали местные жители или пастухи. Несомненно, он проповедовал здесь христианство, когда язычество было очень сильно, и неохотно подпускали проповедников к своим священным местам. Изборяне мне рассказывали, что в Завиденских мхах он на горке хотел построить обитель. Было бы желательно обследовать все места, связанные с именем пр. Никандра.

..то грушеньку, то кусок хлеба, чтобы в болоте не заблудиться, чтобы он вывел. Приносят ему, идя по ягоды, хворост, ягоды, хлеб. Я хворостины метала на него и груши клала». Семен Ершов из Изборска сообщил: — «Это правда, что на него народ кладет хлеб и тряпки. Все такие бабьи сказки, будто ему хлеб нужен. Кто кусок хлеба кладет на него, а только птицы подбирают с него или зайчики».

*

Камень «со следком» в д. Горенки

В д. Воронкино крестьянин Ермак мне сообщил, что около деревни Горенки находится камень со следом. «Ликандра через ручеек перескочил, стал на камень, след и оставил. Ликандра тут шел, хотел успокоиться, а пастухи прогнали его с собаками». Крестьянин же Осипов сообщил, что старики рассказывали и по-другому: — «Преподобный Ликандра, когда он ехал, с того камня садился на лошадь. Вот следок и остался».

Под деревней Горенки я встретил полуверца, который согласился мне показать камень. Он лежал справа от дороги, ведущей на Горенки. Углубление, напоминающее «лосиный след», в Лезгах естественного происхождения. Полуверец сообщил, что старики рассказывали: с горы богатырь шагнул на этот камень — след и остался. А камень этот сеты называют [пропуск текста]. (1938 г.)

*

Сидельный Камень

За д. Городище в лесном болоте, которое прежде было озерком, находятся три больших камня, из которых один население называет Сидельным. Преданий об этом камне не сохранилось. (1938 г.)

*

Камень «со следком» у д. Ботвино

В д. Любятово семидесятилетний старик Кузнецов мне сообщил: — «Около деревни Ботвино есть камень со следком — словно босой ногой кто-то наступил. Он находится около маленького дубка». (1938 г.)

Камень под Никандровой часовней в дерев. Замогилье

Никандрова часовня в д. Замогилье стоит на древнем могильнике. Он зарос ольховыми кустами и шиповником. В часовне стоят два древних высеченных из камня креста.

— Шел тут Ликандра, — сказали мне старики, — посидел на этом камне, а его пастухи и прогнали. Будто он сказал: будет эта деревня ни сыта, ни голодна. А потом на этом камне часовню поставили. Говорили нам, что на

этом камне есть следок. А кругом часовни — военный могильник. Прадеды тут все клады копали.

* * *

СВЕДЕНИЯ О КАМНЯХ, НАХОДЯЩИХСЯ ВНЕ ПЕЧЕРСКОГО УЕЗДА

Камень в погосте Выбуты

Погост Лыбуты (Выбуты) находится в двенадцати верстах от Пскова на берегу реки Великой, которая в этом месте имеет каменные пороги, носящие [название] Либутских. В этом селе, по летописному преданию, родилась княгиня Ольга.

В д. Тайлово русский торговец мне сообщил: — «В Лыбутах находится часовня Ольги Российской. Из-под нее бежит ключ. Там был камень со следком. Существовало такое предание: Ольга на этом камне стояла и думала. В Лыбутах я был и этот камень видел. К нему приходил народ исцеляться». (1938 г.)

В г. Печеры Мария Карловна Званер рассказала: — «В часовне Ольги Российской народ брал ключевую воду. Приходил мыться тот, у кого болели глаза. Мне сказали: “Идите в Лыбуты, в часовне помойте глаза, помолитесь, поверьте, что пройдет”. Я там была, и водою с камня мыла себе глаза». (1938 г.)

В г. Печеры горожанка Верещагина (родом из Пскова) дополнила: — «В Лыбуге на берегу реки Великой находится камень с тремя следами.

л. 66

Один из следов — прямо все пять пальцев отпечатались. Часовня стоит около камня, около реки. Народ говорил, что следы на камне оставила Ольга — она несла камень до места, которое у нее было назначено, устала нести, гроза разразилась, и она опустила его на этом месте. Накануне Ольгина дня из Пскова 10 июля выходил в четыре часа крестный ход, который направлялся в Лыбуты. Шла служба в Лыбутинской церкви, а потом в часовне народ молился всю ночь. Утром, в пять часов, молебн служили на берегу реки. Народ приносил к камню свечи, ставил их на него, больные молились, приводили к камню умалишенных. Издалека ехали, верст за пятьдесят. Рассказывали, что от Саввиной пустыни привезли сумасшедшую девушку. Она начала со следов воду брать, как раз перед этим дождик прошел, и к вечеру пришла в себя.

Камень «со следком» в Никандровом монастыре

Крестьянин Еремеев-Царев из деревни Усадище мне сообщил: «В Порховском уезде, в монастыре Никандровом находится колодец и рядом с ним — камень, а на нем следок. Вода из-под этого камня тоже идет. После дождя этот следок полон водою. Рядом с колодцем выстроена часовня, а в ней стоит пустой гроб Никандры. Народ ходил туда молиться». (1938 г.)

*

Большой Камень у Островской дороги

В д. Велье старуха Гричманова мне рассказала, что в России, около островской дороги, находился почитаемый населением Большой Камень, у которого посредине была ямка, словно вывернутая пяткой. Он лежал на поле около дороги, которая идет из Изборска в город Остров, между деревень Узерье и Шейкино. Близ этого камня в саженях пяти находилось сто деревенских мочил. Там был ключ, топкое место, и все деревни мочили там лен. Камень был ровный, как стол на четыре угла, посредине него находилась ямка, в которой после дождя набиралась вода.

Л. 61

Это место называлось Вешни. (1937 г.)

*

Литвинов Камень на острове Талавенце

В Печерах и на берегу Псковского озера я слышал, что на одном из Талабских островов, а именно на Талавенце у берега находился Литвинов Камень, который в старину почитали рыбаки. По народному преданию, на этот камень из озера выходили водяные с длинными волосами русалки. Со старины к этому камню ходил крестный ход, и там рыбаки служили молебн.

Проживающая в печерской богадельне старуха Мария Вторупина, родом из деревни Городищи, рассказывала мне, что старики говорили, что в старину в солнечный полдень русалки выходили на Литвинов Камень; сидели, расчесывали длинные волосы и купались. Те же русалки, только лесные, в те дни, когда первый крестный ход шел лесом, плакали, покидая свои места, убегая от икон. (1938 г.)

*

Камень в селе Логозово

В селе Логозово в Приозерье — на берегу Чудского озера, около алтарной абсиды старой церкви лежит камень. В давние времена он находился в самой церкви и считался чудодейственным. Его грызли от зубной боли, молились около него. До сих пор старики собирают накопившуюся в его углублении воду и чтут ее не менее воды, освященной в церкви. (1938 г.)

Недалеко от Горохового Озера в б. Островском уезде, Псковской губернии, в бору лежал священный камень с выбитым на нем конским пятном.

*

Камень «со следком» у села Михайловского

В б[ывш]. Псковской губернии, на дороге из Святых гор в древний пригород Воронич, у села Михайловского, принадлежавшего А. С. Пушкину, нахо-

дится часовня «Луговская Головня» с старинными иконами и деревянным престолом, который поставлен на камне с л[е]сным отпечатком маленькой (детской или женской) ноги.

*

Камень у деревни Дылино

В деревне лисенской волости Дылино (б. Псковской) губернии на надельной крестьянской земле лежит камень с высеченными следами человеческих ступней и знаком стрелки.

*

Камень в д. Ляпино

В деревне Ляпино (Псковской губ.) на крестьянской земле находится камень с отпечатком человеческого следа.

*

Камень в д. Шитики

Близ деревни Шитики (б. Псковской губернии) по старой опочечкой дороге находится камень, а на нем отпечаток руки. По крестьянскому преданию, это св. Князь Всеволод Гавриил положил на камень руку и источил из него воду. В камне есть отверстие около пяти вершков глубины. Рядом видны остатки колодца, над которым поставлен крест. Место это называется Святик.

л. 62

III

СВЯЩЕННЫЕ КЛЮЧИ И ИСТОЧНИКИ

Шумильник

В старом Изборске находятся ключи под названием Словенских. Они бьют из горы, вытекая из-под Словенецкого поля сильным водопадом, ниспадая против построенной у Городищенского озера мельницы, которая работает силою этих ключей. Главный из них называется Шумильник.

В Печерах в [19]37 г. старуха Марья Вторушина рассказала мне, что старики г. Городище считали, что, по преданию, около Изборска есть живая вода. В 1938 г. я несколько дней жил в Старом Изборске в семье крестьян Хрустневых. От них я получил очень интересные сведения о изборских ключах, которые в древности почитало изборское население, Обозерье и весь Печерский край: — «К Шумильнику приходил народ очень издалека, партиями шли в Троицкую субботу и в Успенъев день, — рассказали мне

Хрустневы. — Приходили к нему, раздевались, становились под падающие воды и получали исцеление. Около Шумильника богомольцы и ночевали. Одежду там в воде оставляли. Больной разденется, рубашку и оставит. Ходили к нему от погоста Локно (СССР), от города Острова (СССР), из города Порхова (СССР). Много народу являлось. Только, когда границу провели³⁶, перестали ходить».

К сожалению, в настоящее время в Старом Изборске совсем не осталось стариков. Мне пришлось пройти в Изборскую богадельню, где я и расспросил живущих в ней старух. От них я услышал следующее: «К Шумильнику все ходили лечиться, много шло из разных мест в старину богомольцев и все на Шумильник. И купались там, и мылись утренней порой. Старики говорили, что там вода живая. Слышала я, будучи маленькой, как рассказывали — шел мимо Шумильника странник, ел рыбу, кинул кости в воду Шумильника, и стала рыба живая. Больные раздевались и под Шумильник становились, там вода падает с горы. Помню, бывало, все спрашивали богомольцы: — “Где у вас Шумильник?” — “Вон он”. Ну и шумело. Ночью в деревне из избы выйдешь (я родом с Милец) — так далеко слышно, как он шумит. И одежду на нем больные оставляли — помоются, а старое платье оставят. Бывало, как кто заболел, старухи говорят — сведите ребенка, пусть помоется. Только с верой идти было надо, а кто не с верой идет, тому пользы не будет. Идешь, так надо стремиться с...

л. 63

...верой». Больные становились под воду. Кто чем болен так вот просил исцеления.

*

Воронинский ключ

— На Воронине, — записал я в Старом Изборске в семье Хрустневых, — в селении, расположенном под самым Изборском, в древней озерной долине, у подножия возвышенности, на которой построена каменная крепость, есть ключок. Если три раза сходить на него вечером, не оглядываясь и ни с кем не разговаривая, помыться там, то глаза поправятся. Больные приходили сюда в Изборск за двести, за триста верст, — сказала Хрустнева, — одни на Шумилькин, другие на Воронинский ключ, а мужики, кто из них слабость имел, брали камень на голову и так поднимались вверх к каменной изборской крепости по очень крутому обрыву. Надо было принести камень на голову. Многие не выдерживали и с горы падали вниз.

В печерской богадельне старухи подтвердили, что действительно крестьяне знали в старину ключок на Воронине в Изборске. «Там много ключей в

36. После 1920-го года.

дождя.

Нужно отметить, что отъ часовни Ильи Мокраго видна другая часовня, выстроенная на гору по другую сторону Изборска, которую изборляне называют Сухой Илья, хотя тамъ Ильи нѣтъ, а стоитъ часовня Пресвятой Богородицы. Тамъ въ старину въ дождливые годы люди молили о хорошей погодѣ. Мнѣ кажется, что два этихъ мѣста связаны съ глубокой языческой древностью, ~~как~~

Богородицкий ключ

Богородицкій ключъ вытекаетъ изъ-подъ стѣны на холмѣ Богородицкой церкви бывшаго дѣвичьяго монастыря, что въ старомъ Изборскѣ. ^{Время} ~~Он находится на той посадѣ у старинной большой горы~~ основанія монастыряка неизвѣстно. На его колокольнѣ висятъ колокола 1575 год. ^{Вело съѣхъ въ Ивановскіи камешки Местѣ} да. Онъ стоитъ на изборскомъ посадѣ у старинной большой дороги. -

Въ семьѣ Хрустневыхъ ^{мне} (рассказали, что на Богородицкомъ ключѣ всегда мылся народъ и бросалъ въ него деньги. Въ печерской богадѣльнѣ ^{ихъ старинныя чѣлки} подтвердили: -- "Прямо изъ-подъ церкви бѣжитъ, изъ-подъ Богородицкой, ключокъ къ Плиткѣ. Когда народъ ходилъ на ключъ, то многіе получали исцѣленіе. Ну, конечно, все по вѣрѣ. Въ воду бросали деньги.

Священникъ Николаевскаго ^{крестового} собора въ Старомъ Изборскѣ, отецъ Жемчужинъ ^{что} мнѣ сообщилъ слѣдующее: -- "Богородицкій ключъ -- онъ теперь превратился въ лужу. На Макавель /1 августа/ къ нему на водосвятіе ходили. Такая вода великолѣпная, чистая была, такъ и кипитъ. Люди на него и теперь ходятъ. Многіе ^{спрашиваютъ} (спрашиваютъ его воду, на исцѣленіе глазъ берутъ и непременно тамъ что-нибудь оставляютъ, -- кофѣчку, или съ платяна своего что-нибудь, -- пуговицу, шерстинку, какъ будто съ этими вещами оставляютъ болѣзнь на этомъ ключѣ. Мѣютъ по утрамъ водицей глаза, ^а (если у ребятъ осыпь -- нечистота какая заведется, все бѣгаютъ бабы на этотъ ключъ ребятъ своихъ мыть, вѣрятъ,

Изборске, и все они бежат от востока, а воронинский бежит напротив. Он очень полезный для тех, у кого болят глаза, и даже тем, у кого другая болезнь, так тоже подает пользу».

*

Целебный ключок у часовни Ильи Мокрого

Около Изборска при дороге, ведущей из Печер на Изборск, на месте, с которого открывается широкий горизонт, стоит древняя часовня Ильи Мокрого. Около нее в старину был расположен распаханый ныне могильник. Когда бывает засуха, то изборяне вместе с окрестными крестьянами идут с крестным ходом к этой часовне и служат молебны, прося дождя. В семье Хрустневых мне сообщили, что целебный ключок находится около часовни Мокрой Ильи (так они называют часовню). Туда тоже народ ходил в старину мыться, и туда же все ходили с крестами просить дождя.

л. 64

Нужно отметить, что от часовни Ильи Мокрого видна другая часовня, выстроенная на горе по другую сторону Изборска, которую изборяне называют Сухой Илья, хотя там Ильи нет, а стоит часовня Пресвятой Богородицы. Там в старину в дождливые годы люди молили о хорошей погоде. Мне кажется, что эти два места связаны с глубокой языческой древностью.

*

Богородицкий ключ

Богородицкий ключ вытекает из-под стоящей на холме Богородицкой церкви бывшего девичьего монастыря, что в старом Изборске. Время основания монастырька неизвестно. Он находится на посаде у старинной большой дороги. На его колокольне висят колокола 1575 года. В его стены вмурованы каменные кресты.

В семье Хрустневых мне рассказали, что на Богородицком ключке всегда мылся народ и бросал в него деньги. В печерских богадельнях старики и старухи подтвердили это сообщение: — «Прямо из-под церкви бежит, из-под Богородицкой, ключок к Плитке. Когда народ ходил на ключ, то многие получали исцеление. Ну, конечно, все по вере. В воду бросали деньги».

Священник Николаевского крепостного собора, что в Старом Изборске, отец Жемчужин, сообщил следующее: — «Богородицкий ключ — он теперь превратился в лужу. На Маккавее (1 августа) к нему на водосвятие ходили. Такая вода великолепная, чистая была, так и кипит. Люди на него и теперь ходят. Многие спрашивают его воду, на исцеление глаз берут и непременно там что-нибудь оставляют, — копейку, или с платья своего что-нибудь, — пуговицу, шерстинку, как будто с этими вещами оставляют болезнь на этом

ключке. Моют по утрам водицей глаза, а если у ребят осыпь — нечистота какая заведется, все бегают бабы на этот ключ ребят своих мыть, верят».

л. 65

*

Святой колодец в д. Васцах

Д. Васцы находится недалеко за Изборском. Там при колодце поставлена Николаевская часовня, а над колодцем поставлен в древности большой каменный крест. В изборской богадельне мне рассказали, что колодец в Васцах святой. Шла какая-то женщина, глаза у нее болели, нигде она вылечиться не могла, и ей сказали — иди, будет часовня, а около нее колодец, над которым — крест каменный. Она пришла, помылась из колодца и исцелилась. (1938 г.).

*

Черный Ключек

Недалеко от Изборска около деревни Залавье стоит часовня Никандры. Народное предание говорит, что преподобный Никандр здесь проходил, и в него ребята бросали камнями, а шел он к местности, носящей название Спенск, где находится Черный Ключок, что около Пралища. В Изборской богадельне мне рассказали: — «Там тоже моются на Черном Ключке, когда глаза болят. Моют маленьких. Как солнце над закатом, так бабы идут мыться. На вечерней заре. Как солнце над закатом будет, тогда все больных к этому ключку посылают».

*

Мальской Ключ

Христорождественская церковь бывшего Мальского монастыря, находящегося в трех километрах от Изборска, поставлена на Святом Ключе, который почитает все окрестное население. Неизвестно, когда основан монастырь³⁷. Один из его подвижников, Святой Онуфрий Мальской, скончался 12 июня 1492 г. Две церкви — Трапезная, разрушенная когда-то литовцами, и существующая ныне Рождественская — построены на священных ключах. В подвале Христорождественского храма под алтарем находится сильный источник прекрасной ключевой воды. В праздничный день туда идут мыться больные, бросают в воду серебряные деньги. Я был в Малах несколько раз и лично наблюдал лечение на ключе под церковью. Оно напоминает лечение в Мегузицах. Вот записанное мною сообщение...

37. Мальской монастырь стоит на берегу Мальского озера. Берегом от Изборска до Мальского монастыря 3 км.

...мальского священника Леонида Жемчужина: — «Храм построен на ключе, который никогда не замерзает. Больные всегда идут под церковь мыться и верят, что после этого выздоровят».

Главное празднество у народа падает на первое воскресенье после Петрова дня. Вот тогда женщины особенно в подцерковье на ключе моются. Подвяжут юбки, ходят по воде босиком, замутив воду. А то и в воду садятся.

*

Ключок на Малидовке

В изборской богадельне я получил сведения, что на Малидовке, около Милицкаго моста, недалеко от Изборска, находится ключ, где моют глаза. Милецкий мост находится около деревни Мильцы, расположенной близ дороги, ведущей из Старого Изборска на Новый Изборск. Там же, на милецком поле находится кресток, который население называет Зубовой Кресток — он стоит рядом с большим камнем, туда народ ходит лечиться от зубной боли. (1938 г.)

*

Озеро Могильно

В деревне Ползохново в 1927 г. от учительницы Мюрк в деревне Бор-Бельково мною получены сведения, что озеро Могильно (оно находилось на самой границе и часть его принадлежала СССР) население считает священным. В старину к озеру приезжали люди и мыли глаза. Недавно заболел крестьянский мальчик, и его мать сходила к озеру и принесла оттуда воды для сына. Рассказывают, что он выздоровел от трахомы.

*

Святой Ключ

В 1937 г. в деревне Печки от старика Исправникова я получил сведения, что в деревне Печки на Поповой Вешнице находится Святой Ключ, — вода очень холодная, исцеляет глаза. Теперь перестают на него ходить, а раньше ходили мыть глаза и бросали в него деньги.

*

Литвиновский Святой Ключ — Шубинский Ключ — Динарский Ключ

В деревне Кашино старуха Сотникова мне рассказала: — «На литвиновский Святой Ключ и теперь носят лечить ребят. Там, около реченки Вруды, на горе растёт ель, из-под нее вытекает ключ. Я была там лет тридцать тому назад и видела, что и ель, и ключ обвешены вся-...

...ким тряпьем. И мылись там, и деньги в воду бросали. Там были всякие пояски навешены, полотенца. И теперь туда ходят мыться.

— «Сходите, — скажут, — помойтесь, денег туда киньте сколько-нибудь. Про этот ключ старики говорили, что там Ликандра был, остановившись».

В деревне Леоново, старуха Персонова, 70 лет, мне рассказала: «Бывало, глаза заболят — идем на Литвиновский ключ, на Литвиновскую горку. Бородавки если начнутся надо там руки помыть». В деревне Литвиново, старуха Милова, неграмотная, семидесяти лет, это свидетельство мне подтвердила: «И маленьких ребятшек водили на священный ключ, мыли, больных водили мыть в теплое время, — сказала она, — Мыли и рубашки бросали. Кто бросал в воду деньги. Теперь его называют — Шубинский ключ. Вода холодная, ключ кипун, он с горки течет. Раньше он был в порядке — был сток из дерева устроен». В д. Литвино Анисим Привалов, 52 лет, дополнил ее рассказ: «Шубинский ключ с горы вытекает. Многие к нему ездили лечиться. Глаза болят — помоемся, платком утрется, и платок оставит. Полуверцы сюда ездили. Болит что — помоют — пошло на поправку. Тряпочки там оставит, полотенце. Раньше было верующих много. Теперь его зовут “Динарский Ключ”».

В 1938 г. я был в деревне Литвиново и осмотрел знаменитый ключ. Он бьет из горки, напоминающей своим видом насыпную. На ней растет молодой лес. Место болотистое, поросшее мхом. Рядом стоит хутор, владельцы которого, как мне рассказывали в деревне, подбирают у ключа все приношения, которые народ около него оставляет.

*

Верхоустинский Ключ

Дьякон Верхоустинской церкви, Яков Иванович Вознесенский, сообщил: «Раньше бросали в Верхоустинский ключ деньги те больные, что тут мыли глаза. Некоторые, говорят, поправлялись. Сюда...

...много народу приходило. В старину над этим ключом стояла крыша с крестом — сень».

В настоящее время деревянного навеса над ключом больше нет. Ключ вычищен, введен в бетонную трубу, по которой и течет вода.

*

Гажий Ключок

— Около д. Шляхово, в овраге есть Гажий Ключок, — рассказала мне в деревне Бобренки Агафья Веселова, взятая из д. Репино. — Там за Шляховым на горке живет агроном, так около того агронома. Туда много ходило и ходит

народу. Каждый что-нибудь оставляет возле Ключа — или тряпочку или полотенце. Сходите, посмотрите, там тряпочек разных много набросано.

*

Святой Ключ

— Есть ключ возле реки, — сказала мне в деревне Никольское Александра Кольцова. Недалеко от того места, где живет Лука Башкиров. Туда те, что у кого болит, ходят мыться. И я ходила. Там тряпочки по кусту навешены. А ключок маленький, под кустом.

*

Ключ в Бревеннике

— Есть ключ в Бревеннике, — сообщил мне в деревне Ботвино лесник Григорий Гучков. — На тот ключок народ ходил — глаза мыли и бросали деньги. Там речонка Ботвинская протекает, он в нее впадал. Теперь этот ключ песком замыло. А раньше ходили на него многие, я помню, отец рассказывал старик, что народ ходил мыться, деньги бросали, и многим, слышать, была польза.

*

Кипучий Ключок — Ботвинский ключок

— У сына на торфяном участке находится Кипучий ключок, — сказал в деревне Любятово старик Кузнецов, 70 лет. — В старину ходили на него мыть глаза, называют его Ботвинский ключок. Кидали туда какие-то тряпочки. Против ключа находится Евдокимовский покос.

л. 69

*

Любятовский Ключ

— Есть ключ в Пальчикове на земле Михаила Кореева, — сказала мне в деревне Скачки Полевые крестьянка Плешкова. — Я еще девкой ходила туда. Кипел сильно. Любятовский ключ. Мыли глаза, деньги туда кидали, — он впадает в речку Вергулицу.

*

Глазной Ключок

— Есть у нас в деревне Глазной Ключок, — указал мне в деревне Лезги старик Дубровский. — Там и теперь деньги находят. Это не клад положен, а как я запомню, как у кого глаза заболят, пойдет помоеется, а потом кто копейку бросит, кто две. Ключ находится против Кровой горы. Теперь бросила молодежь Глазной Ключок, а раньше в почете был, издалека приходили за водой.

*

Черный Ключ

Сведения о Черном Ключе я получил в имении Рачево у владельца Венедиктова. Он находится на Морозовке. Деньги в него до сих пор бросают. Полуверки его водой лечат глаза от трахомы.

*

Святой Колодец

Святой Колодец находится за Печерами. Горожане любят его воду. В старину она считалась священной. Раньше там был просто ключ, к которому приходили богомольцы. В древности поставили над ним каменный крест. Теперь над ним стоит часовня Иоанна Крестителя, а каменный крест вмазан в ее стену. Легенду об этом колодце мне рассказал русский старик, которого я встретил в деревне Пачковки: — «Раньше часовни Ивана не было. А был просто ключ. Шла женщина, больная глазами, Богу молиться в монастырь, на этом месте остановилась, у ключа глаза помыла — будто потом стала видеть — вода священная. И все приходили и брали воду. И на Пасху и в Пятницу крестный ход к ручью ходит. Там купцы построили часовню. Там вначале просто ключ...

П. 70

...был, а потом колодец. Она, эта женщина, была больна глазами, а прозрела, не дойдя до монастыря».

КЛЮЧИ, НАХОДЯЩИЕСЯ ВНЕ ТЕРРИТОРИИ ПЕЧЕРСКОГО УЕЗДА

Ключ около имения Кудепь

В деревне Любятово я встретил молодого крестьянина Ходова, родом из Латвийской Республики, из деревни Снопово. Он мне рассказал, что около имения Кудепь есть близ реки Кудепи ключ. Бабы рассказывали, что в старину в него бросали деньги, творог около него клали, разные вещички. Он никогда зимой не замерзает, всегда открыт. (1938 г.). За болотом Грызавино (б. Островской уезд Псковской губернии) на горке у [деревни] Желавкино есть священный ключ....

*

Черный Ручей

В деревне Кулье жена рыбака Кушанова рассказала мне, что в СССР в деревне Осатно, против Курокши, откуда она родом, есть Черный Ручей. Туда маленьких водили и больных на ключ. Говорили: сведите их на черный Ручей. Живот у ребенка заболит — кушать водичку туда водили. Попьет, потом его покупают и поправится.

ДЕРЕВЬЯ

IV

л. 70а

Священная сосна Зачернского [Зачеренского. — Прим. ред.] погоста

В 1783 г. священник Никита Яковлев в Псковскую консисторию написал, что в Заче[р]нском погосте, в церковной ограде, на кладбище близ храма лежит упавшая большая сосна с несколькими засохшими сучьями, чрезвычайно почитаемая народом. К ней со всех окрестностей собирается повсегодно множество народа к празднуемой в июле месяце Пятнице и приносят к ней шерсть, масло, хлебцы и свечи. На эту сосну народ прилепляет свечи, а капли воска, падающие с тех свечей на сосну, люди собирают в тряпочки и уносят домой неизвестно зачем. Другие от сосны отламывают кусочки и несут домой будто бы для излечения болезней. На сосну народ приносит еще по завету вещички, сделанные из воска в образе животных; странно свернутые напоодо-...

л. 71

...бие очков свечи, нитки с прилепленными пластинками из воска, сыр, масло, молоко и шерсть...

Я был в Зачеренье несколько раз и в Ильинскую Пятницу и заснял для Музея человека тризны на кладбище и интересный обряд — ношение народом вокруг церкви хранящегося в храме древнего каменного креста. По народному, записанному мной тогда же преданию, этот маленький грубо вырубленный крест (теперь обложенный серебром) находился когда-то на священной сосне, о которой в 1789 г. писал в Псковскую консисторию священник Никита Яковлев. Он, очевидно, был миссионерами врезан в священную сосну, для того чтобы освящать место языческого поклонения. Крест носят люди в течение дня целыми семьями, на остановках на него старухи льют воду (и это напоминает обряд в Мегузицкой часовне у камня), которую тут же и собирают в ведро и раздают богомольцам. Те на крест бросают деньги, а воду наливают в склянки, чтобы ее отнести домой, водой моют глаза. Зачеренский храм построен среди сосновой рощи, которая когда-то была священной. В Ильинскую пятницу все окрестные сеты справляют на погосте тризны — могилы накрыты вышитыми скатертями, на могилах разложены пироги, ячницы, стоит в бочонках пиво. Целыми семьями люди, сидя вокруг могил (как вокруг стола), едят, поминая предков, пьют и льют в могилы пиво, одевают нищих. А над головой шумят сосны древнего языческого места.

*

Дубы на Святой Горе Печерского монастыря

Место, на котором основан монастырь, входило во владение крестьянина Ивана Дементьева, жившего на реке Пачковке. Он пожертвовал землю монастырю. Обитель возникла в лесном овраге у ручья Каменца. Этот лес был известен изборским охотникам, которые ходили на эти места для добычи зверя. Монастырское предание говорит, что звероловы видели иногда у камней под дубами молящегося старца. Потом под дубами нашли икону, и на этом месте была основана обитель. Дубы на Святой Горе сохранились до наших дней. Один из них, самый крупный, находящийся недалеко от трех камней, заключен монахами в ограду для оберегания его от богомольцев, которые приходят к дубу, отщипывают кору, так как считают дерево священным и верят, что его кора помогает от зубной боли. Меня заинтересовало почитание дубов окрестным населением и в 1937 г. я опросил нескольких лиц. Иеромонах Анатолий мне рассказал: — «Дуб на Святой Горе очень почитают, берут с него кору для зубов, кланяются этому дубу, целуют. От зубной боли этот дуб помогает. В тряпочки его кору завертывают, чтобы домой отнести. Не снизу отщипывают, а сверху, так как считают, что оттуда лучше. Раньше дуб не был огорожен, раньше...

л. 72

...там бабы сидели вокруг него, поясами его обвязывали или мерили³⁸, (пояса-то монахи собирали потом), а то обоймут его, возьмутся за него все руками. Он большой, так все прильнут, руками обоймут его, а он ведь в два-три обхвата, так две или три бабы руками его обоймут. Обвяжут его поясом, а потом снимут и обвяжут этим поясом себя». Инок Печерского монастыря, ведущий слесарной мастерской, сообщил: — «Эта оградка вокруг дуба, она не меняется. Она уже тридцать лет, как стоит. Раньше она, конечно, была поновее. Поставили ее, чтобы народ дуб не обдирал. Кору брали от зубной боли. Я не знаю, я не спрашивал, исцеляет ли он. Его раньше поясами обертывали — вроде жертву приносили. Оставляли и на нем пояса. Один пояс унесет с собою, а другой на дереве оставит». Инок Дорофей сказал: — «Считают дубы святыми. Только это народ простой. Это они колупают кору. За то его и обнесли решеткой, чтобы его не сушили». Пачковский крестьянин рассказал: «С начала монастыря эти дубы стоят. За триста, за четыреста верст люди пешком приходили, чтобы обрезать кору. Как бы священная считалась. Пояса вешали, полотенца, чего они ни делали, эти больные».

38. Делали это для того, чтобы получить от священного дуба крепость, здоровье. Для того же обвязывали дуб поясами: один оставляли дубу в жертву, а второй — освященный, брали для себя.

*

Дуб в Брунишове

— В Брунишове был дуб, на моей памяти засох, — сказал мне в деревне Осминенка крестьянин Кузьма Семенов. Там был дуб замечательный, там было служеное место вокруг дуба. А только этого дуба давно теперь нет.

*

Столбовский дуб

— «Был такой дуб — сообщил мне в деревне Ботвино лесник Григорий Гучков, — приносили ему яйца — около Столбова рос. Приносили ему люди подносы. Столбовский дуб я чуть так помню, стоял, был уже старый, потом его подожгли, и он сгорел. Там яйца как-то ему мужики приносили, ехал в это время латыш. — “Ах, вы, дураки, русские”. Обобрал яйца, спек их, и ему ничего не сделалось. Яйца клали русские, носили к дубу и просили у дуба — это было. Ночью поздно,...

л. 73

...начиная с вечера, представление какое-то там делали, а в подарок этому дубу носили мужики только одни яйца. Там в корнях было дупло. В это дупло яйца и клали. Я это помню. Мне семьдесят четвертый год теперь идет. А потом зажег этот дуб кто-то. Очевидно, кто-то зажег, думая, пусть народ не глумит. В середине дуба было дупло, огонь забрался туда, и он сгорел. Как пойдете в Столбово — будет по правую сторону яма, откуда берут песок, лесок налево, курган стоит около этой горки, а возле кургана он и рос. Не знаю, будут ли заметны теперь его корни. Латыш ехал, говорит, вот дураки русские».

— «В Столбове действительно был такой дуб около большой дороги, — сказал мне в деревне Скачки крестьянин Плешков; — Говорили наши старики, что когда-то дарили на дубы. Там горочка теперь, как могильник. Это место зовется Поддубье». И в д. Любятово один из крестьян мне подтвердил, что действительно он слышал, что к Столбовскому Дубу деды носили яйца, а для чего, он этого не знает. Знает только, что говорили старики дубу: — “Дай Бог, мне здоровья”.

*

Дуб в Горенках

— Против д. Горенки есть дуб, — сказал мне на хуторе под д. Воронкино Федор Копарев, 76 л., — и говорили старики, что он не простой. Относы туда относили, может, колдовство какое было. Он обгоревши с одной стороны стоит. Так говорили будто не простой, а заколдованный. Может быть, относы какие выливали или что другое. Бывало, пойдешь к дубу за

Мужской пояс узорного тканья.

Д. Лезги. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г.
Кол. MNHN 1938-170-34 (передана в МЦЕиС).
Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

маленькой нуждой, так старики скажут: “что ты, не ходи, там этого делать нельзя, там дуб не простой”».

*

Дуб в д. Горущки

В деревне Лезги в 1937 г. я узнал, что в полуверской деревне Горущки около дома Василия Тамика стоит огромный дуб, весь пустой, который полуверы тайно почитают, считая его священным. В дупло под дуб они загоняют больных овец. Я был на хуторе с Борисом Вильде, и мы пытались расспраши...

П. 74

...вать владельцев, но они ничего сообщить не хотели. При осмотре дуба на его коре я увидел красные шерстяные нитки, вырванные из полуверских поясов. (Такие шерстяные нитки полуверки оставляют на Ивановом Камне в Мегузицах).

*

Сосна в дер. Сульпи

От крестьян я слышал, что около деревни Сульпи находилась огромная дуплистая сосна, под которой, по преданию, жила Анна. Будто бы она пасла здесь овец, которыми она потом одарила людей. Ежегодно ей за это приносили в жертву бараньи головы. (1935 г.)

Мужские пояса узорного тканья:

а — хутор Ширково, д. Плахова Гора;

б — д. Дуплово. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г.

Кол. MNHN 1937-48-18, 5 (передана в МЦЕиС). Фотографии МЦЕиС. ■ МЦЕиС

*

Береза в Дятлове

На Комаровском хуторе (по дороге от Печер на Мегузицы) мне сообщили в [19]38 г., что около дер. Дятлово находилась священная береза, которую тут все почитали, но ее громом разбило. Сету туда богов раньше возили. Старики рассказывали, что к этой березе сеты собирались праздновать. Там был у них и свой поп.

л. 75

Археологическая и этнографическая разведка в Прибалтике не могла быть закончена. В 1939 г. я не получил командировки. Война прервала начатую работу. А в 1939 г. я должен был не только закончить обследование Печерского края, произвести разведку на берегу Чудского озера и по берегам реки Наровы, где по имевшимся у меня, полученным от старых рыбаков и крестьян сведениям, тоже находились священные, когда-то связанные с древнейших языческих времен с народными жертвоприношениями

и поклонениями незарегистрированные еще места, но и начать работу в Латвии и Литве.

Во время войны берега Чудского озера, Псковского (западный берег которого я, к счастью, успел обследовать), Наровы и Печерский край (в котором я в 1937 г. вел работы с расстрелянным впоследствии немцами, героически погибшим Борисом Вильде) страшно пострадали — фронт прокатился через эти места два раза — берега Псковского озера и Наровы были защитными рубежами. По имеющимся у меня сведениям, большинство деревень немцами при отступлении было сожжено, население частично депортировано, а старики, от которых я когда-то получал драгоценные сведения, не выдержали голода — смертность среди них была потрясающая. Я знаю, что с неграмотными печерскими и обозерскими стариками навсегда ушли от нас еще не записанные ценнейшие устные предания и песни, — вместе с ними в могилу ушло столь ценное для экспедиционных работников живое свидетельство.

К счастью, собранные в Печерском краю экспедиционные материалы уцелели, как и фотографии, сданные мною перед войной в Музей человека. Теперь, приводя в порядок часть материалов, а именно, — сведения о дохристианских пережитках среди сетского и русского населения Печерского края (ныне отошедшего к Псковской области СССР), мы на основании исторических (опубликованных в новгородской летописи) данных, а также на основании сведений, полученных при обследовании края, можем утверждать, что зарегистрированные нами в Печерском крае пережитки языческих обрядов действительно являются дошедшим до нас (правда, в искаженном за века виде) остатками древнейших верований...

П. 76³⁹

...славянских племен и Чуди (эстов), которые были когда-то родственны языческим верованиям древнейшего населения Европы. После обследования Печерского края мы можем сказать, что у Изборска и у берегов Псковского озера (а это один из древнейших малых янтарных путей из варяг в греки, — через реку Нарову Псковское озеро было связано с Балтийским морем, а через него с западной культурой; через реку Великую системой волоков с Западной Двиной и Днепром, а через него с черноморской и средиземноморской культурой) еще в языческие времена, до начала русской государственности, обитавшие на этих местах славянские и чудские племена поклонялись источникам, дубам и камням, что в древней изборской земле, почти в каждой волости, были свои святыни, а среди них и особенно почитаемые, знаменитые своими целебными свойствами, к которым в дни празднеств отовсюду стекались паломники, нищие и больные. Мы можем

39. [На этом и следующих листах есть также машинописная нумерация. Здесь — «2». — Прим. ред.].

утверждать, что таким местом был мегузицкий Иванов теплый камень; что священным местом древности был и Изборск со своими многочисленными бьющими из-под Славенецкого поля ключами — и нам теперь понятно, почему в глубокой древности славяне избрали его, почему он со своим смешанным славянским и финским населением сыграл большую роль в призвании князей, а стало быть, и в зарождении русской государственности. Нам понятна теперь история возникновения на ливонской границе среди лесов и оврагов знаменитого своей культурной и миссионерской деятельностью Псково-Печерского монастыря, ибо и он основан на древнем, языческом, привлекавшем, очевидно, издавна паломников месте, у древних пещер, ископанных пустынноиками старцами близ священного Титу Киви, в дубовой роще, в которой (судя по монастырской летописи) задолго до основания монастыря, изборские зверо-...

П. 77

... ловы видали под дубами молящегося старца. Теперь, после собранных нами сведений, ясно, что и в Печерском краю, как и во Франции, большинство древних церквей основано миссинерами на местах языческих поклонений — изборская церковь Богородицкого Девичьего монастыря на священном ключе; главная церковь, находящаяся под Старым Изборском Мальского монастыря над священным колодцем. Смешение христианских служб в Мегузицкой часовне с поклонением камню несут до сих пор те же черты двоеверия, с которыми боролся в 1533 г. владыка Макарий (недаром монахи Печерского монастыря называют издавна сетское крещеное население «полуверцами»). Конечно, кровавые жертвы камням, о которых писал Макарий, теперь не приносятся, но ведь не так давно (по крестьянским свидетельствам) они приносились в деревне Пельси на жертвенном камне Аннакиви. Обряды поклонения Иванову камню несут все черты дохристианского обряда (паломничество, жертвы ворожей, лечение больных, омовение в ручье, оделение нищих), что в полной силе совершался и цвел, руководимый языческими жрецами, в этих местах еще до крещения Руси, до великого князя Владимира Святого. Во время экспедиционной работы 1937–38 гг. я обследовал лишь район Сетумаа, ограниченный с востока границей СССР, а с юга границей Латвии. Работа по регистрации священных мест языческой древности начата⁴⁰.

40. В 1938 г. мне было известно, что и в СССР в окрестностях г. Пскова и г. Острова, по реке Великой и в Латгалии (Латвии) имелось большое количество незарегистрированных мест древних языческих поклонений. К сожалению, я не мог посетить область Новгорода, Ямбурга, Копорья (находящиеся в СССР), т. е. те места, о которых в своей грамоте упоминает Макарий, но где тоже, как мне из опросов старых крестьян стало известно, находятся священные камни. Мне также известно, что и в Белоруссии есть священные языческие места: в селе Лукареве, в окрестностях которого есть много могильников,

Дальнейшее этнографическое обследование мест, упомянутых в грамоте новгородским владыкой, может дать много новых материалов и, несомненно, прольет свет на неисследованное еще учеными язычество не только древних славян, но и соседящих с ними финских народов, но для этого необходимо выслать, пока еще не поздно, на эти места научных работников для опроса старых крестьян, для изучения на местах народных преданий, связанных с урочищами, ключами, деревьями и камнями, для обследования мест, на которых в глубокой древности построены обители, часовни и церкви, для обследования островов и берегов Ладожского озера, Старой Ладоги, Карелии и побережья Финского залива.

Для успешности и большей продуктивности ее я считаю необходимым ознакомление с этнографическими материалами, собранными в Эстонии, Латвии и Литве⁴¹.

Также необходимо ознакомиться с этнографическими и археологическими материалами, собранными немецкими учеными в Померании, на бывших землях, уничтоженных немцами вендов, в окрестностях Штеттина, а в особенности, с материалами, собранными при обследовании острова Рюгена — так как там не только находилась божница, в которой пребывало главное славянское божество, но и знаменитый священный Божий камень, которому поморские и рюгенские моряки поклонялись так же, как еще в 1938 г. своим камням поклонялись псковские рыбаки, сету и печерские крестьяне.

*А. Зуров
Париж
1946*

лежит священный камень «Пястун», который местное население почитало; в Игуменском уезде при Минско-Слуцкой почтовой и Игуменско-Слуцкой дорогах в селении Миколка, около бывшей униатской церкви находился громадный дуб, который издавна почитало все окрестное население; в семи верстах от г. Могилева в селе Польшковичи находилась целебный священный ключ, к которому в восьмую, девятую и десятую пятницу по Пасхи десятками тысяч стекались паломники, а к юго-западу от местечка Шепелевичи находилось священное озеро Хитемя, воду которого население считало целебной, помогающей от кожной сыпи и золотухи. Мне известно, что и на Ладожском озере был известен священный Конь камень, находящийся на острове Коневец, которому до построения на острове обители прибрежные жители ежегодно приносили жертву, что и Валаамские острова в глубочайшей древности были центром язычества — на главном острове было капище Велеса и Перуна, которым поклонялись и приносили жертвы до поселения на острове преподобного Сергия в 960 г. живущие в окрестностях язычники.

41. Известно о трех священных камнях литовских. Один из них, почитаемый населением, имеет на себе «следки», которым народ приписывает чудесное происхождение. Второй камень, по народным рассказам, упал с неба при пении петуха. Третий является единственным до сих пор зарегистрированным в Литве жертвенником.

Часть II. Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории

- 177** Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.)
- 183** Л. Зуров. Письмо–отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.)
- 193** Отчет Зурова № 1.
Результаты этнографического и археологического
обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.
- 255** Отчет Зурова № 2.
О дохристианских пережитках и религиозных
верованиях сетских и русских крестьян Печерского
уезда. О почитании камней, источников и деревьев.
Результаты этнографической работы, выполненной
для парижского Музея человека. Миссия в балтийские
страны, полученная от французского Министерства
народного просвещения в 1937 и 1938 гг.
- 327** Научно-исследовательские заметки Л. Зурова
Мексика
Образцы тканей
Свадебные полотенца
Свадебные пояса

■ Научно-исследовательские заметки Л. Зурова

Перевод с французского языка Анастасии Калюты ■

■ Меекси

Л. 1

Предполагается, что деревня Меекси была построена недалеко от священного камня для того, чтобы приютить паломников, которые некогда тысячами приходили сюда из России и Эстонии и которых сейчас, в 1937 г., все еще насчитывают сотнями. Маленькая речка в былые времена служила границей. Христианская часовня была построена в этих же местах языческого паломничества, перед священным камнем и за ручьем, к которому православные верующие сету и русские приходили мыться и замачивать белье. И в то время как священник, совершающий богослужение в часовне, наполняется гневом и пытается бороться против языческих верований населения, женщины, пришедшие для получения исцеления, прикасаются большей частью своих тел к священному камню. Крест, вырезанный на священном камне, сохранил свои магические силы.

Нищие, которые пришли в качестве паломников, держатся за часовней рядом с камнем. Женщины, обмазав священный камень творогом и маслом и оставив там небольшое количество шерсти, раздадут им оставшееся.

Позади нищих находятся колдуньи-целительницы, которые делают большим массаж, молятся и дают советы. Эти колдуньи из числа старых женщин сету.

Женщины, которые делают приношения (чашку, наполненную творогом, обмазанного маслом, и покрытую свежим листом клена), становятся на колени перед камнем, соединив руки, склонив голову, и молятся. Матери, обеспокоенные здоровьем своих детей, ставят их голыми на камень или заставляют их сесть, после того, как полностью их разденут.

Паломничество совершалось по случаю праздника св. Иоанна, знаменующего день, который в былые времена был посвящен культу бога Солнца — Ярилы, и вобрал в себя его обряды, огни св. Иоанна были смутными напоминаниями о небесном солнечном огне. В эту ночь св. Иоанна целебные растения, термальные источники, священные камни, деревья (дубы) удваивают свою благотворную силу. Вся древняя языческая традиция проявляется вновь, и крестьяне, сету и русские, празднуют ночь св. Иоанна с песнями и эротическими танцами, в которых принято видеть пережиток былых обря-

On suppose que le village de Meeksi a été construit non loin de la pierre sacrée dans le but d'abriter les pèlerins qui jadis venaient par milliers de Russie et d'Estonie et qui se comptent encore aujourd'hui (1937) par centaines. La petite rivière formait autrefois la frontière .

Une chapelle chrétienne a été construite sur les lieux mêmes du pèlerinage païen, devant la pierre sacrée et auprès du ruisseau où les croyants orthodoxes, Sètes et Russes, viennent se baigner et tremper du linge. Et, tandis que le prêtre officie dans la chapelle comble et essaie de lutter contre le paganisme de la population, les femmes venues pour l'obtention d'une guérison font toucher la pierre sacrée à la partie malade de leur corps. La croix, taillée dans une pierre sacrée, a gardé ses pouvoirs magiques .

Les mendiants qui viennent au pèlerinage se tiennent derrière la chapelle près de la pierre. Les femmes, après avoir enduit la pierre sacrée de fromage blanc et de beurre et y avoir laissé une petite quantité de laine leur distribuent le reste .

Derrière les mendiants se trouvent les sorcières guérisseuses qui massent, prient et donnent des conseils. Ces sorcières sont de vieilles femmes Sètes.

Les femmes qui apportent des offrandes (une tasse remplie de fromage blanc enduite de beurre et couverte d'une feuille fraîche d'érable) s'agenouillent devant la pierre, les mains jointes, la tête penchée et prient. Les mères soucieuses de la santé de leurs enfants les posent pieds nus sur la pierre ou les font asseoir après les avoir déshabillées entièrement .

Le pèlerinage a lieu à l'occasion de la fête de la Saint-Jean, célébrée le jour qui était autrefois consacré au culte du dieu^{du} soleil Jarila, et en a adopté les rites, les feux de la Saint-Jean étant une réminiscence du feu céleste solaire. En cette nuit de la Saint-Jean, les plantes médicinales, les sources thermales, les pierres sacrées, les arbres (chênes) redoublent de puissance bénéfique. Toute une vieille tradition païenne réapparaît et les paysans Sètes et Russes fêtent la Saint-Jean avec des chants et des danses érotiques où l'on a cru voir une survivance des rites de fécondité d'antan: danse de l'ours, danse du taureau dansées par les femmes Sètes avec leurs enfants dans les bras et d'autres pendus à leurs jupes.

дов плодородия: танец медведя, танец быка, исполняемые женщинами сету со своими детьми на руках либо цепляющимися за их юбки.

П. 2

Пьют много пива и водки. Старуху, украшенную ветвями яблони и ростком пшеницы, символизирующими плодородие, везут в повозке и к ее поясу подвешен мешок льна, она выходит из повозки раздает камни, в обмен на которые получает деньги.

Культ священного камня практикуется почти исключительно женщинами. Большинство мужчин остаются в стороне: только старики еще верят в его благотворную силу. «Гереться о камень» превратилось в оскорбительное выражение.

Помимо паломничества к священному камню, праздник св. Иоанна отмечается огромным костром.

Зуров (*краткие выдержки из заметок Зурова, написанных на русском языке*)¹

Дохристианские пережитки в религиозных верованиях сету и русских сельских поселений Печорского района.

Почитание камней, источников, деревьев.

Результаты этнографических трудов, осуществленных Музеем человека в Париже. Полевая работа в Прибалтике под руководством французского Министерства национального образования в течение 1937–1938 гг.

1. Слова, заключенные в скобки, были дописаны Зуровым от руки.

Echantilloné de tissus

Collection Zouroff 38.170.

Parmi les échantillons de tissus ruraux tissés à la main, tant anciens que modernes, certains ont plus de cent ans.

C'est en hiver que les tissus sont faits, généralement, par les femmes; qui enseignent le tissage à leurs filles, dès qu'elles ont atteint l'âge de 14 ans.

Les matériaux sont locaux, villageois. Ce n'est que récemment que les paysans ont commencé à acheter des fils fabriqués en ville.

Les tissus anciens sont teints avec des couleurs végétales, locales. Avant la guerre, les teintures fabriquées en ville, remplaçaient les couleurs végétales; mais la révolution et la guerre locale, interrompant les possibilités de communications, aidèrent à la renaissance des anciennes traditions.

En 1918-1919, les femmes teignent les tissus avec des couleurs végétales. Mais en 1930, les couleurs fabriquées dans les usines pénétrèrent à nouveau dans les villages.

Dans cette collection d'échantillons il a été réuni tout ce qui s'est conservé dans la région de Setumaa. Malheureusement, tout un ensemble de villages a brûlé pendant la guerre et, tous les tissus paysans, dont les traditions de fabrication se transmettaient par héritage, ont disparu.

Actuellement, la jeunesse a abandonné le tissage à la main. Elle préfère acheter à la ville. Les jeunes gens répugnent à porter des tissus grossiers, voulant ressembler aux citadins.

Seuls, les vieux et les vieilles portent encore des vêtements tissés sur place.

ZOUROFF. 1939.

Photographies de la mission Zouroff 1938 enregistrées au Musée de l'Homme/.

E.42.994.306 métier à tisser de Mae Talu
E;42.995.306) métiers primitifs
E.42.1000.306) " " "
E;42.991.306 métier du hameau près du lac Boroviansky
E.42.992.306 " " "
E.42.993.306 métier primitif à Lepessara.

Факсимиле текста «Образцы тканей» Л. Зурова.

MNHN-MH ETHNO EUR 205 (12). I NMEI, Центральная библиотека

■ Образцы тканей

Коллекция Зурова 38.170.

Среди образцов деревенских тканей ручной работы, как старинных, так и современных, некоторым более ста лет.

Ткани ткут именно зимой, в основном женщины, которые обучают ткачеству своих дочерей, с того момента, когда им исполнится 14 лет.

Материалы местные, деревенские. Лишь совсем недавно крестьяне начали покупать пряжу, изготовленную в городе.

Старинные ткани окрашены местными растительными красителями. До войны краски, изготовленные в городе, вытеснили растительные красители; но революция и местная война уничтожили возможности сообщения, способствуя возрождению этих древних традиций.

В 1918–1919 гг. женщины красили ткани растительными красителями. Но в 1920 г. красители, изготовленные на фабриках, вновь проникли в деревню. В этой коллекции образцов тканей было объединено все, что сохранилось в области Сетумаа. К сожалению, вся группа деревень сгорела во время войны и все крестьянские ткани, традиции изготовления которых передавались по наследству, погибли.

В настоящее время молодежь не носит тканей ручной работы. Они предпочитают покупать их в городе. Молодые люди отказываются носить грубые ткани, они хотят походить на горожан.

Только старики и старухи все еще носят ткани местного производства.

Зуров. 1939 г.

Фотографии экспедиции Зурова 1938 г., зарегистрированные в Музее человека

Е. 42994.306 ткацкий станок из [хутора ?] Мяэ Талу

Е. 42.995.306) примитивные ткацкие станки

Е. 42.1000.306) станок для плетения сетей близ оз. Боровенского

Е. 42.991.306 то же

Е. 42.992.306 то же

Е. 42.993.306 примитивный станок из [хутора ?] Лепессары.

Le professeur V.A.GOROTSOFF, (archéologue de l'U.R.S.S.) en étudiant les serviettes nuptiales, remarqua que, la figure centrale des motifs dans la Russie du Nord, était la représentation d'une femme (I). D'après lui, cette figure représenterait une divinité féminine. Souvent la représentation de cette figure est accompagnée par la représentation de deux cavaliers à ses côtés, les mains levées au ciel dans un geste d'adoration. Comparant cette représentation avec des figures de l'art antique, GOROTSOFF identifie la figure féminine des broderies russes avec la divinité féminine Skife, - Anagita.

Dans les dessins pris par GOROTSOFF d'après les serviettes nuptiales des régions nordiques, la figure féminine centrale est généralement représentée debout. A cause de la technique de fabrication, la représentation brodée est caractérisée par des formes géométriques nettement manifestées.

D'une façon générale, la tête est représentée par un carré, ce carré étant en contact avec la ligne des épaules, soit sur toute la longueur de l'un de ses côtés, soit par l'un de ses angles. Il arrive rarement que la tête soit représentée par un rond (voir 38.170.I mission ZOUROFF).

Dans la plupart des cas, la tête est ornée d'une coiffure particulière. Il y a deux cas où nous trouvons la représentation des yeux, du nez et de la bouche. L'importance du personnage se manifeste: 1°) par la place qu'il occupe presque toujours au centre du motif. 2°) par ses dimensions comparées à celles des autres personnages et des chevaux. 3°) par le fait qu'il est parfois placé dans une sorte de petite bâtisse de type temple et sur un piedestal partiel culier. Il est rare de trouver ce personnage représenté seul. Généralement, des arbres ou des plantes sont représentés des deux côtés; mais ce sont le plus souvent des cavaliers ou des chevaux. Cette figure féminine a parfois les bras levés vers le ciel dans un geste d'adoration. Elle tient, alors, dans ses mains, des biseaux, des plantes ou, peut-être, des rosettes symboles de la divinité du soleil. Ses bras sont quelquefois baissés dans un geste de protection ou de bénédiction. A ses côtés sont quelquefois représentés des cavaliers, dont les bras, souvent, sont levés vers le ciel en geste d'adoration. Le fond est généralement orné par des images d'oiseaux, des " swastikas ", des croix, des cercles d'où sortent des rayons de lumière, etc....

Le professeur GOROTSOFF croit voir dans l'image féminine des serviettes nuptiales russes, la grand'mère, dont nous retrouvons la représentation dans la plus haute antiquité. GOROTSOFF identifie cette image avec l'image de la déesse Skife Anagita. Les derniers travaux de l'académicien russe ROSTOVSEFF, jettent une clarté assez détaillée sur la signification du culte de la grande divinité féminine Aphrodite-Uranie-Antarté-Anagita, chez les Skifes. M.I. ROSTOVSEFF voit l'influence certaine de l'Iran, auquel il est probable que les Skifes étaient liés par une relation d'étroite parenté.

Se basant sur les séductions et les matériaux de M.I. ROSTOVSEFF, GOROTSOFF, en arrive à conclure que les motifs religieux des objets skifes sont les prototypes des décors brodés des serviettes nuptiales russes. Dans les broderies russes, la tête de l'image féminine est généralement représentée par un carré en contact avec la ligne des épaules, soit par l'un de ses côtés, soit par un angle. Sur quelques représentations, une coiffure particulière est nettement visible.

En considérant des objets de l'époque skife, nous apercevons également différentes sortes de coiffures.

GOROTSOFF remarqua que : la femme est liée à l'image d'un arbre d'une façon, en quelque sorte organique, indissoluble, en adhérant à lui, la femme forme parfois un tout avec l'arbre; parfois, il se substitue à elle en tant

que pur symbole. Nous pouvons observer trois cas d'union de la femme et de l'arbre: 1°) la représentation d'un arbre s'accompagne de celle d'une femme.

2°) la femme est liée à l'arbre de façon organique: elle pousse hors de lui en quelque sorte.

3°) l'arbre remplace l'image d'une femme symbolisant la présence de cette dernière dans la composition artistique. Des ensembles de ce genre sont présentés dans les antiquités skifes sur un " riton " de la région de Kouban.

L'union du deuxième type, quand l'image d'une femme est liée à l'arbre de façon organique, poussant en quelque sorte hors de lui, est représentée dans l'art skife par une image aillée sur le fronton d'un sarcophage villageois dans la péninsule de Taman, par des ornements en terre cuite du sarcophage de Kertch et un frontal (harnais de cheval) en or de Teimbalka.

Le cas où l'image féminine est remplacée par un arbre est trouvé sur la garniture d'un " riton " dans la région de Karagode Ouache et sur une plaque ronde en or appartenant au diadème de la tsaritzza, épouse de RESKOUPOURIDE II.

Dans l'art populaire russe, l'image d'un arbre est souvent le symbole d'une grande divinité féminine.

L.ZOUROFF

(I)

■ Свадебные полотенца

П. 1

Коллекция Зурова 38.170.

Профессор В. А. Городцов (археолог из СССР), изучая свадебные полотенца, заметил, что в Северной России центральной фигурой узоров является изображение женщины. По его мнению, эта фигура представляет собой женское божество. Часто изображение этой фигуры сопровождается по краям изображениями двух всадников с поднятыми к небу руками в жесте поклонения. Сравнивая это изображение с изображениями древнего мира, Городцов идентифицировал женскую фигуру на русских вышивках как женское скифское божество — Анахиту.

На рисунках, скопированных Городцовым со свадебных полотенец из северных областей, центральная женская фигура обычно изображена стоящей. В силу техники изготовления, вышитое изображение отличается четко выраженными геометрическими формами.

Обычно голова изображена в виде квадрата, этот квадрат соединен с линией плеч, либо по всей длине одной из ее сторон, либо с помощью одного из ее углов. Редко бывает, когда голова изображена в виде круга (см. 38.170.1, экспедиция Зурова).

В большинстве случаев голова украшена особой прической. Есть два случая, когда мы находим изображение глаз, носа, и рта. Важность персонажа демонстрируется: 1) местом, которое он занимает — почти всегда в центре орнамента; 2) его размерами по сравнению с размерами других персонажей и лошадей; 3) тем фактом, что он всегда помещен на некое небольшое возвышение, напоминающее храм, и на частично обрезанный пьедестал. Редко можно найти этого персонажа изображенного одним. Обычно с двух сторон изображены деревья или растения, но наиболее часто — всадники или лошади. Руки этой женской фигуры, как правило, подняты к небу в жесте поклонения. Иногда она держит в своих руках птиц, растения или, возможно, розетки, символизирующие солнечное божество. В некоторых случаях ее руки опущены в жесте защиты или благословения. По сторонам от нее иногда изображены всадники, руки которых часто подняты к небу в жесте поклонения. Фон обычно украшен изображениями птиц, свастиками, крестами, квадратами, из которых исходят лучи света и т. п.

Профессор Городцов считает, что в изображении женщины на свадебных полотенцах показана великая мать, изображения которой мы встречаем в самой глубокой древности. Городцов идентифицирует это изображение с изображением скифской богини Анахиты. Последние работы русского ученого Ростовцева с достаточной ясностью показывают значение культа

великого женского божества Афродиты — Урании — Астарты — Анахиты у скифов. М. И. Ростовцев видит определенное влияние Ирана, с которым возможно, скифы были связаны близким родством.

Основываясь на умозаключениях и материалах М. И. Ростовцева, Городцов пришел к выводу, что религиозные мотивы скифских предметов являются прототипами вышитых узоров русских свадебных полотенец. На русских вышивках голова женского изображения обычно изображена в виде квадрата, соприкасающегося с линией плеч, либо по одной из их сторон, либо под углом. На некоторых изображениях прическа [головной убор?] особенно ясно видна.

Рассматривая предметы скифской эпохи, мы также видим различные типы головных уборов [причесок ?].

Городцов отмечает, что женщина связана с деревом неким органичным, неразрывным образом, прижавшись к нему, женщина подчас образует одно целое с деревом; иногда оно заменяет ее в качестве...

П. 2

...символа. Мы можем отметить три случая соединения женщины с деревом:

1. Изображение дерева сопровождается изображением женщины.
2. Женщина органично соединена с деревом, она вырастает из него определенным образом.
3. Дерево заменяет изображение женщины, символизируя присутствие последней в художественной композиции. Композиции подобного рода представлены в скифской древности на одном ритоне из района Кубани. Соединение второго типа, когда изображение женщины органичным образом соединено с деревом, в какой-то форме, вырастающей из него, представлено в скифском искусстве в виде крылатого изображения на крышке городского саркофага на Таманском полуострове, терракотовых украшений саркофага из Керчи и на лобном золотом украшении конской сбруи из Цимбалки.

Случай, когда изображение женщины заменено изображением дерева, — на декоре одного ритона из области Карагоде Куаче и на круглой золотой табличке диадемы царицы, супруги Рескупорида II.

В русском народном искусстве образ дерева часто символизирует великое женское божество.

Л. Зуров

Ceintures Nuptiales.

Anciennes coutumes relatives à l'usage des ceintures nuptiales.

Les ceintures nuptiales sont encore en usage en Estonie, dans la région de Setumaa.

Au cours de ma mission en 1938, j'ai recueilli les renseignements suivants, qui m'ont été donnés par une paysanne, Olga Houtorianova, âgée de 52 ans, originaire du village de Voronkino, habitant dans la région de Tõrivo. Elle est spécialisée dans les chansons nuptiales.

" Dans les villages, chaque jeune fille se préparant au mariage, confectionne un nombre important de ceintures nuptiales, d'après d'anciens modèles.

Le jour du mariage, une ceinture est choisie au hasard et attachée au fouet des chevaux attelés au char nuptial.

Puis, une nouvelle ceinture est posée par terre dans l'église, les jeunes mariés doivent passer par dessus.

Après l'office, une ceinture est offerte au prêtre et au diacre.

Au retour de la bénédiction nuptiale, les jeunes filles empêchent le couple de passer en leur barrant le chemin, jusqu'à ce que la mariée leur jette une ceinture. Celle qui aura réussi à attraper la ceinture sera la première à se marier dans l'année car, d'après une croyance populaire, une ceinture nuptiale porte bonheur.

Quand une jeune mariée entre pour la première fois dans la maison de son mari, elle doit faire preuve de ses talents ménagers devant tout le monde.

Au cours de ses nombreux travaux, elle fait usage de ceintures pour se préserver du mauvais oeil:

Ainsi lorsqu'elle va puiser de l'eau, elle attache le seau au crochet au moyen d'une ceinture.

Quand elle balaye la maison, elle attache une ceinture au balai.

Lorsqu'elle va soigner les animaux dans le hangar à blé, elle jette une ceinture sur l'une des bêtes, afin que toutes lui obéissent.

Près du village de Pelsi, j'ai découvert en 1938, une pierre sacrée, appelée Anna Kiewi, dans l'antiquité on y sacrifiait des animaux. De nos jours, quand une procession nuptiale, des habitants de Setu, passe devant cette pierre, la mariée y jette une ceinture comme offrande.

Aux environs des villages, Litvinova, Botovino, Nikolskoïe, Schlihovo, Ragtauvo, Vaatsy, Petaki, j'ai constaté l'existence de ruisseaux sacrés vénéralés par toute la population; les femmes qui viennent s'y soigner, abandonnent des ceintures en offrande, soit sur le sol, soit suspendues aux buissons.

■ Свадебные пояса

Л. 1

Старинные обычаи, связанные с использованием свадебных поясов

Свадебные пояса все еще в ходу в Эстонии, в области Сетумаа.

Во время моей экспедиции в 1939 г. я собрал следующие сведения, которые мне предоставила крестьянка Ольга Хуторянова, 53 лет от роду, уроженка деревни Воронкино, жительница окрестности Тайлово. Она является исполнительницей свадебных песен.

«В деревнях каждая юная девушка, готовясь к свадьбе, изготавливает большое количество свадебных поясов согласно старинным образцам.

В день свадьбы один пояс выбирается вслепую и повязывается на кнут для лошадей, впряженных в свадебную повозку.

Затем новый пояс кладут на пол в церкви, новобрачные должны пройти по нему. После венчания пояса дарят священнику и дьякону.

По возвращении с венчания девушки задерживают новобрачных, преграждают им дорогу до тех пор, пока новобрачная не бросит им пояс. Та, которая смогла поймать пояс, первой выйдет замуж в течение данного года, поскольку, согласно народному поверью, свадебный пояс приносит счастье. Когда молодая в первый раз входит в дом своего мужа, она должна доказать всем свои способности хозяйки дома.

Во время этих многочисленных трудов она использует пояса для защиты от глаза. Так, когда собирается зачерпнуть воды, она привязывает бадью к коромыслу с помощью пояса. Когда она подметает дом, она привязывает пояс к метле. Как только она собирается ухаживать за скотом в хлеву, она бросает пояс на одно из животных, чтобы все они ее слушались.

Около деревни Пельси в 1938 г. я обнаружил священный камень, названный Анна Киеви, которому в старину приносили в жертву животных. В наши дни, когда свадебная процессия жителей сету проходит перед камнем, новобрачная бросает туда пояс как приношение.

В окрестностях деревень Литвиново, Ботвино, Никольское, Шляхово, Рачево, Васцы, Печки я зафиксировал наличие священных источников, почитаемых всеми жителями; женщины, которые приходят к ним лечиться, оставляют в дар пояса, либо на земле, либо повешенными на кусты.

Л. 1

Свадебные пояса (продолжение 2)

По сообщению монаха Анатолия из монастыря Петсери, тридцать лет назад больные женщины ходили лечиться к священному дубу, существующему еще в наши дни: они обвязывали ствол двумя поясами, которые благодаря этому приобретали целительную силу; женщины надевали один на больную и оставляли другой в качестве приношения.

Часть III

И История
И культура
И Печорского
И края / Сетомаа

в научном наследии

Бориса Вильде

И Леонида Зурова

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

341 Сетомаа — земля, народ и культура
на историческом пограничье

365 Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е гг.

381 История этнографического изучения народов
Печорского края / Сетомаа

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

3.1. История формирования и изучения историко-культурного пространства

■ Сетомаа — земля, народ и культура на историческом пограничье

Хейки **Валк** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

Сетомаа как в административном, так и в этнокультурном и религиозном отношении представляет собой пограничную территорию. В течение многих столетий здесь проживали рядом два разных по происхождению, языку и культурным традициям этноса: сето и русские — представители финно-угорских и славянских народов. Отличительным признаком региона в контексте истории как Эстонии, так и Псковщины является длительное сохранение архаичных традиций. В истории региона отражается и его расположение на границе двух культурных макроареалов — русского и западноевропейского — и разных государств. Последнее обстоятельство сыграло существенную роль и в истории административно-территориального деления XX в. (Kivistaja 2016a).

Для Сетомаа характерно разнообразие не только в сфере историко-культурного, но и природного ландшафтов (Setomaa 1, 2016. Lk. 394–422). Для восточной части региона, особенно для окрестностей Изборска, в результате более раннего и интенсивного освоения земель типичны большие открытые культурные ландшафты. Доминирующим типом поселения здесь являются многодворные деревни. В северной и западной частях преобладает пересеченная местность: низинные, равнинные и холмистые земли со множеством малодворных деревень. На песчаных землях часто встречаются сосновые боры. Для культурно-природного пейзажа побережья Псковского озера характерны бывшие рыбацкие деревни.

■ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

При изучении древней истории исследователи опираются на археологические данные, к которым, начиная со Средних веков, добавляются сведения и из письменных источников (Setomaa 1928. Lk. 112–150; Setomaa 2, 2009. Lk. 13–279).

a

б

Ландшафты Сетомаа:

- а — побережье Псковского озера. Вид на деревню Кулье и церковь св. Ильи пророка.
Фотография Х. Валка. 2007 г.;
- б — древние культурные ландшафты в окрестностях Изборска.
Фотография О. Калининой. 2008 г.;
- в — «Соколов бор» у деревни Обинитса. Между сосен видны насыпи курганов.
Фотография Х. Валка. 2007 г.

В период железного века это был регион расселения прибалтийско-финских этносов. Изменения в этническом составе населения относятся, вероятно, ко второй половине первого тысячелетия. Точное время появления славянского, а вероятно, и балтского этнического элемента определить трудно. В эпоху викингов невозможно исключить и некоторое их присутствие, особенно в Изборске и его округе. Начиная с эпохи русской государственности (вторая половина IX в.) административно-политически территория входила в состав или в непосредственную сферу влияния Древнерусского государства, а затем — Новгородской республики. При этом ближайшим центром власти был Псков (эст. *Pihkva*).

Когда в период крестовых походов XIII в. немецкие рыцари-крестоносцы захватили большинство территорий современных Эстонии и Латвии и там образовались малые государства средневековой Ливонии, восточная граница последней (Selart 1998) сформировалась, вероятно, с соблюдением прав существовавших ранее владений Пскова. На западе территория Сетомаа граничила со средневековым Тартуским епископством, которое Московская Русь завоевала во время Ливонской войны в 1558 г. В рамках средневекового Псковского государства территория Сетомаа была разделена между землями двух важных центров — Пскова и находящегося в его подчинении Изборска. Средневековый Псковский уезд простирался от побережья Псковского озера далеко вглубь, в частности в окрестности реки Пимжы (Пиузы); Изборский же уезд охватывал южную и восточную части Сетомаа. Через Сетомаа и вдоль западного побережья Псковского озера проходили ганзейские пути из Пскова на север-запад, запад и юго-запад — в Дерпт (Тарту) и Ригу.

В 1473 г. недалеко от Ливонской границы был основан Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь (ППМ 2005), который послужил основой для возникновения поселка и города Печоры — будущего центра региона.

В XVI–XVII вв. Сетомаа являлась окраинной территорией Московской Руси, которая граничила на западе после окончания Ливонской войны сначала с владениями Польши (1582–1625/1629), затем Швеции (до 1704/1721).¹ Хотя территория современной Эстонии в результате Северной войны (1700–1721) перешла от Швеции к России, административные, культурные и религиозные границы ареала Сетомаа с западными территориями оставались прежними. В XIX в. к входившей в Псковскую губернию Сетомаа на западе прилегали заселенные эстонцами земли Лифляндской губернии, которые, начиная со времен завоевания в ходе крестовых походов XIII в., уже находились в сфере влияния немецкой культуры.

1. Первая дата обозначает действительное изменение административной принадлежности, вторая — заключение мирного договора.

Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь:

а — двор монастыря с церковью Успения Богородицы и святым колодцем;
б — «Кровавый путь» св. прмч. Корнилия, ведущий от церкви
свт. Николая Чудотворца к церкви Успения.
Фотографии Х. Валка. 2013, 2014 гг.

«Дом стрельца» на улице Кеск в городе Печоры (совр. адрес: ул. Э. Верховича, д. 6), первый в ряду уличной застройки. По местному преданию — единственное сохранившееся деревянное здание времен подмонастырской слободы Печеры (XVII в.). Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. ■ МНБ

Когда в 1918 г. была создана самостоятельная Эстонская Республика, Сетомаа на основании заключенного с Советской Россией Тартуского мирного договора отошла к Эстонии (Mattüsen 1993. Lk. 31–62; Lõuna 2003. Lk. 24–26; Setomaа 2, 2009. Lk. 358–376). К Эстонии была присоединена и часть Псковской губернии — Печорская, Слободская и Паниковская волости и большая часть Изборской волости, а также небольшая часть прежней Качановской волости Островского уезда и Логозовской волости Псковского уезда. Из бывших частей Псковской губернии был создан новый уезд Эстонии — Петсеримаа (т. е. Печорский уезд) с центром в г. Печоры (по-эстонски и по-сетоски — Петсери). С этого времени границы Сетомаа сформировались в их сегодняшнем значении. Присоединенные к Эстонии земли включали в себя территории, населенные сето, а также русскими — на востоке и юге от сетоских поселений. Исходными точками новой государственной границы частично стали природные границы и обусловленные ими исторические регионы заселения, а частично и военно-стратегические факторы. С 1920 по 1940 г. Сетомаа была территорией Эстонской Республики (Reissar 1996. Lk. 97–105, 132–151, 155–186), что спасло население от коллективизации, красного террора и поголовного выселения с приграничных терри-

торий в 1937 г. — событий, имевших место в то время в Советской России. Сохранялся основанный на прежних традициях жизненный уклад, сельская культура сето и русских отличалась устойчивостью и преемственностью. Все вышеперечисленное позволило именно в это время предпринять исследовательские поездки Зурова и Вильде в Сетомаа.

Последующие советская (1940–1941) и немецкая (немецко-фашистская. — Прим. ред.) (1941–1944) оккупации² (Reissar 1996. Лк. 216–222) не повлекли за собой значительных изменений в повседневной жизни. Во время войны регион пострадал мало, но все же немецкие войска сожгли накануне приближения фронта в 1944 г. несколько деревень в восточной части Петсеримаа на линии обороны «Мариенбург». Сведения Зурова о значительном разорении Сетомаа, сжигании большинства деревень немцами, депортации людей и бегстве в Центральную Россию, а также о голоде и массовой смерти стариков от голода (НМЕИ, Зуров I. Л. 4, 49; Зуров II. Л. 75) не соответствуют действительности — они базировались либо на слухах о произошедших бедствиях во время войны в Псковской области или в других районах СССР, либо, отражая клише советской пропаганды, имели идеологический подтекст³.

В 1944 г. территория Эстонии была отвоевана советскими войсками. С 23 августа 1944 г. в связи с созданием Псковской области (Указ Верховного Совета СССР) Сетомаа была административно поделена между Эстонской ССР и РСФСР. Верховный Совет Эстонской ССР утвердил это изменение своим указом от 18 января 1945 г., Печорский уезд был ликвидирован, его восточная часть, населенная русскими, город Печоры, а также более трети сетоской территории (всего 73,5 % территории уезда) были включены в состав созданного в 1944 г. Печорского района Псковской области (Dokumente 1991; Mattisen 1993. Лк. 93–102, 157–165; Lõuna 2003. Лк. 127–128; Kiristaja 2016a. Лк. 34). Советский период (Reissar 1996. Лк. 232–256) повлек за собой коллективизацию, разрушение традиционной деревенской жизни и значительное сокращение численности населения.

После распада Советского Союза и возрождения самостоятельности Эстонской Республики прежняя граница между союзными республиками была взята за основу новой, действующей с 1992–1993 гг. государственной границы, которая делит Петсеримаа между двумя государствами — Эстонской Республикой и Российской Федерацией. В 1996 г. правительства договорились о

2. В российской историографии данный термин не используется в таком контексте.
3. Следует учитывать, что вариант отчета об экспедиционных работах 1946 г. был отредактирован для представления в Москве. В 1938 г. Зуров пишет, что расположенная по соседству земля за русской колючей проволокой навсегда потеряна для науки: население всей пограничной территории на протяжении 30 верст принудительно переселили в центральные регионы России (Белобровцева 2010. С. 302).

том, что граница останется прежней, а в 2014 г. министрами иностранных дел был подписан пограничный договор, определяющий сухопутную границу (до настоящего времени не ратифицирован).

■ СЕТО: ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ

Сето представляют собой малый прибалтийско-финский этнос, язык которого наиболее близок южно-эстонскому⁴. Сето отличаются от русских этнической и языковой принадлежностью, традиционно-бытовой и обрядовой культурой, а от эстонцев — религиозной принадлежностью и административно-политической историей. Если территории проживания эстонцев в результате крестовых походов XIII в. отошли под власть католической церкви, а начиная со времени вхождения Южной Эстонии в состав Шведского королевства в 1625 г. — лютеранской, то, начиная с эпохи христианизации, земли сето входили в православное культурное пространство.

Утверждение православия среди сето происходило несколькими волнами. Первая, в XI в., принесла с собой изменения в погребальной обрядности и, по всей вероятности, в представлениях о потустороннем мире. Вторая волна, миссионерская, связана, в первую очередь с деятельностью Печерского монастыря в XVI в. и, может быть, уже с конца XV в. — Мальского монастыря. О более серьезной христианизации можно говорить, вероятнее всего, только начиная с XIX в.

Значительное влияние на религиозную жизнь Сетомаа оказывали Псково-Печерский монастырь и плотная сеть приходских церквей (Kiristaja 2016), которая сохранялась, в отличие от других регионов Псковской области, и в советское время. Этим в том числе объясняется высокая степень религиозности коренного населения Сетомаа (и сето, и русских) во второй половине XX в. (Калинина 2016). Параллельно с христианскими среди сето сохранялись верования и традиции дохристианского происхождения, в связи с чем православные русские Петсеримаа называли сето полуверцами⁵. Этот народный термин часто использует и Зуров.

■ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Численность сето в 1834 г. оценивалась в 8000, в 1886 — 12 549, в 1902 — 16 571 человек (Setomaа 2, 2009. Lk. 284–286). В первые десятилетия XX в.

4. См. статью К. Паюсалу «Язык сето», с. 417 в настоящем издании.

5. См. также статью М. Нихо «Аспекты христианизации сето», с. 561 в настоящем издании.

произошло массовое переселение в Сибирь по причине недостатка земли в Сетомаа: освоение свободных земель в Сибири, где переселенцы получили землю бесплатно, было частью государственной политики Российской империи. Несмотря на переселение, в 1920 г. численность сето составляла 16 152 человек (Reissar 1996. Lk. 187–200).

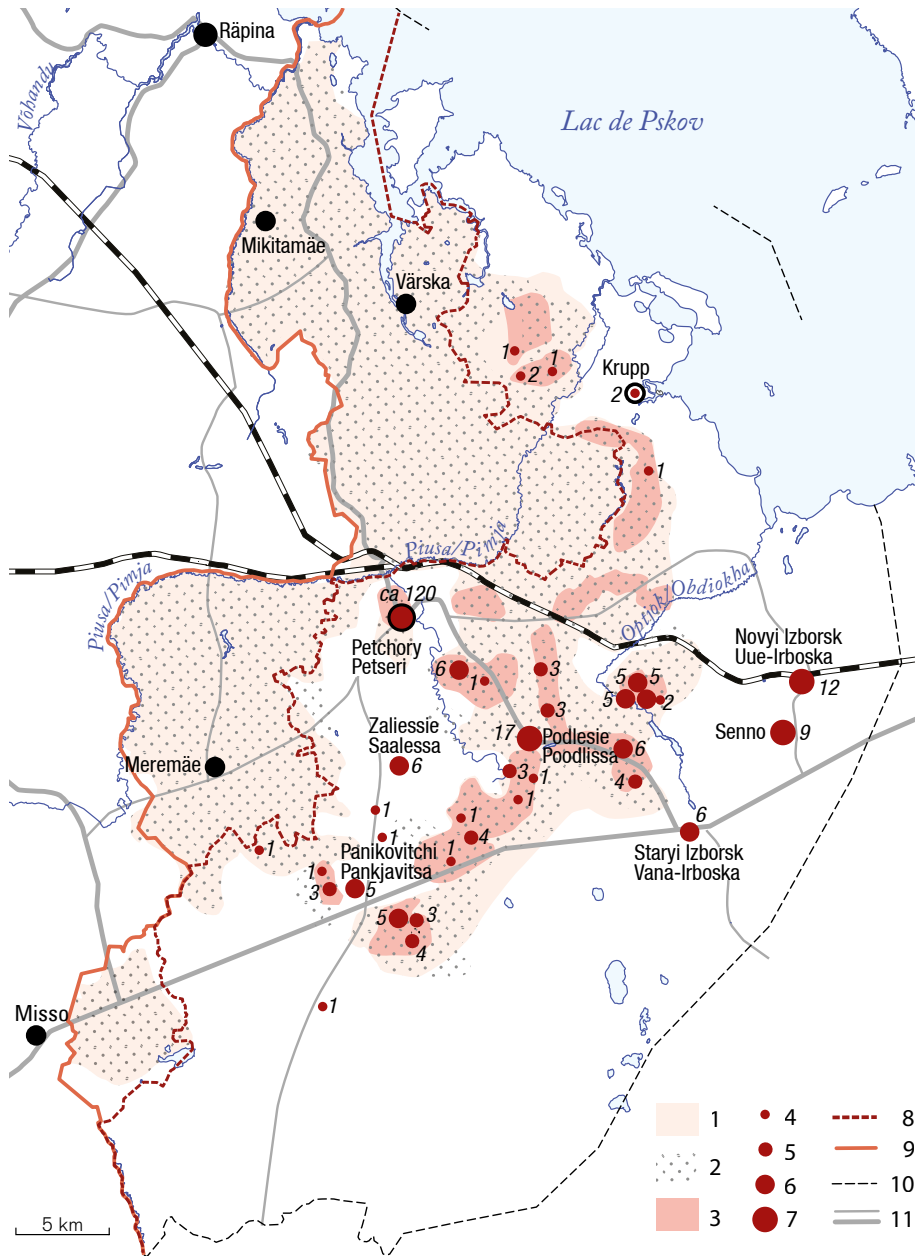
По данным переписи населения 1934 г. из 64 712 жителей Сетомаа или Петсеримаа 21 % были сето, 13 % — эстонские лютеране, 63,5 % — русские; 2,7 % составляли представители других народов. Эстонское население сформировалось на базе общин переселенцев, прибывших в последней четверти XIX в. из Лифляндской губернии (Южная Эстония). Хотя, согласно устным семейным преданиям, уже в XVIII–XIX вв. (а, может быть, и ранее) произошла многочисленная дисперсная иммиграция из Лифляндии; приехавшие со временем полностью ассимилировались и поменяли веру. Начиная с 1920-х гг. в столицу уезда Петсеримаа стали прибывать эстонские государственные чиновники, интеллигенция, военные вместе со своими семьями.

В советский период произошли серьезные демографические изменения. В середине 1950-х гг. начался быстрый отток населения, который затронул как сето, так и русских (см. карту на с. 350, условные обозначения: 2, 3). Сето уезжали в Эстонию, русские — как в Эстонию, так и в города России. В Печорском районе этому благоприятствовало то обстоятельство, что колхозникам стали выдавать паспорта. Новым толчком для отъезда сето послужило восстановление независимости Эстонии (1991) и создание государственной границы с Российской Федерацией (см. карту на с. 350, условные обозначения: 4–7). По данным Всероссийской переписи населения (2010) в качестве сето себя определили 214 человек, из них 123 — в Печорском районе. По сведениям же Печорского сетоского этнокультурного общества в 2016 г. в Печорском районе проживало около 250 сето. Население сето в эстонской части Сетомаа к настоящему времени составляет немногим более 3000 человек, из которых на языке сето говорит около 1800. Примерно четверть из жителей Сетомаа могут составлять переселившиеся туда эстонцы. По данным переписи населения Эстонии (2011) в Эстонской Республике насчитывалось всего 12 549 человек, владеющих языком сето.

■ СЕТО И РУССКИЕ

В традиционной культуре этническая граница между сето и русскими была достаточно четкой. Их разделял языковой барьер и этнокультурные традиции, а с точки зрения русских — и различия в вере, несмотря на общее православное вероисповедование.

Женщины сето русского языка не знали, а мужчины владели им настолько, насколько это было необходимо для общения. Для сетоской культуры,

Этнодемографические процессы среди сето на территории Печорского края / Сетомаа в XX — начале XXI в.

Составитель: Х. Валк. Оформление: Я. Ратас.

Условные обозначения:

- 1** — по данным Я. Хурта (Hurt 1904); **2** — по данным Э. Маркуса (Markus 1938);
3 — по данным Е. Рихтер (Рихтер 1979); **4–7** — по данным А. Манакова (Манаков 2015),
на территории Печорского района РФ, 2014 г. (цифрами обозначено точное количество сето
в конкретном поселении: 4: 1–2 чел.; 5: 3–4 чел.; 6: 5–6 чел.; 7: более 9 чел.);
8 — современная граница между Эстонской Республикой и Российской Федерацией;
9 — западная граница Сетомаа; **10** — граница между Эстонской Республикой и СССР
в 1920–1930-е гг.; **11** — дорога

носившей более замкнутой характер, главными социально-организующими факторами всегда были семья — род. Русской же культуре была исконно присуща большая открытость: важную социально-конструирующую роль играл институт деревенской общины — «мир». Особенно отчетливо различия наблюдаются в женской культуре, так как основными носителями и хранителями традиционной культуры у сето и русских безусловно являются женщины. Несмотря на быструю модернизацию культуры и общества различия этносов сохранялись в течение всего довоенного периода.

По данным XIX и XX вв. сето мирно проживали рядом с русскими и хорошо ладили между собой — национальной вражды не было, однако браков не заключали. Контакты были в основном экономического свойства. Такая же ситуация была и с точки зрения русских Петсеримаа: «Жили рядом, не дружили, но и ненависти не было. Просто контактов не было, не женились». Проживавшие в Петсеримаа исконные русские, однако, уже в 1920–1930-х гг. противопоставляли себя русским Советской России: «Мы — русские, они — советские». Такое же противопоставление между исконным местным населением и переселенцами существовало и в советское время.

В истории и географии расселения этносов на территории Сетомаа много неясного. Отсутствуют данные относительно того, как и когда в далеком прошлом

Крестный ход. В процессии участвуют сето и русские. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова, 1937 г. MQB PP0210344. ■ МНБ

Сето и русские:

а — сетоские женщины на свадьбе в деревне Поталово.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 017055. ■ МНБ;

б — гуляние русских женщин на улице Печор.

Фотография В. Сяги. 1930-е гг. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7). ■ НМЭИ, Центральная библиотека

Молодые супруги:

а — сето; б — русские.

Г. Печоры. 1930-е гг. Кол. № 10518-30, 14. РЭМ, Фототека

происходили изменения в этнической границе между предками сето и русских. Начиная с XI в. Сетомаа, как указывалось выше, входила в сферу влияния материальной и религиозной культуры Северо-Запада Руси. Значительную роль играли Псков и Изборск как важные центры власти и религии, торговый путь, ведущий из Пскова через Изборск, Паниковичи и Лавры в Алуксне и оттуда — дальше во внутренние районы современной Латвии и к реке Даугава (Западной Двине). Важным был и исторический водный путь по Псковскому озеру, который вел в Тарту и Финский залив. Значимость этого водного пути подчеркивает, опираясь на устную традицию, и Зуров (ИМЕИ, Зуров I. A. 7, 46, 47).

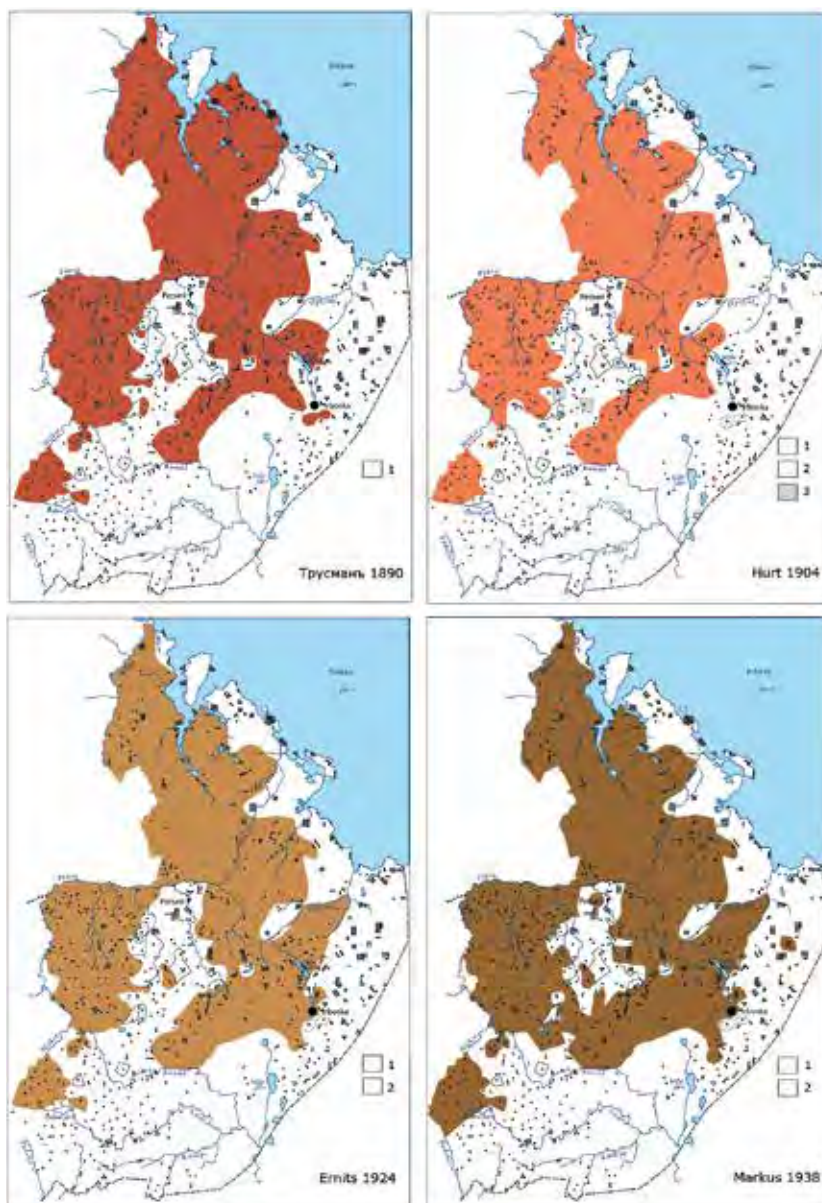
В конце XIX — середине XX в. компактные ареалы расселения сето располагались в границах современной Эстонии, а также в пределах нынешнего Печорского района РФ, в частности в отошедшей к Печорскому району волости Вило между Паниковичами и Изборском; сето жили и на северо-востоке от Вярса/Värska (подробнее см. карту на с. 357).

Русские проживали в восточной и южной части Сетомаа и также на большей части побережья Псковского озера. Анклавы сето — компактные территории проживания — отделяла простиравшаяся с юга до Печор полоса русских и обрусевших сетоских деревень шириной 15–20 км, хотя их границы и количество с течением времени менялись. Хотя сето и русские в основном не заключали между собой браков, общим процессом для сетоских поселений, расположенных на восточной границе ареала их расселения и на побережье Псковского озера, в XIX — начале XX в. было обрусение. Это можно заметить, сопоставляя данные Ю. Трусмана (1890), Я. Хурта (1904), В. Эрнитса (1924) и Э. Маркуса (1938) (см. карту на с. 357), а также на основе этнологических и фольклорных свидетельств (в т. ч. устных преданий). Развитие этого процесса происходило и в более отдаленной исторической перспективе.

В то же время нельзя, особенно в связи с обусловленными войнами и эпидемиями катастрофами народонаселения, исключать и сдвиги в противоположном направлении. Следует учитывать, что этническую карту конца XIX — начала XX в. не корректно экстраполировать в прошлое и делать на базе этого выводы относительно этнокультурной принадлежности археологических памятников и этнокультурной ситуации прошлого.

Из-за отсутствия источников трудно оценить, какую роль сыграла в обрусении прибалтийско-финских регионов колонизация славянами, а какую — смена языка: переход местного населения на более престижный, используемый в центрах власти и связанный с социальной верхушкой русский язык⁶.

6. Нельзя исключать, что, несмотря на преемственность населения, и ранее происходили неоднократные смены языка (Lillak 2014). Такие процессы позволяют частично объяснить бытование русских имен во многих сетоских деревнях. См. также статью А. Кирристая «Наименования деревень сето и их возможное происхождение», с. 429 в настоящем издании.

Изменения ареала расселения сето в конце XIX — первой половине XX вв.

Составитель: А. Киристая. Оформление: Я. Ратас, М. Смирнова.

Наверху слева направо: по Ю. Трусману (Трусман 1890), по Я. Хурту (Hurt 1904).

Внизу слева направо: по В. Эрнитсу (Ernits 1924), по Е. Маркусу (Markus 1938).

Условные обозначения:

1 — анклавы сето по Х.-И.-Ю. Шлегелю (Schlegel 1831), по П. И. Кёппену (Körpen 1867), по Фр.-Р. Крейцвальду (Kreutzwald 1849); **2** — анклавы сето по Ю. Трусману (Трусман 1890); **3** — деревни сето, упомянутые в работах Я. Хурта, но не отраженные на его карте (Hurt 1904). Белым цветом в пределах Сетомаа обозначено расселение русских, точками — деревни в начале XX в. (1 точка = 50 чел.)

Утверждения Зурова относительно обширной колонизации славянами базируются на существовавшей тогда в российской археологии парадигме, а последняя, в свою очередь, — на данных летописей. Тем не менее исследовательская работа по изучению летописей в последние годы поставила под сомнение достоверность последних — как источников значительно более поздних по сравнению с описываемыми событиями; археологические же сведения являются неопределенными, предоставляя возможности для различных интерпретаций. Такому подходу Зурова несомненно дали основания и господствовавшие в Европе 1930-х гг. национальные и национально-патриотические установки: некритичный перенос этнокультурной ситуации XX в. в прошлое, на 1000–1500 лет назад. Археологические данные о населении Сетомаа и бассейна реки Великая позволяют в этнокультурном плане говорить о значительно более сложных процессах, чем черно-белая картина взаимоотношений славян-кривичей и предков сето (Valk 2011). Согласно современным археологическим материалам в границах Сетомаа можно выделить следующие микрорегионы: 1) Северную Сетомаа (бывшие волости Вярска и Микитамяэ); 2) Южную Сетомаа, в окрестностях пути из Изборска в Алуксне (и имевшую, по меньшей мере в начале II тысячелетия, этнокультурные связи с регионом северо-восточной Латвии); 3) Восточную Сетомаа в округе Изборска. В археологическом материале как Сетомаа, так и района реки Великой отражены долгосрочные, прослеживаемые на протяжении как минимум двух тысячелетий, исторические связи с прибрежными регионами Финского залива и морским культурным пространством. Однако открытым остается один из ключевых вопросов в истории взаимодействия двух этносов Сетомаа — время появления славяноязычного населения.

■ СЕТО И ЭСТОНЦЫ

Отличия сето от эстонцев Лифляндской губернии в XIX — начале XX в. оставались значительными. Прежде всего, они базировались, как было упомянуто выше, на различиях в религиозной принадлежности (эстонцы — лютеране, сето — православные), культуре и обычаях, но различными были и административная принадлежность, и экономическая ориентация. Несмотря на близость языка эстонцы, так же, как и русские, имели статус «другого» или «чужого». Сето называли эстонцев — *tsubkna* (чухна) или же использовали экзоэтноним с иронической коннотацией — *mõtsik* (дикий) (Hörn 2016, Lk. 17).

Культурные различия между эстонцами и сето особенно усилились из-за серьезных общественных, экономических и культурных перемен середины

XIX в., основанием для которых послужила отмена крепостного права в Лифляндии (1819), последовавший за этим выкуп хуторов в собственность и переход на рыночную экономику в земледелии. У эстонцев формируется национальное самосознание, традиционную модель культуры сменяет европейская, базирующаяся на приоритете образования и грамотности. Результаты этих изменений стали очевидными в Лифляндской губернии уже в 1860–1870 гг.

Во входившей в состав Псковской губернии Сетомаа до 1920-х гг. (и в сетоских, и в русских деревнях) сохранялся традиционный образ жизни — общинная земельная собственность, большая семья, натуральное хозяйство и основывающиеся на устной передаче историческая память и культурные традиции.

После присоединения Сетомаа к Эстонской Республике начались быстрые перемены (Lõuna 2003. Lk. 33–120). В 1921 г. жители Сетомаа, как сето, так и русские, получили фамилии⁷, в 1920–1930-х гг. периодически перераспределяемые общинные земли поделали на хуторские участки. В народной культуре Сетомаа до начала XX в. европейские (немецкие) культурные влияния были минимальными и проникали они не из непосредственного источника (мызы, города), а через переселенцев, однако и последние в основном были родом из периферийных регионов Лифляндской губернии. В целом же у сето продолжали устойчиво сохраняться крестьянская, уходящая истоками ко времени средневековья, модель и картина мира, в сложении которых немалую роль сыграли и дохристианские традиции. Сохранялись домашнего изготовления национальная одежда, местные традиции ношения украшений и песенные традиции, которые сильно отличались от таковых у эстонцев и русских. В то время как в Эстонии в 1860-х гг. возникла сеть народных школ и уже в начале XIX в. грамотность была всеобщей, среди сето еще в 1885 г. 99,4 % были неграмотными (Hurt 1904. Lk. XXV). Хотя в 1920–1930-х гг. стремительно развивалась сеть как эстоноязычных, так и русскоязычных школ (в последних обучали и эстонскому языку), в Сетомаа были серьезные проблемы с выполнением школьных обязанностей.

«Открытие» сето эстонской интеллигенцией произошло в середине XIX в., и к началу XX в. сформировался интерес эстонской общественности к этой

7. Фамилии получило преобладающее большинство населения Петсеримаа — все, кто их не имел, в соответствии с родным языком человека, т. е. сето — эстонские/сетоские, а русские — русские фамилии. Известно, что массовое офамиливание крестьянского сословия Российской империи началось после отмены крепостного права в 1861 г., а в Балтийских губерниях (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия) — в 1820-е гг. Этот процесс, начатый в XIX в., не был завершен среди российских крестьян до событий 1917 г.

небольшой народности, оказавшейся в статусе «младшего брата». Если в начале XIX в. жизнь как в Лифляндской, так и Псковской губерниях была однотипной, построенной на принципах традиционной модели культуры, то к 1920 г. разница из-за быстрого развития Эстонии стала весьма ощутимой. После присоединения Петсеримаа к Эстонии в 1920-х гг. одной из целей государственной политики стало «подтягивание» — быстрое экономическое и культурное развитие и одновременно эстонизация края. Свою деятельность начали земледельческие, пожарные, домоводческие, культурные и просветительские общества и товарищества, работавшие как на эстонском, так и русском языках. Началось переселение в Эстонию. Хотя из отчетов Зурова следует, что сето представляют собой быстро вымирающую народность (НМЕИ, Зуров I. А. 8), сетоская культура сохранила свою жизнеспособность до нашего времени. О пробуждении национального самосознания можно говорить начиная с конца 1980-х — начала 1990-х гг.⁸. В отличие от советских времен сето перестали скрывать свою этническую принадлежность. В границах Эстонии Сетомаа представляет

8. См. статью М. Засецкой и А. Раудоя «История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа», с. 381 в настоящем издании.

Фестиваль «День Королевства сето» в деревне Обинитса.

Выступление певческого хора. Фотография Т. Туула. 2011 г.

собой, несмотря на сокращающуюся численность населения, четко очерченный, своеобразный, с ярко выраженной идентичностью регион (Setomaa 2014), для которого характерна оживленная культурная жизнь, базирующаяся во многом на этнокультурных традициях. В школах преподается сетоский язык; как в традиционной, так и в обновленной, современной форме развиваются народная сетоская песня и музыка; возникли театральные спектакли и кинопроизведения по сетоской тематике. Самосознание народа поддерживают свой флаг, газета и печатные произведения на сетоском языке, а также оказываемая государством поддержка национальной культуры в рамках «Культурной программы Сетомаа». В Российской Федерации в последние десятилетия также обращается внимание на этническую культуру сето и ее сохранение. Раз в году (начиная с 1994 г.) всех сето объединяет фестиваль «День Королевства сето», проводимый по очереди в сетоских волостях Эстонии. В Печорском районе Российской Федерации возрастает значение ежегодного фестиваля в д. Сигово/*Radaja* (проходит с 2008 г.). В 2017 г. в рамках реформы волостей в Эстонии на основе бывших волостей Микитамяэ, Вярска, Меремяэ и восточной части Миссо была создана новая волость — Сетомаа.

С точек зрения Эстонии и России Петсеримаа представляет собой пограничный регион, расположенный рядом с «чужой» землей и «чужой» верой. В более широком контексте истории Эстонии Сетомаа представляла собой резерват, где из-за периферийности и долговременного административно-территориального обособления архаические верования и культурные явления сохранялись дольше и были более ярко выражены, чем в каких-либо других историко-культурных зонах страны. В контексте российской истории Печорский край также является территорией, где исконные культурные традиции сохранились лучше — и это благодаря тому обстоятельству, что основанный на традициях уклад жизни существовал здесь, по сравнению с другими регионами Псковщины, значительно дольше — до середины 1940-х гг. Проведенные в 1930-х гг. Леонидом Зуровым совместно с Борисом Вильде экспедиции совпадают по времени, как подчеркивалось выше, с эпохой модернизации Сетомаа. В это время старые обычаи и традиции еще хорошо сохранялись, давая возможность полевым исследователям совершить экскурс в архаичный жизненный уклад и картину мира, основанные на преемственности поколений, а также осуществить их исследование и фиксацию.

Архивные документы и литература

- Белобровцева 2010** ■ Белобровцева И. З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М.: Флинта, 2010. С. 289–307.
- Калинина 2016** ■ Калинина О. В. О некоторых аспектах религиозной жизни Печорского района во второй половине XX в. // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Nagule / Peatoim N. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 225–252.
- Манаков 2015** ■ Манаков А. Г. Демография и расселение сету в Печорском районе (по материалам экспедиции 2014 года) // Псковский регионолог. журнал. № 21, 2015. С. 59–74.
- ПППМ 2005** ■ Повесть о Псково-Печерском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. XVI в. СПб.: Наука, 2005. С. 476–533.
- Рихтер 1979** ■ Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arenguajooni 19. ja 20. sajandil / Toim G. Troska. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Lk. 90–125.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Belobrovtsseva 2011** ■ Belobrovtsseva I. Leonid Zurov Eestis // Keel ja Kirjandus. 2011. T. 3. Lk. 190–205.

- Dokumente 1991** ■ Dokumente Viru- ja Petserimaa jaotamise kohta // Akadeemia. T. 8, 9; 1736–1758, 1949–1963.
- Ernits 1924** ■ Ernits V. Seto rahva vinnestüminõ innetseh Irboska vallah // Kodotulõ'. Seto lugõmiku II osa. (Akadeemilise Emakeele Seltsi toimetused, XI.) Tartu, 1924. Lk. 199–208.
- Hurt 1904** ■ Hurt J. Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Rāpinā ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904.
- Hörn 2016** ■ Hörn A. Saatesõna seto kogukonnalt: Setomaa seto pilguga nähtuna // Setomaa 1, 2016. Lk. 17–23.
- Kiristaja 2016a** ■ Kiristaja A. Üldised andmed Setomaa kohta: asustus ja piiride kujunemine // Setomaa 1, 2016. Lk. 27–41.
- Kiristaja 2016b** ■ Kiristaja A. Setomaa õigeusu kirikute ja koguduste varasemast ajaloost // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 284–305.
- Kreutzwald 1849** ■ Fr. R. Kreutzwald — akadeemik P. Koepfen'ile. KM EKLA. B-37: 511 I ЭЛМ, Культурно-исторический архив.
- Köppen 1867** ■ Köppen P. von. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 1867.
- Lillak 2014** ■ Lillak A. Setode kujunemise kohta käivast diskussioonist // ÕES Ar 2013. Tartu, 2014. Lk. 167–190.
- Lõuna 2003** ■ Lõuna K. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940. Loodus, aeg, inimene. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003.
- Markus 1938** ■ Markus E. Changes on the Estorussian Ethnographical Frontier in Petserimaa // ÕES Ar, 1936. Tartu, 1938. Lk. 165–176.
- Mattisen 1993** ■ Mattisen E. Eesti–Vene piir. Tallinn: Ilo, 1993.
- Reissar 1996** ■ Reissar L. Setumaa läbi sajandite. Tallinn: Kupar, 1996.
- Schlegel 1831** ■ Schlegel Chr. H. J. Reise von St. Peterburg nach dem Pleskowischen Gouvernement im Monat Julius 1815. // Reisen in mehrere russische Gouvernements in den Jahren 178[9], 1801, 1807, 1815 und 1830. Bd. VI. Meiningen. S. 75–138.
- Selart 1998** ■ Selart A. Eesti idapiir keskajal. Tartu: TÜ Kirjastus, 1998.
- Setomaa 1, 2009** ■ Setomaa 1. Loodus / Koost M. Külvik, K. Palo, I. Puura. Peatoim M. Aun. 2016. Tartu: ERM, 2009.
- Setomaa 2, 2009** ■ Setomaa, 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Koost H. Valk, A. Selart, A. Lillak, peatoim M. Aun. Tartu: ERM, 2009.
- Setomaa 2014** Setomaa. Unique and genuine / Ed. by H. Külvik. [Värska]: Seto Instituut, 2014.
- Setumaa 1928** ■ Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti III / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. Tartu: EKS, 1928.
- Valk 2011** ■ Valk H. Setomaa asend ajaloolises ruumis: lisamärkusi kaugema mineviku kohta // ÕES Ar 2010. Tartu, 2011. Lk. 9–46.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

341 Сетомаа — земля, народ и культура
на историческом пограничье

365 Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е гг.

381 История этнографического изучения народов
Печорского края / Сетомаа

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е гг.

Марина Засецкая ■

Интерес к творческому и научному наследию Л. Зурова и Б. Вильде как представителей первой волны русской эмиграции (1917–1919), деятельность которых была связана с изучением истории и культуры населения Печорского края, сформировался в России в 1990-е гг. В связи с тем, что на протяжении длительного периода материалы их экспедиций были недоступны широкой аудитории, произошла своего рода мифологизация результатов полевых исследований 1937–1938 гг.; их научная ценность либо непреднамеренно завышалась, либо, наоборот, преднамеренно замалчивалась.

При определении историко-информационного потенциала архивных данных Зурова — Вильде, подлинности собранных ими свидетельств, следует учитывать (прежде всего, это относится к материалам Л. Зурова), что в них помимо фактических полевых данных содержатся многочисленные субъективные интерпретации автора, подчас не соответствующие исторической действительности.

Увлеченно живописуя «дохристианские пережитки в религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда» (НМЭИ, Зуров П), Зуров невольно создает превратное представление о социокультурной обстановке, сложившейся в Печорском уезде (*Petseri maakond*, обиходное название — *Petserimaa*, Петсеримаа) Эстонской Республики. В отчетах Зурова Печорский край / Сетомаа предстает неким заповедником «архаики», где процесс цивилизации замер по крайней мере на уровне XVI–XVII вв. и пребывает в состоянии либо стагнации, либо инволюции.

Однако подобная оценка не соответствует реалиям 1920–1930-х гг.

Проследим на примере главным образом русской культуры перемены, произошедшие здесь в «эстонское время» (местная народная хронология). В исторической памяти коренных печорян оно запечатлелось как один из самых стабильных и благополучных периодов XX в. Об этом свидетельствуют мемуары местных жителей и очерки местной истории краеведов, опубликованные в России в постсоветский период. Среди них выделяются, прежде всего, сборники с символическим названием «Не прервется связь времен», издаваемые обществом краеведов, основанным в 2001 г. при

Русская девушка в летнем костюме, сшитом по городской моде.
Ярмарка в Печорах. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0008044. | МНБ

Центральной районной библиотеке (далее — ЦРБ) в г. Печоры. Их авторы — преимущественно люди русской национальности или рожденные в биэтнических браках (потомки латышей, эстонцев и сето, а также дети и внуки «азунников-северников»¹ — солдат и офицеров Белой армии, красноармейцев, учителей, священников, крестьян), приверженцы самых разных идеологий, в том числе коммунистической. Характерно, что даже последние свидетельствуют о повышении культуры и образования среди сельского населения «эстонского времени», указывая на «особые заслуги православной церкви» — «духовного олицетворения Руси» и «различных самостоятельных обществ», благодаря которому «Печоры становятся центром русской культурной жизни» (Богданов 2004. С. 13).

При внимательном прочтении сборников ЦРБ, в целом направленных на возрождение в современном обществе «культурных традиций Печорского края», можно заметить, что в качестве своеобразного эталона выступает уровень местной культуры 1930-х гг. «Серебряным веком» называют его многие авторы-краеведы разных поколений (по аналогии с Серебряным веком дореволюционной России 1890–1910-х гг.), то есть — эпохой культурного расцвета, духовного подъема (Засецкая 2009. С. 85–90).

К сожалению, в рамках небольшой статьи не представляется возможным остановиться на характеристике социально-экономической, культурно-образовательной ситуации в Псковском уезде до Первой мировой войны². Отмечу только, что данная территория не входила в число передовых провинций Российской империи. Первая мировая война и революция 1917 г. и их последствия усугубили бедственное состояние местной экономики, сказались на жизни и судьбах всех жителей региона. Молодому эстонскому государству после заключения Тартуского мирного договора 1920 г. пришлось решать здесь довольно сложные задачи.

Все преобразования в областях социально-экономической, национальной и культурно-образовательной политики, которые проводило правительство республики в отношении населения вновь образованной административно-территориальной единицы Эстонии — Печорского уезда, были направлены, с одной стороны, на улучшение качества жизни крестьянства (вывод на хутора, стимулирование льноводства — экспортной отрасли сельского

1. Так в Печорском районе на острове Колпино русские рыбаки называли солдат-белогвардейцев, участников Северо-Западной армии Юденича, сумевших переправиться через границу. По-видимому, здесь эстонское слово *asunik* (поселенец) в местной народной традиции приобрело дополнительный смысл: «перебежчик», «беглец». Зафиксировано во время экспедиции 1996 г. в Кулейскую вол. Печорского р-на. ПМА 1996 г. М. А. Засецкая. Кулейская вол., дд. Колпино, Медли и др.
2. Эти данные опубликованы в Памятных книжках Псковской губернии 1905–1914 гг., а также в целом ряде книг и брошюр по истории Печорского района (см. общую библиографию).

Две женщины-печорянки в экипаже возле здания банка,

на заднем плане виден шпиль лютеранской кирхи св. ап. Петра. Г. Печоры. 1927 г.
Кол. № 10518-41. ■ РЭМ, Фототека

хозяйства, налоговая политика, развитие транспорта, банковского дела, местной инфраструктуры, школьно-образовательные реформы и т. д.), а с другой — на адаптацию неэстонского населения к новым социально-политическим условиям. Следует подчеркнуть, что национальная политика эстонского правительства была очень выдержанной и корректной, щадящей историческую память русского человека; она была основана на уважении к классической русской культуре (литературе, изобразительным искусствам, музыке), православной церкви, народным традициям. В принципе, это не удивительно, если вспомнить, что «элита эстонской интеллигенции» сформировалась под сильным влиянием петербургской культуры (Pullat 2004). Лучшим доказательством понимания эстонским правительством того времени проблем русского населения Печорского края является тот факт, что за всю историю республики в уезде не было зафиксировано ни одного антиправительственного протеста, выходящего за рамки конституции. Наоборот, многие печоряне демонстрировали активную гражданскую позицию, участвуя в выборных компаниях разных уровней. Например, в 1928–1929 гг. в Печорском уезде за голоса избирателей боролись 13 партий Эстонии.

Архиепископ Николай (Лейсман) — настоятель Псково-Печерского монастыря (1932–1940 гг.), основатель Духовной семинарии (сидит в центре) и о. Агафон (Бубиц) (первый слева от архиепископа) — будущий настоятель монастыря (1944–1946 гг.) с группой представителей духовенства и молодых людей. Г. Печоры. 1939–1940 гг. Кол. № 12509–1. ■ РЭМ, Фототека

Из них наиболее значимую роль играли: эстонская социалистическая рабочая партия, христианская партия, партия земледельцев, партия «новопоселенцев», трудовая партия и др.

Важнейшим фактором, оптимизирующим все цивилизационные процессы в уезде, было изменение социально-культурного статуса г. Печоры: из заштатного города-симбиота Псково-Печерского монастыря он превратился в уездный центр со всеми сопутствующими властными и социальными институтами.

Закономерно, что уездный город становится эпицентром просвещения в Печорском крае: здесь функционируют две средние школы, Печорская гимназия с двумя отделениями (русским и эстонским), рассчитанная на одновременное обучение 359 учащихся, Печорское просветительское общество. В городе был основан «Русский дом», имеющий большую библиотеку, картинную галерею (музей), летний театр, детский сад. Все лекции, концерты, вечера встреч, рождественские елки, благотворительные лотереи в памяти русских горожан связаны с именно этим домом. После 1935 г. к данному перечню следует прибавить Духовную семинарию Псково-Печерского монастыря.

Памятный снимок эстонской молодежи после завершения обряда конфирмации в кирхе св. ап. Петра. В центре: пастор Аго Вильяри и дьякон Херманн Пыдер. Г. Печоры. 1930-е гг. Кол. № 10518–59. **РЭМ**, Фототека

У эстонской общины Печор был свой дом военно-патриотической организации «Кайтселиит», где также устраивались балы, банкеты, культурно-просветительные и увеселительные мероприятия (Семенова 2009. С. 296, 297; Pihõ 2013. Lk. 54, 55, 117–210). В результате реформ были созданы оптимальные условия для того, чтобы местная интеллигенция и духовенство могли мобилизовать все свои силы для просвещения народа — крестьянского населения. Государство финансировало школьную реформу, введя обязательное четырехлетнее, а после 1929 г. — шестилетнее образование (в сельской местности после 1931 г. функционировала 51 русская шестилетняя школа; обязательным предметом, начиная со второго класса, был государственный язык — эстонский, что обеспечивало равную возможность социальной мобильности для всей местной молодежи: русских, сето, эстонцев), а также всеми способами поощряло такие формы деятельности как создание просветительских обществ, самодеятельных оркестров, хоров, театров, проведение Дней русского просвещения.

Первый День просвещения состоялся уже 26 мая 1924 г. и был посвящен 125-летию со дня рождения А. С. Пушкина, на другой год День русской куль-

Ученики сельской начальной школы (русские и сето)

с молодой учительницей-эстонкой в фотоателье. Г. Печоры.
Конец 1920 — первая половина 1930-х гг. Кол. № 10518–50. РЭМ, Фототека

туры праздновался не только в Печорах, но и в Изборске, Лаврах, Залесье, Новоизборске, Городище, Кулье, Печках» (Яземова 2006).

Данные преобразования происходили на фоне беспрецедентной культурной рефлексии, когда русское православное население Печорского края, составлявшее $\frac{3}{4}$ всего русского населения Эстонии, впервые оказалось в роли этноконфессионального меньшинства в новом государстве. Но парадокс состоит в том, что проблематизация этноконфессионального сознания подвигла русское крестьянство активно поддержать инициативы своих просветителей. Русский культурный феномен «эстонского времени» — долгожданное взаимопонимание и взаимодействие между интеллигенцией и народом. Здесь необходимо сказать несколько слов о печорской интеллигенции.

«После 1920 г. в Печорах осело много россиян из разных концов России. Бывшие солдаты и офицеры армии генерала Юденича, псковские купцы с семьями, интеллигенция Пскова, Санкт-Петербурга. <...> ученые, учителя, музыканты, художники, актеры, <...> предприниматели, специалисты в области сельского хозяйства, журналисты <...> История, самобытность края, симбиоз культур, «Серебряный век» 1920–1940 гг. — все это не может оставить равнодушным...» (Талалаева 2004. С. 65, 66).

Русский сельский фольклорный ансамбль.

Печорский у. 1930-е гг. Кол. № 10518–51/2. ■ РЭМ, Фототека

С появлением новопоселенцев и начинается «Серебряный век», который правильнее было бы назвать эпохой Просвещения. Главными действующими лицами этого периода становятся интеллигенты-разночинцы, многие из которых были выпускниками высших учебных заведений Санкт-Петербурга. По мере развития Печор как уездного центра в 1930-е гг. в городе увеличивается численность эстонского населения, и эти новые горожане — люди образованные (финансисты, коммерсанты, журналисты, педагоги, архитекторы, создатели парковых ансамблей и т. д.).

Блистательная плеяда педагогов была собрана в 1920-е гг. в уездной гимназии: директор — выдающийся математик Александр Риккен; русский язык и литературу преподавали Теодор Лейтма и Дмитрий Суйгусаар, закончивший Петербургский университет и специализировавшийся на изучении творчества И. С. Тургенева; преподавателем естественных наук (химия, ботаника, зоология) был приват-доцент Петербургского университета Петр Нестеров, уроки рисования вел уроженец Печор Александр Денисов, который после окончания Санкт-Петербургской Академии художеств служил придворным смотрителем паркового ландшафта и скульптур Царского Села, был лично знаком с императором Николаем II и членами его семьи. По свидетельству последнего директора гимназии Александра Раудсеппа, на протяжении всего

Детский фольклорный ансамбль: девочки-сето в праздничных костюмах, во втором ряду — три девочки-подростка в форме скаутов. Печорский у. 1930-е гг. Кол. № 10518–37. РЭМ, Фототека

существования гимназии 80 % преподавателей имели академическое образование (Раудсепи 2002. С. 40).

В сельской же местности приоритетными задачами «хождения в народ» были не только ликвидация безграмотности (до 1917 г. в Печорском крае насчитывалось лишь 5 % грамотных), но и воспитание в системе христианских духовно-нравственных ценностей человека, для которого самообразование и индивидуальная творческая деятельность — осознанная потребность. Православие, народность, русская классическая литература — вот та триада, вокруг которой стараниями учителей и священнослужителей консолидировалось местное русское население и на которой строилась система воспитания людей нового поколения. «Любите истину, добро и красоту» — девиз на знамени Просветительского общества д. Залесье, которым руководил носитель новой педагогической идеи, автор первых учебников эстонского языка для русских школ, ведущий методист школьного образования Печорского края А. Анисимов (Сооло 2007. С. 56, 66).

Процесс гуманизации всей системы образования обусловил создание сети воскресных ремесленных и общеобразовательных курсов для сельских жителей, библиотек, музыкально-песенных ансамблей, драматических кружков, молодежных организаций — скаутов; военно-патриотических

Участники Дней просвещения в русских народных костюмах
в фотоателье. Г. Печоры. 1920–1930-е гг. Кол. № 12509–6. **РЭМ**, Фототека

(«молодые орлы»); участие местных творческих коллективов в общереспубликанских и региональных певческих праздниках, выставках и т. д.

Удивительный творческий подъем во многом был связан с тем обстоятельством, что его инициаторы были харизматическими личностями, бескорыстными подвижниками и высокообразованными профессионалами. Например, Александр Макаровский, народный учитель в Изборской школе, о котором Зуров мельком упоминает в связи с его частной коллекцией археологических памятников, был выпускником Духовной академии Санкт-Петербурга, свободно владел многими европейскими языками, получил прекрасное музыкальное образование, в 1920–1930-е гг. руководил изборским культурно-просветительским обществом. По его инициативе был создан коллектив самодеятельной оперы. О высоком уровне профессиональной подготовки певцов-любителей свидетельствует постановка оперы А. С. Даргомыжского «Русалка». Коллекция археологических предметов, собранная А. Макаровским, была «школьным музеем» и служила делу народного образования (Грушина 2002). Богослов, педагог, музыкант, Макаровский привил нескольким поколениям печорян любовь к истории России, православию, древнерусскому искусству, литературе³. В результате всех трудов и преобразований, по воспоминаниям И. Моравинова (впоследствии главного редактора журнала «Коммунист Эстонии»):

«Почти в каждой деревне появилась группа молодых людей, которые уже своим внешним видом резко отличались от местных деревенских мальцев и девок. Они не предавались пьянству, не сквернословили, не шатались бесцельно по гулянкам, не дрались. Старались быть **людьми культурными** (Выделено мной. — М. З.). Оказывали все большее влияние на всех жителей» (Талалаева 2004. С. 57).

В 1920–1930-е гг. меняется также символический статус Печорской земли: она оказывается в сфере внимания русской эмиграции, западноевропейских деятелей науки и культуры. Здесь с концертами выступают Ф. И. Шаляпин, А. Н. Вертинский, Д. Смирнов, Н. В. Плевицкая. И. Северянин посвящает Печорам стихи. Художники С. А. Виноградов, Н. П. Богданов-Бельский едут сюда для работы на пленэре и т. д.

Апофеозом «Серебряного века» становится второй общереспубликанский слет русских хоров, состоявшийся в Печорах 1–2 июня 1939 г.⁴

3. В 1951–1958 гг. А. Макаровский — профессор Ленинградской духовной академии и Ленинградской духовной семинарии; у него учились многие деятели Русской Православной церкви, среди них — будущий Патриарх Всея Руси Алексий II.
4. Фрагмент этого праздника можно увидеть в интернете, см. короткометражный фильм: Üleriigiline Vene lauluräev Petseris 1.–2. juulil 1939 / Общегосударственный Русский Певческий праздник в Печорах 1939 г.

Семья сето. Старший мальчик в форме скаута. Д. Меекси.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017045. ■ МНБ

а

б

Представители молодого поколения сето:

а — группа из шести человек: женщины одеты в традиционные костюмы;

б — две молодые женщины — в традиционном костюме и в городской одежде.

Г. Печоры. 1920–1930-е гг. Кол. № 10518–47, 23. ■ РЭМ, Фототека

«На этот праздник прибыли хоры и оркестры из Таллинна, Принаровья, Латвии, Литвы, Финляндии. Всего было зарегистрировано 60 хоров, 25 оркестров, в которых участвовали 3000 певцов и 500 музыкантов. <...> На праздник приехали: архиепископ Павел Нарвский, американский посланник, французский полпред, греческий консул. Из Франции — троюродная сестра Николая II, княгиня Мария Петровна Голицына с мужем. Иностранные журналисты — американской газеты «Чикаго трибюн», «Нью-Йорк Таймс» и другие. Слушателей на плацу собралось до 10 тысяч» (Галалаева 2004. С. 57).

В завершение хочется отметить, что разительные перемены произошли и в культуре сето.

Народ, который до 1917 г. «был безграмотен и безкнижен» (НМЕИ, Зуров П. Л. 8), получил возможность слушать проповедь и читать Евангелие на родном языке, сето стало доступно среднее и высшее образование. Юноши-сето, закончившие обучение на эстонском отделении Печор-

ской гимназии, поступали в высшие учебные заведения Таллина и Тарту. В результате появилось первое поколение сетоской интеллигенции (Лõina 2003).

Этноконсолидационные и этноэволюционные процессы, протекавшие в среде сето в 1920–1940-х гг., требуют скрупулезного научного анализа и всестороннего глубокого осмысления. По мнению автора, именно в «эстонское время» кристаллизуется этноконфессиональное самосознание сето. Если до 1917 г. судьба сето во многом зависела от активности политики русификации, то после 1920 сето столкнулись с проблемой эстонизации. Парадокс в том, что в реальности в Печорском уезде воздействие на сето русской культуры (в духовном плане — через православную церковь) и эстонской (в социальном плане — через систему школьного образования) оказались практически равнозначны. Уникальное равновесие двух «противолежащих сил» — русской и эстонской национальных традиций позволило сето избежать интеграции как с той, так и с другой нацией. Мне представляется, что в этот период «быстро вымирающее племя сету» (НМЕИ, Зуров I. A. 9) начинает осознавать себя народностью, впервые пытается самостоятельно осмыслить свое прошлое и принять ответственность за свое будущее. Косвенными свидетельствами сетоского «пробуждения» являются всенародные съезды сето, состоявшиеся в 1921 (Первый конгресс) и в 1930 г. (Второй конгресс)⁵.

5. Третий конгресс сето состоялся много лет спустя — в 1993 г.

Литература

- Богданов 2004** ■ Богданов Н. П. Печоры — город пограничный (историческая справка) // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке / Сост. В. А. Шувалова. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2004. Вып. 1. С. 5–15.
- Грушина 2002** ■ Грушина А. Е. А. И. Макаровский и археология Изборского края // Изборск и его округа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сент. 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 94–105.
- Засецкая 2009** ■ Засецкая М. А. Краеведение в Печорском крае в контексте культурной рефлексии XX в. // Полевые этнографические исследования: Мат-лы восьмых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / Отв. ред. В. М. Грусман, А. В. Коновалов. СПб.: Лема, 2009. С. 85–90.
- Раудсепп 2002** ■ Раудсепп А. Отрывочные воспоминания о Печорах. Архив школы № 2 г. Печоры // Родной наш край — Печоры. Город Печоры. XX в. Путеводитель по Псково-Печерскому Свято-Успенскому монастырю / Сост. Р. Н. Рогачева. Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2002. С. 80.
- Родной наш край — Печоры. 2002** ■ Родной наш край — Печоры. Город Печоры. XX в. Путеводитель по Псково-Печерскому Свято-Успенскому монастырю / Сост. Р. Н. Рогачева. Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2002.
- Семенова 2009** ■ Семенова А. Г. Воспоминание о моем отце // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2009. Вып. 3. С. 291–300.
- Сооло 2007** ■ Сооло Л. Александр Анисимов // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. / Сост. В. А. Шувалова. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2007. Вып. 2. С. 56–66.
- Талалаева 2004** ■ Талалаева А. А. Осмысление фактов в свете идеала // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке / Сост. В. А. Шувалова. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2004. Вып. 1. С. 65, 66.
- Язмова Е.** ■ «Россия начинается здесь!» // Псковская правда — Вече. 10 августа 2006 г.
-
- Lõuna 2003** ■ Lõuna K. Petserimaa. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940. Loodus, aeg. inimene. Tallinn. Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003.
- Piho 2013** ■ Piho M. Petseri. Väike euroopa linn. [Tallinn]: Tänapäev, 2013.
- Pullat 2004** ■ Pullat R. Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. Tallinn: Estopol, 2004.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

- 341** Сетомаа — земля, народ и культура на историческом пограничье
- 365** Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е гг.
- 381** История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования

и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа

Марина **Засецкая** и Ахто **Раудоя** ■

«В 1928 г. Печерский край, берега Псковского озера, Изборск в этнографическом отношении были совершенно не обследованы» (НМЕИ, Зуров I. Л. 17). «Археологических материалов по доистории края мы почти не имеем. От каменного века до 1928 г. была известна лишь одна случайная находка <...> Этнографическая работа в этом краю почти не велась. Материалов по топонимике нет» (НМЕИ, Зуров II. Л. 1, 3).

При прочтении отчетов А. Зурова возникает впечатление абсолютной неизученности края и незаинтересованности ученых (археологов, этнографов, фольклористов, лингвистов, этномузыковедов и др.¹) в научных исследованиях региона. Подчеркнем, что степень этнографической изученности русского и сетоского населения Печорского края / Сетомаа ко времени проведения экспедиции Музея человека существенно различалась. В частности, местное русское население, как справедливо отмечал А. Зуров, никогда прежде не оказывалось в поле зрения ученых, поскольку до конца XIX в. большинство русистов-этнографов видело первостепенную задачу в открытии и постижении исконных славяно-русских начал, сохранившихся в крестьянской культуре. Искателей уникального и архаического привлекали «заповедные» территории, удаленные от мегаполисов империи — Санкт-Петербурга и Москвы, прежде всего — Русский Север (Архангельская, Олонецкая губ.). О русских же Печорского края упоминали в контексте либо истории Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, либо — культуры Псковской земли. Единственными востребованными темами были традиционное рыболовство и судоходство на Псковско-Чудском озере.

1. Об истории археологических исследований см. статью М. Лун, С. Белецкого, Х. Валка, А. Грушиной, А. Киристая и Е. Михайловой «История археологического изучения территории Сетомаа», с. 457 в настоящем издании. Краткая история изучения русского фольклора, семейной и календарной обрядности, народного костюма Печорского края изложены в статьях А. Новожилова «Семейная обрядность русских Печорского края» и И. Шангиной «Изделия из текстиля и костюм русского населения Печорского края», с. 679, 735 в настоящем издании.

По причине увлечения архаикой и «языческими пережитками» в культурах других народов, загадочные «Псково-Печерские полуверцы» — сето, начиная со второй половины XIX в. превращаются в приоритетный объект этнографического изучения на русско-эстонском пограничье для русских и эстонских, а также немецких и финских исследователей и путешественников. В результате ко времени экспедиций Зурова — Вильде 1937–1938 гг. сетоская этнография, фольклористика и лингвистика, подобно карельской, ижорской, водской и ливской, представляли собой определенное направление в комплексном финно-угроведении, начало которому было положено еще в конце XVIII (И. Г. Георги, Ф. Туманский, П. С. Паллас, А. А. Шлёцер) — первой половине XIX в. (А. И. Шёгрэн, Ф. И. Видеман, П. И. Кёшпен, М. А. Кастрен, К. Э. фон Бэр, А. А. Шахматов и др.). В историографии местного населения можно выделить пять основных этапов, включая современный (1990–2010-е гг.).

■ ПЕРВЫЙ ЭТАП: КОНЕЦ XVIII в. — 1860 г.

Этот период — время открытия «псковских эстов», период эмпирических впечатлений, которые испытывали исследователи при первом знакомстве с миром Сетомаа. Среди них немецкий путешественник Х. И. Ю. Шлегель (1757–1842) (Schlegel 1823; 1831. S. 75–138), эстонский просветитель, создатель эпоса «Калевипоэ» Ф. Р. Крейцвальда (1803–1882) и псковский помещик-краевед М. Миротворцев (Миротворцев 1860). Эти авторы не являлись этнографами, но именно в их очерках впервые были обозначены две версии происхождения сето: автохтонная (Крейцвальд) и миграционная (Шлегель, Миротворцев), опубликованы русские экзонимы, в т. ч. «полуверцы». Благодаря эмоциональному строю рассказов «первооткрывателей», в ученых сообществах Санкт-Петербурга и Тарту пробудился интерес к Сетомаа, но обнаружилось одно обстоятельство: «псковские эстонцы» Миротворцева отличались от «псковских эстонцев» Крейцвальда.

М. Миротворцев убеждал читателей, что сето — «переселенцы, бежавшие от притеснения немецких баронов», представляющие «переходное племя между эстонцами и русскими», во многом утратившее «свои племенные отличия» и позабывшее «поэтические предания эстонской теогонии и космогонии» (Миротворцев 1860. С. 46, 48, 49, 61). Ф. Р. Крейцвальд высказывал противоположное мнение: сето — коренные жители, которые, несмотря на православное вероисповедание и влияние русской культуры, «устойчиво сохранили и свою одежду, и язык, и обычаи <...> по предрасудкам они могут соревноваться со своими предками 600-летней давности»

Фридрих Рейнгольд Крейцвальд (1803–1882).

Фотография 1870–1882 гг. EKLA A 37-5959. | ЭЛМ

(Kreutzwald 1848. S. 46)². Более того, Крейцвальд призывал своих соотечественников собирать и изучать напевы «псковских эстов» (Ibid. S. 46, 47). Своеобразным откликом на обращение Крейцвальда можно считать первую коллективную экспедицию в Сетомаа — выезд членов Эстонского ученого общества в 1859 г. в д. Мегузицы на праздник Иванова дня. Завершением первого этапа и одновременно началом следующего можно считать опубликованную по результатам поездки 1859 года статью Х. Э. Хартманна «Нейгаузские и Псковские эсты», где впервые в печати приводится эстонский экзоним — *setu*, сходный с самоназванием народа — *seto* (Hartmann 1860. S. 626)³.

■ ВТОРОЙ ЭТАП: 1860–1914 гг.

Второй этап связан с эпохой эстонского национального пробуждения (1860–1870) и его последствиями. Изучение сето отныне ведется в основном силами эстонских исследователей (Хурт, Трусман, Веске, Каллас и др.); это

2. Русский перевод текста Ф. Р. Крейцвальда см. Е. В. Рихтер 1979. С. 116.

3. С 1848 г. известно, что сето, как и эстонцы до национального пробуждения, называли себя *taarahvas* («народ земли»).

первый независимый от немецких и русских финноугроведов опыт зарождающейся национальной школы этнологии, своеобразная апробация готовности эстонской интеллигенции к самостоятельному развитию исторической науки. В рамках второго этапа были предприняты попытки локализации территории проживания сето и определения места данной финноязычной общности среди других прибалтийско-финских этносов.

На основе анализа сетоского языка доктор филологии и основатель эстонской фольклористики пастор петербургского прихода св. Иоанна Я. Хурт (1839–1907) пришел к заключению, подтверждающему идею Крейцвальда:

«Будучи по своему происхождению чистокровными эстонцами, сетукезы представляют собой восточную ветвь верро-эстонского племени <...>, которые со времен Трувора <...> принадлежали Русскому государству» (Гурт 1906. С. 5).

В прибалтийско-финской лингвистике Я. Хурт пользовался авторитетом, поэтому закономерно, что с этого времени сето в научных кругах официально были признаны *эстонцами (псковскими или псково-печерскими)* (Hurt 1904). Определение Хурта не отрицал и Ю. Трусман⁴, поскольку в процессе изучения архивов Псковско-Печерского монастыря, обнаружил свидетельства того, что в этногенезе сето участвовали эстонские переселенцы XVI–XVII вв. В результате исследований Трусмана (Трусман 1897) зародилась третья версия о происхождении сето, в которой учитывалась роль эстонской миграции в процессе формирования народности.

Знаковым событием второго этапа изучения следует признать издание фундаментального труда Я. Хурта — трех томов песенного фольклора Сетомаа «Песни Сету» (Hurt 1904–1907).

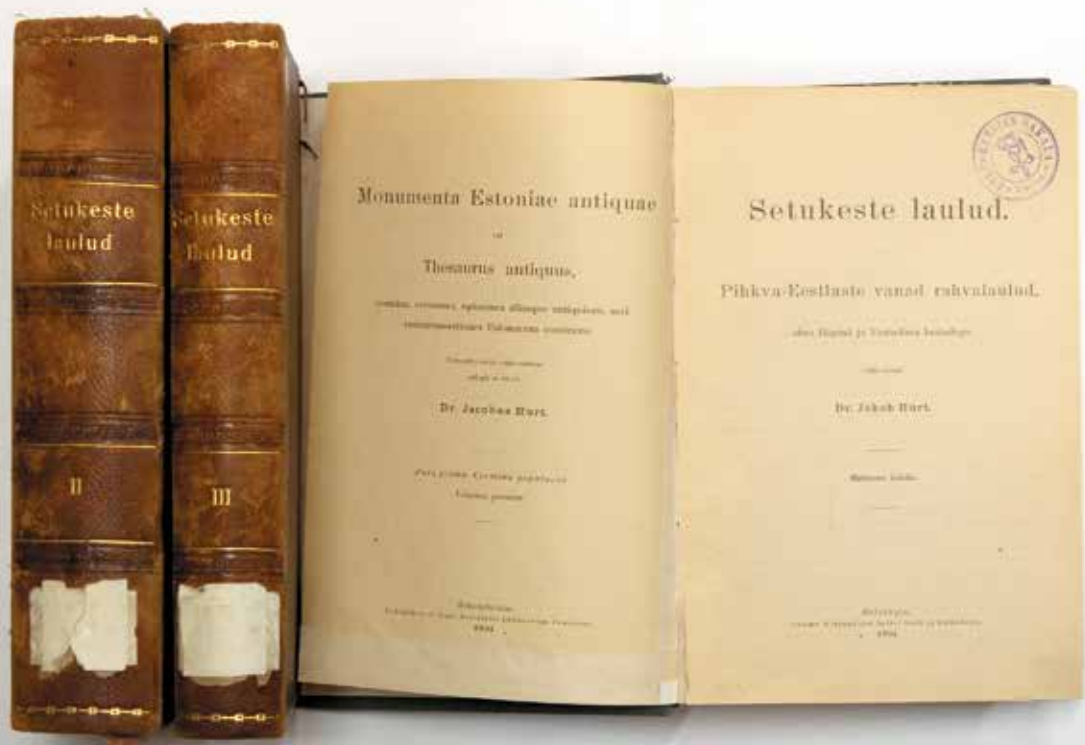
Отметим, что Л. Зуров ни разу не упоминает имя Хурта, крупнейшего исследователя культуры сето, но, как ни парадоксально, «цитирует» его, т. е. дословно повторяет его характерные выражения⁵. Более того, в отчетах Зурова приводится особая «хуртовская» форма перевода этнонима сето на русский язык: сетукез, сетукезка, сетукезы (НМЕИ, Зуров П. Л. 1). Кроме Хурта (Гурт 1906. С. 7, 10, 20) ее никто не использовал.

4. Юрий Юрьевич (Георгий Георгиевич) Трусман (1856–1930), эстонец православного вероисповедания, финно-угровед, особое внимание в исследованиях уделял истории происхождения, религии и культуре сето. Высшее образование получил в Духовной академии (Санкт-Петербург): магистр богословия (1884). В Российской империи состоял на государственной службе: был цензором в г. Ревель (ныне г. Таллин), Эстония.
5. «Преобладающая часть населения — русские крестьяне (потомки славянского племени кривичей) — 65, и сету (восточная ветвь верро эстонского племени) — 25» (НМЕИ, Зуров П. Л. 1.).

Якоб Хурт (1839–1907).

Фотография конца XIX в. ERM TM Fk 321. I ЭНМ

Монография Я. Хурта «Setukeste laulud»
(«Песни сето»). Helsingi: SKS, 1904, 1905, 1907

Юрий Юрьевич Трусман (1856–1930) в саду Псково-Печерского монастыря.
1926 г. ЕКЛА А 153:99. | ЭЛМ

В начале 1900-х гг. начинается формирование музейных собраний по этнографии сето в Санкт-Петербурге и в Тарту. В 1902 г., сразу после учреждения Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ЭО, ныне — Российский этнографический музей), в экспедицию к «Псково-Печерским эстонцам-полуверцам» был направлен хранитель отдела, известный этнограф-славист Е. А. Ляцкий (1868–1942), который приобрел 52 экспоната⁶. В 1911 г. К. К. Романов, специалист по древнерусской археологии и

6. Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) — российский литературовед, этнограф-славист, фольклорист, писатель. В 1889–1893 гг. учился на Словесном отделении Историко-филологического факультета Московского университета, а позднее, в 1890-е гг., преподавал там. С конца 1890-х по 1907 г. служил в Санкт-Петербурге: сначала в Кунсткамере (ныне МАЭ РАН), позже был заведующим отделом ЭО Русского музея (ныне РЭМ). После революции в конце 1917 г. эмигрировал в Финляндию, затем, в 1920 г., — в Швецию, а в 1922 — в Чехословакию. Являлся профессором русского языка и литературы в Карловом университете в Праге, преподавал в Русском свободном университете.

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) и его коллекция (1902 г.)
серебряных украшений сето в Российском этнографическом музее.

Фотопортрет Е. А. Ляцкого 1900-х гг. Кол. ИМ № 9-100. ■ РЭМ, Фототека

Sanga' — серебряная двухрядная цепь с подвесками. XIX в.

Псковская губ., Псковский у., Печорская вол. Кол. № 231–8. ■ РЭМ

Sölg — большая серебряная
нагрудная фибула. XIX в.

Псковская губ., Псковский у.,
Печорская вол.

Кол. № 231–1. ■ РЭМ

иконописи, по поручению музея обследовал сетоские деревни Печорской, Паниковской и Изборской волостей. Его сопровождал профессиональный фотограф В. М. Машечкин (в музей поступило 58 экспонатов и 126 фотографий). Перед Первой мировой войной в фонде насчитывалось чуть более 300 экспонатов по этнографии сето.

В Эстонии формирование фонда по этнографии сето было начато с 1909 г., со времени основания Эстонского национального музея (ЭНМ) (Astel 1982). В собрание музея были переданы все коллекции Эстонского ученого общества (материалы Х. Е. Хартманна, В. Рейера и др.), архив Я. Хурта, личные собрания священника о. Карпа (Карла) Устава и Оскара Калласа, от Финского ученого общества — некоторые материалы Акселя Олая Хейкеля по одежде сето (Heikel 1909, II. S. 1–16). Перед Первой мировой войной фонд включал более 640 экспонатов по этнографии сето. Сбор вещевых экспонатов и фактических материалов сопровождался фотофиксацией антропологических типов, костюмов, хозяйственной деятельности, крестьянских усадеб, празднично-обрядовой культуры. Большую роль в формировании фондов этих музеев сыграли местные «любители старины» и краеведы-коллекционеры. Накануне Первой мировой войны интерес к культуре сето возрастает и за пределами Эстонии. В 1911 г. венгерский этнограф Аладар Бан (1871–1960), которого сопровождал О. Каллас, собрал коллекцию вещевых памятников для Этнографического музея в Будапеште. Бан передал музею около 100 экспонатов и 35 фотографий по этнографии сето.

В 1912–1914 гг. начинается экспедиционная деятельность финского фольклориста и этномузыковеда Армаса Отто Лапо Вяйсянена (1890–1969) (Väisänen 1992)⁷. В экспедиции 1913 г. его спутницей была эстонская студентка кафедры физической культуры университета Хельсинки Анна Раудкатс (1886–1965), в будущем известный собиратель, пропагандист, хореограф народных эстонских танцев. С этого времени народные игры и танцы сето также становятся объектом изучения.

■ ТРЕТИЙ ЭТАП: 1920–1940 гг.

Третий этап в истории этнографического изучения местного населения приходится на время эстонской государственности. В молодой республике на фоне роста национального самосознания тематика народной культуры оказывается актуальной и важной, как и этнографическая наука, занимающаяся

7. О. Вяйсянен продолжил экспедиционно-собираТЕЛЬскую работу в Сетомаа и в 1921–1923 гг. Собранные им материалы, кроме 23 предметов, переданных ЭНМ (Astel 1982. Лк. 92), находятся в Национальном музее Финляндии в Хельсинки.

**Экспедиция К. К. Романова
и В. М. Машечкина, 1911 г.:**

а — женщины сето во время приходского
праздника в селе Паниковичи;
б — молодая женщина сето в costume
невесты: на голове старинный
свадебный убор — шапка из красного
сукна с меховым околышем. Д. Литвиново.
Фотографии В. М. Машечкина.
Кол. № 2294–4, 19. РЭМ, Фототека

ее изучением. В самой же этнографии происходит смена методов изучения. Преобладающим в этнографической науке Эстонии в 1920–1930-е гг. становится историко-сравнительный метод, заметно возрастает количество разного рода исследований (в том числе и полевых) и число авторов, участвующих в исследовании культуры сето. Перечислим наиболее значимые публикации 1920–1940 гг., ставшие результатами этих процессов. В 1921 г. в приложении к газете «Helsingin Sanomat» были опубликованы десять статей А. О. Вайсянена о жизни и быте сето; в ежегоднике ЭНМ появилась статья о постройках сето (Manninen 1925; 1926); в 1928 г. в рамках издательского проекта «Уездные сборники» Эстонии были изданы обобщающие описания географии, хозяйства, истории Сетомаа (Setumaa 1928)⁸. В 1930-е гг. издаются монография Густава Рянка о рыболовстве на Чудском и Псковском озере (Ränk 1934a), статьи о сетоском боге Пеко (Ränk 1934b)⁹, об изменениях русско-эстонской этнической границы в Петсеримаа (Markus 1938), о ярмарке в Печорах (Laid 1937) и др.

В 1920–1930-е гг. качественные изменения происходят в методике и практике экспедиционно-собирательской работы Эстонского национального музея (ERM 100, 118–122)¹⁰. После приглашения в 1922 г. на должность первого штатного директора ЭНМ финского ученого, доктора этнографии Ильмари Маннинена (1894–1935)¹¹, музейная деятельность наполняется новым содержанием. Отныне она подразумевала не только сбор, хранение и экспонирование, но и научно-исследовательскую работу, проводимую профессиональными этнографами. С этого времени ЭНМ на многие десятилетия становится главным организатором, координатором и куратором экспедиционно-собирательской этнографической деятельности в Эстонии, а также центром финно-угроведения, о чем свидетельствуют ежегодники музея, публикуемые с 1925 г. Эти сборники включают ежегодные отчеты о деятельности музея и статьи научных сотрудников.

За период с 1921 по 1936 г. сотрудники ЭНМ и корреспонденты музея осуществили двадцать восемь обследований на территории Сетомаа. В результате к концу 1930-х гг. практически все музейные материалы по культуре

8. Каждый такой сборник был посвящен историко-культурной и социально-экономической характеристике определенного района (уезда) Эстонии и его населения.

9. О культе Пеко см. статью Э.-Х. Вястрика «Дохристианские традиции сето», с. 547 в настоящем издании.

10. URL — режим доступа: <http://www.erm.ee/en/about-us/history>.

11. И. Маннинен защитил докторскую диссертацию в 1922 г., с 1924 он начинает также преподавать этнографию в Тартуском университете, многие его студенты участвуют в экспедиционно-собирательской работе, некоторые впоследствии становятся сотрудниками ЭНМ. Маннинен проделал огромную организационную работу по созданию сети добровольных корреспондентов музея.

Густав Рянк (1902–1998). Фотография А. Ломпа. 1938 г. ERM FK 2189:12. ■ ЭНМ
Монография Г. Рянка «Peipsi kalastusest» («О рыболовстве на Чудском озере»).
Tartu, 1934 г.

сето XIX — первой четверти XX в. (вещественные, фотоиллюстративные, фольклорно-литературные) оказались сосредоточены в собрании ЭНМ. Ко времени приезда Б. Вильде и Л. Зурова собрание музея по сетоской этнографии насчитывало более 1700 вещевых экспонатов, около 1000 фотоиллюстративных материалов (рисунков и фотографий), не говоря уже о фольклорно-литературных архивах, ценность которых определялась не столько объемом, сколько содержанием рукописей¹².

Таким образом, в контексте изучения этнографии сето, экспедицию Б. Вильде и Л. Зурова правильно было бы охарактеризовать как одно из многих полевых исследований¹³, однако с точки зрения истории этнографического изучения русских оно, в сущности, первое. Особой источниковедческой ценностью следует признать выполненные ими многочисленные фотографии, зафиксировавшие этнокультурную ситуацию Печорского края 1937–1938 гг., и сбор вещевых коллекций по этнографии русских и сето

12. В 1940 г. фольклорно-литературные архивы, а также Архивная библиотека ЭНМ были переданы в основанный Эстонский литературный музей (г. Тарту); подробнее см. на сайте Эстонского литературного музея (на эст. и англ. яз.).

13. Всего, начиная с 1880-х гг. (с экспедиций Хурта и Трусмана) по 1936 г., полевые исследования культуры сето производились не менее 40 раз.

**Этнография сето
в Эстонском национальном музее**

Ильмари Маннинен (1894–1935),

директор музея (1922–1928 гг.),
ERM Fk 1273:6. ■ ЭНМ

Интерьер сетоской избы на экспозиции
музея. 1932 г. ERM Pk 1:1/307.
1:1/283. ■ ЭНМ

**Открытка «Сето, новобрачные» из
серии «Эстонская народная одежда»,**
опубликованной музеем в 1920-е гг. Художник
А. Мыттус. 1926 г. ERM Pk. ■ ЭНМ

для одного из ведущих западноевропейских научно-исследовательских центров — Музея человека.

■ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП: 1945–1990 гг.

Четвертый этап может быть назван «советским», поскольку основные работы были написаны и опубликованы в условиях жесткой идеологической цензуры, действовавшей в СССР. В первые послевоенные годы изучение культуры сето носило нерегулярный характер и было обусловлено личными мотивациями или профессиональными интересами тех или иных специалистов.

**Елизавета
Владимировна Рихтер (1919–2003).**

Фотография В. Салмре.
ERM Fk 2644:3590. | ЭНМ

В 1948–1949 гг. сбором полевых материалов по сетоскому музыкальному фольклору занимались студенты: будущий композитор Анатолий Гаршнек (уроженец д. Старый Изборск) и одна из первых фольклористов-музыковедов сетоского происхождения Вера Пино.

С начала 1950-х гг. изучение сето характеризуется комплексным междисциплинарным подходом, начало которому было положено в 1952 г. Прибалтийской комплексной объединенной экспедицией (ГПОКЭ 1959), в которой приняли участия этнографы, археологи, антропологи, лингвисты, фольклористы Москвы, Таллина, Тарту, Риги, Вильнюса, Минска. Среди заслуженных и опытных ученых — Х. Моора, Н. Чебоксаров, Б. Рыбаков, Т. Хабихт, А. Вийрес, П. Озолиньш, М. Слава, А. Зариня и др. По сетоской тематике в этом проекте участвовала и выпускница Московского университета Елизавета Петрова (Рихтер), которой суждено было стать ведущим специалистом в области этнографии сету в последующие 25–30 лет (см. также Рихтер 1979; 1985). Основной ее труд — диссертация «Материальная культура сету в XIX — начале XX в. (к вопросу об этнической истории сету)» была защищена в ИЭ АН СССР (Москва) (Рихтер 1961). Исследовательницей были введены в научный оборот практически все значимые

данные по этнографии сето, накопленные в архивах Эстонии и России, а также собственные полевые материалы. Е. Рихтер впервые была предпринята попытка периодизация этнической истории сето. На основе историко-сравнительного метода с привлечением материалов по антропологии, археологии и этнолингвистике народов Балтийского региона, ей удалось выявить следы этнокультурных связей сето не только с южными эстонцами, но также — с прибалтийско-финскими народами Северо-Запада России (водь, ижора), латышами Латвии, со славянскими народами (русскими и белорусами). Е. Рихтер старалась дать ответ и на вопрос об этногенезе сето, поскольку в 1950-е гг. вновь актуализировалась дискуссия о происхождении народности (тематика этногенеза стала в то время одной из приоритетных в советской науке).

По этому вопросу существовали серьезные разногласия между двумя эстонскими специалистами: археологом академиком Харри Моора и лингвистом Юлиусом Мягисте. Первый придерживался версии, согласно которой основой сетоского населения служил древний чудской субстрат, позже перекрытый эстонскими переселенцами XVI–XVIII вв., второй считал сето потомками переселенцев из Юго-Восточной Эстонии XVII–XVIII вв. (Рихтер 1961. С. 4). Признание большинством ученых версии Х. Моора, в частности, его тезиса о «перекрытии» автохтонной культуры культурой эстонцев-переселенцев, привело к тому, что и в эстонской, и в российской этнографии надолго утвердилось определение: сето — этнографическая (этническая) группа эстонцев. Это обусловило изучение культуры сето как части эстонской культуры, а не как отдельного, уникального явления.

В 1950–1970-е гг. возобновляется экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность двух старейших этнографических музеев ЭНМ и РЭМ¹⁴. Однако несмотря на то, что фонды по этнографии сето продолжают пополняться, а этнографы начинают все чаще использовать новые методики и аудиовизуальные средства фиксации этнической культуры, интерес к сето заметно снижается как в российской, так и в эстонской этнографии. Это обусловлено тем, что в 1960–1980-е гг. обозначился устойчивый интерес к исследованию прибалтийско-финских народов Северо-Запада России: водь, ижора, карел, вепсов и финно-угорских этносов Волго-Уральского региона и Сибири. Заметно расширился диапазон гуманитарных ареальных исследований в

14. К концу «советского периода» фонд ЭНМ по этнографии сето насчитывал более 4000 предметов, свыше 3200 фотоснимков и 500 рисунков. Подробнее (см. Astel 1982. Лк. 94–95). Собрание РЭМ по этнографии сето в результате собираТЕЛЬСКОЙ деятельности увеличилось в два раза, к 1990 г. в его составе было более 700 экспонатов, 218 фотографий. В 1970–1980-е гг. дополняются сетоские коллекции и в местных музеях, в частности, в Музее истории города Печоры.

области сравнительного изучения славяно-финно-балто-скандинавских контактов, особенно в этнолингвистике, этнографии, фольклористике и этномузыковедении.

Изучение православных финно-язычных народов позволило проследить синхронизм/асинхронизм в стадиях развития сетоской народности и других финно-угорских этносов, выявить общие и особенные, архаические и поздние формы в материальной культуре и обрядовой практике сето, дало возможность этномузыковедам «услышать» в многоголосии сетоского хора отзвуки песенного наследия финно-угорских народов Поволжья.

Результаты исследований, осуществленных в 1950–1980-х гг. в фольклористике, этномузыковедении, лингвистике, искусствоведении такими учеными, как О. Лооритс (Loorits 1949–1960), П. Аристе, Х. Моора, Г. Тампере, В. Пино (1972), У. Коляк (1979), В. Сарв (Pino, Sarv 1981; 1982; Sarv 1986) и Я. Сарв, И. Тынурист (1980), Я. Симм, К. Кирме¹⁵ и многими другими, внесли весьма существенный вклад в изучение культуры сето. 1970–1980-е гг. стали двадцатилетием интенсивного конструктивного диалога и сотрудничества между специалистами национальных и региональных школ в разных областях финно-угроведения, о чем свидетельствуют опубликованные материалы международных конгрессов, конференций, семинаров, чтений, организованных в Санкт-Петербурге (Ленинграде), Тарту, Таллине, Саранске, Сыктывкаре, Петрозаводске, Будапеште, Хельсинки.

Эта атмосфера междисциплинарного и межнационального общения, творчества и научной полемики способствовала становлению сетоской научной интеллигенции. Вероятно, приход самих носителей сетоской культуры в академическую гуманитаристику следует признать важнейшим результатом четвертого периода в истории изучения.

В 1983 г. в Ленинградском отделении института этнографии Академии наук СССР состоялась защита кандидатской диссертации Пауля Хагу «Аграрная обрядность и верования сето» (Хагу 1983)¹⁶. В работе соблюдены подход и методика выявления историко-культурных составляющих сетоской традиции. На основе этнографических и фольклорных данных реконструируется комплекс обрядов, обычаев и религиозных представлений сето, связанных с земледелием и животноводством. Историко-сравнительный анализ народного

15. Список литературы по теме статьи см. в общей библиографии.

16. В качестве его научных оппонентов выступили ведущие ученые Эстонии — академик Пауль Аристе и России — доктор ист. наук Татьяна Бернштам. В советский период, начиная с 1970-х гг. возможности защиты диссертаций, написанных на эстонском языке, были ограничены. Первые после длительного перерыва защиты диссертаций на эстонском языке состоялись в начале 1990-х гг. Подробнее об этом см. сайт Эстоника: URL — режим доступа: http://stage.estonica.ee/ru/Образование_и_наука/История_образования_Эстонии_как_история_духовного_освобождения_одного_народа.

Пауль Хагу.

Фотография А. Линтропа. 2011 г.

Маре Пихо.

Фотография А. Ихо. 2004 г.

календаря сето с русским и эстонским народными календарями (Хагу 1976; 1978), а также дохристианских культов плодородия, в частности культа Пеко (Нагу 1975), позволили выявить архаические элементы в сетоской обрядности, восходящие к периоду волжско-финской языковой общности.

Заметную главу в историю этнографического изучения сето вписала Маре Пихо. Основу ее диссертации «Металлические украшения сету XIX–XX вв.» (Пихо 1997), защита которой состоялась в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград/Санкт-Петербург)¹⁷ составили полевые материалы автора, собранные в 1974–1995 гг. не только на территории Сетомаа, но и в Сибири, в деревнях, где и поныне проживают потомки сето, переселившиеся в Енисейскую губернию в конце XIX — начала XX в. М. Пихо удалось выявить существование половозрастных градаций в традиции ношения металлических украшений, доказать их

17. Научными руководителями М. Пихо были крупнейший специалист по народному искусству и орнаменту народов Сибири доктор ист. наук С. В. Иванов и канд. ист. наук А. М. Решетов, а официальными оппонентами — доктор ист. наук А. К. Байбурин и канд. ист. наук Е. В. Рихтер.

полифункциональность и высокий семиотический статус. Впервые представлена классификация сетоских украшений XVIII–XX вв. и обзор их роли в обрядности, выявлены комплекты украшений и их изменения в течении XIX–XX вв.

■ ПЯТЫЙ ЭТАП: С 1991 г.

Новый этап в истории изучения культуры местного сельского населения начинается с распадом СССР. После восстановления Эстонией независимости (1991) формальная граница между РСФСР и ЭССР превратилась в государственную, разделив Сетомаа на две части и ограничив былую свободу передвижения для всего местного населения (сето, русских, эстонцев). Наиболее болезненной данная ситуация оказалась для малого народа сето, численность которого в 1991 г. на территории коренного проживания составляла ок. 6000 чел. (в Эстонии — 5000, в России — 1000).

Несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства, а частично и как реакция на них, первую половину 1990-х гг. характеризует заметный рост самосознания и этнокультурного возрождения сето¹⁸. Весьма показательным, что сами представители сетоской интеллигенции и их общественно-политические лидеры вспоминают сегодня 1990-е гг. как «время пробуждения сето». Приведем некоторые примеры, характеризующие этот процесс.

Начиная с 1990 г. регулярно проводятся заседания Сетоского конгресса (через каждые три года) — представительного органа народа. В 1992 г. создается Фонд культуры сето, который содействует как проведению научных исследований (в т. ч. археологических) и изданию публикаций, так и развитию местных музеев — важных опорных пунктов сохранения культурных традиций. С 1994 г. празднуется ежегодный фестиваль «День Королевства сето» с выбором «наместника сетоского короля» (первым «наместником» был выбран Пауль Хагу, автор идеи этого мероприятия); в 2005 г. в Эстонской республике был создан Союз волостей Сетомаа; в 2009 г. сетоская песня была включена в список объектов всемирного наследия духовной культуры ЮНЕСКО. В 2010 г. в Российской Федерации сето был признан одним из малых коренных народов.

В 1990–2000-е гг. были предприняты новые этнодемографические и этносоциологические исследования, целью которых являлось, прежде всего, изучение этнической идентичности, а также анализ этнических процессов среди

18. Начало этого процесса следует отнести еще ко второй половине 1970-х гг. Так, в 1977 г. состоялся первый праздник сетоской песни, организуемый с тех пор раз в три года. В общих рамках новых общественных движений за восстановление демократии, в 1987 г. в Печорах было создано Сетоское общество.

Список фильмов

Название	Автор	Номер в архиве Эстонского национального телевидения
Tõnisepäev Setumaal («День св. Антония в Сетомаа») (1993)	Mare Pihho	1993-083950-0001
Kodo, mu kullapõ («Дом, мой золотой») (1995)	Mare Pihho	1995-082168-0001
Itk («Плачь») (1994)	Mare Pihho	1994-080236-0001
Möödunu hääled («Голоса минувшего») (1995)	Mare Pihho	1995-083952-0001
Hõbõhõpõ helü («Серебрянный голос») (1996)	Mare Pihho	1996-083955-0001
Vana-Irboska. Ajalugu ja legendid («Старый Изборск. История и легенды») (1996)	Mare Pihho	1996-083815-0001
Mõla klooster Setumaal («Мальский монастырь в Сетомаа») (1997)	Mare Pihho	1997-083307-0001
Setu lauluema Maarja Pähnapuu («Сетоская народная певица Мааря Пяхнапуу») (1997)	Mare Pihho	1997-083943-0001
Päev Setu kuningriigis («День в Королевстве сето») (1997)	Mare Pihho	1997-083956-0001
Küll mi Lindora laadal näe («Увидимся на ярмарке в Линдора...») (1998)	Mare Pihho	Архив фирмы Хилана
Ükskord seto kuningriigis («Однажды в королевстве сето») (1999)	Mare Pihho	Архив фирмы Хилана
Setu ehted («Сетоские украшения») (1997)	Mare Pihho	
Eesti talumajad («Крестьянские постройки Эстонии») (1998)	Hiroshi Shoji / Mare Pihho	НЭМ Осака / копия во владении М. Пихо
Kagu-Eesti (Setumaa kultuur) I («Культура юго-восточной Эстонии (Сетомаа)») (1998)	Hiroshi Shoji / Mare Pihho	НЭМ Осака / копия во владении М. Пихо
Vene kaluriküla Peipsi kaldal («Русская рыбацкая деревня на берегу Чудского озера») (1998)	Hiroshi Shoji / Mare Pihho	НЭМ Осака / копия во владении М. Пихо
Kagu-Eesti (Setumaa) kultuur («Культура юго-восточной Эстонии (Сетомаа)») (1998)	Hiroshi Shoji / Mare Pihho	НЭМ Осака / копия во владении М. Пихо
Setu lauluema Veera Pähnapuu («Сетоская народная певица Вера Пяхнапуу») (1987)	Vaike Sarv	1987-082642-0001
Põrste setu koor. Eeslaulja Veera Pähnapuu («Сетоский хор д. Пырсты. Солистка Вера Пяхнапуу») (1987)	Vaike Sarv	1983-080273-0009
III seto leelorpäev (III день сетоской песни) (1983)	Vaike Sarv	1983-080273-0010
Linikrääd linnukesed (ЛПтицы с покрытыми главами) (1987)	Vaike Sarv	1987-083246-0001
Lauluema Kati Lummo («Сетоская народная певица Кати Луммо») (1988)	Vaike Sarv	1988-081899-0001
Sügis Setumaal («Осень в Сетомаа») (1989)	Vaike Sarv	1989-083317-0001
Mano tuli maaselitsa («К нам пришла Масленица») (1991)	Vaike Sarv	1991-083948-0001
Teispool vägavaid («По другую сторону ворот») (1991)	Vaike Sarv	1991-080554-0001
Raabarigaasnik Polovina («Бабий праздник в д. Половина») (1991)	Vaike Sarv	1991-081602-0001
Lihavõttõ Lerpäl («Пасха в д. Лерна») (1991)	Vaike Sarv	1991-080625-0001
Setukaiset («Сето») (1989)	Pertti Virtaranta	1989-084162-0001

сетоского и местного русского населения на протяжении XX и в начале XXI в. Работы по этой тематике проводились как в эстонской (Hagu 1995a; Jääts 1998; Runnel 2002; Annist 2013), так и в российской части Сетомаа / Печорского края (Новожилов, Громова, Хрущев¹⁹, Манаков 1995 и др.²⁰).

С середины 1990-х гг., в связи с угасанием традиционного доиндустриального деревенского мира Сетомаа, активизировалась экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность по этнографии, фольклору, религиозной культуре²¹, топонимике, музыкально-песенному наследию и диалектам языка сето, продолжающаяся и в настоящее время.

В эти же десятилетия активизировалось изучение культуры сетоских диаспор, начало которому было положено еще в конце 1980-х гг. Всего с 1987 по 2006 г. под эгидой ЭНМ было проведено 14 экспедиций и научных командировок в Сибирь (Красноярский край)²² и одна в Среднюю Азию, в Узбекистан (см. также: Pihõ 1995). Основоположником этого направления экспедиционно-собираТЕЛЬСКОЙ работы, организатором и участницей всех экспедиций была Маре Пихо. Ею были также собраны материалы о сетоских переселенцах первой трети XX в. в Бразилию.

При исследовании, документировании и презентации сетоской культуры особо следует отметить визуально-антропологическое направление (см. список фильмов на с. 398). Автором 10 фильмов по фольклорным темам (1988–1992) является Вайке Сарв. Из 17 этнографических документальных фильмов Маре Пихо 1993–1999 гг. (Jürgenson 2004a) пять созданы в рамках этнологических экспедиций Национального этнологического музея Осака (Япония), один — в сотрудничестве с журналом “National Geographic”, девять — с Национальным телевидением Эстонии.

В контексте настоящего издания необходимо упомянуть и о международной рекогносцировочной экспедиции О. Калининой (РЭМ) и Т. Бенфуталь (Музей человека) в Печорский район в 2007 г., в процессе которой стала очевидна востребованность материалов Л. Зурова и Б. Вильде исследователями

19. См. Новожилов, Хрущев, Громова // ИЭОПК 1999, С. 285–292, 294–301; Новожилов 2000, 2003, 2006, 2007, 2009, 2010, 2012, 2013; Новожилов, Хрущев 2008, 2011.

20. Манаков А. Г. — доктор географ. наук, профессор кафедры географии Псковского Государственного университета, начиная с 1993 г. руководит изучением демографии сето Печорского района Псковской области. См.: Манаков А. Г. Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практический историко-краеведческий журнал, № 14, 2001. Псков: Изд-во ПГПИ. С. 189–199, а также общую библиографию.

21. Значительный материал по народным верованиям сето был собран в ходе экспедиций 1994–1997 гг., в основном, Тартуского университета.

22. Эстонский литературный музей осуществил в 2007–2015 гг. четыре фольклорных экспедиции к сибирским сето.

а

б

Международная экспедиция «По следам Л. Зурова и Б. Вильде», 2007 г.:

а — Т. Бенфугаль (Музей человека) и председатель Печорского общества краеведов В. Денисова. Г. Печоры. Фотография О. Калининой;

б — О. Калинина (РЭМ) и сотрудник Печорской районной библиотеки Е. Дроздова на Титовом камне. Г. Печоры. Фотография Т. Бенфугаль

а

б

Коллоквиум в Вярска, 2013 г.:

а — в президиуме (слева направо): А. Раудоя (Институт сето), Т. Бенфугаль (Музей человека), М. Засецкая (РЭМ), О. Фишман (РЭМ), Х. Валк (Гартуский университет);
б — во дворе хутора в музее Вярска: М. Пихо (в центре) знакомит гостей с экспозицией.
Фотографии Т. Бенфугаль и Ф. Меннесье

Коллоквиум в Вярска. 2013 г.

В перерыве между заседаниями:
Филипп Меннесье (Музей человека)
и женщина сето в традиционном
костюме. Фотография Т. Бенфугаль

региона, а также коллоквиум в Вярска в 2013 г., которые помогли подгото-
вить настоящее издание.

Повышение интереса к сетоской культуре выражается в возрастающем
объеме научно-исследовательской деятельности. Среди нового поколения
эстонских исследователей — М. Арукаск, Х. Валк, Э.-Х. Вястрик, А. Калкун,
А. Киристая, М. Метсвахи, Э. Нассар, К. Паюсалу, Ж. Пяртлас, А. Раудоя и
др.²³, при этом Э. Нассар, А. Раудоя и А. Калкун — сето по происхождению.
Продолжается работа В. Сарва (1946–2004) (Kasema, Sarv 1999; Sarv 2000),
П. Хагу (Valk 2016) и М. Пихо (Jürgenson 2004b)²⁴. Были опубликованы:
сетоский национальный эпос «Пеко» (Hagu, Suhonen 1995) и другие работы,
связанные с сетоской песенной традицией (Hagu 1995b; Honko et al. 2003;
Arukask 2003; Пяртлас 2005, 2010), книга о довоенной истории города Пе-
чоры, который сето считают своей столицей (Piho 2013) многочисленные
работы о традиционных украшениях (сето, отчасти русских), народном
сетоском костюме (Пихо 2002; 2003; 2009; Piho 1992; 1996; 2002; 2003 и др.)

23. См. общую библиографию.

24. См. также общую библиографию и статьи в настоящем издании.

Второй том пятитомного издания «Setomaa koguteos»

(«Сетомаа 2: Археология и история до 1920 г.»). Tartu, 2009

Пятый выпуск сборника научных статей из серии «Setumaa kogumik»

(«Сетумааский сборник»). Tallinn — Värskä, 2012

и других аспектах этнографии сето, например, изменения интерьера сетуского жилища (Nassar 2016). Особо следует отметить обобщающий обзор М. Пихо о народной культуре сето (Piho 2018).

О расширении исследовательской работы по разным темам свидетельствуют научные публикации в серии «Сетумааский сборник» («Setumaa kogumik». Т. I–VII, 2003–2016), серия «Музеи Сетомаа» («Setomaa muuseumid», вышло два тома), а также начало пятитомного серийного издания «Setomaa koguteos», предоставляющего общую и многогранную характеристику региона Сетомаа. Один из опубликованных томов посвящен археологии и истории (до 1920 года) (Setomaa 2, 2009)²⁵, другой — природе Сетомаа (Setomaa 1, 2016). Для координации научных исследований в области изучения территории и культуры Сетомаа в 2009 г. было основано целевое учреждение Институт сето (Seto Instituut), который имеет свой научный совет. При содействии института выпущены книги по часовням (ST 2011), топонимике (Kirstaja 2013) и традиционной архитектуре Сетомаа (Raudoja 2014), составляется

25. Среди авторов сборников «Setumaa kogumik» и монографии не только сето и эстонцы, но также и русские авторы.

библиография по теме сето²⁶. В 2013 г. по инициативе института в серии литературных и этнографических произведений на сетоском языке («Seto Kirävaqa» 2013–2016, в 13-ти томах) была осуществлено издание полевых материалов экспедиций Я. Хурта в Сетомаа в 1886 и 1903 гг. (Hagu, Abrams 2013). Публикации современных авторов свидетельствуют о новом направлении в эстонской науке — изучении народного православия сето (PVP. 1996; Metsvahi 2007; Valk 2008 и др.; Kalkun 2014 a, b; 2015), которое сопоставимо со сферой интересов российских ученых в такой области, как религиозное мировоззрение и народное христианство (православие, старообрядчество) русских и финно-угорских народов²⁷.

Поколение современных российских этнографов — А. Г. Новожилов, И. И. Верняев, М. А. Засецкая (Засецкая 2000, 2011, 2012), С. А. Хрущев, Ю. В. Громова, О. В. Калинина (Калинина 2008, 2014, 2016) — привнесло свое видение, новое восприятие и трактовку сетоской и русской культуры, новую тематику и современные методы исследования²⁸. Они основаны, прежде всего, на позициях регионалистики «как единого комплексного научного направления, синтезирующего методы разных наук» при изучении той или иной исторической территории (ОР 1999).

Сето рассматриваются как один из двух коренных этносов, наряду с русскими, входящими в состав региональной общности Печорского края / Сетомаа²⁹, «характеризующейся единством природной зоны, занятий, социально-экономических институтов, церковно-приходской жизни и пастырской деятельностью Псково-Печерского монастыря» (Новожилов 2009). Особенно отметим комплексное многолетнее обследование этнической культуры русских и сето Псковской области, организованное с 1995 по 1998 г. кафедрой этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета под руководством А. В. Гадло³⁰, Псковским областным институтом повышения квалификации работников культуры и РЭМ. Результат проекта — объемный труд «Историко-этнографические очерки Псковского края», в котором впервые

26. См. на сайте Seto bibliograafia URL — режим доступа: <http://www.biblioserver.com/setod/>

27. См. литературу в этой статье и статьях раздела «Дохристианские верования...», с. 539 настоящего издания.

28. Полный список литературы см. в списке общей библиографии.

29. Впервые подобный подход был намечен М. А. Засецкой и А. Г. Новожиловым в очерке «Сету. История, культура, современные этнические процессы» // ИЭОПК. 1999. С. 269–301.

30. Александр Вильямович Гадло (1937–2002), профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ (1990–2002 гг.), инициатор и руководитель многолетнего проекта по изучению русского и сетоского населения Псковского края (1995–1998 гг.).

Александр Вильямович Гадло (1937–2002). Фотография конца 1990 — начала 2000-х гг.

Архив кафедры этнографии и антропологии Института истории СПбГУ

Историко-этнографические очерки Псковского края / Ред. А. В. Гадло. Псков, 1998 г.

обобщены материалы по этнической истории Псковской губернии — Псковской области, а также по современным демографическим проблемам, формированию псковских говоров, основным и подсобным занятиям, промыслам и ремеслам местных жителей, типам сельских поселений, жилых и хозяйственных построек, одежде, традиционной и современной пище, о праздниках и обрядах, фольклоре и народных верованиях (ИЭОПК 1999). Этнографические материалы Печорского края, в т. ч. результаты полевых исследований, рассмотрены и в коллективной монографии об этнографии Северо-Запада России (Гадло и др. 2004). Некоторые материалы по описанию семейной обрядности русского населения Печорского района были представлены в 1998 и 2002 гг. в публикациях участников экспедиций под руководством А. Г. Новожилова в трех сборниках под общим названием «Этнографическое изучение Северо-Запада России»³¹. Очевидно, что на многие вопросы в области истории, этнографии и фольклора края можно получить ответы только в результате совместной работы российских и эстонских/сетоских исследователей, т. е. параллельного исследования русского и сетоского населения. В последние десятилетия интерес к местной истории со стороны профессионалов, в т. ч. археологов, историков, религиоведов, оптимизировал

31. См. общую библиографию.

Ежегодные фестивали «Дни Королевства сето»:

а — девять наместников легендарного сетоского короля Пеко в Лухамаа.

Первый слева — Пауль Хагу. Фотография А. Раудоя. 2014 г.;

б — народные певицы возле памятника Матери песни Сетомаа в деревне Обинитса. Фотография Т. Туула. 2011 г.

интерес к локально-краеведческой истории Печорского края среди местного коренного населения (Псков, Изборск, Печоры). Созданное в 2002 г. Общество краеведов при Печорской районной библиотеке собирает и публикует материалы по локальной истории края, среди которых особое место занимают воспоминания старожилов (НПСВ 2004–2014). Однако обозначенная в начале статьи явная диспропорция в этнографическом изучении русских и сето остается неизменной и невосполнимой. Русская культура Печорского края по-прежнему изучена слабо. Активизация научно-исследовательской деятельности, в том числе публикации за рубежом (напр. Piho 1995, 2017; Chalvin 2015), международные экспедиции (Chata estońska 2000), популяризация истории и этнической культуры сето через СМИ, создание фильмов, их показ по Национальному телевидению оказали благоприятное влияние на повышение уровня этнокультурного самосознания сето в Эстонии. Выражением этого стало восстановление традиции изготовления и ношения народного костюма, серебряных украшений. Совокупность этих социально-культурных факторов сказалась с 1990-х гг. и на осознании ценности сетоской культуры в эстонском обществе в целом.

Повышенное внимание к культурному наследию сето способствует созданию и реорганизации краеведческих музеев. Сетоские музеи существуют в Эстонии: в Вярска, Саатсе и Обинитса; в России: в Сигово и в сетоской деревне Хайдак Партизанского района Красноярского края (создан по инициативе М. Пихо). В Эстонском музее под открытым небом (Таллин) восстановлен хуторский комплекс сето — результат исследований по крестьянской архитектуре. Подобные музеи, особенно в Эстонии, играют важную роль не только в сохранении исторической памяти, но и в консолидации местных общин на основании локальных культурных ценностей и их активном воссоздании. Этому способствуют регулярные фольклорные праздники, развитие этнотуризма по обе стороны границы.

Впервые предпринятый обзор этнографического изучения населения Печорского края, прежде всего сето и в значительно меньшей степени — русских, в период с XVIII в. по сегодняшний день свидетельствует об истории накопления знаний, развитии полевой этнографии, фольклористики и этномузыковедения. Прослеживается постоянное усовершенствование методик сбора материалов и памятников культуры, подходов и аналитических приемов, расширение исследовательского поля, характера и содержания публикаций и обобщающих работ многих поколений специалистов. Отличительной особенностью современных исследований зачастую является комплексный и междисциплинарный характер, который способствует упорядочиванию процесса изучения, делает его постоянным и системным. Этому способствует и сотрудничество ученых и специалистов разных стран.

Примером тому является и наш француско-эстонско-русский проект. В 2013 г., благодаря Музею человека, инициативе его сотрудников, и, конечно, Л. Ф. Зурову и Б. В. Вильде, сложился международный форум для сопоставления взглядов ученых, методик и аспектов изучения Печорского края / Сетомаа. Хотя в Эстонии и России по-прежнему видят некоторые аспекты культуры сето и русских по-разному, по-разному интерпретируют локальную этноконфессиональную историю, имеющиеся разногласия не воспрепятствовали профессиональному сотрудничеству и взаимопониманию.

Литература

- Гадло и др. 2004** ■ Гадло А. В., Верняев И. И., Егоров С. Б., Чистяков А. Ю. 2004. Этнография Северо-Запада России (Южные окрестности Петербурга — Приладожье — Центральные районы Псковщины). СПб.: СПбГУ, 2004.
- Гурт 1906** ■ Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия ИРГО. Том XLII. 1905. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 1–22.
- Засецкая 2000** ■ Засецкая М. А. Полуверцы — возможная интерпретация первоначального смысла русского конфессионального экзонима сету // Христианский мир: религия, культура, этнос: Мат-лы науч. конф. / Науч. ред. Т. Н. Дмитриева, И. И. Шангина. СПб.: Изд-во ГМИР, 2000. С. 89–94.
- Засецкая 2011** ■ Засецкая М. А. Роль культурно-гносеологических установок исследователей XIX века в этнической истории сету // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2011. С. 303–320.
- Засецкая 2012** ■ Засецкая М. А. Сетьгола — загадочный летописный народ // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада—2. Пятые Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2012. С. 306–319.
- ИЭОПК 1999** ■ Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999.
- Калинина 2008** ■ Калинина О. В. Миссионерская деятельность русской православной церкви в «полуверческих» приходах Псково-Печерского края (по материалам периодики кон. XIX — нач. XX в.) // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2008. С. 78–87.
- Калинина 2014** ■ Калинина О. В. Этноконфессиональная ситуация в Печорском районе Псковской области во второй половине XX — нач. XXI в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада—3. Шестые Шёгреновские чтения: Сб. ст. и тез. докл. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2014. С. 276–285.
- Калинина 2016** ■ Калинина О. В. О некоторых аспектах религиозной жизни Печорского района во второй половине XX в. // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Nagule / Peatoim N. Kästik ja E. Saar, toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti Keele- ja kultuuriuringute Keskus, Seto Instituut, 2016. LK. 225–252.
- Кольк 1979** ■ Кольк У. Проблемы сетуского многоголосия // Regivärss: Tõid eesti filoloogia alalt, 6. (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 501), 1979. Lk. 90–101.
- Манаков 1995** ■ Манаков А. Г. Расселение и динамика численности сету в XX веке // «Псков»: Научно-практ., историко-краевед. журнал. № 3. Псков: Изд-во ПГПИ, 1995. С. 128–139.
- Манаков 2001** ■ Манаков А. Г. Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографическо-

- го исследования летом 1999 г.) // «Псков». Научно-практ., историко-краевед. журнал. № 14. Псков: Изд-во ПГПИ, 2001. С. 189–199.
- Миротворцев 1860** ■ Миротворцев М. Об эстах или полуверцах Псковской губернии // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. Псков, 1860.
- Новожилов 2003** ■ Новожилов А. Г. Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во второй половине XX в. (Печорский, Пыталовский и Палкинский районы) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Седов. Т. 2. М.: Изд-во МГУП, 2003. С. 89–95.
- Новожилов 2009** ■ Новожилов А. Г. Население Псково-Печорского края как этнолокальная группа // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. СПб., 2009. № 3. С. 94–110.
- Новожилов, Хрущев 2008** ■ Новожилов А. Г., Хрущев С. А. Анализ динамики демографических параметров этнолокальной группы (население Печорского района Псковской области во второй половине XIX — начале XX вв.) // Малые этнические и этнографические группы: Сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / Под ред. В. А. Козьмина. СПб. (Историческая этнография. Вып. 3). 2008. С. 280–307.
- Новожилов, Хрущев 2011** ■ Новожилов А. Г., Хрущев С. А. Псково-Печорский край: эволюция этнолокальной группы и анализ динамики населения в 1990–2000-е гг. // Изборск и его округа: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. 2010–2011 гг. / Ред. кол.: Е. В. Воронкова (отв. ред.), Н. П. Дубровская, М. Н. Макарова. Изборск: ТИПМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”», 2011. С. 135–140.
- НПСВ** ■ «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Вып. 1, 2004; Вып. II, 2007; Вып. III, 2009; Вып. IV, 2011; Вып. V, 2014.
- ОР 1999** ■ Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1999.
- Пино 1972** ■ Пино В. В. О характере и содержании сетуских причитаний // Проблемы изучения финно-угорского фольклора: Сб. ст. Всесоюз. конф. по проблемам изучения фольклора финно-угорских народов; 17–18 сентября 1969 г. / Ред. кол.: В. Я. Евсеев и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 193–202.
- Пихо 1997** ■ Пихо М. Э. Металлические украшения сету XIX — XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Пихо 2002** ■ Пихо М. Серебряные украшения на сетуской свадьбе. // Изборск и его округа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Под ред. В. В. Седова. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 82–93.
- Пихо 2003** ■ Пихо М. Украшения сету XVIII–XIX вв. // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 2 / Ред. кол.: В. В. Седов (отв. ред.) и др. М.: РАН, Министерство образования РФ, Администрация Псковской области, МГУП, 2003. С. 73–82.
- Пихо 2009** ■ Пихо М. О плетеном орнаменте в археологии и сетуской этнографии (взгляд этнографа) // Stratum plus. Культура, археология, антропология. Русское время. № 5. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 449–456.

- Пяртлаас 2005** ■ Пяртлаас Ж. К вопросу о сходствах в сетуской, мордовской и южно-российской песенных традициях // SK, 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja folkloristikast // Koost M. Aun. Tallinn: MTU AK, TLU AI., 2005. Lk. 196–237.
- Пяртлаас 2010** ■ Пяртлаас Ж. О проблеме восприятия и нотации ладов с подвижными ступенями: эксперимент А. М. Листопадова и сетуские архаические звукоряды // Фольклор и мы: традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И. И. Земцовского. Ч. I / Отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб.: РИИИ, 2010. С. 20–32.
- Рихтер 1961** ■ Рихтер Е. В. Материальная культура сету в XIX — начала XX в. (к вопросу об этнической истории сету). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Таллин, 1961. Рукопись диссертации хранится в архиве Института этнологии и антропологии РАН.
- Рихтер 1979** ■ Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arenguajooni 19. ja 20. sajandi / Toim G. Troska. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Tallinn, 1979. Lk. 90–125.
- Рихтер 1985** ■ Рихтер Е. В. Этнодемографические процессы у сету во второй половине XIX — начале XX вв. // Изв. АН СССР, Общественные науки, 1985. 34 (3). С. 260–277.
- Родной наш край** ■ Родной наш край — Печоры. Город Печоры. XX век / Сост. Р. Н. Рогачева. Псков: Издат. Дом «Стерх», 2002.
- Сарв 1986** ■ Сарв В. Причитания невесты у сету // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов / Ред. И. Рюйтель. Таллинн: Ээсти раамат, 1986. С. 272–284.
- ТПОКЭ 1959** ■ Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции / Под общей ред. Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова. Т. 1. Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии. Т. 2. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР. 1959.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Трусман 1897** ■ Трусман Ю. О происхождении Псково-Печерских полуверцев // ЖС. Вып. 1. Отд. 1. 1897. С. 37–48.
- Тынурист 1980** ■ Тынурист И. Сетуская парная флейта // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами: Сб. ст. / Ред. И. Рюйтель. Таллинн: Ээсти раамат, 1980. С. 32–37.
- Хагу 1976** ■ Хагу П. Обряд первого весеннего выгона скота в Сету // Folkloor ja roeetika / Toimetuskolleegium: J. Põldmäe jt. Tartu: TRÜ. 1976. Lk. 3–24.
- Хагу 1983** ■ Хагу П. Аграрная обрядность и верования сету. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии, 1983. Рукопись диссертации хранится в архиве МАЭ РАН.
-
- Annist 2013** ■ Annist A. Heterotopia and Hegemony: Power and Culture in Setumaa // Journal of Baltic Studies, 2013. 44: 2. Lk. 249–269.
- Arukask 2003** ■ Arukask, M. Jutustava regilaulu aspektid: 19. sajandi lõpu setu lürooepiliste regilaulude žanr ja struktuur. (Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis, 3.) Tartu: TÜ Kirjastus, 2003.

- Astel 1982** ■ Astel E. Setu aines Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi kogudes // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi / Koost ja toim J. Linnus. Tallinn: Valgus, 1982. Lk. 92–95.
- Chalvin 2015** ■ Chalvin A. Les Setos d'Estonie. Paris: Editions Armeline, 2015.
- Chata estońska 2000** ■ Chata estońska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicz / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000.
- ERM 100** ■ Eesti Rahva Muuseumi sada aastat. 2009 / Koost Piret Õunapuu. Tartu: ERM, 2009.
- Hagu 1975** ■ Hagu, P. Setu viljakusjumal Peko // Keel ja Kirjandus. 1975. № 3. Lk. 166–173.
- Hagu 1978** ■ Hagu P. Setude etnogeneesi agraartavandi valgusel // Keel ja Kirjandus. 1978. № 10. Lk. 616–623.
- Hagu 1995a** ■ Hagu P. Setukaisten identiteetin ongelmat // Koltat, karjalaiset ja setot: pienet kansat maailmojen rajoilla / Toimit T. Saarinen, S. Suhonen. Kuopio: Snellman-instituutti, 1995. Lk. 169–181.
- Hagu 1995b** ■ Hagu P. Lamenters strategy in the performance of wedding laments // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. 1995. Vol. 51. Lk. 115–124.
- Hagu, Aabrams, 2013** ■ Hagu P, Aabrams V. (Hürda 1886 äästaga Kaük Setomääle). Raasakõisi Setomaalt: Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903: kommentaarõga väällännõq. / Toim P. Hagu, V. Aabrams (Seto kirävara, 6). [Väraska–Tartu]: Seto Instituut, EKM. 2013.
- Hagu, Suhonen 1995** ■ Hagu P., Suhonen S. (Toim). Peko: Setu rahvuseepos = Setukaiseepos = The Setu Epic: Laulanut = Laulunud = Sung by Anne Vabarna. (Snellman-instituutin julkaisuja, A18.) Kuopio: Snellman-instituutti, 1995.
- Hartmann 1860** ■ Hartmann E. Neuhausen und die Pleskauschen Esten // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Est- und Kurlands. Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. 1860. Bd. 34. S. 625–630.
- Heikel 1909** ■ Heikel A. O. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. (Ethnographische Forschungen auf dem Gebiete der Finnischen Völkerschaften, II. Kansatieteellisiä julkaisuja, IV.) Helsingfors: Finsk-Ugriska Sällskapet, 1909.
- Honko et al. 2003** ■ The Maiden's Death Song & The Great Wedding. Anne Vabarna's Oral Twin Epic Written down by A. O. Väisänen / Ed. by Lauri Honko in collaboration with A. Honko and P. Hagu (FF Communications, 281.) Helsinki: Suomalainen Tietekatemia, 2003.
- Hurt 1904** ■ Hurt J. Über die Pleskauer Esten oder die sogenannten Setukesen. Helsingfors, 1904.
- Hurt 1904, 1905, 1907** ■ Hurt J. Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Rāpinā ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I–III. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904, 1905, 1907.
- Jääts 1998** ■ Jääts I. Setude etniline identiteet. (Studia ethnologica Tartuensia, 1.) Tartu: TÜ, 1998.
- Jürgenson 2004a** ■ Jürgenson A. Need teed. Mare Piho dokumentaalsed filmid setodest. // SK, 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost Mare Aun ja Aivar Jürgenson, toim Ivi Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 32–40.
- Jürgenson 2004b** ■ Jürgenson A. Mare Piho — setu kultuuri uurija ja tutvustaja // Ibid. Lk. 9–11.

- Kalkun 2014a** ■ Kalkun A. Fasts and Feasts in Estonians' Representations of the Seto Culture // *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2014. Vol. 8 (1). Lk. 53–73.
- Kalkun 2014b** ■ Kalkun A. Religioossed paastud ja pidustused seto kultuuri representatsioonides // *Keel ja Kirjandus*. № 1. Lk. 1–23.
- Kalkun 2015** ■ Kalkun A. Seto laul eesti folkloristika ajaloos. Lisandusi representatsiooniloole // *Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused*, 33. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2015.
- Kasema, Sarv 1999** ■ Kasema M., Sarv, V. Setu hällitused. (*Ars musicae popularis*, 13.) Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1999.
- Kiristaja 2013.** ■ Kiristaja A. Setomaa kohanimed (Seto Instituudi Toimetised, 1.) [Värskä — Tallinn], 2013.
- Kreutzwald 1848** ■ Kreutzwald Fr. R. Mitteilung über Volkslieder bei den im Pleskauschen Gouvernment angesiedelten Esten, nebst einer Beilage mit Liedeproben. // *Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*, 1848. Bd. II, H. 2. Dorpat. S. 43–62.
- Laid 1937** ■ Laid E. Petseri laat etnograafiliselt seisukohalt // *ERM Ar.* 1937. Vol. XI. Lk. 55–85.
- Loorits 1949–1960** ■ Loorits O. Grundzüge des Estnischen Volksglaubens, I, II, III. (Skripter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs akademien för folklivsforskning, 18:1–III.) Uppsala: Lundequistska Bokhandeln; Köpenhamn: Munksgaard, 1949, 1951/1953, 1957/1960.
- Loorits 1959** ■ Loorits O. About the Religious Concretism of the Setukesians. (*SUS aikakauskirja* 61, 5.) Helsinki, 1959.
- Manninen 1925, 1926** ■ Manninen I. Setude chitused I, II // *ERM Ar.* I. 1925, 53–88; II. 1926. Lk. 103–128.
- Markus 1938** ■ Markus E. Changes on the Estorussian Ethnographical Frontier in Petserimaa // *ÕES Ar.* 1936. Tartu, 1938. Lk. 165–176.
- Metsvahi 2007** ■ Metsvahi M. Indiviid, mälu ja loovus: Ksenia Määrsepa mõttemaailm folkloristi pilgu läbi. (*Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuenssis*, 10.) Tartu: TÜ Kirjastus, 2007.
- Nassar 2016** ■ Nassar E. Seto taresisustuse muutumine ajas // *TÜ LEKKAR*. XV/ XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskä: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 184–224.
- Piho 1992** ■ Piho M. Weiblicher Metallschmuck der Setukesen des 19 — Mitte des 20 Jh. // *ERM Ar.* 1992. XXXIX. S. 72–89.
- Piho 1995** ■ Piho M. Siperian Setukaiset // *Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla / Toimit T. Saarinen, S. Suhonen, Kuopio: Snellman-instituutti*, 1995. 200–219.
- Piho 1996** ■ Piho M. The Setuan breastplate „suur sõlg“ // *Congressus Octavianus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VI. Ethnologia & Folkloristica Moderatores / Red. H. Leskinen et al. Jyväskylä*, 1996. Pp. 338–342.
- Piho 2002** ■ Piho M. Petserimaa venelaste metallehted (16.–20. sajandil) // *ERM Ar.* 2002. 46. Lk. 101–119.
- Piho 2003** ■ Piho M. Setude ehted 17.–19. sajandil // *SK*, 1. Uurimusi Setumaa arheoloogias, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun. Tallinn: TLÜ AI, SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK. 2003. Lk. 183–218.
- Piho 2013** ■ Piho M. Petseri — 20. saj väike Euroopa linn. [Tallinn:] Tänapäev, 2013.

- Piho 2018** ■ Piho M.. Setujen ainellinen kulttuuri // *Vatjalaiset, inkerikot, setut* / Toim R. Grunthal, L. Saersalo, K. Kallio. Helsinki: SKS. (в печати).
- Pino, Sarv 1981, 1982** ■ Pino V., Sarv, V. Setu surnuitkud, I, II / Toim I. Rüütel. (*Ars musicae popularis*, [2–3].) Tallinn: Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1981, 1982.
- PVP 1996** ■ Palve, vanapatt ja pihlakas. Setomaa 1994. aasta kogumisretke tulemusi / Toim H. Valk, E.- H. Västriik. (Vanavaravedaja, 4.) Tartu, 1996.
- Raudoja 2014** ■ Raudoja A. Setomaa. Traditsioonilise arhitektuuri põhijooni. [Värska:] Seto Instituut, 2014.
- Runnel 2002** ■ Runnel P. Traditsiooniline kultuur setude enesemääratluses 1990ndatel aastatel. (*Studia ethnologica Tartuensia*, 7.) Tartu: TÜ, 2002.
- Ränk 1933** ■ Ränk G. Meie idapiiri asustusest. // ERK: Üld majandus- ja kultuuripoliitiline ajakiri. № 3. Lk. 57–62.
- Ränk 1934a** ■ Ränk G. Peipsi kalastusest. (Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, II.) Tartu, 1934.
- Ränk 1934b** ■ Ränk G. Materiaalne Peko // ERM Ar, IX–X, 1933/1934. Lk. 176–203.
- Sarv 2000** ■ Sarv V. Setu itkukultuur. (*Ars musicae popularis*, 14.) Tartu, Tampere: Eesti Kirjandusmuuseum, 2000.
- Schlegel 1823** ■ Schlegel Chr. H. J. Reise über Dorpat und einer Theil des Dörptschen Kreises durch das Pleskowsche, Polozkische und Mohilow'sche Gouvernement im Jahre 1783. (Reisen in mehrere russische Gouvernemenen in den Jahren 1789, 1801, 1807, 1815 und 1830. Bd. II.) Meiningen, 1823.
- Schlegel 1831** ■ Schlegel Chr. H. J. Reise von St. Peterburg nach dem Pleskowischen Gouvernement im Monat Julius 1815. (Reisen in mehrere russische Gouvernemenen in den Jahren 1789, 1801, 1807, 1815 und 1830. Bd. VI.) Meiningen, 1831. S. 75–138.
- Setomaa 1** ■ Setomaa 1. Loodus / Koost M. Külvik, K. Palo, Ivar Puura. Toim K. Palo, H. Kulvik, M. Kulvik, I. Puura, K. Viilma, T. Kaalep, M. Aun. Peatoim M. Aun. 2016. Tartu: ERM, 2016.
- Setomaa 2** ■ Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Koost ja toim H. Valk, A. Selart, A. Lillak, peatoim M. Aun. 2009. Tartu: ERM, 2009.
- Setomaa 2014** ■ Setomaa. Unique and genuine / Toim H. Kulvik. [Värska:] Seto Instituut, 2014.
- Setumaa 1928** ■ Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti III / Toim A. Tammekann, Edg. Kant, J. V. Veski. Tartu: EKS, 1928.
- ST 2011** ■ Setomaa tsässonad / Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen / Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.
- Valk 2008** ■ Valk H. Kiiev setu pärimuses: koopad, käsikivid ja ristikäigud // SK, 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim Ü. Tamla. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 93–141.
- Valk 2016** ■ Valk Ü. Paul Hagu seto lokaaltraditsiooni uurijana // TÜ LEKKK Ar. XV/XVI (SK 7). Puhendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik ja E. Saar, toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu–Värska: TÜ Lõuna-Eesti Keele- ja kultuuriuuringute Keskus, Seto Instituut, Tartu; Värska: TÜ Kirjastus, 2016. Lk. 11–14.

Väisänen 1992 ■ Väisänen A. O. Setumaalta
Harjumaalle: A. O. Väisäsen
tutkimusmatka Viroon vuonna 1913 /

Toim. T. Leisiö. (Tampereen yliopiston
kansanperinteen laitoksen julkaisu, 16.)
Tampere, 1992.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

3.2. Лингвистика и топонимика

417 **Язык сето**

429 Наименования деревень сето
и их возможное происхождение

443 Некоторые особенности лексики и ономастики
русских говоров западной части Псковщины
в свете трудов Л. Ф. Зурова

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования

и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

3.2. Лингвистика и топонимика

■ Язык сето

Карл Паюсалу ■
Перевод с эстонского языка Катрины Кару

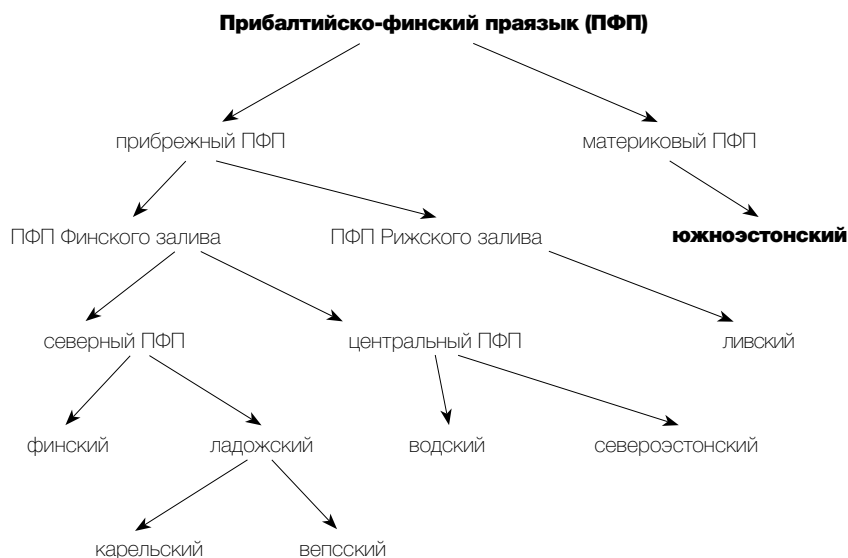
Сето попали в орбиту внимания языковедов в конце XIX в., когда были опубликованы древние сетоские народные песни, отличающиеся архаичностью языка. Первыми учеными, написавшими о сето, были получившие духовное образование исследователи народной культуры и языковеды Юрий (Георг) Трусман (1890) и Якоб Хурт (1904, IX–XI). Изучение языкового своеобразия сето получило новый толчок в Эстонии 1920-х гг., когда Академическое общество родного языка стало издавать образцы письменности сето. Под предводительством профессора эстонского языка Тартуского университета Андруса Сааресте был собран большой корпус лексики сетоского языка. Лингвистическое своеобразие сето изучал также специалист в области прибалтийско-финских языков профессор Юлиус Мягисте. Развитием языка сето активно занимался молодой лингвист Паулоприйт Воолайне, который также редактировал переведенное на сето Эрнстом Пуусепшом и изданное в 1926 г. Евангелие (*Pühä Evangeelium* 1926). После Второй мировой войны о сетоском диалекте писал, а также издавал тексты с комментариями эмигрировавший в Швецию Юлиус Мягисте (1977), обзор лексики выпел в 2007 г. под редакцией Марики Фастер. Позднее профессор Тартуского университета Тийт-Рейн Вийтсо изучал фонетическую систему языка сето (1990a, 1990b), морфологией глагола занимался Юло Тоомсалу (1995), русские заимствования в сетоском диалекте подробно рассмотрены Мари Муст (2000). В настоящее время в сотрудничестве между Институтом эстонского языка и Тартуским университетом составляется большой словарь языка сето. Обзоры особенностей языка сето и истории его исследования составлял также и автор настоящей статьи (2009).

■ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА СЕТО

Сетоский идиом принадлежит к числу южноэстонских диалектов и является самой восточной ветвью южноэстонского наречия, входящего в прибалтийско-финскую группу финно-угорской языковой семьи. Южноэстонское

наречие значительно отличается от других прибалтийско-финских языков, а сетоский идиом сохранил множество древнейших южноэстонских черт. Таким образом, не только благодаря самобытной традиционной культуре, но и с лингвистической точки зрения, сето можно считать одной из наиболее своеобразных этнических групп среди прибалтийско-финских народов. Примечательно, что и культура, и образ жизни, и окружающая природа находят уникальное отображение в языке сето.

На раннее происхождение южноэстонского языка по отношению к другим прибалтийско-финским языкам (финский, карельский, вепсский, водский, североэстонский, ливский) неоднократно указывали известные финноугроведы, такие как Пекка Саммаллахти и Тийт-Рейн Вийтсо. Финский историк языка Перти Каллио выделяет в едином прибалтийско-финском праязыке два древнейших диалекта — прибрежный и материковый (2012). На базе прибрежного диалекта сформировались все известные в настоящее время прибалтийско-финские языки за исключением южноэстонского, восходящего к материковому. Можно полагать, что на основе материкового диалекта развились и другие родственные языки, однако они не сохранились: первоначальные прибалтийско-финские племена либо исчезли с восточного берега Чудско-Псковского озера, либо были ассимилированы соседями.

Генеалогическое древо прибалтийско-финских языков (по: Kallio 2012)

В диалектах сето хорошо сохранились черты, указывающие на архаичность южноэстонских диалектов, как на фонетическом, так и на грамматическом и лексическом уровнях (Pajusalu ja järg. 2009. Lk. 187–190). Например, южноэстонской фонетической особенностью, особенно ярко выраженной у сето, являются ларингальные (глоттальные) согласные. Смычные ларингалы выступают как показатели именительного падежа множественного числа: *kõtu*² ‘животы’, *latsõ*² ‘дети’, в других прибалтийско-финских языках признаком множественного числа именительного падежа выступают *t* или *d*, ср. фин. *kohut*, *lapset*, эст. *kõhud*, *lapsed*. Помимо смычного ларингала, для артикуляции которого характерна резкая гортанная смычка, для сетоской фонетической системы характерен также сильный *h*, на месте праприбалтийско-финского **h* в позиции на конце слова, напр., *imeh* ‘чудо’ (< **imeš*, эст. *ime*, фин. *ihme*), *pereh* ‘семья’ (< **pereš*, эст. *pere*, фин. *perhe*). Таким образом, артикуляционно сетоский идиом разнообразнее других прибалтийско-финских языков.

Особенностью вокализма южноэстонских диалектов, в т. ч. сетоского, является высокая частотность нелабиализованных гласных среднего подъема. В северных прибалтийско-финских языках таких гласных нет, в североэстонских диалектах, а также в литературном эстонском языке есть один гласный средне-верхнего подъема; в восточной части южноэстонской диалектной зоны, в том числе в сетоском диалекте, различаются *õ* [ɤ] средне-верхнего подъема как в слове *põlv* ‘колена’ (лит. эст. *põlv*), и сходный с русским *ы* гласный верхнего подъема *y* ([ɯ]), так называемый задний *ɨ*, как в слове *syna* (лит. эст. *sõna*). В результате веларного сингармонизма *õ* [ə] появляется на месте *e* [e] в не первых слогах слов с основой с заднерядным гласным, напр., *panõ* ‘положи’ (лит., эст. *paņe*), *hõbõ* ‘серебро’ (лит. эст. *hõbe*) (ср. *sääne* ‘такой’ (лит. эст. *selline*), *sāde* ‘искра’ (лит. эст. *sāde*). Однако *õ* не первых слогов качественно отличается от *õ* первого слога, представляя собой скорее «шва»-образный звук. Для языка сето в целом характерны последовательная гармония гласных и многие другие типичные финно-угорские фонетические признаки.

Также хорошо сохранились архаичные южноэстонские черты в сетоской морфологии. Как для южноэстонского наречия в целом, так и для сетоского идиома в частности характерны два типа спряжения глаголов. Первоначально различие между ними было обусловлено семантически: так, форма 3-го лица единственного числа переходных глаголов, как правило, не имеет формального показателя, напр., *and* ‘дает’ и *tege* ‘делает’ (лит. эст. *annab*, *teeb*); показателем соответствующей формы глаголов среднего залога является *-s*, восходящий к окончанию *(*ē*)sen, напр., *elās* ‘живет’, *jääs* ‘остается’ (лит. эст. *elab*, *jääb*). Потому наблюдаются локальные общности черты в речи жителей Ряпина и севера Сетомаа, жителей Вастселийна и запада Сетомаа. Именное склонение в южноэстонских диалектах примечательно своеобразием форм местных падежей. В иллативе, обозначающем направление, сетоский идиом

сохранил суффикс *-he*: *päiv lätt jumalibe* ‘солнце идет в бога, т. е. заходит’ (лит. эст. *päike läheb jumalasse*), *tulõ tulõmabe* ‘начинай идти’ (лит. эст. *tule tulema* или *hakka tulema*). Нахождение внутри объекта выражается показателем инессива *-b(h)*: *küüläh* ‘в гостях’, *süämeb* ‘в сердце’ (лит. эст. *küülas, südamas*). Древний финно-угорский падеж места и состояния — эссив — уподобился инессиву, напр., традиционное благопожелание *olõ terveb ~ tervebnä* ‘будь здоров[ым]’ (лит. эст. *ole tervena*).

Лексический фонд южноэстонского наречия в целом и сето, в частности, сохранил немало единиц, не отмеченных в других прибалтийско-финских языках, но известных неблизкородственным финно-угорским языкам, напр., *pähn* ‘липа’ (лит. эст. *pärn*), ср. эрзян. *pekše*, *mõskma* ‘мыть, стирать’ (лит. эст. *pesema*), ср. эрзян. *muškems*, *tsura* ‘юноша, (молодой) мужчина’ (лит. эст. (*noor mees*)), ср. эрзян. *tsora* и др. Наряду с ними представлены древние балтийские и германские заимствования и разные пласты заимствований из славянских языков, среди которых выделяются заимствования из древнерусского, напр., *luits* ‘ложка’ (лит. эст. *lusikas*), *sääs* ‘сежа, рыболовная снасть’ (лит. эст. *kalatõke*) и др.

Мари Муст в обширном монографическом исследовании выделяет шесть хронологических пластов славянизмов в эстонских диалектах: 1) древнейшие заимствования первого тысячелетия — невозможно установить к какой форме праславянского языка они восходят; 2) восточнославянизмы второй половины первого тысячелетия; 3) древнерусские заимствования XI–XIV вв.; 4) более поздние русские заимствования XV–XVII вв.; 5) заимствования XVIII в.; 6) позднейшие заимствования из русского языка XX в. (Must 2000. Lk. 11, ja järg lk.). В сетоском диалекте выразительно представлены все эти лексические пласты.

■ ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЮЖНОЭСТОНСКОГО НАРЕЧИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОВОРОВ СЕТО

Распадение южноэстонского языкового массива началось не позднее второй половины первого тысячелетия, когда из него выделились восточный и западный диалекты. Позднее на северо-западе восточной диалектной зоны сформировался тартуский диалект, а на юго-востоке — выру-сетоский. Последний включал в себя западный вырусский и восточный сетоский диалекты. Традиционно эстонские диалектологи рассматривали сетоский диалект как одну из форм вырусского диалекта, обосновывая это значительной схожестью грамматических систем. Близость диалектов ощущается очень четко: вырусские лютеране и православные сето без труда понимают друг друга, затруднения могут вызывать лишь отдельные лексемы, впрочем, немного-

численные. С другой стороны, вырусцы опознают сето уже по нескольким фразам, и сето прекрасно понимают, имеют они дело с сето или носителем вырусского диалекта. Распознавание, однако, происходит главным образом по особенностям произношения.

Действительно, основные различия между вырусским и сетоским диалектами лежат в области фонетики. Фонетические различия проявляются и в некоторых частотных словах и формах, превратившихся в социолингвистические маркеры, т. е. формы, позволяющие идентифицировать говорящего. Например, если носитель вырусского диалекта часто произносит *är*[?] ‘не’, *egä* ‘каждый’, *et* ‘что’, *hää* ‘хороший’, *bäste* ‘хорошо’ (лит. эст. *ära, iga, et, bea, hästi*), то сето отвечает формами *ar*[?], *õga, õt, hüä, hõste* и т. д.

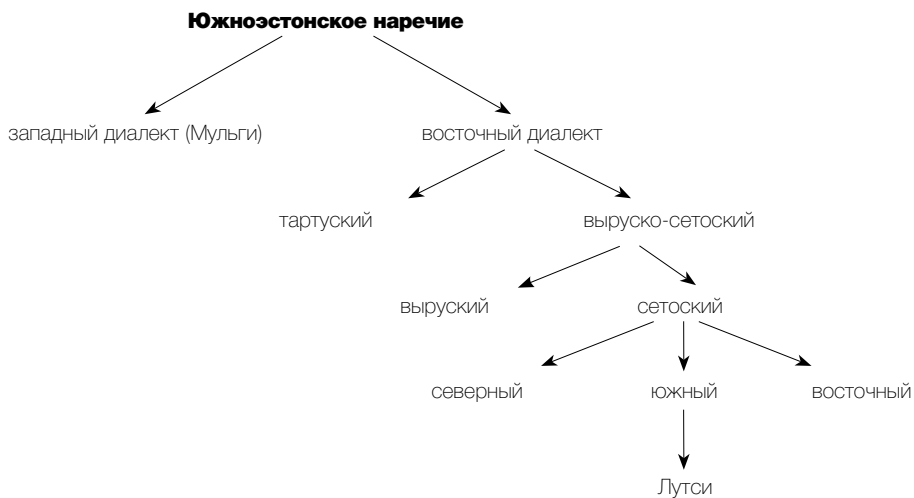
На грамматическом уровне сетоский и вырусский диалекты обнаруживают существенно меньше различий. В словоизменении наиболее яркой чертой сето является показатель транслатива *-t*, совпадающий с соответствующим показателем в западных и северо-западных диалектах североэстонского наречия, напр., *and’ist* ‘в дар’ (лит. эст. *andeks*), *kinäst* ‘(стать) красивым’ (лит. эст. *kenaks*), *tsirgust* ‘(стать) птицей’ (лит. эст. *linnuk*s).

На лексическом уровне диалект сето отличается от вырусского прежде всего обилием заимствований из русского языка (см.: Must 2000), напр., *ambar* ‘амбар’, *angel* ‘ангел’, *hiitra* ‘хитрый’, *paaba* ‘баба’, *tsasson* ‘часовня’, *tseesna* ‘честный’, *vaalka* < диал. валёк, сволочок’ и мн. др.

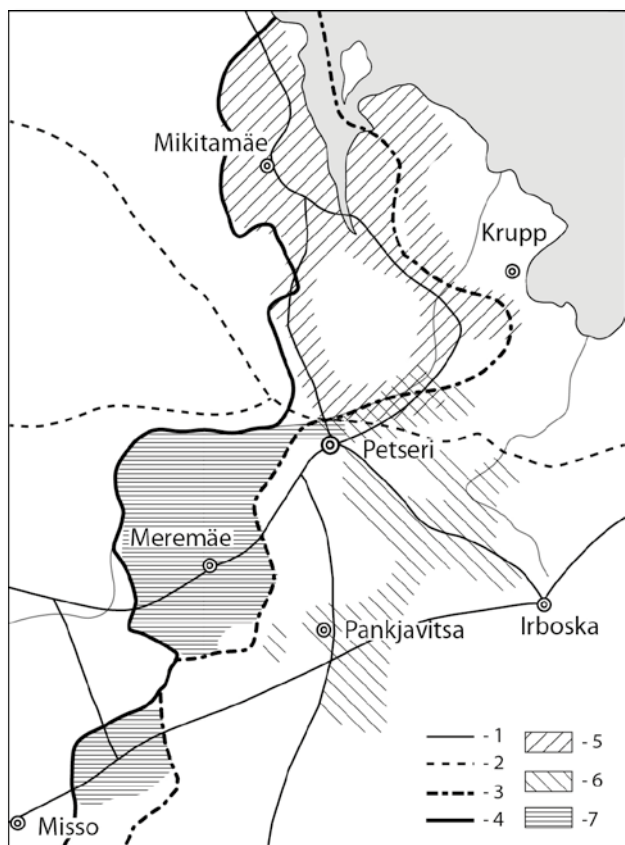
Даже с учетом всего объема различий грань, разделяющая вырусский и сетоский диалекты, менее четкая, чем между вырусским и — более северным — тартуским диалектами (см. Rajusalu 2003).

Закономерно, наиболее тесно общение носителей сетоского и вырусского диалектов происходило там, где они непосредственно соседствовали. Потому наблюдаются локальные общие черты в речи жителей Ряпина и севера Сетомаа, жителей Вастселийна и запада Сетомаа. Такие черты выявляются при внутреннем анализе сетоского диалекта. За последние столетия он распался на три диалекта — северный, западный и восточный. В пределах каждого из них выделяются говоры, объединяющие несколько деревень.

Тем не менее возможно, что наиболее ранние различия между северосетоским (западное побережье Псковского озера), южносетоским (окрестности Печор и территории, примыкающие с запада и юга) и восточносетоским диалектами (окрестности Изборска) уходят корнями в глубокую древность. Также не вполне ясно, когда возникли близкий восточно-сетоскому диалекту языковой остров Краасна (в окрестностях поселка Красногородское, к югу от Пскова), и близкий южносетоскому диалекту языковой остров Лутси (окрестности города Лудза, Восточная Латвия). Если возникновение языкового острова Краасна связывается с переселением крестьян во время

Диалектное членение южноэстонского наречия

Говоры

сетоского диалекта.

Составитель: К. Паюсалу.

Оформление:

М. Смирнова.

Условные обозначения:

- 1** — дорога; **2** — железная дорога; **3** — государственная граница Эстонской Республики и Российской Федерации; **4** — западная граница Сетомаа;
- 5** — северосетоский говор;
- 6** — южносетоский говор;
- 7** — восточносетоский говор

Северной войны в начале XVIII в., то языковой эксклав Лутси представляется, по крайней мере частично, более древним (см. Pajusalu ja järg. 2009).

Северосетоский диалект, распространившийся на территории до Теплового и Псковского озер, иначе можно назвать береговым. Представленные здесь любопытный пласт рыболовецкой лексики и новые формы были освоены в процессе общения с живущими по соседству русскими рыбаками: во многом северосетоский диалект можно рассматривать как часть причудско-псковского языкового союза. Северосетоский диалект имеет ряд особенностей, сближающих его как с ряпинским говором вырусского диалекта, так и с причудским говором Вынну тартуского диалекта. Сетоский эпос (Hagu, Suhonen 1995) создан на северосетоском диалекте, на него же опирается книга для чтения в двух частях: «Seto lugõmik I» (1922) и «Kodotulõ'. Seto lugõmiku. II osa» (1924). Южносетоский диалект, называемый исследователями также средне- или западносетоским, во многом схож с говором Вастселийна южновырусского диалекта. Южносетоскую зону характеризует сохранение множества архаичных форм, и в то же время меньшее, чем в северосетоском диалекте, число инноваций. Типичный образец южносетоского диалекта представлен в переведенном на сето Эрнстом Пуусепом «Святом Евангелии» («Pühä Evangeelium», 1926; 2013, переиздано с исправлениями). Новая литература на сето, издаваемая с 1990-х гг., также преимущественно ориентируется на южный диалект.

Восточносетоский диалект был утрачен раньше других. Сохранились лишь немногочисленные образцы, — главным образом, в фольклорных произведениях, созданных в данном ареале. Тем не менее, можно выделить несколько архаичных и уникальных черт, характерных именно для этого диалекта (Pajusalu ja järg. 2009. Lk. 190).

Говор языкового острова Краасна, который был ближе всего восточносетоскому диалекту, в настоящее время известен прежде всего благодаря книге Оскара Калласа «Крестьяне Краасна» (Kallas 1903). При этом говор Краасна — чрезвычайно важная составляющая для выявления древнейших сетоских изоглоссов.

■ САМОНАЗВАНИЯ СЕТО

Первые упоминания самоназвания — *semo/seto* — относятся лишь к XIX в. (Sarg 1998). До этого сето были известны как псковские эстонцы, поскольку жили они в пределах Псковской губернии.

Вопрос о происхождении этнонима *semo/seto* до сих пор остается дискуссионным. К области народной этимологии следует отнести не лишнее остроумности толкование, что этноним *se-to* возник путем сложения частот-

ных у сето указательных местоимений *se(e)* «этот» (на самом деле сето произносят его как *śeo*) и *to(o)* «тот» (сето произносят *tuu*). Сомнения вызывает и этимология Юлиуса Мягисте, который возводит *seto* к нерегулярной форме партитива местоимения *śeo* с геминатой *-set(t)ä* (см.: Mägiste 1977. Lk. 23). Еще один возможный этимон — парное к слову *mitu* «несколько, много» слово *setu*, также восходящее к местоимению с кванторным значением «представленность чего-л. в ограниченной степени».

Вопрос, является ли слово *seto* производным или представляет собой исконный (непроизводный) этноним, на основе языковых данных, которыми мы располагаем в настоящее время, решить невозможно.

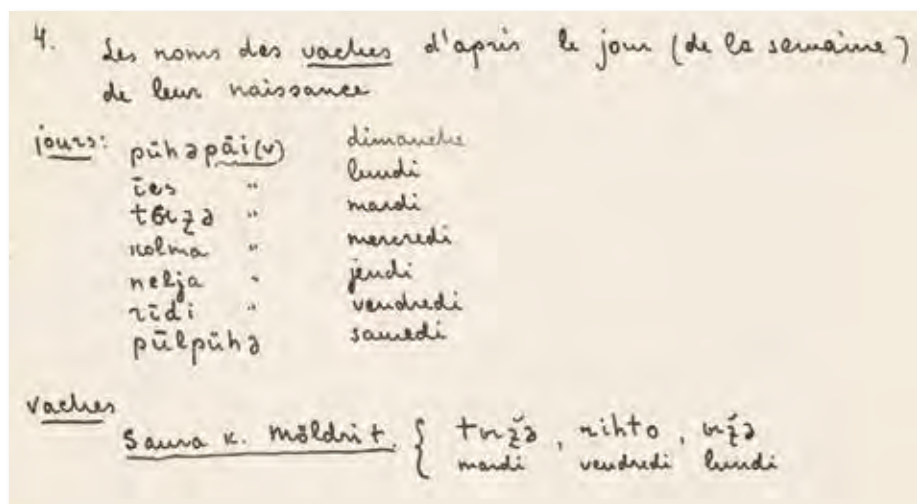
■ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СЕТО В ПОЛЕВЫХ ЗАМЕТКАХ БОРИСА ВИЛЬДЕ

Экспедиционные материалы Бориса Вильде среди прочего содержат и некоторое количество сетоских топонимов, слов, выражений, отдельных предложений и фрагментов фольклорных произведений. Большая их часть обнаруживается в полевых заметках и каталожных карточках к собранным предметам; из лексикографических карточек, составленных для запланированного словаря сето, сохранилось лишь шесть.

Наибольший интерес в собранном лексическом материале представляют описания этнографических предметов и их частей. Записи Вильде делал на слух, не учитывая письменной традиции. Так, напр., название традиционной сетоской рубахи он фиксирует как *hamä^h* или *hamä^r* (ожидаемо *hamöb* или *hamö^r*), обозначив во втором слоге гласный среднего ряда — по-видимому, редуцированный, — знаком *ä*.

Возможно, обозначение конечного ларингала в этом слове двумя разными способами отражает вариативность произношения в разных сетоских деревнях. Смещенный вперед в результате палатализации звук *a* Вильде также записывает при помощи знака *ä*, напр., *k'irä* 'письма' (лит. эст. *kirjad*). Вопреки ожиданиям показатель множественного числа — ларингальный смычный согласный — в записи этого слова не отражается: по-видимому, в беглой речи он мог произноситься нечетко. В целом отражение Вильде на письме сетоского материала можно признать довольно систематизированным и точным.

На хорошее знание языка и фонетическую точность Б. Вильде указывает и частое различие им на письме долгих и сверхдолгих звуков. Тернарная оппозиция звуков по количеству, характерная для южной группы прибалтийско-финских языков, находит отражение и в записях Вильде: характерную для языка сето так называемую короткую геминату он обозначает написанием согласного второго слога выше уровня строки, напр.,

Карточка с наименованиями дней недели, составленная Б. Вильде

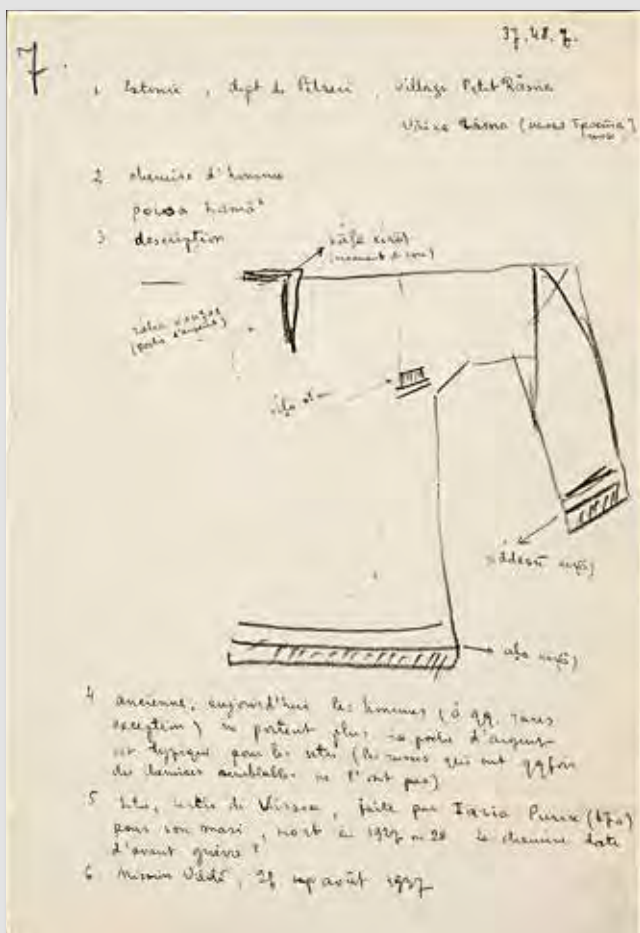
для сетоского словаря; одна из шести сохранившихся.
 MNHN-MN ETHNO EUR 205 (5). ■ НМЕМ, Центральная библиотека

hik^ko [hik^ko?] «точить» (лит. эст. *ihuda*), так называемые краткие дифтонги он иногда обозначает написанием выше уровня строки второго компонента дифтонга напр., *köö^ode* [köö^ode] ‘перевясло’ (лит. эст. *side*).

Б. Вильде также снабдил подписями на сетоском языке изображения традиционных предметов быта и одежды. Хорошим примером может быть описание мужской рубашки, сделанное на восточном берегу залива Вярска в деревне Вийко-Рысна, т. е. на территории распространения северосетоского диалекта. В качестве наименования предмета обозначена *põissa hāmä*^b «мужская сорочка» (лит. эст. *poiste särk*). Словоформа *põissa* здесь отражает характерную для сето форму множественного числа на *-a*. Рисунок сопровождается подписями к декоративным деталям: вокруг ворота — *kāla kir(ä)* ‘ожерелье’, букв. ‘узоры ворота’ (лит. эст. *kaelakirjad*), по краю рукава — *kādesü kir(ä)* ‘узоры по краю рукава’ (лит. эст. *käiseotsa kirjad*), по нижнему краю — *ala kir(ä)*, букв. ‘нижние узоры’ (лит. эст. *alumised kirjad*). Кроме того на рисунке отмечены *silo ot’sa* ‘край подола’ (лит. эст. *siilu otsad*) и *taha kangas* «кошелек» букв. ‘карман для денег’ (лит. эст. *rabatasku*).

Кроме этнографических описаний предметов материалы Вильде содержат также лексику, связанную с повседневной хозяйственной деятельностью, напр., *kirvest hik^ko* ‘точить топор’ (лит. эст. *kirvest ihuda*). Он же дал детальное описание некогда столь важного для сето процесса выращивания и обработки льна, приведя соответствующую лексику.

В сетоском словарном собрании Вильде встречаются как архаичная южноэстонская лексика, напр., *kerk* ~ *kirk* ‘скамейка’ (лит., эст. *pink*), *kärbä*

Карточка сетоской мужской рубашки

(MNHN, № 37-48-07),
написанная Б. Вильде.
Д. Вяйке-Рысна
(рус. Малая Троста).
MNHN-MH ETHNO EUR 177.
■ НМЕИ, Центральная библиотека

1. Эстония, Печорский уезд, деревня Вяйке Рысна (рус. Малая Троста)
2. Мужская рубашка *poisa hamä*
3. Описание. Рисунок рубашки: *K'ala kir(ä)* орнамент ворота; *Raha kauk(g)as* карман для денег *S'ilo ot'sa* край подола; *Kädesü kir(ä)* узоры по краю рукава; *Ala kir(ä)* нижние узоры (сетоское название для декора подола рубахи. – Прим. ред.)
4. Старинная, сейчас мужчины за редким исключением ее больше не носят. Карман для денег типичен для сету (русские, у которых есть некоторые похожие рубашки, такого не имеют)
5. Сету, округ Вярска, шита Тарьей Пурик 67 лет отроду, для ее мужа, умершего в 1928 или 1929 гг. Рубашка обладает целительным даром?
6. Экспедиция Вильде, 26 августа 1937

‘прясла’ (лит., эст. *kärbised*), (*lina*) *kuuke* ‘коробочка (льна)’ (лит., эст. *kupar*), *teutsemise kivi* или *tabk* ‘оселок’ (лит., эст. *luis*), *varõkaetus* ‘зеркало’ (лит. эст. *reegel*), *võisme* ‘масло’ (лит., эст. *või*), оригинальная лексема *tsõruspää* ‘связанные вместе 100–200 вязанок льна’, так и характерные для сетоской речевой практики фонетически адаптированные русские заимствования: *keruusa puu* ‘груша (дерево)’ (лит. эст. *pirnipuu*), *pridana* ‘приданое’ (лит. эст. *kaasavara*), *tsert* < рус. черта? ‘черта, проведенная отволокой на бревне, отволока’ и под. Несомненно, заметки, сделанные Борисом Вильде на сетоском диалекте, заслуживают самостоятельного детального рассмотрения.

Литература

- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62
-
- Hagu, Suhonen 1995** ■ Hagu P., Suhonen S. (Toim). Peko: Setu rahvusepos = Setukaiseepos = The Setu Epic: Laulanut = Laulnud = Sung by A. Vabarna. (Snellman-instituutin julkaisu, A18.) Kuopio: Snellman-instituutti, 1995.
- Hurt 1904** ■ Hurt J. Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904.
- Kallas 1903** ■ Kallas O. Kraasna maarahvas. Helsingi: SKS, 1903.
- Kallio 2012** ■ Kallio P. The Prehistoric Germanic Loanword Strata in Finnish. // A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe / Ed. by R. Grünthal, P. Kallio. (SUS Toimituksia 266). Helsinki: SFO, 2012. Pp. 225–238.
- Must 2000** ■ Must M. Vene laensõnad eesti murretes. Tallinn: EKS, 2000.
- Mägiste 1977** ■ Mägiste J. Setukaistekstejä. (SUS Toimituksia 159). Helsinki, 1977.
- Mägiste 2007** ■ Mägiste J. Seto sõnastik // Võro Instituudi Toimõndusõq, Nr. 19 / Toim M. Faster. Võro: Võro Instituut, 2007.
- Pajusalu 2009** ■ Pajusalu K. Setu murra-kurühm // Pajusalu K., Hennoste T., Niit E., Päll P., Viikberg J. Eesti murded ja kohanimed / Toim T. Hennoste. T. 2. Tallinn: EKS, 2009. Lk. 187–190.
- Pajusalu ja järg. 2009** ■ Pajusalu K., Hennoste T., Niit E., Päll P., Viikberg J. // Eesti murded ja kohanimed / Toim T. Hennoste. T. 2. Tallinn: EKS, 2009. 2 trükk.
- «Pühä Evangeelium» 1926** ■ Mii' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium: Matteusõ, Markusõ, Luukasõ ja Johannösõ kirotoõ. Seto kildle ümbre pannu' Ernst Puusepp. Keele poolõst õionduisi tennü' P. Voolaine. (Akadeemilise Emakeele Seltsi toimetused, XIV.) Tartoh, 1926.
- Sarv 1998** ■ Sarv V. Etnonüümid ja setu identiteet // Keel ja Kirjandus, 1998. Nr. 7, Lk. 302–314.
- Toomsalu 1995** ■ Toomsalu Ü. Setu verbi grammatika ja sõnastikud // Keele ja Kirjanduse raamatusari, Tallinn: Ajakiri «Keel ja Kirjandus», 1995.
- Vitso 1990a** ■ Vitso T.-R. Stress and quantity in North Setu (South Estonian) // Linguistica Uralica, 1990. Nr. 2. Pp. 81–88.
- Vitso 1990b** ■ Vitso T.-R. Vowels and consonants in North Setu (South Estonian) // Linguistica Uralica, 1990. Nr. 3. Pp. 161–172.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

3.2. Лингвистика и топонимика

417 Язык сето

429 Наименования деревень сето
и их возможное происхождение

443 Некоторые особенности лексики и ономастики
русских говоров западной части Псковщины
в свете трудов Л. Ф. Зурова

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования

и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Наименования деревень сето и их возможное происхождение

Арвис **Киристая** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В Сетомаа находится более 250 деревень, общая картина названий которых сравнительно различна и многообразна (см. карту на с. 431–433). Впервые сетоские деревни перечислил в 1849 г. Фридрих Рейнгольд Крейцвальд, у него их получилось 264 (Ernits 2012. Lk. 37). Один старик из деревни Ройкино/*Rokina* еще в 1848 г. говорил Крейцвальду, что сето жили на своей земле «со времен начала мира» (Рихтер 1959. С. 397–398, прим. 6). На основании данных 1885 г. в списке Юрия Трусмана (Трусман 1890. С. 55–59) было примерно 260 сетоских деревень. В статье Трусман поддерживает версию автохтонного происхождения сето (Там же). Позже он формулирует новую версию о метизации коренного населения и переселенцев, в основном из Лифляндии (Трусман 1897. С. 37). Согласно расчетам Якоба Хурта 1902 г. насчитывалось примерно 260 сетоских деревень (Hurt 1904. Lk. XXV). Хурт считал сето коренными жителями региона, с которыми смешались более поздние иммигранты из Вырумаа (Hurt 1989. Lk. 145–149). Опираясь на данные 1930–1939 гг. Юлиус Мягисте утверждал, что из примерно 250-ти сетоских деревень у 90-ти были эстонские названия — эстонские имена «проникли» сюда вместе с более поздними поселенцами в основном из Вырумаа (Mägiste 1957. Lk. 172, 173). Автор утверждал, что сето — это эстонцы, которые на протяжении последних 300–400 лет бежали с юго-востока Эстонии на Псковские территории (Ibid., Lk. 170).

■ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТОПОНИМИКИ СЕТО

Свой вклад в исследование названий мест — топонимику, а также гидротопониимику и микротопониимику — внесли названные выше исследователи. Из эстонских авторов данную тему рассматривали позже еще Яак Симм, Пеэтер Пялль, Эвар Саар, Марико Фастер и многие другие, из русских авторов — Иван Васильев, а в последующий период — Людмила Марасинова, Сергей Мельников, Руфь Агеева, Александр Попов и др. Большой вклад в

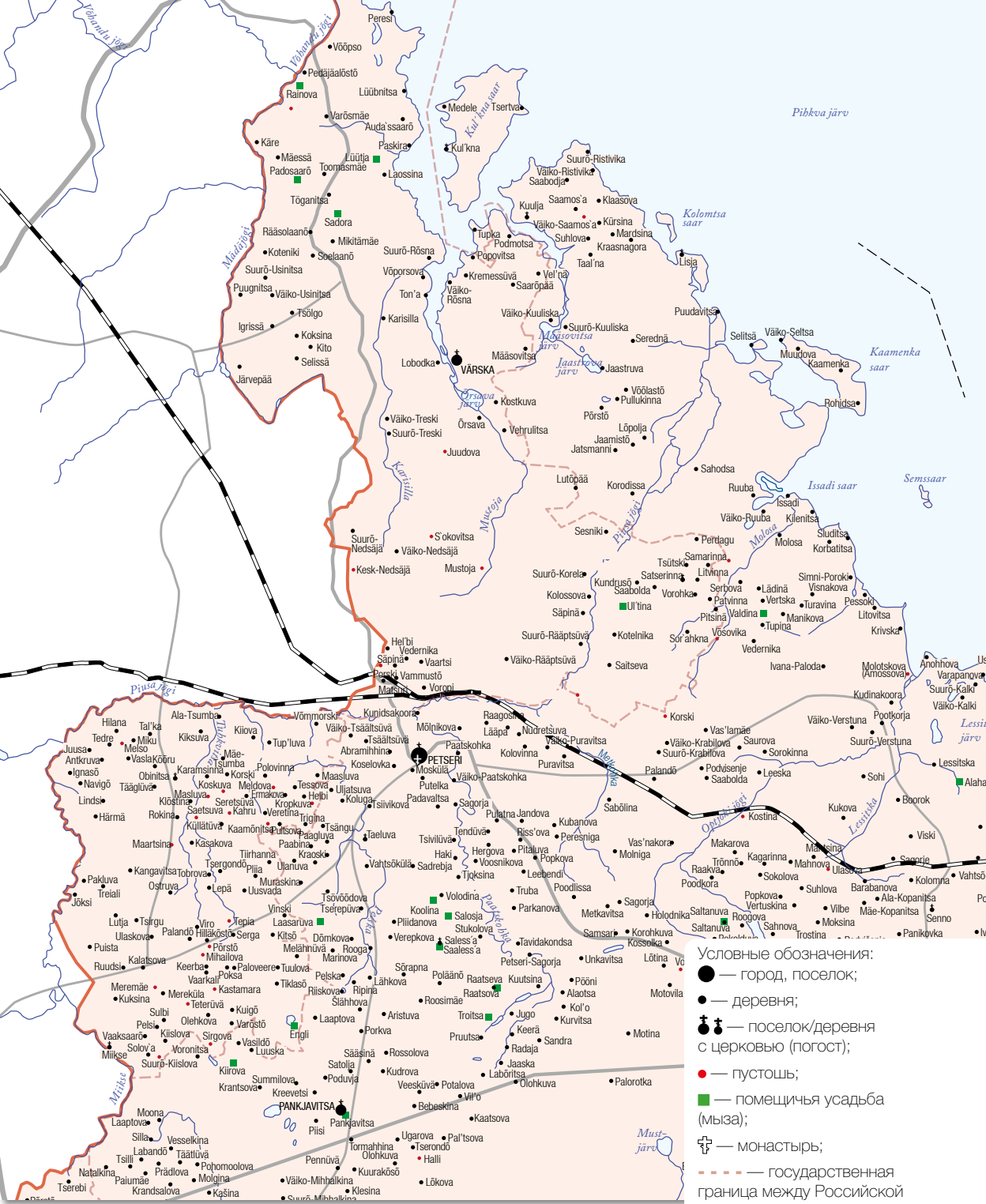
исследование Сетомаа (а также Псковской губ. и территорий, расположенных за Чудским озером) внес Ю. Трусман, чьи работы (1890, 1897 и др.) являются актуальными по сегодняшний день. В 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. местную обрядность, речь и топонимику записывал во время своих исследовательских поездок и Леонид Зуров. Если в материалах экспедиции 1928 г. в Сетомаа записи по топонимике у Зурова отсутствуют, то в экспедиционных материалах 1935 г. имеются записи об окрестностях Митковиц и Малов (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 4, 5). В 1937 г. Зуров собирал данные о топонимике Петсеримаа вместе со студентами Тартуского университета во главе с профессором языкознания Пеэтером Арумаа. Они посетили окрестности Печор/*Petseri*, Изборска/*Irboska*, Сенно и Лавры, сетоские деревни волости Вило (Паниковской) и побережье Псковского озера. В том же году запись топонимики прибрежных регионов (Обозерье) вел и Борис Вильде. В следующем, 1938 г., Зуров собирал сведения о топонимике в окрестностях Печор, Тайлово/*Taeluva*, Изборска, Лезги/*Leeska* и Паниковичей/*Pankjavitza* (см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 10 и др.).

■ «УГЛЫ» В СЕТОМАА

Сето делили Сетомаа на 12 «углов» (*nulke, kolk*), или нулков (см. Hurt 1904; Hõrn 2009). Сетоский нулк состоял примерно из 20 деревень (Lillak 2009. Lk. 320). В каждом нулке был свой идентитет: свои обычаи, одежда, песни и особенности речи (подробнее: Hurt 1904; Трусман 1890; Setumaа 1928 и др.). В нулки могли входить помимо сетоских и расположенные в том же регионе деревни с частично сетоским населением, а также обрусевшие сетоские деревни (Kiristaja 2009). Два нулка — Изборск и Серитса/*Seeridsä* — полностью и нулк Саурово/*Saurova* расположены сегодня большей частью на территории России; нулки Зачеренье/*Satserinna*, Забельск/*Üle-Pelska*, Лухамаа (1890, Лом/*Luhamaa*), Ваксары/*Vaaksaarõ* и Голинно/*Koolina* в основном — на эстонской стороне. Только нулки Полода/*Poloda*, Раква/*Raakva* и Мокролуг/*Mokornulke* находятся полностью в эстонской части Сетомаа (см. Kiristaja 2013. Lk. 5–8).

■ ГРУППЫ НАЗВАНИЙ МЕСТНОСТЕЙ СЕТОМАА

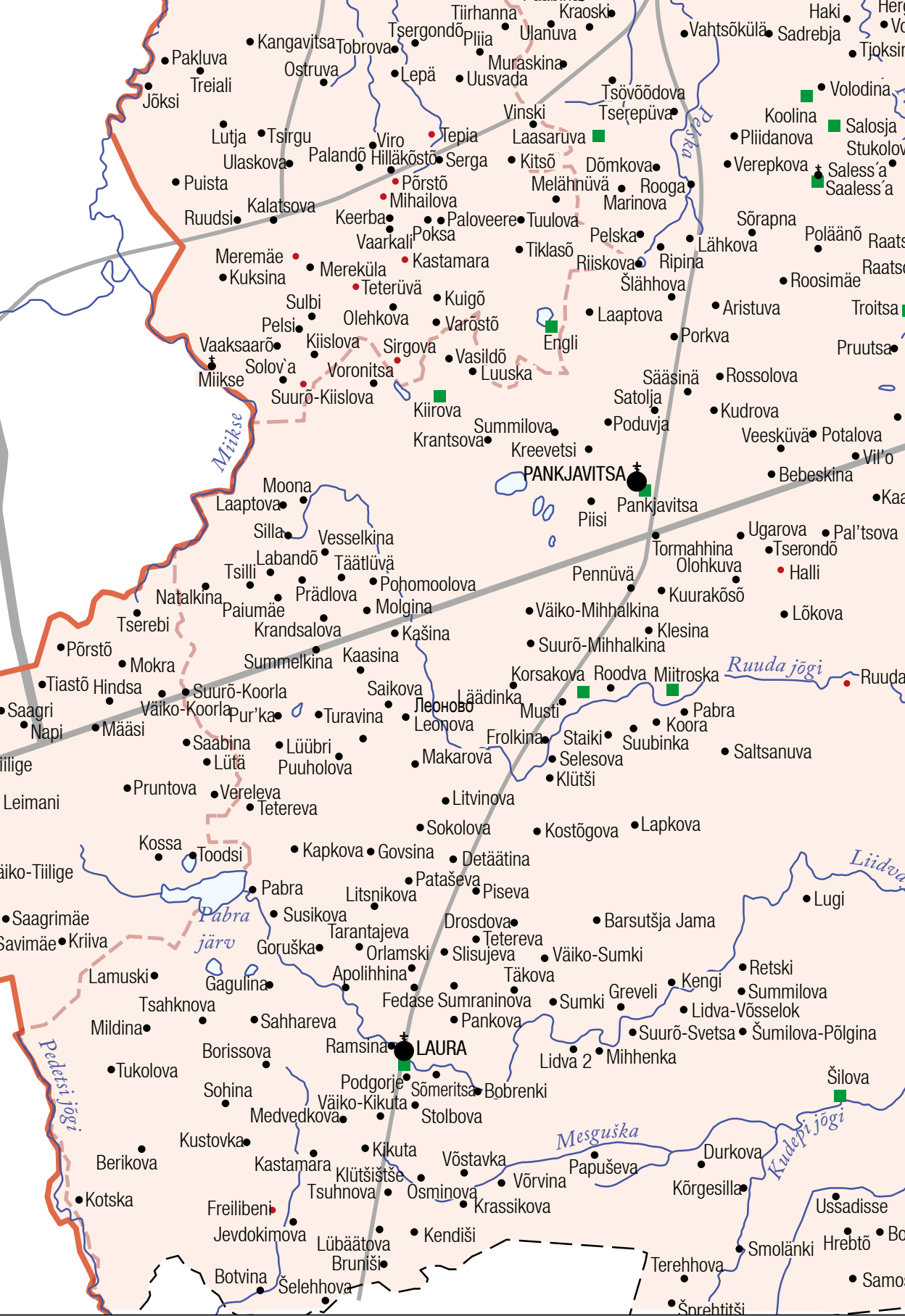
Топонимы Сетомаа можно разделить на несколько групп. Факторами, оказавшими влияние на их образование, могли быть, с одной стороны, как русское, так и православное культурное пространство, а с другой — культурное пространство южно-эстонского языка. Свою роль сыграло и влияние старой

Топонимы на исторической территории Сетомаа.

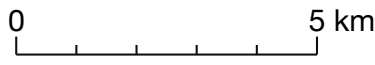
Составитель: А. Киристая. Оформление: Я. Ратас

0 5 км

- Условные обозначения:
- — город, поселок;
 - — деревня;
 - ✙ ✚ — поселок/деревня с церковью (погост);
 - — пустошь;
 - — помещичья усадьба (мыза);
 - ✙ — монастырь;
 - - - - - государственная граница между Российской Федерацией и Эстонской Республикой

католической веры (и святых), но представляется, что еще более древней основой является топонимика прибалтийско-финского и финно-угорского происхождения. Далее сделана попытка выделить группы топонимов Петсеримаа, опираясь в основном на труды Симма (Simm 1970b), Фастер (Faster 2013. Лк. 205 и др.), Пялля (Päll 2003) и Киристан (Kiristaja 2013). Иногда топоним может входить одновременно в несколько групп.

- Названия деревень южно-эстонского происхождения (в основном по Faster 2013, Лк. 205 и др.): *Mäeuksaia* / Пепина Гора, *Pedäjäalostõ*/Подсосонье, *Tedre*/Гирино, *Järvepää* / Журово Кахово, *Palo*/Борок, *Lepä* / Большое Вязиково, *Palandõ* / Юков конец, *Tsirgu*/Бурмакино, *Härmä*/Горемыкино, *Karisilla*/Новинки, *Põrstõ* / Большое Забудовижье, Анцына Гора (2 варианта), *Helbi*/Подсадниче, Хелбиково, Лахново (3 варианта), *Vammustõ*/Поддубье, *Tiirbanna*/Погиблово, *Kärnä* / Малое Вязиково, *Talvikõstõ*/Толстопятово, *Tallika*/Сурянка, *Lindsi*/Займище, *Moona* / Русский Бор ~ 1585, Рудцкой Бор, *Jõksi*/Екшино, *Teppa*/Денисово, *Puista*/Зуево, *Kärbä*/Кербино, *Alaotsa*/Андрейково, *Kitsõ*/Козляево.
- Отдельную подгруппу образуют названия сетоских деревень, восходящих к природным названиям (см.: Faster 2013. Лк. 206, 207; Kiristaja 2013): *Järvepää* ~ *Järvekülä* / Журово Кахово, *Saarõkülä* ~ *Saarõpää* / Воронково, *Soelaanõ*/Сузиково, *Padosaarõ*/Подозарье, *Mustoja* / Черный ручей, *Paloveere*/Манухново, *Tedrekülä*/Гирино, *Palo*/Борок, *Kurvitsa*/Тюршино Курвич, *Varõsmäe*/Варусово, *Savimäe*/Савимяэ). Относительно деревень, расположенных на болотных островах. Юлиус Мягисте слышал об использовании термина *saarõkülä* (рус. «деревня на островах»; КНК).
- Названия деревень прибалтийско-финского или финно-угорского происхождения (по Faster 2013. Лк. 205, 206; Kiristaja 2013): *Lutõpää*/Лутобиж, *Küllätüvä*/Тюлитино, *Rääsolaanõ*/Чернолесье, *Meremäe*/Михайлово, *Merekülä* / Мерина Гора, *Laossina*/Клавшино, *Padosaarõ*/Подозарье, *Seegasaarõ* / Бабино-Каменище, *Määsovitsa*/Мязовище, *Tääglova*/Дяглово, *Kol'o*/Игнатово, *Tsill'i*/Янкино, *Vi'l'o*/Заболотье, *Keerä*/Керино, *Pööni*/Луковка, *Palorotka*/Дубровка, *Tiklasõ*/Тиглицы, *Kito*/Бабино-Каменище.
- Топонимы, приспособленные или переведенные с языка сето или других языков (см. Simm 1974. Лк. 252–254; Faster 2013. Лк. 204; Kiristaja 2013): *Jänese* — Зайцево, *Kesksaarõ* — Средний Остров, *Mikitämäe* — Никитина Гора, *Mustoja* — Черный Ручей, *Paloveere* — Борок, *Pedäjäalostõ* — Подсосонье, *Suurõ-Rõsna* — Большое Тростно, *Suurõ-Usinitsa* — Большие Узницы, *Toomasmäe* — Томасова Гора, *Väiko-Rõsna* — Малое Тростно, *Väiko-Usinitsa* — Малые Узницы, *Silla* — Мосток. В случае с такими переводными топонимами трудно или невозможно решить, какое название является изначальным, а какое — переводным.

- Названия деревень, которые произошли от имени собственного (по Faster 2013. Lk. 204; Simm 1975. Lk. 25): *Meläbnövä*/Емельяново, *Meldova*/Мелдово, *Aud'assaarõ*/Авдеево, *Mikitämäe* / Никитина Гора, *Toomasmäe* / Томасова Гора, *Mikumäe*/Оглоблино, *Ignasimäe*/Игнашово, *Antkeruva*/Андрюково. Названия деревень в Сетомаа, которые заканчиваются суффиксами *-ova*, *-ovo*, *-uva*, *-üvä*, *-evo*, *-ino*, *-ina*, *-inä* изначально были именами хозяев, а позже — названиями поселений (Simm 1970a. Lk. 174).
- Названия деревень русского происхождения (по Simm 1970b. Lk. 174; 1975. Lk. 24): *Pattina* < Бататино, *Turavinna* < Дуравино, *Litvinna* < Литвиново, *Kotelnika* < Котельниково, *Kundrusõ* < Кондрашово, *Vedernika* < Ведерниково, *Kolossova* < Колосово, *Korski* < Горушка, *Krabilova* < Грабилово. Иногда сетоская деревня может иметь название, совпадающее с русским, которое отличается от официального русскоязычного названия деревни: *Võmmorski* — рус. Выморск, Тюттино; *Kuurakõsõ* — рус. Косенки, Брезделево. В таком случае в сетоском языке может использоваться русское народное название (Faster 2013. Lk. 207; Kiristaja 2013. Lk. 62).
- Дериваты от русских названий общего или природного/ландшафтного объекта (по Simm 1978; Faster 2013, 205): *Korki*, рус. Горки < ‘гора’ (Simm 1970b, 175); *Saabolda*, рус. Заболотье < рус. ‘заболоть, заболотье’ = ‘место за болотом, заболотье’ (Там же); *Saaless' a* < рус. ‘залесье’ = ‘место за лесом’. *Sagoña*, рус. Загорье Митковицкое < рус. ‘загорье’ = ‘за горой’; *Sandra*, рус. ‘задорожье’ = ‘место через дорогу’; *Satserinna*, рус. Зачеренье < рус. ‘черень, дуб’ = ‘место за дубами’ (Там же); *Podmotsa*, рус. Подмогилица < рус. ‘могила, могильная насыпь, могильный холм, курган’ (КНК) = ‘деревня подле могильника (кладбища)’ (Faster 2013. Lk. 205); *Porr* (эст. *Porkva*), Борок < рус. ‘бор’ (Faster 2013. Lk. 206, 207).
- Русские наименования без структурных изменений (по Simm 1970b; 1971; 1975): *Issadi* < рус. исадь, исада, исады — ‘место для причаливания, порт, рыбацкая деревня, прибрежная деревня’ (Simm 1975. Lk. 25); *Korski* < рус. ‘горушка’ (Simm 1971. Lk. 170); *Lobodka* < рус. слобода, устар. — ‘деревня свободных людей’, теперь — ‘большая деревня’ (Simm 1971. Lk. 170); *Lädinä* < рус. яда, лядина — ‘кусочек земли или леса определенного типа, лес, болотистое место, болото и пр.’ (Simm 1971. Lk. 170, 171); *Ostruva* < рус. остров (Simm 1971. Lk. 171); *Peresnika* < рус. березник, березнюг, березняг — ‘берёзовый лес’ (Там же); *Sabodsa* < рус. заход ‘узкий проход, вход’ (Simm 1970b. Lk. 176); *Selissä* < рус. селище ‘большая деревня’, устар. — ‘поле, пахотная земля’ (Simm 1971. Lk. 171); *Tobrova* < рус. дуброва ‘дубовый лес’ (Ibid.); *Toña*, *Tooni* < рус. тоня — ‘стоянка/лагерь рыбаков, рыбацкая деревня, хорошее место для лова рыбы на берегу озера’ (Simm 1975. Lk. 25).

Деревня Вымморски (*Võmmorski*, рус. Выморск, Тютино),
вид с северо-запада. ■ Фотография Х. Валка. 2005 г.

- Названия деревень, сформировавшиеся из русских прилагательных: *Tsütski* < рус. чудский ~ чудской конец — «деревня находится в том месте, где заканчиваются сетоские деревни и начинаются русские деревни вдоль побережья Псковского озера» (Simm 1975. Lk. 25).
- Названия деревень, выражающие деление на несколько частей (см. Faster 2013. Lk. 204, 207; Hurt 1904. Lk. XXX), часто с прилагательными *väiko* ('малый') и *suurõ* ('большой'): *Usinitsa*/Узницы — *Väiko'-Usinitsa*¹ (также *Poolakõstõ*), *Suurõ'-Usinitsa*; *Treski*/Тростянка — *Väiko'-Treski*, *Suurõ'-Treski*; *Rõsna* — *Suurõ'-Rõsna*, *Väiko'-Rõsna*; *Nedsjäjä*/Нечаево — *Suurõ'-Nedsjäjä*, *Väiko'-Nedsjäjä*.
- Названия деревень, которые даны по названию нулка и/или основной деревни: *Raakva Säpinä*'/Выморково, *Tsätski Säpinä*'/Щапихино, *Raakva Helbi*'/Лахново, Хельбики, *Kropkova Helbi*'/Хельбиково (Hurt 1904. Lk. XXX). Такие уточнения нужны для деления деревень с одинаковыми именами в разных нулках.
- В случае названий двух деревень — *Leimani*/Лейманы, *Jatsmanni*/Ячменево — можно предположить немецкое происхождение (Kiristaja 2013. Lk. 33, 68).
- Иногда у деревни, которая сейчас имеет русское население, может существовать при использовании сетоского языка и параллельное сетоское название (см. Päll 2003; Faster 2013; Kiristaja 2013). Такими названиями деревень являются *Haki* ['*bakk*' — 'галка'] — Горелый Рей (Päll 2003. Lk. 131, 132); *Mõla* ['*mõla*' — 'весло'] — Малы; *Korsa* ['*korsatus*' — 'ржание'] — Морозовка (Там же); *Alahaani* ['*ala*' — 'нижнее' + *-haani*] — Халахальня; *Halli* ['*hall*' — 'серый'] — Дубово; *Paiumäe* ['*paju*' + '*mäg*' — 'ива' + 'гора'] — Рагозина Гора. Южно-эстонское название может сохраняться без изменений в деревне, в которой теперь проживает русское население, в современном русскоязычном названии (Вастцы — *Vastsõ* ['*vastsõ*] = 'новая')². Очевидно, в вышеупомянутых случаях ранее это были сетоские деревни. В современном русскоязычном названии может в приспособленном виде сохраняться также и ранняя южно-эстонская форма: *Soelaanõ* — Сузиково ['*sus*' ~ 'волк'], *Varõsmäe* — Варусово ['*vares*' ~ 'ворона'].

Помимо вышеупомянутых особой группой топонимов являются *puustus* (< рус. 'пустошь') как топонимы, которые указывают на произошедшее когда-то

1. Относительно топонимов в этой статье для обозначения гортанной смычки, расположенной в окончаниях слов, вместо знака фонетической транскрипции (ʔ) использован апостроф (') — знак, более привычный для читателя в повседневном использовании языка. — *Прим. авт.*
2. Очевидно, здесь следует отметить то обстоятельство, что в основном в конце 1930-х гг. русские названия нескольких сетоских деревень изменили на эстонские (напр. *Lõkova* > *Ojaveere*). Такое использование названия не укоренилось, но встречается на картах того времени.

Деревня Вехрулица (Verhulitsa, Veerulitsa, Vehrutsa и др.; рус. Вехрулицы, Вехрулица), вид с северо-запада. ■ Фотография А. Раудои. 2012 г.

запустение тех или иных поселенческих единиц: маленькие деревни, мызы или более крупные отдельные хутора (Faster 2013. Lk. 207), (напр. *Sadora puustus* — пустошь Садора; *Korsakova või Rootova puustus* — пустошь Корсаково или Ротово).

■ ВАРИАТИВНОСТЬ НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЕНЬ

Часто для названий сетоских деревень характерна большая вариативность, напр. *Talkaküla* (Голстопятово), *Talka küla*, *Talka*, *Talvikõstõ*, *Tal'vikēstē*, *Talvikeste*, *Tal'ka*, *Tal'kasõ*, *Tal'ka'*; *Hillakeste* (Ананьино), *Hiljakēstē*, *Hiljakõstõ*, *Hilläkeze*, *Hillakõsõ*, *Hillakõsi*, *Hiljakeste*, *Hil'lakõiste*, *Hillekeste*, *Hillakese*, *Hilläkeze küla*, *Hilläkeste*, *Hilläkese*, *Hill'akõistõ*, *Hillakeste*, *Hillakõstõ*, *Hil'l'akõstõ*, *Hillakõsõ*;

Verbuulitsa, Werchulitsa, Vebrulitsa, Verbulitsa, Verbulitse, Veern, Veeruküla, Veerulitsa, Vebrutsa, Vebrulitsa, Verbulitse (Faster 2013. Lk. 202; Päll 2003. Lk. 131). Такая особенность характерна именно для сетоской речи и использования названий; вероятно, она показывает исконность поселения — в случае с названиями русских деревень такая особенность, как правило, не встречается. Названия сетоских деревень зачастую представлены в форме множественного числа (см. Faster 2013. Lk. 203; Hurt 1904. Lk. XXX). Такие топонимы могут указывать на исконность сетоского поселения, но прежде всего — на специфику сетоского языка и отношений с соседями.

Названия сетоских деревень в Сетомаа (см. карту на с. 431) имеют разное происхождение. Большая часть из них (более 100) может иметь русскую или славянскую, а также и православную основу. В эту группу входят названия деревень, образованные как от личных имен, так и от названий природных объектов, а также переводные названия и производные от русских наименований или русских прилагательных. Топонимы, в основе которых — личные имена, могут отражать имя создателя единицы поселения или же имя человека, восстановившего опустевшее место, но речь может идти и об имени землевладельца или хозяина. Причиной распространения названий русского происхождения может быть временное исчезновение поселения и/или последующее поселение русских крестьян на данной территории, причем большую роль здесь могли сыграть значительные потери населения на территориях Псковщины во второй половине XVI в. Причиной существования русской топонимики может быть также политическое и/или религиозное «перекрещивание» сетоских деревень — русскоязычному чиновнику, несомненно, было удобнее использовать названия деревень на родном языке. В то же время, особенно в случаях бытования православных названий, не исключен и более ранний контакт со Псковом или Изборском как с религиозными и политическими центрами. Именно в случае переводных соответствий названий деревень (до 50) может идти речь о возможной смене языка (особенно вблизи больших центров) и следующая из этого возможность перевода названий деревень.

Достаточно большую группу (до 100) образуют названия деревень, имеющие финно-угорское или прибалтийско-финское происхождение, куда входят и распространенные в других местах Эстонии (особенно в Вырумаа) топонимы. Согласно одной теории (Ю. Мягисте) эти, в основном имеющие южно-эстонское происхождение названия, могли быть перенесены

сюда вместе с переселенцами (Mägiste 1957. Lk. 172). С другой стороны, следует особенно подчеркнуть сетоские прибалтийско-финские названия этих — теперь русских — деревень (напр. *Mõla* — Малы, *Halli* — Дубово, *Haki* — Горелый Рей, *Alabaani* — Халахальня и др.), что четко указывает на существование когда-то в этом регионе сетоских поселений. В то же время следует отметить и большую вариативность сетоских названий мест и большое количество названий деревень в форме множественного числа, что указывает на архаичность поселения (и топонимов) на исторической территории Сетомаа. Такая особенность не характерна для остальной части Юго-Восточной Эстонии — мы имеем дело с исключительно местной особенностью. Идею о древности местного сетоского (или финно-угорского) заселения поддерживают и относительная многочисленность сетоских названий деревень, являющихся производными от природных названий (*Järvepää* ~ *Järvekülä* — Журово Кахово, *Saarõkülä* ~ *Saarõpää* — Воронково и др.), а также наличие многих старых прибалтийско-финских гидронимов (Пимжа ~ *Piusa*, Обдех ~ *Optjoki*, Псков ~ *Pihkva* и др.).

Архивные документы и литература

ДРЗ. Ф. 3. — Фонд Л. Ф. Зурова.

Kiristaja 2009 ■ Kiristaja A. Setumaa nulgad // Saatsse Seto Muuseumi püsiekspositsiooni tekstid (STM ArD SSM 5), 2009.

Remmel 1978 ■ Remmel R. [Setumaa nulgad.] Käsikiri: Obinitsa Seto Muuseumitarõ / (Рукопись хранится в Сетоском музее в Л. Обинитса, 1978).

Рихтер 1959 ■ Рихтер Е. К вопросу об этнической истории сету. // ТАТУ. VIII. 1959. Т. 4. Lk. 396–410.

Трусман 1890 ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.

Трусман 1897 ■ Трусман Ю. О происхождении псково-печерских полуверцев // ЖС. Вып. I. Отд. 1. Год седьмой. 1897. С. 37–47.

Ernits 2012 ■ Ernits E. Fr. R. Kreuzwald lõuna-eeestlaste piire kompamas // Õdagumeresoomõ piiriq = Läänemeresoomõ piirid = Finnic borders / Toim J. Sullõv. (VII, 26.), 2012. Lk. 30–65.

Faster 2013 ■ Faster M. Nulgast mäeni. Ülevaade Setumaa nimevarast // Kiristaja A. Setumaa kohanimed. Seto Instituudi Toimetised. S. 1. [Värskä; Tallinn], 2013. Lk. 201–215.

Hurt 1904 ■ Hurt J. Setukeste elukohad ja arv // Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Rāpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I–III. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904. Lk. XIII–XXX.

Hurt 1989 ■ Hurt J. Eestirahva ajaraamat // Mida rahvamälestustest pidada: artiklite kogumik / Koost Ü. Tedre. Tallinn: Eesti Raamat, 1989. Lk. 31–35.

Hörn 2009 ■ Hörn A. Setumaa nulgä' — aolugu ja vahtsõ' võimalusõ' // Setumaa. T. 9/187.

Kiristaja 2013 ■ Kiristaja A. Setumaa kohanimed // Seto Instituudi Toimetised. S. 1. [Värskä; Tallinn], 2013.

Lillak 2009 ■ Lillak, A. Nulgad // Setumaa 2, 2009. Lk. 320–321.

Mägiste 1957 ■ Mägiste J. Petserimaast, selle uurimisest ja setude päritolust // Meie maa. Eesti sõnas ja pildis. S. 4. Lõuna-Eesti. Lund: Eesti kirjanike kooperatiiv, 1957. Lk. 165–173.

Päll 2003 ■ Päll P. Petseri- ja Pihkvamaa kohanimedest // Õdagumeresoomõ hummogupiir. Läänemeresoomõ idapiir / Toim K. Pajusalu ja J. Rahman. (VII, 15.), 2003. Lk. 130–138.

Setumaa 1928 ■ Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. (Eesti, III.) Tartu: EKS, 1928.

Simm 1970a ■ Simm J. Setu külanimedest // Eesti keele ringi töid / Toim A. Valmet jt. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1970. Lk. 129–146.

Simm 1970b ■ Simm J. Märkmeid Setumaa endise Satseri valla külanimedest // ES Ar. T. 16. Tallinn, 1970. Lk. 173–177.

Simm 1971 ■ Simm J. Slaavi geograafilisi termineid Setumaa kohanimedena // ES Ar. T. 17. Tallinn, 1971. Lk. 169–171.

Simm 1974 ■ Simm J. Tõkelisi külanimesid Setumaa // Centum. (J. V. Veski sünnipäevaks: artiklite kogumik. (Emakeele Seltsi Toimetised, 9.) Tallinn: Valgus, 1974. Lk. 251–254.

Simm 1975 ■ Simm J. Vene päritolu kohanimed // Horisont, 1975, T. 4. Lk. 25.

Simm 1978 ■ Simm J. Kohanimed J. Hurda «Setukeste lauludest» // Sõna ja nimi / Toim H. Ahven jt (ES Ar, T. 23.) Tallinn: Eesti Raamat, 1978. Lk. 65–69.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

417 Язык сето

429 Наименования деревень сето
и их возможное происхождение

443 Некоторые особенности лексики и ономастики
русских говоров западной части Псковщины
в свете трудов Л. Ф. Зурова

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования

и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Некоторые особенности лексики и ономастики русских говоров западной части Псковщины в свете трудов Л. Ф. Зурова

Сергей **Мызников** ■

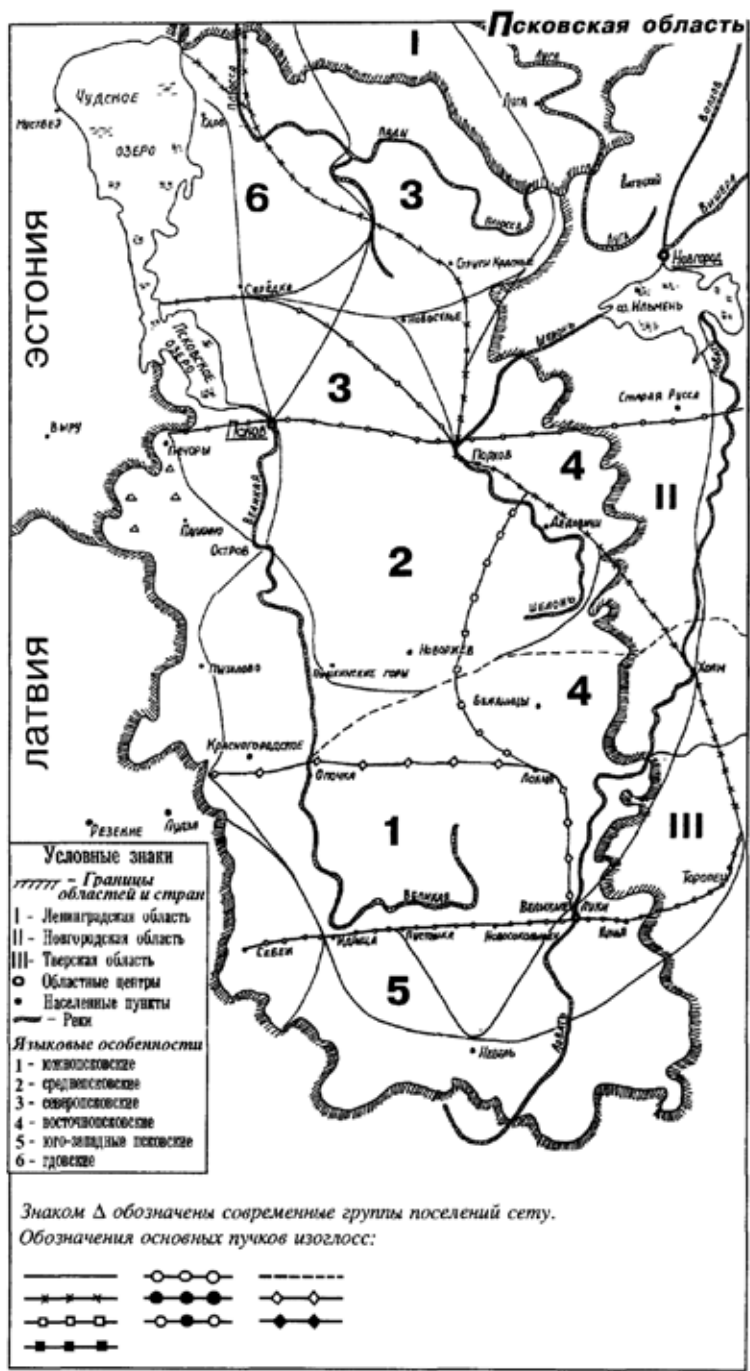
Рассматривая данные Л. Ф. Зурова в контексте псковской и общерусской диалектной лексических макросистем, следует отметить, что в его записях представлено довольно много диалектных апеллятивных данных, ономастических материалов, в том числе: ойконимы, гидронимы, антропонимы и т. п. Эти сведения, полученные еще в довоенные годы, представляют большой интерес для современной науки¹.

■ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В соответствии с диалектным членением русского языка К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой (Захарова, Орлова 1970. С. 146, 147) говоры северо-западной части Псковской области (так называемые гдовские) относятся к группе западных среднерусских окающих. Они рассматриваются как переходные от западных среднерусских окающих говоров к западным среднерусским акающим. Юго-западная часть Псковской области относится к псковской группе западных среднерусских акающих говоров. Гдовские же говоры наряду с новгородскими входят в подгруппу западных среднерусских окающих говоров (см. карту на с. 444). На этот факт обратил внимание и Л. Ф. Зуров:

«Должен заметить, что по собранным мною в 1938 г. у старых рыбаков сведениям, существовало и существует древнее различие между жителями восточного и западного берега Псковского озера (Подчеркнуто

1. Эти данные, специально собиравшиеся Л. Ф. Зуровым по заданию Музея Трокадеро, сохранились в архиве Дома русского зарубежья (Москва). См. статью О. М. Финшман «Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)», с. 139, в настоящем издании.

Диалектные группировки псковских говоров.

(по: А. С. Герд, см.: ИЭОПК 1999. С. 45)

Зуровым. — *Прим. авт.*). Псков, район Елизариевского монастыря, Талабские острова и западный берег Псковского озера издревле были населены псковскими акающими кривичами, а восточный берег Псковского озера, Теплового озера и берег Наровы новгородскими акающими славянами» (НМБИ, Зуров И. А. 55).

Следует отметить, что по «Диалектной карте русского языка в Европе», изданной в 1914 г. (ОДКРЯ 1914), гдовские говоры были отнесены к западной группе северновеликорусского наречия с границами с Севера по р. Свирь, далее от южной оконечности Онежского озера на юг к верховьям Волги; южная граница фиксировалась южнее гг. Вышний Волочок, Валдай, Старая Русса, Порхов и до северо-восточного побережья Псковского озера. Выделение гдовских говоров, как дифференцируемой диалектной группировки по членению 1970 г. произошло в основном по грамматическим и фонетическим параметрам. Говоры северной части нынешней Псковской области описала Н. П. Гринкова (Гринкова 1925. С. 256, 267), говоры к югу от Гдова на основе полевых диалектных данных проанализировала З. В. Жуковская (Жуковская 1962). В ее работе исследован материал из населенных пунктов Боровик, Лудва, Теребище, Ветрово, Липня Псковского района и Самолва, Островцы, Ямм, Гвоздно, Сиковицы, Горка, Спицыно Гдовского района. Автор, исходя из анализа фонетической системы, констатирует процесс утраты севернорусских элементов в говорах к югу от Пскова, хотя и предлагает относить их к северновеликорусскому наречию (Там же. С. 21–27).

■ ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА ПСКОВЩИНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Основой для изложения нашей точки зрения послужили материалы, собранные в ходе экспедиций в Гдовский район Псковской области, где были обследованы следующие населенные пункты, прилегающие к Чудскому озеру: Ветвеник, Горка, Духнова Гора, Кунесть, Мда, Островцы. Основной задачей был сбор данных для создания «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (Мызников 2007), при этом проводилась запись всех материалов, попадающих в сферу нашего внимания. Следует отметить, что гдовские диалектоносители дифференцируют себя от носителей окружающих их псковских говоров, как по особенностям языка, так и по происхождению среди них обычна формулировка: «Мы поморы, а не скобари» (д. Мда). Ранее, упоминая о гдовских говорах, имели в виду территорию бывшего Гдовского уезда Петербургской губернии, которая была значительно больше и включала в себя территории нынешних

районов: Лядского, Плюсского, Стругокрасненского Псковской области, а также Сланцевского и Лужского районов Ленинградской области. Поэтому в работе Ю. Трусмана «Финские элементы в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии» (Трусман 1885) автор оперирует информацией, собранной на более обширной территории. По нашим данным, лексическая система в гдовских говорах с точки зрения ее дифференциации может характеризоваться по следующим параметрам: а) лексика широкого распространения с частотными фиксациями в диалектной зоне, выделенной по упоминавшейся выше «Диалектной карте русского языка»; б) лексика, инкорпорированная влиянием собственно псковских говоров; в) автохтонная гдовская лексика. Это относится как к заимствованной, так и к исконной лексике, однако анализ последней не входит в наши задачи. В отношении не исконных данных не вызывает сомнений принадлежность анализируемой территории к ареалам с субстратным прибалтийско-финским влиянием. Имеются топонимы, которые свидетельствуют о дославянском населении этого района: Залахтовье (ср. эст. *lahi* 'залив'), Кятицы (ср. эст. *kätki, kükeki* 'колыбель, люлька'), Мда (ср. эст. *muda* 'ил'), Чудская Рудница, Пересари (название острова — н. п. Островицы, ср. эст. *perä* 'конец', *saar* 'остров'). Естественно, что при полевом обследовании не строились планы пополнения прибалтийско-финского словарика новыми данными, однако удалось зафиксировать несколько слов, которые не фигурировали в источниках: **нор** 'ряд связанных вместе сетей', ср. эст. диал. *nõr* 'веревка' (SKES. Lk. 401), **кату́га** 'попона на коня', ср. эст. *katte*, 'покрывало', 'занавес, занавеска', 'крышка', ср. эст. *katta* 'прятать, крыть, покрывать' (SKES. Lk. 171). Поскольку полевое обследование проводилось в прибрежных населенных пунктах, значительная часть лексических данных относилась к тематической группе рыболовства. Поэтому и не исконные единицы отмечаются в рыболовецкой лексике: лексема **салáг** отмечается в Гдовском районе, имея в качестве основного варианта **салáк** с семантикой 'небольшой сиг', связанной, вероятно, с эст. *salakas*, ген. *salaka* 'молодой зыб'; ср. также: **салáк**, **салачо́к** 'мелкий сиг', при эст. *siiakala* 'сиг', слово **ла́тик**, имеет в качестве источника эстонский тип, ср. эст. *latikas*, *latik* 'лепц', **максó** 'печень рыбы', ср. эст. *maks* 'печень', **пáйгус** 'горло мережи', **супéц** 'руль в лодке', **рави́на** 'снасть для управления парусом', ср. эст. *ravin* (*raavin, rabin*), **ши́рка** 'деревянный поплавок'. Некоторые материалы отмечаются только по лексикографическим источникам. В целом, однако, следует отметить, что доля лексики прибалтийско-финского происхождения в гдовских говорах в настоящее время представляет собой незначительную величину. Так, например, сельскохозяйственная лексика не исконного происхождения, часто служащая индикатором интенсивности иноязычного воздействия, имеет здесь единичные фиксации. Ряд слов, бытующих преимущественно в гдовских говорах, представляет собой довольно частотные автохтонные

варианты, имеющие, однако, соответствия в смежных говорах. Лексема **пүрик** — ‘колотушка для глушения рыбы’ — фиксируется в Гдовском районе, на побережьях Чудского и Псковского озер: «Пуриком ходят ребятишки глушат» (Мда). Исходя из семантического тождества лексем **күрик** и **пүрик** можно предположить и их этимологическое родство, при том, что начальное гдовское [п] соответствует начальному [к] с более широким ареалом, последняя лексема может представлять собой результат влияния прибалтийско-финского субстратного типа; это сопоставимо с эстонско-водским данными: соответствием русскому слову ‘колышек, колок, палочка’, в эстонском языке является *kurikas*, как и в его северо-восточном диалекте — *pulik(as)* (Söderman 1996. S. 97). Следует также отметить, что лексема **курик** в значении ‘колотушка для колки дров, глушения рыбы и т. п.’ широко представлена в севернорусских говорах.

Для данного региона в целом характерно влияние на русские говоры водского и эстонского языков. Приведем примеры.

А’зуник — ‘новоземелец’ (Эстонская ССР; СРНГ. Т. 1. С. 214). **Азо’вник** — ‘арендатор’ (Моложба, Печорский р-н) восходит к эстонскому *asunik* ‘поселенец, колонист’. Лексема **азо’вник** уже преобразована на русской почве: **а’зуник**, **а’зуничек**, **а’зунчик** — ‘маленькая бутылка водки’ (Очерки 2004. С. 292); **а’зуник** — ‘бутылка водки емкостью в четверть литра’ (Причудье, Мехикоорма). Это понятие восходит к эстонскому разговорному *asunik* — ‘бутылка водки емкостью в одну четвертую литра’.

А’нки — ‘сеть’ (Талабский и Псковский р-ны). Вероятно, это слово можно связать с эстонским *bänd*, водским *äntä* ‘хвост’ (SKES. Lk. 98), сетоским (*b*)*and*, *änt* ‘хвост’, ср. кар. *hän’d’ä* ‘хвост’, конечная часть чего-либо: *Nuotalla šuvri hän’d’ä* («У невода большая мотня»). Следует сравнить с русским **хвостуша**.

Ви’гма — ‘буря, волнение на реке, озере’ (Псковский р-н, Чудское озеро) (СРНГ. Т. 4. С. 273). Вполне сопоставляется с водско-эстонскими данными: водский — *vibma*, эстонский — *vibm* ‘дождь’; при этом *vibm* известно в вепсском языке как ‘дождь’, а в финском *vibma* — ‘мелкий дождь, изморось’ (SKES. Lk. 1738). На прибалтийско-финской почве представлено также *visma* — ‘мокрый’, которое известно в западных финских диалектах и на Карельском перешейке и рассматривается там как заимствование из финского языка (Söderman 1996. S. 142). На наш взгляд, переход [s] > [h] сопоставим с известным в псковском говоре мясо < мяхо.

Ку'рва — 'корюшка', 'крупный снеток' (Псковский р-н). Впервые слово фиксируется в средневековом источнике «Писцовая книга Водской Пятины», известном и как «Переписная окладная книга». Финский исследователь Я. Калима сопоставляет его с финским словом *kurvi* — 'снеток' (Kalima 1915. S. 142).

■ ДАННЫЕ Л. Ф. ЗУРОВА ПО ОНОМАСТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

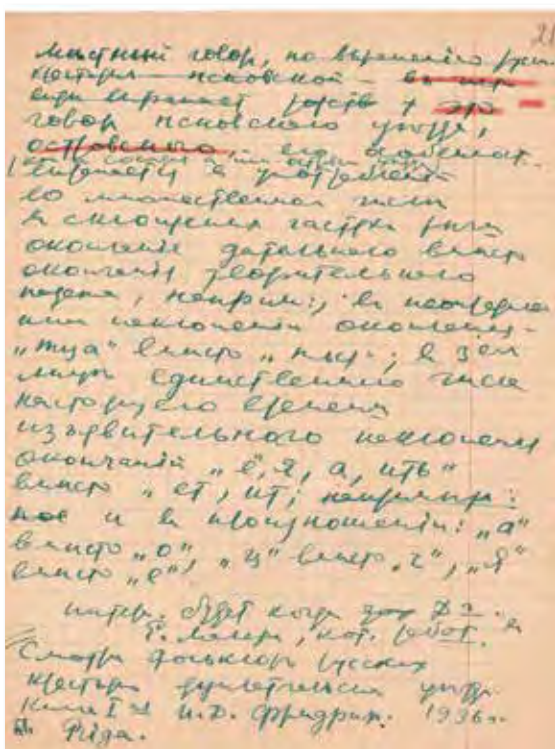
Материалы Л. Зурова вне всякого сомнения следует рассматривать в контексте сложившейся региональной этноязыковой картины, причем ономастический материал следует сопровождать сходными лексическими данными, поскольку в его отчетах представлено значительное количество ономастических единиц: названия деревень, священных камней, родников, деревьев (см. карту-схему на с. 450). Кроме того, в некоторых случаях в его текстах отмечается диалектная лексика. Все эти сведения успешно дополняются включением в русло современных лексикологических исследований. Так, Л. Зуров сообщает:

«В деревнях живут **бахари** (сказочники) и сказатели, песенное богатство края велико, русская Латгалия совершенно не обследована...» (НМЕИ, Зуров Л. А. 18).

Согласно «Словарю русских народных говоров» **ба'харь** — 'говорун, краснойбай' (Вологодская, Тверская, Нижегородская, Казанская Пензенская губ.). «Ну и **ба'харь**, любит порассказать» (Саратовская, Владимирская, Ярославская, Вологодская, Новгородская губ.). «Он не пустой бахарь» (Псковская, Смоленская, Пермская губ.); 'человек, умеющий хорошо рассказывать сказки; сказочник': «Во всей Походской изо всех-от бахарь Ваня Кузаков. Колым. Якут., 1901. «Сказочников <...> он обрел (по захоlustьям Волог. губ.: Кадниковскому и Вильскому уездам в 1919 г.) всего 3, <...> остальные, — говорит он, — не сказочники, а "бахари", и им числа нет (Вологодская губ.)». (СРНГ. Т. 2. С. 152).

При описании различных интересующих его объектов Л. Ф. Зуров нередко приводит сведения, используя единицы народного лексикона. Эти сведения он получает от местных жителей: крестьян, рыбаков, учителей.

Например, при рассказе о местоположении камня используется лексема *мах* в диалектном значении. «В д. Бобренки в 1938 г. старуха Веселова сообщила: — Есть камень во мху, далеко, за Швецами — мы туда за ягодами ходим» (НМЕИ, Зуров Л. А. 54). Слово *мах* в данном случае представляет собой единицу в диалектном значении, которую следует сравнить с данными «Словаря русских народных говоров».

Лист из записных книжек Л. Зурова

об особенностях

местных русских говоров.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 21

Мох — ‘болото’ (Каргопольский уезд Олонецкой губ.). «Тут недалеко мох, по тропке пройти от деревни (Онежский и Медвежьегорский р-ны Карелии, Архангельская, Вологодская, Петербургская, Тверская и Новгородская губ.). «Болото — где большой кустарник растет, где не прейти, а мох — это сухое болото, на мху и клоква растет». (Псковская, Смоленская губ.). Мхи — ‘низкие места в бору’ (Горопецкий уезд Псковской губ.) (СРНГ. Т. 18. С. 308, 309).

Описываемые Зуровым священные камни и их названия довольно часто имеют широкое распространение в северо-западном диалектном регионе. Так, в экспедиционном отчете Зурова об одном из почитаемых камней сообщается: «Самый большой камень это Пастух, а неподалеку есть камень Подпастырь, а те камни, что лежат вокруг них — раскинутое стадо» (НМЕИ, Зуров П. А. 55). Согласно словарным материалам, слово **по’дпастырь** в значении ‘подпасок, помощник пастуха’ известно с XIX в. в Вологодской губ., а также позднее в Олонецком и Прионежском р-нах Карелии:

Русский рыбак, плетущий сеть.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016939. ■ МНБ

«Он в подпастырях пасет» (Новгородская обл.) (СРНГ. Т. 28. С. 131). Далее читаем у Зурова: «За д. Городище в лесном болоте, которое прежде было озерком, находятся три больших камня, из которых один население называет **Сидельным**. Преданий об этом камне не сохранилось» (НМЕИ, Зуров П. А. 58).

Соответствия этому названию имеются и в словарных, и в фольклорных источниках. **Сиде'льный** — 'предназначенный для сидения': «И ударил его мечом, рассек голову до сидельной подушки» (Кирилловский уезд Новгородской губ.) (СРНГ 2003. Т. 37. С. 281). «В чердачках были беседочки сидельные» (Петрозаводский уезд Олонецкой губ.) (СРНГ 2003. Т. 37. С. 281). Весьма интересны названия родников, приводимые Л. Зуровым, для которых также можно привести обширные диалектные данные.

«Около д. Шляхово, в овраге есть **Гажий Ключок**, — рассказала мне в деревне Бобренки Агафья Веселова, взятая из д. Репино. — Туда много

ходило и ходит народу. Каждый что-нибудь оставляет возле Ключа — или тряпочку или полотенце. Сходите, посмотрите, там тряпочек разных много набросано» (НМЕИ, Зуров П. А. 68).

Фиксации слова **гажий** представлены на Северо-Западе России:

Га'жий — 'змеиный' (Петрозаводский уезд Олонецкой губ.). «Гажья кожа, свиньячья рожа» — скороговорка, записанная в Ленинградской обл. «Свекровь — ты гажья кров» (Псковская губ.). «Голова гажая» (Прейльский р-н Латвийской ССР). «Гажий след на дороге». «Така гажья болезнь есть» (Йыгевский, Тартуский р-ны Эстонской ССР) (СРНГ. Т. 6. С. 93).

В обстоятельном перечне святых ключей А. Зуров указывает:

«Есть ключ в **Бревеннике**, — сообщил мне в деревне Ботвино лесник Григорий Гучков. — На тот ключок народ ходил — глаза мыли и бросали деньги. Там речонка Ботвинская протекает, он в нее впадал» (НМЕИ, Зуров П. А. 68).

Приведем сравнительные данные из «Словаря русских народных говоров»:

Бре'ве'нник — 'крупный строевой лес' (Кадниковский уезд Вологодской губ.). «Ты, говорят, бреве'нник купил, почем за десятину платил?» (Кадниковский уезд Вологодской губ.) (СРНГ. Т. 3. С. 169).

В ряде случаев приводимые А. Зуровым данные можно интерпретировать как результат прибалтийско-финского влияния. Весьма обстоятельного анализа требует перечень ойконимов, приводимых А. Ф. Зуровым, в их числе и славянского происхождения, так и возможно, иноязычных, например названия деревень Мегузицы, Кулье.

Следует, вероятно, детально проанализировать их возможные связи с новгородским и белозерским ареалами. По крайней мере, по ряду данных лексики и ономастики можно проследить миграционные потоки населения с псковской территории в Заонежье, Белозерье, а записи А. Зурова нередко предоставляют уникальные языковые материалы, которые крайне важны для полного этнолингвистического изучения северо-западных областей.

Русские крестьяне на ярмарке. Г. Печоры.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016888. ■ МНБ

Русские учительницы. Деревня неизвестна.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017051. ■ МНБ

Архивные документы и литература

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 7.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 10. ■ Тетрадь 2. Названия местностей.

Гринкова 1925 ■ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. К диалектологии Ленинградской губернии // Известия ОРЯС. 1925. Т. XXX. А. С. 256, 267.

Жуковская 1962 ■ Жуковская З. В. О типе говоров к югу от Гдова // Псковские говоры. Тр. первой псковской диалектол. конф. 1960 г. / Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков: ПГПИ, 1962. С. 5–27.

Захарова, Орлова 1970 ■ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970.

ИЭОПК 1999 ■ Историко-этнографические очерки Псковского края. / Ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО. 1999.

Мызников 2007 ■ Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007.

ОДКРЯ 1914 ■ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соко-

ловым и Д. Н. Ушаковым. Исполнена членом ИРГО И. П. Поддубным. Пг.: Издание ИРГО, 1914. 132 с.

Очерки 2004 ■ Очерки по истории и культуре староверов Эстонии / Отв. ред. И. Кюльмоя. Тарту. Изд-во Тартуского ун-та, 2004.

Рыбников 1861–1867 ■ Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1, М., 1861; ч. 2. М., 1862; ч. 3. Петрозаводск, 1864; ч. 4. СПб., 1867.

СРНГ 1965–2015 ■ Словарь русских народных говоров. В 48-ми т. М.; А.; СПб., 1965–2015.

Трусман 1885 ■ Трусман Ю. Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Сообщение, сделанное в заседании Отд-ния этнографии 7 декабря 1884 г. СПб. 1885.

Kalima 1915 ■ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1915.

SKES ■ Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1955–1981. О. 1–7. Helsinki: SUS, 1955–1981.

Söderman 1996 ■ Söderman T. Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect // Studia Uralica Upsaliensia, 24. Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala: Uppsala universitet, 1996.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

457 История археологического изучения территории Сетомаа

477 Археологические экспедиции Леонида Зурова
и их место в археологии Эстонии

493 Археологические работы Л. Ф. Зурова
в контексте археологии Северо-Запада
России первой половины XX в.

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

3.3. Археология

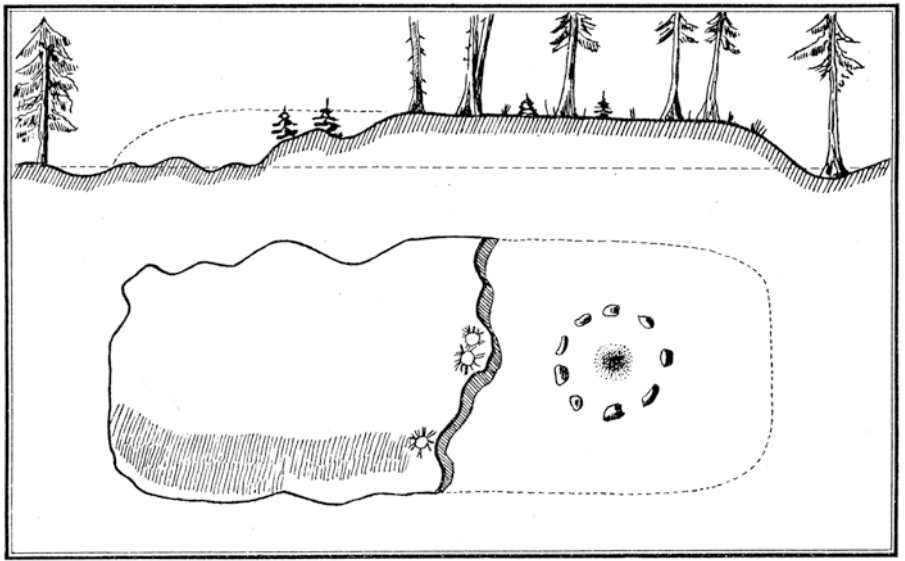
■ История археологического изучения территории Сетомаа

Маре **Аун**, Сергей **Белецкий**, Хейки **Валк**,
Любовь **Грушина**, Арвис **Киристая** и Елена **Михайлова** ■

В археологическом изучении Сетомаа (Aun 2003; 2009a) можно выделить четыре основных периода, которые связаны с ее различной административно-территориальной принадлежностью в течении XIX–XX вв. В каждом из них археологи вели полевые и кабинетные исследования всех видов, но фокус работ в разное время был различен. Краткое описание проведенных исследований вместе с библиографией, картами распространения древностей и отдельными короткими статьями о некоторых из них представлены в вышедшем в 2009 г. втором томе сборника «Setomaа».

В первый период (XIX в. — 1917) Сетомаа входила в состав Псковской губернии Российской империи. Это время накопления сведений о местных древностях и их первичного описания.

Интерес к местным древностям возник уже в первой трети XIX в., когда труд выдающегося ученого и писателя Н. М. Карамзина «История государства Российского» привлек общественное внимание к летописным событиям. В Изборском крае ожидали обнаружить «замок Трувора с дружиной» и, возможно, могилы легендарного князя Трувора и княгини Ольги. Первые раскопки близ Изборска произвел Евгений (Болховитинов), в то время православный архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. Он изучил в 1818 г. несколько курганов и жальников на Словенском поле близ Изборска (Болховитинов 1825). Профессор Дерптского (Гартуского) университета доктор Фр. Крузе раскопал в 1840 г. несколько погребений на этом же могильнике и на Ворониной горе близ Изборска (Kruse 1859, Lk. 11–13; Грушина 2016), он же составил первую археологическую карту Изборска (см. также Pih0 2012. Ill. 1). 10 июля 1878 г. во время своего образовательного путешествия великие князья Павел Александрович, Сергей Александрович, Константин Константинович и Дмитрий Константинович вместе с известным археологом графом А. С. Уваровым произвели раскопки «могилы Трувора» рядом с Труворовым городищем (Грушина 1990). В 1885 г. Юрий Трусман обследовал в Сетомаа археологические памятники (Трусман 1890. С. 32–35). В 1899 г. были осуществлены раскопки курганов у д. Лопатово

Длинный курган («Богатырская могила») близ погоста Тайлово.

Рисунок В. Н. Крейтона (по: Крейтон 1914. С. 9)

(В. Н. Глазов) и на Мальском могильнике (А. А. Заборовский). В 1897 г. вышла книга Ф. А. Ушакова об археологических памятниках Псковской губернии (Ушаков 1897).

Важную роль в археологическом изучении Печорского края сыграло Псковское археологическое общество (1880–1918). Для подготовки XVI Всероссийского археологического съезда в Пскове, намеченного на 1914 г., в нескольких уездах Псковской губернии начались археологические исследования. В частности, были раскопаны несколько курганов с кремациями у деревни Тивиково, погостов Овинчище/*Obimitsa* и Тайлово/*Taeluva*, а также более поздние курганы, окруженные по основанию валунами¹, близ

1. В российской археологической литературе существует известная неопределенность в содержании ряда терминов, применяемых к средневековым погребальным памятникам. В данном тексте мы используем термины в их современном значении: курган — искусственная насыпь, содержащая в себе захоронения или перекрывающая могилу; жальник (жальничное погребение) — средневековая могила, отмеченная на поверхности земли (обычно кольцевой) оградкой из камней или отдельными крупными валунами; могильник — древнее кладбище, в составе которого могут быть как курганные, так и жальничные либо грунтовые (без внешних признаков) захоронения. «Курганный группа» — синоним термина «курганный могильник». Археологи начала XX в., работы которых изучали Л. Зуров и Б. Вильде, часто не придавали особого значения наличию или отсутствию искусственной насыпи, называя «жальниками» как собственно

имения Паниковичи/*Pankjavitsa* (1910, А. В. Тищенко; 1913–1914, В. Н. Крейтон).

Результатом изысканий явилось издание материалов для археологической карты Псковской губернии, куда вошли и сведения о проведенных раскопках (Окулич-Казарин 1914). В этих материалах имеются сведения о приблизительно 50 памятниках старины и случайных находках на территории Юго-Западного Причудья. Начавшаяся Первая мировая война прервала дальнейшие исследования.

Во **второй период (1920–1940/1944)** Печорский край был частью Эстонской Республики (уезд Петсеримаа), и основным центром изучения региона стал Тартуский университет. В начале этого периода проводилась систематическая инвентаризация древностей, позднее научный интерес к региону с отличающимися от эстонских древностями сохранялся, но он оставался фрагментарным.

Археологические раскопки в Сетомаа продолжились в 1921 г., когда на могильниках Конечки и Малы/*Mõla* были раскопаны жальничное захоронение и три кургана XI–XIII вв. с кольцевыми каменными ограждениями (А. М. Тальгрэн, С. Лиенау-Линно).

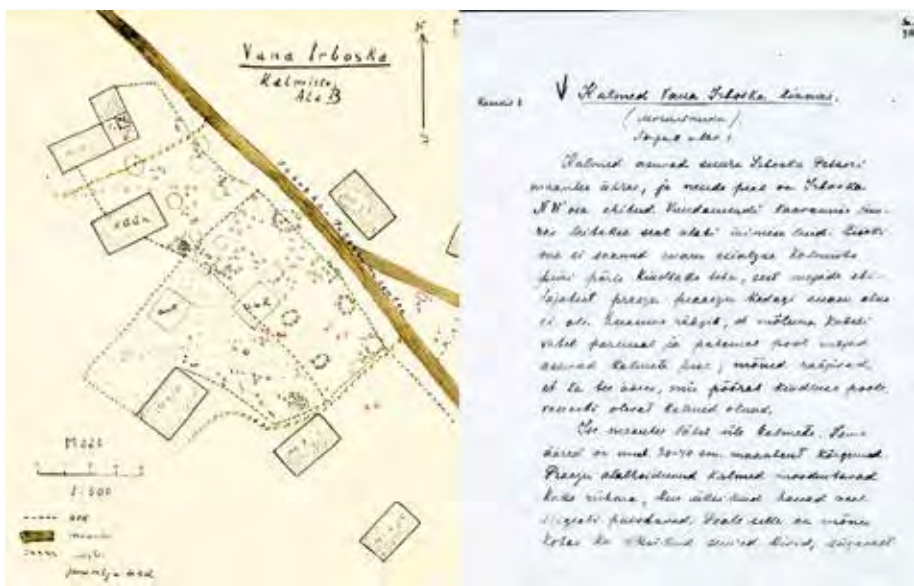
В ходе инициированной первым тартуским профессором археологии, известным финским ученым А. М. Тальгреном, систематической регистрации археологических древностей, в 1922 г. студенты были отправлены описывать и волости Сетомаа. Марта Шмидехельм проводила полевые работы в Изборской волости, Оскар Пармас — в Печорской, Меремяэской и Слободской, а Альфред Суйк — в Паниковской².

В 1925 г. Рийгикогу (Парламент Эстонии) принял Закон об охране памятников старины. К 1940 г. в Печорском уезде под государственной охраной находилось 48 курганных групп и/или могильников, пять городищ, одно селище и, как самостоятельный памятник, один каменный крест³.

В 1924 г. профессор археологии Тартуского университета Б. Нерман, надеясь найти следы викингов, проводил вместе со студентами раскопки городища в Изборске, а также курганов и жальников XI–XIII вв. вблизи д. Малы. Вместе

жальничные погребения, так и курганы, обложенные камнями по основанию. Кроме того, исследователи тех лет «жальником» называли также любой древний могильник, примыкающий к современному кладбищу, или просто старинное кладбище. В таком общем контексте Зуров употребляет термин «курган» непоследовательно; термином «жальник» он вообще не пользуется.

2. См. статьи А. Киристая и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии» и Х. Валка «Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии», с. 113 и 477 в настоящем издании. В первой из этих статей приведены сноски на отчеты этих полевых работ.
3. ГАЭ [Государственный архив Эстонии]. Ф. 1108. Оп. 5. Ед. хр. 987.

Страницы археологического описания Изборской волости,
составленного М. Шмидехельм в 1922 г.: могильник Скудельня в Изборске.
AI 1-112-1, 30, 34. ■ ГЛУ

с результатами этих работ были опубликованы и результаты раскопок 1921 г. (Nerman 1926). В конце 1920-х гг. были проведены спасательные раскопки двух могильников с захоронениями XIII–XV вв. — в деревнях Виски (1928–1929, Х. Моора; Valk 2009b) и Новая (1929, Р. Индрек), в последнем случае — в связи с обустройством эстонско-советской границы (Grušina 2009b). На жальничном могильнике Виски под частично разрушенными наземными каменными конструкциями было найдено почти 115 костяков. С целью охраны памятников старины М. Шмидехельм в 1935 г. провела раскопки четырех курганов (два из них с труположениями) в деревне Лавры; Освальд Саадре в 1937 г. исследовал курганы второй половины первого тысячелетия, а также курганы и жальники XI–XIII вв. в могильнике Верепково (Grušina 2009c). При работах в Конечках и Висках были обнаружены и единичные находки раннего железного века (в основном керамика). Хотя археологические древности Сетомаа в 1935 г. и инспектировали археологи О. Саадре и Э. Лайд, большинство полевых обследований, проведенных в 1930-х гг., связано с именем Леонида Зурова (НМЕИ, Зуров I. А. 24–35; Зуров II). Работы Зурова нашли живой отклик и в русскоязычной журналистике Эстонии (Грушина 2011). Полевые отчеты 1937 и 1938 гг., а также находки 1935 и

Схема маршрута Л. Зурова
в окрестностях залива Вярска. 1937 г.
А1 22-1-110-4, 38. ■ ПЛУ

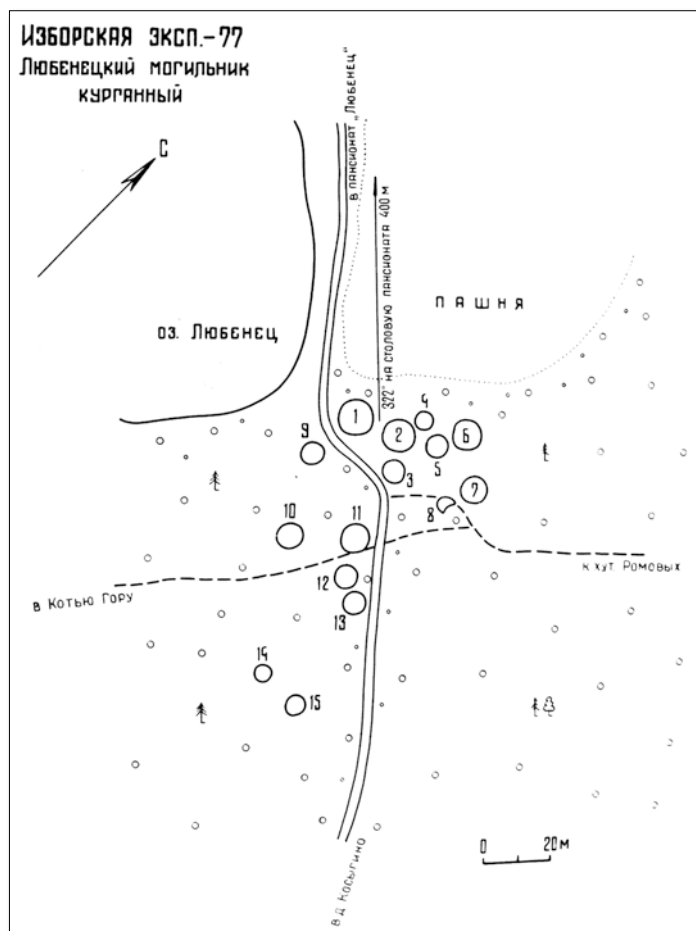
План курганного могильника у озера Любенец,

составленный Л. Зуровым в 1937 г. AI 22-1-112-15, 4. ■ ПЛУ

1937 г. были переданы в археологический кабинет Тартуского университета. В Эстонии отсутствуют отчеты о работах 1935 г., обзоре Паниковской волости и находках 1938 г. В настоящее время оригиналы отчетов и находки хранятся в Научной археологической коллекции Таллинского университета, копии — в Тартуском университете⁴.

В 1920–1930-х гг. археологическим наследием Изборска активно занимался краевед и школьный учитель А. И. Макаровский (1888–1958), автор нескольких публикаций и учебников, впоследствии профессор Ленинградской духовной академии. У Макаровского было богатое собрание полученных или купленных у местного населения археологических находок, на ознакомлении с которым, очевидно, и базируются сведения Зурова об археологических находках из Изборска (НМЭИ, Зуров I. Л. 4; Грушина 2002. С. 98, 99).

4. Обзор этих материалов, а также карта археологических памятников, обследованных Зуровым см. в статьях А. Киристая и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии», прим. 2, и Х. Валка «Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии», с. 113, 477 в настоящем издании.

План курганного могильника у озера Любенец,
составленный В. В. Седовым в 1977 г. **ИАЦПО**

Третий период (1944–1991) охватывает годы, когда территория Сетомаа входила в состав Советского Союза, но административно с января 1945 г. была разделена между Эстонской ССР и РСФСР⁵. Несмотря на принадлежность к одному государству, граница между союзными республиками определяла границы полевых работ эстонских и русских археологов: первые действовали в границах ЭССР, вторые — в Печорском районе Псковской области. Ведущим научным учреждением по вопросам археологии на территории СССР был Институт истории материальной культуры (ИИМК) Академии

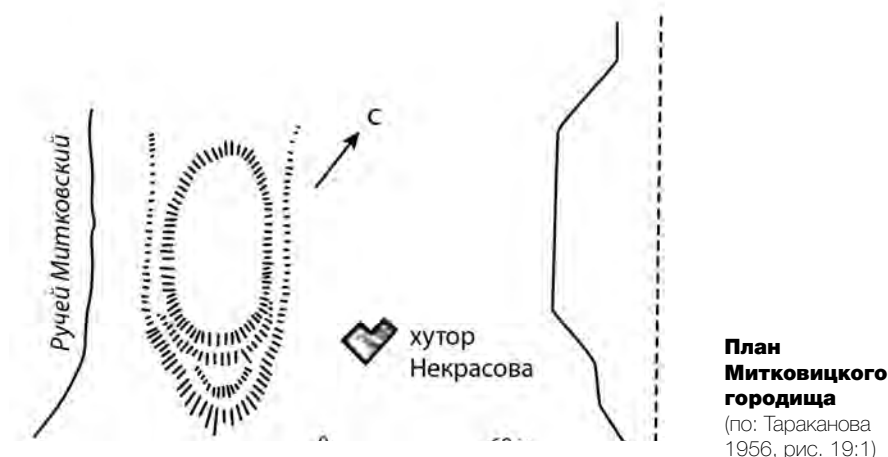
5. См. статью Х. Валка «Сетомаа — земля, народ и культура на историческом пограничье», с. 341 в настоящем издании.

наук СССР. Чтобы познакомить советских ученых с археологией балтийских стран, ИИМК провел две тематические сессии по археологии Прибалтики: в 1949 г. в Ленинграде и в 1951 г. в Тарту.

В 1951 г. во время совместной эстонско-русской экспедиции (руков. С. А. Тараканова и Х. Моора) были обследованы и городища Сетомаа, в т. ч. Митковицкое городище /*Metkavitsa, Mitkovitsa*, найденное и подробно описанное Л. Ф. Зуровым в 1935 г. (Моора 1951; Тараканова 1956. С. 35, 36, рис. 19:1). Результаты этих работ на Митковицком городище подтвердили наблюдения Л. Ф. Зурова (ИМЭИ, Зуров I. Л. 24–26)⁶.

В 1953–1962 гг. в Пскове и Изборске работала экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова. Исследуя окрестности Изборска, Г. П. Гроздилов в 1953 г. раскапывал курганы с разновременными захоронениями в могильниках Малы и Лезги /*Leeska*, собрал подъемный материал на селище рядом с последним (Гроздилов 1965), изучал грунтовый могильник Кендиши (Grušina 2009a. Lk. 266).

В 1955 г. для исследований на территории Юго-Восточной Прибалтики и примыкающих к ней районов России и Белоруссии была организована Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция (1955–1959). В Юго-Западном Причудье работали два ее отряда — Славянский (рук. С. А. Тараканова) и Неолитический (рук. Н. Н. Гурина). В рамках этих работ обследованы и местонахождения каменного века у реки Обдех (Абдеха I–III) (Гурина 1959; 1960)⁷. В 1950-х гг. ряд городищ (в т. ч. Митковицкое в 1958 г.) обследовал П. А. Раппопорт, собиравший материалы

6. См. статью Е. Михайловой «Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.», с. 493 в настоящем издании.

7. Обнаружению памятников каменного века в Изборске и у реки Обдех содействовали в 1950-е гг. местные краеведы С. А. Щербаков и И. А. Лукашов.

по истории древнерусской фортификации (Воронин и др. 1960. С. 90, 91; Раппопорт 1961).

Большой труд по изучению памятников Печорского края был осуществлен Изборской экспедицией (1971–1992) под руководством В. В. Седова — почти полностью раскопана площадка Изборского городища (Седов 2007) и проведены обширные раскопки в Изборской крепости (Артемьев 1998. С. 20–36). Приступая к исследованиям на Изборском городище и в его ближайших окрестностях, В. В. Седов проработал и учел материалы Л. Ф. Зурова (см. илл. на с. 463). Известно, что они вели переписку: в архиве ДРЗ сохранились копии нескольких писем (Зуров 2014. С. 84–88)⁸.

Осматривавшиеся Л. Зуровым археологические памятники и позднее становились объектами полевых обследований. Наиболее значимыми из них были разведки И. К. Лабутиной (1957), Р. С. Минасяна (1974), Л. Е. Грушиной (1977–1982), А. Р. Артемьева (1978), А. Е. Мануйлова (1980, 1981). Некоторые из «зуровских» памятников в 1970–1980-е гг. раскапывались. Так, полевые исследования близ д. Лезги провели С. В. Белецкий и А. А. Александров (Александров, Белецкий 1994. С. 52–60), могильник Кендиши изучала в 1980 г. Л. Е. Сергеева (Грушина) (Grušina 2009a), курган вблизи озера Любенец — В. В. Седов (Седов 1977). Раскопки проведены в 1957 г. и на жальничном могильнике Тяково; И. К. Голунова (Лабутина) (Labutina 2009), в 1972 и 1973 гг. на курганно-жальничном могильнике в д. Малы (Седов 1976a), в 1974 и 1976 гг. на могильниках раннего железного века в д. Конечки возле Изборска (Седов 1988. С. 94–97), а также могильник у д. Новая — в 1977 (В. В. Седов) и 1983 г. Л. Е. Сергеева (Грушина) (Grušina 2009b). Опубликована и статья о каменных крестах региона (Седов 1976b).

В эстонской части Сетомаа с начала советского периода и до 1974 г. археологические исследования велись достаточно скромно: небольшие спасательные раскопки были предприняты только на разрушенных в ходе мелиорации могильниках Тсиргу (Бурмакино) с захоронениями XVIII — начала XIX в. (1963, Э. Тыниссон). Полевые работы активизировались с 1974 г. (Аун 2009a. Лк. 14–16). Были проведены раскопки курганов первого тысячелетия н. э. в северной части Сетомаа в Лаоссина/Клавшино (1974–1975, 1978, 1981, 1984, М. Аун), Сууры-Рысна/Большая Тросна (1976–1980, 1982–1984, М. Аун) и Велна/Невелино (1985, М. Юзар). Небольшие спасательные раскопки (1974, М. Аун) были предприняты на кладбище XVIII в. в Микитамяэ / Никитина Гора (Аун 2003. С. 35). При изучении древних захоронений исследователи специально подробно рассматривали вопросы развития погребальной обрядности (Аун 2009b. Лк. 83, 86–87, 90–94). В 1974–1985 гг. проводились

8. См. также статью О. М. Фишман «Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)», с. 139 в настоящем издании.

Раскопки на Изборском городище: снятие четвертого слоя. 1972 г.

Копия фотоснимка предоставлена Н. В. Лопатиным (ИА РАН).

Оригинал: ИА РАН Архив. Ф-1. Р-1. № 4789а

археологические разведки, была обнаружена и взята под государственную охрану большая часть открытых Л. Зуровым в 1937 г. курганных групп.

Четвертый период (с 1991 г.) начался с распадом Советского Союза и восстановлением Эстонской Республики. Сейчас административная граница советского периода стала государственной, и Сетомаа оказалась разделенной между двумя государствами.

В России после завершения в 1992 г. в Изборске работ экспедиции под руководством В. В. Седова археологические исследования стали не велики по объему. Основные археологические раскопки велись в Изборской каменной крепости XIV–XVII вв. (2001–2003, 2007–2013), частично в связи с консервированием руин (Закурина 2014). В 1994 г. к археологам попали случайные находки из могильника Свенск/*Vinski* (Королев, Харлашов 2008; Harlašov, Koroljov 2009). Раскопки проведены лишь на могильнике IX–XI вв. Усть-Смолка III на северо-восточной окраине Изборска (Лоратин 2009а), где в 1840 г. работал Фр. Крузе (1999, Н. В. Лопатин 2007, 2012, 2013; 2014–2017, Б. Н. Харлашов [Лопатин, Харлашов 2015]). В 2012–2013 гг. в рамках международного проекта «Археология, власть и общество: сотруд-

ничество для сохранения археологического наследия»⁹ под руководством А. В. Михайлова произведено обследование археологических памятников Печорского района, с применением современных методик полевых исследований и технических средств. Результаты новейших исследований, для подготовки которых были использованы материалы из археологических архивов Эстонии, вновь продемонстрировали точность описаний, содержащихся в отчетах Зурова.

В Эстонии интерес к культуре Сетомаа, в том числе и к археологическому наследию, значительно вырос с начала 1990-х гг. Эстонские археологи, в особенности Арвис Киристая, вели интенсивный поиск мест поселений в Сетомаа (Aun 2009a.

Лк. 41–44), в том числе и в восточной части региона. Ряд поселений в 1990-е гг. обнаружил и краевед Али Киккас. Особое внимание уделялось поиску и изучению древностей раннего периода. Заслуживает внимания открытие стоянок эпохи мезолита в Меремяэ/Михайлово (I — 1999, А. Киристая; I–II; 2007, А. Киристая, А. Лиллак) и поселения позднего каменного или раннего бронзового века в Лаоссина (2009, А. Киристая). Раскопки проводились на поселениях этого периода в д. Вяйко-Рысна / Малая Тросна (1996, Х. Луйк, А. Киристая) и Лаоссина (2000, А. Киристая; 2001, 2002, М. Аун, А. Киристая). Находки раннего периода железного века были получены в месте поселения и выплавки железа в Калатсува (рус. Калачево) (1993, Ю. Пээте), в Васла (1994, Х. Валк), на селище Тоня/Тони II (1998, М. Аун) (Aun 2003, 42–44); предполагаемое городище у д. Кыру получило датировку римского железного века. (2012, А. Лиллак). Поселения XI–XVII/XVIII вв. исследовались разведочными раскопками в д. Уусвада/Извадь, Узвадь и Талька/Толостопятово (1994, Х. Валк), Хилана/Хиланды, Филонова Гора (1994, Ю. Пээте), Васла/Грехнево, Грихнево (1993, Х. Валк) и Вымморски/Тюттино (1993, Х. Валк; 2009, А. Лиллак). Большие спасательные раскопки

Профессор Валентин Васильевич Седов (1924–2004), руководитель Псково-Изборской экспедиции Института археологии. Фотография из личного архива В. В. Седова

9. Archaeology, Authority & Community: Cooperation to Protect Archaeological Heritage (ELRI-190).

Курганный могильник между деревнями Косыгино и Котья Гора,
обнаруженный Л. Ф. Зуровым. Фотография А. В. Михайлова. 2013 г. ■ АЦПО

проведены в 1998–2000 и 2004 гг. на месте поселения XI–XIX вв. на острове Сосна/Педаясааре (открыто более 1500 кв²) (Аун 2009с).

Начиная с 2010 г. больше внимания обращено на историю заселения «уголка» Лухаама. Кроме полевых обследований проведены и разведочные раскопки поселений (Тоодси/Тучино, Коса, Пабра/Бобры). В 2010 г. обнаружено уникальное в контексте археологии Сетомаа поселение каменного века Тоодси (Лийва) со шнуровой керамикой.

Могильников исследовано мало. В 1999 г. раскопан поврежденный курган в могильнике Обинитса/Овинчице (М. Аун). В деревне Поповица/Поповичи в северном Сетомаа в 2004 г. были проведены пробные раскопки на самом восточном каменном могильнике Юго-Восточной Эстонии (М. Аун), он относится к периоду римского железного века (Аун 2006). В 2012–2013 гг. проводились небольшие по объему исследования могильника и жертвенного места в д. Хярма/*Suurõ-Härmä*, Б. Горемыкино (Х. Валк).

К настоящему времени Сетомаа является одним из регионов Эстонии с наилучшей степенью исследованности археологических древностей. Результаты произведенных в Сетомаа раскопок опубликованы в ежегоднике

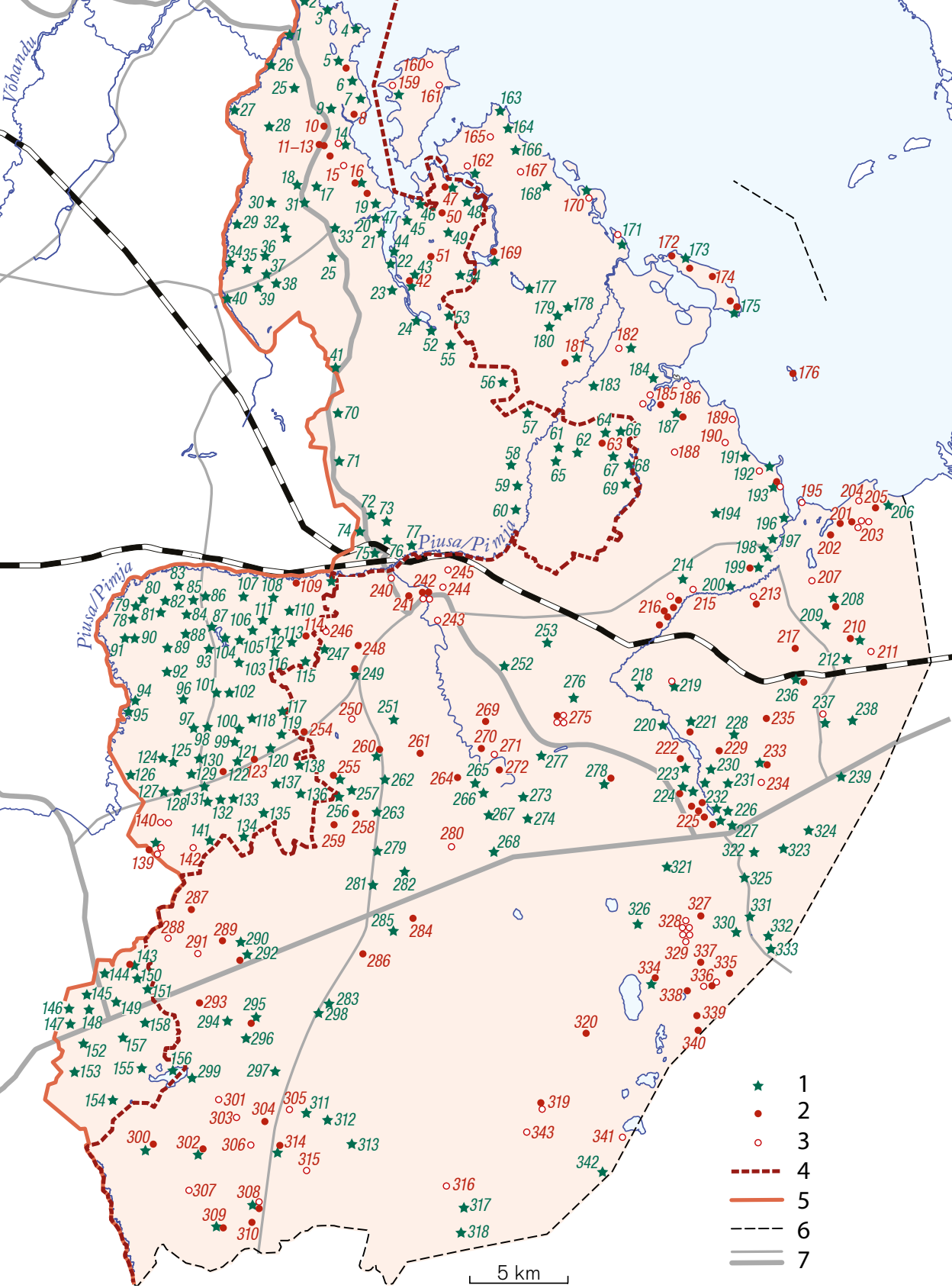
Раскопки селища Педаясааре. 1998 г.

Фотография М. Аун

«Arheoloogilised välitööd Eestis» (AVE), а обзорные проблемные статьи — в выходящей с 2003 г. серии «Setumaa kogumik».

Количество археологического материала, собранного в ходе полевых работ, достаточно для того, чтобы дать общий обзор истории региона (подробнее см.: Setumaa 2). К началу XXI в. многие прежние представления исследователей претерпели изменения или были уточнены. К настоящему времени известно, что свидетельства заселения территории Сетомаа восходят к каменному веку (Kiristaja 2009. Lk. 23–38). Древнейшие находки относятся к мезолиту. В настоящее время известно также несколько поселений и отдельных находок эпохи неолита, преимущественно в бассейне р. Обдех. Малочисленны и находки эпохи бронзы, представленные, в частности, шлифованными каменными топорами. К заключительному периоду раннего железного века (так называемому римскому периоду) относятся малочисленные каменные

- ★ 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- - - 6
- 7

5 km

Исследования памятников археологии на территории Печорского района Псковской области в XX — начале XXI в. Составители: Х. Валк, А. Киристая, Е. Михайлова.

Оформление: Я. Патав.

Условные обозначения:

1 — памятники археологии, упомянутые Л. Ф. Зуровым и обследованные позднее другими исследователями; 2 — памятники, упомянутые Л. Ф. Зуровым и не обследованные впоследствии; 3 — памятники археологии, оставшиеся не известными Л. Ф. Зурову; 4 — современная государственная граница между Эстонской Республикой и Российской Федерацией; 5 — западная граница Сетомаа; 6 — граница между Эстонской Республикой и СССР в 1920–1930 гг.; 7 — дорога.

На территории Эстонской Республики: 1. Võõpsu. 2. Lipka. 3. Peresi. 4. Terepniki. 5. Lüübnitsa. 6. Kretska. 7. Audjasaarõ. 8. Paskira. 9. Lüütja. 10–13. Lüütja mets — Laossina. 14. Laossina. 15. Suurõ-Rõсна tee. 16. Rõсна-Saarõ. 17. Sadora. 18. Tõganitsa. 19. Suurõ-Rõсна. 20. Võporsova. 21. Toina. 22. Pedajasaare. 23. Lobodka. 24. Hõpõjarve. 25. Varõsmäe. 26. Pedajalostõ. 27. Käre. 28. Toomasmäe. 29. Kotelniki. 30. Rääsolaane. 31. Mikitamäe. 32. Suurõ- ja Väiko-Usinitsa. 33. Karisilla. 34. Puugnitsa. 35. Igrissä. 36. Tsõlõgo. 37. Koksina. 38. Kito. 39. Selissä. 40. Järvepää. 41. Soe. 42. Värska. 43. Karnova. 44. Väiko-Rõсна. 45. Kremmessüvä. 46. Popovitsa. 47. Podmotsa. 48. Velhi. 49. Saareküla. 50. Podmotsa tee. 51. Karusaare. 52. Orsava. 53. Kostkuva. 54. Määsovitsa. 55. Vehrulitsa. 56. Lutepää. 57. Sesniga. 58. Suurõ-Korela. 59. Kolossova. 60. Säpina. 61. Kundrusõ. 62. Saabolda. 63. Satserinna. 64. Perdagu. 65. Ul'tina. 66. Samarinna. 67. Pattina. 68. Litvina. 69. Pitšinä. 70. Väiko-Treski. 71. Suurõ-Nedsaja. 72. Helbi. 73. Vedernika. 74. Matsuri. 75. Matsuri — Vammustõ. 76. Vammustõ. 77. Vorobi. 78. Antkruva. 79. Juusa. 80. Hilana. 81. Vasla. 82. Miku. 83. Talka. 84. Kõõru. 85. Kõõru mets. 86. Kiksova. 87. Obinitsa. 88. Täaglõvä. 89. Lindsi. 90. Navigõ. 91. Ignase. 92. Härmä. 93. Rokina. 94. Väiko-Härmä. 95. Jõksi. 96. Lütja. 97. Ostruva. 98. Lepä. 99. Viro. 100. Uusvada. 101. Tobrova. 102. Tsergondõ. 103. Küllätüvä. 104. Klõstina. 105. Masluka. 106. Seretsüvä. 107. Käiova. 108. Tupluva. 109. Võmmorsõ. 110. Simaski. 111. Melduva. 112. Jemalka. 113. Helbi. 114. Kropkuva. 115. Triginä. 116. Veretinä. 117. Pliia. 118. Tiirhanna. 119. Vinski. 120. Raba. 121. Suurõ-Serga. 122–123. Serga. 124. Tsirgu. 125. Ulaskova. 126. Raotu. 127. Kalatsova. 128. Meremägi. 129. Hilläkeste. 130. Palandõ. 131. Meremäe. 132. Keerba ja Vaarkali. 133. Paloveere. 134. Sirgova. 135. Kuigõ. 136. Tiklasõ. 137. Tuulova. 138. Marinova. 139. Miikse. 140. Kuksina. 141. Kiislova. 142. Pelsi. 143. Tserepi. 144. Põrstõ. 145. Tiastõ. 146. Saagri. 147. Tiilige. 148. Napi. 149. Määsi. 150. Mokra. 151. Koorka. 152. Leimani. 153. Väiko-Tiilige. 154. Kriiva. 155. Kossa. 156. Toosõ. 157. Pruntova. 158. Lütä.

На территории Российской Федерации: 159. Медли. 160. Печище. 161. Шартово. 162. Кулье. 163. Б. Дрисливик. 164. М. Дрисливик. 165. Заболотье. 166. Глазово. 167. Мартышово. 168. Красная Гора. 169. Кулиска Большая. 170. Лисье. 171. Будовиж. 172. М. Сельцы. 173. Медово. 174. Каменка. 175. Рожитец. 176. Семск. 177. Ястребино. 178. Злыполье. 179. Ямиче. 180. Ячменюво. 181. Городище. 182. Заходьы. 183. Ережново. 184. Крупп. 185. М. Крупп — Тиглицы. 186. Исад. 187. Моложва. 188. Вертушкино. 189. Слудицы. 190. Зачеренье — Зимий Борок (земля Хохлачова). 191. Пески. 192. Литовиж. 193. Кривск. 194. Иваново Болото. 195. Анохово. 196. Молочково — Амосово. 197. Кудина Гора. 198. Загорье, Подгорье. 199. Гверстонь. 200. Абдеха. 201. Калки Большие. 202. Калки Малые. 203. Печки. 204. Усадиче. 205. Видовичи Большие. 206. Видовичи Малые. 207. Лисецк. 208. Халахальня. 209. Купелица. 210. Луки. 211. Галино Поле. 212. Горушки. 213. Соха. 214. Сорокино. 215. Лезги, мельница Мишина. 216. Лезги. 217. Виски. 218. Раково. 219. Соколово. 220. Рогово. 221. Захново. 222. Малы. 223. Макарово — Дятлово. 224. Конечки. 225. Изборск. 226. Воронина Гора — Усть-Смолка (Калы). 227. Нижний Крупск. 228. Пискони. 229. Гнилкино. 230. Брод. 231. Вастсы. 232. Сходница Брод. 233. Мильцы Большие. 234. Малые Мильцы. 235. Коланицы. 236. Коломна. 237. Сенно. 238. Иверицы. 239. Тешевцы. 240. Куничинная Гора. 241. Печоры. 242. Б. Пачковка. 243. М. Пачковка. 244. Пальцово (у Печор). 245. Рагозино. 246. Маслово (Савкина пустошь). 247. Ульяновцево. 248. Тивиково. 249. Тайлово. 250. Красный Бор. 251. Голино. 252. Березнок. 253. Забелино. 254. Свенск. 255. Бельск. 256. Рыжково. 257. Репино. 258. Шляхово. 259. Лаптево. 260. Верехово. 261. Залесье. 262. Сыромятино. 263. Аристово. 264. Рачево. 265. Усова Гора. 266. Керино. 267. Сигово. 268. Олехово Печорское. 269. Затрубье — Барканово. 270. Давыдов Конечк. 271. Давыдово Загорье. 272. Кучино. 273. Андрейково. 274. Игнатово. 275. Митковичи. 276. Митковичи Загорье. 277. Умковичи. 278. Мотовилово. 279. Россолово. 280. Боровенское озеро. 281. Паниковичи. 282. Бебешкино. 283. Дмитриевское Поле. 284. Черемново. 285. Невское Олехово. 286. Клезино. 287. Русский Бор. 288. Наталкино. 289. Дятлово. 290. Богомоллово. 291. Рагозина Гора. 292. Кашино. 293. Пурики. 294. Бухолово. 295. Макарово — Литвиново. 296. Говино. 297. Пишево. 298. Железово. 299. Боборово. 300. Мильдино. 301. Горушки. 302. Борисовка. 303. Аполихино (Скачки Полевые). 304. Федосы. 305. Теракалны. 306. Никольщина. 307. Сохино. 308. Ключиче. 309. Любятово. 310. Кендиши. 311. Тяково. 312. Шумки. 313. Михеенки. 314. Лавры. 315. Бобренки. 316. Усадиче. 317. Борисовка. 318. Замоще. 319. Полдохново. 320. Бор Бельково. 321. Вязьмово. 322. Замогилье. 323. Кржово. 324. Слизово. 325. Логатово — Турок. 326. Борщевцы. 327. Пыжово — Кильск. 328. Кильск — Колосовка. 329. Колосовка. 330. Куланово. 331. Костино. 332. Новая. 333. Поддубье. 334. Велье. 335. Петровск. 336. Косыгино. 337. Ямиче (у д. Косыгино). 338. у оз. Любенец. 339. Котья гора. 340. Михалево. 341. у оз. Могильно. 342. Кобылкино. 343. Кудеб.

могильники и поселения в различных местностях (Kiristaja 2009. Lk. 50–51, jn. 12). Во второй половине I тыс. количество памятников возрастает: самыми изученными среди них являются могильники с трупосожжениями, относящиеся к так называемой культуре длинных курганов (Aun 2009b. Lk. 72, 73, jn. 1). В XI в. появляются курганы с трупоположениями, а в конце этого века — жальничные погребения, с XII–XIII вв. — грунтовые захоронения, сопровождающиеся в последующие столетия иногда каменными крестами (Valk 2009a. Lk. 128–129, jn. 1; Selart, Valk 2009. Lk. 212, 213, jn. 6). Городища Сетомаа датируются в основном второй половиной I — началом II тысячелетия.

Зурова привлекали, в первую очередь, наиболее заметные на местности объекты — курганы, курганно-жальничные могильники, каменные кресты и городища. Не удивительно, что он отметил и обследовал в основном именно такие памятники, которые по внешним признакам легко обнаруживаются, а потому, как правило, хорошо известны местному населению и связаны с топонимами. Л. Зурову и Б. Вильде, ориентировавшимся на поиск и фиксацию «живой старины», сбор фольклорного и топонимического материала, с их стремлением обнаружить самые архаичные пласты в жизни местного сетоского и русского населения, такие памятники были особенно интересны. Полевые работы Л. Зурова имеют особое значение для документирования археологического наследия Сетомаа и создания археологической карты региона, существенно дополняя результаты исследований 1922 г. Из почти двухсот обследованных им памятников около половины были в последующие годы полностью или частично разрушены¹⁰.

Таким образом, отчеты Л. Ф. Зурова о работах в Печорском крае в 1930-х гг. являются ценнейшим первоисточником по археологии и археологической географии этого региона. Чрезвычайно интересны некоторые термины и топонимы, связанные с археологическими памятниками и записанные Л. Ф. Зуровым, но утраченные к настоящему времени. Так, Л. Ф. Зуров отметил, что местное население называло могильники с каменными кругами (жальники) «бывальниками». При обследовании этих же памятников в конце 1970-х — начале 1980-х гг. такие микротопонимы зафиксированы уже не были.

10. Например, на р. Пачковке недалеко от Печорской уездной больницы, Л. Ф. Зуров зафиксировал круглые и овальные курганы со следами сожжения, цепь которых тянулась до часовни в д. Большая Пачковка. Поблизости было обнаружено древнее поселение с культурным слоем мощностью 32 см с большим количеством керамики. Л. Ф. Зуров снял план курганного могильника, благодаря которому через много лет, в 1981 г., Изборская археологическая экспедиция смогла найти следы памятника на территории разросшегося города (Сергеева 1983).

Архивные документы и литература

- Александров, Белецкий 1994** ■ Александров А. А., Белецкий С. В. Памятники I тысячелетия н.э. у д. Лезги // Древний Псков. Исследования средневекового города: Мат-лы конф. Санкт-Петербург 20.–21. 05. 1992 / Ред. В. Д. Белецкий. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1994. С. 52–60.
- Артемьев 1998** ■ Артемьев А. В. Города Псковской земли в XII–XIV вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998.
- Аун 2006** ■ Аун М. Новые находки периода первой половины I тыс. н. э. в восточной части юго-восточной Эстонии // АИИППЗ: Мат-лы LI науч. семинара, посвящ. памяти академика В. В. Седова / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: ИА РАН, ПАЦ; ПГОИАХМЗ, 2006. С. 202–210.
- Болховитинов 1825** ■ Болховитинов Е. Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска. СПб.: Типография Смирдина, 1825.
- Воронин и др. 1960** ■ Воронин Н. Н., Гусаковский А. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. 1960. Среднерусская экспедиция // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 86–94.
- Гроздилов 1965** ■ Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. // Материалы и исследования по археологии Европейской части СССР. Археологический сборник ГЭ. Вып. 7 / Под ред. проф. М. И. Артамонова. Л.; М.: «Советский художник», 1965. С. 65–88.
- Грушина 1990** ■ Грушина Л. Е. История изучения археологических памятников Изборского края // Земля псковская, древняя и современная: Тез. докл. к научно-практ. конф. / Ред. А. И. Гусев. Управ. культуры Псковского облсполкома. ПГОИАХМЗ, 1990. С. 9–10.
- Грушина 2002** ■ Грушина Л. Е. А. И. Макаровский и археология Изборского края // Изборск и его округа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 94–105.
- Грушина 2011** ■ Грушина Л. Е. Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края // Первые Псковские регион. краевед. чтения (18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отд. Союза краеведов России фонд «Краевед», 2011. С. 142–153.
- Грушина 2016** ■ Грушина Л. Е. Исследование памятников археологии Изборска и округи профессором Дерптского университета Фридрихом Крузе в 1840 г. // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. №)7. Pühendusteos P. Nagule / Peatoim N. Kästik, E. Saar; toim K. Rajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskä: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 253–283
- Гурина 1959** ■ Гурина Н. Н. Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции // Тр. ПОКЭ. Т. 1. / Общ. ред. Х. А. Моора, Б. А. Рыбаков, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С. 76–110.
- Гурина Н. Н.** ■ Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР // СА. 1960. № 1. С. 125–136.
- Евгений 1825** ■ Евгений, митр. [Болховитинов Е. А.]. Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска. СПб.: Типография Смирдина, 1825.

- Закурина 2014** ■ Закурина Т. Ю. Изборская крепость. Новые открытия археологов. (Ключ к прошлому.) Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2014.
- Королев, Харлашов 2008** ■ Королев А. Е., Харлашов Б. Н. Могильник у д. Мурашкино (Свенск). // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы ЛПЗ заседания / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред.) и др. Псков: РГНФ, ИА РАН; ПАЦ, 2008. С. 208–215.
- Крейтон 1914** ■ Крейтон В. Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Тр. Псковского Археологического общества 1913–1914. Вып. 10. Посвящается XVI Всероссийскому Археологическому Съезду. Псков: Электр. тип.-лит. псков. губ. земства, 1914. С. 3–24.
- Лопатин, Харлашов 2015** ■ Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н. Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 44–56.
- Моора 1951** ■ Моора Х. Отчет о результатах экспедиционных работ по обследованию городищ юго-восточных районов Эстонской ССР и западной части Псковской области РСФСР 11, 13, 14, 20, 21 августа 1951 г. (Л1 1–66–9). 1951.
- Окулич-Казарин 1914** ■ Окулич-Казарин Н. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. Псковского археол. общ-ва. Вып. 10. Псков: Электр. тип.-лит. псков. губ. земства, 1914. С. 131–310.
- Раппопорт 1961** ■ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Мат-лы и исследования по археологии СССР. Т. 105. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Седов 1976а** ■ Седов В. В. Мальский кургано-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 87–95.
- Седов 1976б** ■ Седов В. В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь: Сб. ст. памяти Н. Н. Воронина / Ред. Г. К. Вагнер, Д. С. Лихачев, П. А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. С. 102–107.
- Седов 1977** ■ Седов В. В. Отчет об археологических работах Изборской экспедиции ИА РАН СССР в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. № 6762.
- Седов 1988** ■ Седов В. В. Погребальные памятники Изборска. // Археологические памятники европейской части СССР. Погребальные памятники: Метод. мат-лы к «Своду Памятников истории и культуры СССР» / Ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1988. С. 91–101.
- Седов 2007** ■ Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. Памятники отечественной науки. М.: Наука, 2007.
- Сергеева 1983** ■ Сергеева А. Е. Разведка в округе Изборска // АО 1981 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 38.
- Тараканова 1956** ■ Тараканова С. А. Псковские городища // КСИА. Вып. 62 / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. С. 33–44.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Отд. 1. Вып. 1. С. 31–62.
- Ушаков 1897** ■ Ушаков Ф. А. Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии. Мат-лы для составления археологической карты. Псков: Типография губернского правления, 1897.
- Aun 2003** ■ Aun M. Setomaa arheoloogilise uurimise ajaloost // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogias, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla.

- Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 15–22.
- Aun 2009a** ■ Aun M. Arheoloogilisest uurimistööst Setomaal // Setomaa 2. 2009. Lk. 13–22.
- Aun 2009b** ■ Aun M. Keskmise rauaaega ja viikingiaeg (450–1000/1050 pkr) // Setomaa 2. 2009. Lk. 70–116.
- Aun 2009c** ■ Aun M. Pedäjasarõ asulakoht // Setomaa 2. 2009. Lk. 231–233.
- Grušina 2009a** ■ Grušina L. Kendiši kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 266–269.
- Grušina 2009b** ■ Grušina L. 2009b. Novaja kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 180–181.
- Grušina 2009c** ■ Grušina. L. Verepkova kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 177–179.
- Harlašov, Koroljov 2009** ■ Harlašov B., Koroljov A. Vinski kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 261–263.
- Kiristaja 2009** ■ Kiristaja A. Kiviaeg, pronksiaeg ja vanem rauaaeg (kuni 450 pKr) // Setomaa 2. 2009. Lk. 24–61.
- Kruse 1859** ■ Kruse F. Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands Griechischen, Römischen, Byzantinischen, Nortmannischen oder Waräger-Russischen, Fränkischen, Angelsächsischen, Anglodänischen Ursprungs. Nachtrag gefunden auf einer Allerhöchst befohlenen archäologischen Untersuchungsreise und durch spätere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert / vom K. R. Staatsrath Comthur und Ritter m. O. Prof. Dr. Friedr. Kruse. Leipzig: Dyk, 1859.
- Labutina. 2009** ■ Labutina I. Tääkova kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 151–152.
- Lopatin 2009a** ■ Lopatin N. Ust-Smolka kääbaskalmistu // Setomaa 2. 2009. Lk. 136–137.
- Lopatin 2009b** ■ Lopatin N. Leeska muistisekompleks // Setomaa 2. 2009. Lk. 84–85.
- Nerman 1926** ■ Nerman B. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk // Sb GEG 1924. Dorpat, 1926. Lk. 44–74.
- Piho 2012** ■ Piho M. Mõla klooster Setomaal // SK, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 359–387.
- Selart, Valk 2009** ■ Selart A., Valk H. Keskaeg ja segaduste aeg (13. sajandi algus — 17. sajandi algus) // Setomaa 2. 2009. Lk. 203–251.
- Setomaa 2002** ■ Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. / Koost ja toim H. Valk, A. Selart, A. Lillak. Peatoim M. Aun. Tartu: ERM, 2002.
- Valk 2009a** ■ Valk H. Hilisrauaaeg (1000/1050–1225) // Setomaa 2. 2009. Lk. 126–174.
- Valk 2009b** ■ Valk H. Viski kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 264–265.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

457 История археологического изучения территории Сетомаа

477 Археологические экспедиции Леонида Зурова
и их место в археологии Эстонии

493 Археологические работы Л. Ф. Зурова
в контексте археологии Северо-Запада
России первой половины XX в.

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии

Хейки **Валк** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

■ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

До экспедиционных работ Зурова данные об археологических памятниках Сетомаа ограничивались в основном сведениями, собранными Псковским археологическим обществом (Ушаков 1897; Окулич-Казарин 1914) и археологическими описаниями волостей Сетомаа 1922 г. В собрании писем Яана Юнга¹, которое включает в себя много данных о Лифляндской губернии, информации относительно археологических памятников Сетомаа чрезвычайно мало. Единичные упоминания об археологических памятниках в фольклорных архивах археологами не использовались.

Ключевое значение для археологии Сетомаа имела проведенная в 1921–1926/27 гг. по инициативе первого профессора археологии Тартуского университета А. М. Тальгрена общеэстонская опись сохранившихся памятников. За образец был взят опыт Финляндии, откуда А. М. Тальгрэн переехал в Эстонию. К проведению описи привлекли студентов различных специальностей, для которых Тальгрэн организовал специальные подготовительные курсы, т. к. большинство из них изучали археологию в качестве дополнительного предмета. В 1922 г. в рамках упомянутых полевых работ по Сетомаа было составлено четыре инспекторских отчета: об Изборской (Schmiedehelm 1922), Печорско-Меремаяэской, Слободкинской (Parmas 1922a) и Паниковской (Suik 1922) волостях². Во время экспедиций проверялись и уже имеющиеся данные (Окулич-Казарин 1914).

1. Находится в архиве научной археологической коллекции Таллинского университета (Jung, Mss).
2. Сноски на эти материалы представлены в конце статьи А. Киристая и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии», с. 113 в настоящем издании.

Из студентов, которые вели поиски археологических памятников Сетомаа, к 1923 г. археологом стала только М. Шмидехельм, которая раньше изучала археологию в Петербурге. Составленное ею описание археологических памятников Изборской волости, отличающееся точностью, основательностью, хорошими рисунками и схемами, является одним из лучших в Эстонии. Уровень описаний Печорской и Лоботкинской волостей, составленных О. Пармасом, — средний или даже ниже среднего. Описание Паниковской волости А. Суйка по количеству зарегистрированных археологических памятников (всего 15) является особенно скромным, в основном оно было ограничено проверкой уже имевшихся ранее сведений. На основании проведенных в 1922 г. экспедиционных работ стало известно о 42 археологических памятниках и 26 каменных крестах в Изборской волости. В Печорско-Меремяэской волости учтено 11, а в Слободкинской волости — 23 археологических памятника. Всего зафиксированы данные о 91 археологическом памятнике и 26 единичных каменных крестах, а также сообщения о случайных находках. Из отчетов Зурова не ясно, использовал ли он при планировании экспедиционных работ данные, собранные в 1922 г., хотя известно, что при посещении впервые археологического кабинета Тартуского университета, вероятно, в июне 1937 г., он видел эти материалы.

■ О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ

Вклад Зурова в обследование археологических памятников Сетомаа значителен. Всего в его материалах можно отыскать данные почти о 200 археологических памятниках: в основном погребальных, а также о 59 природных почитаемых местах³. Хотя из тех археологических памятников, которые представлены Зуровым как открытые им, почти 20 были описаны уже в 1922 г., количество впервые обнаруженных все равно внушительно: к известным ранее 117 добавилось около 140 объектов. Точное количество найденных Зуровым археологических памятников назвать невозможно, так как часто из описания не ясно, имеются ли в виду отдельные курганные могильники или же это отдельные части одного частично разрушенного могильника. К сожалению, эти данные уже нельзя перепроверить, так как многие могильники или наземные сооружения над захоронениями к настоящему времени уничтожены. Экспедиционные работы Зурова внесли также большой вклад и по части находок. В период между 1920 и 1930 гг. в археологическое собрание Тартуского университета по Сетомаа вошло всего лишь шесть коллекций находок,

3. В отчете Борнса Вильде от 1937 г. упоминается 6 городищ, 10 мест поселений, 182 кургана, но здесь, очевидно, имеются в виду отдельные курганы, а не курганные кладбища.

Находки Зурова 1935 и 1937 гг. в фондохранилище.
Фотография Х. Валка. 2016 г. | ТЛУ, Археологическая коллекция

в т. ч. пять — из раскопок археологических памятников. Разведочные работы студентов 1922 г. добавили в собрание только несколько черепков глиняной посуды из городища Лисье. В результате экспедиций Зурова число находок значительно увеличилось: за 1935 и 1937 гг. в коллекции Тартуского университета поступило не менее 52 номеров находок⁴.

Следует отметить, что Зуров почти не фотографировал археологические памятники: среди его материалов есть только одна фотография неизвестного кургана, накопления пережженных костей (MQB PF 0008054), а также трех каменных крестов (MQB PF 0008041; PF 0008056; PF 0008057). Очевидно, фотофиксация этнографических реалий была приоритетной для Музея человека.

Исследовательские работы Зурова позволили впервые нанести на археологическую карту Сетомая **каменный век**. Стали известны несколько находок каменного и бронзового века и места их обнаружения (напр. Шартово/*Tsertva*, остров Семск/*Semssaare*, Кикуты/*Kikuta*, Халахальня/*Ala-Naani*, Кривск/*Krivska*). Археологические коллекции пополнились четырьмя каменными топорами.

Из более ранних находок внимания заслуживают и два огнива **середины или третьей четверти I тысячелетия н. э.**: «громовая стрела» из деревни Лезги/*Leeska* и «стрелица» из д. Любницы, которые в качестве предметов народной лечебной магии и колдовства были вместе с этнографическими

4. См. статью А. Киристая и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии», с. 113 в настоящем издании.

Неизвестный курган — единственный, сфотографированный Л. Зуровым. 1938 г.
MQB PF 008055. | МНБ

Каменные топоры (середина — третья четверть I тыс. до н. э.),
собранные Л. Зуровым (AI 3360, 3361, 3392, 3591).
Фотография А. Киристая. ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

«Громовая стрела» (а)
и «стрелица» (б) —
огниво (I тыс. н. э.)
из деревень Лезги и Любницы.
Кол. MNHN 1938.170.360, 361
(передана в МуСЕМ).
Фотография МуСЕМ. ■ МЦЕиС

материалами доставлены во Францию⁵. Уникальной является подпись к фотографии «Лечение громовой стрелой», где указано, что ею лечили ребенка в д. Лезги⁶.

Особого внимания заслуживает работа Зурова по выявлению **археологических памятников второй половины I тысячелетия**. Помимо открытого в 1935 г. городища Митковицы в его материалах отражены данные о не менее чем 42 курганных могильниках того времени — это более 2/3 из известных на сегодняшний день в Сетомаа. В контексте эстонской археологии особого

5. Архив MNHN-Collections d'ethnologie Vilde, 38.170.360, Vilde, 38.170.361. В тексте отчета (НМЕИ, Зуров I. Л. 44), однако, упоминается, что огнива собраны в русских деревнях Кульбе и Березье. Об использовании камней в лечебной и других видах магии см. каталог собранных вещей на приложенном к книге CD (MQB PF 0008054, MQB PF 0008041, PF 0008056, PF 0008057).
6. Хотя подпись к фотографии говорит о лечении осколком Иванова камня, огниво четко узнаваемо. О том, что лечение осуществляется с помощью «громовой стрелы», упоминается и в отчете Зурова (НМЕИ, Зуров I. Л. 44).

Лечение ребенка «громовой стрелой» местным знахарем Дубровским.

Д. Лезги. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PP0083419. ■ МНБ

внимания заслуживают найденные Зуровым курганы в регионе Лаоссина — Рысна (Клавшино — Тростна)⁷, в некоторых из которых проводились и археологические исследования (Аун 1992. С. 96–100). За два дня (30 и 31 августа 1937 г.) Зуров успел провести здесь замеры всех курганов и сделать генеральные планы. Несмотря на некоторые неточности⁸, нельзя никоим образом недооценивать работы Зурова по документированию курганных могильников второй половины I тысячелетия н. э. Благодаря его схемам сегодня известны те памятники, которые еще существовали в 1937–1938 гг., но позже были либо полностью (напр. могильник Лаоссина IV в центре деревни, курган деревни Рысна) или частично уничтожены (напр. курганный могильник Лаоссина III).

Помимо могильников Зуров обращал внимание и на **поселения железного века**, относясь к ним, в отличие от существовавшей ранее в Эстонии исследовательской традиции, как к отдельному виду археологических памятников. Несколько поселений Зуров открыл на побережье Псковского озера (напр. Печки, Калки, Кривск, Любница, Авдеева/*Audjäsäär*). Найденное им селище второй половины I тысячелетия находилось вблизи известного ранее курганного могильника Лезги. Обнаружению археологических памятников способствовал и тот факт, что на развееванных дюнах осколки глиняной посуды и костей были хорошо видны. Сегодня, когда эта местность заросла лугом, так просто поселения было бы уже не найти.

Многочисленны и данные Зурова о **грунтовых могильниках с труположениями XI–XVII/XVIII вв.**, однако их трудно соотнести с конкретными видами археологических памятников. Одной из причин является многообразие форм могильников и нередкие сложности в определении типа памятников. Христианские погребения XI–XIII вв. могли быть обозначены на поверхности кругом из камней (это круглые жальники; у Зурова — «каменные круги»); к более позднему времени относятся четырехугольные жальники, однако многие средневековые захоронения совершены в простых могилах, только иногда отмеченных над землей каменным крестом. Помимо «оградок» над погребениями, на средневековых могильниках Сетомаа при раскопках были обнаружены и другие каменные конструкции, широкое распространение которых в регионе осознано только в последнее время (Valk 2009. Lk. 143–144). Выделение форм могильников в наши дни

7. Могильники Лаоссина I–V, около дороги, ведущей с кладбища в Лаоссина в деревню Рысна и на берег Псковского озера (в наше время — Рысна — Сааре I), и один длинный курган около дороги, ведущей в д. Рысна.
8. Например, длина насыпи одного из упомянутых в Рысна «комбинированных» (вместе продольный и круглый курган) курганов, длина которого была указана как 95 м, оказалась всего 60 м, а расположенный к юго-западу от него круглый курган не был соединен с продольным (см. Allmäe, Aun, Maldre 2009. Jn. 1).

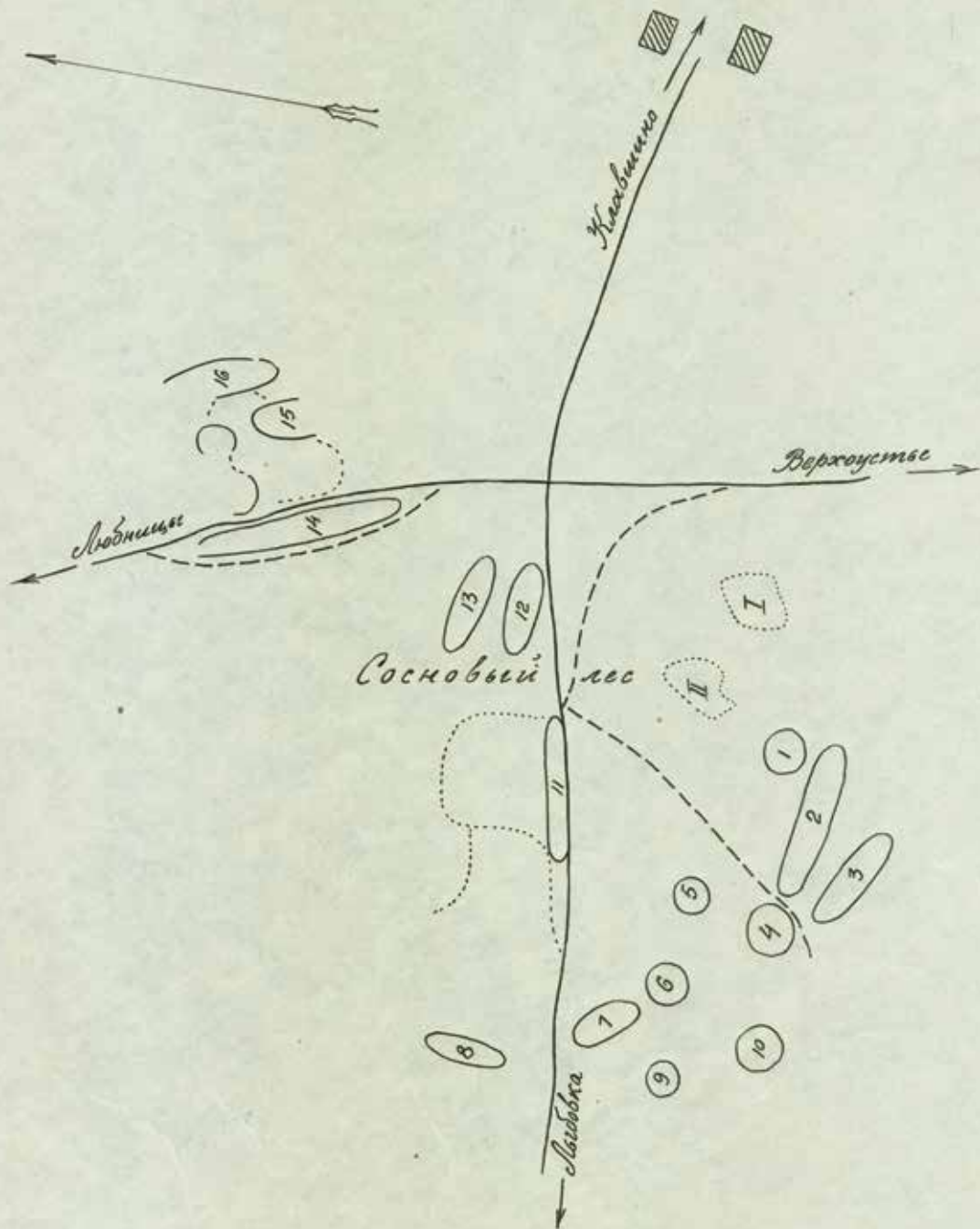

Схема расположения курганов в деревне Клевшино (Лаоссина),
 составленная Л. Зуровым в 1938 г. АИ 110: 4, 23. ■ ТЛУ, Археологическая коллекция

Селище Лезги, вид с северо-запада.

Фотография Я. Ратас. 2004 г.

зачастую уже невозможно — этому препятствует их распашка, вывоз камней и каменных крестов, которые начались задолго до экспедиций Зурова и продолжались позже, особенно в эпоху деятельности крупных советских сельских хозяйств.

Понимание материалов Зурова затрудняет нечеткая и непоследовательная терминология (например, при использовании слов «курган» и «могильник»). Это, а также ошибочная топонимика, различие в подходах, использованных Зуровым и другими археологами, усложняют сопоставление данных Зурова с данными 1922 г.: один и тот же археологический памятник иногда описывается как могильник, а иногда — как каменный крест.

Несмотря на разнородность и противоречивость результатов экспедиционных работ Зурова, они являются очень важным отправным пунктом для последующих исследований. На территории России в рамках Изборской археологической экспедиции сведения Зурова проверяла в 1977–1979 и 1981 гг. Л. Грушина. Начиная с 1990-х гг. данные Зурова при поиске археологических памятников использовал А. Киристая; они оказались полезными и во время проведения Археологическим центром Псковской области мониторинга памятников археологии в Печорском районе в 2012–2013 гг.

Хотя Зуров освоил в Париже предварительные теоретические знания и археологическую терминологию⁹, практический опыт, т. е. умение находить археологические памятники на местности и замечать в почве осколки глиняной посуды и обгоревшие кости, пришлось только на месте, в ходе полевых работ. Причиной успеха Зурова является не только глубокий интерес и острый взгляд, но и хороший контакт с местными русскими крестьянами (Белобровцева 2010. С. 298, 306) — большинство археологических памятников было найдено на основании их слов. Немаловажным является при этом, вероятно, «местное» происхождение Зурова (Опочецкий уезд, где он родился, на юге граничил с Псковским уездом) и владение псковским диалектом.

Зуров передал Тартускому университету артефакты и экспедиционные отчеты, систематизированные по волостям (оригиналы хранятся в археологическом архиве Таллинского университета, а копии — в археологическом архиве Тартуского университета). Эти материалы неоднородны: иногда это основательные планы и схемы, иногда — только краткие соображения относительно наличия археологических памятников. Переданные Зуровым отчеты были оформлены согласно принципам документирования памятников, предложенным Тальгреном: представлены только описания археологических памятников и мест их нахождения, информанты, как правило, не названы, данные о преданиях отсутствуют или же скудны. Поэтому в публикуемых здесь экспедиционных отчетах Зурова найдется значительная дополнительная информация к материалам, имеющимся в эстонских архивах.

Причиной результативности экспедиций Зурова является и недостаточная обследованность этой территории: Зуров был первым исследователем, посетившим многие из деревень Печорского уезда. Другой причиной большого количества найденных им археологических памятников было их необычайное изобилие, что обусловлено большой плотностью населения — деревни Сетомаа расположены очень близко друг к другу, плотнее, чем где-либо в других местах Эстонии. Поскольку могильники можно найти рядом со многими деревнями, особенно в Южной и Восточной Сетомаа, то степень концентрации археологических памятников I и II тысячелетия (если оставить в стороне весьма многочисленные в некоторых местах Северной Эстонии камни-чашечники с небольшими круглыми углублениями) в Сетомаа вероятно больше, чем где-либо в другом регионе Эстонии.

9. См. статью Т. Бенфугаль «Экспедиции А. Зурова и Б. Вильде в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.», с. 27 в настоящем издании.

■ УСТАНОВКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

При обработке экспедиционных материалов Зурова следует иметь в виду и его личную мотивацию для проведения исследований Сетомаа. Прежде всего, это глубокая любовь к утраченной родине (см. Белобровцева 2010. С. 293, 306) и к корням своего народа, романтический интерес к прошлому, в особенности национальному (Громова, Захарова 2012). В отчетах Зурова это четко проявляется и в подходе к археологическим памятникам: ключевыми словами являются «древние славяне», более конкретно — летописные псковские кривичи. В соответствии с господствовавшей в археологии 1930-х гг. точке зрения, Зуров считал курганы т. н. «культуры псковских длинных курганов» памятниками кривичей, расселившихся в будущей Псковской земле в середине первого тысячелетия. Более поздние и значительно более основательные археологические исследовательские работы курганных захоронений Северной Сетомаа (в т. ч. анализ материалов, полученный при раскопках на открытых Зуровым курганных могильниках в Лаоссина, а особенно могильника Рысна — Сааре I) (Aun 2009. Lk. 83–97) позволяют соотнести памятники культуры длинных курганов на территории Сетомаа с местным прибалтийско-финским населением.

Успешно и с энтузиазмом занимаясь поиском, Зуров в то же время критически относится как к вниманию, уделяемому Сетомаа археологами, так и к качеству осуществленных ранее раскопок. Он упрекает эстонских археологов в недостаточном интересе к Петсеримаа. Эти нарекания во многом исходят из того, что, по его мнению, националистически настроенные молодые эстонские археологи занимаются археологическими памятниками Центральной Эстонии и не обращают должного внимания на славянские древности (НМЕИ, Зуров I. Л. 26, 45).

В общем контексте археологии Эстонии в 1920–1930-х гг. Сетомаа все же не представляла собой регион, которому уделялось бы внимания меньше, чем другим, скорее наоборот. Если площадь довоенного Печорского уезда составляла 3,3 % от всей территории Эстонии, то из произведенных в Эстонии в 1920–1938 гг. 181 археологических раскопок¹⁰ там было проведено 9 (5 %). В серии сборников, посвященных уездам Эстонии, третьей по счету вышла из печати книга «Сетумаа», которая содержала и основательный обзор доисторической эпохи региона (Setumaa 1928. Lk. 108–112, 216–218, 271–273, 308)¹¹. Утверждение Зурова об отсутствии у эстонских археологов интереса к славянским археологическим памятникам опровергает тот факт, что все

10. См. URL — режим доступа: <http://www.arheo.ut.ee/kaevamiste-nimekirj>; дополнительно 9 раскопок в среднем течении р. Нарвы (см. Ligi 1993. Lk. 11, 12) и 9 — в Сетомаа.

11. Обзор написан Х. Моорой.

раскопки эстонских археологов в 1920–1930-х гг. в Сетомаа проводились в поселениях, населенных русскими (Изборск, Малы, Конечки, Верепково, Лавры, Виски и Новая). То же демонстрируют и раскопки второй половины 1930-х гг. в курганах Северного Причудья (Алутагузе) и Занаровья (Ligi 1993. Lk. 11, 12) — согласно толкованиям того времени, славянских.

Для оценки же эстонской археологии в тот период следует учитывать и то, что в 1920–1930-х гг. в Эстонии было еще мало археологов. До 1937 г. в Тартуском университете постоянно работали только два археолога — Харри Моора и Марта Шмидехельм; помимо них при возможности нанимали в помощь студентов с почасовой оплатой. Только в 1937 г. открылась возможность взять на работу двух новых штатных работников — Рихарда Индрекко и Эрну Аристе (Jaanits 1995. Lk. 19, 27, 35). В условиях завершившегося систематического археологического обследования памятников Эстонии (1921–1926/27) основные усилия были направлены на проверку информации о памятниках, на сами раскопки и на кабинетную научную работу, а также на составление каталогов коллекций артефактов.

Отношение Зурова к эстонским археологам в целом было прохладным (MNHN, Zurov I. A. 4, 5, 26). Скорей всего причиной тому послужило то обстоятельство, что честь открытия в 1935 г. городища Митковицы в прессе была приписана Освальду Саадре (Белобровцева 2010. С. 297, 298; Зуров 2014. С. 73).

Сказался и проявленный при первой встрече в Тарту скептицизм по отношению к планируемым Зуровым экспедициям: «Вряд ли вы что-то найдете. Весь Печерский край, Обозерье, Изборск самым тщательным образом обследованы профессором Талгреном. Он работал с нашими студентами-археологами. Все обнаружено и взято под охрану» (Зуров 2014. С. 85).

Недовольство Зурова усугублялось тем, что владелец земли успел до взятия под охрану уничтожить Омутский камень, обнаруженный им в 1937 г. и представленный для постановки на охрану (НМЕИ, Зуров II. A. 47–49), и тем, что распахивание выявленного в 1935 г. городища Митковица продолжалось и в 1937 г. (НМЕИ, Зуров I. A. 31). Очевидно, что результаты его экспедиционных работ оказались оценены не столь высоко, как ожидалось Зуровым.

Проблемы с защитой археологических памятников Сетомаа в Эстонии ясно осознавались еще и до Зурова. Одна из немногих инспекций, проведенных в 1920–1930-е гг. для проверки состояния археологических памятников, состоялась в 1927 г., два года спустя после принятия первого Закона об охране памятников старины, в Сетомаа, в волостях Меремаяэ и Сенновской. В отчете о проделанной работе констатировалось, что больше всего проблем вызывает распахка находящихся под охраной могильников, причиной чего является острая нехватка земли в Сетомаа (Kõrge 1927). Раскопки, проводившиеся в

Сетомаа в конце 1920-х и во второй половине 1930-х гг. имели своей целью спасение археологических памятников от уничтожения. Поскольку должность инспектора по охране памятников старины была создана в Эстонии только в 1936 г. (Jaanits 1995. Lk. 31), а надзор за охраняемыми памятниками на местном уровне входил в служебные обязанности полицейского констебля, действительное состояние памятников зависело в первую очередь от сознательности и установок владельцев земли.

Причиной негативной оценки Зуровым состояния археологии и охраны памятников старины в Эстонии могли оказаться и принципиальные идеологические разногласия, связанные с обстоятельствами его жизни, личной судьбы. Известно, что во время Гражданской войны Зуров сражался в составе Северо-Западной армии Н. Н. Юденича (Белобровцева 2011. С. 290, 291; см. также статью А. Громовой в настоящем издании), впоследствии активно занимался сбором материалов по ее истории, оставаясь верным идеалам утраченной Родины. В лице же представителей молодой национальной интеллигенции Эстонии Зуров столкнулся со сторонниками идеи самостоятельной Эстонии¹².

При том, что Зуров и не скрывает своего критического отношения к эстонским археологам и организации охраны памятников, он очень четко осознает, что исследовательские экспедиции в Сетомаа стали возможными только по той причине, что регион входил в состав Эстонии (Там же. С. 202, 203). Несомненно, вклад Зурова в археологию был бы не менее значительным и на территории Советской России, но туда у него не было доступа.

Исследования Зурова в Сетомаа остались незавершенными, и на это он обращает внимание в разных послевоенных письмах советским ученым (Зуров 2014). Особенно четко это выражено в письме директору Печорского музея М. С. Вильницу 1958 г.:

«Хочу отметить, что в 1937 и 1938 гг. я вел археологическое обследование весьма поспешно. За лето делал до 500 километров пешком. Для учета всего, точных обмеров не хватало ни времени, ни сил. Чрезвычайно благодарен населению Печерского края. Старики мне всемерно помогали. Я часто изумлялся народной памяти. <...> В 1938 г. археологическая разведка Обозерья и Печерского края не была закончена и я опасался, что при запашке полей тракторами невысокие еще не зарегистрированные

12. В войне 1918–1920 гг. в Эстонии принимал участие и будущий профессор археологии Тартуского университета Х. Моора (1900–1968).

курганы будут совсем снесены. Мне кажется, что серьезное обследование края необходимо. От всей души желаю, чтобы все памятники материальной культуры были обнаружены и нанесены на археологическую карту. Для этого нужна, конечно, сосредоточенная коллективная полевая работа. Археологическая карта все время будет пополняться» (Там же. С. 78).

К настоящему времени Сетомаа в контексте археологии как Эстонии, так и Псковской области является одним из наиболее хорошо изученных регионов. Большой вклад в исследование его ранней истории, особенно в открытие курганных групп, могильников с труположениями, изучение и фиксацию природных священных мест, внесли экспедиционные работы Леонида Зурова. Исключительно важным следует считать сбор свидетельств о тех археологических памятниках, которые можно найти преимущественно на основе устных свидетельств. Непреходящей научной ценностью обладают открытые Зуровым многочисленные археологические памятники, многие из которых к настоящему времени уже исчезли, и сведения о них ограничиваются только материалами его экспедиционных работ и имеющимися в них описаниями.

Архивные документы и литература

- Аун 1992** ■ Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: Олион, 1992.
- Белобровцева 2010** ■ Белобровцева И.З. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И.З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
- Громова, Захарова 2012** ■ Громова А. В., Захарова В.Т. Жизнь и творчество Леонида Федоровича Зурова. М.: МГПУ, 2012.
- Зуров 2014** ■ Зуров А. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М. [б. и.]. 2014. С. 74–78.
- Окулич-Казарин 1914** ■ Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. ПАО 1913–1914, Вып. 10. Посвящается XVI Всероссийскому археологическому съезду. Псков, 1914. С. 131–310.
- Ушаков 1897** ■ Ушаков Ф. А. Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии. Псков: Типография губернского правления, 1897.
-
- Allmäe, Aun, Maldre 2009** ■ Allmäe R., Aun M., Maldre L. Rõsna-Saarõ I kääbaskalmistu // Setomaa, 2, 2009. Lk. 88–89.
- Aun 2009** ■ Aun M. Keskmine rauaäga ja viikingiaeg // Setomaa 2, 2009. Lk. 70–116.
- Jaanits 1995** ■ Jaanits L. Muinasteadus Tartu Ülikoolis 1920–1940 // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisise aspekte / Toim V. Lang. (Muinasaja teadus, 3). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1995. Lk. 9–53.
- Kõrge 1927** ■ Kõrge H. Petserimaa muinasjäänuste inspektsiooni aruanne (AI 1–112–2). 1927.
- Ligi 1993** ■ Ligi P. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand) // Vadjapärased kalmed Eestis 9.—16. sajandil / Toim V. Lang. (Muinasaja teadus, 2.) Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1993. Lk. 7–175.
- Parmas 1922a** ■ Parmas O. Petseri valla arheoloogiline topograafiline kirjeldus (Petseri ja Meremäe vallad). (AI 1–111–1). 1922.
- Parmas 1922b** ■ Parmas O. Lobodka valla (praeguste Mäe, Kulje ja Järvesuu valdade arheoloogiline topograafiline kirjeldus). (AI 1–110–1). 1922.
- Reissar 1996** ■ Reissar L. Setumaa läbi sajandite. Petserimaa. Tallinn: Kupar, 1996.
- Saarde 1935** ■ Saarde O. Petserimaa muinasjäänuste inspektsiooni aruanne (AI 1–112–12). 1935.
- Schmiedehelm 1922** ■ Schmiedehelm M. Irboska. (AI 1–112–1). 1922.
- Setumaa 1928** ■ Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti III / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. Tartu: EKS, 1928.
- Suik 1922** ■ Suik A. Panikovitši vald. (AI 1–109–1). 1922.
- Valk 2009** ■ Valk H. Hilisrauaäga (1000/1050–1225) // Setomaa, 2, 2009. Lk. 126–174.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

457 История археологического изучения территории Сетомаа

477 Археологические экспедиции Леонида Зурова
и их место в археологии Эстонии

493 Археологические работы Л. Ф. Зурова
в контексте археологии Северо-Запада
России первой половины XX в.

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

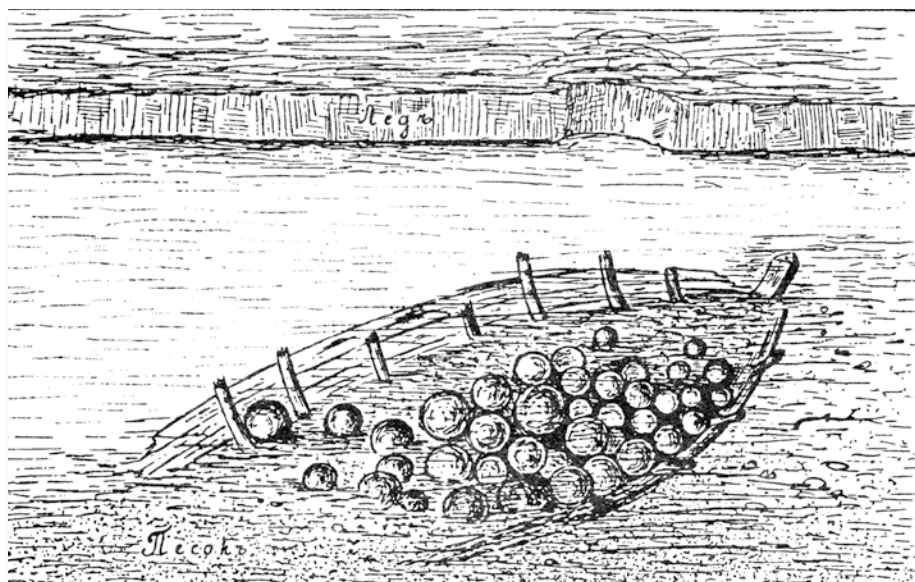
■ Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.

Елена Михайлова ■

Чтобы оценить по достоинству результаты работ Л. Ф. Зурова в Печорском крае, следует рассмотреть их в контексте других археологических работ того времени. Для этого постараемся ответить на несколько вопросов. Какие проблемы занимали археологию Восточной Европы в начале — первой половине XX в.? Какое место в изучении славяно-русской археологии отводилось окрестностям Псковского озера, Изборску и Печорам? Каков был уровень подготовки самого Л. Зурова, какие цели он ставил перед собой, и что из намеченного сумел реализовать?

Л. Зуров подробно описывает подготовку к экспедиции в Сетоский край (НМЭИ, Зуров I. А. 1, 27, 28). Очевидно, упор в этой подготовке был сделан в первую очередь на сбор сведений по археологии Печорского края. Не случайно упоминание монографии Ю. Готье о железном веке (Готье 1930) именно в контексте отсутствия сведений об археологических памятниках западного берега Чудского озера. По-видимому, значительная часть работ оказалась Зурову недоступна, он не упоминает о многих важных публикациях и, видимо, не знает о них. Например, он сообщает, что «узнал от рыбаков, что неподалеку от берега на дне озера лежит занесенная песком ладья, груженная каменными ядрами» (НМЭИ, Зуров I. С. 24). Между тем, В. Н. Глазов подробно исследовал эту ладью и опубликовал небольшую брошюру о ней еще в 1911 г. (Глазов 1911).

Не совсем понятно, насколько были известны Зурову результаты ранее проводившихся археологических работ в окрестностях Печор. Описывая свои разведки, он, как правило, не ссылается на предшественников (кроме упоминания места находки клада дирхемов в деревне Большие Печки, со ссылкой на «Материалы...» Н. Ф. Окулича-Казарина (Окулич-Казарин 1914. С. 245). И хотя в отчете Зурова упомянут ряд исследований (Глазов 1901; Грабарь 1910; Евгений 1825; Касторский 1841; Паклар, Саарц 1931; Сизов

Ладья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском озере (по: Глазов 1911. С. 4)

1902. С. 81, 82; Синайский 1929; Ячин 1925. С. 80, 81; Kallas 1903; Setumaa 1928), сам он обычно употребляет слова «нашел», «обнаружил», «открыл». Упомянутые Л. Зуровым «советские учебники» — это, скорее всего, работы В. А. Городцова: опубликованные на правах рукописи курсы лекций, в одном из которых специально рассматривалась методика проведения археологических раскопок (Городцов 1914, 1926. С. 7–36 и др.).

В XIX — начале XX в. в Южном и Юго-Западном Причудье основной интерес историков и археологов привлекали летописные города Псков и Изборск, а также Псково-Печерский монастырь. «Рядовые» археологические памятники занимали археологов того времени гораздо меньше. Ситуацию должны были исправить подготовительные мероприятия к XVI Археологическому съезду во Пскове. В 1911 г. во Пскове побывал А. А. Спицын, выступивший с публичной лекцией о прошлом Псковской земли и предложивший программу ее археологического изучения. В 1912–1913 гг. в нескольких уездах Псковской губернии начались археологические исследования. Одним из результатов этих изысканий явилось издание материалов для археологической карты Псковской губернии, подготовленное Н. Ф. Окулич-Казариным на основании работ специалистов-археологов, а также по сведениям опросных листов, около 10 000 которых было разослано представителям местной администрации и интеллигенции. В этих материалах имеются сведения о приблизительно 50 памятниках старины и случайных

находках на территории Юго-Западного Причудья (Окулич-Казарин 1914). Начавшаяся мировая война прервала дальнейшие исследования.

Еще меньше было известно науке о «псковских эстонцах» — сето. Можно указать несколько этнографических работ (Миротворцев 1860; Гурт 1906. С. 1–22), но большого внимания исследователей эта народность не привлекала¹. Исключение составляют работы Ю. Ю. Трусмана, который активно интересовался топонимикой и фольклором Псково-Печерского края (Трусман 1890; 1894). Л. Ф. Зуров упоминает хранившийся в Псково-Печерском монастыре архив Ю. Трусмана, с которым он мог ознакомиться. В целом к 1920-м гг. Юго-Западное Причудье — Печорский край оставалось мало изученным. Впрочем, столь же мало изучены были и другие регионы Юго-Восточной Прибалтики и России. Не случайно в это время разворачиваются широкие работы по поиску, обследованию и учету археологических памятников.

В РСФСР в 1924 г. был принят декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». На основании этого декрета Академия истории материальной культуры приступила к археологическому обследованию РСФСР. Работа была направлена на учет всех литературных, архивных и музейных источников, полевое обследование памятников и их регистрацию, сбор сведений о причинах разрушения памятников и подготовку мероприятий по их охране. На территории Ленинградской области (в то время включавшей в себя практически всю Северо-Западную Россию) эти работы вела Комиссия по учету памятников Ленинградской области под руководством П. П. Ефименко. Под ее эгидой было проведено практически сплошное обследование Северо-Запада России. На территории современной Псковской области работали Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин, П. Н. Шульц, В. А. Иванов и Б. А. Коишевский, и собранные ими материалы не утратили актуальности по сей день.

Нет ничего удивительного в том, что Леонид Зуров чувствовал себя первооткрывателем Печорского края и его культурного богатства. «Никто не интересовался историей края. Богатый древними поселениями и погребениями край напрасно ожидал исследователей» (НМЕИ, Зуров I. Л. 6).

Подход Зурова в большинстве случаев — подход энергичного и неравнодушного дилетанта, с особым вниманием к истории народного искусства и «народному духу», без особого внимания к хронологии встреченных им древностей или их подробной культурной характеристике. Автор отчета просто отмечает наличие курганов, могильника или выхода керамики. Особое значение Л. Зуров придавал своим работам на Митковицком городище. Несмотря на их небольшой объем, он сделал несколько любопыт-

1. См. статью М. Засецкой и А. Раудоя «История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа», с. 381 в настоящем издании.

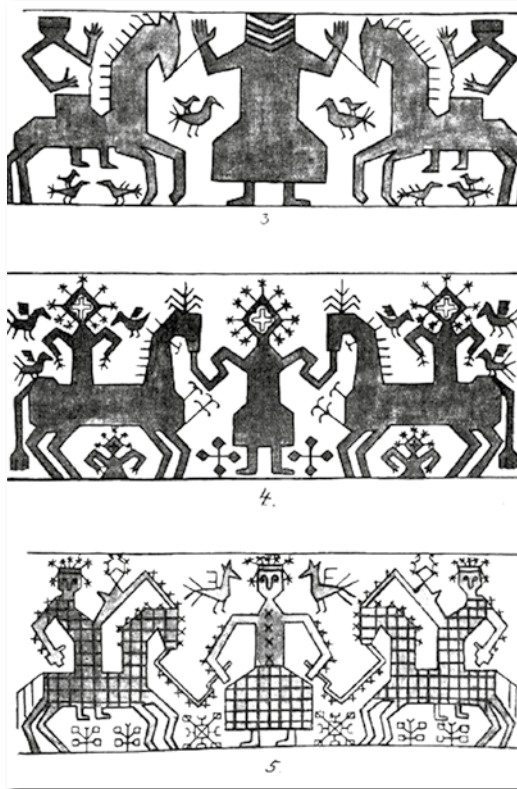
Пособие по проведению археологических разведок, написанное А. А. Спицыным в 1927 г.

ных наблюдений, сопоставив костяные орудия (проколки?) с находками из раннесредневековых городищ на территории Германии и отметив выход материковой глины в центре площадки и «идущий по краю городищенской площадки пояс очагов» — т. е., по видимому, развалы некрупных обожженных булыжников. Такие развалы обожженных камней часто фиксируются при современных раскопках городищ как раз по периметру площадки, вплотную к оборонительным валам городищ. В 1930-х гг. планомерные раскопки укрепленных поселений в лесной зоне только начинались, и сведения об их устройстве, планиграфии, особенностях структуры были еще очень скудны. Интересно также, что Зуров предложил своему другу доктору Розову определить собранные на городище кости животных: по определению Розова, они «принадлежали медведям, лосям и крупным глухарям» (ИМЭИ, Зуров I. Л. 26). В те годы палеозоологическое определение костных остатков было еще скорее исключением, чем распространенной процедурой. В рассуждениях Зурова о русской истории заметно следование многим распространенным тогда общим идеям: о тесных связях Северной Руси с

**Сюжеты севернорусских
вышивок, связанные с древним
культом Великой Богини**

(по: Городцов 1926. С. 11).

Эти рисунки были также скопированы
Л. Зуровым в его конспектах

Балтикой и балтийскими (поморскими) славянами, о походах на Балтийское море, о балканских славянах как образце славянской архаики, о повсеместно распространенном культе женского божества, отождествляемого едва ли не со всеми языческими богинями древности. Его мнение о кривичском происхождении русского населения Печорского края, безусловно, восходит к работам А. А. Спицына, давшего общий очерк расселения восточнославянских племен на Русской равнине и приписавшего на этом основании кривичам длинные и удлиненные курганы (Спицын 1903. С. 196–202). Интерес Зурова к проблематике длинных курганов четко выражается в переписке с советскими учеными в послевоенное время.

Несмотря на зачастую дилетантский характер работ, результаты экспедиций Зурова чрезвычайно важны. Отчеты об этих исследованиях к настоящему времени получили статус первоисточника: в них отмечены многочисленные археологические памятники, не сохранившиеся до нашего времени. Эти сведения зачастую скудны или неточны, однако невозможно переоценить их значение при изучении археологической географии.

во время пожара. Сохранилось лишь единичное экземпляры.

С уважением В. Седов

Адрес: Москва, Г-2, Старокопюшенный пер., 15, к. 1.
Седову Валентину Васильевичу.

Душепоклоняемый Леонид Федорович!

Сотрудники Псковского музея сообщили мне о Ваших интересах в археологии Псковского края.

Несколько слов о эллинских курганах западного побережья Псковского озера и введении юго-восточной Эстонии в связь с этими курганами. В т.ч. с обследованными вами, по архивным материалам археологического музея Тартуского университета (теперь этот музей переехал в Таллин, т.к. переехал в Эст. Академию наук). Схематическая карта распространения эллинских курганов в Эстонии (без указания местностей) опубликована у васежера Х.А. Тосера (6 не была и материал Ваших обследований):

1. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951-1952 гг. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, в. 55, 1954 г.
2. Вопросы славянской эстонского народа и некоторых соседних народов в свете границ археологии. В сборнике "Вопросы эстонской истории эстонского народа", Таллин, 1956.

С. Я. Тороханово об этих курганах знала только со слов эстонских археологов и получила, я думаю, это распространение эллинских курганов на западном побережье Псковского озера было установлено только в 1951 г. В 1951 г. эстонскими археологами были раскопаны 2 эллинских кургана близ м. Пилдере Эздрского района.

К сожалению, у меня не осталось ни одного экземпляра реферата в переплетенном виде. Поэтому я выписал послать вам неотрешированную копию реферата. За это прошу извинения. Вместе с тем, послать вам фотокопию карты Н.Н. Чернышова. Книга, где была помещена карта и карта Н.Н. Чернышова (Материалы и исследования по археологии СССР, в. 6) была в своей жизни 1941 г. в Ленинграде и весь тираж ее пошел

Письмо В. В. Седова Л. Ф. Зурову. 1958 г.

■ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 62-62 об.

Литература

- Глазов 1901** ■ Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском у. // Записки ИРГО. 1901. Т. XII. Вып. 1–2 / Под ред. управляющего отделением С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова. С. 210–220.
- Глазов 1911** ■ Глазов В. Н. Ладыя с каменными ядрами, затонувшая в Чудском озере. СПб.: Типография глав. управления уделов, 1911.
- Городцов 1914** ■ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- Городцов 1926** ■ Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные мотивы в русском творчестве // Тр. ГИМ. Вып. 1. М., 1926. С. 7–36.
- Готье 1930** ■ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Грабарь И. Э. 1910** ■ История русского искусства. Т. 1: История архитектуры. Допетровская эпоха. М.: Изд-во И. Кнебель, 1930.
- Гурт 1906** ■ Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Изв. ИРГО. Т. XXI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.
- Евгений, митр. 1825** ■ Евгений, митр. [Болховитинов Е. А.] Летопись древнего Славено-Русского княжеского города Изборска. СПб.: Типография Смирдина, 1825.
- Касторский 1841** ■ Касторский М. Начертания славянской мифологии, составленные для получения степени доктора философии. СПб.: Типография Е. Фишера, 1841.
- Миротворцев 1860** ■ Миротворцев М. Об эстах, или полуверцах, Псковской губернии // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 год. Псков: Типография губернского правления, 1860. С. 45–61.
- Окулич-Казарин 1914** ■ Окулич-Казарин Н. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. Псковского археологического общества. Вып. 10. Псков: Электрич. типо-лит. псков. губ. земства, 1914. С. 131–292.
- Паклар, Саарц 1931** ■ Паклар Э., Саарц Л. Живут ли в пределах Ленинградской области эсты «полуверцы» // СЭ. 1931. № 4–5. С. 213–214.
- Сизов 1902** ■ Сизов В. И. Длинные курганы в Смоленской губернии // Тр. XI Археологического съезда в Киеве. Т. 2 / Под ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слуцкого. М., 1902. С. 81, 82.
- Синайский 1929** ■ Синайский В. И. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Рити», 1929.
- Спицын 1903** ■ Спицын А. А. Удлиненные и длинные русские курганы // Записки ОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. С. 196–202.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Отд. 1. Вып. 1. С. 31–62.
- Трусман 1894** ■ Трусман Ю. О происхождении названия г. Изборска и древнего населения его окрестностей // ЖС. Вып. 3–4. Кн. XV–XVI. 1894. С. 549–554.
- Ячин 1925** ■ Ячин В. В. О Красногородских эстонцах // Познай свой край: Сб. Псковского общества краеведения. Т. 2. Псков, 1925. С. 80, 81.
-
- Kallas 1903** ■ Kallas O. Kraasna maarahvas. Helsingi: SKS, 1903.
- Setumaa 1928** ■ Setumaa; maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim Edg. Kant, A. Tammekann, J. V. Veski. Tartu: EKS, 1928.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

501 Церковные древности в трудах Л. Ф. Зурова

521 Часовни Сетомаа в материалах Леонида Зурова

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

3.4. Церковная архитектура

■ Церковные древности в трудах Л. Ф. Зурова

Александр **Мусин** ■

Интерес Л. Ф. Зурова к Псковской земле был вызван не только ситуацией времени, когда рижскому эмигранту был доступен лишь северо-западный край Псковщины, вошедший в состав новой Эстонии. Его выбор был, как думается, продиктован и его происхождением из псковского пригорода — Острова, о котором он будет вспоминать на Печорской земле.

Считается, что Л. Ф. Зурову одинаково была свойственна «любовь к псковским озерам, мужикам, избам и церковкам» (Громова, Захарова 2012. С. 33). Сам он писал, что «регистрировал старину, находящуюся в церквах и часовнях» (НМЕИ, Зуров II. Л. 18) и упоминал «работу по регистрации священных мест языческой древности» (НМЕИ, Зуров II. Л. 77). Однако в «почвенном» интересе Зурова к псковской архаике церковным древностям было уготовано иное место, нежели древностям «церковно-этнографическим».

В 1928 г. Л. Ф. Зуров был послан «из Риги в Печерский край комиссией по изданию монографии о Псково-Печерском монастыре для предварительного обследования памятников зодчества и регистрации древностей» (НМЕИ, Зуров I. Л. 1). Однако несмотря на то, что автор посвятил свою книгу «Отчина» «Владычице Печорской», отнести историю древностей Псково-Печерского монастыря к «основным темам его творчества» (Громова, Захарова 2012. С. 15) было бы неосторожно.

■ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Описания Псково-Печерского монастыря составлялись уже в XIX в. Новый том, задуманный В. И. Синайским, отличался своей художественной составляющей, как литературной, так и изобразительной. Роль Л. Ф. Зурова здесь сводилась к выявлению и постановке на охрану церковных древностей, а «исследование», термин, часто встречающийся в его отчетах, оказалось подменено осмотром и краткими описаниями. Это было возвращением к «ученым путешествиям» XIX — начала XX в. — этапу, уже пройденному российской наукой (ср.: Мусин 2010. С. 41–92). На повестке дня стояло

подробное научное описание и сравнительно-типологическое исследование открытых памятников. Однако политические потрясения отбросили ученые возможности эмигрантского сообщества далеко назад. На основании одних отчетов Л. Ф. Зурова трудно сделать заключение о его вкладе в изучение церковных древностей Псковщины и Эстонии, но эти записки показательны для характеристики его интересов и предварительной оценки результатов его деятельности.

С Псково-Печерским монастырем, действительно, оказались связаны самые яркие ученые предприятия Л. Ф. Зурова. Им были осмотрены «памятники церковного и крепостного зодчества», ризница монастыря, библиотека, монастырские чердаки и погреба, а также пещерный некрополь с керамидами XVI–XVIII вв. (НМЕИ, Зуров I. Л. 14), который до сих пор остается изученным лишь частично (Плешанова 1966). Л. Ф. Зуров полагает, что здесь существовали погребения XV в. При этом он справедливо заключил, что мастерская по изготовлению керамид находилась где-то поблизости. Для него этот некрополь представлялся «музеем древнего керамического искусства» и образцов народного творчества (НМЕИ, Зуров I. Л. 14, 15).

Суя по отчетам, книги привлекли его первоочередное внимание. Увиденное им собрание он описывает как «неразобранные рукописи и книги, сваленные во владычных покоях» (НМЕИ, Зуров I. Л. 7). Именно там Зуровым был найден служебник с надписью «книга Мисюрева», который, очевидно, справедливо, был им определен как принадлежавший дьяку Михаилу Мисюрю Мунехину. Литургическое содержание книги в настоящее время установить невозможно, а ее датировка «вечевыми временами» (т. е. до 1478 г.) представляется лишь романтическим словоупотреблением. Еще одна книжная находка — синодик XVII в. с заставкой, выполненной золотом, прозеленью и киноварью. Судьба обеих книг в настоящее время нам неизвестна; первая определенно исчезла уже к 1935 г. Осматривал Л. Ф. Зуров монастырскую библиотеку и в 1938 г, когда ему удалось зафиксировать отсутствие Кормовой книги 1558 г. (НМЕИ, Зуров I. Л. 16, 17).

■ НАХОДКА ИКОНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Его интерес вызвали и местные иконы как источник для изучения истории архитектуры. Он специально выделяет в своей записке три обнаруженные им памятника:

«...большую икону <...> с прекрасно сохранившимся архитектурным рисунком обители — стен, башен и церквей», «рисунок монастыря, выгравированный на медной доске в начале 19-го в., — интересный для изучения произведенных монахами переделок и перестроек» и «монастырское

ветхое шелковое знамя, с живописным изображением обителя масляными красками конца 19 в.» (НМЕИ, Зуров I. Л. 1).

Известно, что в эпоху позднего средневековья возникает новое сакральное восприятие урбанистической среды. Одним из его проявлений является изображение городских реалий на иконах середины XVI–XVII в. (Мусин 2006. С. 491–524). В случае с Псковом и Печерским монастырем городская топография отражена в иконах «Видение старцу Дорофею» (конец XVI — начало XVII в.). Их событийными и литературными истоками является осада Пскова 1583 г. и «Повесть о приходе Стефана Батория на Псковскую землю».

Сохранившиеся сегодня иконы представлены двумя изводами (Гкачева 1997. С. 36–47). Первый, где топографические реалии представлены достаточно обще, известен в двух образцах. Это икона из церкви Покрова Божией Матери «от Пролома»¹ и «Образ Богородицы Псково-Покровской» из церкви Богоявления с Запсковья, ныне утраченная². Второй извод, где в нижней левой части как раз и изображен Печерский монастырь, представлен несохранившейся иконой из Псково-Печерского монастыря, известной по фотографиям К. К. Романова³ иконой из «лавки Жиглевича» третьей четверти XVIII в. и иконой «Сретение Богородицы» 1784 г.

Мы затрудняемся однозначно определить извод иконы, найденной Л. Ф. Зуровым. Его заметка о ней (Зуров 1928) осталась нам недоступна. Он пишет лишь об изображенном на иконе монастыре. Значит ли, что найденный им образ представлял иную иконографию, чем традиционные иконы «Видение старцу Дорофею» с изображением Пскова? Такие иконы действительно известны, хотя и для более позднего времени. Однако фрагмент с новонайденной иконы с изображением Псково-Печерского монастыря, опубликованный в выпущенном в Риге описании (Синайский 1929. С. 26, рис. 6), свидетельствует, скорее всего, что речь идет о копии «иконы Романова», извод которой относится ко времени не позднее конца XVII в. К сожалению, точное время и место обнаружения иконы К. К. Романовым неизвестны. Сам исследователь, отмечая ее плохую сохранность, полагал, что она долгое время лежала в какой-то монастырской «рухлядой» (Гкачева 1997. С. 38). Находка Л. Ф. Зурова была сделана в схожих условиях: она находилась «на одном из чердаков», «заброшенная», «покрытая голубиным пометом» (НМЕИ, Зуров I. Л. 1). К сожалению, судьбу открытой Л. Ф. Зуровым иконы проследить не удалось.

1. Фотоархив ИИМК РАН: О-595/9, П-99970; Q-721/4, П-68077.

2. Там же. Q-1697/7, П-48941.

3. Там же. Q-1697/8, П-48942.

■ РИЗНИЦА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Л. Ф. Зуровым была осмотрена и монастырская ризница. Некоторые из его наблюдений имеют важный историко-культурный характер. Так, в 1928 г. он не нашел отмеченных в описях двух золотых цепей и пластин-прикладов, пожалованных монастырю Иваном Грозным и его сыном Иваном в 1577 г. На золотой пластине, вкладе великого князя, была выгравирована надпись «Ливонского походу 7086», а на другой пластине, названной серебряной, другая: «Сие золото к Пречистой приложил царевич князь Иван Иванович из своего Ливонского походу» (НМЕИ, Зуров I. Л. 16). Известно, что подобный вотив с аналогичными надписями был поднесен князьями и к иконе Знамение Божией Матери в Новгороде в следующем, 7087 (1578) г. К сожалению, новгородский вотив также не сохранился, однако благодаря фотографиям, сделанным ИАК в 1885 г., мы можем себе представить ромбическую форму этих пластин (Мусин и др. 2009. С. 859, 860)⁴.

Л. Ф. Зуров составил также список предметов монастырской ризницы. В своих отчетах он перечисляет «золотые кресты тонкой работы», «евангелия, обложенные золотом и серебром», золотые потиры и ковши, кадилницы, «кубок и три братины царя Феодора Иоанновича», «вклады Бутурлина и стольника Лихорева», плащаницы Анастасии Романовны и Бориса Годунова, богослужебные облачения и личные вещи Ивана Грозного. Трудно сказать, в какой мере эти наблюдения были использованы в официальной описи монастырской ризницы и послужили ее сбережению. Так, уже к 1935 г. исчез целый ряд предметов, виденных Л. Ф. Зуровым ранее (НМЕИ, Зуров I. Л. 16, 22, 23).

Еще труднее сделать заключение о роли его описи в сохранении ризницы в драматический период 1940–1943 гг. На момент ее составления в 1946 г. Л. Ф. Зурову было лишь известно, что в 1941 г. ее не успели эвакуировать на территорию России и «ризница досталась немцам». Однако угроза монастырскому собранию возникла раньше. В письме к митрополиту Таллинскому Александру (Паулусу) 20 сентября 1941 г. игумен монастыря Павел (Горшков) сообщает, что ключи от ризницы были изъяты советскими властями 21 октября 1940 г. и хранились в замке Алатскиви. Они были возвращены монастырю Печерской городской управой 13 августа 1941 г. Однако в течение месяца, по признанию игумена, монахи в ризницу — так и не вошли: «считаем это за лучшее <...> к тому же у нас нет описи» она находилась у В. Вага, который

4. В публикации 2009 г. допущена ошибка в написании дат от сотворения мира и от Рождества Христова.

занимался охраной памятников⁵. Еще один экземпляр описи некогда находился в монастыре у игумена Агафона, «но ее товарищи взяли» (Тихон 2008. С. 101, 102).

По мере приближения фронта к монастырю возникла угроза сохранности монастырских сокровищ, которые было решено эвакуировать. Немецкое командование соответствующей распиской гарантировало возвращение ризницы при благоприятных обстоятельствах. 18 марта 1944 г. ризница была перевезена в Ригу (Тихон 2008. С. 112, 113), а впоследствии вывезена на территорию Германии и хранилась в запасниках Музея икон в Реклингхаузене. Благодаря взаимодействию руководства РПЦ и советской дипломатии, при активном участии православной эмиграции, в частности архиепископа Василия (Кривошеина), сообщившего в 1971 г. в русский монастырь на Афоне об обнаружении сокровищ, в мае 1973 г. монастырская ризница вернулась в Печоры. Всего было возвращено 504 предмета из 566 (Тихон 2008. С. 158–162). Сравнение возвращенных сокровищ с описанием Л. Ф. Зурова затруднено. Научного издания этого монастырского собрания до сих пор не существует.

■ РЕСТАВРАЦИЯ НАДВРАТНОЙ ЦЕРКВИ НИКОЛЫ РАТНОГО В ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Одним из значимых, хотя и неоднозначных предприятий Л. Ф. Зурова в области сохранения церковных древностей стала реставрация в 1935 г. надвратной церкви свт. Николая Чудотворца («Никола Ратный»), построенной в 1564 г. воеводой Павлом Заболоцким. Она была частью воротной конструкции, образуя вместе с Никольской башней своеобразный «захаб» при входе в монастырь (Морозкина 2007. С. 105–110). Реставрация была поручена Зурову отделом по охране памятников старины Министерства народного просвещения и социальных услуг Эстонии.

Стоит вспомнить, что Л. Ф. Зуров не был профессиональным реставратором. Известно, что в 1922 г. он учился в пражской Высшей технической школе на отделении архитектуры и наземных сооружений, посещая при этом археологический департамент Карлова университета и *Seminarium Kondakovianum*. Реставрация уникального храма XVI в. стала его первым и последним опытом. Одного эстетического вкуса для проведения подобных работ было явно недостаточно.

5. Вольдемар Вага (1899–1999), искусствовед; был назначен советскими властями комиссаром ризницы с целью ее национализации. В октябре 1940 г. и апреле 1941 г. он создал описи сокровищ ризницы. См.: Nõmmela M. Voldemar Vaga (1899–1999) ja Eesti kunsti ajalugu. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi teaduskirjastus, 2008 (Прим. ред.).

Церковь свт. Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре до реставрации Л. Зурова. 1935 г. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7).

■ НМЭИ, Центральная библиотека

Начало реставрационных работ под руководством Л. Зурова.

Фотография Л. Зурова. 1935 г. МННН-МН ЕТНО EUR 205 (7).

■ НМБИ, Центральная библиотека

Звонница церкви свт. Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре.

Фотография сделана с того же ракурса, что и в 1935 г. Фотография Х. Валка. 2016 г.

Под его надзором работала артель каменщиков из поселения Черное⁶, целью которых было придать церкви «первоначальный вид», освободив от позднейших наслоений. Были доложены острые фронтоны звонницы и восстановлен узор по образцу большой Успенской звонницы. Треснувший свод крыльца был перебран и зацементирован, заложенные звонничные ниши, как и «замурованные бойницы» (как выяснится в 1960-х гг. — позднее), были открыты.

Как и всякая реставрация, работы Л. Ф. Зурова вызвали споры у современников. Они рассматривались и как «приукрашение», и как «разорение» монастыря (Захарова, Громова 2012. С. 35). Вопрос о качестве и содержании трудов Л. Ф. Зурова 1935 г. мог быть поставлен во время больших реставра-

6. На западном берегу Чудского озера (эст. Муствез. — Прим. ред.).

ционных работ в Псково-Печерском монастыре в 1960-х гг. при архимандрите Алипии (Воронове, 1914–1975). Однако они решали чисто практические задачи. Никольский храм был расширен за счет башни, укреплены стены и восстановлен купол в стиле псковской архитектуры XVI в.⁷ В целом последняя реставрация этой церкви признается специалистами «тактичной» и «удачной».

Роль Л. Ф. Зурова в сложении современного облика храма определить затруднительно, но очевидно, что новая реставрация во многом исходила из того состояния памятника, которое было придано ему в 1935 г.

Отметим, что работы Л. Ф. Зурова никак не были связаны с традицией «научной реставрации», которая в различных формах сложилась в России накануне 1917 г. Не существовало у него и архитектурно-реставрационного проекта. Зуров пишет, что монастырь послал его чертежи в отдел по охране памятников старины, который и выдал разрешение на работы (НМЕИ, Зуров I. Л. 18). Однако речь шла лишь об эскизе внешнего облика, выполненном на основе иконной прориси, а не об архитектурном проекте.

По сути дела им была выполнена механическая расчистка и сняты позднейшие пристройки. Неизвестно, велась ли фотофиксация производимых работ. Для Л. Ф. Зурова позднейшие пристройки были лишь «уродливыми» дополнениям древности. Характерно, что в своей записке 1946 г. он шесть раз употребляет слова «уродливый» и «изуродованный» и трижды — «обезображенная» по отношению к современной ему церковной архитектуре (НМЕИ, Зуров I. Л. 2, 3, 13, 19, 20, 24). Такое отношение к изменениям, вносимым в древний храм его историей, было характерно в начале XX в. и для части архитекторов-реставраторов. Оно сочетало в себе как объективное возмущение пренебрежением стариной со стороны части православного духовенства, так и субъективные представления о церковной культуре. Сегодня нельзя не признать, что подлинный интерес представляют не искусственно сконструированные реставрацией композиция и стилистика памятника, а сам памятник во всей эклектической сложности разновременных и разнокультурных напластований.

Впрочем, некоторые наблюдения Л. Ф. Зурова, сделанные во время реставрации, имеют научный интерес. Он отметил, что напоминавшая «древний левкас для настенного письма» штукатурка была приготовлена без примеси песка, а известь была просеяна и перемешана с нарубленным льном, усиливавшим ее практические и эстетические качества (НМЕИ, Зуров I. Л. 19–22).

7. Материалы реставрации Псково-Печерского монастыря см. в: ГАПО. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 98, 156, 165, 170, 177, 187, 202, 215, 227, 237.

■ ХРАМЫ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

Л. Ф. Зуровым были осмотрены и другие церкви региона — Никольская церковь упраздненного монастыря на Труворовом Городище (XVI–XVIII вв.), церковь Преображения Господня на острове Колпино (XVI в., с притвором 1867 г.), церковь св. вмч. Георгия Победоносца в Пецком погосте (XVI в.) и церковь св. вмч. Георгия в Сенно (XVI в.)⁸. Во время своих путешествий он отмечал некоторые древние предметы в этих храмах. В его фотоархиве сохранились изображения восточного фасада Никольского собора в Изборске (1341–1349) с барабаном, где виден один щелевой проем из некогда восьми существовавших (Седов 1992. С. 51–60)⁹, церкви прип. Сергия Радонежского в Изборске (1755)¹⁰, церкви свт. Николая в Тайлово (1697; см. CD-диск: MQB PP 0210358). Есть фотографии одного из двух храмов Онуфриево-Мальского монастыря, а именно церковь Рождества Христова (конец 1540-х — начало 1550-х гг.; см. CD-диск: MQB PP 0210355, PP 0210358).

В этом памятнике традиционный для псковской архитектуры храм с закомарным покрытием был механически соединен с пятиглавием, что является признаком столичного зодчества (Седов 1996. С. 136, 137). Этот элемент, безусловно, был продиктован важностью храма и погоста в религиозно-культурной жизни сето. Отметим доверчивость Л. Ф. Зурова к легендарным датам основания храмов.

Посещал Л. Ф. Зуров и часовни Изборска и Обозерья. В его фотоархиве есть несколько фотографий деревянных часовен, в частности, в д. Медово (см. CD-диск MQB PF 008509_02). При обозрении часовни в дер. Бол. Пачковке (Синайский 1929. С. 51, илл. 21) им была отмечена деревянная часовенка на столбе. Очевидно, именно она и изображена на фотографии¹¹, что дополнительно подтверждается ее сравнением с рисунком, опубликованным В. И. Синайским (ср. Синайский 1929. С. 47).

В своих путешествиях Л. Ф. Зуров намечал памятники, ожидающие обмеров и частичной реставрации, и был поражен обилием не взятых под охрану

8. Кроме церквей Печорского края Зуров также посетил Успенский собор в Ивангороде (1507–1509) и обетную Никольскую церковь в Нарве (1558–1581).

9. Интересно отметить, что в России этот храм привлек исследовательское внимание только в 1929 г., т. е. почти одновременно с поездками Л. Ф. Зурова, однако изучавший его Н. И. Брунов знал церковь лишь по фотографиям (Седов 1992. С. 99).

10. Атрибуция двух фотографий этой церкви, сделанная в Музее человека в свое время, как изображения часовни XVI в. (MQB PP 0083339_01, PP 0083340_01) некорректна. На самом деле речь идет о церкви прип. Сергия Радонежского в Изборске 1755 г.

11. См. иллюстрацию в статье М. Пихо «Аспекты христианизации сето» на с. 563 в настоящем издании.

Собор свт. Николая Чудотворца (Никольский собор), восточный фасад.
Г. Изборск. Фотография Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0083338. ■ МНБ

Церковь св. прп. Сергея Радонежского в Изборске:

а — фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PP0083339_01. ■ МНБ;

б — фотография А. Раудои. 2016 г.

а — **церковь свт. Николая Чудотворца.** Д. Тайлово;

б — **церковь Рождества Христова Онуфриево-Мальского монастыря.** Д. Малы.

Фотографии А. Раудои. 2012, 2014 гг.

памятников «народного искусства» (НМЕИ, Зуров I. Л. 4). Одновременно он упоминает о своей конкретной деятельности по сохранению часовни свв. мчч. Флора и Лавра в Изборске, которую дорожный департамент предполагал разобрать (НМЕИ, Зуров I. Л. 33). Происходящий из этой часовни и упоминаемый Л. Ф. Зуровым каменный «Стефановский крест» до сих пор хранится в Изборском музее.

■ КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ: ОЖИДАЕМЫЙ ИНТЕРЕС И НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще одной категорией церковных древностей, которая не могла не заинтересовать Л. Ф. Зурова, были каменные кресты. Он упоминает эти памятники у дер. Залесье, Тайлово, Давыдово Загорье, Давыдов Конец, Шляхово, Свинская Гора/*Vinski*, Куничная Гора и др. (НМЕИ, Зуров I. Л. 2, 3). Каменные кресты привлекли внимание исследователей уже в начале XX в. (Шляпкин 1906). Сегодня существует ряд публикаций, посвященных как непосредственно изборским и псковским памятникам (Седов 1976), так и крестам соседних регионов (Панченко 2009). Необходимо признать разновременность и разнофункциональность использования каменных крестов, традиция которых в локальных вариантах существовала с XII по XVII в., и которые могли иметь как надгробный, так и обетный характер.

Среди фотографий Л. Ф. Зурова есть три креста, которые могут получить точную привязку и атрибуцию (см. CD-диск: MQB PF 0008041, PF 0008057, PF 0008056). Прежде всего это «Груворов крест» на Староизборском городище. Его расчистку, а, возможно, и раскопки производил А. С. Уваров в 1878 г., плачевное состояние в 1910 г. наблюдал Н. И. Репников, в 1912 г. осмотр креста произвел И. А. Шляпкин (Медведева 2015. С. 103–110). Фотография Л. Ф. Зурова свидетельствует, что вокруг креста в тот момент уже не было деревянной оградки, сооруженной в мае 1913 г. и существовавшей еще в 1919–1920 гг. (Kiristaja 2009. Lk. 257). К этому времени крест существенно накренился. Добавим, что в 2008 г. сотрудники Лаборатории реставрации цветного камня и скульптуры Государственного Эрмитажа осматривали Груворов крест и впоследствии провели его укрепление и расчистку¹². Второй крест находится в деревне Залесье Печерского района. Третий крест стоит на длинном кургане у д. Городище (Valk 2009. Lk. 260, jп. 2). Л. Ф. Зуров также писал, что им были выявлены «плитоломни», откуда мастера брали материал для изготовления крестов (НМЕИ,

12. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить научную сотрудницу Государственного Эрмитажа В. Б. Панченко за любезные консультации и информацию.

Каменные кресты:

а — «Труворов крест» на кладбище у Староизборского городища. Фотография А. Неуманна, 1920–1930 гг.; *б* — фотография Т. Бенфугаль, 2011 г.;

в — крест в деревне Залесье. Фотография А. Раудои. 2014 г.;

г — крест на кургане у деревни Городище. Фотография А. Раудои. 2012 г.

Зуров I. А. 14), однако конкретные топографические привязки в отчете отсутствуют.

Сюжет печорских экскурсий Л. Ф. Зурова и его интерес к каменным крестам не может не оказаться увязанным в нашем очерке с еще одной поездкой в Эстонию, на этот раз И. А. Бунина, его литературного патрона. В мае 1938 г. Бунин посетил Тарту. Не исключено, что предполагалась и поездка в Печоры и Изборск, которая так и не состоялась. Считается, что в жизни И. А. Бунина поездка в Прибалтику не оставила никакого следа (Бакунцев 2012). Впрочем, один след можно увидеть. Крест на могиле И. А. Бунина на кладбище в Сан-Женевьев-де-Буа под Парижем, очевидно, создан по подобию изборских каменных крестов. Даже если этот памятник и не был установлен непосредственно Л. Ф. Зуровым, как иногда полагают (Вересова 2007), то мотивы этого надгробия, без сомнения, навеяны его трудами в Печорской земле.

■ К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ Л. Ф. ЗУРОВА

Отметим одну характерную деталь. Л. Ф. Зуров практически не упоминает посвящений осмотренных им церквей и часовен. Для него это лишь «памятники» деревянной архитектуры, «церковки», в которых народная религиозность противопоставлялась официальной церковности. Стоит предположить, что памятники церковной старины были для Л. Ф. Зурова во многом теми «позднейшими наслоениями», которые скрывали подлинный лик народной культуры. В этом смысле в творчестве Л. Ф. Зурова эволюция от церковных древностей к этнографии, от православия к «народному православию», фиксацией которого он занимался в 1937–1938 гг., только кажущаяся. Его ценностные ориентации, похоже, были присущи ему уже в 1920-е гг. Многочисленные, но удивительно краткие упоминания церковных древностей изначально контрастируют с подробным описанием памятников археологии и этнографических обрядов. Этнография стала для Л. Ф. Зурова средством возвращения на родину и открытием народности.

Подводя итог нашим наблюдениям, заметим, что сегодня слова автора, что «большинство церквей и часовен Печорского края поставлены на древнейших языческих почитаемых местах» (НМЭИ, Зуров I. А. 40; Зуров II. С. 6), о «двоеверии» как «язычестве, принесенном бессознательно в христианство» (НМЭИ, Зуров I. А. 77) воспринимаются несколько наивными. Его предположения о родстве каменной резьбы Дмитриевского собора во Владимири с орнаментом «языческого штеттинского храма», как и об отражении «плача Богини Иштар» в «плаче Ярославнь» (НМЭИ, Зуров I. А. 37, 38) могут вызвать лишь понимающую улыбку. Невозможно сегодня говорить и

о «крещении сету» в XII в. (НМЕИ, Зуров II. Л. 2, 8), хотя к этому времени можно отнести процессы христианизации населения этих земель. Однако в целом эти взгляды соответствовали ученым представлениям той эпохи.

■ «УЧЕНЫЕ ЗАНЯТИЯ» Л. Ф. ЗУРОВА В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Труды Л. Ф. Зурова в Печорском крае можно сблизить с интересом Н. К. Рериха к Изборской земле, который тоже был увлечен и церковью свт. Николая Ратного и Труворовым крестом, запечатлевшего их в своих акварелях. Обоим объединяло эмоциональное отношение к старине и любительский уровень научных изысканий. Однако сегодня их наблюдения и рисунки могут послужить ценным историческим источником.

Псковские поездки Л. Ф. Зурова возможно также сравнить с творчеством еще одного исследователя — уже упоминавшегося нами реставратора и этнографа К. К. Романова (1882–1942), который в 1910–1930-е гг. в качестве сотрудника ИАК-ГАИМК занимался псковскими древностями (Медведева 2005). Для обоих была характерна критика церковного отношения к старине, неумелого ухода за памятниками со стороны духовенства и расхищения церковных древностей. Однако, в отличие от Л. Ф. Зурова, К. К. Романов был профессионалом и получил соответствующее образование.

Вместе с тем нельзя недооценивать значимость объективной стороны трудов Л. Ф. Зурова с точки зрения накопления знаний о средневековой культуре и регистрации древностей. Он активно делился своими приобретениями и привлекал специалистов к обследованию открытых им древностей (доклад «Монастырские и церковные древности Печорского края в Эстонии» в феврале 1936 г. в парижском обществе «Икона», сотрудничество с Пражской группой Археологического института им. академика Кондакова в изучении древностей Псково-Печерского монастыря в 1937 г.) (НМЕИ, Зуров I. Л. 1, 2; Громова, Захарова 2012. С. 35, 36).

Стоит согласиться, что «научное наследие Зурова заслуживает изучения и введения в активный научный оборот» (Громова, Захарова 2012. С. 50), хотя ему и было присуще эмоционально-художественное, а не строго-археологическое осмысление древностей. В целом же в научную заслугу Л. Ф. Зурову может быть поставлено то, что он сумел зафиксировать, несмотря на краткость имеющихся описаний, целый пласт народной и церковной культуры, еще существовавший в 1920–1930-х гг., но во многом исчезнувший на протяжении XX столетия.

Литература

- Бакунцев 2012** ■ Бакунцев А. В. И. А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М.: Изд-во ДРЗ, 2012.
- Вересова 2007** ■ Вересова Т. В. Скиталец [Леонид Федорович Зуров] // Псковская земля. История в лицах: «Сли бо люди крылати...» / Ред.-сост. Т. В. Вересова. М.: Северный паломник, 2007. С. 366–370.
- Громова, Захарова 2012** ■ Громова А. В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество А. Ф. Зурова. М.: МГПУ, 2012.
- Зуров 1928** ■ Зуров А. 1928. Старинная икона с рисунком Псково-Печерской обители // Слово [Рига]. 1928. № 1007 [11 ноября].
- Медведева 2005** ■ Медведева М. В. Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества в документах научного архива Института истории материальной культуры // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.
- Медведева 2015** ■ Медведева М. В. Вопросы сохранения Труворова креста в начале XX в. (по документам из архивного собрания ИИМК РАН) // АИИПЗ. Вып. 30. Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 60-го заседания. 22–24 апреля 2014 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М., Псков, СПб.: Нестор-История, 2015. С. 103–110.
- Морозкина 2007** ■ Морозкина Е. Н. Церковное зодчество древнего Пскова. Т. 2. М.: Северный паломник, 2007.
- Мусин 2006** ■ Мусин А. Е. Соборные округа древнерусского города: от сакральной топографии к иеротопии // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лядов. М.: Индрик, 2006. С. 491–524.
- Мусин 2010** ■ Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Мусин и др. 2009** ■ Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Длужневская Г. В. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Г. В. Длужневская, А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 813–908.
- Панченко 2009** ■ Панченко В. Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 5. Русское время. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2009. С. 420–438.
- Плешанова 1966** ■ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 149–206.
- Седов 1976** ■ Седов В. В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь: Сб. ст. памяти Н. Н. Воронина. / Ред. Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер, П. А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. С. 102–108.
- Седов 1992** ■ Седов Вал. В. Псковская архитектура XIV–XV вв. Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. Вып. 3. М., 1992.
- Седов 1996** ■ Седов Вал. В. Псковская архитектура XVI в. // Архив архитектуры. Вып. VIII. М., 1996.
- Синайский 1929** ■ Синайский В. И. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея

Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Ритм», 1929.

Тихон (Секретарев), архимандрит 2008 ■ Тихон (Секретарев), архимандрит. Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2008.

Ткачева 1997 ■ Ткачева Н. М. Псковские иконы конца XVI — начала XIX в. на сюжет сказания о видении старца Дорофея // В. Д. Белецкий. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. Вып. 1: Псковский Кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб.: РАН, 1997. С. 36–47.

Шляпкин 1906 ■ Шляпкин И. А. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV в., неподвижные и неперковой службы. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906.

Kiristaja 2009 ■ Kiristaja A. Irboska mainimisi keskaegsetes allikates // Setomaa 2. 2009. Lk. 257–258.

Nõmmela 2008 ■ Nõmmela M. Voldemar Vaga (1899–1999) ja Eesti kunsti ajalugu. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi teaduskirjastus, 2008

Valk 2009 ■ Valk H. Setomaa keskaegsed kiviritid // Setomaa 2. 2009. Lk. 259–260.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

501 Церковные древности в трудах Л. Ф. Зурова

521 Часовни Сетомаа в материалах Леонида Зурова

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Часовни Сетомаа в материалах Леонида Зурова

Ахто **РAUDOЯ** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В православной традиции часовня — культовое здание малых форм без алтаря для совершения публичных богослужений кроме литургии. Использование термина «часовня» (у сето — *isässon*, заимствование из русского языка) указывает на отправление общественных молитвенных служб, которые начинаются в определенные часы (с 6 часов утра до 6 часов вечера) и которые было дозволено проводить самим крестьянам, как и некоторые мелкие богослужebные чины и обряды, в том числе поминальные. В отличие от церкви, часовни в Сетомаа обычно возводились по инициативе деревенской общины: община строила их своими силами и по своему желанию (подробнее см.: Pihõ 2011. Lk. 24–41; ST 2011. Lk. 9 ja järg). В большинстве деревень часовни расположены на заброшенных могильниках, иногда — на современных деревенских кладбищах.

Согласно православной традиции часовни строили в почитаемых местах (родники, колодцы, почитаемые камни, кресты, места явления икон); наиболее распространенными были т. н. обетные часовни, построенные по обету/обещанию в честь избавления от эпидемии, эпизоотии, пожара, неурожая и т. п. Все они посвящены тем или иным святым или церковным праздникам. В большинстве часовни Сетомаа представляют собой срубные деревянные однокамерные постройки т. н. клетского типа, с галереями или без них; реже — известняковые и каменные.

■ ИЗУЧЕНИЕ ЧАСОВЕН В 1930-е гг.

Леонид Зуров в ходе своих экспедиционных работ обращал значительное внимание на археологические памятники, в первую очередь на различные кладбища и священные места, но часовни и церкви не входили в круг его основных интересов и попадали в поле зрения лишь в сочетании с указанными объектами почитания и происходившими около них обрядовыми действиями. Одной из причин этого можно считать и распределение труда

Часовня в деревне Хярма, воссозданная в 2012 г. на деревенском кладбище.
Построена по образцу часовни 1711 г. из деревни Рокино. Фотография А. Раудои. 2012 г.

среди членов экспедиций. В 1937–1938 гг. по инициативе Зурова были организованы две командировки Археологического института имени Н. П. Кондакова в Праге¹, в которых участвовали руководитель института Н. Е. Андреев, профессиональный фотограф Франк Дедич, а также, как сообщалось в газете «Eli» (рус. «Жизнь»; 23.08.1937), студентка Карлова университета И. Н. Окунева. Целью этих экспедиций была фотофиксация Печерского монастыря, но помимо этого были совершены поездки в Изборск, в Нарву и за Чудское озеро в Россию (Weiss-Wendt 1997. Lk. 15, 16). Институт Кондакова был ликвидирован в 1952 г.² и его собрание фотографий, переданное Институту истории искусств Академии наук Чехословакии, не сохранилось (Kangor 2008. Lk. 69)³.

Все же в материалах Зурова можно найти некоторую фрагментарную информацию относительно часовен. Они приведены, в частности, в двух его отчетах Национальному музею естественной истории (Париж), в фотографическом архиве Музея на набережной Бранли, в письмах и отчетах Дома русского зарубежья (ДРЗ), в его письме, посланном в 1958 г. в Печорский музей в 1958 г. (Зуров 2014. С. 74) и в статье об Ивановом дне в Мегузицах (Zourov 1940). Прежде всего он упоминает часовни в связи с каменными крестами и кладбищами. В качестве примера можно привести нижеследующее сообщение Зурова, хранящееся в архивном собрании ДРЗ:

«Часовня стояла над святым колодцем, около которого был каменный крест. Часовня была поставлена печорским купцом, скорее всего в конце XVIII — начале XIX в. В конце XIX в. (1890 г.) была заменена на ныне существующую каменную часовню Иоанна Предтечи»⁴.

В зоне исследований Зурова в сетоских, русских и смешанных русско-сетоских деревнях бывшего Печорского уезда до 1940 г. известно 143 часовни, до сегодняшнего дня сохранилось 77⁵. Зуров говорил не менее, чем о 30-ти

1. В 1920–1930-х гг. этот институт, основанный в Чехии в 1922 г., активно занимался в том числе изучением православных памятников Европы.
2. На сайте Института Кондакова приведены данные о ликвидации института в 1945 г. URL — Режим доступа: <http://www.udu.cas.cz/en/kondakov/>.
3. Весной 2014 г. Х. Валк сделал запрос в Институт истории искусств АН Чехии относительно печорских материалов института Кондакова и получил отрицательный ответ. Однако известно, что в 1938 г. институт переехал в Белград; быть может, дальнейшие поиски материалов этих экспедиций или хотя бы их следы будут обнаружены там.
4. ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 37; Ед. хр. 9. Л. 2–3; Ед. хр. 10. Л. 31. Речь идет об Иоанновской часовне на окраине Печор.
5. Из 78 часовен, сохранившихся к 2011 г. (ST 2011), часовня в Копаницах была уничтожена.

Часовня в деревне Каменка на острове Каменка, развалившаяся в 1990-е гг.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0008061. ■ МНБ

часовнях. Две из них, в д. Каменке и Медово, запечатлены на фотографиях, письменных заметок о них нет. Помимо этих двух часовен, Зуров сфотографировал часовню на столбе в д. Пачковка⁶ и часовню в д. Мегузицы/*Miikse*, в первую очередь в связи с выполненной им фиксацией почитания

6. Фотографии Л. Зурова часовни в д. Пачковка и часовни в д. Медово представлены в статье М. Пихо «Аспекты христианизации сето», с. 561 в настоящем издании.

Часовня в деревне Медово на острове Каменка.

Фотография Т. Туула. 2000 г.

Иванова камня и лечения у него во время престольного праздника Иванова дня. Среди находящихся в Печорском музее рукописных материалов имеется также и одна фотография часовни в д. Халахальня, которая с большой вероятностью сделана Зуровым. В Вярса Зуров фотографировал старое кладбище и находящиеся там своеобразные надгробные камни с изображениями креста, но кладбищенская часовня на фотографию не попала. В то же время она отмечена на его наброске плана кладбища (Zouroff 1937. Lk. 34, 35).

Старинное кладбище в селе Вярска (Верхоустье) с надгробными камнями.

Справа — Л. Зуров. Фотография Б. Вильде. 1937 г. MQB PP0210463. **И** МНБ

■ ЧАСОВНИ, КЛАДБИЩА, КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ

Примерно треть из 143 часовен, известных в довоенный период, находилась как на курганных могильниках и брошенных деревенских кладбищах, так и на кладбищах, используемых в настоящее время. Наиболее отчетливо связь часовен с разновременными местами захоронений прослеживается в северной и юго-восточной части Сетомаа (Valk 2003; Raudoja 2012). Из упомянутых Зуровым 30 часовен таковыми являются 19.

Относительно многих часовен Сетомаа имеются данные о расположении поблизости от них средневековых каменных крестов. Такие кресты сохранились рядом с более чем половиной часовень, расположенных на могильниках (25 случаев) и у 14 часовен, которые не имеют прямой связи с местами захоронений (Raudoja 2012). Некоторые каменные кресты располагались на кладбищах в качестве их обозначения.

Помимо этого каменные кресты могут находиться и внутри часовен около восточной стены, под полкой для икон. Иногда большой каменный крест является сейчас единственным культовым элементом, как например, в часовне Успения Божией Матери д. Васцы в центре селища. В других случаях один, иногда два или более каменных крестов вмурованы в стены часовен. Примеры тому известны в шести каменных и кирпичных часовнях Сетомаа (например, два в стене часовни в Коломне). Зуров упоминает крест в часовне в д. Будовижи. Своеобразной является часовня в Халахальне, открытая с боковых и передней сторон, где большой, в рост человека каменный крест находится у восточной стены. Здание, по-видимому, возведено для защиты каменного креста⁷. Зуров описывает каменный крест так:

«...вделанный в стену часовни на могильном, боевом по народному преданию, поле...» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 3),

но он ошибается, так как крест расположен перед стеной. Однако известны случаи, когда кресты таких же размеров вмурованы в стены часовен. Ошибочным можно считать и утверждение Зурова о двух больших каменных крестах перед часовней в Малых Мильцах. На основании экспедиционных работ автора статьи и других источников это невозможно подтвердить, но два больших каменных креста стояли когда-то перед часовней, существовавшей в д. Большие Мильцы.

7. Скорее всего, здесь воспроизведен тип часовни, который строился над каменными, а также деревянными крестами на территории всего Европейского Севера России. Он называется голбец, его боковые стены могут быть срублены всего в четыре венца или же совсем отсутствовать. В этом случае над крестом воздвигалась двух- или четырехскатная крыша на двух столбах (прим. ред.).

Часовня с большим каменным крестом в деревне Халахальня:

а — экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г.

■ Музей истории г. Печоры (филиал Изборского музея-заповедника);

б — современный вид. ■ Фотография Х. Валка. 2013 г.

■ ЧАСОВНИ НА СТОЛБАХ

Помимо обычных деревенских часовен в экспедиционных материалах Зурова описывается отдельная группа часовен, о которых в послевоенное время данных уже не зафиксировано — это небольшие часовенки, установленные на столбах, в терминологии Зурова — «храмцы» и «столобки» (см. также: Pih0 2011. Lk. 32–34).

Копия часовни на столбе из деревни Б. Пачковка, построенная на территории экспозиции «Сетоский хутор» в Эстонском музее под открытым небом, г. Таллин. Фотография А. Раудои. 2016 г.

Такие «столобки» имели двускатную крышу, на которой стоял крест, а в передней стенке была дверца. Они были известны в четырех местах Сетомаа и все зафиксированы Зуровым: в деревнях Большая Пачковка, Городище, Тайлово и Заходы. О часовне на столбе в Пачковке Зуров пишет следующее:

«Эти поминальные столобки, в которых иногда женщины оставляли для нищих шерсть, исключительно интересны для историка архитектуры, т. к. являются малыми храмцами на столбах весьма древнего типа. Возможно, что когда-то такие столобки ставили не только на распустьях, но в языческие времена и на курганах, и помещали в них горшочки с прахом» (Зуров 2014. С. 74).

Такой столобок он видел и около д. Городище, где вблизи стоял выбитый из розового гранита небольшой каменный крест (Гам же).

Интересные данные приведены Зуровым о Тайлово:

«В 1928 г. на Тайловском погосте видел на могилах десятки деревянных раскрашенных, похожих на высокие храмы столобков⁸. В 1935 г. их

8. Подстраничная сноска у Зурова: «Подобные столобки покойный художник Билибин зарегистрировал в северных погостах. Я видел этот рисунок. Столобки были цветные».

больше не было. Пьяные парни поломали их, об этом мне рассказывал священник Верхоустинский» (Зуров 2014. С. 74).

Деревянная часовня на столбе в д. Заходы (у Зурова ошибочно — Захожье), представляла по оценке Зурова интерес с точки зрения народной архитектуры, но в 1930-х гг. она была уже значительно потрачена временем, наклонилась и была почти разрушена (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 10).

■ ЧАСОВНИ В МЕГУЗИЦАХ, ИЗБОРСКЕ И ПАЧКОВКЕ

В материалах Зурова имеется больше данных о трех часовнях — в Пачковке, Мегузицах и расположенной в Изборске часовне Фрола и Лавра (сето *Rolla*), чем о других.

В Мегузицах /*Miiķe* было несколько православных часовен и церквей, но об их истории известно на удивление мало. К тому же имеющиеся отдельные сведения предоставляют противоречивую информацию.

Впервые часовню в Мегузицах упоминает Ю. Трусман, который в своих заметках 1885 г. рассказывает об Ивановом дне в этой деревне. Согласно его данным, на север от камня, уже в Псковской губернии, имеется часовня, в которой под иконой хранится одна каменная глыба. Тайловский священник ходил проводить там молебны. Рядом с часовней росли старые лиственные деревья, которые, по мнению Трусмана, могли быть остатками древней священной рощи (Трусман, 1890. С. 41, 42). Зуров также объясняет священность места тем обстоятельством, что «там хоронили умерших и приносили тем жертвы на камень» (Zouroff 1940. S. 64), но это может быть его личным толкованием. По сведениям Трусмана, русские ограничиваются посещением часовни, а Иванову камню поклоняются, в первую очередь, сето. Это противоречит сведениям и фотографиям Зурова, согласно которым у камня ищут помощи как сето, так и русские.

Однако журналист и историк Хиндрик Прантс (1858–1932) упоминает в своих опубликованных в 1937 г. воспоминаниях (Prants 1937. Lk. 250), что он во времена своей молодости, т. е. в конце XIX в., видел в деревне одновременно три часовни:

«Богослужения проводятся в трех, расположенных вблизи реки часовнях. Это маленькие простые домики с крестами на макушках. Там внутри иконы и другие предметы почитания. В Мегузицах их три. В самую большую из них помещают иконы и хоругви с лицами святых».

Часовня св. Иоанна Крестителя в деревне Мегузицы,

построенная о. Дорофеем, монахом Псково-Печерского монастыря, в 1928 г.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PP0210402. ■ МНБ

Больше Прантс ничего не добавляет и тем самым остается неясным, какие постройки он имел в виду.

На сделанной Фердинандом Лейнбоком (Линнусом) в 1928 г. фотографии видно, что часовня из досок около Иванова камня только строится; таким образом, Прантс не мог ее видеть. Зуров в своих заметках сообщает, что эта часовня построена в 1930-х гг. из старых досок и там происходили богослужения, водосвятия, а также освящение продуктов, которые потом сету приносили в дар Иванову камню (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 63).

Зуровым упоминается только два здания:

«Во время поклонения и очищения [камня] в деревню Мегузицы приехало духовенство. Началась служба в двух больших деревенских часовнях» (НМЕИ, Зуров П. А. 29).

По утверждению современных жителей деревни, до постройки церкви около ворот кладбища было два моленных дома, которые не называли часовнями. На рисунке Зурова 1937 г. (Зуров 2014. С. 121, рис. 45) приведено местонахождение двух часовен: в центре деревни около дороги и около Иванова камня. В своем отчете Зуров приводит сведения об истории строительства часовни, находившейся около Иванова камня, которую ему рассказал монах Печерского монастыря отец Дорофей:

«В Мегузицах это я поставил у камня часовню. Это для того, чтобы не поклонялись Камню, а иконе, я устроил там домик, иконостасик. Там в Мегузицах уже есть молитвенный домик и старая часовня. А я еще и на камне устроил. Это хорошее место. Священник там всегда сытно жил, там народ хороший. А часовня это, знаете, как сторож православия. В Иванов день всегда рядом со старой часовней бывает гулянье» (НМЕИ, Зуров П. А. 25, 26).

В Изборске во второй половине 1930-х гг. было три часовни и, кроме того, еще одна вблизи Изборска, у д. Конечки, которую часто считают входившей в административную черту поселения. Эта часовня известна как посвященная Илье Мокрому. Часовня располагалась в большом сакральном комплексе вместе с могильником, каменными крестами и священным родником. В первом из двух своих сообщений Леонид Зуров также упоминает, что изборская часовня Ильи Мокрого основана у священного ключа (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 10). Во втором сообщении Зуров отмечает только, что с изборского шоссе от часовни Ильи Мокрого открывается «уходящая в Россию равнина» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 10).

На территориях к северу и северо-западу от Изборска несколько часовен посвящено святому пророку Или. Ильин день отмечается 2 августа. Одна из них, расположенная на перекрестке пяти дорог в Изборске, известна сегодня как Троицкая часовня, но Зуров упоминает (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 14), что народ называет ее часовней Ильи Сухого и что службу в ней с давних времен проводят во время засухи. Он также отметил и находящийся в ней художественно вырубленный из цельной плиты крест, убранный вышитыми полотенцами (Там же).

Заслуживающей наибольшего внимания и, очевидно, самой старой часовней в Изборске является расположенная в центре поселения часовня Фрола и Лавра. В ней находятся четыре каменных креста, один из которых, т. н. «Степанов крест», является единственным сохранившимся в Печерском районе именным каменным крестом. Надпись на нем гласит, что в 1492 г. «миром поставлен крть на рабъ Бжіи на Степанъ». Леонид Зуров также упоминает об этих крестах (НМЕИ, Зуров I. А. 33) и о находящихся в часовне больших каменных плитах, которые были подножиями каменных крестов — об этом свидетельствуют отверстия для подножий крестов. Помимо имеющихся в часовнях подножий, сохранилось и подножие около задней стены, на котором еще в 1930-х гг. был каменный крест (его видно на фотографии, сохранившейся в Эстонском государственном киноархиве). Часовня расположена на кладбище, но ее местоположение в XV в. было важной позицией при осаде Изборской крепости. Часовня Фрола и Лавра сохранилась до наших дней благодаря Зурову: в 1937 г. ее планировали снести в связи с расширением дороги, но по заявлению Зурова взяли под охрану.

Часовня в д. Пачковке (Б. Пачковка) описана в материалах Зурова неоднократно и довольно подробно. В этой часовне находился иконостас XVII в. который стоял у восточной стены и был перенесен туда из одной из малых монастырских церквей (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2).

Напомню, что наличие в часовне иконостаса — исключение из правил, так как обычно около задней (восточной) стены здания имеется лишь полка для икон; помимо этого иконы могут быть повешены на стены или стоять на специальных подставках. Среди прочего Зуров упоминает и то, что у пачковской часовни обнаружен выход керамики (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 91).

До экспедиций Музея человека часовни Сетомая не входили в орбиту интересов исследователей. Несмотря на то, что зафиксированные Леонидом Зуровым данные о часовнях немногочисленны и фрагментарны (в центре личных интересов писателя было исследование следов древнего славянского язычества), он высоко оценил памятники местной православной культуры и привлек к их фиксации специалистов из Праги. Около половины часовен, существовавших в 1930-е гг., не сохранились до наших дней: некоторые были разрушены во время Второй мировой войны и многие в последующий, советский период, а так как, по имеющимся данным, не сохранились и материалы Пражской рабочей группы, занимавшейся православными древностями, в т. ч. часовнями, даже поверхностные сведения Леонида Зурова являются важным источником информации.

**Фотографии иконостаса (а, б, в)
и царских врат (г) XVII в.**

из часовни в деревне Б. Пачковка.
Сделаны во время экспедиции
Археологического института
им. Н. П. Кондакова
(г. Прага) в Печорский уезд. 1937 г.
(TUR F 192 B-66-4,5,6,7).

■ ТУ фотоколлекция библиотеки

АЗЪ ВЪ
ДЪХЪ СЪ
ПРИДО
ВОЩЕ О
ГНЬ АЗЪ
ИЗГА
ЛЕМО

СВЯТЫ

ИИ АВА
М
Е
И
КО
ДА Б
МА П
МЕ ПР
ВСТА А
НА Г
И СЪР

ИИ. СЪ ПРЪКЪ

Архивные документы и литература

ДРЗ. Ф. 3. ■ Оп. 1. Ед. хр. 3, 5, 8, 9, 13, 39, 75.

Головкин 2005 ■ Головкин К. Г. Деревянные часовни Русского Севера (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область): Иллюстр. перечень. М.: Институт наследия, 2005.

Иванова 2008 ■ Иванова А. И. Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII — начале XX в. // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера: Сб. науч. ст. / Сост. Н. М. Терехин // Архангельск: Изд. ПУ, 2008. С. 486–497.

Зуров 2014 ■ Зуров А. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б.и.], 2014.

Лютикова 1992 ■ Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX вв. // Русский Север: ареалы и культурные традиции / Ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1992. С. 148–164.

Орфинский 2004 ■ Орфинский В. П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 73–124.

Орфинский, Гришина 2004 ■ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск [б. и.], 2004.

Пермиловская 2010 ■ Пермиловская А. Б. Часовни в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 248–254.

Платонов 2011 ■ Платонов Е. В. Часовни Тихвинского уезда (рубеж XIX–XX вв.). СПб.: Изд. центр «Гуманитарная академия», 2011.

Трусман 1890 ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.

Kangor 2008 ■ Kangor E. Fotode dateerimise ja atributeerimise probleeme Tartu Ülikooli kunstiajaloolises fotokogus. Magistritöö. Tartu, 2008. Рукопись хранится в библиотеке Тартуского университета.

Läänelaid, Raal, Valk 2005 ■ Läänelaid A., Raal A., Valk H. Setomaa tsässonate vanusest: esialgseid andmeid // XXVIII Eesti looduseuurijate päev. Setomaa loodus. 2.–3. juuli, 2005. Obinitsa / Toim. I. Puura ja S. Pihu. Tartu: Eesti Looduseuurijate Selts, 2005. Lk. 37, 46.

Piho 2011 ■ Piho M. Setode usk ja Setomaa tsässonad // ST 2011. Lk. 13–60.

Prants 1937 ■ Prants H. Minu elukäik. Mälestusi ja pärimusi. Tartu: EKS, 1937.

Raudoja 2012 ■ Raudoja A. Setomaa tsässonate arhitektuurist // SK, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Löiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 388–408.

ST 2011 ■ Setomaa tsässonad // Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen / Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.

Zouroff 1937 ■ Zouroff L. Lobodka valla muinastäinuste kirjeldus. Tehtud L. Zouroff'i poolt suvel 1937. a. (AI 22-1-110-4).

Zouroff 1940 ■ Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea, 1940. № 4. S. 62–76.

Valk 2003 ■ Valk H. Tsässon ja külakalmistu Põhja-Setomaa kultuuripildis. // SK. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost // Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 219–252.

Weiss-Wendt 1997 ■ Weiss-Wendt A. Must-Valge linn. Schwarz-weiße Stadt. Vana Narva fotoajalugu. Fotogeschiede Alt-Narvas. Kataloog. Tallinn, 1997.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

539 Введение

547 Дохристианские традиции сето

561 Аспекты христианизации сето

577 «Народное православие»: к вопросу
о характеристике религиозного мировоззрения
русского населения Печорского края
в материалах Л. Ф. Зурова

601 Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных
датах народного календаря сето

621 3.5.2. Почитание объектов природы

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

3.5. Дохристианские верования и народное христианство

■ 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

Введение

Эрго-Харт **Вястрик** (перевод с эстонского языка Вероники Махтиной)
и Ольга **Фишман** ■

В исследовательских поездках Леонида Зурова по Сетомаа очень важное место наравне с церковной архитектурой, археологией и описанием быта занимало религиозное предание. Это отчетливо отображают оба его отчета об экспедициях, особенно второй, в котором, наряду с перечнями археологических памятников и почитаемых культовых объектов природы, содержится богатый материал об осуществляемых в многочисленных и активно использовавшихся святых местах народных религиозных действий. Зурову удалось непосредственно наблюдать религиозные практики сето и русских и описать в отчетах увиденное своими глазами и услышанное во время экспедиций от информантов и своих добровольных помощников, дополнив сведениями из использованной им научной литературы. Можно сказать, что Зуров не был безучастным документалистом; в своих отчетах он помещал собранное и пережитое в широкий контекст толкований, в которых сформировалась его собственная позиция, соответствующая русской исследовательской традиции второй половины XIX — начала XX в. Значимость темы верований отражают и выполненные Зуровым фотографии, которые, учитывая исследовательскую позицию того времени, а отчасти и сегодняшнего дня, являются уникальными. Совокупность текстовых и визуальных полевых материалов Зурова создает т. н. «плотное описание» (Geertz 1973), позволяющее рассматривать данные о представлениях, обрядах и обычаях сето и русских в обширном религиозном и историческом контексте. Запечатленные Зуровым материалы отражают не только его глубокий интерес к области верований, но и довольно хороший контакт с теми людьми, от которых он получал необходимую информацию во время своих полевых работ (Белобровцева 2010. С. 298)¹. Вместе с тем его толковательный дискурс религиозного поведения (прежде всего, сето) является экзотизирующим и

1. Современные Зурову эстонские профессиональные фольклористы и этнографы отсылались к традиции религиозных обрядов и деревенских святынь сето отчужденно (подробнее см. Kalkun 2014; а также Белобровцева 2010. С. 298).

Женщины на Титовом (Китовом) камне в Радуницу. Русские. Сето.
Фотография М. Р. Малаховой. 1935–1936 гг. Кол. № 9202-10. IPGМ, Негативотека

с современной исследовательской позиции не всегда адекватным. Для того, чтобы лучше понять акценты Зурова в осмыслении священных мест Сетомая и проводимых там культовых действий, следует обратить внимание на некоторые позиции, которые выведены им на передний план: это, прежде всего, утверждение о принадлежности зафиксированного материала к дохристианской религиозной традиции. Причем эта мысль переносится и на целостное понимание и осмысление сущности синкретических народных верований (к слову сказать, собранные в Сетомая сведения предлагают богатый материал для подобного мнения).

Во-первых, Зуров придерживается широко распространенной в тогдашней российской истории православия и этнографии и часто используемой именно при характеристике религиозных обрядов жителей окраин империи позиции, по которой тот или иной народ принял крещение лишь формально: «...сету только по имени были христианами, а на деле долго оставались язычниками» и сохранили «древние языческие обычаи» (НМЕИ, Зуров I. Л. 8; II. Л. 6)². Очевидно закреплению такого понимания поспособствовало используемое в среде русского населения Петсеримаа в отношении сето народного названия «полуверцы», которое подчеркивало их инаковость именно в религиозном плане (ср.: НМЕИ, Зуров I. Л. 8). С другой стороны, такое понимание базировалось на современном научном дискурсе, на который ссылается Зуров (НМЕИ, Зуров II. Л. 77), используя понятие «двоеверие». Концепция «двоеверия» зародилась в средневековой Руси и отражена в церковных поучениях против язычества. На ранних этапах христианизации православие, будучи преимущественно апокрифическим, т. е. содержащим различные мировоззренческие пласты, безусловно, давало основание для сомнений в его чистоте (Бернштам 2000. С. 22–29; Бернштам 2005). Однако сетования летописцев-монахов того времени о скверных мольбищах в священных рощах, о поклонении деревьям, камням и идолопоклонничестве были однозначно восприняты многими поколениями российских историков и археологов как доказательство поверхностности православия в религии и культуре как русских, так и финно-угров Средневековья, их двоеверия. Понятие «двоеверие» или «язычески-христианский синкретизм» стало своего рода методическим пособием для анализа, а точнее — препарирования системы народных верований на «языческие» и «христианские». Подобный анализ производился, отчасти производится и сейчас с одной целью — вычленение языческих представлений и форм, которые, как полагали, лишь внешне, «прозрачно» прикрыты христианской идеологией, оставшейся

2. Во втором отчете Зуров (НМЕИ, Зуров II. Л. 8) указывает на аналогичную точку зрения исследователя православия Е. Голубинского в отношении русских народных верований, не приводя точной ссылки.

чуждой народной массе, а потому недостойной для научного исследования (см. например: Бернштам 1993. С. 117–184; Levin 1993. Рр. 32–34; Хамайко 2007. С. 87–89)³.

Аналогично тогдашним авторитетам Зуров определил двоеверие как «язычество, принесенное бессознательно в христианство» и он объяснил этот синкретический процесс формирования следующим образом:

«Для язычника (сета или славянина) <...> была немислима перемена веры, но возможно было только присоединение новой веры к старой» (НМЕИ, Зуров П. А. 8).

В отличие от многих других современных авторов в рассмотрении Зуровым двоеверия не подчеркивается явный конфликт между дохристианскими верованиями и христианством, скорее на первый план выносятся аспекты диалога. При этом и в его толкованиях акцентируется «языческая сущность» народного христианства. Отсюда шаг вперед — который Зуров так же во многом сделал — отнесение народных обрядово-ритуальных действий напрямую к «древнейшим языческим обрядам» (НМЕИ, Зуров П. А. 9) или «пережиткам языческих обрядов» (НМЕИ, Зуров П. А. 75) и название священных мест, связанных с религиозной практикой православия, «языческими рощами» (НМЕИ, Зуров П. А. 17) или «местами языческих паломничеств» (НМЕИ, Зуров П. А. 29), что означает исключение их из рамок христианского толкования традиций (сознательно или подсознательно). Таким образом, Зуров расставил известные толковательные акценты при описании религиозных действий сета и русских как исследователь, которого связала археология и более старая картина истории заселения края. Он искал «дохристианские пережитки» (НМЕИ, Зуров П. А. 7) — и в целом уделил им больше внимания. Созданная им картина в некоторой степени срежиссирована, поскольку тогдашние культовые практики являлись частью народного христианства, которые во многом соблюдали с ведома и при участии священников (исключо-

3. В современной российской науке (история, этнография, фольклористика, религиоведение, философия) по-прежнему ведутся споры относительно характера соединения в нем двух религиозных систем — язычества и христианства. И хотя против использования термина «двоеверие», начиная с 1980-х и особенно в 1990-е гг., высказано немало веских аргументов (В. В. Седов, А. И. Клибанов, Н. И. Толстой, Н. И. Покровский, Т. А. Бернштам, А. Е. Мусин и др.), тем не менее, он продолжает использоваться (Б. А. Рыбаков, А. В. Чернецов, В. М. Живов). Полемизируя с упрощенным пониманием народного православия как некоего «наслаивания» или параллельного сосуществования христианства и язычества, Н. И. Толстой обращает внимание на то, что первое «лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей <...> Такое народное христианство нельзя считать и называть двоеверием, поскольку оно целое и представляет собой единую систему верований» (Толстой 1996. С. 146).

чением является разве что почитание сето Пеко). Соответствующие обычаи сформировали естественную часть более широкой религиозной традиции народного православия (Панченко 1998) без того, чтобы в рассматриваемых действиях участники могли бы противостоять православию или конкурировать с ним.

Во-вторых, утверждение Зурова о принадлежности зафиксированного материала к дохристианской религиозной традиции объясняется тем, что в ходе полевых исследований в Петсеримаа в фокусе его внимания, как русского человека, уроженца Псковщины, были древние славянские поселения, *resp.* — кривичей, их обрядовая и материальная культура. В то же время он представляет в своих исследованиях порой парадоксальную точку зрения о том, что древнеславянское наследие возможно изучать через исследование религиозных обычаев и традиций сето. По словам Зурова, именно «изучение древних обычаев кривичей может быть полностью проведено только при тщательном изучении соседствующих с ними, давно принявших православие, сету», которые, по его мнению, «сохранили древние славянские обряды лучше русских» (НМЕИ, Зуров I. Л. 8). Эта конструкция, с позиции современной исследовательской точки зрения, является чрезвычайно сомнительной. Опираясь на работы Юрия Трусмана, Зуров указывает, что сето были несомненно некогда коренным населением региона, но замечает: «...не являются ли языческие пережитки сетов остатками усвоенного ими в древнейшие времена язычества славян» (НМЕИ, Зуров II. Л. 7)⁴.

Далее Зуров развивает эту же идею более детально, допуская, что «сетский народ в древности принял языческих славянских богов и обрядность, не переставая, конечно, почитать своих старых богов» (НМЕИ, Зуров II. Л. 8). Зуров представлял сето в их ранних культурных контактах соответственно той стороной, которая, будучи своеобразным этнографическим резервуаром, смогла донести различные архаические верования до XX в.⁵ Исходя из той же логики, он продолжил описание и более поздних культурных контактов и указал, что позднее сето переняли у славян православные обычаи, хотя, став двоеверным народом, они сохранили архаическую православную обрядность лучше, чем их славянские соседи (Там же). К таким древним обычаям он причисляет в том числе обычай трапезы на кладбище, кормление нищих на поминках, земные поклоны и др.

4. Зуров приписывает эту идею Ю. Трусману, но в приведенных статьях (Трусман 1890; 1897) такой точки зрения обнаружить не удалось.
5. Аналогичные точки зрения — как раз с позиции эстонской истории и фольклористики — представляли в начале XX в. изучавшие сето эстонские интеллигенты, которые рассматривали сето как «древнейших» Других, кто сохранил то, что на эстонской «фронтине» уже исчезло (см. подробнее Kalkun 2015. Lk. 14, и далее).

При этом Зуров, хоть и в коротком примечании, признает возможность того, что и славяне испытали культурное воздействие со стороны ранее обосновавшихся в регионе прибалтийских финнов. Исходя из его рамок толкования, специфические особенности религиозных традиций сето ценны, прежде всего, содержащимся в них древнеславянским происхождением материала. Для доказательства этого Зуров сравнивает во многих случаях им самим задокументированные религиозные обряды сето с собранными за многие столетия аналогичными описаниями других славянских народов. С позиции сегодняшней науки такое объяснение не является уместным. Целесообразнее рассмотреть религиозные традиции сето, прежде всего, как часть культурной традиции сето как таковой (см. например Piho 2011; Valk 2011). При этом безусловно у этих обычаев есть точки соприкосновения в рамках обрядовых систем других прибалтийско-финских народов, принадлежащих к православному культурному пространству (карелы, вепсы, ижора, воль), также очевидна общность с народным христианством русского населения Северо-Запада России.

Естественно, процесс христианизации прибалтийско-финских народов на Северо-Западе имел свои хронологические и историко-культурные особенности. Известно, что языческие представления различных славянских и неславянских общностей оказали влияние на региональное и локальное разнообразие народных форм русского и сетоского христианства. Отголоски дохристианских верований и представлений, разумеется, нашли отражение и в формировании картины мира, имеющей свои специфические черты у населения Печорского края.

Статьи, помещенные в этой самой большой по объему главе издания — «Дохристианские верования и народное христианство» — прежде всего, отражают то значение, какое Л. Ф. Зуров придавал сбору сведений о древних, в его формулировке «языческих» верованиях и представлениях населения Печорского края, их осмыслению. С другой стороны содержание статей иллюстрирует современные взгляды на интерпретацию материалов Л. Зурова, представляет их объективную критику, основанную на новых данных, во многом дополняет темы, которые были затронуты Зуровым вскользь. Но главное: авторские тексты свидетельствуют о современных подходах к описанию и анализу столь сложных, различных по происхождению явлений и форм народного мировоззрения. Кроме того, читатель увидит и некоторые неизбежные различия в понимании феномена народного христианства, отчасти субъективные установки современных исследователей при изучении системы народных религиозных представлений. Вместе с тем совокупность статей оставляет впечатление научного диалога, столь важного для выработки точек соприкосновения при изучении этнокультурного и этноконфессионального наследия Сетомаа.

Литература

- Белобровцева 2010** ■ Белобровцева И. З. 2010. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
- Бернштам 1993** ■ Бернштам Т. А. 1993. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры: (теория и практика этнографических исследований). Київ: ИИ Украины АН Украины, 1993.
- Бернштам 2000** ■ Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Бернштам 2005** ■ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Панченко 1998** ■ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.
- Толстой 1996** ■ Толстой Н. И. Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 145—160.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Трусман 1897** ■ Трусман Ю. О происхождении Псково-Печерских полуверцев // ЖС. 1897. Вып. I. Год седьмой. С. 37–47.
- Хамайко 2007** ■ Хамайко Н. 2007. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // Ruthenica. 2007. Т. 6 (2007), С. 86–114.
-
- Geertz 1973** ■ Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
- Kalkun 2014** ■ Kalkun A. Fasts and Feasts in Estonians' Representations of the Seto Culture // Journal of Ethnology and Folkloristics 8 (1), 2014. Pp. 53–73.
- Kalkun 2015** ■ Kalkun A. Seto laul eesti folklooristika ajaloos. Lisandusi representatsiooniloole. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused 33.) Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2015.
- Levin 1993** ■ Levin E. Dvoeverie and Popular Religion // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia / S. K. Batalden (ed.). DeKalb: Northern Illinois University Press, 1993. Pp. 1–52.
- Piho 2011** ■ Piho M. Setode usk ja Setomaa tsässonad // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk. 13–60.
- Valk 2011** ■ Valk H. Setomaa tsässonad: pärimus, rahvausk ja kombed // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011, Lk. 61–107.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

539 Введение

547 Дохристианские традиции сето

561 Аспекты христианизации сето

577 «Народное православие»: к вопросу
о характеристике религиозного мировоззрения
русского населения Печорского края
в материалах Л. Ф. Зурова

601 Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных
датах народного календаря сето

621 3.5.2. Почитание объектов природы

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Дохристианские традиции сето

Эрго-Харт **Вястрик** ■

Перевод с эстонского языка Вероники Махтиной

Леонид Зуров в своих отчетах о проведенных в Сетомаа экспедиционных работах в нескольких случаях обратил внимание на явление, которое он назвал язычеством или остатками древнего культа, а также языческими или дохристианскими пережитками (НМЕИ, Зуров I. Л. 47, 50; Зуров II. Л. 7, 75). Рассматривая обозначенные таким образом явления, мы сталкиваемся с синкретическими формами проявления сетоских народных верований, в которых переплелись как дохристианские, так и христианские понятия. Хотя в народном толковании 1920–1930-х гг. они составляли естественную часть сетоского народного православия, с исследовательской точки зрения в описанном Зуровым религиозном наследии можно выделить компоненты различного происхождения. Выходящие в отчетах Зурова на передний план черты верований, указывающие на дохристианские формы, соединились в сохранившихся верованиях со свойственными как католицизму, так и православию.

Наибольшее внимания заслуживает отмеченное в отчетах Зурова почитание природных объектов — камней, источников, деревьев — как священных, которое он называл поклонением (см. раздел «Почитание объектов природы» в настоящем издании) и которое считал самой очевидной формой проявления архаических дохристианских верований. В материалах Зурова информация относительно всех считавшихся священными природных объектов представлена неравномерно; из отчета видно, что сам он побывал в нескольких из названных мест, другие же описывал только на основании услышанных рассказов. Это было обусловлено популярностью упомянутых мест, а также включенностью их в современную практику церковного православия.

■ ИВАНОВ КАМЕНЬ И ИВАНОВ РУЧЕЙ

Более содержательное и подробное описание можно найти во втором отчете Зурова о проводимых около Иванова камня и Иванова ручья в Мегузицах (*Meeksi/Miikse*) культовых действиях, связанных с лечением (НМЕИ, Зуров II. Л. 17–38).

Женщина сето лечит ребенка на Ивановом камне в деревне Мегузицы:

важным является прикосание больным местом к камню.

Справа — часовня св. Иоанна Крестителя. Фотография Л. Зурова. 1938 г.

MQB PF 016973. ■ МнБ

Согласно описаниям середины XIX в. речь идет о широко известном священном месте, куда в Иванов день собирались тысячи людей как из окрестных деревень, так и из соседних регионов России (см. напр.: Wiedemann 1876. S. 415, 416). Количество приходивших к Иванову камню в 1920–1930-х гг. несколько уменьшилось из-за закрытия границы, но это место сохранило свое значение в качестве активно используемого культового локуса и сегодня (Valk 2008).

Священное место в Мегузицах представляет собой большой жертвенный камень «со следом» и протекающий рядом ручей, считающийся лечебным; с ним связаны разнообразные ритуалы, свидетельствующие о принадлежности комплекса к слою архаичных верований, предшествовавших православию. На это указывает и обычай приношения к камню творога, масла и шерсти как в «Иванову субботу» (день накануне Иванова дня), так и в Иванов день, что можно связать с просьбой об удаче в животноводстве. Хотя по словам Ю. Трусмана (Трусман 1890. С. 42) и о. Верхоуспенского (НМЕИ, Зуров II. Л. 17) к камню приносили также хлеб и яйца, мы не находим у Зурова подобных данных. Это можно объяснить изменением традиций на протяжении времени, так как Трусман посещал Мегузицы в Иванов день в 1885 г., т. е. более чем за 50 лет до Зурова. К концу XX в. приношение к камню продуктов питания сменилось помещением на камень или бросанием в ручей денег (см. Valk 1999). Однако уже в середине XIX в. кроме продуктов на камень ставили свечи, и это в качестве культового действия свидетельствует о влиянии христианской традиции.

Согласно толкованиям Зурова, в дохристианский слой входило и лечение на камне или в протекающем рядом ручье, основанное на принципе контактной магии. Так как освящение воды и оздоровительное воздействие считающейся святой воды широко практикуются в народном православии, в этой практике тесно переплетаются различные формы почитания. Приношение даров к Иванову камню и получаемое от него лечение нашло отражение в описаниях многих исследователей: преемственность традиций и их частичное изменение документально подтверждено материалами, поступившими в Эстонский фольклорный архив. Однако Зуров, в отличие от других, зафиксировавших данные о принесении даров и лечении, обращает внимание на колдунов и ворожей, обретавшихся около камня. По его сведениям, они помогали тем, кто приходил к камню за помощью, и проводили магические действия, используя среди прочего и взятые с собой лечебные камни (НМЕИ, Зуров II. Л. 24, 25, 34)¹. Поскольку в собранных другими исследователями народных преданиях

1. Среди сделанных Зуровым фотографий имеется снимок из деревни Лезги, на котором, согласно подписи, изображено лечение кусками камней, принесенных от Иванова камня в Мегузицах. В первом отчете Зурова (НМЕИ, Зуров I. С. 59) эта ситуация описана как лечение ребенка «стрелой молнии» знахарем Дубровским (см. Белобровцева 2010. С. 301; см. статью Х. Валька «Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии», с. 477 в настоящем издании).

Русские и сетоские женщины, пришедшие для лечения к Иванову камню
в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016987. | МНБ

Сетоская женщина промывает ребенку глаза на Ивановом ручье
в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 017000. | МНБ

сето аналогичные описания отсутствуют (народные лекари могли порекомендовать разные магические действия, но нет данных об их участии в проводимых на Ивановом камне лечебных процедурах)², то следует говорить о толковании Зурова, которое основывается на имеющихся в русских летописях описаниях первой половины XVI в., касающихся суеверий прибалтийско-финского населения Водской пятины (НМЕИ, Зуров II. Л. 11, 12; ср. Västriк 2007. Lk. 55–58, 62–65; 2010. Lk. 53–57, 62–65). Именно в этих источниках институцию знахарей-колдунов, или «арбуев» связывали с проводимыми в священных местах действиями. Очевидно, Зуров искал аналогичный материал в происходившем около Иванова камня³. Так, Зуров мог при наблюдении проводимых около камня действий экзотизировать обычное отношение в общине между ее старшими и молодыми членами, называя старших женщин колдуньями. Аналогичное «чрезмерное толкование» касается и описания Зуровым исполненных сетоскими женщинами в рамках празднования Иванова дня эротических песен и действий, связанных с магией плодородия (см.: НМЕИ, Зуров II. Л. 22–24)⁴.

Если относительно происходящего в других священных местах Зуров мог зафиксировать только отдельные обрывки воспоминаний о прошлом или знания о каком-либо единичном, связанном с местом обычае, то происходящее в Мегузицах своей необычной жизнеспособностью и многообразием обрядовых действий было идеальным примером, опираясь на который можно было представить (реконструировать) проводимые когда-то и в других священных местах ритуалы. Видимо, поэтому Зуров в различных частях своих обобщающих отчетов несколько раз возвращался к происходившему в Мегузицах и часто представлял это как пример сохранения у сето дохристианских верований и ритуалов.

2. В архивных текстах отмечено, что в расположенной около камня часовне активно действовал один из нищих, который лил «воду через камень на руки людям и в бутылки» и надавливал желающим смоченным камнем на больные места (РКМ II 14, 291/294 (3) — Liis Pedajas 1946).
3. См. напр., поэтическое описание Зурова (НМЕИ, Зуров II. С. 31–32) кульминации празднования Иванова дня, где переплелось увиденное в экспедиции, воображаемое автором и прочитанное в ранних источниках, в т. ч. описании игумена Псковского монастыря Памфилия 1505 г. о праздновании Иванова дня в Пскове.
4. См. статью П. Хагу «Материалы Б. Вильде и А. Зурова о праздничных датах народного календаря сето», с. 601 в настоящем издании.

■ ПОЧИТАНИЕ ПЕКО

Согласно второму отчету Зурова (НМЕИ, Зуров П. Л. 7, 8) в слой дохристианских верований входило и почитание бога Пеко, о чем свидетельствует выборочное реферирование им данных из статьи Ю. Трусмана (Трусман 1890. С. 37–39). Очевидно, Зуров заимствует толковательный дискурс Трусмана, интерпретирующего почитание Пеко как очевидный знак сохранения верований сето с языческих времен. Ко времени проведения Зуровым полевых работ сведения о тайных молебнах Пеко были широко известны также и потому, что об этом писали в газетах, были опубликованы различные описания и трактовки этнографов и фольклористов (см. Нагу 1997). У Зурова и Вильде было достаточно знаний; при подготовке к экспедиции Борис Вильде использовал статью Густава Рянка о Пеко (Ränk 1934).

На примере культа Пеко мы имеем дело с архаичной общинной традицией, которую ее последователи долгое время сохраняли в тайне от чужих. Несмотря на это в Эстонский фольклорный архив поступило около сотни описаний этого специфического для прибалтийско-финского культурного пространства культа, а в Эстонском национальном музее хранится изображение бога Пеко. Центром культа была фигура Пеко, которая «принадлежала определенному кругу семей, в рамках которого она ежегодно меняла хозяина» (Нагу 1975. Лк. 166). Хозяина Пеко (которого называли и «топом Пеко») выбирали с помощью «кровавого жребия»⁵ во время праздника, посвященного Пеко, проводимого осенью после жатвы. В этом празднике принимали участие только мужчины, имеются упоминания о 20–30 участниках. Весенние же празднества, посвященные Пеко, проводили после сева в период Троицы, в нем участвовали и хозяйки. Праздник организовывал в своем хозяйстве тот хозяин, у которого Пеко находился в этом году. В промежутках между праздниками Пеко хранился в закромах у хозяина. Согласно архивным описаниям Пеко доставали из закромов только на празднования и во время сева зерна, когда фигуру выносили на поле. Таким образом, Пеко связан с обеспечением плодородия; у него просили и о том, чтобы он уберег от бед, приносимых градом (Нагу 1975. Лк. 166–168).

В народных преданиях имеются различные описания Пеко. Его изображение, приобретенное в 1933 г. в Западном Сетомаа в деревне Кранцова

5. Обряд выглядел следующим образом: мужчины собирались осенним вечером в одном доме, каждый ел отдельно принесенную с собой еду, после чего начиналась ритуальная драка или погоня друг за другом, что и продолжалось до тех пор, пока кто-то не получал реальное повреждение, т. е. до первой крови. Поврежденный участник драки становился «хозяином» Пеко на следующий год.

**Деревянная скульптура
бога Пеко из деревни
Кранцова**

ERM A 387:64 | ЭНМ.
Фотография Э. Селлеке. 1933 г.
Была послана Ф. Линнусом
Б. Вильде в 1939 г.
MNHN-MN ETHNO EUR 205 (8).
| НМЭИ, Центральная библиотека

(Кранцово, Кранчово), представляет собой антропоморфную фигуру из дерева высотой 48 см, на голове которой вырезано лицо, а на макушке — отверстия для укрепления свечей (Ränk 1934. Lk. 176–179). В сохранившихся описаниях, зафиксированных на основе народных преданий, Пеко обычно изображали в виде антропоморфного существа, но встречаются упоминания о почитании Пеко в образах животного и подсвечника.

По мнению П. Хагу в этом культе слились воедино почитания духов-покровителей деревни, дома и земли, и Пеко превратился в бога плодородия, который перенял некоторые черты от бога грозы (Haгу 1975. Lk. 169–173). Среди самих сето происхождение культа связывается с исторической традицией и священной фигурой из часовни. Так, например, в 1938 г. говорили, что скульптурное изображение Пеко происходит из часовни деревни Горемыкино (Хярма/Нярмэ), которая была уничтожена по распоряжению священника, а саму часовню называли часовней Пеко (Valk 2011. Lk. 73, 84). Также бытовало объяснение, что подсвечник, почитаемый в качестве Пеко, был найден во время Северной войны на поле или в земле⁶. В народном тол-

6. ERA II 10, 39/40 < Petseri I — Elmar Päss < Arthur Varul < Miko Ode (1928); E 45755/6 < Vastseliina < Setumaa — Jaan Sandra (1906).

Рисунок головы бога Пеко

из деревни Кранцова из статьи
Г. Рянка, (см. Ränk 1934, Lk. 193).

Фотография была послана
Ф. Линнусом Б. Вильде в 1939 г.
MNHN-MH ETHNO EUR 205 (8).

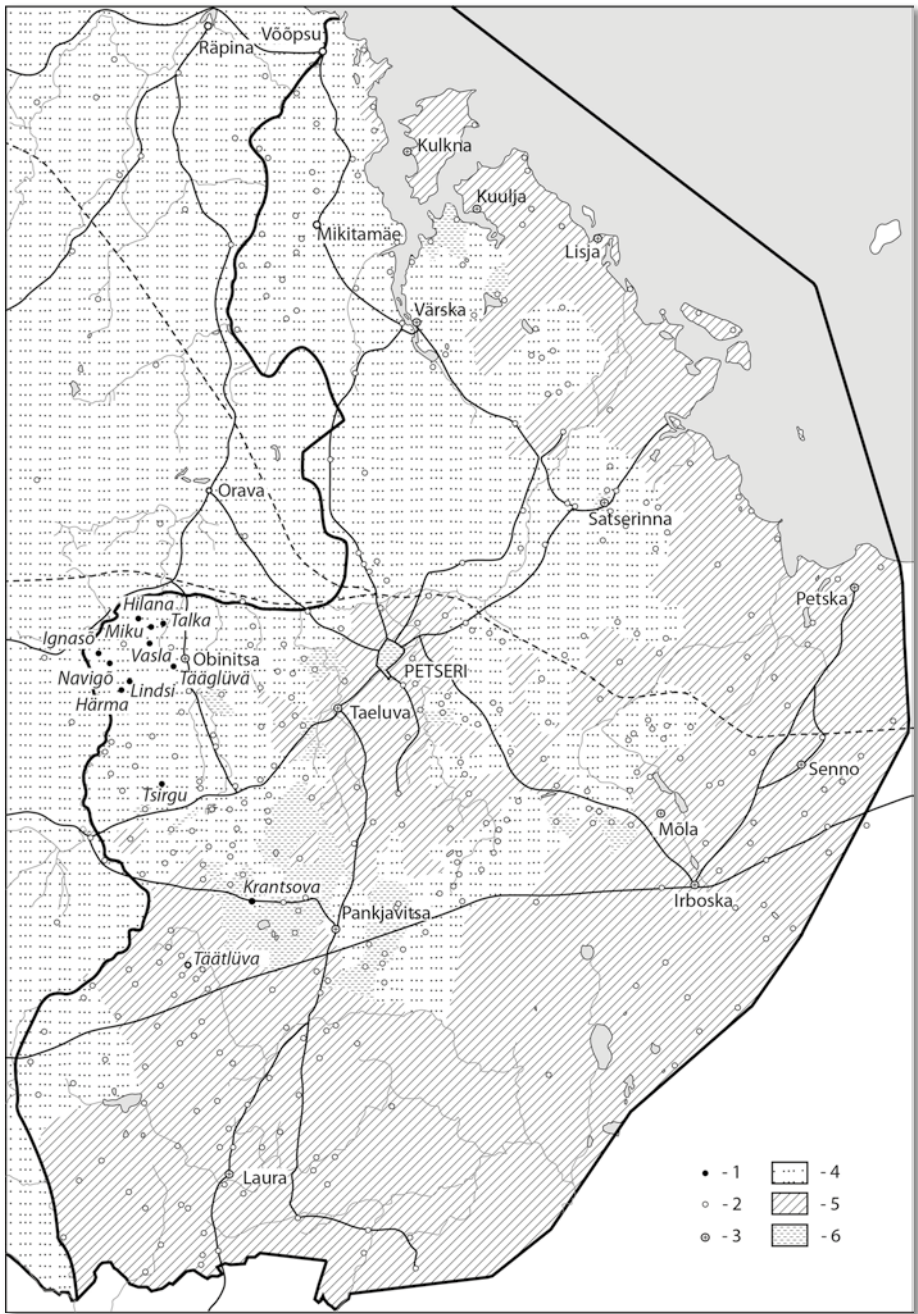
■ НМЕИ, Центральная библиотека

ковании происхождение Пеко было связано также с церковной традицией, что подтверждают верования деревни Хярма, где оно соединилось с культом католического святого Фомы (сето: Тушмас; эст. Тоомас).

На основании собранных в Эстонском фольклорном архиве данных, в начале XX в. культ Пеко был известен только в Западной Сетомаа, в Мокролук(г)ском «углу» (*Mokronulke/Mokorluga nulke*), расположенном вблизи границы Вырумаа в следующих деревнях: Филанова Гора (Хилана/*Hilana*), Толстопятово (Талька/*Tal'ka*), Оглоблино (Мику/*Miku*), Грихнево (Васья/*Vasla*), Игнашово (Игнасы/*Ignasõ*), Новинки (Навигы/*Navigõ*), Д(Т)яглово (Тяяглува/*Tääglivä*), Займище (Линдси/*Lindsì*), Горемыкино (Хярма/*Härmä*) и Подчерняево (Кыбыру/*Kõõru*; (см. Nagu 1997, 36–37).

По данным Ю. Трусмана Пеко был известен и в Лухамааском «углу» (*Luhamaa nulke*), но в материалах фольклорного архива подтверждений этому нет. На более широкое распространение в прошлом указывает и происхождение описанной выше фигуры Пеко из деревни Кранцова «угла» Вааксаары/*Vaaksaarõ* в Западной Сетомаа.

Второй отчет Зурова предлагает интересные дополнительные сведения и относительно ареала культа Пеко на территории Сетомаа (НМЕИ, Зуров П. С. 27, 28), однако они неоднозначны и трактуются с трудом. В материалах,

Распространение культа Пеко в Сетомаа.

Составители: Э.-Х. Вястрик и П. Хагу.

По данным Г. Рянка (Ränk 1934. Лк. 193) с уточнениями составили; этнические границы и деревни по данным Э. Маркуса (Markus 1938).

Оформление: М. Смирнова

Условные обозначения:

- 1** — деревня, в которой был известен культ Пеко;
- 2** — деревня без церкви;
- 3** — деревня с церковью;
- 4** — зона сетоского/ южноэстонского расселения;
- 5** — зона русского расселения;
- 6** — зона смешанного сето-русского расселения

записанных в ходе полевых работ, отсутствуют прямые упоминания о Пеко. Зуров не посещал деревни в Мокролуцком «углу», с сетоскими крестьянами он общался через переводчика; вряд ли они сообщали чужаку, говорившему по-русски, сведения о Пеко, почитание которого в то время было еще актуальной традицией. Однако описание, очень похожее на культ Пеко, но без упоминания его имени, имеется в материалах Зурова.

Итак, в 1938 г., накануне поездки в Мегузицы на Иванов день, Зуров услышал от хозяев находившегося рядом с Печорами Комаровского хутора, что Иванов камень в этой деревне не является единственным почитаемым стариками и старухами культовым местом; другим была священная береза вблизи деревни Дятлово/*Täätliivä*. Дерево было уничтожено в результате попадания молнии, но раньше к нему «возили богов» и собирались на праздники. Информанты Зурова сообщили некоторые факты, явно указывающие на культ Пеко: для молитвы собирались на Троицу и «божка» по этому случаю приносили на гумно, его голова была украшена ветками «как у розы»; фигуру хранили в закромах; передавали по жребию на следующий год тому участнику, у которого во время драки у первого появится кровь (ср. «крово-вый жребий»); владение переходящей из рук в руки фигурой было связано с надеждой на хорошую жизнь, удачу при возделывании хлебов и выращивании скота. Помимо этого, жители Комаровского хутора упомянули и то, что у участников этого культа был свой «поп полуверский» (ср. «поп Пеко»), который похоронен в Тайлово/*Taeluva*, которого почитали как святого. В завершении текста упомянуто, что около березы в Дятлово собирались на празднование те самые старики и старухи, которые ходили к Иванову камню в Мегузицах (НМЕИ, Зуров II. Л. 27, 28; ср. Л. 74). Представленная Зуровым информация совпадает почти со всеми нашими знаниями об описанном выше культе Пеко в деревнях «угла» Мокролуцк. Под вопросом остается локализация описанного культа и его привязка к священной березе в Дятлово. С одной стороны, эта информация может быть связана с окрестностями деревни Дятлово и с предполагаемым распространением культа Пеко в «углу» Вааксаары, на что указывает и фигура Пеко, полученная из расположенной рядом деревни Кранцова. С другой стороны — Дятлово, по данным Я. Хурта, в конце XIX в. было русской деревней и отсутствует в перечне «углов» Сетомая (Lillak 2009. Лк. 320, 321). С русскими крестьянами этой деревни Зуров встретился в 1938 г. около Иванова камня в Мегузицах (НМЕИ, Зуров II. Л. 36), а в ходе проведенной летом того же года археологической разведки Зуров обнаружил и Дятловские могильники (НМЕИ, Зуров I. Л. 43, 44). О существовавшей раньше в Дятлове священной березе он услышал не в деревне, и не от крестьян Дятлова, которых он встретил в Мегузицах, а от жителей Комаровского хутора, расположенного где-то на дороге из Печор в Мегузицы. Таким образом встает вопрос о связи описанного в отчете Зу-

рова культа с деревней Дятлово; можно предположить, что эта информация относится к какой-то другой деревне и/или находившемуся там священному дереву⁷. Точные данные относительно места проживания людей, которые рассказывали Зурову о культе и священном дереве, отсутствуют. Информаторы отчетливо дистанцируются от описываемой традиции, подчеркивая несколько раз, что таким образом действовали сетоские старики и старухи. Так, жители Комаровского хутора — неясно, где он точно находился — поделились информацией, которая к этому времени была уже общеизвестной (в том числе и благодаря газетным публикациям), но которую они по неизвестным причинам связали с деревней Дятлово⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что представленные в отчете Зурова данные о культе, сходным с почитанием Пеко, относились, прежде всего, к деревням «угла» Мокронулк. На это указывает и упоминание о «полуверском попе», который был похоронен как «святой» в Тайлово. Однако эти сведения представляют интерес, потому что во многих печатных и архивных источниках секретность культа Пеко связывается именно с деятельностью Тайловского священника, который пытался воспрепятствовать почитанию Пеко. Представленное Зуровым описание, согласно которому посвященные богам «празднества» происходили на улице, вблизи священного дерева, могло таким образом указывать на ранний слой культа Пеко, когда ритуалы происходили открыто. С другой стороны, возможно, что связь с деревом указывает на вторичную традицию, о которой говорится и в некоторых записях фольклорного архива (см. Нагу 1975. Лк. 168).

Необходимо отметить, что в экспедиционных отчетах Леонида Зурова имеются очень интересные дополнения относительно дохристианских религиозных представлений сето. Особенно содержательным является описание разнообразных культовых и лечебных действий на Ивановом камне в Мегузицах и Ивановом ручье, которые он сам неоднократно наблюдал, документировал и дополнял слышанным от других. Многим другим священным

7. К тому же выводу об отсутствии священной березы в деревне Дятлово пришел и А. Раудоя, который связывает информацию о считавшемся священным дереве с поминальной березой в деревне Манухново (Paloveere) (см. раздел «Почитание объектов природы», с. 621 в настоящем издании).

8. По сведениям М. Пихо (14 октября 2014 г.) польская фамилия в названии хутора указывает на зажиточную семью, поскольку во второй половине XIX в. обеспеченные крестьяне приобретали польские фамилии. Возможно, что Зуров услышал неправильно название деревни, и речь шла о деревне Дяглово — в таком виде, «у дягловской березы» один раз упоминается и в оригинале отчета (НМЕИ, Зуров П. С. 28). Дяглово входило в число деревень, где безусловно было известно почитание Пеко, имеются сведения и о почитаемой в Дяглово жертвенной рябине (см. раздел «Почитание объектов природы» в настоящем издании, с. 621).

местам и проводимым там действиям, в которых переплелись дохристианские и христианские представления, уделено в его отчете меньше внимания. Это связано как с исчезновением соответствующего живого наследия, так и с секретностью традиции или узколокальным распространением. Частично отчеты Зурова содержат неточные или сомнительные данные, которые можно толковать по-разному на фоне запечатленной традиции сето.

Литература

- Белобровцева 2010** ■ Белобровцева И. З. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псковско-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. I. Отд. 1. С. 31–62.
-
- Hagu 1975** ■ Hagu P. Setu viljakusjumal Peko // Keel ja Kirjandus. 1975. T. 3, Lk. 166–173.
- Hagu 1997** ■ Hagu P. Peko-kultusõ varahamp (arvatav) tuntus // Õdagumeresoomõ lõunapiir' = Läänemeresoomõ lõunapiir. Konverents Kütioron; märdikuu 28.–30.1996 / Toim K. Pajusalu, J. Sullõv. (VI, 1), 1997. Lk. 32–42.
- Lillak 2009** ■ Lillak A. Nulgad // Setomaa 2. 2009. Lk. 320–321.
- Ränk 1934** ■ Ränk G. Materiaalne Peko // ERM Ar, IX-X, 1933/34, 1934. Lk. 176–203.
- Valk 1999** ■ Valk H. Mälestusi Meeksi jaanipäevast // Mäetagused. 1999. T. 9. Lk. 146–174.
- Valk 2008** ■ Valk H. Pre-Christian and Christian: Offering practices at two holy stones in Setomaa, south-east Estonia // Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives (BAR. International Series, 1757). Ed. by A.-B. Falk, D. M. Kyritz. Oxford: Archaeopress, 2008. Pp. 67–78.
- Valk 2011** ■ Valk H. Setomaa tsässonad: pärimus, rahvausk ja kombed // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk 61–107.
- Västriik 2007** ■ Västriik E.-H. Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: alliketekstid, representatsioonid ja tõlgendused. (Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis, 9.) Tartu: TÜ Kirjastus, 2007.
- Västriik 2010** ■ Västriik E.-H. Les pratiques superstitieuses des habitants de la piatina vote dans la première moitié du XVIe siècle. Le rapport entre description ethnographique et rhétorique missionnaire dans les chroniques russes et dans les lettres pastorales des archevêques de Novgorod // Études finno-ougriennes, 2010. No 42. Pp. 35–82.
- Wiedemann 1876** ■ Wiedemann F.J. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. St. Petersburg: Keiserliche Akademie der Wissenschaften, 1876.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

539 Введение

547 Дохристианские традиции сето

561 Аспекты христианизации сето

577 «Народное православие»: к вопросу
о характеристике религиозного мировоззрения
русского населения Печорского края
в материалах Л. Ф. Зурова

601 Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных
датах народного календаря сето

621 3.5.2. Почитание объектов природы

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Аспекты христианизации сето

Маре Пихо ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

На территориях конфессионального и политического приграничья христианизация не обязательно имеет линейный путь развития. Народное мировоззрение сето конца XIX — начала XX в., сформировавшееся под влиянием разных факторов, содержит различные элементы разновременного происхождения. На формирование сетоского народного православия несомненно оказало влияние расположение Сетомаа на границе двух конфессий — православия и католичества.

■ СЕТО И ПРАВОСЛАВИЕ

Письменные свидетельства о христианизации сето отсутствуют. И если Изборск, важный административный и военный центр Печорского края, известен с 862 г., то сведений о его христианизации мало. Первые упоминания о церкви св. Николая в Изборской крепости относятся только к 1340 г., но предполагалось, что церковь здесь все же была раньше — в XIII, XII или даже в XI в.; возможно, это была деревянная постройка (Седов 2007. С. 240). Во время археологических раскопок на Изборском городище были обнаружены нательные крестики, датированные XI–XII вв., а также крестики и крест-подвеска из янтаря XIII в. (там же. С. 393, 394, рис. 387).

Учитывая, что процесс христианизации в разных регионах России происходил по-разному и имел местные особенности, завершающий этап христианизации Псковской земли можно связать с сообщением Псковской летописи о неурожае 1435 г., когда население было впервые названо общим словом крестьяне, т. е. христиане (ПЛ II 1955. С. 131).

Леонид Зуров в связи с христианизацией сето считал, что

«племя сету, жившее под Изборском в лесах, приняло православие от изборян и псковичей под страхом уплаты пени за ослушание: для новокрещенных в каждой деревне, на месте языческого служения ставилась деревянная часовня, а в ней каменный крест. Но сету только по имени

были христианами, а на деле долго оставались язычниками. После покорения Прибалтики немцами, сету примкнули к псковичам и изборянам. Остатки этого племени, крещенные сету, которых изборяне за приверженность в языческом обрядам зовут “полуверцами”, живут и теперь в районе Изборска и под Нейгаузенем» (НМЕИ, Зуров I. С. 8).

На самом деле не известно, когда начали возводить часовни, в связи с чем утверждение об одновременном сооружении часовен и крестов не имеет оснований. Каменные кресты были поставлены в разное время, и большая часть из них в часовнях не находится.

Вероятно, крещение предков восточных сето происходило в сфере влияния Изборска, границ расширения которого мы не знаем. В период Псковского княжества распространение православия шло из Пскова, поскольку многие расположенные на побережье Псковского озера деревни позже принадлежали псковским церквям и монастырям. После объединения Псковского княжества с Московской Русью в 1510 г., а особенно в ходе Ливонской войны, происходило обращение в православие предков западных сето, проживавших за р. Пиузой. А. Зуров считал р. Пиузу границей между владениями Пскова и (католической — М. П.) Ливонией, уточняя без каких-либо объяснений, что это была пограничная река Псковского княжества (НМЕИ, Зуров I. Л. 8). Проникновение православия к проживавшим на побережье Псковского озера сето могло происходить и по водному пути, когда на место привозили уже готовые, т. е. построенные православные часовни. Изначально они могли быть маленькими, такими как известные «часовни на столбе» (Pihõ 2011. Лк. 32–35). А. Зуров видел подобные часовни в Городище, на расположенном вблизи Печор деревенском кладбище Тайлово и в д. Большая Пачковка (Зуров 2014. Л. 74).

В сохранившемся в окрестностях Вярска предании говорится о том, как реально существующий остров Педаясаар или Соснасаар приплыл в залив Вярска из России с уже стоявшей на острове часовней. Согласно преданию, этот остров уплывет обратно в Россию в день Страшного суда (ПМА 1990). А. Зуров в книге «Отчина» описывал уже забытые в Сетомаа т. н. часовни в лодке, которые, вероятно, использовали для отправления службы или крещения жителей прибрежных мест, где отсутствовали церкви:

«На корме легкой лодочки с часовней, из гнезд которой на воды и луга выглядывали иконы <...> шел Святогорский крестный ход в сторону Пскова. По дороге послушник звонил в колокол на деревянной колоколенке, которая стояла в носу лодки» (Зуров 1994. С. 66, 67).

На составленной Вл. В. Седовым карте распространения церковью Сетомаа видим, что в XIV–XV вв. в Сетомаа было только две православные церкви,

Часовня на столбе вблизи Печор в деревне Большая Пачковка.

Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP00210379. ■ МнБ

обе — в восточной части региона: в Изборске (1340) и на погосте Печки (1438) (Седов 1996. С. 13, карта 1). Позже, на рубеже XV–XVI вв., в окрестностях Изборска были поставлены еще две православные церкви: в погосте Сенно (1562) и в Мальском монастыре (1553) (Там же. С. 14, карта). Третья церковь была построена вблизи большого водного пути на острове Колпино в Псковском озере (1552). По мнению Вл. В. Седова Мальской монастырь возник до начала Ливонской войны (до 1558 г.) и связан с христианизацией сето (Там же. С. 138). После упразднения монастыря в XVIII в. собственно Мальской приход по-прежнему включал значительное количество сетоских деревень (Pihõ 2012. Lk. 369–375). На карте Седова мы видим, что сведения о наличии православных церквей на территориях за р. Пиузой, на заграничных территориях (если смотреть со стороны Печор), т. е. у предков современных сето, живших в приграничной Ливонии, отсутствуют.

В 1473 г. вблизи западной границы Сетомаа, на расстоянии 1,5 км от р. Пиузы, был основан Печерский монастырь. Подъем монастыря начался во время правления игумена Корнилия (1529–1570). В ходе Ливонской войны (1558–1583) царь Иван Грозный подарил монастырю окрестные земли и деревни. По распоряжению Корнилия вблизи главных ворот монастыря для приобщения иноверных/иноверцев была построена часовня, посвященная

св. вмц. Варваре (ЛППМ 1993. С. 101). Очевидно, это название окрестных жителей обозначает проживавших на границе с Ливонией за р. Пиузой предков сето. В. Даль дает слову «иноверные/иноверцы» следующее объяснение: «Люди, принадлежащие к другой, не господствующей в государстве, религии» (Даль 1881. С. 431). Иноверные/иноверцы — конфессионим, т. е. понятие религиозного происхождения. Важным и заслуживающим внимания является факт, что Печерский монастырь никогда не называл проживавших в окрестностях предков сето язычниками или некрещеным народом. Упомянутая выше Варваринская часовня была построена в 1540 г. (Setumaa 1928. Lk. 35). Это первое письменное сведение о строительстве часовни в регионе проживания сето (Pihõ 2011. Lk. 15). Посвящение часовни св. вмц. Варваре было знаковым: греческое имя Варвара означает «чужеземка», «иностранка», «рожденная в другой стране» (Календарь 2004. С. 192). Сегодня на месте часовни находится церковь св. вмц. Варвары, которую сето считают «своей» святой.

Как по летописным свидетельствам Печерского монастыря, так и по устным преданиям сето, их обратил в православную веру настоятель монастыря Корнилий. Сето по сегодняшний день считают Корнилия покровителем женщин, особенно вдов и детей. Крещение сето в православие изображено и на одном из клейм житийной иконы Корнилия в Успенской церкви Печерского монастыря (илл. на с. 566–567)¹.

В исполняемом в монастыре тропаре, который поется во время церковной службы в честь провозглашения прп. Корнилия спустя 120 лет после смерти святым, разъясняются основные события его жизни. Важнейшим из них считается крещение окрестных жителей или иноверцев в православие (ЛППМ 1993. С. 107). Исходя из этого мы можем считать, что эти иноверные/иноверцы были предками сето, проживавшими на приграничных территориях Ливонии, и их обращение в православие по сути было перекрещиванием «из другой веры».

Интересно рассмотреть, как этот процесс отразился на изменении в понимании этнической и конфессиональной номенклатуры. Спустя почти 300 лет после обращения сето в православие русский журналист Ф. Булгарин весной 1835 г. встретил в Печерском монастыре людей, которые не знали русского языка, и которых местные русские называли полуверцы (Святыни и древности 2006. С. 95). Это первое письменное упоминание о сето как о полуверцах и пример использования нового, имеющего уже другое религиозное содержание, этнонима. Согласно объяснениям местных жителей, такое наименование использовали потому, что «они, не разбирая, ходят в православную и лютеранскую церкви, как придется» (Святыни и древности 2006. С. 5).

1. Автор выражает благодарность за разрешение публикации фотографий из архива Псково-Печерского монастыря наместнику монастыря архимандриту Тихону (Секретареву).

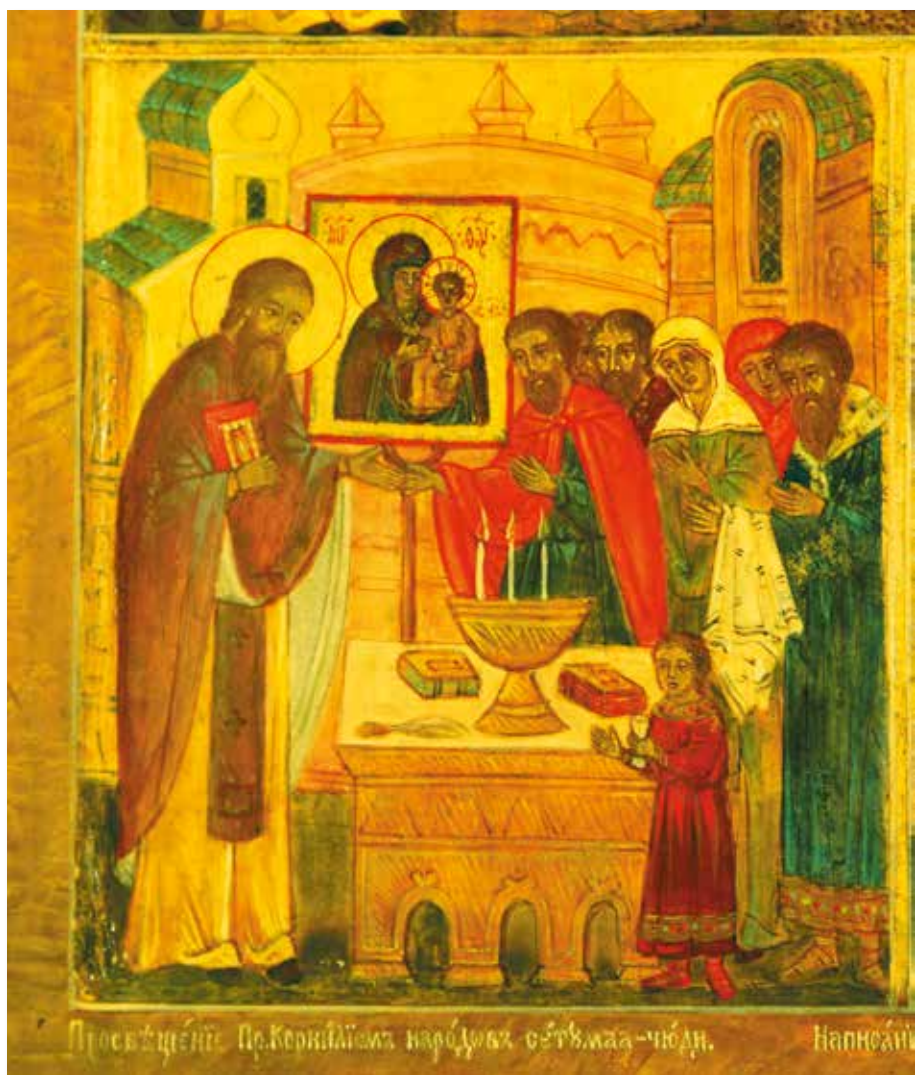
Церковь св. вмц. Варвары. Г. Печоры.
Фотография М. Пихо. 2016 г.

Начиная с XIX в. во всех русскоязычных миссионерских публикациях, научных статьях и журналистике, рассматривающих сетоскую тематику, сето называли этноконфессионалом «полуверцы». Переход от этнонима одного религиозного происхождения — «иноверцы» (т. е. имеющие другую веру) к другому — «полуверцы» объясняет обстоятельства, связанные с обращением сето в православие. Под этнонимом сету/сето (*settukesed, settu, settuke*) жители Сетомаа были впервые упомянуты в немецкоязычной газете «Das Inland» в 1860 г. (Hartmann 1860. S. 626, 627).

Старейшая из церквей северного и западного Сетомаа — церковь в Кулье, расположенная на берегу Псковского озера и упоминаемая уже в 1585–1586 гг. Большинство деревенских церквей этого региона (Kivistaja 2016) известны нам согласно письменным источникам только начиная с XVII–XVIII вв.² Церковь в Зачеренье была построена в 1663 г. (каменная — в 1801), новая

2. Церкви у большого шоссе от Изборска на Алуксне более раннего происхождения: церковь в Паниковичах построена в 1539–1541 гг. (новая церковь в 1877 г.); церковь в Шемерицах/*Sõmeritsa* упомянута в конце XVI в. (новая церковь построена в 1801 г.).

Клеймо иконы св. прпмч. Корнилия в «житии»:
«Просвещение Преподобным Корнилием народов Сетумаа — чюди».
■ Архив Псково-Печерского монастыря

Икона св. прпмч. Корнилия в «житии»
в Успенской церкви Печерского монастыря. ■ Архив Псково-Печерского монастыря

каменная церковь в Тайлово — в 1697 г.³, деревянная церковь в Вярска (Верхоустье) — в 1759, церковь в Залесье — в 1789–1791, в Лисье — в 1854. В Обинице (Овинчице) строительство первой церкви состоялось в период с 1897 по 1904 г.

Каменные церкви, как правило, строили на месте сгоревших деревянных. Небольшое их количество компенсировалось множеством деревенских часовен, которые занимали особое место в религиозной жизни сето. Сегодня мы имеем данные о 158 часовнях в Сетомаа (Piho 2011. Lk. 25).

■ СЕТО И КАТОЛИЧЕСТВО

Часовни в Сетомаа, как близкие народу символы христианского культурного пространства на пограничной территории, означали одновременно границы и зоны влияния разных конфессий. Это можно увидеть в существовании рядом с православными часовнями бывших католических часовень (Piho 2011. Lk. 55). Некоторые часовни в Северном и Западном Сетомаа указывают на связи живших там предков сето с католичеством; только таким образом можно объяснить наличие в этих регионах часовен, освященных в честь католических святых (см. карту на с. 570).

Сегодня в северной и западной части православного Сетомаа имеются сведения о трех часовнях католического происхождения (Piho 2011. Lk. 17). Одна из них находилась вблизи Микитамяэ (Никитина Гора) в деревне Задорье и была известна в народе под названием «Кадырна часовня» (*Kadõrna tsässon*). «Кадырна» соответствует дню памяти св. Екатерины (эст. *kadripäev*), который празднуется 25 ноября (по грегорианскому, т. е. новому календарю) и является широко известным праздником в эстонском народном календаре. Название Кадырна (*Kadõrna*) является модификацией имени Кадрина (*Kadrina*) — одного из народных вариантов имени св. Екатерины, т. е. св. Екатерины Александрийской, прославленной как в католической, так и в православной традиции. На католические корни часовни Кадырна указывает как ее расположение у западной границы Сетомаа, так и то обстоятельство, что в других районах Печорского края часовни, посвященные св. Екатерине, неизвестны.

Вторая часовня, имеющая католическое происхождение, — часовня ап. Фомы (*Tuuma tsässon*) — находилась недалеко от Обиницы/Овинчица в деревне Горемыкино (Хярма), на старом деревенском кладбище. День ап. Фомы празднуется в католичестве 21 декабря (по грегорианскому календарю;

3. По преданию, новую каменную церковь в Тайлово построил богатый сетоский купец, потомки которого ныне живут в Печорах и в Эстонии.

3 января по юлианскому, т. е. по старому) и именно в этот день его праздновали в Хярма. До нас дошли неясные сведения о двух разных часовнях в д. Хярма — о часовне Архангела Михаила или Покровской (праздник 1/14 октября). В часовне ап. Фомы по преданию почитали восковую фигуру в форме свечи, которую называли Пеко (ST 2011. Лк. 450, 451). По народному преданию поп сжег часовню, чтобы принудить хоронить покойников на погостном кладбище в Тайлово (Гам же). Зимний день Фомы в православном культурном пространстве не известен.

Особого внимания заслуживают следы народного католичества в традиции, связанной с днем считавшегося покровителем свиней св. Антония (17/30 января). Культ св. Антония — его изображали в западноевропейской иконографии с колокольчиком в руке и свиньей у ног — был очень широко распространен на территории Ливонии уже в начале XV в. (Piho 2011. Лк. 18). Обрядность, связанная с этим днем, который у сето назывался «днем свиного бога» или «свинным днем», была известна в часовне деревни Медово/*Muudova* на острове Каменка Псковского озера (ST 2011. Лк. 254, 255).

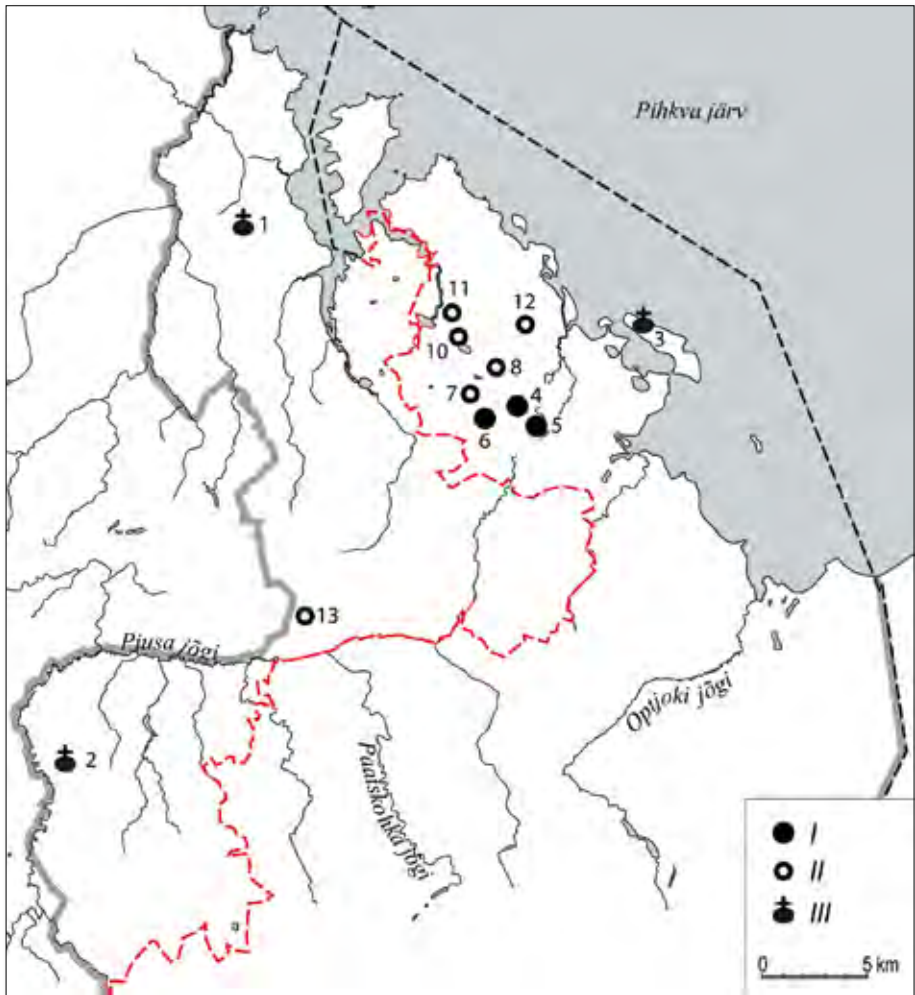
В часовне, как говорили информанты, было тогда только «свиное дело» (*tsia väike*)⁴. Празднование этого дня сохранилось до конца XX в. (последний раз в 1986; ПМА 1972, 1995–1996 гг.). Интересно, что в тот же день в часовне Медово жители соседних русских рыбацких деревень празднуют совсем другой праздник — зимний день апп. Петра и Павла, которым часовня посвящена и в настоящее время. Вероятно, этот праздник представляет собой народную модификацию дня вериг ап. Петра (16/29 января).

День св. Антония, который в сетоском сельскохозяйственном календаре праздновали 29 января, совпадает с зимним днем свв. апп. Петра и Павла, которых считали защитниками рыбаков. В одной и той же часовне, где в один и тот же день отмечали два разных часовенных праздника, участники никогда не встречались. Сето приходили в часовню рано утром в темноте и тайно, русские из рыбацких деревень — в обед. Заслуживающим внимания празднование дня Антония делает и то, что местные русские ничего не знали о ночном посещении сето часовни.

Третья часовня католического происхождения известна среди сето как *Tenniise tsässon* (т. е. часовня Тенньюса; так воспроизводится имя Антония в юго-восточной Эстонии). В часовню д. Медово приходили женщины из деревень «Чудского угла» (*Tsüdski nulk*, рус. «Чудский конец»), с собой брали вареную свиную голову или ее часть.

Если озеро к этому времени не замерзало, ходили в церкви деревень Лисье или Вярска. Свиную голову, завязанную в женский льняной головной платок и спрятанную в сумку, чтобы не видел священник, возлагали в церкви

4. Сообщено автору М. Ванаметсом из д. Забудовижье/Пырьсты, *Põrstõ* в 1992 г.

Рудименты католичества в православной Сетомаа.

Составитель: М. Пихо. Оформление: Я. Ратас.

Условные обозначения:

I. «Католические» часовни. 1 – д. Задорье (*Sadora*): часовня св. Екатерины (*Kadõrna tsässon*); 2 – д. Горемыкино (Хярма/*Härmä*): часовни св. Фомы (*Tuuma tsässon*); 3 – д. Медово (Муудова): часовня дня св. Тенниса/Антония (*Tennüsepäivä tsässon*).

II. Празднование дня св. Фомы (*Tuumaräiv*). 4 – д. Зпыполье (*Lõpolja*); 5 – д. Ямище (*Jaamistö*); 6 – д. Ячменеве (*Jatsmanni*).

III. Празднование дня св. Антония (*Tennüsepäiv*). 7 – д. Забудовижье (Пырсты/*Põrstõ*); 8 – д. Вылазово (*Võõlaste*); 9 – Ямище (*Jaamistö*); 10 – д. Большое Кулиско (*Suurgõ-Kuuliska*); 11 – д. Малое Кулиско (*Väiko-Kuuliska*); 12 – д. Средний Остров (*Serednä (saarõ)*); 13 – д. Мачурино (Матсури/*Matsuri*).

--- Государственная граница между Российской Федерацией и Эстонской республикой

Часовня в деревне Медово на острове Каменка.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0008059. ■ МНБ

к освящаемым дарам. Священники не знали, что вместе с другими, разрешенными в церкви дарами, они на протяжении долгого времени освящали свиную голову, хотя существовал запрет приносить в церковь мясо (Pihõ 2011. Lk. 39). В церкви сето также ставили свечу перед иконой, но зажигали ее в честь «свиного бога». Обрядность, связанная с молитвами о здоровье свиней, в качестве католического наследия празднования дня св. Антония была органично включена в традицию местного народного православия. В то же время у сето не сохранилось никаких воспоминаний о католическом происхождении дня Антония и даже имя Антония неизвестно.

Кроме этого, в «Чудском углу» (Tsütski nulk) можно выделить две группы деревень, где праздновали часовенные праздники, связанные с двумя вышеупомянутыми святыми — день ап. Фомы (Tuumaräiv) и день св. Антония (*Tennišepäiv*). Зимний день ап. Фомы отмечали в деревнях Зьльполье, Ямище и Ячменево. День св. Антония (*Tennišepäiv*) отмечали в деревнях Пырсты, Вылазово, Кулиска, Средний Остров (Pihõ 2011. Lk. 19), также вблизи города Печоры, в д. Мачурино (ГМА 1976).

Католическое влияние фиксируется и в народном календаре сето, и в аграрной обрядности (Хагу 1983). Сето называли деревянную фигуру Пеко и иконы общим словом *puusli*. Среди эстонцев, проживавших в католической юго-восточной Латвии около г. Лудза (т. н. *lutsi maarabvas*), потомков переселенцев из юго-восточной Эстонии, в эпоху народного католичества (в XVII или в начале XVIII в.), слово *puusli*, *puustel* означало святое изображение/скульптуру (VMS II 1989. Lk. 270). Эстонский языковед Ю. Мягисте посчитал возможным сопоставить слово *puusli* с южно-эстонским словом *poostel*, *poostli*. Оно является производным от немецкого слова *der Apostel*, что означает изображения святых в католической церкви (Mägiste 2000. Lk. 2263) и соответствует иконам в православной.

Исходя из католического контекста следует объяснить и происхождение названия деревенского праздника *kirmas* (*kirmask*), известного также на соседней с сето территории в Эстонии, во многих русских деревнях Сетомаа (*кирмаши*, *кирмас*). Слово *kirmask* (VMS I 1982. Lk. 232) происходит от немецкого слова *die Kirchmesse*, обозначающего ярмарку, которая устраивалась после церковной службы (мессы). Посетивший Россию в составе бранденбургского посольства Иоганн Арнольд фон Бранд видел в 1673 г. вблизи Вастселийна (Нейгаузен) на жертвенном камне восковые фигуры быков и баранов (Brandt 1702. S. 157). Л. Зуров, описывая священную сосну около церкви в Зачеренье (Саатсе), отмечает сообщение 1783 г.:

«На сосну народ приносит еще по завету вещички, сделанные из воска в образе животных; странно свернутые наподобие очков свечи, нитки с прилепленными пластинками из воска, сыр, масло, молоко и шерсть» (НМЕИ, Зуров II. Л. 70, 71).

**Освящение свиной
головы в часовне
деревни Ястребово
(Jastruva)**

29 января 1993 г.

(кадр из фильма

М. Пихо «Tõnisepäev Setumaal»
(«День Тыниса в Сетумаа», 1993)

Здесь имеется в виду скрученный из восковой свечи узел в виде очков или восьмерки. Узел как символ и знак известен в народной и церковной культурах, а также в магии (Piho 2006. Lk. 348–351, 360–363). Приношение в жертву восковых фигур-вотивов представляет собой отзвук католической традиции, отражающийся и в жертвенной обрядности ливонских крестьян в XVII в. (Kõrr 1959. Lk. 223). В православной традиции у местных русских приношение в жертву восковых фигурок не известно. Католический пласт прослеживается и в составе женских серебряных украшений сето, их орнаментальных мотивах (Пихо 1997. С. 11).

Некоторое влияние католической церковной архитектуры просматривается в церквях Сетомаа. Вл. В. Седов обнаружил в Изборске, в церкви св. Николая, самой древней в Сетомаа и построенной в 1340 г., элементы северо-европейской готической церковной архитектуры, которые появились на фасаде храма в ходе перестройки 1360 г. (Вл. Седов 2004. С. 252–257).

Ливонский замок Вастселийна (Нейгаузен) — крупный международный центр католического паломничества — был построен в 1342 г., т. е. за 131 год до основания Печерского монастыря (1473). Вастселийну называли «одним из центров насильственного окатоличивания местных жителей — сету» (ЛППМ 1993. С. 100). По всей вероятности, исходящая из Вастселийны христианизация не ограничивалась только территорией Ливонии, а была направлена и на приграничные области вдоль побережья Псковского озера. До возникновения Печерского монастыря, скорее всего, из Вастселийны

осуществлялся процесс христианизации западной, частично северной и южной части современной Сетомаа.

Соотношение сил между разными конфессиями стало меняться только после объединения Псковского княжества с Московским (1510). В начале Ливонской войны вокруг Печерского монастыря была возведена каменная стена и монастырь превратился в крепость. Захват католического замка Вастселийна во время Ливонской войны повлек за собой и религиозные изменения на территориях, находившихся прежде в сфере его влияния. Жителей окрестностей Вастселийна, а также и живущих к западу от р. Пиузы, предков сето (иноверные или иноверцы), перекрестили в ходе Ливонской войны из католичества в православие, на что указывалась выше. Но влияние Вастселийна, перешедшего в 1582 г. под власть католической Польши, распространялось на прежних иноверцев, видимо, еще довольно продолжительное время.

Сегодня сето являются православными, никаких следов католичества в своей вере они не осознают. Естественно, что произошедшее в ходе христианизации наслоение разных конфессиональных традиций оказало влияние на православие сето. Значительную роль сыграло и то, что сето не понимали ни старославянского, ни русского языков, а большинство священников, по данным XIX — начала XX в., не знали языка сето. Длительное время процесс обращения в православие отражается в существовании конфессионала иноверцы/полуверцы.

Архивные документы и литература

Даль 1881 ■ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2. СПб.: М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881.

Зуров 1994 ■ Зуров А. Отчина: сказанное о Псково-Печерской обители. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.

Зуров 2014 ■ Зуров А. Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014. С. 74–78.

Календарь 2004 ■ Православный церковный календарь 2004. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 2003.

ЛППМ 1993 ■ Летопись Псково-Печерского монастыря или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых / Сост. Ю. Г. Малков. М.: Издание Донского монастыря, 1993.

Пихо 1997 ■ Пихо М. Э. Серебряные украшения сету XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

ПД II 1955 ■ Псковские летописи I. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1955.

- ПМА** ■ Полевые материалы автора.
- Святыни и древности 2006** ■ Святыни и древности Псковского уезда: По дореволюционным источникам / Сост., автор вступ. ст. Н. Ф. Левин. Псков: Дом печати, 2006.
- Седов 1996** ■ Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI в. // Архив архитектуры. Вып. VIII. М.: Наука, 1996.
- Седов 2004** ■ Седов Вл. В. Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 247–258.
- Седов 2007** ■ Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. Памятники отечественной науки. М.: Наука, 2007.
- Хайу 1983** ■ Хайу П. Аграрная обрядность и верования сету. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
-
- Brandt 1702** ■ Brandt J. A. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Pleskoven, Gross-Neugardien, Twerin und Moscovien. Wesel, 1702.
- Hartmann 1860** ■ Hartmann E. Neuhausen und die Pleskauschen Esten // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Est- und Kurlands. Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur, 1860. Bd. 34. S. 625–630.
- Kiristaja 2016** ■ Kiristaja A. Setomaa õigeusu kirikute ja koguduste varasemast ajaloost // Uurimusi seto rahvaluulest, ajaloost, kultuurist ja keelest // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 284–305.
- Kõpp 1959** ■ Kõpp J. Kirik ja rahvas. Sugemeid eesti rahva vaimse palge kujunemise teelt. Lund: Eesti Vaimulik Raamat, 1959.
- Mägiste 2000** ■ Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch, I. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2000.
- Piho 2006** ■ Piho M. Sõlmornament, eriti muinaskäevõrudel ja setu naiste ülerõivastel // Etnos ja kultuur. Uurimusi S. Lauluauks. Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 18.) Tartu; Tallinn: TÜ arheoloogia kabinet, TLÜ AI, 2006. Lk. 345–365.
- Piho 2011** ■ Piho M. Setode usk ja Setomaa tsässonad // ST, 2011. Lk. 13–60.
- Piho 2012** ■ Piho M. Möla klooster Setumaal // SK, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK. 2012. Lk. 359–384.
- Setumaa 1928** ■ Setumaa: maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. (Eesti, III.) Tartu: EKS, 1928.
- ST 2011** ■ Setomaa tsässonad / Koost A. Raudoja ja, T. Mäkeläinen / Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.
- VMS** ■ Väike murdesõnastik / Toim V. Pall. I. Tallinn: ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1982; II. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1989.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

539 Введение

547 Дохристианские традиции сето

561 Аспекты христианизации сето

577 «Народное православие»: к вопросу
о характеристике религиозного мировоззрения
русского населения Печорского края
в материалах **Л. Ф. Зурова**

601 Материалы **Б. Вильде** и **Л. Зурова** о праздничных
датах народного календаря сето

621 3.5.2. Почитание объектов природы

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ «Народное православие»: к вопросу о характеристике религиозного мировоззрения русского населения Печорского края в материалах Л. Ф. Зурова

Марина **Засецкая** и Ольга **Калинина** ■

«Народное православие» (точнее — «народное христианство») русского населения Печорского края никогда не становилось объектом особого изучения этнографов, поэтому вряд ли нам удастся всесторонне описать в рамках небольшой статьи сложнейший феномен, который во многом определял и образ жизни, и образ мышления православного крестьянина этой северо-западной части России в прошлом.

Несомненной заслугой исследователей 1937–1938 гг., в первую очередь Л. Зурова и Б. Вильде, является то, что они обратили внимание на верования русского населения Печорского края, начали собирать информацию по этой теме, создали прецедент историко-сравнительного и этнографического изучения местной религиозной культуры русских и сето. Надо отдать должное Л. Зурову, который интуитивно почувствовал, что раскрытие многих «загадок» мира Сетомаа будет успешно в случае привлечения широкого круга памятников по истории и этнографии различных народов Европы.

Спустя много десятилетий (в 1996 г.), не располагая никакой информацией о целях и задачах экспедиций 1937–1938 гг., попытку синхронного изучения религиозной культуры русских и сето предприняли участники Печорского отряда Псковской комплексной экспедиции, руководителями которого были М. А. Засецкая (РЭМ) и А. Г. Новожилов (СПбГУ)¹. При работе с информантами по темам: народные верования, семейная и календарная обрядность, церковно-приходские праздники и т. п. предпочтение отдавалось представителям старшего поколения, рожденным между 1900 и 1930 г. Сведения, полученные от респондентов, которые в 1937–1938 гг. были детьми, подростками, юношами, достигшими брачного возраста, будучи сопоставленными с данными Зурова — Вильде, позволяют сегодня охарактеризовать в общих чертах особенности местной религиозной

1. См. статью М. Засецкой и А. Раудоя «История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа», с. 381 в настоящем издании.

культуры русского населения XX в., проанализировать выводы, изложенные в рукописях Л. Зурова и по возможности дать им критическую оценку.

Прежде всего отметим, что наши полевые интервью (1996–2010), как и интервью, записанные Л. Зуровым (независимо от его интерпретаций), архивные и опубликованные материалы, свидетельствуют о том, что у населения Печорского края (и русских, и сето) никаких сомнений по поводу «определения содержания своей веры»² в 1920–1930-е гг. не было. Подавляющее большинство крестьян идентифицировало себя как православных, отличая единоверцев от представителей других конфессий: старообрядчества, католицизма, лютеранства и нового для региона религиозного движения — баптизма. Некоторые считали себя грешниками, другие — впавшими в ересь (увлечение спиритизмом, эзотерикой), появились и первые атеисты, но язычников среди жителей Печорского уезда Эстонской Республики в 1920–1930-е гг. не было.

■ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА

При чтении рукописей Л. Зурова у исследователя неизбежно возникает вопрос: насколько правомерными и продуктивными для изучения религиозного феномена Печорского края являются попытки препарирования целостной мировоззренческой системы «народного православия» с целью обнаружения языческих элементов и придания последним статуса исконных этнических родовых начал (в нашем случае: славянских — для русских, финно-угорских — для сето)? Судя по археологическим и летописным памятникам, этнокультурный синкретизм в материальной и духовной сферах отчетливо прослеживается в этом регионе со времен преданий о призвании варягов на Русь и о приходе в Изборск легендарного варяжского вождя — Трувора. Таким образом, важнейшим фактором, определившим своеобразие местного этноконфессионального ландшафта и как следствие «народного православия» у обоих народов (русских и сето), являлось расположение Печорского края / Сетомая в зоне совмещения двух историко-культурных областей: Северо-Запада России и Восточной Прибалтики. Подобное определение региона³ само по себе предполагает возможность присутствия иноэтнич-

2. «Необходимо внимательно отнестись ко всем оттенкам богословия народа, чтобы найти ключ к его религиозной душе; поэтому первый вопрос надо задать народу: как он определяет содержание этой веры?». См.: Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис. 1991. С. 117.
3. В процессе осмысления экспедиционных материалов 1996 г. по этнографии русских и сето общепринятое в науке 1950–1970-х гг. определение Печорского края как русско-эстонской контактной зоны было признано недостаточным. См. Засецкая М. А. Сету: история, культура // ИЭОПК. 1999. С. 272.

ных и инославных элементов и форм в каждой местной культуре (например, балтийских и финских — в славянской и наоборот, и т. п.).

Учитывая неоднородный характер межэтнических связей, а также вероятность возникновения сходных форм в культурах автохтонных народов, генезис некоторых общерегиональных традиций, отдельных заимствований и новаций установить очень трудно, а подчас и невозможно.

Например, в Иванов день Л. Зуров стал свидетелем чрезвычайно интересного обычая: кормления сетоской «старухой» молодых женщин (хлебом или пряниками) «изо рта в рот» (НМЕИ, Зуров П. А. 38). Поиск аналогов привел нас на территорию бывшей Витебской губернии (современный Себежский р-н Псковской обл.⁴), где фольклористами был записан начальный эпизод празднования Иванова дня, связанный с обрядовой постной пищей из зерен ржи — *кулагой*. Пожилая знающая женщина — «заводилка» — доставала из «рабочего передника» кусочки кулаги, наделяя ими всех молодых женщин-певуний перед обходом полей ржи (Народная традиционная культура Псковской области. 2002. Т. 2. С. 511).

Возможно, последствием контактов с населением «Витебской Белоруссии» являются местные «кирмаши» (Никифоровский 1892. С. 75). Когда данное название праздничных гуляний весенне-летнего цикла вошло в обиход у русских крестьян, было ли это слово заимствовано у сето? Бытовало ли оно у сето до XVI–XVIII вв., будучи рудиментом католицизма времен Ливонии, как предположил Я. Хурт (Гурт 1906. С. 6, 7) или это слово проникло в русскую и сетоскую культуры одновременно в XVII–XVIII вв.? Мы не можем сейчас дать ответ, потому что история бытования термина «кирмаш»⁵ никогда не рассматривалась в контексте взаимовлияния всех этноконфессиональных групп Восточной Прибалтики и Западной Псковщины.

Итак, Л. Зуров, верный идеям позднего почвенничества, указывал, что изучение культуры сето может раскрыть тайны древнеславянских культов и обрядов (НМЕИ, Зуров П. А. 8, 9). Замечания исследователя о возможности подобной реконструкции (при всей их утопичности с современной научной точки зрения) достойны внимания, поскольку косвенно указывают на то обстоятельство, что безусловных примеров «язычества» в народных верованиях русского крестьянства, проживающего в зоне влияния Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, Зурову обнаружить не удалось.

4. Территория Себежского района до 1924 г. входила в состав Витебской губернии.

5. Бытование слов «кирмаш» и «кирмашевый» во второй половине XIX — первой половине XX в. в России зафиксировано на территории Смоленской, Псковской, Витебской губ. (обл.). См.: СРНГ 1977. С. 222, 223; ПОС 2004. С. 133.

■ ОСОБЕННОСТИ САКРАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

Монастырская колонизация Северо-Запада России и сакральное освоение пространства Псковского княжества проходили в сложных условиях военно-политического противостояния восточного и западного христианских миров. В процессе усиления Московского княжества после Куликовской битвы (1380) и консолидации русской народности как православной общности на Ливонском рубеже «случайно» произошло чудесное обретение «Богом заданной пещеры» (1390–1392), за которым последовало строительство и освящение пещерного монастыря «Дома Пресвятой Богородицы» (1473)⁶ — символического «отпрыска» Киево-Печерской Лавры (основана в 1054 г.). По церковному преданию, его первыми пустынножителями были монахи, бежавшие из Киева от притеснения «латинян»⁷. Если Церковь стремилась найти историческое обоснование связи Псковского пещерного монастыря с Киевским, то в народных сказаниях главное внимание уделялось описанию чудесных знамений, совершающихся по Божьему соизволению, открытию пещер и обретению чудотворной иконы Успения Богородицы (иносказательно — приход Богородицы на место своего будущего дома). Сетоская же народная легенда трактует летописные события буквально: в Изборские леса подземными ходами, спасаясь от гонений, пришла сама Пречистая Дева (Valk 2008. Лк 102)⁸. Описанные выше события (имевшие место в действительности или вымышленные) стали точкой отсчета собственно печорской микроистории и исторической памяти местного крестьянства.

6. Пещерный монастырь был обустроен трудами трех подвижников: «блаженного первого печерского старца» — прп. пустынножителя Марка, священника Иоанна Шестника (прп. священноинока Ионы) и его супруги матушки Марии (прп. блаженной инокини Вассы). Подробнее см.: Тихон (Секретарев), архимандрит. Врата небесные. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Печоры, 2008. С. 12–16.
7. Основанием для предания послужили исторические события, подробно описанные в житии св. прп. Стефана Махрицкого: «Овладение Великим князем Литовским Гедимином в 1320 г. Киевским княжеством, православные начали терпеть притеснения от латин-папистов. С 1339 г., когда Казимир Король Польский покорил своей властью всю Галицию и Волинь, бедствия православных в Киеве чрезвычайно увеличились: преданный католичеству Казимир притеснял православное духовенство — отнимал у русских церкви для латинского богослужения. В это тяжкое время <...> множество иноков покинули в Киеве и его окрестностях свои монастыри и в безвестных дебрях и пустынях уединялись для подвигов поста и молитвы». Святой преподобный Стефан Игумен Махрицкий. Изд. второе Свято-Троицкого Стефана Махрицкого монастыря настоятеля, строителя иеромонаха Амфилохия. М., 1894. С. 10. Цит. по книге: Тихон (Секретарев), архимандрит. Указ. соч. С. 14.
8. Также: «Meie rahvas on vanal ajal Kiievist siia tulnud, kui Püha Maarja siia elama tuli» — «Наш народ в стародавние времена из Киева сюда пришел, когда Пресвятая Мария сюда жить пришла» (Valk 2008. Лк. 117).

**Свято-Успенский Псково-Печерский
мужской монастырь.**

Фотография М. Засецкой. 2009 г.

Идея преемственности нового Псково-Печерского монастыря от «праматери русских обителей»⁹ — Киево-Печерской Лавры — была четко обозначена в начале XVI в. вторым строителем обители, священноиноком Мисаилом, устроившим «на горе над пещерою деревянную церковь Преподобных Киевских: Антония и Феодосия» (Голстой 1861. С. 102). На протяжении последующих веков, включая и современность, данная идея регулярно актуализировалась примерами из мистического опыта верующих (Голстой 1861. С. 11), целенаправленной, но не навязчивой религиозно-патриотической пропагандой в устной и письменной формах. Наличие сакральной связи (подземного хода) между пещерами Киева и Печор — неотъемлемая составляющая местных народных преданий, как русских, так и сето (Valk 2008. Lk. 95–106).

Особо значимым для истории края является XVI в.: во времена царствования Ивана Грозного монастырь становится крупным землевладельцем, инициирует переселение ливонских и российских крестьян на монастырские земли,

9. «Исследование истории Псково-Печерского монастыря и его письменных памятников доказывает не только связь, но и зависимость его в развитии жизни и литературной деятельности от праматери русских обителей — монастыря Киево-Печерского» (Макаровский 1996, С. 4).

гарантируя им относительную стабильность и защиту. Вокруг монастырских храмов возводятся мощные стены и башни, а их творцы — миссионеры, просветители, храмоздатели — игумен обители прмч. Корнилий (1529–1570), прмчч. Вассиан Муромский, Пафнутий Заболоцкий — становятся новыми героями печорской агиографии и народных сказаний.

С эпохи прмч. Корнилия вплоть до окончания Северной войны (1700–1721) Псково-Печерский монастырь, находясь в зоне повторных военных действий, исполнял функции военно-оборонительного форпоста российского государства, православного мира и охранителя «малой родины» местного крестьянства. Данное обстоятельство способствует процессу кристаллизации православного самосознания у местного русского населения. В результате формируется определенная система мировоззрения русских Печорского края, для которой характерны: устойчивое этноконфессиональное самосознание (русские = православные), отчетливо выраженная конфессионально-патриотическая составляющая исторической памяти.

Лучшим доказательством служит фольклор. Независимо от жанра (героическая повесть, апокриф, назидание, сатира, анекдот) поляризация положительных и отрицательных героев происходит на основе конфессиональной, а не этнической принадлежности. Наиболее показательной в этом отношении является история благоверного князя Довмонта Псковского (в крещении Тимофея, родом из литовских князей, ум. 1299). На уровне Печорской микроистории — это народные варианты летописного предания об исцелении от чудотворных икон монастыря¹⁰ инославных христиан и последующем обращении их в православие, известные со времени позднего Средневековья. Воспоминания о враждебности человека иной веры — его чуждости местной православной культуре своеобразно преломляется в поздних легендах XIX в. о разрушении Иванова камня или кощунственном пренебрежении к нему, совершенном нечестивым латышом (т. е. латинянином) или немцем (т. е. лютеранином).

Возникновение Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря — «центра» — повлекло за собой православное окультуривание целого края, «окружения», который среди русского населения в обиходе получил название Печорского (в честь монастыря) задолго до выделения в самостоятельную административно-территориальную единицу — Печорский уезд¹¹.

10. «А Пречистая Царица, честное и славное Ея Успение, нача милость Свою являти православным крестьяном, приходящим к Ей с верою и чистым сердцем <...> нача Своєю милостию многонедужныя исцеляти <...> не токмо в честном храме Ея, но и вне монастыря <...>, не токмо крестьян (т. е. православных христиан. — Ю. М.), но и Латынь», см. ЛППМ. 1993. С. 13.

11. Печорский уезд был выделен как самостоятельный в 1782 г. по указу императрицы Екатерины II и просуществовал всего четырнадцать лет — до 1796 г.

Монастырь — главный устроитель социально-культурного пространства Печорской земли — на протяжении нескольких столетий (и до, и после секуляризации монастырских земель в 1764 г.) осуществлял в отношении округа те же самые функции, которые социология закономерно приписывает городу: хозяйственно-экономическую, управленческую, культурно-творческую, социально-политическую и т. п. Многовековое воздействие миссионерской проповеди и надзор за своими крепостными со стороны черного духовенства способствовали раннему размыванию, исчезновению и десакрализации многих форм дохристианской обрядности у местного русского населения.

Монастырь жил в соответствии с общероссийским церковным календарем, имевшим местные особенности, и крестьяне, ядро которых составляли бывшие монастырские крепостные, не могли жить иначе, как подчиняясь годовому циклу и ритму празднично-обрядовой и соционормативной православной культуры, которую регламентировал монастырь. Достаточно упомянуть Дванадцатые Великие праздники, Недвунадцатые (четыре) Великие праздники православного календаря, периоды постов (Великий, Петров, Успенский, Рождественский), строго соблюдавшиеся в крестьянской среде, и сложившуюся местную систему крестных ходов.

По книге воспоминаний протонерея, настоятеля Варваринской церкви в Печорах, о. Евгения (Евгений Федорович Пелешев, род. в 1930 г.), где он повествует о десяти ежегодных крестных ходах из Псково-Печерского монастыря в 1950-е гг., мы можем реконструировать, насколько крупномасштабными событиями были эти религиозные действия в предшествующие эпохи. Опишем наиболее значимые из них (В Псково-Печерском монастыре 1998. С. 46–50):

— Вознесенский крестный ход двигался по маршруту: г. Печоры — погост Печки — Сенно — Локно — Старый Изборск — Малы — г. Печоры и продолжался девять дней. «Народ на крестный ход собирался тысячами, чуть не весь район. Более сотни конных подвод, многие приходили из Латвии и Эстонии. Шествие вместе с конными повозками растягивалось на многие километры».

— «Покровский крестный ход <...> уходил на неделю».

— «На весеннего Николу крестный ход ходил в Тайлово. Народу иногда собиралось столько, что, когда первые уже подходили к Тайлову, последние еще только выходили из города».

— «В первое воскресенье после праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи крестный ход ходил в Паниковичи. Навстречу монастырскому крестному ходу выходил местный крестный ход».

**Настоятель церкви
св. вмч. Варвары
о. Евгений (Пелешев)**

во время обряда крещения
новорожденного (семья сето).
Г. Печоры.
Фотография О. Калининой. 2008 г.

— «В пятницу Пасхальной недели, после литургии шли на источник Иоанна Крестителя на Пачковку. Вместе с монастырским крестным ходом, шли крестные ходы из храма Сорока мучеников и Варваринской церкви. Когда все три хода сливались, получалось грандиозное шествие. Женщины-сету были одеты в свои национальные костюмы. Красота была редкостная».

— «Последний и **самый главный крестный ход** (Здесь и далее выделено авторами. — М. З., О. К.) совершался в Успеньев день <...>, а людей собиралось в тот день со всей России десятки тысяч».

Наряду с праздниками регионального значения существовали праздники приходского и внутриприходского уровней: престольные храмовые и деревенские, а также обетные, например, Мальское воскресенье (первое воскресенье после Петрова поста). К сожалению, в отчете Л. Зурова обетное воскресенье в д. Малы упоминается лишь как повод для описания омовения в священном ключе под церковью (НМЕИ, Зуров П. А. 65, 66). Между тем происхождение праздника, согласно преданию, связано с чудесным избавлением посевов от града по молитве крестьян, обращенной к местному

Обетный праздник Мальское воскресенье.

Крестный ход. Д. Малы. Фотография О. Калининой. 2008 г.

христианскому святому — прп. Онуфрию Мальскому († 12 июня 1492 г.), чьи мощи «почивают до времени под спудом под развалинами монастыря». Праздник этот отмечают и сейчас (Piho 2012)¹². Как и столетие назад, он начинается с литургии в церкви, исповеди и причастия прихожан. После этого вокруг церкви идет крестный ход, на носилках несут праздничную икону св. Онуфрия. Затем икону ставят на паперти, прихожане носят икону вокруг церкви, а навстречу им движется вереница людей, которые проходят под иконой. В это же время многие идут на могилы, поминают усопших родственников. В контексте полного описания комплекса обетного праздника — Мальское воскресенье, питье воды и омовение из святого источника утрачивают признаки языческого происхождения.

12. См. эпизоды празднования Мальского воскресенья в документальном фильме: «Сету. Народ Печорской земли» автор сценария М. Засецкая, режиссер Э. Короленко, худ. рук. проекта Н. Серебрякова. Киностудия «Этнос», 2000. http://pechory.ucoz.com/blog/film_setu_narod_pechorskoj_zemli/2013-05-29-11/.

Обетный праздник Мальское воскресенье.

Поминальная трапеза на кладбище. Д. Малы. Фотография О. Калининой. 2008 г.

■ **ВСЕ ПО ВЕРЕ...**

Из первого отчета Зурова, посвященного памятникам археологии и церковной архитектуры, следует, что историко-культурный ландшафт Печорского края формируется как составляющая часть русского православного мира. Однако при дальнейшем знакомстве с материалами экспедиции у читателей могут возникнуть сомнения по поводу вероисповедания местных крестьян, поскольку о церковной составляющей семейных и календарных праздников и обрядов исследователь фактически не упоминает¹³.

В результате в интерпретации Зурова духовная крестьянская культура 1920–1930-х гг. предстает набором разнородных «дохристианских религиозных

13. Так в описании серии фото, на которых запечатлены похороны рыбака Кирекеткина, Зуров сообщает, что «тело <...> в ладье» отбыло из д. Будовиж «на кладбище, где ожидает священник» (CD-диск: Архив МнБ РР0083432), т. е. на погост приходской церкви Владимирской иконы Богоматери, расположенной в д. Лисье. Но в своем отчете он лишь упоминает о «погребении рыбака в д. Лисья и отправлении его тела в ладье» (НМЭИ, Зуров I. С. 49). После прочтения столь неполной информации у читателя может сложиться впечатление о некоем архаичном обряде, что не соответствует действительности.

верований», суеверий, примерами почитания природных объектов (НМЕИ, Зуров П. Титульный лист). При этом термин «почитание», вынесенный в заглавие второго отчета, повсеместно заменен в самом тексте словом «поклонение» (напрашивается вывод: жители Печорского края поклоняются и «приносят жертвы» камням, источникам, деревьям). Несмотря на рассказы информантов о чуде явления («хождения») Иисуса Христа, Богородицы, святых Иоанна, Никандра, Николая, Л. Зуров настаивает на происхождении всех культовых природных объектов от «священных» мест языческой эпохи. Между тем не все столь однозначно при чтении отчетов Зурова. Приведем несколько примеров:

1) «Обитель возникла в лесном овраге у ручья Каменца. Этот лес был известен изборским охотникам, которые ходили на эти места для добычи зверя. Монастырское предание говорит, что звероловы видели иногда у камней под дубами молящегося старца. Потом под дубами нашли икону, и на этом месте была основана обитель» (НМЕИ, Зуров П. А. 71, 72).

2) «Богородицкий ключ», вытекающий из-под стоящей на холме Богородицкой церкви бывшего девичьего монастыря, что в старом Изборске. <...> В печерских богадельнях старики и старухи подтвердили это сообщение: “Прямо из-под церкви бежит, из-под Богородицкой, ключок к Плитке. Когда народ ходил на ключ, то многие получали исцеление. Ну, конечно, все по вере” (НМЕИ, Зуров П. А. 64).

3) «Святой Колодец находится за Печерами. <...> “Раньше часовни Ивана не было. А был просто ключ. Шла женщина, больная глазами, Богу молиться в монастырь, на этом месте остановилась, у ключа глаза помыла — будто потом стала видеть — вода священная. И все приходили и брали воду. И на Пасху, и в Пятницу крестный ход к ручью ходит. Там кущи построили часовню” (НМЕИ, Зуров П. А. 69).

По нашему мнению данные легенды (о монастырских дубах, целительных источниках — «ключках») нельзя однозначно связывать с «языческими представлениями», как это делает Л. Ф. Зуров. Они скорее свидетельствуют, во-первых, о глубоко укоренившемся христианском миропонимании, а во-вторых — о том, что «народное православие» не является косной религиозной системой, но, напротив, способной к развитию и изменению, в том числе — освоению и осмыслению новых объектов почитания, оснащению их ритуальными действиями, вписанными в систему христианских представлений о святости места.

Историю конкретного природного объекта следует соотносить с локальной историей расселения крестьян и христианизации, учитывая время возникновения (или возрождения) деревень, погостов, каменных крестов, храмов, при закладке фундаментов которых могли быть вскрыты родники, признанные

вскоре святыми источниками. Например, упомянутые выше Богородицкий ключ или Мальской источник церкви Рождества Христова.

Следует помнить и о переформатировании в рамках христианского мировоззрения архаичной демонологии и сложении собственно христианской защитной магии. Добровольное или вынужденное общение с тайной и нечистой силами: русалками, лешими, домовыми и т. п. предполагало знание и соблюдение правил безопасности, включая дары — своеобразный откуп или охранительные действия — молебны (см. данные Зурова о Литвинове Камне на острове Талавенце: НМЕИ, Зуров П. А. 61).

Крестьяне верили также в существование нежити (призраки, вурдалаки, оборотни, игоши — некрещеные младенцы), в колдовские и зловредные чары. Но выпеназванным силам не поклонялись, их не почитали, хотя иногда и прибегали к запретной помощи (гадание, порча, отворот/приворот любимого/супруга и т. п.).

В народном представлении существовало четкое разделение между колдунями, действовавшими тайно с помощью «нечистой силы», и знахарями, открыто лечившими травами и молитвами. Те женщины-сето («колдуньи» и «ворожеи»), которых видел Зуров у Мегузицкого камня¹⁴, не относились ни к одной из этих категорий. Скорее всего они, как «знающие» или старицы, входили в число людей т. н. «прицерковного круга» наряду с нищенками, богомолками, паломниками и др. и выполняли своеобразную роль хранительниц традиций, связанных с почитаемым объектом. Современные исследования показали, что местночтимые святые могут принимать на себя часть функций христианского храма (часовни) (Кормина 2006. С. 143).

Многие обрядовые действия, которые наблюдает Зуров, он определяет как языческие. Попробуем разобраться, чем же отличаются дохристианские формы проявления религиозного сознания от христианских.

В системе общеевропейского традиционного празднично-обрядового народного календаря внимание всех гуманитариев, еще с эпохи расцвета «родноведения» и «мифологической школы», особо привлекали обрядовые комплексы, приуроченные к наиболее важным «поворотным моментам» в системе миропорядка, правильное прохождение которых обеспечивало сохранность и целостность «ритма бытия социума-природы-космоса» (Бернштам 1993. С. 91). К таким «сакральным временам», связанным с космоприродными явлениями, следует отнести зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноден-

14. «За Камнем неподалеку от нищих сидело несколько сетских старух ворожей. Я сфотографировал женщину, которая стояла на коленях около сетской колдуньи, прикрыв свой рот платком. Родня молодой женщины, для которой старуха ворожила, сидела рядом, ожидая. Колдунья нашептывала на воду, прикрыв склянку с водой и свое лицо» (НМЕИ, Зуров П. А. 24).

стве. Выражая свое соучастие, преданность и почтение к «высшим силам», человечество выработало для «диалога» с ними особый символический язык, воплощенный в «сакральных формах деятельности» — обрядах и ритуалах (Там же. С. 92). В христианскую же эпоху произошли качественные перемены в идейном содержании «диалога» между социумом, сущим (природа), сверхсущим (Богом); возникло новое истолкование и понимание причинно-следственных связей между периодами «сакрального времени». Но вот парадокс. Основные формы проявления личной веры и снискания благодати (здоровья, счастья, богатства), доступные большинству сторонников культа (мирянам), остались прежними: паломничество — посещение храма (священного объекта), участие в богослужении, в религиозных процессиях, пожертвование (храму, жрецу, знахарю; это может быть строительство святилища, полотенце, кадушка с творогом), молитва, прямое или опосредованное прикосновение к святыне.

Поскольку сакральные формы, присущие политеизму и монотеизму, в большинстве своем оказываются универсальными, то принципиальное значение, по мнению авторов статьи, приобретает ответ на вопрос, кому поклонялись и служили: «твари» или «Творцу»?¹⁵.

Читаем у Зурова:

«В 1935 г. от крестьян, приходивших в Печорский монастырь, я узнал, что около Камня в древности росло почитаемое дерево, под которым, по преданию, отдыхал Иван-Креститель, а потом на Камне поправлял свою обувь, оставив свой след, а в речке умывался. Старуха Ульянова <...> мне сообщила: «К камню народ идет по завету-обещанию, там нищим всегда подают и исцеление получают» (НМЕИ, Зуров II. Л. 19).

Если русские и сего приносили обеты и поклонялись «Камню» (Зуров пишет это слово преимущественно с большой буквы), то это не пережитки — это сугубое язычество, но, если — Богу, который по своему милосердию — непосредственно или через Святых посредников (в конкретном случае через Иоанна Крестителя) — наделил данный природный объект силой исцеления, тогда это — христианство, и языческих пережитков в нем не более чем в почитании икон или св. мощей.

Утверждая приоритет язычества над христианством в русской религиозной культуре, Л. Ф. Зуров не учитывает мнение народа и суждения местного православного духовенства. А ведь они зачастую сообщали ему: «Батюшка, помогает нам Бог» (НМЕИ, Зуров II. Л. 25).

В результате исследователь упускает представившуюся ему возможность объективно охарактеризовать празднично-обрядовую русскую культуру

15. «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен вовеки веков, аминь» (Ап. Павел. Послание к Римлянам. 1:25).

Празднование Успения Пресвятой Богородицы в Псково-Печерском монастыре:

а — крестный ход внутри монастыря с чудотворной иконой «Успение Божией Матери» от Успенского к Михайловскому собору. 27 августа 2007 г.;

б — всенощное бдение у иконы возле Михайловского собора. 27/28 августа 2007 г.;

в — крестный ход вокруг стен монастыря 28 августа 2009 г.

Фотографии О. Калининой (*а, б*) и М. Засецкой (*в*)

весенне-летнего цикла¹⁶. В его отчетах отсутствует даже описание главного трехдневного праздника вся Печорской земли — Успения Пресвятой Богородицы (27–29 августа н. с.), удивительного по красоте и массовости, занимающего в местной иерархии церковного и народного календаря верхнюю ступень наряду с Пасхой и Рождеством Христовым. А ведь он мог бы при желании наблюдать данное торжество неоднократно¹⁷.

Для подчеркивания же особенностей местной русской религиозной системы (помимо почитания камней, источников, деревьев) Зуров указывает на широкое бытование иконных полотенец, на которых, по его мнению, запечатлены известные в истории мировой религии божества (Иштар, Артемида, Афродита), а иной раз и вымышленные самим писателем персонажи языческого пантеона, например, «объезжающий небо языческий Георгий» (НМЕИ, Зуров I. Л. 39). Симптоматично, но когда в отчетах Зурова речь заходит о русских, непосредственное этнографическое наблюдение подменяется историческими

16. См. таблицу сопоставления дат и названий праздников в эстонском, сетоском и русском народных календарях в статье П. Хагу «Материалы Л. Зурова и Б. Вильде о праздничных датах народного календаря сето», с. 601 в настоящем издании.

17. См. короткометражный фильм 1938 г. «Ristikäik Petseris» — «Крестный ход в Печорах» // Eesti Kultuurifilm (URL — режим доступа: <http://www.efis.ee/et/filmiliigid/film/id/1120/>).

Procession religieuse orthodoxe.

Крестный ход. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г.
Наверху надпись на французском языке «Религиозная православная процессия».
MQB PP0100773. ■ МНБ

справками, пространными цитатами или рассуждениями о культе плодородия и связанных с ним обрядах, некогда бытовавших у древних вавилонян, скифов, сарматов, или бытующих у сербов, белорусов, но — не у русских Печорского края. Возникает ощущение, что Зуров избегает рассуждений о православной вере современного ему сельского населения края. Подтверждение этому мы находим также и в комментариях к фотографиям. Например, на одном из снимков, сделанном в 1937–1938 гг., зафиксирован многолюдный крестный ход (Мальской или Успенский?), но подпись к фотографии поражает лаконичностью: «религиозная православная процессия», ни место, ни время, ни повод массового шествия не указаны (см. CD-диск: PP0100773_01)¹⁸. Русские и сето взяли иконы, хорутви и пошли, но куда и почему?

Другой снимок, запечатлевший духовенство и группу паломниц у часовни в деревне Мегузицы в Иванов день, снабжен следующим комментарием: «Le prêtre orthodoxe officie, essayant de lutter contre le paganisme» — «Православный священник проводит богослужение, направленное на борьбу с язычеством» (илл. на с. 594, см. CD-диск: PF0017011_02). В чем же выражены признаки борьбы? На явно постановочной (памятной) фотографии запечатлен священник с поднятым крестом и Евангелием в окружении крестьянок. Сюжет этой фотографии скорее ассоциируется с благословлением паломников (и фотографа), а не с противоборством чему- или кому-либо.

Л. Зуров не описывает русскую традицию праздника «Иванова дня», ограничиваясь лишь указанием, что «в русских деревнях крестьянская молодежь зажигает свои костры и гуляет всю ночь с песнями, не смешиваясь с праздничными сетскими деревнями» (НМЕИ, Зуров П. Л. 31). После пространных повествований о «вакханалии» у сето (НМЕИ, Зуров П. Л. 24) Зуров мельком упоминает о «плясках русских крестьянок с ряжеными и эротическими шутками» в д. Кувпиново 25 июня (НМЕИ, Зуров П. Л. 38)¹⁹. В чем собственно заключается эротика этих деревенских танцев — остается не вполне ясным. Судя по фотокадрам, подвыпившие крестьянки танцуют²⁰, поют и веселятся, а мужчина играет на гармонии. Типичная картина сельского гуляния, которую Зуров не раз мог наблюдать и в русских деревнях Латгалии на востоке Латвии (Кудрявцев 1983. С. 118–130).

18. Возможно, это упущение сотрудника фотоотдела Музея человека, который обязан был составить краткое описание на основе информации, полученной от исследователя.

19. При регистрации фотографий (CD-диск: MQB PP 0083405, PP 0083409, PP 0083497, PP 0083498, PP 0083357) этот эпизод ошибочно описывается как «Danses érotiques des femmes setes», т. е. «эротические танцы женщин сету», тогда как на фотографиях запечатлены русские.

20. Что же касается непристойного жеста пожилой крестьянки (CD-диск: MQB PF 0017047, PF 0017048, PP 0083405), то он может быть вызван физиологическими потребностями. Не исключено, что жест иллюстрирует содержание скабрёзной частушки. Однако это не ритуальный жест, никакого отношения к магии он в любом случае не имеет.

Духовенство и группа паломниц у часовни в Иванов день.
Д. Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017011. ■ МНБ

По экспедиционным материалам 1970–2000-х гг. российских фольклористов и этнографов вырисовывается следующий сценарий празднования Иванова дня в русских деревнях Печорского края в 1920–1940-х гг. Вечером накануне праздника собирались жители всей деревни или нескольких деревень и шли к тому месту, где предполагался костер — на возвышенность, лужайку на ржаном поле. Начиналось гулянье — танцевали под гармошку, гусли, скрипку. Парни и девушки прыгали через костер, старики за ними наблюдали. В костре жгли также колеса и старые вещи. В некоторых случаях информанты сообщали, что через костер прыгали «только ребяташки», то есть первоначальный смысл обрядности, связанный с репродуктивной и очищающей магией огня уже был утрачен, превратился в молодежную игру или детскую забаву. Есть сведения, что на гулянье могли прийти ряженые, одетые в вывернутые наизнанку шубы или просто в рваные одежды. На расспросы о причинах и целях подобного ряжения информанты отвечали: «Дурачились, девок пугали». Ни о каком магическом содержании ряжения воспоминаний не сохранилось. На следующий день все отправлялись на службу в церковь. По строю и торжественности службы, посвященные Рождеству Иоанна Предтечи, приближаются к самым великим церковным праздникам: «Ивана праздновали во всех церквях, потом гуляли» (А. П. Боголюбова, русская, 1925 г. р., д. Малы. ПМА М. А. Засецкой 1996. С. 6), шли в «праздничную»²¹ деревню, танцевали и «пели, да как! Чуть ли не на голове ходили!» (Народная традиционная культура Псковской области. 2002. Т. 1. С. 251). О процессе десакрализации русской обрядности Иванова дня свидетельствуют материалы фольклорных экспедиций Петербургской консерватории 1978–1999 гг. Во время сплошного обследования Псковского района были записаны старинные «ивановские» напевы и обряды в Невельском, Себежском, Островском, Порховском, Гдовском районах, но участники экспедиций не смогли выявить ни одной «ивановской» песни у русских Печорского района. «Какие песни на ум приходили, такие и пели».

Прежде всего подчеркнем, что Зуров был первым, кто обратил внимание на самобытность русской культуры Печорского края; до него исследователей более всего интересовали псково-печорские полуверцы — сето. Используя современную терминологию, можно сказать, что он впервые рассматривает

21. Праздничной считалась та деревня, где Рождество Иоанна Предтечи было престольным праздником.

Русские крестьянки деревни Кувшиново во время Иванова дня.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 017048. ■ МНБ

местное русское население как особую этнолокальную группу. Более того, Зуров предпринял также попытку описать, начиная с эпохи Средневековья, локальную историю межэтнических славяно-финских контактов. Попытка эта не могла увенчаться успехом: Зуров не был профессиональным историком, скорее наблюдателем и собирателем. И все-таки... В его наивных и подчас весьма непоследовательных рассуждениях присутствует предчувствие целостности и уникальности культурного пространства Печорского края / Сетомая. Именно это становится очевидным при внимательном прочтении рукописей, знакомстве с вещевыми и фотоиллюстративными коллекциями.

Однако не только поиск истоков своеобразия локального историко-культурного ландшафта побудил народного, православного²² автора повестей о Псково-

22. «Произведения Леонида Зурова еще в должной мере не востребованы в России, <...> его творчество, православное по мироощущению, глубоко народное в своей сущности». Цит. по: Стрижев А. Леонид Федорович Зуров. Биографический очерк // Сайт электронного журнала Poetica: URL — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/zurov1.htm#strizh>.

Русские крестьянки из деревни Кувшиново во время Иванова дня.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 017047. ■МНБ

Печерском крае «Отчина» (1929) и «Обитель» (1936), превратиться в старательного искателя местных «языческих пережитков и суеверий» (1937, 1938).

Полагаем, что для объективного ответа на вопрос о том, что привело к подобной метаморфозе, следует попытаться «понять» достаточно противоречивую личность Леонида Зурова²³. Во-вторых, следует осуществить тщательный анализ его текстов и полевых записей²⁴ и, в-третьих, выяснить, кому изначально были адресованы отчеты, датированные 1946 г.: сотрудникам музея Трокадеро, которым он *a priori* обещал найти и «описать языческие обряды чуди»²⁵ или советским ученым²⁶? Желание исследователя, чтобы собранные им археологические и этнографические материалы получили известность на родине, абсолютно оправдано. Можно предположить, что, зная о жесткой советской цензуре, Зуров постарался не касаться темы церкви и православия. Следует только сожалеть, что предпринятая им в 1944 г. попытка передачи экспедиционных материалов окончилась неудачей. Если бы наследие Л. Зурова и Б. Вильде было опубликовано своевременно — в 1950–1960-е гг., то последующим поколениям ученых не пришлось бы совершать некоторые открытия «повторно»; рукописи, снабженные соответствующими комментариями специалистов, не вызывали бы столько дискуссий и вопросов, а весь историко-культурный памятник «Экспедиции Б. Вильде — Л. Зурова 1937–1938 гг.» по праву занял бы достойнейшее место в мировой гуманитарной науке еще в XX в.

23. В 1939 г. был посвящен в масонскую ложу «Северная Звезда» (ВВФ), по рекомендации М. А. Осоргина и В. А. Андреева. В 1945 г. Л. Зуров — секретарь исторической секции Научного общества при Союзе советских патриотов в Париже. В 1945–1946 гг. сотрудничал в газете «Советский патриот». Подробнее о противоречивых взаимоотношениях Л. Зурова, масонов и «советских патриотов» см.: Серков А. И. История русского масонства XX века. Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2000. С. 442–446.
24. Отчеты 1946 г. — многослойный памятник. Отдельные страницы напоминают фрагменты из научных статей Зурова 1930-х гг.; имеются также «скрытые» цитаты из «Обители» и работ исследователей XIX — начала XX в.
25. «Мы должны сделать для музея закупки (костюмы, утварь и т. д.), надо будет описать языческие обряды чуди и сделать много фотографических снимков». Цит. по: Громова А. В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова. М.: МГПУ, 2012. С. 40.
26. «22 дек. 1944 г. Зуров обратился к советскому представителю во Франции с просьбой передать статью с результатами его исследований Печорского края «советским научным учреждениям». Цит. по: Громова А. В., Захарова В. Т. Указ. соч. С. 40. Косвенно об этом свидетельствуют фразы: «Вместе мы <...> занимались по советским учебникам»; «Доживающие в их среде языческие понятия и обряды <...> особенно должны заинтересовать советских ученых» (НМБИ, Зуров И. А. 28, 29).

Литература

- Бернштам 1993** ■ Бернштам Т. А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры. Київ: ИИ Украины АН Украины, 1993.
- В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников) 1998** ■ В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). М.: Изда-во «Отчий дом», 1998.
- Громова, Захарова 2012** ■ Громова А. В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова. М.: МГПУ. 2012.
- Гурт 1906** ■ Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия ИРГО. Том ХLI. 1905. СПб.: Типография М. Стасюлевича. С. 1–22.
- ИЭОПК 1999** ■ Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999.
- Кормина 2006** ■ Кормина Ж. В. Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: Изда-во ЕУ, 2006. С. 130–149.
- Кудрявцев 1983** ■ Кудрявцев В. Дома и в лодке с Леонидом Зуровым // Новый журнал. Нью-Йорк, 1983. № 152. С. 118–130.
- ЛПММ 1993** ■ Летопись Псково-Печерского монастыря или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых / Сост. Ю. Г. Малков. М.: Издание Донского монастыря, 1993.
- Макаровский 1996** ■ Макаровский А. И. «Заветы древней быль» (переиздание статьи 1930-х гг.) // Газета «Знамение времени», 13 (21) июля 1996 г.
- Максимов 1994** ■ Максимов С. В. Нечистая, ведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994.
- Народная традиционная культура 2002** ■ Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра / Авт. проекта, сост., научн. ред. А. М. Мехнецов. Псков: Изда-во обл. центра нар. творчества, 2002. Т. 1, 2.
- Никифоровский 1892** ■ Никифоровский Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии. Старцы // ЭО. Кн. XII. М., 1892. № 1. С. 70–103.
- Тихон (Секретарев), архимандрит 2008** ■ Тихон (Секретарев), архимандрит. Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: ГППО «Дом печати», 2008.
- Толстой 1861** ■ Толстой М., граф. Святыни и древности Пскова. М.: Университетская типография, 1861.
- Федотов 1991** ■ Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Гнозис, 1991.
-
- Piho 2012** ■ Piho M. Möla klooster Setomaal // SK, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värskä: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK. Lk. 359–387.
- Valk 2008.** ■ Valk H. Kiiev setu pärimuses: koopad, käsikivid ja ristikäigud // SK, 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim Ü. Tamla. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ. 2008. Lk. 93 -141.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

539 Введение

547 Дохристианские традиции сето

561 Аспекты христианизации сето

577 «Народное православие»: к вопросу
о характеристике религиозного мировоззрения
русского населения Печорского края
в материалах Л. Ф. Зурова

601 Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных
датах народного календаря сето

621 3.5.2. Почитание объектов природы

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных датах народного календаря сето

Пауль **Xary** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В свое время одна из глав моей кандидатской диссертации (Хагу 1983) была посвящена сравнительному анализу обычаев и праздников народного календаря сето с традицией соседей — южных эстонцев и русских. Работа, одной из целей которой было выяснение истории формирования сетоского народного календаря, была основана на всех доступных в то время источниках и публикациях. В их числе была и статья Леонида Зурова (Zouroff 1940), однако сведениями о его полевых отчетах я в то время не располагал. Ознакомление с сохранившимися архивными материалами экспедиций Л. Зурова и Б. Вильде дала возможность более объективно оценить, какие дополнения, открытия и спорные моменты содержатся в них при исследовании сетоской календарной обрядности.

История формирования народного календаря сето довольно сложна. Помимо дохристианской основы свой след в нем оставили как русский православный, так и католический (и вот уже на протяжении 400 лет лютеранский) церковные календари, при этом по большей части посредством русского или эстонского народных календарей. В диссертации я выделил в народном календаре сето следующие пласты: 1) старейший, дохристианский пласт, т. е. прибалтийско-финский субстрат; 2) ранний католический пласт; 3) заимствование православного церковного и русского народного календарей; 4) более поздний лютеранский суперстрат (XIX–XX вв.).

Следы католической традиции в народном календаре оставила не католическая церковь, власть и деятельность которой не распространялась на территорию Сетомаа; они основаны на народном календаре южной Эстонии, опирающемся на праздничные даты, приуроченные к дням католических святых. Начиная с XIII в. предки сето заимствовали эти даты, как и обрядовые компоненты, от соседей, близких по языку.

Прямое влияние православного календаря на календарь и календарную обрядность сето следует связывать с миссионерской деятельностью в XVI в.

штумена Псково-Печерского монастыря Корнилия (Селарт 2011; Piho 2011. Лк. 15, 16), несмотря на то, что первое знакомство сето и южных эстонцев с христианством началось, очевидно, уже в период христианизации Псковской земли. Хотя на государственном уровне христианство была принято в 988 г., предполагается, что воцерковление местного населения состоялось, по крайней мере в Повеличье, не ранее второй половины XI в. (Мусин 2002. С. 110).

Далее представляю таблицу, сопоставляющую народные календари, в которую, по сравнению с приведенной в моей диссертации, внесены некоторые дополнения. Левый столбец, в котором представлен перечень праздничных дат эстонского народного календаря, не является исчерпывающим. Оттуда исключены все те праздники, которым нет соответствия в народном календаре сето. Средний столбец содержит перечень дат народного календаря сето, который является исчерпывающим. В правом столбце представлен перечень календарных дат у русских Печорского региона, где обычным шрифтом отмечены дни тех святых, которые не были известны сето, а общие выделены полужирным шрифтом.

В пределах бывшей Российской империи переход от старого, юлианского, на новый грегорианский календарь состоялся в 1918 г. Православная церковь продолжала отмечать праздники по старому, юлианскому календарю. В традиционном сетоском народном календаре празднование всех знаменательных дат (даже заимствованных в прошлом от эстонцев и отсутствующих в православном календаре)¹ происходит, как и в православном церковном календаре, по старому (юлианскому) календарю — на 13 дней позже, чем по грегорианскому.

Праздничные дни эстонского, сетоского и русского народных календарей. 1930-е гг.²

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
25.XII ст. ст. / 07.I нов. ст.	jõulud < др. сканд. (h)jūl (круг, кольцо) (Рождество)	25.XII ст. ст. / 07.I нов. ст.	talsipühi (зимние праздники)	25.XII ст. ст. / 07.I нов. ст.	Ражество/ Рождество
01.I / 14.I	uusaasta (Новый год)	01.I / 14.I	vahtsõnõ aasta (Новый год)	01.I / 14.I	Новый год
06.I	kolmekuningapäev (День трех королей)	06.I / 19.I	viiristminõ (Водокрещение/ Водокрещи)	06.I / 19.I	Водокрещи/ Крещенье
				16.I / 29.I	Петр и Павел / День поклонения честным веригам ап. Петра
17.I / 30.I	tõnisepäev (Тынисов день / День св. Антония)	17.I / 29 / 30.I	tennuspäiv < эст. (Тынисов день)		

1. Исключениями являются *hingipäiv*, *maidipäiv* и *kadripäiv*, которые сейчас празднуют по новому календарю.
2. Автор благодарит Ольгу Фишман за дополнения к праздничным датам русского народного календаря Печорского края, их соответствиям в православном церковном календаре.

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
				18.I / 31.I	Афанасий / свтг. Афанасий и Кирилл, архиеп. Александрийские
				22.I / 04.II	Тимофеевские морозы / ап. Тимофей
				24.I / 06.II	Аксенья-полужимница / прп. Ксения
02.II / 15.II	küünlapäev (День свечей)	02.II / 15.II	kündlepäiv < эст. (День свечей)	02.II / 15.II	Сретенье / Сретение Господа нашего Иисуса Христа
				11.II / 24.II	Власий / спмч. Власий
	vastlapäev * ³ < от швед. fastlag (начало поста)		maasenitsa * < рус. Масленица		Масляна*/ Масленица
			ulasõpäiv * < рус. Власий		
	tuhkapäev * (Пепельный день)		tuhapäiv * < эст. (Пепельный день)**)		
			poornapäiv * < рус. Соборный день		Соборное воскресенье*
			raabapäiv * (Бабий день)		Средокрестье*
				28.II / 12.III	Василий-капельник / прп. Василий
		29.II / 13.III	võssakoos < рус. Висакоос	29.II / 13.III	Касьян / прп. Кассиан Римлянин
		01.III / 14.III	oudakei < рус. Евдокия/Авдотья	01.III / 14.III	Авдотья-плющиха / прмч. Евдокия
				02.III / 15.III	Федот / спмч. Федот
				04.III / 16.III	Герасим-трачевник / прп. Герасим
		09.III / 22.III	sorokasveet < рус. Сорок святых	09.III / 22.III	Сорока, Сорока / 40 мчч. севастиийских
17.III / 30.III	käädrpäiv (День св. Гертруды) ⁵	17.III / 30.III	al'aksei < рус. Алексей	17.III / 30.III	Алексей / прп. Алексей, человек Божий
				19.III / 01.IV	Дарья-говнопрорубница / мц. Дария
				21.III / 03.IV	Фома / свт. Фома
25.III / 07.IV	paastumaarjapäev (Постный Марьян день)	25.III / 07.IV	kapstmaarapäiv (Капустный Марьян день)	25.III / 07.IV	Благовещение / Благовещение прсв. Богородицы
			laasõpäiv * < рус. Лазарев день		Лазарева суббота*
	palmipuude püha * (Пальмовый праздник)		urbõpäiv * < рус. Вербный день		Вербно воскресенье*
	lihavõtted * (досл. «брать мясо»)		lihavõttõ * < эст. («брать мясо»)		Пастка/Пасха*

- *Обозначает переходящие праздники.
- **Обозначает праздники, которые в сетоской традиции праздновали в разных местностях в разные дни.
- Случайное совпадение дат.

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
			raadovits* < рус. *Радуница*, olõõtsprühi* (Праздник окончания [Пасхальной недели])		Радуница*
				15.IV / 28. IV	Святой Пуд / апп. от 70-ти Аристарха, Пуда и Трофима
23.IV / 06.V	jüripäev (Юрьев день / День св. Георгия)	23.IV / 06.V	jüripäiv (Юрьев день)	23.IV / 06.V	Егорий/Ягорий/ Яхорий
				26.IV / 09.V	Степан-ранопашец / свт. Стефан
				05.V / 18.V	Иринья-рассадница / вмч. Ирина
09.V / 22.V	nigularäev (Николин день)	09.V / 22.V	migularpäiv < рус. Николин день	09.V / 22.V	Никола вешний
		11.V / 24.V	räüspäiv < рус. (День града)	11.V / 24.V	Моксев день, Мокрый день, Мокросей, Мокий, Мокей / Максавев день; День обновления Царь-града (Царьграда)
				13.V / 26.V	Лукерья-коварница / мч. Гликерия
				14.V / 27.V	Сидор-северник / мч. Исидор
				21.V / 03.VI	Алёна-леносевка / День равноап. царя Константина и матери его царицы Елены
				29.V / 11.VI	Федосья-колосенни- ца / мч. Феодосия
				31.V / 13.VI	Еремей-распрягаль- ник / мч. Ермий
	suur ristpäev* (Большой крестов день)		ristpäiv* < эст. (Крестов день)		Вознесенье* / Вознесение Господне
	nelipühad*, suvisterühad (летние праздники)		suvistõpühi* < эст. (летние праздники)		Троица*
				12.VI / 25. VI	Мальской, Мальский / прп. Онуфрий Мальской/Мальский / Псковский
				13.VI / 26.VI	Акулина-кривые огурцы / мч. Акулина
				23.VI / 06.VII	Аграфена-купальни- ца / мч. Агриппина
24.VI / 07.VII	jaanipäev (Иванов день)	24.VI / 07.VII	jaanipäiv (Иванов день)	24.VI / 07.VII	Иванов день / Рождество Иоанна Крестителя
29.VI / 12.VII	peetripäev (Петров день)	29.VI / 12.VII	piitrepäiv (Петров день)	29.VI / 12.VII	Петров день; Петровки / апп. Петра и Павла
				01.VII / 14.VII	Козьмадемьян, Кузьминки / свв. Косьма и Дамриан
			mõlarpäiv (Мальской день) ⁶		Мальское воскресенье ⁷

6. Мыла — сетоское соответствие русскому топониму Малы.

7. Воскресенье после Петрова дня; местный заветный праздник Мальского прихода.

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
02.VII / 15.VII	heinamaarjapäev (Сенный Марьян день)	02.VII / 15.VII	hainamaarpäiv < эст. (Сенный Марьян день)		
				08.VII / 21.VII	Казанская / Явление иконы Казанской Божьей Матери
10.VII / 17.VII	seitsmevennapäev (День семи братьев)	10.VII / 17.VII	säitsmevelistepäiv = эст. (День семи братьев)		
				11.VII / 24.VII	св. равноап. Ольга
				12.VII / 25.VII	Прокл / мчч. Прокл и Иларий
			päätants** < рус. Пятница		Ильинская пятница ⁸
20.VII / 02.VIII	eelijapäev (Ильин день)	20.VII / 02.VIII	jakaräiv, iljaräiv (День св. Якова; Ильин день)	20.VII / 02.VIII	Илья; Ильин день / пр. Илья
				22.VII / 04.VIII	Марья / равноап. Мария Магдалина
				24.VII / 06.VIII	Борис и Глеб / мчч. блгвв. кнн. Борис и Глеб
25.VII / 07.VIII	jakobipäev (Яков день / День св. Якова)	25.VII / 07.VIII	annõpäiv (Аннин день)	25.VII / 07.VIII	Успение прав. Анны
26.VII / 08.VIII	annepäev (Аннин день / День св. Анны)				
				28.VII / 10.VIII	Одигитрия ⁹
		01.VIII / 14.VIII	makavei(päiv) < рус. Макавей	01.VIII / 14.VIII	Макавей, Маккавеев день / Первый Спас
				04.VIII / 17.VIII	Авдотья Маинуха / прмч. Евдокия
		06.VIII / 19.VIII	paasapäiv < рус. Спасов день	06.VII / 19.VIII	Спас / Преображение / Второй Спас / Преображение Господне
10.VIII / 23.VIII	lauritsapäev (Лаврентьев день)	10.VIII / 23.VIII	labõrits < эст. (Лаврентьев день)		
15.VIII / 28.VIII	rukkimaarjapäev (Ржаной Марьян день)	15.VIII / 28.VIII	rümaarpäiv < эст. (Ржаной Марьян день), suur maarpäiv (Великий Марьян день)	15.VIII / 28.VIII	Успенъ / Успение Богородицы
		18.VIII / 31.VIII	rõllapäiv < рус. Фролов день	18.VIII / 31.VIII	Флор и Лавр / мчч. Фрол и Лавр
24.VIII / 06.IX	pärtlipäev (Варфоломеев день / День св. Варфоломея)	24.VIII / 06.IX	pärtlipäiv < эст. (Варфоломеев день)		
		29.VIII / 11.IX	ivanaskorona < рус. Иван скоромный	29.VIII / 11.IX	Иван скоромный / Усекновение главы пророка и крестителя Иоанна
08.IX / 21.IX	ussimaarjapäev (Змеиный Марьян день)	08.IX / 21.IX	väikene maarpäiv (Малый Марьян день)	08.IX / 21.IX	Малая Пречистая / Рождество прсв. Богородицы
				9.IX / 21.IX	Феодосий / свт. Феодосий

8. Отмечается в пятницу до праздника Ильи пророка.

9. Одна из чудотворных икон Божьей Матери «Одигитрия» Смоленская из Михайловского собора Псково-Печорского монастыря.

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
		14.IX / 27.IX	viissenja < рус. Воздвижение	14.IX / 27.IX	Здвиженьє / Воздвижение Креста Господня
				15.IX / 28.IX	Микита-гусятник / вмч. Никита
		24.IX / 07.X	ilkandra < рус. Ликандр	24.IX / 07.X	Ликандр; Никандр-посевщик / прп. Никандр Псковский
29.IX / 12.X	mihklipäev (Михайлов день)	29.IX / 12.X	maamihklipäiv < эст. (Михайлов день)		
		01.X / 14.X	vinne mihklipäiv (русский Михайлов день); pokrov < рус. Покров	01.X / 14.X	Покров; Покрова / Покров прсв. Богородицы. Михайлов день / смчч. Михаил
			midrosk**¹⁰ < рус. Дмитровка		
				26.X / 08.XI	Дмитровки / вмч. Дмитрий Солунский
				28.X / 10.XI	Параскева-Пятница / вмч. Параскева
		29.X / 11.XI	nahtsipäiv < рус. Настасья	29.X / 11.XI	Настасья / прмц. Анастасия
				01.XI / 14.XI	Кузьмадемьян, Кузминки / Косма и Дамиан
02.XI / 15.XI	hingedepäiv (День поминовения усопших)	02.XI / 15.XI	hingi päiv¹¹ < эст. (День поминовения усопших)		
				08.XI / 21.XI	Михайлов день / Собор архистратига Михаила
				09.XI / 22.XI	Матрёна / прп. Матрона
10.XI / 13.XI	mardipäev (Мартынов день / День св. Мартина)	10.XI / 23.XI	mardipäiv < эст. (Мартынов день)		
				11.XI / 24.XI	Федор / прп. Феодор Студит
				15.XI / 28.XI	Гурий / мчч. и испп. Гурий, Самон и Авив
				16.XI / 29.XI	Матвей / св. ап. Матфей
				21.XI / 04.XII	Введеньё / Введение Богородицы во храм
25.XI / 08.XII	kadripäev (Катеринин день / День св. Екатерины)	25.XI / 08.XII	kadripäiv < эст. (Катеринин день)		

10. Празднуется как период поминовения усопших после Покрова.

11. В Сетомаа этот день поминовения известен мало, только у западной границы, очевидно, как результат влияния эстонской традиции.

Эстонский календарь		Сетоский календарь		Русский календарь Печорского края	
		26.XI / 09.XII	sügüsene jüripäiv < рус. (осенний) Юрьев день)	26.XI / 09.XII	Егорий осенний (зимний) / Юрьев день / Ягорий
		04.XII / 17.XII	varvara < рус. Варвара	04.XII / 17.XII	Варвара / вмп. Варвара
				05.XII / 18. XII	Сава / прп. Савва
06.XII / 19.XII	nigulapäev (Николин день)	06.XII / 19.XII	talvinõ Mikul' (зимний Микола)	06.XI / 19.XII	Никола зимний, зимняя Микола / свт. Николай
				12.XII / 25.XII	Спиридон-солнцево-рот / свт. Спиридон
13.XII / 26.XII	luutsinapäev (День Люции)	13.XII / 26.XII	luutsinapäiv < эст. (День Люции)		
				16.XII / 29.XII	Агей зимоказник, Агей-инесей / пр. Агей
21.XII / 03.I	toomapäev (Фомин день / День ап. Фомы)	21.XII / 03.I	tuomapäiv < эст. (Фомин день)		

Так как полевые работы Зуров и Вильде проводили с июня по сентябрь, они зафиксировали календарную обрядность лишь летнего цикла. Исключением является фотография в архиве Вильде 1936 г., на которой изображено пасхальное катание яиц русскими в Печорах. В материалах Зурова и Вильде можно найти дополнения только к некоторым обрядам сетоских праздников: более всего об Ивановом дне, менее — о днях Анны и Параскевы Пятницы (сето *‘päätmitsapäiv*); одна фотография касается Пасхи (ее сюжет назван выше), другая содержит косвенное отношение к обрядности дня Власия (сето *‘ulasõpäiv*). В описаниях праздников 1930-х гг. отражен синкретизм традиций дохристианского происхождения и народного православия, наиболее ярко отраженный в праздниках Иванова дня и дня св. Анны, в которых культ камней дохристианского происхождения соединен с традицией православных деревенских праздников (см. также Valk 2008). В обрядах празднования св. Параскевы очевидно переплетение следов древнего культа с традицией престольных праздников народного православия. Обзор, представленный ниже, исходит не из календарной последовательности праздников, а из объема их отражения в полевых материалах Л. Зурова.

■ ИВАНОВ ДЕНЬ (JAANIPÄIV — 24.VI / 07.VII)

В обрядности Иванова дня Зурова прежде всего интересует принесение жертвенных даров к Иванову камню и нищим, излечение болезней, связанное с Ивановым камнем и водой в ручье Мегузицы, зажигание костров

Эротический танец сетоских женщин, входящий в обряд бабьего праздника.
Иванов день в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017034. ■ МНБ

Ивановой ночи и празднества женщин вместе с ритуалами плодородия. Данные запечатлены как путем опроса и наблюдением за поведением участников, так и визуальной фиксацией в виде фотографий. Другая связанная с этим праздником окказиональная обрядность (приметы о погоде, гадание), а также аграрные ритуалы выпадают из сферы интересов Зурова. Полученные им сведения не добавляют ничего нового к уже имеющимся описаниям, но являются, несомненно, основательным и хорошим дополнением к старому материалу. Хотя некоторые фотографии о приношении жертвенных даров на Иванов камень и лечения болезней были сделаны эстонскими фольклористами уже раньше (1936), вклад экспедиции Зурова в фиксацию визуального материала в упомянутой области (три фотографии в 1937 и 46 — в 1939 г.) является значимым и заслуживает полного признания.

В отношении Иванова огня Зуров сделал пару интересных записей: о разжигании костров в «субботу» Иванова дня (накануне) и ночью (23 июня) на природных возвышенностях или же поджигание, например, пустой бочки из-под дегтя на высоком шесте. Как и в более ранних описаниях эстонских исследователей повторяется деталь: дети поднимали на шесты или бросали вверх горящие факелы, веники и сухие ветки можжевельника. На основании своих наблюдений 1937 и 1938 гг. Зуров также отмечает, что возвращающихся с Иванова огня женщин в деревне встречают мужчины с насаженными на кол факелами (НМЕИ, Зуров II. Л. 23, 24, 33). Если перепрыгивание через костер во время Иванова дня было общеизвестно, то достаточно необычным является сделанное в 1937 г. Зуровым описание того, как женщины гасят костер Ивановой ночи, прыгая в него (НМЕИ, Зуров II. Л. 23). Такое действие хорошо согласовывается с широко практиковавшейся в Сетомаа традицией — забирать с собой головню из Иванова огня и засовывать ее в капустную грядку, чтобы на корнях капусты не завелась кила (Nagu 1978. Lk. 616, ja järg.). Вне Сетомаа такой обряд был известен среди води (Ariste 1969. Lk. 93).

Вызывают вопросы описания Зурова празднований женщинами Иванова дня, их эротических песен и танцев, а также соответствующие фотографии: 27 фотографий «гуляния» сетоских женщин и 5 фотографий русских женщин в д. Кувшиново. Фотографии являются бесспорными документами. Другое дело — как следует их интерпретировать.

Иванов день приходится на период петровского поста, когда православные могут вкушать только постное, запрещены веселье, пение и танцы. Именно из-за запрета употребления в пищу молочных продуктов к Иванову камню и в часовню д. Тростянка/*Treski* в Северной Сетомаа приносили в качестве жертвенного дара большое количество масла, сливок и творога. Сето не соблюдали нормы поста накануне Петрова дня с таким же рвением, как во время

Ритуал плодородия *soeluss* на бабьем празднике.

Иванов день в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF 0017028. | МНБ

Великого поста. Может быть под воздействием эстонской народной традиции, где с Ивановым днем было связано множество песен, сето также пели у костров Иванова и Петрова дней песни со специфическими мелодиями, в которых всех призывают зажигать огонь (Hurt 1905. Lk. 445, 446). На запрет танцевать также смотрели сквозь пальцы; 23 июня и сегодня можно увидеть «кирмас (кирмаш)» или гулянье в русской д. Кувшиново, а у сето и эстонцев в XIX в. Иванов кирмас проводили 24 июня около корчмы Пийри, находящейся недалеко от развалин замка Вастселийна (Нейгаузен). Естественно, что во время Иванова костра, как и вечером накануне Иванова дня пили домашнее пиво, но употребление водки во время поста все же было неммыслимым.

Описания, а особенно фотографии Зурова о поведении и танцах женщин не оставляют и тени сомнения в том, что запечатлен женский праздник «баба-праздник» (сето *’raabapraasnik*), который сето отмечали в четверг на масленичной неделе, в день Власия (*’ulasõpäiv*; об этом более детально см. ниже). Живущие в Печорском регионе русские тоже отмечали «бабий праздник» в другие знаменательные дни, но не в Иванов день.

Противоречие между всем собранным к настоящему времени материалом о календарных праздниках сето и описаниями и фотографиями Зурова пропадает, если предположить, что женщин специально попросили продемонстрировать обряды, ритуалы и песни бабьего праздника, чтобы исследователь смог их запечатлеть. Это могли организовать местные помощники Зурова, может быть и не проинформировав об этом самого Зурова. Зуров мог иметь об этом представление; он даже мог слышать от своих информаторов об этом, но желание реконструировать традиции славянского дохристианского Иванова дня, возможность убедительного документирования остатков женского ритуала плодородия принудила его молчать об этом обстоятельстве в своих отчетах. Вероятно, в рамки организации бабьего праздника входило и снабжение участников большим количеством спиртного.

Проанализируем содержание нескольких фотографий Зурова.

Эротический танец сетоских женщин, где сукман (верхняя одежда) закручен между ног в виде фаллоса, действительно входил в эротические ритуалы бабьего праздника. Неестественным является то, что на фотографии есть также дети и мужчина, так как в бабьем празднике могли принимать участие только замужние женщины и вдовы. Все это указывает на то, что мы имеем дело с демонстрацией, а не с аутентичной ритуальной ситуацией.

Такую же эротическую деталь демонстрируют и русские женщины из соседней д. Кувшиново¹². Следует обратить внимание на длину теней на фо-

12. См. илл. на с. 596 и 597 в статье М. Засецкой и О. Калининой «Народное православие»: к вопросу о характеристике религиозного мировоззрения русского населения Печорского края в материалах Л. Зурова» в настоящем издании, а также иллюстрации на CD-диске.

Приношение шерсти в качестве жертвенного дара на камень Анны в деревне Пелси.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016893. ■ МнБ

тографии — это уже не утро 25 июня, как утверждает Зуров (НМЕИ, Зуров П. Л. 38), а скорее всего — полдень, так как это наилучшее время суток для фотографирования.

Одну фотографию сетоских женщин из Мегузиц Зуров комментирует следующим образом:

«Потом я сфотографировал, как они качались: одна из них продела голову меж ног другой, а та, зажав ей голову ногами, нагнувшись, крепко захватив за лодыжки, начала качаться» (НМЕИ, Зуров П. Л. 37).

В данном случае зафиксирован практиковавшаяся на бабьем празднике ритуал магии плодородия, который на сетоском языке называется «soenuss» («волчья ебля»). Фотография Зурова является редкой, но не уникальной. Пять фотографий того же ритуала (естественно, в качестве демонстрации, а не на бабьем празднике) в 1937 г. сделал Р. Вийдалепп в д. Верхоустье/*Вярска* и одну фотографию — Р. Пылдыяэ в д. Овинчице/*Обиница*. Фотографии опубликовал О. Лооритс в исследовании, посвященном бабьему празднику (Loorits 1940). Зуров несколько раз подчеркивает эротическое содержание песен, услышанных в Иванову ночь. На самом деле сетоская песня костра Ивановой ночи по своей сути не является эротической. То же самое не следует утверждать и относительно песен, исполняемых на бабьем празднике. Основной темой песен является похвала совместному пению и времяпрепровождению, хотя имели место и эротические, и даже непристойные песни¹³. Поскольку Зуров не понимал языка сето, его помощники могли к удовольствию спрашивающего преувеличить эротический характер действия, демонстрируя скрытый от общественности ритуал; кроме того, на Ивановом дне действительно мог использоваться эротический репертуар бабьих праздников.

■ ДЕНЬ АННЫ (ANNÕPÄIV — 25 ИЛИ 26.VII / 07.VIII)

День Анны, т. е. день памяти Успения святой Анны имеет свои различия в православном и католическом народном календарях¹⁴. В Южной Эстонии св. Анне посвящено несколько католических часовен, в более старинных фольклорных сообщениях указывается, что св. Анна считалась в народе защитницей скота (Niimäe 2006. С. 344). В Сетомаа св. Анна почиталась как покровительница овец. Л. Зуров посещал д. Пелси в 1938 г., где сделал

13. Тексты песен см. Nagu 2012. Lk. 166–170.

14. Различаются и даты церковных календарей: православная церковь празднует этот день 7 августа (ст. ст. 25 июля), католическая — 26 июля.

Ношение каменного креста вокруг церкви в день св. вмц. Параскевы.
Д, Зачеренье. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016885. | МНБ

Катание яиц на второй день Пасхи в Печорах в 1936 г.

Фотография В. Сяяги. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (7). НМБ И, Центральная библиотека.

Оригинал: ЭФА, русский фонд ERA-12276-35449-07430

четыре фотографии жертвенного камня и записал устные сообщения о приношении жертвенных даров к камню Анны. Уникальна фотография Зурова о приношении в качестве жертвенного дара к камню Анны пучка шерсти. Имеются и другие фотографии камня Анны в Пелси, сделанные эстонскими исследователями, но сцены приношения к нему жертвенных даров отсутствуют. Ценными являются и сведения о находящемся поблизости другом жертвенном камне, где происходило настоящее жертвоприношение, т. е. закалывание жертвенного барана. В собранном ранее материале, касающемся камня Анны, только один раз упоминалось, что около него закололи живого барана; в большинстве описаний говорится о приношении в качестве жертвенного дара бараньей головы, ног, а также шерсти.

■ ПЯТНИЦА (PÄÄTNITS — ПЯТНИЦА НАКАНУНЕ ИЛЬИНА ДНЯ, 20.VII / 02.VIII)

В 1937 г. Л. Зуров несколько раз посещал д. Зачеренье/*Saatse* в «день пятницы» (*päätnitspäiv*) 16 июля (НМЕИ, Зуров П. А. 71); он сфотографировал ношение считавшегося священным каменного креста во время крестного хода вокруг церкви, трапезы на могилах и проводимого после обеда праздника — кирмаса (*kirmas*). Перечисляя в 1783 г. то, что в этот день приносят в церковь в качестве жертвенных даров (НМЕИ, Зуров П. А. 29а), священник Никита Яковлев не упоминает творог. В XX в. приношение в качестве жертвенного дара творога было настолько распространенным, что Зачеренскую церковь сето в шутку называли «творожной».

Во время крестного хода больные, чтобы вылечиться, обычно кланялись или приседали, чтобы над ними пронесли икону. Еще бóльшую, чем от иконы, помощь надеялись получить от каменного священного креста, который держали на уровне плеч (см. илл. на с. 614).

■ ПАСХА (LĪNAVÕTTÕ')

В материалах Бориса Вильде имеется сделанная в 1936 г. фотографом В. Сяги фотография катания яиц на второй день Пасхи в Печорах. В качестве иллюстрации пасхальных традиций она опубликована и во втором томе «Эстонского народного календаря» (Niemeä 1981. Lk. 242). Вероятно, это одна из самых ранних фотографий азартной игры катания яиц, которая входит в пасхальные обряды. Она может представлять интерес для исследователей русского народного календаря, так как среди запечатленных на фотографии играющих нет ни одного сето, это исключительно русские мужчины и парни из Печор. Среди сето катание яиц также было распространено; с конца 1980-х гг., когда возродились пасхальные традиции, сделано много фотографий этого обряда.

В то же время, во время подготовки своей диссертации в поисках параллелей сетоским играм, я обнаружил, что об игре катания яиц у русских имеется только несколько ссылок в материалах, записанных в Печорском регионе¹⁵, и при этом не обнаружил ни одного точного описания этой обрядовой игры. О ее наличии и распространении как у русских, так и у других народов в наше время можно получить достаточно подробные исторические сведения в Wikipedia¹⁶.

■ ДЕНЬ ВЛАСИЯ (ULASÕPÄIV), ЧЕТВЕРГ НА МАСЛЕНИЧНОЙ НЕДЕЛЕ (ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРАЗДНИК)

Если Л. Зуров пытается убедить читателя отчета в том, что «сетский народ в древности принял языческих славянских богов и обрядность» (ИМЕИ, Зуров П. Л. 8), то это предположение определенно не соответствует действительности, за исключением одного достаточно вероятного случая. В русском православном календаре 11 февраля согласно старому стилю отмечается день памяти священномученика Власия. Но днем Власия (*ulasõpäiv*) сето называют четверг на масленичной (масляной) неделе, когда празднуется бабий праздник. О. Лооритс отмечает в своей монографии, посвященной сетоскому бабьему празднику, что русские Печорского края отмечают женские праздники в разные знаменательные даты (Юрьев день, пасхальная неделя, Ильин день, Яблочный Спас и др.), а сето отмечают бабий праздник только в четверг на масленичной неделе (Loorits 1940. S. 10). Некоторые исследователи русской мифологии и обрядности считают, что за св. Власием и датой, когда празднуется его день, на самом деле скрывается культ покровителя скота и плодородия Велеса или Волоса, входившего в дохристианский пантеон славянских богов. Цитирую свою диссертацию: «Это [то, что сето называют днем Власия (*ulasõpäiv*), переходящий праздник, в четверг на масленичной неделе] дает основание предполагать, что памятная дата пришла в сетоский народный календарь через русскую народную традицию и еще до начала миссионерской работы православной церкви среди неславянского населения»¹⁷. Другими словами — смысл в том, что день Власия (ранее день Велеса) вошел в качестве переходящего праздника в сетоский народный календарь еще до того, как православная церковь утвердила 11 февраля в качестве официального дня поминовения св. Власия.

15. Собрание рукописного архива русского фонда в Эстонском фольклорном архиве Эстонского Литературного музея (ERA, Vene).

16. URL — режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%8F%D0%B8%D1%86#.

17. URL — Режим доступа: http://ocnt-pskov.org/index/babij_prazdник_v_sostave_maslenichnoj_tradicii_na_territorii_pskovskoj_oblasti/0-127.

Это предположение еще больше подтверждает современный уровень изученности русской календарной обрядности, отмечающей, что в Псковском регионе закрепление бабьего праздника за четвергом масленичной недели очень широко распространено, как и связь с именем Власия и соломенной куклой, носящей такое же имя. Таким образом, Зуров был прав: сето по ряду причин сохранили древнюю традицию лучше, чем русские, прибывшие из разных мест России и заселившие монастырские земли около Печор.

Некоторые ритуалы сетоского и русского бабьих праздников и дня св. Власия Л. Зурову демонстрировали на Ивановом дне в Мегузицах, очевидно, благодаря, как выше подчеркивалось, организационной работе местных помощников Зурова.

Таким образом, можно отметить, что экспедиционные материалы Б. Вильде и Л. Зурова, а особенно фотографии, добавляют некоторые интересные и даже интригующие факты в рассмотрение сетоской календарной обрядности.

Литература

- Мусин 2002** ■ Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности // ТИИМК. Вып. 5. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002.
- Селарт 2011** ■ Селарт А. Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582) // АИИППЗ. Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.) / Ред. кол.: И. К. Лабутина (отв. ред.) и др. М.; Псков: ИА РАН, Госкомитет Псковской области по культуре, ПАЦ, АЦ ПО, Псковский музей-заповедник. С. 69–76.
- Хагу 1983** ■ Хагу П. Аграрная обрядность и верования сету. 1983. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Рукопись хранится в библиотеках МАЭ РАН (Кунсткамера).
-
- Ariste 1969** ■ Ariste P. Vadjä rahvakalender. Tallinn: Valgus, 1969.
- Hagu 1978** ■ Hagu P. Setode etnogenees agraartavandi valgusel // Keel ja Kirjandus. № 10. 1978. K. 10. Lk. 616–623.
- Hagu, P. 2012** ■ Leeloantoloogia, II. Lüürika / Koost ja toim P. Hagu. Tartu: TÜ eesti ja võrdle-
- va rahvaluule osakond, Eesti Kirjandusmuuseumi Eesti Rahvaluule Arhiiv, Seto Instituut, 2012.
- Hiiemäe 1981** ■ Eesti rahvakalender, II / Koost M. Hiiemäe. Tallinn: Eesti Raamat, 1981.
- Hiiemäe 2006** ■ Hiiemäe M. Päiv ei ole päiväle veli. Lõunaesti kalendripärimus. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused, 22.) Tartu: EKM, 2006.
- Hurt 1905** ■ Hurt J. Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. 2. SKS, 104: 2. Helsingi: SKS, 1905.
- Loorits 1940** ■ Loorits O. Das sog. Weiberfest bei den Russen und Setukesen in Estland. (Eesti Rahvaluule Arhiivi Toimetised, 14.). Tartu, 1940.
- Piho 2011** ■ Piho M. Setode usk ja Setomaa tsassonad // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen; toim H. Alumaäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk. 13–60.
- Valk 2008** ■ Valk H. Pre-Christian and Christian: Rites at Two Holy Stones in Setomaa, South-Eastern Estonia // Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives / Ed. by A.-B. Falk, D. M. Kyrityz (BAR. International Series, 1757). 2008. Pp. 67–78.
- Zouroff 1940** ■ Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940. № 4. S. 62–76.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

621 3.5.2. Почитание объектов природы

621 Введение

623 Культовые камни в Сетомаа

641 Почитаемые деревья в Сетомаа

659 Культовые родники и водоемы в Сетомаа

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ 3.5.2. Почитание объектов природы

Введение

Хейки **Валк** и Любовь **Грушина** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

На территории Западной и Центральной Европы почитаемые природные места — камни, деревья, рощи, горы и возвышенности, водоемы (ключи, водопады, реки, озера, болота) — в большинстве случаев, особенно, если они не включены в христианский контекст, в живой традиции уже утратили сакральный статус и в основном давно забыты.

Иначе выглядит ситуация в странах Балтии, Беларуси, в северной и северо-западной части Европейской России, где традиция сохранилась намного полнее. Здесь и в наши дни можно наблюдать различные формы почитания природных локусов и объектов. На Северо-Западе России они являются органичной составляющей природно-культурного ландшафта, символической и зримой частью христианского пространства, в большей или меньшей мере включенной в контекст народного православия. На территории лютеранских ареалов современных Эстонии и Латвии почитаемые природные места сохранили свое значение в основном как природные объекты до середины XIX в. Однако периферийные ареалы отличались преемственностью традиции использования некоторых водоемов, камней и деревьев в лечебных целях вплоть до середины XX в.

Устойчивость топонимической системы Эстонии и сохранение устной памятью определенного пласта знаний о почитаемых местах (в том числе и об утраченных в настоящее время) позволили в 2015 г. приступить к государственной программе их регистрации.

С конца 1980-х — начала 1990-х гг. как на Северо-Западе России, так и в странах Балтии, наблюдается возобновление традиций, связанных с почитаемыми местами: возродились обычаи бросания мелких монет в водоемы и привязывания лент или кусочков ткани на деревья и кусты с загадыванием желаний и просьб. В России это происходит, главным образом, в контексте народного православия, в Эстонии — как общение человека с природой или одушевленными объектами природы. Сместились и акценты в поклонении святым местам. Некоторые широко разрекламированные поклонные места стали объектами туристических маршрутов.

Значимость почитаемых природных мест надолго сохранилась в Сетомаа — в «приграничном», а также периферийном ареале с точки зрения как России, так и Эстонии. На небольшой территории Сетомаа известны данные о примерно 120 природных почитаемых местах. Приблизительно о половине из них сведения были зафиксированы в ходе экспедиций Б. Вильде и Л. Зурова. К этим памятникам следует добавить почитаемые деревья, растущие на могильниках и не связанные напрямую с культовыми обрядами, и придорожные деревья, связанные исключительно с похоронно-погребальной обрядностью сето. Несмотря на принадлежность Сетомаа православному культурному пространству, известно много почитаемых мест, о которых нет данных, подтверждающих христианский характер или происхождение осуществляемых около них ритуальных действий.

Во время своих полевых работ Леонид Зуров уделил почитаемым природным местам особое внимание, рассматривая их как памятники архаичного языческого культа.

Один из двух его отчетов в Музее человека полностью посвящен поклонению камням, деревьям и источникам. Неоценим вклад Л. Зурова и по фиксации обычаев использования почитаемых мест во второй половине 1930-х гг., в большинстве случаев утраченных, забытых или поврежденных, потерявших свой прежний облик в настоящее время. Его подробные описания о почитании Иваного камня и праздновании Иваного дня в Мегузицах в 1937 и 1938 гг. являются уникальной документацией народных обрядов и обычаев.

Подчеркнем, что обобщающие исследования о священных природно-культурных локусах и отдельных объектах Сетомаа пока отсутствуют. В статьях этой главы дан краткий обзор нынешнего состояния знаний о природных почитаемых местах региона. Они свидетельствуют о перспективности дальнейшего углубленного исследования этой темы для реконструкции архаичных представлений местного населения и их последовательной модернизации под влиянием различных факторов, прежде всего христианства. Эти статьи во многом опираются на материалы, собранные Зуровым в ходе его путешествий, на полевые работы авторов, данные фольклорных и археологических архивов, доступные, в том числе, посредством информационной системы археологических локусов и местных преданий Эстонии, созданной в Тартуском университете (кабинет археологии) и в Эстонском литературном музее (ЭФА).

■ Культовые камни в Сетомаа

Анатолий **Александров** и Хейки **Валк** ■
Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

При определении и классификации камней культового значения в современных исследовательских традициях отсутствуют единые критерии и исходные точки зрения, общепринятая терминология. В качестве критерия «культовости» камней исходили и исходят из наличия антропогенных знаков или «следов», зафиксированных магических ритуалов, существования устной традиции о почитаемости, легенд и исторических преданий (например, о превращении кого-либо в камень, о сокрытых и заговоренных кладах)¹, или же из наличия топонимов. Такой, весьма расплывчатый характер носит и подход Л. Зурова.

В настоящем обзоре в качестве культовых рассматриваются те камни, которые отражены в устной традиции как почитаемые, использовавшиеся в лечебных целях, для проведения жертвенных или магических ритуалов, а также все камни-следовики, на которых имеются природные или созданные искусственно углубления, трактуемые в качестве чьих-либо следов. Такое ограничение необходимо, так как количество отражаемых в устной традиции камней, имеющих определенные названия в эстонской, сетоской и русской традициях, очень велико. В случае охвата всех связанных с преданиями камней вопрос об исследовании утратил бы свои четкие границы.

Из рассмотрения исключены камни-чашечники с маленькими круглыми выемками (англ. *cup-marked stones*), датируемые ранним железным веком (Tvaari 1999a), количество которых в Эстонии велико (около 1800). Относительно этих памятников устная традиция почти полностью отсутствует и имеет, даже при наличии таковой, видимо, вторичный характер.

На основании устной традиции среди культовых камней можно выделить следующие функциональные группы: 1) почитаемые или поклонные камни

1. Камни, связанные с преданиями о зарытых кладах, редко имеют культовое значение в Эстонии. Корреляция слабая и связь имеет случайный характер.

(камни, имеющие сакральное значение)², 2) камни, которыми пользовались исключительно в лечебных целях, 3) камни, которые использовались в других магических целях (например, для воздействия на погоду). При этом один и тот же камень зачастую наделен различными свойствами и может одновременно принадлежать к разным группам.

Форма культовых камней позволяет выделить среди них природные валуны без углублений или других естественных признаков и камни с естественными или антропогенными углублениями. При этом граница между двумя последними группами часто условная и нечеткая.

■ КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ В СТРАНАХ БАЛТИИ И НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Обладающие культовым значением камни являются довольно многочисленными памятниками на территории стран Балтии, Беларуси и на Северо-Западе России (в Новгородской, Псковской и Ленинградской областях, в Карелии)³.

Значительное их количество имеется в Эстонии, где на основании устной традиции известно более 400 жертвенных камней (Гваурі 1999b). На самом деле их может быть еще больше. Фольклорные данные о камнях Эстонии весьма богаты и разнообразны. В целом приношение к камням жертвенных даров прекратилось к середине XIX в., но предания об этом сохранялись дольше, причем на уровне топонимов: в силу преемственности традиции жертвенные камни известны и по сегодняшний день. Дольше всего сохранялись культовые обряды около камней, используемых в лечебных целях: в западной части страны вплоть до середины XX в. (Viidalepp 1940. Лк. 26, 27). Большое количество культовых камней в Эстонии указывает на их принадлежность к прибалтийско-финской традиции.

В Латвии их количество оценено в 328 (Уртанс 1988а. С. 5–8), в Литве — более чем в 500 (Vaitkevičius 2004. Р. 21). Многочисленны они и в Беларуси (Ляўкоў и др. 2000), и на Северо-Западе России. В Псковской области по состоянию на 2005 г. культовыми считались 239 камней, в т. ч. 102 камня-следовика, 17 камней-чашечников, 5 камней с крестом, 114 камней с различными

2. Сакральное и магическое значение поклонных камней рассматривается в статье по-разному. Сакральными считаются камни, у которых при помощи пожертвований или других актов осуществляется коммуникация с одушевленным объектом природы (т. е. с камнем как одушевленным существом), сверхъестественными силами или существами. Магическое значение придается камням, которые владеют способностью при совершении определенных действий «автоматически», без участия сверхъестественных существ вызывать какие-то последствия.
3. Исчерпывающий список литературы приведен в общей библиографии.

изображениями или без изображений и один камень в культовом городище⁴. В отчете Зурова также отражены воспоминания о девяти культовых камнях в Псковской области за пределами границ Сетомая. В Новгородской области камни в народных культовых практиках также играли значительную роль еще в начале XX в. (Шорин 1998. С. 222). К приведенным цифровым данным все же следует относиться как к условным.

Многочисленность культовых камней и их широкое распространение в странах Балтии и на Северо-Западе России указывает на длительность существования традиции. Поскольку в землях славян вне русского Северо-Запада культ камней неизвестен (Седов 1970. С. 177, 178), то бытование его на этой территории можно связать с предшествовавшим славянам прибалтийско-финским или балтийским населением. В Беларуси, где культовых камней больше всего в прилегающей к Литве северо-западной части страны, традиция их почитания, очевидно, связана с субстратным балтийским населением; для Смоленской области, граничащей с Беларусью на востоке, культовые камни не характерны (Седов 1970. С. 177, 178; Александров 1995. С. 166, 167; Vaitkevičius 2004. P. 25). Распространенные на Северо-Западе России культовые камни-чашечники, вероятно, также имеют балтийское происхождение, так как по сравнению с балтийскими территориями удельный вес культовых камней с большими углублениями в Эстонии невелик. В Псковской области в целом можно говорить и об определенной связи культовых камней с культурой длинных курганов второй половины I тысячелетия (Александров 1995)⁵, хотя временная совместимость этих памятников пока неясна.

■ КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ СЕТОМАА: ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Исходя из наличия соответствующей устной традиции, в Сетомая к настоящему времени известно 45 культовых камней — 10 на территории Эстонии и 35 на территории России. Количественные данные опираются на устную традицию, поэтому в качестве культовых не учтены большой камень, обнаруженный во время археологических раскопок около церкви в центре плато в Изборском городище (Седов 2007. С. 145, рис. 147), а также единственный известный в Сетомая камень-чашечник со множеством маленьких углублений в ручье Щепец у д. Лопатово⁶. В список не включены и три

4. Данные А. А. Александрова включают и камни, связанные с разными преданиями.

5. Такая связь наблюдается в некоторых случаях и в Сетомая — в Мегузицах (Зуров 2014. Рис. 45, 46) и относительно курганной группы у оз. Любенец.

6. Устные данные Л. Е. Групиной. Камень был случайно обнаружен во время полевых обследований (1977).

Священные и культовые камни Сетомаа

(по устной народной традиции).

Составитель:

Х. Валк (деревни

по: Markus 1938).

Оформление:

М. Смирнова.

Условные

обозначения:

● | — почитаемые

(священные) камни;

✕ | — камни

«следовики»;

— — исторические

границы территории

Сетомаа

Камни, упомянутые

Л. Зуровым, обозна-

чены условными зна-

ками черного цвета.

На карте не отмечен

чудотворный крест

в церкви д. Зачере-

нье, изготовленный,

по преданию, из

почитаемого камня

1 – Колпино (*Kulkna*/Купкна); 2, 3 – Шартово (*Tsertva*/Тсертва); 4 – Купье/*Kuulja* (Большой камень/*Suurkivi*, Омутский камень); 5 – Игрище (*Igrissä*/Игрисса); 6 – Подчерняево (*Kõõru*/Кыру); 7 – Т(Д) уплево/*Tupluva*; 8 – Чальцово/*Tsäältsüvä*; 9 – Печоры/Petseri (Титов/Китов камень/*Kito kivi*); 10 – Задребье/*Sadrebja*; 11 – Плесси/*Plessi* (Теплый камень/*Lämmikivi*/Warmer Stein); 12 – Мегузицы (*Miiksel*/Меекси; Иванов камень/*Jaankivi*); 13, 14 – Курпичево (Pelsi/Пелси; камень Анны/*Annekivi*) и камень даров Анны/*Anne Andikivi*); 15 – Горенки (*Kuigõ*/Куйгы); 16 – Релино/*Ripinä*; 17 – Русский Бор (*Moona*/Моона); 18 – Синоцы – Тиасты/*Tiastõ*; 19 – Кашино/*Kašina*; 20 – Соколово-Житенки/*Sokolova-Žitenki*; 21 – Ботвино/*Botvina*; 22 – Швецы/*Svetsa*; 23 – Вруда/*Ruuda*; 24 – Поталово/*Potalova*; 25 – Давыдов Конец/*Tavidakondsa*; 26 – Забелино/*Sabelina*; 27 – Городище/*Korodissa* – Пердовка (*Perdagü*/Пердаг(к)ү); 28 – Ступино/*Tupina*; 29 – о. Семск/*Semška*; 30 – Иваново Болото/*Ivana-Paloda* – *Verstuna*/Верстуна; 31 – Печки/*Petska*; 32 – Лесницко/*Lessitska*; 33 – Лезги/*Leeska*; 34 – Гагарино/*Kagarinna*; 35 – Лытино/*Lõtina*; 36 – Малы/*Mõla*; 37 – Малые Мильцы (*Väiko-Miltsa*/Вяйко-Мильца); 38 – Изборск/*Irboska*; 39 – Завиденский мох/*Zavidenski soo* (Бодраков камень/*Bodrakov-kivi*); 40 – Замогилье/*Zamogilje*; 41 – Колпосовка/*Kolossovka*; 42 – Косыгино/*Kassogina* – Котья Гора/*Kotja Gora*; 43, 44 – Ползохново/*Palsohnova*

древних надгробных камней с крестами на старом кладбище Вярска (MQB PP0210463), которые Зуров также называет «священными камнями» (Архив MNHN-MH ETHNO EUR 205 (16). Неизвестно, идет ли речь о личной интерпретации или о фиксации аутентичной традиции.

Большинство культовых камней Сетомаа — природные валуны; камней с рукотворными углублениями известно мало. В представленных Зуровым материалах наличие природных или искусственно увеличенных углублений (кроме «следов», см. ниже) отмечено только в четырех случаях — в Кулье, Шартово, Швецы и Куйгы (Горенки). Единственным в своем роде является жертвенный камень в Изборске с двумя достаточно крупными искусственными углублениями.

Культовые камни Сетомаа: внешние признаки и связь с устной традицией

	Всего	Дары	Лечение	Другие виды магии	Пласт христ. верований/обрядов	Поклонение без упоминания христ. пласта	Предание о кладках	Другое предание
«Со следом»	25 (55,5 %)	4	5	1 (пастух помылся)	8	4	2	2 (1 «синий», 1 колдунья)
Другие углубления	3 (6,7 %)	1	2	1	1	2	0	0
Без углублений	17 (37,8 %)	4	5	1 (магия погоды)	8	9	0	3 (2 колдуны, 1 молитва о грозе)
Всего	45	9 (20 %)	12 (27 %)	3 (7 %)	17 (38 %)	19 (42 %)	2 (5 %)	5 (11 %)

В ходе полевых работ Зуров обратил особое внимание на культовые камни; он рассматривает как культовые/поклонные не менее 32 камней; некоторые из них изображены на его полевых рисунках (Зуров 2014. С. 122, 123, рис. 48–52). При отсутствии соответствующих устных данных нет основания считать культовыми шесть из упомянутых объектов. Среди них камень с изображениями утки и утят в Лезгах, Седельный камень в Городище, два Подпастыря и Сафонов камень в Лесицке (НМЕИ, Зуров II. Л. 55), а также упомянутый в материалах археологических экспедиций камень с изображением козлиного рога в д. Бор-Бельково (Zuroff 1937. Лк. 34). В то же время Зуров в составленном во Франции отчете не упоминает ни о культовом камне в д. Русский Бор около Поклонной Горки (Zuroff 1937/38. Лк. 6), ни того, что из священного камня сделан чудотворный крест, находящийся в Зачеренской церкви (Zuroff 1940. С. 63). Таким образом, в контексте настоящей статьи (см. выше) в материалах Зурова можно обнаружить данные всего о 27 культовых камнях, но поскольку Бодраков камень (НМЕИ, Зуров II. Л. 57, 58) и камень в Завиденском мху (Гам же. С. 49) — один и тот же, то камней на самом деле 26.

Паломники на Ивановом камне в деревне Мегузицы.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016970. **И** МНБ

Культовые камни располагаются в Сетомаа достаточно равномерно. В русской традиции зафиксированы данные о 28, в сетоской — о 22 камнях. При этом в двух случаях (Мегузицы и Титов камень/*Kito kivi* в Печорах) один и тот же камень во время праздников почитали и использовали как русские, так и сето. На основании сделанной Зуровым фотографии, учитывая одежду запечатленных на ней людей, можно сказать, что к камню Анны в Пелси (Курпичево) (*Pelsi Annekivi*) приходили и русские⁷. В традиции лечения, связанной с камнями, в целом сложно выделить специфические черты, характерные для русской или сетоской культуры.

■ ПОЧИТАЕМЫЕ, ЖЕРТВЕННЫЕ И ЛЕЧЕБНЫЕ КАМНИ

Большинство культовых камней Сетомаа можно считать почитаемыми — имеются сведения о лечении, молитвенном обращении или о votивных дарах, приносимых им. Из 29-ти таких камней 15 известны в сетоской и 17 — в русской традициях. Связанные с такими камнями предания в общих чертах те же, что и на лютеранских территориях Эстонии. В описаниях Зурова можно обнаружить обширную информацию об Ивановом камне в Мегузицах/*Miikse* и о камне Анны/*Annekivi* в д. Пелси (НМБИ, Зуров П. Л. 17–42), которым к настоящему времени уделено больше всего внимания (Плоткин 2004; Valk 2008). Хотя данные о происходивших возле них культовых действиях запечатлены еще во второй половине XIX в., описания Зурова наиболее содержательны и детальны. Особенно ценными являются фотографии, выполненные во время совершения различных обрядов у камней в ходе местных праздников — Иванова дня и дня Анны (см. также фотографии на CD-диске). Сведения о подобных случаях массовых обрядов поступали также и из других мест Эстонии, но традиция культового почитания Иванова камня в Мегузицах является единственной в своем роде по силе и устойчивости. Уже нет весьма многочисленных ранее нищих, пропали многие часовни, к камню больше не приносят продукты животноводства (шерсть и шерстяные нити) и еду, но и в наши дни на Иванов день люди собираются к камню, приносят в основном деньги, а лечение продолжается⁸. И сегодня важным является непосредственный контакт с камнем: сначала прижимаются больным местом

7. См. илл. на с. 612 в статье П. Хагу «Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных датах народного календаря сето» в настоящем издании.

8. В то же время новым сакральным центром в Мегузицах стала находящаяся в сотне метров от камня церковь Иоанна Крестителя, построенная в 1951–1952 гг. В связи с созданием около церкви нового кладбища к традициям Иванова дня добавилось и трапезничание на могилах — традиция, которая, по-видимому, соблюдалась и на расположенном рядом с Ивановым камнем средневековом кладбище.

Паломники и нищие у Иванова камня в деревне Мегузицы.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017003. МінБ

Сетоская женщина прикладывает узелок с творогом к камню Анны
в деревне Пелси. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016891. МНБ

Сетоские женщины на камне Анны в деревне Пелси.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016892). | ИМБ

к камню, а после лечения оставляют дары. В отличие от описания Зурова, начиная с послевоенного времени, когда Эстонская православная церковь была опять переведена в Московский патриархат, народ собирается в Иванов день и день св. Анны не по новому календарю (24 июня и 25/26 июля)⁹, а по старому (7 июля и 7 августа).

Всего имеются сведения об использовании в лечебных целях 11-ти камней (о 9-ти из них сообщает Зуров): в 10-ти случаях в русской и в 5-ти — в сетоской традициях. В четырех случаях Зуров отмечает умывание или промывание глаз водой, которая собиралась на камне и которой передавалось его лечебное действие. Лечение водой, взятой из углубления в камне, широко известно как в Эстонии, так и на Северо-Западе России. В то же время для эстонской традиции чуждо обливание камня водой, что практиковалось в Мегузицах и о чем имеются данные из разных мест Северо-Запада и Севера России (Панченко 1998. С. 105, 106; Виноградов, Громов 2006. С. 125–143).

В преданиях об Ивановом камне и камне Анны помимо лечебной магии содержится и более широкий сакральный смысл. Они обладают способностью обеспечить прирост стада, помогать в случае болезни домашних животных. Камень в Мегузицах может также обеспечить счастье, здоровье и успех в разных областях жизни, к камню Анны в Пелси дары приносили помимо праздника св. Анны и во время свадеб. Важным является посещение камня в Мегузицах по завету (Valk 2008. Lk. 73). Эта практика, которая входит в более широкий культурный контекст народного православия, неизвестна относительно жертвенных камней на лютеранских территориях Эстонии. Не был обычным лечебным камнем и Бодраков камень, дары к которому защищали собирателей ягод на болоте.

В связанных с камнями культовых практиках в Сетомаа упоминается приношение даров к восьми камням; больше всего, как уже упоминалось, — к Иванову камню, к которому приносили масло, молоко, сыр, творог, шерсть, одежду, деньги и свечи. На камень Анны было принято возлагать овечью шерсть, бараньи головы и ноги, а раньше около него резали в жертву баранов. В ранних свидетельствах упоминается и об обычае приношения в качестве даров еды Титову камню в Печорах. Можно признать и общий для вотивных даров принцип: важен не размер дара, а само действие, создающее контакт с сакральной потусторонностью. Лисицкий камень Пастух,

9. Православная церковь празднует этот день 25, католическая — 26 июля. С 1993 г. в Эстонской Республике действуют две православные церкви: Эстонская Апостольская Православная Церковь, подчиненная Константинопольскому патриарху и Эстонская Православная Церковь Московского патриархата. Приход Меекси, вместе с другими приходами эстонской части Сетомаа, подчинен первому из них.

Лечебная практика у Иванова камня в деревне Меекси (Мегузицы).

Фотография Х. Валка. 2011 г.

к которому каждый прохожий должен был бросить прутик или веточку, представляет собой придорожное место с жертвенной направленностью; подобные спорадически встречаются в разных регионах Эстонии. В таких считавшихся опасными местах оставляли что-либо для предотвращения возможных угроз или несчастий.

Важными являются и отраженные в данных Зурова знания местных жителей об иерархии культовых камней (если не получали помощи от камня Шартово, то нужно было идти лечиться в Мегузицы) и их различной функциональности (лечение, удача в животноводстве и обеспечение здоровья животных, защита собирателей лесных ягод), различие жертвенных даров, приносимых к камням Анны и Иванову. Различалась также степень известности культовых камней. Некоторые камни (уже указанные в Мегузицах и Пелси) были известны очень широко, к ним стекалось большое количество не только местных жителей, но и паломников из удаленных деревень; другие же камни имели узколокальное культовое значение.

■ КАМНИ-СЛЕДОВИКИ, СЛЕДЫ ЖИВОТНЫХ И ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ МАГИЯ

Следовики — камни, на поверхности которых имеется одно или несколько углублений, трактующихся как чьи-то следы — образуют среди культовых камней как по внешним признакам, так и на основании устной традиции абсолютно самостоятельную группу. Предания о таких камнях обычно очень скудны, ограничиваются только констатацией либо имеющегося на камне следа, либо именованием лица или животного, оставившего этот след или же упоминанием об использовании в лечебных целях воды из этого следа. Представляется, что незначительность устных данных указывает на то, что почитание камней-следовиков принадлежит к более ранним пластам верований по сравнению с сакральным или лечебно-магическим предназначением камней. Камни-следовики имеются в большом количестве как в Новгородской, где их известно почти 60 (Шорин 1998. С. 217, 218), так и в Псковской области, где, помимо находящихся в Сетомаа, их известно 92. Многочисленны они и в Беларуси (Ляўкоў и др. 2000. С. 44). В Центральной России, а также в Ленинградской и Тверской областях выявлены сотни камней-следовиков (Курбатов 1995. С. 179–193 и др.), в Латвии их более 100 (Уртанс 1988b. С. 94), Литве — более 150 (Vaitkevičius 2004. P. 25–27). Камней-следовиков много и в Эстонии, но данные до настоящего времени не обобщены. В Вырумаа, граничащей с запада с Сетомаа, их известно как минимум 11.

В Сетомаа насчитывается всего 25 камней-следовиков — это составляет более половины камней, имеющих культовое значение. 16 из них отражены и в экспедиционных материалах Зурова. Они характерны и для русской, и для сетоской традиций. В народном толковании — это следы Бога (2), Христа (1), ангела (2), Марии (1), Ликандра (св. прп. Никандра) (3), Ивана (Иоанна) (1), женщины (1), ноги в лапте (1), неизвестной ноги (1), ноги человека (2), правой ноги (1), коровы (3), лошади (3; из них один след лошади царя Ивана Грозного), лошадиной подковы (1), копыта (1), овцы (1), медведя (1), лося (1) и зайца (1). При этом на камне может быть несколько разных следов. Помимо упомянутых Зуровым на территории расселения сето известно еще 5 камней-следовиков: со следами лошади в д. Чальцево, следами лошади и коровы в неизвестном местечке Гагарино, в Забелино — со следом коровы и изображением кошелья, в д. Игрисе/*Igrisä* (рус. Игрище) — со следами зайца, лаптя и обычного отпечатка человеческой ноги. Камень с неопределенным следом находился между деревнями Стушино и Ведерниково. Помимо данных Зурова сведения о камнях-следовиках на территории русских известны о камне между Ивановым Болотом и Гверстонью (со следами человека, медвежьей лапы и лошадиной подковы и углублением; это место считалось плохим), на пути из д. Малы в Изборск (со следом копыта) и д. Малые Мильцы (со следом ангела).

Хотя камни-следовики в целом считаются отдельной подгруппой культовых камней, в Сетомаа не просматривается определенной связи между наличием следа или углубления и культовым или магическим значением/действием (см. таблицу на с. 627). Часто в отношении последнего невозможно отыскать никаких данных — камень становится особенным только при наличии следа. Безусловно, в таких случаях нельзя исключать существование в прошлом традиции поклонения, ее исчезновение и редуцирование в знание о существовании следа. На основании отсутствия устной традиции такие камни следует все-таки рассматривать как имеющие скорее памятное, чем культовое, сакральное или магическое значения. По этой причине камни-следовики рассматривались нами в группе поклонных/почитаемых камней при наличии соответствующих устных преданий или когда след однозначно воспринимался как свидетельство, оставленное Богом, Богородицей, тем или иным святым.

Отдельно следует отметить связь некоторых камней Сетомаа, а также изображения следов животных на нескольких камнях-следовиках со скотоводческой магией. Согласно традиции, Лисицкий Пастуший камень вместе с находящимися вблизи него камнями представляет собой окаменевшего пастуха, мальчиков-подпасков и овечье стадо. Изображения следов домашних и диких животных, использование продуктов животноводства в различных обрядах — все это говорит о некоей скрытой сакральной связи следовиков с животным миром.

Упомянутая в предании связь камней с животными (магия скотоводства, следы животных) послужила причиной для связывания таких камней на Северо-Западе России с культом бога Велеса (Александров 1995. С. 168, 169; Шорин 1998. С. 222–225) или Волоса, так как Велес-Волос¹⁰, являющийся одним из самых главных богов в славяно-балтской мифологии, был также и покровителем стада и «скотным богом» (Рыбаков 1997. С. 568–584). На определенную связь указывает и тот факт, что в микротопонимике Новгородской области и Беларуси культовый камень мог носить имя Волос или Велес. В литовской мифологии аналогом Велеса является Вяльняс (Велюс 1981. С. 121–129). От имени древнего балто-славянского бога Велеса/Вяльняса/Велянса, очевидно, происходит и название черта в литовском (*velnais*) и латышском (*velns*) языках. Название культовых камней в Латвии с встречающимся иногда следом черта (*velna pēda*) или т. н. чертовых камней (*velna akmeņi*) также отражает связь с названным дохристианским божеством. В христианской традиции функции

10. Литература о Велесе многочисленна. Относительно тождественности «скотьего бога» Волоса и Велеса мнения исследователей различаются. Некоторые (Б. А. Рыбаков, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Т. А. Агапкина, В. Ю. Петрухин, Е. Л. Мадлевская, А. А. Александров) предполагают идентичность, другие (А. Нидерле, М. Фасмер, А. А. Погодин, Л. С. Клейн, Т. А. Бернштам) отделяют Велеса от Волоса (см. общую библиографию).

защитника домашнего скота были присвоены, в том числе, св. Бласпусу, славянская форма имени которого — Власий созвучна с дохристианским Велесом.

Хотя в российской исследовательской традиции признаком культовости камня считалось наличие на нем следа животного, нельзя быть полностью уверенными в наличии подобной связи в Сетомаа. Основанием для сомнения служит то обстоятельство, что камни с изображением следа можно обнаружить по всей Эстонии, в том числе и там, где отсутствует основание предполагать наличие культа Велеса/Вялнаса/Велняса.

■ ХРИСТИАНСКИЙ КОНТЕКСТ И УГАСАНИЕ ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ

В данных Зурова отражается также христианский контекст культа камней и изменение значений почитаемых мест. Из 45 имеющих культовое значение камней Сетомаа 17 (у Зурова) тем или иным способом связаны с христианской традицией. В пяти случаях (все в Южной Сетомаа) предания связывают камень с Илкандром/Ликандром (святой Никандр), в трех — со св. Анной (из них два камня в Пелси/Курпичево); один — Иванов камень — связан со св. Иоанном. Согласно преданию на этом камне сидели Иоанн Креститель и апостол Петр, умывали ноги и обувались. Вероятно, поэтому русские верили, что камень более всего «помогал» при болезнях конечностей и позвоночника¹¹. Название Титов камень в Печорах, согласно преданию, происходит от имени жившего когда-то поблизости отшельника Тита. К этому камню приходили на Фоминой неделе, в Радуницу.

Как уже было отмечено, следы на камне иногда считали принадлежавшими Богу, Христу или ангелу. Во времена экспедиции Зурова на месте камня в Замогилье еще стояла часовня Илкандры/Ликандры, а в Мегузицах рядом с Ивановым камнем — часовня св. Иоанна¹²; согласно преданиям в Пелси была часовня св. Анны, а на Семском острове — св. Онуфрия. К камню Соколова-Житенки ходил крестный ход и на камне оставляли иконы. Об Омутском камне (д. Кулье) Зуров упоминает, что после лечения люди крестились, впрочем, такое поведение православных Северо-Запада России типично при контакте с почитаемыми природными объектами: камнями, источниками. Упомянем здесь снова и данные Зурова о том, что священный камень послужил исходным материалом для изготовления находящегося в церкви Зачеренье чудотворного креста. Добавление христианского семантического поля к священным местам дохристианского периода широко известно на территории

11. Полевые материалы М. Засецкой, Архив каф. этнографии Института истории СПбГУ.

12. Когда недалеко от камня была построена церковь, часовню снесли.

распространения православия (Шорин 1998. С. 219, 220; Панченко 1998), но на лютеранской территории Эстонии подобное почти не встречается. Данные Зурова свидетельствуют об утрате значимости культовых камней. Их уничтожение началось не позже начала XX в. и продолжилось в 1930-е гг. Из упомянутых Зуровым почитаемых камней уже в то время шесть не сохранились, некоторые из них исчезли совсем недавно. Так, в 1937 г. владелец земли уничтожил Задробский камень за д. Тайлово, а обнаруженный в том же году и представленный для принятия под охрану Омутский камень — в 1938. В то же время преемственность традиции отчасти сохранялась до XXI в., и не только в Мегузицах, но и в связи с некоторыми второстепенными камнями. Так, на жертвенном камне на берегу озера Любенец, где во время посещения Зуровым углубление в камне было заполнено морошкой, ежевикой или черникой, дары видели и во время проводимых позже археологических разведок (Грушина 2011. С. 148). В 1977 г. там лежала веточка с ягодами, в 2007 — недавно срезанный гриб, в 2014 (впервые) — монета, знак, указывающий на изменение традиции¹³.

Культовые камни образуют среди священных природно-культурных локусов Сетомаа самую многочисленную подгруппу, известную как в сетоской, так и в русской традиции. Речь идет о священных местах, имеющих различную известность и масштабность, куда приходили в поисках помощи как в одиночку, так и во время больших праздников, когда собиралось много народа. Различным является также действие и значение камня: оно простирается от простой контактной магии до соприкосновения с представителями потустороннего мира. Данные Зурова, которые документируют значимость культовых камней в 1930-е гг. — времени, когда связь с прошлым в ряде мест еще хорошо сохранилась — являются очень важным источником о культовых камнях Сетомаа, их значении и использовании.

Архивные документы и литература

Александров 1995 ■ Александров А. А. Культовые камни Псковской земли в балтийском контексте // *Senovės baltų kultūra. Danguis ir žemės simboliai*. Vilnius: Academia, 1995. С. 158–178.

Велюс 1981 ■ Велюс Н. *Velnio banda: 'стадо Вяльняса'* // *Балто-славянские исследования*. 1980: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1981. С. 260–269.

13. Устная информация Л. Грушиной.

- Виноградов, Громов 2006** ■ Виноградов В. В., Громов Д. В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // ЭО. 2006. № 6. С. 125–143.
- Грушина 2011** ■ Грушина Л. Е. Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краев. чтения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отделение Союза краеведов России, фонд «Краеведъ», 2011. С. 142–153.
- Зуров Л. 1994.** ■ Отчина: сказание о Псково-Печерской обители. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
- Зуров 2014** ■ Л. Ф. Зуров. Статьи и письма. Вып. 1. Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. М.: [б. и.], 2014. С. 74–78.
- Курбатов 1995** ■ Курбатов А. В. Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. СПб.: ЛВВИСУ, 1995. С. 179–193.
- Ляўкоў и др. 2000** ■ Ляўкоў Э. Карабанаў А., Дучыц Л., Зайкоўскі Э., Вінакураў В. Культурныя камяні Беларусі // Studia Mythologica Slavica. 2000. Т. 3. С. 43–56.
- Панченко 1998** ■ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Летейя, 1998.
- Плоткин 2004** ■ Плоткин К. М. Ареал сету: жертвоприношения и граница // Вопросы этнической истории народов России: Межвуз. сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 105–115.
- Рыбаков 1997** ■ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997.
- Седов 1970** ■ Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. Т. 163, М., 1970.
- Седов 2007** ■ Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. Памятники отечественной науки. М.: Наука, 2007.
- Урганс 1988a** ■ Урганс Ю. Т. Языческие культурные памятники на территории Латвии. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1988.
- Урганс 1988b** ■ Урганс Ю. Камни-«следовики» на территории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1988. Вып. 7. С. 92–106.
- Шорин 1998** ■ Шорин М. В. Культурные камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // АВ 1996–1997. 1998. Вып. 5. С. 216–227.
-
- Markus E. 1938.** ■ Changes on the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserimaa // ÕES Ar. Tartu, 1936. Lk. 165–176.
- Zuroff 1937/1938** ■ Zuroff L. Teateid muististest. Petseri vald. Käsikiri Tallinna Ülikooli Arheoloogia teaduskogude arhiivis. (AI 1-111-5.), 1937/1938.
- Zouroff 1940** ■ Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940. № 4. S. 62–76.
- Tvauri 1999a** ■ Tvauri A. Cup-marked stones in Estonia // Folklore. 1999. Vol. 11. Pp. 113–169.
- Tvauri 1999b** ■ Tvauri A. Eesti ohvrikivid // Mäetagused. 1999. № 11. Lk. 35–57.
- Vaitkevičius 2004** ■ Vaitkevičius V. Studies into the Balts' Sacred Places (BAR. International Series, 1228). Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2004.
- Valk 2008** ■ Valk H. Pre-Christian and Christian: Offering Practices at Two Holy Stones in Setomaa, South-East Estonia // Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives / Ed. by A.-B. Falk, D. M. Kyriltz (BAR. International Series, 1757). 2008. Pp. 67–78.
- Viidalepp 1940** ■ Viidalepp R. Iseloomustavat Eesti ohvrikividest. Tartu: Eesti Rahvaluule Arhiiv, 1940.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

621 3.5.2. Почитание объектов природы

621 Введение

623 Культовые камни в Сетомаа

641 Почитаемые деревья в Сетомаа

659 Культовые родники и водоемы в Сетомаа

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Почитаемые деревья в Сетомаа

Хейки **Валк**, Ахто **Раудоя** и Анатолий **Александров** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В почитании деревьев (как и других природных объектов) отражается весьма архаичный пласт народных верований; он известен у разных народов мира, в том числе и у проживающих в лесной зоне Северной Европы. Однако свидетельства о культовом и ритуальном значении деревьев в Сетомаа по сравнению с сообщениями о почитаемых камнях и источниках весьма немногочисленны. Причиной этому, скорее всего, является относительно непродолжительная жизнь деревьев; несомненно, что ко времени массового сбора этнографических и фольклорных данных преемственность традиции была уже нарушена и находилась на стадии изживания.

■ ПОЧИТАЕМЫЕ ДЕРЕВЬЯ В СТРАНАХ БАЛТИИ И В ПСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Данные о культовом значении деревьев широко известны в странах Балтии и на Северо-Западе России. Самые ранние сведения о священных деревьях на территории современной Эстонии приведены в «Ливонской хронике» Генриха Латвийского, где под 1220 г. упоминается битва между крестоносцами и жителями острова Сааремаа:

«...и гнались за ними тевтоны из деревни в поле, убивая их по полю вплоть до их роци (*ad lucum ipsorum*), и этот их святой лес (*sanctam silvam*) обагрили кровью множества убитых». (ХЛ XXIII: 9).

И в более поздних источниках, например, в опубликованных хрониках Балтазара Руссова (Russow 1584. S. 2) и Томаса Хярна (1678) (*Hjärn* 1794. Lk. 40) упоминается о сакральных деревьях и роцах. В эстонских фольклорных архивах конца XIX–XX в. был накоплен значительный объем материалов о священных деревьях и роцах. Установлено наличие около 350 объектов (Puss 1995. Lk. 6, 9), но эти данные не являются полными. Самое большое количество таких природных объектов отмечено в Южной и Юго-Восточной Эстонии (*Ibid.* Lk. 7). Имеется информация о 66 священных деревьях и почти 20 священных роцах или лесах на территории исторического уезда Вырумаа, граничащего на западе с Сетомаа. В народной культуре и в на-

родных верованиях Эстонии деревья имели разное значение (Viires 2000). Почитаемые деревья и рощи, которым жертвовали пищу и продукты крестьянского производства, являлись покровителями хозяйств или деревень, т. е. выполняли обережные функции. В западной же части страны отдельные деревья использовались исключительно в лечебных целях. К настоящему времени большинство священных деревьев или рощ в Эстонии исчезло; сохранилось не более 30, которые находятся под охраной государства.

Почитаемые деревья и рощи были многочисленны на всей территории расселения балтских народов. В Латвии их известно более 250, а в Литве — всего около 40, но имеется множество свидетельств о них в письменных источниках о Литве XIV–XVII вв. (Vaitkevičius 2004. Рр. 16, 17).

Почитание деревьев, как уже отмечалось, занимало существенное место и в славянском язычестве (Зеленин 1937). В XVIII–XIX вв. на Северо-Западе России культовое значение деревьев сохранялось в контексте народного православия. Сохранились сведения, что еще в начале XVIII в. в некоторых местах священники в дни церковных праздников служили молебны у священных дубов. Напомним, что архиепископ Новгородский Феофан Прокопович (1681–1736) в своем «Духовном регламенте», важнейшем законодательном акте русской православной церкви (1721), запретил «пред дубом молебны петь» (РУД 1776). Эти деревья обладали разными функциями: играли существенную роль в календарных (особенно весенне-летнего цикла), свадебных, поминальных, рекрутских и пастушеских обрядах, использовались в знахарских практиках и в народной медицине. Почитаемым деревьям, расположенным на границах своего (человеческого) и чужого (сверхъестественного) пространств приносили votivные дары (ленты, полотенца). На Северо-Западе известен обычай имянаречения деревьев в честь святых покровителей, в том числе местночтимых святых. Подобное посвящение объяснялось чудесным явлением на ветках этих деревьев икон с их образами (Виноградов 2008).

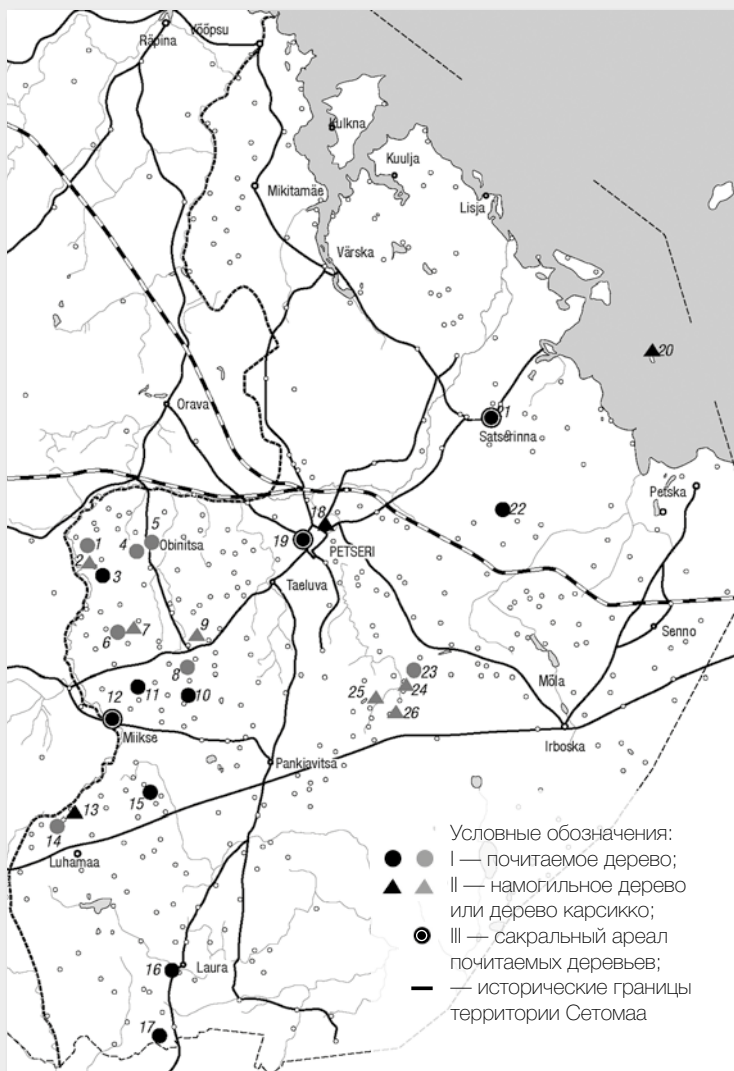
В результате ряда междисциплинарных экспедиционных проектов, организованных на Русском Севере, Северо-Западе, в Приуралье и Волго-Камье начиная с 1990-х гг., общая картина распространения культовых деревьев и священных рощ постепенно дополняется, осуществляются их учет и фиксации в разного рода природных заказниках и заповедниках, на старых и заброшенных кладбищах. Достаточно полно картографированы территории Карелии и прилегающая к ней южная часть Мурманской области, западные районы Архангельской и Вологодской областей, восток Ленинградской области, т. е. исторической территории коренного проживания прибалтийско-финских народов (финнов, саамов, карел, вепсов, отчасти ижоры и води), а также северных этнографических групп русских (Конкка 2013).

О степени и характере распространения описываемого явления на Псковщине (за исключением Печорского края), где культ деревьев в «чистом» — архаичном — виде потерял свое значение намного раньше, чем в странах Балтии¹, мы располагаем лишь фрагментарными данными. Например, священный дуб на Синеи горе между деревнями Загорье и Заполье в Виде-либской волости Порховского уезда исчез уже примерно в 1845 г. (Евлентьев 2002. С. 275) или дуб в Никандровой Свято-Благовещенской пустыне (Дубровинская вол., Порховский уезд), сгоревший во время пожара церкви в середине XVII в., но рассказы о котором и чудесах, совершенным под ним св. прп. Никандром бытовали еще в XIX в. (Шангина 2004).

Известно о существовании священных роц между деревнями Засосье и Рудницыно в Старопольском приходе Гдовского района и у деревни Лососкино Лызголовской волости (Трусман 1885. С. 193, 195, 196), а также в Заполье Плюсского уезда (Панченко 1998. С. 126). Примерами включения культа деревьев в традиции народного православия является священное лиственное дерево на пустынном острове реки Желча недалеко от Чудского озера в Гдовском районе, где по церковному преданию была келья св. прп. Илариона Псковоезерского († 1476), а также дуплистый ствол сосны, в котором преподобный нес подвиг столпничества. Этот ствол до сих пор хранится в часовне, освященной в честь св. прп. Илариона недалеко от церкви Покрова Богородицы в д. Озера. Видимо, на Северо-Западе России в контексте народного православия в центре культовой практики уже в начале XX в. были не деревья как таковые. Являясь частью сакрального пространства, они имеют лишь вторичное значение, служат не объектами почитания в прямом смысле, а лишь средой и средством коммуникации со сверхъестественным.

Тем не менее, в культе деревьев в Эстонии (шире — странах Балтии) и на Северо-Западе России можно выделить целый ряд общих черт и обрядовых форм: приношение вотивных даров, привязывание лент к ветвям; сохранение воспоминаний о сакральности деревьев, растущих на средневековых могильниках. Начиная с 1990-х гг. культовые практики, связанные с деревьями в Прибалтике и на Северо-Западе России, вновь оживились. Подобная актуализация в разных этнических культурах и регионах обусловлена целым рядом причин. В России важную роль играет возрождение локальных традиций православия и паломничества, в странах Балтики (в меньшей степени в России) — такие явления как неоязычество, экотуризм и «Нью эйдж» (англ. New Age), в Эстонии — глубоко укоренившаяся в культурных традициях связь человека с природой, в т. ч., в рамках «личной религии», сформировавшейся во второй половине XX в. в контексте общей дехристианизации общества (Altnurme 2006).

1. И в Новгородском крае данных о священных деревьях значительно меньше, чем о камнях и родниках; они относятся к концу XIX — началу XX в.

Почитаемые деревья в Сетомаа (без «помостных» и «крестовых» деревьев; деревни по: Markus 1938). Деревья, упомянутые Л. Зуровым, обозначены условным знаком черного цвета, остальные — серого. Составители: А. Раудоя, Х. Валк. Оформление: М. Смирнова.

1 – Новинки (*Navigõ*/Навигы); **2, 3** – Горемыкино (*Härmä*/Хярма); **4** – Тяглово/*Tääglüvä*; **5** – Овинчище (*Obinitsa*/Обинитса/Обиница); **6, 7** – Бурмакино (*Tsirgu*/Тсиргу); **8** – Кербино (*Keerba*/Кеэрба); **9** – Константиново (*Serga*/Серга); **10** – Горенки (*Kuigõ*/Куйгы); **11** – Сульпики (*Sulbil*/Сульби); **12** – Мегузицы (*Mikse*/Меекси); **13** – Черепы/Черепово (*Tserebi*/Тсереби); **14** – Напиково (*Napi*/Напи); **15** – Дятлово/*Täätlüvä*; **16** – Стопбово/*Stolbova*; **17** – Брунишово/*Bruniši*; **18** – Пальцово/*Paltsova*; **19** – Печоры/*Petseri*; **20** – Семск/*Semška*; **21** – Зачеренье (*Saatse*/Саатсе); **22** – Горушки (*Korski*/Корски); **23** – Луковка (*Põõnil* Пёёни); **24** – Андрейково (*Alaotsa*/Алаотса); **25** – Усова Гора (*Jugo*/Юго); **26** – Задоржье (*Sandra*/Сандра)

■ ПОЧИТАНИЕ ДЕРЕВЬЕВ В СЕТОМАА ПО ДАННЫМ Л. ЗУРОВА

На сегодняшний день имеются данные о 28 почитаемых деревьях² в Сетомаа, в том числе о деревьях с двенадцати могильников (см. карту на с. 644). Однако о каких-либо обрядовых действиях, совершаемых в отношении этих намогильных деревьев, как правило, не упоминается. В то же время сохранились сведения не менее чем о 28 деревьях, связанных исключительно с погребальной обрядностью сето.

Полевые работы Л. Зурова были первой попыткой собрать и обобщить информацию о культовых деревьях Сетомаа: в его отчетах они упоминаются в девяти случаях (НМЕИ, Зуров П. Л. 70а–74); в других его материалах (см. ДРЗ) названы еще три священных дерева или группы деревьев: сосны в деревнях Пальцево и Черепы (Tsereri) и хвойные деревья на острове Семск³. В трех случаях почитаемые деревья Сетомаа можно связать с более обширным сакральным ареалом: это дубы на Святой горе в саду Псково-Печерского монастыря (MNHN. Зуров П. Л. 71–72), оставшиеся от прежней священной дубовой рощи. Предположительно, подобные рощи существовали около церкви в деревне Зачеренье (Saatsse) и возле Иванова камня в Мегузицах (Mükse) (Трусман 1890. С. 41–42), где в настоящее время сохранились лишь единичные почитаемые деревья. Остатком священной рощи также считался почитаемый можжевельник на могильнике в д. Кербино (Keerba), сейчас уже засохший и упавший.

Священные и использовавшиеся в лечебной магии деревья в Сетомаа и Эстонии

(«помостные» и «крестовые» деревья); данные по всей Эстонии см.: Puss 1995. Lk. 6)

Вид дерева	Сетомаа		Эстония (включая сетоские деревни Сетомаа)	
	Количество	%	Количество	%
Дуб	8	30	85	25
Сосна ⁴	9	33	53	15
Липа	0	0	42	12
Ель	1	3	28	8
Рябина	3	11	14	4
Можжевельник	3	11	13	4
Береза	3	11	29	8
Неопределенное хвойное дерево	1	3	0	0
Другие виды деревьев	0	0	59	17
Вид дерева не определен или не указан	0	0	24	7
Всего	28	100 %	347	100 %

2. При подсчете общего числа намогильные сосны в дд. Бурмакино (Tsirgu) и Константиново (Serga), почитаемые в одно и то же время, даны как одна единица. Учитывая, что в д. Зачеренье почитали в разные время две разные сосны и березу, а с могильником в д. Горемыкино (Härmä) связаны и намогильная сосна, и можжевельник, на сегодняшний день известно всего 25 мест с почитаемыми деревьями.
3. На породу дерева указывает только условный знак на схеме Зурова.
4. Без намогильных сосен (3 случая).

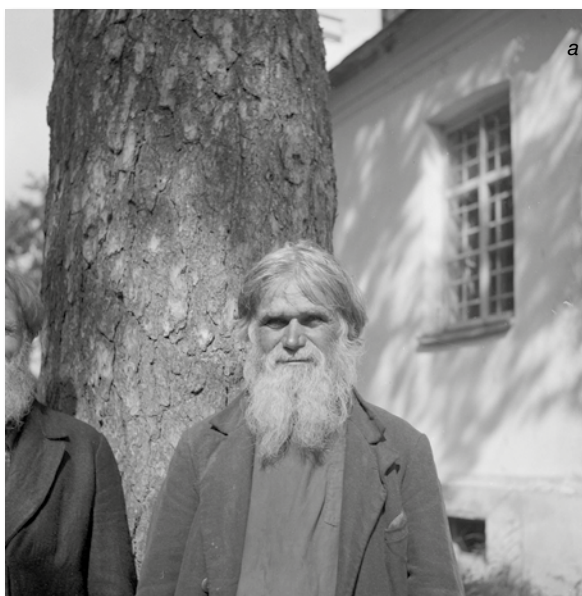
Священный дуб в Псково-Печерском монастыре на Святой горе.

а — фотография И. Микки. 1930-е гг.; б — фотография Т. Бенфугаль. 2007 г.

Из приведенной выше таблицы (см. с. 645) следует, что система иерархии почитаемых деревьев, сложившаяся в Сетомаа, несколько отличалась от общэстонской. Доминирующее положение занимала сосна, за ней следовал дуб; в лютеранской же Эстонии наоборот: предпочтение отдавали дубу, а сосне отводилось второе место. Высокий статус сосны обусловлен тем, что в Сетомаа почитанием пользовались также сосны, связанные с могильниками. Если в Эстонии на третьем месте стоит липа, а четвертое-пятое место занимает ель, то в Сетомаа липа в качестве священного дерева не упоминается, единичны свидетельства о почитании ели. В то же время традиции почитания рябины, можжевельника и березы в Сетомаа прослеживаются отчетливее, чем на территории Эстонии. По народным представлениям сето, эти породы деревьев почитали священными, так как они обладали мощной охранной (обережной) силой. Особого внимания заслуживают упоминания о большом количестве дубов среди священных деревьев в Сетомаа, так как дуб в настоящее время не является типичным для этого региона видом. Наиболее известным священным деревом в Сетомаа, несомненно, является уже упомянутый «священный дуб» на Святой горе в Псково-Печерском монастыре. Его кора считалась целебной при зубной боли, к этому дереву

приходили как местные, так и прибывавшие издалека паломники — из Эстонии и России. Так как отламывание коры стало представлять опасность для сохранности дерева, то в первые десятилетия XX в. его обнесли оградой, а начиная с послевоенного времени к дубу стало возможно приблизиться только с разрешения руководства монастыря⁵. По свидетельству печерского монаха о. Дорофея и другие дубы на Святой горе в 1930-е гг. пользовались почитанием паломников: «Считают дубы святыми» (НМЕИ, Зуров П. А. 72). Вторым очень известным священным деревом была растущая около церкви и часовни в д. Зачеренье сосна, куда в день Параскевы Пятницы (*päätnitsapäiv*) верующие люди приносили множество жертвенных даров (Там же. А. 70а). В результате жалобы местного священника, представленной в 1783 г., в 1784 г. по распоряжению церковных властей сосну срубили, часовню разломали, а остатки сожгли (ПГВ 1864, № 24). Согласно тексту этой жалобы люди, собиравшиеся около сосны в праздничный день, бросали на ствол дерева принесенные с собой платки, лоскуты одежды и пояса, кидали жребий: кто и в каком порядке будет нести вокруг церкви чудотворный каменный крест⁶. Относительно этого священного места, находившегося у церкви, заслуживает внимания преемственность традиции и перенос почитания с одного дерева на другие. Первым из известных трех деревьев, которые считались священными на протяжении XVIII–XX вв., была вышеупомянутая уничтоженная сосна, вторым — береза, упоминавшаяся в 1904 г., и третьим — сохранившаяся до настоящего времени сосна у южной стороны церкви, возраст которой на сегодня составляет не менее 200 лет. Возможно, что именно это сфотографированное Л. Зуровым дерево имел в виду Ю. Трусман, отмечавший, что паломники считали необходимым дотронуться до сосны или же посидеть под большой сосной, которая росла ближе всего к церкви (Трусман 1890. С. 42). Многие сведения об обрядах, отправлявшихся около почитаемых деревьев в Сетомая, наводят на мысль о дохристианском происхождении традиции. Известно, что в сельском хозяйстве сето издавна большую роль играло овцеводство, именно поэтому продукты овцеводства были важными жертвенными дарами некоторым священным деревьям.

5. Здесь можно привести параллели со священным дубом в северо-восточном уезде Эстонии Вирумаа около Пюхтицкого Успенского женского монастыря, где паломники также старались отломать от дуба кусочек коры с чудодейственной лечебной силой. Так как большая часть ствола лишилась коры, для спасения дерева и здесь вокруг него возвели забор высотой в человеческий рост. И в настоящее время из обрубленных старых веток дуба монахи режут маленькие кусочки, с надписями, иногда в форме крестиков, и продают их в монастырской лавке: «Если зубы болят, положи в рот и пожуй» (полевые материалы Татьяны Бенфугаль 2011 г.).
6. См. статью П. Хагу «Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных датах народного календаря сето», с. 601 в настоящем издании.

**Почитаемая 200-летняя
сосна у церкви
св. вмц. Параскевы.
д. Зачеренье (Саатсе):**

a — крестьянин на фоне сосны.
Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF 0016887. ■ МНБ
б — современный вид.
Фотография А. Раудои. 2013 г.

Так, к сосне в Зачеренье в день Параскевы Пятницы приносили шерсть, к можжевельнику в деревне Кеэрба вечером накануне Иванова дня — овечьи шкуры. Полуо сосну около д. Сульпики (Sulbi) считали жилищем св. Анны. Поскольку в православной народной традиции сето Анна была покровительницей овец, то туда раньше в качестве жертвенных даров приносили овечьи головы (НМЕИ, Зуров П. А. 74). А. Зуров сообщает также и об огромном дубе деревни Горушки/Korski, через отверстие которого прогоняли больных овец, очевидно с целью их оздоровления. Сходный прием лечения людей известен в русской народной культуре, когда через расколотый ствол дерева протаскивали детей или больные пролезали через отверстие в сгнившем стволе дерева (Зеленин 1937; 1991. С. 286; Панченко 1998. С. 114–115, Щепанская 1997); в Сетомаа такой обычай зафиксирован только в одном случае — относительно березы в д. Бурмакино/Tsirgu.

По имеющимся данным о культе Пеко, связь этого божества с деревьями прослеживается довольно слабо. Только старый почитаемый можжевельник в д. Хярма (Горемыкино), так называемый «можжевельник Тоомаса» (*Tuumata katai*), т. е. св. Фомы и можжевельник в д. Луковка в одном старом сообщении названы можжевельниками Пеко⁷. Имя «Пеко» носила и почитаемая рябина в д. Новинки (Navigõ.). Очевидно, с культом Пеко связано и

7. Собрание писем, посланных Я. Юнгом в Научный архив археологической коллекции Таллинского университета (Mss 30. № 17 (1896)).

6

Почитаемые деревья Сетомаа:

а — жертвенный можжевельник в деревне Кеэрба в Меремяэской волости, куда вечером накануне Иванова дня приносили овечьи шкуры. Фотография А. Раудои. 2010 г.;

б — намогильная сосна и жертвенный можжевельник в деревне Хярма. Около 1960 г. DrKMV2F 55:10. ■ Мемориальный музей Ф. Р. Крейцвальда, г. Выру, собрание фотографий

сообщение о священной березе около д. Дятлово: у этого дерева, куда сето «богов раньше возили», они собирались праздновать (НМЕИ, Зуров П. А. 74)⁸. Для того, чтобы Пеко благословил конкретное поле, его фигуру переносили в роспий около поля «куст Пеко» (*Peke puhtm*), однако расположения этих мест уже давно забыты. В ритуальной практике священным деревьям Сетомаа приносили различные дары. Дубу в Псково-Печерском монастыре дарили пояса и платки, сосне в Зачеренье — масло, хлеб, свечи, восковые фигуры, обрывки пряжи, можжевельнику в Хярма — деньги и пояса, священным деревьям в д. Обинитса и Тяглова — деньги. На стволе дуба в д. Горушки Зуров видел красные нитки, выдернутые, очевидно, из сетоских поясов. Если деньги, полоски ткани и обрывки пряжи в качестве даров являются традиционными как в контексте обрядовой практики Северо-Запада России (Панченко 1998. С. 82–84, 87–90), так и Эстонии, то дары животного происхождения для русской традиции не столь характерны. Один из таких случаев зафиксировал А. Зуров. Из рассказа пожилого лесника следует, что для излечения мужчины помещали яйца в дупло «в корнях» дуба, росшего около д. Столбово (НМЕИ, Зуров П. А. 72). Так как в сетоской традиции приношение продуктов животноводства осуществляли женщины, то пример, описанный Зуровым, может указывать на какой-то древний мужской ритуал (ср. катание яиц во время Пасхи, в котором также участвовали только мужчины)⁹. В целом же связь священных деревьев Сетомаа с христианством незначительна и с очевидностью обнаруживается только в наиболее известных святых местах (дуб на святой горе Псково-Печерского монастыря, сосна в Зачеренье). Хотя в д. Обинитса известны «Боговы сосны» (*Jumalapedäjä*), где, по преданию, явилась икона, но нет данных об их почитании или о ритуальной практике. Характер служений около дуба в д. Брунишове (НМЕИ, Зуров П. А. 72) также неизвестен.

Из двенадцати деревьев культового значения, упоминаемых Зуровым в Сетомаа, восемь связано с традициями сето и только четыре — с русскими деревьями (на острове Семском, в д. Горенки, Брунишове, Столбово). Зуров упоминает русских только при описании дубов в двух последних деревнях. Учитывая те обстоятельства, что культ деревьев в целом на Псковщине стал угасать раньше, а данные о священных деревьях у русских Сетомаа малочисленны и происходят они из этноконтактной зоны, можно предположить их

8. Подробнее см. статью Э.-Х. Вястрика «Дохристианские традиции сето», с. 547 в настоящем издании.
9. Заслуживает внимания также и сообщение Зурова о сосне, которая росла около Печор в Пальцово: в пне дерева якобы была найдена наполненная золотом рукавица (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1. А. 144). Это может быть перекодированное сообщение об обнаруженном вотивном дарении, а так как сосна растет на могильнике, то и как предмете погребального инвентаря.

Почитаемая сосна в деревне Напи (Напиково).

Фотография А. Раудои. 2010 г.

взаимосвязь с сетоскими традициями. Таким образом, для полноты картины о почитаемых сето деревьях, к сакральным объектам, зафиксированным в полевых материалах и отчетах Л. Зурова, следует добавить: сосну в д. Напи в Лухамааском «углу» (Luhamaa pulk), рябины в дд. Тяглово, Обинитса и Новинки, вышеупомянутые можжевельники в дд. Хярма и Кеэрба, а также березу и сосну в церковном саду д. Зачеренье — последняя была Л. Зуровым только сфотографирована, сведения о ней он не собрал.

Намогильная сосна и новая часовня в деревне Хярма.

Фотография Х. Валка. 2012 г.

■ ДЕРЕВЬЯ И ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Л. Зурова в основном интересовали священные деревья, которые были связаны с приношением даров и лечением, но он почти не обратил внимания на деревья, связанные с погребальной обрядностью и местами захоронений. Поскольку у русского населения Сетомаа не известна традиция культовых деревьев, связанных с похоронами усопшего, то Зуров, по-видимому, и не спрашивал об этом. О роли деревьев в погребальных обрядах сето — так называемых «помостных» деревьях (*lautsi puu*)¹⁰ и «крестовых» деревьях (*risti puu*) — в отчетах Зурова какие-либо сведения и вовсе отсутствуют. Однако, независимо от интересов самого исследователя, Л. Зуров зафиксировал пять почитаемых деревьев, которые были расположены

10. *Lautsi* — помост, на котором устанавливали гроб с усопшим, а также собственно носилки в виде рамы из досок или шестов для переноса гроба.

«Помостная» сосна в деревне Линдси (Займище).

Фотография Х. Валка. 2014 г.

непосредственно рядом с местами захоронений (могильники, курганы), это: сосна, растущая на могильнике в Пальцево, дуб на Ивановой горе в Мегузцах, «Столбовский дуб» и дерево на Семском о-ве. С сакральным пространством кладбища (а также храмом) связаны и деревья около церкви в Зачеренье. Помимо перечисленных назовем жертвенные можжевельники на могильниках в деревнях Кеэрба и Хярма. Особую группу священных деревьев составляют так называемые «намогильные сосны» (*kalmõpedäjä*), относительно которых существует устойчивый запрет на рубку: их «нельзя трогать». Такие старые сосны, растущие на заброшенных в XVIII–XIX вв.

деревенских кладбищах (или могильниках), известны в сетоских деревнях Серга, Тсиргу и Хярма. Запрет подобного рода распространялся и на деревья могильника у деревни Усова Гора.

Особое место в погребально-поминальной обрядности сето отводилось «помостным» и «крестовым» деревьям. Использование «помостных» деревьев (их известно 24) в ритуале похорон было зафиксировано в основном среди населения двух локусов Сетомаа: в окрестностях деревни Обинитса/Обиницы и села Вярска (рус. Верхоустье). Около «помостных» деревьев, которые росли на границе деревни, оставляли *lautsi* — носилки, сжигали солому, на которых лежал покойник, а также разбивали посуду, из которой его обмывали (Рихтер 1979. С. 118; Richter 1982)¹¹.

«Крестовые» деревья с вырезанными на них в ходе похоронных процессов крестами в Сетомаа малочисленны (известны всего в трех местах). Обычай вырезать во время сопровождения покойника на кладбище крест на стволе дерева, чтобы воспрепятствовать возвращению мертвых душ или чтобы привязать душу умершего к дереву, характерен для территорий Юго-Востока Эстонии, граничащих на западе с Сетомаа (исторический уезд Вырумаа и юго-восточная часть уезда Тартумаа (Kõivuruu 2009). Той же мифологической функцией — разграничение мира живых и мертвых — обладал обычай откалывать топором щепку с дерева во время похоронной процессии; он зафиксирован относительно двух деревьев в восточной части Сетомаа: у дд. Андрейково и Задорожье. Описанные ритуалы сето с «помостными» и «крестовыми» деревьями вписываются в более широкий прибалтийско-финский контекст погребально-поминальной обрядности, в XIX — начале XX в. они представляли собой устойчивую соционормативную практику (Vilkuna 1992; Конкка 2013).

11. Для русского читателя приводим текст из статьи Е. В. Рихтер. «Первое прощание с умершим происходило на перекрестке деревенской улицы и проезжей дороги близ дерева, стоявшего за околицей деревни. В дер. Обиница <...> по рассказам старожил, гроб несли на руках до конца деревни, затем у придорожной сосны или можжевельника процессия останавливалась. Здесь гроб ставили на телегу (сани), а носилки (*lautsi*) оставляли, прислонив к дереву. Деревья соответственно называли «сосна носилок» (*lautsipedaja*), «можжевельник носилок» (*lautsikadaja*). Около дерева расстилали солому, на которой мыли покойника, там же клали веник, которым его мыли, стружки и щепки от гроба. Из деревни гроб несли на носилках или полотенцах «ногами вперед». Дойдя до сосны, поворачивали гроб на 180°; ноги умершего оказывались направленными в сторону дома. Затем трижды «вздымали» гроб кверху. После того как гроб устанавливали на телегу или сани (ногами к деревне), деревенские жители, которые не шли на кладбище, трижды кланялись покойнику в ноги, целовали его и, когда процессия трогалась в сторону кладбища, бросали вслед шестиво по три горсти песка или снега с криком. “Уходи уже из глаз и из памяти прочь. И оставайся на ночь там, куда тебя положат днем”» (Рихтер 1979. С. 118, 119).

В придании деревьям культового и ритуального значения можно выделить разные уровни. Архаичный пласт верований представляют собой идеи о дереве как об одушевленном объекте природы — живом и активном субъекте и партнере в коммуникации человека с внешним и потусторонним мирами. С другой стороны, деревья могут исполнять в народном культе лишь вторичную роль, оказываясь фоном и средством религиозной практики (например, привязывание к ним лент). На основе имеющихся данных в Сетомаа мы имеем дело скорее всего с архаичными представлениями о функциях деревьев. Роль почитаемых деревьев, особенно участвующих в похоронно-погребальных ритуалах, свидетельствует об отсутствии влияния христианства. Это подчеркивает архаичность и устойчивость сетоской похоронной обрядности, хорошо сохранившейся из-за периферийного расположения на границе разных этноконфессиональных миров. Дальнейшее изучение почитаемых деревьев имеет определенные перспективы для реконструкции системы древних представлений о природном мире у сето, как и других прибалтийско-финских народов.

Литература

- Виноградов 2008** ■ Виноградов В. В. Повествования о почитаемых местах на Русском Севере: к вопросу о механизмах сакрализации пространства // Проблемы истории, филологии, культуры. № 22. 2008. С. 543–554.
- Евлентьев 2002** ■ Евлентьев К. Г. По старой Новгородской дороге // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып. 3. Псков: Изд. дом «Стерх». 2002. С. 263–278.
- Зеленин 1937** ■ Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Тр. ин-та антропологии, археологии, этнографии. Т. XV. Вып. 2. М.; Л.: АН СССР, 1937.
- Конкка 2013** ■ Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013
- Панченко 1998** ■ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998.
- ПГВ 1864** ■ Поклонение сосне // ПГВ. 1864, № 24.
- Рихтер 1979** ■ Рихтер Е. В. Некоторые особенности погребального обряда сету // СЭ. 1979. № 2. С. 116–128.
- РУД 1766** ■ Регламент или устав духовный. М., 1766.
- Трусман 1885** ■ Трусман Ю. А. Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Известия ИРГО. Т. XXI. 1884. С. 177–199.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- ХЛ** ■ Хроника Ливонии / Генрих Латвийский; введение, перевод и ком. С. А. Лининского; пред. В. А. Быстриянского. М.; Л., 1938.
- Шангина 2004** ■ Шангина И. И. Благовещенская Никандрова пустынь: псковская святыня // Археология, история, нумизматика, этнография Востоковой Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова / Ред. А. Н. Киршичников, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 360–367.
- Щепанская 1999** ■ Щепанская Т. Б. Пронимательная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Бернштам СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 149–190.
-
- Altnurme 2006** ■ Altnurme L. Kristlusest oma usuni. Uurimus muutustest eestlaste religioossuses 20. saj II poolel. Tartu: TÜ Kirjastus, 2006.
- Hiärn 1794** ■ Hiärn T. Ehst-, Liv- und Lettländische Geschichte. Nach der Originalhandschrift herausgegeben. 1. T. Mitau: J. M. Werth. 1794.
- Kõivupuu 2009** ■ Kõivupuu M. Hinged puhkavad puudes. Tallinn: Huma, 2009.
- Markus 1938** ■ Markus E. Changes on the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserrimaa // ÕES Ar 1936. Tartu. Lk. 165–176.
- Puss 1995** ■ Puss F. Puudega seotud pärimused ja traditsioonid Eesti rahvakultuuris. Proseminaritöö. Tartu, TÜ ajaloo osakonna etnoloogia õppetool. Käsikiri Eesti Kirjandusmuuseumis, 1995.
- Richter 1982** ■ Richter E. Mõningaid arhailisi jooni setu matusekommetes // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi / Koost ja toim J. Linnus. Tallinn: Valgus. Lk. 96–100.
- Russov 1584** ■ Russov B. Chronica der Provinzz Lyfflandt. Barth, 1584.
- Vaitkevičius 2004** ■ Vaitkevičius V. Studies into the Balts' sacred places (BAR. International Series, 1228). Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2004.
- Viires 2000** ■ Viires A. Puud ja inimesed. Tartu: Ilmamaa, 2000.
- Vilkuna 1992** ■ Vilkuna J. Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut: kansatietellinen tapatutkimus. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1992.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

**3.5. Дохристианские верования
и народное христианство**

539 3.5.1. Проблематика изучения народного христианства

621 3.5.2. Почитание объектов природы

621 Введение

623 Культовые камни в Сетомаа

641 Почитаемые деревья в Сетомаа

659 Культовые родники и водоемы в Сетомаа

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

■ Культурные родники и водоемы в Сетомаа

Хейки **Валк** и Любовь **Грушина** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В северной части Европы родники, имеющие культурное значение, часто встречаются как на территории стран Балтии, Скандинавии, так и на Северо-Западе России и в Беларуси. Целостный обзор, который включает в себя 416 памятников, но не опирается на все имеющиеся данные, составлен только в отношении эстонских культурных родников (Tamla 1985); материал по родникам обобщенно резюмирован в Литве (Vaitkevičius 2004. P. 37). Общее количество эстонских родников оценивается по-разному: от 3700 до 4000 (Tamla 1985. Lk. 124) и от 5000 до 15 000 (Heinsalu 1977). В Латвии культурных родников насчитывается около 100 (Уртанс 1988. С. 8; Urtāns 2008. P. 76, ill. 33), в Литве — примерно 150 (Vaitkevičius 2004. P. 37). В Эстонии по сравнению с Латвией и Литвой плотность распространения культурных родников более высокая. Хотя и в Северо-Западной России имеется большое количество культурных родников (Панченко 1998; Виноградов 2002; 2006), но до настоящего времени отсутствует их обобщенный свод.

В Эстонии больше всего культурных родников встречается в западной части страны (Tamla 1985). Это обстоятельство, а также и многочисленность родников в Вирумаа (северо-восток Эстонии) можно связать со временем ранних контактов приморских регионов со Скандинавией. Культурных родников много и в Юго-Восточной Эстонии, где, например, в соседнем с Сетомаа историческом уезде Вирумаа их известно 43, но все же их несколько меньше, чем в приморских уездах. В отчетах Зурова (НМЭИ, Зуров II. С. 62–70) в Сетомаа упоминается 20 культурных родников¹, дополнительно к которым на сегодняшний день известны еще 21. В этот перечень включен и колодец во дворе Печерского монастыря, откуда до настоящего времени берут целебную воду. Таким образом количество известных культурных родников в Сетомаа достигает 41, причем их число относительно единицы площади

1. Кипучий Ключок и ключ в Бревеннике у д. Ботвино учтены как разные места, хотя на карте священных мест Зурова только один условный знак родника.

Святой колодец Псково-Печерского монастыря:

а — паломники, черпающие воду;

б — обращение к паломникам, расположенное над источником.

Фотографии Т. Бенфугаль. 2011 г.

почти в два раза больше, чем в 8-ми приходах Вырумаа². Большое количество культовых родников в Сетомаа может быть обусловлено как большой плотностью заселения, в т. ч. и в более ранние времена, так и придаваемым им большим значением в повседневной жизни.

Помимо родников Зуров упоминает в качестве культовых водоемов в Сетомаа и ручей, протекающий около Иванова камня в Мегузицах/Меекси и Могильное озеро. Кроме того, согласно данным местных преданий, священными почитали ручей Белка/*Pelska*, впадающий в р. Пиузу в деревне Вымморски (Гютино), так как он берет начало из источника под часовней, а также вытекающий из Никольского источника и впадающий в р. Смолка ручей в Изборске. Священным считался и ручей Шумильник, который течет в лощине между Изборским (Груворовым) городищем и Словенским полем. Люди, которые шли в Изборск из деревни Брод по дороге вдоль левого берега р. Сходницы, всегда останавливались около этого ручья, умывали лицо и мыли руки — это прибавляло здоровья. Сакральным в негативном значении — опасным, связанным с колдунами и нечистой силой было озеро Хатаярв вблизи Лутепяэ (Лутобижи).

■ РИТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТОВЫХ РОДНИКОВ И ВОДОЕМОВ

Основываясь на устных данных, функции культовых родников в Эстонии были разнообразными. Выделяются родники, с которыми связано знание о священности места или осуществлении там жертвоприношений; родники в культовых местах/рощах, в названиях которых имеется компонент (*h*)*iie*³; родники с целебной водой; родники, которые могут причинить вред; источники жизни, дающие красоту и здоровье; родники, влияющие на погоду и «винные источники», в которых вода, якобы, в святое время превращается в алкоголь (Tamla 1985). В то же время между этими группами невозможно провести четких границ, так как часто один родник отвечает признакам, присутствующим нескольким группам. Из эстонских культовых родников большинство (69 %) составляют лечебные родники (Tamla 1985. Lk. 127–133). Чаще всего вода из родника использовалась для питья и промывания глаз или их лечения, а также и в случае других, в первую очередь кожных, болезней.

Культовые источники часто являются для окружающих жителей по большей части местом для получения питьевой воды. Так, питьевую воду для защитников города на Труворовом городище брали из ручья Шумильник

2. В Сетомаа — 41 родник на 1891 км², в исторической Вырумаа — 43 родника на 4652 км².

3. Слово *hiis*, которое в аутентичной традиции известно в северной и западной части Эстонии, указывает на сакральность места/ареала/рощи.

рядом с городищем, а для крепости на Жеравьей горе — из Никольского источника, к которому вел тайный ход. В Сетомаа культ родников связан с верой в их священность (у Зурова приведено семь примеров) и/или в лечебные свойства. Среди русских Печорского края распространено поверье, что вода любого источника помогает против «злого глаза». Относительно воды нескольких источников признано, что она не портится при хранении в бутылке, как и вода, освященная в церкви.

Устная традиция, связанная с источниками в Сетомаа, рассмотрена пока главным образом в сравнительном контексте с соответствующими традициями лютеранских ареалов Западной и Восточной Эстонии, а также Финляндии и Карелии (Remmel 2014. Lk. 124–151). Традиция довольно однородная: в основном речь идет о лечебных свойствах воды. На источники для излечения от всех болезней чаще ходили женщины, кроме того, они приводили с собой больных детей или же брали воду для них, а также немощных стариков. Известно, что мужчины приходили для излечения глазных и суставных заболеваний (рук и ног). О лечении глаз сообщается во всех отчетах Зурова, известны подобные описания и по фольклорным материалам, хранящимся в архивах Эстонии. Из 41 свидетельства они зафиксированы в 23 случаях. При этом 9 источников носят название *Silmaläte* (русс. «Глазной родник»; у Зурова только в одном случае — в Лезги). Кроме того, известно, что в Сетомаа с помощью родниковой воды лечили бородавки (Литвиново), детскую крапивницу (изборский Богородицкий ключ) и женские болезни (изборский Богородицкий и Мальской ключи), а также и ноги домашних животных (Ермаково). Мытье детей помимо Иванова ручья в Мегузицах упоминается и в связи с родниками у д. Залавье и Литвиново, а также изборским Богородицким ключом. В конце XIX в. верили, что вода из долины св. Марии Печерской — вероятно, имелся в виду источник, на котором основан монастырский колодец — помогает от сглаза и порчи как людям, так и животным. В большинстве случаев лечение ограничивалось умыванием на источнике. Вхождение в воду упоминается помимо Иванова ручья в Мегузицах и в Малах, а по отношению к изборскому Богородицкому ключу традиция сохранилась до наших дней. Относительно Словенских ключей в Изборске эта традиция возродилась, однако в совсем новой форме — в рамках современного туристического паломничества (см. ниже).

Практика приношений в Сетомаа упоминается в связи с 22-мя родниками, причем в 15 случаях фигурируют деньги (у Зурова — восемь). Источникам жертвовали также выдернутые из пояса или одежды нитки (изборский Богородицкий ключ, в д. Загорье, Лытино/*Lõtina*, Тетья (Заречье), Шумный родник (*Müräläte*) в лесу за д. Талька (Голстопятово), т. н. «Меткохский родник» у ручья Меткохка (*Metkohka läte*), а также полоски ткани, которые оставляли около родника или привязывали к растущим вблизи деревьям

или кустам (дд. Литвиново, Никольское, Любятово, Талька). У Никольского ключа (д. Ключище) Зуров видел тряпочки, привязанные к кустам, а на кусте, растущем около родника в лесу за д. Талька, привязанная полоса была зафиксирована еще в 1993 г. В качестве даров названы также хлебные крошки (Меткохский ключ) и цветы (Тепья/Заречье). В д. Тийрханна (Погиблово) и за д. Талька каждый, кто проходил мимо источника, должен был соскрести туда серебро или что-то оставить — ключ следует «вспомнить». В остальной Эстонии родникам также жертвовали для исцеления от болезней деньги, серебро, соскобленное с серебряных монет или серебряных украшений — серебряный порошок (*hõbevalge*). В русских традициях в окрестностях Изборска приношение в жертву серебра неизвестно; металлом, обладающим ритуальным смыслом, была медь, в изборский Воронинский ключ бросали только медные деньги. Особенно часто это делали в воскресенье, когда к роднику приходили идущие в церковь мимо него пожилые женщины. На территориях, граничащих с Сетомаа на западе, данные о жертвовании родникам денег встречаются значительно меньше, чем в остальной Эстонии: там преобладала традиция брать целебную воду без пожертвования. Зерно и еду приносили в Эстонии к тем родникам, от которых ждали помощи в урожае и удачи в скотоводстве (Tamla 1985. Lk. 135). Данных о пожертвовании зерна в Сетомаа не имеется. Крошки хлеба, как указано выше, упомянуты лишь в одном случае (источник у ручья Метковка), однако и здесь речь идет скорее о votивных дарах, чем о пожертвовании хлеба.

Данные об оставлении одежды около воды после целебного купания связаны прежде всего с Ивановым ручьем в Мегузицах. Зуров отмечает этот обычай и в связи с самым большим из Словенских ключей, а также с Литвиновским родником, где детей лечили еще во время проводимых им экспедиционных работ: как родник, так и растущая рядом с ним ель была «полна полосок ткани», оставляли также пояса, платки и рубахи. Неизвестно, являлось ли жертвование платков и поясов более широко распространенной традицией, присущей Петсеримаа в ранние времена или было связано только с некоторыми конкретными родниками. На территории лютеранской Эстонии не зафиксированы сведения как об оставлении одежды у родников, так и многолюдных сборищах у родников. Платки и тряпки использовались и с лечебными целями, как средства для магического переноса болезней. Около Литвиновского ключа оставляли полотенца, которыми вытирали больные глаза, Зуров упоминает полотенца и у родника Гажий у д. Шляхово. Платки и пояса обладали определенным ритуальным смыслом — их дарили иконам, часовням, они играли важную ритуальную роль в свадебной обрядности. При объяснении целебных свойств родников в дд. Кошельки и Загорье важным считалось, что вода течет «в сторону солнца», а в случае с родником Тепья — на восток. Связь между направлением течения и святостью родника

Женщины сето на берегу Иванова ручья

в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016995. | МНБ

Сетоские и русские крестьянки на берегу Иванова ручья
в деревне Мегузицы. Фотография Л. Зурова, 1938 г. MQB PF 016997. | МНБ

**Лечение водой Иванова ручья
в деревне Меекси.**

Фотография Х. Валка. 2014 г.

часто встречается на балтских территориях — в Литве и Латвии (Vaitkevičius 2004. Рр. 45, 46). Примечательно то, что почти все изборские ключи текут на восток. Исключение составляет Воронинский ключ, который течет на запад, а потом сворачивает на север, в Городищенское озеро. О Мальском «Глазном роднике» говорилось, что при взятии из него воды следовало разворачиваться лицом к солнцу.

В преданиях о родниках мало отражен сюжет о чудесных явлениях. Так, согласно преданию о Мальском роднике, св. Онуфрий был укушен змеей и, омыв в роднике ногу, исцелился. На Богородицком ключе, который считается самым сильнодействующим из изборских родников, умывшись водой, прозрела слепая от рождения девочка (Черноморова 2005. С. 96). В четырех сюжетах родник «ответил» на осквернение тем, что исчез (Мегузицы), изменил место (Меткохский родник, Талькаский «Шумный ключ») или утратил целебную силу (Вашина Гора).

Сведений об особых правилах поведения на роднике немного. Проходя мимо нескольких изборских родников (Галавский, Воронинский, Словенские ключи) или вытекающих оттуда ручьев, нельзя было не вымыть глаза или руки. О родниках Кошельки и Лытино/*Lõtina* известно, что нельзя ничего брать из оставленного около них. О Воронинском ключе Зуров сообщает, что, возвращаясь от него, нельзя по пути разговаривать и оглядываться назад. Такая же традиция сохранялась и позже: если выпить воды из родника, пожелать чего-нибудь и уйти, не оборачиваясь, то желание исполнится. Подобный запрет редко упоминается в рассказах об эстонских родниках, но в

то же время характерен для шведской традиции (Gamla 1985. Lk. 133). Может быть и не случайно, что эта, содержащая редкое указание, запись происходит из места, близкого к Изборску как к важному центру, имевшему в прошлом связи с дальними землями⁴. Об этом же роднике Зуров сообщает, что глаза надо было мыть три вечера подряд. На родник рядом с д. Брод следовало приходить в течение трех дней до восхода солнца и окунать в него лицо с открытыми глазами (Черноморова 2005. С. 96).

Большинство родников Сетомаа имеет местное значение и связано с конкретной деревней или ближайшими окрестностями. Но к Иванову ручью в Мегузицах, Словенским ключам и Богородицкому ключу в Изборске, а также к Мальскому ключу приходили за помощью многие люди, зачастую издалека, особенно в большие праздники. Эти родники сохранили свое значение и сегодня.

■ ОСОБО ПОЧИТАЕМЫЕ ВОДОЕМЫ

Больше всего записей о сакральных водоемах Сетомаа, — как у Зурова, так и в других источниках — имеется относительно Иванова ручья, текущего мимо Иванова камня в Мегузицах (см. также Valk 2008. Lk. 73, 74). Во время празднования Иванова дня, когда люди собирались у этого камня, считалось необходимым искупаться в ручье, после чего нужно было надеть новую одежду, а старую отдавали нищим; водой умывались с целью лечения. И в настоящее время во время празднования Иванова дня в ручей бросают много монет, а водой из ручья промывают глаза и другие больные места.

Иванов ручей в сетоской традиции считался священным и лечебным только в Иванов день; а иногда — и два дня спустя, при этом только вода вниз по течению от Иванова камня. Последнее обстоятельство показывает, что лечебные свойства ручья связаны со святостью камня. Можно считать, что причиной того, что Иванов ручей считается священным, был исчезнувший к настоящему времени и упоминаемый только в преданиях источник, который вытекал из расположенной рядом с Ивановым камнем Ивановой горы и впадал в ручей. В Иванов день ходили купаться и русские некоторых деревень, расположенных в окрестностях Изборска. Если в Мегузицах Иванов ручей играет все же только второстепенную роль в обрядах Иванова дня по сравнению с находящимся в центре внимания камнем, то Словенские ключи,

4. Примечательно и то, что расположенный рядом с источником могильник на горе Воронино считали шведским могильником — такое название редко встречается в русской традиции Печорского края. Вместе с тем шведский мотив широко встречается как в Эстонии, так и в новгородских землях, в том числе в современных Ленинградской области и Карелии.

Словенские ключи.

Фотографии: а — А. Валдманна. 1928 г. Коллекция В. Гаврилова;
б — Т. Бенфугаль. 2011 г.

где в поисках помощи люди стояли и под стекающими с плитнякового берега водопадами, были важной целью паломников. К Шумильнику, самому большому среди Словенских ключей, народ приходил в Троицкую субботу и в Успеньев день издалека — от погоста Локно, от Острова и Порхова; больные оставляли одежду в воде, а богомольцы ночевали у ключей (НМЕИ, Зуров П. А. 62). Это продолжалось до закрытия границы в 1920 г. Согласно зафиксированному Зуровым преданию, Шумильник был настолько чудотворным, что брошенные в него рыбы кости превращались в живую рыбу (Гам же. А. 58). Известность и значение Словенских ключей изменялись с течением времени. Уже ко времени проведения Зуровым экспедиционных работ многолюдные паломничества прекратились. В послевоенный период, период всеобщего атеизма, туда приходили в основном местные жители, «чтобы глазки хорошо видели, личико было бы красивым и рученьки-ноженьки не болели бы».

Начиная с 1970-х гг., когда в Изборске уже был открыт музей, а крепость была включена во всесоюзные туристические маршруты, начался приток туристов. Словенские ключи вновь стали широко известны, являясь одним из главных туристических объектов Изборска. Эти обладающие природ-

Русский крестьянин лечит глаза на почитаемом Изборском ключе
(предположительно Словенские ключи). Автор неизвестен. 1912 г. ЕRM фк 917:1. ЭНМ

**Мальской ключ —
почитаемый родник церкви
Рождества Христова.**

Д. Малы. Фотография Х. Валка.
2011 г.

ной красотой ключи известны и рекламируются как целебные, имеющие религиозное значение места, куда в поисках помощи вновь стали приезжать издалека. Экскурсоводы создали множество легенд о разнообразных воздействиях каждого из источников: один дает богатство, другой — славу, третий способствует карьере, четвертый восстанавливает мужскую силу и т. д. В конце 1990-х гг. в контексте начавшегося паломнического туризма Словенским ключам присвоили новое, неизвестное в прошлом название — «Ключи 12-ти апостолов». В связи с этим возродились традиции купания в источниках и повязывания полосок тканей на ветки деревьев. Однако сейчас местные жители из Словенских ключей воду уже не берут.

Значительно меньше Словенских известны расположенные поблизости и стекающие с того же плитнякового берега Талавские ключи, вода которых обладала таким же действием, но ее использовали только местные жители.

Богородицкий ключ, который в 1950–1960-е гг. был самым популярным в Изборске, также очень известен и посещаем многочисленными паломниками. Если на Воронинский ходили только местные, туда уже в те годы приезжали и «чужие» паломники.

В окрестностях широко известен и священный родник, вытекающий из-под Мальской церкви Рождества Христова. Это одна из немногих церквей, построенных на ключе.

Доступ к источнику под церковью Рождества Христова в настоящее время обычно закрыт, новое место для забора воды находится в паре десятков

метров на восток от церкви. Посещение Мальского ключа вместе с детьми во время местного церковного праздника Мальское воскресенье считали важным все женщины округи. Обязательно нужно было вымыть лицо и руки и побрызгать водой на голову. По сведениям Зурова женщины иногда заходили в Мальской ключ и даже садились в воду (НМЕИ, Зуров П. А. 66). Водой из этого родника мылись сетоские женщины в Иванову ночь, веря, что это принесет здоровье и красоту. Важное место в религиозной практике Мальского прихода раньше занимал и Ильинский родник, который протекал недалеко от часовни Ильи Мокрого на дороге из Изборска в Печоры, к которому ходили из церкви крестным ходом. Этот, бывший когда-то очень большим и многоводным, родник высох в результате проводимых в конце 1970-х гг. мелиорационных работ.

Если Иванов ручей и Мальской ключ признаются сакральными природными объектами и сетоской, и русской народными традициями, то почитание Словенских и Богородицкого ключей в качестве целебных или священных источников среди сето не зафиксировано. Однако среди сето сохранилось предание о том, что, когда в мире иссякнет вся вода, ее можно будет добыть только из Словенских — «Изборских ключей» (*Irboska lätte*).

■ КУЛЬТОВЫЕ РОДНИКИ И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Значение родников со временем менялось. Как в Западной Европе, так и в православном культурном пространстве культовые родники стали ассоциировать с христианской традицией. В странах Скандинавии они часто связаны с культом св. Олафа (Stjernquist 1997. Lk. 84, 85); в Германии в большом количестве встречаются источники св. Марии (*Marienquelle*), а также родники св. Иоанна (*Johannisquelle*), связанные с культом Иоанна Крестителя. На Северо-Западе России предания о святых источниках чаще всего связаны с явлением иконы Богородицы (см. Панченко 1998). С 1992 г. в Изборске в пятницу Светлой Седмицы стали ежегодно отмечать праздник иконы Божией матери «Живоносный источник». Водосвятный молебен и крестный ход и сейчас совершается от Никольского собора до Словенских ключей.

В Сетомаа связь родников с христианской традицией отмечена в 16 случаях (39 %) (по сведениям Зурова — 10). На святых источниках иногда строились часовни. Для паломников и посетителей Псково-Печерского монастыря весьма существенное значение имел расположенный во дворе монастыря святой колодец. В деревне Малы, как говорилось выше, родник истекает как из-под действующей церкви, так и из-под церкви, стоящей в развалинах, в Изборске они протекают рядом с Никольским собором и церковью

Крестный ход к Богородицкому ключу в Изборске.

Фотография Л. Грушиной. 21 сентября 2014 г.

Рождества Богородицы, причем их названия (Никольский и Богородицкий ключи) соответствуют названиям церквей. Оба родника, особенно в последние десятилетия, после назначения на должность нового, не местного, но деятельного священника, получили сильную церковную окраску, что отражается и в изменении их внешнего вида. Так, на Никольском ключе, куда на Крещение (19 января) идут с крестным ходом и после водосвятия берут воду на весь предстоящий год, всего десятилетие назад построен деревянный колодезный сруб с двухскатной крышей. На Богородицком ключе, вода которого является самой мягкой по своему химическому

составу из всех изборских родников, в недавнем прошлом отлили бетонное обрамление и построили современную купальню в виде часовни с небольшим позолоченным куполом (ее сколоченная из обычных досок предшественница была на пару десятков метров ниже по течению). Еще в 1960-е гг. родник имел полностью природный внешний вид. Из него брали воду жители из соседних домов. При последнем «благоустройстве» в начале XXI в. была спилена растущая рядом старая ива с иконой Богородицы. Начиная с этого времени Богородицкий ключ имеет в церковной традиции новое название: Серапионов источник, в честь св. Серапиона Изборского, основавшего в XVI в. монастырь в Изборске. К нему совершается крестный ход с водосвятным молебном 21 сентября в праздник Рождества Богородицы.

В Эстонской части Сетомаа с церковью связан «Глазной родник» в Вярска. Зуров упоминает, что над ним когда-то был установлен навес в виде крыши на столбах с крестом, и воду оттуда использовали при водосвятии в церкви. Эта традиция сохранилась до сегодняшнего дня, а 19 января (праздник Крещения Господня) зачастую освящают и родник. В Мегузицах для водосвятия утром Иваного дня брали воду из Иванова ручья. С церковными традициями связаны и несколько родников в небольших деревнях. В центре д. Васцы рядом с Никольской часовней находится преобразованный в колодец родник, около него сохранился каменный крест. До недавнего времени его ежегодно освящал священник для предотвращения болезней и бедствий. В Пачковке на границе с Печорами построена часовня св. Иоанна над превращенным в колодец родником, куда и ранее местные жители приходили крестным ходом. В той же деревне у р. Пачковка есть родник Вассы (по преданию — жены св. прп. Ионы, в миру Иоанна, основателя Псково-Печерского монастыря). Крестный ход предпринимался и к часовне Ильи Мокрого на дороге из Изборска в Печоры к находившемуся рядом с ней роднику, куда во время засухи шли из церкви с молитвенным прошением о дожде. Еще до войны священник ежегодно освящал родник в д. Брод, а воду из родника д. Затрубье/*Truba* деревенские женщины называли «крещеной» (*ristivesi*), т. е. освященной водой. К роднику у Вашиной Горы ходили утром в Страстную пятницу, во время лечения читали молитвы, крестились. Упоминание о необходимости осенить себя крестным знаменем связано с «Глазным родником» в д. Серга (Константиново), так же поступали, когда брали воду из изборских ключей. Во всех этих случаях речь идет о глубоко укорененном в народной православной культуре традиционном молитвенном жесте, который сопровождает начало и завершение любого дела. С ключом у д. Литвиново и с Черным ключом по пути от д. Залавья в Спенск связаны предания о св. Никандре.

Читаем у Л. Зурова:

«Недалеко от Изборска около деревни Залавье стоит часовня Никандры. Народное предание говорит, что преподобный Никандр здесь проходил, и в него ребята бросали камнями, а шел он к местности, носящей название Спенск, где находится Черный Ключок, что около Пралища» (НМЕИ, Зуров П. А. 65).

В то же время многие родники около сетоских и русских деревень считались почитаемыми без упоминания их священности в христианском контексте.

Плотность распространения почитаемых родников в Сетомаа была достаточно однородна, в местной православной традиции они были везде одинаково важны. Семь источников (в т. ч. колодец Псково-Печерского монастыря, Мальской церковный ключ и родник около часовни Ильи Мокрого) были известными и значимыми и среди сето, и среди русских. Внимания заслуживает сведение Зурова о том, что к ключам у русского села Литвиново ходили сето, хотя в 1930-х гг. их ближайшие деревни были расположены на расстоянии почти 5 км. Особенно значимыми для женщин считались Богородицкий и Мальской ключи.

Традиция почитания родников сохранялась у русских и сето достаточно долго. Верили, что вода почитаемых источников дает здоровье, силу, красоту и молодость. При этом обрядовые практики у разных источников различались. Традиция использования родников в лечебных целях была еще очень живучей во второй половине 1930-х гг. У Зурова посещение священных водоемов в 15 случаях описывается в настоящем времени, хотя он отмечает, что в Печках «теперь перестают на него ходить», а в деревне Лезги — «теперь бросила молодежь Глазной Ключок» (НМЕИ, Зуров П. А. 66, 69).

Родники и в наши дни не утратили своего значения. В последние десятилетия религиозное почитание этих природных объектов значительно возросло (прежде всего в Изборске: Словенские, Никольский и Богородицкий ключи); у наиболее известных родников в эпоху печатного слова и Интернета появились и новые, ранее неизвестные и вторичные значения и «легенды». Однако в более удаленных деревнях — там, где население не полностью сменилось — по-прежнему ходят к родникам, согласно преемственности традиции, искать здоровья и помощи.

Литература

- Виноградов 2002** ■ Виноградов В. В. Почитаемые места: конец XX века // Христианство в регионах мира: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 230–240.
- Виноградов 2006** ■ Виноградов В. В. Почитание источников в Псковской области: колодец в болоте // Традиционная культура. 2006. № 4. С. 33–40.
- Зайкоўскі, Дучыц 2001** ■ Зайкоўскі Э. М., Дучыц А. У. Жыватворыня крыніцы Беларусі. Мінск: Ураджай, 2001.
- Панченко 1998** ■ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998.
- Уртанс 1985** ■ Уртанс Ю. Целебные и культовые источники Латвии // Из истории медицины. XV. Рига: РМИ, 1985. С. 85–93.
- Уртанс 1988** ■ Уртанс Ю.-Т. Языческие культовые памятники на территории Латвии. Автореф. дис. канд. ... ист. наук. Л., 1988.
- Черноморова 2005** ■ Черноморова А. А. Изборские родники: предания, обычаи и традиции // Изборск: история и современность: Мат-лы научно-практ. конф. «Музей как центр развития местных сообществ. Имидж музея — открытость», посвящ. 40-летию образования музея. Изборск: ГИАПЛАМЗ «Изборск». 2005 г. С. 95–98.
- Heinsalu 1977** ■ Heinsalu Ü. Eesti allikad ja nende kaitse // Eesti Loodus, № 7–8. 1977. Lk. 418–426, 490–496.
- Rommel 2014** ■ Rommel M. A. Veekogud Eesti ja Soome kohapärimuses // Muistis, koht ja pärimus, 2. Pärimus ja paigad / Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 26: 2.) Tartu: Tartu Ülikool, ajaloo ja arheologia instituut, 2014. Lk. 71–170.
- Stjernquist 1997** ■ Stjernquist B. The Röekillorna Spring. Spring cults in Scandinavian Prehistory // Acta Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis, LXXXII. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1997.
- Tamla 1985** ■ Tamla T. Kultuslikud allikad Eestis // Rahvasuust kirjapanekuni. Uurimusi rahvaluule ja proosaloomingust ja kogumisloost. Toim Ü. Tedre. (Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Seltsi Toimetised, 17.) Tallinn, 1985. Lk. 122–146.
- Urtāns 2008** ■ Urtāns J. Ancient Cult Sites of Semigallia // CCC Papers, 11. Riga: Nordik. 2008.
- Vaitkevičius, V. 2004.** ■ Studies into the Balts' Sacred Places (BAR. International Series, 1228). Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2004.
- Valk 2008** ■ Valk H. Pre-Christian and Christian: Rites at Two Holy Stones in Setomaa, South-Eastern Estonia // Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives / Ed. by A.-B. Falk, D. M. Kyriltz (BAR. International series, 1757). Oxford: Archaeopress, 2008. Pp. 67–78.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

677 Введение

679 Семейная обрядность русских Печорского края

701 Семейная обрядность сето

3.7. Материальная культура

3.6. Семейная обрядность

■ Введение

Алексей **Новожилов** и Пауль **Хагу** ■

В данном разделе представлены два очерка, посвященные семейной обрядности двух этнических компонентов населения Псково-Печерского края — сето и русских. Изучение этой обрядности не было целью Б. В. Вильде и Л. Ф. Зурова, в отличие, например, от календарных праздников. Поэтому в нашем распоряжении нет подробных описаний семейных обрядов. Тем не менее, отдельные изобразительные и текстовые материалы показывают, что определенный интерес к этой теме у них был. В частности, фотографии, выполненные Вильде и Зуровым, позволяют нам судить о степени важности для них фиксирования обрядности жизненного цикла, которая воспринимались ими как экзотика, отражающая архаические кровнородственные отношения.

Что касается выбора Вильде и Зуровым той или иной группы семейных обрядов, то, вероятно, он был предопределен существовавшей в 1930-е гг. определенной иерархией научного интереса в этой области. Наибольший из них как в этнографической, так и в археологической науке того времени вызывала похоронно-поминальная обрядность. Традиционные представления о загробном мире считали важным источником для изучения языческих времен и архаичности, столь вожаделенных как в науке, так и в обществе того времени. В Музее человека также подчеркивалась важность изучения похоронной обрядности. Здесь уместно напомнить и об археологической, художественной и просветительской деятельности Н. К. Рериха, который, к слову, также совершил поездку в Псково-Печорский край в 1903 г. и пришел в восторг от архаичности культуры его населения¹.

С другой стороны, выбор Вильде и Зурова зависел также от наличия доступа к тем или иным обрядам. Для посторонних исследователей он был открыт только к «публичным» сферам семейной обрядности (свадьба, похороны), в отличие от области интимной семейной жизни, как напри-

1. Показательно, что в 1936 г. Л. Ф. Зуров выступал с докладом во Французском обществе имени Н. К. Рериха в Париже.

мер, родильно-крестильные обряды. Именно поэтому среди жанровых фотографий Л. Ф. Зурова имеется больше всего фиксаций похоронных и поминальных обрядов. В частности, уникальным является фоторепортаж об отправлении покойника на лодке из русской деревни Будовищи на кладбище.

Несколько иначе обстояло дело с сетоской свадебной обрядностью, зафиксированной в деревне Поталово. Несмотря на то, что свадьба — относительно открытое торжество, в особенности в обрядовой части (до пира), тем не менее, Л. Ф. Зурову не удалось отснять сами свадебные обряды, кроме исполнения песен замужними женщинами и свадебного «кузнеца». Не удалось запечатлеть и свадебные обряды русских, поскольку свадьбы приходились на осеннее время, к которому экспедиция Музея человека закончилась.

В целом следует отметить, что вклад Б. В. Вильде и Л. Ф. Зурова в изучение традиционной семейной обрядности населения Печорского края, хотя и не столь значимый, как в других исследовательских сферах, важен как с фактической, так и с историографической точек зрения.

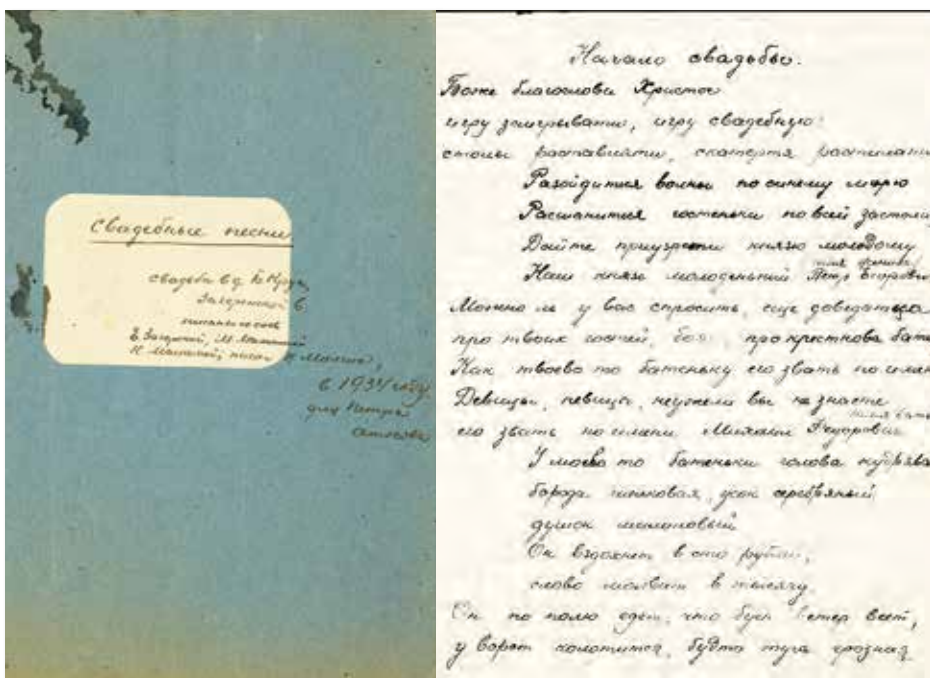
■ Семейная обрядность русских Печорского края

Алексей **Новожилов** ■

Хотя семейная обрядность не входила в список приоритетных для Б. В. Вильде и Л. Ф. Зурова тем исследований, некоторые их материалы (фотографии, экспонаты, записи) свидетельствуют об их интересе к этой теме. В своих научных отчетах они фактически одними из первых обратили внимание на описание русского культурного наследия в регионе и, как следствие, начали изучение его семейной обрядности. Время экспедиций Б. В. Вильде и Л. Ф. Зурова — это период формирования интереса к культуре русского сельского населения, оказавшегося за пределами Советской России, в том числе и в Псково-Печорском крае, вошедшем в состав Эстонии. В 1936 г. записи русских свадебных песен были сделаны студентами-практикантами Тартуского университета (ERA, Vene 4. Lk. 236–242). Тогда же появляются материалы М. Шпис — собрание текстов свадебных песен с гравюрами автора, на которые ссылается Л. Ф. Зуров (Шпис 1936; НМЕИ, Зуров П. А. 3). Это сценарий для певческого праздника, который автор, по ее признанию, готовила к выступлению «городищенских баб» в Риге (Шпис 1936. С. 5).

В этом же ключе следует рассматривать и то внимание, которое уделяли русской этнографии участники экспедиционного проекта 1937–1938 гг. Это и интерес Э. Малер¹ и И. Окуновой к русской песне вообще (НМЕИ, Зуров П. А. 3), и собрание русских свадебных песен, позаимствованное

1. Незадолго до экспедиции она опубликовала книгу «Русские надгробные плачи» (Die russische Totenklage: Ihre rituelle und dichterische Deutung. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1935. 647 p.).

Тетрадь «Свадебные песни»: обложка и первая страница.

MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5). ■ НМБЛ, Центральная библиотека

Б. В. Вильде у П. Амосова² (см. с. 337 в настоящем издании; CD-диск: Полевые записи Б. Вильде «Свадебные пояса» (на русском яз.), тетради 1 и 2. MNHN-MH ETHNO EUR 205 (5).

И хотя очевидна фольклорно-литературная направленность и недостаточность указанных материалов, вполне просматривается тенденция и даже

2. Записал эти песни со слов трех жительниц деревни Б. Круп (ныне — Крупн) Н. Мамин по заказу Петра Амосова в 1934 г. П. Амосов — учитель из города Печоры, член музыкально-певческого общества. Именно поэтому тетрадка представляет собой последовательный набор песен от «начала свадьбы»: «Боже благослови Христос игру заигрывать, игру свадебную...» и до застольных песен. Это сценарий для певческого праздника с одним единственным сбоем на с. 6, где после песни, сопровождавшей выход из церкви, поставлен плач по косе перед ритуальной баней, видимо ради литературной логики. Литературщиной отдает и четкая линия при употреблении имен брачующихся он — Петр, она — Александра, хотя инициалы информаторов — Е., М. и Н. Судя по единообразию и аккуратности почерка, а также сигнатуре «Борис Вильде» на титуле, тетрадь представляет собой копию, снятую Вильде со сценария, предложенного жителем д. Крупн Н. Маминым Петру Амосову. Поэтому вряд ли стоит придавать этому тексту значение этнографического источника. Это скорее памятник национально-культурного строительства русского населения Псково-Печорского края в 1930-е гг.

мода на изучение «русской старины». Показателен с этой точки зрения и интерес, который исследователи проявляли именно к свадебной песне, как с учетом обрядности, так и без. Ведь, будучи вырванными из этнографического контекста, эти песни казались одновременно архаичными, текстуально регламентированными и, в силу широкого распространения, подлинно народными, то есть обладали литературной и национальной ценностью. В материалах Л. Ф. Зурова данных о семейной обрядности русских категорически мало. Например, о свадебной обрядности русских имеется всего пять абзацев (см. с. 337 в настоящем издании: «Свадебные пояса». МННН-МН ЭТНО EUR 205 (12). Этот отрывочный текст представляет собой скорее импрессионистские наброски и не дает возможности понять роль пояса в свадебном действе. В целом сколько-нибудь ясной картины семейной обрядности русского населения Псково-Печорского края 1930-х гг. по этим сведениям не складывается. При этом Б. Вильде и Л. Зуров активно фотографировали семейные обряды (похороны и поминки). И хотя они не успевали делать к ним развернутые пояснительные тексты, уже сама фотофиксация, сопровождаемая короткими комментариями, является их важнейшим вкладом в сохранение историко-культурного наследия региона.

■ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Фольклорно-литературное изучение Псковщины в целом имеет долгую традицию и восходит к XVIII в. Материалы, собиравшиеся вплоть до середины XX в., касались прежде всего районов Пушкиногорья, Торопца, Великих Лук (Путилов 1999. С. 253–257). Даже те собиратели, которые работали в Псковском уезде, обходили стороной его западную часть — Печорский край. Очарование поиском дохристианской архаики не позволяло рассчитывать на находки «древностей» во владениях (а после секуляризации — в округе) Псково-Печерского Успенского монастыря.

Первые систематические работы по собиранию русского фольклора Псково-Печорского края были проведены в 1946 г., а в 1966 вышел итоговый сборник, где большое место занимают русские свадебные песни Печорского района (Котикова 1966). При всей фольклорной представительности этих материалов, они, в силу неструктурированности с обрядовой точки зрения, мало что дают для понимания этнографической действительности.

Начало систематическим полевым работам положили экспедиции этномузыковедов Ленинградской/Санкт-Петербургской консерватории во главе с А. М. Мехнецовым в конце 1970-х — 1990-е гг., которые стали фиксировать не только фольклорные тексты, но и этнографический контекст. Итогом этих работ стала публикация свода фольклорных материалов по Псковской

области, оснащенного описаниями самих обрядов. Семейной обрядности Печорского края отводится в этом издании достаточно большое место (Народная традиционная культура 2002. С. 229–231, 233–236, 286–381). Оценивая этот труд, необходимо отметить определенную неравномерность и даже односторонность изученности различных составляющих семейной обрядности. Наряду с фундаментальным академичным исследованием свадебного обряда и достаточно полным описанием похоронного, обнаруживается полное отсутствие материалов о родильно-крестильной и поминальной обрядности. О ритуалах, связанных с другими переходными моментами в жизни псково-печорских крестьян, и вовсе не упоминается.

Собственно этнографические полевые работы в Псковской области начались в 1995 г., а в 1996 они затронули и русское население Печорского района. Итог собирания полевых материалов представлен в описаниях семейного быта и обрядности русского населения Псковской области, мыслимого как единое целое (Шангина 1999; Верняев 1999; 2004). Автор этих строк на протяжении нескольких полевых сезонов в 1993–2013 гг. возглавлял экспедиции Санкт-Петербургского университета в Псково-Печорский край. С 1997 г. начался сбор данных по семейной обрядности русского населения Печорского района. Некоторые результаты этих работ были представлены в публикациях участников экспедиции (Калюта 1998; Копонев 1998; Радецкая 1998). Однако собранных полевых материалов гораздо больше, чем могли вместить указанные публикации.

Отсутствие теоретических работ по семейной обрядности русских Псковского региона (аналогичной разработкам, проведенным, скажем, на южноэстонских материалах) не позволяет нам определить место печорской обрядности в псковском, общерусском или трансграничном контекстах³. На современном этапе речь может идти лишь о построении инвариантных моделей отдельных обрядов. Кроме того, уже сегодня мы можем говорить о выявлении общих для русских Печорского края черт семейной обрядности.

Хронологические рамки предлагаемого ниже описания — 1920–1930-е гг., период, в конце которого А. Ф. Зуров и Б. В. Вильде проводили свои этнографические экспедиции. Именно эти десятилетия достаточно хорошо освещены в полевых материалах кафедры этнографии и антропологии

3. В этой связи предлагаемое авторским коллективом под руководством А. М. Мехнецова районирование фольклорных реалий Псковской области кажется неприменимым в этнографии. Авторы не дали описания принципов районирования, но из текста отдельных глав понятно, что во главу угла ставились в первую очередь музыкальные различия, во вторую — специфика исполнительской манеры, некоторое значение имели фольклорные тексты. Само же обрядовое действие при типологии учитывалось в последнюю очередь.

Санкт-Петербургского университета, поскольку среди информаторов преобладали люди 1910–1920-х гг. рождения. Территориальные рамки ограничиваются Печорским районом Псковской области Российской Федерации, несколько русских деревень в пределах Вырусского и Пылваского уездов Эстонской Республики на сегодняшний день исследованы не были.

■ РАЗВИТИЕ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ В 1920–1930-Е ГГ.

В 1920–1930-е гг. на развитие обрядности русских Псково-Печорского края, в том числе и семейной, оказывали влияние несколько факторов⁴. В идеологическом плане на первом месте стояли две противоположные тенденции: с одной стороны, общий процесс секуляризации всех сторон жизни в условиях республиканского строя Эстонии, с другой — деятельность Успенского Псково-Печорского монастыря в качестве актора и одновременно символа русской самоидентификации за пределами Советской России.

Аграрная реформа Эстонской Республики, уничтожившая в экономическом плане крестьянскую общину и способствующая ускоренной капитализации сельского хозяйства, промыслов и домашних ремесел, значительно трансформировала социальные стандарты, в том числе и в обрядовой культуре.

Изменения в обрядности выражались: 1) в повышении роли материального начала в символическом обмене сопутствующем инициациям, 2) в выборе главных действующих лиц обрядов по принципу материальной состоятельности кандидатов, а не их значимости в родственных и общинных связях, 3) в секуляризации части ритуалов, прежде всего не связанных напрямую с церковными действиями (например, введение гражданского брака, известная ритуализация прагматических составляющих семейных обрядов).

В то же время давление монастыря и связанного с ним многочисленного белого духовенства имело своим следствием строгую регламентацию собственно церковных ритуалов, входящих в состав семейной обрядности, и искоренение обрядов, порожденных неканоническими представлениями крестьянства.

Наконец, социокультурная действительность 1920–1930-х гг., характеризовавшаяся актуализацией националистического мироощущения не только в Эстонской Республике, но и во всей Европе, способствовала распростра-

4. Конечно, нельзя игнорировать роль этнических факторов, влияющих на ареальные и локальные особенности культурных традиций в этой давней этноконтактной русско-сестонской зоне (Прим. ред.).

нению в Псково-Печорском крае почвеннического подтекста любых общественных церемоний или собраний. Применительно к деревенской жизни это выражалось в подчеркнутой фольклоризации обрядов и в целом всех сторон жизни, чему церковь как раз и не противилась.

Таким образом, объективный процесс секуляризации крестьянской жизни русского населения Печорского края шел в неразрывной, хотя и парадоксальной, связи с контролем со стороны канонического православия и подчеркнутой контекстуальной рускостью. Несколько иначе этот процесс сказывался в 1920–1930-е гг. у сето.

■ ОБРЯДЫ ИНИЦИАЦИИ МОЛОДЫХ

Изложение конкретных материалов о семейной обрядности русского населения Псково-Печорского края начнем с описания процесса инициации молодых во взрослую трудовую жизнь и систему символических обменов. Распад большой патриархальной семьи, начавшийся в Псково-Печорском крае, как и на всей Псковщине еще в середине XIX в. (Верняев 1999. С. 156, 157), достиг своего логического завершения в 1920–1930-е гг. В связи с этим значительно менялись внутрисемейные роли. В частности, на детей возлагались теперь не только приусадебные работы, но и обязательство за-работка на стороне (уход в няньки, батрачество, ремесленное ученичество). На молодых незамужних девиц спускались обязанности снох, а молодые парни превращались в рабочую силу, способную приносить значительный доход (на стороне или в собственном хозяйстве), средства от которого шли на создание их будущего товарного хозяйства.

Исходя из этого, роль символических инициаций сокращалась, уступая место переходам из одной имущественной группы в другую. Как следствие, молодежные объединения юношей из территориальных (деревенских⁵) превращались в профильные (школьники, ремесленные ученики, батраки, юноши, работающие в собственных хозяйствах). Этому способствовала и неуклонно внедрявшаяся хуторская система, медленно, но верно стиравшая границы между поселениями. Каждая группа характеризовалась своим имущественным цензом. Именно появление собственных свободных денег являлось главным условием присоединения к той или иной группе.

Обособлялись от юношеских и девичьи коллективы: школьницы до 14 лет (при обязательном 6-классном образовании) и девицы на выданье.

5. Деревни Псково-Печорского края были небольшими — в 10–50 дворов, поэтому к одному возрастному кластеру относилось не более двух десятков однополых подростков и юношей.

Эти группы дольше сохраняли территориальную привязку. Главное совместное действие, на которое было направлено функционирование групп, — совместные гуляния: на вечерках и престольных праздниках. Вечорки по-прежнему выполняли функцию релаксации после тяжелого трудового дня и способствовали взаимному знакомству разнополой неродственной молодежи. Престольные праздники еще шире раскрывали круг общения юношества. Молодые люди все чаще ходили в гости на вечерки в соседние деревни, что в свою очередь порождало не только браки, но и конфликты. Важным фактором при контактах был имущественный статус группы в целом и каждого ее члена в отдельности. Подтверждением этого статуса были финансовые и натуральные взносы мужской и женской групп. Таким образом, внутريدеревенские связи замещались постоянными круглогодичными гостевыми контактами, что казалось старшему на тот момент поколению вызывающим. Различные аспекты повседневной и праздничной молодежной культуры нашли свое отражение в фотоматериалах Б. В. Вильде и Л. Ф. Зурова.

■ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Более фундаментальная функция гуляний — поиск брачного партнера — явно развивалась. В условиях потери традиционной роли устоявшихся межродовых связей, падения престижа родительского договора о браке и мнения «стариков» о функциональных характеристиках брачующихся, неизменно росло значение финансовой и репрезентативной составляющих брачного союза. Важно было материальное состояние жениха, цена приданного невесты, а также их внешние данные.

Общая структура цикла свадебных обрядов сохранялась: сватовство — сговор — венчание — свадебный пир — обряды перевоза приданого и включения молодой жены в новую семью. Однако акценты значительно сместились: как уже отмечалось, исчезла традиция женитьбы по воле родителей. О дате сватовства заранее знали в доме невесты и готовились к нему — накрывали стол. В знак согласия невеста обвязывала принесенную женихом бутылку водки платком, поясом или варежкой. Фактически сватовство превращалось в ритуально-фольклорное действие, постепенно переходящее в пьяное веселье.

Принципиальным было следующее действие — сговор («дымничанье», сопровождавшееся «рукобитием»). Именно здесь обсуждались характер и размеры приданого. Важнейшими его составляющими были земля (до 1 десятины), скот, орудия труда, деньги. Приданое, изготовленное самой девицей, отражавшее ее хозяйственные способности и иницированность во

Русские обрядовые полотенца.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016912. | МНБ

взрослую жизнь, играло в условиях развитого товарного рынка значительно меньшую роль. Более того, невеста уже не ткала и не шила свой подвенечный убор, он все более становился утилитарным — покупное нарядное платье, активно использовавшееся после замужества.

Действия, предшествовавшие венчанию, носили наиболее строго регламентированный характер. Это касалось и обмена подарками (веник, мыло, одеколон — девушке, рубаху и пояс — юноше), и девичника, и посещения бани, и утренних сборов к поездке в церковь. Все эти обряды включали многочисленные ритуалы и сопровождалась песнопениями. Именно в этих действиях были использованы ритуальные предметы, сохранявшие в наибольшей степени традиционный вид — свадебные пояса и полотенца.

Л. Ф. Зурову казалось, что они сохраняли свои декоративные мотивы⁶ и свои функции с глубокой древности: пояса, украшавшие свадебный поезд, маркировавшие порог между добрачной и брачной жизнью, полотенца, обрамлявшие ритуальные предметы. В своих экспедиционных отчетах он подчеркивает «громдную роль при проходах, при благословениях, на свадьбах»: «во время свадьбы, когда молодые сядут за стол, их сажали под ними — там Боги иконы» (НМЭИ, Зуров I. Л. 45, 46, 49). С исключительной писательской ревностью он взялся их собирать и описывать (см. с. 334–337 в настоящем издании: «Свадебные полотенца» «Свадебные пояса» MNHN-MH ETHNO EUR 205 (12); CD-диск: Карточки описательные кол. № 38.170. 1–13, 26, 31. MNHN-Collections d'ethnologie; фотографии: MuSEM phm-dmh 1938-170-2, 4, 5, 12, 13, 26, 31).

Показательно, что по материалам экспедиции Тартуского университета фольклорный сценарий подготовки к венчанию был вариативен и зависел от материального состояния и определявшегося им социального статуса невесты (ERA, Vene 4. Lk. 236–242). Обращает на себя внимание еще одна деталь — отсутствие внимания к девичьей чести. Надо отметить, что если в фольклорных текстах это внимание педалируется, то в реальной жизни крестьянское общество 1920–1930-х гг. к добрачным интимным связям относилось терпимо. Специфика свадебной русской обрядности Псковско-Печорского края по сравнению с остальной территорией Псковщины заключалась в некоторых деталях обрядности: символике принятия сватовства в виде обматывания платком, поясом, варежкой принесенной бутылки; специфической форме благословения жениха («облазить родителей»), заключавшейся в необходимости обойти каждого из его родителей и дважды пролезть под иконой, которую те держат в руках (Копонев 1998). Так же интересна утрата публичности рукобитья (как было в XIX в.; см.: Шангина 1999. С. 240, 241),

6. Об ошибочности интерпретации Л. Ф. Зуровым семантики орнаментальных сюжетов на полотенцах см. статью И. Шангиной «Изделия из текстиля и костюм русского населения Печорского края», с. 735 в настоящем издании.

материальный двигатель этого события заставлял сузить количество его участников до непосредственно заинтересованных лиц.

■ РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Родильно-крестильная обрядность была наименее подвержена изменениям по сравнению с XIX в., хотя и здесь определенная секуляризация присутствовала. В 1920–1930-е гг. темпы проникновения медицинского и акушерского обслуживания в жизнь печорских крестьян были столь же медленными, сколь и в предшествующие дореволюционные годы. Рожали по-прежнему в банях и хлевах, главным действующим лицом являлась повитуха. Поскольку рождаемость сохранялась на традиционно высоком уровне, то помощниками при родах у женщины с опытом могли выступать старшие родственницы или соседки. Все классические обряды, связанные с прохождением беременности и сопровождавшие роды, соблюдались только в отношении молодых женщин. Со временем на первый план выходило физическое сбережение плода и соблюдение санитарно-гигиенических норм при родах.

Крещение проводили максимально скоро после родов из-за боязни смерти новорожденного «без креста». Через шесть недель принято было «брать молитву» в церкви, что подтверждало статус ребенка и роженицы. Известная секуляризация крестильного обряда заключалась в выборе имени по желанию родителей: могли давать имя как по святкам, так и в честь родственников («по деду»). Сохранялось обязательное угощение родственников ритуальной кашей с последующим застольем.

До 4–5 лет дети питались отдельно; есть сведения, что до четырех лет они могли спать в люльке, поставленной после исполнения двух лет на пол (Радецкая 1998). Поскольку в условиях распада больших семей мать занималась одновременно ведением домашнего хозяйства, уходом за приусадебным участком и полевыми работами, обязанности по воспитанию младших детей возлагались на старейшую женщину, которая из «большухи» (главной распорядительницы) превращалась в сиделку с детьми.

Социализация подростков настойчиво проглядывает в фотосюжетах Л. Зурова, казалось бы, посвященных совсем иным сюжетам: мальчик-подпасок из д. Гаврилкино, мастерица пастушескую берестяную трубу; девочки, гребущие на веслах вместе с отцом; обучение детей изготовлению традиционных кукол из тряпок и соломы, саночек-дровней, коньков-каталок, лодки с парусом. Интересно, что эти снимки коррелируют с небольшой коллекцией игрушек, приобретенных Л. Зуровым для музея Трокадеро.

Девочка и мальчик-подпасок, изготавливающий берестяную трубу.

Д. Тайлово. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016964. ■ МНБ

Пожилая женщина, обучающая детей изготовлению тряпичной куклы.
Деревня неизвестна. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0016962. ■ МнБ

Девочки, играющие с тряпичными куклами и игрушечными санями-дровнями.
Д. Поталово. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016958. ■ МНБ

Изготовление деревянного конька.

Д. Кашино. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016947. ■ МНБ

Мальчик с игрушечным коньком-каталкой.

Д. Захожье. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016960. | МНБ

Крестьянин с игрушечной парусной лодкой.

Деревня неизвестна. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016929. ■ МНБ

■ ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ

Смерть пожилого человека, в силу деградации большесемейной общины, не приводила к изменениям ни в хозяйственных, ни в социальных отношениях. Иное дело смерть относительно молодого хозяйственно и социально зрелого человека — здесь очевидно менялись социальные и экономические роли всех членов семьи. Эта разница оказывала незначительное влияние на погребальные ритуалы, но имела большое значение в сценарии и длительности поминальных обрядов (Новожилов 2011). Сами похороны строго регламентировались монастырскими и приходскими священниками, фактически проводились под их надзором и отражали канонический взгляд на загробную жизнь. Внецерковные ритуалы были направлены на охранение оставшейся семьи и заключались в основном в запретах на деятельность в доме покойника и убранства жилого пространства.

Поминальная обрядность в первый поминальный период (9-й и 40-й дни и 1 год) проходили по единому алгоритму, но в различных масштабах, в зависимости от статуса и состояния умершего. В дальнейшем поминовение на Радуницу и Родительские субботы (Троицкую и Дмитровскую) проводилось только в отношении наиболее статусных фигур. Как правило, в условиях отсутствия семейных некрополей, оно организовывалось на могиле родителей главы каждой семьи. Специфическим в Псковско-Печорском крае являлось поминовение родителей в 3-ю, 6-ю и 9-ю годовщины смерти (Калюта 1998) (CD-диск: MQB PP 0100787, PP0100790, PP0100791). Интересной является традиция (общая и для других районов Псковской земли) кормить покойного не только во время погребальной трапезы, но и на всех без исключения поминках, будь то персональные или общественные дни.

Ряд важных особенностей похоронно-погребальной обрядности зафиксирован Б. Вильде и Л. Зуровым в фотоколлекциях 1937–1938 гг., например, на двух фото похоронной процессии в Изборске, на которых запечатлен старинный способ переноса гроба на носилках (CD-диск: MQB PP0210345, PP0210349).

Интересен своеобразный фоторепортаж (серия фотоотпечатков и негативов) похорон рыбака Кирекеткина из д. Будовищи на берегу Псковского озера (CD-диск: MQB MQB PP00834421, PP0083424–PP0083428, PP00834431, PP00834432, PF 016845, PF 016896, PF 016897, PF 020673, PF 020674, PF 020675).

В заключение следует подчеркнуть очевидные различия в динамике обрядов русского населения Псковско-Печорского края и остальной Псковщины в 1920–1930-е гг. Роль церкви в жизни русского населения

Похороны рыбака Кирекеткина

Д. Будовищи. Перенос гроба на полотенцах.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016896. ■ МНБ

Похороны рыбака Кирекеткина.

Д. Будовищи. Погружение открытого гроба с телом усопшего в лодку для отправки в церковь. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0020673. ■ МНБ

Похороны рыбака Кирекеткина.

Д. Будовищи. Отплытие лодки с участниками похорон и гробом усопшего для отправления в церковь и погребения на кладбище в деревне Лисье.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016897. ■ МНБ

Печорского уезда Эстонии была гораздо выше, а стремление подчеркнуть русскую идентичность приводило к насыщению обрядов фольклорными текстами и действиями. В то же время общий процесс секуляризации крестьянской жизни определял сходные тенденции в изменениях обрядности жизненного цикла.

Архивные документы и литература

ERA, Vene 4 ■ Eesti Rahvaluule Arhiiv Vene vanavara, T. 4.

Верняев 1999 ■ Верняев И. И. Семья и семейный быт // ИЭОПК / Под ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 156–170.

Верняев 2004 ■ Верняев И. И. Центральные районы Псковщины (Бежаницкий, Островский, Новоржевский районы) // Галло А. В. и др. Этнография Северо-Запада России (Южные окрестности Петербурга — Приладожье — Центральные районы Псковщины). СПб.: СПбГУ, 2004. С. 142–244.

Калюта 1998 ■ Калюта А. В. Представление о душе и ее переходе в загробный мир у русских Печорского района Псковской области (по материалам погребально-поминальной обрядности) // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. сод. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 64, 65.

Копонев 1998 ■ Копонев В. В. Свадебная обрядность русских Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. сод. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 68, 69.

Котикова 1966 ■ Котикова Н. Народные песни Псковской области / Под ред. С. В. Аксюка. М.: Музыка, 1966.

Народная традиционная культура Псковской области 2002 ■ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспеди-

ционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2-х т. / Автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. СПб.: Псков. Изд-во обл. центра нар. творчества, 2002.

Новожилов 2011 ■ Новожилов А. Г. Исследовательский конструкт «Погребальный обряд» в отечественной этнографии // Демичевские чтения: Мат-лы юбилейной междисцип. междуз. науч. конф. Санкт-Петербург, 22 октября 2010 г. / Сост. А. Н. Огарков, А. В. Рябов. СПб.: Институт бизнеса и политики, 2011. С. 63–66.

Путилов 1999 ■ Путилов Б. Н. Фольклор Псковского края // ИЭОПК / Ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 253–268.

Радецкая 1998 ■ Радецкая К. В. Традиционное воспитание детей и подростков сельского населения Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). Кр. сод. докл. III межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 47, 48.

Шангина 1999 ■ Шангина И. И. Семейный быт. Обряды жизненного цикла // ИЭОПК / Ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 236–252.

Шпис 1936 ■ Шпис М. И. Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанные в деревне Городице Петсерского уезда (бывш. Псковской губернии.) в Эстонии. Б. м.: Собственное издание, 1936.

Mahler 1935 ■ Mahler E. Die russische Totenklage: Ihre rituelle und dichterische Deutung. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1935. 647 p.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

677 Введение

679 Семейная обрядность русских Печорского края

701 Семейная обрядность сето

3.7. Материальная культура

■ Семейная обрядность сето

Пауль **Хару** ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

В экспедиционных материалах Леонида Зурова и Бориса Вильде сетоская семейная обрядность отражена слабо. Большую их часть составляют фотографии, которые требуют интерпретации, но в тексте отчета можно найти и несколько записей о сделанных во время экспедиций наблюдениях. Зафиксированное касается двух важнейших событий в жизни человека: свадьба и похороны. Конечно, семейные обряды сето связаны и с рождением человека (предсказания, запреты, рождение, крещение, посещение новорожденного (сето *kaejatsõq*², рус. *глядины*), но у Зурова и Вильде сведения о родильно-крестильной обрядности отсутствуют, в связи с чем эта тема не будет рассмотрена в настоящей статье. Отметим, что в целом у православных сето и русских обрядово-ритуальная структура родильной обрядности совпадали¹.

■ СВАДЬБА

В XIX — первой трети XX в. традиционная крестьянская свадьба сето продолжалась три дня и, как правило, была «о двух концах» (т. е. родня как жениха, так и невесты праздновала отдельно, но в свадебный обряд входило и взаимное посещение обоих родов); очень важное место на свадьбе занимали как песня, так и причитание невесты. Сетоские причитания невесты существенно отличались от соответствующей традиции как русских, так и других прибалтийско-финских народов (карел, води, вепсов): это было хоровое песнопение, во время которого невесту поддерживали своей песней четыре подруги (*podruski*), стоявшие по обе стороны от нее. Невеста обращалась к каждому участнику свадьбы (при приглашении — к приглашаемому) с индивидуальной причетью; невеста и ее подруги стояли рядом перед причитаемым и кланялись до земли по исполнении каждой строки.

1. См. статью А. Новожилова «Семейная обрядность русских Печорского края», с. 679 в настоящем издании.

Сетоская свадьба. Невеста (третья справа) в меховой шапке; в правой руке у нее «платок для слез невесты» (*suurätt, ikurätt*), который она использовала во время причитаний. С. Вярска (Верхоустье). 1925–1926 гг. ТМ F 1518: 28. ■ ТГМ

В обрядах сетоской свадьбы существовали достаточно обширные совпадения с южно-эстонской свадьбой — обе свадьбы были родовыми, и обе можно определить как «песенная свадьба». Их важнейшим различием было то, что в эстонской свадьбе с приходом лютеранства исчезли причитания невесты, сетоская же свадьба сохранилась именно как свадьба причитаний.

Чтобы лучше представить то, какое место занимают собранные Зуровым материалы среди других записей, следует в качестве исходного пункта взять основную схему сетоской свадьбы, в которую входит как предсвадебная, так и послесвадебная обрядность. Приведенная ниже схема публиковалась ранее (Nagu 1995. Lk. 116; Honko et al. 2003. Lk. 100), но здесь она представлена с некоторыми уточнениями. Для ее создания автор использовал самое детальное из всех имеющихся до настоящего времени описание сетоской свадьбы, составленное Я. Хуртом (Hurt 1905. Lk. 463–499); богатый материал в коллекциях Эстонского фольклорного архива уточняет лишь детали обрядов. Самое полное и подробное поэтическое описание сетоской свадьбы дано в двойном эпосе «Песня о смерти девицы и Большая свадьба» («*Neio koollaul & Suurõ saja*»), записанном в 1923 г. от Анне Вабарна (1877–1964). Она была самой продуктивной сказительницей эпических произведений среди прибалтийско-финских народов, от нее записано более 150 000 стихов, в том числе 16 длинноформатных песнопений или эпосов. Оригинальный текст (6621 стих) опубликован с английским переводом (Honko et al. 2003).

Сетоский свадебный поезд по дороге в деревню Поталово.

Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0017054. ■ ИМБ

Структура сетоской свадьбы

В доме невесты	В доме жениха
I. Предсвадебная обрядность	
1. Сватовство (<i>kos'ag, edimätseq viinaq</i>) [Вторые выпивки / <i>Tõdsõq viina</i>] 3. Помолвка (<i>suurõq viinaq, keibljatsõq, otsapandjatsõ</i>) 4. Приглашение на свадьбу (<i>saaja keutminõ</i>), невеста причитает каждому приглашаемому 5. Церковное венчание (<i>kuulutaminõ ja laulataminõ</i>)	2. Осмотр дома жениха (<i>vahitsõ kodo kaeminõ</i>) 4. Приглашение на свадьбу
II. Собственно свадьба (<i>pulma^a, sa(a)ja^a, bähä^a</i>)	
A. Первый свадебный день: День получателей (<i>saajaräiv</i>, от эст. <i>saaja</i> — получатель)	
6. Приглашение деревенских жителей на свадьбу (с причитаниями) 7. <i>Vetsorkalaud</i> (т. н. «вечерний» стол) 8. Невеста причитает каждому члену рода 9. Стол коробников (<i>Vakalaud</i>) 10. Невеста причитает родственникам и очевидцам (чужим) 11. Прибытие свадебного поезда жениха 12. Первое кормление/угощение (<i>edimäne ravitsõminõ</i>) 13. Невеста причитает родне жениха 14. Обряжение и поиск невесты, чарка молодых 15. Второе кормление (<i>tõdnõ ravitsõminõ</i>) 16. Ритуалы прощания, уход свадебного поезда молодых (невесту сопровождает только ее крестная мать)	7. <i>Vets'orkalaud</i> 9. Стол получателей (<i>Saajalaud</i>) 10. Уход «получателя» (<i>Saaja</i>) 17. Прибытие свадебного поезда молодых: ритуалы встречи 18. Надевание чепца (<i>liniku pänõk</i>) 19. Укладывание молодых спать
B. Второй день: День свадебного короба (<i>Vakaräiev</i>)	
22. Завтрак 23. Уход свадебного поезда с сундуком приданого 29. Прибытие свадебного поезда домой	20. Бужение молодых 21. Знакомство с новым местом (раскладывание жертвенных даров) 22. Завтрак 24. Прибытие свадебного поезда 25. Первое кормление (<i>edimäne ravitsõminõ</i>) и развлечения (<i>keul'ataminõ</i>) 26. Раздача свадебных подарков 27. Второе кормление (<i>tõdnõ ravitsõminõ</i>) 28. Уход свадебного поезда
C. Третий день: День родни	
30. Родственники невесты празднуют до своего ухода	30. Родственники жениха празднуют до своего ухода. Свадебные шутки
III. Послесвадебные обряды (<i>peräpütiv</i>)	
31. В доме невесты собираются близкие родственники. Еда, питье, времяпрепровождение	

В 1938 г. Л. Зуров сделал в деревне Поталово (*Potalova*) 10 фотографий сетоской свадьбы. Они относятся ко второму дню свадьбы («День свадебного короба»), когда родственники невесты прибывают со свадебным сундуком (приданым) в дом жениха, проводят там время и вечером возвращаются к себе домой.

Л. Зуров сфотографировал едущий свадебный поезд. На то, что снят именно свадебный поезд с людьми, везущими сундук с приданым, указывает большое количество женщин. В поездку за невестой отправлялись накануне мужчины, женщин было всего две-три, в качестве свадебных песенниц. На фотографии видны три последние телеги свадебного поезда. Телега с сундуком с приданым невесты должна быть где-то впереди, потому что именно на этой телеге сидели сопровождающие сундук парни — 4–5 молодых людей.

Сфотографированы также и «выкупщики места» для приданого невесты (*koha-ostjaid* — особый свадебный чин на сетоской свадьбе. — Прим. ред.). До того как въехать в деревню, свадебный поезд остановился, как видно на фотографии, чтобы привести все в порядок, а пара мужчин верхом на конях отправились вперед на разведку, чтобы сообщить в доме жениха о прибытии свадебного короба и «выторговать» право въезда во двор. В имеющихся описаниях свадьбы можно обнаружить сведения о подобных персонажах свадебного поезда: «выкупщиках» или «казаках», но впервые их удалось запечатлеть именно Л. Зурову.

В случае с поющими на свадьбе женщинами было бы интересно знать, почему у Зурова имеется реплика: «...сето поют свадебные песни двумя хорами» (НМЕИ, Зуров I. Л. 9). Возможны две версии объяснения этой фразы. Первая предполагает, что Зуров наблюдал сетоскую свадьбу дольше, чем это отражено в его фотографиях, т. е. он видел уход из дома свадебного поезда жениха, или же уход молодых вечером первого дня. В последнем случае женщины исполняют своеобразную прощальную песню *hähkämine*, где первый хор начинает петь следующую строку раньше, чем второй хор успеваает закончить повторение предыдущего текста.

Более вероятной кажется все же вторая версия. Возможно, Зурова удивило, что на свадьбе поют по очереди, обращаясь друг к другу, два хора: в одном — родня невесты, в другом — жениха. Впрочем, мог участвовать и третий хор — зрителей или деревенских женщин. Очевидно, сетоская традиция — вести диалог между двумя родами с помощью песен — значительно отличалась от известной Зурову русской свадебной традиции.

На фотографии, где изображены проводы из дома жениха родни невесты, привезшей сундук с приданым, Зуров как свой успех отмечает, что ему удалось сфотографировать «свадебного кузнеца» (НМЕИ, Зуров I. Л. 37, 54). Действительно, одежда мужчины в центре фотографии свидетельствует, что он исполнял роль свадебного кузнеца (*pulmasepp*).

Верховые «выкупщики места» для приданого невесты едут «на разведку»
впереди свадебного поезда. Д. Поталово. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0017052. | МНБ

Свадебный кузнец среди сопровождающих короб с приданым невесты.

Д. Поталово. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0017061. | МНБ

Этот шуточный свадебный обряд разыгрывался в день привоза сундука с придаными: после молодоженов к «кузнецу» попарно подводили для того, чтобы «подковать» приехавших со свадебным коробом родственников невесты, но не родственников жениха. За услуги «подкованные» должны были расплачиваться деньгами. «Кузнецом» был кто-либо из родственников жениха. Обычно у него был помощник, который дымарем для пчел имитировал кузнечные меха, так как «кузнец» работал молотком на наковальне, «загибая» подкову по ноге, имитируя после этого подковывание лошадиного копыта. На имеющихся в различных архивах Эстонии фотографиях сетоской свадьбы «свадебный кузнец» обычно изображен во время «подковывания». Фотография Зурова является редкой еще и потому, что «свадебного кузнеца» удалось заснять сразу же после его «выступления» как одного из тех, кто провожает свадебный поезд родственников невесты.

Довольно длинное (строки 5012–5080) описание ритуала «подковывания» содержится и в упомянутом эпосе Анне Вабарна (Honko et al. 2003. Рр. 418–422). Эта шутка была известна и в некоторых других регионах Эстонии, однако не обладала такой популярностью.

■ ПОХОРОНЫ

Фотографии похорон, сделанные Зуровым и Вильде, выполнены не на сетоских похоронах, а на похоронах русского рыбака (см. CD-диск: MQB PF 0020672–PF 0020675)² и в Изборске (MQB PP0210345, PP0210349). Так как в материалах о сето имеется информация о поминании умерших на кладбище в день поминования, приведу здесь основные этапы сетоских похорон:

1. <i>koolõtaminõ</i>	— исход души;
2. <i>mõskminõ</i>	— омовение;
3. <i>lautsilõ/ kirstu panõk</i>	— положение во гроб;
4. <i>valvaminõ</i>	— карауление;
5. <i>arsaatminõ kotost</i>	— вынос гроба из дома;
6. <i>proovodi' ker'koh</i>	— проводы в церковь или церковное отпевание;
7. <i>matminõ</i>	— погребение;
8. <i>hanna pääl süüminõ</i>	— трапеза на могиле;
9. <i>pubtõ'</i>	— трапеза в доме покойного;
10. <i>mälebtämisõ'</i>	— поминки.

2. См. указанную выше статью А. Новожилова в настоящем издании.

Исполнительница причитаний по традиции опирается на могильный крест.

Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0210397. ■ МНБ

Описания сетоских похоронных обрядов сделаны в ряде статей на эстонском языке (напр. Manninen 1924; Richter 1982; Arpo 1996), по одной публикации на русском (Рихтер 1979) и на английском языках (Valk 2006). Наиболее полное поэтическое описание сетоских похорон дано в эпосе Анны Вабарна (Honko et al. 2003. Pp. 455–501). В текст обильно включены и похоронные причитания, сопровождающие разные этапы похорон. Это объясняется их важной ролью как в похоронно-погребальной, так и в поминальной обрядности сето (Pino, Sarv 1981). Причитывал кто-то из родственниц, с умершим здоровались и разговаривали с ним, причитая и обнимая крест. На фотографии экспедиции 1937 г. можно увидеть, что людей на других могилах нет, поэтому, скорее всего, запечатлен не всеобщий день поминовения. Причитывали и в обычные дни при посещении кладбища. В сетоской похоронной обрядности прочно укоренился обряд приема пищи на могиле. Зуров сфотографировал трапезничание на могиле в день Параскевы Пятницы (*päätnitsapäiv*) в Зачеренье (*Satserinna, Saats*). Помимо двух фотографий Зурова поминальную трапезу на кладбище в Печорах в шести случаях запечатлел и Б. Вильде (см. CD-диск: MQB PP0100787–PP0100792).

Поминальная трапеза на могиле в день Параскевы Пятницы — престольного праздника деревни Зачеренье; празднуется в последнюю пятницу перед днем св. Ильи-пророка (народные названия: Ильинская пятница — рус.; «räätņitsaräiv» — сето). Фотография Л. Зурова. 1937 г. MQB PF0016884. ■ МНБ

Памятным трапезничанием на кладбище почитали умерших в поминальные дни, которых в году могло быть несколько. Обязательно это делали хотя бы один раз в год, а именно в день престольного праздника той или иной церкви. И сегодня приносят еду на могилы и едят на Успение (28 августа) в Печорах, Юрьев день (6 мая) в Вярска/Верхоустье, день Преображения Господня (19 августа) в Обинитса/Овинчище, *Obinitsa*³, в Иванов день (24 июня) в Мегузицах/*Miikse*, день Параскевы Пятницы в Зачеренье и в следующее за Петровым днем воскресенье (*mõlapäiv*) на кладбище в Малах/*Mõla*. Фотографии о причитании на кладбище и трапезничании на могиле не являются редкими. Первые такие фотографии были сделаны финским фольклористом А. О. Вайсяйненем уже в 1913 г.

3. URL — режим доступа: <http://fotoalbum.ee/photos/uusvada/104317177>.

Поминовение усопших на кладбище возле церкви св. вмц. Параскевы

во время престольного праздника в д. Саатсе (Зачеренье).

Фотография Х. Валка. 2010 г.

Литература

- Рихтер 1979** ■ Рихтер Е. Некоторые особенности погребального обряда сету // СЭ. 1979. № 2. С. 116–128.
-
- Arpo 1996** ■ Arpo M. Noppeid setu vanade matiskommete kohta // PVP. 1996. Lk. 241–267.
- Hagu 1995** ■ Hagu P. Lamenters strategy in the performance of wedding laments // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. 1995. Vol. 51. Pp. 115–124.
- Honko et al. 2003** ■ The Maiden's Death Song & The Great Wedding. Anne Vabarna's Oral Twin Epic written down by A. O. Väisänen / Ed. by L. Honko in collaboration with A. Honko and P. Hagu. Helsinki: Suomalainen Tietekatemia, 2003.
- Hurt 1905** ■ Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. II. SKS, 104: 2. Helsingi: SKS, 1905.
- Manninen. 1924** ■ Manninen I. Setude matusekometest // Eesti Keel. 1924. S. 1. Lk. 10–19.
- Pino, Sarv 1981** ■ Pino V., Sarv V. Setu surnuitkud I, II / Toim I. Rüütel. // Ars Musicae Popularis, 2, III. Tallinn: Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1981.
- Richter 1982** ■ Richter E. Mõningaid arhailisi joo- ni setu matusekometes // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi / Koost ja toim J. Linnus. Tallinn: Valgus. Lk. 96–100.
- Valk 2006** ■ Valk H. Cemeteries and Ritual Meals: Rites and Their Meaning in the Traditional Seto World-View // Old Norse Religion in Long-Term Perspectives. Origins, Changes and Interactions / Ed. A. Andrén, K. Jennbert, C. Raudvere. Vägar till Midgård, 8. Lund: Nordic Academic Press, 2006. Pp. 141–146.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

713 Народная одежда, серебряные украшения
и текстиль сето в XIX–XX вв.

735 Изделия из текстиля и костюм русского
населения Печорского края

751 Рыболовство в Псковском Обозерья

3.7. Материальная культура

■ Народная одежда, серебряные украшения и текстиль сето в XIX–XX вв.

Маре Пихо ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

Традиционно сетоскую народную одежду включают в единую группу с одеждой Южной и Юго-Восточной Эстонии. Эту группу характеризует общность многих старинных черт и длительная сохранность очень старых форм одежды. На этих территориях долгое время сохранялись старинный тип головных уборов замужних женщин «линик» (*linik*) и геометрический орнамент (ERR 1957. Jn. 20). Украшения одежды из гарусной ленты были распространены и в граничащей с Сетомаа Южной Эстонии (ERR 1957. Jn. 26), так же как и женские наплечные покрывала XIX в. — шерстяные *sõba* (ERR 1957. Jn. 27). Одинаковым был тканый или вышитый красными нитками орнамент на рубахах. В Сетомаа носили общие с Эстонией серебряные украшения, но со значительными местными особенностями. Основным цветом сетоской народной одежды в начале XIX в. был белый, как и одежда русских из окрестностей Пскова того же периода, белорусов, северных латышей и эстонцев Харгла (ERR 1957. Jn. 49). Основная часть ареала распространения народного костюма южной Эстонии совпадает с ареалом южноэстонских диалектов (ERR 1957. Jn. 31). Среди народных костюмов южной и юго-восточной Эстонии сетоский комплекс составляет четко определяемую группу. Некоторые особенности одежды, в т. ч. уже упомянутые «линик» и серебряные украшения, сближали народную одежду сето также и с водско-ижорской одеждой (Рихтер 1961. С. 13).

■ РАЗВИТИЕ КОСТЮМА

На протяжении XIX–XX вв. в результате естественного развития сменилось три комплекса костюма. Комплекс, сформировавшийся в 1920-х гг., с некоторыми изменениями сохранился до сегодняшнего дня.

1. В первой половине XIX в. головным убором замужней женщины был полотенчатый «линик» (*linik*), концы которого спадали по спине до пояса. К концу «линника» пришивали вышитую кумачовую ткань, с выполненным на коклюшках бело-красным кружевом. Для придания голове требуемой традицией формы волосы заплетали в две косы, в которые вплетали ложные косы (*kaossa*¹) из обработанного льна. Их укладывали вокруг головы, а утолщенные части распределяли по краю волос на лбу. Получившиеся таким образом выпуклости называли «рогами». «Линик» повязывали вокруг головы, закрывая волосы и лоб, а поверх него — шерстяной наголовный пояс *päävii* (MNHN 37.48.5)¹. Девушки носили венок (*vanik*), а волосы заплетали в одну косу. Традиционной для этого комплекса являлась рубаха-долгорукавка *pikki käüstega hamõh* (MNHN 37.48.2), «Г»-образный вырез которой скрепляли у ворота маленькой фибулой. Длинные рукава сужались к запястью, их длина могла быть 75–135 см, ширина у запястья — 8–11 см. Непригодные для повседневных крестьянских работ, эти рубахи были ритуальными, и бытовали в течение XIX — первой половины XX в., претерпевая изменения не только в способе ношения, но и в функции. Прослеживается три способа их ношения и изменения функций в течение 150 лет от ритуального и праздничного до свадебной и погребальной одежды.

До середины XIX в. во время праздничных ритуалов длинные рукава рубахи оставляли свисать свободно, до земли. Способ ношения указывает, что эти рубахи в тот период использовались во время ритуальных танцев с поднятием рук. Финский этнограф И. Маннинен сравнивает эти рубахи с верхней одеждой русских бояр XVII в., у которой также были неестественно длинные рукава, которые в случае необходимости собирали в сборку на запястье. Обычно же их носили свободно свисающими, и они спускались ниже колен (Manninen 1927. Lk. 165).

Следует сказать, что эти рубахи настолько поразили исследователей, что другой тип рубах с широкими рукавами обычной длины они не заметили и не зафиксировали. Первым описал и зарисовал их финский этнограф А. О. Хейкель (Heikel 1909, II. Lk. 5). Этот первый тип рубахи с рукавами нормальной длины назывался «будничная» — «питя хамых» (*pitä² hamõh*). Второй

1. Машиннописные описательные карточки данной коллекции, составленные Б. Вильде, см. CD-диск: MNHN-Collections d'ethnologie 37.48-1– 17 (НМЕИ, этнологическая коллекция). Фотографии экспонатов, переданных в МЦЕиС см. CD-диск: phc-dmh1937-48-1-17.

Костюм замужней женщины-сето перв. пол. XIX в.

ERR 1957, jn. XVI

тип назывался «праздничная» — «армихамых» (*armihamõh*) (Ibid.). Ф. И. Видеман объяснил слово *armirõivas* как *Sonntagskleid* (Wiedemann 1973. S. 42), т. е. воскресная или праздничная одежда. Следует заметить, что названия этих рубах помнили переселенцы в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. (ПМА. Д. Хайдак Красноярского края РФ. 1988), а на основной территории расселения сето они были забыты, хотя именно здесь «армихамых» сохранилась вплоть до окончания бытования народной одежды.

На грудь прикрепляли небольшую фибулу, среди традиционных нагрудных украшений преобладали очень крупные серебряные бусы с подвесками листьевидной формы и длинные цепочки.

Согласно преданиям, в начале XIX в. в более ранний костюм сетоской женщины входила характерная для юго-восточной Эстонии нешпигая поясная одежда — своеобразная юбка «рюю» (*riiu*) (Kaarma, Voolmaa 1981). Ей на смену пришла новая форма верхней плечевой одежды, сходная по типу с прямым сарафаном (ERR 1957. Jp. 52), которую сето также называли «рюю» (*riiu*). На тканый поясок подвешивали полотенчатый набедренник «пуусарягт» (*puusarüt*). В прохладную погоду накидывали шерстяной наплечный платок *kõrik*. Летом носили белый полушерстяной кафтан «рябик» (*rübik*), зимой — шерстяной рябик и шубу из овчины. Все они были одинакового покроя и сохранились без изменений во время всех последующих периодов бытования народного костюма. На ногах носили длинные шерстяные носки и обувь из дубленой кожи — постолы.

Мужчины носили поверх штанов длинные (до колен) белые рубахи «хамых» (*hamõh*) двух типов: косоворотки (MNHN 37.48.7) и с прямым разрезом на груди, которые подпоясывали поясом. Летом надевали будничные белые, в праздники — полосатые льняные штаны. В холодное время года носили штаны из овчины.

Верхней одеждой были короткий шерстяной «пуульсарк» (*puulsärk*) (короткий, достигающий колен кафтан), длинный «сярк» (*särk*) и шерстяной «хярмак» (*härmäk*). Зимой носили длинные шубы «каск» (*kask*). На ноги надевали длинные орнаментированные носки (*kapuda*) (MNHN 37.48.9) и кожаные поршни.

2. Во второй половине XIX в. продолжал бытовать женский головной комплект с *linik*, к концам которого пришивали кружево нового типа, связанное крючком особой техникой из тонких шерстяных ниток разного цвета. На наголовный пояс, «пявяюю» (*päävüü*), дополнительно повязывали парчовый т. н. «золотой платок» — «кулдрягт» (*kuldrüt*), скатанный в трубочку. Сохранялись будничные рубахи «пштя хамых» (*pštä⁹ hamõh*) и праздничные «армихамых» (*armihamõh*). Их покрой был одинаков, но различался орнаментом. На рукавах будничных рубах была лишь красная полоска у манжет. У праздничных рубах тканый орнамент светло-красного цвета на рукавах был построен по принципу позитив-негатив, т. е. повторения орнамента из чередования красных и белых

мотивов. Рукава вдовьих рубах были белые, без орнамента. Такие рубахи также считались смертными/смеретяными — белый был цветом траура (Pih0 2000a. Lk. 2). В середине XIX в. изменился способ ношения рукавов у рубах-долгорукавок (*piketi käüstega hamõh*). Рукава стали собирать в сборки у локтя и запястья. Эстонский фольклорист О. Каллас, опираясь на свидетельство, полученное от сестры женщины в 1894 г., упоминает, что такие рубахи в 1880-х гг. надевали в церковь. Их по-прежнему считали ритуальными и включили в церковно-праздничный комплекс, куда входили и белые шелковые наголовные платки.

Во второй половине XIX в. произошли очередные изменения в способе ношения длинных рукавов. На уровне локтя по шву делалось отверстие, через которое продевали руку, а концы рукавов завязывали на спине в узел. Сменилась и функция ритуальной рубахи: ее теперь считали праздничной (ПМА. Д. Хайдак Красноярского края РФ. 1988). Носили глухой шерстяной сарафан темно-синего цвета «сукман» (*sukman*), который рассматривается как вариант русского женского сарафана (ERR 1957. Jn. 52). Набедренники начали исчезать, появились передники. Женская верхняя одежда оставалась прежней. Массивные серебряные украшения сменились на многорядные ожерелья с разнообразными подвесками. Размер нагрудной фибулы начал увеличиваться.

В мужской одежде появились элементы городского костюма. Среди них — кожаные сапоги, изготовленные печорскими сапожниками, и шляпы, купленные в южной Эстонии.

3. В начале XX в. в женской одежде сохранился комплект головного убора с «линником». Но короткие «линник» сменились длинными «пикя линигу» (*pikä² linigi*), концы которых достигали нижнего края сарафана. К концам линника пришивали теперь тканую шерстяную полосу темно-красного цвета с белым, связанным крючком кружевом. На линник повязывали широкий наголовный пояс и «золотой платок» — «кулдрятт» (*kuldrätt*), который в середине XX в. сменился на широкие повязки, вышитые бисером. Голову покрывали белыми и разноцветными шелковыми и шерстяными платками.

Носили рубахи с рукавами нормальной длины (*pitä hamõh* и *armihamõh*). Праздничная «армихамых» с некоторыми изменениями сохранилась в костюме до сегодняшнего дня. Геометрический орнамент на женских рубахах, который раньше чередовался по принципу позитива–негатива (красное–белое) (Пихо 2001. С. 414), сменился в 1930-е гг. на растительный, который начали ткать в позитивном исполнении. Светло-красный колорит орнамента сменился на темно-красный разных оттенков (Pih0 2000. Lk. 2–10). Геометрический орнамент сохранился только на поясах.

Вошли в употребление покупные шерстяные наплечные платки и большой платок «суур рятт» (*suur rätt*).

На заключительном этапе бытования рубахи-долгорукавки оставались свадебными и смертными. Но сохранившиеся рубахи-долгорукавки использовали и в

Женский и мужской костюмы сето перв. пол. XX в.

■ Kaarma, Voolmaa
1981. Lk. 195

особых ситуациях, связанных со старинными ритуалами. В описании Иванова дня в Мегузидах в 1937 г. Зуров пишет: «Девушки подплясывали и, гикая, кружились у костра, взмахивая белыми рукавами» (Зуров 1994. С. 25).

Сарафан «сукман», шили из черной шерстяной ткани, нижний край украшали красной каймой «пудсу» (*pudsu*). Одноцветные шерстяные передники в 1930-х гг. сменились шпITYми из фабричных тканей шелковыми с цветочным узором. Верхней одеждой оставался кафтан «рябик» (*räbik*), спину которого украшали двумя плетеными орнаментированными узлами из гарусного шнура красного и зеленого цвета.

Женщины сето на ярмарке в Печорах в белых кафтанах (*röbik*), украшенных сзади отделкой из шнура. Вдоль спины свисают концы головного пояса (*roäñvü*). Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP 0210364. ■ ИМБ

Узел считали защитой от «дурного глаза» (Piho 2006. Lk. 345–359; Пихо 2009. С. 449–455). Плетеным узлом украшали также спину шубы.

Из украшений носили многорядные ожерелья с многочисленными подвесками разной формы и царскими монетами. Нагрудная фибула достигла максимальных размеров.

Мужчины полностью перешли на городскую одежду.

Всеобщее бытование народной одежды **завершилось в середине XX в.:** она стала одеждой фольклорных ансамблей. Однако начиная с 1990-х гг. заметно повысился статус народного костюма. В последнее десятилетие XX в.

Сетоский народный костюм в XXI в.

а — председатель Союза волостей Сетомаа Маргус Тиммо (слева) и староста Вярской волости Рауль Кудре на новогоднем празднике сетоских волостей.

Фотография А. Раудоя. 2014 г.;

б, в — дети во время празднования фестиваля «День Королевства сето» в селе Вярска.

Фотографии М. Пихо. 2013, 2016 гг.

его стали носить во время народных праздников и торжественных событий, в том числе мужчины и дети, а также — изготавливать новую традиционную одежду.

**Встреча представителей
Союза волостей
Сетомаа и наместника
Короля сето
с президентом
Эстонии Тоомасом
Хендриком Ильвесом.**

22 декабря 2010 г.
Фотография Канцелярии
президента Эстонской
Республики

Изготовление ткани для шерстяного наплечного покрывала
в культурном центре села Вярска. Фотография А. Раудои. 2012 г.

Пожилая женщина и девушка в народных костюмах.

На обеих надеты нагрудные украшения, типичные для их возраста. Деревня неизвестна. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0210421. ■ МНБ

Женщина в народном костюме сето. На голове — полотенчатый убор (*linnik*). На груди — полный комплект украшений замужней женщины с большой фибулой (*suur sõlg*). Деревня неизвестна. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0210456. ■ МНБ

■ СЕТОСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Для культуры сетоских женщин характерно обилие серебряных украшений. В комплекте замужней женщины могло быть 20–22 украшения различного типа (Пихо 1997. С. 16). На протяжении XIX–XX вв. известно три параллельно действующих системы ношения украшений, основанные на территориальном, временном и возрастном принципах (Пихо 1997. С. 13–16). В течение этого периода происходили значительные изменения в комплектах украшений, т. е. в разное время носили разные украшения. Приход новых и «уход» старых украшений был длительным процессом; известно восемь сменивших друг друга комплектов (Пихо 1997. С. 15). Большие изменения произошли с возникновением Эстонской Республики после 1920 г. Началось массовое изготовление новых украшений из царских серебряных монет. Их называли «денежные, из денег» (*rahadsõ*). В одном из *rahadsõ* было 379 монет (Пихо 1997. С. 12).

Сетоские женщины разных возрастных групп носили разные комплекты украшений; можно выделить шесть возрастных групп (Piho 1992. Lk. 77, 78; Пихо 1997. С. 15–17; Piho 2001. Lk. 5–10).

1. Дети до 5 лет поверх одежды носили крестик, полученный во время крещения, и спрятанную в швах одежды английскую булавку, которую считали защитой от злых духов.

2. Девочки с 5 до 10 лет надевали подаренную матерью или бабушкой цепочку и маленькую фибулу, скрепляющую ворот рубахи.

3. Девочки с 10 до 14 лет получали в подарок от матери или бабушки длинные цепочки, на которых в зависимости от достатка семьи было несколько монет и подвесок. Носили колечки, полученные на свадьбах: невеста бросала девочкам в подарок пригоршни колец, эти кольца надевали на все пальцы кроме среднего пальца правой руки, который считался пальцем, предназначенным для венчального кольца.

4. Девушки с 15 до 18 лет считались невестами. Их комплект отличался особым обилием многообразных подвесок, украшенных в технике скани и зерни и цветными вставками. Они носили много перстней.

5. Самым большим по составу был **комплект украшений замужней женщины**, весом до 2–4 кг. Главным отличием комплекта было ношение большой нагрудной фибулы выпуклой формы — «суур сылы» (*suur sõlg*), которую члены других возрастных групп не носили. Она была важнейшим украшением, признаком женщины фертильного возраста и поражала своим размером и выпуклостью (Piho 1996. Lk. 338–342). Право ношения «суур сылы» женщина получала на свадьбе, что публично маркировало изменение ее социального статуса.

Употребляли также большое количество многорядных цепочек разного плетения с разнообразными подвесками. Браслеты носили на обеих руках,

На свадьбе в деревне Поталово: группа сето в костюмах и комплектах украшений замужних женщин фертильного возраста, в центре — молодуха.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017055. ■ МНБ

венчалное кольцо на среднем пальце правой руки. Молодухи до рождения первого ребенка в будние дни носили цепочки, на которых не было подвесок. Их называли «голые цепочки», «палья кееди» (*pälja keedi*). Поскольку этот комплект отличался и был визуально узнаваем, у мужчин была поговорка: «Молодуху по цепочкам узнаешь» (Pihõ 2001, 9; Pihõ 2014, 72–73). Большое внимание обращали и на звук, издаваемый большим количеством подвесок на украшениях, что отражает древние представления о магическом значении звука (Pihõ 1997. Лк. 17–19; 2001). Мужчины говорили: «Женщину сето сначала услышишь, потом увидишь».

6. Пожилые женщины (вышедшие из детородного возраста) и старухи носили минимальное количество украшений. В этот период большая фибула «суур сыльг» навсегда уходила из их комплекта. Жизненный круг женщины завершился, она могла носить одну цепочку, как когда-то в детстве. Лишь во время небольших семейных событий надевали две-три цепочки с разными подвесками. Вдовы украшений не носили, только венчалное кольцо на среднем пальце левой руки.

У мужчин было три возрастные группы. **Мальчики** скрепляли ворот рубахи маленькой фибулой, **юноши** 16–18 лет носили кольца и перстни, эта была группа женихов. **Женатые мужчины** носили серьгу в одном ухе.

В настоящее время следует особо отметить повышение семиотического статуса серебряных украшений. Молодое поколение заново оценило и переосмыслило их особую важность в сохранении традиций и в качестве семейных реликвий (мемориальный статус). Сейчас девушки сето дополняют модную городскую одежду старинными цепочками с небольшими подвесками.

■ УКРАШЕНИЯ В ОБРЯДНОСТИ

Как и в других традиционных культурах, центральную роль в обществе сето играли рождение человека, женитьба/замужество и смерть. В этих переходных ритуалах серебряные украшения занимали особенно важное место. Во время родов на край кровати роженицы помещали большую фибулу «суур сыльг» и топор. Если рождалась девочка, пуповину перерезали на фибуле, если мальчик — на топоре. В воду для мытья мальчика опускали серебряную цепочку и обручалное кольцо матери, в воду для девочки — также и большую фибулу «суур сыльг».

Из боязни «дурного глаза», а еще больше — власти и влияния чужеродки, перед приездом невесты в дом мужа с нее снимали все украшения. Их приносила в дом мужа крестная мать невесты. Очевидно, считали, что невеста теряет защиту своего рода и возможность причинить новой родне вред,

Замужняя женщина в праздничной одежде (слева) и пожилая женщина (справа) в рубахе без орнамента во время семейного праздника. Мужчина в городской одежде. Д. Мегузицы. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0017043. ■ МНБ

который передавался через серебряные украшения, и приходила в новый дом «чистой». Верили, что большая фибула «суур сыль» способствует любви и деторождению: бездетная женщина спала с ней на груди, также как и женщина, которая хотела вновь завоевать любовь мужа. Водой, пропущенной через отверстие в «суур сыль», поили домашних животных, чтобы увеличить приплод.

В траур украшения не носили. Во время поминальной трапезы все украшения рано умершей девушки-невесты и замужних женщин фертильного возраста подвешивали к надмогильному кресту, который считался заменителем невесты. Украшения во время траура считались «умершими» и их не надевали. В этот период украшения «прощались», «сопровождали» и «охраняли» умершую в мире предков, т. е. повторяли судьбу их владелицы. Мысленный временный «уход» украшений завершался с окончанием траура. По пути в мир иной «суур сыль» служила лодкой, а застежка — веслом. Считалось что после этого заканчивалась и ритуальная смерть украшений (Пихо 1997. С. 18, 19).

Сведений о захоронениях с большой фибулой нет. Каким бы реальным не казался сето мир иной, для него характерна определенная неполнота: хотя там делали те же самые работы, влюблялись, сватались и даже женились, продолжавшие там жить люди не рожали, т. к. миру иному чужды плодородие и развитие. Поэтому фибула как символ плодородия и продолжения рода там не нужна (Пихо 1997. С. 17–19).

■ ТЕКСТИЛЬ СЕТО В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА

А. Зуров и Б. Вильде во время экспедиций в 1937–1938 гг. не приобрели ни одного ювелирного украшения, очевидно из-за их высокой стоимости, но собрали 24 предмета сетоского текстиля, в основном одежды и ее фрагментов. В собранной коллекции — две женских рубахи (*hamõh*), семь фрагментов женских рубах, один наголовный пояс, три пояса и пять концов «линика» с кружевной каймой, выполненных в разной технике. В комплексе мужской одежды: рубаха, штаны и шерстяные орнаментированные чулки. В коллекции имеется образец льняной полосатой ткани для матраса. Знание языка сето дало Б. Вильде возможность фиксации названий и деталей одежды, что зафиксировано на его рисунках. Предметы собраны в деревнях Поталово/*Potalova*, Сорokino/*Sorokina*, Саурово/*Saurova*, Селище/*Selissä*, Хельби/*Helbi*, Хельбиково, Калугино/*Koluga*, Туплево/*Tupl'ina* и Малое Тростно/*Väiko-Rõsna*. Из предметов одежды следует выделить ритуальную женскую рубашку-долгорукавку (*pikki käüstega hamõh*) (см. MNHN 37.48.2; ср. ERR 1957, табл. XVII). Б. Вильде получил ее в д. Хельби в 1937 г. (илл. на с. 727). Рубахи

шили из трех льняных тканей разного типа. Он записал названия орнамента и частей рубахи: верхняя — *särgi imä* («мать рубахи»), нижняя — *särgi alonõ* («низ рубахи»). Низ рубахи частично отрезан, что не было препятствием считать ее смертной рубахой.

Уникальной эту рубаху делает окантовка прорези на рукавах для продевания рук (на уровне локтя) каймой из кумача. Подобные прорези или отверстия на рукавах рубах-долгорукавок, отороченные тканью красного цвета или вышивкой, встречаются чрезвычайно редко. Такая маркировка свидетельствует о важности выделяемого места и высоком семиотическом статусе самой рубахи. Вероятнее всего, она принадлежала целительнице, колдунье или повитухе. Их руки считались «особенными».

В пояснениях Б. Вильде пишется, что ее надевали, когда хозяйка подавала гостям еду за столом. Тогда руки просовывали через отверстия (*mulke*), а концы рукавов завязывали в узел на затылке или на спине: «Чтобы было удобней работать и обслуживать гостей, рукава просовывали в прорези *mulke* и завязывали концы рукавов либо сзади на затылке, либо за спиной».

Следует особо отметить, что подобных рубах-долгорукавок с вышивкой или каймой у отверстия рукава в музейных коллекциях насчитывается лишь несколько экземпляров. Приобретение столь редкой рубахи — очень большая удача собирателя. Б. Вильде записал, что 50–70 лет назад эти рубахи были праздничными и сохранялись как смертная одежда. Женщина также продемонстрировала Б. Вильде два способа ношения этих редких рубах. Вторая женская рубаха (MNHN. 37.48.1) — праздничная «армихамых» (*armihamõl*) более позднего происхождения. У рубахи широкие рукава обычной длины. Б. Вильде сделал отметку, что это модная рубаха. Мужскую рубаху-косоворотку (*hamõl*) старого типа (MNHN. 37.48.7.) носили еще в конце XIX в. Б. Вильде пояснил, что это рубаха юношей «пойсса хамых» (*poissa hamõl*). Она украшена геометрическим орнаментом, который расположен на воротах рубахи, по подолу, на концах рукавов и подмышками. Особенность декорирования этой рубахи заключается в том, что расположенный в разных местах орнамент был различным. Б. Вильде сделал также схематический рисунок с названиями отдельных частей рубахи (см. описательную карточку сетоской мужской рубахи в статье К. Паюсалу «Язык сето» в настоящем издании на с. 426).

Мужские шерстяные носки с широкой орнаментированной полосой (MNHN 37.48.9) связаны в 1914 г. старым способом: у них не вывязана пятка. В начале XX в. такие носки входили только в комплект свадебной одежды, поскольку в то время мужчины носили уже кожаные сапоги.

Отдельную группу коллекции образуют вышивки концов «линика» (MNHN 37.48.4). Для их тканья использованы в основном белая, а также синяя, желтая и зеленая льняная или хлопчатобумажная нити. Орнамент состоял из креста, косоугольного креста и квадрата, который в некоторых орнаментах

Старинная сетоская женская рубаша-долгорукавка.

Д. Хельби. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г.
Кол. MNHN 37.48.2 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

ставился на угол (Linnus 1973. Lk. 45). Геометрический орнамент музейного «линика» (MNHN 37.48.4) состоит из трех мотивов, из которых два повторяются: в центральной части — косой крест и по обе стороны от него — один четырехконечный крест. Концы «линика» украшает коклюшечное кружево из красной и белой ниток — «пило» (*pilo*). Концы «линика» могли иметь и другие схемы (MNHN 38.170.57).

Следует особо отметить, что небольшая по численности коллекция текстиля, преимущественно предметов костюма, собранная Б. Вильде, отражает характерные черты и показывает основные тенденции развития народной одежды сето XIX — первой половины XX в. Рисунки с детальными названиями и тщательно записанные ценные и редкие устные сведения получены главным образом от пожилых женщин, носительниц культуры второй половины XIX в. Успеху послужила и большая подготовительная работа перед экспедицией.

В заключение следует сказать, что весь сетоский костюм XIX–XX вв. повторяет общие тенденции изменения в материале, колорите и технике ткачества, вышивке и вязании кружева.

37.48.2

- 1) ESTONIE. S e t u m a a. Village Helbi.
- 2) Chemise de femme à manches longues: *piki kãustega hamã*.
- 3) En deux parties cousues à la taille. (Hauteur totale: 97cm.) La partie inférieure est en toile à sac écrue. (Hauteur: 57, ampleur du bas 152cm.) Faite d'une seule bande de toile avec une couture sur le côté gauche. Pas d'ourlet, lisière. La partie supérieure en toile plus fine, plus serrée est formée de deux bandes réunies par une couture verticale au milieu du dos et par devant. Une large bande rouge dans le tissu se trouve à la hauteur des épaules et va d'une manche à l'autre. L'encolure y est découpée. Une fente va de l'encolure par devant jusqu'à 10cm. de la taille. Elle (l'encolure) est bordée d'un petit galon, fait de 3 petites brosses aux couleurs rouge et blanc mélangées et qui se prolonge d'une dizaine de cms pour former un cordon de fermeture de col. Manches montées en découpe en toile écrue fine, élargies par une pointe ont 30 cm d'ampleur à l'épaule et se prolongent en fuseau jusqu'au poignet qui n'a que 20 cm. Longueur: 150 cm. Une seule couture à la partie inférieure, interrompue (à 45cm du dessous du bras) pendant 15cm par une fente *mulk* brodée d'un grossier point de boutonnière au fil rouge. Au poignet la manche se termine par un simple ourlet, précédé d'une bande rouge d'un cm, à dessin géométrique "croix gammées fendues". Du côté des épaules, elle se termine par une bande transversale, ornementale tissée de rouge et de blanc, large de 85cm, formée: 1/ de plusieurs rangs de points rouges et blanc 2/ d'une bande de "moulin à vent" obtenus par des "pattes d'oie" et des "fenêtres". Après cette bande se trouve une autre bande large de 3cm en grosse dentelle de fil rouge et blanche. La couture raccorde cette dentelle au corps

Машинописная описательная карточка рубахи-долгорукавки.

Научное описание рубахи, сделанное Б. Вильде.

Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MNHN 37.48.2. ■ НМЕИ, Этнологическая коллекция

1) Эстония. Сетумаа. Деревня Хельби.

2) Женская рубашка с длинными рукавами: *piki kãustega hamã*.

3) Состоит из двух кусков, сшитых на талии. (общая длина 97 см). Нижняя часть сшита из грубого небеленого холста (длина 57 см, ширина нижней части 152 см). Сделана из одного цельного куска холста со швом, расположенным на левом боку. Подрубленной каймы нет, кромка. Верхняя часть сшита из тонкого плотного холста, лучше подогнана, состоит из двух полотнищ, соединенных вертикальными швами посередине спины, сзади и (по середине линии груди. – Прим. ред.) спереди. На уровне плеч выткана широкая красная полоса, она идет от (проймы. – Прим. ред.) одного рукава к (пройме) другого. Там был вырезан ворот. Спереди от ворота идет глубокий нагрудный разрез, заканчивающийся на 10 см выше линии талии. Ворот обшит мелкой тесьмой, выполненной из 3 маленьких шнуров смешанных красного и белого цветов, которая продлена примерно на 10 см, образуя завязку ворота. Вшитые рукава выкроены из тонкого небеленого холста, увеличенные с помощью клина ластовицы, шириной 60 см у плеча, они удлинены до запястья благодаря полотнищам длиной не более 20 см. Длина рукавов 150 см. В нижней части, на расстоянии 45 см от рук, цельный крой прерывается круглой пуговичной прорезью *mulk* длиной 15 см, украшенной вышивкой, выполненной грубыми стежками красными нитками. На запястье рукав заканчивается простым подрубленным краем, над которым располагается красная полоса шириной 1 см с геометрическим орнаментом «бегущий крест» (свастика). У плеча он украшен поперечной декоративной полосой вытканной красными и белыми нитками шириной 85 см, образованной: 1) множеством рядов красных и белых точек на красном фоне; 2) рядом «ветряных мельниц», составленных из «гусиных лапок» и «окон». Под этой полосой проходит еще одна шириной 3 см из грубого кружева, связанного из красных и белых ниток. Это кружево соединено с основой рубашки с помощью шва.

37.48.2 (suite)

- de la chemise, est cachée par une bande de toile rouge appliquée et finement brodée au point de croix, blanc, bleu et jaune.
- 4) Ces chemises ne sont plus d'usage courant depuis 60-70 ans. Certaines vieilles femmes en ont encore qu'elles gardent pour y être ensevelies. C'était un vêtement de fête. Normalement, on enfila les manches qui font sur l'avant-bras une quantité de plis. Pour travailler, servir les invités, on passe les bras dans les fentes "mulk" et on noue les bouts des manches soit sur la nuque, soit derrière le dos. On ne trouve pas de chemise pareilles dans les autres régions de l'Estonie, mais on en trouve en Russie (par ex. dans la région de Smolensk).
- 5) Setu, cercle dialectal d'Obinitse. Chemise portée par Efmia Legri (la dernière fois, il y a 30 à 40 ans). Faite par la grand-mère de son mari il y a 75-80 ans.
- 6) Mission Vildé 1937.
- 7)
- 8) Cf. Ep. 38.595, 38.596, 38.597.
- 9)
- 10) Vildé, Mars 1939. Cf. pour le dessin: E. H. Kletnova: Simvolika narodnyh ukras Smolenskogo kraja. Smolensk 1924. (en russe).

скрытого благодаря, вставке из полосы красного холста с изящной вышивкой крестом, выполненной белыми, голубыми и желтыми нитками.

4) Эти рубашки перестали носить в 70-80-х гг. (19 в.) вот уже как 60-70 лет. Они все еще есть у некоторых старых женщин, которые хранят их, для того, чтобы быть в них похороненными. Это была праздничная одежда. Обычно рукава носили с напуском, так что они образовывали складки на предплечьях. Чтобы было удобнее работать и обслуживать гостей, руки просовывали в прорези *mulk* и завязывали концы рукавов либо сзади на шее, либо за спиной. Подобных рубашек не было обнаружено в других областях Эстонии, но они были найдены в России (например, в Смоленской области).

5) Сету, диалектная область Обинитсе. Рубашку носила Ефимия Легри (последний раз 30 или 40 лет назад). Была шита бабушкой ее мужа 75-80 лет назад.

6) Экспедиция Вильде 1937 г.

7) [не заполнено]

8) ср. Ep. 38.595, 38.596, 38.697

9) [не заполнено]

10) Вильде, март 1939 г. Ср. с рисунком Е. Н. Клетновой «Символика народных украс Смоленского края». Смоленск, 1924 на русском языке.

1) Фотография 1.

Рукава с напуском.

2) Руки продеты в прорези *mulk* и концы рукавов завязаны сзади на шее.

Фотографии Ефимии Легри, владелицы рубахи-долгорукавки, демонстрирующей способы ее ношения, на оборотной стороне машинописной описательной карточки. MNHN 37.48.2. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MNHN № 37.48.2. ■ ИМЕИ, Этнологическая коллекция

Большая часть как женской, так и мужской одежды в XIX–XX вв. была белой. Одежду белого цвета сетоские женщины считали данной им Божьей Матерью (*Pühä Maar'a*). Доминирующими в орнаменте были разные оттенки красного цвета. Более ранний орнамент был выткан из тонкой шерстяной пряжи светло-красного цвета, так называемых «рижских ниток» (*riia lang*), привозимых из Риги. Позднее колорит сменился на разные оттенки темно-красного (Piho 2000a, Лк. 10). В ткачестве сето господствует позитивно-негативный прием исполнения, т. е. деление орнаментальных полос на квадратные розетки, в которых орнамент позитивно-негативно повторяется в цвете (красно-белый). Подобное построение орнамента характерно для всего сетоского традиционного тканого орнамента (Пихо 2001. С. 414).

Л. Зуров и Б. Вильде во время фотографирования не проявляли повышенного внимания к сетоской одежде. Но они зафиксировали то время, когда бытование женской народной одежды накануне исчезновения аграрного общества было еще всеобщим. На фотографиях мы видим женщин и мужчин в разных ситуациях, одетых в костюмы, которые носили в конкретное время в конкретной деревне в 1937–1938 гг. Хотя фотографии народной одежды и не несут новой информации, они прекрасно дополняют сделанные другими исследователями и фотографами снимки сето в народной одежде.

Архивные документы и литература

- Зуров 1994** ■ Зуров А. Отчина: сказание о Псково-Печерской обители. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
- Пиho 1997** ■ Пиho М. Металлические украшения сету XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. Рукопись диссертации хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Пиho 2001** ■ Пиho М. О некоторых процессах развития орнамента в ткачестве сету // *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum: 7.–13.9.2000. Tartu. Pars VII. Dissertationes sectionorum: folkloristica ethnologia.* Tartu, 2001. Lk. 414, 415.
- Пиho 2009** ■ Пиho М. О плетеном орнаменте в археологии и сетуской этнографии (взгляд этнографа) // *Stratum plus. Культура, археология, антропология. Русское время.* № 5. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 449–456.
- ПИМА** ■ Полевые материалы автора (А. Хайдак Красноярского края РФ). 1988. Хранятся в ЭНМ.
- Рихтер 1961** ■ Рихтер Е. В. Материальная культура сету в XIX — начала XX в. (к вопросу об этнической истории сету). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Таллин, 1961.
-
- ERR 1957** ■ *Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult* / Toim N. Moora. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1975.
- Heikel 1909** ■ Heikel O. A. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. (Ethnographische Forschungen auf dem Gebiete der Finnischen Völkerschaften, II. Kansatieteellisiä julkaisuja, IV.) Helsingfors: Finsk-Ugriska Sällskapet, 1909.
- Kaarma, Voolmaa 1981** ■ Kaarma M., Voolmaa A. *Eesti rahvarõivad.* Tallinn: Eesti Raamat, 1981.
- Linnus 1973.** ■ Linnus H., tikand eesti rahvakunstis, II. Lääne-Eesti ja Lõuna-Eesti. Tallinn: Eesti Raamat.
- Manninen I. 1927.** ■ *Eesti rahvariete ajalugu.* (ERM Ar, III.) Tartu: ERM.
- Piho 1992** ■ Piho M. *Weiblicher Metallschmuck der Setukesen des 19. — Mitte des 20 Jh.* // ERM Ar. 1992. XXXIX. Lk. 72–87.
- Piho 1996** ■ Piho M. *The Setuan Breast-plate «suur sõlg»* // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Etnologica & Folkloristica Moderatores* / Red. H. Leskinen et al. Jyväskylä, 1996. Lk. 338–342.
- Piho 2000a** ■ Piho M. *Punane ja valge. Setud. Värv ja kultuur* / Red and White. *The Setus. Colour and Culture.* Tartu: ERM, 2000.
- Piho 2000b** ■ Piho M. *Seto Silver Decorative Jewellery in the Context of Town Culture. — On Rural and Urban Areas.* (Pro Ethnologia, 9. Publications of Estonian National Museum.) Tartu, 2000. Lk. 49–60.
- Piho 2001** ■ Piho M. *Setu ehted / Setu Silver Ornaments.* Tartu: ERM, 2001.
- Piho 2003** ■ Piho M. *Setude ehted 17.–19. sajandil* // SK, 1. *Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost.* Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2003. Lk. 183–209.
- Piho 2006** ■ Piho M. *Sõlmornamendist, eriti muinaskäevõrudel ja setu naiste ülerõivastel* // *Etnos ja kultuur.* Uurimusi Silvia Laulu auks. Koost ja toim Heiki Valk. (Muinasaja teadus, 18.) Tartu; Tallinn: TÜ arheoloogia kabinet AI, 2006. Lk. 245–265.
- Piho 2014** ■ Piho M. *Seto hõbeehted Seto Talumuuseumi kogudes. Seto Silver Jewellery in the Collections of the Seto Farm-Museum—Seto Talumuuseum.* (Setumaa muuseumid, II.) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: Seto Talumuuseum, 2014. Lk. 69–90.
- Wiedemann 1973** ■ Wiedemann F. J. *Eesti-saksa sõnaraamat. Neljas, muutmata trükk.* Tallinn: Valgus, 1973.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

713 Народная одежда, серебряные украшения
и текстиль сето в XIX–XX вв.

735 Изделия из текстиля и костюм русского
населения Печорского края

751 Рыболовство в Псковском Обозерье

■ Изделия из текстиля и костюм русского населения Печорского края

Изабелла **Шангина** ■

Изделия из текстиля и одежда, описанные в этой статье, являются частью обширной коллекции Л. Ф. Зурова и Б. В. Вильде, скомплектованной ими в 1937 и 1938 гг. в деревнях Печорского уезда (Петсери) Эстонской Республики, ныне входящих в состав Печорского района Псковской области Российской Федерации. В состав этого собрания, насчитывавшего 361 предмет, кроме текстильных изделий и одежды русских вошли также предметы одежды сето и многие предметы русского быта: куклы — из соломы и деревянная, конь-каталка и резной коник, лодка с парусом, саночки-дровни; столовая утварь (токарные ложки, долбленные ковш и миска, единичные предметы для приготовления и хранения пищи — мутовка, солонки из корня, короб для хлеба) и корзинки, плетеные из бересты, щепы и корня, а также орудия озерного рыболовства¹.

Коллекция русских изделий и предметов одежды представлена 228 единицами хранения, собранными в 13 деревнях, представляющих собой в основном единый куст деревень, расположенных в 12–15 км от г. Печоры. Это деревни Веселкино, Воронкино, Горончарово, Дятлово, Кашино, Потолово, Прудиче, Русский Бор, Рагозина гора, Наталкино, Тайлово, Уланово, Лезги². Наиболее интересными среди них являются полотенца и их фрагменты (32 предмета). В аннотациях, составленных к ним Л. Ф. Зуровым, имеются указания на их местные названия: «рушник», «личник», «утиральник», «гвоздевое полотенце», «личник образный», «образное полотенце», «образник», «образник», «большое образное», «боговое полотенце», «боговик»³.

Полотенца изготовлены из белого льняного полотна, выполненного в технике простого полотняного переплетения. Их длина колеблется от 200 до

1. См. статью Н. Лаанету «Рыболовство в Псковском Обозерье», с. 751 в настоящем издании.
2. См. в топонимическом указателе сетоские названия этих деревень, большинство из которых были в XIX в. русско-сетоскими или же сетоскими.
3. Эти термины не являются чем-то оригинальным для Печорского края, они известны во всех деревнях Европейской России.

Полотенца на икону — «образники» из деревень Тайлово (а), Рагозина гора (б), и Веселкино (в). Экспедиция Л. Зурова. 1938 г. Кол. MNHN 1938170-13,4,9 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

Свадебное полотенце (г). Д. Наталкино. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г. MNHN 1938-170-5 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

318 см, ширина — от 20–31 см или, реже, 36–42 см. Декоративное оформление составляют вышивка, кружево, связанное крючком из белых хлопчатобумажных нитей, иногда — узенькая мережка, одна или две полосы красной хлопчатобумажной ткани. Все эти элементы убранства располагаются на концах полотенца, или горизонтальными полосами по всему полотнищу ткани. Вышивка выполнена на белом фоне двусторонним швом, роспись — красными хлопчатобумажными нитями с небольшим вкраплением синего цвета, преобладающий орнамент — сильно геометризованный изобразительный. Основными мотивами являются стилизованные женские фигуры с поднятыми или опущенными руками, деревья, птицы и кони со всадниками (одно полотенце).

Большую часть полотенец Л. Ф. Зуров датирует рубежом XVIII–XIX вв., а некоторые даже концом XVII — началом XVIII в. Последняя датировка вызывает определенные сомнения: собиратель основывается на сведениях, полученных от владельцев полотенец, утверждавших, что они принадлежали или же были изготовлены их предками. Однако анализ нитей, использовавшихся при вышивании, говорит о том, что полотенца не могли быть вышиты ранее середины XIX в. Орнамент выполнен красными хлопчатобумажными нитками фабричной крутки, получившими распространение в русском народном быту лишь со второй половины XIX в. До этого времени вышивка исполнялась шерстяными, шелковыми и льняными нитями.

Во время экспедиции Л. Ф. Зуровым был собран богатый фактологический материал, свидетельствующий о том, что еще в 1930-е гг. полотенца, украшенные вышивкой, рассматривались местным населением как предметы ритуального назначения. Они являлись атрибутами свадебных, погребально-поминальных обрядов, применялись в ритуалах лечебной и предохранительной магии (НМЕИ, Зуров I. А. 36–38).

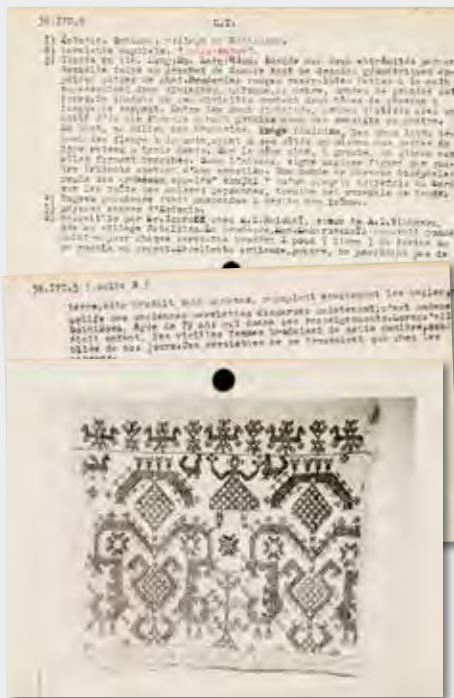
Л. Зуров приводит множество примеров использования полотенец для излечения от болезней, увеличения плодовитости скота, защиты от злых сил и благодарности Богу за избавление от несчастий. Такие полотенца носят в русской народной традиции название «заветных» (т. е. данных по завету-обещанию. — И. Ш.). Он фиксирует старинные ритуалы перепоясывания полотенцами свата и свадебного дружки, благословения ими молодых, а также украшения стен дома во время свадебного пира. Кроме того, он указывает на традиционный обычай закрывать полотенцем глаза умершего, нести на полотенцах гроб на кладбище и расстилать его на могилах во время поминальной трапезы (НМЕИ, Зуров I. А. 37, 39). Убедительным доказательством «святости» полотенец Л. Зуров считал обязательное украшение ими домашних икон. Согласно народным представлениям, полотенца наполняются Божьей благодатью, исходящей от икон, и тем самым становятся в глазах людей священными, обладающими обережными свойства-

ми (Маслова 1978. С. 7–15). По мнению собирателя, выявленная им связь полотенец с древними ритуалами указывает на то, что мотивы, вышитые на них, являются художественным воплощением каких-то очень древних мифологических представлений. Л. Ф. Зуров, опираясь на исследования археолога В. А. Городцова (Городцов 1926)⁴, предположил, что это могли быть мифы о Великой Богине Матери «небесной покровительнице праславян», аналогичные культу богини плодородия Иштар (у Зурова — Анахита) в древних городах Северного и Южного Двуречья или Астарты — древнесемитского божества плодородия (НМЕИ, Зуров I. Л. 37–39). Однако аргументы, приведенные автором в пользу своей гипотезы, с современной точки зрения выглядят неубедительно. Попытка же Л. Ф. Зурова выяснить архаичную символику орнамента у населения Печорского края оказалась неудачной. Его информанты не знали смысла сюжетов, вышиваемых ими на полотенцах, и не видели их связи с ритуальными действиями, в которых эти полотенца участвовали.

Ткани, собранные Л. Ф. Зуровым, столь же интересны, как и полотенца. Они представляют собой небольшие по размеру образцы русского ткачества на мужские и женские рубахи, мужские штаны, женские юбки, сарафаны, передники, а также на предметы убранства крестьянского дома: половники, пологи, скатерти, наматрасники. Все они изготовлены на домашнем ткацком станке из окрашенных льняных нитей. Хлопчатобумажная нитка встречается очень редко, обычно в сочетании с льняной. Большая часть тканей изготовлена в технике простого полотняного или саржевого переплетения и лишь несколько предметов — в технике многоремизного и ажурного ткачества (Кожевникова 1968).

При анализе тканей можно установить связь между ее назначением и техническими приемами, орнаментальными решениями и цветовой гаммой. Ткань на мужские штаны, например, исполнена в технике саржевого переплетения, синими или, реже, красными нитками, орнамент в первом случае — белые или желтые полосы, во втором — синие, зеленые, желтые, оранжевые. Рубашечная ткань обычно выполнена в технике полотняного переплетения из тонких нитей в мелкую клетку, составленную из белых–красных, синих–белых–красных, красных–синих–желтых полосок. Для ткани на половники использованы обычно толстые грубые нити зеленого, темно-синего, черного, красного, желтого, оранжевого, каштанового цветов. Ее художественное решение одинаково: вдоль длинных сторон идет широкая одноцветная кайма и две-три узкие каемки, центральное же поле обычно другого цвета, иногда

4. См. рисунки из книги В. А. Городцова «Дако-сарматские религиозные мотивы в русском творчестве», приведенные в статье Е. Р. Михайловой «Археологические работы Л. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.», с. 497 в настоящем издании.

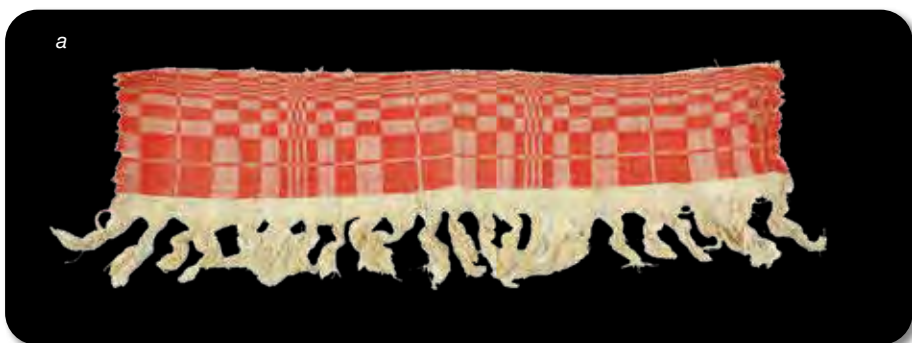
Описательная карточка свадебного полотенца (МНHN 1938-170-5), приобретенного Зуровым в 1938 г. в деревне Наталкино. **■** НМЕМИ, Этнологическая коллекция

38.170.5

- 1) Эстония. Сетумаа. Деревня Наталкина.
- 2) Свадебное полотенце.
- 3) Соткано из льна. Длина: 2 м, ширина: 43 см. По краям украшено кружевом, выполненным крючком 2 см длиной с геометрическими узорами, называемыми «кошачьи лапки». Двухсторонние вышивки красными нитками, сделанные вручную, изображают два божества, полуженщины, полудерева, украшенные высокими при-

ческами (головными уборами). От каждого из этих божеств исходят две конские головы со змеиными языками. Между двумя божествами стилизованные деревья с мотивом цветочной звезды с восьмью лепестками и свастикой в центре. Наверху среди вышивок женское изображение с поднятыми руками, держащими цветы, сбоку от него птица с лапами, похожими на трезубцы. В той же самой плоскости слева – птица с крыльями, образующими ветви. Под птицей изображен магический знак, состоящий из 4 трезубцев, исходящих от свастики. Ряд двухголовых коней, копирующих зубцы, называемые «коньками», которые некогда находились на крышах всех крестьянских домов на Русском Севере, завершает эту вышитую композицию.

- 4) Богово полотенце вешалось справа от икон.
- 5) Русские крестьяне Эстонии.
- 6) Приобретено г-ном Зуровым у М. И. Райской, сестры А. И. Вишневой, уроженки деревни Наталкины. Вышивальщица мадам Макаровская получала в качестве платы за каждое вышитое полотенце 1 пуд муки или рубль серебром. Отличная мастерица, бедная, не имевшая земли, она вышивала без канвы, в точности повторяя старинные узоры старых полотенцев, ныне утраченных. Эти сведения предоставила мадам Сотникова, 79 лет от роду. Когда она была ребенком, старые женщины вышивали в этом стиле, забытом ныне. Эти полотенца имеются только у крестьян.
- 7) Экспедиция Зурова, 1938.
- 8) Ер. С-50.3805.493.
- 10) Зуров. Абазза. 1939 г.

Образцы ткани: фрагмент скатерти (а); ткань для рубашки — «пестрядь» (б); набивная ткань (в). Дд. Воронкино, Лезги. Экспедиция Л. Зурова, 1938 г. MNHN 1938-170-163,170,123 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

Тканые пояса. Д. Воронкино. Экспедиция Л. Зурова. 1938 г. Колл. MNHN 1938-170-37, 40 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

заткано крупными клетками или широкими полосами. Толстые льняные нити применены также и при изготовлении ткани для наматрасников. Она обычно полосатая, двухцветная, полосы белые и каштановые, красные и белые, синие и белые.

Следует отметить, что Л. Зуров попытался собрать сведения о местных названиях тканей. Он отметил такие термины как «пестрядь» — клетчатая и полосатая ткань прямого полотняного переплетения, «коломенка» — ткань с рисунком только с одной стороны, «мостиница» — полосатая ткань для юбок, «редовина» — ткань саржевого переплетения, «простка» — ткань, выполненная в технике простого полотняного переплетения, а также ткани «близенница», «ренина», особенности которых собиратель не выяснил⁵.

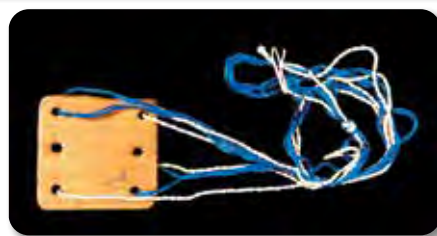
Датировка образцов тканей в основном 1920–1930-ми гг. построена Л. Ф. Зуровым на основе сведений, полученных от мастериц. Однако они могли быть изготовлены как во второй половине XIX, так и в начале XX в. На это указывает их полное сходство с псковскими тканями, хранящимися

5. См. карточки, составленные Л. Ф. Зуровым к экспонатам, например, MNHN 38.170.5.

Тканье пояса «на ниту». Д. Тайлово. Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF0016908. ■ МНБ

Приспособление для тканья поясов «на ниту». Экспедиция Л. Зурова, 1938 г.
MNHN 1938-170-355 (передана в МЦЕиС). Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

Тканье пояса на дощечках. Деревня неизвестна. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0016910. ■ МНБ
Дощечки — приспособление для тканья поясов. Экспедиция Л. Зурова, 1938 г. MNHN 1938-170-356 (передана в МЦЕИС). Фотография МЦЕИС. ■ МЦЕИС

в Российском этнографическом музее (РЭМ) и датируемыми второй половиной XIX — началом XX в. Очень ценным приобретением Л. Зурова являются образцы набивных тканей (семь образцов), изготовленных в набойно-красильных мастерских Псковской губернии во второй половине XIX в. Русский традиционный костюм, как женский, так и мужской, в коллекции Л. Ф. Зурова, к сожалению, не представлен. Исследователь ограничился только сбором отдельных элементов, составлявших костюм. Он приобрел пояса, рукавицы, обувь, а также фрагменты рукавов мужской и женской рубаш. Из них, несомненно, самыми интересными являются домотканые пояса (20 предметов). Они имеют длину от 140 до 244 см, а ширину от 0,5 до 1,5 см, два пояса шириной 3 и 5 см. Большая их часть выполнена «на ниту» — старинном станочке, который Л. Ф. Зуров приобрел для музея.

Все эти пояса вытканы из льняной (основа) и шерстяной (уток) нитей. Они двухцветные: на фоне естественного цвета льняной нитки — геометрический узор (квадратики, прямоугольнички, галочки, крючья) зеленого, красного, голубого, лилового или фиолетового цвета. Другие пояса вытканы на шести дубовых дощечках с шестью отверстиями на каждой из них, через которые проходят нити основы.

На дощечках пояса плелись обычно в несколько цветов, чаще всего коричневого, лилового, зеленого, белого, розового, красного. Кроме того в коллекции есть два пояса, плетеные на руках. В 1930-е гг. пояса, судя по фотографиям и сведениям Л. Ф. Зурова, уже не использовались по их прямому назначению. Они превратились в атрибуты обрядов и магических действий. В своих отчетах и тексте «Свадебные пояса» Л. Зуров отмечает их важную роль в обрядовой практике русских (Л. Зуров. Свадебные пояса. МННН-МН ЕТННО EUR 205 (12). Л. 1; см. публикацию в настоящем издании, с. 337). Каждая девушка должна была подготовить ко дню своей свадьбы несколько поясов по старинным образцам. Один пояс привязывали к кнуту, которым погоняли лошадей свадебного поезда. Другой клали в храм на пол перед аналоем. Невеста и жених должны были одновременно переступить через него, чтобы дружно жить в браке. Кроме того, пояса клали на священные камни, мимо которых проезжал свадебный поезд для венчания в храм. Они использовались также в лечебной магии. Женщины обматывали пояс вокруг того или иного священного дуба, а затем вокруг своей талии, обретая тем самым через пояс силу священного дерева. Иногда пояса оставляли на ветвях дуба или отдавали их нищим в надежде на их молитвенное заступничество и излечение тем самым от болезней (НМЕИ, Зуров I. Л. 40; Зуров II. Л. 72).

Более полное представление о русском женском и мужском костюмах, бытовавших в 1930-е гг., можно составить на основании экспедиционных фотографий Л. Ф. Зурова, хранящихся ныне в Музее на набережной Бранли.

На них изображены мужчины, женщины и дети в будничной и праздничной обстановке. Фотографии свидетельствуют, что в тот период времени женщины отдавали предпочтение костюму, состоявшему из кофты, широкой юбки, передника (в будни), платка или повойника на голове. Такой костюм являлся типичным для замужних женщин большинства русских деревень Северо-Запада Европейской России в 1920–1930-е гг. Известно, что он заменил традиционный костюмный комплекс, состоявший из рубахи, сарафана и повойника с платком (кокошника, повязки), вероятно, в начале XX в. Однако в 1930-е гг. его donaшивали только пожилые женщины, на что указывает одна из фотографий Л. Ф. Зурова (CD-диск: MQB PP0083356). На ряде других фотографий можно увидеть также замужних женщин в повойниках — традиционных будничных и праздничных головных уборах, получивших большое распространение в русских деревнях во второй половине XIX в. (CD-диск: MQB PF 0016925). Отмечу также серию фотоотпечатков и негативов, на которых запечатлены русские женщины с металлическими нагрудными цепями (CD-диск: MQB PP 0083333, PP 0083348, PP 0083475, PP 0083477, PP 0083478, PP 0083481, PP 0083488; PF 0016923, PF 0016925, PF 0016926, PF 0016928), предположительно вошедшими в крестьянскую моду в начале XX в., в чем можно усмотреть влияние сето (Pih0 2002). Кроме того на нескольких фотографиях Л. Зурова зафиксирована промысловая одежда женщин-рыбачек в своеобразных кожаных жилетах и передниках, защищающих от воды.

Судя по экспедиционным фотографиям, будничный костюм мужчин состоял как из традиционных для русских предметов одежды, таких, как длинная рубаха с косым разрезом ворота (косоворотка), надетая навывпуск штанов и подпоясанная, так и одежды городского образца: брюк, пиджака и картуза (мужской головной убор с козырьком), вошедших в состав традиционного костюма уже в последней четверти XIX в. (Нератова 1999). В праздничной же ситуации молодые мужчины носили исключительно костюм городского типа, включавший в себя модную в эти годы рубаху, заправленную в широкие брюки, пиджак и шляпу/кепку.

Подводя итоги, нужно отметить, что собрание изделий из текстиля скомплектовано Л. Ф. Зуровым довольно своеобразно. Богатый «текстильный» мир русских крестьян Печорского края представлен в нем не полно. Некоторые его стороны раскрыты подробно и убедительно, другие представлены случайными вещами.

Самой значительной частью коллекции являются изделия домашнего ткачества: все разновидности тканей, изготовлявшихся русскими крестьянками Печорского края, основные виды поясов, приспособления для их тканья, а на фотоснимках зафиксированы процессы обработки льна, прядения, тканья и плетения поясов. Из различных типов полотенец, характерных для Печорского края, Зуровым были приобретены лишь те, на которых

Женщины в праздничных костюмах. Д. Городище.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 0016924. ■ МНБ

имеется вышивка с архаическими сюжетными композициями. Полотенца же с геометрическим вышитым и тканым орнаментом, широко бытовавшие, судя по коллекциям Российского этнографического музея, в этот период времени, Л. Ф. Зурова не заинтересовали. Такая избирательность, скорее всего, была обусловлена общей направленностью собирателя на изучение в ходе экспедиции «остатков язычества» в местной культуре и поиска вещей в той или иной мере, по его мнению, это подтверждающих.

В связи с этим и комплектование русского традиционного костюма, скорей всего, не входило в задачу экспедиции Л. Ф. Зурова. Собранные им отдельные предметы одежды, кроме поясов, являются случайно приобретенными вещами, не позволяющими дать характеристику традиционного костюма русских в деревнях Печорского района. В то же время установлено, что в годы работы Л. Ф. Зурова в крестьянских сундуках еще хранилось довольно много традиционных мужских и женских костюмов, отдельных предметов одежды, изготовленных на рубеже XIX–XX вв. и в первое десятилетие XX в. Такого рода вещи можно было обнаружить еще и в 1960-е гг. Именно в эти

Молодые люди и мужчины на гулянии
в престольный праздник Ильинской пятницы. Д. Зачеренье.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF0016889. ■ ИМБ

и последующие десятилетия они были приобретены в Печорском районе Псковской области научными сотрудниками Российского этнографического музея Г. Н. Комлевой (кол. № 7273) и Л. В. Тазихиной (кол. № 7308). Однако стоит подчеркнуть, что народный костюм Псковщины и Печорского края, в частности, представлен в музейных коллекциях России отдельными локальными вариантами и до сих пор не стал предметом специального изучения. В этой связи любые новые свидетельства, а таковыми являются вещевые и фотографические коллекции Л. Ф. Зурова (к слову сказать, весьма высокого качества), представляются очень важными. Именно благодаря полевой фотосъемке Зуровым зафиксирован последний этап жизни в русских деревнях традиционного костюма и широкое бытование переходных форм одежды от традиционной к одежде модной в городе. Кроме того совокупный анализ материалов местной текстильной культуры, отраженный в собрании Л. Ф. Зурова, дает основание утверждать, что, с одной стороны, она являлась органичной частью предметного мира русских крестьян Северо-Западного региона, а с другой — в 1930-е гг. в ней почти не сохранилось черт локального своеобразия культуры печорских крестьян.

Несомненным достоинством коллекционного собрания является и тот факт, что в полевых документах и музейных карточках на каждый экспонат указываются место бытования и изготовления, их относительная датировка, а также фамилии мастериц и владельцев. Особую ценность музейным памятникам придают достоверные сведения о назначении приобретенных вещей в повседневной жизни и ритуальном обиходе людей. Такая скрупулезность в составлении легенды к той или иной вещи мало типична для этнографов 1930-х гг., которые комплектовали коллекции, не очень заботясь о том, чтобы собрать столь подробные сведения. И это при том, что Л. Ф. Зуров не являлся профессиональным музейным собирателем.

В заключении подчеркнем, что коллекция Леонида Зурова представляет собой важный и неизвестный ранее историко-культурный источник по этнографии русского населения, проживавшего за рубежом и собранный в тот период, когда российские исследователи не имели возможности осуществлять здесь свои полевые исследования. Таким образом, состав коллекций Зурова, хранящихся в Национальном музее естественной истории и Музее на набережной Бранли информационно и хронологически дополняет имеющиеся в распоряжении российских этнографов экспонаты и фотоколлекции Российского этнографического музея, поступившие в ходе экспедиций таких известных дореволюционных исследователей как Е. А. Ляцкий, К. К. Романов, фотографа В. М. Машечкина, коллекционеров К. Д. Далматова, Ф. М. Плюшкина, а также более поздние экспонаты Псковского Государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ПГОИАХМЗ).

Литература

- Городцов 1926** ■ Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. Вып. 1. 1926. С. 7–36.
- Кожевникова 1968** ■ Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л.: Советский художник, 1968. С. 107–121.
- Маслова 1978** ■ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки, как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978.
- Нератова 1999** ■ Нератова Е. И. Одежда жителей Псковского края // ИЭОПК / Ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 190–203.
-
- Piho 2002** ■ Piho M. Petserimaa venelaste metallehted 16.– 20. sajandil // ERM Ar, XLVI, Tartu, 2002. Lk. 101–119.

**Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа
в научном наследии Бориса Вильде
и Леонида Зурова**

3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства

3.2. Лингвистика и топонимика

3.3. Археология

3.4. Церковная архитектура

3.5. Дохристианские верования
и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

3.7. Материальная культура

713 Народная одежда, серебряные украшения
и текстиль сето в XIX–XX вв.

735 Изделия из текстиля и костюм русского
населения Печорского края

751 Рыболовство в Псковском Обозерье

■ Рыболовство в Псковском Обозерье

Николай Лаанету ■

Перевод с эстонского языка Аллы Лашмановой

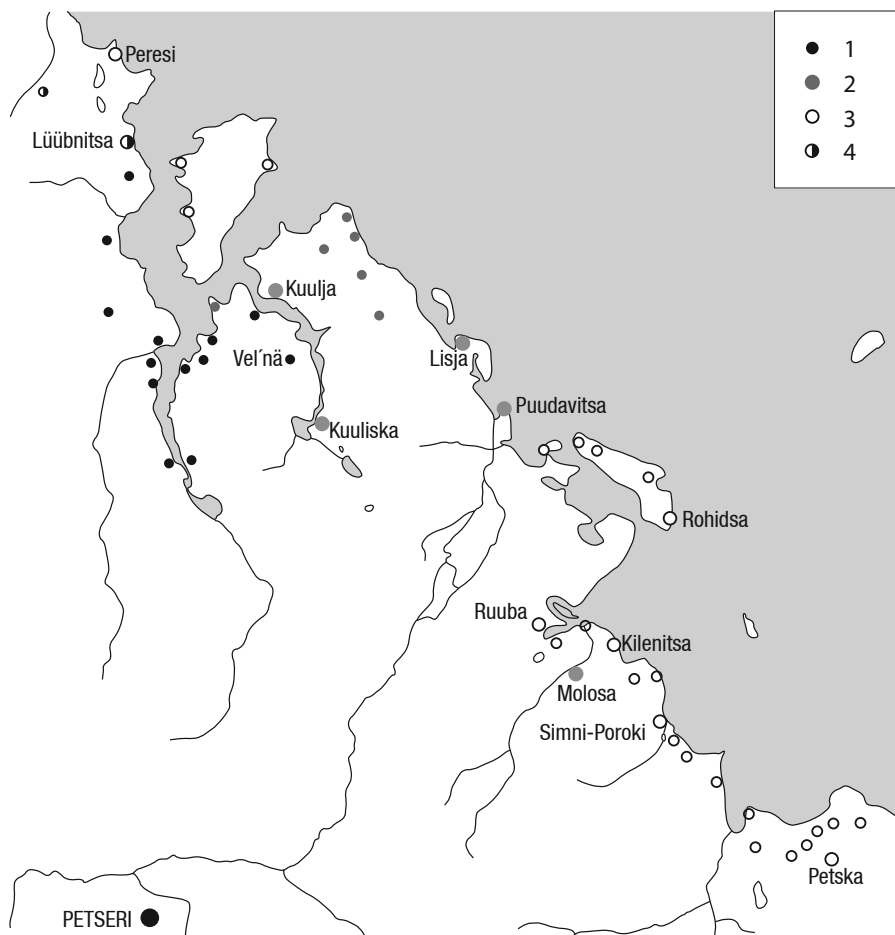
Материалы, собранные Леонидом Зуровым и Борисом Вильде во время исследовательских экспедиций 1937–1938 гг. в деревнях на западном побережье Псковского озера состоят в основном из экспонатов, приобретенных в рыбацких деревнях Лисье, Будовиж (Будовищи, Будовижи/*Puudovissa*), Зимний Борок, Крупп, Киленец и Рожитец, у оз. Буравенское (Боровенское/*Laböritsa*) и дополнены выполненными Зуровым фотографиями. Совокупность собранных образцов — рыболовных снастей (47), фотографий (42), а также ряда других материалов, связанных с рыболовством и бытом рыбаков — фрагментарно, но все же характеризуют в общих чертах уклад жизни жителей русских, сетоских, а также только на рубеже XIX–XX вв. обрусевших сетоских деревень и рыболовство в целом (см. карту на с. 752). Лучше всего представлены предметы, весьма типичные для деревень, расположенных в заливе Вярска и других прибрежных деревень в границах Сетомаа. Однако авторские комментарии ограничиваются краткими пояснениями, в них не рассматриваются такие темы, как типы рыболовства, детали, характерные для местного рыболовства или закономерности социально-экономического и культурного развития прибрежных деревень. Вместе с тем, подробный материал об этом уже был опубликован ранее (Якушкин 1860; Строкин 1887; Стрембицкий 1897; Сандоевский 1892; Серебрянский 1908; Ränk 1934).

Интерпретация собранного Зуровым и Вильде материала предполагает знание местных природных условий и, в определенной мере, рыбацкого образа жизни и традиций.

Пойменные территории Псковского озера в период высокой воды большей частью затоплены, многие районы страдают от чрезмерной влажности и в другие периоды года, поэтому местные песчанистые торфяные почвы малопродуктивны в качестве сельскохозяйственных угодий.

Деревни, а также расположенные разрозненно жилые дома могут находиться только на возвышенностях вблизи побережья, куда обеспечен доступ зимой

и в более сухие периоды времени. Прибрежные деревни в большинстве своем возникли на наиболее благоприятной для рыболовства территории (вблизи нерестилищ, устьев рек и пристаней); их отличает типичная кучевая форма застройки. Вышеуказанные условия обусловили особенности формирования прибрежных деревень около Псковского и Чудского озер, а также и динамику их развития на протяжении последних столетий.

Прибрежные деревни западного берега Псковского озера (Обозерья) в конце XIX — начале XX в.

Составитель: Н. Лаанету. Оформление: М. Смирнова.

Условные обозначения:

1 — сетоская деревня; **2** — сетоская деревня, обрусевшая в XX в.

(см. Трусман 1890); **3** — русская деревня;

4 — деревня с исторически сложившимся смешанным (русские, сето) населением

Рыбаки на берегу Псковского озера.

Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0210361. ■ МНБ

Прибрежные деревни были преимущественно заселены русскими, которые являлись органичной частью зоны сплошного русского заселения Псковской губернии, постепенно расширившейся за счет территорий, населенных сето еще в XVII в. (Ränk 1934. Lk. 10). Русское заселение распространилось, видимо, особенно после Северной войны и чумы 1710–1711 гг. на опустевшие земли к северу: до острова Колпино и далее до деревень Любница и Березье. Почва на берегу озера почти непригодна для земледелия, поэтому приобретение выгодных мест лова — основное условие для возникновения поселения (Грусман 1890. С. 48, 54; Ränk 1934. Lk. 11). Сетоские прибрежные деревни как в первой трети XX в., так и сейчас сосредоточены в основном в окрестностях залива Вярска.

Как и повсюду в озерных и речных районах России, так и в окрестностях Псковского озера центрами развития рыболовства были монастыри. Во время постов употребление мяса было запрещено, что обусловило большую потребность в продуктах рыболовства. В Псковском крае уже в XIV в. важными центрами рыбной торговли стали монастыри — Снеготорский, а позже Псково-Печерский и Петропавловский на Талабских островах (оба основаны в XV в.; Серебрянский 1908).

Определяющими условиями для формирования особенностей местного рыболовства, сложения комплекса орудий и способов лова рыбы являлись видовой состав рыб, их биологические особенности, сезонные миграции в места нереста, кормежки и зимовки, а также их локализация в разных частях Псковского озера. Все это сказалось и на особенностях расположения рыбацких деревень, жизненном укладе рыбаков.

Большинство прибрежных деревень расположено вблизи сезонной локализации рыбы, в основном около мест нереста. Если рассматривать расположение поселений в окрестностях залива Вярска, распространение мест нереста рыбы и подходящих мест для лова, то можно увидеть четкую связь между ними (Laanetu 2012. Jn. 1, 8, 8a). Эта своеобразная закономерность действует и в отношении размещения русских деревень вдоль побережья Псковского озера — Кулье/*Kuulja*, Лисье, Крупп, Печки и др. Все деревни расположены вблизи либо больших рек, либо скрытых внутренних заливов, где находятся, как указывалось выше, основные нерестилища рыбы и имеется удобный выход на озеро и доступ к дорогам. Вместе с тем русские деревни отличались большими размерами.

В таких деревнях создавались промысловые артели рыбаков, которые объединяли рыболовные угодья — «исады»¹ — для совместного лова и последующего распределения рыбы, а также ее обработки (Моога 1964; Рихтер 1974; 1999; Шубина 1999). Артели имели больше возможностей для изготовления неводов и приобретения сетей фабричного производства, применяемых для лова в открытом озере, в том числе и в зимний период. Поэтому рыбацкие артели больших русских деревень оказались более эффективными по сравнению с рыбаками-сето, которые не могли изготавливать большие неводы кустарным способом плетения сетей из льняной нити.

В сетоских деревнях существовали сформировавшиеся на основе добровольного сотрудничества рыбаковские сообщества (*сето nooda kampf*) из 4–5 хозяйств², однако их основной специализацией была ловля в местах нереста; зимняя ловля имела меньшее значение. В хозяйстве сетоских прибрежных деревень наибольший удельный вес принадлежал земледелию и скотоводству, в русских же — рыбной ловле.

1. Понятие «исад», которое в 1920–1930-е гг. уже вышло из употребления, однако, упоминается Зуровым; обозначает «поселок у берега и рыболовные угодья при нем» (ПОС 2003. С. 300). В послевоенное время традиционная организация рыбной ловли в пределах бывшего Печорского уезда, в целом, сохранялась: рыбацкие сообщества и бывшие артели были преобразованы в рыбаковские колхозы, но понятие артель продолжало употребляться при обозначении совместной ловли и обработки рыбы.
2. Такие сообщества низшего уровня сотрудничества во времена деятельности колхозов назывались бригадами.

Лодка-однодеревка (сето *ruih*). Оз. Боровенское.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016916. ■ МНБ

**Сдвоенная лодка-однодеревка,
которую использовали для передвижения по мелководью.**

Деревня неизвестна. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова. 1937 г. MQB PP0210346. ■ МНБ

На основании информации, запечатленной Л. Зуровым в виде фотографий и описаний предметов, можно получить представление о распространенном в XIX — первом десятилетии XX в. традиционном образе жизни русских рыбацких деревень, а также об особенностях культуры рыбного промысла и исчезающей простоте повседневного быта.

Далее мы попытаемся рассмотреть и прокомментировать то, что связано с рыбным промыслом, выделяя наиболее значимые примеры из собранных в 1937 и 1938 гг. музейных и архивных материалов.

В рыболовном промысле самым важным является плавучее средство. Наиболее простыми и примитивными являлись выдолбленные из толстого бревна лодки-долбенки или однодеревки (сето *ruih*), распространенные раньше в деревнях на побережье Псковского озера, но в настоящее время уже ушедшие в небытие.

Однодеревка использовалась в качестве вспомогательного средства на мелких затопленных пойменных лугах и береговых территориях в тростниковых зарослях для перевозки рыбы, а также прохождения более глубоких и затрудненных для пешего перехода участков. Если соединить две лодки-долбенки,

то на таком плавучем средстве (сето *katsikruibh*) можно проверять береговые снасти и передвигаться по мелководью. Более широко такое средство передвижения применялось для лова острогой на мелководье в пойменных лугах. Плоскодонка-ящик (мест. русск. канийка, канейка; сето *kast-lootsik*) — одно из плавучих средств для передвижения по мелководью и транспортировки материалов по воде. К бокам водонепроницаемого ящика для стабилизации прикрепляли сухие бревна хвойных деревьев, которые увеличивали стабильность и плавучесть. Плоскодонку использовали при установке и проверки снастей, а также перевозки легких материалов, в том числе небольших копен сена и дров. Изготовление плоскодонок-ящиков и лодок возможно при наличии подходящих досок.

Изготовление и использование гребных лодок (мест. русск. ладья, ладейка, лодья, лодейка) издавна было распространенным и традиционным видом деятельности во всех прибрежных деревнях. Типичная лодка, которую использовали на Чудском и Псковском озерах, как правило, была гребной с одной парой весел, а, следовательно, и с одной парой уключин.

Прежде всего лодки использовали для того, чтобы ставить и проверять снасти, а также во время лова неводом; большие лодки, которые использовали при ловле неводом, были снабжены двумя парами весел. Лодки широко использовались и в качестве средства передвижения, и для транспортировки материалов, поскольку дороги между деревнями часто были труднопроходимыми. Торговый обмен между дальними деревнями зачастую был возможен только по водному пути. Товаром в основном служила рыба, взамен из деревень, расположенных во внутренней части региона, получали дрова и зерно. Любопытен способ перевозки на лодках сена с далеко расположенных покосов. Для этого две лодки жестко соединяли между собой жердями, что давало большую устойчивость и увеличивало грузоподъемность. Для гребли в лодках использовали два весла и руль, т. н. весло для отталкивания. На лодках, которые использовали во время лова снастями, к одному борту была прикреплена ручная лебедка («баран»; сето *paran*), применявшаяся для вытягивания веревки невода. Веревка, наматывавшаяся на «баран», облегчала выемку сетей.

Для перевозки строительного материала и товаров строили лодки и большего размера, т. н. баркасы (сето *parga*), принадлежавшие, как правило, артели. Для облегчения движения они были снабжены парусом (сето *paarus*) и несколькими парами мест для гребцов. Сето называли такие лодки еще и *vinne*[?], *paarusöga vinne*[?]. Большие лодки строили в русских деревнях Круши и Кулье, а также и в других больших деревнях; обычно такая лодка была собственностью нескольких семей, в основном — русских из прибрежных деревень Псковского озера. Такие лодки использовали в основном в качестве

Для передвижения по мелководью использовали канёйку — плоскодонку-ящик.
Деревня неизвестна. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016917. ■ МнБ

Изготовление ладьи/лодья. Д. Лисье.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016930. ■ ИМБ

Рыбак в гребной двухвесельной лодке, вышедший для установки мереж,
продвигается на мелководье, отталкиваясь от дна шестом. Фотография Л. Зурова. 1938 г.
MQB PF 016932. ■ МНБ

транспортных средств³. На них можно было преодолевать более значительные расстояния по озеру и развивать натуральный товарообмен. В сетоских деревнях вокруг внутреннего залива Вярска таких больших лодок не строили и не использовали, но принадлежавшие русским баркасы заходили в эти деревни часто. Для перевозки сена и дров в заливе Вярска обычно использовали уже упоминавшиеся соединенные между собой две небольшие лодки с установленной на них деревянной рамой; управлять такой конструкцией можно было внешними веслами, находясь в обеих лодках.

С развитием рыбацких поселений совершенствовались способы рыболовства и орудия лова. Если небольшие орудия лова: мережи, сети, оборы, а частично и полотно невода вязали вручную из льняных или конопляных ниток, то материал для неводов большего размера, прежде всего используемых для лова чудского снетка — сеть с мелкой ячейей — покупали или выменивали у торговцев сетями. Мережи большего размера по возможности изготавливали из сетей фабричного производства.

В расположенном на берегу озера Селигер в Тверской губернии городке Осташково было развито масштабное производство по изготовлению сетей. Торговцы этими сетями приезжали в рыбацкие деревни, расположенные на берегах Псковского и Чудского озер, продавали готовые связанные части невода, покупая взамен рыбу (Ränk 1934).

Поскольку плетение сетей и приобретение подходящего для этого материала было сложным многотрудным процессом, то рыбаки заботились об их сохранности и долговечности. После лова сети и снасти сушили. Часто для их сушки и хранения возводили специальные строения.

Для того чтобы обеспечить сохранность полотна невода мотни их прежде всего смолили древесной смолой. В материалах Зурова этой информации нет, но жители залива Вярска делали это регулярно, и, прежде всего, с сетями с мелкой ячейей для лова снетка. Вполне вероятно, что так поступали и в других рыбацких деревнях.

Среди собранных Л. Зуровым материалов можно обнаружить довольно многообразный набор орудий для изготовления сетей и других снастей: иглицы (сето *piiritsa*[?]), лопатки (сето *võrgu lapatsi*[?]), фрагменты подбора/обора⁴ (сето *sällüse*[?]), поплавки (сето *löstu*[?]) и образцы прикрепляемых к сетям грузил. Они изготовлены из природных материалов и обожженной глины (илл. на с. 765). Представлены в коллекции Зурова и лопатки для изготовления сетей с мелкой ячейей (сето *lapatsi*[?]), иглы, челноки — «клещцы». Приобретенные для Музея человека сети связаны из льняных и конопляных ниток.

3. См. серию фотографий «Похороны рыбака Кирекеткина» в статье А. Г. Новожилова «Семейная обрядность русских Печорского края» на с. 696–698 в настоящем издании, а также фотографию из собрания РЭМ (кол. № 9202-79) на с. 767 в настоящем издании.
4. Обор — небольшая трехстенная ставная сеть.

Большая лодка, оснащенная «бараном»; рядом — рыбак с рулевым веслом
в традиционных хромовых сапогах. Деревня неизвестна.
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016936. ■ МНБ

Старый развалившийся баркас на берегу Псковского озера у деревни Крупп.

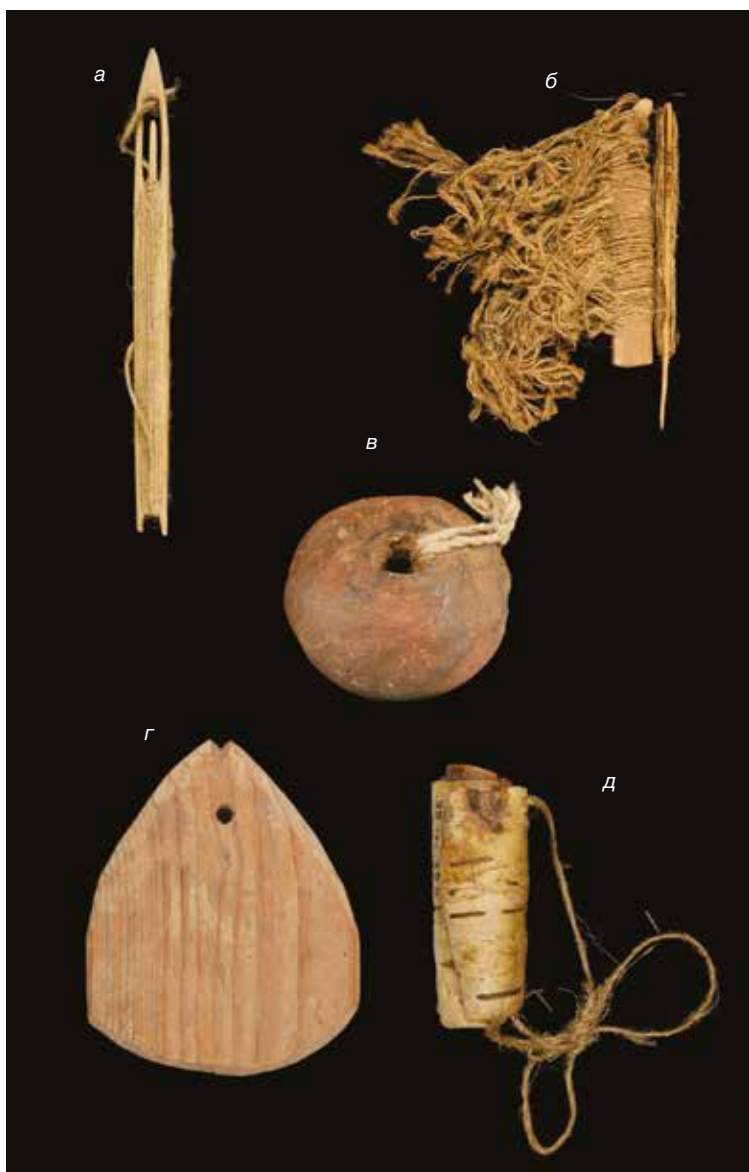
Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016938. ■ МНБ

Прибрежные сараи использовали для хранения орудий рыболовства.

Д. Крупн. Фотография Л. Зурова. 1938 г. MQB PF 016940. ■ МНБ

Еще в 1950-е гг. традиционные орудия и способы рыболовства, водные средства передвижения были широко распространены на западном побережье Псковского озера — как в деревнях на берегах залива Вярска, одного из важных центров рыболовства, так и в прибрежных деревнях (Кулиска, Велна, Кулье, Дрисливик и др.) и на острове Колпино. К настоящему времени под давлением колхозных порядков и в результате применения своеобразных методов защиты рыбных ресурсов это наследие почти исчезло. В музеях и частных собраниях сохранилось относительно мало оригинальных образцов бывших в использовании орудий рыболовства, поэтому следует высоко оценить собранный Зуровым в рыбацких деревнях Псковского озера материал, отражающий оригинальную культуру рыбного промысла прошлого века.

Инструменты для изготовления сетей и части рыболовных снастей:

а — иглица — игла для плетения и починки сетей с льняной ниткой, д. Лисья;

б — комплект для плетения сетей с иглицей и лопаткой, д. Будовищи;

в — дискообразное грузило, изготовленное из обожженной глины;

г — корина, коринка — плоский деревянный поплавок для крыльев мережи и невода из д. Лисья;

д — берестка — берестяной поплавок круглой формы для сети типа обор. д. Будовищи.

Кол. МННН 1938-170-303, 296, 326, 315, 320 (передана в МЦЕиС).

Фотография МЦЕиС. ■ МЦЕиС

Литература

- Кузнецов 1915** ■ Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема: по материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг. / Департамент Земледелия и Псковское земство. Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. [3], VI, 159 с.
- ПОС 2003** ■ Псковский областной словарь с историческими данными. Псков, 2003.
- Рихтер 1976** ■ Рихтер Е. В. Русское население Западного Причудья: Очерки истории, материальной и духовной культуры. Таллин: Валгус, 1976. 292 с.
- Сандоевский 1892** ■ Сандоевский О. Я. Талабские острова, Псковское озеро и рыбный промысел. Псков: Типография Псковского губернского стат. комитета, 1892. 52 с.
- Серебрянский 1908** ■ Серебрянский Х. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М.: Синодальная типография, 1908. 586 с.
- Стрембицкий А.** ■ О современном рыболовстве на оз. Пейнус // Вестник рыбопромышленности. СПб., 1897. № 8–9. С. 364, 367.
- Строкин 1997** ■ Строкин Н. А. Рыбный промысел на Псковском озере // Вестник Псковского уездного земства. Псков, 1887. № 13.
- Трусман 1890** ■ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Шубина 1999** ■ Шубина Т. Г. Рыболовство и связанные с ним промыслы // ИЭОПК / Ред. А. В. Галло. Псков, 1999. С. 75–82, 85–86.
- Якушкин 1890** ■ Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова. Типография Торгового дома С. Струговицкого, Г. Похитонова, Н. Волова и Ко, 1860. 204 с.
-
- Laanetu 2012** ■ Laanetu N. Värska lahe kalastik ja kalastamine // Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. Tallinn; Värska, 2012. Lk. 13–58.
- Moora 1964** ■ Moora A. Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus eesti-vene suhetest. Tallinn, 1964.
- Ränk 1934** ■ Ränk G. Peipsi kalastusest // Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1934. K. 2. Lk. 1–29.

Обозерские рыбаки на баркасе под парусом по пути на ярмарку в Печоры.

Русские. Д. Городище. Фотография М. Р. Малаховой. 1935–1936 г.

Кол. № 9202–79. ■ РЭМ, Негативотека

■ Благодарности

Мы выражаем глубокую признательность лицам и учреждениям, которые помогли нам выполнять эту работу.

Франция

В Национальном музее естественной истории — Тома Гренону и Брюно Давиду, предыдущему и настоящему президентам, а также Жану-Мари Сани, руководителю проектов Генеральной дирекции, которые подписали соглашения между всеми участниками проекта во Франции, России и Эстонии, а также с Музеем на набережной Бранли (Франция);

Паскаль Эртель, Алисе Лемер, Анаисе Рамо, Елене Фуазиль, Полине Сосро и Флорану Якубовичу из Центральной библиотеки, которые предоставили в наше распоряжение сканированные документы из фонда Вильде — Зурова; Сержу Баюше, директору, и Эвелине Эйер, заместителю директора Департамента «Человек, природа, общество», которые поддерживали наш проект от его начала до его завершения, а также Доминике Гийо и Лоре Емперер из Объединенной исследовательской группы 208 «Палюк»;

Жан-Пьеру Ле Дюк, Андре-Дамьену Леметр, Мари-Терезе Дельмас, Жюли Фернандес и Фабиану Дюшон из отделения международных связей, которые оказывали нам постоянную поддержку;

Мирьям Периго из юридического отдела, которая занималась всеми правовыми аспектами нашего трехстороннего сотрудничества;

Альберику Жирар, Вольфу Фейерхан и Дени Лами из отдела научных публикаций музея, которых мы благодарим за профессионализм и терпение.

В Музее на набережной Бранли — наши благодарности Стефану Мартену, его президенту, который позволил публикацию фонда фотографий Вильде — Зурова, Селине Мартен-Раже, руководительнице издательского отдела, Одрэ Лагрю, руководительнице иконографической базы, и Катрине Пельтье-Кароф, ответственной за иконографию.

В Музее цивилизаций Европы и Средиземноморья — Эмили Жирар, директору отдела коллекций и документов, и Мари-Шарлотте Калафа, заместительнице директора отдела коллекций и документов, которые предоставили в наше распоряжение фотографии экспонатов из двух коллекций.

Мы также благодарим Лорана Вастеля, мэра города Фонтене-о-Роз, Доминика Лафона, заместителя, и Давида Дескатуара, руководителя сектора муниципальных архивов, которые позволили нам проверить документы, касающиеся жизни Бориса Вильде в их городе, а также помогли в распространении и этой книги.

Мы также хотим выразить благодарность всем нашим коллегам и нашим корреспондентам, в частности, Бернарду Дюпеню, Клоду Дуайенелю, Анне Огенюис, Мариане де Мейенбург и Ивану Фальку.

Россия

Мы благодарим Российский фонд фундаментальных исследований за финансовую поддержку в подготовке и издании нашей книги, а также Министерство культуры Российской Федерации, включившее эту многолетнюю работу в государственный план.

Наша особая благодарность коллегам, сотрудникам Российского этнографического музея: заместителю директора по инвентаризации и хранению Наталье Прокопьевой, заведующей отделом фотографии Карине Соловьевой, редакторам Ольге Брашнина и Инне Белобородовой, стоявшей у истоков проекта Галине Плужниковой, а также экс-директору Российского этнографического музея Владимиру Грусману, подписавшему соглашение между учреждениями — участниками проекта в России, Франции и Эстонии — и высоко оценившего выполненную работу в своем предисловии к настоящей публикации.

Выражаем глубокую признательность Виктору Москвину, директору Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына и заместителю директора по научной работе Наталии Гриценко за предоставление архивных документов и разрешение на их публикацию.

Искренне благодарим за финансовую помощь в организации командировок в города Москву, Псков, Печоры, Вярска (ЭР) для сбора архивных и фотоиллюстративных материалов для нашей книги членов Клуба друзей Российского этнографического музея, депутата Законодательного собрания Ленинградской области, почетного профессора СПбГУиЭ Вадима Густова, депутата Законодательного собрания Ленинградской области Дмитрия Иваншинцова, главного редактора альманаха «Русский мир», сопредседателя Международной ассоциации «Русская культура» Елену Перу, президента консалтинговой компании по реализации франко-российских проектов, а также Сергея Трофимова, доцента социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Эстония

Мы благодарим за поддержку, которую получали в Министерстве культуры Эстонской республики, от Государственной программы правительства по развитию культуры Сетомаа, Тартуский университет и фонд «Культуркапитал» за издание книги на эстонском языке.

В Университете Тарту мы благодарим Эву Тулуз из департамента этнологии и археологии Института культурологии и Айю Сприул-Дотанкур за перевод французских текстов на эстонский язык, а также Анти Селарта и Ринну Раммо из Института истории и археологии, Малле Эрмеля из департамента рукописей и редких книг университетской библиотеки.

Наша особая признательность сотрудникам Эстонского национального музея: Пилле Рунел за консультации, Ану Анс из Центра сканирования за оперативное предоставление фотографий.

Мы благодарим Арвиса Киристая, Яану Ратас и Марию Смирнову за подготовку карт для всех трех изданий, а также фотографа Томаса Тула за любезное разрешение использовать его фотографии.

■ Список сокращений

■ Учреждения, коллекции, архивы

АЦ ПО	■ Археологический центр Псковской области, Псков
ВООПИиК	■ Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ДРЗ	■ Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва
ГАИМК	■ Государственная Академия истории материальной культуры, Ленинград
ГАПО	■ Государственный архив Псковской области, Псков
ГАЭ	■ Государственный архив Эстонии, Таллин
ГИАПХМЗГ	■ Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск», Изборск
ГИМ	■ Государственный Исторический музей, Москва
ГМИР	■ Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург
ГРМ	■ Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ГЭ	■ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ДВО РАН	■ Дальневосточное отделение Российской Академии наук, Владивосток
ЕУ	■ Европейский университет, Санкт-Петербург
ИА	■ Институт археологии РАН, Санкт-Петербург
ИАК	■ Императорская Археологическая комиссия, Санкт-Петербург
ИИМК	■ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ИРГО	■ Императорское Русское географическое общество, Санкт-Петербург
ИЭ АН СССР	■ Институт этнографии Академии наук СССР, Москва
КарНЦ РАН	■ Карельский научный центр РАН, Петрозаводск
КОИЗ	■ Всесоюзное кооперативное объединенное издательство
ЛГОУ	■ Ленинградский государственный областной университет
ЛОУБ	■ Ленинградская областная универсальная библиотека
МАЭ РАН	■ Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург
МГПУ	■ Московский городской педагогический университет
МГУ	■ Московский государственный университет
МГУП	■ Московский государственный университет печати
Минобр РФ	■ Министерство образования РФ
МнБ	■ Музей на набережной Бранли, Париж (MQB, Musée du quai Branly)
МЦЕиС	■ Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья, Марсель (MuCEM, Musée des civilisations de l'Europe et de la Méditerranée)
МЧ	■ Музей человека, Париж (МН, Musée de l'Homme)
НБФ	■ Национальная библиотека Франции, Париж
НГПУ	■ Нижегородский государственный педагогический университет
НМЕИ	■ Национальный музей естественной истории, Париж (MNHN, Museum national d'Histoire naturelle)

ОРСО	■ Отделение русской и славянской археологии
ОРЯС	■ Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПАЦ	■ Псковский археологический центр
ПГОИАХМЗ	■ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПГПИ	■ Псковский государственный педагогический институт
ПетрГУ	■ Петрозаводский государственный университет
ПГУ	■ Псковский государственный университет
ПОИПКРО	■ Псковский областной институт повышения квалификации работников образования
ПУ	■ Поморский университет, Архангельск
РАА	■ Русский архив университета г. Лидса, Великобритания (LRA — Leeds Russian Archive)
РАН	■ Российская Академия наук
РГНФ	■ Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	■ Российская Национальная библиотека
РСФСР	■ Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РЭМ	■ Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
РФ	■ Российская Федерация
СПбГУ	■ Санкт-Петербургский государственный университет
СССР	■ Союз Советских Социалистических Республик
ТАУ	■ Таллинский университет, Таллин (TLÜ, Tallinna Ülikool)
ТУ	■ Тартуский университет (TÜ, Tartu Ülikool)
ЭЛМ	■ Эстонский литературный музей, Тарту (ЕКМ, Eesti Kirjandusmuuseum)
ЭФА	■ Эстонский фольклорный архив Эстонского литературного музея, Тарту (ERA. Vene, Eesti Rahvaluule Arhiiv. Eesti Kirjandusmuuseum. Vene vanavara)
ЭНМ	■ Эстонский национальный музей, Тарту (ERM, Eesti Rahva Muuseum)
ЭССР	■ Эстонская Советская Социалистическая Республика
AI	■ Arheoloogiline Inventar. Tallinna Ülikooli arheoloogia teaduskogu (kuni 01.12.2015 — Ajaloo Instituut, selle arheoloogiakogud ja arhiiv) [Археологический инвентарь. Научная археологическая коллекция Таллинского университета]
CNRS	■ Centre national de la recherche scientifique [Национальный центр научных исследований, Франция]
ЕКМ	■ Eesti Kirjandusmuuseum [Эстонский литературный музей, Тарту]
ЕКС	■ Eesti Kirjanduse Selts [Эстонское литературное общество]
ERA	■ Eesti Rahvaluule Arhiiv (Eesti Kirjandusmuuseum) [Фольклорный архив Эстонского литературного музея, Тарту]
ERA	■ Vene — Eesti Rahvaluule Arhiiv. Eesti Kirjandusmuuseum. Vene vanavara [Фольклорный архив Эстонского литературного музея (русский фольклор)]

ERM	■ Eesti Rahva Muuseum [Эстонский национальный музей, Тарту]
KM EKLA	■ Eesti Kirjandusmuuseum [Культурно-исторический архив Эстонского литературного музея, Тарту]
KNK	■ Eesti Keele Instituudi kohanimekartoteek. Setu kohanimetid [Картотека топонимов Института эстонского языка, Топонимы Сетомаа, Таллин]
LRA	■ Leeds Russian Archive [Русский архив в университете г. Лидса, Великобритания]
Mss	■ Jaan Jungi kirjakogu. TLÜ ATK [Собрание писем Яана Юнга. Архив Научной археологической коллекции Таллинского университета]
MNHN	■ Muséum national d'histoire naturelle [Национальный музей естественной истории, Париж]
MTÜ AK	■ Mittetulundusühing Arheoloogikeskus [Некоммерческое объединение Археологический центр]
MQB	■ Musée du quai Branly [Музей на набережной Бранли, Париж]
MuSEM	■ Musée des Civilisations de l'Europe et de la Méditerranée [Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья, Марсель]
NEFA	■ Nordisk etnologisk och folkloristisk arbetsgrupp [Рабочая группа этнологии и фольклористики Северных стран]
RKM	■ Eesti NSV Riitlik Kirjandusmuuseum [Государственный литературный музей ЭССР, Тарту]
SKS	■ Suomalaisen Kirjallisuuden Seura [Финское литературное общество]
SUS	■ Suomalais-ugrilainen Seura [Финно-угорское общество]
TLÜ	■ Tallinna Ülikool [Таллинский университет]
TLÜ AI	■ Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut [Институт истории Таллинского университета]
TLÜ ATK	■ Tallinna ülikooli arheoloogia teaduskogu: arhiiv ja esemekollektsioonid [Архив и коллекции Научной археологической коллекции Таллинского университета]
TM	■ Tartu Linnamuuseum [Тартуский городской музей]
TÜ	■ Tartu Ülikool [Тартуский университет]

■ Публикации: серийные издания, монографии

AB	■ Археологические вести
АИИППЗ	■ Археология и история Пскова и Псковской земли
АО	■ Археологические открытия
ЖС	■ Живая старина
ИЭОПК	■ Историко-этнографические очерки Псковского края
КСИА	■ Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ	■ Краткие сообщения Института этнографии

ЛППМ	■ Летопись Псково-Печорского монастыря
МИА	■ Материалы и исследования по археологии СССР
НПСВ	■ Не прервется связь времен
ОДКРЯ	■ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе
ОР	■ Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон
Очерки	■ Очерки по истории и культуре староверов Эстонии
ПАВ	■ Петербургский археологический вестник
ПГВ	■ Псковские губернские ведомости
ПМА	■ Полевые материалы автора
ПППМ	■ Повесть о Псково-Печорском монастыре
ПНГ	■ Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель
ПОС	■ Псковский областной словарь с историческими данными
РУД	■ Регламент или устав духовный
СА	■ Советская археология
СВЯ	■ Словарь вепсского языка
СКЯ	■ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)
СКЯ (тверские)	■ Словарь карельского языка (тверские говоры)
СРГК	■ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей
СРНГ	■ Словарь русских народных говоров
ССКГК	■ Словарь собственно-карельских говоров Карелии
СФУ	■ Советское финно-угроведение
СЭ	■ Советская этнография
ТИИМК	■ Труды Института истории материальной культуры
ТПОКЭ	■ Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
ТИЭ	■ Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
ХЛ	■ Хроника Ливонии
ЭИ	■ Этнографическое изучение Северо-Запада России
ЭО	■ Этнографическое обозрение
AVE	■ Arheoloogilised välitööd Eestis [Археологические полевые исследования Эстонии]
ERM Ar	■ Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat [Ежегодник Эстонского национального музея]
ES Ar	■ Emakeele Seltsi Aastaraamat [Ежегодник родного языка]
HDA	■ Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens [Краткий словарь немецких суеверий]
HLK	■ Henriku Liivimaa kroonika [Хроника Ливонии Генриха Латыша]
PVP 1996	■ Palve, vanapatt ja pihlakas [Молитва, нечистый и рябина]
Sb GEG	■ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft [Ежегодник Ученого эстонского общества]
Setomaa 1	■ Setomaa 1. Loodus [Многотомное издание «Сетомая». Т. 1. Природа]
Setomaa 2	■ Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani [Многотомное издание «Сетомая». Т. 2. История до 1920 года]

- Setumaa 1928** ■ Setumaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus [Сетумаа. Географическое, экономическое и историческое описание]
- SK** ■ Setumaa kogumik [Сборник Сетумаа]
- SKES** ■ Suomen kielen etymologinen sanakirja [Этимологический словарь финского языка]
- ST** ■ Setomaa tsässonad [Часовни Сетумаа]
- TATÜ** ■ Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused [Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки]
- TÜ LEKKAR** ■ Tartu Ülikooli Lõuna-estli keele ja kultuuriuuringute keskuse aastaraamat [Ежегодник Центра исследований языка и культуры Южной Эстонии Тартуского университета]
- TRÜT** ■ Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised [Ученые записки Тартуского государственного университета]
- Verh GEG** ■ Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat [Известия Эстонского ученого общества Дерпта]
- VIT** ■ Võru Instituudi Toimõtisõq [Известия Вырусского института]
- VMS** ■ Väike murdesõnastik [Малый словарь диалектов]
- ÕES Ar** ■ Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat [Уроки эстонского общества]

Гуляние (кирмаш) в Троицу возле церкви свт. Николая Чудотворца в селе Тайлово.

Русские, сето. Печорский уезд. Фотография М. Р. Малаховой. 1935–1936 гг.

Кол. № 9202–22 | РЭМ, Негативотека

■ Именной указатель

А

- Абраам Марсель ■ 157
Агафон (Бубиц) ■ 369, 505
Агеева Руфь Александровна ■ 429
Адамович Георгий Викторович ■ 143
Алданов ■ см. Ландау
Александр (Паулус) ■ 504
Александр III ■ 386
Александр Ярославич ■ см. Невский
Александров Анатолий Александрович ■ 465, 623, 625, 636, 641
Алексей Михайлович ■ 196
Алексий II ■ 375
Алипий (Воронов) ■ 509
Ами Эрнст-Теодор ■ 35
Амосов Петр ■ 69, 101, 680
Анастасия Романовна ■ 210, 504
Анатолий архимандрит ■ 293
Анатолий иеромонах ■ 276, 294, 319
Анатолий монах ■ 337
Андреев Александр Петрович ■ 292
Андреев Николай Ефремович ■ 27, 136, 145, 165, 193, 220, 227, 523
Андреев Вадим Леонидович ■ 164, 598
Андронов А. ■ 63, 279
Анисимов А. ■ 373
Аннемае Алексей ■ 278, 291, 292
Аристе Пауль ■ 395
Аристе Эрна ■ 488
Аргемьев Александр Рудольфович ■ 465
Арукаск Мадис ■ 402
Арумаа Пеэтер ■ 257, 430
Аун Марс ■ 381, 457, 465, 467, 468, 469, 483
Афонин А. Н. ■ 169

Б

- Бабореко Александр Кузьмич ■ 169
Бай де, барон ■ 36
Бан Аладар ■ 388
Баторий Стефан ■ 205, 208, 213, 503
Башкиров Лука ■ 316
Белецкий Сергей Васильевич ■ 381, 457, 465
Бенезеш Ж. Р. ■ 81, 95
Бенфугааль Татьяна ■ 15, 19, 22, 23, 27, 91, 119, 165, 174, 399–402, 486, 515, 646, 647, 660, 668
Билибин Иван Яковлевич ■ 530
Боас Франц Ури ■ 38, 53
Бобров ■ 225
Богданов-Бельский Николай Петрович ■ 375
Богораз Владимир ■ 53
Борх Бернхард фон дер ■ 227
Бранд фон Иоганн Арнольд ■ 572
Брей Анри ■ 39
Броссолетт Пьер ■ 157
Брунов Николай Иванович ■ 510
Булатов Алексей Алексеевич ■ 135
Булатов ■ 295, 297
Булгарин Фаддей Венедиктович ■ 564
Бунин Иван Алексеевич ■ 129, 139, 146, 164, 169, 170, 516
Бунина Вера Николаевна ■ 129, 136, 143, 169, 170
Бутурлин ■ 210, 504
Бух Макс ■ 103
Быстров ■ 299
Бэр Карл Эрнст фон ■ 382

В

- Вабарна Анне ■ 702, 708, 709

Вага Волдемар ■ 504, 505
Валк Хейки ■ 15, 22, 78, 113, 118, 341, 343, 345, 350, 381, 401, 402, 436, 457, 459, 462, 463, 467, 468, 471, 477, 479, 508, 523, 528, 549, 621, 623, 626, 634, 641, 644, 653, 654, 659, 666, 670, 711
Ванаметс Мария ■ 569
Варшавский В. С. ■ 134
Варшавский Л. Г. ■ 143
Василий (Кривошени) ■ 505
Василий Иванович ■ 263, 264
Васильев В. М. ■ 104
Васильев Иван ■ 429
Вастель Лоран ■ 768
Вейден ■ 302
Веске Михкель ■ 383
Вендт Григорий Александрович (Евфимий) ■ 143
Верещагина ■ 307
Вернадский Григорий Владимирович ■ 145
Верняев Игорь Иванович ■ 682, 684
Вергинский Александр Николаевич ■ 375
Верхоустинский Элли (Элия) Павлович ■ 269, 530, 549
Веселова Агафья Федоровна ■ 303, 304, 315, 448, 451
Веткин ■ 223
Видеман Фердинанд Иоганн ■ 382, 716
Вийдалепп Рихард ■ 613
Вийрес Антс ■ 393
Вийтсо Тийт-Рейн ■ 417, 418
Виктор Поль-Эмиль ■ 84
Вильде (Лот) Ирен ■ 98, 101, 155
Вильниц Михаил Семенович ■ 64, 144, 145, 489
Вильяри Аго ■ 370
Виноградов В. В. ■ 633, 642, 659
Виноградов Сергей Арсеньевич ■ 196, 214, 269, 375
Вихновский Д. ■ 95

Вишнева Анна Игнатьевна ■ 236, 739
Владимир I Великий (Владимир Святой) ■ 324
Вознесенский Яков Иванович ■ 315
Воолайне Паулоприйт ■ 417
Всеволод (в крещении Гавриил) ■ 198, 309
Вторушина Мария ■ 294, 308, 309
Вяйсянен Армас Отто Лапо ■ 388, 390, 710
Вястрик Эрго-Харт ■ 390, 402, 539, 547, 556, 651

Г

Гаврилкин ■ 305
Гадло Александр Вильямович ■ 404, 405
Ганандер Крестфрид ■ 104
Гаршнек Анатолий ■ 393
Геннеп ван Арнольд ■ 53, 55
Генрих Латвийский ■ 260, 641
Георги Иоганн Готтлиб ■ 104, 382
Герд Александр Сергеевич ■ 444
Гершун-Колин Андрей Иванович ■ 143
Гефтер Александр Александрович ■ 143
Гитлер Адольф ■ 30, 154, 249
Глазов Владимир Нилович ■ 245, 458, 493, 494
Глеб ■ 206, 245, 605
Голицына Мария Петровна ■ 377
Голь де, Шарль ■ 84, 85, 104, 110, 157, 158
Головина Алла Сергеевна ■ 143
Голубинский, Евгений Евстигнеевич ■ 261, 541
Голунова ■ см. Лабупина
Городцов Василий Алексеевич ■ 234, 334, 335, 494, 497, 738
Готье Юрий Владимирович ■ 201, 493
Грабарь Игорь Эммануилович ■ 198, 213, 493
Грёнхаген Юрьё фон ■ 177
Гржебина Ирина ■ 145
Грин Милица Эдуардовна (урожд. Гартье) ■ 129, 130, 139, 140–142, 163, 170

Гринкова Надежда Павловна ■ 445
Гриоль Марсель ■ 44, 47, 61, 62
Гричманов Николай ■ 298, 301, 305
Гричманова ■ 308
Гроздилов Григорий Павлович ■ 464, 495
Громова Юлия Валерьевна ■ 404
Громова Алла Витальевна ■ 145, 146, 161, 164, 165, 399, 487, 489, 501, 508, 517, 598, 865
Грушина (Сергеева) Любовь Евгеньевна ■ 126, 375, 381, 457, 460, 462, 465, 472, 485, 621, 625, 638, 659, 672, 869, 870
Гуль Роман Борисович ■ 143
Гурина Нина Николаевна ■ 464
Густав II Адольф ■ 210
Гучков Григорий ■ 69, 316, 320, 452

Д

Дааматов Константин Дмитриевич ■ 748
Даль Владимир Иванович ■ 564
Даргомьжский Александр Сергеевич ■ 375
Дедич Франк ■ 73, 220, 523
Дедов Терентий Иванович ■ 67, 166, 225, 298
Дементьев Иван ■ 319
Денисов Александр ■ 372
Денисова В., председатель печорского общества краеведов ■ 400
Десанти Доминик ■ 157
Дмитрий Константинович ■ 457
Довмонт (в крещении Тимофей) ■ 198, 247, 582
Довнар-Запольский
Митрофан Викторович ■ 263
Доннер Карл (Кая) Рейнхольд ■ 104
Дорофей, инок ■ 278, 294, 319, 503, 531, 647
Дуайеннель Клод ■ 151, 769
Дубровин Павел ■ 67, 278
Дубровский ■ (224) 251, 304, 316, 482, 549
Дюпэнь Бернар ■ 87
Дюркгейм Эмиль ■ 53

Е

Евгений (Болховитинов Е. А.) ■ 200, 457, 493
Евгений (Евгений Федорович Пелешев) ■ 583, 584
Евламхий (Кругляков) ■ 145
Евфимий ■ см. Вендт
Екатерина II ■ 582
Еремеев-Царев ■ 307
Ермак ■ 306
Ермакова ■ 278
Ершов Семен ■ 306
Ефименко Петр Петрович ■ 495

Ж

Жемчужин Леонид ■ 312, 314
Жемчужина ■ 142
Жиглевич ■ 503
Жид Андре ■ 154, 155, 158
Жирар Эмманя ■ 768
Жуковская Зинаида Владимировна ■ 445

З

Забелин Иван Егорович ■ 262
Заболоцкий Павел Петрович (в иночестве Пафнутий) ■ 206, 213, 505, 582
Заборовский А. А. ■ 458
Зайцев Борис Константинович ■ 143, 145
Зариня Анна ■ 393
Засецкая Марина Львовна ■ 19, 360, 365, 367, 381, 401, 404, 495, 577, 578, 581, 585, 591, 595, 611, 637, 865, 869, 870
Захарова В. Т. ■ 164, 487, 501, 508, 517, 598
Захарова Капитолина Федоровна ■ 443
Званер Мария Карловна ■ 67, 294, 307
Зэй Жан ■ 157

И

Иван (Иоанн) III ■ 196

Иван Иванович (Иоанн Иоаннович) | 209, 504
Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный | 164, 199, 207, 209, 210, 227, 264, 271, 272, 299, 504, 563, 581, 635
Иванов С. В. | 396
Иванов Н. В. | 495
Иванов Вяч. Вс. | 636
Илья (Илья) | 264, 265
Иларион Псковоезерский | 643
Индреко Рихард | 460, 488
Иоанн (Сотников) | 143
Иоанн (Шаховской) | 143
Иона | см. Шестник
Иринарх Затворник | 262, 263
Исправников | 314

К

Кабатчиков Иван | 223
Калафа Мари-Шарлотта | 768
Калима Яло Лахья | 448
Калинина Ольга Владимировна | 19, 343, 348, 399, 400, 404, 577, 584, 585, 586, 591, 611, 865, 870
Калкун Андреас ст. | 402
Каллас Оскар | 104, 203, 383, 388, 423, 717
Калино Перти | 418
Карамзин Николай Михайлович | 457
Карасева | 296
Карп (Карл) Устав | 388
Карусаар | 226
Кассу Жан | 157
Касторский Михана Иванович | 237, 493
Кастрен Маттис Александр | 382
Келли Харпер | 63
Кёшен Пётр Иванович | 357, 382
Кирекеткин | 250, 286, 695–698, 761
Кирида Просветитель | 262
Киристая Арвис | 8, 78, 113, 356, 357, 381, 402, 429, 431, 434, 457, 459, 462, 467, 471, 477, 479, 481, 485, 769, 783, 866, 868, 869
Кирме Каалу | 395

Ковалевский Петр Евграфович | 145, 164
Козловская Мария Петровна | 209
Кошневский Борис Андреевич | 495
Кольк Уло | 395
Кольцов Антон крестьянин | 229
Кольцова Александра | 316
Кольцова Евдокия | 302
Комлева Галина Николаевна | 748
Коновалов Герасим | 217
Константин VII Багрянородный (Порфирородный) | 240, 262
Константин Константинович | 457
Коннос (Рахманинова) Татьяна Сергеевна | 101, 145, 195, 249
Копарев Федор | 320
Кореев Михаил | 316
Корнилий | 205, 207, 210, 261, 265, 345, 563, 564, 567, 582, 602
Косточкин Владимир Владимирович археолог | 136, 145, 169
Коше М.-А. | 40, 103, 109, 110
Коэн Марсель | 39, 44, 47, 51, 52, 64, 67–69
Крайний Григорий | 223
Крейцвальд Фридрих Рейнхольд | 357, 382–384, 429, 650
Крузе Фридрих | 457, 466
Кузаков Иван | 448
Кузнецов | 306, 316
Кузнецова Галина Николаевна | 143
Кулишер Иосиф Михайлович | 257
Курбский Андрей Михайлович | 207, 210
Кушанов | 297, 317
Кушенова | 296

Л

Лаанету Николай | 165, 735, 751, 752, 866, 871
Лабуре Анри | 39
Лабутина (Голунова) Инга Константиновна | 465
Лавр Семен | 302
Лаврова В. В. | 146
Лайд Ээрик археолог | 219, 460

Ландау Марк (М. А. Алданов) ■ 143
Ласкаржевский Николай Иосифович ■ 145
Лебрен Альберт ■ 43
Леви-Брюль Люсьен ■ 39, 44, 53
Левицкий Анатолий ■ 40, 44, 84, 155–159
Левкович Е. Ф. ■ 136
Левкович И. У. ■ 136
Легри Ефимия ■ 78, 731, 732
Лейнбок ■ см. Линнус
Лейтма Теодор ■ 372
Ленин Петр ■ 301
Леруа-Гуран Андре ■ 44
Ливен Анатолий Павлович ■ 161
Лиенау-Линно С. ■ 459
Лиалак Анти ■ 467
Линнус (Лейнбок) Фердинанд ■ 64–66, 109, 110, 531, 554, 555
Лисовский Александр Юзеф ■ 213
Лифшиц Дебора ■ 44
Лихоносов Виктор Иванович ■ 143
Лихорев ■ 210, 504
Лооритс Оскар ■ 395, 613, 617
Лопатин Николай Владимирович ■ 466
Лопатина Екатерина Михайловна ■ 129
Лосский Борис Николаевич ■ 143
Лот Ирена ■ см. Вильде
Лот-Бородина Мирра ■ 155
Луйк Хейди ■ 467
Лукашев Иван Андреевич ■ 142
Ляцкий Евгений Александрович ■ 386, 387, 748
Льйм Тато ■ 94

М

Мазон Андре ■ 179
Макарий ■ 55, 237, 263–265, 324
Макаровская ■ 739
Макаровский Александр Иванович ■ 199, 375, 462
Макашин Сергей Александрович ■ 169

Макеева Варвара ■ 296
Малер Эльза (Елизавета Эдуардовна) ■ 28, 50, 136, 145, 165, 193, 227, 249, 252, 679
Мальйй Алексей ■ 209
Мальшев Владимир Иванович ■ 136, 145, 169
Мальро Андре ■ 158
Малюта (Скуратов) ■ 210
Мамин Николай ■ 680
Мандельштам Юрий Владимирович ■ 46, 220
Ман-Лот Марианна ■ 155
Маннинен Илмари ■ 390, 392, 714
Мануйлов А. Е. ■ 465
Марасинова Людмила Михайловна ■ 429
Мария ■ 155
Маркус Эдуард ■ 2, 350, 356, 357, 556
Машечкин Василий Михайлович ■ 388, 389, 748
Мейенбург де Мариана ■ 769
Мельников Сергей ■ 429
Метсвахи Мерили ■ 402
Мехнецов Анатолий Михайлович ■ 681, 682
Мийо Жак ■ 39
Милова ■ 315
Мильруд Михаил Семенович ■ 136
Милюков Павел Николаевич ■ 30, 130, 131, 145, 168, 228
Минасян Рафал Сергеевич ■ 465
Минин Петр ■ 305
Минина Анна ■ 305
Миротворцев М. ■ 382, 495
Мисюрё Мунехин Михаил Григорьевич ■ 196, 502
Михайлов Александр Валерьевич ■ 466, 468
Михайлова Елена Робертовна ■ 381, 457, 464, 471, 493, 738, 866, 869
Михельсон Татьяна Николаевна ■ 136, 145, 169
Моора Харри Альбертович ■ 63, 123, 183, 228, 393–395, 460, 464, 487–489
Мордвинов Исаакий Петрович ■ 375
Мосс Марсель ■ 38, 39, 41, 44, 47, 48, 50, 53, 55–57, 61, 64, 69, 77, 84, 99, 109

Мудрый Ярослав ■ 202, 259
Мунехин ■ см. Мисюръ
Муромский (Муромцев, Муромцов) Вассиан (Васьян) ■ 210, 582
Мусоргская (Мусорская) Мария Петровна ■ 209
Мусоргский (Мусорской) Петр Иванович ■ 209
Мусорский Иван Петрович ■ 209
Муст Мари ■ 417, 420
Мюрк Флора Карловна ■ 304, 314
Мягисте Юлнус ■ 394, 417, 424, 429, 434, 439, 572

Н

Нассар Эльви ■ 402
Неволин ■ 295, 296
Неволина (Неволиха) Марфа ■ 296
Невский Александр Ярославич ■ 150
Некрасов ■ 218, 219
Нерман Биргер ■ 459
Нестеров Петр ■ 372
Никандр (Ликандр, Ликандра, Илкандр) ■ 265, 278, 298, 302, 305–307, 313, 315, 587, 606, 635, 637, 643, 673, 674
Николай (Лейсман) ■ 369
Николай (Смирнов) ■ 143
Николай II ■ 372, 377
Никулин Лев Вениаминович ■ 143
Новожилов Алексей Геннадьевич ■ 56, 168, 381, 399, 404, 405, 577, 677, 679, 695, 701, 708, 761, 866, 870
Нольде Александр Николаевич ■ 164

О

Оддон Ивонн 44, 84, 156, 158
Окулич-Казарин Николай Фомич 459, 477, 493–495
Окунева (Расовская) Ирина Николаевна 27, 145, 165, 193, 220, 252, 523, 679
Олейников Г. П. 136
Ольга, Ольга Российская княгиня ■ 217, 245, 307, 457

Онуфрий Мальской ■ 56, 199, 263, 298, 313, 585, 637, 666
Орлова Вера Георгиевна ■ 443
Орлова В. А. ■ см. Феодосия
Осипов ■ 306
Осипова И. ■ 136
Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич ■ 143, 164, 598
Отгон ■ 262
Офицеров Яков ■ 299, 301

П

Павел (Горшков) ■ 504
Павел Александрович ■ 457
Паллаас Петер Симон (Пётр-Симон) ■ 382
Памфил (Памфилий) ■ 286, 552
Парамон ■ 294
Пармас Оскар ■ 459
Пафнугий ■ см. Заболоцкий
Пауль Сергей Миронович ■ 136
Паюсаду Карл ■ 165, 348, 402, 417, 422, 728, 866, 869
Персин де, Ксения ■ 30, 136
Персонова ■ 315
Петен Анри-Филипп ■ 157
Пезтс Юри ■ 467
Пийпенберг Эрих ■ 117
Пийри ■ 611
Пино Вера ■ 393, 395
Пихо Маре ■ 165, 348, 396, 398, 399, 401–403, 408, 510, 524, 558, 561, 565, 570, 573, 713, 717, 719, 720, 723, 727, 732, 866, 869, 870
Плевицкая Надежда Васильевна ■ 375
Плетенберг фон, Вольтер ■ 217
Плюшкин Федор Михайлович ■ 748
Позняк А. ■ 164
Покровский Егор Арсеньевич ■ 36
Покровский Н. И. ■ 542
Полян Жан ■ 157
Польм Дениза ■ 44

Пономарев Андрей Юрьевич ■ 136, 137, 145, 146
Попов Александр ■ 429
Порошина ■ 299
Прантс Хиндрик ■ 530, 531
Прегель-Брейнер София Юльевна ■ 145
Прен (Торнтон-Прэн) Эрик Дмитриевич (Эдмундович) ■ 145
Прен Ирина Эдуардовна ■ 145
Привалов Анисим ■ 315
Пришвина Валерия Дмитриевна ■ 143
Прокопович Феофан ■ 642
Пушкин Александр Сергеевич ■ 308, 370
Пушкин Иона ■ 208
Пушкин Петр Степанович (Степанов) ■ 209
Пушкин Симон Васильевич (Васильев) ■ 209
Пыдымяз Рудольф ■ 613
Пяль Пеэтер ■ 429, 434
Пяртлас Жанна ■ 402
Пяхнапуу Мааря ■ 398

Р

Рабинович Михаил Григорьевич ■ 145, 169
Рааг (Раак, Рак) Николай о. ■ 269, 302
Раковский Леонтий Иосифович ■ 143
Раппопорт Павел Александрович ■ 136, 145, 169, 464, 465
Раудкатс Анна ■ 388
Раудоя Ахто ■ 13, 360, 381, 401, 402, 406, 438, 495, 512, 513, 515, 521, 522, 529, 577, 641, 644, 648, 650, 652, 720, 721, 866, 869, 870
Раудсепп Александр ■ 372, 373
Рахманинов Сергей Васильевич ■ 101, 145, 195, 249
Рейер Виктор ■ 388
Рерих Николай Константинович ■ 213, 517, 677
Рескупорид II ■ 335
Риве Поль ■ 9, 29, 30, 32, 34–36, 38–44, 46, 47, 49, 51, 52, 56, 58, 61, 63, 66, 70, 76,

79, 84, 86, 87, 96, 97, 103, 109–111, 125, 126, 135, 155, 183, 184, 186, 187, 191, 220, 868

Ривьер Жорж-Анри ■ 41, 44, 47, 76, 79
Ривьер Тереза ■ 44
Риккен Александр ■ 372
Рихтер (Петрова) Елизавета Владимировна ■ 350, 383, 393, 394, 396, (429), 655, 709, 713, 754
Розов Александр Евгеньевич ■ 63, 73, 76, 136, 181, 193, 219, 221, 496
Розов Евгений Александрович ■ 63, 136, 166, (226), 291, 297, 298
Романов Константин Константинович ■ 386, 389, 503, 517, 748
Росовский ■ 193, 252
Ростовцев Михаил Иванович ■ 220, 233, 235, 334, 335
Рузвельт Франклин ■ 157
Румянцев Николай Петрович ■ 200
Руссов Бальтазар ■ 641
Рыбаков Борис Александрович ■ 393, 542, 636
Рянк Густав ■ 103, 390, 391, 553, 555, 556

С

Саадре Освальд ■ 115, 117, 460, 488
Саар Эвар ■ 429
Сааресте Андрус ■ 417
Саарц Л. ■ 493
Саммалахти Пекка ■ 418
Савельев Павел Степанович ■ 257
Сарв Вайке ■ 395, 399, 402
Сарв Яан ■ 395
Свенссон Зигфрид ■ 104
Свидзинский Георгий Владимирович ■ 136
Северянин (Лотарев) Игорь Васильевич ■ 375
Седов Валентин Васильевич ■ 136, 145, 169, 463, 465–467, 498, 51, 542, 625
Седов Вл. В. ■ 510, 561–563, 573, 625
Селога ■ 205
Семенов Кузьма ■ 320

Семенова А. Г. ■ 370
Семенов-Тянь-Шанский Вениамин Петрович ■ 145, (263)
Сергеева А. Е. ■ см. Грушина
Сергей Александрович ■ 457
Сергий Радонежский прп. ■ 325, 510, 512
Сизов Владимир Ильич ■ 245, 493
Симм Яак ■ 395, 429, 434
Синайский Василий Иванович ■ 104, 105, 163, 196, 269, 494, 501, 503, 510
Смирнов Д. ■ 375
Смирнов Н. П. ■ 169
Смирнова Мария ■ 357, 422, 556, 626, 644, 752, 769
Солженицын Александр Исаевич ■ 18, 64, 119, 130, 139, 163, 170, 443, 465, 769, 868
Солженицына Наталья Дмитриевна ■ 130, 139
Сологуб Наталья Борисовна ■ 145
Сомов ■ 301
Сорокин Михаил ■ 217
Сотникова ■ 278, 314
Спиридон Иванович ■ 279
Спицын Александр Андреевич ■ 244, 245, 258, 494, 496, 497
Степун Маргарита Августовна ■ 145
Степун Федор Августович ■ 145
Струве А. П. ■ 143
Струве Глеб Петрович ■ 143
Струве Никита Алексеевич ■ 145
Суйгусаар Дмитрий ■ 372
Суйк Альфред ■ 459, 478
Сустель Жак ■ 32, 44, 71, 72, 103, 110, 136, 168
Сяяги Виахельмине ■ 352, 616
Сяэги В. ■ 108

Т

Тазихина Любовь Владимировна ■ 748
Тальгрэн Арне Михаэль ■ 119, 125, 199, 200, 257, 459, 477, 486
Тамик Василий ■ 321

Тампере Херберт ■ 395
Тараканова Сусанна Андреевна ■ 464
Тийон Жермена ■ 44, 156–158
Тит ■ 294
Титов Василий ■ 63, 194
Тихон (Секретарев) ■ 505, 564, 580
Толстой А. С. ■ 136
Толстой Н. И. ■ 542
Толстой М. ■ 581
Тоомсау Юло ■ 417
Трувор ■ 200, 384, 457, 578
Трусман Юрий Юрьевич (Георг) ■ 102, 104, 210, 260, 261, 356, 357, 383, 384, 386, 391, 417, 429, 430, 446, 457, 495, 530, 543, 549, 553, 555, 643, 645, 647, 752, 753
Тубби Якоб ■ 291
Туманский Федор Антонович ■ 382
Тургенев Иван Сергеевич ■ 372
Тьниссон Эвальд ■ 465
Тьнурист Игорь ■ 395
Тэффи (Надежда Лохвицкая) ■ 143

У

Уваров Алексей Сергеевич ■ 457, 514
Ульянов Алексей ■ 270
Ульянова Н. ■ 146
Ульянова ■ 270, 589
Ушаков Ф. А. ■ 458, 477

Ф

Фастер Марика ■ 417, 429, 434
Федоровский Адриан ■ 40
Федорова П. ■ 146
Феодор (Федор) Иоаннович (Иванович) ■ 209, 210, 504
Феодосия (В. А. Орлова) ■ 145
Филофей ■ 196
Финагин Александр ■ 305
Флоринская А. Я. ■ 146
Фобле Жак ■ 44
Фондаминский Илья Исидорович ■ 145

Фоцдан Ибн | 245
Фрезер Джеймс Джордж | 53
Фридрих | 211

Х

Хагеман Зинаида Николаевна | 272
Хагеман | 271
Хабихт Тамара | 393
Хагу Пауль | 71, 395, 396, 397, 402, 406, 552, 554, 556, 572, 591, 601, 629, 647, 677, 701, 866, 870
Хартманн Херманн Эдуард | 383, 388
Хейвуд Энтони | 129, 134
Хейкель Аксель Олай | 388, 714
Хитрош Арсенний | 209
Ходов | 317
Холмберг (Харва) Уно Нильс Оскар | 104
Хосрой II | 257
Хоткевич (Ходкевич) Ян Кароль | 213
Хофманн-Крайер Эдуард | 104
Хохлачев | 225
Хрустневые | 142, 309, 310, 312
Хрущев Сергей Андреевич | 399, 404
Хург Якоб | 103, 104, 350, 356, 357, 383, 384, 385, 388, 391, 404, 417, 429, 557, 579, 702
Хугорянова Ольга | 337
Хярн Томас | 641

Ц

Цанк Анна | 78, 280
Цветаева Марина Ивановна | 146

Ч

Чебоксаров Николай Николаевич | 393
Чеквер Рахиль Самойловна (Ирина Яссен) | 145
Чеквер Лев Иосифович | 145
Чернягин Николай Николаевич | 495
Чириков | 146

Ш

Шадухин Михаил | 304
Шаляпин Федор Иванович | 375
Шахматов Алексей Александрович | 382
Шёгрэн Андрес Иоханн (Андрей Михайлович) | 382
Шендрик Д. З. | 263
Шерман Семен Григорьевич | 143
Шестник Иоанн (Иона) | 580, 673
Шлегель Христиан Иероним Юстус | 357, 382
Шлёцер Август Людвиг | 382
Шляпкин Илья Александрович | 200, 514
Шмидехельм Марта | 63, 79, 121, 459, 460, 478, 488
Шпис Мария Ивановна | 257, 679
Шульц Павел Николаевич | 495

Э

Эйзен Матнас Йоганн | 104
Эйзенштейн Сергей Михайлович | 150
Эллий (Элия) | см. Верхоустинский

Ю

Юденич Николай Николаевич | 161, 367, 371, 489
Юзар Мари | 465
Юмбер Аньес | 157
Юнг Яан | 477, 648, 772
Юпатов Иван Феропонтович | 211

Я

Янинойя | 271
Яковлев Никита | 318, 616
Янчин В. В. | 205
Ярослав | см. Мудрый
Ярославна | 235, 516
Яссен | см. Чеквер

■ Топонимический указатель

Топонимика Сетомаа является отражением сложных этнокультурных процессов, происходивших на этой территории в течение длительного времени. Одни и те же топонимические объекты могут иметь несколько параллельных названий, бытовавших в двух языковых традициях. Топоним, использовавшийся сето, иногда может полностью отличаться от русского. Параллельные сетоские наименования имеют и некоторые деревни, которые уже в начале XX в. были населены исключительно русскими. При этом, среди русского населения использовались преимущественно русские, а среди сето — сетоские топонимы (см. также Kiristaja 2013).

Разбираться в сложной системе параллельных топонимов поможет топонимический указатель, а в их местонахождении — карта в статье А. Киристая «Наименования деревень сето и их возможное происхождение» (с. 429) и соответствующая карта в конце книги, где указаны сетоские наименования всех деревень. В указателе представлены названия населенных мест (ойконимы), водоемов (гидронимы), гор и холмов (оронимы), в него не включены названия стран, регионов, микротопонимы почитаемых камней, деревьев, источников, а также могильников.

Подчеркиванием выделены топонимы, встречающиеся в архивных документах А. Зурова и Б. Вильде. Некоторые ошибочные формы написания, использовавшиеся А. Зуровым, сопровождаются знаком «*». Этническая принадлежность населенных пунктов в первой половине XX в. указывается только в случае их нахождения в пределах Сетомаа / Печорского края: сето, русские, эстонцы, латыши. Рассеянное латышское население в южной части региона не учтено. В указателе обозначена современная государственная принадлежность всех типов топонимических объектов.

А

Аблеха, Блеха *см. Обдек*

Авдеево / *Aud'assaarõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 115, 226, 241, 435

Алатскиви замок, Эстонская Республика ■ 504

Алуксне город, Латвийская Республика ■ 356, 358, 565

Ананьино / *Hillakõstõ, Hillakese* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 438, 471

Андрейково / *Alaotsa* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 434, 471, 644, 655

Андрюково / *Antkruna* (сето) деревня, Эстонская

Республика ■ 431, 435, 471

Аннамяги / *Annemägi, Annõmägi* (сето) хутор, Эстонская Республика ■ 290

Анохова Губа, Анохово, Анодово* / *Anohhova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 223, 431, 471

Анцина Гора / *Põrstõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 471

Аполихино *см. Скачки*

Аристово / *Aristova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Афон остров, Греческая Республика ■ 505

Б

- Бабино Каменище, Бабино-Каменище** / *Seegasaarõ, Kito* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 434, 471
- Балтийское море** ■ 246, 259, 260, 497
- Барканово** / *Parkanua* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 471
- Бататино** / *Pattina* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 435, 471
- Башкирово, Башкирцево (Гребельцово)** / *Paskira* (сето, русские) деревня, Эстонская Республика ■ 114, 115, 226, 241, 431, 471
- Бebesкино** / *Bebeskina* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 342, 471
- Белград** город, Республика Сербия ■ 193, 195, 252, 523
- Белка** / *Pelska* река, Российская Федерация, Псковская обл., Эстонская Республика ■ 179, 229, 232, 245, 431, 432, 661
- Белозерье** историко-географическая область, Российская Федерация, Вологодская обл. ■ 452
- Бельково, Бор-Бельково** / *Pelkova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226, 278, 314, 431, 433, 471, 627
- Бельск, Бельско** / *Pelska* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 279, 431, 432, 471
- Березнюк** / *Peresniga* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471
- Березье** / *Peresi* (русские, сето) деревня, Эстонская Республика ■ 190, 236, 241, 258, 431, 471, 481
- Берлин** город, ФРГ ■ 151, 154
- Бобренки**, Тарасово (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 229, 303, 304, 315, 448, 451, 471
- Боброво** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Бобры, Пабра** / *Pabra* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 432, 468

- Богомолово** / *Pohomoolova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 431, 432, 471
- Болгары*** (Булгар, Болгар) истор. город Золотой Орды, Российская Федерация, Республика Татарстан ■ 202
- Большой Круп** см. Круп
- Борисовка, Борисово** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 471
- Боровенское, Буравенское** / *Labõritsa järv* озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 57, 186, 189, 229, 232, 331, 471, 751, 755
- Боровик** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445
- Борок** / *Palo* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434
- Борок** / *Paloveere* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471
- Борок** / *Porr, Porkva* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 434
- Борок** (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 117
- Ботвинская [речонка]** Российская Федерация, Псковская обл. ■ 316, 452
- Ботвино** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 69, 186, 229, 306, 316, 320, 337, 432, 452, 626, 659
- Бракман [фольварк]** усадьба, Эстонская Республика ■ 241
- Бревенник** локальный топоним, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 315, 452, 659
- Брезделево, Косенки** / *Kuurakõõd* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 435
- Бродневка [местность]** (русские) территория, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225
- Брунишово** / *Brunišõ* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 320, 431, 432, 644, 651
- Бубницы** / *Puugnitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 471

Будапешт город, Венгерская Республика ■ 388, 395

Будовиж, **Будовижи**, **Будовищи**, **Будовищ** / *Puudovissa, Puudavitsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 56, 57, 189, 222, 229, 232, 250, 431, 471, 527, 586, 678, 695–698, 751, 765

Буживаль пригород Парижа, Французская Республика ■ 101, 169

Бурмакино, **Тсиргу** / *Tsirgu* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434, 465, 644, 645, 648

Бухалово, **Бухолово** / *Puubolova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 432, 471

В

Вааксаары, **Ваксары** / *Vaaksaarõ (mulk)* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 430–432, 555, 557

Валаамские острова архипелаг, Российская Федерация, Республика Карелия ■ 352

Валге / *Valg(e)järv* озеро, Эстонская Республика ■ 244

Ваннакюли / *Vanaküla* деревня, Эстонская Республика ■ 244

Варапаново / *Varapanova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 431

Варусово, **Воронова** / *Varõsmäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 434, 437

Васла см. Грехнево

Вастселийна замок см. Нейгаузен

Вастселийна волость, Эстонская Республика ■ 419, 421, 423

Васцы, **Вастцы** / *Vahitsõ, Vastsõ* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 313, 337, 431, 433, 527, 673

Вашина Гора (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 666, 673

Ведерниково / *Vedernika* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471, 635

Великая река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 202, 215, 244, 257, 259, 270, 307, 323, 324, 358

Великие Луки город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 681

Великий Новгород см. Новгород

Великое княжество Литовское ■ 199, 205, 208, 209, 240

Велна, **Невелино** / *Velna* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 465, 471, 764

Велье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225, 248, 298, 301, 305, 308, 471

Венсены муниципалитет (коммуна), Франция, Париж, департамент Валь-де-Марн ■ 156

Вергулица река, Российская Федерация, Псковская обл. / Латвийская Республика ■ 316

Вергулица, **Верхулицы**, **Вехрулица** / *Vebrulitsa, Verbulitsa, Veerulitsa, Vehrulitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 438, 439, 471

Веребково, **Верепково** / *Verepkova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 186, 216, 229, 431, 432, 460, 471, 488

Вертушкино / *Verska* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471

Верхоустье см. Вярса

Веселкино, **Веселкина*** / *Vesselkina* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 95, 186, 229, 268, 289, 431, 432, 735, 736

Ветвеник, **Ветвеник** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Ветрово (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Видовичи (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223

Видовичи Большие (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 471

Видовичи Малые (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Вило / Паниковская волость, административно-территориальная единица, Российская

- Федерация, Псковская обл. ■ 346, 356, 388, 430, 459, 462, 477, 478
- Виски** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 460, 471, 488
- Вишняково** / *Visnakova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 258, 431
- Владимир** город, Российская Федерация, Владимирская обл. ■ 234, 516
- Во** / *Võhandu*, *Voo* река, Эстонская Республика ■ 8, 241, 350, 431, 470
- Волга** река, Российская Федерация, Республика Казахстан ■ 244, 259, 445
- Волхов** река, Российская Федерация, Новгородская обл. Ленинградская обл. ■ 248
- Воронино** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 278
- Воронино, Воронина** гора, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 310, 457, 471, 667
- Воронич** пригород г. Пскова (XIV–XVI вв.), городище, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308
- Воронкино, Воронино** / *Voronitsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 278, 281, 284, 306, 320, 337, 431, 432, 735, 740, 741
- Воронково** / *Saarõkülä*, *Saarõrää* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 440
- Воронова** см. Варусово
- Вруда** / *Ruida* река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 314, 432, 626
- Выбуты** см. Лыбуты
- Выморково** / *Säpinä'* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 437
- Выморск, Выморски, Тютино** / *Võmorski* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 229, 232, 258, 431, 435, 436, 467, 471, 661
- Вьползово** деревня, Российская Федерация, Псковская область ■ 244
- Выру, Верро** / *Võru*, *Võro* город, Эстонская Республика ■ 650
- Вырумаа, Вырусский уезд** / *Võrumaa* Эстонская Республика ■ 429, 439, 555, 635, 641, 655, 659, 661, 683
- Вышгородок** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 211, 234
- Вышний Волочок** город, Российская Федерация, Тверская обл. ■ 445
- Вязиково Большое** / *Lepä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434, 471
- Вязиково Малое** / *Kärnä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434
- Вязьмово** / *Vääsmova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 471
- Вяйке Рысна, Вяйко Рысна, Вяйко-Рысна, Вяйке-Рысна, Малая Тросна, Малая Троста, Малое Тростно** / *Väike-Rõsna, Väiko-Rõsna, Väiko'-Rõsna'* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 82, 274, 425, 426, 431, 434, 437, 467, 471, 727
- Вярса, Верхоустье** / *Värsku* (сето) село Эстонская Республика ■ 82, 223, 226, 350, 356, 403, 431, 471, 526, 568, 613, 655, 702, 710
- Вярса** / *Värsku* волость, административно-территориальная единица, Эстонская Республика ■ 712
- Вярса/ Вярса** залив, Эстонская Республика ■ 462, 560

Г

- Гаврилкино** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 688
- Гагарино** / *Kagarinna* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 626, 635
- Гаино Поле** (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 216, 471
- Галлия** историко-культурная область, Франция ■ 234, 285
- Гверстонь, Гверстонь Большая** / *Suurõ-Verstuna* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 224, 258, 286, 431, 471, 635

Гверстонь Малая / *Väiko-Verstuna* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 224, 431

Гвоздно деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Гдов город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Герасик, Гересика (совр. Ерсика) город (совр. село), Латвийская Республика ■ 248, 260

Гётеборг город, Королевство Швеция ■ 79

Гигино / *Tedre, Tedreküla* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434

Глазово / *Klaasova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471

Гнилкино / *Gnilkina* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 216, 223, 433, 471

Голино / *Koolina* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 430, 471

Горелый Рей / *Haki* (русские, сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 437, 440

Горемыкино, Горемыкино Большое, Хярма / *Härma, Suurõ-Härma* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 468, 471, 554, 555, 568, 570, 644, 645, 648

Горенки, Куйгы / *Kuigõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 306, 320, 431, 432, 471, 626, 627, 644, 651

Горенский мыс, Российская Федерация ■ 262

Горка деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Горки / *Korki* (сето, русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 435

Горланово / *Koorla, Suurõ-Koorla* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 96, 229, 432, 471

Городач городище, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 201, 217, 218

Городачек, Митковицкий Городачек городище, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 165, 217, 218, 224, 259, 464

Городец, Городец Малый деревня, Российская Федерация, Псковская обл. 115, 118, 223

Городище / *Korodissa* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 57, 74, 142, 186, 189, 218, 229, 232, 257, 258, 259, 306, 308, 309, 371, 431, 451, 471, 515, 529, 562, 626, 627, 746, 767

Городищенское / *Irboska järv* озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 309, 433, 666

Городок городище в Лезгах, Российская Федерация, Псковская обл.

Городок городище при д. **Городище**, Российская Федерация, Псковская обл.

Горончарово, Гончарово / *Krandsalova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 431, 432, 735

Гороховое озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308

Горушка, Горушки / *Korski* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 222, 224, 229, 232, 321, 431, 435, 471, 648, 651, 644

Готланд остров, Королевство Швеция ■ 246

Грабилово / *Krabilova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 435

Грас, Грасс город, Французская Республика ■ 158, 164, 169, 194

Гребельцово см. Башкирцево

Гренталь фольварк (усадьба), Эстонская Республика ■ 245

Грехнево, Грехнево, Васла, Васьяла / *Vasla* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 467, 471, 555

Грива / *Kriiva* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 217, 432, 471

Д

Давыдов Конец / *Tavidakondsa* (русские), деревня Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 198, 232, 431, 433, 471, 514, 626

Давыдово Загорье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 198, 471, 514

Дакар город, Республика Сенегал ■ 41, 48

Даугава, Двина, Западная Двина река, Республика Беларусь, Российская Федерация, Латвийская Республика ■ 244, 246, 248, 259, 260, 323, 356

Дегатница / *Tõganitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 471

Дерпт см. Тарту

Джибути город, Республика Джибути ■ 41, 48

Днепр река, Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина ■ 240, 244, 259, 323

Доброц, Дооброц* / *Tobratsa (Kassilaane)* деревня, Эстонская Республика ■ 241, 244, 245

Долгая Гора деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 305

Дордонь департамент, административно-территориальная единица, Французская Республика ■ 86

Дрисливик / *Ristivika* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 764

Дрисливик Большой / *Suurõ-Ristivika* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471

Дрисливик Малый / *Väike-Ristivika* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471

Дуплово, Дуплево, Туплева, / *Tupluva* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 80, 82

Дубовка, Лыбовка / *Võõpsi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 241, 244, 471

Дубово / *Hallõ* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 437, 440

Дубровка / *Tobrova* (сето) деревня, Эстонская Республика

Дуравино / *Tiravinna* (русские), Российская Федерация, Псковская обл. ■ 435

Духнова Гора деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Дыдино деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 309

Дяглово см. Тяглово

Дяглово, Дятасво / *Täätlinvä* (русские, сето) деревня (бывш. Паниковская вол.), Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 279, 289, 322, 431, 432, 471, 557, 558, 644, 651, 735

Дяглово / *Täätlova* (русские) Российская Федерация, Псковская обл. (бывш. Изборская вол.) ■ 433

Е

Екшино / *Jõksi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434, 471

Емельяново / *Melähnõvä* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 435

Ерехново деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Ермаково / *Ermakova, Ermakuva* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 471, 662

Ж

Желавкино деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 317

Железово / *Selesova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 432, 471

Желча река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 643

Жеравья гора, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 662

Житенки (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 266

Журова Кахова, Журово Кахово / *Järvepää, Järvekiilä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 434, 440, 471

З

Забелино / *Sabelina* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471, 626, 635

Забельск / *Üle-Pelska* (сето) «утол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 430

Заболотье / *Vil'o* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 471

Заболотье / *Saabolda* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435

Забудовижье, Забудовижье Большое, **Пырсты** / *Põrstõ* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 398, 431, 432, 434, 569, 570, 572

Завиденский Мох, Завиденские Мхи болото, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 226, 298, 305, 626, 627

Загорье / *Sagorje* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 471, 643, 662, 663

Задорожье / *Sandra* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 644, 655

Задорье / *Sadora* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 568, 570

Зайково (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302

Займище, Линдси / *Lindsi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471, 555, 654

Зайцево / *Jänese, Jäneste* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434

Залавьс (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 313, 662, 673, 674

Залахтовье деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 446

Залесье / *Saalessa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 186, 198, 229, 350, 371, 373, 471, 514, 515, 568

Замогилье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 278, 306, 471, 626, 637

Замощье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 471

Заонежье историко-географическая область, Российская Федерация, Республика Карелия ■ 452

Заполье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 643

Запсковье район г. Пскова, Российская Федерация, Псковская область ■ 503

Заречье, Тетья / *Tetja* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 225, 662, 663

Засосье деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 643

Затрубье / *Truba* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 232, 431, 433, 471, 673

Захарево, Захарово / *Sabbareva* деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 432

Захново см. Сахново

Заходы, Захожье / *Sahodsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 186, 229, 232, 245, 258, 431, 471, 529, 530, 431, 693

Зачеренье, Зачернье, Саатсе / *Saatse, Satserinna* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 56, 61, 101, 186, 188, 199, 223, 225, 288, 318, 408, 430, 431, 435, 471, 565, 572, 614, 616, 637, 644, 645, 647, 648, 651, 652, 654, 709–711, 747

Зимний Борок / *Simni-Poroki* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 216, 224, 225, 245, 299, 431, 471, 751

Зыполье / *Lõpolja* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471, 570, 572

Зуево / *Puista* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434

И

Иван Град, Ивангород город, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 264, 510

Иваново Болото / *Ivana-Paloda* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 117, 255, 431, 471, 626, 635

Иверицы (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Игнатово / *Kol'o* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 434, 471

Игнашово / *Ignasõ, Ignasimäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 555

Игрище, Игрися / *Igrissä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 471, 626, 635

Игуменский уезд административно-территориальная единица, Республика Беларусь ■ 263, 352

Изборск, Старый Изборск / *Irboska, Vana-Irboska* (русские) город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 46, 67, 114, 130–132, 142, 164, 168, 186, 196, 199, 200–202, 205, 207, 210, 217, 217, 223, 227, 229, 240, 246, 248, 257, 259, 260, 263, 266, 270, 278, 286, 298, 305, 306, 308–310, 312–314, 323, 324, 341, 343, 344, 350, 356, 358, 371, 381, 393, 398, 406, 421, 430, 433, 439, 457, 459, 460, 462, 464–466, 471, 488, 493, 494, 510–512, 514, 516, 530, 532, 561–563, 565, 573, 578, 583, 587, 626, 627, 635, 661, 662, 663, 667, 668, 670–674, 695, 708

Извадь см. Уусвада

Ильменское озеро, Ильмень озеро, Российская Федерация, Новгородская обл. ■ 246, 248, 259

Исаа, Иссаа* / *Issaadi, Issadi* (русские) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 431, 435, 471

К

Кабри коммуна, Французская Республика ■ 158

Кадниковский уезд административно-территориальная единица, Российская Федерация, Вологодская обл. ■ 452

Каунас город, Литовская Республика ■ 36, 38

Какшино / *Kokšina* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 471

Калки, Калки Большие (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 223, 471, 483

Калки Малые (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Калоцкое озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223

Калугино, Калугина / *Koluga* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 82, 280, 431, 727

Каменец ручей, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 240, 266, 293, 294, 319, 587

Каменка (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 186, 229, 232, 245, 258, 259, 286, 471, 524

Каменка остров, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 116, 119, 524, 525, 569, 571

Камница / *Kamitsa* деревня, Эстонская Республика ■ 244

Каргопольский уезд административно-территориальная единица, Российская Федерация, Архангельская обл.

Качино (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 188

Кашино (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 229, 232, 278, 314, 471, 626, 692, 735

Кербино, Кеэрба / *Keerba, Kärbä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434, 644, 645, 648, 650, 652

Керино / *Keerü* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 434, 471

Керчь город, Российская Федерация, Республика Крым ■ 335

Киев город, Республика Украина ■ 580, 581

Кизино (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302

Кикуты / *Kikuta* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 432, 479

Клинцы (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 57, 67, 166, 186, 189, 222, 225, 229, 298, 751

Княльск (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 471

Киршино / *Kürsina* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 431

Кислово-Вонронкино (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 290

Клавшино, Лаоссина / *Laossina* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 120, 226, 241, 244, 258, 431, 434, 465, 467, 471, 483, 484, 487

- Клезино** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Клинцы** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 301
- Ключище** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471, 663
- Князь Село (Князь-село)**, Сельцо-Князево деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 217
- Кобылинская волость** административно-территориальная единица, Российская Федерация, Тверская обл.
- Козяево** / *Kitsõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434
- Колодовец** / *Kolodavitsa* деревня, Эстонская Республика ■ 241
- Коломна** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 471, 527
- Колосовка, Колосовка** / *Kolossovka* (русские, эстонцы) имение, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 331, 433, 471, 626
- Колосово** / *Kolossova* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471
- Колпино** / *Kulkna* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 226, 297, 299, 367, 626
- Колпино, Колпина** остров, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 198, 207, 226, 241, 270, 286, 296, 299, 367, 450, 510, 563, 753, 764
- Колпинская** река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 241
- Комаровский хутор, Комарово** (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 279, 305, 322, 557, 558
- Кондрашово** / *Kundruõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471
- Кондуши** деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 217
- Коневец** остров, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 264, 325
- Конечки** / *Konetska* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 459, 460, 465, 471, 488, 532
- Константиново** *см.* Серга
- Константинополь** город (совр. Стамбул), Турецкая Республика ■ 202
- Копаницы** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471, 523
- Копорье, Копорье Град** (устарев.) деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 264, 324
- Корела, Корела Град** (устарев.) город (совр. Приозерск), Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 264
- Коса** / *Kossa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 432, 468, 471
- Косенки** *см.* Брезделево
- Костино** / *Kostina* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Косыгина гора** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225, 245, 297
- Косыгино** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 117, 225, 258, 297, 433, 468, 471, 626
- Котельниково** / *Kotelnika* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435
- Котья Гора** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 297, 298, 468, 471, 626
- Кошельки** / *Kosvelka* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 663, 666
- Кошельник** / *Kotelniki* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244
- Кошеляха, Кошеляхи, Кошелки** ж.-д. станция, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 222, 224
- Красна** поселок *см.* Красногородск
- Кранцово, Кранцова, Кранчово** / *Krantsova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 553–555, 557

- Красная Гора** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 263, 471
- Красногородск, Красногородское, Краасна / Ktaasna** поселок, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 104, 421, 423
- Красноярский край** административно-территориальная единица, Российская Федерация
- Красный Бор** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 186, 188, 229, 232, 245, 258, 471
- Кривск / Krivska** (русские) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114–117, 123, 126, 142, 224, 225, 227, 248, 255, 471, 479, 483
- Кробсково / Kropkuva** (сето) Эстонская Республика ■ 471
- Кровая Гора** микротопоним, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 316
- Круп, Крупи, Большой Круп / Ruuba** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 56, 69, 186, 189, 229, 258, 431, 471, 680, 751, 754, 757, 763, 764
- Кряково** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Кубань** исторический регион, Российская Федерация ■ 335
- Кувшиново / Kuksina** (русские, сето) деревня, Эстонская Республика ■ 67, 186, 188, 229, 273, 278, 284, 290, 431, 432, 471, 593, 596, 597, 609, 611
- Кудепь / Kudepi jõgi** река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 317, 432
- Кудина Гора** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Куйгы** см. Горенки
- Кукенойс** город (совр. пос. Кокнесе), Латвийская Республика ■ 248, 260
- Кукс / Kukksi** деревня, Эстонская Республика ■ 241, 245
- Куланово** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Кулейская волость** административно-территориальная единица, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 119, 367
- Кулейский Городец / Kullja Gorodets** городище, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226
- Кулина хутор** (русские), Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 117
- Кулинка** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 572, 764
- Кулинка Большая, Кулиско Большое / Suigõ-Kuuliska** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471, 570
- Кулиско Малое / Väiko-Kuuliska** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 570
- Кулье / Kullja** (русские) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 120, 186, 226, 229, 236, 266, 295, 296, 317, 343, 371, 431, 452, 471, 481, 565, 626, 627, 637, 754, 757, 764
- Кунесть** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445
- Куничная Гора, Куничина Гора** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471, 514
- Курково** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114
- Курокша** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 317
- Курпичево** см. Пелси
- Кучино / Kuutsina** (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 471
- Кучино** озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232
- Кушиново / Kuksina** (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232
- Кьру** см. Подчерняево
- Кятицы** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 446

Л

Лавры / *Laita* (русские, латыши, эстонцы) деревня,

Российская Федерация, Псковская обл. ■ 116, 186, 229, 255, 286, 289, 356, 371, 430, 432, 460, 471, 488

Ладога (Ладожское) озеро, Российская Федерация, Ленинградская обл., Республика Карелия ■ 201, 246, 264

Ладога Град (совр. **Старая Ладога**), Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 244, 248, 264, 325

Лаоссина, см. Клавшино

Ламанова, Ломаново, Ломанова (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229

Лаптево, **Лаптева** / *Laaptova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 279, 289, 431, 432, 471

Латгалия историко-культурная область, Латвийская Республика ■ 163, 164, 211, 324, 394, 448, 593

Лахново см. Хельби

Лезги / *Leeska* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 115, 117, 118, 121, 142, 185, 186, 188, 190, 222, 224, 245, 251, 258, 259, 268, 304, 306, 316, 321, 430, 431, 464, 465, 471, 479, 481–483, 485, 549, 626, 627, 662, 674, 735, 740

Лейманы / *Leimani* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 432, 437, 471

Лейс / *Lehes* (эстонцы) поселение, Эстонская Республика ■ 241

Ленинград город (совр. Санкт-Петербург), Российская Федерация ■ 195, 263, 265, 381, 395, 396, 464

Ленинградская область административно-территориальная единица, Российская Федерация ■ 151, 203, 205, 264, 446, 452, 495, 624, 635, 642, 667, 769

Леоново (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302, 315, 432

Лесицк, **Лесицко** / *Lesitska* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 286, 303, 431, 626, 627

Леска, **Лнекса** / *Liekxa* река, Финляндская Республика ■ 264

Летикаюли, **Лютикиюли** / *Linte* деревня, Эстонская Республика ■ 244

Летний Борок (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223

Ливония историческая область, Эстонская Республика, Латвийская Республика ■ 210, 344, 562–564, 569, 573, 579

Лидс город, Великобритания ■ 18, 113, 117, 119, 129, 139

Лийва, **Тоодси**, **Тучино** / *Toodsi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 432, 468, 471

Ликандрова горка, см. Никандровы Горки

Линдора / *Lindora* Эстонская Республика ■ 241, 398

Линдси см. Займище

Липня деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Лисейское Городище Российская Федерация, Псковская обл. ■ 259

Лисье, **Лисья** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 57, 81, 186, 189, 229, 232, 251, 471, 479, 568, 569, 586, 698, 751, 754, 759, 765

Литва ■ 30, 36, 38, 39, 135, 149, 249, 323, 325, 377

Литвиново / *Litvinna* (сето) деревня, Эстонская Республика, вол. Вярска ■ 186, 229, 232, 315, 337, 389, 435, 471, 662, 663, 673, 674

Литвиново, **Литвино** (русские) Лавровская вол. Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 389

Литовижи, **Литовиж**, **Литовичи** / *Litovitsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 224, 225, 431, 471

Литовичи Городец, городище Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115

Лиховидо озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 297

Ловать река, Российская Федерация, Псковская, Новгородская обл., Республика Беларусь ■ 244

Логозово деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308

Локно погост, деревня Российская Федерация, Псковская обл. ■ 310, 583, 668

Лом см. Лухамаа

Лондон город, Великобритания ■ 158

Лопатово (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 457, 471, 652

Лососкино (русские) деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 643

Лотарингия историко-культурный регион, Французская Республика ■ 156

Лоуска / *Lõuska* деревня, Эстонская Республика ■ 241

Лудва деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Лудза город, Латвийская Республика ■ 421, 572

Лужский район административно-территориальная единица, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■

Лукарёво деревня, Республика Беларусь ■ 324

Луки (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 116, 117, 216, 471

Луковка / *Rõõni* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 434, 644, 648

Луковое / *Lukova järv* озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 433

Лутобиж, Лутобижи, Лутепяэ / *Lutepää, Lütõpää* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471, 661

Лутовица, Лутовицы гора, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225

Лухамаа, Лом / *Luhamaa nulk* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 406, 430, 468, 555, 562

Лыбовка см. Дубовка

Лыбуты, Выбуты погост, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 307

Льпино / *Lõpina* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 626, 662, 666

Любенец, Любинец озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225, 245, 258, 266, 297, 463, 465, 471, 625, 638

Любницы, Любница / *Lüübniisa* (сето, русские) деревня, Эстонская Республика ■ 114, 226, 241, 244, 258, 431, 471, 479, 481

Любятово (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 306, 316, 317, 320, 479, 663

Лютковский (Лютгов, Литов) лес / *Lüütja mets*, Эстонская Республика ■ 115, 226, 241, 245, 258, 431, 471

Лядина / *Läidina* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 82, 431, 435

Ляпино деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 309

М

Макарово / *Makarova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 471

Малы / *Mõla* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 56, 61, 130, 132, 142, 168, 198, 224, 313, 433, 437, 440, 459, 464, 465, 471, 488, 513, 583–586, 595, 604, 626, 635, 662, 670, 671, 710

Манухново / *Paloveere* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 434, 558

Манчин Сари, Мантсинсаари / *Mantsinsaari* остров, Российская Федерация, Республика Карелия ■ 292

Манюково пустошь / *Manikova puustus* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 216, 255, 431

Марга / *Marga* деревня, Эстонская Республика ■ 241

Марково (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232

Маслово / *Maasluva* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 471

Маргышева гора / *Mardsona* (русские, село) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232

Маргышово (село) / *Martsina* деревня, Эстонская Республика ■ 186, 229

Мачурино, Матсури, Белохвостово / *Matsuri* (село) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 471, 570, 572

Мада деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445, 446

Мегузицы, Мекси, Макси*, Меекси / *Meeksi, Miiксе* (село) деревня, Эстонская Республика ■ 22, 27, 61, 85, 106, 109, 110, 111, 116, 174, 186, 188, 211, 223, 229, 235, 240, 249, 266, 269–273, 276–279, 281, 282, 285, 290, 293, 294, 301, 313, 321, 322, 327, 328, 376, 383, 431, 432, 452, 471, 523, 524, 530–532, 547–552, 557, 558, 593, 594, 608, 610, 613, 618, 622, 625, 626, 628–630, 633, 634, 637, 638, 644, 645, 654, 661–667, 673, 710, 718, 726

Медово, Мудово / *Muudova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 245, 259, 286, 431, 471, 510, 524, 525, 569, 570, 571

Медли / *Medele* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226, 296, 367, 431, 471

Меекси см. Мегузицы

Мекужица, Микужичи, Мегузицы / *Miiксе oja* река, Эстонская Республика ■ 272

Мекужицкое поле / *Miiксе väli* поле, Эстонская Республика ■ 272 (также см. Мегузицы)

Медово / *Meldova, Melduva* (село) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471

Меремяэ, Михайлово / *Meremäe* (село) деревня, Эстонская Республика ■ 434, 467

Мерина Гора / *Merekülä* (село, русские) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434

Метковка, Митковка ручей, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 663

Микитамяэ см. Никитина Гора

Миколка деревня, Республика Беларусь ■ 325

Милаша Гора Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 224

Мильдино / *Mildina* (русские, село) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 432

Мильцы (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 314

Мильцы Большие / *Suurõ-Miltsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 471, 527

Мильцы Малые / *Väike-Miltsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 216, 471, 527, 626, 635

Минск город, Республика Беларусь ■ 323

Митковицы / *Metkavitsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 116, 217, 224, 430, 431, 433, 471

Митковицы городище см. Митковицкое городище

Митковицкий Городачек см. Городачек

Митковицкое городище, городище Митковицы / *Mitkovitsa* городище ■ 117, 464, 481, 488, 495

Митковицкое Загорье, Митковичи Загорье / *Sagoña, Sagonja, Sagonje* (село) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 435, 471

Митковка / *Metkobka* река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 217, 431

Михайлово см. Меремяэ

Михайловское село Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308

Михалево (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225, 258, 471

Михеенки / *Mihhenka* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 432, 471

Мишина / **Важина мельница** мельница в д. Лезги, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 118, 142, 224, 471

Могилев город, Республика Беларусь ■ 325

Могильно, Могильное озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 226, 314, 471, 661

Мокролуг, Мокролуги, Мокронулк, Мокролук (г)ский угол / *Mokornulke, Mokronulke, Mokorluganulke* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 261, 430, 555, 557, 558

Моложба, Моложба / *Molosa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 224, 225, 232, 258, 286, 447, 471

Моложба / *Molosa* река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 179, 431

Молочково (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 224, 471

Мон-Валерьен холм, Французская Республика ■ 84, 149, 159, 193

Моона, Рудцкой Бор, Русский Бор / *Moona* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 290, 431, 432, 434, 626

Морозовка / *Korsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 317, 437

Морье деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 246

Москва город, Российская Федерация ■ 18, 21, 35, 64, 119, 122, 130, 139, 168, 170, 210, 262, 347, 381, 393, 443, 465

Мосток / *Silla* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 434

Мотовилово (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Мста река, Российская Федерация, Новгородская, Тверская обл. ■ 244

Мудово см. Медово

Муствез см. Черный посад

Мыльниково (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 186

Мязовице / *Määsonitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471

Н

Напиково, Напики, Напи / *Napi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 432, 471, 644, 652

Нарва / *Narva* город, Эстонская Республика ■ 101, 161, 165, 213, 217, 219, 227, 241, 248, 251, 264, 510, 523

Нарва, Нарова река, Российская Федерация, Ленинградская обл., Эстонская Республика ■ 168, 248, 445, 487

Наталкино, Наталкина (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 471, 735, 736, 739

Невелино см. Велна

Нева река, Российская Федерация, Ленинградская обл., Республика Карелия ■ 246, 248, 259, 260

Нево озеро (совр. Ладожское), Российская Федерация, Ленинградская обл., Республика Карелия ■ 264

Невское Олохово, Олохово / *Nega-Olohkuva* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Нейгаузен, Новый Городок Ливонский, Вастселийна / *Vastseliina* замок, Эстонская Республика ■ 202, 205, 216, 261, 270, 272, 562, 572–574, 611

Ней-Раппин усадьба / *Uue-Räpina* Эстонская Республика ■ 241, 245

Нечаево / *Nedsjäjä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 437

Нечаево Большое / *Suur-Nedsjäjä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 437, 471

Нечаево Малое / *Väike-Nedsjäjä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 437, 471

Нижний Крупск деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Никандровы Горки, Ликандрова горка возвышенность, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226, 298

Никитина Гора, Микитамяэ / *Mikitamäe, Mikitamäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 350, 358, 361, 431, 434, 435, 465, 471, 568

Никольское, Осминенка / *Osminova* (русские)

деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 229, 316, 320, 337, 432, 663

Никольщина (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Новая (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 224, 460, 465, 488

Новгород, Великий Новгород город, Российская Федерация, Новгородская обл. ■ 201, 205, 210, 248, 263, 264, 324, 504

Новинки / *Karisilla* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471

Новинки, Навигы / *Navigõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 471, 555, 644, 648, 652

Новоселье (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 282

Новый Изборск, Новоизборск / *Uue-Irboska, Vahtsõ-Irboska* (русские, эстонцы) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 314, 371

Нульгакюля / *Nulga* деревня, Эстонская Республика ■ 241

О

Облех, Облеха, Аблеха, Блеха / *Opjõki jõgi, Opjõk* река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 8, 114, 116, 121, 179, 224, 245, 259, 350, 431, 440, 464, 469, 471

Обервиль коммуна, Французская Республика ■ 157

Обиница, Обинитса см. Овинчице

Обозерье (тж. Псковское Обозерье) / *Rand, Oboserje* историко-географическая область, Эстонская Республика, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 116, 131, 165, 196, 201, 202, 219, 229, 246, 270, 281, 292, 309, 430, 488, 489, 510, 735, 751, 752

Обчин ручей, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223

Овернь административно-территориальная единица, Французская Республика ■ 169

Овинчице, Авинчице, Обиница, Обинитса / *Obinitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 52, 82, 94, 281, 343, 361, 406, 408, 431, 458, 468, 471, 568, 613, 644, 651, 652, 655, 710, 731

Оглобино / *Miki, Mikumäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471, 555

Олехово Невское, Олохово Невское, Олехново / *Nega-Olohkuna* (сето) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Олехово Печорское, Печорское Олохово / *Petseri-Olohkuna* (сето) деревня Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Ольгин Крест погост, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 217

Омут деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 217, 297

Орава, Орово, Орова, Оррово / *Orava* деревня, Эстонская Республика ■ 241, 245

Орес горы, Алжирская Народная Демократическая Республика, Тунисская Республика ■ 41

Орешек Град см. Шлиссельбург

Осака город, Япония ■ 98, 399

Осатно деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 317

Осминенка см. Никольское

Осташков город, Российская Федерация, Тверская обл. ■ 761

Остров город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 44, 161, 215, 240, 279, 308, 310, 324, 501, 668

Островцы, Островицы, Пересари деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445, 446

П

Пабра см. Бобры

Пальцево, Пальцово / *Paltsava* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 471, 644, 645, 651, 654

Пальчиково (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 316

Паниковичи / *Pankjaritsa* (русские, эстонцы) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 189, 229, 284, 350, 356, 389, 430, 431, 432, 459, 471, 565, 583

Паниковская волость административно-территориальная единица, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 459

Париж город, Французская Республика ■ 9, 10, 13, 15, 21, 27, 30, 42, 46, 48, 51, 52, 64, 66, 78, 80, 83, 86, 101, 104, 119, 125, 126, 135, 151, 154, 156, 161, 164, 169, 170, 177, 179, 181, 183, 185, 191, 193, 221, 222, 228, 240, 249, 251, 252, 273, 325, 329, 486, 516, 523, 598, 677

Партизанский район административно-территориальная единица, Российская Федерация, Приморский край ■ 408

Парма / *Parma* деревня, Эстонская Республика ■ 241

Паса (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 225

Пачковка река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 245, 258, 259, 319, 431, 433, 472, 673

Пачковка, Пачковка Большая / *Paatskõhka* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 186, 198, 216, 232, 294, 317, 431, 471, 472, 510, 524, 529, 530, 533, 562, 563, 584, 673

Пачковка Малая / *Väike-Paatskõhka* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 232, 431, 471

Педаясаар, Педаясааре см. Сосна

Пейпус см. Чудское озеро

Пека / *Päka* деревня, Эстонская Республика ■ 241

Пелси, Пельси, Курпичево / *Pelsi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 54, 229, 266, 278, 290, 291, 324, 337, 431, 432, 471, 612, 613, 616, 626, 629, 631, 632, 633, 634, 637

Пепина Гора, Пипина Гора / *Mäessa, Mäenssaia* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 241, 431, 434

Пердовка, Перадаг (ку) / *Perdagu* (сето) деревня, Эстонская республика ■ 431, 471, 626

Пережир деревня, Республика Беларусь ■ 263

Перенское озеро, Пиелинен / *Pielinen* Финляндская Республика ■ 264

Пересари см. Островцы

Переяславль Залесский город, Российская Федерация, Ярославская обл. ■ 263

Перновская губа / *Pärnu maakond* (Рижский залив Балтийского моря) залив, Эстонская Республика ■ 246

Пернова*, Пернава / *Pärnu* река Эстонская Республика ■ 259

Пески (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 471

Петровское, Петровск / *Petrova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225, 245, 258, 433, 471

Петрозаводск город, Российская Федерация, Республика Карелия ■ 395

Петсерн, Печеры, Печоры / *Petseri* (русские, эстонцы, сето) город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 27, 28, 36, 44, 46, 56, 62, 63, 67, 70, 73, 96, 104, 109, 117, 119, 121, 123, 126, 130, 131, 141, 162, 164, 165, 177, 179, 181, 191, 194, 221, 255, 270, 272, 273, 276, 278, 286, 290, 337, 344, 346, 347, 352, 354, 356, 366–372, 374, 375, 377, 390, 397, 400, 406, 421, 430, 453, 471, 493, 505, 523, 528, 557, 562, 563, 565, 580, 581, 583, 584, 591, 607, 615, 616, 618, 626, 629, 633, 637, 644, 651, 671, 673, 680, 709, 710, 719, 735, 736

Петсеримаа, Печерский уезд, Печорский уезд / *Petserimaa, Petserimaa**, *Petseri maakond* историческая область (бывший уезд Эстонской Республики), Эстонская Республика, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 44, 50, 63, 82, 102, 109, 111, 116, 122, 131, 143, 165, 168, 194, 197, 212, 234, 236, 255, 256, 258, 269, 302, 307, 317, 346–349, 351, 359, 360, 362, 365, 367, 368, 372, 373, 378, 390, 426, 430, 459, 486, 487, 523, 533, 541, 543, 578, 582, 663, 698, 735, 754

- Петунова Нива**, **Пятунова нива** памятник археологии, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 225
- Печище** возвышенность, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226, 471
- Печки**, **Печки Большие** / *Petska* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 116, 118, 198, 207, 223, 259, 314, 337, 371, 471, 483, 493, 563, 583, 626, 674, 754
- Пещеры**, **Печоры** см. Петсерн
- Пижда***, **Пимжа**, **Пиуза** / *Pinsa jõgi* река, Российская Федерация, Псковская обл., Эстонская Республика ■ 8, 116, 179, 203, 217, 218, 229, 232, 241, 258, 259, 260, 269, 270, 344, 350, 431, 440, 470, 562, 563, 564, 574, 661
- Пипина Гора** см. Пешина Гора
- Поволжье** историко-географическая область, Российская Федерация ■ 36, 395
- Погиблово**, **Тийрханна** / *Tiirhanna* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434, 471, 663
- Подгорье** / *Poodkora* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 299, 301, 431, 433, 471
- Поддубновский совет** (сельский совет) административно-территориальная единица Российская Федерация, Псковская обл.
- Поддубье** / *Vammustõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 320, 431, 434, 471
- Подмогилица**, **Подмогилицы** / *Podmotsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 226, 431, 435, 471
- Поднепровье** историко-географический регион, Республика Украина ■ 248, 263
- Подозарье** / *Padosaarõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434
- Подсадниче** см. Хелби
- Подсосонье** / *Pedäijäalostõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 241, 244, 431, 434, 471
- Подчерняево**, **Кыру** / *Kõõru* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 471, 555, 626
- Подзохново** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 226, 258, 304, 314, 433, 471, 626
- Полода** / *Poloda* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 430
- Польковичи** деревня, Республика Беларусь ■ 325
- Померания** историко-географическая область Республика Польша, ФРГ ■ 248, 325. да.
- Поморье** историко-географическая область Республика Польша, ФРГ ■ 205, 237, 246, 248, 262, 264
- Поповица**, **Поповичи** / *Popovitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 468, 471
- Порхов** город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 310, 445, 668
- Поталово**, **Потолово** / *Potalova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 56, 186, 188, 229, 251, 352, 431, 432, 626, 678, 691, 703, 705, 706, 707, 724, 727, 735
- Прага** город, Чешская Республика ■ 27, 44, 161, 163, 165, 198, 219, 220, 252, 386, 523, 533
- Прадище** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 313, 674
- Преподобного Сергия остров**, **Святого Сергия**, **Путсаари остров** Ладожского озера, Российская Федерация, ■ 325
- Прибалтика** историко-культурная зона, Российская Федерация, Калининградская обл., Эстония, Латвия, Литва ■ 43, 46, 49, 139, 156, 193, 202, 205, 220, 246, 322, 329, 464, 495, 518, 562, 578, 579, 643
- Приморские Альпы** департамент, административно-территориальная единица, Французская Республика ■ 194
- Принаренье** историко-географическая область, Российская Федерация, Ленинградская и Псковская обл., Эстонская Республика ■ 145, 213, 241, 248
- Причудье** историко-географическая область, Российская Федерация, Ленинградская и

- Псковская обл., Эстонская Республика ■ 447, 459, 464, 488, 494, 495
- Прованс** историческая область, Французская Республика ■ 158, 285
- Псков** / *Pihkva* город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 21, 104, 163, 199, 201, 205, 209, 210, 213, 217, 246, 248, 260, 263, 264, 272, 279, 286, 303, 307, 324, 344, 356, 371, 399, 405, 406, 421, 439, 440, 445, 458, 464, 494, 503, 552, 562, 713
- Псковская область** административно-территориальная единица, Российская Федерация
- Псковское озеро**, Российская Федерация, Псковская обл., Эстонская Республика ■ 50, 81, 116, 142, 145, 165, 166, 177, 195, 201, 202, 210, 222–224, 232, 240, 241, 245, 246, 248, 251, 257–259, 266, 270, 298, 308, 323, 341, 343, 344, 356, 381, 390, 421, 423, 430, 437, 443, 445, 447, 483, 493, 562, 563, 565, 569, 573, 751, 752–754, 756, 757, 761, 763, 764
- Пурики** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Пъжово** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Пырсты** см. Забудовижьё

Р

- Рагозина Гора** / *Rainmäe* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 236, 431, 432, 437, 471, 735, 736
- Рагозино** / *Raagosina* (русские) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 142, 186, 229, 232, 237
- Раква** / *Raakva* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область Российская Федерация, Псковская обл. ■ 430, 437
- Раково** / *Raakva* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 471
- Раппин** см. Ряпина
- Рачева, Рачево** / *Raatsena* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 186, 188, 229, 317, 337, 431, 471
- Рачевская роща**, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 198
- Репино** / *Ripinä* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 304, 315, 431, 432, 451, 471, 626
- Реск(а), Ресно** / *Rõsna* деревня, Эстонская Республика ■ 241, 245
- Рига** город, Латвийская Республика ■ 36, 105, 136, 161, 163, 196, 198, 211, 344, 393, 501, 503, 505, 679, 732
- Рогова Гора** / *Rogova Gora* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 431, 433
- Рогово** / *Roogova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471
- Рожитец** / *Robidsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 229, 232, 258, 431, 471, 751
- Ройкино** / *Rokina* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 429, 431, 471
- Ротово** / *Rootova, Roodva* волость, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 116
- Ротово** (Корсаково) пустошь ■ 438
- Роттердам** город, Королевство Нидерланды ■ 191
- Рудцкой Бор, Русский Бор** см. Моона
- Руян, Рюген** остров, ФРГ ■ 237, 248, 262, 325
- Рыжково** / *Riiskova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 471
- Ряпина, Ряпино, Раппин** / *Räpina* мыза, село (совр. город Ряпина), Эстонская Республика ■ 241, 350, 419, 421

С

- Сааремаа** / *Saaremaa* остров, Эстонская Республика ■ 641
- Саатсе** см. Зачеренье
- Саввина пустынь** погост, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 307

Савимяэ / *Savimäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 432, 434

Савкина пустошь, Кробрсково, локальный топоним, Эстонская Республика ■ 232, 471

Самолва деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Саранск город, Российская Федерация ■ 395

Саурово / *Saurova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 238, 431, 727

Саурово / *Saurova* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 430

Сахново, Захново / *Sahnova* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 217, 431, 433, 471

Свенск / *Vinski* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 466, 471

Свинская Гора / *Vinski* гора, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 514

Свирь река, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 445

Селигер озеро, система озер, Российская Федерация, Тверская и Новгородская обл. ■ 761

Селище / *Selissä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 435, 471, 727

Сельги деревня, Эстонская Республика ■ 241

Сельпы / *Selitsä* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 431

Сельпы Малые (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232

Семск, Семский / *Semskä, Semssaare* остров, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 115, 142, 223, 225, 266, 298, 299, 431, 471, 479, 626, 637, 644, 645, 651, 654

Сен-Назер город, Французская Республика ■ 157

Сенно (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 207, 223, 248, 350, 430, 431, 433, 471, 510, 563, 583

Сеннский Бор лес, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 245

Серга, Серьга, Константиново / *Serga* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 114, 216, 270, 431, 432, 471, 644, 645, 655, 673

Сетомаа, Сетумаа / *Setoomaa, Setumaa, Setuma** историческая область, Российская Федерация, Псковская обл., Эстонская Республика ■ 8–10, 12, 13, 15, 16, 19, 20–22, 27–30, 38, 41–43, 45–47, 49–51, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 68, 71, 76, 78, 80–84, 95, 96, 101, 108, 109, 111, 116, 117, 119, 122, 124, 135, 137, 143, 145, 166, 168, 183, 185, 189, 190, 193, 194, 197, 200, 205, 217, 220, 228, 249, 251, 255, 256, 324, 326, 337, 341, 343, 344, 346–351, 356–362, 365, 381–384, 388, 390, 396–399, 403, 404, 406, 408, 419, 421, 422, 429–431, 435, 439, 440, 457, 459, 460, 463–469, 471, 472, 477–479, 481, 483, 486–490, 494, 495, 521, 527, 529, 533, 539, 541, 544, 547, 553–557, 561–565, 567, 568, 570, 572–574, 577, 578, 596, 601, 606, 609, 613, 622, 623, 625–627, 629, 633, 635–638, 641, 644–648, 651, 653, 655, 656, 659, 662, 663, 667, 671, 673, 674, 713, 720, 721, 730, 739, 751, 769

Сигово / *Radaja* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 361, 408, 431, 433, 471

Сиковицы деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Синицы, Тиасты / *Tiastõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 626

Скачки, Скачки Полевые, Аполихино / *Apolihhina* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 186, 229, 232, 316, 320, 432, 471

Сконе провинция, административно-территориальная единица, Королевство Швеция ■ 104

Скорятина гора, Скарятинна Гора деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 217

Славянка ж.-д. станция, Российская Федерация, Санкт-Петербург ■ 149

- Сланцевский район** административно-территориальная единица, Российская Федерация, Ленинградская обл.
- Словенское Поле, Славенское поле** Российская Федерация, Псковская обл. ■ 309, 457, 661
- Слауицы** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 224, 225, 471
- Смолка** река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 661
- Смоленск** город, Российская Федерация, Смоленская обл. ■ 248, 731
- Смороднюк** (русские) хутор, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 297, 298
- Снопово** / Snopova деревня, Латвийская Республика ■ 317
- Сойкинская волость** административно-территориальная единица, Российская Федерация, Ленинградская обл.
- Соколово, Соколова** (русские) Лавровская вол., Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302, 471
- Соколово** / Sokolova (сето) Новонизборская вол., Российская Федерация, Псковская обл.
- Соколово поле** Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223
- Соколово-Житенки** / (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302, 626, 637
- Сорокино** / Sorokina (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 239, 471, 727
- Сосина** / Soena деревня, Эстонская Республика ■ 241
- Сосна, Соснасаар, Педаясааре, Педаясаар** / Pedijäsaar остров, Эстонская Республика ■ 468, 469, 471, 562
- Соха** / Sobi (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 118, 224, 245, 255, 258, 431, 471
- Сохино** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 432, 471
- Спицно** / Pitsinä (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 471
- Спицно** (русские) деревня Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445
- Спленск** местность, локальный топоним, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 313, 673, 674
- Средний Остров** / Kesksaarõ, Serednäsäärõ (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 434, 570, 572
- Старая Русса** город, Российская Федерация, Новгородская обл. ■ 209, 445
- Старопольский приход** административно-территориальная единица, Российская Федерация, Ленинградская обл.
- Столбово** (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 69, 186, 229, 320, 644, 651
- Струги Малые** деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 257
- Ступино** / Tufina (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 626, 635
- Сузиково** / Soelaanõ (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 437
- Сульци, Сульби, Сульпки** / Sulbi (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 186, 188, 229, 321, 431, 432, 644, 648
- Сумерия** область расселения шумеров в Южной Месопотамии, совр. территория Ирака ■ 235
- Сходница** река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471, 661
- Сыктывкар** город, Российская Федерация, Республика Коми ■ 395
- Сыревец, Васкнарва, Васкнарва** / Vasknarva деревня, Эстонская Республика ■ 217
- Сыромятино** / Sõrpnna (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 278, 431, 432, 471

Т

- Тайлово** / Taeluva (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 251, 270, 278, 279, 305, 307, 337, 430, 431, 458, 471, 510,

513, 514, 529, 557, 558, 562, 568, 569, 583, 638, 689, 735, 736, 742, 775

Талавенец остров, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308, 588

Талабские острова группа островов, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 246, 308, 445, 753

Таллин, Таллинн / *Tallinn* город, Эстонская Республика ■ 21, 30, 32, 65, 78, 110, 113, 119, 183, 185, 191, 214, 217, 219, 228, 249, 251, 377, 384, 393, 395, 403, 408, 529

Талька см. Толстопягово

Таманский полуостров Российская Федерация, Красноярский край ■ 335

Тарту, Дерпт, Юрьев / *Tartu* город, Эстонская Республика ■ 12, 13, 19, 27, 28, 36, 42, 64, 65, 85, 96, 103, 108, 109, 111, 113, 123–126, 150, 152, 154, 179, 183, 191, 194, 202, 219, 221, 222, 248, 255, 260, 276, 344, 356, 377, 382, 386, 391, 393, 395, 403, 464, 488, 505, 516, 769

Тартумаа, Тартуский уезд, административно-территориальная единица, Эстонская Республика

Тельпий город, Литовская Республика ■ 36

Теплое озеро / *Lämmijärv* Российская Федерация, Псковская обл., Эстонская Республика ■ 202, 241, 245, 246, 248, 423, 445

Тепья см. Заречье

Теракалы (латыши, русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 471

Теребище (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Тешевницы (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 471

Тиасты, Сиины / *Tiastõ* (сето) деревня, Эстонская республика ■ 432, 471, 626

Тивиково / *Tšivikona* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 431, 458, 471

Тигаицы / *Tiklavõ* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 434, 471

Тигаицы, Тигаицкое озеро, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 185, 232, 245, 258

Тийрханна см. Погиболово

Толстопягово, Талька / *Talka, Tal'ka, Talvikõstõ, Talkakõila* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 438, 471, 555, 662

Томасова Гора / *Toomasmäe* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 435, 471

Тони, Тоня / *Toña, Toni* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 435, 467

Тоодси см. Лийва

Торопец город, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 681

Тросна, Тросна Большая, Троста, Большое Тросно, Тростно, Большое Тростно / *Rõsna, Suurõ-Rõsna* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 226, 227, 241, 244, 258, 431, 434, 437, 471, 483

Тросна Малая см. Вяйке Рысна

Тростянка / *Treski, Suurõ-Treski* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 437, 471, 609

Труворово, Изборское, Староизборское городище, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 199, 200, 201, 207, 217, 255, 258, 266, 457, 465, 466, 514, 515, 561, 625, 661

Тсиргу см. Бурмакино

Тулуза город, Французская Республика ■ 158

Туровино, Туровины (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 302

Турок / *Turoki* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 433, 471

Тучино см. Лийва

Тюлятино / *Küllätüvä* (сето, русские) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471

Тюршино / *Kurmitsa* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 434

Тютино см. Выморск

Тяглово, Тяглова, Дяглово / *Tääglovä, Tääglova* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434, 471, 555, 558, 644, 651, 652

Тяково (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 465, 471

У

Узерье деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308

Узиница, Узницы, Большая Узиница, Большие Узницы / *Usinitsa* (сето) / *Suurõ-Usinitsa* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 434, 437

Малые Узиницы, Малые Узницы / *Väiko-Usinitsa, Poolakõstõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 437, 471

Уланово / *Ulanova* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 432, 735

Умковичи / *Unkavitsa* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 471

Усаднице / *Ussadisse* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 223, 307, 432, 471

Усова Гора / *Jugo* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 433, 471, 644, 655

Утицкое озеро / *Utsõ järv* Российская Федерация, Псковская обл. ■ 217

Урук древний город-государство, совр. территория Ирака ■ 235

Усувада, Узвадь, Извадь / *Unsvada* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 467, 471

Ф

Фелосы (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 229, 432, 471

Феллин (совр. Вильянди, / *Viljandi*) город, Эстонская Республика ■ 210

Филонова Гора, Филанова Гора, Хилана, Хиланды / *Hilana* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 467, 471, 555

Фонтене-о-Роз город, Французская Республика ■ 27, 101, 768

Х

Хайдак / *Haida* деревня, Российская Федерация, Красноярский край ■ 408, 716, 717

Халахальня, Холохальня / *Alabaani, Ala-Haani* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 114, 198, 216, 303, 431, 437, 440, 471, 479, 525, 527, 528

Хатаярв / *Hatajärv* озеро, Эстонская Республика ■ 661

Хельби, Хельбци, Хелбиково, Хельбики, Лахново, / *Helbi, Kaakva Helbi'* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 437, 727

Хельби, Хельбиково, Подсадниче / *Helbi, Kro-pkova Helbi'* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 82, 434, 437, 727, 729, 730

Хельсинки город, Финляндия ■ 13, 156, 388, 395, 47

Хилана, Хиланды см. Филонова Гора

Хитемля озеро (совр. Хотомле, Хотомье), Республика Беларусь ■ 325

Холохальня см. Халахальня

Хортица остров, Республика Украина ■ 240, 262

Хярма см. Горемыкино

Ч

Чальцево, Чальцово / *Tsäälsivä* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 325, 431, 626, 635

Череха река, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 259

Чермново / *Tserondõ* (сето) Российская Федерация, Псковская обл. ■ 232, 431, 432, 471

Черепы, Черепово / *Tserebi* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 471, 644, 645

Чернолесье / *Rääsolaanõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434

Черно / *Mustjärv* озеро, Эстонская Республика ■ 244, 431, 433

Черный посад, Муствез / *Mustvee* посад, Эстонская Республика ■ 214, 227

Черный ручей / *Mustoja* деревня, Эстонская Республика ■ 431, 434

Черный ручей / *Mustoja* река, Эстонская Республика ■ 431

Ческино / *Tsolgo* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 244, 431, 471

Чихачи (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 258

Чудская Рудница деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 446

Чудский Конец, Чудской Конец / *Tsütski* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 437

Чудский конец, Чудский угол / *Tsütski nulk* (сето) «угол» (нулк) историко-культурная область, Эстонская Республика ■ 569, 572

Чудское, Псковско-Чудское озеро, Пейпус / *Peipsi järv* озеро, Российская Федерация, Псковская обл. / Эстонская Республика ■ 135, 150, 151, 168, 202, 214, 241, 244, 246, 248, 257, 264, 308, 322, 323, 381, 390, 391, 398, 430, 445, 447, 493, 494, 508, 523, 643, 752, 757, 761

Ш

Шалон-на-Марне город, Французская Республика ■ 181

Шаргово / *Tserna* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 226, 299, 301, 431, 471, 479, 626, 627, 634

Швены / *Svetsa* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 303, 448, 626, 627

Шейкино деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 308

Шелонь река, Российская Федерация, Псковская обл., Новгородская обл. ■ 259

Шепелевичи деревня, Республика Беларусь ■ 325

Шитики деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 309

Шлиссельбург (устарев. **Орешек Град**) Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 264

Шляхово / *Lähkova* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 198, 304, 315, 337, 431, 432, 451, 471, 514, 663

Штеттин, Шетин город (совр. Щецин), Республика Польша ■ 234, 248, 262, 325

Шумки / *Sumki* (русские) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 432, 471

Щ

Щапихино / *Tsätski Säpinä* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 437

Щемерицы / *Sõmeritsa* (русские) погост, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 229, 432, 565

Щепец ручей, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 625

Щетин см. Штеттин

Ю

Юков конец, Тимошево / *Palandõ* (сето) деревня, Эстонская Республика ■ 431, 432, 434, 471

Юрьев см. Тарту

Я

Яма Град, Ямбург (совр. Кингисепп) город, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 244, 264, 324

Ямм деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 445

Ямище / *Jaamistö* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 225, 431, 471, 570, 572

Янникюля / *Jaanikeste* деревня, Эстонская Республика ■ 241

Янкино / *Tsill'i* (русские, сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 434

Ястребино деревня, Российская Федерация, Ленинградская обл. ■ 149, 151, 471

Ястребово / *Jaastruva* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 573

Ячменево / *Jatmanni* (сето) деревня, Российская Федерация, Псковская обл. ■ 431, 437, 570, 572

Ф 440-12

Крестный ход на Пасху вокруг Псково-Печерского монастыря.

Г. Печоры. Фотография М. Р. Малаховой. 1935–1936 гг. Кол. № 9202–12. РЭМ, Негативотека

■ Общая библиография

Часть I. Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа

Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.

- Barthe Chr.** ■ La photothèque du Musée de l'Homme // Bulletin des bibliothèques de France. № 2. Paris, 1994.
- Baye A.-A.-L.-J. Bertholet (baron de)** ■ A travers quelques villes historiques de la Russie. Souvenir d'une mission. Paris: Librairie Nilsson, 1901.
- Benfoughal T.** ■ La constitution des collections ethnographiques russes au Musée de l'Homme: histoires croisées // Cahiers slaves, civilisation russe. № 2. UFR d'études slaves. Université de Paris-Sorbonne (Paris IV), 1999. Pp. 234–275.
- Benfoughal T.** ■ Nouveaux terrains ethnographiques du Musée de l'Homme, années 1930. Retour sur les missions de Boris Vildé et Leonid Zouroff au Setumaa (Russie-Estonie) // Eurasie. № 20. Paris: L'Harmattan, 2010. Pp. 93–143.
- Bromberger Chr.** ■ Des cartes ethnologiques: pour quoi faire // Terrain. № 3. 1984. Pp. 84–87.
- Bulletin du Musée d'ethnographie du Trocadéro.** ■ Imprimerie Hérissey. Évreux. № 1, janvier 1931; № 2, juillet 1931; № 3, janvier 1932; № 4, juillet 1932; № 5, janvier 1933; № 6, juillet 1933; № 7, janvier 1934; № 8, juillet 1934 — décembre 1935.
- Bulletin mensuel d'information du Musée de l'Homme.** ■ № 7. Janvier — février 1940.
- Chéroux Cl. Henri Cartier-Bresson.** ■ Le tir photographique. Paris: Gallimard, 2008.
- Cohen M.** ■ Instruction d'enquête linguistique, Institut d'Ethnologie. Série «Instructions pour les voyageurs». Paris, 1928.
- Dias N.** ■ Le Musée d'Ethnographie du Trocadéro (1878–1908). Anthropologie et muséologie en France. Paris: Éditions du CNRS, 1991.
- Dupaigne B.** ■ Le scandale des arts premiers. La véritable histoire du Musée du quai Branly. Paris: Mille et une nuits. 2006.
- Fontanès (de) M.** ■ Histoire de l'ethnologie européenne au Musée de l'Homme... / Texte dactylographié de 13 pages, archives du service «Collections d'ethnologie». Paris: Musée de l'Homme, 1983.
- Freund G.** ■ Photographie et société. Paris: Éditions Points, 1974.
- Griaule M.** ■ Mission Dakar-Djibouti (loi du 31 mars 1931). Rapport général (mai 1931 — mai 1932). Macon: Protat frères imprimeurs, 1932.
- Griaule M.** ■ Instruction méthodologique // Minotaure. № 2. Paris, 1933. Pp. 7–12.
- Hamy E.-T.** ■ Résumé des travaux scientifiques de M. E.-T. Hamy. Paris: Typographie A. Hennuyer, 1887.
- Hogenhuis A.** ■ Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme, Paris: CNRS Éditions. 2009.
- Instructions sommaires pour les collecteurs d'objets ethnographiques.** ■ Musée d'Ethnographie, (Muséum national d'histoire naturelle) et Mission scientifique Dakar — Djibouti. Paris: Palais du Trocadéro, 1931.

- Laurière (Ch.)** ■ Paul Rivet: le savant et le politique. Paris: Muséum national d'Histoire naturelle, 2008.
- L'Estoile (de) B.** ■ Le goût des autres. De l'Exposition coloniale aux Arts premiers. Paris: Flammarion, 2010.
- Mauss M.** ■ Manuel d'ethnographie. Paris: Petite bibliothèque Payot, 1971.
- Meyran R.** ■ Écrits, pratiques et faits. L'ethnologie sous le régime de Vichy // L'Homme. 1999. T. 39. № 150. Pp. 203–212.
- Mohen J.-P. (dir.)** ■ Le nouveau Musée de l'Homme. Paris: Odile Jacob, 2004.
- Rivet P.** ■ Les Données de l'anthropologie. 1 // Dumas G. (sous la dir.) nouveau traité de psychologie, T. 1: notions préliminaires, introduction, méthodologie. Paris: Éditions Alcan, 1930. Pp. 55–100.
- Rivet P.** ■ L'Avant-propos // Bulletin du Musée d'ethnographie du Trocadéro. 1935. № 8, juillet 1934 — décembre 1935. Imprimerie Hérissey, Évreux. P. 3.
- Rivet P.** ■ Ce qu'est l'ethnologie // Rivet (sous la dir.) L'espèce humaine. Société de gestion de l'Encyclopédie française. Paris, 1936. Pp. 7.06-1 à 7.06-8 et 7.08-1 à 7.08-16.
- Rivet P.** ■ Contribution des civilisations dites inférieures à la civilisation européenne // Les lettres françaises. 1948. № 191, 15 janvier.
- Rivet P. et Rivière G.-H.** ■ La réorganisation du Musée d'ethnographie du Trocadéro // Bulletin du musée d'ethnographie du Trocadéro. 1931. № 1, janvier. Imprimerie Hérissey, Évreux. Pp. 3–11.
- Roubin L. A.** ■ Roussel de Fontanès M. La nouvelle galerie publique de l'Europe. Remarques méthodologiques // Objets et mondes. 1973. T. XIII, fasc. 3. Pp. 179–190.
- Schippers Th.-K.** ■ La cartographie, serpent de mer de l'ethnologie européenne // Ethnologie française. 2004. Vol. 34. Pp. 627–637.
- Vildé B.** ■ Les races de l'Europe // Races et racisme, Bulletin du Groupement d'Étude et d'Information / № spécial: «La science des races au Musée de l'Homme». Paris, 1939. Pp. 8–10.
- Vildé B.** ■ Civilisation finnoise // Finlande, Horizons de France. 1940. Pp. 147–154.
- Vildé B.** ■ Journal et lettres de prison. 1941/1942. Paris: Allia, 1997.
- Zoureff L.** ■ Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940. № 4. Pp. 62–76.

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

- Андреев Д.** ■ Черемисская секта «Кугу Сорта» // Православный благовестник. № 18. 1893.
- Белобровцева И. З.** ■ Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–310.
- Васильев В. М.** ■ Верования и обряды мари // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Вып. 1. Казань, 1920. С. 49–70.
- Вересова Т. В.** ■ Зуров Леонид Федорович // Псковский биографический словарь / Под общ. ред. В. Н. Лещикова. Псков: Изд-во: ПГПИ, 2002. С. 189.
- Вересова Т.** ■ Скипалец: [Зуров Леонид Федорович (1902–1971)] // Псковская земля. История в лицах. «Сни бо люди крылати...» / Ред.-сост. Т. В. Вересова. М.: Северный паломник, 2007. С. 366–370.
- Вильде Б.** ■ Дневник и письма из тюрьмы: 1941–1942 / Пред. Д. Вейон «От Санкт-Петербурга до Мон-Валерьян», послесл. Фр. Бедарид; перев. с франц. М. А. Иорданской. М.: Русский путь, 2005.
- Глушков И. Н.** ■ Чердынские вогулы: Этнографический очерк // ЭО. 1900. № 15. С. 2.
- Громова А. В.** ■ Верования сетуского и русского населения Прибалтики в описании Л. Ф. Зу-

- рова (1930-е годы) // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 540–547.
- Громова А. В.** ■ Этнографическое наследие А. Ф. Зурова // ЖС. № 1 (69). 2009. № 1. С. 46–49.
- Грушина А. Е.** ■ Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краеведения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отделение союза краеведов России, 2011. С. 142–153.
- Добровольский В. Н.** ■ Значение народного праздника «свечи» // ЭО. 1900. № 4.
- Дранов А. В.** ■ Зуров Леонид Федорович (1902, Остров Псковской губ. 10.09.1971, Париж) // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918–1940 гг. Т. 1. Писатели Русского Зарубежья: Энцикл. биогр. словарь / Под ред. А. Н. Николокина. М.: РосспЭН, 1997. С. 183, 184.
- Евсеев М. Е.** ■ Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // ЖС. 1914. Кн. 23. Вып. 1–2.
- Емельянов А. И.** ■ Языческое моление черемис в д. Нурумбал Себе-Усадской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии 26–27 сентября (9–10 октября) 1919 г. // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Т. 31. Вып. 4. Казань, 1920–1921. С. 7–39.
- Зуров А. Ф.** ■ Окрест Печер: Выписки из уцелевших записных книжек и полевых дневников (1928–1935) // Вышгород. Вып. 4. Таллинн, 1998. С. 179–185.
- Зуров А. Ф.** ■ Изборская земля // Псковский летописец: Краевед. альм. / Ред. и сост. Т. В. Вересова. М., 2012. № 2 (7). С. 127–131.
- Зуров А. Ф.** ■ Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Литература русского зарубежья 1990** ■ Литература русского зарубежья. Антология в 6-ти томах. Т. 2. 1926–1930 / Авт. вступ. ст. и науч. ред. А. Л. Афанасьев; Сост. и имен. указ. В. В. Лаврова. М.: Книга, 1990. 559 с.
- Пилсудский Б. О.** ■ На медвежьем празднике айнов о-ва Сахалина // ЖС. 1914. Вып. 1–2. 1915. С. 67–162.
- Трусман Ю.** ■ Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Харузина В. Н.** ■ К вопросу о почитании огня // ЭО. 1906. № 3–4.
-
- Anthologie des conteurs estoniens** ■ Choix fait par le P.E.N. Club Estonien / Introd. de A. Oras, trad. de B. Vildé, M. Navi-Bovet, R. Birck. Paris: Sagittaire, 1937.
- Benfoughal T.** ■ Nouveaux terrains ethnographiques du Musée de l'Homme, années 1930. Retour sur les missions de Boris Vildé et Leonid Zouroff au Setumaa (Russie-Estonie) // Eurasie. № 20. Paris: L'Harmattan, 2010. Pp. 93–143.
- Buch M.** ■ Über den Tönnis-Kultus und andere Opfergebräuche der Esten. // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja = Journal de la société finno-ougrienne. Vol. XV: 3. Helsingfors, 1897. Pp. 5–13.
- Donner K.** ■ Verzeichnis der etymologisch behandelten finnischen Wörter. Helsinki, 1937.
- Eisen M. J.** ■ Über den Pekokultus bei den setukesen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. VI. 1906. Lk. 104–111.
- Eisen M. J.** ■ Eesti vana usk. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1926.
- Ganander Ch.** ■ Mythologia Fennica. Åbo, 1789.
- Georgi J. G.** ■ Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebraeuche, Wohnungen, Kleidung und uebrigen Merkwuerdigkeiten. St. Petersburg, 1776–1780.
- Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens** / Herausgegeben unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli. Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1927–1942.

- Heywood A. J.** ■ Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Edited by R. D. Davis with the assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. Pp. 291–351.
- Holmberg-Harva U.** ■ Agricolan mainitsemat maanviljelyksen jumalat. Aika, 1909.
- Hurt J.** ■ Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Rāpinā ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904, 1905, 1907.
- Jürgens E., Buch M.** ■ Ein weiterer Beitrag zum Tönnis-cultus der Esten. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja // Journal de la Société Finno-ougrienne. Vol. XVIII: 3. Helsingfors, 1900. Lk. 1–9.
- Kallas O.** ■ Lutsi Maarahvas. Helsinki: SKS, 1894.
- Kallas O.** ■ Die Krasnyer Esten: Volkskundliche Beschreibung. Jurjew (Dorpat), 1904.
- Ränk G.** ■ Materiaalne Peko // ERM. Ar. IX–X, 1934. Lk. 176–203.
- Svensson S.** ■ Skånes folkdräkter: en dräkthistorisk undersökning 1500–1900. Stockholm: Nordiska museet, 1935.
- Tietosanakirja.** Helsinki: Tietosanakirja-Osakeyhtiö, 1909–1922.

1.2. Биографические очерки

- Андреев Н. Е.** ■ То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Н. Е. Андреева (1908–1982) / Под ред. Е. Н. и Д. Г. Андреевых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 346–349.
- Белобровцева И.** ■ Борис Вильде, рижский эпилог // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. III. Tallinn, Avenarius, 1997.
- Белобровцева И. З.** ■ «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Ленья»: Переписка И. А. Бунина с Л. Ф. Зуровым (1933–1953) // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып II. М.: «Русский путь», 2010. С. 179–224.
- Белобровцева И. З.** ■ Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–310.
- Василькова В.** ■ Человек из Музея Человека // День за днем. 2000. № 25.
- Величковская Т.** ■ О Л. Ф. Зурове // Новый журнал. 1981. № 142. С. 149–160.
- Вильде Б.** ■ Жизнь наша... (Отрывок из киноленты жизни русского студенчества в Юрьеве). [Б. м.], 1997.
- Вильде Б.** ■ Рижский эпилог / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. 3. Таллин, 1997. С. 58–109.
- Вильде Б.** ■ Дневник и письма из тюрьмы: 1941–1942 / Пред.: Д. Вейон «От Санкт-Петербурга до Мон-Валерьян», послесл.: Ф. Бедарида; перев. с франц. М. А. Иорданской. М.: «Русский путь», 2005.
- Головенченко С. А.** ■ Творческие судьбы представителей «молодой» эмигрантской поэзии (Борис Вильде) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А. Н. Николюкин; редкол.: Н. А. Богомолов и др. Ч. III. Писатели русского зарубежья (1918–1940). М.: ИНИОН, 1995. С. 221–223.
- Громова А. В.** ■ Верования сетуского и русского населения Прибалтики в описании Л. Ф. Зурова (1930-е годы) // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: ИЭ РАН, 2007. С. 540–547.
- Громова А. В.** ■ Л. Ф. Зуров как этнограф и археолог // VII конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Самранск, 2007. С. 60–61.

- Громова А. В.** ■ Этнографическое наследие Л. Ф. Зурова // ЖС. 2009. №1 (61). С. 46–49.
- Громова А. В.** ■ Изучение культуры сету русскими эмигрантами в 1930-е годы // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. / Редкол. В. А. Тишков и др. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 185.
- Громова А. В.** ■ Растительный код в повести Л. Ф. Зурова «Иван-да-Марья» // Традиции в русской литературе: межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2012. С. 204–212.
- Громова А. В.** ■ Художественное время и пространство в повести Л. Ф. Зурова «Иван-да-Марья» / А. В. Громова // Вестник Московского гос. обл. гуман. института. Сер.: Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2 (2012). Орехово-Зуево, 2012. С. 35–41.
- Громова А. В.** ■ Жанр историко-этнографического очерка в наследии Л. Ф. Зурова // Пушкинские чтения — 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 34–41.
- Громова А. В.** ■ «Подлинный, настоящий художественный талант» (О Л. Ф. Зурове) // Литературоведческий журнал. 2013. № 32. С. 169–187.
- Громова А. В.** ■ Фольклоризм творчества И. А. Бунина и Л. Ф. Зурова: к постановке проблемы // Вестник Московского гос. обл. гуман. института. Сер.: Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4 (2013). Орехово-Зуево, 2013. С. 27–34.
- Громова А. В., Захарова В. Т.** ■ Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова. М.: МГПУ, 2012.
- Зуров Л. Ф.** ■ Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Ильин Р.** ■ Вильде Борис Владимирович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энцикл. биогр. словарь / Под общ. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 147, 148.
- Исаков С. Г.** ■ Борис Владимирович Вильде // Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология / Сост., вступит. ст., биогр. справки и коммент. проф. С. Г. Исакова. Таллин: KPD Kirjastus, 2002. С. 215, 216.
- Исаков С.** ■ «Ничего подозрительного не замечено»: Новое о Борисе Вильде // Вышгород. Таллин. 2004. № 5/6. С. 15–30.
- Исаков С. Г.** ■ Культура русской эмиграции в Эстонии (1918–1940). Статьи. Очерки. Архивные публикации / Отв. ред. Т. К. Шор. Tallinn: Aleksandra, 2011.
- Клементьев А. К.** ■ Зуров Леонид Федорович // Православная энциклопедия. Т. XX. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. С. 409–412.
- Ковалевский П.** ■ Л. Зуров — этнограф // Русская мысль. Париж, 1971. 23 сентября. С. 9.
- Кудрявцев В. 1983.** ■ Дома и в лодке с Леонидом Зуровым // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. № 152. С. 118–130.
- Зуров Л. Ф.** ■ Материалы к библиографии. 1902–1971. Библио-бюро Стрижева-Бирюковой. <https://www.proza.ru/2016/04/19/1666>.
- Мажара П. Ю.** ■ Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о белом движении на Северо-Западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–238.
- Мялютина Т. П.** ■ Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. С. 43, 85–87, 91.
- Мялютина Т. П.** ■ Сыновьям, люди моей жизни // Вышгород. Таллинн. 1998. № 4. С. 125–143; № 5. С. 46–71.
- Назаров М.** ■ Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1984.
- Озол Г. А.** ■ «Герой французского сопротивления Борис Вильде — уроженец Ленинградской области» // Россия и Франция. Диалог

- во времени: Мат-лы краевед. конф. 19 октября 2006 года, СПб.: Комитет по культуре Ленинградской области, Французский институт в Санкт-Петербурге, ЛОУБ, 2007.
- Письма Бориса Вильде к матери** ■ Вступит. ст. и публ. Б. Пляханова; коммент. А. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение IV. Тарту, 2001. С. 282–338.
- «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»** ■ Переписка И. А. Буннина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) / Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса; вступ. ст. И. Белобровцевой // И. А. Буннин. Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 232–284.
- Райт-Ковалева Р.** ■ Человек из Музея человека: Повесть о Борисе Вильде. М.: Советский писатель, 1982.
- Российское зарубежье во Франции. 1919–2000** ■ Биографический словарь. В 3-х т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой. 2008–2010.
- Русский Берлин. 1920–1945** ■ Мат-лы междунар. науч. конф. М.: «Русский путь», 2006.
- Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940** ■ Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. Т. 1–4. М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995–1997.
- Серков А. И., Зуров Л. Ф.** ■ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001.
- «Только Вы поймете следующий текст...»** ■ Переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова / Сост. И. З. Белобровцева, Е. Н. Андреева // Балтийский архив. Вып. XIII. Таллин, 2013.
- Шаховская З.** ■ Таков мой век / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: «Русский путь», 2008. С. 333.
- Яновский В. С.** ■ Поля Елисейские: Книга памяти / Пред. С. Довлатова. СПб., 1993.
- Audisio G.** ■ Écrivains en prison // Seghers P. La Résistance et les poètes. France 1940–1945. Paris, 1974.
- Aveline C.** ■ L'affaire du Musée de L'Homme // Les lettres françaises. 24 février 1945.
- Bellanger C.** ■ La Presse clandestine. 1940–1944. Paris: Armand Colin, 1961.
- Belobrovtsseva I.** ■ Leonid Zurov Eestis // Keel ja Kirjandus. 2011. № 3. Lk. 190–205.
- Benfoughal T.** ■ La constitution des collections ethnographiques russes au Musée de l'Homme: Histoires croisées // Cahiers slaves, civilisation russe. No 2. Paris: Université de Paris-Sorbonne (Paris IV), 1999. Pp. 234–275.
- Benfoughal T.** ■ Nouveaux terrains ethnographiques du Musée de l'Homme, années 1930. Retour sur les missions de Boris Vildé et Léonid Zoureff au Setumaa (Russie-Estonie) // Eurasie. No 21. Paris: L'Harmattan, 2010. Pp. 93–143.
- Blanc J.** ■ Au commencement de la Résistance: Du côté du musée de l'Homme (1940–1941). Paris, Le Seuil, 2010.
- Blumenson M.** ■ The Vildé Affaire, Beginnings of the French Résistance. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977.
- Blumenson M.** ■ Le Réseau du musée de l'Homme: Les débuts de la Résistance en France / Trad. de l'angl. par J.-P. Carasso. Paris: Le Seuil, 1979.
- Closset R.** ■ Franz Stock, aumônier de l'enfer. Paris: Le Sarmant/Fayard, 1992.
- Desanti D.** ■ La sainte et l'incroyante. Rencontres avec mère Marie. Paris: Bayard, 2007.
- Doyennel C.** ■ Boris Vilde ja vastupanuliikumise saladusi uuritakse ikka veel // Eesti Päevaleht. 26 avril 2007.
- Droit R.-P.** ■ Apprivoiser la mort tout seul // Le Monde. 4 avril 1997.
- George F.** ■ Boris Vildé, l'esprit qui brûle // Le Nouvel Observateur. 10–16 avril 1997.
- Ghrenassia P.** ■ Anatole Lewitsky. De l'ethnologie à la Résistance // La Liberté de l'esprit. № 16.

- Visages de la Résistance, automne, 1987. Pp. 237–253.
- Gide A.** ■ Ainsi soit-il. Paris: Gallimard, 2001.
- Gide A.** ■ Journal. 1889–1939. (Bibliothèque de la Pleiade, 54). Paris : Gallimard, 1948.
- Heywood A. J.** ■ Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davis with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. Pp. 291–351.
- Hogenhuis A.** ■ D'une culture à l'autre: parcours d'Anatolij Levickij et Boris Vil'de, réfugiés russes et résistants du Musée de l'Homme // Premières rencontres de l'Institut Européen Est-Ouest. École Normale supérieure: Lettres et Sciences Humaines. Lyon, 2–4 décembre 2004. Pp. 473–508.
- Hogenhuis A.** ■ Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme. Paris: CNRS Éditions, 2009.
- Humbert A.** ■ Notre guerre. Paris: Émile-Paul Frères, 1946.
- Jünger E.** ■ Journal de guerre et d'occupation. 1939–1948. Paris: Julliard, 1965.
- Laurière Ch.** ■ Paul Rivet: le savant et le politique. Paris: Muséum national d'Histoire naturelle, 2008.
- Leiris M.** ■ Nuits sans nuit et quelques jours sans jour. Paris: Gallimard, 1961.
- Leiris M.** ■ Journal 1922–1989. Paris: Gallimard, 1992.
- Lelong Y.** ■ L'heure très sévère de Boris Vildé // La Liberté de l'esprit. № 16. Visages de la Résistance, automne, 1987. Pp. 329–342.
- Liens de Mémoire. Mairie de Fontenay-aux-Roses** ■ Bulletin des Archives municipales. № 4. 1er semestre, 2004.
- Lot-Mahn M.** ■ Le réseau du Musée de l'Homme // Historiens et géographes. 02.2000. No 369.
- Martin-Chauffier S.** ■ À bientôt quand même. Paris: Calmann-Lévy, 1976.
- Pachmuss T.** ■ Russian Literature in the Baltic States between the World Wars. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1988.
- Paulhan J.** ■ Choix de lettres. Paris: Gallimard, 1992.
- Paulhan J.** ■ Œuvres. Vol. V. Paris: Tchou, 1997.
- Rivet P.** ■ Trois lettres, un message, une adresse. Mexico: Librairie française, 1944.
- Schlögel K.** ■ Das Russische Berlin. Ostbahnhof Europas. 2e éd. München: Pantheon Verlag, 2007.
- Struve N.** ■ Soixante-dix ans d'émigration russe. Paris: Fayard, 1996.
- Tamm M.** ■ Filosoofia lohutus: Boris Vildé van glapäevik, Looming. 1997. № 11 (nov). Lk. 1575–1578.
- Tillion G.** ■ À la recherche du vrai et du juste. Paris: Le Seuil, 2001.
- Tint S., Sooväli H.** ■ Tulekahju geograafiline kujutamine Petseri näitel // Akadeemia. 2009. № 3. Lk. 498–522.
- Van Rysselberghe M.** ■ Les cahiers de la petite dame. Notes pour l'histoire authentique d'André Gide. Paris: Gallimard, 1974.
- Vildé B.** ■ Journal et Lettres de prison. 1941–1942 / Préface de D. Veillon, postface de F. Bédarida. Paris: Allia, 1997.
- Zouroff L.** ■ Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukesser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. № 4. 1940. Lk. 62–76.

Часть III. История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова

3.1. История формирования и изучения историко-культурного пространства

- Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.** ■ Народ сету: между Россией и Эстонией. М.: Европа, 2005.
- Ареальные исследования в языкознании и этнографии** ■ Тез. док. и сообщ. пятой конф. 9–12 февраля 1971 г. / Редкол. В. М. Жирмунский, М. А. Бородина, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1971.
- Ареальные исследования в языкознании и этнографии** ■ Сб. / Отв. ред. М. А. Бородина. Л.: Наука, 1977.
- Ареальные исследования в языкознании и этнографии** ■ Язык и этнос: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983.
- Артемьев А. В.** ■ Города Псковской земли в XII–XIV вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998.
- Белобровцева И. З.** ■ Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–310.
- Богданов Н. П.** ■ Печоры — город пограничный (историческая справка) // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке / Сост. В. А. Шувалова. Печоры: Изд-во Псковского обл. центра народного творчества, 2004. Вып. 1. С. 5–15.
- Большакова Н. В., Колосова И. О.** ■ Изборск и его округа в путевых заметках 19 в.: этнонимический и топонимический аспекты // Изборск и его округа: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 2007–2008. Изборск: ГИАПЛАМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”», 2009. С. 111–118.
- Валк Х.** ■ Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 2007–2008. Изборск: Изборск ГИАПЛАМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”», 2009. С. 94–101.
- Верняев И. И.** ■ Крестьянский двор Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX века: традиции и изменения // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга / Ред. А. С. Мьяльников, М. Б. Щукин. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2002. С. 87–96.
- Верняев И. И.** ■ Поземельные отношения в крестьянских общинах Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы этнической истории народов России. Межвуз. сб. / Отв. ред. А. В. Галло. Историческая этнография. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 85–97.
- Воронкова Е. В.** ■ Русское культурно-просветительное общество в Изборске [1917–1930-е годы] // Изборск: история и современность: Мат. научно-практ. конф. «Музей как центр развития местн. сообществ». Изборск, 2005. С. 65–76.
- Галло А. В., Верняев И. И., Егоров С. Б., Чистяков А. Ю.** ■ Этнография Северо-Запада России (Южные окрестности Петербурга — Приладожье — Центральные районы Псковщины). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Гаршнек А. И.** ■ Народные песни сету. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Грушина Л. Е.** ■ А. И. Макаровский и археология Изборского края // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции

- (6–7 сент. 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПАМЗ «Изборск», 2002. С. 94–105.
- Гурт Я. ■** О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия ИРГО. Т. XLII. 1905. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 1–22.
- Засецкая М. А. ■** Полуверцы — возможная интерпретация первоначального смысла русского конфессионального экзонима сету // Христианский мир: религия, культура, этнос: Мат-лы науч. конф. / Науч. ред. Т. Н. Дмитриева, И. И. Шангина. СПб.: Изд-во ГМИР, 2000. С. 89–94.
- Засецкая М. А. ■** Краеведение в Печорском крае в контексте культурной рефлексии XX в. // Полевые этнографические исследования: Мат-лы восьмых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / Отв. ред. В. М. Грусман, А. В. Коновалов. Изд. «ЛЕМА», 2009. С. 85–90.
- Засецкая М. А. ■** Роль культурно-гносологических установок исследователей XIX века в этнической истории сету // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреневские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2011. С. 303–320.
- Засецкая М. А. ■** Сетьгола — загадочный летописный народ // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 2. Пятые Шёгреневские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский Дом», 2012. С. 306–319.
- Засецкая М. А. ■** Сету — народ Печорской земли // Православные кресты народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и сету в собрании Российского этнографического музея. Альбом-каталог. Вып. 1. СПб.: Арт-Палас, 2013. С. 235–293; С. 296–383.
- Исаков С. ■** Русские в Эстонии 1918–1940. Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996.
- Историко-этнографические очерки Псковского края ■** Ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999.
- Калинина О. В. ■** Миссионерская деятельность русской православной церкви в «полуверческих» приходах Псково-Печерского края (по материалам периодики кон. XIX — нач. XX в.) // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгреневские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский дом», 2008. С. 78–87.
- Калинина О. В. ■** Собрание ювелирных украшений сету в Российском этнографическом музее // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Мат-лы седьмых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / Отв. науч. ред.: В. М. Грусман, А. В. Коновалов. СПб.: РЭМ, 2008. С. 241–248.
- Калинина О. В. ■** О предварительных результатах исследования церковной жизни населения Печорского района Псковской области во второй половине XX в. Тарту, 2014.
- Калинина О. В. ■** Этноконфессиональная ситуация в Печорском районе Псковской области во второй половине XX — нач. XXI в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3. Шестые Шёгреневские чтения: Сб. ст. и тез. докл. / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: «Европейский дом», 2014. С. 276–285.
- Калинина О. В. ■** О некоторых аспектах религиозной жизни Печорского района во второй половине XX в. // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Nagule / Peatoim N. Kästik, E. Saar; toim K. Rajusalu, A. Raudoja, Heiki Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskä: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. lk. 225–252.

- Кириков Б. М., Платкин К. М.** ■ Печоры в XVI–XVIII вв.: от слободы — к городу // Памятники средневековой культуры. Открытия и верси́и: Сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-contact, 1994. С. 96–109.
- Кирпичников А. Н.** ■ Каменные крепости Псковской земли: Гдов, Изборск // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 27–34.
- Колпакова Ю. В.** ■ Сведения о сето в XVI–XX вв. по материалам Российского Государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Псковской области // Вестник ПГУ. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. № 2. Псков, 2013. С. 162–172.
- Кольк У.** ■ Проблемы сетуского многоголосья // Regivärs: Tõid eesti filoloogia alalt, 6. (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 501.), 1979. Lk. 90–101.
- Кондратьева О. А.** ■ Наследие псковского собирателя Ф. М. Плюшкина в Российском Этнографическом музее // АИИППЗ: Тез. докл. / Ред. В. В. Седов. Псков, 2004. С. 282–289.
- Кулаков И. С., Манаков А. Г.** ■ Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: ЛА «Варяг», 1994.
- Лагунин И. И.** ■ Типология исторической застройки Изборска и его округи. К вопросу о градостроительном ансамбле // Изборск и его округа: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 2007–2008. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”». 2009. С. 53–81.
- Лезте А.** ■ Сету как собеседники // Финно-угры и соседи. Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Арт-Люкс, 2002. С. 71–77.
- Манаков А. Г.** ■ Расселение и динамика численности сету в XX веке // «Псков»: Научно-практ., историко-краевед. журнал. № 3. Псков: Изд-во ПГПИ, 1995. С. 128–139.
- Манаков А. Г.** ■ Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практ. историко-краеведческий журнал. № 14. Псков: Изд-во ПГПИ, 2001. С. 189–199.
- Манаков А. Г.** ■ Динамика численности сету Печорского района в XX — начале XXI века // Изборск и его округа: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. 2007–2008. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”». 2009. С. 40–45.
- Манаков А. Г.** ■ Демография и расселение сету в Печорском районе (по материалам экспедиции 2014 года) // Псковский регионолог. журнал. № 21. Псков: Изд-во ПГУ, 2015. С. 59–74.
- Манаков А. Г., Карпухина Н. В., Пыжова О. А.** ■ Сету Печорского района в начале XXI века (по итогам этнодемографического исследования 2008 г.) // Псковский регионолог. журнал. № 7 // Псков: Изд-во ПГУ, 2009. С. 140–145.
- Манаков А. Г., Потапова К. Н.** ■ Этнодемографический портрет сету Печорского района Псковской области в начале второго десятилетия XXI века // Псковский регионолог. журнал. № 13. Псков: Изд-во ПГУ, 2012. С. 67–79.
- Миротворцев М.** ■ Об эстах или полуверцах Псковской губернии // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. Псков: Типография губернского правления, 1860.
- Моора Х. А.** ■ Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа: Сб. ст. / Под ред. Х. А. Моора. Таллин: Эстосиздат, 1956. С. 127–132.

- Не прервется связь времен** ■ Мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Вып. I, 2004; Вып. II, 2007; Вып. III, 2009; Вып. IV, 2011; Вып. V, 2014.
- Новожилов А. Г.** ■ Престольные праздники в системе традиционных социальных связей населения Печорского района Псковской области // Православие и культура этноса: Тез. докл. Междунар. науч. симпоз. 9–13 окт. 2000 г. / Ред. Т. А. Воронина, К. В. Цеханская. М.: Старый сад, 2000. С. 61–62.
- Новожилов А. Г.** ■ Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во второй половине XX в. (Печорский, Пыталовский и Палкинский районы) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Седов. Т. 2. М: Изд-во МИУП, 2003. С. 89–95.
- Новожилов А. Г.** ■ Динамика исчезновения объектов традиционной материальной культуры в XX в. по материалам Пыталовского района Псковской области // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 4. СПб., 2006. С. 289–302.
- Новожилов А. Г.** ■ Динамика социально-экономических процессов в районах, граничащих с Республикой Беларусь, Латвией и Эстонией // Вестник РГНФ. № 4. М., 2007. С. 230–242.
- Новожилов А. Г.** ■ Население Псково-Печорского края как этнолокальная группа // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. № 3. СПб., 2009. С. 94–110.
- Новожилов А. Г.** ■ Полевые исследования в Печорском районе Псковской области // Полевая этнография — 2008: Мат-лы Междунар. науч. конф. / Под ред. В. А. Козьмина, Н. В. Юхнёвой, И. И. Верняева. СПб.: Изд-во ист. ф-та СПбГУ, 2010. С. 61–68.
- Новожилов А. Г.** ■ Особенности крестьянского хозяйства западных районов Псковской области, входивших в 1920–30-е гг. в состав Латвии и Эстонии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы XIX–XXI вв. / Отв. ред. Е. Н. Швейковская. М.; Брянск: РИО Брянского ГУ, 2012. С. 487–495.
- Новожилов А. Г.** ■ Историческая этнография Псковского фронта // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 4. СПб., 2013. С. 122–129.
- Новожилов А. Г., Хрущев С. А.** ■ Анализ динамики демографических параметров этнолокальной группы (население Печорского района Псковской области во второй половине XIX — начале XX вв.) // Малые этнические и этнографические группы: Сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса. Историческая этнография. Вып. 3 / Под ред. В. А. Козьмина. СПб., 2008. С. 280–307.
- Новожилов А. Г., Хрущев С. А.** ■ Псково-Печорский край: эволюция этнолокальной группы и анализ динамики населения в 1990–2000-е гг. // Изборск и его округа: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. 2010–2011 гг. Изборск: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2011. С. 135–139.
- Овчинникова Н. Н.** ■ Изборск в период гражданской войны. Октябрь 1917 — январь 1920 гг. // Изборск и его округа: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 2007–2008. Изборск: ГИАПЛАМЗ «Изборск», ООО «Печатный двор “Стерх”». 2009. С. 32–35.
- Основания регионалистики** ■ Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герла, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Первоклассный Псково-Печерский монастырь** ■ Остров, 1893.
- Пино В. В.** ■ О характере и содержании сетуских причтаний // Проблемы изучения финно-угорского фольклора: Сб. ст. Весоеоз.

- конф. по проблемам изучения фольклора финно-угорских народов; 17–18 сентября 1969 / Редкол.: В. Я. Евсеев и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 193–202.
- Пихо М. Э.** ■ Металлические украшения сету XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. Рукопись хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Пихо М.** ■ О некоторых процессах развития орнамента в ткачестве сету // *Congressus ponus internationalis fenno-ugrstarum*: 7.–13.9.2000. Tartu. Pars VII. *Dissertationes sectionorum: folkloristica ethnologia*. Tartu, 2001. Lk. 414, 415.
- Пихо М.** ■ Серебряные украшения на сетуской свадьбе // *Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.)* / Ред. В. В. Седов. Псков: Псков: ИА РАН; ГИАПАМЗ «Изборск», 2002. С. 82–93.
- Пихо М.** ■ Украшения сету XVIII–XIX вв. // *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания)*. Т. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: МГУ, 2003. С. 73–82.
- Пихо М.** ■ О плетеном орнаменте в археологии и сетуской этнографии (взгляд этнографа) // *Stratum plus. Культура, археология, антропология. Русское время*. № 5. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 449–456.
- Повесть о Псково-Печерском монастыре** ■ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. XVI в. СПб.: Наука, 2005. С. 476–533.
- Потапова К. Н.** ■ Итоги изучения идентичности сету Печорского района Псковской области в постсоветский период // *Вестник ПГУ*. № 1. 2012. С. 104–110.
- Потапова К. Н.** ■ Вопросы происхождения сету в работах авторов второй половины XIX — начала XX вв. // *Псковский регионолог. журнал*. № 15. 2013. С. 154–158.
- Псковский Печерский монастырь в 1586 году** ■ Старина и Новизна: Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III. Т. 7. 1904. С. 255–272.
- Пяртлаас Ж.** ■ О ладовом «двуязычии» сетуских многоголосных песен // *Механизм передачи фольклорной традиции: Мат-лы XXI Междунар. молодеж. конф. памяти А. Горковенко* / Отв. ред. и сост. Н. Н. Абубакирова-Глазунова. СПб.: РИИИ, 2004. С. 78–90.
- Пяртлаас Ж.** ■ К вопросу о сходствах в сетуской, мордовской и южно-российской песенных традициях // *SK*. Т. 3. *Uurimusi Setumaa loodusest, ajalooist ja folkloristikast* / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 196–237.
- Пяртлаас Ж.** ■ О проблеме восприятия и нотации ладов с подвижными ступенями: эксперимент А. М. Листопадава и сетуские архангелские звукоряды // *Фольклор и мы: традиционная культура в зеркале ее восприятия: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И. И. Земцовского*. Ч. I / Отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб.: РИИИ, 2010. С. 20–32.
- Рихтер Е. В.** ■ Итоги этнографической работы среди сету Псковской области лето 1952 г. // *Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)* // ТИЭ. Нов. сер. Т. XXIII. М.: Наука, 1954. С. 183–193.
- Рихтер Е.** ■ Женская народная одежда сету // *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised*. 1954. Т. 3:1. Lk. 51–68.
- Рихтер Е.** ■ К вопросу об этнической истории сету // *TATÜ*. 1959. V. VIII. Т. 4. Lk. 396–410.
- Рихтер Е. В.** ■ Материальная культура сету в XIX — начала XX в. (к вопросу об этнической истории сету). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Таллин, 1961. Рукопись хранится в архиве ИЭ РАН.

- Рихтер Е. В.** ■ Сету // Вопросы истории. № 9. 1971. С. 215–219.
- Рихтер Е. В.** ■ Русское население западного Причудья: очерки истории, материальной и духовной культуры. Таллин: Валгус, 1976.
- Рихтер Е. В.** ■ Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arenguajooni 19. ja 20. sajandil / Toim G. Troska. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1979. Lk. 90–125.
- Рихтер Е. В.** ■ Некоторые особенности погребального обряда сету // СЭ. 1979. № 2. С. 116–128.
- Рихтер Е. В.** ■ Этнодемографические процессы у сету во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия АН СССР. Сер. «Общественные науки». 1985. Вып. 34 (3). С. 260–277.
- Рихтер Е. В.** ■ Кто и как жил на земле Эстонии: этнографические очерки. Таллин: Александра, 1996.
- Родной наш край — Печоры** ■ Город Печоры. XX в. Путеводитель по Псково-Печерскому Свято-Успенскому монастырю / Сост. Р. Н. Рогачева. Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2002.
- Сарв Я.** ■ Расшифровка сетуского многоголосия при помощи многоканальной студийной аппаратуры // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / Сост. И. Рюйтель. Таллин: Ээсти раамат. 1980. С. 103–126.
- Сарв В.** ■ Виды сетуских причитаний и их музыкальные особенности // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров: Сб. ст. / Ред. И Рюйтель. Таллин: Ээсти раамат, 1986. С. 188–215.
- Сарв В.** ■ Причитания невесты у сету // Музыка в свадебной обряде финно-угров и соседних народов / Ред. И. Рюйтель. Таллин: Ээсти Раамат, 1986. С. 272–284.
- Семенова А. Г.** ■ Воспоминание о моем отце // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2009. Вып. 3. С. 291–300.
- Серебрянский Н.** ■ Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическом обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908.
- Синайский В. И.** ■ Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Рити», 1929.
- Сооло А.** ■ Александр Анисимов // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2007. Вып. 2. С. 56–66.
- Талааева А. А.** ■ Осмысление фактов в свете идеала // «Не прервется связь времен»: мат-лы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке. Вып. 1 / Сост. В. А. Шувалова Печоры: Изда-во Псковского обл. центра народного творчества, 2004. Вып. 1. С. 65, 66.
- Таратушко А. Т., Петров Г. В.** ■ Изборск. Печоры. Л.: Лениздат, 1971.
- Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции** / Под общ. ред. Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова. Том 1. Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии. Т. 2. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М.: Изда-во АН СССР, 1959.
- Трусман Ю.** ■ Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Трусман Ю.** ■ О происхождении Псково-Печерских полуверцев // ЖС. Вып. 1. Отд. 1. 1897. С. 37–48.
- Тынурист И.** ■ Сетуская парная флейта // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаи-

- мозвязи с соседними культурами: Сб. ст. / Ред. И. Рюйтель. Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 32–37.
- Тынурист И.** ■ Этномузыкальные связи Эстонии с Псковщиной (народные музыкальные инструменты) // АИИППЗ: Тез. докл. / Ред. В. В. Седов. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», 1984. С. 51–53.
- Тынурист И.** ■ Эстонский цитрообразный каннель в качестве русского народного инструмента // Финно-угры и соседи. Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцовом регионах. Сб. ст. / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Арт-Люкс, 2002. С. 77–87.
- Фишман О. М.** ■ Из истории современных региональных исследований Северо-Запада в Санкт-Петербурге // Историческая этнография. Вып. 2: Динамика этнической культуры народов России (памяти А. В. Гадло) / Отв. ред. В. А. Козьмин. СПб.: Изда-во СПбГУ, 2004. С. 98–134.
- Хагу П.** ■ Обряд первого весеннего выгона скота в Сету // *Folkloor ja roeetika / Toimetuskolleegium: J. Põldmäe jt. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool*, 1976. Lk. 3–24.
- Хагу П. С.** ■ Аграрная обрядность и верования сету. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии, 1983. Рукопись хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Хагу П. С.** ■ Календарная обрядность русских и сету Печорского края // АИИППЗ. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», 1983. С. 51–52.
- Харлашов Б. Н.** ■ Изборский уезд и посад города в XVI в. // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПАМЗ «Изборск», 2002. С. 35–47.
- Харлашов Б. Н.** ■ Этапы формирования административно-территориального деления Псковской земли // Псков в российской и европейской истории (К 1000-летию первого летописного упоминания) Т. 1 / Отв. ред. В. В. Седов. М., 2003. С. 164–173.
- Хрущёв С. А.** ■ Современные этнодемографические процессы у малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России // Этногеографические исследования. Вып. 2. СПб.: Изда-во НИИГ СПбГУ, 1996.
- Хрущев С. А., Анохин А. А.** ■ Автохтонные этноконтактные зоны Северо-Запада России: современное состояние, динамика и прогноз // Геоэкологический мониторинг: теория и практика. Сб. науч. ст. по мат-лам отчетной научно-практ. конф. 2002 г. / Под ред. В. В. Дмитриева, И. О. Шилова. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 144–164.
- Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)** ■ Кр. сод. док. I и II межведомственных науч. аспирантов и студентов / Отв. ред. А. В. Гадло. СПб.: СПбГУ, 1998.
- Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)** ■ Кр. сод. док. СПб., Изда-во СПбГУ, 1998.
- Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 2002 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)** ■ Мат. конф. / Отв. ред. В. А. Козьмин. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Юргенсон А.** ■ Маре Пихо — исследователь и представитель сетуской культуры // SK. Т. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogias, rahvakultuuris, rahvaluulest, ajalooist ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson, toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 15–17.
- Язмова Е.** ■ «Россия начинается здесь!» // Псковская правда — Вече. 10 августа 2006 г.

Якушкин П. И. ■ Путевые письма из Псковской и Новгородской губерний. СПб., 1860.

Ainsaar M. ■ Kodukant ja koolinoorte tuleviku-kavatsused // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põllisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VII, 2.), 1996. Lk. 89–95.

Ainsaar M. ■ Paikus ja ränne // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põllisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VII, 2.), 1996. Lk. 29–36.

Alekdand K. ■ Setu legendilaadsete muinasjutude ruumisemiootikast // Pro folkloristica. 2001. T. 8. Lk. 5–27.

Alenius K. ■ Petserimaa ja Narvataguse integreerimine Eestiga ning Idaalade maine Eesti avalikkuses 1920–1925 // Akadeemia. 1999. T. 11. Lk. 2301–2322.

Anderson E. ■ Kuidas Narva, Petseri ja Abrene sattusid Vene NFSV koosseisu // Akadeemia. 1991. T. 7. Lk. 1501–1523.

Andreyev N. ■ The Pskov-Pechery Monastery in the 16th Century // The Slavonic and East European Review. 1953–1954. T. 32. Lk. 318–343.

Annist A. ■ Otsides kogukonda sotsialismijärgses keskuskülas. Arenguantropoloogiline uurimus. Tallinn: TÜ Kirjastus, 2011.

Annist A. ■ Heterotopia and hegemony: Power and culture in Setomaa // Journal of Baltic Studies. 2013. № 44: 2. Lk. 249–269.

Annist A. ■ Heterotoopiast hegemooniaks: võim ja kultuur Setomaal // Maastik ja mälu. Eesti pärandiloome arenguhooni / Toim H. Sooväli-Sepping, L. Kaljundi. Tallinn: TÜ kirjastus, 2014. Lk. 418–440.

Arukask M. ■ Religious syncretism in Setu runo songs // Studies in Folklore and Popular Religion, 3 / Ed. by Ü. Valk. Tartu: TÜ eesti ja võrdleva rahvaluule õppetool, 1999. Lk. 79–92.

Arukask M. ■ «Venna sõjalugu» ja inimõtlemise muutlikkus. Seto lüroepiline regilaul kui pideva distantseerumise ja muutumise dokument // Kust tulid lood minule... Artikleid regilaulu uurimise alalt 1990. aastatel / Toim Ü. Valk, T. Jaago. Tartu: TÜ eesti ja võrdleva rahvaluule õppetool, 2000. Lk. 57–121.

Arukask M. ■ Eksimine vадja ja setu rahvakultuuris ning folkloorse etteantuse osa selles // Sator. T. 2. Tartu, 2002. Lk. 96–112.

Arukask M. ■ Jutustava regilaulu aspektid: 19. sajandi lõpu setu lüroepiliste regilaulude žanr ja struktuur. (Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis, 3.) Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.

Arukask M. ■ Lemmelehest taaskord. Ühe seto mütoloogilise regilaulu usundilis-kombestikulisest tagapõhjast // TÜ LEKKAR. XV / XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, Ahto Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 47–71.

Assmuth L. H. ■ Assymetries of gender and generation on a post-Soviet borderland // Border Encounters Proximity and Asymmetry at European Borders / Ed. J. L. Bacchas, W. Kavanagh. Berghahn Books, 2002. Lk. 139–164.

Astel E. ■ Setu aines Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuseumi kogudes // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi / Koost ja toim J. Linnus. Tallinn: Valgus, 1982. Lk. 92–95.

Aun E. ■ Mälestused Setumaalt. Tosin jutukesi. Jurjev: K. E. Sööt, 1898.

Buck W. ■ Petseri eestlased. Tartu: Postimees, 1909.

Chalvin A. ■ La construction de l'identité des Setos (1920–1940) // Études feno-ougriennes. 2012. T. 43 / Lk. 119–144.

- Chalvin A.** ■ Les Setos d'Estonie. Paris: Editions Armeline, 2015.
- Chata estońska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza.** Red. Paweł Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000.
- Dokumente Petseri- ja Virumaa jaotamise kohta** Akadeemia. 1991. T. 8. Lk. 1736–1758; T. 9. Lk. 1949–1963.
- Eesti Rahva Muuseumi sada aastat /** Koost P. Õunapuu. Tartu: ERM, 2009.
- Eichenbaum K.** ■ Petserimaal elavate setode probleemidest // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põlisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VIT, 2.) 1998, Lk. 162–173.
- Eichenbaum K.** ■ Piiriga seotud probleematika // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põlisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VIT, 2.) 1998. Lk. 58–60.
- Eichenbaum K.** ■ Rahvakultuuri ja traditsioonide järjepidevus // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põlisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VIT, 2.) 1998. Lk. 61–76.
- Eichenbaum K.** ■ Setomaa koolinoorte seotus rahvakultuuri ja traditsioonidega // Ku kavvas Setomaalõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põlisasustuse säilimise võimalused: Võro Instituudi uurimistüü Setomaal 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VIT, 2.) 1998. Lk. 77–88.
- Grichin K.** ■ Riiklik poliitika Petserimaa usuelu korraldamises 1920.–1930. aastatel // ÕES Ar 2002. Tartu, 2002. Lk. 167–181.
- Grichin K.** ■ Usuküsimus Setomaal: piiriala kultuuri ja ajaloo sõlmpunkt // TÜ LEKKAR. № V. № III. 2004. Lk. 63–81.
- Hagu P.** ■ Setu viljakusjumal Peko // Keel ja Kirjandus. 1975. T. 3. Lk. 166–173.
- Hagu P.** ■ Setude etnogeneesi agraartavandi valgusel // Keel ja Kirjandus. 1978. T. 10. Lk. 616–623
- Hagu P.** ■ Lamenters' strategy in the performance of wedding laments // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. 1995. Vol. 51/ Pp. 115–124.
- Hagu P.** ■ Setukaisten identiteetin ongelmat // Koltat, karjalaiset ja setot: pienet kansat maailmojen rajoilla / Toim. T. Saarinen, S. Suhonen. Kuopio: Snellman-instituutti, 1995. Lk. 169–181.
- Hagu P.** ■ Setukaistet — raja-aluen ortodoksivähemistö // Uskonto ja identiteetti. Suomalais-ugrialaisten kokemuksia ja vaiheita Venäjällä ja Neuvostoliitossa / Toim. T. Laitila, T. Saarinen. Helsinki: SKS, 1999. Lk. 82–95.
- Hagu P., Abrams V. (Toim ja tlk)** ■ Raasakõisi Setomaalt: Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagal 1886 ja 1903: kommentaarõga välläänõõq. (Seto kirävara, 6.) Värskä; Tartu: Seto Instituut, EKM, 2013.
- Hagu P., Suhonen S. (Toim)** ■ Peko: Setu rahvuseepos = Setukaieseepos = The Setu Epic: Laulanut = Laulnud = Sung by Anne Vabarna. (Snellman-instituutin julkaisu, A 18.) Kuopio: Snellman-instituutti, 1995.
- Hartmann E.** ■ Neuhausen und die Pleskauschen Esten // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv, Est- und Kurlands. Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. 1860. T. 34. Lk. 625–630.
- Heikel A. O.** ■ Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. (Ethnographische Forschungen auf dem Gebiete der Finnischen Völkerschaften, II. Kansatieteellisiä julkaisu, IV.) Helsingfors: Finsk-Ugriska Sällskapet, 1909.
- Hurt J.** ■ Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, XIII–XXX, 1904.

- Hurt J.** ■ Über die Pleskauer Esten oder die sogenannten Setukesen. Helsingfors, 1904.
- Hurt J.** ■ Hurda 1886 aastaga käük Setomaale // Raasakõisi Setomaalt: Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903: kommentaarõga välläännõq / Toim P. Hagu, V. Aabrams. (Seto kirävara, 6.) [Värška; Tartu]: Seto Instituut, EKM, 2013. Lk. 101–140.
- Hurt J.** ■ Mõnõsugutsit tähendüisi Setomaalt anno 1903: tiidüisi Irboska aõlvast ja vallast // Raasakõisi Setomaalt: Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903: kommentaarõga välläännõq / Toim P. Hagu, V. Aabrams. (Seto kirävara, 6.) [Värška; Tartu]: Seto Instituut, EKM, 2013. Lk. 61–76.
- Hörn A.** ■ Saatesõna seto kogukonnalt: Setomaa seto pilguga nähtuna // Setomaa 1. 2016. Lk. 17–23.
- Järv R.** ■ Muinasjutuline Setumaa // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõv. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 220–245.
- Jääts I.** ■ Setude etniline identiteet. (Studia ethnologica Tartuensia, 1.) Tartu: Tartu Ülikool, 1998.
- Jürgenson A.** ■ Need teed. Mare Piho dokumentaalsed filmid setodest // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 32–40.
- Kaiser R., Nikiforova E.** ■ Borderland Spaces of Identification and Dislocation: Multiscalar Narratives and Enactments of Seto Identity and Place in the Estonian // Russian Borderlands, Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29. No. 5. Pp. 928–953.
- Kalkun A.** ■ Seto naiste eluloolaulud. Autobiograafiad ja utopia. Magistritöö. Käsikirja TÜ eesti ja võrdleva rahvaluule õppetoolis, 2002.
- Kalkun A.** ■ Seto naisautobiograafide maailm // Ariadne lõng. 2003. T. 1/2. Lk. 6–20.
- Kalkun A.** ■ Seto laul eesti folkloristika ajaloos. Lisandusi representatsiooniloole. Tartu: TÜ Kirjastus, 2011.
- Kalkun A.** ■ Kellele kuulub seto pärimus? Samuel Sommeri rahvaluulekogu loost ja retseptioonist // Regilaulu müüdid ja ideoloogiad / Toim M. Sarv. Tartu: EKM, TÜ, 2012. Lk. 179–252.
- Kalkun A.** ■ Fasts and Feasts in Estonians' Representations of the Seto Culture // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8 (1). Pp. 53–73.
- Kalkun A.** ■ Seto laul eesti folkloristika ajaloos. Lisandusi representatsiooniloole. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused, 33.) Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2015.
- Kalkun A., Korb A.** ■ Siberi setode laulud / Songs of Siberian Seto / Песни сибирских сето. Heli-salvestusi Eesti Rahvaluule Arhiivist / Recordings from the Estonian Folklore Archives / Звукозаписи Эстонского фольклорного архива. Tartu: EKM, 2012.
- Kalkun A., Ojamaa T.** ■ Orthodox chanting and traditional singing: Conflicts and compromises // Traditional Musical Cultures in Central-Eastern Europe. Ecclesiastical and Folk Transmission / Toim P. Dahlig. Warsaw: University of Warsaw, Polish Academy of Sciences, 2009. Pp. 157–180.
- Kallas O.** ■ Einiges über die Setud // Sb. GEG 1894. 1895. Lk. 81–105.
- Kallas O.** ■ Üht ja teist setudest // Eesti Üliõpilaste Seltsi Album. Teine Leht. Jurjev: Eesti Üliõpilaste Selts, 1894. Lk. 174–184.
- Kasema M., Sarv V.** ■ Setu hällitused. (Ars musicae popularis, 13.) Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1999.
- Kauksi Ü., Reimann N., Jüvä S.** ■ Võro-seto aabitsa sünd // Lõunaeesti keelest ja kiräkeelest: konverents «Lõunaeesti keel tänapäeva koolis» Tallinna Pedagoogikaülikoolin 22.03.1997 / Toim N. Reimann, Tõnu Tender. (VII, 3.) 1998. Lk. 99–105
- Kiristaja A.** ■ Setomaa kohanimed. (Seto Instituudi Toimetised, 1.) [Värška; Tallinn], 2013.
- Kiristaja A.** ■ Saate piirkonna rajajooentest ajaloolisel ajal // SK. T. 6 / Koost M. Aun ja T. Kore-

- la, toim I. Tammaru. Uurimusi Saatse Seto Muuseumi auks. Tallinn; Saatse: TLÜ AI, MTÜ Seto Adõr, MTÜ AK, 2014. Lk. 96–124.
- Kiristaja A.** ■ Setomaa õigeusu kirikute ja koguduste varasemast ajaloost // TÕ LEKKAR. XV/ XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 284–305.
- Kirss E.** ■ Setomaa 1938 // Mäetagused. 1998. T. 8. Lk. 108–130.
- Kreutzwald Fr. R.** ■ Mitteilung über Volkslieder bei den im Pleskauschen Gouvernement angesiedelten Esten, nebst einer Beilage mit Liedeproben // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Bd. II, H. 2. Dorpat, 1848. Lk. 43–62.
- Ku kavvas Setomaa lõ seto rahvast jakkus: ajaloolise Setomaa põlisisastuse säilimise võimalused** ■ Võro Instituudi uurimistöö Setomaa 1997. aastagal / Toim K. Eichenbaum. (VIT, 2.) 1998.
- Kuutma K.** ■ Festival as Communicative Performance and Celebration of Ethnicity // Folklore. 1998. T. 7. Lk. 12–26.
- Kuutma K.** ■ Pärimuskultuurist kultuurisümboliks: saami etnograafia ja seto eepose saamisluu. Tartu: EKM, 2005.
- Kuutma K.** ■ Collaborative Representations: Interpreting the Creation of a Sami Ethnography and a Seto Epic. (FF Communications, 137 [289.]) Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2006.
- Köppen P. von.** ■ Ethnografische Karte des St. Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 1849.
- Köppen P. von.** ■ Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 1867.
- Laanetu M.** ■ Petseri Põhjälajaager // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogias, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2002. Lk. 253–278.
- Laid E.** ■ Petseri laat etnograafiliselt seisukohalt // ERM Ar. 1937. T. XI. Lk. 55–85.
- Leete A.** ■ Küsitlemise alustamine // PVP. 1996. Lk. 23–30.
- Leete A.** ■ Geopolitics and ethnology: the Setu case // Ethnology in the 21st century: transnational reflections of past, present and future / Ed. by J. Lehtonen, S. Tenkanen. Turku, 2010. Pp. 35–47.
- Lillak A.** ■ Nulgad // Setomaa 2. 2009. Lk. 320, 321.
- Lillak A.** ■ Setomaa uusaja uurimisest // Setomaa 2. 2009. Lk. 277–279.
- Lillak A.** ■ Setode kujunemise kohta käivast diskussioonist // ÕES Ar 2013. Tartu, 2014. Lk. 167–190.
- Lillak A., Teedema L., Kiristaja A., Lõbu T., Maa-sing M., Kass K.** ■ Uusaeg (17. sajandi algus — 1914) // Setomaa 2. 2009. Lk. 277–357.
- Loorits O.** ■ About the religious concretism of the Setukesians. (SUS aikakauskirja 61, 5.) Helsinki, 1959.
- Loorits O.** ■ Grundzüge des Estnischen Volksglaubens, I, II, III. (Skripter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs akademien för folklivsforskning, 18:1–III.) Uppsala: Lundequistska Bokhandeln; Köpenhamn: Munksgaard, 1949, 1951/1953, 1957/1960.
- Lõuna K.** ■ Usuküsimus Petserimaal 1920.–30. aastatel ja kloostriõda // Ajalooline Ajakiri. Kleio. 1999. T. 3/4. Lk. 57–69.
- Lõuna K.** ■ Petserimaa. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940. Loodus, aeg, inimene. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003.
- Manninen I.** ■ Setumaa muljeid // Odamees. 1924. T. 2. Lk. 39–42.
- Manninen I.** ■ Setude ehitused. I–II // ERM Ar. I (1925). Lk. 53–88; II (1926). Lk. 103–128.
- Manninen I.** ■ Die Sachkultur Estlands. I–II. (Õpetatud Eesti Seltsi eritoimetused, 1–2.) Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1931, 1933.

- Manninen I.** ■ Die Gebäude der Setukesen // *Studia Fennica*. T. 3. Helsinki, 1938. Lk. 83–111.
- Markus E.** ■ Changes on the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserimaa // *ÕES Ar*, 1936. Tartu, 1938. Lk. 165–176.
- Mattisen E.** ■ Eesti–Vene piir. Tallinn: Ilo, 1993.
- Metsvahi M.** ■ Indiviid, mälu ja loovus: Ksenia Määrsepa mõttemaailm folkloristi pilgu läbi. (Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis, 10.) Tartu: TÜ Kirjastus, 2007.
- Metsvahi M.** ■ Religious legend as a shaper of identity: St. Xenia in the mental universe of a Setu woman // *Vernacular religion in everyday life: expressions of belief*. Ed. by M. Bowman, Ü. Valk. London, Oakville: Equinox, 2012. Pp. 161–191.
- Moora H.** ■ Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemise arheoloogia andmeid // *Eesti rahva etnilisest ajaloost*. Artiklite kogumik / Toim H. Moora. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1956. Lk. 41–119.
- Moora A.** ■ Peipsimaa etnilisest ajaloost. Ajaloolis-etnograafiline uurimus Eesti–Vene suhetest. Tallinn: Eesti NSV TA AI, 1964.
- Mägiste J.** ■ Petserimaast, selle uurimisest ja setude päritolust // *Meie maa: Eesti sõnas ja pildis*. T. 4. Lõuna-Eesti. Lund, 1957. Lk. 165–173.
- Mägiste J.** ■ Setude nimetustest // *Tulimuld*. 1957. T. 5. Lk. 246–248.
- Mägiste J.** ■ Setukaistekstejä. (SUS, 159) Helsinki, 1977.
- Nassar E.** ■ Setu küla kontrolljoone taga — Lõkova: Eesti Vabaõhumuuseum ja setu teema // *Alevist vallamajani: artikleid maahitistest ja -kultuurist / From borough to community house: articles on rural architecture and culture*. / Toim H. Pärdi, E. Luttsepp, M. Jöks. (Eesti Vabaõhumuuseumi toimetised, 2.) Tallinn: Eesti Vabaõhumuuseum, 2010. Lk. 115–153.
- Nassar E.** ■ Ehitusmaterjalide tööstusest Petserimaal 1920–1930. aastatel // *SK*. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värskas: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 144–218.
- Nassar E.** ■ Seto taresistustuse muutumine ajas // *TÜ LEKKAR*. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskas: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 184–224.
- Niidu V.** ■ Savinõude valmistamisest Petseri ümbruses // *Etnograafiamuuseumi aastaraamat*. 1978. T. XXXI. Lk. 83–102.
- Oinas F. J.** ■ The Position of the Setus in Estonian Folklore // *Journal of Baltic Studies*. 1974. Vol. 1. Pp. 8–25.
- Oras J.** ■ Ürgne, värviline, pöörane, hüpnootiline. Seto vana helilaadi taaselustamise kogemusi // *TÜ LEKKAR*. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskas: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 138–163.
- Paas Fr. E.** ■ Segaa-abiellud ja nende mõju rahvusesse piiriäärsetes maakondades Eestis // *Eesti Kirjandus*. 1928. T. 6. Lk. 294–306.
- Palve, vanapatt ja pihlakas** ■ Setomaa 1994. aasta kogumisretke tulemusi / Toim H. Valk, E. Västriik. (Vanavaravedaja, 4.) Tartu, 1996.
- Pekonen O.** ■ Peko ja Beowulf // *TÜ LEKKAR*. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskas: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 72–92.
- Piho M.** ■ Weiblicher Metallschmuck der Setukesen des 19 — Mitte des 20 Jh. // *ERM Ar*. 1992. T. XXXIX. Lk. 72–89.

- Piho M.** ■ Siperian setukaiset // Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla / Toimittanut T. Saarinen, S. Suhonen. Kuopio: Snellman-instituutti, 1995. Lk. 200–219.
- Piho M.** ■ The Setuan breast-plate «suur sölg» // Congressus Octavianus Internationalis Fennno-Ugristarum Jyväskylä 10 // 15.8.1995. P. VI. Ethnologia & Folkloristica Moderatores / Red. H. Leskinen et al. Jyväskylä, 1996. Lk. 338–342.
- Piho M.** ■ Setu külad Krasnojarski kraisis // Muuseum. 1999. T. 2 (7). Lk. 29–31.
- Piho M.** ■ Setu külad Siberis // Kaika suvõulikuulõ kogomik 1–9 (1990–1996) / Toim P. Kattõl. Võro: Võro Instituut, 1997. Lk. 51–63.
- Piho M.** ■ Mõnda kullakaevandamisest Siberi setude juures // Muuseum, 2000. T. 2 (9). Lk. 29.
- Piho M.** ■ Rootsi aeg Siberi setude kultuuris // Õdagumeresoomõ ütistuseq (Läänemeresoomõ ühendusteed). Konvõrents Põlvan, 26–28. rehekuu 2000 / Toim K. Pajusalu, J. Rahman (VIT, 11.) / 2001. Lk. 92–100, 128–129.
- Piho M.** ■ Siberi setude uurimisest 1987–2001 // Kultuuri uurimise eetika. Tartu, 9–10.04.2001: ettekannete kokkuvõtteid / Toim T. Sikka. Tartu: ERM, 2001. Lk. 79–85.
- Piho M.** ■ Petserimaa venelaste metallehted (16.–20. sajandil) // ERM Ar. 2002. T. 46. Lk. 101–119.
- Piho M.** ■ Setude ümberasumisest külmale maale // Krimmi kogumik. Konverentsi «149 aastat eestlust Krimmis» ettekanded (09–10.09.2001) / Koost ja toim J. Viikberg. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2002. Lk. 171–185.
- Piho M.** ■ Setude ehted 17–19. sajandil // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajalooast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 183–218.
- Piho M.** ■ Setud — Eesti sümbol? // Aeg ja lugu. Esseid Eesti kultuurilooast / Koost A. Jürgenson. Tallinn: Ajaloo Instituudi etnograafia sektor, 2003. Lk. 120–129.
- Piho M.** ■ Etnograafilisi ja kultuuriloolisi esemeid Saatses muuseumis // Saatses muuseum. (Setumaa muuseumid, 1.) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2005. Lk. 65–96.
- Piho M.** ■ Setumaa muuseumidest // Saatses muuseum. (Setumaa muuseumid, 1.) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2005. Lk. 7–17.
- Piho M.** ■ Setode usk ja Setumaa tsässonad // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk. 13–60.
- Piho M.** ■ Mõla klooster Setumaal // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajalooast ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 359–384.
- Piho M.** ■ Siperian setukaiset aikojen tuulissa // «Lyydi» — 2011. Lyydiläinen Seura RY:n vuosijulkaisu. Helsinki, 2012. Lk. 41–45.
- Piho M.** ■ Petseri — 20. saj väike Euroopa linn. Tallinn: Tänapäev, 2013.
- Piho M.** ■ Setujen kansankulttuurista // Vatjalaiset, inkerikot, setut / Toim L. Saressalo. Helsinki: SKS, 2017.
- Piho M.** ■ Setujen ainellinen kulttuuri // Vatjalaiset, inkerikot, setut / Toim R. Grünthal, L. Saressalo, K. Kallio. Helsinki: SKS, 2019 (в печати).
- Pino V., Sarv V.** ■ Setu surnuikud, I, II. / Toim I. Rüütel (Ars musicae popularis, [2–3]) Tallinn: Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1981, 1982.
- Pomozhi E.** ■ Setumaa tantsupärimusest Euroopa tantsuajaloo kontekstis // Pro Folkloristica. 2008. T. 14. Lk. 129–159.
- Pullat R.** ■ Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. [St. Petersburg as the City of Hopes and the Formation of Estonian Intellectual Elite until 1917] Tallinn: Estopol, 2004.
- Puusep P.** ■ Maakorraldus Petserimaal ja Narva tagusel maa-alal // Õigus. 1923. T. 7. Lk. 169–175.

- Pärtlas Ž.** ■ Soolised variatsioonid rahvaviisi teemale: seto viisid meeste ja naiste esituses // Regjalulu kohanemine ja kohandajad / Toim J. Oras, A. Kalkun, M. Sarv. (Eesti Rahvaluule Arhiivi Toimetised, 31.) Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2014. Lk. 255–272.
- Pöldmäe R.** ■ Rahvakultuurist, eriti rahva lõbutsemisvormidest Setumaal // Eesti Noorus. 1938. T. 4/5/ Lk. 3–10.
- Raag N.** ■ Petserimaa kogudused // Usuteadusline Ajakiri. 1938. T., 1. Lk. 32–34.
- Radkiewicz M.** ■ Symbolika domu w kulturze Setu // Chata estonska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 145–168.
- Rammul A.** ■ Petserimaa tervishoiuline kirjeldus. Description sanitaire de l'arrondissement de Petseri. Beschreibung der sanitären Verhältnisse des Petseri-Kreises. Tartu: E. V. Tervishoiuvalitsuse ja TÜ Tervishoiu Instituudi väljaanne, 1935.
- Rannap H., Matvejeva K., Viilup V., Palm J., Silaots L. Raud, M.** ■ Hariduselust Petserimaal enne Eesti Vabariigi aega // Eestikeelne kooliharidus Petseris / Toim K. Matvejeva jt. Võru: Setomaa Valdade Liit, 2003. Lk. 9–48.
- Raudoja A.** ■ Piiritagusest Setomaast 1996 // ÕES Ar, 1994–1999. 2002. Lk. 94–99.
- Raudoja A.** ■ Setomaa traditsioonilise hoonestuse uurimise meetodika ja katseinventuur. Magistritöö. Tartu. (Käsitöö Eesti Maaülikoolis), 2007.
- Raudoja A.** ■ Setu taluarhitektuuri uurimistulemusi // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammara. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 142–190.
- Raudoja A.** ■ Setomaa tsässonate arhitektuurist // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammara. Tallinn; Värskä: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 388–413.
- Raudoja A.** ■ Setomaa. Traditsioonilise arhitektuuri põhijooni. [Värskä]: Seto Instituut, 2014.
- Reier V.** ■ Mälestused Setumaalt // Eesti Kirjandus. 1922. T. 5. Lk. 173–176.
- Reissar L.** ■ Setumaa läbi sajandite. Tallinn: Kupar, 1996.
- Remmel M.-A.** ■ Muistendipaigad ja kohalood Meremäe vallas 1994. aasta suvel // PVP. 1996. Lk. 41–58.
- Remmel M.-A.** ■ Pilte Setomaast. Teekäija märkmed. 19.–23. august 1996 // Mäetagused. 1998. T. 6, 7. Lk. 102–122, 98–122.
- Remmel M.-A.** ■ Võrumaa ja Setumaa kohapärimuses 20. sajandi vältel ilmnevatest muutustest. // Paar sammukest. Eesti Kirjandusmuuseumi aastaraamat, 19. Tartu, 2002. Lk. 31–62.
- Remmel N.** ■ Olukorrast Petserimaal // ERK: Üldmajandus- ja kultuuripoliitiline ajakiri. 1935. T. 4/5. Lk. 95–99.
- Runnel P.** ■ Setude enesemäärtlustest kõrvalseisja pilgu läbi // PVP. 1996. Lk. 31–39.
- Runnel P.** ■ Articulating Ethnic Identity in the Setu Media // Pro Ethnologia. 1997. T. 14. Lk. 67–80.
- Runnel P.** ■ Traditsiooniline kultuur setude enesemäärtlustes 1990ndatel aastatel. (Studia ethnologica Tartuensia, 7.) Tartu: TÜ, 2002.
- Ränk G.** ■ Meie idapiiri asutusest // ERK: Üldmajandus- ja kultuuripoliitiline ajakiri. 1933. Lk. 57–62.
- Ränk G.** ■ Materiaalne Peko // ERM Ar. T. IX–X, 1933/1934. 1934. Lk. 176–203.
- Ränk G.** ■ Peipsi kalastusest (Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, II.). Tartu, 1934.
- Ränk G.** ■ Über die russische Riegegebäude im Kreise Petseri // Õpetatud Eesti Seltsi toimetused (Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 10:2.). Tartu, 1938. Lk. 603–613.
- Ränk G.** ■ Valkea pellavakangas virolaisen asuintavan seinäkoristeena // Suomen museo. 1945. T. 51. Lk. 28–45.
- Rüütel I.** ■ The Setu Folk Song in Finno-Ugric and Balto-Slavic Context // FUSAC 88: Proceedings

- of the Sixth Annual Meeting of the Finno-Ugric Studies Association of Canada: With a Special Session on the Folk Music of the Finno-Ugric Peoples = Actes du Sixième Colloque Annuel de l'Association Canadienne des Études Finno-Ougriennes / Ed. by J. A. Nevis. Lanham, 1989. Pp. 23, 34.
- Rüütel I.** ■ Setu rahvalaulu kihistused ja etnokultuuriline taust // Muutudes endaks jääda: valik meenutusi, artikleid, uurimusi / Toim E. Tuvi. Tallinn: TEA, 2010. Lk. 281–343.
- Salve K.** ■ Toone tare: Tähelepanekuid setu surnitkude žanride vahelistest ja geograafilistest seostest // Akadeemia. 1993. T. 12. Lk. 2605–2621.
- Salve K., Sarv V.** ■ Setu lauludega muinasjutud. (Ars musicae popularis, 5). Tallinn: Eesti Raamat, 1987.
- Sarv J.** ■ Üheksa setu rahvalaulu // Soome-ugri rahvaste muusikapärandist: uurimused / Koost ja toim I. Rüütel. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. Lk. 68–103.
- Sarv V.** ■ Die Tonreihen in Volksmelodien der Setukese // Congressus quintus internationalis finno-ugristarum, Turku, 20–27. VIII. 1980. Turku, 1987. Lk. 280–285.
- Sarv V.** ■ Setu mitmehäälsus: kogumislugu ja kokkuvõte // Teater. Muusika. Kino. 1987. T. 7. Lk. 22–30.
- Sarv V.** ■ Etnonüümid ja setu identiteet // Keel ja Kirjandus. 1998. T. 5. Lk. 302–314.
- Sarv V.** ■ Vaateid setu rahvalaulude kogumiskoole // Keel ja Kirjandus. 1998. T. 12. Lk. 838–850.
- Sarv V.** ■ Setu alade jaotus rahvaviiside põhjal // Õdagumeresoomõ veeremaaq = Läänemeresoomo perifeeriad / Toim K. Pajusalu ja T. Tender. (VII, 6), 1999. Lk. 298–307.
- Sarv V.** ■ Setu itk — mõiste ja liigid // Tagasipöördumatus: sõnad ja hääled / Toim K. Salve, M. Kõiva, Ü. Tedre. Tartu: EKM, 2000. Lk. 9–37.
- Sarv V.** ■ Setu itkukultuur. (Ars musicae popularis, 14.) Tartu, Tampere: Eesti Kirjandusmuuseum, 2000.
- Sarv V.** ■ Sõnad setu surnitku kontekstis // Keel ja Kirjandus. 2000. T. 5. Lk. 282–292.
- Sarv V.** ■ Setu helisalvestused Eesti Rahvaluule Arhiivis // Kogumisest uurimiseni: artikleid Eesti Rahvaluule Arhiivi 75. aastapäevaks / Koost M. Hiimäe, toim M. Hiimäe ja K. Labi. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetised, 20.) Tartu, 2002. Lk. 53–61.
- Sarv V.** ■ Seto, mõtsik ja tsuhkna // Kaika suvõulikuulõ kogomik IX–XI: Vilustõ (1997), Põlgastõ (1998), Lepistü (1999). Kokkosäädjä ja toimõndja Nele Reimann. Võru, 2003. Lk. 34–46.
- Sarv Ö.** ■ Seto kannel täna // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 359–387.
- Schlegel Chr. H. J.** ■ Reise von St. Peterburg nach dem Pleskowischen Gouvernement im Monat Julius 1815 // Reisen in mehrere russische Gouvernementen in den Jahren 178[9], 1801, 1807, 1815 und 1830. Bd. VI. Meiningen, 1831. S. 75–138.
- Schlegel Chr. H. J.** ■ Reise über Dorpat und einer Theil des Dörptschen Kreises durch das Pleskowsche, Polozkische und Mohilow'sche Gouvernement im Jahre 1783. (Reisen in mehrere russische Gouvernementen in den Jahren 1789, 1801, 1807, 1815 und 1830. Bd. II.) Meiningen, 1823.
- Selart A.** ■ Eesti idapiiri keskajal. Tartu: TÜ Kirjastus, 1998.
- Selart A.** ■ Petseri klooster ja Liivi sõda // Ajalooline Ajakiri. 1998. T. 2 (101). Lk. 19–28.
- Selart A.** ■ Vastseliina mesilased Setumaal // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 170–195.
- Selart A.** ■ Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte, 21.) Köln: Böhlau, 2007.
- Selart A., Valk H.** ■ Keskaeg ja Segaduste aeg (13. sajandi algus — 17. sajandi algus) // Setomaa 2, 2009. Lk. 203–256.

- Servinski M., Reidolf M., Raagma G.** ■ Setomaa om hää elamise, olümosõ ja tulümosõ kotus // Eesti Statistika Kvartalikirj. 2011. T. 1. Lk. 49–87.
- Setomaa 1** ■ Loodus / Koost M. Külvik, K. Palo, I. Puura. Peatoim M. Aun. Tartu: ERM, 2016.
- Setomaa 2** ■ Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Koost ja toim H. Valk, A. Selart, A. Lil-lak. Peatoim M. Aun. 2009. Tartu: ERM, 2009.
- Setomaa** ■ Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajaloo-line kirjeldus. Eesti III / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. Tartu: EKS, 1928.
- Setomaa tsässonad** / Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen. Toim H. Aulumäe. 2011. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.
- Setomaa** ■ Unique and genuine. [Värskaj]: Seto Instituut, 2014.
- Stern C. von.** ■ Livlands Ostgrenze im Mittelalter vom Peipus bis zur Düna // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1924–1926. Bd. 23. S. 195–240.
- Tammela M.-L.** ■ Poliitilised ja sõjasündmused 1914–1920 // Setomaa 2, 2009. Lk. 358–370.
- Tampere H.** ■ Eeslaulja ja koor setu rahvalaulude ettekandmisel // ERM Ar. 1934. T., IX–X. Lk. 49–74.
- Tampere H.** ■ Mõningaid eestlaste etnilise ajalo küsimusi suulise rahvaloomingu valgusel // Eesti rahva etnilisest ajaloost. Artiklite kogumik / Toim H. Moora. Tallinn: ERK, 1956. Lk. 255–277.
- The Maiden's Death Song & The Great Wedding** ■ Anne Vabarna's Oral Twin Epic written down by A. O. Väisänen / Ed. by L. Honko in collaboration with A. Honko and P. Hagu (FF Communications, 281). Helsinki: Suomalainen Tietekatemia, 2003.
- Tiideberg K.** ■ Setu traditsiooniline maa-arhitektuur 20. sajandi I poolel Meremäe, Värskaj, Mikitamäe ja Misso valla põhjal. Magistritöö. Käsikirja TÜ raamatukogus. Tartu, 2009.
- Tiideberg K.** ■ Setu traditsiooniline taluarhitektuur ja selle säilivus tänapäeval. — Maa-arhitektuur ja maastik. / Toim H. Pärdi, E. Lutsepp, M. Tamjärv. Tallinn: Eesti Vabaõhumuseum, 2012. Lk. 35–68.
- Tiideberg K.** ■ Setumaa tsässonate muutuvast tähendusest // Lendav maailm. Külmale maale: noorgeograafide sügissümposiooni artiklite kogumik / Toim A. Printsman jt. (Eesti Geograafia Seltsi publikatsioonid, 13.) Tallinn, 2013. Lk. 235–249.
- Tint S., Sooväli H.** ■ Tulekahju geograafiline kujutamine Petseri näitel // Akadeemia. 2009. T. 3. Lk. 498–522.
- Toe A.** ■ Kaksikümmend aastat Setumaal taasiseseisvunud Eestis // TÜ LEKKAR. T. XI–XII. 2013. Lk. 194–198.
- Toe A.** ■ Setode kui etnilise grupi meediarepresentatsioon trükimeedias aastatel 1992–2012 // SK. T. 6. Uurimusi Saatse Setu Muuseumi auks / Koost M. Aun ja T. Korela; toim I. Tammaru. Tallinn; Saatse: TLÜ AI, MTÜ Seto Adör, MTÜ AK, 2014. Lk. 54–68.
- Truusmann J.** ■ Petserimaa setud // Mäetagused. 2002. T. 19. Lk. 176–190.
- Tõnurist I.** ■ Kannel Vepsamaast Setumaani // Soome-ugri rahvaste muusikapärandid: Uurimused Soome-ugri rahvaste muusikapärandid / Toim I. Rüütel. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. Lk. 149–177.
- Tõnurist I.** ■ Eesti ja Pihkvamaa etnomuusikalised suhted (rahvapillid) // ES Ar, 31. Tallinn, 1987. Lk. 53–62.
- Tõnurist I.** ■ Poolamaa setud on vist ikka olemas // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 150–155.
- Tõnurist I.** ■ Setu sarvepilli lugu // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 81–93.

- Tõnurist I.** ■ Viikingite muistne viis Värskas? // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja folkloristikast. / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 293–299.
- Truusmann J.** ■ Petserimaa setud // Mäetagused. 2002. T. 19. Lk. 176–190.
- Valk H.** ■ Aegadest ja ajatunnetusest Setomaal // PVP. 1996. Lk. 59–92.
- Valk H.** ■ Setomaale minekust: 1994. a. kogumiskäigust, tulemustest ja taustadest // Ibid. PVP. 1996. Lk. 7–22.
- Valk H.** ■ Võre, sõel ja rist: võrreripatsid ja nende tähendus // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogias, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson, toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 233–313.
- Valk H.** ■ Kieiv setu pärimuses: koopad, käsikivid ja ristikäigud // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 93–141.
- Valk H.** ■ Setomaa asend ajaloolises ruumis: lisamärkusi kaugema mineviku kohta // ÕES Ar 2010. Tartu, 2011. Lk. 9–46.
- Valk H.** ■ Setomaa tsässonad: pärimus, rahvausk ja kombad // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk. 61–107.
- Valk H.** ■ Maa rajajoonel // Setomaa / Koost ja toim H. Külvik. (Looduse raamatukogu 2013/1). Tallinn: Loodusajakiri, 2013. Lk. 6–11.
- Valk K.** ■ Labaga kannel Setumaal 20. sajandi algul: mängutraditsiooni ja pillilugude analüüs // Pro Folkloristica. 2006. T. 3. Lk. 172–193.
- Valk Ü.** ■ Paul Hagu seto lokaaltraditsiooni uurijana // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värskas: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 11–14.
- Vanaturm I.** ■ (Koost ja toim). Petserimaa külad. T. I, II, III. Põlva: Hilanamoro, 2005–2007.
- Veeber R., Veeber N.** ■ Saatse muuseumi asutamislugu ja käekäik aastail 1974–2004 // Saatse muuseum (Setumaa muuseumid, 1) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2005. Lk. 45–64.
- Veske M.** ■ Bericht über die Ereignisse einer Reise durch das Estland im Sommer 1875. (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Band VII.) Dorpat, 1876.
- Viires A.** ■ Chr. H. J. Schlegel Eesti rahvaelu vaatlejana // Kultuur ja traditsioon. (Eesti mõttelugu, 39.) / Peatoim H. Runnel. Tartu: Ilmamaa, 2001. Lk. 87–111.
- Viires K.** ■ Joonistatud dokumendid // Mäetagused. 2005. T. 29. Lk. 91–110.
- Vissel A.** ■ Eesti karjase laulud, 1. Setu karjase laulud. (Ars Musicae Popularis, 4.) Tallinn: Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1982.
- Vissel K.** ■ Setumaa pühaserätid // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 191–222.
- Vissel K.** ■ Seto sängünulk ja põiktriibulised villased vooditekid Meremäe valla näitel // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn; Värskas: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 263–293.
- Võime L.** ■ Eesti-Vene piir pärast Tartu rahu // Kleio. Ajaloo ajakiri. 1995. T. 2. Lk. 15–19.
- Väisänen A. O.** ■ Setumaalta Harjumaalle: A. O. Väisäsen tutkimusmatka Viroom vuonna 1913 / Toim T. Leisiö. (Tampereen yliopiston

kansanperinteen laitoksen julkaisu, 16.) Tampere, 1992.

Väisänen A. O. ■ Setunmaan «lauluemojen» tilapäisrunoja // Kalevalaseuran vuosikirja. 1923. T. 3. / Lk. 159–183.

Wiedemann F.-J. ■ Versuch ueber den werroehstnischen Dialekt. St. Petersburg, 1864.

Wäisänen A. O. ■ Setunmaa. Helsinki: Helsingin Uusi Kirjapaino Osakeyhtiö, 1921.

3.2. Лингвистика и топонимика

Аристрэ П. А. ■ Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа: Сб. статей / Под ред.: Х. А. Моора. Таллин: Эстосиздат, 1956. С. 5–27.

Бубрих Д. В. ■ Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Герд А. С. ■ Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами (на материале имен существительных с суффиксами с детерминативом *Н) // Псковские говоры II. Памяти Б. А. Ларина: Тр. второй Псковской диалектологической конф. 1964 г. / Редкол.: Б. А. Богородский, С. М. Глушкина, И. Т. Гомонов, Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская. Псков: ПГПИ, 1968. С. 127–145.

Глушкина С. М. ■ Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры I / Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков: ПГПИ, 1962. С. 28–57.

Гринкова Н. П. ■ Очерки по русской диалектологии. К диалектологии Ленинградской губернии // Известия ОРЯС. Т. XXX. Л., 1925. С. 256–267.

Даль В. И. ■ Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.

Жуковская З. В. ■ О типе говоров к югу от Гдова // Псковские говоры. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года / Отв. редактор Б. А. Ларин. Псков: ПГПИ, 1962. С. 5–27.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. ■ Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970.

Кузнецов И. Д. ■ Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг. Департамент Земледелия и Псковское земство. Петроград, 1915.

Куликовский Г. И. ■ Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. ■ Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999.

Мызников С. А. ■ Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.

Мызников С. А. ■ Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007.

Мюркхейн В. ■ Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // Советское финно-угроведение. 1973. Вып. IX. Т. 1. С. 1–9.

Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Имп. академии наук: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. Исполнена членом ИРГО И. П. Поддубным. Петроград: Издание ИРГО, 1914.

- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии** / Отв. ред И. Кюльмоя. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2004.
- Погодин А. Л.** ■ Севернорусские словарные и заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Псковские народные говоры в их истории современном состоянии: библиографический указатель** / Ред.-сост. Н. В. Большакова; сост. А. Б. Воробьева, З. В. Митченко. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013.
- Псковский областной словарь с историческими данными** // А.; СПб.: Изд-во СПбГУ. Вып. 1–26, 1967–2016.
- Рихтер Е.** ■ К вопросу об этнической истории сету // ТАТÜ. 1959. Pars VIII. Т. 4. Lk. 396–410.
- Рыбников П. Н.** ■ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1–4. М.; Петрозаводск; СПб., 1861–1867.
- Словарь вепсского языка** / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен А.: Наука, 1972.
- Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)** / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: «Карелия». 1990.
- Словарь карельского языка (тверские говоры)** / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: «Карелия», 1994.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей** / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- Словарь русских народных говоров** // Т. 1–48. М.; А.; СПб. 1965–2015.
- Словарь собственно-карельских говоров Карелии** / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск, 2009.
- Трусман Ю. А.** ■ Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Изв. ИРГО. 1884. Т. XXI. Вып. 3. С. 177–199.
- Трусман Ю. А.** ■ Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Сообщение, сделанное в заседании Отд. этнографии 7 декабря 1884 г. СПб., 1885.
- Трусман Ю. А.** ■ Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Трусман Ю. А.** ■ О происхождении Псково-Печерских полуверцев // ЖС. 1897. Вып. 1. Отд. 1. С. 37–47.
- Фасмер М.** ■ Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Царева Л. И.** ■ Говоры юго-западной части Псковской области (Фонетика и морфология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. А., 1954.
-
- Ernits E.** ■ Fr. R. Kreutzwald lõunaeeastlaste piire kompamas // Ödagumeresoomõ piiriq = Läänemeresoomõ piirid = Finnish borders / Toim J. Sullõv. (VII, 26), 2012. Lk. 30–65.
- Ernits E.** ■ Setu(kas) // ES Ar. 1987. Т. 31. Lk. 37–41.
- Faster M.** ■ Laenulisi maastikusõnu Võru- ja Setumaa kohanimedes // TÜ LEKKAR. № III. 2004. Lk. 23–32.
- Faster M.** ■ Nulgast mäeni. Ülevaade Setomaa nimevarast // Kiristaja A. Setomaa kohanimed. (Seto Instituudi Toimetised, 1.) [Värska; Tallinn], 2013. Lk. 201–215.
- Grünthal R.** ■ Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonüümit. (Castrenianumin toimitteita, 51.) Helsinki: Helsingin yliopiston suomalais-ugrilainen laitos, SUS., 1997.
- Hurt J.** ■ Setukeste elukohad ja arv Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpinä ja Vastseliina lauludega // Monumenta Estoniae antiquae. Vol. I. SKS, 104: 1–3. Helsingi: SKS, 1904.
- Hurt J.** ■ Setukeste elukohad ja arv // Setukeste laulud, T. I. Äratrük. Tallinn; Ülemjuhataja staap, Helsingi: SKS Kirjapaino, I–XXII. 1919.
- Hurt J.** ■ Eestirahva ajaraamat // Mida rahvamälestustest pidada: artiklite kogumik / Koost. Ü. Tedre. Tallinn: Eesti Raamat, 1989. Lk. 31–35.

- Hörn A.** ■ Setomaa nulga. Mokornulk // Võro-Seto tähtraamat ehk kallendri 1991. aastaga pääle. Võro, 1990. Lk. 21–23.
- Hörn A.** ■ Setomaa nulga' — aolugu ja vahtsõ' võimalusõ' // Setomaa. T. 9/187.
- Hörn A.** ■ Saatesõna seto kogukonnalt: Setomaa seto pilgu läbi nähtuna // Setomaa 1. 2016. Lk. 17–26.
- Inkeröismurteiden sanakirja** / Toimit. R. E. Nirvi. (Lexica societatis fenno-ugricae, XVIII.) Helsinki: SUS, 1971.
- Kalima J.** ■ Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: SUS, 1915.
- Kallas O.** ■ Kraasna maarahvas. Helsinki: SKS, 1903.
- Kallio P.** ■ Kantasuomen konsonanttihistoria // Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahti miessemánu 21. beaivve 2007. / Toim. J. Ylikoski, A. Aikio. (SUS Toimituksia, 253.) Helsinki, SUS, 2007. Lk. 229–249.
- Kallio P.** ■ The Prehistoric Germanic Loanword Strata in Finnish // A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe. / Eds. R. Grünthal, P. Kallio (SUS Toimituksia, 266.) Helsinki: SFOu, 2012. Lk. 225–238.
- Karjalan kielen sanakirja** / Toim. P. Virtaranta. (LSFU, XVI, 1.–5.) Helsinki: SUS, 1968–1997.
- Kiristaja A.** ■ Setumaa nulgad // Saatse Seto Muuseumi püsiekspositsiooni tekstid (STM ArD SSM 5). 2009.
- Kiristaja A.** ■ Setomaa kohanimed. (Seto Instituudi Toimetised, 1.) [Värska; Tallinn], 2013.
- Koponen E.** ■ Eteläviron murteen sanaston alkuperä. Itämerensuomalaista etymologiaa. (SUS Toimituksia, 230.) Helsinki: SUS, 1998.
- Koreinik K.** ■ Language ideologies in the contemporary Estonian public discourse: With a focus on South Estonian. Tartu: TÜK, 2011.
- Koreinik K.** ■ The Seto language in Estonia: An Overview of a Language in Context. (Working papers in European Language Diversity, 5.) Mainz-Helsinki-Wien: Eldia-Tartu-Mariehamn-Oulu-Maribor, 2011. URL: fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:103768/bdef:Asset/view
- Koreinik K.** ■ Setu keel. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität, 2014.
- Lillak A.** ■ Nulgad // Setomaa 2. 2009. Lk. 320–321.
- Must M.** ■ Vene laensõnad eesti murretes. Tallinn: EKS, 2000.
- Mägiste J.** ■ Petserimaast, selle uurimisest ja setude päritolust // Meie maa. Eesti sõnas ja pildis, 4. Lõuna-Eesti. Lund, 1957. Lk. 165–173.
- Mägiste J.** ■ Setukaistekstejã. (SUS Toimituksia, 159.) Helsinki, 1977.
- Mägiste J.** ■ Seto sõnastik / Toim M. Faster. (VII, 19.), 2007.
- Pajusalu K.** ■ Estonian dialects // Estonian Language / Toim M. Ereht, T.-R. Vuitso, V. Klaus. (Linguistica Uralica Supplementary Series, 1.). 2. trükk. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2007. Lk. 231–272.
- Pajusalu K.** ■ Setu murrakurühm // Pajusalu K., Hennoste T., Niit E., Päll P., Viikberg J. Eesti murded ja kohanimed. 2. trükk. Tallinn: EKS, 2009. Lk. 187–190.
- Pajusalu K.** ■ Phonological innovations of the Southern Finnic languages // A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe. Eds. R. Grünthal, P. Kallio. (SUS toimituksia, 266.) Helsinki: SUS, 2012. Lk. 201–224.
- Pajusalu K., Hennoste T., Niit E., Päll P., Viikberg J.** ■ Eesti murded ja kohanimed. 2. trükk. Tallinn: EKS, 2009.
- «Pühã Evangeelium». Mii' Issãndã Jeesusõ Kristusõ pühã Evangeelium: Matteusõ, Markusõ, Luukasõ ja Johannõsõ kirotoõ** ■ Seto kiilde ümbre pannu' Ernst Puusepp. Keele poolõst õiõnduisi tennü' P. Voolaine. (Akaadeemilise Emakeele Seltsi toimetused, XIV.) Tartoh, 1926.

- Päll P.** ■ Petseri- ja Pihkvamaa kohanimedest // Õdagumeresoomõ hummugupiir. Läänemeresoome idapiir / Toim K. Pajusalu ja J. Rahman. (VIT, 15.), 2003. Lk. 130–138.
- Sammallahti P.** ■ Suomalaisten esihistorian kysymyksiä // Virittäjä, 1977. Lk. 119–136.
- Sarv V.** ■ Etnonüümid ja setu identiteet // Keel ja Kirjandus. 1998. T. 7. Lk. 302–314.
- Setumaa.** ■ Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. (Eesti, III.) Tartu: EKS, 1928.
- Simm J.** ■ Märkmeid Setumaa endise Satseri valla külanimedest // ES Ar, 16. Tallinn, 1970. Lk. 173–177.
- Simm J.** ■ Setu külanimedest // Eesti keele ringtöid / Toim A. Valmet jt. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1970. Lk. 129–146.
- Simm J.** ■ Slaavi geograafilisi termineid Setumaa kohanimedena // ES Ar, 17. Tallinn, 1971. Lk. 169–171.
- Simm J.** ■ Mõningaid märkmeid Setumaa mikrotoponüümidest // ES Ar, 18. Tartu, 1972. Lk. 151–157.
- Simm J.** ■ Tõlkelisi külanimesid Setumaalt // Centum. J. V. Veski sünnipäevaks: artiklite kogumik. (Emakeele Seltsi Toimetised, 9.) Tallinn: Valgus, 1974. Lk. 251–254.
- Simm J.** ■ Vene päritolu kohanimed // Horisont. 1975. T. 4, Lk. 25.
- Simm J.** ■ Kohanimed J. Hurda «Setukeste lauldest» // Sõna ja nimi / Toim H. Ahven jt (ES Ar, 23.) Tallinn: Eesti Raamat, 1978. Lk. 65–69.
- Simm J.** ■ Mõnda kohanimedest // Põlva rajoonis. Kodu-uurijate seminarikokkutulek 17.–20. augustini 1978. Artiklike kogumik / Toim L. Jaanits. Tallinn: Eesti NSV TA Kodu-uurimise komisjon, 1978. Lk. 146–150.
- Simm J.** ■ Setu eesnimed // Eesnimedest oskussõnadeni. (ES Ar, 26/27.) Tartu, 1983. Lk. 92–98.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7.** // Helsinki: SUS, 1955–1981.
- Söderman T.** ■ Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect. (Studia Uralica Upsaliensia, 24.) Acta Universitatis Upsalensis. Uppsala: Uppsala universitet, 1996.
- Toomsalu Ü.** ■ Setu verbi grammatika ja sõnasõnad. Keele ja Kirjanduse raamatusari. Tallinn: Ajakiri "Keel ja Kirjandus", 1995.
- Tsvetkov D.** ■ Važjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki: SUS, 1995.
- Vaba L.** ■ Mitmekihiline Setumaa // Keel ja Kirjandus. 2014. T. 12. Lk. 911–926.
- Viitso T.-R.** ■ Läänemeresoome murdeliigenduse põhijooned // Keel ja Kirjandus. 1985. T. 7. Lk. 399–404.
- Viitso T.-R.** ■ Stress and quantity in North Setu (South Estonian) // Linguistica Uralica. 1990. T. 2. Lk. 81–88.
- Viitso T.-R.** ■ Vowels and consonants in North Setu (South Estonian) // Linguistica Uralica. 1990. T. 3. Lk. 161–172.
- Väike murdesõnastik** ■ Toim V. Pall. I. Tallinn: ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1982; II. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1989.

3.3. Археология

- Александров А. А.** ■ К 100-летию основания Псковского археологического общества // АИИППЗ: Тез. докл. науч. семинара / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: Псковское обл. ВООПИиК, ПГОИАХМЗ, 1980. С. 3, 4.
- Александров А. А., Белецкий С. В.** ■ Памятники I тысячелетия н.э. у д. Лезги // Древний Псков. Исследования средневекового города: Мат-лы конф. Санкт-Петербург 20.–21.05.1992 / Ред. В. Д. Белецкий. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1994. С. 52–60.

- Алламяэ Р., Аун М., Маддре Л.** ■ Предварительные результаты изучения остеологического материала курганных могильников Рысна-Сааре I и II в Северной Сетумаа (Юго-Восточная Эстония) // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы I-II заседания, посвящ. памяти профессора А. Р. Артемьева / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: ИА РАН, ПАЦ, 2007. С. 298–310.
- Артемьев А. В.** ■ Города Псковской земли в XII–XIV вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998.
- Аун М.** ■ Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры / Отв. ред. Ю. Селиранд. Таллин: Валгус, 1980.
- Аун М.** ■ Курганные могильники в Тагаметса и Сууре-Рысна // ТАТÜ. 1984. Вып. 33:4. С. 352–356.
- Аун М.** ■ Некоторые итоги исследования курганных могильников Рысна-Сааре I и II в Пылваском районе // ТАТÜ. 1985. Вып. 34:2. С. 211–228.
- Аун М.** ■ Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии / Науч. ред. д.и.н. В. В. Седов. Таллин: Олион, 1992.
- Аун М.** ■ Керамика в погребальном обряде у населения Восточной Эстонии и Псковской земли в I и в начале II тысячелетия н.э. (сравнительный анализ) // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Междунар. науч. конф. Т. 1 / РАН, Минобр. РФ, Администрация Пск. обл. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: МГУ, 2003. С. 198–206.
- Аун М.** ■ Новые находки периода первой половины I тыс. н.э. в восточной части юго-восточной Эстонии // АИИППЗ: Мат-лы I науч. семинара, посвящ. памяти академика В. В. Седова / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: ИА РАН, ПАЦ, ПГОИААЛМЗ «Изборск», 2006. С. 202–210.
- Аун М.** ■ Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония) // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года) / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред.) и др.] Псков: ИА РАН, ПАЦ, Госкомитет Псковской области по культуре; АЦПО, ПГО-ИААЛМЗ «Изборск», 2009. С. 355–362.
- Аун М.** ■ Предметы украшений в погребальном обряде населения Юго-восточной Эстонии и Псковской земли в I и начале II тыс. н.э. // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Т. 2. К юбилею Лабутиной Инги Константиновны / Ред. В. А. Янин; АНО Псковский археологический центр. Псков, 2011. С. 294–304.
- Аун М., Киристая А.** ■ О вкладе краеведов в изучение древней истории Сетумаа (Печорского края) // Третьи Псковские регион. краевед. чтения / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков, 10–12 октября 2012 года. Псков; М.: Псковское регион. отделение союза краеведов, 2013. С. 57–66.
- Белецкий С. В.** ■ Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // ПАВ. № 6. Скифы. Сарматы. Славяне, Русь / Редкол.: В. Ю. Зуев (отв. ред.) и др. СПб.: ФАРН, 1993. С. 112–114.
- Белецкий С. В.** ■ Начало Пскова // Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Городское ядро средневекового Пскова. Вып. 1. (Археологические изыскания, 30). СПб.: РАН, 1996.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М.** ■ О нижнем слое Труворова городища (керамика и хронология) // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск, 2006. С. 71–100.
- Белобровцева И. З.** ■ Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–310.

- Валк Х.** ■ Городища восточной Эстонии и поход князя Ярослава на Чудь // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы 54-го заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: ИА РАН, Госкомитет Псковской обл. по культуре, АЦПО, ПГОИААМЗ «Изборск», 2009. С. 393–406.
- Валк Х.** ■ Новая попытка интерпретации жальничных погребений // АИИППЗ: Семинар имени академика В. В. Седова: Мат-лы 55-го заседания, посвящ. юбилею профессора И. К. Лабутиной / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Псков: ИА РАН, ПАЦ, Госкомитет Псковской области по культуре, 2010. С. 177–187.
- Валк Х., Пеэрс Ю.** ■ О пробных археологических раскопках в Сетумаа // ТАТÜ. 1994. Т. 43:4. Лк. 418–425.
- Воронин Н. Н., Гуссаковский А. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В.** ■ Среднерусская экспедиция // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 86–94.
- Гайдуков П. Г.** ■ Клад монет XV — первой трети XVI в. из хутора Кузнечиха Печорского района Псковской области (предварительная характеристика) // АИИППЗ: Тез. докл. предстоящей научно-практ. конф. (Заседания 16, 17) / Ред. А. И. Гусев. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», 1986. С. 52–53.
- Гайдуков П. Г., Фомин А. В.** ■ Монетные находки Изборска // Средневековая археология Восточной Европы: КСИА. Вып. 183 / Отв. ред. И. Т. Крутлякова. М.: Наука, 1986. С. 101–110.
- Глазов В. Н.** ■ Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском у. // Записки ИРГО. 1901. Т. XII. Вып. 1–2. СПб.: Типография глав. управления уделов.
- Глазов В. Н.** ■ Курганная группа при д. Лопатово Псковского уезда Псковской губернии // Записки Отд. русс. и слав. археол. имп. Археол. об-ва V: I / Под ред. управ. отд. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903.
- Глазов В. Н.** ■ Лодья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском озере. СПб.: Тип. глав. упр. уделов, 1911.
- Городцов В. А.** ■ Первобытная археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте. М.: Изд-во Моск. археол. ин-та, 1908.
- Городцов В. А.** ■ Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте. М.: Изд-во Моск. археол. ин-та, 1910.
- Городцов В. А.** ■ Руководство для археологических раскопок. М.: [б.и.], 1914.
- Городцов В. А.** ■ Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчёт Российского исторического музея в Москве за 1914 г. М., 1915. С.121–226.
- Городцов В. А.** ■ Археология. Т. 1: Каменный период. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 397.
- Городцов В. А.** ■ Дако-сарматские религиозные мотивы в русском творчестве // Тр. ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 7–36.
- Готье Ю. В.** ■ Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Гофман С. Г., Закурина Т. Ю.** ■ Предварительные итоги изучения талавского захаба Изборской крепости // АИИППЗ: Мат-лы науч. семинаров за 2001–2002 гг. (Заседания 48, 49) / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН, ПГОИААМЗ «Изборск», 2003. С. 124–128.
- Гофман С. Г., Закурина Т. Ю.** ■ Исследования талавского захаба Изборской крепости (к вопросу о периодизации строительства) // АИИППЗ: Мат-лы 50 науч. семинара / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», 2004. С. 220–235.
- Грабарь И. Э.** ■ История русского искусства. Т. 1: История архитектуры. Допетровская эпоха. М.: Изд-во И. Кнебель, 1910.
- Гроздилов Г. П.** ■ Археологические памятники Старого Изборска // Материалы и исследования по археологии Европейской части

- СССР. Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 7 / Под ред. проф. М. И. Артамонов. Л.; М.: «Советский художник», 1965. С. 65–88.
- Громова А. В., Захарова В. Т.** ■ Жизнь и творчество А. Ф. Зурова. М.: МГПУ, 2012.
- Грушина А. Е.** ■ Грунтовый могильник у деревни Кендиши. Погребальные памятники Изборского края. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Кр. тез. докл. к научно-практ. конф., посвященной 70-летию Великой Октябрьской социал. революции / Ред. О. В. Алексеев. Псков. 1987. С. 100–102.
- Грушина А. Е.** ■ Курганный и жальничный могильники у дд. Лопатово и Новая в округе Изборска // К 1125-летию Изборска: Тез. докл. / Отв. ред. д.и.н. В. В. Седов. Изборск, 1987. С. 10–12.
- Грушина А. Е.** ■ Каменные кресты Изборского края // Земля Псковская. Древняя и социалистическая: Кр. тез. докл. к научно-практ. конф. посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социал. революции / Ред. О. В. Алексеев. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», Управление культуры Псковского облсполкома, 1988. С. 75–77.
- Грушина А. Е.** ■ История изучения археологических памятников Изборского края // Земля псковская, древняя и современная / Ред. А. И. Гусев. Управ. культуры Псковского облсполкома. ПГОИААМЗ «Изборск», 1990. С. 9, 10.
- Грушина А. Е.** ■ Курганно-жальничный могильник у д. Вербеково // Земля псковская, древняя и современная / Ред. А. И. Гусев. Псков: Управление культуры Псковского облсполкома. ПГОИААМЗ «Изборск», 1990. С. 22, 23.
- Грушина А. Е.** ■ Раскопки посада в Изборске // Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к научно-практ. конф. / Ред. М. А. Кузьменко. Псков: ПГОИААМЗ «Изборск», 1992. С. 33–35.
- Грушина А. Е.** ■ А. И. Макаровский и археология Изборского края // Изборск и его округа. Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: Псков: ИА РАН; ГИАПЛАМЗ «Изборск», 2002. С. 94–105.
- Грушина А. Е.** ■ Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краев. чтения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отделение союза краеведов России, 2011. С. 142–153.
- Грушина А. Е.** ■ Исследование памятников археологии Изборска и округа профессором Дерптского университета Фридрихом Крузе в 1840 году // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Nagule / Peatoim N. Kästik, E. Saar; toim K. Rajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Võrka: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 253–283.
- Гурина Н. Н.** ■ Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции // Тр. ПОКЭ. Т. 1 / Общ. ред.: Х. А. Мора, Б. А. Рыбаков, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 76–110.
- Гурина Н. Н.** ■ Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР // СА. 1960. № 1. С. 125–136.
- Гург Я.** ■ О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия ИРГО. Т. ХLI. 1905. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 1–22.
- Деркач В. А., Михайлов А. В.** ■ Каменные кресты Изборска и его округи. Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2014.

- Евгений, митр. [Болховитинов Е. А.]** ■ Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска. СПб.: Типография Смирдина, 1825.
- Закурина Т. Ю.** ■ Изборская крепость. Новые открытия археологов. (Ключ к прошлому.) Псков: ООО «Печатный двор “Стерх”», 2014.
- Зуров А. Ф.** ■ Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Изборск и его округа** ■ Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002.
- Изборск и его округа** ■ Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2006.
- Изборск и его округа** ■ Мат-лы III Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2007.
- Касторский М.** ■ Начертания славянской мифологии, составленное для получения степени доктора философии. СПб.: Типография Е. Финшера, 1841.
- Кирьянова Н. А.** ■ Зерновые материалы Изборска // Средневековые древности: КСИА. Вып. 166 / Отв. ред. И. Т. Крутлыкова. М., 1981. С. 109–114.
- Колосова И. О.** ■ Из истории подготовки к XVI Всероссийскому археологическому съезду. Археологические исследования в Опочечском уезде Псковской губернии, 1913–1914 гг. // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы ЛШ заседания / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред) и др. Псков: РГНФ, ИА РАН, ПАЦ, 2008. С. 163–186.
- Королев А. Е., Харлашов Б. Н.** ■ Могиальник у д. Мурашкино (Свенск) // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы ЛШ заседания / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред) и др. Псков: РГНФ, ИА РАН, ПАЦ, 2008. С. 208–215.
- Королев А. Е., Харлашов Б. Н., Воронкова Е. В.** ■ Работы в Печорском районе Псковской области // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы ЛШ заседания / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред) и др.] Псков: ИА РАН, ПГОИАМЗ «Изборск», 2000. С. 208–215.
- Крейтон В.** ■ Археологические разведки и раскопки во Псковской губ. в течение лета 1912 г. В. Крейтона // Тр. Псковского Археологического Общества 1912–1913 гг. Вып. 9. 1913. С. 1–35.
- Крейтон В. Н.** ■ Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Тр. Псковского Археологического общества 1913–1914. Вып. 10. Посвящается XVI Всероссийскому Археологическому Съезду. Псков: Электр. тип.-лит. псков. губерзн. земства, 1914. С. 3–24.
- Лагунин И. И.** ■ Типология исторической застройки Изборска и его округа. К вопросу о градостроительном ансамбле // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН, ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 53–81.
- Лагунин И. И.** ■ Сельская округа Изборска. Вопросы охраны и адаптации. К проекту реализации Мастер-консервационного плана «Изборская крепость» (МСР) // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2006. С. 50–63.
- Лопатин Н. В.** ■ Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию

- Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г. / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 48–52.
- Лопатин Н. В.** ■ Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 200–206.
- Лопатин Н. В.** ■ О версиях периодизации и хронологии нижних горизонтов Труворого городища // Изборск: история и современность: Мат-лы научно-практ. конф. «Музей как центр развития местных обществ. Имидж музея — открытость», посвящ. 40-летию образования музея) / Редкол. Е. В. Воронкова, В. П. Игнатьева. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2005. С. 59–64.
- Лопатин Н. В.** ■ О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворого городища // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2006. С. 101–108.
- Лопатин Н. В.** ■ Проблемы изучения керамики Изборска // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы LI заседания, посвящ. памяти профессора А. Р. Артемьева / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред.) и др. Псков: ИА РАН, ПАЦ, 2007. С. 217–231.
- Лопатин Н. В.** ■ Некоторые вопросы изучения раннего Изборска // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.) / Редкол.: И. К. Лабутина (отв. ред.) и др. М.; Псков: ИА РАН, 2012. С. 84–88.
- Лопатин Н. В.** ■ К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // АИИППЗ: Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 58-го заседания. (17–19 апреля 2012 г.) / Редкол.: Н. В. Лопатин (отв. ред.) и др.]. М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 186–192.
- Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н.** ■ Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. Вып. 240. 2015. С. 44–56.
- Лопатин Н. В., Яковлев А. В.** ■ Исследования вала Изборского городища // АИИППЗ 1989: Тез. докл. научно-практ. конф. / Ред. В. В. Седов. Псков: ГИАПМЗ «Изборск», ИА РАН, ПАЦ, 1990. С. 100–101.
- Мануйлов А. Е.** ■ Разведки в Печорском районе Псковской области // АО 1980 года. М., 1981. С. 19–20.
- Мачинский Д. А.** ■ Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики: Сб. ст. / Отв. редакторы: Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1986. С. 3–29.
- Минасян Р. С.** ■ Итоги археологической разведки в Печорском районе Псковской области 1974 г. // Древние памятники культуры на территории СССР: Сб. науч. тр. / Ред. А. М. Микляев. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1982. С. 104–127, 183–191.
- Миротворцев М.** ■ Об эстах или полуверцах, Псковской губернии // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 год. Псков: Типография губернского правления, 1860.
- Михайлова Е. Р.** ■ Некоторые находки с Труворого городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2006. С. 109–124.
- Мугуревич Э. С.** ■ Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965.
- Окулич-Казарин Н. Ф.** ■ Отчет секретаря Псковского Археологического Общества за 1912 год // Тр. Псковского археологического общества 1912–1913 г. Вып. 9. Псков, 1913. С. 9, 93–128.

- Окулич-Казарин Н. Ф.** ■ Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. Псковского археологического общества 1913–1914 г. Посвящается XVI Всероссийскому Археологическому Съезду. Вып. 10. Псков: Электрич. типо-лит. псков. губ. Земства, 1914. С. 131–310.
- Окулич-Казарин Н. Ф.** ■ Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губернии» // Тр. Псковского Археологического общества 1914–1915 гг. Вып. 11. Псков, 1915. С. 125–131.
- Пакар Э., Саарц А.** ■ Живут ли в пределах Ленинградской области эсты «полуверцы» // СЭ. № 4–5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1931. С. 214–215.
- Панов П.** ■ Пригород Изборска // ПГВ. 1914. №13. С. 297.
- Пежемский Д. В.** ■ Палеоантропологические материалы из окрестностей Изборска // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. Государственный музей-заповедник «Изборск» / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПМЗ «Изборск», 2006. С. 125–130.
- Плоткин К. М.** ■ К вопросу о топониме «Изборск» и реке Иссе // ПАВ. 1993. № 6. С. 115–116.
- Рапопорт П. А.** ■ Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Мат-лы и исследования по археологии СССР. Т. 105. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Салмина Е. В.** ■ Рыболовный инвентарь и иктофауна Изборского городища // АИИППЗ 1994 / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН, ПГОИАЛМЗ «Изборск», 1995. С. 43–46.
- Седов В. В.** ■ Длинные курганы кривичей. Свод археологических памятников СССР. Вып. Е 1–8 / Под общ. ред. академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1974.
- Седов В. В.** ■ Изборские каменные кресты // Средневековая Русь: Сб. ст. памяти Н. Н. Воронина / Ред. Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер, П. А. Рапопорт. М.: Наука, 1976. С. 102–107.
- Седов В. В.** ■ Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // Славяно-русские древности. КСИА. Вып. 146 / Редкол.: И. Т. Кругликова (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 87–95.
- Седов В. В.** ■ Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
- Седов В. В.** ■ Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники европейской части СССР. Погребальные памятники: Метод. мат-лы к «Своду Памятников истории и культуры СССР» / Ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1988. С. 91–101.
- Седов В. В.** ■ Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности — заповедный край России / Науч. ред. д.и.н., проф. В. В. Седов. Псков: ПГОИАЛМЗ «Изборск», 1993. С. 9–40.
- Седов В. В.** ■ Изборск — протогород. М.: ИА РАН, 2002.
- Седов В. В.** ■ Изборск в раннем средневековье. Памятники отечественной науки. М.: Наука, 2007.
- Сергеева А. Е.** ■ Разведка в Псковской области. // АО 1979 года / Отв. ред.: Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 32, 33.
- Сергеева А. Е.** ■ Раскопки могильника у д. Ключище // АО 1980 года / Отв. Ред.: Б. А. Рыбаков М.: Наука, 1981. С. 32.
- Сергеева А. Е.** ■ Хронология могильников Изборского края XI–XVI вв. // АИИППЗ. Псков: ПГОИАЛМЗ «Изборск», 1982. С. 40–41.
- Сергеева А. Е.** ■ Разведка в округе Изборска // АО 1981 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 38.
- Сергеева А. Е.** ■ Привеска «гнездовского типа» из раскопок жальничного могильника у деревни Новая Печорского района Псковской об-

- ласти // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Кр. тез. докл. к научно-практ. конф., посвящ. XXVII съезду КПСС и 110-й годовщине музея-заповедника / Ред. А. И. Гусев. Псков: Управление культуры Псковского облисполкома. ПГОИААМЗ «Изборск», 1986. С. 35–36.
- Сизов В. И.** ■ Длинные курганы в Смоленской губернии // Тр. XI археологического съезда в Киеве. Т. 2 / Под ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слущкого. М., 1902.
- Синайский В. И.** ■ Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Ригти», 1929.
- Сорокин П. Е.** ■ Водный путь по Псковско-Чудскому озеру и реке Нарове // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков: Псковский археол. центр, 1999. С. 185–200.
- Спицын А. А.** ■ Удлиненные и длинные русские курганы // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. V. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- Тараканова С. А.** ■ Псковские городища // КСИА. Вып. 62 / Отв. ред. А. Д. Удадьцов. М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1956. С. 33–44.
- Трусман Ю.** ■ Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Трусман Ю.** ■ О происхождении названия Изборск и древнего населения его окрестностей // ЖС. XV–XVI. 1894. Вып. 3–4. С. 549–554.
- Ушаков Ф. А.** ■ Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии (Мат.-лы для составления археологической карты). Псков: Типография губернского правления, 1897.
- Харлашов Б. Н.** ■ Археологическое изучение селищ Изборской округи // Средневековая археология Восточной Европы: КСИИМК. Вып. 183 / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1986. С. 70–76.
- Харлашов Б. Н.** ■ К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // СА. 1990. № 1. С. 72–84.
- Харлашов Б. Н.** ■ О чем рассказывают археологические памятники Изборской долины // Изборск и его окрестности — заповедный край России / Науч. ред. д.и.н. проф. В. В. Седов. Псков, 1993. С. 1–54.
- Харлашов Б. Н.** ■ Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: Псковский гос. научно-исслед. археол. центр, 1994. С. 44–76.
- Харлашов Б. Н.** ■ Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли XVI–XVII вв. // АИИППЗ. Мат.-лы науч. семинара за 2000 г. / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН, ПГОИААМЗ «Изборск», 2001. С. 106–115.
- Харлашов Б. Н.** ■ Округа Пскова в период его становления // Псковская губерния. № 23 (43). 2001.
- Хвоцинская Н. В.** ■ Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовые) // ТИИМК РАН. Т. VI. СПб.: Изд.-во «Дмитрий Буланин», 2004.
- Хеапост Л.** ■ Osteологические данные и длина тела популяций в окрестностях Изборска Псковской области в 11–15 вв. // АИИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Мат.-лы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И. К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.) / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Псков: ИА РАН, ПАЦ, Госкомитет Псковской обл. по культуре, ПГОИААМЗ «Изборск», 2010. С. 111–119.
- Хеапост Л.** ■ К биоархеологии могильника Виски в 14–15 вв. // АИИППЗ. Семинар им. ака-

- демника В. В. Седова: Мат-лы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.) / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Псков: ИА РАН; Госкомитет Псковской области по культуре; ПГОИАЛМЗ «Изборсю», ПАЦ, 2011. С. 77–86.
- Яковлев В. А., Лопатин Н. В.** ■ Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг. // АИИППЗ. Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 59-го заседания. Вып. 29 / Отв. ред. Н. В. Лопатин М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Ячин В. В.** ■ О Красногородских эстонцах // Познай свой край: Сб. Псковского общества краеведения. Т. 2. Псков, 1925. С. 80, 81.
-
- Allmäe R., Aun M., Maldre L.** ■ Cremations of the Culture of Long Barrows in Northern Setumaa in the Second Half of the First Millennium. Preliminary Results // Human Diversity and Biocultural Researches. Selected Papers of the 15th Congress of the European Anthropological Association. (Humanbiologia Budapestinensis, 30). Budapest, 2007. Pp. 123–130.
- Allmäe R., Aun M., Maldre L.** ■ Rõсна-Saarõ I kääbaskalmistu // Setumaa 2. 2009. Lk. 88–89.
- Allmäe R., Maldre L.** ■ Rõсна-Saare I kääbaskalmistu — esialgseid osteoloogilisi andmeid // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo- ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 121–137.
- Aun M.** ■ Proovikaevamised asulakohtadel ja inspeksioonid Setumaal // AVE. 1998. 1999. Lk. 167–175.
- Aun M.** ■ Rescue Excavations on the Settlement Site of Pedäjasaare in Setumaa // AVE. 1998. 1999. Lk. 115–126.
- Aun M.** ■ Rescue Excavations at the Obinitsa Barrow Cemetery // AVE. 1999. 2000. Lk. 63–69.
- Aun M.** ■ Asulakohtade arheoloogilistest uurimisest Setumaal 1998. ja 1999. aastal // Õdagumere-soomõ piirisüümeq (Keskused läänemeresoome piiridel) / Toim K. Pajusalu, Jüvä Sullõv. (VII, 10.) 2000. Lk. 29–49.
- Aun M.** ■ Rescue Excavations on the Island of Sosna, Setumaa // AVE. 2000. 2001. Lk. 91–102.
- Aun M.** ■ Keraamika pikk-kääbaste kultuuri läänepoolse ääreala elanike matmiskombestikus I aastatuhande teisel poolel // Keskus — tagamaa — ääreala. (Muinasaja teadus, 11.) / Peatoim V. Lang. Tallinn; Tartu: AI arheoloogiaosakond ja TÜ arheoloogia õppetool, 2002. Lk. 61–100.
- Aun M.** ■ Trial excavations on the II settlement site of Laossina and survey trips in Setumaa // AVE. 2001. 2002. Lk. 174–191.
- Aun M.** ■ Esimese aastatuhande teise poole muis- tised Setumaal // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 107–154.
- Aun M.** ■ Setumaa arheoloogilise uurimise aja- loost // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 15–72.
- Aun M.** ■ Ehteleid pikk-kääbaste kultuuri kalmetes Setumaal // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson, toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 182–201.
- Aun M.** ■ Archaeological Fieldwork in Setumaa in 2004 // AVE. 2004. 2005. Lk. 133–146.
- Aun M.** ■ Pikk-kääbaste ehitusest // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo- ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 97–120.
- Aun M.** ■ Arheoloogilistest uurimistõõst Setumaal // Setumaa 2. 2009. Lk. 13–22.
- Aun M.** ■ Keskmine rauaaeg ja viikingiaeg (450–1000/1050 pKr) // Setumaa 2. 2009. Lk. 70–116.
- Aun M.** ■ Pedäjasaarõ asulakoht // Setumaa 2. 2009. Lk. 231–233.

- Aun M., Allmäe R., Maldre L.** ■ Pikk-kääbaste tähendusest (Rõsna küla kääbaskalmistute materjali alusel) // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 269–290.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ 1997. aasta arheoloogilised inspeksioonid Võru- ja Setumaal // AVE. 1997. 1998. Lk. 180–192.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ Archaeological Fieldwork in Setumaa // AVE. 2002. 2003. Lk. 104–114.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ Archaeological Fieldwork at Setumaa // AVE. 2006. 2007. Lk. 223–231.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ Arheoloogiga Ida-Setomaa radadel. (Võti minevikku.) Tallinn, 2014.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ Arheoloogiga Lääne-Setomaa Radadel. (Võti minevikku.) Tallinn, 2014.
- Aun M., Kiristaja A.** ■ Arheoloogiga Põhja-Setomaa Radadel. (Võti minevikku.) Tallinn, 2014.
- Eesti ajalugu. I.** ■ Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / Kirjutanud H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus. Tartu: Postimees, 1935.
- Eesti talurahva ajalugu. I** / Toim J. Kahk jt. Tallinn: Olion, 1992.
- Grušina L.** ■ Kendiši kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 266–269.
- Grušina L.** ■ Novaja kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 180–181.
- Grušina L.** ■ Verepkova kalme // Setomaa 2. 2009. 177–179.
- Harlašov B., Koroljov A.** ■ Vinski kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 261–263.
- Heapost L.** ■ The Cemetery of Siksälä: Osteological and Paleodemographical Analysis // Laul, S., Valk H. Siksälä: A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval (CCC Papers, 10). Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007. Lk. 213–236.
- Jaanits L.** ■ Muinasteadus Tartu Ülikoolis 1920–1940 // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajalooliseid aspekte / Toim V. Lang. (Muinasaja teadus, 3.) Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1995. Lk. 9–53.
- Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.** ■ Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat, 1982.
- Jaanits L., Moora T.** ■ Peipsimaa vanemast ajaloost // Peipsi / Toim J. Haberman, T. Timm, A. Raukas. Tartu: Eesti loodusfoto, 2008. Lk. 395–420.
- Kallas O.** ■ Kraasna maarahvas. Helsingi: Soome Kirjanduse Selts, 1903.
- Kiristaja A.** ■ Setumaa asustus kiviajast keskmise rauaaajani (9000 aastat e. Kr 450 aastat p. Kr.) // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloo / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 73–106.
- Kiristaja A.** ■ Kagu-Eesti esiajaloo kronoloogiast // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajaloo ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson, toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 156–181.
- Kiristaja A.** ■ Saate ümbruse ajaloo muinasajast tänapäevani // Saate muuseum. (Setumaa muuseumid, 1) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2005. Lk. 19–44.
- Kiristaja A.** ■ Setumaa rauaaaja linnused ja pelgupaigad // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 44–96.
- Kiristaja A.** ■ Asustuse kujunemisest ja arengust Lääne-Setumaal kiviajast uusajani // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 44–66.
- Kiristaja A.** ■ Kiviaeg, pronksiaeg ja vanem rauaaeg (kuni 450 pKr) // Setomaa 2. 2009. Lk. 23–61.
- Kiristaja A., Lillak A.** ■ Põhja-Setomaa asustus muinasajal // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja rahvakultuurist. / Koost M. Aun

- ja M. Lõiv. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 59–89.
- Kiudsoo M.** ■ The Coin Hoard from Puriki, Setumaa // AVE. 1998. 1999. Lk. 147–154.
- Kiudsoo M.** ■ Setumaa mündiaarded. 14.–18. sajandil käibinud rahad // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloo / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 155–182.
- Kiudsoo M.** ■ Eesti kagunurga ardeleiid (Vastseliina–Alüksne keskaegne ühendustee) // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja folklooristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 138–169.
- Kiudsoo M.** ■ Varjaagidest kreeklasteni: Narva–Peipsi–Velikaja–Dnepri veetee // SK. T. 6. Uurimusi Saatse Seto Muuseumi auks / Koost M. Aun ja T. Korela, toim Ivi Tammaru. Tallinn–Saatse: TLÜ AI, MTÜ Seto Adõr, MTÜ AK, 2014. Lk. 17–34.
- Kruse F.** ■ Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands Griechischen, Römischen, Byzantinischen, Nortmannischen oder Waräger-Russischen, Fränkischen, Angelsächsischen, Anglodänischen Ursprungs. Nachtrag gefunden auf einer Allerhöchst befohlenen archäologischen Untersuchungsreise und durch spätere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert / vom K. R. Staatsrath Comthur und Ritter m. O. Prof. Dr. Friedr. Kruse. Leipzig: Dyk, 1859.
- Labutina I.** ■ Tääkova kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 151–152.
- Lang V., Mäesalu A., Tvauri A., Valk H., Kriiska A., Konsa M., Lõhmus M., Oras E., Kaldre H., Malve M.** ■ Arheoloogia lugu Tartu Ülikoolis 1920–2010 / Koost ja toim M. Lõhmus jt. Tartu: TÜ ajaloo ja arheoloogia instituut, 2010.
- Lang V., Kriiska A.** ■ Eesti esiaja periodiseering ja kronoloogia // Eesti Arheoloogia Ajakiri. 2001. T. 5:2. Lk. 83–109.
- Laul S.** ■ Eesti kagupiir ja Setumaa kujunemine // ÕES Ar 1988–1993. Tartu, 1995. Lk. 142–151.
- Laul S.** ■ Läänemeresoome lõunarühma ühiskultuurist ja selle diferentseerumisest // Ödagumeresoomõ lõunapiir: konverents Kütioron märdikuu 28.–30. 1996. (Läänemeresoome lõunapiir) / Toim K. Pajusalu ja J. Sullöv. (VTI, 1.), 1997. Lk. 86–95.
- Laul S.** ■ Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaugosas (500 e. Kr. — 500 p. Kr.). Muinasaja teadus. T. 9 (Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, 7). Tallinn: [AI], 2001.
- Laul S., Valk H.** ■ Siksälä: A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval (CCC Papers, 10). Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007.
- Leimus I., Kiudsoo M.** ■ Koprad ja hõbe // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2004. T. 4. Lk. 31–47.
- Ligi P.** ■ National romanticism in archaeology: The paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // Fennoscandia Archaeologica. 1993. T. X. Lk. 31–39.
- Ligi P.** ■ Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Vadjapärased kalmed Eestis 9.–16. sajandil / Toimetanud V. Lang (Muinasaja teadus, 2.) Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1993. Lk. 7–175.
- Lillak A.** ■ Maa-alused põletusmatused Lõuna-Eestis // TÜ LEKKAR. № VII. 2008. Lk. 27–41.
- Loorits O.** ■ Zur Christlichen Terminologie bei den Esten, Liven und Letten // Issanda kiriku tööpääl. [Stockholm:] Eesti Vaimulik Raamat, 1962. Lk. 200–218.
- Lopatin N.** ■ Leeska muististekompleks // Setomaa 2. 2009. Lk. 84–85.
- Lopatin N.** ■ Ust-Smolka kääbaskalmistu // Setomaa 2. 2009. Lk. 136, 137.
- Luik H.** ■ Rescue excavations on the II settlement site of Väike-Rõсна in Setumaa // Stilus, 7. Arheoloogilised välitööd Eestis. Tallinn, 1997. Lk. 79–84.

- Mazurkevits A.** ■ Pihkva oblasti põhjaosa kiviaeg // Setomaa 2. 2009. Lk. 26, 27.
- Mazurkevits A.** ■ Pihkvamaa põhjaosa hiliskiviaja vanema pronksiaja muistised // Setomaa 2. 2009. Lk. 40, 41.
- Nerman B.** ■ Archäologische Untersuchungen bei Izborsk // Sb. GEG 1924. Dorpat, 1926. Lk. 44–74.
- Peets J.** ■ Early Iron Age iron production in Siksälä and southern Estonia // Laul S., Valk H. Siksälä. A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval (CCC Papers, 10). Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007. Pp. 161–166.
- Piho M.** ■ Möla klooster Setomaal // SK. T. 5. Uurimusi Setomaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 359–387.
- Rääk S.** ■ Tartu rahu — piiri kujunemine // Setomaa 2. 2009. Lk. 372–373.
- Selart A., Valk H.** ■ Keskaeg ja segaduste aeg (13. sajandi algus — 17. sajandi algus) // Setomaa 2. 2009. Lk. 203–251.
- Setomaa 2** ■ Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Koost ja toim H. Valk, A. Selart, A. Lilak. Peatoim M. Aun. Tartu: ERM, 2009.
- Setomaa** ■ Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim A. Tammekann, (peatoim) Edg. Kant, J. V. Veski. (Eesti III.) Tartu: EKS, 1928.
- Tallgren A. M.** ■ Archäologische Forschungen in Eesti im Jahr 1921 // Sb. GEG 1921. Dorpat, 1922. Lk. 52–70.
- Tampere H.** ■ Mõningaid eestlaste etnilise ajaloo küsimusi suulise rahvaloomingu valgusel // Eesti rahva etnilisest ajaloost. Artiklite kogumik / Toim H. Moora. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1956. Lk. 255–277.
- Tvauri A.** ■ Migrants or Natives? The research history of Long Barrows in Russia and Estonia in the 5th–10th Centuries // Slavica Helsingensia. 2007. Vol. 32. Pp. 247–285.
- Valk H.** ■ Archaeological Field-Works in Setomaa // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar ja sotsiaalteadused. 1995. T. 4. Lk. 455–458.
- Valk H.** ■ Lõuna-Eesti kultuuriomapäradest 13.–17. sajandil // Õdagumeresoomõ lõunapiir. (Läänemeresoomõ lõunapiir) / Toim K. Pajusalu, J. Sullõv. (VIT, 1.) 1997. Lk. 118–132.
- Valk H.** ■ Archaeological investigations at Siksälä and Podmotsa: chapel site, cemetery and stone cross // AVE. 2003. Lk. 122–131.
- Valk H.** ■ Tsässon ja külakalmistu Põhja-Setomaa kultuuripildis // SK. T. 1. Uurimusi Setomaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 219–252.
- Valk H.** ■ Archaeological Investigations at Siksälä and Podmotsa: Chapel Site, Cemetery and Stone Cross // AVE. 2003. Lk. 122–131.
- Valk H.** ■ Archaeology, oral tradition and traditional culture // Archaeological Research in Estonia 1865–2005 / Ed. V. Lang. (Estonian Archaeology, 1.) Tartu: TU Press, 2006. Lk. 311–316.
- Valk H.** ■ Investigations at Siksälä Kirikumagi: a chapel site and Mesolithic finds. // AVE. 2004. Lk. 59–64.
- Valk H.** ■ Medieval and post-medieval archaeology of the native rural population // Archaeological Research in Estonia 1865–2005 / Ed. by V. Lang (Estonian Archaeology, 1). Tartu, 2006. Lk. 205–221.
- Valk H.** ■ Hilisrauaaeg (1000/1050–1225) // Setomaa 2. 2009. Lk. 126–174.
- Valk H.** ■ Viski kalme // Setomaa 2. 2009. Lk. 264–265.

- Valk H.** ■ The Zhalnik Graves: Evidence of the Christianization of the Novgorod and Pskov Lands? // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. I. / Ed. By M. Salamon, M. Woloszyn, A. Musin, P. Špehar in cooperation with M. Hardt, M. P. Kruk, A. Sulikowska-Gąska. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, 2012. Pp. 737–750.
- Valk H., Laul S.** ■ Siksälä kalme, I. Muistis ja ajalugu. Tartu: TÜ ajaloo ja arheoloogia instituut, 2014.
- Valk H., Lillak A., Haav A., Kurisoo T.** ■ Excavations on the hill forts of South-East Estonia: Kureküla, Kõõru and Kuigatsi // AVE. 2012. 2013. Pp. 61–72.
- Valk H., Ratas J., Laul S. Siksälä kalme, II.** ■ Matuste ja leidude kataloog. Tartu: TÜ ajaloo ja arheoloogia instituut, 2014.
- Veldi M.** ■ Keskustest ja kommunikatsioonist Kagu- ja Ida-Eestis rauaaja esimesel poolel // Etnos ja kultuur. Uurimusi Silvia Lauu auks / Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 18). Tartu; Tallinn: TÜ arheoloogia õppetool, TLÜ AI, 2006. Lk. 79–97.

3.4. Церковная архитектура

- Бакунцев А. В.** ■ И. А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М.: Изд-во ДРЗ, 2012.
- Вересова Т. В.** ■ Скиталец [Леонид Федорович Зуров] // Псковская земля. История в лицах: «Сии бо люди крылати...» / Ред.-сост. Т. В. Вересова. М.: Северный паломник, 2007. С. 366–370.
- Головкин К. Г.** ■ Деревянные часовни Русского Севера (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область): Иллюстр. перечень. М.: Институт наследия, 2005.
- Громова А. В., Захарова В. Т.** ■ Жизнь и творчество А. Ф. Зурова. М.: МГПУ, 2012.
- Зуров А.** ■ Старинная икона с рисунком Псково-Печерской обители // Слово [Рига]. № 1007 [11 ноября 1928 г.].
- Зуров А. Ф.** ■ Из истории церкви Николы Ратного в Печерском монастыре // Новь. 1935. № 8. С. 93–98.
- Зуров А. Ф.** ■ Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. 1935. № 8. С. 98–102.
- Зуров А. Ф.** ■ Обитель // Сегодня. 1940. № 41. С. 4.
- Зуров А. Ф.** ■ Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Иванова А. И.** ■ Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII — начале XX в. // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера: Сб. науч. ст. / Сост. Н. М. Теребихин // Архангельск: Изд. ПУ, 2008. С. 486–497.
- Лютикова Н. П.** ■ Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX веков // Русский Север: ареалы и культурные традиции / Ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1992. С. 148–164.
- Медведева М. В.** ■ Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества в документах научного архива Института истории материальной культуры // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.
- Медведева М. В.** ■ Вопросы сохранения Труворова креста в начале XX в. (по документам из архивного собрания ИИМК РАН) //

- АИИППЗ. Вып. 30. Семинар им. академика В. В. Седова: 60-го заседания. 22–24 апреля 2014 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М., Псков, СПб.: Нестор-История, 2015. С. 103–110.
- Морозкина Е. Н.** ■ Церковное зодчество древнего Пскова. Т. 2. М.: Северный паломник, 2007.
- Мусин А. Е.** ■ Соборные округа древнерусского города: от сакральной топографии к перотопии // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 491–524.
- Мусин А. Е.** ■ Церковная старина в современной России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Длужневская Г. В.** ■ Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Г. В. Длужневская, А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.), И. А. Тихонов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 813–908.
- Орфинский В. П.** ■ Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 73–124.
- Орфинский В. П., Гришина И. Е.** ■ Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.
- Панченко В. Б.** ■ Почитаемые каменные кресты в культуре Древней Руси: к проблеме выбора источников // Святыни: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Панченко В. Б.** ■ Каменные кресты Изборского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 5. Русское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 420–438.
- Пермиловская А. Б.** ■ Часовня в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). 2010. С. 248–254.
- Платонов Е. В.** ■ Часовни Изборско-Мальской долины // Изборск и его округа: Мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. / Редкол.: Е. В. Воронкова, С. А. Шенин. Изборск: ГИАПЛАМЗ «Изборск», 2006. С. 151–157.
- Платонов Е. В.** ■ Часовни Тихвинского уезда (рубеж XIX–XX вв.) СПб.: Изд. центр «Гуманитарная академия», 2011.
- Плешанова И. И.** ■ Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 149–206.
- Седов В. В.** ■ Изборские каменные кресты // Средневековая Русь: Сб. ст. памяти Н. Н. Воронина / Ред. Г. К. Вагнер, Д. С. Лихачев, П. А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. С. 102–108.
- Седов В. В.** ■ Никольский собор в Изборске и псковская архитектура середины XIV в. // Традиции и современность. Актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры / Отв. ред. докт. иск. Г. Ю. Стернин. М., 1989. С. 17–26.
- Седов В. В.** ■ Псковская архитектура XIV–XV веков. Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. Вып. 3. М., 1992.
- Седов В. В.** ■ Церковь Преображения в Колпино // АИИППЗ. Тез. докл. / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА, ПГОИААМЗ «Изборск», 1992. С. 41–44.
- Седов В. В.** ■ Псковская архитектура XVI века // Архив архитектуры. Вып. VIII. М.: Наука, 1996.
- Седов В. В.** ■ Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 247–258.

- Синайский В. И.** ■ Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. Василий Синайский. Снимки с картин и рис. акад. Сергея Виноградова. Рига: Типография Акционерного общества «Рити», 1929.
- Тихон (Секретарев), архимандрит.** ■ Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007.
- Ткачева Н. М.** ■ Иконы с изображением средневекового Пскова» / Церковная археология: Мат-лы первой всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. РАН, ИИМК РАН. [и др.]. Ч. 2. СПб.; Псков, 1995.
- Ткачева Н. М.** ■ Псковские иконы конца XVI – начала XIX в. на сюжет сказания о видении старца Дорофея // В. Д. Белецкий. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. Вып. 1: Псковский Кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб.: РАН, 1997. С. 36–47.
- Трусман Ю.** ■ Подуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Фиалков О. С., Пономарев А. Ю.** ■ Народность сето и деревянные часовни Сетомаа (Печорский район Псковской области России, Вырусский и Пываский уезды Эстонии) // Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые материалы и открытия: Сб. науч. стат. / Отв. ред. А. Б. Болд. М.: СПб.: «Коло», 2010. С. 284–309.
- Шляпкин И. А.** ■ Древние русские кресты. Вып. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и неперковой службы. СПб.: Типография. И. Н. Скороходова, 1906.
- Яшкина В. Б.** ■ Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. // Антропология религиозности: Альманах «Канун». Вып. 4 / Под общ. ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1998. С. 336–374.
- Kangor E.** ■ Fotode dateerimise ja atributeerimise probleeme TÜ kunstiajaloolises fotokogus. Magistritöö. Tartu (Käsitöö TÕ raamatukogus. Рукопись хранится в библиотеке Тартуского университета), 2008.
- Kiristaja A.** ■ Irboska mainimisi keskaegsetes allikates // Setomaa 2. 2009. Lk. 257–258.
- Kormašov N.** ■ Setu ikoon // Eesti ikoonikunst: kataloog. Estonian icon painting: catalogue / Koost A. Murre. Tallinn: Eesti Kunstimuuseum, 2011. Lk. 22–46.
- Kuusing K.** ■ Paraskeva pühastest ja reede kultusest Satserinna kiriklikus traditsioonis // SK. T. 3. Uurimusi Setomaa loodusest, ajaloost ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 238–281.
- Läänelaid A., Raal A., Valk H.** ■ Setomaa tsässonate vanusest: esialgseid andmeid // XXVIII Eesti looduseuurijate päev. Setomaa loodus. 2.–3. juulil, 2005. Obinitsa / Toim I. Puura ja S. Pihu. Tartu: Eesti Looduseuurijate Selts, 2005. Lk. 37–46.
- Paе Т.** ■ Tsässonate orientatsioon // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. Lk. 109–116.
- Piho M.** ■ Setode usk ja Setomaa tsässonad // ST / Koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond. 2011. Lk. 13–60.
- Prants H.** ■ Minu elukäik. Mälestusi ja pärimusi. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 2010 [1937].
- Raudoja A.** ■ Setomaa tsässonate arhitektuurist // SK. T. 5. Uurimusi Setomaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 388–408.
- Setomaa tsässonad** / Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen. Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.
- Tiideberg K.** ■ Setomaa tsässonate muutuvast tähendusest // Lendav maailm. Külmale maale: noorgeograafide sügissümposiumi artiklite kogumik / Toim A. Printsman jt. (Eesti

Geograafia Seltsi publikatsioonid, 13.) Tallinn, 2013. Lk. 235–249.

Valk H. ■ Tsässon ja külakalmistu Põhja-Setomaa kultuuripildis // SK. T. 1, Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloo / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 219–252.

Valk H. ■ Setomaa keskaegsed kiviristid // Setomaa 2. 2009. Lk. 259–260.

Weiss-Wendt A. ■ Must-valge linn: Vana Narva fotoajalugu. Kataloog. Tallinn, 1997.

Zouroff L. ■ Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petsen-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940. № 4. S. 62–76.

3.5. Дохристианские верования и народное христианство

3.6. Семейная обрядность

Агапкина Т. А., Топорков А. А. ■ Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. С. Лихачев А.: Наука, 1988. С. 224–235.

Александров А. А. ■ О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175. Средневековая археология восточной Европы. М.: Наука, 1983. С. 12–18.

Александров А. А. ■ Культовые камни Псковской земли: язычество и христианство // Земля Псковская, древняя и современная: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 135-летию Псковского музея, 28–29 ноября 2011 года / Сост. Б. Н. Харлашов. Псков: Управ. культуры Псковского облисполкома, ПГОИААМЗ «Изборск», 1991. С. 62–67.

Александров А. А. ■ Культовые камни Псковской земли в балтийском контексте // Senovės baltų kultūra. Dangaus ir žemės simboliai. Vilnius: Academia, 1995. T. 158–178.

Афанасьев А. Н. ■ Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М.: Индрик, 1994.

Байбурин А. К. ■ Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Белобровцева И. З. ■ Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–310.

Бернштам Т. А. ■ Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры: (теория и практика этнографических исследований). Київ: ИИ Украины АН Украины, 1993.

Бернштам Т. А. ■ «Слово» об оппозиции Перун — Велес/Волос и скотских богам Руси // Полярность в культуре: Альманах «Канун». Вып. 2. СПб.: Канун, 1996. С. 93–120.

Бернштам Т. А. ■ Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Бернштам Т. А. ■ Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.

В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). М.: Изд-во «Отчий дом», 1998.

Валеевская Е. А. ■ Изборская свадьба // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 120–134.

Велюс Н. ■ Velniū banda: «стадо Вяльняса» // Балто-славянские исследования. 1980: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1981. С. 260–269.

- Верняев И. И.** ■ Семья и семейный быт // ИЭОПК / Под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 156–170.
- Верняев И. И.** ■ Центральные районы Псковщины (Бежаницкий, Островский, Новоржевский районы) // А. В. Гадло и др. / Этнография Северо-Запада России (Южные окрестности Петербурга — Приладожье — Центральные районы Псковщины). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 142–244.
- Виноградов В. В.** ■ Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизмы передачи фольклорной традиции: Мат-лы XXI Междунар. молодеж. конф. памяти А. Горковенко / Отв. ред. и сост. Н. Н. Абубакирова-Глазунова. СПб.: РИИИ, 2004. С. 232–248.
- Виноградов В. В.** ■ Почитаемые места: конец XX века // Христианство в регионах мира: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 230–240.
- Виноградов В. В.** ■ Почитаемые места в Северо-Западной России (заметки собирателя) // Мировоззрение и культура северно-русского населения / Отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2006. С. 196–214.
- Виноградов В. В.** ■ Почитание источников в Псковской области: колодец в болоте // Традиционная культура. 2006. № 4. С. 33–40.
- Виноградов В. В.** ■ Повествования о почитаемых местах на Русском Севере: к вопросу о механизмах сакрализации пространства // Проблемы истории, филологии, культуры. № 22. 2008. С. 543–554.
- Виноградов В. В.** ■ Почитаемые места северо-востока Новгородской земли (краткая характеристика) // Христианство в регионах мира: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Бернштам, сост. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. Вып. 2. СПб.: Наука, 2008. С. 281–298.
- Виноградов В. В.** ■ Система почитаемых мест и исследователь: Опыт полевых наблюдений // Фольклор и миф: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И. И. Земцовского. Ч. I / Отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб.: РИИИ, 2010. С. 179–187.
- Виноградов В. В., Громов Д. В.** ■ Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // ЭО. 2006. № 6. С. 125–143.
- Вольтер Э. А.** ■ Крестовые сосны (ristipetäjä). К вопросу о некроulte у финских народностей // ЖС. Прил. 3. 1915. С. 33–35.
- Гальковский Н. М.** ■ Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Зап. Моск. Археологического ин-та. Т. 18. М., 1913.
- Громько М. М., Буганов А. В.** ■ О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.
- Грушина А. Е.** ■ Леонид Зуров и его исследование археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краев. чтения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.) / Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков: Псковское регион. отделение союза краеведов России, 2011. С. 142–153.
- Гуревич А. Я.** ■ «Феодалное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек в истории. Слово и образ в средневековой культуре / Гл. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 2002. С. 261–293.
- Даль В. И.** ■ Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Олма-Пресс, 2001–2002.
- Демиденко Е. А.** ■ Значение и функции общефольклорного образа камня // Русский фольклор. Вып. 24. Этнографические истоки фольклорных явлений. Л.: Наука, 1987. С. 85–98.
- Денисова И. М.** ■ Вопросы изучения культа священного дерева у русских: Материалы, семантика обрядов и образов народной культуры, гипотезы. М.: ИЭА, 1995.
- Дубов И. В.** ■ И поклоняшесь идолу камню... СПб.: МК РФ, РЭМ, 1995.

- Дучыц А. У.** ■ Сакральная геаграфія Беларусі. Мінск: Літэратура і мастацтва, 2011.
- Дучыц А. У., Зайкоўскі Э. М.** ■ Ляўкоў Э. А., Карабанаў А. К., Вінакураў В. Ф. Камяні-сладавікі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. Вып. 9. С. 133–141.
- Евсентьев К. Г.** ■ По старой Новгородской дороге // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып. 3. Псков: Изда. дом «Стерх», 2002. С. 263–278.
- Зайкоўскі Э. М., Дучыц А. У.** ■ Жыватворыня крыніцы Беларусі. Мінск: Уралджай, 2001.
- Зеленин Д. К.** ■ Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Тр. ин-та антропологии, археологии, этнографии. Т. XV. Вып. 2. М.; Л.: АН СССР, 1937.
- Зимина Т. А.** ■ Святые места Порховского и Гдовского районов Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. содер. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изда-во СПбГУ, 1998. С. 18, 19.
- Зуров А. Ф.** ■ Отчина. Сказание о Псково-Печерской обители. Печоры: Издание Псково-Печерского монастыря, 1994.
- Зуров А. Ф.** ■ Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии А. Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б. и.], 2014.
- Иванова А. И.** ■ Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XII — начале XX веков // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. (Поморские чтения по семиотике культуры, 3). Архангельск: Изда. ПУ, 2008. С. 486–497.
- Изложение о чудесах пресвятой Богородицы Печорской** ■ Летопись Псково-Печерского монастыря или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых / Сост. Ю. Г. Малков. М., 1993. С. 68–83.
- Историко-этнографические очерки Псковского края** / Под ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999.
- Калюта А. В.** ■ Поминальная обрядность русских Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. содер. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изда-во СПбГУ, 1998. С. 19–21.
- Калюта А. В.** ■ Представление о душе и ее переходе в загробный мир у русских Печорского района Псковской области (по материалам погребально-поминальной обрядности) // Там же. СПб.: Изда-во СПбГУ, 1998. С. 64, 65.
- Козырев Н. Г.** ■ Свадебные обряды и обычаи в Островском у. Псковской губ. // ЖС. 1912. Вып. 1. С. 75–94.
- Конька А. П.** ■ Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изда-во ПетрГУ, 2013.
- Копонев В. В.** ■ Свадебная обрядность русских Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. содер. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изда-во СПбГУ, 1998. С. 68–69.
- Кормина Ж. В.** ■ Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: Изда-во ЕУ, 2006. С. 130–149.
- Котикова Н.** ■ Народные песни Псковской области / Под ред. С. В. Аксюка. М.: Музыка, 1966.

- Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі** / А. К. Карабанаў, В. Ф. Вінакураў, А. У. Дучыц, Э. М. Зайкоўскі, І. Я. Клімковіч. Мінск: Беларуская навука, 2011.
- Курбатов А. В.** ■ Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. СПб.; ЛВВИСУ, 1995. С. 179–193.
- Курбатов А. В.** ■ Историко-культурные валуны Тверской области // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Тверской научно-исслед. историко-археол. и реставрац. центр, 1996. С. 91–104.
- Курбатов А. В.** ■ Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // Тверской археологический сб. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 558–568.
- Левин Ив.** ■ «Двоеверие» и народная религия // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 259–283.
- Левин Ив.** ■ Двоеверие и народная религия в истории России / Пер. с англ. А. А. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004.
- Летопись Псково-Печерского монастыря или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых** / Сост. Ю. Г. Малков. М.: Издание Донского монастыря, 1993.
- Лобкова Г. В.** ■ Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.
- Ловмянский Г.** ■ Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.) / Пер. с польск. М. В. Ковальковой. СПб.: Академический проект, 2003.
- Ляўкоў Э. А.** ■ Маўклівыя сведкі мінувшчыны. Мінск: «Навука і тэхніка», 1992.
- Ляўкоў Э. Карабанаў А., Дучыц А., Зайкоўскі Э., Вінакураў В.** ■ Культавыя камяні Беларусі // *Studia Mythologica Slavica*. 2000. Issue 3. Pp. 43–56.
- Макаров Н. А., Чернецов А. В.** ■ К изучению культурных камней // СА. 1988. 1988. № 3. С. 79–90.
- Макаровский А.** ■ «Заветы древней были» (перездание статьи 1930-х гг.) // Газета «Знамя времени», 13 (21) июля 1996 г.
- Максимов С. В.** ■ Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994.
- Мельников И. В.** ■ Древние культурные памятники на территории Карелии: опыт систематизации источников (погребальные памятники, культурные комплексы, предметы культового характера, культурные камни). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
- Мизин В. Г.** ■ Культурные камни и сакральные места: Ленинградская область и смежные регионы. СПб., 2014.
- Мифы народов мира** ■ Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. В 2-х томах. (2-е издание). М.: «Советская Энциклопедия». 1987.
- Мусин А. Е.** ■ Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности // ТИИМК. Вып. 5. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
- Мусин А. Е.** ■ Церкви и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
- Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра в 2-х т.** / Автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. СПб.: Псков. Изд-во обл. центра нар. творчества, 2002.
- Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района** / Сост. А. Мехнецов, Е. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1985.

- Некрылова А.** ■ Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2007.
- Никифоровский Н. Я.** ■ Очерки Витебской Белоруссии. Старцы // ЭО. 1892. Кн. XII. № 1. М., 1892. С. 70–103.
- Новожилов А. Г.** ■ Исследовательский конструктор «Погребальный обряд» в отечественной этнографии // Демичевские чтения: Мат-лы юбил. междисципл. межвуз. науч. конф. Санкт-Петербург, 22 октября 2010 г. / Сост. А. Н. Огарков, А. В. Рябов. СПб.: Институт бизнеса и политики, 2011. С. 63–66.
- Об идолах русских** ■ Из Густынской летописи. Хрестоматия по русской истории. Т. I. М., 1923.
- Охотникова В. И.** ■ Жизнь Никандра Псковского в редакциях XVII в. // Тр. отд. древнерусской литературы. Т. LIV / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 435–490.
- Панченко А. А.** ■ Русский культ св. Параскевы и почитаемые камни Новгородской земли // Дивинец Староладожский: Междисципл. исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 107–119.
- Панченко А. А.** ■ Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.
- Пихо М.** ■ Серебряные украшения сету XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. Рукопись хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Пихо М.** ■ Серебряные украшения на сетуской свадьбе // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 82–93.
- Платов А.** ■ Мегалиты Русской равнины. М.: Вече, 2009.
- Платонов Е. В.** ■ Почитаемые камни в восточнохристианской традиции и на Руси. URL — Режим доступа: <https://www.countrysite.spb.ru/Library/Stones.htm>
- Платонов Е. В.** ■ Почитание каменных крестов на Северо-Западе России в контексте литургической практики (к постановке вопроса) // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского Севера. (Поморские чтения по семиотике культуры, 3.) Архангельск: Изд-во ПУ, 2008. С. 320–339.
- Плоткин К. М.** ■ Ареал сету: жертвоприношения и граница // Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцовом регионе: Сб. ст. / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Арт-Люкс, 2002. С. 197–209.
- Плоткин К. М.** ■ Ареал сету: жертвоприношения и граница // Вопросы этнической истории народов России: Межвуз. сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 105–115.
- Поклонение сосне** // ПГВ. 1864, № 24.
- Пономарев А.** ■ О священных камнях Печорского края, работе Леонида Зурова и судьбе его наследия // Третьи Псковские регион. краеведческие чтения, Псков, 10–12 октября 2012 г., Псков, М.: Союз краеведов России. Псков. рег. отд-ние; Рос. междунар. акад. туризма, 2013. С. 67–89.
- Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этногр. исследований** ■ Сб. / Редкол.: Т. А. Листова (отв. ред.) и др.; предисл. Т. А. Листовой. М.: Наука, 2001.
- Прош В. Я.** ■ Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
- Псковские летописи. Вып. I** / Ред. А. Н. Насонов. М.: Изд. Изд. АН СССР, 1941.
- Путилов Б. Н.** ■ Фольклор Псковского края // ИЭОПК / Ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 253–268.

- Радецкая К. В.** ■ Традиционное воспитание детей и подростков сельского населения Печорского района Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. сод. докл. III межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 47–48.
- Регламент или устав духовный.** М., 1766.
- Рихтер Е. В.** ■ Некоторые особенности погребального обряда сету // СЭ. 1979. № 2. С. 116–128.
- Русские крестьяне** ■ Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии / Науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008.
- Рыбаков Б. А.** ■ Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997.
- Святыни и древности Псковского уезда: По дореволюционным источникам** / Состав., вступ. ст. Н. Ф. Левина. Псков: Дом печати, 2006.
- Седов В. В.** ■ Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. Т. 163, М.: Наука, 1970.
- Седов В. В.** ■ Изборск в раннем средневековье. Памятники отечественной науки. М.: Наука, 2007.
- Седов Вл. В.** ■ Псковская архитектура XVI века // Архив архитектуры. Вып. VIII. М.: Наука, 1996.
- Седов Вл. В.** ■ Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 247–258.
- Селарт А.** ■ Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582) // АИИППЗ, 57. М., Псков: ИА РАН, Госкомитет Псковской области по культуре; ПАЦ, АЦ ПО, Псковский музей-заповедник, 2011. С. 69–76.
- Смилянская Е. Б.** ■ Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и духовные преступления в России XVIII в. М.: Индрик, 2003.
- Сны Богородицы** ■ Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: Изд-во ЕУ, 2006.
- Сурхаско Ю. Ю.** ■ Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1985.
- Тихон (Секретарев), архимандрит** ■ Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007.
- Толстой М., граф** ■ Святыни и древности Пскова. М.: Университетская типография, 1861.
- Толстой Н. И.** ■ Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Толстой Н. И.** ■ Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 145–160.
- Топоров В. Н.** ■ О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа» // Уч. зап. ТУ. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971.
- Топоров В. Н.** ■ Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
- Трусман Ю.** ■ О происхождении названия г. Изборска и древнего населения его окрестностей // ЖС. 1894. Вып. 3–4. Кн. XV–XVI. С. 549–554.
- Трусман Ю.** ■ О происхождении Псково-Печерских полуверцев // ЖС. 1897. Вып. 1. Отд. 1. С. 37–47.
- Трусман Ю.** ■ Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.

- Трусман Ю. А.** ■ Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Известия ИРГО. Т. XXI. 1885. СПб., 1886.
- Уртанс Ю. Т.** ■ Целебные и культовые источники Латвии // Из истории медицины. XV. Рига: РМИ, 1985. С. 85–93.
- Уртанс Ю. Т.** ■ Культовые камни с углублениями в Латвии // КСИА. Вып. 190. М., 1987. С. 69–73.
- Уртанс Ю. Т.** ■ Камни-«следовики» на территории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1988. Вып. 7. С. 92–106.
- Уртанс Ю. Т.** ■ Языческие культовые памятники на территории Латвии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Успенский Б. А.** ■ Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Фасмер М.** ■ Велес; Волос // Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1: А–Д / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёва, под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. второе, стер. М.: Прогресс, 1986. С. 287, 288, 343.
- Федотов Г. П.** ■ Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Гнозис, 1991.
- Формозов А. А.** ■ Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // СЭ. 1965. № 5. С. 130–138.
- Хару П. С.** ■ Обряд первого весеннего выгона скота в Сету // Folkloor ja roeetika / Toimetuskolleegium: J. Põldmäe jt. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1976. Lk. 3–24.
- Хару П. С.** ■ Аграрная обрядность и верования сету. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии, 1983. Рукопись хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Хару П. С.** ■ Календарная обрядность русских и сету Печорского края // АИИППЗ. Псков: ПГОИАМЗ «Изборск», 1983. С. 51–52.
- Хамайко Н.** ■ Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // Ruthenica. Т. 6 (2007). С. 86–114.
- Хроника Ливонии** ■ Генрих Латвийский; введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского; предисловие В. А. Быстриянского. М.; Л., 1938.
- Черноморова А. А.** ■ Изборские родники: предания, обычаи и традиции // Изборск: история и современность: Мат-лы научно-практ. конф. «Музей как центр развития местных сообществ. Имидж музея — открытость», посвящ. 40-летию образования музея. Изборск, 2005. С. 95–98.
- Чичеров В. И.** ■ Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков: Очерки по истории народных верований / ТИЭ. АН СССР. Т. XL. М.: Изд-во АН, 1957.
- Шангина И. И.** ■ Семейный быт. Обряды жизненного цикла // ИЭОПК / Ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 236–252.
- Шангина И. И.** ■ Благовещенская Никандрова пустынь: псковская святыня // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 360–367.
- Шорин М. В.** ■ О религиозных представлениях в связи с культом камней // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987. С. 33–36.
- Шорин М. В.** ■ Культовые камни Приильменья (по материалам Новгородской области) // АВ 1996–1997. 1998. Вып. 5. С. 216–227.
- Шпис М. И.** ■ Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанные в деревне Городище Петсерского уезда (бывш. Псковской губернии) в Эстонии. Б. м.: Собственное издание, 1936.
- Щепанская Т. Б.** ■ Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культу-

ры у народов Европы и России: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: Петербургское Востоковедение. 1999. С. 149–190.

- Aabrams V.** ■ Vinne õigõusu ristinimeq ja seto vastõq // Raasakõisi Setomaalt: Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903: kommentaarõga välläannõq / Toim P. Hagu, V. Aabrams. (Seto kirävara, 6.) [Värska; Tartu:] Seto Instituut, EKM, 2013. Lk. 237–262.
- Altnurme L.** ■ Kristlusest oma usuni. Uurimus muutustest eestlaste religioossuses 20. saj II poolel. Tartu: TÜ Kirjastus, 2006.
- Anderson W.** ■ Anmerkungen // ÖES Ar 1934. Tartu, 1936. Lk. 16–28.
- Ariste P.** ■ Vadja rahvakalender. Tallinn: Valgus, 1969.
- Arpo M.** ■ Noppeid setu vanade matmiskommete kohta // PVP. 1996. Lk. 241–267.
- Arukask M.** ■ Religious syncretism in Setu runo songs // Studies in Folklore and Popular Religion, 3 / Ed by Ü. Valk. Tartu: TÜ eesti ja võrdleva rahvaluule õppetool, 1999. Lk. 79–92.
- Belobrovtseva I.** ■ Leonid Zurov Eestis // Keel ja Kirjandus. 2011. T. 3. Lk. 190–205.
- Bome H.** ■ Sacred Image as a Local Patron? The Icon of St. Nicholas of Mozhaisk in the Petseri monastery in Setu Folklore // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2006. T. 34. Lk. 75–88.
- Brandt J. A.** ■ Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Pleskovien, Gross-Neugardien, Twerin und Moscovien. Wessel, 1702.
- Būgienė L.** ■ Muitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose // Tautosakos darbai. V. 11. Vilnius, 1999. T. 13–85.
- Eisen M. J.** ■ Über den Peko-kultus bei den Setukesen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1896. T. 6. Lk. 104–111.
- Eisen M. J.** ■ Setukeste jumal Peko // Eesti Kirjandus. 1909. T. 3. Lk. 377, 378.
- Eisen M. J.** ■ Peko // ÖES Ar 1934. Tartu, 1936. Lk. 1–16.
- Geertz C.** ■ The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
- Gimbutas M.** ■ The Lithuanian god Velnias // Myth in Indo-European Antiquity / Ed. by G. J. Larson. University of California Press, 1974. Lk. 87–92.
- Grabowska A.** ■ «Poluwierec»: Analiza religijności etnokonfesyjnej grupy Setu // Chata estońska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 169–187.
- Grichin K.** ■ Setude usuelust enne 20. sajandit // Ajalooline Ajakiri. 2001. T. 4. Lk. 57–68.
- Hagu P.** ■ Setu viljakusjumal Peko // Keel ja Kirjandus. 1975. T. 3. Lk. 166–173.
- Hagu P.** ■ Rahvakalendri tähtpäevadega seotud ilmaended Setus // ES Ar, 21. Tallinn, 1976. Lk. 125–140.
- Hagu P.** ■ Setode etnogenees agraartavandi valgusel // Keel ja Kirjandus. 1978. T. 10. Lk. 616–623.
- Hagu P.** ■ Setukaisten sadonjumala Peko // Viron veräjät. Näkökulmia folkloreen. (SKS Tietolipas, 105.) Helsinki: SKS, 1987. Lk. 145–159.
- Hagu P.** ■ Lamenters strategy in the performance of wedding laments // ARV. Nordic Yearbook of Folklore, 1995. Vol. 51. Pp. 115–124.
- Hagu P.** ■ Poesia eksam: Setu mõrsjaitkudest kõrvutuses läänemeresoomlaste põhjapoolsema itkutraditsiooniga // Akadeemia. 1995. T. 11. Lk. 2262–2288.
- Hagu P.** ■ Peko-kultusõ varahamp (arvatav) // Õdagumeresoomõ lõunapiir' = Läänemeresoomõ lõunapiir. Konverents Kütioron; märdikuu 28.–30.1996 / Toim K. Pajusalu, J. Sullõv. (VIT, 1), 1997. Lk. 32–42.
- Hagu P.** ■ Setu mõrsjaitkude koht pulmarituaalis // Tagasipöördumatus: Sõnad ja hää / Toim K. Salve, M. Kõiva, Ü. Tedre. Tartu: EKM, 2000. Lk. 75–122.

- Hagu P.** ■ Leeloantoloogia, II. Lüürika / Koost ja toim P. Hagu. Tartu: TÜ eesti ja võrdleva rahvaluule osakond, Eesti Kirjandusmuuseumi Eesti Rahvaluule Arhiiv, Seto Instituut, 2012.
- Heinsalu Ü.** ■ Eesti allikad ja nende kaitse // Eesti Loodus. 1977. T. 7–8. Lk. 418–426, 490–496.
- Hiimae M.** ■ Eesti rahvakalender. II / Koost M. Hiimae. Tallinn: Eesti Raamat. 1981.
- Hiimäe M.** ■ Jüripäeva uskumuste ja kombestiku kujunemise lähtekehti // Sator. 2000. T. 3. Lk. 122–136.
- Hiimäe M.** ■ Lõuna-Eesti territooriumi jaotused rahvakalendri tavandi näitel // TÜ LEKKAR. № II. 2003. Lk. 31–44.
- Hiimäe M.** ■ Päiv ei ole päiväle veli. Lõunaeesti kalendripärimus. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused, 22.) Tartu: EKM, 2006.
- Hiimäe M.** ■ Setu ja vene rahvakalendri ühisjooni // TÜ LEKKAR. № V. 2006. Lk. 32–45.
- Hiimäe M.** ■ Pühad kivid Eestimaal. Tallinn: Tamerraamat, 2011.
- Hiörn T.** ■ Ehst-, Liv- und Lettländische Geschichte. Nach der Originalhandschrift herausgegeben. Erster Theil. Mitau: J. M. Werth, 1794.
- Hlk** ■ Henriku Līvīmaa kroonika / Heinrici Chronicon Livoniae / Toimetanud ja kommenteerinud E. Tarvel, tõlkinud R. Kleis. Tallinn: Eesti Raamat, 1982.
- Hurt J.** ■ Setukeste laulud: Pihkva-Eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Rāpinā ja Vastseliina lauludega, II. Helsingi: SKS, 1905.
- Hurt J.** ■ Setokeste sajaq ehk hāhāq // Raasakōisi Setomaalt: Setomaa J. Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903: kommentaarōga vāllāannōq / Toim P. Hagu, V. Aabrams. (Seto kirāvara, 6.) [Vārska-Tartu:] Seto Instituut, EKM, 2013. Lk. 77–100.
- Hörn A.** ■ Setukaisten ortodoksisuus ennen ja nyt // Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla / Toimittanut T. Saarinen, S. Suhonen. Kuopio: Snellman-instituutti, 1995. Lk. 182–188.
- Jung J.** ■ Einiges über die Setukesed // Sb. GEG 1885. 1886. Lk. 145–154.
- Jürgenson A.** ■ Eksitaja jälgedel // SK. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvaluulest, ajalooast ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson. toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 126–149.
- Kaasik A.** ■ Põlised pühapaigad: oleme hiierahvas. Tallinn: Pegasus, 2016.
- Kaasik A.** ■ Pühapaikade teejuht. Eesti põlised väekohad. Tallinn: Pegasus, 2017.
- Kalkun A.** ■ Seto naiste eluloolaulud. Autobiograafid ja utopiad. Magistritöö. Tartu (Käsitöökirjanduskeskus), 2003.
- Kalkun A.** ■ The World of Seto Female Autobiographers // Pro ethnologia. 2005. Vol. 17. Pp. 11–30.
- Kalkun A.** ■ Nähtamatu ja nähtav pärimus. Seto rahvaluule kogumisest ning menstruaatsiooni ja sünnitusjärgse käitumisega seotud tabudest // Ariadne lõng. 2007. T. 172. Lk. 3–18.
- Kalkun A.** ■ Fasts and Feasts in Estonians' Representations of the Seto Culture // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8 (1) / Lk. 53–73.
- Kalkun A.** ■ Religioossed paastud ja pidustused seto kultuuri representatsioonides // Keel ja Kirjandus. 2014. T. 1. Lk. 1–23.
- Kalkun A.** ■ Seto laul eesti folkloristika ajaloos. Liisandusi representatsiooniloole. (Eesti Rahvaluule Arhiivi toimetused, 33.) Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2015.
- Kalkun A.** ■ Setode elav õigeusk. Elarvamused ja pärimus // Mitut usku Eesti IV. Valik usundiloolisi uurimusi: õigeusu eri / Toim L. Eek. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. Lk. 193–223.
- Kalkun A.** ■ Feodor Vanahundi ropud naljad. Erootiline imperatiiv, poeesia ja tabustatud seksuaalikäitumise viisid // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos P. Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk,

- Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 118–137.
- Kallas O.** ■ Kraasna maarahvas. Helsingi; Soome Kirjanduse Selts, 1903.
- Kirstaja A.** ■ Setomaa õigeusu kirikute ja koguduste varasemast ajaloost // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 284–305.
- Kolacinski R.** ■ Świat ponadmysłowy w wierzeniach mieszkanców południowo-wschodniej Estonii // Chata estońska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 21–143.
- Kuri K.** ■ Midagi kodukäijast // PVP. 1996. Lk. 229–240.
- Kõivupuu M.** ■ Hinged puhkavad puudes. Tallinn: Huma, 2009.
- Kõpp J.** ■ Kirik ja rahvas. Sugemeid eesti rahva vaimse palge kujunemise teelt. Lund: Eesti Vaimulik Raamat, 1959.
- Kärner Ü.** ■ Eksitaja // PVP. 1996. Lk. 189–202.
- Kärner Ü.** ■ Püha Maarja legendid // TÜ LEKKAR. № III. 2004. Lk. 31–42.
- Levin E.** ■ Dvoeverie and Popular Religion // Stephen K. Batalden (ed.). Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1993. Pp. 31–42.
- Lillak A.** ■ Nulgad // Setomaa 2. 2009. Lk. 320, 321.
- Loorits O.** ■ Contributions to the material concerning Baltic-Byzantine cultural relations // Folklore. 1934. Vol. 45 (1). Pp. 47–73.
- Loorits O.** ■ Mulgimaa ohvrikohad // Kaleviste mailt. (Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, 3.). Tartu, 1935. Lk. 224–300.
- Loorits O.** ■ Grundzüge des Estnischen Volksglaubens, I, II, III. (Skrifter utgivna av Kungl. G. Adolfs akademien för folklivsforskning, 18: 1–III.) Uppsala: Lundequistska Bokhandeln; Köpenhamn: Munksgaard, 1949.
- Loorits O.** ■ Das sog. Weiberfest bei den Russen und Setukesen in Estland. (Eesti Rahvaluule Arhiivi Toimetised, 14.) Tartu, 1940.
- Loorits O.** ■ Der heilige Kassian und die Schaltjahrgelende. (Folklore Fellows Communications, 149.) Helsinki: Suomalainen Tieteakatemia, 1954.
- Loorits O.** ■ Der heilige Georg in der russischen Volksüberlieferung Estlands. (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, 7.) Berlin, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955.
- Loorits O.** ■ Grundzüge des Estnischen Volksglaubens, I, II, III. (Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs akademien för folklivsforskning, 18: 1–III.) Uppsala: Lundequistska Bokhandeln; Köpenhamn: Munksgaard, 1949, 1951/1953, 1957/1960.
- Loorits O.** ■ About the religious concretism of the Setukesians. (SUS aikakauskirja 61, 5.) Helsinki, 1959.
- Looduslikud pühapaigad: väärtused ja kaitse** / Koost A. Kaasik, H. Valk; toim H. Valk. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetised, XXXVI.) Tartu, 2007.
- Lõiv M.** ■ Kirmased Setumaal // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv; toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 246–268.
- Manninen I.** ■ Setude matusekommetest // Eesti Keel. 1924. T. 1. Lk. 10–19.
- Metsala M.** ■ Setumaa nõidadest ja ravitsejatest // PVP. 1996. Lk. 144–163.
- Metsvahi M.** ■ Religious legend as a shaper of identity: St. Xenia in the mental universe of a Setu woman // Vernacular religion in everyday life: ex-

- pressions of belief / Ed. dy M. Bowman, Ü. Valk. London, Oakville: Equinox, 2012. Pp. 161–191.
- Metsvahi M.** ■ Sugudevahelise suhtlemise ja kosmise teema Ksenia Müürseppaga tehtud intervjuudes // TÜ LEKKAR. XV/XVI (SK. № 7). Pühendusteos Paul Hagule / Peatoim H. Kästik, E. Saar; toim K. Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu; Värska: TÜ Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuringute keskus, Seto Instituut, 2016. Lk. 93–117.
- Mägiste J.** ■ Estnisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2000.
- Oinas F.** ■ Setujen asema Viron kansanperinteessä // Sampo ei sanoja puutu. Matti Kuusen juhla kirja / Toim P. Virtaranta et al. (Kalevalaseuran vuosikirja, 54.). Helsinki, 1974. Lk. 277–286.
- Papierska A.** ■ Antropologia cmentarna w poludniowo-wschodniej części Estonii // Chata estońska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 189–201.
- Piho M.** ■ Hurda käsikiri “Setokêstê pühi” ja tähtpäävä” etnograafilise allikana // Etnograafiamuuseumi aastaraamat, XXXVIII. Tallinn: Valgus, 1990. Lk. 67–85.
- Piho M.** ■ Hõbehted setu pulmakombestikus // Eesti Rahva Muuseumi 35. teaduskonverentsi materjale. (Pro ethnologia, 1.) Tartu, 1993. Lk. 33–41.
- Piho M.** ■ Sõlmornament, eriti muinaskäevõrudel ja setu naiste ülerõivastel // Etnos ja kultuur. Uurimusi Silvia Laulu auks / Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 18.) Tartu–Tallinn: TÜ arheoloogia kabinet, TLÜ AI, 2006. Lk. 345–365.
- Piho M.** ■ Setode usk ja Setomaa tsässonad // ST. 2011. Lk. 13–60.
- Piho M.** ■ Mõla klooster Setomaal // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 359–387.
- Pino V., Sarv V.** ■ Setu surnuikud. I, II // Toim I. Rüütel. // Ars Musicae Popularis, 2, III // Tallinn: Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1981.
- Puss F.** ■ Puudega seotud pärimused ja traditsioonid Eesti rahvakultuuris. Proseminaritöö. Tartu, TÜ ajaloo osakonna etnoloogia õppetool. (Käsikiri Eesti Kirjandusmuuseumis.) 1995.
- Päss E.** ■ Setu rahvakombeid lapsest // Eesti Kirjandus. 1934. T. 9. Lk. 360–390.
- Raabe V., Västriku E.** ■ Mida kõneldi puugist // PVP. 1996. Lk. 203–215.
- Raag V.** ■ Hähkamine setude salakeel // Pro folkloristica. 1997. T. 5. Lk. 65–75.
- Relve H.** ■ Põlispuud. Tallinn: Koolibri, 2003.
- Remmel M.-A.** ■ Võrumaa ja Setomaa kohapärimused 20. sajandi vältel ilmnevatest muutustest // Paar sammukest: Eesti Kirjandusmuuseumi aastaraamat, 19. Tartu, 2002. Lk. 31–62.
- Remmel M.-A.** ■ Vene aeg, Vinne vägi ja vene usk Kagu-Eesti kohapärimuses // TÜ LEKKAR. № V. 2006. Lk. 11–31.
- Remmel M.-A.** ■ Veekogud Eesti ja Soome kohapärimuses // Muistis, koht ja pärimus, 2. Pärimus ja paigad / Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 26:2.) Tartu: TÜ, ajaloo ja arheoloogia instituut, 2014. Lk. 71–170.
- Richter E.** ■ Mõningaid arhailisi jooni setu matusekometes // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi / Koost ja toim J. Linnus. Tallinn: Valgus, 1982. Lk. 96–100.
- Russow B.** ■ Chronica der Provinzz Lyfflandt. Barth, 1584.
- Russow B.** ■ Liivimaa kroonika. Tallinn: Hotger, 1993.
- Ränk G.** ■ Materiaalne Peko // ERM Ar, IX–X, 1933/34. 1934. Lk. 176–203.
- Saarlo L.** ■ Pühakutest ja mõnest muust ning mis nende ümber // PVP. 1996. Lk. 93–132
- Salve K.** ■ Toone tare. Tähelepanekuid setu surnuikude žanrivahelistest ja geograafilistest seostest // Tagasispõrdumatus. Sõnad ja hää /

- Toim K. Salve, M. Kõiva, Ü. Tedre. Tartu, 2000. Lk. 55–71.
- Sandra. Ristirahva ebajumal Peko** ■ Ristirahva Pühapäeva-leht. 1908. T. 42–43 (16. ja 23. X). Lk. 331, 339, 340.
- Sandström T.** ■ Peko kultusest Rene Girardi primitiivse religiooni teooria valgusel // SK. T. 3. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja folkloristikast / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: MTÜ AK, TLÜ AI, 2005. Lk. 282–292.
- Sarv V.** ■ Setu itk — mõiste ja liigid // Tagasipöördumatus: sõnad ja hääled / Toim K. Salve, M. Kõiva, Ü. Tedre. Tartu: EKM, 2000. Lk. 9–37.
- Setumaa.** ■ Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Toim A. Tammekann (peatoim), Edg. Kant, J. V. Veski. (Eesti, III.) Tartu: EKS, 1928.
- Siara B.** ■ Nieba i pekla ludzi z Setumaa czyli rzecz o wybranych aspektach religijności mieszkańcé pogranicza estońsko-rosyjskiego // Chata estonska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 75–98.
- Speek P. A.** ■ Mälestusi vana-eestlastest, II: Setud ja nende kodujumal Peku // Eesti Noorus, 1930. Lk. 8–10, 129–131, 148–152, 167–169.
- Setumaa tsässonad** ■ Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen / Toim H. Alumäe. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011.
- Stjernquist B.** ■ Germanische Quellenopfern // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Norderuropa / Hrsg. von H. Jankuhn. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse, 3: 74.) Göttingen, 1970. S. 78–99.
- Stjernquist B.** ■ The Röekillorna spring: spring cults in Scandinavian prehistory. (Acta Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis, LXXXII). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1997.
- Straubergs K.** ■ Opferstätten und Opfersteine im lettischen Haus- und Familienkult // Com-
mentationes Balticae. 1962. Vol. VIII/IX. Pp. 361–399.
- Surowiec R.** ■ Ślady obrzędowości przedchrześcijańskiej w wierzeniach Setu // Chata estonska: Setu — etnokonfesyjna grupa pogranicza. / Red. P. Ladykowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. S. 99–120.
- Šturms E.** ■ Die Alkstätten i Litauen // Contributions of Baltic University. 1946. Vol. 3. Pp. 1–35.
- Tamla T.** ■ Kultuslikud allikad Eestis // Rahvasuust kirjapanekuni. Uurimusi rahvaluule ja proosaloomingust ja kogumisloost / Toim Ü. Tedre. (Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Seltsi Toimetised, 17). Tallinn, 1985. Lk. 122–146.
- The Maiden's Death Song & The Great Wedding.** ■ Anne Vabarna's Oral Twin Epic written down by A. O. Väisänen / Ed. by L. Honko in collaboration with A. Honko and P. Hagu. Helsinki: Suomalainen Tietekatemia, 2003.
- Tvauri A.** ■ Eesti lohukivid // Arheoloogilisi uurimusi, 1 / Toim H. Valk. (TÜ Arheoloogia Kabineti Toimetised, 9.) Tartu, 1997. Lk. 11–53.
- Tvauri A.** ■ Cup-marked stones in Estonia // Folklore. 1999. Vol. 11. Pp. 113–169.
- Tvauri A.** ■ Eesti ohvrikivid // Mäetagused. 1999. Lk. 35–57.
- Urtanas J.** ■ Gydomeiji ir kulto šaltiniiai Latvijoje // Senovės baltų kultūra. Dangaus ir žemės simboliai / Sudare E. Usačiovaite. Vilnius: Academia, 1995. T. 40–47.
- Urtāns J.** ■ Pēdakmeņi, robežakmeņi, muldakmeņi. Rīga: Avots, 1990.
- Urtāns J.** ■ Cylindrical Ritualistic Stones with a Cup Mark in Latvia // Journal of Baltic Studies. 1992. Vol. XXIII: 1. Pp. 47–56.
- Urtāns J.** ■ Latvijas kultakmeņi ar koniski dobumu // Arheoloģija un etnogrāfija, XVII. Rīga: Zinātne, 1994. L. 108–112.
- Urtāns J.** ■ Ancient Cult sites of Semigallia. (CCC Papers, 11.) Riga: Nordik, 2008.

- Vaitkevičius V.** ■ Akmenys su pėdomis Lietuvoje // *Lituanistica*. 1997, № 2, p. 30–54.
- Vaitkevičius V.** ■ Studies into the Balts' sacred places (BAR. International Series, 1228). Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2004.
- Valk H.** ■ Mälestusi Meeksi jaanipäevast // *Mäetagused*. 1999. T. 9. Lk. 146–174.
- Valk H.** ■ Tsässon ja külakalmistu Põhja-Setomaa kultuuripildis // SK. T. 1. Uurimusi Setomaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: AI, SA Setu Kultuuri Fond, 2003. Lk. 219–252.
- Valk H.** ■ Christian and Non-Christian Holy Sites in Medieval Estonia: A Reflection of Ecclesiastical Attitudes Towards Popular Religion // *The European Frontier. Clashes and Compromises in the Middle Ages. International Symposium of the Culture Clash or Compromise (CCC) project and the Department of Archaeology, Lund University, held in Lund October 13–15 2000* / Ed. J. Staecker. (CCC Papers, 7 / Lund Studies in Medieval Archaeology, 33.) Lund, 2004. Pp. 299–310.
- Valk H.** ■ Cemeteries and Ritual Meals: Rites and their Meaning in the traditional Seto World-view // *Old Norse Religion in long-term Perspectives. Origins, Changes and Interactions* / Ed. A. Andrén, K. Jennbert, C. Raudvere. (Vägar till Midgård, 8.) Lund: Nordic Academic Press: 2006. Pp. 141–146.
- Valk H.** ■ Choosing Holy Places // *The Journal of Roman Archaeology. JRA Supplementary Series, No. 67. Continuity and Innovation in Religion in the Roman West* / Ed. R. Haussler and A. C. King, Vol. I. Portsmouth, Rhode Island, 2007. Pp. 201–212.
- Valk H.** ■ Looduslikud pühapaigad kui muistised: arheoloogia vaatenuhk // *Looduslikud pühapaigad: väärtused ja kaitse* / Koost H. Valk ja A. Kaastik, toim H. Valk. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetised, XXXVI.) Tartu, 2007. Lk. 135–170.
- Valk H.** ■ Kieiv setu pärimuses: koopad, käsikivid ja ristikäigud // SK. T. 4. Uurimusi Setomaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ. Tallinn, 2008. Lk. 93–141.
- Valk H.** ■ Pre-Christian and Christian: Rites at two holy stones in Setomaa, south-eastern Estonia // *Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives* / Ed. by A.-B. Falk, D. M. Kyrirtz (BAR. International Series, 1757). Oxford: John and Erica Hedges Ltd. Archaeopress, 2008. Pp. 67–78.
- Valk H.** ■ Sacred Natural Places of Estonia: Regional Aspects // *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2009. Vol. 42. Pp. 45–66.
- Valk H.** ■ Setomaa tsässonad: pärimus, rahvausk ja kombed // ST. 2011. Lk. 61–107.
- Valk H.** ■ Tradition-based Concepts of Death, Burial and Afterlife: A Case from Orthodox Setomaa, South-Eastern Estonia // *The Archaeology of Death in Post-medieval Europe* / Ed. by S. Tarlow. Warsaw; Berlin: De Gruyter Open, 2015. Pp. 127–149.
- Valk H.** ■ Eesti maarahva kultuuripildistekesajal ja varauusajal arheoloogia andmetel: olud ja koht laiemal taustal // *Eesti Vabariigi preemiad*. Teadus. F. J. Wiedemanni keeleuhind. Kultuur. Sport. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia. 2017. Lk. 138–161.
- Vanahunt F.** ■ Ilosa' ja pogana' jutu'. Kokko sääd-nü ja toimõndanu Andreas Kalkun. (Seto kirävara, 10.) Tartu; Värska: EKM, Seto Instituut, 2015.
- Vassiljeva K.** ■ Hing, nagu sellest arvati Setomaal suvel 1994 // PVP. 1996. Lk. 217–228.
- Vassiljeva T.** ■ Üks patujutt // PVP. 1996. Lk. 133–143.
- Viidalepp R.** ■ Iseloomustavat Eesti ohvrikividest. Tartu: Eesti Rahvaluule Arhiiv, 1940.
- Viires A.** ■ Puud ja inimesed. Tartu: Ilmamaa, 2000.
- Vilbaste K.** ■ Eesti allikad. Tallinn: Varrak, 2013.

- Vilkuna J.** ■ Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut: kansatieteellinen tapatutkimus. Helsinki: Suomen muiniasmuistoyhdistys, 1992.
- Väike murdesõnastik** ■ Toim V. Pall. Tallinn: ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1982; II. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1989.
- Västriк E.-H.** ■ Meeksi jaanipäev // Vanavaravedaja. 1994. T. 2. Lk. 17–22
- Västriк E.-H.** ■ Vanahalvast // PVP. 1996. Lk. 165–188.
- Västriк E.-H.** ■ Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: alliktekstid, representatsioonid ja tõlgendused. (Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis, 9.) Tartu: TÜ Kirjastus, 2007.
- Västriк E.-H.** ■ Les pratiques superstitieuses des habitants de la plaine vote dans la première moitié du XVIe siècle. Le rapport entre description ethnographique et rhétorique missionnaire dans les chroniques russes et dans les lettres pastorales des archevêques de Novgorod // Études finno-ougriennes. 2010. Vol. 42. Pp. 35–82.
- W. K. Oravalt** ■ Vaimulik sõnumitooja. 1904. T. 9. Lk. 283–284.
- Wiedemann F. J.** ■ Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. St. Petersburg [etc.]: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften [etc.], 1876.
- Zouroff L.** ■ Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940. № 4. S. 62–76.

3.7. Материальная культура

- Амброз А. К.** ■ Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. 1965. № 3. С. 14–27.
- Амброз А. К.** ■ О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. 1966. № 1. С. 61–76.
- Белова О. Б.** ■ Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000.
- Богуславская И. Я.** ■ Русская народная вышивка. М.: Художник РСФСР, 1972.
- Богуславская И. Я.** ■ Древние мотивы русской народной вышивки (к проблеме образования и развития орнаментальных форм в народном искусстве. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1973.
- Василев И. И.** ■ Краткий очерк Псковского (Талабского) озера. Псков, 1879.
- Власова И. В.** ■ Севернорусский костюм // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX в. М.: Наука, 2001. С. 301–366.
- Гаврилов А. А.** ■ Изменение традиционного сообщества Талабских островов в Псковском озере // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. сод. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 52–54.
- Галицкая И. А.** ■ Фибулы сету в псковских коллекциях // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41, 2014. С. 79–95.
- Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н.** ■ Материальная культура русского сельского населения западных областей // ТИЭ. М.: АН СССР, 1960. Т. LVII.
- Городцов В. А.** ■ Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ, 1926. Вып. 1.

- Гура А. В.** ■ Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Денисова И. М.** ■ Отражение системы архаичных представлений о мироздании в русской народной вышивке // Древняя астрономия: небо и человек: Доклады Междунар. научно-метод. конф. М., 19–24 ноября 1997 г. М., 1998. С. 83–91.
- Динцес Л. А.** ■ Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 465–491.
- Дурасов Г. П.** ■ Русская народная вышивка архангелского типа и ее образы (вступительная статья к альбому) // Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Альбом. М.: «Советская Россия», 1990. С. 5–26.
- Засецкая М. Л.** ■ Особенности художественной композиции «большой пряжки» сету // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. шестого colloquium / Ред. Н. Захарова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 29–31.
- Засецкая М.** ■ Особенности иконографии православных крестов в ювелирных изделиях сету // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников девятнадцатого colloquium (18–21 апреля 2011). Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура ГЭ». СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 27–30.
- Засецкая М. Л.** ■ Православные кресты народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и сету в собрании Российского этнографического музея. Каталог. Вып. 1. СПб.: Арт-Палас, 2013. С. 296–383.
- Засецкая М. Л.** ■ «Женский» крест: к вопросу о гендерных предпочтениях в крестоношении у сету // Ювелирное искусство и материальная культура / Сост. В. В. Киджи, И. В. Поскачева, Н. В. Поскачева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 140–147.
- Зуров Л.** ■ Отчина. Сказание о Псково-Печерской обители. Печоры: Издание Псково-Печорского монастыря, 1994.
- Каинина О. В.** ■ Собрание ювелирных украшений сету в Российском этнографическом музее // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Мат-лы Седьмых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / Отв. науч. ред.: В. М. Грусман, А. В. Коновалов. СПб.: РЭМ, 2008. С. 241–248.
- Касиков А., Васильченко Е. А., Савихин Ф. А.** ■ Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения — 2007: Мат-лы науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Киж». Петрозаводск, 2007.
- Кожевникова Л. А.** ■ Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера: Сб. ст. / Ред. М. Кузнецова. Л.: Советский художник, 1968. С. 107–121.
- Лебедева Н. И.** ■ Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // ТИЭ. Т. XXXI. М., АН СССР, 1956. С. 461–532.
- Лебедева Н. И., Маслова Г. С.** ■ Русская крестьянская одежда XIX — начала XX вв. // СЭ. 1956. № 4. С. 18–31.

- Лебедева Н. И., Маслова Г. С.** ■ Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.) М.: Наука, 1970. С. 193–267.
- Маслова Г. С.** ■ Узорное ткачье на Русском севере // КСИЭ. Вып. XI. М., 1950. С. 10–18.
- Маслова Г. С.** ■ Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // ТИЭ. Т. XXXI. М., АН СССР, 1956. С. 543–767.
- Маслова Г. С.** ■ Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978.
- Маслова Г. С.** ■ Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. Изд. М.: Наука, 1984.
- Нератова Е. И.** ■ Одежда жителей Псковского края // ИЭОПК / Ред. А. В. Галло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 190–203.
- Неуман Г. В.** ■ Организация золотого и серебряного дела и клеймение изделий из драгоценных металлов в Эстонии // М. М. Постникова-Лосева, Н. Г. Платонова, Б. А. Ульянова. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. Территория СССР. М.: Наука, 1983. С. 134–135.
- Памятная книжка Псковской губернии на 1864 г.** / Псков: Типография губернского правления, 1864.
- Памятная книжка Псковской губернии на 1895 г.** / Таблицы. Псков: Типография губернского правления, 1895.
- Пихо М.** ■ Металлические украшения в погребальном обряде сету // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997). Т. 2 / Сост. С. В. Белецкий. Редкол. Киршичников А. Н. (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург; Псков: Комитет по культуре и туризму Администрации Псковской области, ПГОИААМЗ «Изборск», Псковское общество Святой Ольги Российской, ИИМК РАН, 1996. С. 144–146.
- Пихо М.** ■ Металлические украшения сету XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. Рукопись хранится в архиве МАЭ РАН (Кунсткамера).
- Пихо М.** ■ О некоторых процессах развития орнамента в ткачестве сету // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, 7. 13. 2000. Pars VII. Dissertationes sectionum: Folkloristica & Ethnologia. Tartu, 2001. Pp. 414, 415.
- Пихо М.** ■ Серебряные украшения на сетуской свадьбе // Изборск и его округа: Мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Ред. В. В. Седов. Псков: ИА РАН; ГИАПМЗ «Изборск», 2002. С. 82–93.
- Пихо М.** ■ О плетеном орнаменте в археологии и сетуской этнографии (взгляд этнографа) // Stratum plus. Культура, археология, антропология. Русское время. № 5. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 449–456.
- Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии, Гдовский уезд.** СПб., 1914. С. 130, 131.
- Рихтер Е.** ■ Женская народная одежда сету // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. 1954. Т. 3: 1. Lk. 51–68.
- Рихтер Е. В.** ■ Материальная культура сету в XIX — начала XX века (к вопросу об этнической истории сету). Автореф. дис.

- ... канд. ист. наук. М.; Таллин, 1961.
Рукопись хранится в архиве ИЭ РАН.
- Рихтер Е. В.** ■ Русское население Западного Причудья. (Очерки истории, материальной и духовной культуры). Таллин: Валгус, 1976.
- Русская народная одежда: историко-этнографические очерки** // Отв. ред. В. А. Липинская. М.: Индрик, 2011.
- Русский народный костюм** ■ Альбом / Сост.: Л. Н. Молотова, Н. Н. Соснина. Л.: Художник РСФСР, 1984.
- Рыбаков Б. А.** ■ Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники) // СЭ. 1948. № 1. С. 90–106.
- Рыбаков Б. А.** ■ Происхождение и семантика ромбического орнамента // Музей народного искусства и художественные промыслы. Вып. 5. М.: Изобразительное искусство, 1972. С. 127–134.
- Рыбаков Б. А.** ■ Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
- Сандоевский О. Я.** ■ Талабские острова, Псковское озеро и рыбный промысел. Псков: Типография Псковского губернского стат. комитета, 1892.
- Серебрянский Х.** ■ Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М.: Синодальная типография, 1908.
- Соснина Н. Н., Шангина И. И.** ■ Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2006.
- Стрембицкий А.** ■ О современном рыболовстве на оз. Пейпус // Вестник рыбопромышленности. СПб., 1897. № 8–9.
- Строкин Н. А.** ■ Рыбный промысел на Псковском озере // Вестник Псковского уездного земства. Псков: Псковская губернская тип., 1887.
- Тверская вышивка в собрании Загорского музея.** ■ Каталог / Сост. Л. Э. Калмыкова. М.: Советский художник, 1982.
- Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника** // Сост. Г. А. Григорьева. Архангельск: «Правда Севера», 2000.
- Трусман Ю.** ■ Полуверцы Псковско-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62.
- Фалеева В. А.** ■ Русская народная вышивка. Древнейший тип. Л.: Изд. ГРМ, 1949.
- Фалеева В. А.** ■ Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 119–132.
- Шангина И. И.** ■ Образы русской народной вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки). Автореф. дис. канд. ... ист. наук. Л., 1975.
- Шубина Т. Г.** ■ Традиция народного ткачества в Порховском и Гдовском районах Псковской области (по материалам экспедиции СПбГУ, 1995–1996 гг.) // Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Кр. сод. докл. I и II межведом. науч. конф. аспирантов и студентов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 42–44.
- Шубина Т. Г.** ■ Рыболовство и связанные с ним промыслы // ИЭОПК / Ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 75–82. С. 85–86.
- Яковлева В. Я.** ■ Новгородская и Псковская народная вышивка. М.: КОИЗ, 1955.
- Якушкин П. И.** ■ Путевые письма из Псковской и Новгородской губерний. СПб., 1860.

- Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult** / Toim H. Moora. Tallinn: Eesti Rüklik Kirjastus, 1957.
- Hartmann H. E.** ■ Neuhausen und die Pleskauschen Esten // *Das Inland*. 1860. Bd. 34. S. 625–630.
- Heikel O. A.** ■ Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. (Ethnographische Forschungen auf dem Gebiete der Finnischen Völkerschaften, II. Kansatieteellisiä julkaisuja, IV.) Helsingfors: Finsk-Ugriska Sällskapet, 1909.
- Kaarma M., Voolmaa A.** ■ Eesti rahvarõivad. Tallinn: Eesti Raamat, 1981.
- Kirme K.** ■ Eesti suurim kuhiksõle tüüp (setu sõlg) // *Etnograafiamuuseumi aastaraamat*, 32. Tallinn: Valgus, 1981. Lk. 57–75.
- Kunst T.** ■ Nõukogude aja mõju seto rahvarõivale // *SK*. T. 6. Uurimusi Saatse Seto Muuseumi auks / Koost M. Aun, T. Korela, toim I. Tammaru. Tallinn; Saatse: TLÜ AI, MTÜ Seto Adõr, MTÜ AK, 2014. Lk. 79–95.
- Laanetu N.** ■ Väraska lahe kalastik ja kalastamine // *SK*. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun, M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Väraska; SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 13–58.
- Linnus H.** ■ Tikand eesti rahvakunstis, II. Lääne-Eesti ja Lõuna-Eesti. Tallinn: Eesti Raamat, 1973.
- Manninen I.** ■ Eesti rahvariie ajalugu. (ERM Ar, III.) Tartu: ERM, 1927.
- Mikumets P.** ■ Setude meesterõivastuse arengust 20. sajandil // *SK*. T. 2. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, rahvakultuurist, rahvalulest, ajaloost ja geograafiast / Koost M. Aun ja A. Jürgenson, toim I. Tammaru. Tallinn: AI, MTÜ AK, 2004. Lk. 103–125.
- Moora A.** ■ Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus eesti-vene suhetest. Tallinn: Eesti NSV TA AI, 1964.
- Nutov M.** ■ Kinnas ja selle funktsioon Väraska ja Obinitsa piirkonnas Setomaal // *SK*. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Väraska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 294–331.
- Paltser Ü.** ■ Seto kõlavöödest kuduja pilguga // *SK*. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Väraska: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 332–344.
- Piho M.** ■ Weiblicher Metallschmuck der Setukesen des 19 // Mitte des 20 Jh / *ERM Ar*, XXXIX, 1992. Lk. 72–87.
- Piho M.** ■ Hõbehted setu pulmakombestikust // *Eesti Rahva Muuseumi 35. teaduskonverentsi materjale*. (Pro ethnologia, 1.) Tartu: ERM, 1993. Lk. 33–41.
- Piho M.** ■ The Setuan Breast-Plate "Suur Sõlg" // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*. P. VI. *Etnologica & Folkloristica Moderatores* / Red. H. Leskinen et al. Jyväskylä, 1996. Lk. 338–342.
- Piho M.** ■ Punane ja valge. Setud. Värv ja kultuur / *Red and White. The Setus. Colour and Culture*. Tartu: ERM, 2000.
- Piho M.** ■ Seto Silver Decorative Jewellery in the Context of Town Culture // *On Rural and Urban Areas*. (Pro Ethnologia, 9. Publications of Estonian National Museum). Tartu: ERM, 2000. Pp. 49–60.
- Piho M.** ■ Setu ehted / *Setu Silver Ornaments*. Tartu: ERM, 2001.
- Piho M.** ■ Petserimaa venelaste metallehted 16.–20. sajandil // *ERM Ar*, XLVI. Tartu, 2002. Lk. 101–119.

- Piho M.** ■ Setude ehted 17.–19. sajandil // SK. T. 1. Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost / Koost M. Aun, toim Ü. Tamla. Tallinn: SA Setu Kultuuri Fond, MTÜ AK, 2003. Lk. 183–209.
- Piho M.** ■ Sõlmornamendist, eriti muinaskäevõrudel ja setu naiste ülerõivastel // Etnos ja kultuur. Uurimusi Silvia Laulu auks / Koost ja toim H. Valk. (Muinasaja teadus, 18.) Tartu–Tallinn: TÜ arheoloogia kabinet, TLÜ AI, 2006. Lk. 245–265.
- Piho M.** ■ Seto hõbeehded Seto Talumuuseumi kogudes // Seto Talumuuseum. (Setumaa muuseumid, II.) / Koost M. Aun, toim I. Tammaru. Tallinn; Värskas: Seto Talumuuseum, 2014. Lk. 69–90.
- Riitsaar R.** ■ Seto tikand. Obinitsa: Seto Ateljee-Galerii, 2012.
- Ränk G.** ■ Peipsi kalastusest. (Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, II.) Tartu, 1934.
- Vissel K.** ■ Setumaa pühaserätid // SK. T. 4. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn: TLÜ AI, MTÜ AK, Obinitsa Seto Muuseumitarõ, 2008. Lk. 191–222.
- Vissel K.** ■ Seto sängünulk ja põiktriibulised villased vooditekid Meremäe valla näitel // SK. T. 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost M. Aun ja M. Lõiv, toim I. Tammaru. Tallinn; Värskas: SA Seto Instituut, TLÜ AI, MTÜ AK, 2012. Lk. 263–293.
- Wiedemann F. J.** ■ Eesti-saksa sõnaraamat. Neljas, muutmata trükk. Tallinn: Valgus, 1973.
Составители: Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Калинина, Ф. Меннесье, О. Фишман

День русской культуры в Печорах.

Выступление народного хора из Старого Изборска под управлением учителя.
Русские. Г. Печоры. Фотография М. Р. Малаховой. 1935–1936 гг.

Кол. № Ф 9202–25. РЭМ, Негативотека

■ Список авторов

Александров Анатолий Алексеевич ■ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Псков (Россия)

atlialex@yandex.ru

Аун Маре ■ кандидат исторических наук, почетный научный сотрудник Института истории Таллинского университета, Таллин (Эстония)

mare.aun@mail.ee

Белецкий Сергей Васильевич ■ доктор исторических наук, ведущий специалист отдела славянской и финской археологии Института истории материальной культуры РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург (Россия)

serge_beleckiy@mail.ru

Белобровцева Ирина Захаровна ■ доктор философских наук, профессор, Институт гуманитарных наук Таллинского университета, Таллин (Эстония)

irina.belobrovceva@tlu.ee

Бенфугаль Татьяна ■ доктор этнографических наук, почетный сотрудник Национального музея естественной истории (Музей человека), отдел «Люди, природа и общество», бывший главный хранитель этнографических коллекций, Париж (Франция)

btatiana@mnhn.fr

Валк Хейки ■ доктор философских наук (PhD), профессор, заведующий археологическим кабинетом Института истории и археологии Тартуского университета, Тарту (Эстония)

heiki.valk@ut.ee

Вястрик Эрго-Харт ■ доктор философских наук (PhD), доцент эстонской и сравнитель-

ной фольклористики Института исследования культуры и искусств Тартуского университета, Тарту (Эстония)

ergo-bart.vastrik@ut.ee

Громова Алла Витальевна ■ доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

gromovaar@mail.ru

Грушина Любовь Евгеньевна ■ археолог, независимый исследователь (Россия — Эстония)

ljubovgrushb@mail.ru

Засецкая Марина Львовна ■ ведущий научный сотрудник отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея, Санкт-Петербург (Россия)

merjamz@mail.ru

Калинина Ольга Владимировна ■ старший научный сотрудник отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея, Санкт-Петербург (Россия)

kalinina_ol@mail.ru

Киристая Арвис ■ археолог, Археологический центр, Таллин (Эстония)

arvisak65@gmail.com

Лаанету Николай ■ магистр биологических наук, почетный лектор отдела зоологии биолого-географического факультета Тартуского университета, Тарту (Эстония)

nlaanetu@botmail.com

Менесье Филипп ■ кандидат лингвистических наук, почетный сотрудник Национального музея естественной истории (Музей человека), отдел «Люди, природа и общество», бывший главный хранитель антропологических коллекций, Париж (Франция)

phm@mnhn.fr

Михайлова Елена Робертовна ■ кандидат исторических наук, заведующая Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

belena.mikbaylova@gmail.com

Мусин Александр Евгеньевич ■ доктор исторических наук, ведущий специалист отдела славянской и финской археологии Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (Россия)

aleksandr_musin@mail.ru

Мызников Сергей Алексеевич ■ доктор филологических наук, заведующий словарным отделом, руководитель группы Словаря русских народных говоров Института лингвистических исследований РАН, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия)

myznikovs@rambler.ru

Новожилов Алексей Геннадьевич ■ кандидат исторических наук, зав. кафедрой этнографии и антропологии, доцент Института истории Санкт-Петербургского Государственного университета, Санкт-Петербург (Россия)

novogilov@mail.ru

Огеньюис Анна ■ доктор исторических наук, член Комиссии по публикации Французских дипломатических документов при Министерстве иностранных дел, Париж (Франция)

anne.hogenhuis@dbmail.com

Паюсалу Карл ■ доктор финно-угорских языков (PhD), профессор Института эстонского и общего языковедения Тартуского университета, Тарту (Эстония)

karl.pajusalu@ut.ee

Пихо Маре ■ кандидат исторических наук, почетный научный сотрудник Эстонского Наци-

онального Музея, Тарту / Хельсинки (Эстония — Финляндия)

mare.pibo@dnainternet.net

Раудоя Ахто ■ магистр естественных наук, исполнительный директор Института сето, Вярска (Эстония)

raudabto@gmail.com

Фишман Ольга Михайловна ■ доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея, Санкт-Петербург (Россия)

olga_fishman@mail.ru

Хагу Пауль ■ кандидат исторических наук, доцент Института исследования культуры и искусств Тартуского университета, Тарту (Эстония)

paul.hagu@ut.ee

Шангина Изабелла Иосифовна ■ доктор исторических наук, главный специалист отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург (Россия)

iz_schangina@yandex.ru

Переводчики

Франция:

- с русского: Менесье Филипп;
- с эстонского: Тулуз Эва.

Россия:

- с французского: Беляк Алла, Калюта Анастасия, Чистякова Жанна;
- с эстонского: Лашманова Алла, Махтина Вероника.

Эстония:

- с русского: Кару Катрин; Переводческое бюро Южной Эстонии.

Новая дорога Сетомаа. Г. Печоры. Фотография М. Р. Малаховой.
1935–1936 г. Кол. № 9202–35 РЭМ, Негативотека

Содержание

ЧАСТЬ I.

БОРИС ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ / СЕТОМАА

Предисловия	9
Введения.....	15

Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.	27
<i>Татьяна Бенфугаль</i>	

1.1. Обзор и анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе

Фонд Вильде — Зурова: историческая справка и классификация	91
<i>Татьяна Бенфугаль и Филипп Меннесье</i>	
Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии	113
<i>Арвис Киристая и Хейки Валк</i>	
Обзор материалов археологических и этнографических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета г. Лидса (Великобритания).....	129
<i>Ирина Белобровцева</i>	
Архив Л. Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва).....	139
<i>Ольга Фишман</i>	

1.2. Биографические очерки

Борис Вильде (1908–1942).....	149
<i>Анн Огенюис</i>	
Леонид Зуров (1902–1971).....	161
<i>Алла Грамова</i>	

ЧАСТЬ II.

АРХИВ БОРИСА ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИДА ЗУРОВА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Б. Вильде. Научная экспедиция в Эстонию (лето 1937 г.).....	177
Л. Зуров. Письмо—отчет Полю Риве (декабрь 1938 г.).....	183
Отчет Зурова № 1. Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг.....	193
Отчет Зурова № 2. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в балтийские страны, полученная от французского Министерства народного просвещения в 1937 и 1938 гг.	255
Научно-исследовательские заметки Л. Зурова.....	327
Меекси.....	327
Образцы тканей.....	331
Свадебные полотенца.....	334
Свадебные пояса.....	337

ЧАСТЬ III.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПЕЧОРСКОГО КРАЯ / СЕТОМАА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ БОРИСА ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИДА ЗУРОВА

3.1. История формирования и изучения историко-культурного пространства

Сетомаа — земля, народ и культура на историческом пограничье.....	341
<i>Хейки Валк</i>	

Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е гг.	365
<i>Марина Засеукая</i>	
История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа.....	381
<i>Марина Засеукая и Ахто Раудоя</i>	

3.2. Лингвистика и топонимика

Язык сето.....	417
<i>Карл Паюсалу</i>	
Наименования деревень сето и их возможное происхождение.....	429
<i>Арвис Киристая</i>	
Некоторые особенности лексики и ономастики русских говоров западной части Псковщины в свете трудов Л. Ф. Зурова.....	443
<i>Сергей Мызников</i>	

3.3. Археология

История археологического изучения Сетомаа.....	457
<i>Маре Аун, Сергей Белецкий, Хейки Валк, Любовь Грушина, Арвис Киристая и Елена Михайлова</i>	
Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии.....	477
<i>Хейки Валк</i>	
Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте археологии Северо-Запада России первой половины XX в.	493
<i>Елена Михайлова</i>	

3.4. Церковная архитектура

Церковные древности в трудах Л. Ф. Зурова.....	501
<i>Александр Мусин</i>	
Часовни Сетомаа в материалах Леонида Зурова.....	521
<i>Ахто Раудоя</i>	

3.5. Дохристианские верования и народное христианство

3.5.1. Проблематика изучения народного христианства539

Введение539

Эрго-Харт Вястрик и Ольга Фишман

Дохристианские традиции сето547

Эрго-Харт Вястрик

Аспекты христианизации сето561

Маре Пихо

«Народное православие»: к вопросу о характеристике
религиозного мировоззрения русского
населения Печорского края в материалах Л. Ф. Зурова..... 577

Марина Засецкая и Ольга Калинина

Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о праздничных
датах народного календаря сето601

Пауль Хагу

3.5.2. Почитание объектов природы.....621

Введение621

Хейки Валк и Любовь Грушина

Культовые камни в Сетомаа623

Анатолий Александров и Хейки Валк

Почитаемые деревья в Сетомаа641

Хейки Валк, Ахто Раудоя и Анатолий Александров

Культовые родники и водоемы в Сетомаа.....659

Хейки Валк и Любовь Грушина

3.6. Семейная обрядность

Введение677

Алексей Новожилов и Пауль Хагу

Семейная обрядность русских Печорского края679

Алексей Новожилов

Семейная обрядность сето.....701

Пауль Хагу

3.7. Материальная культура

Народная одежда, серебряные украшения и текстиль сего в XIX–XX вв.....	713
<i>Маре Пихо</i>	
Изделия из текстиля и костюм русского населения Печорского края.....	735
<i>Изабелла Шангина</i>	
Рыболовство в Псковском Обозерья.....	751
<i>Николай Лаанету</i>	
Благодарности	768
Список сокращений.....	770
Именной указатель	776
Топонимический указатель.....	785
Общая библиография	809
Список авторов.....	871

Дизайн, верстка: Д. С. Коновалов
Редакторы: С. Б. Коренева, О. А. Федосенко
Корректоры: Ю. Г. Кузьмина (Бакпанова), К. С. Ткачук

ООО «Издательский дом «Инкери»

197101, Санкт-Петербург, ул. Чапаева, 17, корп. М, оф. 101
Тел.: (812) 715-70-75
www.inkeriprint.ru